P Slav 620.5 (1908 5/6)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

6) Lasischanas termiņu war atjaunot tikai 2 reises.

7) Lasitajs, kas leeto grahmatu bes termiņa atjaunoschanas ilgak par 30 deenam, maksà par labu bibliotekai 1 zentu no katras turpmakàs deenas.

8) Katram lasitajam teesiba no bibliotekara pagehret „lasitaja karti", uz kuras ar tinti atsihmejams, kahdâ datumâ grahmata isdota un saņemta.

9) Lasitajam jabuht atbildigam par katru sehjumu, kas wiņa leetoschanâ. Grahmatas sabojaschanas gadijumâ tam jasamaksà tàs pilna wehrtiba.

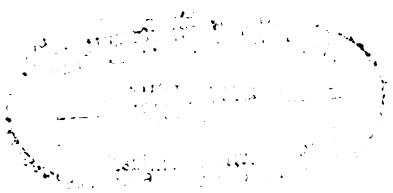
10) Scheem noteikumeem jaatrodas katras grahmatas eekschpusê uz pirmà wahka.

Peeņemti un stahjas spehkâ ar 20. aprili, 1913. g.

№ 61

Русское Богатство.

№№ 5, 6, 1908 г.



МАЙ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

Party of
Roxbury

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская. 34.
1908.

HSG 722 (1908 5/6)
P Slav 620.5
HARVARD UNIVERSITY LIBRARY NOV 21 1957
H. Metz

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ.

(XVI-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р.; на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	**Стѣны.** (Очерки военной жизни). *Вячеслава Артемьева*	1— 28
2.	**На Волгѣ.** Стихотвореніе. *Н. Вѣдкова.*	29— 30
3.	**Тамъ, гдѣ играютъ.** *Ю. Волина.*	31— 56
4.	**Національный вопросъ въ свѣтѣ соціалистическаго міросозерцанія.** Окончаніе. *М. Б. Ратнера.* . . .	57— 76
5.	**Роковыя силы.** Романъ *Густава афъ Гейерстама.* Переводъ А. Брумберга. Окончаніе.	77—114
6.	**Борьба направленій во французскомъ соціализмѣ.** *Е. Сталинскаго*	115—137
7.	**Ницца.** *С. Елпатьевскаго*	138—167
8.	**Нѣтъ, я не побѣжденъ!..** Стихотвореніе. *Е. С.* . .	168
9.	**Янусъ.** Романъ. *Ж. Г. Рони.* Переводъ съ французскаго С. Б. (Въ приложеніи).	97—128
10.	**Типы клэрджизмэновъ.** (Письмо изъ Англіи). *Діонео.*	1— 29
11.	**На кооперативномъ съѣздѣ** (Наброски). *Тана* . .	30— 50
12.	**Поэтъ мятежныхъ порывовъ и видѣній.** *О. Колбасиной*	50— 72
13.	**Хроника внутренней жизни:** 1. „Профессіональный" союзъ капиталистовъ. Совѣтъ съѣздовъ.—2. Программа объединеннаго капитала. Планъ всемѣрнаго развитія торговли и промышленности. Отъ всемѣрнаго развитія къ „сколько-нибудь удовлетворительному существованію".—3. Синдикаты. Проектъ металлургическаго треста.—4. Отъ объединенія къ междуусобію. Весенняя выставка полицейскихъ нравовъ. Раздвоеніе министровъ. Мечты и опасенія въ связи съ трестомъ. *А. Петрищева*	72—103

(См. на оборотѣ.)

СТРАН.

14. **На очередныя темы.** „Санинцы„ и „Санинъ“: I. Мерзость запустѣнія.—II. Своя `своихъ не познаша. *А. Пѣшехонова* . . . . . 104—130
15. **Безъ руля и безъ вѣтрилъ.** *П. Я.* . . . . . 130—141
16. **Два слова по поводу статьи М. Б. Ратнера.** *Н. Анненскаго* . . . . . 142—152
17. **Новыя книги:**
Литературно - художественные альманахи издательства „Шиповникъ“. Кн. 4.—А. А. Исаевъ. Индивидуальность и соціализмъ.—А. А. Берсъ. Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ. Естественная исторія чорта.—Новыя книги поступившія въ редакцію. 152—163
18. **Случайныя замѣтки.** Изъ области литературнаго шаманства. *А. Петрищева* . . . . . 163—170
19. **Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.** *П. Якубовича* 171—173
20. **Политика.** *С. Южакова* . . . . . 173—179
21. **Объявленія.**

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство", Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма. — Ирландскій „ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. — Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г. — 411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ. — Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное. изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастеръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Ваяьдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамилія (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. 6 т.т. по 2 р.

Т. I. (Изд. 1906 г.). Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ обществ. наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литерат. и журн. замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. (Изд. 1907 г.). Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литерат. и журн. замѣтокъ 1874 г.

Т. III. (Изд. 1897 г.). Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ евр. народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. (Изд. 1897 г.). Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздал. критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литерат. замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. (Изд. 1897 г.). Жестокій талантъ.—Гл. И. Успенскій.—Щедринъ.—Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Зап. современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. (Изд. 1897 г.). Вольтеръ. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. (Печатается *третье* изданіе). Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки". — Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса. — Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ницше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

СТѢНЫ.

(Очерки.)

VII.

Гришинъ лежалъ на койкѣ, задравъ кверху ноги, и, сплевывая на сторону, читалъ по складамъ письмо, только сегодня полученное изъ дому. Писала жена.

Послѣ безчисленныхъ поклоновъ родныхъ и знакомыхъ, слѣдовало:

„Уведомляемъ тибя што мы божеею милостью живы и здоровы посылаемъ тибе три рубашки. А после того какъ у насъ сгорела изба ходимъ мы теперь пошти што помиру. Отецъ твой Гаврила Андреевичъ приказалъ долго жить. Нужно строить новую, а нехде взять. Теперь ты одинъ нашъ кормилецъ. Посылаемъ тибѣ наше благословеніе навеки нерушимо. Жена твоя верная догроба Охдотья".

Гришинъ прочелъ письмо, отложилъ его въ сторону, еще разъ сплюнулъ, и на лицѣ его появилось выраженіе задумчивости. Въ деревнѣ осталась молодая жена, старуха-мать и братъ, неспособный къ работѣ. Нужно бы всѣмъ помочь, но денегъ нѣтъ, и взять негдѣ. Продать нечего, занять—никто не повѣритъ.

— Ты теперь одинъ нашъ кормилецъ,—вспомнилъ Гришинъ, и что-то больно кольнуло его въ сердце.

Уже давно гдѣ-то на самомъ днѣ души Гришина шевелилась мысль „бѣжать", но мысль эта ужасала его и пряталась сперва такъ же быстро, какъ и появлялась. Но съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ она все росла, крѣпла, принимала опредѣленныя очертанія и формы.

Здѣсь, среди каменныхъ стѣнъ казармы, ему было душно и тѣсно, какъ пойманному звѣрю въ клѣткѣ, и оставшіеся три года службы представлялись ему длинной тоскливой зимой, которой не будетъ конца. Некому было

высказать горе и обиду души, и не было силъ таить ихъ дольше про себя...

— Нужно бѣжать!—думалъ Гришинъ, и ему представлялось большое село Уклейкино Тульской губерніи, вытянувшееся по обѣ стороны шоссе. На улицѣ галдятъ пьяные мужики, дерутся бѣлобрысые ребята, а молодая жена съ сумой на спинѣ ходитъ по міру, стучится въ окна и проситъ Христа ради. Онъ даже слышитъ ея тягучій, надтреснутый голосъ:

— Подайте, благодѣтели, милостивцы, ради Христа, пожалѣйте, что милость ваша...

— Нужно бѣжать!

Онъ смотрѣлъ въ окно, откуда надвигалась черная ночь, заволакивая сумракомъ углы казармы. Здѣсь было похоже на тюрьму, и хотѣлось сдѣлаться маленькой, маленькой птичкой, вродѣ ласточки, и полетѣть въ родимую сторону...

Солдаты ложились спать и оживленно переговаривались. Это было единственное время послѣ пробитія вечерней зори, когда можно было покалякать между собой, не боясь начальства и зная, что никто не помѣшаетъ и не подслушаетъ.

— А скажи,—спрашивалъ старослужащаго Гундобу, извѣстнаго казарменнаго краснобая и сказочника, хлѣбопекъ Лаврентьевъ,—могёшь ли ты сто разъ въ морѣ нырнуть?

— Могу,—сказалъ, подумавъ, Гундоба.—Сто разъ могу. Въ морѣ вода легкая, соленая, не то что въ рѣкѣ. Въ сладкой водѣ потруднѣй будетъ.

— Я въ сладкой и самъ могу,—сказалъ Лаврентьевъ.

— Да у васъ и рѣки-то нѣту,—засмѣялся Гундоба.

— Вотъ и врешь. У насъ славнѣющая рѣка.

— А какъ она прозывается?

— Она безъ названія. Такъ... просто рѣка.

— Ну и дуракъ. Ишелъ къ чорту.

Кругомъ засмѣялись.

Лаврентьевъ, уязвленный до глубины души, обидѣлся и отвернулся. А Гундоба, когда всѣ улеглись и затихли, началъ разсказывать какую-то безконечную сказку.

...И построила это, братцы вы мои,—говорилъ онъ речитативомъ,—чайка морская на томъ морѣ-окіянѣ ледяной монастырь. И стало это...

— Да какъ же онъ не растаетъ?—вдругъ перебилъ Лаврентьевъ, который не могъ успокоиться отъ обиды, что его назвали дуракомъ, и все время искалъ случая возстановить свою репутацію.

Но остальные слушатели, повидимому, не находили ни-

чего невѣроятнаго въ фактѣ построенія на морѣ чайкой ледяного монастыря и грозно зашикали на Лаврентьева, заинтересованные сюжетомъ разсказа. Гундоба продолжалъ:

...И стала это она летать черезъ синее море-окіянъ вплоть до самаго святого града Тіева...

— Что это, братцы,—сказалъ вдругъ съ испугомъ Трикоза,—никакъ Гришинъ плачетъ...

— И то вѣрно,—подтвердилъ, поднимаясь, Лаврентьевъ, глядя въ ту сторону, гдѣ на койкѣ Гришина лежало что-то, казавшееся въ полутьмѣ безформенной массой.

Изъ-подъ одѣяла, дѣйствительно, слышенъ былъ прерывистый, похожій на собачій вой, плачъ.

— Ишь ты! Плачетъ...—удивился Трикоза.—Съ чего бы это? Надо быть, во снѣ. Може, разбудить?

— Не трожь!—строго сказалъ Гундоба.—Пусть поплачетъ. Отъ этого ему должно легше стать. Это вѣрно я вамъ говорю.

Стѣнные часы медленно, отчетливо пробили одиннадцать. Слышно было, какъ за окномъ, рядомъ съ казармой, по рельсамъ бѣгалъ дежурный паровозъ, какъ онъ шипѣлъ и свистѣлъ, переговариваясь съ другими далекими паровозами, и окакъ не его громкій крикъ: „ту-ту!"—ему отвѣчали на станціи: „ту-ту-ту! ту-ту-ту!"

У каждаго шевелилась мысль о домѣ, о землѣ, объ урожаѣ хлѣбовъ, о добродушномъ Гнѣдомъ съ косматой гривой, о собакѣ Жучкѣ, о нивахъ, протянувшихся до края неба, о вольной трудовой жизни, тяжелой, голодной жизни пахаря, которая въ сравненіи съ тѣмъ, что было сейчасъ, казалась далекимъ, недоступнымъ раемъ.

Когда утомленные люди заснули, наконецъ, крѣпкимъ сномъ, изъ казармы, по направленію къ линіи желѣзной дороги, метнулась черная тѣнь солдата и присѣла за насыпью въ кустахъ акаціи, гдѣ были сложены старыя шпалы.

Зубы у него стучали, выбивая мелкую дробь, ноги отказывались повиноваться, а голова безсильно свѣсилась на грудь.

Просидѣвъ неподвижно минутъ десять, онъ началъ осторожно пробираться по желѣзнодорожной канавѣ и скоро скрылся въ сумеркахъ ночи. Было тихо.

Гудѣли только слабымъ музыкальнымъ звономъ желѣзнодорожные провода, передавая вѣсти съ одного конца свѣта въ другой конецъ, и та жизнь, о которой знали они, была интересна, пестра, разнообразна, изящна, гдѣ-то въ невѣдомомъ далекѣ она била ключемъ, гдѣ-то боролись страсти, кипѣла борьба, клокотала живая кровь...

Но здѣсь было глухо и тихо, и, казалось что никогда не

кончится эта черная ночь, обреченная чьей-то жестокой волей на странную, чуждую жизни, неподвижность.

VIII.

По субботамъ почти всѣ офицеры собирались у Огурцова, который занималъ въ полку должность старшаго врача. Это былъ тучный мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, совершенно не имѣвшій шеи, такъ что голова у него сидѣла прямо на туловищѣ. Толстое мясистое тѣло съ огромнымъ животомъ колыхалось на короткихъ ногахъ, а когда онъ шелъ, то похожъ былъ на пароходъ, качающійся на волнахъ.

Хотя на дощечкѣ, прибитой къ дверямъ его квартиры, значилось: „докторъ медицины Ксенофонтъ Ивановичъ Огурцовъ принимаетъ больныхъ отъ 5—7 вечера", но онъ давно уже никого не принималъ, и самая карточка являлась любопытнымъ анахронизмомъ и сохранилась случайно со временъ первыхъ лѣтъ службы Огурцова, такъ какъ онъ давнымъ-давно забылъ свою науку и, казалось, по ошибкѣ только носилъ званіе врача. Про него острили, что, когда случайно къ нему заходилъ больной, то онъ обнаруживалъ признаки величайшаго смущенія, долго рылся въ рецептурной книгѣ, вздыхалъ, теръ переносицу и потомъ писалъ рецептъ:

„Aqua Distillata 8,0 по одной каплѣ три раза въ день".

А получивъ рубль, шелъ въ буфетъ, клалъ монету на стойку и произносилъ:

— На всѣ водки. За здоровье покойника.

Пить онъ могъ безконечно и потому состоялъ предсѣдателемъ „всепьянѣйшей коллегіи". Съ годъ тому назадъ съ нимъ случился апоплексическій ударъ или, какъ онъ самъ говорилъ, первое предостереженіе, но онъ продолжалъ пить по прежнему.

Обстановка квартиры отличалась чисто спартанской простотой. Въ семи огромныхъ комнатахъ царствовала пустота; въ восьмой, такой же огромной, съ пятью окнами, выходившими въ садъ, стоялъ цѣлый гарнитуръ мягкой мебели, весь сдвинутый въ одинъ уголъ такимъ образомъ, что на нее не было никакой возможности сѣсть. Посреди комнаты стояли, всегда раскрытые, нечищенные, исписанные цифрами, ломберные столы и сломанные вѣнскіе стулья съ оторванными ножками и провалившимся сидѣньемъ. Тутъ же на полу валялись окурки папиросъ и бутылки изъ-подъ пива. Все это никогда не убиралось, несмотря на постоянные грозные окрики Ксенофонта Ивановича.

— Ты, скотина, опять не прибралъ?—ревѣлъ дикимъ басомъ докторъ, возвращаясь домой и набрасываясь на деньщика.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ почтительно деньщикъ и не убиралъ.

Въ этой самой комнатѣ и происходили субботнія засѣданія всепьянѣйшей коллегіи.

Колѣ Башневу сегодня ужасно не хотѣлось идти къ Огурцову, но, наперекоръ самому себѣ, онъ вдругъ одѣлся и пошелъ.

Здѣсь онъ засталъ почти половину полка; играли съ увлеченіемъ въ макао, носившее на офицерскомъ языкѣ названіе „какао“ или „желѣзной дороги“.

— Вынимайте „игрушки“!—закричалъ Яшъ.

„Игрушками“ назывались серебряные рубли.

Коля сталъ за стуломъ банкомета, оглядывая красныя возбужденныя лица.

Банкъ держалъ штабсъ-капитанъ Козодавлевъ, человѣкъ съ необычайно длиннымъ нервнымъ лицомъ, на которомъ то и дѣло происходила смѣна ощущеній игры—радостной злобы и горькаго разочарованія, отчего казалось, что на лицѣ его все время мигаютъ зарницы.

— Ваша бита,—сказалъ подпоручикъ Каштановъ, вскидывая на банкомета стальные бѣлесоватые глаза, которые вспыхивали по временамъ недобрымъ пламенемъ и совершенно портили общую красоту лица.

— Ахъ я, старый идіотъ, ахъ я, старый оселъ!—воскликнулъ Козодавлевъ, бросая колоду, потому что банкъ былъ сорванъ.

— Пятнадцать картъ подрядъ убили мнѣ,—сказалъ, подойдя къ Башневу, молоденькій подпоручикъ Глоба, едва недѣлю прибывшій въ полкъ.—Пят-над-цать картъ подрядъ!—повторилъ онъ растерянным голосомъ, съ такимъ жалкимъ выраженіемъ лица, что видно было, что онъ проигрался до послѣдней копѣйки.

Коля посмотрѣлъ на него съ жалостью и ничего не сказалъ, потому что отлично зналъ уже секретъ такихъ проигрышей: въ полку было нѣсколько шуллеровъ, которые обчищали навѣрняка карманы неопытной молодости.

За полгода службы въ его душѣ уже прочно осѣла первая горечь разочарованія. Ему становилась уже невыносима компанія Яшей, Олшиныхъ, Огурцовыхъ, хотя онъ и старался тщательно скрывать даже отъ самого себя это новое чувство. Только недостатокъ характера еще заставлялъ его попрежнему сходиться и даже дружить съ людьми, которыхъ въ душѣ онъ презиралъ. Они называли себя членами одной

дружной полковой семьи и считали „рыцарями духа“, но въ средѣ ихъ Башневъ видѣлъ только подвохи, мелкія сплетни, ссоры, столкновенія на личной и служебной почвѣ, семейныя распри и скандалы. Хотя на стѣнахъ зала офицерскаго собранія и были написаны золотыми буквами прежніе подвиги полка, но никто изъ офицеровъ, служившихъ теперь, не могъ бы разсказать, что это были за сраженія, такъ какъ они давно забылись и лежали похороненными на страницахъ учебниковъ исторіи. Еще дослуживали свой вѣкъ въ полку два-три участника турецкой кампаніи, но и они не могли разсказать ничего путнаго, такъ какъ были жестокіе пьяницы; въ пьяномъ видѣ они стучали кулаками въ грудь и пили за здоровье „простого сѣраго русскаго солдата“, а придя послѣ этого домой, били этого самаго солдата „по мордасамъ“ за плохо вычищенный самоваръ...

Тотъ „простой, сѣрый русскій солдатъ“, за котораго такъ часто и долго пили, не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ обыкновеннымъ, реальнымъ солдатомъ, и этому солдату было нисколько не легче оттого, что много пили за здоровье его двойника... О немъ знали, что онъ чистъ сердцемъ, незлобивъ, что его мало убить, нужно еще повалить, что онъ закаленъ въ самоотверженіи, терпѣніи, выносливости, привыкъ къ голоду, патріархально воспитанъ, и въ немъ отъ природы заложено стремленіе любить начальника, какъ отца. Поэтому „русскій солдатъ“ лучше всѣхъ прочихъ солдатъ, и русскій народъ выше всѣхъ народовъ. „Русскій солдатъ тѣмъ исиленъ, что онъ необразованъ“, говорили всѣ отъ мала до велика. Поэтому онъ умираетъ, не разсуждая, нужно это или не нужно, и русская армія, состоящая изъ такихъ людей, есть лучшая въ свѣтѣ армія.

Коля смотрѣлъ на лица игроковъ и мысленно давалъ имъ злобныя характеристики. Въ его жизни произошло, впрочемъ, за послѣднее время одно событіе, которое усиливало эту озлобленность и дѣлало его порой не безпристрастнымъ.

Леночка ему измѣнила... Башневъ просто надоѣлъ ей... Она видѣла въ немъ только мальчика, съ которымъ можно было весело пококетничать и провести время, тогда какъ Коля любилъ горячо, искренно, „горестно и трудно“, и малѣйшій косой взглядъ, случайная улыбка, обращенная не къ нему, приводили его въ ярость. Онъ дѣлалъ сцены, упрекалъ, угрожалъ... И Леночка внезапно оборвала свой флиртъ: исчезли жаркія рукопожатія, мимолетные поцѣлуи, сорванные тайкомъ въ лѣсу, въ темномъ корридорѣ или въ вагонѣ поѣзда, все разомъ растаяло, какъ сладкій весенній туманъ...

Коля никакъ не могъ съ этимъ примириться. Мысль, что

Леночка,—прежняя ласковая Леночка,—становится для него чужой и непонятной, казалась ему дикой, чудовищной, и виною всей этой перемѣны былъ, очевидно для него, одинъ изъ товарищей по полку, который сталъ ѣздить къ Леночкѣ почти ежедневно. И досаднѣй всего было при этомъ то, что Торбѣева нельзя было смѣшать въ одну кучу съ Яшами, Олшиными и имъ подобными. Во всякомъ случаѣ, это былъ порядочный человѣкъ, не пившій и не игравшій, умѣвшій честно мыслить, интересовавшійся кое-чѣмъ помимо службы и отличавшійся однимъ только порокомъ—равнодушнымъ отношеніемъ къ окружающей пошлости... Въ безобразной грудѣ битаго кирпича и стекла Торбѣевъ могъ казаться даже алмазомъ, но это,—разсуждалъ Коля,—все же поддѣльный алмазъ, хотя и очень хорошо отполированный и способный обманывать неопытный глазъ. Онъ блеститъ, но цѣна ему все же—двадцать копѣекъ...

— Закусить, прошу закусить!—кричалъ Огурцовъ, появляясь въ дверяхъ, потный, замученный приготовленіемъ выпивки.

Всѣ столпились у закусочнаго стола, на которомъ возвышалась четвертная бутыль, а рядомъ съ ней, въ обѣ стороны, по ранжиру, какъ солдаты на смотру, стояли бутылки осьмушки и мерзавчики, декорированные капустой, редиской, колбасой и поросенкомъ въ сметанѣ.

Здѣсь происходила не простая выпивка, а торжественное служеніе Бахусу. Особая, такъ называемая огурцовская рюмка передавалась изъ рукъ въ руки: у нея была отбита ножка, и всякій, выпившій изъ нея, по необходимости быстро передавалъ ее сосѣду, который, въ свою очередь, спѣшилъ съ выпивкой.

Главнымъ условіемъ, которое преслѣдовалъ постоянно и неуклонно Огурцовъ, было, чтобы въ выпитой рюмкѣ не оставалось ни капли водки,—искусство, которое давалось лишь немногимъ.

Предсѣдатель всепьянѣйшей коллегіи бралъ время отъ времени рюмку и медленно капалъ на зеленое сукно стола, считая вслухъ: одна, двѣ, три... и т. д.

Съ виновнаго тутъ же взимался штрафъ въ размѣрѣ одной копѣйки за каждую недопитую каплю. Сумма, образовавшаяся изъ этихъ взносовъ, предназначалась на масло къ лампадкѣ святого Николая Чудотворца...

Въ этотъ вечеръ пили долго и много. Четвертная бутыль опустѣла и замѣнилась другой, по полу валялись разбитые мерзавчики, а денщики все несли новыя и новыя посудины.

Отъ говора стоялъ стонъ. Никто никого не слушалъ, стараясь перекричать одинъ другого.

— Пью за здоровье отставного жениха!—закричалъ Олшинъ, наклоняясь къ Колѣ черезъ столъ съ протянутымъ бокаломъ, сверкая красными воспаленными бѣлками.

Кругомъ одобрительно засмѣялись, и этотъ смѣхъ острой иглой вонзился въ сердце юноши. Ему показалось, что всѣ глаза обратились на него—одни съ сожалѣніемъ, другіе съ насмѣшкой.

Начали говорить на обычную застольную тему о женщинахъ, и циничные анекдоты посыпались со всѣхъ сторонъ. Женщина была раздѣта до самой послѣдней подвязки и осквернена такъ, какъ только можетъ быть осквернена самка въ развращенномъ воображеніи пьяныхъ людей. Въ этихъ анекдотахъ женщина являлась всегда голымъ, хитрымъ, плѣнительнымъ, развратнымъ существомъ, отдающимся съ животной похотью первому встрѣчному.

Лица у всѣхъ сдѣлались плотоядно-хищными, искаженными насильственной улыбкой, за которой выступала на лицо дикая животная похоть.

Все это вмѣстѣ дѣйствовало на Колю, какъ удары хлыста на уставшую, изнеможенную лошадь. Въ этотъ вечеръ онъ впервые пилъ. Вино разжигало кровь, но не заглушало бушевавшихъ въ сердцѣ горечи и злобы, которыя рвались наружу и неудержимо искали выхода. И вдругъ съ нимъ сдѣлалось что-то странное. Сначала ему показалось, что руки его стали чужими, мертвыми, а потомъ и все тѣло стало странно-онѣмѣвшимъ и чужимъ.

— Что со мной?—съ удивленіемъ подумалъ Коля и хотѣлъ что-то сказать, но вмѣсто словъ изъ горла вырвался дикій лай, похожій на плачъ и на смѣхъ.

— Ха-ха-ха!—пронесся отчаянный дикій вопль, сразу заглушившій всѣ голоса, и вдругъ все замерло, застыло на одинъ мигъ въ нѣмомъ удивленіи.

— Кто это? Что это?—послышались испуганные возгласы.

— Ха-ха-ха! хо-хо-хо! хи-хи-хи!—заливался Коля на всѣ голоса, точно это смѣялся не онъ, а какой-то духъ, сидѣвшій въ немъ, который заставлялъ содрогаться все его существо и выкидывать руками нелѣпыя гимнастическія движенія.

— Я ничего, оставьте,—хотѣлъ онъ сказать наклонившемуся надъ нимъ Олшину, но вмѣсто того изъ открытаго, искривленнаго судорогой, рта вырывался все тотъ же противный, рѣжущій лай:

— Гав... гав... гав...

— Да дайте же воды, черти вы этакіе!—крикнулъ надъ его ухомъ Олшинъ:—развѣ не видите, истерика!

Коля тупо глядѣлъ въ двигающіяся губы Огурцова, ко-

торый увелъ его въ другую комнату и отпаивалъ коньякомъ, такъ какъ считалъ это средство лучшимъ лекарствомъ отъ нервовъ.

— На, выпей, голубчикъ,—говорилъ онъ, перейдя почему-то на „ты“ и вливая насильно Колѣ въ ротъ цѣлый бокалъ коньяку, который обжегъ ему горло огнемъ и разлился горячимъ пламенемъ по всему тѣлу.

Комната поплыла, закружилась передъ глазами, и Коля сразу потерялъ горькое сознаніе дѣйствительности. Все стало, какъ во снѣ.

Долго еще пили и хохотали надъ нимъ, кто-то щекоталъ его, кто-то лѣзъ цѣловаться, кто-то пѣлъ „со святыми упокой“; потомъ Огурцовъ танцовалъ съ нимъ кадриль, при чемъ Коля изображалъ даму, и еще что-то было дикое, разгульное, неясное, какъ кошмаръ.

— Къ дѣвочкамъ, теперь къ дѣвочкамъ!—сказалъ чей-то голосъ, и всѣ стали торопливо одѣваться.

Коля еще не зналъ женщины, хотя образъ ея грезился ему на яву и во снѣ,—и теперь его охватило одновременно чувство страха и дикаго животнаго любопытства.

Сѣли на извозчика втроемъ, но кто были двое другихъ, Коля сперва никакъ не могъ разобрать. Колеса загремѣли по камнямъ мостовой, разбрызгивая во всѣ стороны грязь. На шоссе, отдѣлявшемъ городъ отъ казармъ, было пусто, уныло и грустно. Одинокій часовой, весь закутанный въ клеенчатый капюшонъ, ходилъ около длиннаго каменнаго сарая; онъ остановился и звякнулъ винтовкой.

Налѣво темнѣли постройки, направо поднимались къ небу столбы свѣта отъ электрическихъ фонарей, стоявшихъ за длиннымъ заборомъ. Тамъ гремѣло желѣзо, гулко разсыпались въ воздухѣ сигнальные свистки, отчаяннымъ стономъ стоналъ паровозъ, некрасиво гудѣли рожки, и черный дымъ вырывался полосами изъ покрововъ бѣлаго тумана, который пеленой поднимался отъ камней улицы и опускался съ неба на самыя крыши зданій.

— Кто это сидитъ рядомъ со мной?—старался припомнить Коля,—гдѣ я видѣлъ раньше это равнодушное красное лицо съ угольными бровями и тупымъ носомъ?

— Ахъ, это Яшъ,—вспомнилъ онъ, наконецъ, и лицо Яша показалось ему страшно-новымъ, точно онъ увидѣлъ его сегодня въ первый разъ.

И внезапно вспомнилось, какъ однажды этотъ человѣкъ билъ своего денщика, приказавъ его держать двумъ солдатамъ, какъ, совершенно остервенѣвъ, онъ повалилъ денщика на полъ, топталъ каблуками по лицу и рычалъ при этомъ, какъ звѣрь.

Отъ этого воспоминанія юношу всего передернуло; ему стало невыносимо отвратительно сидѣть близко къ этому человѣку, касаться колѣнями его колѣнъ. Онъ отодвинулся и, наклонясь, сталъ смотрѣть внизъ на быстро бѣгущіе камни мостовой, которые были сѣры и скользки.

Сверху капалъ надоѣдливый мелкій дождь, и улица, замкнутая съ двухъ сторонъ сѣрыми, каменными ящиками, казалась тюрьмой, изъ которой хотѣлось поскорѣй вырваться на просторъ.

Изъ тумана доносился однообразный трескъ экипажей, надоѣдливый безпрерывный стукъ колесъ по камнямъ мостовой. Рѣдкіе встрѣчные люди казались привидѣньями въ клочьяхъ тумана; всѣ они были похожи другъ на друга, и въ этомъ однообразіи безконечно далекихъ людей было что-то странное и нелѣпое.

— Здѣсь!—сказалъ Яшъ, останавливая извозчика у подъѣзда, гдѣ висѣлъ фонарь. Они поднялись по деревянной, скрипучей лѣстницѣ въ верхній этажъ и по коридорру, гдѣ было очень много дверей, выкрашенныхъ въ бѣлую краску, вошли въ большую, ярко освѣщенную комнату.

Здѣсь сидѣло нѣсколько женщинъ, отъ которыхъ одуряюще пахло дешевыми плохими духами. Въ убогомъ великолѣпіи своихъ нарядовъ, съ искусственно-веселыми улыбками, онѣ казались жалкими и несчастными.

Одна изъ нихъ, сильно раскрашенная, закричала:

— Эй, Маньке, Шоньке, жажигайте швецка, тутъ много ахвицерей пріѣхало!

Яшъ подсѣлъ къ ней и закашлялъ грубымъ, густымъ басомъ.

Олшинъ, между тѣмъ, сталъ въ театральной позѣ и, размахивая руками, началъ говорить рѣчь, обращаясь ко всѣмъ женщинамъ и патетически доказывая имъ, что онѣ ведутъ скверную, безнравственную жизнь.

Громкій смѣхъ былъ ему отвѣтомъ.

Отъ сильнаго чувства у Олшина даже показались на глазахъ слезы. Онъ уже не говорилъ, а кричалъ хриплымъ, пьянымъ теноромъ, обращаясь къ одной изъ проститутокъ:

— Ты не женщина! Ты не смѣешь называть себя женщиной! Ты каждый день даришь первому встрѣчному свою продажную любовь. Ты погибла! Понимаешь ли ты, что ты погибла?

— Что-жъ съ того, что погибла?—сказала женщина, которую, видимо, задѣлъ, наконецъ, этотъ пьяный задоръ.— Я и безъ тебя знаю, что погибла.

— Ты потеряла право быть женой и матерью!—кричалъ Олшинъ.—Вѣдь я тебя за деньги могу купить. Я буду пле-

вать на тебя, а ты будешь молчать, ты должна молчать! Должна молчать!

— Да что ты меня проповѣдями донимаешь?—сказала сорвавшимся отъ злобы голосомъ женщина, и видно было, какъ зеленоватая блѣдность проступила вдругъ сквозь толстый слой румянъ ея лица.—Тоже проповѣдникъ выискался! Волкъ лѣсной!

Олшинъ хотѣлъ что-то сказать, но она перебила его, захлебываясь и торопясь:

— Конечно, волкъ. Сами насъ губятъ, а потомъ — хорошей жизни учатъ. Я до пятнадцати лѣтъ себя соблюдала... А потомъ съ однимъ цѣлый годъ жила... Сколько, бывало, ко мнѣ товарищей его подъѣзжало, а я—никогда, никогда... А онъ—то съ одной, то съ другой. Дальше—больше, и вовсе бросилъ... Теперь мнѣ все равно: одинъ возьметъ, другой возьметъ... Вотъ поживу здѣсь, да и куплю, чѣмъ отравиться можно...

— И никто меня судить не смѣетъ!—взвизгнула женщина съ истерическимъ плачемъ,—потому я себя продаю, а ты меня покупаешь! И выходитъ, что намъ цѣна одна!..

Всѣ на мгновеніе притихли; надъ всѣми, казалось, повисло вдругъ жгучее, гнетущее чувство непоправимой неловкости, точно кто-то грубыми пальцами раскрылъ зловонную отвратительную язву... Въ пьяныхъ, озвѣрѣлыхъ сердцахъ блеснуло что-то, похожее на раскаяніе, но это продолжалось одно только мгновенье.

— Похожа свинья на коня, да шерсть не такая!—сердито закричалъ Яшъ, котораго возмутило до глубины души это, по его мнѣнію, неуваженіе къ офицерскому мундиру.—Я тебѣ докажу, что ты стерва!.. Стерва!..—заоралъ онъ, оскаливая зубы и стуча кулакомъ по столу.—Гдѣ здѣсь хозяйка? Позвать сюда немедленно хозяйку!

На крикъ Яша выскочила старая кривая еврейка и закричала пискливымъ, отчаянно звенящимъ голосомъ:

— Ты, Соньке, стерве этакая, опять безобразишь! Я тебѣ, паршивку, какъ собаку, вышвырну!.. Ты знай, съ кѣмъ ти говóришь. Ти говóришь съ господинъ офицеръ...

Схвативъ за шиворотъ оскорбленную женщину, она потащила ее за собой въ глубину корридора. И снова все потонуло въ чаду пьянаго угара. Дикая животная похоть, которая на мгновеніе было спряталась, стыдливо юркнувъ въ свою грязную нору, теперь снова вырвалась на просторъ и съ бѣшеной силой засвистѣла, загикала, впилась въ каждаго, какъ вампиръ. Коля не помнилъ даже, какъ онъ очутился въ маленькой комнатѣ лежащимъ подъ цвѣтнымъ

пологомъ; на войлочномъ коврѣ у стѣны былъ изображенъ турокъ, курившій кальянъ.

— Милый мой, хорошенькій,—зашепталъ совсѣмъ рядомъ незнакомый женскій голосъ.—Какъ зовутъ тебя, красавчикъ?

И неестественнымъ, чахоточнымъ блескомъ горѣвшіе глаза жадно впивались въ него, а горячія обнаженныя руки обвивали его тѣло... Все на мигъ потонуло въ туманѣ сладострастнаго экстаза; огненная волна захлестнула сознаніе...

Но вдругъ изъ глубины потухшаго мозга блеснулъ яркій лучъ, и на душѣ у Коли стало такъ отвратительно, точно вмѣсто человѣка-женщины рядомъ лежалъ голый, скользкій гадъ, обвившійся вокругъ его тѣла своими кольцами, холодными, какъ трупъ. Мрачный демонъ смерти и тлѣна приникъ къ его устамъ своимъ первымъ смраднымъ поцѣлуемъ, и отъ этого смрада онъ весь задрожалъ частой, мелкой дрожью еще не испытаннаго никогда ужаса и омерзѣнія...

IX.

Совершенно разбитый послѣ вчерашняго кутежа, Торбѣевъ лежалъ на измятой постели, испытывая сильнѣйшія угрызенія совѣсти.

Видъ комнаты, похожей на клѣтку, наводилъ на него черную тоску. Кругомъ царилъ полумракъ, потому что единственное окно упиралось въ брандмауэръ, обои потрескались, отклеились и висѣли безобразными старыми клочьями, выглядывая, какъ лохмотья нищаго, изо всѣхъ угловъ. Дверь въ сосѣднюю комнату была заставлена коммодомъ, и за тонкой перегородкой слышались разыгрываемые на гармоніи пискливые звуки десять разъ начинающейся мелодіи, обрываемой на серединѣ:

Погибъ я мальчишка,
Погибъ навсегда...

И опять сначала:

Погибъ я мальчишка,
Погибъ навсегда...

Безобразіе вчерашняго дня назойливо-ярко рисовалось въ воображеніи, и нельзя было вытравить изъ него гнусныхъ картинъ скотскаго опьянѣнія и разврата. У Торбѣева было въ душѣ такое чувство, будто онъ наѣлся наканунѣ мыла...

— Вѣдь этакъ можно спиться и погибнуть,—думалъ онъ съ унынiемъ.—Что это за жизнь?

До сихъ поръ Торбѣевъ жилъ, не анализируя своей жизни, какъ живутъ милліоны людей, живутъ потому, что

дана жизнь, и, разъ попавъ въ ея опредѣленную колею, не размышляютъ о томъ, нужно это или не нужно, хорошо или дурно, а тащатъ просто ту телѣгу, въ которую случайно запрягла ихъ судьба.

Безцвѣтно текла его жизнь. Было, какъ будто, въ началѣ службы что-то, полное ожиданій, но потомъ заскользили однообразные годы, день за днемъ, день за днемъ. Вѣроятно, лошадь, запряженная въ молотилку, испытываетъ тѣ же впечатлѣнія бытія...

Кругомъ шло бѣшеное прожиганіе жизни, потому что людямъ нужно было тратить на что-нибудь вложенныя въ нихъ силы, но до сихъ поръ Торбѣева не задѣвало это кипѣнье въ дѣйствіи пустомъ, потому что оно претило его душѣ. И вдругъ теперь, когда на днѣ замершей души ярко вспыхнула любовь, онъ палъ такъ низко, какъ послѣдній изъ послѣднихъ!—съ горечью думалъ онъ.

— Я недостоинъ ея,—думалъ онъ,—я гадокъ и развратенъ. Уѣду! Сегодня же уѣду изъ этого города, переведусь въ другой полкъ и начну другую жизнь. Рѣшено! Ну ее къ чорту, эту конспиративную квартиру!

Ему вспомнились вдругъ чьи-то слова: „во всякой безформенной глыбѣ камня заключается красота невѣдомыхъ образовъ, нужно только умѣть отколоть лишніе куски".

Да, думалъ онъ, жизнь безформенна, безобразна, но нужно лишь умѣть отколоть отъ нея лишніе куски, чтобы изъ хаоса безобразія выступила вдругъ невѣдомая красота.

И, внезапно успокоенный перспективой перемѣны жизни, онъ остановился на мысли немедленнаго отъѣзда.

— Уѣхать! Забыться!

Послѣ долгихъ объясненій съ командиромъ полка, который не любилъ пускать офицеровъ въ отпускъ, ему удалось вырваться на три дня.

Хотя въ губернскомъ городѣ, куда онъ пріѣхалъ, ему рѣшительно нечего было дѣлать, но уже самый видъ бойкаго, большого города, звонки конокъ, мельканье публики приводило его въ то повышенное нервное состояніе, когда все кругомъ принимаетъ необычный, праздничный видъ, кажется чище, ярче, свѣтлѣе. И терзанія его постепенно теряли свою остроту.

— Ничего,—думалъ онъ,—все поправится, все обойдется.

Онъ шелъ по улицѣ, вдыхая бодрящій морозный воздухъ, любуясь оживленіемъ и думая о томъ, какъ несчастливъ тотъ, кто по обязанностямъ службы сидитъ теперь гдѣ-нибудь на грязномъ вонючемъ полустанкѣ, встрѣчая товарные поѣзда, кто ѣдетъ по глубокой слякоти россійскихъ проселочныхъ дорогъ, кто отъ скуки переписываетъ въ

глухой деревушкѣ „Ниву“ за 1886 годъ, кто въ городѣ Глуповѣ бредетъ теперь, возвращаясь домой послѣ жестокаго карточнаго проигрыша, по узкимъ, кривымъ, неосвѣщеннымъ улицамъ и, проклиная судьбу, валится ежеминутно въ канавы, оставляя тамъ навѣки свои калоши.

И, въ сравненіи со всѣми этими господами, Торбѣевъ почувствовалъ, что онъ еще не такъ несчастливъ, какъ ему казалось.

Заложивши руки въ карманы съ видомъ джентльмэна, которому рѣшительно нечего дѣлать, онъ шелъ по главной улицѣ города и разсматривалъ витрины. Внезапно ему бросилась въ глаза афиша: литературно-вокальный вечеръ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, съ участіемъ...

Онъ прочелъ имя знаменитаго артиста. Торбѣевъ еще никогда въ жизни не видѣлъ ни одного знаменитаго, или даже просто извѣстнаго человѣка. Было интересно взглянуть, какъ этотъ человѣкъ выходитъ на эстраду, какъ раскланивается, какой у него тембръ голоса, выраженіе лица...

Кромѣ того, Торбѣевъ былъ отъ природы музыкаленъ, любилъ пѣніе, и онъ рѣшилъ сейчасъ же отправиться въ концертъ.

Вступивъ въ обширныя свѣтлыя сѣни дворянскаго собранія, гдѣ пустѣли вѣшалки, онъ отдалъ швейцару пальто и поднялся по широкой, уставленной тропическими растеніями лѣстницѣ. Въ клубѣ еще не было ни души, и даже не зажигали лампъ.

Лакеи подметали залъ, заспанный буфетчикъ лѣниво гремѣлъ стаканами. Въ зрительномъ залѣ, какъ солдаты на смотру, чернѣли стройные, пустые ряды стульевъ.

Не зная, куда себя дѣвать, Торбѣевъ зашагалъ изъ комнаты въ комнату, возбуждая недоумѣніе лакеевъ. Такъ онъ ходилъ часа полтора, пока, наконецъ, стала собираться публика. Пустые ряды стульевъ наполнились красивой, радостной, разодѣтой толпой, среди которой Торбѣевъ вдругъ почувствовалъ себя чужимъ и лишнимъ. Самоувѣренные молодые люди, сверкая широкими пластронами жилетовъ, непринужденно разговаривая, ходили мимо; запахло смѣшаннымъ запахомъ духовъ и молодого женскаго тѣла. Становилось все шумнѣй и веселѣй, точно въ залѣ разгорался огонь внутренняго пожара, ярче блестѣли глаза, чувственнѣй сверкали улыбки... Толстый старый генералъ прошелъ мимо Торбѣева, задѣвъ его красной подкладкой сюртука, и усѣлся въ первомъ ряду.

Вдругъ средняя люстра потухла, точно ее сдернуло съ потолка, и въ залѣ воцарился полумракъ.

Торбѣевъ посмотрѣлъ въ программу и прочелъ:

„Секстетъ изъ оп. Лучія де Ламерморъ Ст. Любенъ. Исполнитъ г. Трабша".

— Чортъ его знаетъ, что оно такое,—подумалъ Торбѣевъ и приготовился слушать.

На авансцену вышелъ высокій блѣдный человѣкъ съ великолѣпными черными кудрями до плечъ, улыбнулся милой дѣтской улыбкой, откинулъ назадъ одну непослушную прядь и порывисто забѣгалъ смычкомъ по струнамъ, извлекая изъ нихъ нѣжные пѣвучіе звуки.

Ему жидко захлопали, но вдругъ аплодисменты грянули со всѣхъ сторонъ, и на эстрадѣ появился красивый, сильный мужчина во фракѣ съ нотами въ рукахъ.

Все стихло.

Торбѣевъ снова раскрылъ программу. Вторымъ номеромъ значилось: „Пѣснь Рюделя изъ оп. принцесса Грезъ исполнитъ..." Стояла фамилія знаменитаго артиста.

„Любовь—это сонъ упоительный,

неслись первыя, нѣжныя, какъ звонъ арфы, ноты.

Свѣтъ жизни, источникъ живительный,
Въ ней муки, восторгъ, въ ней—вина...
Блаженства и горя полна...
И слезы такъ дивно дарятъ намъ она.

Голосъ артиста внезапно могуче дрогнулъ, ударивъ холодомъ въ грудь толпы, понесся кверху, затрепеталъ и, наполнивъ весь громадный притихшій залъ, прокатился густыми волнами по всѣмъ угламъ, ударился въ стѣны, въ потолокъ, замеръ на одну секунду, выжидая темпъ, и снова покатился гулкимъ звономъ, могучій и легкій, какъ вспѣненный морской валъ.

Люблю я любовью безбрежною
Нѣжною,
Какъ смерть безнадежною...
Люблю мою грезу прекрасную,
Принцессу мою черноокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую...

Первыми же звуками пѣсни Торбѣевъ былъ словно приподнятъ съ мѣста какой-то могучей волной... По спинѣ его пробѣжалъ холодъ восторга, у него захватило дыханіе...

И ему въ первый разъ въ жизни стало до очевидности ясно, какъ ничтожна, мелка, бѣдна его жизнь, точно вдругъ передъ нимъ открыли дверь затхлаго подвала, куда онъ былъ посаженъ отъ рожденія, и туда пахнуло свѣжимъ ве-

сеннимъ ароматомъ, благоуханіемъ цвѣтовъ и всѣмъ блескомъ дивной природы.

— Какъ хорошо! Боже мой, какъ дивно хорошо!—невольно шепталъ онъ, сдерживая подступающія слезы.

Боясь расплакаться, онъ быстро всталъ, прошелъ мимо бѣсновавшейся публики въ переднюю, машинально одѣлся и вышелъ на улицу.

Шелъ мокрый, холодный снѣгъ, падая и тая.

Торбѣевъ распахнулъ пальто, ему недоставало воздуху. Холодный вѣтеръ свистѣлъ въ уши, снѣгъ сыпался за воротникъ, но онъ не замѣчалъ ничего. Мертвая душа вдругъ ожила, какъ оживаетъ мертвый черный рояль при одномъ прикосновеніи руки артиста,—ящикъ, похожій на гробъ, стоявшій въ углу комнаты ростовщика вмѣстѣ съ другимъ старымъ хламомъ, пыльный, заброшенный, ненужный... Но вотъ скользнула по желтымъ клавишамъ искусная рука—и загремѣли струны, заговорили на ясномъ, убѣдительномъ языкѣ, заплакала душа рояля, и ожилъ тайный міръ, заключенный въ его глубинѣ...

Въ ушахъ звучала небесная музыка, и становилось мучительно больно и стыдно, что жизнь до сихъ поръ прожита даромъ, безобразно растрачена, изгажена мелкимъ холопствомъ, грязнымъ гаденькимъ пьянствомъ и трусливымъ развратомъ. И тѣмъ дороже становился милый поэтическій образъ женщины, которую,—онъ твердо зналъ это теперь,—онъ любилъ первой чистой любовью. Этотъ образъ свѣтилъ ему изъ тьмы, какъ маякъ, и казался якоремъ спасенія.

— Кончено! Баста!—думалъ онъ, твердо рѣшившись порвать связь со старымъ и начать новую, полную поэзіи, какъ ему казалось, жизнь вмѣстѣ съ любимой, чистой женщиной.

X.

Послѣ оффиціальной помолвки Торбѣева съ Леночкой Коля впалъ въ состояніе мрачнаго отчаянія. Ему казалось, что жизнь его кончена... разбита...

Онъ теперь жилъ одинъ въ маленькой убогой комнатѣ съ кухней, гдѣ помѣщался его новый денщикъ Гундоба, недавно назначенный изъ роты на эту должность и страшно старавшійся угодить барину. Баринъ попался добрый, невзыскательный и чудной, по мнѣнію Гундобы.

„Чисто барышня",—думалъ Гундоба, глядя на румяное лицо подпоручика.

— Тамъ прачка бѣлье и ваши ошейнички принесла,—доложилъ онъ съ улыбкой удовольствія. Когда онъ говорилъ

съ Колей, у него всегда на лицѣ расплывалась эта безсмысленно-добрая улыбка старой опытной няни, расположенной къ своему питомцу.

Ошейничками Гундоба называлъ воротнички и манжеты. Коля засмѣялся.

— Передѣваться будете?—спросилъ Гундоба, не желавшій, видимо, такъ скоро прекратить разговоръ съ бариномъ.

— Ну, давай.

Коля взялъ чистое бѣлье и началъ переодѣваться.

Снявъ рубашку, онъ вдругъ замѣтилъ на тѣлѣ какую-то странную, мѣдно-желтаго цвѣта, сыпь, и зловѣщая, быстрая, какъ молнія, мысль вдругъ обожгла все его существо. Отъ ужаса у него ослабѣли и подкосились ноги. Гундоба тоже перепугался, глядя на барина, который, весь блѣдный, повалился здругъ на кровать, и, думая, что съ бариномъ обморокъ, стремглавъ, топоча ногами, какъ лошадь, бросился въ кухню, схватилъ сапожную щетку и, вернувшись, быстро началъ растирать барина, оставляя на тѣлѣ и на бѣльѣ черныя полосы отъ ваксы.

Коля очнулся и, не понимая отъ волненія, что ему говоритъ Гундоба, лихорадочно-быстро одѣлся и почти бѣгомъ бросился къ ближайшему городскому врачу, который еще спалъ. Башневъ велѣлъ разбудить его и, не находя мѣста, какъ въ бреду, зашагалъ изъ угла въ уголъ, цѣпляя ногами за стулья и ковры.

Врачъ долго осматривалъ больного, и на лицѣ его появилось выраженіе строгой серьезности.

У Башнева опять задрожали ноги.

Но врачъ былъ человѣкъ опытный и осторожный и не высказалъ сразу своихъ подозрѣній.

— Ничего опредѣленнаго,—сказалъ онъ дѣланно-равнодушнымъ тономъ,—однако, лучше поѣзжайте въ госпиталь.

У Коли немного отлегло отъ сердца.

— О, если бы,—думалъ онъ съ трепетной надеждой, — если бы только это пронеслось... Я бы зажилъ новой, совсѣмъ новой жизнью... Я былъ бы счастливъ, счастливъ, счастливъ!

И все, что онъ до сихъ поръ считалъ величайшимъ несчастіемъ, показалось ему теперь такимъ чуждымъ и ничтожнымъ, не стоющимъ даже вниманія въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ, непоправимымъ, что надвигалось на него съ безпощадностью судьбы...

Вечеромъ Башневъ уже ѣхалъ въ госпиталь. Въ купэ не было ни души. Уже совсѣмъ смерклось, зажгли свѣчу въ фонарѣ, и стало таинственно-печально. Долго стояли на какой-то неизвѣстной станціи, и кругомъ не слышно было ни

одного звука. Кто-то прошелъ по корридору, отчетливо отшлепывая каждый шагъ, потомъ кто-то задергалъ дверцу фонаря,—это кондукторъ вставлялъ новую свѣчу,—и опять томительное, длинное, жуткое молчаніе...

Оно невыносимо, когда страдаетъ душа.

Откуда-то издалека началъ рости шумъ встрѣчнаго поѣзда; наконецъ, онъ совсѣмъ близко; вотъ, онъ заглушилъ пустоту и такъ же, какъ начался, пропалъ въ темнотѣ, унося съ собой сотни человѣческихъ жизней, изъ которыхъ каждая полна страстей, радостей, страданій...

Черный дымъ бѣжалъ по бѣлому снѣгу, чертя на немъ странные, загадочные узоры, какъ письмена тайнаго духа, непонятныя никому изъ живыхъ. Мчались мимо перекрытыя снѣгами поля съ черными пятнами деревень, замерзшіе затоны съ грустно-одинокой вербой, сѣрыя ленты пашенъ, а надо всѣмъ этимъ висѣло высокое, высокое, печальное небо. И опять, какъ всегда случалось съ Башневымъ въ очень важные моменты жизни, при взглядѣ на это бездонное небо, онъ пришелъ въ то состояніе внутренняго самосозерцанія, когда откуда-то изъ невѣдомыхъ тайниковъ души выплываютъ несвязныя, странныя, но торжественныя, какъ музыка, мысли, какіе-то порывы духа отъ сумрачнаго тлѣна земли, которыхъ даже нельзя выразить обыкновенными человѣческими словами...

Клиника, гдѣ пришлось лежать Башневу, была недавно выстроена. Все здѣсь блестѣло и сверкало новизной, какъ будто всѣ эти комнаты съ надписями: аудиторія, кабинетъ профессора, пріемная и т. п. готовились къ отправленію на выставку. Сквозь открытыя окна доносился шумъ жизни огромнаго города, стукъ колесъ, голоса разносчиковъ; въ саду зеленѣла свѣжая травка, и міръ изъ окна казался огромной, интересной движущейся картиной, въ сравненіи съ которой тишина больницы наводила на душу уныніе и тоску.

Больные невольно старались не ступать на каблуки, чтобы не производить гулкаго шума, разносившагося по всѣмъ корридорамъ.

Въ десять утра жизнь только еще начинала входить въ свою колею; показывались служителя съ чайниками, ковыляли въ умывальную комнату больные, появлялись доктора.

— Господа, пожалуйте къ профессору!—раздался голосъ дежурнаго ординатора, и больные, спустившись по лѣстницѣ, остановились передъ дверью, надъ которой было написано: кабинетъ профессора. Каждыя десять минутъ чья-то голова высовывалась изъ двери и произносила:

— Прошу слѣдующаго.

Кабинетомъ называлась большая комната, въ которой стояли письменный столъ, кресло и кушетка. Надъ столомъ висѣлъ портретъ Пирогова. Больше ничего не было. Профессоръ, старый, сѣдой человѣкъ, съ большой красивой головой, похожей на голову Гамбетты, давно привыкъ къ выраженію человѣческаго отчаянія, и оно его не трогало совершенно. Съ методичностью машины онъ ставилъ діагнозъ за діагнозомъ. Тридцать лѣтъ онъ предлагалъ одни и тѣ же вопросы и выслушивалъ одни и тѣ же отвѣты и привыкъ относиться къ больнымъ съ равнодушіемъ судьбы. За это продолжительное время онъ усвоилъ величественные пріемы и краткую, повелительную рѣчь.

— Раздѣньтесь, повернитесь, сядьте, хорошо, довольно,— только и слышались его отрывистые возгласы.

— Совѣтую вамъ,—говорилъ онъ, отчетливо отчеканивая каждое слово...—и повторялъ то, что ему приходилось говорить почти каждому въ теченіе тридцати лѣтъ.

Коля съ чувствомъ благоговѣйнаго трепета подошелъ къ креслу, въ которомъ сидѣлъ старикъ-профессоръ.

— Раздѣньтесь! Повернитесь! Такъ. Сядьте. У васъ сифилисъ!—отчеканилъ онъ равнодушно.

У Коли потемнѣло въ глазахъ; стѣны кабинета закачались и поплыли во всѣ стороны.

— Господинъ профессоръ,—умоляюще, какъ ученикъ, провалившійся на экзаменѣ, въ надеждѣ, что, можетъ, его переспросятъ, прошепталъ онъ.— Господинъ профессоръ, это, можетъ быть... ошибка... Можетъ быть, хоть какое-нибудь сомнѣніе?

— Я перелѣчилъ милліонъ больныхъ,—внушительно и раздѣльно сказалъ профессоръ,—и еще никогда не ошибался.

Лицо у него въ это время выражало каменное равнодушіе и даже скуку. Онъ небрежно вертѣлъ въ рукѣ молоточекъ, очевидно ожидая, когда больной освободитъ его отъ своего присутствія.

Раздался стукъ отъ паденія на полъ человѣческаго тѣла, и Башнева вынесли въ обморокѣ изъ кабинета. Кто-то растегнулъ ему воротникъ, далъ воды...

Онъ очнулся, пришелъ въ себя и жадно, большими глотками сталъ пить, но стаканъ дрожалъ, бился о зубы, и вода плескалась на одежду.

Потомъ онъ помнилъ, какъ въ бреду, что его вели по длиннымъ, свѣтлымъ корридорамъ; и вправо, и влѣво были двери, двери безъ конца, похожія одна на другую, выкрашенныя въ бѣлую краску, и въ этомъ однообразіи и безконечности ихъ было что-то странное и нелѣпое. И это чувство показалось ему вдругъ такъ знакомо, точно все это точь-въ

точь, какъ теперь, случилось уже когда-то давно, очень давно... милліонъ лѣтъ назадъ. И тогда точно такъ же вправо и влѣво были двери, и такъ же тянулся длинный коридоръ, и такъ же было тяжело дышать, словно сѣрый туманъ вползъ въ самую душу и сдавилъ ее пронизывающимъ холодомъ смерти. Но когда же это было? Когда?

Они шли, и шаги такъ глухо отдавались кругомъ, точно заколачивалась крышка гроба. На дворѣ ярко свѣтило солнце, чирикали птицы, благоухали цвѣты, въ окно глядѣли молодыя, сильныя деревья, такъ дѣвственно прекрасна и безмятежна была природа, но для Башнева не существовало теперь ни солнца, ни деревьевъ, ни красокъ; все слилось въ какой-то сѣрый сумракъ, точно вдругъ въ большой, ярко освѣщенной залѣ внезапно потушили огонь, и все кругомъ потухло и поблекло...

Потянулись дни, изъ которыхъ одинъ былъ до того похожъ на другой, что трудно было ихъ отличить.

Часовъ въ пять утра палатный служитель Аганезовъ начиналъ шумѣть шваброй по каменнымъ плитамъ корридора, стучать дверьми, двигать скамейки и чистить лампы. Тогда сердитые, усталые отъ спа больные просыпались, вставали только затѣмъ, чтобы сполоснуть лицо, и ложились опять вплоть до прихода докторовъ. Послѣ обѣда снова спали, а вечеромъ играли въ карты и сердились другъ на друга.

Табетикъ разговаривалъ съ утра до ночи. Молчать онъ не могъ ни одной минуты, и, если не было слушателя, онъ говорилъ самъ съ собой. Онъ плохо помнилъ настоящее, путалъ событія вчерашняго и сегодняшняго дня, но зато передъ нимъ воскресало съ необычайной яркостью то, что было двадцать лѣтъ назадъ. Иногда онъ вставалъ съ койки и пытался идти въ дверь, но шелъ всегда въ стѣну или въ окно, что его очень сердило. Ругаясь и богохульствуя, онъ прибѣгалъ къ помощи служителя и, осторожно поддерживаемый сзади, ковылялъ по корридору, а рука его нерѣдко сама собой, для всѣхъ неожиданно, выкидывалась въ сторону, за что онъ получилъ прозвище—„указателя дорогъ."

Паралитикъ вѣчно сидѣлъ въ движущемся креслѣ. Правая рука его безжизненно болталась, а лѣвая, парализованная половина лица была странно-неподвижна, какъ маска, съ раскрытымъ, устремленнымъ въ пространство мертвымъ глазомъ. Глубокія морщины бороздили его гладко выбритое, жирное лицо, и на этомъ мертвенно-блѣдномъ лицѣ только правый глазъ сохранилъ еще искру жизни. Откуда-то изъ

бездонной глубины глаза смотрѣло одинокое, безграничное страданіе.

Человѣкъ безъ носа нагло сверкалъ всѣмъ въ глаза своими зажившими зіяющими язвами, которыя, какъ клеймо Каина, говорили о проклятіи. Гнусавымъ, прогнившимъ голосомъ онъ, казалось, выплевывалъ слова.

Тлѣніе и смерть были вездѣ; изо всѣхъ угловъ сверкали они своимъ однобокимъ глазомъ, чуткимъ ухомъ своимъ слушали мысли и страданія людей, отданныхъ имъ во власть, и жадно чернѣли ихъ раскрытыя пасти. Душу давило бремя, которое нельзя было сбросить. Коля старался забыться, не думать, не желать, не вспоминать прошедшаго, но грозныя чудовища смотрѣли на него изо всѣхъ угловъ и, точно, нашептывали:

— А ты помнишь вотъ это? А вотъ это помнишь ли ты?

Вотъ далекое чистое дѣтство, яркое, какъ весеннее утро, какъ дышащая солнцемъ трава, вся полная полевыхъ ароматовъ, когда міръ казался счастьемъ самъ въ себѣ. Вотъ юность на Волгѣ... тамъ у рѣчки... у костра, пламя котораго трепещетъ въ водѣ. Небо кажется чернымъ, какъ уголь, а кругомъ такой широкій, могучій просторъ, что душу захватываетъ отъ счастья, и хочется жить, только жить безъ конца и наслаждаться этимъ безотчетнымъ счастьемъ жизни.

И такъ мрачно и безпросвѣтно казалось настоящее въ сравненіи съ этимъ чистымъ, прекраснымъ прошлымъ, что хотѣлось кричать отъ боли и ужаса!

Раньше Башневъ никогда не думалъ о смерти и представлялъ себѣ это событіе чѣмъ-то такимъ, что къ нему совершенно не относилось, но теперь мысли объ уничтоженіи охватили его съ невѣроятной силой.

— Неужели,—думалъ онъ,—мое тѣло, вотъ это самое тѣло, которое я сейчасъ ощущаю, такое молодое, сильное, крѣпкое, въ одно мгновеніе можетъ разрушиться, превратиться въ ничто? Неужели я, познавшій тайны мірозданія, сгнію точь въ точь такъ же, какъ раздавленный червякъ?— Это казалось ему невѣроятнымъ.

— Но какъ же міръ будетъ безъ меня,—спрашивалъ онъ себя въ сотый разъ и не могъ этого даже представить.—Зачѣмъ же мы тогда живемъ, волнуемся, страдаемъ, зачѣмъ же этотъ бредъ, стремленіе куда-то, мечты о счастьи, волненія души... Не есть ли жизнь просто безсмысленная галлюцинація?

Незадолго до того онъ прочелъ разсказъ „Черный Монахъ“, и легенда произвела на него огромное впечатлѣніе. Ему началъ тнперь грезиться монахъ въ черной одеждѣ съ сѣдой головой и черными бровями, похожій на смерть. Сперва

онъ видѣлъ этого монаха во снѣ, но потомъ призракъ началъ приходить и на-яву, ночью, садился на край постели и говорилъ о жизни и смерти, только совсѣмъ не то, о чемъ прочелъ Коля въ разсказѣ. Тотъ говорилъ о наслажденіи, о великой, блестящей будущности человѣчества,—этотъ о разбитыхъ надеждахъ, мукахъ безумнаго отчаянія, безсмысленности жизни и самоубійствѣ.

Башневу становилось страшно. Онъ начиналъ понимать, что сходитъ съ ума...

— Вѣришь ли ты въ загробную жизнь? — спросилъ онъ однажды у призрака.

— Смерть есть полное уничтоженіе,—былъ отвѣтъ.

— Но я не хочу смерти!—сказалъ Коля.—Вѣдь немыслимо, ужасно, что безъ меня будетъ свѣтить солнце, сіять природа и красота. Я люблю жизнь и хочу жить, во чтобы то ни стало.

— Страхъ смерти—животное чувство,—сказалъ монахъ.—Съ нимъ нужно бороться.

— Для меня ужасенъ самый актъ умиранія,—продолжалъ Коля, не слушая,—моментъ смерти. Я видѣлъ нѣсколько разъ, какъ умирали животныя, и это было ужасно. Но человѣкъ...

— Моментъ этотъ мученъ только для живыхъ. Умирать легко и сладко.

— Жизнь такъ прекрасна...

— Неправда,—перебилъ монахъ.—Взгляни, кругомъ зло, которому нѣтъ названія. Оно вѣчно. Оно лежитъ въ основѣ всякой жизни. Сильный съѣдаетъ слабаго... И потомъ... жизнь полна ошибокъ, заблужденій, и въ концѣ всегда кажется, что она прожита не такъ, какъ нужно.

— Но неужели... *тамъ* ничего не будетъ? — въ отчаяніи спросилъ Коля.

— Это самое простое и самое вѣрное. Да, тамъ ничего не будетъ.

— А возмездіе?—спросилъ Коля.—Неужели никому не будетъ возмездія?

— Увы! такова сила вещей.

— Значитъ, ничего?—еще разъ спросилъ Коля, съ ужасомъ.

— Да, ничего—строго сказалъ собесѣдникъ, и слова его звучали властно и твердо.

Съ этихъ поръ монахъ приходилъ каждую ночь и говорилъ что-нибудь новое, неожиданное, но всегда страшное. Онъ началъ убѣждать Колю кончить жизнь самоубійствомъ.

Башнева притягивалъ къ себѣ видъ трупа, смерти и разложенія. Онъ сталъ нерѣдко ходить въ мертвецкую и

подолгу смотрѣлъ, не отрываясь, на трупы, лежавшіе на столахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Многіе изъ этихъ людей, вѣроятно, долго болѣли, потому что исхудали до послѣдней степени. Одинъ старикъ изсохъ до того, что руки и ноги его стали похожи на куриныя лапы, нижняя челюсть отпала, показывая стертые искрошенные зубы, руки такъ и застыли прижатыя къ груди, въ предсмертной мукѣ. Рядомъ лежала жирная молодая женщина съ большой отвислой грудью и выпученными отъ ужаса глазами, раскинувшая въ безстыдной позѣ ноги...

Какъ-то пришелъ профессоръ и, съ обычнымъ спокойствіемъ и методичностью, звучнымъ голосомъ разсказалъ исторію болѣзни и смерти того самаго старика, трупъ котораго такъ поразилъ Колю.

Студентъ въ чистомъ, бѣломъ халатѣ, надѣтомъ поверхъ сюртука, взялъ скальпель, отрѣзалъ кожу черепа, завернулъ ее съ затылка на лицо такимъ образомъ, что волосы касались груди, и началъ распиливать лобныя кости. Вынувъ окровавленный мозгъ, онъ осторожно положилъ его на столъ.

— На какія категоріи могутъ быть раздѣлены пораженія головного мозга? -спросилъ профессоръ, вертя въ рукахъ пенснэ, обращаясь ко всей аудиторіи, и, не получивъ отвѣта, началъ самъ объяснять точно и подробно: гуммозныя опухоли, инфильтраты, творожистое перерожденіе и размягченіе мозга,—все это были послѣдствія ужасной болѣзни.

Коля жадно смотрѣлъ въ ротъ профессору, стараясь поймать на лету наполовину непонятный для него калейдоскопъ словъ, но это плохо ему удавалось.

Покончивъ съ мозгомъ, профессоръ приступилъ къ вскрытію грудной полости. Тотъ же студентъ разрѣзалъ грудную клѣтку, подрѣзалъ кожу въ обѣ стороны такъ, что стало похоже на растегнутый мундиръ, потомъ полѣзъ рукой во внутренности и сталъ копошиться въ нихъ пальцами, отчего скопившаяся тамъ жидкость захлюпала и полилась черезъ разрѣзъ, стекая по столу на полъ тонкими, кровавыми струйками.

Съ тошнотой въ груди и рябью въ глазахъ, шатаясь, Коля вышелъ, совершенно подавленный и разбитый.

Ночью онъ бредилъ, кричалъ, вскакивалъ съ постели и, размахивая руками, обращался къ своему призраку со словами безумнаго ужаса, перепугавъ всѣхъ больныхъ. Утромъ пришелъ профессоръ, задалъ больному нѣсколько вопросовъ, постучалъ по его тѣлу молоточкомъ съ такимъ выраженіемъ лица, точно все ему было заранѣе извѣстно, подумалъ и сказалъ съ разстановкой:

— Совѣтую вамъ оставить клинику и продолжать леченіе дома. Вы очень впечатлительны, и пребываніе здѣсь для васъ вредно.

Затѣмъ онъ подробно изложилъ методъ леченія.

— А вотъ еще больной,—доложилъ почтительно ординаторъ.

— Раздѣньтесь, повернитесь... такъ... нагнитесь!—говорилъ профессоръ, уже не обращая ни малѣйшаго вниманія на Колю, точно никакого Коли здѣсь никогда и не было.

Къ вечеру Башневъ уже ѣхалъ на извозчикѣ по узкой и грязной, малолюдной улицѣ. И едва лишь остались сзади мрачныя стѣны госпиталя, и раздался уличный шумъ, гулъ веселой спѣшащей толпы, этотъ лепетъ городской жизни,—онъ почувствовалъ облегченіе.

И хотя въ памяти вставали картины жестокихъ, разнообразныхъ и, повидимому, ненужныхъ человѣческихъ страданій, но они уже не давили такимъ ужаснымъ кошмаромъ.

— Зачѣмъ страданія? Зачѣмъ смерть?

И, какъ бы въ отвѣтъ на это, прозвучало въ мысляхъ давно когда-то слышанное изреченіе: „Боги вложили въ человѣка страхъ смерти для того, чтобы скрыть отъ него сладость ея приближенія".

XI.

Въ опустѣлой квартирѣ Башнева расположился на правахъ барина его денщикъ Гундоба.

Онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ и хвастался прежнимъ товарищамъ по ротѣ тѣмъ, какъ ему хорошо живется, и какой у него добрый, славный баринъ.

— Ни въ караулъ тебѣ,—разсказывалъ онъ,—ни на дежурство. Только и знай, что сапоги вычистить, да самоваръ подать. Купилъ баринъ сопилочку такую, лежитъ на кровати съ сопилкой да играетъ. А я слышу, что не такъ и говорю: вы, ваше благородіе, не такъ играете. А ты, спрашиваетъ, рази умѣешь? Я какъ заигралъ, онъ такъ на кровати и заскакалъ. Хочу я, говоритъ жениться. Возьму себѣ дѣвку простую, деревенскую. Буду на печкѣ лежать, да на сопилкѣ играчь, а жинка плясать будетъ. Ей-Богу, такъ и говоритъ. А потомъ, какъ заплачетъ,—и не знаю, чего плачетъ. Очень мнѣ это чудно издѣлалось. Думалъ спервоначалу, може баринъ порченый... Былъ у насъ тоже господинъ такой. Такъ у его животъ изъ-подъ пупа былъ разошедши. Нужно порошокъ Боткина пріймать. Какъ засыпать порошокъ, то лучше средствія не надо. Я и говорю: ваше, говорю, благо-

родіе, може прикажете Боткина порошокъ... Пошелъ, говоритъ, къ чорту, а самъ плачетъ. Добрый баринъ, а шибко чудной. Теперь уѣхамши, а меня оставимши за барина. Приходите, братцы, когда чай пить!

Дѣла у Гундобы было, дѣйствительно, мало. Баринъ съ утра уходилъ изъ дому и приходилъ только ночевать. Почистивъ утромъ господскіе сапоги и аммуницію, Гундоба усаживался за письменный столъ, ставилъ маленькое зеркало и любовался на свою физіономію, причесываясь платяной щеткой и завивая усы такъ, какъ у полкового адъютанта. Найдя себя очень красивымъ, онъ откладывалъ зеркало въ сторону и начиналъ перебирать всѣ вещи, которыя только были на письменномъ столѣ.

— Ишь ты, яйцо,— удивлялся онъ, взявъ въ руки мраморное прессъ-папье.—Каменное яйцо! И для чего этто такая пітучка, Богъ ее знаитъ. Чего только господа не выдумаютъ. А во,—подсвѣшники. Ишь, какіе хитрые, съ цѣпями, и баба голая... Просто срамъ, а у барина на столѣ стоитъ.

Пересмотрѣвъ всѣ вещи, онъ смахивалъ съ нихъ пыль и начиналъ примѣривать бариново платье. Сперва надѣвалъ новые лакированные сапоги и долго сидѣлъ на бариновой кровати, любуясь блескомъ голенищъ и соображая, какъ бы хорошо имѣть въ деревнѣ такіе сапоги. Всѣ бы дѣвки ахнули!

— А ну-ка надѣну бариновы штаны съ красными кантами,—говорилъ онъ самъ себѣ и надѣвалъ штаны, потомъ сюртукъ, пальто, фуражку и долго ходилъ по комнатѣ, засматривая въ маленькое зеркало и досадуя, что видно только одно плечо или часть груди, а нельзя посмотрѣть на все великолѣпіе сразу.

Снявъ аммуницію, онъ осторожно складывалъ ее въ сундукъ, не зная, что дальше съ собой дѣлать. Впереди былъ цѣлый длинный скучный день. Онъ шелъ къ сосѣднимъ денщикамъ, также служившимъ у холостяковъ, и садился играть съ ними въ три листика или въ рамсъ.

Взявъ въ руки замусленныя до послѣдней степени карты, онъ смѣло начиналъ игру и сейчасъ же ремизился.

— Одна шваль пошла,—жаловался онъ.—Кажинный день не прётъ, хучь плачь.

— А теперича пойдемъ до Василя,—предложилъ денщикъ Чубуковскаго какъ-то разъ послѣ игры.

— Какой такой Василь?—спросилъ Гундоба.

— Пойдешь, увидишь.

Домъ Василя былъ недалеко отъ казармъ. По вечерамъ тамъ слышались пѣсни, женскій визгъ и пьяные возгласы. Нерѣдко тамъ отчаянно кричали „караулъ", тащили кого-то

въ участокъ, а изъ оконъ офицерскихъ квартиръ высовывались испуганныя физіономіи полковыхъ дамъ и смотрѣли на процессію.

— Я блаародная дѣвица,—визжалъ женскій голосъ.—Какое такое ты имѣешь полное право, чтобы меня въ участокъ?

Въ этотъ притонъ собирались по вечерамъ всякія подозрительныя личности, пили и буянили.

Гундоба еще ни разу не былъ у Василя, но его сильно разбирало любопытство.

— Пойду,—рѣшилъ онъ.—Посмотрю только, какіе тамъ порядки.

И, въ сопровожденіи четырехъ другихъ денщиковъ, переодѣвшись въ рубаху и картузъ, онъ направился къ Василю.

При ихъ приближеніи на дворѣ бѣшено залаяла собака, громыхая цѣпью и стараясь сорваться, чтобы укусить гостей. Чья-то голова высунулась изъ двери и грубо спросила, что имъ нужно.

— Гости изъ-за моря пріѣхали,—сострилъ одинъ изъ нихъ.—Отворяй ворота, растопыривай карманы.

— Сейчасъ,—отвѣтила голова и скрылась.

— Если что, тикай, братцы!—сказалъ боязливо Гундоба.

— Пожалуйте, пожалуйте,—заговорила басомъ толстая старуха, отворяя двери и пропуская гостей.—Емназистка есть. Новенькая.

Гундоба вошелъ въ комнату и растерялся. Женщины, сидѣвшія здѣсь, показались ему ослѣпительно-нарядными.

— Вѣрно, образованныя барышни,—подумалъ онъ.

Одна изъ нихъ, очень толстая, въ такомъ декольте, что видно было грудь почти до пояса, подошла къ нему.

— Пойдемъ, что-ль,—сказала она.

— Куда?—изумленно спросилъ Гундоба.

Женщина засмѣялась. Голосъ у нея былъ звонкій, пріятный, и сама она очень понравилась Гундобѣ.

У нея было славное, круглое лицо, бѣлые зубы, и ему стало жалко, что такая хорошая, здоровая баба пропадаетъ понапрасну.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

— Дома меня Евдошкой звали,—сказала она,—а по-здѣшнему Маргариткой.

— Давно здѣсь?

— Нѣтъ, недавно.

— А раньше ихдѣ была?

— Гдѣ была, тамъ теперь нѣту.

— Что-жъ у тебя, мужъ былъ?

— Ну, былъ.

— Кто-жъ ёнъ?

— Нашелся одинъ такой... Да чего тебѣ все нужно знать?

— Такъ... Антиресно.

Онъ выпилъ съ ней пива, потомъ водки и захмелѣлъ.

Съ этого вечера онъ сталъ часто бывать у Василя и вести разговоры съ Евдошкой.

— Чего ты такая невеселая?—спрашивалъ онъ часто. — Меня не любишь.

— А чего мнѣ тебя любить? Я буду любить того, у кого денегъ много, а ты бѣдный. На чорта ты мнѣ сдался!

Гундобѣ становилось горько отъ такихъ Евдошкиныхъ рѣчей. У него, въ самомъ дѣлѣ, въ карманѣ давно свистѣлъ вѣтеръ. Онъ теперь усиленно игралъ въ карты, занимая по пятачку у всѣхъ, кто давалъ. Но и въ карты ему не везло, онъ проигрывалъ и должалъ. Какъ-то разъ онъ нашелъ въ старомъ бариновомъ чемоданѣ, выброшенномъ въ сарай, золотой крестъ, повидимому, забытый тамъ.

— Баринъ, видно, запамятовалъ про крестикъ, — думалъ Гундоба, вертя каждый день въ рукахъ золотую вещицу. Охъ, и продалъ бы я крестикъ, да страшно. И не хорошо! Не совсѣмъ хорошо. Даже оченно скверно. Перво дѣло — баринъ добрый, второ дѣло —противъ леригіи.

Но любовь Евдошки оказалась сильнѣе доводовъ совѣсти, и въ одинъ прекрасный день Гундоба понесъ крестикъ „до жѝда“, который занимался всякими темными дѣлами. Еврей безъ разговоровъ далъ два рубля, и Гундоба сейчасъ же отнесъ ихъ Евдошкѣ, которая любила его за это цѣлый вечеръ.

— Ахъ, хороша дѣвка! — съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ, лежа у себя на постели, Евдошкину любовь.—Крѣпкая дѣвка, знатная дѣвка! По всѣмъ статьямъ...

Счастье Гундобы продолжалось, однако, недолго. У Василя какъ-то разъ проломили голову солдату, и военное начальство обратилось къ губернатору съ просьбой убрать Василя изъ города. И Василь пропалъ, а съ нимъ вмѣстѣ пропала и Евдошка, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ: Гундоба попалъ въ венерическое отдѣленіе бригаднаго лазарета.

— Ты не робѣй, дядя, — утѣшали его больные сотоварищи.—Это вылѣчить, что плюнуть. Принялъ тридцать уколовъ въ задъ, и хучь жениться!

— Я вотъ теперь дюже здоровый сталъ, — разсказывалъ другой,—желудокъ вовсе, что есть, обработался. Все кушаю, слава Богу, капусту, картошку, колбасу... Пузо у меня теперь такое, какъ бульба. Спасибо господину дохтуру.

Но Гундоба, выслушивая всѣ эти утѣшенія, упрямо мол-

чалъ. Съ нимъ творилось что-то странное. Куда дѣлись его веселыя прибаутки, анекдоты, разсказы: онъ ходилъ и глядѣлъ, точно въ воду опущенный.

— Пойду я, братцы, въ роту, — сказалъ однажды Гундоба.—Что-то мнѣ тошно.

Въ ротѣ онъ не засталъ никого, такъ какъ всѣ были въ караулѣ.

Посидѣвъ на своей прежней койкѣ съ полминуты, онъ досталъ изъ кармана боевой патронъ, вложилъ его въ винтовку, потомъ снялъ съ ноги сапогъ, размоталъ портянку и, опершись грудью на дуло ружья, надавилъ спускъ пальцемъ ноги.

Раздался такой звукъ, точно кто со всего размаху вышибъ оконную раму.

Изъ сосѣднихъ ротъ сбѣжались солдаты, потомъ пришли офицеры, и каждый старался заглянуть умирающему въ лицо, точно особенно интересуясь тѣмъ, какія черты налагаетъ на человѣка смерть.

Гундобу положили на казенную кровать и понесли въ лазаретъ, а за нимъ тянулась испуганная, взволнованная толпа людей.

— Странный случай,—удивлялись офицеры.

Гундоба лежалъ, закрывши глаза, и тихо стоналъ. По временамъ ему казалось, что онъ падаетъ въ глубокую черную яму, и тогда онъ дико вскрикивалъ:

— Ой, братцы, держите меня... Держить!..

Въ лазаретѣ онъ мучился еще два часа.

Докторъ засовывалъ ему въ рану длинный кусокъ марли. Рана была сквозная въ грудь. Онъ только корчился, но не открывалъ глазъ и не вымолвилъ ни слова.

Трикоза стоялъ тутъ-же и плакалъ навзрыдъ.

— Что, тебѣ больно?—спрашивалъ онъ, наклоняясь надъ самымъ лицомъ товарища.

— Испить!—только сказалъ Гундоба и умеръ.

Вячеславъ Артемьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НА ВОЛГѢ.

Укачай ты меня, мать родная рѣка,
Истерзался я скорбью и мукой,—
На просторѣ своемъ въ челнокѣ рыбака
Укачай ты меня, убаюкай!
Я судьбою забитъ, я трудомъ истомленъ,
Жажды жизни нѣтъ въ сердцѣ усталомъ...
Ты навѣй на меня оживляющій сонъ
Бѣлой чайки крыломъ-опахаломъ!
Укачай, усыпи, чтобы всталъ я отъ сна
Полный юности силы могучей,
Чтобы пѣсня моя, словно въ бурю волна,
Зазвенѣла отвагой кипучей!

Я не знаю, уснулъ я въ рыбачьемъ челнѣ,
Иль обвѣянъ былъ вешнею чарой,
Но не лепетъ волны,—вдругъ послышались мнѣ
Рѣчи Волги, волшебницы старой:
„Усыпить—усыплю, оживить—оживлю,
Только дать тебѣ молодость снова
Не могу я, родной, какъ тебя ни люблю:
Не властна я надъ тѣнью былого.
И на что тебѣ дерзкую юность твою?
Пѣсню вольную старость не сложитъ,
А идти умирать за свободу въ бою
И калѣка, какъ юноша, можетъ".

Вздрогнулъ я и очнулся... Свѣтлы небеса;
Волга катитъ широкія воды;
Рѣютъ въ синей дали челноковъ паруса,

Какъ знамена крылатой свободы...
И исчезли, какъ дымъ, и сомнѣнья, и страхъ,
Сердце бьется увѣренно, твердо,
И душа, отряхнувъ себялюбія прахъ,
Къ солнцу правды возносится гордо.
Вновь воскресла во мнѣ сила бурь и тревогъ,
Вновь стремлюся я къ подвигу жадно...
— Эй, вставайте, кто рока осилить не могъ.
Даже пасть за свободу отрадно!

Н. Вѣдковъ.

ТАМЪ, ГДѢ ИГРАЮТЪ.

I.

Яша Горлинъ любилъ, сидя на кровати и заложивъ руку въ густые волосы, уноситься въ тревожный міръ своихъ бодрыхъ и капризно переплетающихся думъ. Онъ умѣлъ думать одновременно о прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Въ волшебномъ зеркалѣ его молодого воображенія все—тусклое и яркое, гнетущее и радостное—отражалось одинаково свѣтлыми, лучистыми образами. Не было противорѣчія между грезами о солнечномъ храмѣ будущаго и тусклой, сухой, безобразно-широкой казармой, которая его окружала. Мимо него проходили странные, чужіе и угрюмые люди, тяжело ударяли сапоги, лязгали затворы винтовокъ; на немъ былъ мундиръ съ мѣдными пуговицами — все это было непривычно и неудобно. Но Яша не замѣчалъ этихъ неудобствъ, не думалъ о нихъ. Для него, полнаго энергіи и жажды познанія, было такъ много неизвѣданныхъ ощущеній, интересныхъ встрѣчъ и яркихъ впечатлѣній въ этомъ новомъ, незнакомомъ ему мірѣ.

Ему везло на службѣ, какъ и вездѣ. Искрящійся взглядъ большихъ ласково-серьезныхъ глазъ, быстрая и бодрая рѣчь, благородство въ манерахъ, въ голосѣ, въ матовой блѣдности лица—все это привлекало къ нему офицеровъ и солдатъ. Въ казармѣ за нимъ ухаживали, какъ за ребенкомъ. Евреи-солдаты гордились имъ, образованнымъ, любимымъ, богатымъ. Какъ-то само собой случилось, что его освободили отъ тяжелыхъ солдатскихъ обязанностей, отъ работъ, караула, даже отъ строя. Его кровать поставили въ ротной канцеляріи, и солдатъ, служившій фельдфебелю, добровольно вызвался служить и ему. Ротный командиръ пригласилъ его репетиторомъ къ своимъ дѣтямъ, говорилъ ему „вы“ и распорядился, чтобы онъ могъ безпрепятственно уходить изъ казармы. Ему везло. Но, избалованный съ дѣтства, онъ

принималъ все, какъ должное. Онъ не зналъ тревоги о завтрашнемъ днѣ. Онъ никогда не думалъ о тѣхъ мелкихъ удобствахъ, изъ которыхъ складывается жизнь. Въ его жизни все совершалось внезапно. Онъ привыкъ къ этому, и когда внезапно очутился въ казармѣ, это ни на минуту не огорчило и не смутило его. Онъ радостно плескался въ волнахъ новыхъ впечатлѣній и былъ счастливъ.

Однажды къ Якову подошелъ Абрамъ Соловейчикъ и, почтительно ухмыляясь, заговорилъ на своемъ смѣшномъ полурусскомъ языкѣ:

— Здравствуйте, пане Горлинъ! Какъ вы себѣ поживаете?

Яша крѣпко пожалъ ему руку и попросилъ сѣсть. Онъ любилъ Соловейчика. Это былъ степенный, аккуратный и честный юноша. Въ ротѣ онъ былъ на хорошемъ счету, дружилъ съ унтерами и безропотно несъ всѣ служебныя обязанности. Взглянувъ на него въ эту минуту, Горлинъ почему-то подумалъ, что знаетъ его издавна, и, слѣдя за своей скачущей мыслью, неожиданно спросилъ:

— Скажите, Соловейчикъ, вы—столяръ?

— Откуда вы это знаете? — улыбаясь, отвѣтилъ тотъ, и Яша съ удовольствіемъ подумалъ, что онъ въ такихъ случаяхъ почти всегда угадываетъ. Въ родномъ городѣ, на Литвѣ, гдѣ онъ, полюбивъ бурю жизни, окунулся въ водоворотъ рабочаго движенія, у него были ученики-столяры: степенные, исполнительные и увѣренные въ себѣ.

— Пане Горлинъ, — заговорилъ послѣ довольно долгаго молчанія Абрамъ Соловейчикъ,—у меня къ вамъ просьба.

— Говорите.

— Вы знаете Шпилера? Мотль Шпилера?

— Знаю,—отозвался Яша, и въ его воображеніи ожила тщедушная фигурка маленькаго солдатика сосѣдней роты.

— Плохо съ нимъ!

Яшѣ часто приходилось ходатайствовать передъ офицерами за евреевъ, въ чемъ-либо провинившихся. Онъ охотно бра лся за это.

— Что, самовольная отлучка?—смѣясь, спросилъ онъ.

— Что вы знаете, пане Горлинъ? — заговорилъ Соловейчикъ, убѣдительно жестикулируя огромной, сжатой въ кулакъ, рукой. — Весь городъ кипитъ! Ой, этотъ Шпилеръ! Солдатъ это? Холера это, а не солдатъ! „Іолдъ"—и больше ничего! Какъ я еврей, будь я офицеромъ, я выгналъ бы его изъ казармы. На что онъ годится? Работать не умѣетъ и хочетъ быть бариномъ! Стыдъ и больше ничего!—и Соловейчикъ энергично сплюнулъ.

Яша смотрѣлъ на его большое загорѣлое лицо и внезапно спросилъ:

— Послушайте, Соловейчикъ, отчего вы не поѣхали въ Америку?

— Я? Я вездѣ проживу!—отозвался тотъ и самоувѣренно взмахнулъ рукой. Потомъ, обернувшись къ Яшѣ всей своей фигурой, онъ заговорилъ задумчиво и полутаинственно: — Вы знаете, пане Горлинъ? Я таки хотѣлъ съ вами говорить объ Америкѣ. Надо Шпилера отправить въ Америку — вотъ что!

Онъ сѣлъ и, положивъ свою мощную руку на колѣно Яши, медленно и обстоятельно разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Мотль Шпилеръ дрянной солдатъ... Гдѣ онъ выросъ, такой самовольный? Кажется, судьба его не баловала. Безъ знаній, безъ ремесла, безъ поддержки, онъ бился всю свою жизнь, какъ рыба объ ледъ. Онъ и въ приказчикахъ жилъ, и кондукторомъ на конкѣ ѣздилъ, и лотерейными билетами торговалъ—и нигдѣ не могъ ужиться. Попалъ на службу—жилъ бы спокойно! Четыре года безъ заботъ, на готовой квартирѣ и хлѣбахъ, для него вѣдь это счастье! Можетъ быть, онъ, умный и образованный панъ Горлинъ, объснитъ темному Соловейчику, чего нужно этому человѣку? Отчего онъ такой безпокойный, неладный такой? Служба—вѣдь это не игрушка, казарма не „ешиботь“... Вѣдь онъ не маленькій. Послали въ караулъ — стой! Но Мотль Шпилеръ положительно сумасшедшій. Дисциплины онъ не хочетъ признать! Уходитъ, когда хочетъ; наказываютъ,—отсидитъ на гауптвахтѣ и опять за свое... играетъ съ огнемъ, какъ глупое дитя...

— А вѣдь вы, пане Горлинъ, знаете, что такое тринадцатая рота!

Это Яша зналъ хорошо.

Среди офицеровъ полка не было такого болѣзненно-злого человѣка, какъ капитанъ Зеленскій. Огромный, плѣшивый, съ изрытымъ лицомъ и хриплымъ голосомъ, выдающимъ разъѣдающую его отвратительную болѣзнь,—этотъ офицеръ былъ настоящимъ тираномъ своей роты. Онъ омерзительно ругался и билъ солдатъ, особенно евреевъ. Его боялся весь полкъ. Офицеры не любили его. Жена его бросила. Одинокій, всегда пьяный, онъ все время проводилъ въ ротѣ и однимъ своимъ присутствіемъ превращалъ казарму въ каторгу. Евреевъ своей роты онъ изводилъ работой и устраивалъ для нихъ отдѣльныя ученія. Онъ выстраивалъ возьмерыхъ евреевъ посреди казармы и командовалъ: „Іерусалимскіе дворяне... бѣгомъ маршъ!“ и часами, въ сладострастномъ упоеніи, слѣдилъ, какъ задыхающіеся,

облитые потомъ солдаты бѣгали тяжелымъ военнымъ бѣгомъ по казармѣ. Потомъ онъ командовалъ „прицѣлку“: „Рабой-сай... пли!“ и смѣялся мелкимъ хриплымъ смѣхомъ и кричалъ: „Фельдфебель, водку!“... Было страшно въ его ротѣ. Когда евреи попадали на службу въ полкъ, они молились: лишь бы не въ тринадцатую роту! И бѣгали изъ нея. Про каждаго еврея, назначеннаго къ капитану Зеленскому, унтера шутили: „этого въ Америку“... Евреи изъ другихъ ротъ помогали несчастному совершить побѣгъ, собирали въ складчину деньги, обращались къ еврейскимъ благотворителямъ...

— Чего же онъ не уѣхалъ?—спросилъ Яша.

Абрамъ Соловейчикъ задумчиво обхватилъ свой подбородокъ и медленно отвѣтилъ:

— Видите ли, пане Горлинъ, это *сложная* исторія! Это большая исторія,—повторилъ онъ и неожиданно быстрымъ и взволнованнымъ шопотомъ продолжалъ:—только вы здѣсь можете помочь, пане Горлинъ, только вы... Мотль Шпилеръ—развѣ это человѣкъ—Мотль Шпилеръ! Я вамъ скажу, пане Горлинъ, Мотль Шпилеръ—муха, маленькая мушка! И попалъ онъ въ паутину, въ большую крѣпкую паутину. И запутался онъ въ ней, и бьется онъ, Мотль Шпилеръ! И я вамъ скажу, пане Горлинъ, вамъ надо вмѣшаться въ это дѣло, надо вмѣшаться!..

У Яши въ умѣ блеснула догадка.

— Дѣвушка?—кратко спросилъ онъ.

Соловейчикъ внезапно покраснѣлъ. Потомъ въ его глазахъ блеснулъ огонекъ, и онъ горячо отозвался:

— Дѣвушка, говорите вы? Это, пане Горлинъ, не дѣвушка, а дьяволъ! Не дѣвушка, а хищная птица! Вы шутите съ ней? Вы не знаете Геси Флигъ!

Онъ грозно-торжественно оглянулъ Горлина, какъ бы предупреждая его о неминуемой опасности, потомъ провелъ рукой по волосамъ и, понизивъ голосъ до слабаго шопота, продолжалъ:

— А Мотль Шпилеръ... Что такое Мотль Шпилеръ? Вѣдь это, извините меня, пане Горлинъ, вѣдь это клопъ! И если онъ попался въ ея цѣпкія ручки, — Соловейчикъ затянулъ эту фразу на талмудическій мотивъ,—и если онъ, слабая мушка, попался въ ея паутину, то, спрашиваю я васъ, пане Горлинъ, что съ нимъ станется?

Яша всталъ и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Жажда дѣятельности и яркихъ впечатлѣній, которая жила въ немъ всегда, вспыхнула съ особенной силой. Онъ подошелъ вплотную къ Соловейчику и сочнымъ, полнымъ энергіи и живости голосомъ спросилъ:

— Гдѣ я его увижу?

Соловейчикъ схватилъ его за руку.

— Благодарю васъ, пане Горлинъ! А насчетъ того, гдѣ его увидѣть,—протянулъ онъ съ излюбленнымъ напѣвомъ,—такъ вы вѣдь знаете, пане Горлинъ, вы вѣдь знаете, гдѣ мы всѣ... Однимъ словомъ, у Арона стекольщика.

— Тамъ, гдѣ играютъ?—переспросилъ Яша.

— Тамъ, гдѣ играютъ,—повторилъ Абрамъ Соловейчикъ.

II.

Въ подвалѣ, въ которомъ ютилась семья Арона Флига, издавна создался своего рода клубъ для евреевъ-солдатъ. Отъ угрюмой казарменной тоски, отъ жути одиночества спасались въ этомъ домѣ юноши, оторванные отъ семьи, заброшенные въ огромный приморской городъ, далекій отъ Литвы. Аронъ Флигъ, старый николаевскій солдатъ, жилъ воспоминаніями о своей двадцатилѣтней службѣ, любилъ, становясь въ воинственную позу, изображать своихъ давно покойныхъ командировъ, любилъ похвастать строгой дисциплиной николаевскихъ временъ, спорить съ молодежью о преимуществахъ старыхъ пріемовъ стрѣльбы и шагистики и чувствовалъ себя хорошо только въ обществѣ солдатъ. Онъ ступалъ тяжелыми и ровными шагами, грозно хмурилъ свои большія нависшія брови и подстригалъ бороду острымъ клиномъ, что дѣлало его похожимъ на стараго угрюмаго генерала, чей портретъ висѣлъ надъ столомъ рядомъ съ портретомъ великаго филантропа Моисея Монтефіора. Его жена, Сарра, постоянно чинила солдатскій мундиръ или готовила завтракъ для солдата, назначеннаго въ караулъ. Она продавала чай и молоко,—это была ея профессія. Но ея призваніемъ былъ материнскій уходъ за своими кліентами. Не хуже любого полкового фельдфебеля она знала всѣ караульные посты, всѣхъ офицеровъ полка и умѣла превосходно сложить шинель въ наплечный крендель и подвязать котелокъ. Вся переписка евреевъ-солдатъ съ родными проходила черезъ ея руки. Бѣглецы снаряжались ею въ путь. Попавшіе въ бѣду приходили къ ней за помощью. Ее звали „солдатскою маткой“, и самый ея говоръ, мягкій, пѣвучій говоръ старой еврейки пестрѣлъ военными терминами и солдатскими поговорками. Старшую свою дочь, Лію, она выдала за солдата, и хотя ея зять оказался негодяемъ и, окончивъ службу, исчезъ, бросивъ молодую женщину съ ребенкомъ—она не озлобилась противъ солдатъ и высматривала жениха для младшей дочери среди своихъ кліентовъ. Сынъ Арона и Сарры

Миша, былъ музыкантомъ. Онъ игралъ на скрипкѣ и служилъ въ струнномъ оркестрѣ, увеселявшемъ публику на еврейскихъ свадьбахъ. Миша дружилъ съ полковыми музыкантами, и, благодаря ему, наиболѣе частыми и желанными гостями въ подвалѣ были евреи изъ музыкантской команды. Они были свободнѣе строевыхъ солдатъ и оставались здѣсь до глубокой ночи. Гурвичъ приносилъ свою флейту, Исаакъ Гольдъ кларнетъ, Миша настраивалъ скрипку, старый Аронъ становился въ дирижерскую позу, и начинался концертъ. Въ подвалѣ дѣлалось тихо-радостно. Исчезалъ холодъ чужбины, мракъ одиночества. Не было казармы, начальства, сухого лязга ружей. Сколько было людей, всѣ сливались въ одномъ чувствѣ тихаго, грустнаго счастья. Проносились вздохи и сливались съ музыкой, глаза заволакивались тонкой пеленой влаги. Было хорошо.

И когда въ полку говорили о чайной Арона Флига, то называли этотъ подвалъ неяснымъ, но любовнымъ указаніемъ: „тамъ, гдѣ играютъ".

Когда Горлинъ вмѣстѣ съ Абрамомъ Соловейчикомъ появились въ первой комнатѣ подвала, Соловейчикъ, вмѣсто привѣтствія, произнесъ:

— Ну, вотъ, Сарра, привелъ вамъ!

На его лицѣ было написано торжество, голосъ дрожалъ отъ рядостнаго волненія, рука заискивающе-фамильярно обхватила талію Яши.

Сарра, смущенно и радостно улыбаясь, оглядывала гостя. Въ дверяхъ, ведущихъ во вторую комнату, показалась фигура знакомаго Яшѣ музыканта, а черезъ его плечо смотрѣла свѣтлая головка дѣвушки. Яша нѣсколько смутился, но быстро оправился, бодро поздоровался и вслѣдъ за Соловейчикомъ прошелъ во вторую комнату.

Было воскресенье, и народу собралось болѣе обыкновеннаго.

Яша не замѣтилъ, какъ очутился въ центрѣ компаніи, за большимъ круглымъ столомъ. Всѣ говорили съ нимъ, разспрашивали его.

Старый Аронъ, съ уваженіемъ дотрогиваясь до серебрянаго портсигара Яши и осторожно вытягивая папиросу, говорилъ медленно и полутаинственно:

— Вамъ, господинъ Горлинъ, вамъ можно было бы и не служить... Зачѣмъ это вамъ? Вы, вѣдь, такой образованный, и вамъ совсѣмъ не надо слышать: направо! ровняйсь! пли! Вы, слава Богу, и не бѣднякъ — хозяйское дитя... Зачѣмъ

вамъ служба? Если бы еще въ офицеры выслужиться—это я понимаю! А солдатъ—фи, вамъ это совсѣмъ не идетъ!

Худой и блѣдный солдатикъ, который сидѣлъ рядомъ съ Яшей, наклонился къ нему и тихо говорилъ:

— А, вѣдь, я васъ помню, господинъ Горлинъ! И какъ хорошо еще я помню васъ, господинъ Горлинъ!.. Вы знаете?.. У портныхъ!.. Годовщина! Ой, какъ хорошо вы говорили на годовщинѣ нашего союза! Ой, какъ хорошо, господинъ Горлинъ! А сходки? Развѣ вы не приходили на наши сходки? Что вы говорите, господинъ Горлинъ! Развѣ я могу васъ не помнить?..

Онъ смѣялся тихимъ и счастливымъ смѣхомъ, все ниже склонялся къ Яшѣ и, внезапно возвысивъ голосъ, съ какимъ-то радостнымъ визгомъ почти выкрикнулъ:

— А звали васъ—Владиміръ! Владиміромъ васъ звали, господинъ Горлинъ!

Яша разсмѣялся. Теплая струя счастья хлынула на душу съ береговъ прошлаго и смѣшалась съ радостнымъ волненіемъ, которое вливалось въ душу всѣми этими теплыми, почтительными, сумбурно переплетающимися голосами. Ему не давали сосредоточиться на одной мысли, не давали осмотрѣть комнату, окружающихъ. Пятнами, хаотичными и яркими, падали впечатлѣнія на его сознаніе. Говорили о немъ, какъ будто его не было здѣсь. И Яшѣ самому казалось, что онъ какой-то далекій, чужой, достойный восхищенія.

Абрамъ Соловейчикъ говорилъ, ухмыляясь широкой счастливой улыбкой:

— Онъ съ офицерами, какъ я съ Гурвичемъ... Развѣ не такъ, пане Горлинъ? А командиръ полка ему сказалъ „вы", когда приходилъ въ роту! А поручикъ Казанскій играетъ съ нимъ въ шахматы! Что ему служба, спрашиваю я васъ? Что ему служба? Игрушка и больше ничего!

Его разспрашивали объ офицерахъ, о родителяхъ, о томъ, что онъ будетъ дѣлать послѣ службы.

Всѣ интересовались имъ, только имъ однимъ...

Когда въ большой комнатѣ занялись музыкой, Яша поднялся изъ-за стола и оглянулъ группу людей, сплетенную странными нитями изъ звуковъ, безсознательныхъ и безпричинныхъ движеній и тонкихъ, косыхъ пыльныхъ лучей, проникающихъ въ подвалъ черезъ грязное стекло окошка у самаго потолка.

Теперь онъ замѣтилъ ту свѣтлую дѣвушку, которая его встрѣтила. Изогнувшись красивымъ и томнымъ изгибомъ, она сидѣла на полу, опираясь о стѣну. Яша проходилъ мимо нея. Она смотрѣла своими большими цвѣтистыми, смѣющимися глазами въ его глаза и, казалось, собиралась

съ нимъ заговорить. Яша улыбнулся и остановился, выжидая. Играли торжественный маршъ.

— Вы будете къ намъ ходить? — спросила дѣвушка, не мѣняя позы, мелодичнымъ, пріятнымъ голосомъ.

Яша залюбовался ею, свѣтлой, нѣжной, стыдливой и вмѣстѣ коварной, и неожиданно спросилъ:

— Васъ зовутъ Гесей?

Она, какъ и онъ, не отвѣтила на вопросъ, только улыбнулась. Яша постоялъ минуту и вышелъ въ первую комнату.

У самыхъ дверей сидѣла Сарра. Она заговорила съ Яшей сразу, какъ умѣютъ заговаривать только старыя женщины.

— Моего зятя тоже зовутъ Яковомъ. Онъ красивый и умный, пусть люди говорятъ, что хотятъ... Я вамъ скажу: онъ вернется! Они говорятъ: негодяй, шарлатанъ, онъ, можетъ быть, въ Америкѣ гдѣ-нибудь, онъ, можетъ быть, женился. Я же говорю: онъ вернется! Развѣ Лія плохая жена? Вѣдь онъ ее любитъ! Я, вѣдь, его знаю! Знаю его душу, сны его знаю. Онъ вернется... Развѣ Лія непослушна, некрасива? Моими дочерьми я могу гордиться, не правда-ли, Яковъ?..

Яшѣ было пріятно, что она назвала его просто, по имени. Было что-то грѣющее и ласкающее въ ея пѣвучей рѣчи. Онъ сѣлъ на стулъ, одиноко и какъ-то несуразно стоявшій посреди комнаты, и былъ доволенъ, что вокругъ него нѣтъ толпы, нѣтъ шума, что онъ можетъ, наконецъ, оглянуться, подумать.

Сарра придвинула свой табуретъ ближе къ Яшѣ и продолжала:

— За ней, за моей Ліей, бѣгали такъ же, какъ за Гесей. Молодые люди! Всякій думаетъ, что онъ благословенный, что ему принадлежитъ свѣтъ, и солнце, и луна, и красивыя дѣвушки!.. Вы ея не знаете, Лію? Вы посмотрите на Гесю— вылитый портретъ. Она была тише, это правда... Она смирная, покорная и—что вы думаете?—именно потому несчастная... Пусть я старая еврейка, но я знаю, что для жизни надо имѣть зубы, острые зубы. Тупыми ея не раскусишь! У Геси, говорю я, есть зубы, и она свою жизнь сдѣлаетъ... Ходитъ за ней этотъ Мотль Шнилеръ. Хорошій человѣкъ, я его люблю. Только зубовъ у него нѣтъ. Мнѣ его жалко... Вамъ хорошо. Вы—человѣкъ!

— Съ зубами?—тихо спросилъ кто-то.

Яша вздрогнулъ и оглянулся. За его спиной стояла Геся. Она была серьезна, только въ искрящихся глазахъ застылъ смѣхъ. Яша посмотрѣлъ на нее смѣлымъ, вызы-

вающимъ взглядомъ. Словно передъ нимъ стоялъ врагъ. Онъ приподнялся, какъ бы надвигаясь на нее.

Но она разсмѣялась невиннымъ веселымъ смѣхомъ. Раз смѣялся и Яша.

— Вы боитесь меня,—сказала Геся. — Вамъ мама наговорила обо мнѣ ужасовъ.

Голосъ ея звучалъ коварствомъ. Шаловливое дѣтское веселье охватило Яшу. Въ головѣ толпились задорныя мысли. Хотѣлось сказать дѣвушкѣ, что ужасъ съ такими яркими лукавыми глазами, съ такимъ свѣтлымъ нѣжнымъ лицомъ, съ такой густой и длинной, золотомъ залитой косой, съ такимъ гибкимъ станомъ, съ такимъ маленькимъ и манящимъ ртомъ—что такой ужасъ слаще радости, заманчивѣй счастья! Но онъ тихо произнесъ:

— Что вы дома сидите, въ такой славный день?

Геся взглянула въ окно быстрымъ, какъ искра, взглядомъ. Но вмѣсто нея отозвалась мать.

— Она сидитъ дома? — печально усмѣхнулась старая Сарра.—Это я сегодня упросила ее остаться дома. По цѣлымъ днямъ я не вижу ея. Вы думаете, Яковъ, что мнѣ жалко неба, воздуха или тротуаровъ? Я ничего ей не говорю. Но себѣ я говорю: лучше бы она сидѣла дома! — и Сарра вздохнула глубокимъ и непонятнымъ вздохомъ.

По лицу Геси пробѣжала легкая тѣнь. Но это длилось одно мгновеніе. Вновь лицо ея освѣтилось улыбкой и, шаловливо дергая Яшу за мундиръ, она заговорила быстро, звонко, переливая слова смѣхомъ:

— Какой вы смѣшной въ этомъ мундирѣ! Скиньте его, умоляю васъ! Надѣньте костюмъ, черный, — вамъ къ лицу черное,—и воротничекъ бѣлый, и галстукъ... Вы будете красавцемъ, и я въ васъ влюблюсь... Хотите?

— Хочу!—весело отозвался Яша и схватилъ ее за руку.

Въ эту минуту изъ второй комнаты вышелъ Абрамъ Соловейчикъ, радостно улыбающійся, умиленный. Онъ подошелъ къ Яшѣ, положилъ руку на его плечо и произнесъ своимъ заискивающимъ и въ то же время увѣреннымъ голосомъ:

— А что, пане Горлинъ, таки хорошо здѣсь? Здѣсь-таки можно провести часикъ-другой, и совсѣмъ не плохо... Не правду я говорю, пане Горлинъ?

III.

Въ подвалѣ собиралось все больше народу, но Яшѣ внезапно захотѣлось остаться одному. Уже наступалъ вечеръ. Яша разсчитывалъ погулять и вернуться въ казарму, когда она заснетъ. Онъ любилъ работать въ своей маленькой комнаткѣ подъ несмѣлымъ вѣтеркомъ, пробирающимся сквозь открытое окно, и подъ доносящіеся издали звуки многогрудаго дыханія казармы.

Но неожиданно пришелъ Мотль Шпилеръ, и Яша остался.

Мотль Шпилеръ былъ одѣтъ въ потрепанный и лоснящійся пиджакъ, слишкомъ широкій и слишкомъ длинный для его маленькой тощей фигурки. На головѣ, сдвинувшись къ затылку, сидѣла изломанная и пожелтѣвшая отъ времени шляпа-котелокъ, а ноги были обуты въ тяжелые солдатскіе сапоги, что дѣлало его похожимъ на шарманщика литовскихъ городовъ.

Войдя въ комнату, онъ разсѣянно оглянулся и чему-то улыбнулся смущенной и жалкой улыбкой. Глаза большіе, темнокаріе, жалостливые и какъ будто удивленные, мелкія черты лица, небритый раздваивающійся подбородокъ, нѣсколько выдающіяся скулы, придающія щекамъ видъ впадинъ и всему лицу печать изможденности... Этого затаенно-содержательнаго и невыразимо печальнаго человѣка Яша замѣтилъ впервые. Между тѣмъ, Яша, любившій человѣческое лицо и особенно глаза, встрѣчалъ Мотля много разъ

Абрамъ Соловейчикъ, стоявшій рядомъ съ Горлинымъ, наклонился къ его уху и замѣтилъ шопотомъ:

— Какъ вамъ нравится этотъ франтъ, пане Горлинъ? Скинулъ сѣрый мѣшокъ, и совсѣмъ не тотъ человѣкъ?

Яша внезапно понялъ, какъ случилось, что онъ раньше не примѣтилъ лица Шпилера,—понялъ и ужаснулся и началъ неловко и нетерпѣливо дергать плечами, какъ будто казенный мундиръ, этотъ „сѣрый мѣшокъ", сковывалъ его, безобразилъ и обезличивалъ, какъ обезличилъ онъ Шпилера, отнявъ выразительность и печальную удивленность у его глазъ, окрасивъ его въ сѣрый цвѣтъ.

Мотль Шпилеръ, между тѣмъ, замѣтилъ Яшу и направился къ нему мелкимъ и быстрымъ, отнюдь не солдатскимъ шагомъ. Его нѣсколько искривленный ротъ, всегда полуоткрытый, расширился въ счастливую удивленную улыбку.

— Господинъ Горлинъ!—тихимъ и смущенно-радостнымъ голосомъ произнесъ онъ и несмѣло протянулъ руку.

Яша крѣпко пожалъ ее и спросилъ:

— Что это вы такимъ щеголемъ?

Шпилеръ разсѣянно оглянулъ себя.

— Это?—и лишь послѣ минуты разсѣяннаго раздумья объяснилъ.—Это ничего!

Яша невольно улыбнулся. Заговорилъ Соловейчикъ:

— А, пане Горлинъ? Какъ вамъ нравится этотъ бравый воинъ? Капитанъ Зеленскій сердитъ на него, такъ онъ осерчалъ на капитана Зеленскаго! Недурно, вѣдь, пане Горлинъ, а? Не хочетъ идти въ роту, и все тутъ! Ему и здѣсь хорошо! Напялилъ старый сюртукъ Мини и старую шляпу Арона и щеголяетъ... пока не поймаютъ! Уже онъ числится въ бѣгахъ, нашъ франтъ!

Яшѣ не понравился насмѣшливый тонъ Соловейчика. Онъ ничего ему не отвѣтилъ и обратился къ Шпилеру:

— Какъ живете, Шпилеръ, разскажите!

Мотль смущенно улыбнулся.

— Я?—переспросилъ онъ и вновь небрежно оглянулъ себя.—Я ничего!—и онъ благодарно посмотрѣлъ на Яшу.

Потомъ осторожно тронулъ Яшу за руку и тихо произнесъ:

— Господинъ Горлинъ! Какъ вы мнѣ нужны, господинъ Горлинъ!

— Теперь?—спросилъ Яша.

— Теперь? А? Развѣ сейчасъ?—внезапно струсивъ и растерянно оглядываясь, бормоталъ Мотль.—Можно и теперь... Нѣтъ, не сейчасъ... Завтра... Можно завтра, господинъ Горлинъ?

— Хорошо. Я завтра сюда зайду,—и Яша, провожаемый благодарнымъ и жалостливымъ взглядомъ Мотля, началъ прощаться.

Старуха Сарра говорила ему на прощанье:

— Приходите, Яковъ. Отчего бы вамъ не приходить къ намъ? Вѣдь это пріятно—уйти на минуту отъ грубой и пьяной казармы и посидѣть съ евреями, послушать, какъ играютъ...

Изъ второй комнаты показалась высокая сутуловатая фигура стараго Арона, и послышался его голосъ:

— Прощайте, господинъ Горлинъ! И не забудьте, что я вамъ говорилъ сегодня. Совсѣмъ не для васъ служба! Если бы еще офицеромъ, а то... Это надо устроить, это я вамъ устрою, господинъ Горлинъ! И вовсе не трудно. Вы только посовѣтуйтесь со мной, со мной посовѣтуйтесь!..

А у самыхъ дверей его остановилъ Соловейчикъ и, нагнувшись къ его уху, говорилъ взволнованнымъ страстнымъ шопотомъ:

— Онъ будетъ говорить съ вами, этотъ Мотль! Такъ я

васъ прошу, не слушайте его! Развѣ онъ человѣкъ? Развѣ можно вѣрить его словамъ? Не вѣрьте ему, пане Горлинъ, и скажите ему: „Мотль Шпилеръ, уѣзжай отсюда! Мотль Шпилеръ—тебѣ здѣсь дѣлать нечего! Дадутъ тебѣ деньги, дадутъ тебѣ платье—уѣзжай!“ Вы ему это скажете, пане Горлинъ, вы это ему скажете?

Яша посмотрѣлъ на Соловейчика долгимъ внимательнымъ взглядомъ. Потомъ, улыбнувшись улыбкой начинающаго понимать человѣка, онъ попрощался съ Соловейчикомъ и открылъ дверь въ сѣни.

Но передъ тѣмъ, какъ скрыться въ эту дверь, онъ оглянулъ ищущимъ взглядомъ комнату. Геси не было.

Въ темныхъ сѣняхъ надо было взобраться на нѣсколько ступенекъ. Когда Яша, съ непривычки оступаясь и скользя, вскарабкался на середину лѣсенки, онъ внезапно ощутилъ присутствіе въ сѣняхъ человѣка. Онъ остановился, съ тревогой и любопытствомъ прислушиваясь къ порывистому дыханію этого невѣдомаго существа. Внезапно въ совершенно темномъ углу сѣней что-то, какъ-будто, сорвалось, и мимо Горлина прошмыгнула тонкая и гибкая тѣнь. Онъ не успѣлъ оглянуться, какъ эта уже исчезнувшая тѣнь вновь выросла передъ нимъ большимъ чернымъ пятномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его обдало мягкой теплотой женскаго дыханія, на глаза его легли упругія и душистыя руки, по щекѣ пробѣжала нѣжно щекочущая прядь волосъ, и въ самомъ ухѣ, оглушая и опьяняя, раздался быстрый шопотъ, похожій на сдавленный смѣхъ:

— Яша... Иди за мной, глупый!

И сейчасъ же руки оторвались отъ глазъ. Прояснившимся послѣ черной темноты взглядомъ Яша охватилъ игриво уплывающую фигуру Геси. Подчиняясь безсознательному порыву, онъ быстро вскочилъ на ступени и вслѣдъ за ней устремился за уголъ дома. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился. Порывъ прошелъ. Въ душѣ проснулась оскорбленная гордость. Онъ уже извѣдалъ любовь женщины. Онъ привыкъ встрѣчать отклякъ въ томъ сердцѣ, въ которое стучалось его желаніе. Но до сихъ поръ женщина не посягала на него, до сихъ поръ женщина не дерзала первая...

Онъ хотѣлъ уйти, но передъ нимъ встала влекущая и манящая тайна. Соблазнительный образъ Геси исчезъ; не было желанія, но была страстная жажда уловить тайну, покорить эту заманчивую невѣдомость. Оставаясь на мѣстѣ, онъ тихо позвалъ ее:

— Геся!

Но изъ-за угла, откуда-то издалека, раздалось тревожное:

„тс!“ и вслѣдъ за этимъ тонкій, пронизывающій шопотъ добавилъ:

— Я здѣсь!

Яша рѣшительно сорвался съ мѣста и пошелъ на голосъ.

Въ темномъ уголку двора росло одинокое дерево. Подъ нимъ стояла Геся, протянувъ впередъ руку и маня пальцемъ. Быстрымъ и неожиданнымъ жестомъ она сбросила съ головы Яши фуражку, одной рукой крѣпко зажала ему ротъ, другою обхватила его голову и прижавшись къ нему своей упругой опьяняющей грудью, крѣпко и медленно поцѣловала въ глаза, сперва въ одинъ, потомъ въ другой.

Взолнованный и безумно веселый, Яша вырвался изъ ея объятій и, не думая, спросилъ:

— Что это такое, Геся?

Она звонко разсмѣялась, но сейчасъ же спохватилась, сама закрыла себѣ ротъ, прошептала „тс!“ и подошла къ нему вплотную.

— Ты не знаешь, Яша? —коварно шептала она, притягивая къ груди его голову.—Это поцѣлуй!

Она не давала ему говорить. Каждый разъ, когда онъ открывалъ ротъ для того, чтобы сказать о своемъ недоумѣніи, она горячимъ поцѣлуемъ смыкала его уста. И онъ былъ въ ея власти. Дрожа отъ наслажденія, онъ пилъ ея дыханіе, ароматъ ея тѣла. И забылъ о своей гордости.

Внезапно они услышали голосъ Сарры:

— Геся! Гдѣ ты пропала? Геся, иди ужинать!

— Иди!—прошепталъ Яша.—А то она придетъ сюда.

— Не придетъ!—увѣренно отвѣтила Геся.— Посидимъ.

Они сидѣли на скамейкѣ подъ деревомъ.

— Геся,—заговорилъ Яша, сдѣлавшись снова серьезнымъ.—Вѣдь ты меня видишь въ первый разъ?

— Ну, конечно, въ первый.

Съ минуту Яша молчалъ. Потомъ снова спросилъ:

— Зачѣмъ я тебѣ, Геся?

— Я люблю тебя!—мягко и лукаво сверкая глазами, отвѣтила она.

— Такъ, сразу, полюбила?

— Такъ? Сразу? —передразнила она его.—А ты развѣ не любишь?

— Нѣтъ.

— Любишь!

— Но я не знаю тебя! Кто ты?

Она быстро закрыла ему ротъ.

— И не надо, и не надо!—напѣвая, повторила она нѣсколько разъ и поднялась со скамьи.

Она проводила его до воротъ.

— Какой ты умный!—съ искреннимъ восхищеніемъ произнесла она.

Онъ разсмѣялся.

— Но вѣдь я такъ глупо молчалъ съ тобой!

Теперь она разсмѣялась, и долго, звонко, раскатисто звучалъ ея смѣхъ. Насмѣявшись вдоволь, она отвѣтила:

— Развѣ умный говоритъ, когда можно цѣловать?

Яша внезапно задумался и остановился.

— Скажи, Геся, кого ты еще цѣлуешь, кромѣ меня? — тихо спросилъ онъ.

Геся опять закрыла ему ротъ.

— Какой ты глупый! Какой ты глупый!—произнесла она тѣмъ же тономъ восхищенія.

— Почему глупый? — обидѣлся онъ.

Но она звонко расхохоталась, закружилась вокругъ него, теребя и щипля его и сквозь смѣхъ напѣвая:

— Умный! Глупый! Глупый! Умный!

Онъ хохоталъ и кружился съ ней. И долго и весело они прощались.

IV.

Пьяная прохлада весенняго вечера ласкала лицо. По улицамъ шли веселые люди. Трезвые казались нѣсколько выпившими, а пьяно-шатающіеся имѣли видъ шаловливыхъ школьниковъ, представляющихся пьяными отъ избытка радости, счастья и молодости. Яшѣ самому хотѣлось шалить, бросать свое тѣло изъ стороны въ сторону, напѣвать безсмысленную пѣсню, сплетенную изъ всѣхъ любимыхъ мотивовъ и словъ, затрогивать прохожихъ. Солдатскій мундиръ его не стѣснялъ. Идетъ солдатикъ! Не онъ, Яковъ Горлинъ, не онъ, красивый, талантливый, любимый, богатый — солдатикъ идетъ! Сѣрый, ничтожный, никому не интересный! И если онъ будетъ шататься изъ стороны въ сторону, ударяться головой о каменныя стѣны домовъ, падать на мостовую, цинично ругаться — никто не скажетъ: „пьянъ Яковъ Горлинъ!“ Всѣ скажутъ: „идетъ пьяный солдатикъ“. Эта мысль щекотала и дразнила, наполняя душу шаловливой дерзостью маскарада. Онъ два раза, притворясь пьянымъ, наваливался всей тяжестью тѣла на прохожихъ. Прохожіе отступали и благодушно приговаривали:

— Отчаливай, землякъ!

А Яша мальчишески-радостно смѣялся въ душѣ надъ ними, которыхъ онъ обманулъ, которые его, Якова Горлина, назвали „землякомъ“, и шелъ дальше, ища новыхъ приключеній. Онъ брелъ безъ цѣли, сворачивая съ улицы на улицу,

безъ мыслей, безъ мечтаній, впитывая въ себя воздухъ и счастье и увѣренное ощущеніе грядущихъ удачъ. Въ порту онъ посмотрѣлъ дымящіеся пароходы и даже въ этотъ праздничный вечеръ кишащія людьми грузовыя барки, обмѣнялся нѣсколькими шутливыми и грубыми словами со столпившимися у берега босяками, хотѣлъ войти въ садъ, но, вспомнивъ, что солдатамъ входъ воспрещенъ, безъ сожалѣнія свернулъ въ сторону, сквозь рѣшетку полюбовался гуляющей нарядной публикой, нѣсколько минутъ слушалъ издалека доносящуюся музыку и ушелъ дальше, въ глубь города.

На Лондонской улицѣ было тихо, красиво и богато, какъ всегда. Изрѣдка проносился экипажъ, мелькнувъ цвѣтами шляпъ и блескомъ цилиндровъ. Изъ открытыхъ оконъ доносились звуки рояля и тихой бесѣды. Яша любилъ эту улицу.

У одного дома онъ замѣтилъ низенькую, странно изогнувшуюся фигуру человѣка съ поднятой вверхъ головой. Казалось, что онъ переговаривается съ кѣмъ-то въ окнѣ или выслѣживаетъ кого-то. Но, когда шаги Яши раздались вблизи, странный прохожій внезапно повернулъ къ нему голову и сейчасъ же испуганно-торопливо зашагалъ по мостовой, стараясь незамѣтно скрыться въ темнотѣ.

Яша остановился. Въ неровномъ шагѣ, изогнутой фигурѣ и странно приподнятой головѣ этого человѣка было что-то знакомое. Онъ напряженно думалъ, кто-бы это былъ, а прохожій все удалялся. Внезапно онъ очутился подъ полосой свѣта, падавшей изъ освѣщеннаго окна. Яшѣ бросились въ глаза изломанный котелокъ и сѣрыя голенища сапогъ.

— Шпилеръ!—крикнулъ онъ.

Прохожій сразу остановился, какъ пораженный выстрѣломъ. Потомъ его тѣло наклонилось впередъ, руки прижались къ груди, и онъ побѣжалъ, надвинувъ котелокъ на глаза.

— Шпилеръ! Мотль!—сильнѣе крикнулъ Яша.

Тѣло бѣгущаго качнулось впередъ, но ноги его остановились.

— Еврей?—окликнулъ онъ громкимъ шопотомъ.

— Это я, Горлинъ!—отозвался Яша.

Мотль Шпилеръ, внезапно сорвавшись съ мѣста, быстро и смѣшно заковылялъ ему навстрѣчу.

— А я вижу—солдатъ!.. Сказать вамъ правду, господинъ Горлинъ, я испугался... Я вижу, солдатъ идетъ... Можетъ узнать!—говорилъ онъ, задыхаясь отъ усталости и волненія и съ радостной гордостью пожимая руку Яши.—А это совсѣмъ вы! Это совсѣмъ вы, господинъ Горлинъ!—и онъ смѣялся мелкимъ счастливымъ смѣхомъ.

— Что вы здѣсь дѣлали?—спросилъ Яша.

Но Мотль не сразу отвѣтилъ. Онъ снялъ шляпу, рукавомъ вытеръ вспотѣвшій лобъ и потомъ, уставившись въ Яшу своимъ глубокимъ, удивленнымъ и жалостливымъ взглядомъ, долго смотрѣлъ на него.

Онъ заговорилъ внезапно.

— Господинъ Горлинъ! Это такъ хорошо, что я васъ встрѣтилъ! Я такъ хотѣлъ васъ встрѣтить, господинъ Горлинъ...

Помолчавъ съ минуту, онъ неожиданно схватилъ Яшу за руку.

— Вы спрашиваете, что я здѣсь дѣлалъ? Я стерегъ этотъ домъ, господинъ Горлинъ! Вы видите этотъ домъ? Сюда она ходитъ, каждый день ходитъ она сюда. Уже два мѣсяца. Входитъ въ эту дверь и смѣется... И черезъ три часа выходитъ изъ этой двери и тоже смѣется... И въ рукѣ у нея цвѣты... И матери она приноситъ деньги... И я не знаю, что въ этомъ домѣ!

Яша взволнованно слушалъ. Внезапно онъ вырвалъ у Шпилера свою руку и отступилъ на шагъ. Злоба охватила его.

— Вы говорите про Гесю?—произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Но Мотль не уловилъ ненависти въ его тонѣ. Онъ продолжалъ печально:

— Вотъ уже два мѣсяца, какъ я хожу сюда. Мнѣ нужно знать, кто живетъ въ этомъ домѣ! Мое сердце сгораетъ отъ мученій... Я вамъ говорю правду, господинъ Горлинъ... А она молчитъ! Вы думаете, она матери говоритъ? Нѣтъ, господинъ Горлинъ! Я не знаю, и мать ея не знаетъ, и никто не знаетъ! И я говорю: я долженъ знать! И я стою здѣсь и стерегу этомъ домъ, и мнѣ кажется, что здѣсь могила моей жизни, и я стою...

— Но какое вамъ дѣло до Геси?—выкрикнулъ Яша. Но сейчасъ же устыдился своей злобы, своей ревности. Съ внезапной нѣжностью онъ обхватилъ Шпилера за плечо.

— Идемте, Шпилеръ! Разскажите мнѣ, Шпилеръ.

И Шпилеръ, нѣсколько опѣшившій, молча пошелъ рядомъ съ нимъ. Улица, гордо-тихая, уплывала подъ ихъ ногами. Но Яша чувствовалъ, что глаза его смотрятъ назадъ, на тотъ большой угрюмо-бѣлый домъ, торжественно охраняющій свою тайну.

Они шли быстро и чувствовали странную близость другъ къ другу. Улицы мелькали передъ ихъ глазами, какъ дальняя и чуждая сердцу панорама. Когда передъ ними открылся пустынный и тихій берегъ моря, они оба сразу опустились на песокъ и растянулись, подперевъ головы локтями и впе-

ривъ другъ въ друга широко раскрытые, загадочно выжидающіе глаза.

Тихо дышало море. Легкій вѣтерокъ пѣвуче нашептывалъ, и Яшѣ казалось, что съ моря этотъ вѣтеръ доноситъ къ нему тихую, таинственно-печальную рѣчь Мотля.

— Это уже годъ, и я больше не могу... Здѣсь, на этомъ мѣстѣ я говорилъ ей въ прошломъ году: ѣдемъ въ Америку. У меня дядя въ Америкѣ... Я буду работать въ Америкѣ. Тамъ люди не пропадаютъ. Я говорилъ ей: „у кого хочешь, спроси, пропадаютъ ли въ Америкѣ люди! Для тебя я буду работать... Я не слабый и умѣю работать, и у меня въ Америкѣ дядя"... А она смѣялась и мнѣ не отвѣчала. И когда я на нее кричалъ: „не молчи, Геся! Не смѣй молчать, Геся!" она смѣялась и цѣловала меня въ глаза, и говорила мнѣ: „глупенькій ты мой!" И я молчалъ.

Мотль внезапно сѣлъ, быстрымъ жестомъ сбросилъ на песокъ шляпу и, обхвативъ голову руками, заговорилъ быстро и горячо.

— Капитанъ Зеленскій на четырнадцать дней засадилъ меня зимой. Геся приносила мнѣ обѣдъ, табакъ передавала и письма мнѣ писала. Ой, какія письма, господинъ Горлинъ! Каждое слово—пѣсня, поцѣлуй—вотъ какія письма! И въ письма она вкладывала засушенные цвѣты, у нея вѣдь много засушенныхъ цвѣтовъ,—она вамъ не показывала, господинъ Горлинъ? Я тогда думалъ въ карцерѣ: кончено! Высижу свои четырнадцать дней и айда въ Америку! Чего я буду ждать, спрашиваю я васъ? Они мнѣ говорятъ: капитанъ Зеленскій кровожадный звѣрь, капитанъ Зеленскій для евреевъ Аманъ, отъ капитана Зеленскаго надо бѣжать на край свѣта... А я говорю другое: что мнѣ капитанъ Зеленскій! Пусть онъ будетъ ангелъ—мнѣ онъ не нуженъ! И служба мнѣ не нужна... Хочу работать, жить... И дядя мнѣ пишетъ: вышлю „шифскарту"... И евреи мнѣ говорятъ: денегъ дадимъ. И я думалъ господинъ Горлинъ, я думалъ—хорошо! Я возьму Гесю — вѣдь она моя Геся!.. Я уѣду съ Гесей! И я смѣялся, сидѣлъ на гауптвахтѣ и смѣялся. Что мнѣ тюрьма, и Зеленскій, и Соловейчикъ! Я уѣду съ Гесей! А когда я вышелъ изъ тюрьмы и сказалъ Гесѣ: „ѣдемъ!"—она смѣялась, цѣловала меня въ глаза и говорила мнѣ: „глупенькій ты мой!"

Яша слушалъ Шпилера и не чувствовалъ къ нему ни жалости, ни вражды. Ему казалось, что голосъ Шпилера исходитъ изъ глубины его собственной души, и весь онъ былъ охваченъ чувствомъ подавленности и скорбной грусти. Онъ видѣлъ Гесю, слышалъ ея смѣхъ, ощущалъ ея поцѣлуи и вспоминалъ ея ласково-коварное: „глупенькій ты мой"... Ему хотѣлось взять Мотля за руку.

А Шпилеръ продолжалъ все тѣмъ же таинственно-сосредоточеннымъ, печальнымъ и задушевнымъ голосомъ:

— Два мѣсяца назадъ она пошла въ тотъ бѣлый домъ. Утромъ она смѣялась, много смѣялась и говорила: „теперь будетъ хорошо!“ И когда я спрашивалъ: куда ты идешь, Геся?—она смѣялась и цѣловала меня. И пошла туда, и каждый день ходитъ туда. А я не знаю, что въ бѣломъ домѣ! Какіе люди живутъ тамъ! И если бы мнѣ сказали: Мотль Шпилеръ, отдай десять лѣтъ твоей жизни, и мы тебѣ скажемъ правду, я отдалъ бы десять лѣтъ моей жизни! Я боюсь этого бѣлаго дома. Я смотрю, какъ она скрывается въ дверяхъ, и жду, пока она выйдетъ. А когда она выходитъ, я говорю ей: Геся, скажи мнѣ, откуда идешь ты? И кричу: Геся, не смѣй ходить туда! Плачу и цѣлую ея ноги, а она смѣется и говоритъ мнѣ: „глупенькій ты мой!“

Яша внезапно и рѣшительно поднялся. Злой и оскорбленный, онъ сквозь зубы процѣдилъ:

— Я буду знать, куда она ходитъ!

И, быстро пожавъ руку Мотля, провожаемый его испуганнымъ и жалостливымъ взглядомъ, скрылся въ темнотѣ.

V.

Въ теченіе недѣли Яша не выходилъ изъ казармы. Онъ лежалъ на кровати и гналъ отъ себя образъ Геси. Тоска угнетала душу. Ежеминутно хотѣлось встать и, все забывъ, побѣжать къ ней. Мучительно-сладко было самое воспоминаніе объ ея ласкахъ. Но Яша былъ твердъ—вѣдь онъ не любилъ ея!..

Но чего-то ждалъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи длилось это ожиданіе, и все существо его было полно имъ. Письма не было. Соловейчикъ, угрюмый и молчаливый, проходилъ казарму и не показывался въ комнатѣ Яши. Иногда Яшу охватывало бѣшенство. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, кусая губы и сжимая кулаки. И чего-то ждалъ.

Ротный командиръ, добродушный толстякъ Дмитріевъ, входя по утрамъ въ канцелярію, здоровался съ Яшей за руку, бросалъ внимательный и лукавый взглядъ на его осунувшееся лицо и выпаливалъ своимъ густымъ басомъ:

— Хе, хе, хе! Мой юный другъ! Что съ вами? „О, няня, няня—я влюблена!“ Видимъ, хе, хе, хе! Видимъ-съ... и всякая штука!..

Онъ клалъ свою большую мясистую руку на плечо Горлина и продолжалъ:

— Утѣшьтесь, мой бѣдный Отелло! У меня средство есть

противъ мукъ любви... хе, хе, хе! Чудодѣйственная водица... и всякая штука! Ученіе-съ! По усиленной порціи-съ! Этакъ съ полчасика бѣгу, да съ часикъ прицѣла, да маршировочки, да караульной службицы, и всякая штука... какъ рукой сниметъ! Хе, хе, хе!

Яша смотрѣлъ на дородную фигуру капитана, которая казалась мѣхомъ, наполненнымъ смѣхомъ и довольствомъ, и на минуту ему дѣлалось весело. Командиръ, замѣтивъ улыбку на лицѣ Яши, перехватывалъ у него три рубля „д перваго“ и, подскакивая на ходу, отступалъ къ дверямъ, смѣшно кланялся и торжественно произносилъ:

— Прощайте, мой бѣдный Отелло изъ Шклова!

Яша оставался одинъ и вновь попадалъ подъ власть тоски и досады, надежды и отчаянія.

Однажды къ нему вошелъ Соловейчикъ, какъ всегда тихій, почтительный и увѣренно-спокойный.

— Пане Горлинъ, вы читали?—началъ онъ, протягивая Яшѣ приказъ по полку.—Прочтите, пане Горлинъ!—и на его лицѣ вырисовалось торжественно-скорбное ожиданіе.

Яша развернулъ „приказъ“ и между разными распоряженіями и сообщеніями нашелъ извѣщеніе о томъ, что задержанъ бѣглый рядовой 13-ой роты Мотль Шпилеръ.

— Что же теперь?—взволнованно спросилъ Яша.

— Теперь, пане Горлинъ? Теперь плохо! — спокойно и скорбно отозвался Соловейчикъ.—Будутъ судить, и будетъ горько, пане Горлинъ!

— Что же дѣлать?

— Бѣжать...

Минуту оба молчали, потомъ Соловейчикъ продолжалъ постепенно повышая голосъ:

— Сказать вамъ правду, пане Горлинъ, такъ за него, за этого іолда, не стоило бы и палецъ о палецъ ударить. Развѣ я не правъ, пане Горлинъ? Будемъ говорить открыто. Чего онъ ждалъ? Чего онъ сидѣлъ здѣсь? Шутка ли, любовь! Скажите, пане Горлинъ, вѣдь вы человѣкъ образованный, скажите—для него, для такого, извините меня, клопа, котораго однимъ пальцемъ раздавить можно—для него, пане Горлинъ, тоже существуетъ любовь?

Лицо Соловейчика приняло злое выраженіе, и, уже не сдерживая себя, не извиняясь и не вставляя почтительнаго „пане Горлинъ“, онъ продолжалъ:

— Стрѣлокъ! Тоже вздумалъ—жениться на Гесѣ! Если бы я былъ дѣвушкой, и если бы ко мнѣ пришелъ такой казакъ, я бы сказалъ ему: утри носъ! Я бы сказалъ ему—на что годишься, бездѣльникъ? Гдѣ твои руки? Что ты умѣешь сколотить, построить, сшить? Куда ты прешь, негодная

стружка? Кышь! А онъ идетъ къ Гесѣ! Я, я говорилъ ей:— Геся, выходи за меня! У меня руки есть! У меня есть ремесло, у меня есть сила—я не Мотль!.. И она смѣялась... А онъ...

Но Яша прервалъ его.

— Будемъ говорить о дѣлѣ,—угрюмо замѣтилъ онъ.

Соловейчикъ смутился и умолкъ...

Часа черезъ три послѣ этого разговора Яша входилъ въ свою комнату, нѣсколько ободренный и оживленный. Онъ былъ доволенъ: противъ ожиданія, ему легко удалось достать сумму, которая необходима была, по разсчету Соловейчика, на побѣгъ Мотля.

На столѣ ждало его письмо въ маленькомъ изящномъ конвертѣ. Онъ быстро вскрылъ его и, недоумѣвая, прочелъ двѣ строчки, написанныя незнакомымъ почеркомъ: „не хлопочите, все сдѣлано, М. внѣ опасности". Не въ силахъ угадать, кѣмъ писано письмо, теряясь въ самыхъ невѣроятныхъ предположеніяхъ, Яша шагалъ по комнатѣ въ ожиданіи Соловейчика.

Къ вечеру онъ пришелъ. Тихимъ и быстрымъ шагомъ онъ приблизился къ Яшѣ, внезапно вернулся, плотно закрылъ дверь и, наконецъ, заговорилъ оживленнымъ шопотомъ:

— Все готово, пане Горлинъ! Черезъ два дня онъ будетъ свободенъ. И никто не будетъ въ отвѣтѣ.. О, я хорошо обстругалъ это дѣльце, пане Горлинъ!

Яша подалъ ему письмо.

— Это не вы писали?

— Я?— удивился Соловейчикъ. Онъ взялъ письмо, медленно, по слогамъ прочелъ его, потомъ еще разъ перечиталъ, перевернулъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, изслѣдовалъ конвертъ, въ третій разъ прочелъ, и тихо опустился на стулъ.

Яша ждалъ. Соловейчикъ долго молчалъ. Лицо его внезапно осунулось, взглядъ потухъ.

— Это она писала!—тихо произнесъ онъ.

— Геся? Съ какой стати? — взволнованно вскричалъ Яша.—Съ чего вы это взяли? И что это значитъ—„все сдѣлано?" Кѣмъ сдѣлано? Что можетъ она сдѣлать? Вы говорите глупости!

— Геся,—мрачно подтвердилъ Соловейчикъ и, выждавъ нѣсколько минутъ, угрюмо продолжалъ:—она можетъ. Она все можетъ.

Тревога охватила душу Горлина. Онъ хотѣлъ разспросить Соловейчика о Гесѣ, о ея жизни, о ея тайнахъ. Но молчалъ. Туманъ застлалъ глаза, палъ на душу, окуталъ яс-

ную дань его жизни. Почва подъ ногами зашаталась, размякла, превращаясь въ зыбкую трясину. Было жутко и страшно.

Онъ ничего не спросилъ и только смотрѣлъ на Соловейчика грустнымъ и растеряннымъ взглядомъ...

Прошло еще три дня. Яша безвыходно сидѣлъ дома и ждалъ чего-то внезапнаго и важнаго, смѣясь въ душѣ надъ несуразностью этого ожиданія и вѣря ему. И дѣйствительно, въ одно утро ему подали письмо отъ Геси. Еще въ постели онъ нервно разорвалъ конвертъ и жадно впился глазами въ неровныя, далеко разошедшіяся строки. Геся писала:

„Яшенька, глупенькій! Что-жъ это ты за фокусы строишь? Я истосковалась по тебѣ, по твоимъ ласковымъ глазамъ... Приходи, Яшенька, не дури. Вечеркомъ приходи. Не раскаешься".

Яша быстро одѣлся, принарядился и началъ ждать вечера. Ожиданіе было томительно-безконечно, не было еще полдня. Рота была на ученіи. Въ казармѣ, пустой и неуютной, одиноко бродилъ дежурный ефрейторъ, а у дверей дремалъ дневальный. Яша нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по казармѣ, попробовалъ завязать разговоръ съ дежурнымъ, потомъ вернулся къ себѣ, попробовалъ читать, писать письма, наконецъ, не выдержалъ, схватилъ шапку и быстро, какъ бы спасаясь бѣгствомъ отъ гнетущей тоски, выбѣжалъ на улицу. Былъ яркій солнечный день, и все вокругъ смотрѣло весело. Яшу внезапно охватило настроеніе радости и энергіи. Мысль, легкая и игривая, запорхала свободно и весело по прошлому и будущему, и улицы, люди, онъ самъ, его жизнь—все показалось красивымъ, безоблачно-яснымъ, какъ небо, и яркимъ, какъ солнце.

Неожиданно для самого себя онъ очутился у дома, въ которомъ жила семья Арона Флига. Сначала онъ испугался, хотѣлъ повернуть, даже покраснѣлъ, какъ бы поймавъ себя на чемъ-то преступномъ. Но сейчасъ же оправился, рѣшивъ, что даже лучше придти днемъ, когда народу мало, и бодро спустился въ подвалъ.

Въ первой комнатѣ его встрѣтила Сарра. Она отъ радости засуетилась, начала почти насильно усаживать его на стулъ.

— Наконецъ-то, вы пришли, Яковъ!—заговорила она.— Красиво! Очень красиво! Показались и сбѣжали! Я уже думала,—чѣмъ васъ обидѣли у насъ! Я всѣхъ спрашивала... А Геся говоритъ: „придетъ!».. Не были ли вы больны?

— Да, нездоровилось,—отвѣтилъ Яша, чтобы оправдаться. Но былъ не радъ своей невинной лжи. Сарра осыпала его

заботливыми вопросами и совѣтами. Чтобы отвлечь вниманіе добродушной старухи отъ своей особы, онъ спросилъ:

— Что тамъ за шумъ, въ той комнатѣ?

— Какъ, вы не знаете? Здѣсь Мотль Шпилеръ.

— Бѣжалъ?

— Вчера бѣжалъ. Но что? Опять попадется! Съ нимъ, понимаете-ли,—не иначе, какъ болѣзнь, „черная напасть"... такъ я говорю. Всякая еврейская душа болѣетъ за него... А онъ хоть бы что! Вы войдите, посмотрите! Самъ ребъ Зунделе пришелъ съ нимъ говорить! Вы понимаете?

Во второй комнатѣ Яша засталъ тяжелую сцену. Шпилеръ въ какомъ-то порыжѣвшемъ длиннополомъ сюртукѣ, надвинувъ низко на лобъ изломанную шляпу, весь съежившійся, съ руками, скрещенными на груди, трепетно сидѣлъ на кончикѣ стула и, казалось, покорно и безпомощно ждалъ удара. Въ широко-раскрытыхъ глазахъ застыли слезы, губы страдальчески-молитвенно сжались, руки и ноги вздрагивали. Въ комнатѣ было нѣсколько человѣкъ, полукругомъ собравшихся вокругъ Мотля; всѣ жестикулировали и, казалось, пѣли хоромъ пѣсню, такъ однородно было выраженіе ихъ лицъ: такъ слитны были ихъ движенія и жесты.

Но говорилъ одинъ только ребъ Зунделе. Маленькій, худой, съ жиденькой сѣдой бородкой, въ длиннополомъ атласномъ сюртукѣ и въ лоснящемся полуцилиндрѣ, этотъ ученый талмудистъ и извѣстный благотворитель, синагогальный староста и богатый лѣсопромышленникъ казался страннымъ, почти сказочнымъ гостемъ въ полутемномъ подвалѣ солдатской чайной. Онъ говорилъ медленно, убѣдительно, отчеканивая слова, и трое мужчинъ, Аронъ Флигъ, синагогальный служка и Абрамъ Соловейчикъ, стояли рядомъ, слѣдя за каждымъ его словомъ и повторяя каждый жестъ.

— Видишь ли, сынъ мой,—говорилъ ребъ Зунделе, обращаясь къ Мотлю: — ты играешь съ огнемъ! Государству нужно, чтобы ты служилъ, и нѣтъ словъ, оно сильнѣе тебя! Оно тебя найдетъ, ты не спрячешься! И будутъ тебя судить, и въ тюрьму тебя засадятъ, и розгами будутъ тебя наказывать, и ты все же будешь служить! Государство! Если же ты служить не хочешь,—то уѣзжай! Есть обширный свѣтъ! Вездѣ есть люди, вездѣ евреи есть, вездѣ жизнь! Уѣзжай въ Америку,—тамъ тебя не тронутъ! Но сидѣть такъ, въ этой чайной,—это безуміе!

Ребъ Зунделе замолчалъ, и его смѣнилъ Аронъ Флигъ.

— Сидѣть здѣсь, это безуміе!—заговорилъ онъ, подражая голосомъ и интонаціей ребъ Зунделе.—Подумай самъ. Вѣдь

надо жить! Жить надо, этой мелочи не забудь! Ѣсть-пить надо. Если бы не съ чѣмъ было ѣхать, тогда другое дѣло... Терпѣли мы въ наше время двадцать пять лѣтъ! Но вѣдь тебѣ даютъ! У тебя тамъ родные! Чего же ты ждешь? И чего ты молчишь? Вѣдь ты не ребенокъ!

— Какая-то дикая исторія!—проворчалъ неуклюжій синагогальный служка и сердито добавилъ:—Надо просить его! Если бы мнѣ дали денегъ, я бы жену и дѣтей бросилъ и бѣжалъ бы въ Америку... А онъ куражится, какъ графъ Потоцкій!

Мотль сидѣлъ все въ томъ же положеніи затравленнаго звѣря. Только слезы изъ глазъ спустились на щеки и блестѣли двумя крупными каплями. Яшѣ сдѣлалось жалко его до боли. Онъ рѣшилъ вмѣшаться и положить конецъ этой тяжелой сценѣ.

Какъ разъ въ эту минуту его замѣтили. Старый Аронъ всей своей согбенной и все же огромной фигурой двинулся къ нему, протягивая руку.

— Миръ вамъ, господинъ Горлинъ! Таки прекрасно, что вы пришли! Можетъ быть, васъ онъ послушаетъ, этотъ упорный человѣкъ! Вѣдь вы же образованный, господинъ Горлинъ! Объясните-же ему, что онъ лбомъ стѣну не прошибетъ.

Яша рѣшительно и рѣзко заговорилъ.

— Послушайте, господа! Вѣдь онъ не мальчикъ! Онъ имѣетъ право поступать, какъ хочетъ. Къ чему эти разговоры? Оставьте его, дайте ему обдумать положеніе самому

— Онъ хуже ребенка!—проворчалъ Соловейчикъ.

Но на стариковъ слова Яши произвели впечатлѣніе. Ребъ Зунделе подошелъ къ Шпилеру, положилъ руку на его плечо, отъ чего юноша еще болѣе сжался и съежился, и мягко произнесъ:

— Хорошо, сынъ мой, подумай. Я всегда готовъ помочь. Если же не пожелаешь, то тутъ я ничего не могу подѣлать!—онъ сочувственно вздохнулъ и направился къ двери.

Аронъ, Соловейчикъ и служка вышли вмѣстѣ съ нимъ. Яша и Шпилеръ остались наединѣ.

Мотль быстро всталъ и схватилъ Яшу за руку. Яша подумалъ, что Мотль собирается благодарить его. Онъ хотѣлъ уклониться отъ этого, взглянулъ въ лицо Мотля и остановился, пораженный. Лицо Шпилера было одухотворено огромной, переполнившей душу радостью. Глаза блестѣли восторгомъ. Руки дрожали.

— Что съ вами?—спросилъ Горлинъ.

Мотль заговорилъ быстро, задыхаясь:

— Я узналъ! Я уже знаю, что тамъ, въ бѣломъ домѣ!

Яша вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, ближе придвинулся къ Шпилеру и уставился въ него взглядомъ, полнымъ тревожнаго ожиданія. Но Шпилеръ жалъ его руку, улыбался торжествующей улыбкой и молчалъ.

— Говорите!—почти злобно произнесъ Яша.

— Это ничего! Это совсѣмъ ничего! — растягивая слова, словно упиваясь ихъ содержаніемъ, говорилъ Мотль. — И вовсе не то, что мнѣ казалось! Тамъ дама живетъ, барыня! И совсѣмъ не офицеръ, господинъ Горлинъ, вовсе не офицеръ!—и онъ смѣялся тихимъ радостнымъ смѣшкомъ.

— Зачѣмъ же она туда ходитъ?—насилу сдерживая волненіе, спросилъ Яша.—Что она тамъ дѣлаетъ? За что даютъ ей деньги? И почему она скрываетъ это?

— Эта дама художница, картины рисуетъ, — уже успокоившись, разсказывалъ Шпилеръ. — И вовсе ничего тамъ нѣтъ! Художница! И теперь она рисуетъ Геск... Гесю она теперь рисуетъ, и больше ничего!

И Мотль вновь засмѣялся счастливымъ смѣхомъ. Яшѣ внезапно сдѣлалось жутко. Стало жалко Шпилера, и стыдно стало... Хотѣлось сказать ему, что напрасна его радость, что онъ все равно обокраденъ... имъ, Горлинымъ. Хотѣлось попросить прощенія, объяснить, что не было злого умысла, что все сдѣлалось само собой. Но что пользы? Яша ничего не сказалъ и грустно отошелъ въ сторону.

VI.

Яша остался ждать Гесю.

Онъ сидѣлъ одинъ въ углу комнаты, робкій и подавленный, словно приплюснутый къ землѣ чьей-то жестокой рукой. Радость предстоящаго свиданія смущенно отступила предъ толпой надвинувшихся серьезныхъ и печальныхъ думъ. Онъ не думалъ ни о Гесѣ, ни о бѣломъ домѣ, ни о Мотлѣ. Все это сдѣлалось внезапно чужимъ и далекимъ. Неожиданно онъ почувствовалъ безразличіе ко всему этому. Онъ понялъ, что нѣтъ въ его душѣ иллюзіи любви, что онъ знаетъ, на что идетъ, и примиряется съ ролью игрушки въ рукахъ взбалмошной дѣвушки. Было больно и стыдно. Одну минуту онъ готовъ былъ уйти, бѣжать. Взвинченнымъ нервамъ и разстроенному воображенію представилось, что вокругъ него разставлены искусныя сѣти, что актомъ храбрости и самолюбія будетъ бѣгство. Но вспомнились тоскливые дни ожиданія въ казармѣ. Ожили сладостныя ощущенія ласки, и изъ тьмы путающихся мыслей выросло новое убѣжденіе: стыдно бѣжать! И не надо бѣжать! Не надо

упускать даровъ жизни!.. И рядомъ съ этой мыслью выросла другая, жгучая и радостная: его она любитъ, не можетъ она не любить его! Онъ вынулъ изъ кармана письмо...

— Ку-ку!—раздался шаловливый окликъ откуда-то изъза шкафа.

Яша вскочилъ и съ мальчишеской ловкостью бросился къ Гесѣ. Она шмыгнула, какъ мышь, слегка затронувъ его ногою, и очутилась за диваномъ въ противоположномъ углу. Нѣсколько минутъ они, какъ школьники, гонялись другъ за другомъ. Комната наполнилась звонкимъ смѣхомъ. Наконецъ, онъ поймалъ ее.

— Яшенька, глупенькій! — шептала Геся, извиваясь въ его объятіяхъ.—Любишь меня, Яшка?

— Люблю, люблю, люблю!—безконечно повторялъ Яша, покрывая страстными поцѣлуями ея лицо, ея руки.

И все казалось такимъ простымъ и яснымъ. Не было ни вопросовъ, ни сомнѣній, ни думы о будущемъ.

Когда въ подвалъ пришли музыканты, Геся и Яша незамѣтно выскользнули изъ комнаты и усѣлись во дворѣ подъ деревомъ. Былъ тихій, ласковый вечеръ. Яша всей грудью вдыхалъ ароматъ весны и любви и чувствовалъ себя счастливымъ. Время текло быстро. Геся тихо и мелодично говорила. Она разсказывала свою жизнь, и въ разсказѣ ея было такъ много красоты, ума и чувства, что Яша съ восхищеніемъ слушалъ, любуясь каждымъ словомъ. Потомъ разсказывалъ Яша. Тихимъ счастьемъ была полна его рѣчь. Жизнь представлялась мирнымъ праздникомъ, безоблачнымъ и лучистымъ. Казалось, что это счастье будетъ длиться долго, безконечно. Потомъ они оба замолчали и, обнявшись, смотрѣли другъ другу въ глаза, и казалось, вѣчности мало, чтобы прочесть повѣсть влюбленнаго взгляда.

Внезапно Яша услышалъ вблизи, почти у самаго его уха, чье-то тяжелое, порывистое дыханіе. Онъ испуганно обернулся. Медленно, опустивъ къ землѣ голову, удалялся отъ нихъ Мотль Шпилеръ.

Яша быстро всталъ и схватилъ Гесю за руку.

— Геся!—взволнованно заговорилъ онъ.—Что будетъ съ нимъ? Что я дѣлаю, Геся?

— Ты?—усмѣхнулась Геся.

Она высвободила свою руку изъ его рукъ и встала. Яша взволнованно ждалъ.

— Мотль!—звонко позвала Геся.

Согбенная фигура Шпилера удалялась тѣмъ же медленнымъ и угрюмымъ шагомъ.

— Мотль!—еще звонче вскрикнула Геся.

Но Мотль не слышалъ, или притворялся, что не слышитъ

— Зачѣмъ ты зовешь его?—спросилъ Яша.

Геся заговорила только тогда, когда Мотль совершенно скрылся въ темнотѣ.

— Я позову его и скажу ему правду. Я стану на колѣни передъ нимъ и попрошу прощенія. Я скажу ему, что играла имъ, что была жестока, какъ звѣрь, что не любила его, что никого не любила, что только теперь я извѣдала любовь, и что теперь я не такая, не такая...

— Разыщи его, разыщи его, Яша!—просила Геся.

Они сидѣли еще нѣкоторое время, но настроеніе безоблачнаго счастья безвозвратно ушло. Образъ Мотля стоялъ передъ глазами и чего-то просилъ, чего-то требовалъ.

— Приведи его, Яша,—умоляла Геся.

И Яша пошелъ разыскивать. Долго бродилъ онъ по пустыннымъ улицамъ, по берегу моря — Мотля не было. Онъ вернулся къ дому, гдѣ жила Геся. Она стояла у воротъ и ждала его.

— Я боюсь, Яша... Мнѣ страшно, не знаю чего!—сказала она, прощаясь съ Яшей.

И Яша не могъ ее утѣшить и успокоить. Ему самому было жутко и страшно, и, подавленный какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ, онъ тихо вернулся въ казарму.

Ночью онъ долго не могъ заснуть. Нѣсколько разъ подымался съ цѣлью вновь идти искать Шпилера, но, безнадежно махнувъ рукой, ложился опять. Онъ заснулъ подъ самое утро. Но спалъ недолго. Его разбудило ощущеніе чьего-то упорнаго взгляда, устремленнаго на его лицо.

У самой кровати стоялъ Абрамъ Соловейчикъ. По мрачному выраженію его лица Яша понялъ, что случилось что-то.

— Мотль?—спросилъ онъ, вскочивъ съ постели.

— Нѣтъ Мотля! Кончено! — угрюмо проворчалъ Соловейчикъ.

Яша сѣлъ, низко опустивъ голову.

— Удавился... Въ сѣняхъ повѣсился...

— Тамъ, гдѣ играютъ?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Яша.

— Тамъ, гдѣ играютъ!—мрачно подтвердилъ Соловейчикъ.

Ю. Волинъ.

Національный вопросъ въ свѣтѣ соціалистическаго міросозерцанія.

(Окончаніе.)

VIII.

Въ Россіи насчитывается довольно большое количество національно-соціалистическихъ партій, какъ соціалъ-демократическаго и соціалъ-революціоннаго, такъ и смѣшаннаго толка: Польская соціалистическая партія (P. P. S), Соціалъ-демократія Польши и Литвы, польская соціалистическая партія «Пролетарій», Украинская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія, Латышская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія, Союзъ Латышскихъ Соціалъ-демократовъ, Эстонская Соціалъ-демократическая Партія, Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи (Бундъ), Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія, Сіонистско-соціалистическая Рабочая Партія, Бѣлорусская Соціалистическая Громада, Армянская Революціонная Партія (Дашнакцутюнъ), Партія грузинъ Соціалистовъ-революціонеровъ-федералистовъ (Сакартвело), Татарская соціалистическая партія (Гумбетъ) и т. д.

Можно думать, что этими партіями, ставящими каждая въ отдѣльности задачу національнаго освобожденія своего народа, національный вопросъ разрѣшенъ въ совершенствѣ. Посмотримъ, какъ въ дѣйствительности обстоитъ это дѣло.

Программа *Украинской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи* выставляетъ на первомъ планѣ требованіе «автономіи Украйны съ отдѣльнымъ представительнымъ собраніемъ (сеймомъ), которому принадлежитъ право законодательства въ тѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, которыя касаются только населенія, живущаго на территоріи Украйны» *). Итакъ, рѣчь идетъ объ автономіи и о

*) Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не появилось въ печати сборника національно-соціалистическихъ программъ, несмотря на все крупное значеніе, которое такія программы представляютъ. Въ дальнѣйшемъ пишущій эти строки будетъ пользоваться рукописнымъ матеріаломъ, которымъ онъ располагаетъ.

сеймѣ для населенія, живущаго на территоріи Украины. Территорію эту составляютъ, какъ извѣстно, губерніи Кіевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Харьковская и Полтавская. На всемъ этомъ пространствѣ живетъ малороссовъ 78% съ дробью. Слѣдовательно остается неустроеннымъ, при утвержденіи украинской автономіи, цѣлыхъ 22% населенія. По отдѣльнымъ губерніямъ картина представляется еще рельефнѣе. Въ Волынской губерніи малороссовъ 70,1%, а въ Черниговской 66,8%. Часто въ предѣлы будущей автономной Украйны включаютъ Кубанскую область и Таврическую губ., изъ нихъ въ первой имѣется малороссовъ 47,4%, а во второй 42,2%. Между тѣмъ, другихъ народностей въ этихъ губерніяхъ имѣется не мало. Такъ, въ Харьковской губ. великороссовъ и бѣлоруссовъ насчитывается 18,1%, въ Подольской губерніи евреевъ—12,4%, въ Волынской губерніи евреевъ—13.2%; въ Кубанской области великоруссовъ и бѣлоруссовъ — 43,2%; въ Таврической—великоруссовъ и бѣлоруссовъ—28,4% *).

Какого же рода національное устройство проектируетъ для всѣхъ этихъ народностей программа Украинской С.-Д. Р. П., такъ рѣшительно выставляющая требованіе автономіи и сейма для своего украинскаго народа? Въ программѣ содержатся слѣдующіе пункты:

6. Право каждой націи на культурное и политическое самоопредѣленіе.

12. Равноправность всѣхъ языковъ въ школахъ, судахъ, мѣстныхъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ.

16. Передача всего народнаго образованія на Украйнѣ въ вѣдѣніе украинскаго сейма. Соотвѣтственное число школъ для каждой націи.

Мы ясно видимъ всѣ недостатки этой національной программы. Съ одной стороны, неясная формула о самоопредѣленіи и о равноправіи языковъ безъ малѣйшаго указанія на конкретный строй національныхъ отношеній, на формы національной жизни. Съ другой стороны, все дѣло народнаго образованія передается въ вѣдѣніе украинскаго сейма, т. е. учрежденія территоріальнаго, а не національнаго.

Программа *Союза Латышскихъ Соціалъ-демократовъ* выставляетъ слѣдующія требованія:

5. Весь населенный латышами край - Курляндія, Южная Лифляндія и Инфляндія объединяется въ одну автономную область—Латвію, съ правомъ самоуправленія во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ этой области.

6. Право самоопредѣленія Латвіи принадлежитъ совокупности всѣхъ ея гражданъ безъ различія пола, національности и религіи.

7. Право самоуправленія Латвіи выражается: а) въ автономіи законодательной власти, т. е. въ дѣятельности самостоятельнаго парламента; б) въ самостоятельности исполнительной власти или въ автономіи управленія и судебной власти.

*) К. Фортунатовъ, «Національныя области Россіи», стр. 8—9.

Рѣчь идетъ о Курляндіи и Лифляндіи, какъ автономной области для латышей. Между тѣмъ въ Курляндіи латышей имѣется 74,9%, а въ Лифляндіи—43,3%. Съ другой стороны, эстовъ въ одной Лифляндіи насчитывается 39,9%, евреевъ въ Курляндіи 5,6% *). Впрочемъ, въ программѣ сказано, что право самоопредѣленія Латвіи принадлежитъ всѣмъ ея гражданамъ, безъ различія національности. Тутъ уже начинается полная неопредѣленность и неизвѣстность, устраняющая ясность плана національнаго устроенія жизни края.

«*Бѣлорусская Соціалистическая Громада* считаетъ необходимымъ... созывъ Учредительнаго Сейма въ Вильнѣ для Бѣлорусскаго края на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права». Делегатъ Бѣлорусской Громады на конференціи національно-соціалистическихъ партій, состоявшейся 16—20 апрѣля 1907 года, заявилъ, что въ предѣлы бѣлорусской автономіи входитъ почти сплошное восьми-милліонное бѣлорусское населеніе, которое заполняетъ Виленскую, Минскую, Гродненскую и часть Витебской губерніи *).

Оказывается, что бѣлоруссовъ въ Минской губерніи 76,1%, въ Виленской — 56%, въ Витебской — 52,8%, а въ Гродненской —43,9%. Между тѣмъ въ Гродненской губ. насчитывается великороссовъ и малороссовъ 27,3%, евреевъ — 17,3%, поляковъ—10,1%. Въ Виленской губерніи 12,7% литовцевъ, а латышей 17,6% **). Но ни о какихъ мѣрахъ, направленныхъ къ урегулированію національныхъ отношеній другихъ народностей, въ программѣ Бѣлорусской Громады не говорится.

Въ *программѣ партіи Дашнакцутюнъ* говорится о «демократической федераціи для Закавказья на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія». Но делегатъ партіи Дашнакцутюнъ на Конференціи національно-соціалистическихъ партій самъ сдѣлалъ существенную оговорку. «Сплоченность армянскаго населенія въ Закавказьѣ,—сказалъ онъ,—простирается на слѣдующій районъ. Центральнымъ ядромъ является Эриванская губернія, съ сѣвера и запада примыкаютъ къ нему полоса Тифлисской губерніи и Карская область, а съ востока—нагорная полоса Елисаветпольской губерніи. Хотя во всемъ этомъ районѣ армяне численностью своей представляютъ преобладающее большинство, но почти всюду совмѣстно съ ними живутъ мусульмане, татары, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (уѣздахъ), составляютъ даже большинство. Такимъ образомъ районъ этотъ совпа-

*) К. Фортунатовъ, цит. соч., стр. 10.

**) Протоколы конференціи Россійскихъ Національно-Соціалистическихъ партій 16—20 апрѣля 1907 г. Книгоиздательство «Сеймъ». Спб., 1908 г., стр. 93.

***) К. Фортунатовъ, цит. соч., стр. 9.

даетъ съ центральнымъ Закавказьемъ; армяно-татарская война происходила на восточной половинѣ этого района» *).

Сожительство мусульманъ и татаръ—это съ одной стороны, съ другой—представитель грузинскихъ соціалистовъ-федералистовъ говорилъ на Конференціи, что «для грузинскаго народа вопросъ о формѣ автономіи рѣшается проще, чѣмъ для другихъ національностей Кавказа, такъ какъ территоріальное самоопредѣленіе грузинъ налицо и предѣлы грузинской территоріи ясны. На пространствѣ почти всей Тифлисской губерніи, всей Кутаисской губерніи и части Батумской области сплошной массой живетъ болѣе полутора милліона грузинъ». Такимъ образомъ двѣ губерніи Закавказья, Тифлисская и Кутаисская, отходятъ въ область грузинской автономіи; хотя по словамъ того же делегата такія части Тифлисской губерніи, какъ Барщалинскій и Ахалкалакскій уѣзды имѣютъ на три четверти населеніе армянское либо татарское, а въ самомъ Тифлисѣ армянъ больше чѣмъ грузинъ; наконецъ, въ Закатальскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи и Сухумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи наиболѣе многочисленными народностями являются армяне, лезгины и абхазцы **). Вотъ какъ перемѣшаны между собою народности на Закавказьѣ.

Изъ польскихъ партій *Соціалъ-демократія Польши и Литвы* вкратцѣ формулируетъ свою національную программу такъ: «Равноправіе всѣхъ національностей, населяющихъ русское государство, съ обезпеченіемъ для нихъ свободы культурнаго развитія (національной школы и свободы употребленія роднаго языка). Мѣстное самоуправленіе или автономія Польши». Уже не разъ отмѣчалась полная безпочвенность этой національной программы, гдѣ автономія Польши, требованіе, выставленное въ угоду общественному мнѣнію страны, отождествлена съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, т. е. категоріей совсѣмъ иного порядка.

Программа *Польской Соціалистической Партіи* (революціонной фракціи) стремится къ «созданію независимой польской республики совершенно и всесторонне демократической», а въ національной области преслѣдуется программой «уничтоженіе всякаго національнаго угнетенія, объединеніе Польши». Если къ этому прибавить пунктъ программы о «широкомъ самоуправленіи провинцій и волостей», то этимъ будетъ исчерпана національная программа Польской Соціалистической Партіи, гдѣ объ урегулированіи національныхъ отношеній собственно ничего не говорится.

Наконецъ, въ программѣ *Польской Соціалистической Партіи* (пролетаріатъ), намѣчена слѣдующая національная программа:

3. Право самоопредѣленія націй, входящихъ въ составъ государства,

*) Протоколы Конференціи, стр. 107.
**) Тамъ-же, стр. 102, 103 и 79.

состоящее въ томъ, что каждый гражданинъ самъ рѣшаетъ о своей принадлежности къ той или другой націи и что само населеніе на спорныхъ территоріяхъ опредѣляетъ посредствомъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого голосованія, къ какимъ автономнымъ частямъ государства онѣ должны принадлежать.

Національно-культурная автономія національныхъ меньшинствъ, состоящая въ распредѣленіи бюджетовъ отдѣльныхъ странъ, провинцій, городовъ и общинъ для культурныхъ цѣлей между національными группами процорціонально ихъ численности. Признаніе правъ языка національныхъ меньшинствъ въ учебныхъ заведеніяхъ, судѣ, администраціи, гдѣ они составляютъ 15% и болѣе населенія.

Въ этой программѣ, къ сожалѣнію, маловліятельной партіи Польши, уже виденъ зародышъ правильной постановки національнаго вопроса, который сквозитъ въ предоставленіи гражданамъ права самимъ рѣшать о своей принадлежности къ той или другой націи, и въ распредѣленіи бюджетовъ для культурныхъ цѣлей между національными группами пропорціонально ихъ численности. Къ сожалѣнію только, всѣ эти отдѣльныя требованія не объединены единой высшей концепціей, которая давала бы имъ оправданіе.

Еще стоитъ упомянуть о программѣ *Эстонской Соціалъ-демократической Партіи* (*союза*), гдѣ содержится простое требованіе «полной автономіи для всѣхъ народовъ, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства».

Такова національная «программа» у существующихъ національно-соціалистическихъ партій. На программахъ буржуазно-національныхъ партій мы не будемъ останавливаться. Для характеристики ихъ упомянемъ лишь о проектѣ польской автономіи, внесенномъ во 2-ую Государственную Думу польскимъ коло. Въ объяснительной запискѣ къ проекту говорится о необходимости «осуществить начало политическаго равноправія и обезпечить за обществомъ право организацій для самостоятельнаго удовлетворенія всѣхъ ея мѣстныхъ нуждъ», о необходимости предоставить всякому «право жить и развиваться сообразно съ своими прирожденными потребностями». Далѣе говорится, что «автономія Царства Польскаго объединяетъ интересы всего населенія края, такъ какъ должно содѣйствовать устройству края на широкихъ демократическихъ началахъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ обезпечить за всѣми проживающими въ краѣ народностями и вѣроисповѣданіями присущія имъ права». И вотъ, въ осуществленіе этихъ лозунговъ статья 19-я проекта устанавливаетъ, что «въ судебныхъ, административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ» «будутъ обезпечены права языковъ литовскаго и малорусскаго населенія». А для русскихъ «будутъ учреждены среднія и низшія учебныя заведенія», и въ сношеніяхъ съ администраціей и судомъ они вправѣ пользоваться русскимъ языкомъ. Таковъ скромный объемъ

національныхъ правъ, предоставляемыхъ проектомъ польской автономіи населенію литовскому, малорусскому и русскому. Но что сказать объ удивительномъ пробѣлѣ этого проекта, ни однимъ словомъ не упоминающаго о евреяхъ, населяющихъ Польшу. Между тѣмъ какъ они составляютъ 14,6% всего населенія, въ то время какъ малороссы составляютъ лишь 2,5%, а литовцы 2,7% общаго населенія. Не кроется ли, впрочемъ, въ относительно слабыхъ размѣрахъ литовскаго и малорусскаго населенія секретъ предоставленія имъ національныхъ выгодъ *)...

Недостаточность одной областной автономіи и необходимость національной автономіи для всѣхъ безъ исключенія національностей, населяющихъ Россію, лучше всего доказывается цифрами.

По даннымъ послѣдней всероссійской переписи въ отдѣльныхъ губерніяхъ (взятыхъ для примѣра) оказывается польскаго населенія:

Въ Бессарабской	губерніи	11,696
„ Виленской	„	130,054
„ Витебской	„	50,377
„ Волынской	„	184,161
„ Гродненской	„	161,662
„ Кіевской	„	68,791
„ Ковенской	„	139,688
„ Курляндской	„	19,668
„ Минской	„	64,617
„ Могилевской	„	17,526
„ Подольской	„	69,156
„ С.-Петербургской	„	45,000
		и т. д., и т. д. *).

Или въ процентахъ:

Въ Гродненской	губерніи	10,1%
„ Ковенской	„	9 „
„ Виленской	„	8,3 „
„ Волынской	„	6,2 „ **)

Является неизбѣжный вопросъ: что же дастъ всѣмъ этимъ разсѣяннымъ въ различныхъ углахъ Россіи десяткамъ и сотнямъ тысячъ поляковъ автономное устройство территоріально-отграниченнаго царства Польскаго. Неужели для удовлетворенія кровныхъ нуждъ огромныхъ слоевъ народа достаточно сознанія, что въ другомъ мѣстѣ государства тотъ же народъ имѣетъ возможность безпрепятственно использовать всѣ свои національныя силы? Не окажется ли, наоборотъ, слишкомъ зіяющая пропасть между облегченно-вздохнувшей автономною Польшей, съ одной стороны, и всѣмъ

*) О проектѣ польской автономіи см. „Серпъ" сборн. второй, ст. К. Казимирова, Демократическія начала въ проектѣ польской автономіи, стр. 170—196.

**) Цифры позаимствованы изъ таблицъ, приложенныхъ къ книгѣ: Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій. Національное собраніе. Спб. 1906, стр. 218.

***) К. Фортунатовъ, цит. соч., стр. 8—9.

бытомъ по прежнему угнетенной польской національности въ многочисленныхъ мѣстахъ внутренней Россіи,—съ другой? Очевидно, практически осуществленная идея польской территоріальной автономіи логикою вещей потребуетъ своего дополненія: необходимо будетъ создать такъ или иначе, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ, автономное устройство для представителей польскаго народа на мѣстахъ, внѣ рамокъ строго ограниченныхъ территоріальныхъ единицъ и округовъ.

Аналогичное отношеніе существуетъ и среди другихъ національностей, мечтающихъ о своей территоріальной автономіи.

Такъ:

Малороссовъ	въ	Ставропольской	губ.	6.6 %	общ. насел.
„	„	Воронежской	„	36,1 „	„ „
„	„	Донск. обл.	„	29,5 „	„ „
„	„	Курской	„	22,2 „	„ „
Литовцевъ	„	Ковенской	„	37,2 „	„ „
„	„	Виленской	„	17,6 „	„ „ *)

И даже великороссы находятся въ слѣдующихъ губерніяхъ въ меньшинствѣ:

Въ	Астраханской	губерніи	они	составляютъ	40,8%	общаго	населенія
„	Уфимской	„	„	„	38 „	„	„
„	Таврической	„	„	„	27,9 „	„	„
„	Черниговской	„	„	„	26,6 „	„	„
„	Херсонской	„	„	„	21,1 „	„	„
На	Кавказѣ	„	„	„	19,4 „	„	„
Въ	Екатериносл.	„	„	„	17,3 „	„	„
„	Витебской	„	„	„	13,3 „	„	„
„	Бессарабской	„	„	„	8,1 „	„	„
„	Лифляндской	„	„	„	5,2 „	„	„
„	Виленской	„	„	„	4,9 „	„	„
„	Ковенской	„	„	„	4,7 „	„	„
„	Сувалкской	„	„	„	4.2 „	„	„
„	Люблинской	„	„	„	4,1 „	„	„
„	Сѣдлецкой	„	„	„	2,5 „	„	„ *)

Вообще, по словамъ Ben Ader'a, оказывается, что въ одной только Европейской Россіи имѣется 8 губерній (плюсъ Кавказъ) съ населеніемъ въ 22.787.300 жителей, гдѣ ни одна изъ живущихъ тамъ многочисленныхъ національностей не составляетъ абсолютнаго большинства, а, помимо этого, еще 12 губерній съ населеніемъ въ 22.115.900 жителей, гдѣ ни одна національность не достигаетъ 70% общаго состава населенія. Складывая полученныя данныя, мы будемъ имѣть въ одной только Европейской Россіи (плюсъ Кавказъ) цѣлыхъ 20 губерній (+Кавказъ) съ населеніемъ

*) Тамъ же, 9—10 стр.

**) См. „Серпъ". Сборн. второй, ст. Ben Ader'a. Наши критики стр. 140—8.

въ 44.903.200 жителей, гдѣ ни одна національность не достигаетъ 70% общаго состава населенія *).

Изъ сказаннаго ясно, что областной вопросъ не покрываетъ собой вопроса національнаго, что областная и національная автономія—двѣ самостоятельныя идеи, лишь попутно приходящія другъ съ другомъ въ соприкосновеніе, не могущія быть замѣнены одна другой. Національный вопросъ сохраняетъ всю силу самостоятельной, отдѣльной проблемы, требующей столь же самостоятельнаго разрѣшенія. Вотъ почему столь неудовлетворительными для разрѣшенія національнаго вопроса являются сдѣланныя до сихъ поръ попытки областного распредѣленія Россіи.

Такъ, въ небольшой, но любопытной и цѣнной статистической работѣ, неоднократно нами цитировавшейся: *К. А. Фортунатовъ*, «Національныя области Россіи» сдѣлана попытка «распредѣлить всю территорію Россіи на части съ областнымъ самоуправленіемъ, пользуясь національнымъ принципомъ». Но такъ какъ такое дробленіе территорій имѣетъ свои естественные предѣлы, то, признавъ «наиболѣе удобной величиной для такихъ частей—*краевъ* или *штатовъ*—*штатъ* съ населеніемъ въ 6—9 милл. 1897 г., а теперь въ 7—10 милл.», авторъ получилъ слѣдующее распредѣленіе національныхъ областей **):

Польскій „край" или „штатъ" съ населеніемъ въ	8	мил.	696 тыс.
Бѣлорусскій . .	7	„	328 „
Прибалтійскій . .	5	„	46 „
3 малороссійскихъ . . „	27	„	228 „
1) Югозападный (Кіев., Подольск., и Волын. г. и 3 уѣзда Гродненск. губ.) съ насел.	10	„	133 „
2) Малороссійскій (Полт., Харьков., Черниг. г.) съ населеніемъ	8	„	451 „
3) Новороссійскій (Бессарабія. Херсон., Таврич. Екатериносл. губ.) съ насел.	8	„	644 „
Кавказскій „край" или „штатъ" съ насел. въ	6	„	157 „
Среднеазіатскій „ „	7	„	490 „
Сибирскій „ .	6	.	15 „
7 Великорусскихъ . .	57	.	680 „

Классификація эта имѣетъ свои серьезные дефекты. Допущеніе 3-хъ «малороссійскихъ» и цѣлыхъ 7-ми великорусскихъ областей само говоритъ за себя. Авторъ вынужденъ, между прочимъ, въ числѣ «великорусскихъ» областей намѣтить «татарско-башкирскій край» (губ. Казанская, Уфимская, Оренбургская, Самарская, Симбирская). И все же «національныхъ» областей—«краевъ» или «штатовъ»—окажется около 15-ти, въ то время, какъ крупныхъ народностей въ Россіи насчитывается свыше 30-ти. Ясно, что внутри «національныхъ» областей будутъ національныя тренія, а

*) Ben Ader, цит. ст., стр. 138.
**) К. Фортунатовъ, стр. 16.

областной вопросъ, при самомъ благопріятномъ его разрѣшеніи, не сниметъ съ очереди вопроса національнаго. Вглядываясь ближе въ приведенную классификацію національныхъ областей, мы легко замѣтимъ слѣдующія ея особенности. «Кавказскій» край или «штатъ» обнимаетъ собою территорію цѣлаго ряда народностей (армянъ, татаръ, грузинъ, лезгинъ, имеретинцевъ, черкесовъ и пр. горцевъ), обычно, правда, называемыхъ «кавказскими», но глубоко отличающихся другъ отъ друга по бытовымъ особенностямъ, историческому прошлому, строю внутренней соціальной жизни и т. д. Въ какой-нибудь Таврической губ., относящейся къ числу «малороссійскихъ» областей или «штатовъ», въ дѣйствительности малороссовъ проживаетъ только около 42% населенія, остальные же 58% образуютъ другіе народы: великороссы, евреи, нѣмцы, татары и т. д. Съ другой стороны, поляки, напримѣръ, живутъ не только въ «Польскомъ» краѣ, но, какъ мы видѣли, и въ другихъ губерніяхъ Россіи. То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ другимъ народностямъ, нигдѣ не умѣщающимся безъ остатка въ любезно предоставленныхъ имъ границахъ родной области.

Наконецъ, благо областного раздѣленія національностей совершенно не затрагиваетъ ни евреевъ, занимающихъ пятое по численности мѣсто въ странѣ, ни латышей, ни эстовъ, ни чувашей и т. д. А между тѣмъ евреи, напримѣръ, уступаютъ въ численности бѣлоруссамъ на $^1/_2\%$ (и то весьма сомнительно), полякамъ на $2^1/_4\%$, и если въ общемъ они образуютъ въ странѣ 5—6% всего населенія, то въ отдѣльныхъ областяхъ они достигаютъ 14% (Царство Польское), 14,4% (Сѣверо-Западный край), а при счетѣ исключительно *городского* населенія получаются слѣдующія цифры:

Области.	Число евреевъ.	% къ общему населенію.
Южный край	511.487	26,3
Юго-западный край . .	978.406	58,1
Царство Польское . . .	1.106.414	40,9
Сѣверо-западный край .	1.213.054	57,9 *)

Другой проектъ областной автономіи Россіи изложенъ «въ Проектѣ основного закона о землѣ», изд. Н. Новожилова, подъ ред. Дѣдова, Максимова-Нечетнаго и Рудина. По этому проекту страна дѣлится на 18 областей. Достаточно назвать нѣкоторыя изъ нихъ,— напр., Сѣверо-западную область (губ. Новгородская, Псковская и Витебская), Прибалтійскую область (губ. Эстляндская, Лифляндская, Курляндская и Ковенская), Приволжскую область (губерніи Симбирская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская), Восточную область (губерніи Казанская, Самарская, Симбирская, Уфимская,

*) Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи, томъ I, Спб. 1904, ст. XXIV.—Все это цитировано изъ статьи М. Борисова „Наши задачи", „Сѣверъ". Сборн. I, стр. 13—15.

Оренбургская), Кавказскую область,—чтобы убѣдиться въ томъ, что новыя области Россіи будутъ состоять изъ цѣлаго ряда національностей. Въ самомъ дѣлѣ, въ Витебской губерніи живутъ бѣлоруссы, великороссы и малороссы, евреи, литовцы, латыши и поляки; въ Эстляндской губерніи—эсты, нѣмцы и евреи; въ Лифляндской губерніи—латыши, эсты, нѣмцы, евреи и поляки; въ Курляндіи—литовцы и жмудь, латыши, нѣмцы, евреи и поляки; въ Ковенской губерніи—литовцы, жмудь, латыши, нѣмцы, евреи и поляки; въ Симбирской губерніи—русскіе, мордва, чуваши и татары; въ Казанской губерніи—русскіе, татары, чуваши; въ Уфимской губерніи—русскіе, татары, чуваши, башкиры; на Кавказѣ: грузины, армяне, кабардинцы, абхазцы, татары и русскіе. Однимъ словомъ—цѣлый конгломератъ національностей въ предѣлахъ автономныхъ областей.

Такимъ образомъ мертвыя цифры и данныя, въ переводѣ на языкъ конкретныхъ живыхъ явленій, вскрываютъ внушительный фактъ несовпаденія линіи національныхъ дѣленій съ линіей дѣленій областныхъ, вслѣдствіе чего и самое совершенное областное устройство неспособно разрѣшить національный вопросъ вообще и національный вопросъ для національностей экстерриторіальныхъ въ частности. И поэтому всѣ программныя положенія, краснорѣчиво толкующія о демократически организованной областной автономіи, должны быть признаны не имѣющими спеціальнаго и непосредственнаго отношенія къ національной проблемѣ.

«Защиту правъ меньшинства можно изучать на евреяхъ, этомъ типичномъ образчикѣ національныхъ меньшинствъ, слѣдуя примѣру Маркса, который изучалъ капитализмъ въ Англіи»,—говорилъ членъ Конференціи М. Борисовъ *). И, дѣйствительно, въ программахъ еврейскихъ партій мы находимъ наибольшую разработку ученія объ экстерриторіальной національной автономіи.

Такъ, въ апрѣлѣ 1901 года состоялся четвертый съѣздъ *партіи Бунда*, на которомъ національный вопросъ былъ подвергнутъ особенно тщательному обсужденію. Въ результатѣ живого обмѣна мнѣній была принята слѣдующая резолюція:

«Съѣздъ признаетъ, что по смыслу соціалдемократической программы недопустимо никакого гнета не только одного класса надъ другимъ, не только правительства надъ гражданами, но и одной національности надъ другой, господства одного языка надъ другимъ.

«Съѣздъ признаетъ, что государство, подобно Россіи, состоящее изъ множества разнородныхъ національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой отъ нихъ, независимо отъ территоріи, ими обитаемой.

«Съѣздъ признаетъ, что понятіе національности примѣнимо и къ еврейскому народу.

«Считая, однако, преждевременнымъ выставленіе при нынѣшнихъ усло-

*) Протоколы Конференціи, стр. 36.

віяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ проявленій угнетеній еврейской національности, избѣгая раздуванія національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму».

Въ этой резолюціи понятіе національной автономіи точно отдѣлено отъ автономіи территоріальной или областной; рѣчь идетъ о свободномъ «союзѣ или федераціи автономныхъ національностей», «независимо отъ территоріи, ими обитаемой». Конечно, въ этой резолюціи есть и недомолвка. Каковъ переходъ, каковы промежуточныя ступени, ведущія отъ современной анархіи въ области національныхъ отношеній къ будущему федеративному строю? Наконецъ, что такое эта «національная автономія»? каковы ея предѣлы? Какова организація? каковы предметы вѣдѣнія? На всѣ эти вопросы мы не найдемъ отвѣта ни въ резолюціяхъ, ни въ дебатахъ бундовскаго съѣзда. Притомъ же съѣздъ, изъ боязни передъ предразсудками, господствовавшими въ соціалдемократической средѣ, призналъ «преждевременнымъ» выставленіе при нынѣшнихъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ. Былъ брошенъ въ воздухъ возвышенный лозунгъ о національной автономіи безъ малѣйшаго труда конкретизировать его.

Но реальная жизнь заставила Бундъ очень скоро признать вполнѣ своевременнымъ то, что казалось преждевременнымъ. На VI съѣздѣ, состоявшемся въ 1905 году, вырабатывается новая резолюція по національному вопросу, въ которой говорится, что

«національное угнетеніе во всѣхъ его формахъ самымъ вреднымъ образомъ отражается на интересахъ освободительной борьбы всего пролетаріата даннаго государства, затемняя его классовое сознаніе, а на рабочій классъ угнетаемой націи падаетъ всей тяжестью, задерживая развитіе его силъ во всѣхъ областяхъ его жизни, искажая его классовую борьбу».

Въ резолюціи выставляются слѣдующія требованія:

1) Полное гражданское и политическое равноправіе евреевъ.

2) Обезпеченная закономъ возможность для еврейскаго населенія употребленія роднаго языка въ сношеніяхъ съ судомъ, государственными учрежденіями и органами мѣстнаго и областного самоуправленія.

3) Національно-культурная автономія: изъятіе изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областного самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры (народное образованіе и пр.) и передача ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій: мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Такова та *«національно-культурная автономія»*, требованіе которой составляетъ, какъ извѣстно, національную программу Бунда. Противъ этой программы въ настоящее время въ еврейской средѣ, особенно въ средѣ еврейскаго пролетаріата, раздается много возраженій. Прежде всего, ясное соціологическое пониманіе культурныхъ основъ соціальной жизни приводитъ къ убѣжденію, что не существуетъ культуры, какъ чего-то отдѣльнаго,

изолированнаго. Область языка и просвѣщенія—такой же элементъ культурной жизни, какъ и техника, экономическая дѣятельность, юридическія учрежденія, политическій, соціальный строй. Бундъ никогда не понималъ, что національность представляетъ собою своеобразную психологическую форму, въ которую отливается все матеріальное содержаніе соціальной жизни народовъ. По отношенію именно къ евреямъ наше утвержденіе о негодности бундовскаго рѣшенія національнаго вопроса представляется яснымъ до очевидности. Процессомъ стихійно складывавшихся историческихъ условій создалось такое положеніе, что формы національнаго гнета, испытываемаго отдѣльными народностями Россіи, оказались весьма разнообразными. И если для Польши или Финляндіи національный гнетъ сказывался, главнымъ образомъ, въ области политической жизни, въ направленіи дѣятельности государственныхъ учрежденій, а для Украйны тотъ же гнетъ чувствовался преимущественно въ области языка, культуры, то для евреевъ существовалъ совершенно особый типъ національнаго угнетенія. Менѣе всего подвергались преслѣдованію еврейскій языкъ и еврейская культура, но за то желѣзнымъ кольцомъ охватившая все подневольное еврейское существованіе сѣть безчеловѣчныхъ ограниченій и стѣсненій парализовала внутреннюю инициативу народа, извратила весь строй его бытовыхъ и общинныхъ отношеній и довела до полнаго экономическаго разложенія трудовыя силы народныхъ массъ. При такомъ положеніи вещей національная автономія желательна и безусловно необходима еврейскому народу не только для урегулированія вопросовъ науки и искусства, но и для посильнаго разрѣшенія кровныхъ нуждъ еврейской народной жизни, жгучихъ интересовъ еврейскаго пролетаріата *).

Въ чистомъ и безпримѣсномъ видѣ требованіе экстерриторіальной національной автономіи приведено въ программѣ *Еврейской Соціалистической рабочей партіи.*

Здѣсь предусмотрѣно установленіе основнымъ закономъ государства широкой демократически организованной областной автономіи для всѣхъ мѣстностей, отличающихся особыми географическими, экономическими и историческими бытовыми условіями. Органами областного самоуправленія являются областныя учрежденія, созываемыя на основѣ всеобщаго избирательнаго права съ обязательнымъ примѣненіемъ коррективa, ограждающаго интересы всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ данной области національностей. За органами областного самоуправленія признается право на самостоятельное установленіе и расходованіе своего бюджета.

Независимо отъ этого для областей создается особое національ-

*) Подробно объ этомъ см. «Серпъ», сборникъ второй, ст. М. Б. Ратнера „Эволюція національно-политической мысли въ русскомъ еврействѣ», стр. 36—47.

ное самоуправленіе. Здѣсь, кромѣ свободы языка въ школѣ, судѣ и администраціи, въ частныхъ документахъ, телеграфныхъ сношеніяхъ, предусмотрѣнъ особый строй автономныхъ учрежденій, покоящихся на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ:

1) Каждый народъ, живущій въ предѣлахъ Россіи, независимо отъ занимаемой имъ территоріи, конструируется въ автономную группу—*національный союзъ*, который завѣдуетъ своими національными дѣлами вполнѣ автономно.

2) Территоріальныя дѣленія сохраняютъ исключительно областное значеніе и не оказываютъ никакого вліянія на строй національныхъ отношеній и на сумму правъ, присвоиваемыхъ той или иной національности.

3) Членомъ даннаго національнаго союза считается всякое лицо, принадлежащее по происхожденію къ данной національности и не заявившее о своемъ выходѣ изъ состава союза. Лицо инонаціональнаго происхожденія вступаетъ въ данный національный союзъ при условіи подачи особаго о томъ заявленія.

4) Для удовлетворенія національныхъ нуждъ органамъ національнаго самоуправленія предоставляется право на самостоятельное установленіе и расходованіе своего бюджета.

5) Единицей національнаго самоуправленія на мѣстахъ является національная община, въ составъ которой входятъ всѣ члены даннаго національнаго союза, живущіе въ предѣлахъ данной точно очерченной въ административномъ отношеніи мѣстности.

6) Органомъ дѣятельности общинъ является общинный совѣтъ. Общины, разсѣянныя по территоріи страны, образуютъ областные союзы общинъ съ союзными общинными совѣтами.

7) Верховнымъ органомъ національнаго самоуправленія является національный сеймъ, созываемый на основѣ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

8) Въ кругъ вѣдѣнія всѣхъ перечисленныхъ національныхъ учрежденій входятъ:

а) организація народнаго образованія (устройство школъ, гимназій, университетовъ, учительскихъ курсовъ, институтовъ и т. д. и завѣдываніе ими);

б) созданіе учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры (устройство библіотекъ, театровъ, музеевъ, художественныхъ галлерей и т. д.).

в) организація профессіональнаго образованія въ цѣляхъ поднятія уровня технической подготовки рабочихъ;

г) организація общественнаго призрѣнія и народнаго здравія (устройство больницъ, инвалидныхъ домовъ, санаторій, безплатныхъ и дешевыхъ столовыхъ, дѣтскихъ яслей и т. п.);

д) организація взаимной и трудовой помощи (учрежденіе дешеваго кредита, взаимнаго страхованія, обществъ трудовой помощи, потребительныхъ и производительныхъ товариществъ и т. п.);

е) организація статистики по всѣмъ вопросамъ народной жизни;

ж) руководство эмиграціоннымъ и переселенческимъ дѣломъ

з) и другіе вопросы по опредѣленію Національнаго Учредительнаго Собранія *).

М. Борисовъ, комментаторъ программы Еврейской Соціалистической рабочей партіи, такъ характеризуетъ основную сущность ея **):

---

*) „Серпъ", Сборникъ первый, стр. 269—72.

**) „Серпъ", сборникъ первый, ст. „Наши задачи", стр. 26—27.

Нація—это группа людей, связавшихся въ процессѣ совмѣстной исторической жизни единствомъ соціальныхъ интересовъ, единствомъ тѣхъ или иныхъ сферъ соціальной жизни. Во всѣхъ проявленіяхъ соціальной дѣятельности и соціальной борьбы члены данной націи стремятся опереться на тотъ или иной элементъ своего національнаго коллектива. Необходимо, исходя изъ этого стихійно существующаго факта, дать этой соціальной коллективности соотвѣтствующую юридическую санкцію. Необходимо каждую націю признать публично-правовымъ союзомъ, порождающимъ для лицъ, къ нему принадлежащихъ, опредѣленную сумму правъ и вытекающихъ изъ этихъ правъ обязанностей въ предѣлахъ нуждъ и интересовъ чисто національной жизни. Такимъ образомъ въ основу системы національнаго права кладется идея національнаго союза съ публично-правовымъ характеромъ; этотъ союзъ и образуетъ субъектъ соотвѣтствующихъ правъ. Къ такому союзу считаются принадлежащими всѣ проживающія въ предѣлахъ государства лица опредѣленной національности, не заявившія о выходѣ изъ союза. Лица инонаціональнаго происхожденія вступаютъ въ союзъ путемъ особаго о томъ заявленія. Національный союзъ въ сферѣ своей компетенціи, т. е. въ области нуждъ и интересовъ чисто-національныхъ, исполняетъ часть отошедшей къ нему чисто-государственной работы, а работа эта требуетъ, для обезпеченія реальныхъ результатовъ, опредѣленной практической постановки. Вступленіе въ данный національный союзъ, какъ и выступленіе изъ него признаются добровольными. Но для лицъ, пребывающихъ въ союзѣ, послѣдній обладаетъ всѣми аттрибутами принудительной организаціи, издающей обязательныя постановленія, подлежащія безусловному проведенію въ жизнь. Для возможности же такого функціонированія въ качествѣ одной изъ существенныхъ частей государственнаго механизма, вѣдающаго важную область національныхъ нуждъ и интересовъ, національному союзу, въ мѣру его активной работы, присваивается и соотвѣтствующее бюджетное право, сводящееся къ уступкѣ ему государствомъ права взыскивать и распредѣлять средства, необходимыя для покрытія національныхъ потребностей.

Въ этой программѣ строго расчленены организаціи областного и національнаго самоуправленія, а въ предѣлахъ послѣдняго строго выдержана идея экстерриторіальной національной автономіи.

IX.

Въ заключеніе я считаю долгомъ остановиться на дебатахъ по національному вопросу на упоминавшейся уже мною конференціи россійскихъ національно-соціалистическихъ партій, состоявшейся 16—20 апрѣля 1907 года. Протоколы конференціи лежатъ передъ нами, и это даетъ возможность произвести надлежащій учетъ ра-

ботамъ ея. Въ конференціи приняли участіе: Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ, Польская Соціалистическая Партія, Бѣлорусская Громада, Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія, Армянская Партія Дашнакцутюнъ и Грузинская Партія Соціалистовъ-Федералистовъ.

Во вступительномъ докладѣ, посвященномъ теоретической части вопроса «Соціализмъ и Національный вопросъ», докладчикъ *Гайдаровъ* развилъ слѣдующія соображенія.

Отношеніе консервативныхъ партій къ національному вопросу выражается въ шовинистическомъ націонализмѣ, не признающемъ никакихъ общечеловѣческихъ интересовъ и задачъ. Отношеніе либеральныхъ партій выражается въ принципѣ космополитизма, который враждебно относится къ интересамъ національностей. Отношеніе соціализма къ этому вопросу заключается въ интернаціонализмѣ, который одинаково враждебенъ какъ шовинизму, такъ и космополитизму. Интернаціонализмъ не отрицаетъ націй, ихъ правъ на самостоятельное существованіе и развитіе. Задачи его сводятся къ тому, чтобы предоставить каждой національности возможность перерабатывать общечеловѣческое содержаніе на свой ладъ, развивать духовно-нравственный типъ своего творчества и объединить все человѣчество въ одну семью солидарно трудящихся и разнообразящихъ человѣческую культуру народовъ. Совершенно невѣрно мнѣніе, будто стремленіе націи стать на свой равноцѣнный для человѣчества путь къ вершинѣ человѣческаго прогресса отвлекаетъ ея рабочіе классы отъ классовой борьбы и соціализма. Только тогда, когда нація подавлена, когда одинъ и тотъ же національный гнетъ связываетъ ея рабочіе классы съ ея буржуазіей, тогда затемняется классовое самосознаніе первыхъ. Какъ только нація попадаетъ въ нормальныя условія національнаго развитія, противоположность классовыхъ интересовъ выступаетъ наружу незамаскированная и не придавленная никакими посторонними элементами. Дѣло культурнаго развитія какого-либо народа неотдѣлимо отъ національныхъ формъ. Онѣ и должны культивироваться при помощи школъ, музеевъ, библіотекъ и т. д. Именно потому, что современное культурное развитіе человѣчества немыслимо безъ опредѣленныхъ національныхъ формъ, именно потому, что это развитіе такъ необходимо для соціализма, соціалистическая партія рабочаго класса и не можетъ отказаться отъ задачи стать во главѣ своего народа и вести дѣло его національнаго обновленія и возрожденія непремѣнно подъ знаменемъ и въ духѣ народнаго соціализма. Вотъ почему соціализмъ не врагъ, а самый искренній другъ и защитникъ всякаго прогрессивнаго національнаго движенія, которое совершается подъ знаменемъ общечеловѣческихъ идеаловъ и международнаго братства.

Противъ этого доклада, изложеннаго здѣсь вкратцѣ, раздались возраженія.

Сидоровъ замѣтилъ, что веденіе агитаціи на почвѣ національнаго идеала приведетъ не къ обостренію классовыхъ противорѣчій, а къ ихъ сглаживанію и затемнѣнію классоваго самосознанія трудящагося народа.

Иванова. Тамъ, гдѣ появляется соціализмъ, стираются острые углы національныхъ различій. Задача соціалистовъ состоитъ поэтому вовсе не въ томъ, чтобы укрѣплять національныя особенности, а они только должны въ силу необходимости считаться съ ними при своей работѣ.

Бобровъ. Мы, соціалисты, не должны говорить, что національнзмъ самъ по себѣ высокая идея, но должны признать, что мы вынуждены съ нимъ считаться въ своей практикѣ. Ходъ исторіи несомнѣнно ведетъ къ интернаціональному производству. Нашъ идеалъ борьба всѣхъ трудящихся во имя братства и сліянія. Но приходится тѣмъ не менѣе признать, что соціалистическую агитацію необходимо вести на родномъ языкѣ. Проповѣдуя національнзмъ, вы забываете, что нѣтъ одной, а есть двѣ націи въ современномъ обществѣ—эксплуататоровъ и трудящихся.

Вагнеръ. Національная культура, въ цѣломъ взятая,—фактъ безразличный для соціализма. Задачи соціализма въ данномъ случаѣ чисто отрицательнаго характера. Но стоять за укрѣпленіе національной культуры мы не можемъ, ибо тогда нужно ее укрѣплять и среди господствующей національности, а этимъ мы способствовали бы созданію гнета и насилія.

Были на съѣздѣ и защитники докладчика.

Эзровъ. Если мы спустимся съ абстрактныхъ высотъ въ долину конкретной жизни и соціальной борьбы, тогда гармоническое сочетаніе между соціализмомъ и національнзмомъ, какъ опредѣленными общественными движеніями, выступитъ явственно. Тамъ, гдѣ соціализмъ сталъ политическимъ движеніемъ широкихъ массъ, тамъ онъ неминуемо становится національнзирующимъ факторомъ. Таковымъ было народническое движеніе семидесятыхъ годовъ. Еще болѣе поучительна въ этомъ отношеніи эволюція Бунда.

Лозовъ. Существуютъ несомнѣнныя различія въ соціалистической практикѣ разныхъ странъ и націй. Соціализму приходится считаться съ національнзмомъ уже по одному тому, что проповѣдовать его необходимо на языкѣ данной націи.

Ласскій. Для меня соціализмъ—дѣло культуры, а культура всегда національна. Если соціализмъ начинаетъ развиваться среди націи, уже вполнѣ опредѣлившейся, онъ является стимуломъ дальнѣйшаго развитія національной розни, а, возникая въ средѣ націи, не сформировавшейся, онъ способствуетъ ея національному самоопредѣленію.

Самойловъ.. Національная культура носитъ различный характеръ у разныхъ классовъ современнаго общества. Космополитизмъ—плодъ французской революціи, давшей побѣду буржуазіи и торже-

ство буржуазнымъ идеямъ. Своеобразій условій жизни различныхъ національностей отрицать не приходится. Но говорить при этомъ только о различіяхъ по государствамъ тоже нельзя, ибо и внутри одного и того-же государства существуютъ различія въ условіяхъ экономической жизни, къ которымъ необходимо приспособиться соціалистической партіи. Доказательство—еврейскій пролетаріатъ.

М. Борисовъ. Приходится считаться съ боязнью, господствующей въ нѣкоторыхъ кругахъ соціалистической интеллигенціи передъ національзмомъ, боязнью, которая должна быть преодолѣна усиліями соціалистической мысли. Если вдуматься въ соціально-революціонное міровоззрѣніе, то тамъ собственно нѣтъ элементовъ космополитизма, но тѣмъ не менѣе сохранились нѣкоторые космополитическіе пережитки и въ соціально-революціонныхъ кругахъ. Съ точки зрѣнія марксизма, построеннаго на идеѣ существованія единообразной тенденціи къ централизаціи производства, такое отношеніе къ національному вопросу понятно. И, не смотря на это среди марксистовъ за послѣднее время раздаются голоса противъ такого односторонняго пониманія національнаго вопроса. Огражденіе интересовъ гармонически развитой человѣческой личности совершенно немыслимо безъ развитія національной культуры *).

Затѣмъ М. Борисовымъ было сдѣлано предложеніе, чтобы вопросъ былъ перенесенъ на практическую политическую почву. Это и было исполнено, и М. Борисовъ приступилъ къ чтенію доклада «О территоріальной національной автономіи».

М. Борисовъ. Національный гнетъ,—гнетъ, тяготѣющій надъ цѣлымъ народомъ и испытываемый отъ другихъ народностей, естественно сближаетъ всѣ классы угнетенной націи и создаетъ внутри ея серьезныя затрудненія для естественнаго направленія классовой борьбы. Въ огромной массѣ случаевъ пролетаріатъ здѣсь не въ состояніи отойти отъ своей буржуазіи и стать къ ней въ рѣзкое, опредѣляемое классовымъ положеніемъ, отношеніе, въ виду общности національнаго гнета и солидарности національныхъ интересовъ. Съ другой стороны, національная рознь, а подчасъ и національная борьба, переносится въ ряды пролетаріата и трудового народа, разстраивая стройные ряды борцовъ за экономическое освобожденіе и внося въ классовую борьбу нѣкоторое новое отношеніе по линіи національныхъ дѣленій. Мы видимъ, такимъ образомъ, что самый фактъ, несомнѣнно существующій, національнаго гнета перемѣшиваетъ карты классовой борьбы, затемняетъ классовое сознаніе пролетаріата, вноситъ въ соціальное движеніе нѣкоторые осложняющіе моменты. Отсюда возникаетъ неизбѣжная практическая задача для всякаго дѣйствующаго соціалиста: уничтожить или ослабить силу національнаго гнета, отвести національный моментъ

*) Протоколы конференціи россійскихъ національно-соціалистическихъ партій, стр. 10—25.

жизни въ его русло, преодолѣть искусственное спѣпленіе національной и классовой борьбы. А все это можетъ быть достигнуто однимъ путемъ: установленіемъ нормальныхъ отношеній между различными національностями, предоставленіемъ каждой національности собственными силами удовлетворять свои національныя нужды, прочнымъ и планомѣрнымъ огражденіемъ національныхъ интересовъ всѣхъ живущихъ въ странѣ народностей. Но сдѣлать все это—и значитъ разрѣшить національный вопросъ.

Стремленіе къ децентрализаціи, къ автономіи, къ самоуправленію въ широкомъ смыслѣ этого слова, — такова основная тенденція, которая издавна красною нитью проходитъ черезъ все революціонное движеніе. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ идея такъ называемой областной или территоріальной автономіи, которую необходимо привѣтствовать съ различныхъ точекъ зрѣнія. Автономныя области въ свою очередь могутъ дѣлиться на мелкія единицы—губерніи, волости, въ предѣлахъ которыхъ выдѣляются особые сельскіе и городскіе округа, причемъ наиболѣе крупные города выдѣляются въ отдѣльные округа. Органами автономнаго управленія являются избираемые на широкихъ демократическихъ началахъ областные сеймы, губернскіе, городскіе и сельскіе совѣты съ соотвѣтствующими управами.

Такова картина грядущей демократической Россіи, построенной, въ новыхъ условіяхъ политической свободы, на широкихъ автономныхъ началахъ. Однако и эти новыя условія дадутъ ли выходъ стѣсненному національному чувству обездоленныхъ народностей? Уничтожатъ ли національный гнетъ? Прекратятъ ли братоубійственную борьбу по линіи національныхъ дѣленій? Какъ ни перекраивать карту Россіи, какіе причудливые узоры ни сплетать въ жизни и въ воображеніи, но національный вопросъ останется во всей своей полной и мучительной силѣ. Это неизбѣжно потому, что при осуществленіи любого изъ проектовъ областной автономіи всегда внутри отдѣльныхъ областей окажется нѣсколько націй, одна и та же нація очутится внутри нѣсколькихъ областей, и, наконецъ, не исчезнутъ съ лица земли злосчастныя «экстерриторіальныя» націи, разсѣянныя болѣе или менѣе повсемѣстно. Какъ же быть?

Какъ ни смотрѣть на сущность національной проблемы, какъ ни понимать природу націи, но ясно одно: націи, какъ таковыя, существуютъ и ведутъ, плохо-ли, хорошо-ли, каждая въ отдѣльности свою особую національную жизнь. Существуютъ такимъ образомъ въ жизни отдѣльныя конкретныя группы населенія со своими особыми реальными интересами. Законодатель не можетъ не считаться съ этимъ стихійно существующимъ фактомъ и обязанъ дать ему соотвѣтствующую юридическую санкцію. Иными словами, наличнымъ группамъ населенія, исторически сложившимся въ видѣ отдѣльныхъ національностей, необходимо дать санкцію публично-

правовыхъ союзовъ, признанныхъ государствомъ и ведущихъ юридически-опредѣленное, открытое существованіе.

Въ дальнѣйшемъ докладчикъ развиваетъ идею національнаго союза въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ изложенныхъ выше воззрѣній Еврейской Соціалистической рабочей партіи. Національные союзы, національныя общины, областные союзы общинъ и національный сеймъ для завѣдыванія народнымъ профессіональнымъ образованіемъ, учрежденіями, способствующими развитію національной культуры, организаціей общественнаго призрѣнія и народнаго здравія, организаціей взаимной трудовой помощи, организаціей статистики по всѣмъ вопросамъ народной жизни, руководствомъ эмиграціоннымъ переселенческимъ дѣломъ.

Въ результатѣ создается тройственная формула государственныхъ учрежденій, согласно которой демократическій строй слагается изъ общегосударственныхъ, областныхъ и національныхъ учрежденій, соотвѣтствующихъ распредѣленію функцій между ними въ предѣлахъ любой потребности народной жизни *).

Въ результатѣ обсужденія вопроса всѣми организаціями, при воздержавшихся П. С. Р. и Р. Р. S., была принята слѣдующая резолюція:

«Конференція находитъ, что рѣшеніе вопроса о національныхъ правахъ составляющихъ меньшинство народностей, не имѣющихъ своей территоріи, не можетъ быть достигнуто исключительно путемъ областныхъ автономій и мѣстнаго самоуправленія и что поэтому созданіе экстерриторіальныхъ органовъ національнаго самоуправленія съ публично-правовымъ характеромъ въ предѣлахъ россійскаго государства является необходимой предпосылкой для рѣшенія національнаго вопроса и освобожденія трудящихся классовъ отъ необходимости вступать въ союзъ съ буржуазіей для защиты своихъ національныхъ правъ. Что касается до основъ этой организаціи, ея компетенціи и отношенія послѣдней къ компетенціи органовъ мѣстнаго и областного самоуправленія, какъ и обще-государственныхъ учрежденій, то вопросъ этотъ долженъ детально обсуждаться на страницахъ соціалистической прессы, въ связи съ другими вопросами, вытекающими изъ задачъ объединенія трудящихся классовъ различныхъ народовъ въ одну цѣлесообразно организованную армію для борьбы съ буржуазіей за соціализмъ и свободу» **).

А затѣмъ единогласно, всѣми присутствующими партіями, была принята еще слѣдующая резолюція:

«Принимая во вниманіе всю важность возбужденнаго Е. С. Р. П. вопроса о необходимости созданія экстерриторіальныхъ національныхъ союзовъ публично-правового характера, считая вопросъ этотъ чрезвычайно настоятельнымъ въ дѣлѣ разрѣшенія національнаго вопроса именно въ Россіи, которая представляетъ такое большое разнообразіе переплетающихся національныхъ элементовъ, но въ то же время находя, что вопросъ этотъ въ настоящій моментъ не вполнѣ еще вышелъ изъ области дискуссіи, Конференція находитъ необходимымъ рекомендовать всѣмъ соціалистическимъ партіямъ и

*) Тамъ же, стр. 40—51.
**) Тамъ же, стр. 75.

организаціямъ подвергнуть этотъ вопросъ самому тщательному обсужденію, какъ на собраніяхъ, такъ и въ партійной литературѣ» *).

Такимъ образомъ трудами конференціи россійскихъ національно-соціалистическихъ партій вопросъ объ экстерриторіальной національной автономіи поставленъ на очередь соціалистическаго дня.

На конференціи національно-соціалистическихъ партій М. Борисовъ закончилъ свой докладъ словами: «Россія страна земледѣльческая, и огромной исторической заслугой народническихъ партій является то, что, считаясь съ такой особенностью страны, партіи эти, отбросивъ въ сторону всѣ предразсудки догмы и катехизиса, въ рамкахъ соціалистическаго міровоззрѣнія, поставили во весь ростъ аграрный вопросъ въ то время, когда ревнители догмы еще были обуреваемы сомнѣніями на счетъ законности подобнаго нововведенія. Не забудьте, однако, что Россія страна не только земледѣльческая, но и разноплеменная; и я бы только желалъ поэтому, чтобы и въ дѣлѣ постановки національнаго вопроса народническія партіи не оставило украшающее ихъ мужество критицизма».

Этимъ искреннимъ пожеланіемъ мнѣ лучше всего закончить настоящую статью.

М. Б. Ратнеръ.

*) Тамъ же, стр. 77.

РОКОВЫЯ СИЛЫ.

Романъ Густава афъ-Гейерстама.

Пер. А. Брумберга.

XVII.

Спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда Торы Льюнгъ Оскаръ Стейнертъ въ обѣденное время сидѣлъ въ своей конторѣ. Было уже около трехъ часовъ. Ему въ это утро случайно не удалось запастись компаніей для обѣда и онъ, какъ истый меланхоликъ, не въ состояніи былъ принять какое-либо рѣшеніе на этотъ счетъ, такъ какъ его въ одинаковой мѣрѣ отталкивали какъ перспектива обѣдать одному въ ресторанѣ, такъ и необходимость сидѣть за однимъ столомъ со своей семьей.

Вдругъ позвонили въ телефонъ. Позвавшій Стейнерта сообщилъ ему, вѣроятно, какую-нибудь отрадную для него вѣсть, такъ какъ лицо адвоката прояснилось и онъ любезнѣйшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Очень кстати,—и спустя нѣсколько секундъ:—чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Я одинъ и никого ужъ не жду.

Послѣ этого онъ опять сѣлъ и усердно взялся за работу. На его лицо легло выраженіе успокоенія. Быстро кончалъ онъ одно письмо за другимъ. Онъ положилъ ихъ всѣ передъ собою и рядомъ съ каждымъ конвертъ. Окончивъ все, онъ позвонилъ мальчика.

— Отдай скопировать эти письма. Смотри, чтобъ они были отправлены вечернею почтою.

— Господинъ учитель Іельмъ пришли,—доложилъ мальчикъ.

— Проси.

За послѣдніе годы оба друга совсѣмъ не встрѣчались. На улицѣ они проходили одинъ мимо другаго, ограничиваясь нѣмымъ поклономъ. Хотя Стейнертъ и не понималъ, по какой

причинѣ, но ему казалось, что Іельмъ хочетъ создать между ними извѣстное разстояніе. Это обстоятельство неоднократно мучило Стейнерта, не смотря даже на всѣ его внутреннія переживанія; поэтому онъ очень обрадовался посѣщенію Іельма, хотя тотъ пришелъ для обсужденія чисто дѣлового вопроса.

Учитель Іельмъ въ свою очередь тоже не забылъ про свое измѣнившееся отношеніе къ Оскару Стейнерту, которое онъ когда-то такъ рѣзко проявилъ. Антипатія, которую онъ всегда питалъ къ личности адвоката, отнюдь не уменьшилась благодаря тому факту, что кругъ, къ которому онъ принадлежалъ, продолжалъ все въ большей степени и все рѣшительнѣе считать Стейнерта человѣкомъ духовно погибшимъ и измѣнившимъ своему прошлому. Имя адвоката неоднократно упоминалось въ томъ кругу, въ которомъ онъ былъ осужденъ, и списокъ его грѣховъ, совершенно ему неизвѣстныхъ, но тѣмъ сильнѣе интересовавшихъ другихъ, съ теченіемъ лѣтъ все разростался.

То, что учитель теперь обратился къ Стейнерту, объяснялось однимъ свойствомъ адвоката, котораго не могли отрицать въ немъ даже злѣйшіе враги: его умѣніемъ молчать. Случай, который привелъ къ нему учителя, требовалъ прежде всего тайны. Кромѣ того, Стейнертъ въ качествѣ адвоката обладалъ еще однимъ преимуществомъ, въ данный моментъ чрезвычайно важнымъ: они знали другъ друга. Даже профессоръ Гране, которому Іельмъ довѣрился, одобрилъ его рѣшеніе обратиться съ этимъ дѣломъ къ адвокату Стейнерту. И при создавшемся положеніи вещей это было большимъ облегченіемъ для Іельма.

Тѣмъ не менѣе Іельмъ, усаживаясь и начиная разговоръ, къ которому тщательно и долго готовился, старался обнаружить какую-то упорную, холодную дѣловитость.

Оскаръ Стейнертъ видѣлъ только горестное выраженіе, новое для него, на лицѣ Іельма и посѣдѣвшіе волосы на его вискахъ.

— Мы опять давно не видѣлись,—началъ учитель.—И, когда мы послѣдній разъ были вмѣстѣ, я не думалъ, что обращусь къ тебѣ съ такимъ дѣломъ.

Въ его голосѣ звучала какая-то мученическая нотка, обратившая на себя вниманіе адвоката. Человѣкъ выглядѣлъ такъ, какъ будто онъ стыдился того, что ему надо было изложить. Но такъ какъ Стейнертъ не подозрѣвалъ, къ чему тотъ ведетъ рѣчь, то онъ совершенно не зналъ, что отвѣтить.

Чтобы прервать чѣмъ-нибудь наступившее молчаніе, онъ сказалъ:

— Это былъ странный вечеръ тогда. Я его еще хорошо помню.

Учитель разсѣянно кивнулъ головой. Онъ весь былъ поглощенъ своими собственными мыслями, которыя ему хотѣлось изложить въ возможно болѣе джентльменской, спокойной формѣ.

— Мы встрѣтились тогда надъ мертвымъ, надъ трупомъ самоубійцы,—продолжалъ Стейнертъ.—Ты помнишь.

— Да, разумѣется, — отвѣтилъ Іельмъ, внутренно удивляясь, что Стейнертъ говоритъ о вещахъ, которыя совершенно не относятся къ дѣлу.

— А потомъ мы вмѣстѣ обѣдали и вмѣстѣ провели вечеръ. Совершенно такъ, какъ въ нашей молодости.

— Да!—отвѣтилъ учитель.—Прекрасная молодость, которая такъ давно ужъ прошла! И я очень хорошо помню тотъ вечеръ, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ ты. Воспоминаніе о немъ страннымъ образомъ связывается съ тѣмъ, что я хочу сообщить тебѣ сегодня. Почему ты, впрочемъ, напомнилъ мнѣ объ этомъ?

Выраженіе недовольства омрачило его лицо; онъ казался усталымъ.

— Прости,—возразилъ Стейнертъ.—Я не хотѣлъ причинить тебѣ непріятности.

— Какъ разъ въ ту ночь—продолжалъ Іельмъ—случилось кое-что. Это было не впервые. Оно повторялось неоднократно уже и раньше.

Онъ вдругъ замолкъ. Это былъ не тотъ тонъ, въ какомъ онъ хотѣлъ говорить. Человѣкъ, къ которому онъ обратился, былъ вѣдь ему чужимъ. Ихъ раздѣляли годы взаимнаго непониманія и молчанія. А теперь Іельмъ сидѣлъ передъ нимъ и говорилъ слова, которыхъ онъ не хотѣлъ говорить, выражалъ мысли, которыя совершенно случайно вырывались у него. И замѣчательнѣе всего было то, что тотъ человѣкъ, котораго онъ втеченіе столькихъ лѣтъ въ своихъ мысляхъ оскорблялъ, и окружалъ атмосферой недоброжелательной критики, что этотъ самый человѣкъ ласково и участливо смотрѣлъ ему въ глаза и мягко говорилъ:

— Ты возбужденъ, Іельмъ. Что ты хочешь сказать этимъ? Что такое случалось уже и раньше?

Учитель заранѣе рѣшилъ, что онъ отнесется ко всему дѣлу строго формально и холодно скажетъ:

— Каждая вещь имѣетъ свою дѣловую сторону, будемъ держаться только этой стороны.

Но, сидя тутъ, онъ вдругъ забылъ все, что собирался говорить. Казалось, будто недовѣріе и молчаніе этихъ долгихъ лѣтъ вдругъ исчезли. Какъ-то само собой новое я, со-

зданное въ немъ годами, слилось съ его старымъ я; онъ очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который сталъ ему чужимъ, но, казалось, не подозрѣвалъ этого. Ясный и спокойный взглядъ острыхъ глазъ подъ сѣдѣющими бровями встрѣтился съ его глазами.

— То, что повторялось ужъ неоднократно, что напоминаетъ мнѣ о томъ вечерѣ и что было еще гораздо раньше,—продолжалъ Іельмъ,—это отношенія между мною и моей женой. И я пришелъ попросить тебя, чтобъ ты помогъ намъ возможно скорѣе развестись. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать. Я обратился къ тебѣ потому, что мы другъ друга знаемъ и мнѣ, не смотря на все, легче говорить объ этомъ съ тобою, чѣмъ съ чужимъ.

Глаза адвоката скользнули мимо собесѣдника и уставились въ пространство. Слова „не смотря на все“ рѣзнули его. Но онъ притворился, будто не разслышалъ ихъ; онъ не хотѣлъ доискиваться причины, по которой сказаны были эти слова.

— Причина?—спросилъ онъ кратко и дѣловито.

— Развѣ нужно, чтобъ я ее привелъ?—послышалось въ отвѣтъ.

— Вѣдь что-нибудь я долженъ знать.

— Ахъ, да, разумѣется.

Учитель всталъ и зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вопреки своей волѣ, онъ чувствовалъ себя у Оскара Стейнерта уютно, какъ бывало раньше. Казалось, будто одна уже встрѣча съ нимъ изгладила очень многое.

— Тебѣ не надо говорить больше, чѣмъ ты хочешь,—замѣтилъ адвокатъ.—Я долженъ только имѣть какую-нибудь исходную точку, что-нибудь, чего я могъ бы держаться.

Тонъ, которымъ Стейнертъ это говорилъ, былъ любезный и лицо его выражало столько симпатіи, что учителю невольно теплѣе стало на сердцѣ. Онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и мало-по-малу началъ чувствовать себя лучше.

— Можетъ быть, съ самаго начала въ нашемъ бракѣ крылось сѣмя разлада,—сказалъ онъ, наконецъ.—Помнишь, мы съ тобой уже давно говорили объ этомъ, еще раньше, чѣмъ я женился.

Оскаръ Стейнертъ кивнулъ головой.

— Я это прекрасно помню.

— Ну, хорошо! Ты еще тогда сказалъ мнѣ, что не одобряешь моего брака,—сказалъ вдругъ Іельмъ.

Оскаръ Стейнертъ растерялся. Слова Іельма звучали горько и рѣзко, какъ бы продиктованныя старой, глубоко вкоренившейся злобой.

— Я не помню, говорилъ ли я это когда-нибудь,—отвѣтилъ Стейнертъ.

— Ты, видно, часто говорилъ вещи, которыя впослѣдствіи забывалъ,—бросилъ ему Іельмъ въ отвѣтъ.

Его голосъ все еще звучалъ рѣзко, его глаза горѣли.

— Я во всякомъ случаѣ не забылъ этого,—продолжалъ онъ спокойнѣе.—Ибо то, что ты тогда сказалъ, задѣло меня очень глубоко. Ты знаешь моего мальчика Фольке и все, что связано съ нимъ. Ты и мать его зналъ. Ты встрѣтилъ ее разъ у меня. Ты знаешь также, какъ мы разошлись и почему я оставилъ у себя ея ребенка. Фольке былъ для меня тѣмъ, чѣмъ, вѣроятно, рѣдко является ребенокъ для своего отца. Онъ рано сдѣлалъ меня серьезнымъ человѣкомъ. Какъ я ни былъ молодъ, я ужъ тогда готовъ былъ жить для моего сына и только для него. Послѣ того въ мою жизнь вошла Лизе. И ты знаешь, я тебѣ объ этомъ разсказывалъ, что между нами не было никакой борьбы по поводу ребенка. Она смотрѣла на наше будущее совершенно такъ же, какъ я. Она понимала, что ради своего личнаго счастья я не могу пожертвовать своимъ ребенкомъ, не могу отдать своего сына чужимъ людямъ. Явился ли онъ плодомъ брака или случайной связи, это для нея, какъ и для меня, было безразлично. Она обѣщала быть ему матерью. Болѣе счастливый, чѣмъ я могъ бы быть при какихъ бы то ни было другихъ обстоятельствахъ, я вступилъ въ бракъ. Мнѣ казалось, что жизнь дала мнѣ почти слишкомъ много, и я любилъ свою жену вдвое за то, что она, помимо дарованнаго мнѣ счастья, дала мнѣ еще и поводъ къ благодарности за моего ребенка.

Іельмъ глубоко вздохнулъ и затѣмъ продолжалъ:

— Ты помнишь, что я все это разсказывалъ тебѣ однажды?

— Да,—отвѣтилъ Стейнертъ.—Ты спрашивалъ у меня совѣта.

— Да, — сказалъ Іельмъ. — Я спрашивалъ совѣта. И ты отвѣтилъ мнѣ насмѣшкой. Ты высмѣялъ меня за то, что я могу требовать чего-нибудь подобнаго отъ женщины.

— Ты думаешь?—прервалъ его Стейнертъ.

Въ его тонѣ звучало такое страданіе, такая горечь, что Іельмъ невольно долженъ былъ оторваться отъ своихъ собственныхъ мыслей и прислушаться.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ онъ неувѣренно.

— Я хочу сказать, что ты ошибался,—возразилъ Стейнертъ,—и что теперь ужъ поздно исправлять ошибку. Но ты

можешь мнѣ вѣрить, если я тебѣ говорю это теперь. Насмѣшки, высмѣиванья у меня не было и тѣни.

— Почему же ты говорилъ такъ тогда?

Стейнертъ опустилъ глаза. Казалось, что онъ борется самъ съ собой и не находитъ словъ.

— Почему?—сказалъ онъ.—На это трудно отвѣтить, не задѣвъ тебя снова. Но, когда ты въ то время стоялъ передо мной, весь полный вѣры въ будущее и въ женщину, которую ты избралъ, во мнѣ какъ будто внутренній голосъ кричалъ: „этотъ человѣкъ мечтаетъ о невозможномъ". Именно такимъ, какимъ ты пришелъ ко мнѣ теперь, я видѣлъ тебя тогда передъ собой. И рядомъ съ тобой я видѣлъ твою невѣсту, молодую, женственную, добрую, полную благихъ намѣреній, полную счастья жизни. И, когда ты говорилъ мнѣ о своемъ будущемъ, мнѣ все оно представлялось одной лишь иллюзіей. Къ сожалѣнію, я не оказался неправымъ. Для тебя мысль о твоемъ сынѣ была чѣмъ-то гораздо большимъ, чѣмъ обыкновенное чувство отца. Это было чувство отвѣтственности передъ классомъ, къ которому принадлежала его мать и надъ которымъ ты поднялъ его. За твоими поступками скрывалось сложное чувство современнаго человѣка, чувство столь новое и столь сильное, какое испытали лишь немногіе. Для твоей же невѣсты все это были лишь слова. То, что она дѣлала, она дѣлала лишь потому, что любила тебя и хотѣла вѣрить, будто между вами нѣтъ ничего, разъединяющаго васъ. Потребность всѣмъ жертвовать ради любимаго человѣка принимаетъ самыя разнообразныя формы и часто вводитъ насъ въ заблужденіе. Достаточно. Я видѣлъ васъ обоихъ, тебя и ее, передъ собою и думалъ: „Въ одинъ прекрасный день у нихъ родится ребенокъ; что будетъ тогда?" Или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я ужъ не знаю. Но во всякомъ случаѣ я зналъ, что сказать тебѣ всего этого я не могу. Если-бъ я тебѣ сказалъ это тогда, ты бы даже не выслушалъ моихъ словъ. Они бы просто прошли мимо тебя. Поэтому я говорилъ то, что говорилъ тогда. Я смѣшалъ серьезное съ шутливымъ, такъ какъ самъ былъ возбужденъ. А ты принялъ это за насмѣшку.

Іельмъ все еще ходилъ по комнатѣ. Шаги его стали медленнѣе и какъ бы тише. Злоба, которую онъ питалъ такъ долго, засѣла глубоко; но, когда онъ опять хотѣлъ обнаружить ее, все, что онъ сейчасъ говорилъ, показалось ему такимъ несправедливымъ, что ему стало стыдно.

— Значитъ, я былъ очень несправедливъ по отношенію къ тебѣ,—вырвалось у него.

— Мы почти всегда несправедливы другъ къ другу,— сказалъ Стейнертъ, улыбаясь.

Въ его головѣ невольно промелькнула мысль о томъ, какимъ счастливымъ сдѣлало бы его еще недавно подобное признаніе изъ устъ человѣка, дѣйствительно бывшаго къ нему несправедливымъ, и какъ мало значенія онъ придавалъ этому признанію теперь.

— Не бросилось ли тебѣ также въ глаза,—спросилъ онъ,—что самое лучшее, чѣмъ жизнь можетъ одарить человѣка, всегда является слишкомъ поздно?

Іельмъ не понялъ его. Онъ весь былъ поглощенъ своими собственными мыслями и задумчиво облокотился о большой письменный столъ посерединѣ комнаты.

— Того, что ты предвидѣлъ, какъ разъ не случилось,— сказалъ онъ.—Моя жена и я не имѣли дѣтей. Еслибы случилось иначе, мы бы, вѣрно, не разошлись такъ далеко.

— Ты въ этомъ такъ увѣренъ?

— Она мнѣ сама это говорила. Именно потому, что у насъ не было своихъ дѣтей, мальчикъ становился между нами. То, что насъ обоихъ когда-то соединило, то разъединяетъ насъ теперь.

Іельмъ сѣлъ. Его лицо съ бѣлокурой бородой и съ мягкимъ взглядомъ имѣло страдальческое выраженіе усталости.

— Мы измучили другъ друга,—сказалъ онъ.—И больше не можемъ.

Стейнертъ невольно подумалъ о себѣ. И, глядя на Іельма, онъ почувствовалъ нѣчто вродѣ зависти. Разойтись? Освободиться? Онъ не понималъ, какъ люди могутъ найти силы для этого!

— Не странное ли это чувство, это рѣшеніе разойтись?— спросилъ онъ.—Не значитъ ли это вытолкнуть въ свѣтъ женщину, которую ты нѣкогда любилъ? А свѣтъ жестокъ!

Вся исторія, которую онъ только что выслушалъ, показалась ему вдругъ такой нереальной. Это не была исторія людей, ожидающихъ блага отъ того, что каждый изъ нихъ пойдетъ своимъ путемъ. Это было безсознательное признаніе ошибки, которая послѣ развода станетъ тѣмъ неисправимѣе...

Но онъ раскаялся въ своихъ словахъ, лишь только произнесъ ихъ. Онъ не хотѣлъ показаться навязчивымъ. Подавать же другому совѣты было ему прямо противно. Къ счастью для него, Іельмъ былъ слишкомъ поглощенъ своимъ собственнымъ страданіемъ, чтобы почувствовать его неловкость.

— Да,—сказалъ онъ,—ты правъ. И я вѣдь гораздо

меньше настаиваю на этомъ, чѣмъ она. И не странно ли это? Она говоритъ, что, если-бъ я былъ раньше женатъ, мой ребенокъ не былъ бы ей такъ противенъ. Теперь же она не можетъ смотрѣть на мальчика, не вспоминая, что онъ сынъ, какъ она говоритъ, дурной женщины.

Адвокатъ ничего не отвѣтилъ. Это сообщеніе только укрѣпило его въ мнѣніи, что передъ нимъ люди, которые въ глубинѣ души другъ друга любятъ и другъ въ другѣ нуждаются и только договорились до раздраженности, подъ вліяніемъ какой одинъ упрекъ вырастаетъ изъ другого безъ связи, безъ логики... Онъ ничего не отвѣтилъ и только всталъ, чтобы посмотрѣть на часы.

— Уже поздно—сказалъ онъ.—Хочешь провести день со мною вмѣстѣ? Я свободенъ.

Іельмъ утвердительно кивнулъ головой и Стейнертъ заказалъ извозчика. Когда онъ отошелъ отъ телефона, Іельмъ сказалъ:

— Я много думалъ о прошломъ въ послѣднее время. Вѣдь человѣкъ въ моемъ положеніи обыкновенно дѣлаетъ это. И мнѣ пришло въ голову, какъ усердно наше поколѣніе занимается реформами. Мы живемъ точно въ какой-то истерической горячкѣ; всѣ только и дѣлаютъ, что изучаютъ, въ какой мѣрѣ ихъ подавляютъ внѣшнія формы общежитія. Ничто не признается пригоднымъ; все должно быть измѣнено. Каждый человѣкъ носится съ планомъ реформъ. Немногіе лишь обладаютъ достаточнымъ спокойствіемъ и равновѣсіемъ, чтобъ жить гармоничною жизнью внутри существующихъ условій. Погоня за реформами попросту не оставляетъ намъ времени, чтобъ жить. Наконецъ, мы, замученные до смерти, падаемъ въ могилу. Счастливцевъ между нами немного, и, въ качествѣ будто бы неинтересныхъ людей, они пользуются среди окружающихъ не особенно большимъ почетомъ.

Стейнертъ ничего не отвѣчалъ. Ничто не могло его удивить больше, чѣмъ эти слова, да еще изъ устъ Оке Іельма. Вдругъ онъ очнулся и сказалъ:

— Насъ ждутъ дрожки.

Они оставили комнату. По грязнымъ улицамъ, на которыхъ подъ лучами мартовскаго солнца таялъ снѣгъ, дрожки везли ихъ по открытымъ площадямъ, гдѣ подъ деревьями лежалъ еще снѣгъ, мимо бухты Новой пристани, гдѣ весенній вѣтеръ колыхалъ льдины, а задумчивыя вороны, подражая кричащимъ чайкамъ, прогуливались на краю льдинъ и разыскивали добычу въ трещинахъ, продѣланныхъ вѣтромъ и солнцемъ.. Когда дрожки переѣхали мостъ зоологическаго сада и оставили за собою шумъ города, Іельмъ съ внезапной улыбкой сказалъ:

— Ну, твоя жена и моя вѣдь теперь подружились!

Стейнертъ вздрогнулъ.

— Съ какихъ поръ?

— Развѣ ты этого не знаешь? Уже давно.

Дасадуя на себя за то, что онъ выдалъ, какъ мало онъ знаетъ о своей женѣ и объ ея жизни, отъ отвѣтилъ:

— Да, разумѣется. Я знаю.

Онъ бы очень охотно спросилъ, какъ это случилось, гдѣ и какъ обѣ женщины встрѣтились, что ихъ сблизило, какъ онѣ подавили свою старую взаимную антипатію. Но, такъ какъ онъ не хотѣлъ выдать себя и говорить съ кѣмъ-нибудь о своей женѣ, онъ молчалъ. Онъ помнилъ, что его жена раньше всегда питала самую острую антипатію къ фру Лизе и отнюдь не скрывала своихъ чувствъ къ ней, и ему вдругъ пришло въ голову, что въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ ему ясна стала коренная перемѣна, происшедшая въ его женѣ, онъ замѣтилъ, какъ люди, бывшіе ей раньше чужими, внезапно стали ей симпатичны, какъ вообще ея интересы стали теперь прямо противоположны ея прежнимъ интересамъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ всю свою домашнюю обстановку, и ему вдругъ показалось, что тамъ безъ его вѣдома происходятъ вещи, которыхъ ему слѣдуетъ бояться. Почему? Этого онъ не зналъ. Онъ зналъ только, что въ немъ таилось безсознательное чувство тревоги и что онъ ужъ неоднократно ощущалъ его...

Онъ выпрямился и кинулъ быстрый взоръ на своего спутника. Іельмъ сидѣлъ, тоже весь погруженный въ мысли, и курилъ папиросу, дымъ которой уносился позади дрожекъ. Они проѣзжали звѣринецъ, гдѣ вѣтеръ шумѣлъ въ старыхъ еляхъ и шуршалъ въ желтыхъ листьяхъ, и безмолвіе благотворно покрывало все: старую злобу, вражду, старую дружбу, старыя воспоминанія. Сидя на верандѣ ресторана, съ которой открывался видъ на бухту, они рады были солнцу, куску синей воды, которая виднѣлась между льдинами, лѣсу, поднимавшемуся по ту сторону, на холмахъ... Они сидѣли, точно два старика, говоря о прошломъ, обходя всѣ спорные вопросы, опасаясь стать слишкомъ интимными или требовать другъ отъ друга слишкомъ многаго, ибо каждый сознавалъ, что эта кратковременная бесѣда является для обоихъ отдыхомъ, который не такъ-то скоро повторится. Больше всего они избѣгали коснуться полузабытаго недоразумѣнія, которое стало причиной многолѣтняго охлажденія ихъ другъ къ другу. Они оба знали: говорить слишкомъ много о старой злобѣ—это значитъ усилить вражду, а у нихъ обоихъ была потребность забыться, упиться тѣмъ своеобразнымъ покоемъ, который охватываетъ насъ, когда мы говоримъ со старыми

друзьями, съ которыми не приходится ни тратить много словъ, ни стѣснять себя.

То раздраженіе, которое преслѣдовало ихъ еще во время ихъ послѣдней встрѣчи, улеглось. Спокойно за вечернимъ грогомъ глядѣли они на заходящее солнце, на зажигающіеся электрическіе огни. И, довольные, они благодарили другъ друга за пріятно проведенный день и обѣщали вскорѣ опять встрѣтиться. И, хотя они оба знали, что эта встрѣча очень мало вѣроятна, это обѣщаніе было имъ пріятно. Только передъ самымъ прощаніемъ адвокатъ вернулся къ тому серьезному дѣлу, которое привело къ нему Іельма. Онъ говорилъ о документахъ и формальностяхъ и, исчерпавъ вопросъ о нихъ, спросилъ:

— Какъ же ты вообще представляешь себѣ будущее?

Іельму не удалось при этомъ вопросѣ воздержаться отъ улыбки, болѣе веселой, чѣмъ онъ самъ считалъ допустимымъ. Вновь зажигая сигару, которая какъ разъ начала тухнуть, онъ сказалъ:

— Я долженъ опять начать съ того, на чемъ я остановился. Еще будучи холостякомъ, я взялъ къ себѣ мальчика. У насъ были тогда двѣ маленькія комнатки. Прислуга спала на кухнѣ. Мы теперь опять должны будемъ нанять себѣ квартиру и начать все снова.

Онъ казался очень смущеннымъ своей отцовской любовью, которая была источникомъ всѣхъ огорченій столькихъ лѣтъ и которая пережила все...

— Сколько лѣтъ теперь мальчику?—спросилъ Стейнертъ.

— Пятнадцать,—отвѣтилъ тотъ.

Іельмъ опять подумалъ о томъ, какъ онъ когда-то осуждалъ человѣка, сидѣвшаго теперь передъ нимъ, и въ немъ шевельнулось нѣчто вродѣ угрызеній совѣсти, имъ овладѣло неясное сознаніе, что онъ, не смотря на все, ошибся. Онъ теперь впервые замѣтилъ, что Стейнертъ постарѣлъ, и ужъ хотѣлъ сказать ему объ этомъ. Но въ этотъ же моментъ его взглядъ упалъ на бутылку виски, стоявшую передъ нимъ. Она была ужъ больше, чѣмъ наполовину, пуста, а Іельмъ зналъ, что онъ самъ выпилъ очень мало. И тѣмъ не менѣе Стейнертъ сидѣлъ совершенно трезвый и владѣлъ собою, какъ весь вечеръ. Его голосъ былъ спокоенъ и только по глазамъ, сверкавшимъ необычайно ярко, можно было узнать, что онъ выпилъ. Іельмъ вдругъ вспомнилъ то, что онъ слышалъ отъ своей жены про бракъ Стейнерта, вспомнилъ, что за послѣдній годъ ему пришлось слышать объ этомъ довольно много. Фру Стейнертъ жаловалась на свое горе своей подругѣ и послѣдняя безъ утайки передавала все своему мужу. Чѣмъ болѣе ихъ отношенія заставляли ихъ молчать о себѣ, тѣмъ

болѣе они занимались жизнью и отношеніями другихъ. Это была исторія мученичества женщины, которая имѣла эгоистичнаго мужа, не понимавшаго ее, оставлявшаго ее одной и пьющаго... Съ помощью дилетантски-психологическихъ комбинацій, которыя являются приправой современныхъ сплетенъ, этотъ образъ Стейнерта показался Іельму очень правдоподобнымъ и прекрасно гармонировалъ съ той безхарактерностью Стейнерта, которую онъ давно считалъ ясной и доказанной. Снова видя теперь Стейнерта и находясь подъ вліяніемъ его личности, Іельмъ началъ однако колебаться. Образъ, созданный имъ на нѣкоторомъ разстояніи, началъ ему казаться менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ раньше. Не существуетъ ли дѣйствительно, какъ, къ общему возмущенію, сказала нѣкогда Тора Льюнгъ, другого объясненія? Можетъ быть, вообще всякій разъ, когда люди осуждаютъ другъ друга, бываетъ еще и другое объясненіе? И Іельму пришло въ голову, что онъ, быть можетъ, вообще былъ несправедливъ по отношенію къ этому человѣку не только тотъ единственный разъ, а гораздо чаще, даже всегда? Можетъ быть, всю свою жизнь? Іельмъ сидѣлъ и горѣлъ желаніемъ высказать Стейнерту эти свои мысли, пожать ему руку... Ему казалось, что подобное рукопожатіе могло бы больше чѣмъ устранить недоразумѣніе между ними, что оно должно было бы проложить пути къ болѣе великому, далекому. Онъ самъ не зналъ точно, къ чему...

Но пока онъ еще боролся съ этими мыслями, Стейнертъ всталъ, застегнулъ свой сюртукъ и сказалъ:

— Уже поздно.

И передъ этими словами погасло намѣреніе, которое затеплилось, какъ слабое желаніе, и оно осталось не выполненнымъ, какъ многое, что вспыхиваетъ и гаснетъ. Безмолвно оба направились къ дрожкамъ, ожидавшимъ ихъ, и, проѣзжая густой и темный лѣсокъ, тянувшійся по обѣ стороны дороги, Іельмъ былъ почти радъ тому, что разговоръ не касался ни одной опасной темы, что не было ни одной попытки, которая могла бы привести къ недоразумѣнію и нарушить гармонію вечера. Въ немъ поднялось сомнѣніе, искренно-ли дѣйствительно объясненіе, данное Стейнертомъ по поводу юношескихъ бесѣдъ. Учителю казалось непостижимымъ, чтобы такая многолѣтняя антипатія двухъ людей была безпричинной.

Они оба молчали.

Стейнертъ, прижавшись въ уголокъ, возставалъ противъ самого себя. „Къ чему я попытался говорить?“—думалъ онъ.— „Завтра все будетъ забыто, а вѣдь вражда тѣмъ упорнѣе,

чѣмъ она несправедливѣе! Зачѣмъ я такъ безцѣльно выдалъ себя?"

Передъ ними на горизонтѣ поднимался потокъ свѣта отъ города, они подъѣзжали все ближе и ближе; вотъ ужъ дрожки катились межъ рядами фонарей, вытѣснявшихъ тьму. Старые друзья разстались. Тоска сопровождала обоихъ, и того, передъ домомъ котораго остановились дрожки, и того, который одиноко поѣхалъ дальше въ свой постылый домъ.

XVIII.

Однажды октябрьскимъ вечеромъ Стейнертъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ Нарвскомъ переулкѣ и читалъ письмо. Письмо, толстое и тяжелое, было написано четкимъ и твердымъ женскимъ почеркомъ на большихъ листкахъ. На маркахъ—ихъ было нѣсколько—былъ итальянскій штемпель. Стейнертъ получилъ письмо Торы въ конторѣ, но, не имѣя свободнаго времени, чтобы прочесть его, онъ засунулъ конвертъ въ карманъ, какъ вещь, которую охотнѣе прочитаешь въ уединеніи. Прочитавъ все письмо, онъ началъ медленно ходить по комнатѣ.

Онъ находился сегодня въ какомъ-то особенномъ нервномъ безпокойствѣ, причиною котораго былъ совершенно случайный разговоръ съ сыномъ. Робинъ былъ уже шестнадцатилѣтнимъ юношей. Онъ былъ для своего возраста довольно высокъ, имѣлъ тонкое умное лицо, но физически былъ слабъ и по всему своему характеру являлся не по лѣтамъ зрѣлымъ молодымъ человѣкомъ. Стейнертъ никогда не понималъ своего сына. Ему казалось, что въ Робинѣ есть кой-какія черты той свѣтской льстивости и податливости и того хладнокровія, которое Оскаръ Стейнертъ презиралъ больше всего. Неоднократно онъ съ озлобленіемъ говорилъ себѣ: „Этотъ мальчишка созданъ для того, чтобъ сдѣлать карьеру". И въ этихъ словахъ заключался приговоръ Стейнерта надъ сыномъ: онъ принадлежалъ къ тому типу людей, которые не очень-то разбираются въ средствахъ.

Фру Элленъ не было къ обѣду. „Барыня ушли", сказала ему прислуга, и онъ не придалъ этому особаго значенія. Но случайно во время обѣда было сказано нѣсколько словъ, которыя привлекли особое вниманіе Стейнерта. Эти слова произнесла Эбба:

— Мама собиралась къ ректору—сказала она.

И, когда у нея вырвались эти слова, она покраснѣла и опустила глаза. Но Робинъ не потерялъ самообладанія.

— Мама хотѣла поговорить съ ректоромъ, нельзя ли

освободить меня отъ гимнастики, — сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу возможно болѣе правдивый тонъ.

— Это почему?

— Я отсталъ въ латыни и, если меня не освободятъ отъ гимнастики, я не смогу поспѣвать за классомъ.

Стейнертъ моментально понялъ, что мальчикъ вретъ. И онъ тотчасъ же рѣшился узнать, въ чемъ дѣло. Онъ не сказалъ ни слова, ибо видѣлъ, что, если мальчикъ вретъ, то мать его соучастница. И, чтобъ не унизить мать въ глазахъ сына, онъ молчалъ. Молча кончилъ онъ обѣдъ, молча пошелъ въ свою комнату и заперъ за собою дверь.

Въ воздухѣ какъ будто повисла гроза между этими тремя существами: двумя дѣтьми, которые, угадывая мысли отца, сидѣли совершенно безмолвно, и отцомъ, который, предполагая самое ужасное, ушелъ и безъ внѣшней злобы, безъ раздраженія плотно закрылъ дверь за собою. Къ своему счастью, Стейнертъ не слышалъ разговора, который, оставшись одни, вели между собою дѣти. Ихъ устами говорила мать, мать, какою фру Элленъ стала за послѣдніе годы своего брака, превратившаго ее въ свѣтскую, умную, безпокойную даму, которая больше всего ищетъ возбужденія, ищетъ его во всемъ, и въ общеніи съ людьми и въ участливомъ отношеніи къ другимъ, и въ своемъ, и чужомъ несчастіи и даже въ материнствѣ. На видъ совершенно здоровая, она все же имѣла за собою періодъ своей болѣзни. Эта болѣзнь была предана забвенію, о ней и не заговаривали больше. И все-таки эта болѣзнь, которая какъ будто была совершенно излѣчена, оставила послѣ себя сѣмя, и это сѣмя пышно разросталось въ атмосферѣ той культуры, которая освобождаетъ современную женщину отъ всякой работы если мужъ ея можетъ предоставить ей все, что ей нужно. Въ этомъ удушливомъ воздухѣ, который способствуетъ возникновенію всѣхъ явныхъ и скрытыхъ болѣзненныхъ явленій современности, ея душевное состояніе развивалось все дальше, и ея безотвѣтственность теперь, когда она, здоровая и добрая, стояла среди жизни, была столь же велика, какъ и тогда, когда она, прикованная къ кровати, находилась во власти навязчивыхъ идей, выходящихъ за предѣлы нормальнаго. Разница была лишь та, что мягкая пассивность, которая раньше угнетала ее и придавала ей видъ, будто она льнетъ къ любимому мужу и даритъ ему всю сладость, испытываемую человѣкомъ, когда онъ имѣетъ возможность нести дорогое ему бремя, что эта пассивность уступила мѣсто нервной активности, которая гнала ее сквозь жизнь, отъ благотворительныхъ базаровъ въ женскіе ферейны, отъ ферейновъ къ развлеченіямъ, отъ развлеченій домой. Куда

бы ни явилась фру Элленъ, она возбуждала безпокойство, вызывала интересъ къ своей личности, добивалась своего. Всякое сопротивленіе она разсматривала, какъ личное оскорбленіе и, чтобъ преодолѣть сопротивленіе, могла развить активность, которая похожа была почти на планомѣрную энергію. Она дарила довѣріе и пользовалась довѣріемъ другихъ, она опутывала людей, которыхъ она покоряла, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, таинственной сѣтью, такъ что они смотрѣли ея глазами, говорили ея словами, испытывали ея чувства. Для дѣтей она была матерью, которая отгадывала всякое ихъ желаніе, льстила ихъ недостаткамъ, покоряла ихъ своею безграничной снисходительностью. При всемъ томъ она слыла хорошей воспитательницею, такъ какъ ея дѣти были такъ выдрессированы, что ихъ не стыдно было показать людямъ. Больше всего, однако, она покоряла ихъ тѣмъ, что осторожно и гибко, съ безграничной откровенностью, говорила съ ними объ отцѣ и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя въ свое время разъединили обоихъ супруговъ. Такимъ образомъ она господствовала дома неограниченно. Казалось, что въ ней проснулась новая жизненная сила въ тотъ день, когда она закрыла свое сердце передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго она нѣкогда любила; она какъ будто стала полнымъ господиномъ надъ собою и надъ своими силами лишь въ ту ночь, когда сдѣлала послѣдній выводъ изъ того, что начала гораздо раньше и заперла за собою дверь такъ же, какъ раньше замкнула свое сердце.

Оскаръ Стейнертъ все ходилъ по своей комнатѣ. Онъ чувствовалъ себя чужимъ въ этомъ домѣ. Онъ устроился такъ, что занимаемыя имъ двѣ комнаты были совершенно отдѣлены отъ квартиры и что между одной изъ нихъ и столовой была двойная дверь. Здѣсь онъ жилъ совершенно одиноко, самъ для себя. Въ общую квартиру онъ ходилъ лишь къ столу,—если бывалъ дома,—или въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе главы семейства было необходимо. Но онъ чувствовалъ себя совершенно чужимъ въ этой новой квартирѣ, гдѣ не испыталъ ни слѣда счастья, но за то узналъ очень много горя.

И онъ старался возможно меньше думать о томъ, что происходитъ за двумя запертыми дверями, отдѣлявшими его отъ того, что люди называли „его семьей“.

Ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ въ ожиданіи жены, онъ опять принялся за письмо и началъ чего-то искать въ немъ. Одну часть этого письма онъ хотѣлъ прочесть еще разъ. Онъ перелисталъ первыя страницы, въ которыхъ заключались впечатлѣнія отъ чуднаго города на Арно, со-

общенія о прожитомъ въ горахъ лѣтѣ, мысли, возбужденныя общеніемъ съ древнимъ искусствомъ. Это было длинное письмо, которое отправительница писала урывками и которое она долгое время не отправляла.

Наконецъ, онъ нашелъ то мѣсто, которое искалъ. Обдумывая каждое слово, онъ читалъ:

„Одно есть въ моей жизни, чего я тебѣ никогда не хотѣла сказать—не потому, что ты мужчина, у меня никогда не было женщинъ-друзей—а потому, что я просто не находила подходящихъ словъ. Если я тебѣ теперь пишу объ этомъ, то лишь потому, что мнѣ очень хочется сказать тебѣ это, и, я знаю, устно я этого никогда не смогу. Во всякомъ случаѣ не такъ, какъ мнѣ хочется. И, когда я вернусь весной, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ оно было уже сказано.

„Разсказъ мой начинается съ того, что я въ прошломъ году часто встрѣчала мальчика, который имѣлъ необычайно убогій видъ; онъ продавалъ газеты. Это былъ маленькій, голубоглазый мальчуганъ съ испуганнымъ робкимъ взглядомъ—одѣтый чрезвычайно легко. Я его всегда встрѣчала, когда шла къ конкѣ по Добельнской улицѣ. Сначала я только покупала у него газету. Но мало-по-малу мы познакомились другъ съ другомъ и онъ сталъ разсказывать мнѣ о своей жизни дома. То, что онъ разсказывалъ, было ужасно. Голодъ, холодъ, грязь и позоръ! Онъ очень боялся полиціи: онъ слишкомъ малъ, говорилъ онъ, его еще нельзя посылать на улицу, ему было всего пять лѣтъ.

„Мальчикъ этотъ не выходилъ у меня изъ головы. Въ одинъ прекрасный день я пошла вмѣстѣ съ нимъ къ нему на домъ и убѣдилась, что все, что онъ мнѣ разсказывалъ, правда. Я начала ходить туда чаще, и они пускали меня къ себѣ, потому что я всегда приносила кое-что съ собой. Но я замѣтила, что я была не очень желаннымъ гостемъ. Изъ ихъ глазъ на меня глядѣло недовѣріе, больше того—ненависть. Я была имъ чужой.

„Я знаю, то, что я дѣлала, было неумно. Но при тѣхъ чувствахъ, которыя я тогда испытывала, я не могла поступать иначе. Лишь тотъ, кто знаетъ, какъ гнететъ одиночество, можетъ понять меня, да и тотъ долженъ быть женщиной, чтобъ вполнѣ меня постигнуть. Какимъ образомъ я стала такой ненужной и одинокой, какою я была, это сюда не относится. Моя исторія не такъ ужъ отлична отъ исторіи жизни очень многихъ. Во всякомъ случаѣ то, что я пережила, было пережито мною, и оно заставило меня поступить такъ, какъ я поступила.

„Однажды, когда я знала, что отецъ мальчика дома, я пошла къ этимъ людямъ и спросила, не отдадутъ ли они

мнѣ мальчика безъ всякихъ оговорокъ и навсегда. Я обѣщала усыновить его. Я обѣщала имъ и денегъ. „Все вы у насъ забрали“, сказалъ онъ, „все вы присвоили себѣ. Развѣ вамъ недостаточно вашихъ собственныхъ дѣтей, вы, богатые? Вы требуете для себя еще и права забирать у насъ, бѣдныхъ, дѣтей? Неужели у васъ недостаточно игрушекъ?“ Онъ говорилъ еще больше, еще худшее... И я ничего ему не могла отвѣтить. Ибо, хотя я и думала, что желаю имъ добра, онъ все-таки былъ правъ.

„Но чувствовала я себя такъ, какъ будто у меня было единственное дитя и оно умерло. Цѣлые мѣсяцы я грустила по ребенкѣ; и, когда я отправилась путешествовать, я это сдѣлала для того, чтобъ заглушить тоску. Когда ты пришелъ ко мнѣ, помнишь, въ тотъ вечеръ? я была такъ рада, какъ будто со мною случилось или еще случится что-то хорошее. Когда я говорила съ тобой, я произносила слова, которыхъ я сейчасъ не помню, но которыя—я видѣла—удивляли тебя, ты сидѣлъ противъ меня и смотрѣлъ мнѣ въ лицо, какъ бы желая угадать мои мысли, а я молчала потому, что ничего не могла высказать.

„Но въ то одиночество, изъ котораго я тогда вырвалась, я бы ни за что не могла вернуться. Это я знала и понимала прекрасно все время. Когда я теперь думаю о своей квартирѣ, я рада, что я ее оставила за собою и что все осталось по-старому. Тамъ я провела значительную часть моей жизни, той жизни, которая для другихъ такъ маловажна, а для меня такъ важна. И я рвусь обратно туда, не смотря на всѣ прелести, окружающія меня здѣсь. Здѣсь теперь стоитъ осень, сборъ винограда, а розы еще цвѣтутъ. Подъ моимъ окномъ протекаетъ Арно и на немъ, когда спускается ночь, дрожатъ потоки свѣта. Я вижу холмы Bellosguardos, палаццо Пинети и пинію, которая величественно и одиноко подымается къ небу; сумерки спускаются здѣсь такъ легко и такъ скоро; здѣсь, вѣрно, легко умирать. И все-таки я испытываю тоску по родинѣ, по немногимъ друзьямъ, которыхъ я оставила тамъ, по тебѣ, по всему тому, что дѣлается, пишется, рисуется и мыслится дома, по чудесной снѣжной странѣ, гдѣ зима такъ долга и лѣто такъ коротко, по всему, о чемъ я сама грезила, на что надѣялась, что любила, во что вѣрила, ради чего жила въ продолженіе всей моей жизни, которая была столь незначительна и которая стала теперь столь богатой.

„И знаешь ты, почему теперь я могу вернуться? Знаешь, почему я теперь испытываю чувство, будто никакое сомнѣніе, никакая тяжесть не можетъ ужъ обрушиться на меня, какъ будто для меня наступилъ день, въ который расцвѣтаетъ вся жизнь? Я тебѣ это скажу. Когда я вернусь на родину,

я вернусь уже не одна. То, что я когда-то искала на родинѣ, чего я не могла бы искать тамъ вторично, то я нашла здѣсь. Маленькаго, смуглаго, черноглазаго мальчика, который принадлежитъ мнѣ. Мнѣ всецѣло. Ни родственниковъ, ни близкихъ, ни одного человѣка, который бы оспаривалъ мои права, никого во всемъ мірѣ! Такъ же, какъ и я!

„Какъ это случилось, объ этомъ я тебѣ разскажу въ другой разъ. Сегодня я кончаю; вѣдь надо же, наконецъ, отослать это письмо, которое разрослось уже въ цѣлую книгу. До весны я остаюсь еще здѣсь и тоскую по дому такъ же сильно, какъ я раньше рвалась изъ него, но совсѣмъ по-иному, такъ какъ все теперь стало инымъ для меня."

Стейнертъ отложилъ письмо и погрузился въ размышленія. Его коснулось дуновеніе ясной, сильной, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустной жизнерадостности. Между настроеніемъ, продиктовавшимъ это письмо, и его настроеніемъ была пропасть, такая зіяющая, что онъ совершенно не чувствовалъ себя въ силахъ раздѣлить солнечную радость, задѣвшую его. Его охватило какое-то озлобленіе, какъ будто новое счастье подруги сдѣлало его еще болѣе бѣднымъ, отняло у него что-то, чѣмъ онъ обладалъ, чего никогда не думалъ лишиться.

Въ этотъ моментъ онъ услышалъ звонокъ; онъ зналъ, что это вернулась домой его жена. Онъ слышалъ ея шаги въ передней; они были легки и эластичны. Потомъ они заглохли и вокругъ него воцарилась тишина,—тишина, которая безпокоила его и заставляла прислушиваться.

Прошло довольно много времени. Потомъ онъ опять услышалъ тѣ же шаги; теперь они звучали коротко и энергично. Шаги приблизились къ его двери и раздался стукъ въ нее. Стейнертъ подумалъ, что его жена хочетъ этимъ подчеркнуть, что ея посѣщеніе чисто формальное и вызвано только необходимостью. По его лицу промелькнула ироническая улыбка, но, когда открылась дверь, она уступила мѣсто острому, пытливому выраженію.

Фру Эллень имѣла возбужденный видъ и часто дышала.

— Я была у ректора и все уладила,—сказала она коротко.—А ты въ моемъ отсутствіи выпытывалъ дѣтей?

Стейнертъ моментально понялъ, что его жена начала съ этого потому, что хотѣла избѣгнуть главнаго вопроса; и онъ понялъ также, что долженъ на этотъ разъ принять вызовъ.

— Робина освободили отъ гимнастики?—спросилъ онъ съ иронією.

— Я не понимаю, о чемъ ты говоришь.

Слова эти были произнесены холодно, высокомѣрно и твердо. Ея лобъ подъ бѣлокурыми волосами сморщился, ея маленькій ротъ улыбался холодно и насмѣшливо.

— Ты очень хорошо понимаешь меня,—отвѣтилъ Стейнертъ.—Вѣдь мы сегодня не впервые обсуждаемъ подобныя дѣла. Ты узнала что-то, что ты хочешь скрыть отъ меня, и ты учишь дѣтей обманывать меня.

— Ты ихъ самъ вынуждаешь къ этому.

— Какъ ты можешь это говорить?

— Да, своими разспросами.

— Я не спрашивалъ. Случайное слово выдало ихъ. А теперь я хочу знать, въ чемъ дѣло. Что тутъ есть что-то важное, это я понимаю. Когда я увидѣлъ, что Робинъ лжетъ, мнѣ ничего иного не оставалось, я долженъ былъ молчать. Я вѣдь не могъ обличить тебя.

— Это значитъ, что я учу дѣтей врать?

Стейнертъ пожалъ плечами. Онъ не могъ отвѣтить.

Его жена сѣла и холодно глядѣла на мужа. Она совершенно не обратила вниманія на его слова и ждала только, пока онъ кончитъ, чтобъ самой начать. Что онъ не отвѣтилъ на ея послѣдній вопросъ, этого она какъ будто вовсе не замѣтила.

— Я хотѣла выждать, пока все будетъ кончено, и тогда разсказать тебѣ все,—сказала она.—Развѣ это была ошибка?

Стейнертъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ и не отвѣчалъ, хотя былъ убѣжденъ, что этотъ вопросъ является лишь уловкой.

— О чемъ ты говорила съ ректоромъ?—спросилъ онъ.

— Дѣло, къ счастью, оказалось не такимъ страшнымъ,—отвѣтила фру Эллень равнодушно.—Рѣчь шла о мальчикахъ, которые отъ времени до времени собирались у товарища и немного веселились. Какъ всегда ученики. Они надѣлали долговъ. Такимъ образомъ дѣло выплыло наружу. Я все это уладила.

— То есть, ты заплатила?

— Да. Развѣ мнѣ не слѣдовало этого дѣлать?

— И это все?

— Ректоръ мнѣ обѣщалъ на этотъ разъ замять дѣло. Этого я добилась, наконецъ, но это стоило большихъ трудовъ. Я таки немного устала теперь.

У фру Элленъ былъ такой видъ, какъ будто она совершила великое, важное дѣло. И, не смотря на свою усталость, она начала разсказывать. Она разсказывала очень умѣло и сама себя подогрѣвала, приплетая всякія мелочи, сообщая, какъ открылась исторія, какъ она свалила всю вину на виноторговца, который давалъ въ кредитъ, и на родителей извѣстнаго въ городѣ негодяя, которые позволили молодымъ людямъ собираться въ комнатѣ ихъ сына, какъ она, наконецъ, раскритиковала весь учительскій міръ Стокгольма за то, что

учителя слишкомъ мало слѣдятъ за мальчиками и не умѣютъ уладить случившагося конфликта, который вѣдь ставитъ на карту доброе имя многихъ семействъ.

Не смотря на непринужденный тонъ, которымъ она все это разсказывала, Стейнертъ почувствовалъ въ ея словахъ нѣчто, что обезпокоило его больше, чѣмъ все, до сихъ поръ слышанное имъ въ этой области. Въ разсказѣ фру Элленъ были подробности, противорѣчившія другъ другу; эти противорѣчія были не такого свойства, чтобъ на нихъ можно было обосновать возраженія, но они возбуждали недовѣріе къ правдивости разсказчицы, и это недовѣріе не легко давало усыпить себя. Особенно въ томъ рвеніи, съ которымъ она произносила свою защитительную рѣчь, слышалась какъ бы защита дурного дѣла. И это недовѣріе вызывало въ душѣ ея мужа тѣмъ большій диссонансъ, чѣмъ больше онъ внутренно желалъ вѣрить словамъ жены.

Когда она кончила, онъ сначала ничего не сказалъ. Молча сидѣлъ онъ противъ нея и обдумывалъ, говорить ли ему или лучше молчать и выждать дальнѣйшаго развитія дѣла. Одно ему было ясно—между его женою и дѣтьми существовало тайное согласіе, не ведущее къ добру. Они твердо стояли другъ за друга въ борьбѣ, въ утаиваніи и замалчиваніи. Онъ существовалъ лишь для того, чтобъ доставлять имъ деньги и хлѣбъ; онъ былъ естественнымъ врагомъ, противъ котораго семья объединилась изъ общей всѣмъ тремъ боязни передъ нимъ. И тяжесть этого сознанія, съ которымъ онъ собственно уже давно носился, стала до того мучительной, что онъ не могъ больше сдержать словъ, которыя и раньше уже неоднократно жгли его уста.

— Ты смотришь на все дѣло такъ, какъ будто дѣти только твои, а не наши. Ты думаешь, это можетъ такъ продолжаться?

Фру Элленъ пожала плечами.

— Развѣ стоитъ опять начинать объ этомъ?

Стейнертъ отвелъ отъ нея глаза. Его слова звучали тихо, но вѣско.

— Элленъ,—сказалъ онъ,—не лучше ли намъ разойтись? Честнѣе, порядочнѣе и умнѣе!

— Ты хочешь, чтобъ я осталась одна съ дѣтьми?

— Развѣ ты теперь не одна съ ними?

Фру Элленъ раздраженно взглянула на него. Съ ея устъ опять сорвался потокъ словъ.

— Вся бѣда въ томъ, что у тебя нѣтъ принциповъ!—крикнула она.—У тебя нѣтъ ничего святого! Ты можешь оставить и меня, и дѣтей. Ты не думаешь ни о комъ, только о себѣ. Какое тебѣ дѣло до того, что говорятъ другіе? Ты вѣдь стоишь надо всѣмъ. Высокомѣрный и эгоистичный, ты идешь своей

дорогой, не думая о другихъ. Поэтому у тебя и нѣтъ друзей. Всѣ отворачиваются отъ тебя, какъ это сдѣлала я и со мною дѣти.

— Ты, значитъ, сама признаешь, что дѣти отъ меня отвернулись?

Лицо Стейнерта вздрагивало.

— Ты вѣдь видишь,—отвѣтила она презрительно.—И какъ же могло быть иначе? Они вѣдь тебя въ глаза не видятъ, и, если съ ними что-нибудь случается, у нихъ нѣтъ никого, кромѣ меня.

У него уже былъ на языкѣ вопросъ, какъ все это произошло. Но онъ смолчалъ. Онъ боялся услышать еще больше, раскаивался, что затѣялъ этотъ разговоръ, который не могъ привести ни къ чему иному, кромѣ злыхъ словъ и мучительныхъ воспоминаній. Не будучи въ состояніи усидѣть на мѣстѣ, онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на широкую, обсаженную деревьями улицу, надъ которою въ осеннемъ прозрачномъ воздухѣ недвижно стояли бѣлыя облака; среди спускающихся сумерекъ дома на противоположной сторонѣ улицы какъ будто тянулись къ звѣздамъ. Онъ думалъ о томъ, что случившееся сегодня не является собственно ничѣмъ особеннымъ. Вѣдь это въ концѣ концовъ мелочь, если дѣло даже въ десять разъ хуже, чѣмъ его представила фру Элленъ. Уже многіе годы они оба борятся за обладаніе сыномъ и всегда мать одерживала побѣду. Онъ стоялъ подъ ея властью; подъ защитой ея слѣпоты свободно разовьются его дурныя наклонности. Бездушнымъ и не по-лѣтамъ развитымъ былъ онъ уже и теперь. То общество, которое цинично и ни съ чѣмъ не считаясь замкнулось въ себѣ, признаетъ его своимъ. Онъ будетъ обладать тѣми пороками, которые разрѣшены въ этомъ обществѣ, и присвоитъ себѣ все, чего онъ сможетъ добиться въ жизни. Съ опустошеннымъ сердцемъ онъ вступитъ въ свѣтъ. Высокомѣрный, упорный, алчный до наслажденія, богатства и власти, онъ будетъ насмѣхаться надъ всѣмъ, что составляетъ цѣнность жизни. То, что случилось сегодня, было лишь выводомъ изъ того, что отецъ давно уже зналъ.

— Я стою совершенно въ сторонѣ,—думалъ онъ.—Я не могу больше.

Въ немъ вспыхнуло что-то, похожее на рѣшеніе. „Вѣдь собственно все такъ просто“, подумалъ онъ.

Фру Эллентъ тоже встала. Подходя къ письменному столу, она замѣтила письмо, увидѣла, что оно длинное и написано женскимъ почеркомъ.

— У тебя корреспонденція, какъ я вижу,—сказала она хладнокровно.

— Да, какъ видишь.

— Можно спросить—отъ кого это письмо?

— Отъ Торы Льюнгъ.

— Она уѣхала?

— Да.

Стейнертъ почувствовалъ, какъ смутное рѣшеніе въ немъ крѣпнетъ. Онъ зналъ, что въ немъ есть одинъ пунктъ, гдѣ прекращается всякая податливость, гдѣ заявляетъ о себѣ чувство самосохраненія. Не думая, равнодушно, механически онъ отвѣчалъ на вопросы жены.

Блѣдная, со сверкающими глазами стояла за его спиной въ уже темнѣющей комнатѣ фру Элленъ.

— Поэтому, значитъ, ты хочешь развестись,—сказала она, и въ голосѣ ея зазвучала своеобразная смѣсь презрѣнія и злобы.

— Вѣдь ты сама не вѣришь тому, что говоришь,—отвѣтилъ Стейнертъ.

— Никогда это тебѣ не удастся, никогда я не отступлю передъ другой.

Съ этими словами она ушла. Дверь шумно захлопнулась. Стейнертъ неподвижно стоялъ у окна. Онъ какъ будто ничего не слышалъ, какъ будто сталъ нечувствительнымъ къ злымъ словамъ и мыслямъ.

Весь вечеръ онъ оставался въ своей комнатѣ. Когда стемнѣло, онъ позвонилъ и попросилъ принести ему ужинъ.

На слѣдующій день онъ всталъ рано и ушелъ, не позавтракавъ. Что онъ намѣревается дѣлать, объ этомъ онъ никому не сказалъ ни слова. Двѣ ночи подрядъ онъ совсѣмъ не приходилъ домой и надъ всѣмъ домомъ точно гроза повисла. Фру Элленъ все время запиралась въ своей комнатѣ; говорить съ дѣтьми она на этотъ разъ не рѣшалась, ибо она какъ-то смутно чувствовала, что слишкомъ туго натянула струну, и боялась, какъ бы она не лопнула. Что струна уже лопнула, она въ своемъ надменномъ ослѣпленіи не видѣла.

Дѣти были совсѣмъ предоставлены самимъ себѣ. Какъ они ни были поверхностны, какъ ни мало знали отца, въ нихъ все-таки еще жило какое-то уваженіе къ нему и страхъ передъ нимъ. Они инстинктивно чувствовали, что онъ можетъ итти дальше другихъ людей.

— Папа дѣлаетъ то, что хочетъ, — разсуждала Эбба.

— Онъ не обращаетъ вниманія на то, что говорятъ другіе,—поддерживалъ ее Робинъ.

Они оба ясно чувствовали, что на этотъ разъ не найдутъ опоры въ лицѣ матери. Ея власть была сломлена и дѣти начали говорить о ней, какъ о безразличномъ человѣкѣ.

На третій день въ квартиру пришли четыре носильщика

и начали складывать вещи адвоката. Онъ самъ давалъ имъ указанія. Потомъ онъ пошелъ въ комнату Элленъ, и за запертыми дверями между ними произошелъ разговоръ, оставшійся тайной для всѣхъ. Вскорѣ послѣ этого Стейнертъ, ни съ кѣмъ не простившись, ушелъ, и по всему дому, точно вѣсть о смерти, разнеслось: „папа съѣзжаетъ съ квартиры". Это казалось совершенно немыслимымъ, неслыханнымъ, невозможнымъ.

Двѣ комнаты наверху опустѣли и все ихъ содержимое было перевезено въ маленькую квартирку въ южной части города. Здѣсь адвокатъ Стейнертъ устроилъ себѣ свой одинокій очагъ. Онъ хотѣлъ уйти возможно дальше отъ аристократической части города, чтобы спасти то, что могло быть еще спасено въ его внутреннемъ я.

Подъ его окномъ мельницы, шлюзы, громады домовъ и перекрещивающіяся улицы. Надъ нимъ небо, далекое, свободное... И, когда наступаетъ вечеръ, городъ, изъ котораго онъ бѣжалъ, сіяетъ передъ нимъ, точно въ праздничномъ одѣяніи.

Въ первый вечеръ, когда все было приведено въ порядокъ, онъ одиноко сидѣлъ въ своей новой квартирѣ и чувствовалъ, какъ одиночество вливаетъ въ его душу цѣлительное спокойствіе. То, что окружаетъ его, немногимъ больше того, что онъ имѣлъ нѣкогда, будучи бѣднымъ студентомъ. Качалка, письменный столъ и диванъ, не тѣ, что тогда, но очень похожіе на тѣ.

Только книгъ теперь почти во сто разъ больше. Тѣсными рядами онѣ разставлены по стѣнамъ, гдѣ только есть свободное мѣстечко. Тутъ и старыя, и новыя, и маленькія, и большія, всѣ онѣ дружно стоятъ бокъ о бокъ, точно солдаты въ строю. Надъ кроватью въ спальнѣ, въ синей съ золотомъ флорентинской рамѣ, виситъ гравюра, копія съ картины Леонардо де-Винчи „Монна-Лиза", женщина съ вѣчной загадкой вокругъ рта, а за нею странные фантастическіе гротъ и гора. Стейнертъ взялъ съ собою эту картину въ припадкѣ ироніи надъ собою. Старымъ студентомъ онъ кажется себѣ, когда глядитъ на эту картину.

Онъ держитъ передъ собою вечернюю газету и, пока читаетъ ее, на его лбу и около рта образуются глубокія морщины. Его вниманіе привлекла статья о школьномъ вопросѣ. Авторъ, какъ объ общеизвѣстномъ для посвященныхъ людей фактѣ, говоритъ о скандалѣ, который недавно взволновалъ весь учительскій міръ. Рѣчь идетъ о группѣ развращенныхъ подростковъ, которые вели распутную жизнь, посѣщали публичные дома, шлялись ночью по улицамъ и разными незаконными путями ухитрялись добывать деньги для своей по-

рочной жизни. Статья кончалась рѣзкимъ обвиненіемъ учебнаго начальства, которое слишкомъ халатно отнеслось къ этому случаю; очень ясно указывалось также на то, что подобные случаи были бы совершенно невозможны, еслибы вмѣшательство вліятельныхъ родителей не мѣшало осуществленію справедливости.

Оскаръ Стейнертъ отодвинулъ отъ себя газету и перевелъ глаза на разстилающійся подъ нимъ городъ, который переливался тысячью огней. Вокругъ дома, въ которомъ онъ жилъ, жалобно стоналъ ноябрьскій вѣтеръ. Небо такъ густо окуталось темными облаками, что казалось, будто оно сорвало съ себя свой звѣздный нарядъ и сбросило его внизъ на землю въ видѣ безчисленныхъ мерцающихъ искорокъ, освѣщающихъ тьму большого города.

Одинокій Оскаръ Стейнертъ забылъ въ этотъ моментъ про всѣ сложныя обстоятельства, которыя заставили его бѣжать изъ дому. Въ немъ звучалъ лишь голосъ крови, чувство къ сыну, котораго онъ нѣкогда носилъ на рукахъ, котораго, лаская, называлъ своей надеждой.

Далеко, далеко было это время теперь — далеко оно и призрачно... Все лучшее, что есть въ немъ, умретъ когда-нибудь въ этомъ сынѣ, который сталъ его антиподомъ. И, не смотря на все, онъ знаетъ, что онъ связанъ съ нимъ, какимъ бы тотъ ни сталъ, связанъ невидимыми узами.

И. пока онъ смотритъ въ окно, небо становится все темнѣе и темнѣе, городъ все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

XIX.

Стокгольмъ, апрѣль 1902 г.

Милая Тора.

Со мною на-дняхъ приключилось нѣчто странное, что мнѣ хочется разсказать тебѣ.

Разводъ между Оке Іельмомъ и его женой не состоится. Я не отвѣтилъ на твои вопросы относительно этого дѣла потому, что я не считаю себя въ правѣ это дѣлать. Я вѣдь самъ узналъ объ этомъ только въ качествѣ адвоката. Подумай только, я долженъ былъ облегчить другимъ достиженіе того, чего я самъ никакъ не могу добиться, такъ какъ шведскій законъ требуетъ для развода согласія обѣихъ сторонъ—точно такъ же, какъ для заключенія брака. Тутъ я имѣлъ передъ собою двѣ воли, которыя такъ далеко зашли въ своихъ разногласіяхъ, что обратились къ адвокату, чтобы онъ указалъ имъ выходъ. Оке Іельмъ собирался воспользоваться пасхальными каникулами для экскурсіи въ Копенга-

генъ... вдругъ вѣтеръ измѣнилъ направленіе и сквозь тучи опять выглянуло солнце. И въ длинномъ—довольно, между прочимъ, странномъ — письмѣ, онъ сообщаетъ мнѣ, что все дѣло пріостановлено и что они съ женой сошлись тѣснѣе, чѣмъ когда-либо. Но теперь наступаетъ самое смѣшное въ этомъ дѣлѣ: пока они оба были такъ озлоблены другъ противъ друга, пока между ними шла война, каждый изъ нихъ подыскалъ себѣ довѣренныхъ лицъ. Очевидно, они не ограничились однимъ и даже двумя. Всѣ, видимо, посвящены въ ихъ дѣло и единственнымъ человѣкомъ, который по обязанности хранитъ молчаніе, является адвокатъ.

Теперь Іельмъ обращается ко мнѣ и въ страшномъ отчаяніи проситъ возможно шире огласить, что разводъ не состоится. Видно, ихъ друзья, обрадовавшіеся скандалу, чувствуютъ себя обманутыми, что лишились тѣмъ для разговоровъ. А сообщить всѣмъ о примиреніи тоже, вѣрнс, не особенно пріятно. Іельмъ поэтому и взялъ отпускъ на Пасху, чтобы за время его отсутствія улеглось разочарованіе. Недѣли двѣ тому назадъ онъ дѣйствительно поѣхалъ въ Копенгагенъ только съ тою разницей, что съ нимъ вмѣстѣ поѣхала фру Лизе. Я самъ былъ на вокзалѣ и могу засвидѣтельствовать, что они выглядѣли, какъ двое новобрачныхъ.

Къ сожалѣнію, я живу теперь слишкомъ одиноко, чтобъ оказать Іельмамъ ту услугу, которой они отъ меня требуютъ. Поэтому я шлю эту новость во Флоренцію въ надеждѣ, что она возможно скорѣе вернется оттуда въ Швецію. Вѣдь міръ, какъ недавно открыли, такъ малъ!

Я могу только сказать, что я имъ обоимъ отъ души желалъ такого исхода. Ни онъ, ни она не созданы для тяжкаго пути одиночества и чѣмъ меньше узъ рвется въ этомъ мірѣ, тѣмъ лучше. Разбить легко, возстановить трудно.

Помнишь ли ты еще стараго Біеркена, о которомъ мы съ тобой такъ часто говорили въ наше хорошее лѣто? Онъ этою зимою умеръ, и я исключительно тебѣ обязанъ тѣмъ, что еще одинъ разъ увидѣлся съ нимъ. Я съ тѣхъ поръ часто о немъ думалъ. Онъ мнѣ казался своего рода антиподомъ для меня и всего нашего развинченнаго общества. И поэтому воспоминаніе о немъ я ставлю на совершенно особое почетное мѣста, гдѣ оно ни съ чѣмъ не смѣшивается.

Каково будетъ дальнѣйшее развитіе его прекрасной мечты, послѣ того, какъ онъ умеръ и ушелъ отъ насъ? Этотъ вопросъ я себѣ часто задаю. И вмѣстѣ съ тѣмъ это мнѣ почти безразлично. Цѣнность его жизненной дѣятельности ничѣмъ не можетъ быть умалена.

Что касается меня самого, перемѣнъ никакихъ не произошло. Противъ всего, что творится въ моемъ бывшемъ

домѣ, я ничего сдѣлать не могу. Ты помнишь еще то время, когда мнѣ казалось, что я обязанъ тебѣ новымъ счастьемъ? Съ тѣхъ поръ многое во мнѣ измѣнилось; и тяжелѣе всего мнѣ было то, что я въ концѣ концовъ долженъ былъ сказать себѣ: самымъ важнымъ свидѣтельствомъ твоей дружбы было то, что она прозрѣла мое ослѣпленіе и все-таки молчала. Я теперь понимаю, что это было такъ, и мнѣ ужъ не тяжело признаться въ этомъ.

Мы оба, и ты и я, вѣдь знаемъ, что въ наше время люди очень рѣдко могутъ духовно помочь другъ другу. Дружба во всѣхъ ея видахъ и формахъ стала—я бы сказалъ—избитымъ словомъ, которое мы отбрасываемъ вмѣстѣ съ молодостью. Существуетъ сила природа, которая на языкѣ науки называется vis inertiae, сила инерціи. Это законъ, который мѣшаетъ тѣламъ прійти въ движеніе, если ихъ не гонитъ впередъ какая-нибудь внѣшняя сила. Это то, что называется закономъ застоя, сопротивленія. Мнѣ кажется, ни одинъ законъ не дѣйствуетъ съ такой энергіей, или, вѣрнѣе говоря, съ такимъ отсутствіемъ инергіи на отношенія людей. Онъ мѣшаетъ намъ проявлять чувства, которыя въ насъ есть, онъ удерживаетъ насъ отъ хорошихъ мыслей и хорошихъ поступковъ. Онъ погружаетъ наши души въ покой, въ тотъ покой, который переходитъ въ равнодушіе и жестокость. Эту жизненную силу мы встрѣчаемъ въ другихъ и въ самихъ себѣ. И самое дивное въ тебѣ то, что ты какъ будто никогда не испытывала на себѣ этой силы. Утомить *тебя* жизни не удалось. Ты осталась живымъ человѣкомъ. Вотъ почему ты и можешь такъ много давать другимъ. Но даешь ты не какъ расточитель, а какъ добрый человѣкъ, который умѣетъ охранить себя отъ осквернения со стороны толпы, и потому ты всегда умѣла отстоять свою личность, сама того не замѣчая.

Я, который вообще не очень расточителенъ на добрыя слова ни по отношенію къ тебѣ, ни по отношенію къ другимъ, говорю тебѣ все это теперь потому, что чувствую тотъ огромный долгъ благодарности, о которомъ я говорилъ раньше. Повѣрь мнѣ, я понимаю, что это значитъ: видѣть, что другъ твой идетъ по ложному пути, и все-таки поддерживать его, помогать ему и, дѣлая это, умѣть молчать обо всемъ томъ, что видишь и знаешь! Это понимаютъ лишь очень немногіе и еще меньше есть такихъ, которые умѣютъ такъ поступать.

Жаль, Тора, что все, что ты дѣлала для меня, принесло такіе скудные плоды! Вина не твоя, и не результатовъ ради ты дѣйствовала такъ, какъ дѣйствовала. Это я знаю. Мы, люди, идемъ себѣ рядомъ и vis inertiae не всегда играетъ

столь дурную роль. Подчасъ вѣдь являются и силы, которыя сами по себѣ достаточно активны. Эти силы нарастаютъ въ насъ самихъ или въ одномъ изъ насъ; въ одинъ прекрасный день домъ, построенный нами, обрушивается надъ нашей головой и надо еще радоваться, если спасаешься живымъ.

Вѣдь каждый человѣкъ переживаетъ время, когда онъ требуетъ всего и отъ себя, и отъ жизни. Потомъ наступаетъ моментъ, когда радъ бываешь совершенно забыть о себѣ и думать лишь о другихъ. Но всему человѣческому поставленъ предѣлъ—когда голоса жизни замолкаютъ и наступаетъ великая тишина. Это обыкновенно называютъ пустымъ мистицизмомъ, надъ которымъ люди глумятся—какъ и надъ многимъ другимъ. И я началъ спрашивать себя: чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что наше время ищетъ свой идеалъ въ вымершихъ религіяхъ востока, совершенно такъ же, какъ это дѣлали нѣкогда декаденты древней Греціи и Рима? Неужели религія присуща агоніи? Или человѣческому уму пища позитивной науки показалась слишкомъ прѣсной и сухой и онъ хочетъ теперь обновить себя, найти свѣжія силы въ созиданіи новой религіи, дающей вѣру въ жизнь? Не вѣры ли мы ищемъ въ глубинѣ нашей души? Не убѣжденной ли вѣры?

Одно я начинаю видѣть, а именно, что все наше общество преобразилось, хотя формы его остались тѣ же. Образъ мышленія сталъ иной, вѣра иная, взглядъ людей на жизнь иной. Не стоитъ дольше закрывать глаза передъ тѣмъ, что стало живой дѣйствительностью. Швеція совсѣмъ не такъ стара, какъ люди думаютъ. Ея честь стара, да, но развѣ наша культура сравнительно не молода? И развѣ въ этомъ не кроется сила? Раньше мнѣ казалось, будто все застоялось и будто этотъ застой начался съ того момента, когда общество обратилось къ тѣмъ, кого оно раньше боялось, со словами: „о чемъ вы собственно спорите съ нами? Пожертвуйте намъ вашей волею и вашими убѣжденіями! Пожертвуйте тѣмъ, о чемъ вы мечтали, къ чему стремились! Тогда вы найдете достаточно мѣста для себя. Если вы хотите узнать, что поддерживаетъ существующее, научитесь понимать, что невѣріе не является опасностью для общества. Недостатокъ вѣры вызываетъ застой, а недостатокъ воли сроденъ недостатку вѣры. Культивируйте свой скептицизмъ, милостивые государыни и государи, пишущіе, философствующіе, творящіе произведенія искусства, и будемте друзьями".

Этимъ путемъ, казалось мнѣ, создалось нѣчто вродѣ примиренія и согласія. Мысли казались продуманными до конца, всѣ были согласны, а воздухъ кругомъ былъ тяжелъ и душенъ. Все затихло, ничто не двигалось. Поэтъ превратился

въ какой-то калейдоскопъ мысли, въ который могъ заглянуть каждый, кто заплатилъ за это. Можно было поворачивать машину, какъ угодно, и получать новыя сочетанія цвѣтовъ, новыя поражающія мозаики. Кто поворачивалъ машину съ наибольшею ловкостью, тотъ больше всего и получалъ. Это была невинная игра, какимъ и должно быть всякое коротаніе времени. Потому что она по существу не мѣняла ничего ни въ сердцѣ человѣка, ни въ чемъ бы то ни было. Надъ нами господствовало безвѣріе, безвѣріе, противъ котораго не могъ бы возразить ничего даже придворный проповѣдникъ.

Но, если воздухъ такъ долго остается тяжелымъ, не близка ли тогда гроза? И не гроза ли очищаетъ воздухъ, хотя бы при этомъ и ударила во что-нибудь молнія?

Старымъ и пресыщеннымъ жизнью, какъ разсказывается въ сказкахъ, сижу я теперь здѣсь. Сейчасъ за рѣкой садится солнце, оно сверкаетъ на церковной башнѣ Рыцарскаго острова и нѣмецкой церкви, разливается золотомъ по водѣ подъ моими окнами и въ слѣдующій мигъ исчезнетъ; останется лишь красный отблескъ, предвѣщающій бурю.

Завтра, когда настанетъ буря, она пригонитъ воду изъ шхеръ, подниметъ ледяныя глыбы, запрудившія рѣку, и вода устремится навстрѣчу теченію, идущему съ запада; воды поднимутся и въ одинъ прекрасный мигъ воинственное весеннее теченіе побѣдитъ зиму, гремя и бушуя и шумно сливая воедино воды, устремляющіяся въ море. Тогда здѣсь будетъ весна, которая запоздала въ этомъ году, какъ часто у насъ на сѣверѣ...

Но я знаю, я ужъ не принадлежу веснѣ, и, собственно говоря, для меня даже слишкомъ большимъ благодѣяніемъ является и то, что я могу еще чувствовать ея приближеніе. Я принадлежу къ тому сонму людей, которые сами извели себя въ безплодномъ отчаяніи. Какъ бы ни сложилась моя внѣшняя жизнь, я остаюсь все тѣмъ же. Это я самъ прекрасно знаю, Тора. Не для чего говорить мнѣ объ этомъ. Отчаяніе сдѣлало меня бездомнымъ и опозорило меня. То, что я вижу теперь, я видѣлъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ и все-таки я никогда не былъ въ состояніи превратить въ волю то, что видѣлъ мой умъ.

Вернись ко мнѣ, вернись скорѣе и скажи мнѣ, ошибаюсь ли я. Твоего итальянскаго мальчика я привѣтствую. Я изо всѣхъ силъ буду стараться баловать его, какъ подобаетъ настоящему старому дядѣ. Во всякомъ случаѣ, я желаю тебѣ, чтобъ тебѣ съ твоимъ мальчикомъ повезло лучше, чѣмъ мнѣ съ моимъ. Твой старый Оскаръ Стейнертъ.

P. S. Прочитавъ письмо, я замѣтилъ, что совершенно забылъ тебѣ сообщить, что я живу теперь въ южной части города.

Мнѣ хотѣлось убраться возможно дальше и не встрѣчаться со знакомыми. И съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, я замѣчаю, что и по другой еще причинѣ чувствую себя здѣсь хорошо. Почти всѣ люди, которыхъ я встрѣчаю,—рабочіе, а не люди, которые выходятъ изъ дому, чтобы пощеголять своими костюмами. Мнѣ пріятно видѣть ихъ, и, еслибъ я не былъ такъ близокъ отъ того предѣла, о которомъ я говорилъ раньше, во мнѣ, пожалуй, вновь проснулись бы старыя мечты о писательствѣ, вопреки тому, что я юристъ. Какимъ образомъ собственно я сталъ адвокатомъ? Это для меня загадка... какъ. впрочемъ, и все. О.

XX.

Дождливый майскій день яснымъ закатомъ клонился къ концу. Оскаръ Стейнертъ медленно блуждалъ вдоль рѣки. Воздухъ послѣ продолжительнаго дождя былъ прозрачно чистъ и ясенъ и при этомъ мягокъ и нѣженъ: весна поборола, наконецъ, долгій холодъ. Волны тихо ударялись о набережную и прозрачныя сумерки молча простирались надъ канатами и снастями, надъ черными дымовыми трубами пароходовъ съ бѣлыми и красными поясами, надъ высокими домами, которые стояли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и надъ моремъ огней, освѣщавшихъ весеннія сумерки. На небѣ, въ промежуткѣ между двумя раздвинувшимися тучами, отражаясь въ водѣ, сіялъ блѣдный майскій мѣсяцъ.

Стейнертъ медленно шелъ своимъ путемъ мимо всего, что было ему такъ близко и родственно. Онъ шелъ, какъ ходитъ человѣкъ, отдавшійся своимъ мыслямъ, наполовину сознавая, какъ прекрасно окружающее, но не останавливаясь, чтобъ насладиться этой красотой и воспринять ее. Онъ ходилъ среди группъ гуляющихъ, вызванныхъ изъ домовъ прекрасной весенней погодой, и одинокій, никѣмъ незамѣченный, приблизился къ сѣверному мосту. Тамъ онъ остановился и началъ глядѣть на массы водъ, которыя протекали подъ мостомъ. Желтокоричневыми волнами неслось весеннее теченіе.

Въ этотъ вечеръ Оскаръ Стейнертъ необычайно сильно для самого себя почувствовалъ, какъ гнететъ его одиночество. Онъ, который уже столько времени воспѣвалъ одиночество, какъ свое спасеніе, началъ вдругъ ощущать его, какъ бремя. И, чтобъ укрыться отъ этого одиночества, онъ вышелъ изъ дому и бродилъ по издавна знакомымъ дорогамъ. Онъ ощущалъ потребность въ людяхъ, а весенній

воздухъ грѣлъ такъ мягко и нѣжно. Нерѣшительно переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, изъ улицы въ улицу, останавливался временами, какъ бы обдумывая что-то, и шелъ все дальше, точно не рѣшаясь зайти куда-нибудь. Изъ ресторановъ черезъ открытыя и закрытыя окна лился свѣтъ, въ открытыхъ кафе гремѣла музыка и сзывала толпы слушателей подъ полуголыя еще деревья, отъ которыхъ падала сѣть дрожащихъ тѣней и измѣнчиваго свѣта. И онъ проходилъ мимо всего. Никуда не рѣшался онъ зайти. Ему казалось, будто онъ вездѣ слышитъ старые голоса, голоса, которые онъ узнавалъ, къ которымъ онъ когда-то прислушивался. И эти голоса прогоняли его изъ старыхъ мѣстъ, пугали его напоминаніемъ о молодости и дружбѣ. Онъ зналъ, куда бы онъ ни пошелъ, онъ услышитъ эти голоса. И все-таки онъ бродилъ отъ кафе къ кафе, останавливался на минутку въ дверяхъ и искалъ глазами знакомаго лица, которое бы довѣрчиво улыбнулось ему навстрѣчу, и нигдѣ не находилъ того, чего искалъ; ничего, кромѣ чужихъ взоровъ, уставлявшихся въ него равнодушно, съ удивленіемъ. Долго бродилъ онъ такъ, и, когда, наконецъ, повернулъ, чтобы тѣмъ же путемъ возвратиться въ свою одинокую квартирку, онъ имѣлъ видъ человѣка смертельно усталаго. Тѣмъ не менѣе онъ не отдохнулъ, пока не оставилъ открытыхъ площадей и не почувствовалъ, какъ его обняла тѣсная улица, въ которой былъ его уголъ.

Усталый и равнодушный, онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ свою комнату. Заперевъ за собою дверь и зажегши лампу, онъ глубоко вздохнулъ—вздохомъ облегченія. Теперь онъ, по крайней мѣрѣ, опять былъ спокоенъ среди своихъ четырехъ стѣнъ; тутъ не было ничего, что будило бы его тоску. Онъ зналъ себя и свои настроенія, онъ зналъ впередъ, чего ему слѣдуетъ держаться, какъ обстояли его дѣла. Сегодня вечеромъ ему было хуже, чѣмъ когда-либо. Его мучила весна. Его какъ будто посѣтили всѣ ошибки, которыя онъ совершилъ въ продолженіе своей долгой злополучной жизни, посѣтили не какъ враги, а какъ друзья, которыхъ онъ раньше не признавалъ. Онъ чувствовалъ себя какъ будто окруженнымъ невидимыми созданіями, исходившими изъ него самого, слѣдившими за нимъ дружелюбными, грустными глазами, въ которыхъ свѣтилось нѣчто, похожее на доброжелательную иронію. Эта иронія была свободна отъ всякой ѣдкости. Она уничтожала его, не причиняя ему боли. Онъ вдругъ всю свою жизнь увидѣлъ въ свѣтѣ этой иронiи, и ему казалось, что всѣ его стремленія,—сколько онъ могъ вспомнить,—были направлены къ одному: погубить самого себя.

Онъ не остановился на этой мысли, но все-таки почувствовалъ, что съ момента ея возникновенія на его мозгъ опустилась тяжесть. Онъ вспомнилъ, что и раньше подчасъ ощущалъ тоже самое. „Я слишкомъ мало двигаюсь", подумалъ онъ. „Завтра я выйду съ утра и пойду пѣшкомъ въ зоологическій садъ".

Его мысли унеслись въ прошлое, къ его отцу, который былъ для него столь многимъ, къ матери, которая была ему чужой. Онъ видѣлъ усадьбу, окруженную высокими деревьями, ручей, который медленно протекалъ мимо сада. Ушедши оттуда однажды, онъ уже больше не вернулся обратно. Путь, который онъ прошелъ съ тѣхъ поръ, показался ему вдругъ такимъ короткимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ долгимъ. Онъ думалъ о своей женѣ, видѣлъ ее, какъ сквозь сонъ, нѣжной, счастливой, идущей съ нимъ подъ руку свѣтлымъ лѣтомъ среди березъ; потомъ онъ видѣлъ дѣтей еще совсѣмъ маленькими, видѣлъ ихъ головки на бѣлыхъ подушкахъ, видѣлъ ихъ спящими съ полураскрытыми губками и розовыми щечками. Цѣлая масса друзей, мужчинъ и женщинъ, окружала его; они исчезали, какъ въ туманѣ, уступая мѣсто другимъ, и съ своеобразнымъ мучительнымъ замираніемъ сердца онъ почувствовалъ совсѣмъ близко около себя Тору Льюнгъ; онъ хотѣлъ ее увидѣть и не могъ; ему казалось, что онъ непремѣнно долженъ сказать что-то; онъ изо всѣхъ силъ искалъ словъ, но не находилъ ихъ.

Лампа давно потухла; въ комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, со стѣнами, сплошь заставленными книгами, царила тьма. Только подъ короткой занавѣской черезъ окно врывалась полоса свѣта весенняго мѣсяца.

Оскаръ Стейнертъ спалъ и во снѣ его мысль еще продолжала работать.

XXI.

На слѣдующее утро прислуживавшая адвокату женщина нашла его мертвымъ на кровати. И въ тотъ же день вечернія газеты распространили эту вѣсть. Причиною смерти былъ объявленъ ударъ и больше объ этомъ ничего не говорилось. Про Оскара Стейнерта за послѣдніе годы все больше и больше забывали. Въ общественной жизни онъ вѣдь не игралъ никакой роли.

На слѣдующій день его трупъ былъ переправленъ на квартиру въ Нарвскомъ переулкѣ.

Гробъ былъ поставленъ въ ту комнату, которая съ осени

стояла пустой; его украсили цвѣтами и зеленью; стѣны были обиты чернымъ, окна завѣшены.

И Оскаръ Стейнертъ лежалъ въ гробу, точно такой, какимъ всѣ его помнили. Всѣ черты его лица смягчились, и только вокругъ рта виднѣлось нѣчто вродѣ застывшей улыбки. Объ улыбкѣ и говорили тѣ немногіе, которые его видѣли, которые вспомнили про свою прежнюю дружбу съ нимъ и пришли, чтобъ увидѣть мертвымъ того, кого они живого давно уже забыли.

И Оке Іельмъ съ женой посѣтили домъ, погруженный въ трауръ. Когда они уходили, фру Лине сказала:

— Какъ, ты думаешь, все это случилось въ дѣйствительности?

Она имѣла въ виду бракъ Стейнерта, разрывъ, къ которому всѣ уже мало-по-малу привыкли было, но который теперь опять былъ выдвинутъ впередъ, о которомъ всѣ толковали и судили. Она думала о всей этой разбитой жизни, которая вдругъ представилась всѣмъ такой загадочной.

— Да,—задумчиво отвѣтилъ учитель.—Мнѣ уже давно кажется, что мы ему причиняли горе совсѣмъ безъ основанія. Люди судятъ такъ хладнокровно и жестоко. А потомъ, въ одинъ прекрасный день,—мы вдругъ останавливаемся и замѣчаемъ, что были несправедливы.

Что именно они оба принадлежали когда-то къ тѣмъ, которые рѣзче всего осудили Стейнерта, больше всего клеймили его поступки, его характеръ, объ этомъ супруги совершенно забыли. Тихіе, полные совершенно новыхъ чувствъ, они ушли отъ покойника и предоставили другимъ разгадать, что означаетъ застывшая улыбка его рта. И то же, что они, дѣлали всѣ. Нѣсколько дней послѣ смерти адвоката его имя вездѣ упоминалось и вездѣ съ измѣнившейся въ его пользу точки зрѣнія.

Въ прекрасный майскій день—птицы пѣли въ городскихъ садахъ—были похороны. Гробъ весь утопалъ въ цвѣтахъ; медленно двигалось шествіе вдоль Карлсвега черезъ новую часть города и потомъ завернуло къ сѣверу. Только на улицѣ Сѣверной Таможни кареты начали двигаться быстрѣе. Невелика была процессія: всего нѣсколько экипажей. Но, когда она достигла часовни, гдѣ должно было произойти отпѣваніе, тамъ оказалась масса народу, которая отступила въ сторону, чтобы пропустить экипажи. Въ какомъ-то изумленномъ смущеніи фру Эллень вышла изъ кареты и подъ руку съ пасторомъ подошла къ часовнѣ. Внутри было полно людей; многія лица были ей совсѣмъ незнакомы. „Неужели у него было столько друзей?“ подумала она, и, когда она увидѣла,

какъ всѣ взоры обращены на нее, ей показалось, что она начинаетъ понимать.

Это были похороны, которыя хотѣлъ увидѣть всякій, кто имѣлъ хоть какой-нибудь предлогъ, чтобы придти на нихъ. Человѣкъ оставилъ свою семью и умеръ въ бѣдной холостяцкой квартирѣ, да еще человѣкъ, который принадлежалъ отнюдь не къ послѣднимъ въ Стокгольмѣ. Жена его была нѣкогда въ лечебницѣ для нервно-больныхъ, и во время ея отсутствія въ его семьѣ жила подруга, чтобъ завѣдывать хозяйствомъ. Все это, давно умершее, вновь ожило теперь. Это видно было по глазамъ и лицамъ, это слышно было въ шопотѣ провожающихъ, которые тихо шли за гробомъ, это возбуждало рядъ вопросовъ и воспоминаній.

Безмолвно и недвижно фру Элленъ заняла свое мѣсто на клиросѣ; по одной сторонѣ ея стоялъ сынъ, по другой дочь, и она впервые прониклась чувствомъ, что для всѣхъ, окружающихъ ее здѣсь, она является вдовою покойника; и на одинъ короткій мигъ она даже поняла, что, мертвый, онъ сейчасъ впервые побѣдилъ живыхъ.

Пасторъ произносилъ надгробную рѣчь, онъ говорилъ то немногое, что зналъ о покойникѣ, о признанныхъ всѣми трудахъ его на благо общества, онъ говорилъ о человѣкѣ, который былъ богатъ друзьями, котораго никогда не забудетъ никто изъ тѣхъ, кто зналъ его. Безсодержательно, бездушно звучали слова, которыя совершенно не подходили сюда, какъ будто настоящее слово, котораго всѣ ждали, осталось не произнесеннымъ.

Тихо двигались люди вслѣдъ за гробомъ, который понесли въ могилу. Надъ толпой носилось что-то вродѣ выжидательнаго безпокойства, всѣ какъ будто думали, что должно что-то случиться. Никто уже не думалъ о торжественныхъ словахъ, только что произнесенныхъ пасторомъ, ихъ какъ будто и не слышалъ никто. Всѣ глаза были устремлены на темное пятно ямы, гдѣ только что исчезъ гробъ, и передъ глазами тѣхъ, кто помнитъ покойника, возставала новая картина, новый Оскаръ Стейнертъ, котораго всѣ болѣе или менѣе продолжительное время имѣли передъ глазами, но котораго они до этого дня словно и не видали.

Немного спустя толпа разсѣялась и разными путями возвратилась въ городъ, унося съ собой новое сужденіе о покойникѣ, которое вскорѣ также будетъ забыто.

Тора Льюнгъ узнала о смерти Стейнерта изъ утренней газеты, которую она купила въ ночномъ курьерскомъ поѣздѣ недалеко отъ Стокгольма. Это была краткая замѣтка о похоронахъ. Объявленіе о смерти совсѣмъ не дошло до нея. Съ развернутой газетой на колѣняхъ, она тихо при-

жалась въ свой уголокъ. Она не видѣла, какъ мимо нея проносились холмы, покрытые березами лѣса и озера, по которымъ она такъ тосковала. Возлѣ нея спалъ чернокудрый, смуглый мальчикъ, которому она хотѣла быть матерью.

Она сидѣла, точно оглушенная, и не могла разобраться въ впечатлѣніяхъ, нахлынувшихъ на нее подъ вліяніемъ этого внезапнаго удара. Слеза за слезой катились изъ ея глазъ на газету, но она этого не замѣчала. Когда она, наконецъ, подняла глаза, паръ локомотива уже сгущался подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, мимо нея мелькала вода, покрытая пароходами и мачтами, по обѣ стороны несущагося поѣзда толпились тѣсные ряды домовъ: она была въ Стокгольмѣ.

Первые дни она почти не выходила изъ дому. Казалось, будто она боится той пустоты, которая встрѣтитъ ее. Когда она потомъ попала въ среду людей, ее поразилъ переворотъ въ настроеніи, совершившійся въ пользу ея покойнаго друга. Она опять попала въ то общество, въ которомъ была въ тотъ, какъ ей казалось, навѣки памятный вечеръ. То былъ кружокъ профессора Гране, кружокъ, который и теперь собрался въ уютной квартирѣ профессора на диванѣ подъ портретомъ Спенсера. Сдержанно и мягко звучала сегодня бесѣда; каждый разсказывалъ какой-нибудь эпизодъ изъ молодости или изъ позднѣйшей жизни Оскара Стейнерта, у всякаго находилось нѣсколько теплыхъ словъ о немъ. Приговоръ, вынесенный когда-то такъ поспѣшно, былъ забытъ. И Тора Льюнгъ думала: „какъ легко люди прощаютъ самимъ себѣ!“ Только она, которая могла столько сказать о живомъ, не находила ни одного слова о мертвомъ.

Она была рада, что разговоръ перешелъ на другія темы, въ которыхъ сегодня не ощущалось недостатка. Общество заговорило о событіяхъ послѣднихъ майскихъ дней; былъ выдвинутъ соціальный вопросъ. Полиція провоцировала столкновеніе между шествіемъ рабочихъ и блюстителями порядка, предвидѣлся безконечный рядъ засѣданій, была объявлена всеобщая забастовка, весь Стокгольмъ былъ точно въ лихорадкѣ и съ тревогой готовился къ проявленію подпольныхъ общественныхъ силъ, взрывъ которыхъ предстоялъ въ ближайшемъ будущемъ. Всюду высказывалось строгое осужденіе по адресу начальствующихъ и всего вообще общественнаго развитія послѣдняго десятилѣтія. Возмущеніе было честное и искреннее, напряженіе, съ которымъ всѣ ждали дней безпорядковъ, сильное.

Въ первый вечеръ забастовки Тора Льюнгъ одиноко бродила по Стурской улицѣ. Она думала о томъ, какъ измѣнился видъ города въ этотъ день. Оставленная обычной

публикой широкая улица освѣщалась послѣдними лучами майскаго солнца; молча тянулись по ней толпы рабочихъ.

Торѣ все казалось такимъ новымъ, потому что она уже давно не бывала здѣсь. И, такъ какъ она не знала подробностей, которыя предшествовали совершающемуся, то все принимало для нея устрашающіе, призрачные, жуткіе размѣры, точно приближался великій переворотъ.

На Сгурской площади она встрѣтила господина, котораго какъ будто знала, но фамиліи котораго сейчасъ вспомнить не могла. Онъ подошелъ къ ней и поклонился,—нерѣшительно, робко.

— Вы меня не узнаете?—спросилъ онъ.—Олафъ Біеркъ.

Лицо Торы прояснилось. Она радушно протянула ему руку. Ей вспомнился разговоръ объ Оскарѣ Стейнертѣ, симпатія молодого человѣка къ покойнику, его теплыя слова о немъ. Ей стало тепло и радостно на сердцѣ при видѣ молодого поэта. Въ ней опять проснулось воспоминаніе объ умершемъ и вытѣснило все остальное.

Поэтъ ее понялъ. Онъ молча пошелъ рядомъ съ нею и, чтобъ избѣжать людей, они завернули въ поперечную улицу, ведущую къ Брункебергу. Потомъ онъ вдругъ обернулся къ ней; весь подъ впечатлѣніемъ обуревающихъ его мыслей, онъ указалъ на празднично-одѣтыхъ работницъ и сказалъ:

— Есть ли во всемъ мірѣ хоть одинъ человѣкъ, который, подобно шведскому рейхстагу, не зналъ бы, что это означаетъ?

Потомъ онъ обратился къ Торѣ и робко промолвилъ:

— Простите, что я говорю объ этомъ. Вѣдь я знаю, что вы въ траурѣ, хотя этого и не видно по вашему платью.

Тора съ благодарностью посмотрѣла на него.

— Не разскажете ли вы мнѣ того, что знаете объ этомъ,— сказала она.

— Я ничего не знаю. Я даже не зналъ его, и странно то, что изъ всѣхъ, которые о немъ говорили, никто ничего не знаетъ.

Они какъ разъ подошли къ кладбищу св. Іоганна; ничего не говоря другъ другу, они усѣлись на скамью. Надъ ними деревья простирали свои зеленѣющія вѣтви. Кругомъ на кучахъ песку играли дѣти.

И здѣсь они долго говорили объ Оскарѣ Стейнертѣ, говорили такъ, какъ это дѣлаютъ люди, которыхъ свели воспоминанія о недавно умершемъ; тихо, медленно лились слова, произносимыя вполголоса и сдержанно, какъ будто говорящіе боятся, что ихъ кто-нибудь подслушаетъ.

Тора забыла, что она говоритъ съ чужимъ. Она начала разсказывать о другѣ, о томъ, какъ она съ нимъ познакомилась, каковъ онъ былъ. Она разсказывала все, что ей

только приходило въ голову. И все время ей казалось, что она говоритъ въ честь и въ память покойника, что никто его не знаетъ такъ, какъ она. Наконецъ, она разсказала о его дѣтяхъ, объ его одиночествѣ, о своемъ послѣднемъ письмѣ и объ отвѣтѣ, который получила на него. Слова лились такъ легко и свободно, какъ будто она была одна. И подвижное лицо молодого человѣка стало задумчивымъ и серьезнымъ, пока онъ слушалъ ее.

— Теперь они всѣ говорятъ, что они были къ нему несправедливы,—сказалъ онъ какъ бы въ заключеніе.—Что это значитъ, быть несправедливымъ къ человѣку?

Тора Льюнгъ глядѣла передъ собой; его слова наводили на нее еще большую грусть.

— Жаль, что онъ этого не слышитъ,—сказала она.—Никто, какъ я, не знаетъ, какъ онъ въ этомъ нуждался.

Поэтъ пожалъ плечами.

— Объ этомъ, видите ли, не легко говорить.

— Нѣтъ,—съ горечью отвѣтила Тора,—вѣдь мы, люди, такъ далеко отошли другъ отъ друга.

И спустя немного она прибавила:

— Въ Оскарѣ Стейнертѣ крылась тайна. Хотите знать ее?

Молодой человѣкъ вопросительно поглядѣлъ на нее.

— Да,—продолжала Тора,—онъ самъ вызывалъ ложное сужденіе о себѣ и самъ зналъ это.

Съ этими словами она встала, подала ему руку и сказала:

— Меня ждутъ нѣкоторыя обязанности, я должна идти. Загляните какъ-нибудь ко мнѣ, если вамъ захочется.

Поэтъ попрощался съ нею и одинъ пошелъ по широкой аллеѣ подъ деревьями кладбища. Онъ думалъ о жизни Стейнерта и о своей только что начинающейся жизни. Онъ думалъ о Торѣ Льюнгъ, которая только что ушла отъ него и спрашивалъ себя: „Что она теперь дѣлаетъ? Что составляетъ ея жизнь и ея радости?—Одинокая женщина съ чужимъ ребенкомъ"!—отвѣтилъ онъ себѣ съ юношеской иронією.

Погруженный въ свои мысли, онъ опять попалъ на оживленныя улицы. Его высокая фигура выпрямилась, глаза на его подвижномъ лицѣ горѣли. Онъ опять обрѣлъ свои мысли, прерванныя встрѣчей съ Торой. Задумчиво шелъ онъ дальше. Куда онъ ни приходилъ, вездѣ были люди и все-таки вездѣ было такъ тихо. Конки не звенѣли, дрожки не громыхали, шумъ работъ не нарушалъ своеобразной тишины. Куда онъ ни глядѣлъ, онъ видѣлъ людей, которые двигались группами или парами.

Своеобразное свѣтлое настроеніе овладѣло имъ, пока онъ медленно и вдумчиво брелъ все дальше и дальше. Съ

каждымъ шагомъ ему казалось, что онъ все глубже начинаетъ сочувствовать мыслямъ всѣхъ этихъ людей, безмолвный протестъ которыхъ онъ раздѣлялъ, переживая его, какъ ему казалось, въ тысячу разъ сильнѣе, сложнѣе и шире, чѣмъ они. Это было не стихотвореніе, а живая дѣйствительность. То, что онъ видѣлъ сегодня, былъ боевой день пролетаріата, день, когда люди одинъ за другимъ оставляютъ свой домъ, чтобы воплотить въ дѣло свое нѣмое озлобленіе, чтобы громко сказать свое нѣтъ, чтобы всѣ услышали и поняли безъ словъ, чтобы возстать противъ всего, что давитъ ихъ классъ, противъ неуступчивости власть имущихъ, противъ рвенія ханжей, противъ притѣсненія богатыхъ и косности закона.

Поэтъ шелъ все дальше.

Медленно двигался онъ вдоль рѣки по Дроттнингской улицѣ, черезъ сѣверный мостъ, по набережной, дальше къ шлюзамъ. Тамъ онъ усталый остановился, чтобы оглянуться, нѣтъ ли извозчика. Нѣтъ! Да, правда! Вѣдь сегодня нѣтъ извозчиковъ! Никто никому не служитъ. Никто не готовитъ кушанья голодному, никто не даетъ отдыха усталому. Деньги потеряли сегодня свою цѣнность. Это дѣйствуетъ, какъ нѣмое, безкровное возстаніе. Тихо, сдержанно, чтобы не создавать конфликтовъ, въ полномъ порядкѣ и чинно, рабочіе толпами ходятъ взадъ и впередъ по троттуарамъ. Всюду серьезныя, замкнутыя лица съ сжатыми губами и острымъ взоромъ. Рабочіе въ праздничныхъ одеждахъ, рабочіе, овладѣвшіе Стокгольмомъ, присвоившіе себѣ весь городъ, измѣнившіе, преобразившіе его однимъ мановеніемъ руки, однимъ простымъ рѣшеніемъ, въ которомъ всѣ приняли участіе и за которое несетъ отвѣтственность каждый.

Поэтъ направился къ мосту Вазы. Казалось, будто рабочіе въ самомъ дѣлѣ изгнали тѣхъ людей, которые обычно оживляютъ всѣ улицы. Вездѣ тѣ же тихія угрожающія толпы, которыя въ этотъ прекрасный майскій вечеръ гуляютъ при свѣтѣ заходящаго солнца. И, идя дальше, онъ представлялъ себѣ, что все это—тѣни, человѣческія тѣни, блуждающія по улицамъ, между тѣмъ, какъ ворота большихъ каменныхъ домовъ закрыты за тѣми, которые боятся выглянуть. Такъ, одинокій, бродилъ онъ среди тѣней, встрѣчаясь на каждомъ шагу съ гнѣвными глазами...

И молодой поэтъ вдругъ понялъ то, что другой прогрессистъ понялъ ужъ много лѣтъ тому назадъ тоже въ майскій день: здѣсь онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ единою волею, съ волею, которая является слившейся воедино, волею всѣхъ. И это сознаніе заставило его покраснѣть. Эти люди не стоятъ всѣ порознь, жизненная

борьба не разбила ихъ на массу индивидовъ, изъ которыхъ каждый идетъ своимъ путемъ. Они являются единымъ цѣлымъ, котораго высшій классъ постоянно ищетъ, но не можетъ найти, пока не будетъ переброшенъ мостъ черезъ пропасть между высшимъ и низшимъ, пока этотъ мостъ не будетъ достаточно устойчивъ, твердъ и крѣпокъ. Онъ чувствуетъ около себя эту волю, мрачную, зловѣщую и самоувѣренную; и вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ, что онъ чувствуетъ, кроется нѣчто, что укрѣпляетъ и его волю.

Его пониманіе того, что онъ видитъ, очень разнится отъ пониманія того прогрессиста уже по тому одному, что онъ молодъ. Все, что онъ видитъ, наполняетъ его торжественнымъ сознаніемъ, что эта задача—онъ въ этомъ не сомнѣвается ни минуты—будетъ выполнена *его* поколѣніемъ. И эта вѣра дѣлаетъ его жизнь богатой. Онъ не демократъ, нашъ молодой поэтъ. Онъ мечтаетъ о волѣ къ власти, которая произрастетъ изъ борьбы массъ за право.

Радушно встрѣчаетъ онъ всѣ эти взоры, въ которыхъ горитъ классовая ненависть, радушно, потому что ему кажется, онъ понимаетъ эти массы лучше, чѣмъ другіе представители его класса, радушно, какъ смотритъ юность въ глаза будущности, потому что обѣ онѣ сообщницы.

Спокойный, задумчивый бредетъ онъ дальше среди шествующихъ по пустыннымъ улицамъ, мимо плотно запертыхъ воротъ, рабочихъ и работницъ, шаги которыхъ гулко отдаются на мостовой. Онъ оглядывается и взглядъ его опять падаетъ на всѣ эти ворота, которыя сегодня такъ плотно заперты, за которыми укрылись полные кошельки и пустыя сердца, бодрствующій страхъ и усыпленная совѣсть. Ему хочется уйти, уйти отъ всѣхъ этихъ людей, острые взоры которыхъ вопреки его волѣ начинаютъ тревожить его, уйти отъ всѣхъ этихъ нѣмыхъ укоровъ, тяжесть которыхъ ему тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе онъ ихъ понимаетъ.

Но странно, онъ не можетъ оторваться отъ этихъ людей, шаги которыхъ звучатъ въ его ушахъ. Самъ того не желая, онъ идетъ съ толпой, которая кишитъ вокругъ него. Какъ околдованный, бродитъ онъ по улицамъ, на которыхъ мимо него скользятъ молчаливые люди. Точно въ неизсякаемомъ потокѣ людей плыветъ онъ. Все тише и медленнѣе дѣлаются его шаги, какъ будто онъ боится нарушить покой другихъ. Молчаливая толпа кругомъ, множество глазъ, смотрящихъ на него, все это кажется ему все болѣе и болѣе страшнымъ. Въ его ушахъ звучатъ какъ будто взмахи крыльевъ безчисленныхъ птицъ, которыя тревожно

порхаютъ среди непогоды, но не могутъ справиться съ бурей, грозящей побѣдить ихъ.

А пока онъ такъ безпокойно двигается впередъ, надъ городомъ спускаются сумерки; онѣ какъ будто успокаиваютъ его и въ его головѣ вдругъ загорается мысль, острая, ясная мысль, освѣщающая тьму, мысль, которая сливаетъ въ одно то, что онъ раньше видѣлъ и чувствовалъ, съ тѣмъ, что онъ видитъ и чувствуетъ теперь.

Онъ видитъ духъ розни, возведенной въ систему въ государствѣ, обществѣ, жизни и дѣятельности, розни, которая является проклятіемъ нашего времени, тотъ духъ розни, который топчетъ судьбы людей, переворачиваетъ вверхъ ногами правду и неправду, который изолируетъ лучшихъ и выдвигаетъ худшихъ.

И за этимъ хаосомъ онъ видитъ свою собственную свѣтлую мечту: Швецію новую, грядущую.

И вдругъ пространство передъ нимъ расширяется. Онъ дошелъ до воды, которая, глубокая и зыбкая, течетъ у его ногъ. Въ южной части города зажглись огни въ домахъ, облака окрашиваются въ алый цвѣтъ отъ солнца, которое опустилось далеко на западѣ, куда не достигаетъ взоръ.

Борьба направленій во французскомъ соціализмѣ.

Послѣ состоявшагося въ началѣ 1905 года объединенія всѣхъ французскихъ соціалистическихъ организацій въ единую партію, принявшую названіе «Французской секціи рабочаго Интернаціонала», ожесточенная война между различными фракціями французскаго соціализма, парализовавшая втеченіе многихъ лѣтъ его нормальное и успѣшное развитіе, совершенно было прекратилась. Всѣ старыя братоубійственныя распри и споры были забыты примирившимися соціалистами, и новообразовавшаяся партія, объединившая подъ своимъ знаменемъ вчерашнихъ братьевъ-враговъ, дружно выступила на арену соціально-политической борьбы, правда, не очень многочисленная, еще слабая организаціонно, но сильная своимъ единодушіемъ и своей сплоченностью. Конечно, коренныя теоретическія разногласія, раздѣлявшія французскихъ соціалистовъ, не исчезли и не были даже сглажены; но это обстоятельство не могло служить помѣхой для ихъ примиренія и объединенія. Во Франціи, съ ея кипучей и интенсивной политической жизнью, отвлеченныя разногласія въ теоріи, въ историко-философскихъ или соціально-экономическихъ взглядахъ менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, могутъ разбивать на отдѣльные враждующіе между собою отряды армію сторонниковъ міровоззрѣнія труда, поскольку эти разногласія не вліяютъ непосредственно на выработку тактическихъ принциповъ. А основной вопросъ тактики, расколовшій въ послѣдній разъ французскихъ соціалистовъ въ 1900 году, не могъ уже больше вызывать споровъ, такъ какъ измѣнилась та политическая коньюнктура, при которой искренніе соціалисты могли бы рѣшать его различно.

Однако согласіе и миръ не долго царствовали въ рядахъ «объединенной партіи» (Parti Unifie). Развитіе французской соціальной жизни не преминуло выдвинуть передъ соціалистической мыслью новыя, очень важныя и очень сложныя проблемы, требовавшія опредѣленнаго къ себѣ отношенія, и тѣмъ самымъ создало почву для новой дифференціаціи въ соціалистическомъ лагерѣ.

Въ настоящее время въ нѣдрахъ «объединенной партіи» ясно оформилось уже пять направленій, обладающихъ каждое своимъ теоретическимъ органомъ и борющихся очень энергично за торжество своихъ точекъ зрѣнія. Важнѣйшими вопросами тактики, опредѣлившими это новое «разслоеніе» французскаго соціализма, являются вопросы объ отношеніи партіи къ синдикальному движенію, о формахъ борьбы съ милитаризмомъ, о легализмѣ и революціонныхъ дѣйствіяхъ и отчасти о позиціи партійной соціалистической фракціи въ парламентѣ.

Значительность и серьезность переживаемаго «объединенной партіей» момента, являющагося безусловно моментомъ кризиса партійнаго развитія, заключается въ томъ, что разногласія, возникшія среди ея членовъ по поводу опредѣленныхъ вопросовъ тактики, являются не разногласіями мнѣній политическихъ дѣятелей, исходящихъ изъ одинаковыхъ взглядовъ на характеръ задачъ соціализма, а логическимъ выводомъ изъ совершенно различныхъ соціалистическихъ концепцій. Ознакомленіе съ этими разногласіями и вызываемой ими борьбой направленій представляется поэтому особенно интереснымъ и поучительнымъ, тѣмъ болѣе, что борьба эта концентрируется вокругъ проблемъ, стоящихъ теперь на очереди у соціалистовъ всѣхъ странъ и всѣхъ націй. За исключеніемъ гэдизма и отчасти революціоннаго синдикализма, направленія, о которыхъ идетъ рѣчь, не вполнѣ совпадаютъ ни по составу своихъ сторонниковъ, ни по своему теоретическому содержанію съ тѣми соціалистическими направленіями, которыя до объединенія партіи боролись за гегемонію въ рабочемъ движеніи Франціи. Тѣмъ не менѣе очень замѣтныя идейныя нити тянутся отъ первыхъ къ послѣднимъ и тѣмъ самымъ логически связываютъ ихъ и съ основными теченіями французскаго соціализма послѣдней половины вѣка, отъ которыхъ ведутъ также свое начало гэдизмъ и революціонный синдикализмъ. Бѣглый ретроспективный взглядъ на общую эволюцію французской соціалистической мысли, во всей совокупности ея скрещивающихся и переплетающихся развѣтвленій, является поэтому необходимымъ для выясненія существа современныхъ концепцій французскихъ соціалистовъ и опредѣляемыхъ ими разногласій. Съ этого мы и начнемъ свое изложеніе.

I.

Первыми соціалистическими ученіями, получившими непосредственное отраженіе въ организаціонномъ движеніи рабочаго класса и въ извѣстной степени давшими импульсъ этому движенію, были во Франціи бланкизмъ и прудонизмъ. Предшествовавшія имъ ученія соціалистовъ-утопистовъ, начиная отъ Сенъ-

Симона и Фурье и кончая Кабе, не смотря на ихъ огромное вліяніе на формированіе соціалистической мысли, не могли ни получить такого отраженія, ни дать такого импульса, ибо ихъ творцы видѣли залогъ торжества своихъ идей не въ организаціи и борьбѣ, а въ примѣрѣ и убѣжденіи. Лишь съ появленіемъ Бланки и Прудона французскій соціализмъ впервые изъ кабинетной философской конструкціи превратился въ жизненную теорію и, оставивъ туманныя области утопіи и мистицизма, выступилъ, какъ организующая сила, на арену исторіи. Бланкизмъ и прудонизмъ, зародившіеся почти одновременно, но такъ рѣзко разошедшіеся, какъ по своимъ цѣлямъ, такъ и по средствамъ къ ихъ достиженію, не смотря на тожество исходныхъ точекъ, не преминули вступить между собой въ ожесточенную борьбу, длившуюся очень долго и наложившую глубокій отпечатокъ на развитіе французскаго рабочаго движенія.

Бланкизмъ и прудонизмъ принадлежатъ къ числу тѣхъ ученій и теорій, о которыхъ говорятъ очень много и очень часто, но съ которыми знакомы очень мало и очень слабо. Бланкизму (въ теоріи) особенно не повезло у насъ въ Россіи, гдѣ въ послѣднее время, даже въ соціалистическихъ кругахъ, эпитетъ «бланкистъ» начинаютъ считать чуть ли не оскорбительнымъ. Между тѣмъ Бланки по праву занимаетъ почетное мѣсто среди учителей соціализма и является одной изъ самыхъ героическихъ и величественныхъ фигуръ соціалистическаго Пантеона. Бланки первый привилъ соціализму французскую революціонную традицію, онъ первый во Франціи выступилъ съ защитой полнаго коллективизма, первый, — подобно Марксу и Лассалю въ Германіи, — разбилъ иллюзіи ожидавшихъ спасенія человѣчества отъ великодушія правящихъ и имущихъ классовъ и, въ болѣе рѣзкой и отчетливой формѣ, чѣмъ Марксъ, провозгласилъ принципъ *необходимости завоеванія государственной власти*, принципъ, который является теперь основнымъ символомъ вѣры международнаго соціализма. Правда, Бланки отличался большимъ оптимизмомъ. Онъ вѣрилъ въ скорое наступленіе революціи, онъ мечталъ, путемъ широко-организованныхъ заговоровъ, захватить власть и увлечь за собою всю Францію на путь соціалистическаго строительства. Но вѣра Бланки въ близость соціальной ликвидаціи раздѣлялась въ его время всѣми соціалистами, раздѣлялась и Марксомъ. Что же касается его тактики заговоровъ, то она опредѣлялась для него политическими условіями Франціи той эпохи. При другихъ условіяхъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Поль Луи, Бланки, вѣроятно, избралъ бы другой тактическій путь.

Прудонизмъ представлялъ полную противоположность бланкизма. Суровый индивидуалистъ Прудонъ, считавшій конкурренцію и некапиталистическую частную собственность важнѣйшими факторами прогресса, отвергалъ коллективизмъ, какъ новую форму эксплуатаціи и порабощенія, ибо въ коллективистическомъ общественномъ строѣ

онъ видѣлъ огромное препятствіе для свободнаго и всесторонняго развитія личности. Противникъ всякой вообще организаціи, Прудонъ допускалъ лишь организацію производства, построенную не на принципѣ ассоціаціи, а лишь на принципѣ: do, ut des (я даю, чтобы ты далъ). Отрицая государство, которое для него являлось орудіемъ гнета, даже еслибы оно перешло въ руки соціалистовъ, Прудонъ признавалъ лишь экономическую власть, въ которой должна раствориться безъ остатка власть политическая. А за предѣлами организаціи производства, училъ онъ, индивидуумъ долженъ быть свободенъ отъ всякихъ стѣсненій и регламентовъ. Важнѣйшей общественной проблемой—доказывалъ поэтому Прудонъ—является выработка такихъ формъ экономическаго сотрудничества, которыя обезпечивали бы всякому члену общества максимумъ выгодъ и требовали бы отъ него минимумъ солидарности *). Вмѣстѣ съ этимъ Прудонъ провозгласилъ федерализмъ основнымъ принципомъ всякой организаціи, какъ національной, такъ и частной. Loin de moi, collectiviste,—гнѣвно восклицалъ Прудонъ въ пылу полемики съ бланкистами въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ,—votre haleine m'empeste! И эта фраза характеризуетъ какъ нельзя болѣе Прудона и всю его глубокую ненависть къ коллективизму. Средствами для освобожденія трудящихся Прудонъ считалъ не революціонную борьбу, не завоеваніе государства и не объединеніе частной собственности въ коллективную, а лишь реорганизацію обмѣна на началахъ строгой взаимности услугъ, при которой производитель былъ бы гарантированъ отъ эксплуатаціи. А такая реорганизація обмѣна, по мнѣнію Прудона, могла бы получить осуществленіе путемъ развитія кооперацій во всѣхъ областяхъ экономической жизни,—кооперацій, которыя постепенно вытѣснятъ капиталистическую собственность—и путемъ созданія дешеваго или безплатнаго кредита для всѣхъ посредствомъ народныхъ банковъ и т. д.

Въ 1848 году бланкизмъ былъ разбитъ на голову, потерпѣлъ, въ извѣстной степени, пораженіе и прудонизмъ. Но тѣмъ страстнѣе сдѣлалась взаимная борьба между этими двумя направленіями, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Однако политическія условія, создавшіяся во Франціи послѣ іюльскихъ дней, а затѣмъ послѣ возникновенія декабрьской имперіи, болѣе благопріятствовали возрожденію и развитію прудонизма, чѣмъ бланкизма. Отсутствіе политическихъ свободъ и гнетущее настроеніе подавленности и унынія, охватившее рабочій классъ послѣ испытанныхъ имъ неудачъ и понесенныхъ потерь, закрывали почти всякую возможность для боевой агитаціи Бланки. За то открылось широкое поле для болѣе успѣшной пропаганды прудоновскихъ идей, получившихъ огромную популярность въ пролетарскихъ массахъ. Рабочіе, разочарованные въ насильственныхъ средствахъ

*) Смотри его „Idée générale de la révolution au XIX siècle".

борьбы, потерявшіе вѣру въ прежнія иллюзіи, ухватились, какъ утопающій за соломинку, за теорію мирнаго экономическаго развитія, которую проповѣдывалъ имъ Прудонъ и проведеніе въ жизнь которой должно было, по его увѣренію, медленно, но вѣрно, безъ рѣзкихъ толчковъ и кровавыхъ катаклизмовъ, вывести ихъ изъ царства нужды и эксплуатаціи въ свѣтлое царство свободы и равенства. Мало-по-малу, конечно, жизнь разбила и эти прудоновскія иллюзіи и разрушила вѣру въ безпредѣльную мощь кооперація, какъ единственной революціонной панацеи. Но наиболѣе жизнеспособныя идеи Прудона все-таки успѣли проникнуть глубоко въ массы и ихъ вліяніе чувствуется очень сильно еще и теперь во французскомъ рабочемъ движеніи, какъ мы увидимъ это ниже. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда возникъ старый соціалистическій интернаціоналъ, вся французская секція его, за небольшимъ исключеніемъ, была представлена прудонистами. Именно французскіе и, главнымъ образомъ, парижскіе делегаты выступали на интернаціональныхъ конгрессахъ Женевы, Лозанны, Брюсселя, Базеля и Гааги, самыми ярыми противниками коллективизма марксистовъ и коллэнистовъ (вождемъ послѣднихъ въ Интернаціоналѣ былъ, какъ извѣстно, бельгійскій соціалистъ Депапъ). Они одни изображали собою послѣднихъ могиканъ индивидуализма въ интернаціональномъ движеніи и боролись самымъ ожесточеннымъ образомъ и противъ необходимости и законности стачекъ *), и противъ передачи земли въ общественную собственность, и противъ всякихъ другихъ идей, носившихъ коллективистическую печать. Въ парижской Коммунѣ, погибшей такъ геройски и такъ трагически, идейныя теченія прудонизма и начавшаго снова развиваться бланкизма какъ бы скрещиваются, переплетаются и объединяются въ общемъ синтезѣ. Дѣйствительно въ борьбѣ коммунаровъ, въ которой члены парижской секціи интернаціонала, составленной большею частью изъ прудонистовъ, играли огромную роль **), мы видимъ строгое осуществленіе принципа федерализма, нашедшаго себѣ выраженіе въ самомъ фактѣ провозглашенія Коммуны и не менѣе яркое проведеніе въ жизнь бланкистскаго лозунга вооруженной революціонной борьбы, на которую провокація Тьера толкнула отчаявшееся населеніе великой столицы.

Послѣ трагическаго конца Коммуны, потопленной въ морѣ про-

---

*) Прудонъ возставалъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ проекта наполеоновскаго правительства, проведеннаго имъ впослѣдствіи въ жизнь, разрѣшить рабочимъ право коалицій. т. е. право стачекъ. Коалиціи, по мнѣнію Прудона, являлись преступленіемъ противъ общества. См. его „Contradictions économiques".

**) См. отчетъ о засѣданіяхъ парижскихъ интернаціоналистовъ во время осады въ брошюрѣ „l'Internationale pendant le siège", а также недавно вышедшую замѣчательную исторію Коммуны—Louis Dubreuilh „La commune". Paris. 1908.

летарской крови, послѣ того, какъ французское рабочее движеніе было обезкровлено и обезглавлено, во Франціи воцаряется зловѣщая тишина кладбища. Рабочій классъ, разбитый и израненый, потерявшій своихъ лучшихъ борцовъ и извѣрившійся въ осуществимость своихъ идеаловъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ не осмѣливался поднять голову. Буржуазія, въ третій разъ побѣдившая своего историческаго внутренняго врага, солидно и удобно расположилась на завоеванныхъ позиціяхъ и, создавъ «свою» республику, желѣзной рукой поддерживала въ ней «порядокъ». Лишь въ 1876 году французскіе рабочіе осмѣлились, наконецъ, подать о себѣ голосъ. Но какой это былъ робкій и рабій голосъ! Въ 1876 году въ Парижѣ состоялся съѣздъ немногочисленныхъ рабочихъ синдикатовъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома. На этомъ съѣздѣ больше занимались успокаиваніемъ буржуазіи, чѣмъ дѣйствительными пролетарскими интересами. Конгрессисты провозглашали необходимость соціальнаго мира и умоляли буржуазію довѣриться благоразумію рабочаго класса. Буржуазные органы, очарованные такой умѣренностью и смиреніемъ, печатали панегирики конгрессу и лирически воспѣвали трогательный союзъ труда и капитала. Въ общемъ этотъ конгрессъ явился отголоскомъ прудонизма, хотя прудонизма, искаженнаго до нельзя. Руководители конгресса развивали въ своихъ рѣчахъ цѣлый рядъ прудоновскихъ положеній, правда, наиболѣе умѣренныхъ и не представлявшихъ не только ничего революціоннаго, но даже и прогрессивнаго, ибо положенія эти были вырваны изъ общей концепціи Прудона, въ которой они имѣли свое опредѣленное мѣсто. Но все-таки руководителями парижскаго конгресса были тѣ же syndicaut,—имя, которымъ окрестили прудонистовъ въ концѣ 60-хъ годовъ.

Радость буржуазіи была, однако, недолговѣчна. Во Францію вернулся изъ изгнанія Гэдъ и принялся съ группой молодыхъ, но талантливыхъ единомышленниковъ энергично за пропаганду марксизма, соединеннаго съ революціоннымъ методомъ Бланки, чѣмъ эта пропаганда отличалась отъ пропаганды нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Кромѣ того, Гэдъ также, какъ и Бланки, рѣзко выдвинулъ *государственную сущность* соціалистической борьбы и въ этомъ отношеніи явился его прямымъ продолжателемъ. Такимъ образомъ въ рабочее движеніе Франціи влилась новая, хотя съ нѣкоторой примѣсью стараго, идейная струя. Этому факту суждено было имѣть большое значеніе для общей эволюціи французской соціалистической мысли. Въ то же время и изъ среды рабочаго класса начали выдвигаться отдѣльныя наиболѣе передовыя личности, которыя, оставаясь вѣрными прудоновскому федерализму и его подчеркиванію преобладающаго значенія экономической борьбы, принимали тѣмъ не менѣе въ смягченной формѣ принципъ коллективизма или, скорѣе, коммунизма, и революціонную борьбу. Появились и такіе революціонеры-рабочіе, которые, не примыкая

ни къ той ни къ другой сторонѣ, находили однако необходимымъ образованіе строго классовой организаціи, противоположной всѣмъ буржуазнымъ партіямъ. Уже на второмъ конгрессѣ синдикатовъ въ 1878 году въ Ліонѣ со стороны меньшинства послышались пламенныя филиппики противъ буржуазнаго строя и призывы къ борьбѣ съ нимъ. Послѣ этого конгресса было образовано общество «Union federative des travailleurs», поставившее себѣ задачей созданіе рабочаго печатнаго органа, открытаго для представителей всѣхъ направленій, ведущихъ боевую политику противъ существующаго строя. Такой органъ вскорѣ появился въ свѣтъ подъ названіемъ «Proletaire». Согласно выработанному редакціонному регламенту въ немъ могли писать только рабочіе-пролетаріи. Почти одновременно начала выходить въ свѣтъ газета Гэда «Egalité», явившаяся первымъ марксистскимъ органомъ во Франціи. Эти органы сыграли крупную роль въ развитіи французскаго рабочаго соціалистическаго движенія.

Первое время и «Proletaire», въ которомъ преобладали соціалисты съ прудоновскимъ оттѣнкомъ, и «Egalité» жили въ мирѣ и энергично поддерживали другъ друга. Правда, «Egalité» проводила строго опредѣленную политику и пропагандировала опредѣленную доктрину, далеко не находившую сочувствія среди членовъ редакціи «Proletaire». Но этотъ послѣдній органъ не могъ однако вступить въ полемику съ гэдистами, такъ какъ онъ былъ созданъ на основѣ безпартійности. Къ «Proetaire» же вообще, какъ чисто рабочей газетѣ, выражавшей мнѣніе передовой части рабочаго класса во всемъ его разнообразіи, относились терпимо и симпатично представители всѣхъ соціалистическихъ направленій того времени. Такъ, напримѣръ, самъ престарѣлый Бланки предсѣдательствовалъ въ 1880 году на собраніи, устроенномъ въ пользу «Proletaire», и въ своей рѣчи сказалъ между прочимъ слѣдующее: «На сторонѣ этой газеты всѣ мои симпатіи. Я хотѣлъ бы, чтобы всюду возникли органы на такихъ началахъ, проводящіе такіе же принципы» *). Гэдисты въ свою очередь устраивали совмѣстно съ редакціей «Proletaire» собранія, митинги и т. д. Вскорѣ послѣ своего возникновенія «Proletaire» началъ вести усиленную агитацію за объединеніе всѣхъ рабочихъ синдикатовъ, всѣхъ начавшихъ зарождаться политическихъ рабочихъ группъ въ единую партію. Мысль эта была подхвачена «Egalité» и въ 1879 году, на конгрессѣ, состоявшемся въ Марселѣ, образованіе рабочей партіи было вотировано единодушно всѣми конгрессистами.

Въ основу новообразовавшейся партіи, принявшей названіе «Parti ouvrier», должны были лечь слѣдующіе принципы: классовая борьба, соціализація средствъ производства и обмѣна и

*) См. отчетъ объ этомъ собраніи въ „Proletaire“ отъ 17-го января 1880 года.

интернаціональная солидарность работниковъ. Такъ какъ марсельскіе конгрессисты выразили отрицательный взглядъ на парламентаризмъ и на парламентскую борьбу, то въ партію вошли и анархисты. Однако очень быстро этотъ отрицательный взглядъ началъ замѣняться, если можно такъ выразиться, взглядомъ условно положительнымъ. И гэдисты, и рабочіе, группировавшіеся вокругъ «Proletaire», стали приходить къ убѣжденію, что, если участіе въ выборахъ въ муниципалитеты и парламентъ и не можетъ, какъ они думали, рѣшить соціальнаго вопроса, то все же такое участіе является могучимъ средствомъ пропаганды. Къ слѣдующему конгрессу партіи въ ея рядахъ оказалось уже большинство, признававшее, условно или ограничительно, положительную цѣнность участія въ предвыборной кампаніи и парламентаризма вообще. Гэдъ, раньше всѣхъ пришедшій къ этому убѣжденію, позаботился о составленіи проекта программы-минимумъ, безъ которой нельзя было начать никакой серьезной избирательной кампаніи. Для этой цѣли онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ такой проектъ и былъ составленъ коллективно Марксомъ, Энгельсомъ, Лафаргомъ и самимъ Гэдомъ. Проектъ этотъ, въ которомъ выдвигался рядъ радикальныхъ политическихъ и экономическихъ требованій, былъ принятъ гаврскимъ конгрессомъ въ 1880 году, послѣ протеста анархистовъ, покинувшихъ залъ собранія. Гаврскій конгрессъ, кромѣ этого, принялъ также резолюцію по поводу избирательной борьбы, которая гласила, что конгрессъ находитъ нужнымъ участвовать въ видѣ опыта въ муниципальныхъ и законодательныхъ выборахъ 1881 года. Въ случаѣ, если этотъ опытъ не дастъ положительныхъ результатовъ, партія ограничится исключительно революціонной борьбой *). Что касается программы, вотированной конгрессомъ, то гэдисты, собственно говоря, считали ее неосуществимой, такъ какъ они утверждали, что въ буржуазномъ обществѣ рабочій классъ не можетъ завоевать никакихъ значительныхъ реформъ. Гэдисты настаивали на необходимости программы, разсматривая ее лишь какъ орудіе для рекрутированія рабочихъ въ періодъ избирательной кампаніи. Помимо этого они полагали, что оппозиція, которую буржуазія окажетъ ихъ программѣ, раскроетъ глаза трудящимся на истинную сущность соціальныхъ отношеній. Сторонники «Proletaire» смотрѣли на программу нѣсколько иначе, и это обстоятельство, какъ мы увидимъ ниже, и послужило одной изъ причинъ раздора между ними и гэдистами.

*) См. Comte rendu du congrès ouvrier socialiste tenu à Reims du 30 octobre au 6 novembre 1881, стр. 21.

II.

Вотировавъ программу и принципъ необходимости участія въ избирательной борьбѣ, молодая «Рабочая партія» все-таки отъ этого не сдѣлалась еще партіей въ точномъ смыслѣ слова. Партія существовала лишь, такъ сказать, въ теоріи; въ дѣйствительности же никакой единой организаціи не было. Были отдѣльные синдикаты, отдѣльныя группы, но между ними никакой органической связи, кромѣ ежегодныхъ конгрессовъ, не существовало. Передъ соціалистами встала поэтому неотложная задача созданія партійной организаціи. Этой задачей занялся Реймскій конгрессъ, состоявшійся въ 1881 году. Но тутъ-то и столкнулись два міросозерцанія: рабочій полупрудонизмъ, представленный «Proletaire» и его сторонниками, и обостренный, по выраженію Лафарга, марксизмъ гэдистовъ съ ихъ группой «Egalité», составленной преимущественно изъ интеллигентовъ. Сторонники «Proletaire», вѣрные прудоновской традиціи самаго яраго федерализма, отстаивали федеративный принципъ, во всей его чистотѣ, и въ организаціи партіи. Гэдисты же требовали самой строгой централизаціи партійнаго организма. Споръ между тѣми и другими сосредоточился главнымъ образомъ на вопросѣ о функціяхъ и полномочіяхъ національнаго комитета, «Comité national», который долженъ былъ быть избранъ конгрессомъ, какъ объединяющій центръ партійной жизни. Еще до того, какъ собрался Гаврскій конгрессъ, между «Proletaire»,—въ редакцію котораго вступили тѣмъ временемъ Бенуа Малонъ, соединявшій федерализмъ Прудона съ экономизмомъ и классовой борьбой Маркса, и Поль Брусъ, раскаявшійся анархистъ, также примыкавшій въ нѣсколькихъ пунктахъ къ прудонизму,—и «Egalité», завязалась страстная полемика по этому поводу. Реймскій конгрессъ, на которомъ разногласія между гэдистами и пролетаристами выступили уже очень рѣзко, сталъ на сторону послѣднихъ. Избранному на этомъ же конгрессѣ «національному комитету» предоставлялось лишь: 1) исполнять резолюціи національныхъ конгрессовъ; 2) собирать и давать справки всякаго рода; 3) составлять общую статистику партіи. Кромѣ этого, конгрессъ постановилъ, что «каждая областная рабочая организація остается вполнѣ автономной въ своихъ частныхъ дѣлахъ и въ выборѣ средствъ для мѣстной борьбы». Въ основу партійной организаціи былъ положенъ принципъ самой широкой децентрализаціи. Такъ, напримѣръ, несмотря на упорную оппозицію гэдистовъ, конгрессъ призналъ, что входить въ партію могутъ не только группы и синдикаты, примыкающіе къ партійнымъ федераціямъ, какъ этого требовала резолюція Гэда, но и самостоятель-

ные группы и синдикаты, ни къ какимъ федераціямъ не примыкающіе.

Послѣ Реймскаго конгресса полемика между «Proletaire», все болѣе и болѣе становившимся, подъ вліяніемъ Бруса, органомъ опредѣленнаго направленія, и «Egalité» возгорѣлась съ новой силой. Гэдъ на страницахъ этой послѣдней газеты съ необычайнымъ ожесточеніемъ напалъ на восторжествовавшій въ Реймсѣ принципъ федерализма. Федералисты, доказывалъ онъ въ одной изъ своихъ статей, идутъ лишь на буксирѣ у буржуазіи. «И какой буржуазіи! Не той боевой, торжествующей буржуазіи, которая въ эпоху полнаго расцвѣта своей силы, въ разгарѣ революціонной работы, заставляла рифмовать подъ ножомъ гильотины федерализмъ и роялизмъ, бросая головы Бюзо, Верньо и другихъ жирондистовъ въ ту же централистскую корзину Самсона, въ которую скатилась голова Капета; но буржуазіи обезсиленной, анемичной, исключительно консервативной, чтобы не сказать—впавшей въ дѣтство, мечтающей обрѣсти въ неосуществимой децентрализаціи продолженіе своего обреченнаго на исчезновеніе господства» *). Пусть же эти сторонники буржуазной тактики остаются тамъ, гдѣ они находятся,—такъ заканчивалъ свою статью Гэдъ. Малонъ и Брусъ возражали Гэду въ такомъ же духѣ и полемика между ними принимала все болѣе острый характеръ и была даже перенесена, по французскому обычаю, на личную почву. Разногласія между «Egalité» и «Proletaire» вскорѣ осложнились однимъ чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ, сдѣлавшимъ окончательно невозможнымъ сосуществованіе въ рядахъ одной партіи сторонниковъ той и другой группы. Обстоятельство это—изложеніе Полемъ Брусомъ на страницахъ «Proletaire» сущности новой соціалистической концепціи, съ значительной примѣсью прудонизма, на сторону которой стала вся редакція этого органа и которая являлась полной противоположностью гэдизма. Изложеніе этой концепціи мы находимъ въ статьѣ Бруса «Encore l'union ouvrier». Брусъ начинаетъ свою статью указаніемъ на ту огромную опасность, которая угрожаетъ успѣху рабочей борьбы въ случаѣ, если соціалистическая партія приметъ какую-нибудь опредѣленную доктрину и будетъ требовать отъ всѣхъ своихъ членовъ ея признанія. Рабочій классъ, говоритъ Брусъ, добьется своего освобожденія лишь при условіи полнаго единенія всѣхъ борцовъ за лучшій строй, къ какой бы школѣ они ни принадлежали. Но этого еще мало. Партія должна измѣнить свою общую программу и тактику. «Нужно перешагнуть черезъ всѣ доктринальные барьеры, оставить въ лагерѣ инвалидовъ утопіи и устремиться со всѣхъ концовъ соціализма на общую почву борьбы. Какое, въ самомъ дѣлѣ, значеніе въ томъ, что въ теоріи мы опережаемъ другія соціалистическія школы, что мы

*) См. „Egalité“ отъ 11-го декабря 1881 г.

заявляемъ себя по намѣреніямъ непримиримыми революціонерами, когда мы на практикѣ формулируемъ такія требованія, которыя могутъ собрать лишь немногихъ борцовъ и поэтому не могутъ быть осуществлены, когда поэтому наши угрозы остаются висѣть въ воздухѣ, а наши занесенныя руки никогда не опускаются... И я принадлежу къ тѣмъ, которые желаютъ быть коммунистами и революціонерами, но я хочу достигнуть чего-нибудь практическаго. Я предпочитаю отказаться отъ принципа «все сразу», котораго придерживались до сихъ поръ и который обыкновенно приводитъ ровно ни къ чему» (à rien du tout). *Я предпочитаю раздѣлить идеальную цѣль на нѣсколько большихъ этаповъ*, придать нашимъ требованіямъ такой характеръ, чтобы сдѣлать ихъ наконецъ осуществимыми (pour les rendre enfin possibles), вмѣсто того, чтобы тратить время, топчась на одномъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы, какъ въ сказкѣ Синей бороды, вѣчно торчать на башняхъ утопіи и никогда не видѣть ничего конкретнаго, осязаемаго... Я полагаю, что нужно извлекать изъ всякаго положенія все, что въ немъ есть положительнаго. Партія должна быть великой рабочей партіей, придерживающейся всегда полноты своей программы, пишущей на своемъ знамени всю сумму идеала, которую позволяетъ видѣть наука, но становящейся для повседневной борьбы на почву возможности, реализируя такимъ образомъ свой идеалъ частями, переходя этапы, которые можно перейти, перенося мужественно то, что нужно перенести, и, однимъ словомъ, выходя, наконецъ, изъ созерцательнаго состоянія, чтобы начать дѣйствительное движеніе къ будущему» *).

Въ этой цитатѣ заключается вся квинтъ-эссенція той теоріи, которая получила вскорѣ названіе «поссибилизма». «Поссибилизмъ» въ эпоху своего возникновенія далеко не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ впослѣдствіи реформизмъ Жореса и Мильерана. Брусъ и его послѣдователи стояли на точкѣ зрѣнія классовой борьбы и скептически относились къ возможности мирнымъ, легальнымъ путемъ окончательно трансформировать общество. Они только, въ отличіе отъ гэдистовъ, вѣрили въ осуществимость серьезныхъ реформъ и въ буржуазномъ строѣ и, главное, настаивали на томъ, чтобы соціалистическая программа была составлена изъ болѣе умѣренныхъ требованій, которыя не отпугивали бы своей крайностью робкихъ и нерѣшительныхъ. Отсюда они и выводили между прочимъ необходимость предоставленія отдѣльнымъ партійнымъ группамъ права измѣнять офиціальную программу партіи, когда это будетъ выгодно для ихъ дѣятельности. Свой конкретный взглядъ на наиболѣе цѣлесообразную тактику момента Брусъ изложилъ въ небольшой популярной брошюркѣ подъ заглавіемъ «La commune et le parti ouvrier». Въ этой бро-

*) См. „Proletaire" отъ 19-го декабря 1881 г.

шюркѣ Брусъ, главнымъ образомъ, пытался выяснить, на какую почву выгоднѣе рабочей партіи перенести центръ тяжести своей дѣятельности: на почву-ли завоеванія государственной власти или завоеванія муниципалитетовъ. Брусъ разсуждалъ такъ. Пока рабочій классъ ограничивается лишь борьбой при помощи избирательныхъ бюллетеней, трудно разсчитывать на то, чтобы партія могла скоро завладѣть государственной властью, такъ какъ для этого ей необходимо пріобрѣсти большинство въ странѣ. Другое дѣло власть муниципальная. Здѣсь вовсе не требуется, чтобы соціалисты были непремѣнно въ большинствѣ во всей Франціи. Будучи въ общемъ въ меньшинствѣ, соціалисты въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ коммунъ могутъ, однако, получить численный перевѣсъ и овладѣть муниципалитетами. Но, когда огромное число коммунъ будетъ завоевано соціалистами и когда къ нимъ присоединятся еще и другія коммуны, привлеченныя тѣми порядками и реформами, которые осуществятъ соціалистическіе муниципилитеты, тогда создастся непримиримый антагонизмъ между соціалистической муниципальной властью и буржуазной властью государства... И тогда произойдетъ одно изъ двухъ: или, укрѣпившись на своихъ уже завоеванныхъ позиціяхъ, пролетаріатъ бросится на приступъ государственной власти, или же, не чувствуя еще себя въ силахъ для этого, будетъ бороться за республику, основанную на полной свободѣ коммунъ. При такой же республикѣ соціалистическіе муниципалитеты получатъ возможность развить до максимума коммунальный соціализмъ и подготовить такимъ образомъ постепенно матеріальный и моральный базисъ будущаго строя. «Очевидно, писалъ Брусъ, что коммунальный коллективизмъ не можетъ разсматриваться нами, какъ высшая цѣль революціи. Собственность коммуны такъ же не можетъ быть обоснована, какъ и собственность корпоративная или индивидуальная. Но коммунальный коллективизмъ можетъ занять по отношенію къ націи такое же положеніе, какъ національный коллективизмъ къ интернаціональному... Коммуна—вотъ мирная или революціонная традиція, которой должна придерживаться французская рабочая соціалистическая партія» *).

Такова была теоретическая и практическая концепція «поссибилизма», окрашенная, какъ видитъ читатель, въ яркій цвѣтъ прудонизма, продолженіемъ котораго, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, и явилось поссибилистское направленіе. Прудонизмъ снова воскресалъ во французскомъ рабочемъ движеніи. Тѣмъ болѣе еще, что поссибилисты, подобно прудонистамъ, придавали въ противовѣсъ гэдистамъ огромное значеніе непосредственной экономической борьбѣ и видѣли въ экономическихъ организаціяхъ и синдикатахъ могучее орудіе защиты и наступленія и несомнѣнный факторъ революціи. Гэдисты

*) См. P. Brouss, „La commune et le parti ouvrier“, стр. 13—15. Paris, 1882.

въ своемъ органѣ «Egalité» не преминули, конечно, обрушиться на новое направленіе, и возгорѣвшаяся съ новой силою взаимная борьба въ соціалистическомъ лагерѣ многими своими сторонами напоминала старую борьбу бланкизма и прудонизма. Лафаргъ доказывалъ въ цѣломъ рядѣ статей, что коммунальный соціализмъ—чистѣйшая утопія, что никакого коллективизма коммуна осуществить не можетъ, ибо, дѣйствуя въ границахъ капиталистическаго строя, она неизбѣжно должна будетъ подчиняться его законамъ. Если, утверждалъ онъ, въ нѣкоторыхъ странахъ муниципалитеты взяли на себя монополію различныхъ общественныхъ предпріятій; то эти монополіи носятъ чисто буржуазный характеръ и созданы въ интересахъ буржуазіи же. Съ еще большей страстностью Лафаргъ возставалъ противъ утвержденія Бруса о возможности осуществленія реформъ въ капиталистическомъ обществѣ. Пока, писалъ онъ, крѣпость буржуазіи (т. е. государственная власть. Е. С.) не будетъ взята, никакія рабочія реформы не будутъ проведены въ жизнь, даже реформы самыя необходимыя. Если же буржуазія и дастъ какія-либо реформы, то она дастъ ихъ такимъ образомъ, что онѣ окажутся иллюзорными и пойдутъ только въ пользу капиталистамъ. Цѣль партіи, писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, политическая и экономическая экспропріація класса капиталистовъ и коллективное или національное обобществленіе средствъ производства. Средство борьбы—«революціонная сила».

Полемика между «Egalité» и «Proletaire» приняла чрезвычайно рѣзкій характеръ. Инцидентъ съ муниципальной кандидатурой поссибилиста Жоффрена еще болѣе разжегъ страсти и подлилъ масла въ огонь братоубійственной борьбы. Жоффренъ, выставившій свою кандидатуру на Монмартрѣ, практикуя въ широкой степени принципъ автономіи, замѣнилъ въ своихъ предвыборныхъ афишахъ коллективистскія «considerants» партійной программы «изложеніемъ принциповъ», взятыхъ изъ программы стараго интернаціонала, въ которомъ о коллективизмѣ не упоминалось ни слова, а говорилось лишь о необходимости освобожденія рабочаго класса. На конгрессѣ въ Сентъ-Этьенѣ, одобрившемъ огромнымъ большинствомъ образъ дѣйствій Жоффрена и принявшемъ резолюцію, разрѣшавшую партійнымъ группамъ въ своихъ выступленіяхъ измѣнять или дополнять по мѣрѣ надобности оффиціальную программу партіи, произошелъ окончательный разрывъ между гэдистами и поссибилистами. Первые оставили конгрессъ и, собравшись отдѣльно въ городѣ Роаннѣ, основали самостоятельную партію, составленную изъ чисто гэдистскихъ элементовъ и принявшую названіе прежней единой партіи «Parti ouvrier»; поссибилисты же назвали свою организацію «Federation des travailleurs socialistes de France».

Въ то же время приблизительно на сцену снова выступили бланкисты, вожаки которыхъ возвратились изъ изгнанія. Въ

1881 г. былъ образованъ бланкистскій «центральный революціонный комитетъ» (Comité révolutionnaire central), составленный изъ делегатовъ комитетовъ Парижа и его предмѣстій. Бланкистская группа образовалась также въ провинціи вокругъ Вальяна, поселившагося послѣ возвращенія во Францію въ своемъ родномъ городѣ Вьерзонъ. Вальянъ, подобно своему учителю Бланки, стоялъ за синтезъ всѣхъ средствъ борьбы и не относился поэтому отрицательно ни къ парламентаризму, ни къ муниципализму. Въ 1884 году Вальянъ, переѣхавшій въ столицу, былъ избранъ муниципальнымъ совѣтникомъ Парижа. Стоя на строго классовой и революціонной точкѣ зрѣнія, бланкисты выступали, чаще всего, бокъ о бокъ съ гэдистами, съ которыми ихъ роднила и революціонная тактика, и государственная концепція соціалистической борьбы. На послѣднихъ это сотрудничество, приведшее впослѣдствіи къ полному сліянію обѣихъ организацій, оказало вліяніе въ смыслѣ большаго тяготѣнія къ чисто политической борьбѣ, въ области которой концентрировалась дѣятельность бланкистовъ, и къ умаленію значенія борьбы экономической. Хотя, собственно, бланкисты признавали равноцѣнными экономическую и политическую организацію рабочаго класса, но стояли, какъ когда-то Бланки, за полную ихъ самостоятельность и раздѣленіе функцій. Въ это же время «поссибилисты», наоборотъ, придвинулись было ближе къ экономикѣ и ихъ Сентъ-Этьенскій конгрессъ постановилъ сдѣлать синдикаты органическою частью партіи. Однако тяготѣніе къ экономизму черезъ нѣсколько лѣтъ начало въ рядахъ «поссибилистовъ» уступать мѣсто чрезмѣрному увлеченію парламентаризмомъ. Это странное явленіе объясняется вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ вожаковъ «поссибилизма», которые попали въ парламентъ и въ муниципальные совѣты и, пользуясь тѣмъ, что, вслѣдствіе очень широко практикуемаго принципа федерализма, организація партіи ослабла, перестали созывать партійные конгрессы и организованную волю партіи замѣнили собственнымъ усмотрѣніемъ. Эти вожаки стремились придать все болѣе и болѣе умѣренный характеръ партійнымъ выступленіямъ, которыми они безконтрольно руководили, и оттѣнять все болѣе и болѣе свою умѣренность, свою исключительную склонность къ чисто легальной парламентской борьбѣ и готовность идти на компромиссы съ имущими классами.

Новая оріентировка партіи не замедлила вызвать въ нѣдрахъ «поссибилистской» организаціи оппозицію противъ партійныхъ вождей, во главѣ которой стали Аллеманъ и Жанъ Баптистъ Клеманъ, начавшіе издавать рѣзко революціонную газету «Parti ouvrier». Ихъ энергичная агитація противъ партійнаго центра вынудила послѣдній созвать конгрессъ въ 1890 году въ Шательранѣ. Но авторитетъ Бруса, Лави и другихъ «центровиковъ» былъ еще очень великъ среди «поссибилистовъ» и имъ удалось все-таки увлечь за собой большинство путемъ очень лов-

каго маневра: обвиненія своихъ главныхъ противниковъ (отсутствовавшихъ на конгрессѣ, такъ какъ Аллеманъ былъ задержанъ какими-то неотложными дѣлами, а Клеманъ не былъ допущенъ по причинѣ какой-то неправильности въ его мандатѣ) въ подкупѣ. Аллеманъ и его сторонники образовали тогда новую партію, къ которой примкнули федерація центра и значительная часть «поссибилистскихъ» синдикатовъ и группъ Парижа и которая приняла названіе «Parti ouvrier socialiste révolutionnaire». Аллеманисты являлись продолжателями старыхъ полупрудоновскихъ традицій группы «Prolétaire». Отрицая гэдистское доктринерство, подчеркивая значеніе профессіональнаго экономическаго движенія, они стояли за революціонную классовую борьбу, за сохраненіе чисто рабочаго состава партіи и за изгнаніе изъ ея рядовъ политикановъ. Находя необходимымъ участвовать въ избирательной борьбѣ, аллеманисты однако не возлагали большихъ надеждъ на парламентаризмъ, относясь къ нему лишь какъ къ средству пропаганды *).

Своей политикой и своей критикой парламентскихъ увлеченій аллеманисты въ извѣстной степени подготовили идейную почву для зарожденія «революціоннаго синдикализма». Организація, давшая толчокъ этому движенію, играющему теперь такую крупную роль во французскомъ соціализмѣ, была основана въ 1895 году на корпоративномъ конгрессѣ въ Лиможѣ подъ названіемъ «Генеральная конфедерація труда». Непосредственной причиной, вызвавшей къ жизни эту организацію, были тѣ безпрерывные раздоры и распри, которые вносились въ синдикаты борющимися между собой соціалистическими партіями и которые парализовали всякую возможность нормальнаго развитія профессіональнаго движенія. Дѣло въ томъ, что каждая изъ соціалистическихъ партій стремилась захватить въ свои руки синдикальныя организаціи и наклеить на нихъ свою партійную этикетку и это обстоятельство создавало почву для братоубійственной борьбы не только между синдикатами одной и той же профессіи, примыкавшими къ различнымъ партіямъ, но и внутри синдикатовъ, и обрекало ихъ на жалкое существованіе. О болѣе или менѣе успѣшномъ рекрутированіи новыхъ членовъ въ профессіональные союзы не могло быть и рѣчи, ибо, кромѣ того, что энергія синдикальныхъ вожаковъ почти исключительно поглощалась взаимной борьбой, рядовые рабочіе, еще не проснувшіе своего сознанія до такой степени, чтобы воспринять соціалистическій идеалъ, чуждались синдикатовъ, примыкавшихъ къ соціалистическимъ группамъ. При такихъ обстоятельствахъ для наиболѣе дальновидныхъ дѣятелей синдикальнаго движенія сдѣлалось очевиднымъ, что спасти это движеніе можно только путемъ полнаго размежеванія синдикатовъ отъ партій и созданія безпартійной, от-

*) См. брошюру J. Allemane. „Notre programme développée et commentée". Paris. 1895.

крытой для всѣхъ трудящихся профессіональной организаціи. Эта мысль нашла сочувственный откликъ въ передовыхъ рабочихъ кругахъ и осуществленіемъ ея явилась «Генеральная конфедерація труда». Въ первую пору своего развитія «Г. К. Т.» проявляла очень слабо свою дѣятельность. Она начинаетъ играть замѣтную роль лишь съ 1901—1902 г., когда начинаетъ также формироваться и теорія «революціоннаго синдикализма», основные пункты которой мы изложимъ ниже.

III.

Въ началѣ 90-хъ годовъ сложилось и еще одно новое направленіе во французскомъ соціализмѣ, извѣстное подъ названіемъ «интегрализма». Иниціаторомъ этого направленія былъ Бенуа Малонъ, покинувшій ряды «поссибилистовъ» въ виду того, что ихъ организація, раздираемая распрями, неуклонно шла къ гибели и компрометировала себя, и основавшій журналъ «La révue socialiste», вокругъ котораго сгруппировались его ученики и сторонники: Руанэ, Эженъ Фурньеръ, Веберъ, Жакляръ и др. Интегрализмъ въ общемъ, во многихъ чертахъ, въ особенности въ вопросахъ тактики, близко соприкасается съ «поссибилизмомъ», но въ теоріи онъ представляетъ собою попытку объединенія марксовскаго экономизма и классовой борьбы съ моралью. «Я глубоко убѣжденъ,—писалъ Бенуа Малонъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ «Le socialisme integral»—и я никогда не перестану кричать объ этомъ моимъ братьямъ по соціализму, что экономическія требованія пролетаріевъ найдутъ свое осуществленіе лишь тогда, когда они будутъ опираться на моральныя силы... Только изъ комбинаціи справедливыхъ интересовъ и альтруистической идеализаціи можетъ выдѣлиться динамическая сила, способная разбить желѣзный кругъ практическаго эгоизма, заграждающій дорогу къ той новой справедливости, которая такъ горячо призывается и такъ нетерпѣливо ожидается всѣми угнетенными, всѣми эксплоатируемыми и всѣми страждущими» *). «Полагать,—читаемъ мы въ другой книгѣ Малона «Morale sociale»—что революціонеры должны заниматься только матеріальными интересами трудящагося человѣчества и могутъ безнаказанно игнорировать его непреодолимыя моральныя стремленія,—значитъ готовить себѣ въ будущемъ жестокія разочарованія». Сторонники «интегрализма» вскорѣ организовались въ особую группу подъ названіемъ «indépendants» (независимыхъ). Въ парламентскую фракцію «indépendants» вступилъ и Жоресъ послѣ своего вторичнаго избранія. Лидеромъ парламентскихъ «indépendants» былъ, однако, первое время не Жоресъ, а бывшій радикальный депутатъ Мильеранъ, первый выступившій,

*) B. Malon. Le socialisme intégral, Préface, стр. 3.

между прочимъ, защитникомъ современнаго реформистскаго соціализма.

Благодаря таланту своихъ вожаковъ, какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его группа «indépendants» успѣла быстро завоевать значительное вліяніе. «Indépendants» избѣгали вступать въ конфликты съ родственными имъ соціалистическими группами и старались идти съ ними нога въ ногу. Совмѣстныя выступленія соціалистическихъ группъ не представляли большихъ затрудненій, такъ какъ политическія условія Франціи того времени заставляли всѣхъ искреннихъ соціалистовъ придерживаться тактики строгой оппозиціи. Программныя же разногласія, въ свое время вызвавшія такую страстную полемику въ соціалистическомъ лагерѣ, не выступали теперь рѣзко наружу, ибо гэдисты, подъ вліяніемъ жизни, значительно уклонились отъ непримиримаго принципа «все или ничего», а «независимые», не говоря уже о бланкистахъ, точно такъ же, какъ и аллеманисты, не раздѣляли чрезмѣрной программной умѣренности, которую проповѣдывалъ Брусъ и его сторонники, организація которыхъ почти совсѣмъ захирѣла и едва подавала признаки жизни. Вообще къ концу 90-хъ годовъ разногласія между французскими соціалистами значительно притупились, и въ этомъ отношеніи не малую роль сыграло и то обстоятельство, что соціалистическія организаціи развили широкую дѣятельность въ странѣ, дѣятельность, увѣнчавшуюся крупнымъ успѣхомъ (имъ удалось провести 45 депутатовъ въ парламентъ) и создавшую атмосферу энтузіазма, которая, какъ извѣстно, мало благопріятствуетъ культивированію раздоровъ и распрей. Идея возможности и необходимости объединенія всѣхъ французскихъ соціалистическихъ фракцій начала, такъ сказать, носиться въ воздухѣ. Тѣмъ болѣе, что и организаціонный вопросъ, когда-то расколовшій «Рабочую партію», потерялъ свою остроту, такъ какъ онъ въ значительной мѣрѣ былъ разрѣшенъ самой практикой, выработавшей наиболѣе цѣлесообразныя и жизнеспособныя организаціонныя формы.

Осуществленіе идеи объединенія ускорилось благодаря тому политическому положенію, которое было создано дѣломъ Дрейфуса. Волна реакціи и шовинизма, прокатившаяся по Франціи въ разгаръ дрейфусіады, и все увеличивающаяся опасность цезаризма побудили всѣхъ соціалистовъ сомкнуть свои ряды для организаціи дружнаго отпора общему врагу. Сначала ими былъ созданъ «Comité de vigilence», составленный изъ представителей соціалистическихъ партій, съ цѣлью координированія дѣйствій отдѣльныхъ организацій въ моменты, когда это окажется необходимымъ. Затѣмъ въ 1889 году его замѣнилъ «Comité d'entente», который долженъ былъ уже принять мѣры для реализаціи фактическаго сліянія всѣхъ фракцій французскаго соціализма. Но прежде, чѣмъ этотъ комитетъ успѣлъ довести до конца свою задачу, развитіе французской политической жизни выдвинуло передъ соціалистами огромной важности такти-

ческій вопросъ объ отношеніи соціалистовъ къ буржуазно-демократическимъ республиканскимъ партіямъ, вопросъ, принявшій особенно рѣзкій характеръ послѣ вступленія Мильерана въ кабинетъ Вальдека Руссо и послужившій новымъ яблокомъ раздора въ рядахъ сторонниковъ трудового міровоззрѣнія. Въ то время, какъ гэдисты и бланкисты категорически возставали противъ всякаго сотрудничества съ буржуазіей вообще и участія соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ въ частности, «независимые», во главѣ которыхъ уже стоялъ Жоресъ и которые успѣли перетянуть на свою сторону большинство соціалистовъ, высказывались въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Состоявшійся въ 1900 году въ Парижѣ международный соціалистическій конгрессъ, принявшій по вопросу объ отношеніи къ буржуазной демократіи и объ участіи соціалистовъ въ правительствѣ знаменитую «каучуковую» резолюцію Каутскаго (которая была приведена на страницахъ «Русскаго Богатства» Н. Е. Кудринымъ), не могъ примирить разростающагося антагонизма среди французскихъ соціалистовъ. На состоявшемся въ томъ же году національномъ конгрессѣ, организованномъ въ Парижѣ «Comité d'entente», гэдисты окончательно порвали связи съ большинствомъ. На слѣдующемъ конгрессѣ въ Ліонѣ примѣру гэдистовъ послѣдовали бланкисты. Обѣ эти организаціи объединились затѣмъ въ одну партію, принявшую названіе «Parti socialiste de France» (Соціалистическая партія Франціи). Большинство Ліонскаго конгресса въ свою очередь сорганизовалось въ «Parti socialiste Français» (Французская соціалистическая партія), въ которую вошли на автономныхъ началахъ аллеманисты.

Обѣ соперничавшія партіи опубликовали манифесты съ изложеніемъ своихъ основныхъ тактическихъ принциповъ. Я позволю себѣ привести краткія выдержки изъ этихъ манифестовъ, дающихъ возможность судить о сущности разногласій, раздѣлявшихъ «Parti socialiste de France» и «Parti socialiste Français». Въ манифестѣ первой изъ этихъ партій мы читаемъ слѣдующее опредѣленіе основныхъ началъ партійной политики и тактики: «Наша партія есть партія революціи и, слѣдовательно, партія оппозиціи буржуазному государству; если она и считаетъ своимъ долгомъ вырывать всѣ тѣ реформы, которыя могутъ улучшить положеніе рабочаго класса, то она тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не будетъ доставлять враждебному классу оружіе для продолженія его господства, путемъ участія въ центральномъ правительствѣ, путемъ вотированія бюджета или путемъ союза съ буржуазными партіями» *). Наиболѣе важное мѣсто изъ манифеста другой партіи гласило: «Соціализмъ въ своей совокупности проистекаетъ изъ движенія демократіи и движенія производства...

*) Цитирую по докладу партіи Международному Амстердамскому Конгрессу. См. Organisation ouvrier et socialiste en Europe, стр. 314. Bruxelles.

Если опасно отрицать возможность революціонныхъ событій, которыя могутъ быть вызваны или сопротивленіемъ, или даже преступнымъ нападеніемъ привилегированныхъ классовъ, то не менѣе гибельною можетъ оказаться исключительная вѣра въ слово революція и пренебреженіе тѣми великими силами, *которыми располагаетъ въ демократіи* сознательный, организованный пролетаріатъ» *). Но, устанавливая, какъ мы видимъ изъ этой выдержки, положеніе, что демократія является однимъ изъ первоисточниковъ соціализма и вмѣстѣ съ тѣмъ могучимъ средствомъ борьбы за его осуществленіе, теоретики «Французской соціалистической партіи» выводили отсюда необходимость сотрудничества съ передовыми слоями буржуазіи, разъ это сотрудничество можетъ обезпечить существованіе демократическаго режима. Главнымъ и наиболѣе талантливымъ проповѣдникомъ и апологетомъ этой теоріи сдѣлался, какъ извѣстно, Жоресъ, доведшій ее до крайнихъ предѣловъ и провозгласившій, что союзъ съ передовыми фракціями буржуазіи является условіемъ sine qua non осуществленія и самаго соціализма, ибо только при этомъ условіи соціалисты будутъ имѣть возможность реализовать все болѣе и болѣе прогрессивныя реформы, которыя и подготовятъ постепенно коллективистскій строй. Въ общемъ увлеченіе Жореса сотрудничествомъ классовъ обусловливалось его приверженностью къ принципу активизма, котораго онъ всегда придерживался такъ же, какъ и искренніе его сторонники, ибо въ эпоху «республиканской концентраціи» политика непримиримой оппозиціи въ извѣстной степени осуждала бы соціалистовъ на бездѣйствіе въ то время, когда кругомъ закипала реформистская работа. Руководимая Жоресомъ парламентская фракція его партіи практиковала именно то, противъ чего такъ возставали въ своемъ манифестѣ гэдисты и бланкисты, т. е. она вотировала бюджетъ, участвовала въ республиканскомъ блокѣ и заключала предвыборные союзы съ организаціями буржуазной демократіи.

Такова была въ общемъ политика «Французской соціалистической партіи» втеченіе четырехъ лѣтъ, раздѣлявшихъ Парижскій конгрессъ отъ Амстердамскаго. Много втеченіе этого промежутка времени было потрачено соціалистами энергіи и силъ на взаимную борьбу, на ожесточенную и страстную полемику. Однако послѣ четырехъ лѣтъ политики «блока» Жоресу и его наиболѣе искреннимъ и дальновиднымъ единомышленникамъ стало ясно, что партія не можетъ продолжать болѣе сотрудничества классовъ, не рискуя оторваться совершенно отъ соціалистическаго движенія и превратиться въ прихвостня буржуазіи. Подъ вліяніемъ неустанной агитаціи гэдистовъ и анархистовъ, эксплуатировавшихъ противъ жоресистовъ всѣ тѣ компромиссы, идти на которые ихъ вынуждала политика «блока», наиболѣе чуткіе и активные элементы рабочаго

*) Quatrième congrès général du parti soc. Français, стр. 252.

класса начали отвращаться отъ нихъ и ихъ партія все болѣе и болѣе превращалась въ чисто парламентскую организацію, слабо связанную съ массами. Рядомъ съ этимъ измѣнившееся политическое положеніе все болѣе и болѣе затрудняло совмѣстную дѣятельность соціалистовъ съ буржуазной демократіей. Дѣло въ томъ, что главныя политическія реформы, стоявшія на очереди во Франціи, уже были реализованы, настала очередь за реформами экономическими, и тутъ-то большая часть союзниковъ жоресистовъ подъ вліяніемъ буржуазнаго крыла своей смѣшанной избирательной клієнтуры начала обнаруживать колебанія и все болѣе и болѣе тяготиться соціалистическимъ сотрудничествомъ. Задачей дня для искреннихъ соціалистовъ, желавшихъ дѣйствительнаго проведенія реформъ, становилось поэтому напоминать безъ устали передъ лицомъ всей страны буржуазно-демократическимъ партіямъ ихъ программы и ихъ обѣщанія избирателямъ, такъ сказать, дѣлать имъ mise en demeure и такимъ образомъ толкать ихъ противъ воли на путь соціальнаго реформаторства.

Осуществлять такую задачу было невозможно, оставаясь въ интимной связи съ этими партіями. Необходимо было выступать самостоятельно. Помимо этого, демократическій режимъ уже находился внѣ всякой опасности, а остро поставленный соціальный вопросъ, благодаря усилившемуся росту экономическаго движенія рабочихъ массъ, настойчиво требовалъ строгаго размежеванія политическихъ группъ, диктовалъ необходимость стать «по ту или другую сторону баррикады» (крылатое словечко Клемансо, сказанное имъ представителямъ Генеральной конфедераціи труда: Nous ne sommes pas du même côté de la barricade).

Такимъ образомъ основной тактическій вопросъ, разбившій французскій соціалистическій лагерь на двѣ части, самой жизнью снимался съ очереди, и тѣмъ самымъ создавалась почва для новаго объединенія соціалистовъ. Въ пользу этого объединенія начали все громче и громче раздаваться голоса изъ рядовъ какъ «французской соціалистической партіи», такъ и «соціалистической партіи Франціи». Въ маѣ 1905 г., черезъ мѣсяцъ послѣ Амстердамскаго конгресса, рекомендовавшаго всѣмъ полемизирующимъ между собою соціалистическимъ организаціямъ объединиться, «чтобы была въ каждой странѣ одна только соціалистическая партія, какъ есть въ ней одинъ только рабочій классъ», объединеніе всѣхъ французскихъ соціалистовъ сдѣлалось совершившимся фактомъ *). Тактика новообразовавшейся партіи опредѣлялась слѣдующимъ образомъ «договоромъ объединенія» (Pacte d'unité): 1) Ставя себѣ конечной цѣлью обобществленіе средствъ производства и считая средствами

*) Слѣдующія организаціи вошли въ „объединенную партію“: „соціалистическая партія Франціи“, „французская соціалистическая партія“, „рабочая партія соціалистовъ-революціонеровъ“ и 5 автономныхъ федерацій.

борьбы политическую и экономическую организацію рабочаго класса, партія, хотя и борется за осуществленіе ближайшихъ реформъ, тѣмъ не менѣе является не партіей реформъ, а партіей классовой борьбы и революціи. 2) Депутаты партіи въ парламентѣ образуютъ единую группу, выступающую противъ всѣхъ политическихъ фракцій буржуазіи. Соціалистическая парламентская группа должна отказывать правительству въ средствахъ, обезпечивающихъ буржуазіи ея господство и сохраненіе власти: она должна вотировать противъ военныхъ кредитовъ, противъ кредитовъ для колоніальныхъ захватовъ, противъ кредитовъ для секретныхъ фондовъ и противъ всего бюджета въ совокупности. Даже въ исключительныхъ случаяхъ депутаты не могутъ измѣнять этой тактики безъ согласія партіи. Въ парламентѣ соціалистическая группа должна посвятить себя защитѣ и расширенію политическихъ вольностей и правъ работниковъ и преслѣдовать реализацію реформъ, могущихъ улучшить условія труда и жизни рабочаго класса... *). Въ «объединенной партіи», принявшей такую оппозиціонную тактику, слились воедино всѣ развѣтвленія французскаго соціализма. Вошли въ партію и нѣкоторые изъ теоретиковъ и сторонниковъ «революціоннаго синдикализма», главнымъ организаціоннымъ базисомъ которыхъ является «Генеральная конфедерація труда».

Теорія революціоннаго синдикализма, имѣющая глубокіе корни въ идейныхъ и практическихъ теченіяхъ Франціи прошлаго полустолѣтія, начала формироваться въ эпоху министерства Вальдека. Руссо-Мильерана, когда этотъ послѣдній, черезъ своихъ агентовъ въ синдикатахъ и биржахъ труда, дѣлалъ все возможное, чтобы приручить рабочій классъ и акклиматизировать въ пролетарскихъ кругахъ идею «соціальнаго мира». Эта теорія, на которой очень ярко оттиснулась печать прудонизма, являлась въ извѣстной степени реакціей противъ мильеранизма и вообще всякаго политиканства. Но ея авторы и послѣдователи перегнули палку въ противоположную сторону, распространивъ свое отрицательное отношеніе не только на «министеріализмъ» и сотрудничество классовъ, но и на парламентаризмъ вообще. Основные тезисы революціоннаго синдикализма въ общемъ можно свести къ слѣдующему. Для того, чтобы могъ осуществиться соціализмъ, необходимо создать предварительно такіе органы, которые могли бы служить орудіемъ классовой борьбы и на другой день послѣ революціи замѣнить собою механизмъ буржуазнаго государства и обезпечить правильное функціонированіе соціалистическаго производства. Кромѣ того, необходимо, чтобы предварительно выработалось въ нѣдрахъ рабочаго класса новое право, проникнутое чистыми принципами труда и глубоко противоположное правовымъ понятіямъ буржуаз-

*) См. L'internationale ouvrière et socialiste. Стр. 97—98. Bruxelles. 1907.

наго общества. Необходимо также, чтобы не только измѣнилась идеологія, хотя бы даже меньшинства трудящихся, *но и психологія ихъ*, и чтобы рабочій классъ въ постоянныхъ непосредственныхъ стычкахъ съ капиталомъ закалилъ свою боевую готовность для послѣдней рѣшительной битвы. Въ такихъ постоянныхъ стычкахъ, въ процессѣ борьбы, носящей неуклонно классовый характеръ, можетъ выработаться и новое трудовое право, могутъ развиться отношенія новаго порядка, которыя лягутъ въ основу будущаго строя, могутъ создаться органы будущаго. Но въ рядахъ какой организаціи возможна не затемненная никакими компромиссами классовая борьба, требующая «перманентной организаціи возмущенія?» Какая организація болѣе всего имѣетъ шансовъ превратиться въ органъ соціалистическаго общества? Революціонные синдикалисты рѣшаютъ этотъ вопросъ въ пользу синдиката, какъ объединяющаго рабочихъ на почвѣ непосредственныхъ экономическихъ интересовъ и ведущаго прямую борьбу съ капиталистами, борьбу, которая, наталкиваясь на неизбѣжное противодѣйствіе буржуазнаго государства, раскрываетъ трудящимся всю его «хитрую механику» и весь непримиримый антагонизмъ труда и капитала. Вообще, говорятъ они, идеи могутъ принять конкретную форму лишь въ соотвѣтствующей средѣ, а для соціалистической идеи такой средой можетъ быть только среда непосредственныхъ экономическихъ столкновеній. Вмѣстѣ съ этимъ только синдикаты, какъ производственныя организаціи, имѣютъ возможность превратиться въ органы соціалистическаго производства. Партія, по мнѣнію революціонныхъ синдикалистовъ, не можетъ выдержать сравненія съ синдикатами, потому что 1) партія объединяетъ людей не на почвѣ однородности экономическихъ интересовъ, а лишь вокругъ отвлеченныхъ принциповъ; 2) партія ведетъ борьбу посредственную въ то время, какъ только въ огнѣ непосредственныхъ столкновеній могутъ создаться всѣ моральные элементы будущаго и закалиться боевой пылъ трудовой арміи; 3) въ партіи, какъ организаціи чисто политической, не могутъ зародиться и конкретизироваться новыя правовыя отношенія, имѣющія своимъ базисомъ экономику; 4) партія борется за парламентское завоеваніе власти, но соціальная проблема не можетъ получить разрѣшенія въ стѣнахъ парламента.

Революціонные синдикалисты высказываются самымъ категорическимъ образомъ противъ завоеванія государственной власти, въ чемъ особенно рѣзко сказывается вліяніе прудонизма. Согласно ихъ концепціи, государственную власть необходимо не завоевать, а уничтожить. Уничтожить ее можно путемъ экономической борьбы, построенной на принципѣ прямого воздѣйствія (action directe), постепенно подтачивающаго основы государства, лишающаго его прогрессивнаго содержанія, ибо синдикаты должны стремиться отнять у государства всѣ его полезныя функціи, оставивъ ему лишь функціи репрессіи и охраны, и подготовить, такимъ образомъ, почву

для успѣха всеобщей пролетарской стачки, которая окончательно уничтожитъ старый порядокъ, въ процессѣ которой создадутся новыя общественныя формаціи и пропаганда которой въ настоящемъ революціонизируетъ профессіональное движеніе, направляя его въ сторону соціализма. Соціалистическая партія можетъ, правда, приносить нѣкоторую пользу рабочему классу, борясь за политическія свободы и оздоровляя демократическую среду, что имѣетъ значеніе для развитія профессіональнаго движенія. Но все это несущественно, такъ какъ синдикализмъ самъ по себѣ является исчерпывающимъ (le syndicalisme se suffit à lui même). Партію поэтому ни въ коемъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ орудіе революціи. Орудіемъ революціи можетъ быть только синдикатъ, а революціонной тактикой лишь *не считающаяся съ легальностью* тактика прямого воздѣйствія, соединенная съ энергичной пропагандой антимилитаризма и антипатріотизма (ибо идея патріотизма одна изъ основъ, на которыхъ держится государство). Средствомъ послѣдней рѣшительной борьбы можетъ служить лишь всеобщая пролетарская стачка.

Какъ въ свое время старый «поссибиллизмъ» являлся ничѣмъ инымъ, какъ возрожденіемъ прудонизма въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, такъ и теперь «революціонный синдикализмъ» представляетъ собою такое же возрожденіе, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, важнѣйшихъ прудоновскихъ идей и традицій. Тѣ изъ представителей и сторонниковъ этого направленія, которые вступили въ ряды «объединенной партіи», имѣли цѣлью пропаганду своего міросозерцанія среди ея членовъ и содѣйствіе ориентировкѣ партійной политики въ сторону, благопріятную для развитія революціоннаго синдикальнаго движенія. Во всякомъ случаѣ та тактическая платформа, на которой объединились французскіе соціалисты, удовлетворяла, въ извѣстной степени, и ихъ, и, когда партія послѣ объединительнаго конгресса въ апрѣлѣ 1905 г. выступила на арену борьбы, въ ея рядахъ царствовало полное согласіе по всѣмъ вопросамъ ближайшей тактики. Это обстоятельство, какъ и слѣдовало ожидать, не замедлило отразиться благопріятнымъ образомъ и на успѣшности партійной дѣятельности въ странѣ. За первый годъ объединенія число членовъ партіи удвоилось (съ 27,000 поднялось до 52,000), и на законодательныхъ выборахъ 1906 года ей удалось собрать 900,000 голосовъ и провести въ палату 54 депутатовъ.

Е. Сталинскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НИЦЦА.

Какъ-то я прочиталъ въ газетахъ,—въ самомъ содержательномъ отдѣлѣ ниццскихъ газетъ—receptions, matinées и soirées,—замѣтку, гласившую, что m-me X.—была приведена иностранная фамилія, ничего не говорящая ни уму, ни сердцу, не графская, не княжеская, и даже безъ „de“,—давала наканунѣ обѣдъ интимному кругу своихъ знакомыхъ въ одномъ изъ лучшихъ ниццскихъ ресторановъ, и въ этомъ интимномъ кругу оказались члены царствующихъ домовъ и принцы и принцессы различныхъ кровей. Замѣтка оканчивалась, конечно, упоминаніемъ, что menu было fin et excellent и что обѣдъ прошелъ превосходно.

Я выразилъ моему знакомому, живущему въ Ниццѣ безвыѣздно болѣе десяти лѣтъ и имѣющему знакомства въ обширныхъ кругахъ, свое удивленіе, что люди, фамиліи которыхъ звучатъ такъ гордо, обѣдаютъ у какой-то m-me X., даже не маркизы, не герцогини. Оказалось, что m-me X. бурбонскихъ кровей, что она дочь морганатическаго брака,—не помню ужъ какихъ бурбоновъ—французскихъ или португальскихъ. Въ ниццскихъ газетахъ постоянно встрѣчаешь извѣстія, что пріѣхало и остановилось въ такой-то виллѣ такое-то высочество или даже величество, и въ тотъ же день пріѣхала и тамъ же остановилась графиня или баронесса такая-то съ дѣтьми или безъ дѣтей. Это супруги настоящіе, вѣнчанные мужъ и жена, только онъ подлинный, а она морганатическая. Встрѣчаются болѣе сложныя комбинаціи. Графъ и графиня, постоянно фигурирующіе въ спискѣ гостей у заѣзжихъ сувереновъ и несомнѣнныхъ законныхъ высочествъ, оказываются оба морганатическими людьми и оба состоящими въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ царствующими домами Европы.

Когда я погрузился въ генеалогію лицъ, нанчаще упоминаемыхъ въ отчетахъ о reception'ахъ и о разнаго вида спортахъ, процвѣтающихъ на Ривьерѣ, я открылъ великое

множество этихъ морганатическихъ людей. Сюда же должно отнести „бывшихъ людей", вродѣ императрицы Евгеніи или неаполитанскаго короля, котораго я еще засталъ въ Ниццѣ четырнадцать лѣтъ назадъ, и разныхъ экзотическихъ суверенов вродѣ сіамскаго, египетскаго, индійскихъ раджей. И даже подлинные суверены по своему образу жизни, кругу знакомствъ и времяпрепровожденію носятъ какой-то морганатическій обликъ. Незаконные сыновья и дочери германскихъ, австрійскихъ владѣтельныхъ князей, Бурбонскихъ и русскихъ высокопоставленныхъ особъ наполняютъ Ниццу и ея окрестности, — это истинное „свиданіе друзей",—и создаютъ тотъ удивительный международный морганатическій, такъ сказать, высокій полусвѣтъ, который наполняетъ собой столбцы ниццскихъ газетъ и яркимъ пятномъ выступаетъ на фонѣ жизни зимней французской Ривьеры. Къ нимъ тянутъ американскіе милліардеры, которые уже давно на европейскомъ рынкѣ стоятъ на линіи суверенов и которые на дняхъ черезъ герцога Абруццскаго породнятся со всѣми суверенами; къ нимъ тянутъ верхніе слои аристократіи всего міра, давно уже породнившіеся съ морганатическими людьми. И этотъ морганатическій блокъ составляетъ ядро зимняго ниццскаго блока, онъ задаетъ тонъ, онъ устанавливаетъ привычки, манеры, бытъ и поведеніе, для него старается и на его вкусы строитъ жизнь вся Ницца. Обычная фраза въ отчетѣ о спортѣ: партію вели польскій магнатъ, морганатическая дѣвица противъ высочества такого-то и англійской или американской миссъ. На каждомъ благотворительномъ собраніи, вечерѣ, лотереѣ, рядомъ съ итальянскими принчипессами и французскими викоптессами встрѣчаются подлинныя или морганатическія alltesses или majestée.

Какъ въ Диккенсовскихъ и Теккереевскихъ романахъ на приглашеніяхъ къ обѣду лондонскихъ купеческихъ людей значилось, что будетъ лордъ или, по крайней мѣрѣ, младшій сынъ лорда, а въ Замоскворѣчьи, во времена Островскаго, купцы приглашали генерала на свадьбу, такъ и въ Ниццѣ отчетъ о fin и excellent обѣдѣ у владѣльца богатой виллы неизмѣнно украшается именемъ подлиннаго или морганатическаго высокаго гостя.

Въ несмѣтномъ количествѣ изо дня въ день съ утра и до вечера съ безумной скоростью носятся по Ниццѣ и ея окрестностямъ автомобили; не проходитъ дня безъ несчастія, чтобы не задавили ребенка, старуху, не опрокинули мужицкій возъ, тучи пыли стоятъ въ воздухѣ, когда-то великолѣпныя прогулки изъ Ниццы окончательно испорчены, и я знаю вѣрныхъ друзей Ниццы, бросившихъ ее именно изъ-за автомобилей,—я какъ-то спросилъ нѣсколько лѣтъ назадъ

ницкаго врача—какъ они, врачи, не вмѣшаются и не урегулируютъ дѣло, и получилъ отвѣтъ:

— Къ намъ не будутъ ѣздить суверены... И муниципалитеты никогда не согласятся.

Двѣ темы доминируютъ въ ницкой прессѣ,—ницкое солнце, которое на разные лады воспѣвается изо дня въ день, которое принадлежитъ исключительно Ниццѣ и попытки завладѣть которымъ со стороны Швейцаріи, Италіи, Алжира и Египта встрѣчаются справедливымъ негодованіемъ всѣми ниццарами, и сіяніе, исходящее изъ суверенно-морганатическаго созвѣздія, несомнѣнно принадлежащаго только Ниццѣ. Во Франціи слишкомъ давно республика и нѣтъ своихъ сувереновъ, и, можетъ, этимъ духовнымъ голодомъ объясняется та жадность, та томная тоска и изысканная французская politesse, съ какими трактуются люди крови. Съ нѣжной любовью и почтительнымъ уваженіемъ ницкія газеты оповѣщаютъ читателя, что вчера пріѣхало такое-то высочество, „нашъ неизмѣнный и вѣрный зимній гость“, съ сожалѣніемъ и трогательной грустью сообщается по поводу отъѣзда другого высокаго гостя, что только болѣзнь родственниковъ или государственныя заботы похитили изъ Ривьеры вѣрнаго друга ея. Въ началѣ сезона, когда сувереновъ и морганатическихъ людей еще мало, пускаются газетами невозможные и завѣдомо ложные слухи о коронованныхъ особахъ, которыя вотъ черезъ двѣ недѣли пріѣдутъ, которыя уже наняли такую-то виллу или цѣлый appartement въ такомъ то отелѣ на цѣлую зиму. Слухи не оправдываются, но пріятное возбужденіе и чувство сладкаго ожиданія поддерживаются въ ницкой и иностранной публикѣ, а тѣмъ временемъ подъѣзжаютъ черногорскіе, австрійскіе, германскіе и англійскіе сродственники, Габсбурги, Бурбоны — сколько ихъ!—и прочіе...

Я понимаю психологію ихъ, людей этого созвѣздія. Если-бы не было Ниццы, нужно было бы изобрѣсти ее. Нужно было бы найти на земномъ шарѣ трактирное заведеніе вродѣ Ниццы и именно съ тономъ Ниццы.

Тутъ такая милая простота. Тяжелыя цѣпи англійскаго choking и нѣмецкаго этикета теряютъ свою власть подъ ницкимъ солнцемъ въ обворожительномъ французскомъ климатѣ. Можно пожить, какъ люди живутъ. Незаконный сынъ и незаконная дочь приняты, какъ законные, и m-me X, которую въ ея странѣ тонко и политично обходятъ въ парадныхъ приглашеніяхъ ко двору, собираетъ за ресторанымъ столомъ кругомъ себя законнѣйшихъ представителей

императорскихъ и королевскихъ кровей. Можно замкнуться въ тѣсный свой кругъ, а съ другой стороны можно спуститься внизъ, не опуститься, а только спуститься, чтобы взять оттуда то веселье, тотъ chic французской жизни, которыя брыжжутъ, какъ изъ бокала шампанскаго, изъ великолѣпнаго французскаго fire. Грани круга чрезвычайно растягиваются и вбираютъ въ себя широкіе слои международнаго круга, связанные, если не общностью культуры, то по крайней мѣрѣ, жаждой наслажденій и средствами, потребными для удовлетворенія ихъ.

Все такъ мило и просто.

Можно пріѣхать суверену—подъ этимъ подразумѣваются подлинные люди императорскихъ и королевскихъ кровей—съ „душенькой". Бывать съ ней вездѣ,—у рулеточнаго стола, въ казино,—никого это не шокируетъ, потому что это въ нравахъ, потому что все тамъ мило и просто. Душенька,—конечно, француженка. У нея, конечно, подруги,—по старому кафе-шантану или опереткѣ, въ которой онѣ когда-то „работали",—тоже чьи-нибудь душеньки или вообще душеньки—образуется милый кружокъ съ милой обходительностью, свойственной французскимъ душенькамъ. Дамы хлопаютъ по животу сувереновъ, показываютъ имъ языки, тонкіе, граціозные французскіе языки и дѣлаютъ тѣ милые и граціозные жесты ногами, которые, какъ солнце Ниццѣ, принадлежатъ только француженкамъ. Подниметъ ногу выше головы передъ высокопоставленной особой, ослѣпитъ и заворожитъ поэзіей своихъ юбокъ и прослѣдуетъ далѣе. И, уходя, броситъ ему ласковое „cochon" съ такимъ милымъ французскимъ эпитетомъ, что только душа радуется.

Есть, конечно, и не совсѣмъ пріятныя стороны въ этомъ спусканіи внизъ по соціальной лѣстницѣ. У рулетки нѣтъ сувереновъ и обыкновенный буржуа обопрется на ваше плечо и попроситъ передать пятифранковикъ на такой-то номеръ,—общество по необходимости смѣшанное и, какъ всегда въ смѣшанномъ обществѣ, могутъ возникать шокирующіе инциденты. Въ нынѣшнемъ году подлинный суверенъ завтракалъ въ одномъ изъ французскихъ ресторановъ. Тамъ, въ своемъ государствѣ, онъ ссорится со своими подданными, съ своимъ парламентомъ, разговаривающимъ о цивильномъ листѣ, осмѣливающимся разговаривать, принять или не принять отъ суверена даръ, который онъ предлагаетъ государству. Здѣсь, подъ превосходнымъ небомъ Ривьеры, въ республиканской Ниццѣ, онъ добрый буржуа, пріѣхавшій со своей душенькой, и, какъ добрый буржуа, встрѣчаетъ огромное сочувствіе среди ниццскихъ людей, получившихъ въ его

лицѣ и добраго буржуа, и суверена. Какъ добрый, простой буржуа, онъ отправился въ средній ниццскій ресторанъ съ своими ниццскими знакомыми, средними буржуазными людьми и встрѣтилъ тамъ пьяную компанію, узнавшую его и пожелавшую, чтобы король чокнулся съ ними. Онъ былъ галантенъ и все обошлось благополучно, но не всегда такъ выходитъ. Приходится поневолѣ имѣть дѣло, здороваться за руку, проводить время въ кабинетахъ не только съ пьяными людьми, но и съ темными людьми, такъ сказать, каторжнаго типа, ускользнувшими отъ правосудія въ ихъ странѣ, но это неизбѣжно, такъ какъ только черезъ нихъ, черезъ этихъ темныхъ международныхъ людей, можно устраивать сложныя финансовыя операціи, такъ какъ они устраиваютъ интимныя дѣла не подлежащія огласкѣ, и отъ нихъ же можно имѣть точныя свѣдѣнія о количествѣ милліоновъ долларовъ, причитающихся американской дѣвицѣ, съ которой морганатическій человѣкъ играетъ въ партіи тениса или футбола и на которую морганатическій человѣкъ въ послѣднее время заглядывается все чаще и чаще.

Я понимаю ихъ психологію. Тамъ, у себя, онъ сидитъ, нѣмецкій принцъ или великій герцогъ, или какой-нибудь другой суверенъ, въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ, изъ котораго даже сычи улетѣли, и тоскуетъ. Конечно, пріятно царствовать, хотя бы и не управляя, но только, если благополучно обстоитъ съ цивильнымъ листомъ, а теперь въ Европѣ завелись парламенты, скупые и жадные, не понимающіе, что все дорожаетъ и дѣти все прибавляются, а боковыя линіи все разрастаются въ ширь и въ глубь и что поневолѣ приходится трогать сбереженія, накопленныя въ болѣе счастливыя и давно прошедшія времена, когда не было цивильныхъ листовъ. Тамъ есть, конечно, тоже душеньки, но настоящими душеньками могутъ быть только француженки, такъ какъ туземныя душеньки, хотя и имѣютъ великолѣпные забронированные бюсты и превосходно изображаютъ прусскихъ юнкеровъ, но по грузности бедеръ неспособны къ тѣмъ милымъ, граціознымъ ножнымъ жестамъ, съ которыми французскія душеньки родятся изъ чрева матери. И неизвѣстно по какому случаю нужно представительствовать, тратить деньги на свиту, на антуражъ и соблюдать тотъ тяжелый, смертельно скучный нѣмецкій этикетъ, отъ котораго королевы и принцессы бѣгаютъ съ гувернерами своихъ дѣтей или съ цыганами бродячаго оркестра, а принцы крови вступаютъ въ бракъ съ кафе-шантанными пѣвицами и балетными танцовщицами. И тотъ суверенъ, который пріѣзжаетъ на Ривьеру съ своей душень-

кой, и нѣмецкій владѣтельный князь чувствуютъ себя легко и свободно тутъ, на Ривьерѣ, и то, чего нужно остерегаться въ ихъ государствѣ, гдѣ приходится быть застегнутымъ на всѣ пуговицы и знать, что за тобой слѣдятъ сотни тысячъ безпокойныхъ ревнивыхъ глазъ не только злобныхъ соціалистовъ, но и Максимиліановъ Гардеровъ, то мило и просто и ко всеобщему удовольствію устраивается на французской Ривьерѣ.

Здѣсь не огорчаютъ... Когда я читаю мѣстныя газеты, мнѣ кажется, что ниццскому меру и префекту департамента des Alpes maritimes совершенно некогда дѣлать ихъ настоящее дѣло, такъ какъ вчера нужно было встрѣчать на вокзалѣ съ букетомъ въ рукахъ высочество съ востока, сегодня провожать высочество на западъ, завтра обѣдать у величества съ сѣвера, а потомъ нужно быть на великосвѣтскихъ благотворительныхъ международныхъ вечерахъ, на важныхъ receptions, таковые устраивать у себя и бывать на всѣхъ тѣхъ парадныхъ фестиваляхъ, которые немыслимы безъ мера и префекта. А потомъ нужно улаживать автомобильные, ресторанные и всякіе другіе непріятные инциденты. Иногда мнѣ кажется, что у нихъ и нѣтъ никакихъ другихъ дѣлъ и что единственное, настоящее ихъ дѣло—встрѣчать и провожать морганатическихъ людей,—вѣрныхъ друзей Ривьеры.

И прежде всего не огорчать ихъ. Въ этомъ задача не одного муниципалитета и префектуры, а всей Ниццы, всего населенія. Повидимому, вся Ницца только о томъ и помышляетъ, какъ бы не огорчить нашего милаго гостя, неизмѣннаго hivernant'a, и для этого снимается изъ жизни и прячется въ сокровенное мѣсто все то, что такъ или иначе можетъ доставить огорченіе не желающему огорчаться морганатическому пріѣзжему человѣку.

Вы прочитаете ежедневно въ ниццскихъ газетахъ замѣтки о пьяныхъ на улицѣ, о наложенныхъ за это пьянство наказаніяхъ, о дракахъ, воровствѣ, грабежѣ, поножевщинѣ,—и случаи интересныхъ грабежей и поножевщины смакуются съ той особенной любовью, которую во всѣхъ газетахъ и во всѣхъ концахъ французской земли обнаруживаетъ французское среднее сословіе къ скандаламъ и всякимъ отклоненіямъ отъ ихъ морали людей средняго сословія. Тамъ, въ дорогихъ ресторанахъ, въ первоклассныхъ отеляхъ haute société, ничего подобнаго, конечно, не случается.

Бываетъ, что вдругъ на Promenade des Anglais въ солнечное утро, передъ завтракомъ, пойдетъ шумъ и улыбающіеся

шопотные разговоры между „зимниками“ о грандіозномъ скандалѣ въ одномъ изъ шикарныхъ ресторановъ, гдѣ собираются люди „нашего ниццскаго круга“, о скандалѣ съ битьемъ „морды“ лакеевъ, — случается, и физіономій благородныхъ джентльмэновъ,— иногда разсказываютъ о поднятомъ въ безчувственно-пьяномъ состояніи въ грязномъ мѣстѣ Ниццы джентльмэнѣ съ громкимъ именемъ; случается, идетъ шопотъ о крупномъ воровствѣ, а иногда и грабежѣ, учиненномъ однимъ высокимъ hivernant'омъ надъ другимъ такимъ же „зимникомъ“, не ищите въ газетахъ, тамъ молчаніе. Вы можете потомъ прочитать это въ одной изъ парижскихъ газетъ, въ берлинскихъ, вѣнскихъ, даже русскихъ газетахъ, но въ ниццскихъ вы прочитаете позже всѣхъ и въ томъ ласково-деликатномъ тонѣ, который неизмѣнно установился въ нихъ по отношенію къ нашимъ милымъ, вѣрнымъ, неизмѣннымъ гостямъ.

Не ищите и въ числѣ судебныхъ дѣлъ, не ищите наказаній въ родѣ тѣхъ, которыя накладываются на итальянцевъ, главныхъ героевъ ниццской судебной хроники, не ищите,— потому что не найдете, потому что такія дѣла не поступаютъ ни въ судъ, ни въ полицію, потому что ни мэръ, ни префектъ, ни превосходныя ниццкія газеты не желаютъ огорчать иностранцевъ и берегутъ ихъ отъ всякихъ огорченій,—потому что всѣ эти слухи, шопоты и разговоры на Promenade des Anglais только бляга для людей, которымъ скучно, которые выдумываютъ всякія фантастическія исторіи и сами не понимаютъ, что дѣлаютъ.

Не нужно огорчать. Нельзя огорчать. Ниццскій докторъ выслушиваетъ и выстукиваетъ туберкулезнаго человѣка, пріѣхавшаго изъ Россіи на Côte d'azure, гдѣ всѣ выздоравливаютъ, и на жадный, полный отчаянія вопросъ:

— Ну что, докторъ?—отвѣчаетъ:

— Да, конечно... Въ правой верхушкѣ... Un petit rien...

Хмурые люди, сердитые русскіе доктора постращали его, туберкулезнаго человѣка, наговорили, что съ температурой за 37 выходить нельзя, что нуженъ постельный режимъ. Туберкулезный человѣкъ робко спрашиваетъ:

— У васъ такъ тепло, такъ много солнца—могу я изрѣдка выходить?

Онъ не хмурый, ниццскій врачъ, и съ сіяніемъ, исходящимъ изъ всей Ниццы, говоритъ:

— О, да! ну, конечно...

— Но мнѣ говорили въ Россіи, что 37,3—жаръ?

— Какой же жаръ—это нормальная температура! Конечно, осторожность...

И, если туберкулезный человѣкъ—сомнѣвающійся и слишкомъ увѣровавшій въ русскихъ врачей, — докторъ показываетъ на красную черту на термометрѣ, проведенную противъ 37,5, и говоритъ:

— Вотъ видите.

У туберкулезнаго человѣка просыпаются забытыя надежды и похороненная радость жизни, и онъ спрашиваетъ:

— Такъ что я могу и въ казино? и въ оперу? и на карнавалъ?

— О, да! О, конечно! Sans doute!

И, если туберкулезный человѣкъ дамскаго пола, докторъ галантно сообщаетъ:

— А я вамъ могу сообщить секретъ... Только что вчера принято... Въ нынѣшнемъ сезонѣ установленъ лиловый цвѣтъ и бѣлый.

Процессъ ползетъ, нормальная температура нормально повышается, но докторъ не огорчаетъ.

И изъ года въ годъ не прекращается по зимамъ брюшной тифъ въ Ниццѣ,—канализація начала устраиваться въ Ниццѣ только въ прошломъ году. Случается дифтеритъ, скарлатина, натуральная оспа,—не ищите свѣдѣній въ газетахъ,—газеты молчатъ. Это огорчило бы гостя, эпидемій нѣтъ и не можетъ быть на Côte d'azure, гдѣ великолѣпное ниццское солнце, чудесное море и превосходныя горы, создающія тотъ воздухъ, который стариковъ дѣлаетъ молодыми. Ваши попытки узнать истину не кончатся ничѣмъ. Вы встрѣтите негодующій и оскорбленный взглядъ санитарнаго врача, оскорбленный лично и общественно,—и больше ничего.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть въ Ниццѣ, когда тамъ свирѣпствовала черная оспа, — именно свирѣпствовала, такъ какъ доходило до 13 смертей въ день, и швейцарскія и итальянскія газеты полны были описаніями хода эпидеміи,—въ ниццскихъ газетахъ было тихо и безмолвно. Мнѣ образно разсказывалъ тогда покойный докторъ Эльсницъ, какъ онъ справлялся въ санитарномъ бюро о ходѣ эпидеміи. Его встрѣтилъ помощникъ санитарнаго врача, не знавшій въ лицо его, Эльсница, и сначала разсердился и сдѣлалъ оскорбленное и удивленное лицо, но потомъ засмѣялся и съ милой французской galanterie сказалъ:

— Ницца и оспа! А въ швейцарскихъ газетахъ пишутъ, что еще черная!.. Какъ страшно!

Когда Эльсницъ подалъ свою карточку и спокойно объяснилъ, что ему извѣстно, что за предшествующія сутки умерло 11 человѣкъ, милый санитарный человѣкъ успокоилъ его:

— О, эпидемія идетъ на убыль — вчера умерло только 8 человѣкъ.

Но за то вы можете встрѣтить крупными буквами на выдающемся мѣстѣ ниццскихъ газетъ экстренное сообщеніе: За вчерашнія сутки въ Ниццѣ не было ни одного смертнаго случая!!!

Такіе тріумфы бываютъ рѣдко—разъ, два въ сезонъ, но это тріумфъ, юбилей и онъ используется въ полной мѣрѣ ниццскими патріотами. Помѣщается передовая статья, гдѣ въ полной мѣрѣ и въ должномъ блескѣ фигурируютъ восхитительныя условія Ниццы и soleil, и mer, и montagnes, и пиніи, и статья оканчивается словами: это лучшій отвѣтъ клеветникамъ Ниццы (которые бываютъ, увы! не только у Россіи, но и у Ниццы). А потомъ идетъ милая французская causerie, гдѣ такъ или иначе очень тонко и мило используется фактъ *ни одной* смерти за сутки, и весь номеръ проникнутъ приподнятымъ праздничнымъ, юбилейнымъ настроеніемъ.

Къ сожалѣнію, и на Côte d'azure, даже подъ ниццскимъ солнцемъ, даже при наличности милыхъ санитарныхъ врачей, люди умираютъ. Но не нужно огорчать зрѣлищемъ смерти живыхъ людей. Тогда являются тати въ нощи, приходятъ въ самое воровское время, въ 4 часа утра, когда спятъ даже завсегдатаи „Capussins“ и отдѣльныхъ кабинетовъ казино и ресторановъ и волокутъ, куда слѣдуетъ, непріятнаго человѣка, который имѣлъ неделикатность огорчить Côte d'azure и ниццское солнце. А за завтракомъ на другой день, когда гости видятъ пустое мѣсто за сосѣднимъ столомъ и спрашиваютъ хозяина или метръ-д'отеля, гдѣ же господинъ, который тутъ сидѣлъ, имъ отвѣтятъ:

— Что дѣлать! Les affaires sont des affaires... Monsieur уѣхалъ такъ неожиданно...

И въ газетахъ не найдете упоминанія, что въ отелѣ кто-то умеръ. Будутъ писать, и много писать, если иностранецъ большой человѣкъ, будутъ посылать соболѣзнованія роднымъ и излагать скорбь ниццаровъ по поводу утраты ихъ вѣрнаго, неизмѣннаго гостя, но только, если вы большой человѣкъ и поднимаете большіе разговоры о себѣ въ международной колоніи. Газеты пишутъ и много пишутъ, когда умираютъ свои, ниццскіе, выражаютъ роднымъ прискорбіе и подробно перечисляютъ, какіе уважаемые коммерсанты, доктора и адвокаты провожали гробъ. Это умеръ ниццарь, и это не должно огорчать пріѣзжихъ иностранцевъ, которые должны поправляться и неизмѣнно поправляются въ Ниццѣ.

Есть нѣкоторая стыдливость, конфузъ даже за своихъ мертвыхъ.

Утромъ, раненько, въ 9—10 часовъ утра, когда отели еще

спять, по Rue de France и другимъ „не иностраннымъ“ улицамъ тянутся дроги и катафалки съ мертвымъ тѣломъ и съ кучкой родственниковъ, какъ-то поспѣшающихъ увезти своего мертваго человѣка. Разъ мнѣ пришлось видѣть, какъ рысью неслось мертвое тѣло, рысью ѣхала за нимъ карета съ двумя кюре, на рысяхъ неслись съ вѣнками родственники въ извозчичьихъ коляскахъ, и мнѣ казалось, что всѣ, и извозчики, и кюре, и родственники, ужасно спѣшили и оглядывались, не проснулся-ли иностранецъ, не смотритъ ли онъ на огорчительное и не совсѣмъ приличное дѣло, которое они дѣлаютъ...

Зачѣмъ огорчать людей, пріѣхавшихъ веселиться? И мѣры принимаются. Какъ-то на стѣнѣ помѣщенія мѣстной газеты Petit Niçois, гдѣ съ утра и до вечера вывѣшиваются для публики огромные плакаты непрерывно получающихся телеграммъ, я прочиталъ сенсаціонное сообщеніе о раскрытіи воровства и взяточничества въ московской полиціи съ упоминаніемъ одного очень крупнаго имени.

Всѣ помѣщаемыя за день на стѣнахъ телеграммы появляются на другой день въ газетѣ, но на другой день я ни въ Petit Niçois, ни въ l'Eclaireur и ни въ какой другой ницкой газетѣ не нашелъ упомянутой телеграммы. Я даже не думаю, что тутъ было „дадено“ серебряными или золотыми монетами,—чеки для парижской прессы,—а, вѣроятнѣе всего, просто пришелъ въ редакцію „нѣкто въ сѣромъ“ и держалъ приблизительно такую рѣчь:

— Что вы дѣлаете? Мы и въ Россіи достаточно огорчены,—а вы еще и здѣсь насъ огорчаете...

И телеграмма была снята, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ не нужно огорчать, въ особенности русскихъ, которые были всегда близки ницкому сердцу, а за послѣдніе годы, съ наблюдающимся уходомъ англичанъ и американцевъ, стали еще ближе.

Мало не огорчать — нужно увеселять. Притомъ нужно увеселять свободнаго отъ занятій, гулящаго, такъ сказать, пустопорожняго человѣка.

Casino municipale и Jétée promenade, утро и вечеръ концерты, спектакли, гастролеры, а въ промежуткахъ оркестры, вермутъ, маленькія рулетки... Опера и драма, а послѣ оперы кабинеты и рестораны съ оркестрами и „Capussins“ съ парижскими „diseuses“, гдѣ собираются по ночамъ суверены и морганатическіе люди. Bataille des fleurs, двѣ batailles des fleurs для взрослыхъ и одна для дѣтей,—сегодня въ Ниццѣ, завтра въ Ментонѣ, а послѣ завтра въ Больё, а потомъ въ Монте-Карло, въ Каннѣ, а потомъ опять въ Ниццѣ, опять

въ Ментонѣ, опять въ Каннѣ... А потомъ ослѣпительной бѣлизны, только что изъ парикмахерской, огромный, жирный бѣлый быкъ, съ вызолоченными рогами и съ бантомъ сзади, нѣсколько дней на тріумфальной колесницѣ путешествуетъ по улицамъ Ниццы, пока не водворяется у входа въ Casino municipale для обозрѣнія иностранцевъ и возбужденія у нихъ аппетита къ лотереѣ, въ которую разыгрывается бѣлый быкъ.

Нужно набить увеселеніями весь день пріѣзжаго человѣка, нужно не давать ему передохнуть, чтобы онъ ни одной минуты не почувствовалъ пустоты кругомъ себя, не вспоминалъ бы о своихъ дѣлахъ и заботахъ, чтобы не потянуло его изъ Ниццы въ свое мѣсто. Парусныя гонки, голубиный спортъ, морганатическій тенисъ, другіе спорты, скачки въ началѣ сезона, скачки въ концѣ сезона. А Бедекеръ повелѣваетъ ѣхать на Корнишъ, въ Тюрби, въ Эзъ, въ Грассъ, въ Антибъ, въ Контъ,—на ferme d'Autruche,—и пріѣзжій человѣкъ мечется, какъ угорѣлый, носится въ поѣздѣ, въ вагонѣ электрическаго трамвая, въ автомобилѣ, на извозчикѣ, и некогда ему передохнуть, такъ какъ все мало времени, все некогда, онъ все не успѣваетъ сдѣлать того, что ему приказано дѣлать.

И дома, въ его отелѣ, тоже идетъ непрерывное форсированное увеселеніе. Онъ еще спитъ, но подъ его окномъ уже играетъ бродячій оркестръ, и итальянскіе голоса поютъ итальянскія аріи и коверканными русскими словами русскій цыганскій романсъ. Послѣ завтрака являются въ отелѣ индійскіе фокусники, за чаемъ въ 4 часа играетъ оркестръ, а вечерами чрезъ опредѣленные промежутки устраиваются парадные рауты и танцовальные вечера съ обязательными декольте и фраками.

Гвоздь сезона и развалъ его—карнавалъ. Цѣлый годъ засѣдаетъ спеціальный комитетъ изъ представителей муниципалитета и общественныхъ дѣятелей и обсуждаетъ трудный вопросъ организаціи очередного карнавала. Трудный вопросъ,—такъ какъ нужно и не огорчить никого, и въ то же время сдѣлать карнавальнаго короля злободневнымъ и влить въ карнавалъ французское остроуміе и веселье, чтобы люди могли „s'amuser". Въ нынѣшнемъ году темой была Гаагская конференція. Толстый и жирный въ расшитомъ мундирѣ посланникъ, съ голубемъ на одной рукѣ и благосклонно протянутой надъ публикой другой рукой, издали мнѣ показалось, сложенной въ кукишъ, — съ пушками, выглядывавшими изъ-подъ задняго фасада колоссальной фигуры, на громадной колесницѣ карнавальный король въѣзжалъ въ свой вѣрный городъ Ниццу. Старый народный карнавалъ

давно умеръ,—все дѣлается для увеселенія его величества—иностранца. И нужно было мобилизировать всю Ниццу для того, чтобы устроить этотъ безконечный кортежъ. Нанимаются горничныя, и прачки, и бѣлошвейки, безработные люди, и за два-три франка изображаютъ рыцарей и дамъ, и дикіе народы, веселыхъ пейзанокъ, дѣлающихъ милые и граціозные ножные жесты на фантастически украшенныхъ колесницахъ.

Какъ у мэра и префекта, повидимому, нѣтъ другихъ дѣлъ, какъ встрѣчать и провожать сувереновъ и морганатическихъ людей, такъ и у всего населенія Ниццы нѣтъ другого дѣла, кромѣ увеселенія пріѣзжающихъ гостей. И область увеселенія все расширяется,—въ нынѣшнемъ году большую роль играло новое увеселеніе—patinage. Въ горахъ надъ Ниццей, гдѣ зимой лежитъ снѣгъ, возникаютъ отели, туда направляются автомобили, обсуждается проектъ электрическаго трамвая. Ниццскія газеты усиленно пропагандируютъ лыжный спортъ, коньки и ежедневно упражняются въ поэтическихъ описаніяхъ красоты и великолѣпія снѣжныхъ равнинъ при ослѣпительномъ ниццскомъ солнцѣ, и ежедневно внушаютъ милымъ гостямъ, что совершенно глупо ѣздить въ Швейцарію, когда можно получить это удовольствіе на чудесномъ Côte d'azure.

Въ этомъ смыслѣ ниццской жизни, ея жизненный нервъ, это ея промышленность.

Всякая, — отельная, ресторанная, магазинная, строительная, медицинская, газетная промышленность. И войско, стоящее въ Ниццѣ, мнѣ кажется, для того и существуетъ, чтобы способствовать увеселенію иностраннаго гостя и процвѣтанію ниццской промышленности. Солдаты для того, чтобы дефилировать съ музыкой, съ факелами, въ разныхъ въ болѣе или менѣе фантастическихъ костюмахъ, въ процессіяхъ карнавала, офицеры, чтобы поставлять танцоровъ на matinées и soirées dansantes, участвовать въ разныхъ видахъ спорта, оживлять и увеселять своимъ присутствіемъ batailles des fleurs, гдѣ они неизмѣнно, изъ года въ годъ, на спеціальной офицерской колесницѣ неистово сражаются съ дамами букетиками цвѣтовъ.

Кажется, для того же существуютъ и броненосцы, угрюмыя чудовища, которыя приползаютъ неизмѣнно изъ года въ годъ къ разгару сезона въ Villefranche. Они кокетничаютъ длинной линіей дымящихся трубъ передъ Promenade des anglais, дѣлаютъ милыя нападенія на Ниццу. Офицеры устраиваютъ въ Villefranche bataille des fleurs на лодкахъ, участвуютъ въ морскихъ гонкахъ, танцуютъ на балахъ, а бравые адми-

ралы представительствуютъ на парадныхъ reception'ахъ и обѣдахъ.

Французское правительство вообще покровительствуетъ промышленности, а ниццская промышленность есть вмѣстѣ съ тѣмъ и государственная, такъ какъ милые гости, прежде, нежели добраться до Ниццы, проѣзжаютъ по французскимъ желѣзнымъ дорогамъ, на французскихъ пароходахъ, поощряютъ парижскую отельную и всякую другую промышленность и вездѣ оставляютъ милые слѣды своего пребыванія. Нужно посылать флотъ, нужно давать директивы офицерству.

Прекрасны глаза иностранцевъ и иностранокъ, но les affaires sont des affaires,—увеселенія стоятъ денегъ. Вы средній человѣкъ и по среднему устраиваетесь въ Ниццѣ. Вы платите 12—14 франковъ за хорошую комнату и сносный пансіонъ—относительно дешево, такъ какъ вы соображаете, что за эту цѣну вы не проживете съ такими же удобствами въ какой-нибудь тульской или нижегородской гостиницѣ. Съ васъ даже не берутъ сезоннаго сбора, какъ въ Ялтѣ и въ нѣмецкихъ курортахъ, но... увеселенія окружены барьеромъ. Чтобы посмотрѣть ту же bataille des fleurs или карнавалъ, вы должны платить деньги, чтобы васъ пропустили черезъ барьеръ — 10 франковъ, 5 фр., 3 фр.

Вамъ ничего не стоитъ слушать оркестръ въ городскомъ саду и оркестръ въ вашемъ отелѣ, но поговорите съ хозяиномъ и вы узнаете, что онъ платитъ въ муниципалитетъ за право приглашать оркестръ огромную сумму. Вы платите особенную, такъ сказать, ниццскую прибавочную стоимость за вашу комнату, за галстухъ въ магазинѣ, за кофе въ ресторанѣ. Вы идете въ Casino, въ Jétée, въ оперу, въ драму, ѣздите по желѣзной дорогѣ, въ трамваѣ,—въ Ментону, въ Каннъ.

По утрамъ на Promenade des Anglais у воротъ роскошныхъ отелей можно видѣть такую картину. Подъѣзжаетъ машина, протягивается изъ нея кишка въ отель, бродитъ по этажамъ и высасываетъ пыль изъ отелей.

Приблизительно такая же непрерывно дѣйствующая машина высасываетъ деньги изъ кармановъ милыхъ гостей. И это дѣлается по-французски мило, ласково и обходительно, безъ грубыхъ пріемовъ, — такъ мило и культурно, что пріѣзжій человѣкъ совершенно не замѣчаетъ, какъ превращаются въ пыль и улетаютъ неизвѣстно куда его фунты стерлинговъ, рубли и гульдены и марки. Въ началѣ сезона ежегодно устраивается великолѣпный вечеръ въ Casino municipale въ пользу сотрудниковъ ниццской прессы. Тамъ

десять франковъ входъ, но внутри барьеры. Вы должны заплатить 2 франка за входъ въ устраиваемый внутри Casino cabaret, два франка за другое учрежденіе, 2 фр. за третье, и оказывается, входной билетъ уже вамъ обходится въ 17 фр. И много такихъ вечеровъ устраивается въ сезонъ. На воротахъ Jétée красуется весь день надпись: Entrée libre, но, если вы повѣрите и вздумаете пройти, хотя бы утромъ или въ 3—4 часа, когда нѣтъ спектакля, васъ попросятъ заплатить два франка и объяснятъ, что entrée libre не сегодня и не въ тѣ часы, а неизвѣстно когда и неизвѣстно въ какіе часы.

Но вы не увидите наглости, грабительства, оскаленныхъ зубовъ. Все устраивается мило, культурно, незамѣтно для васъ, и на всѣхъ ниццскихъ лицахъ,—и въ магазинахъ, и въ отеляхъ, и въ ресторанахъ, и въ казино,—лежитъ милое, ласково или почтительно ждущее, такъ сказать, желающее, быть можетъ, нѣсколько жадное выраженіе.

Вы встрѣтите наглость развѣ только въ самыхъ дорогихъ отеляхъ, если вы просто Ивановъ, Степановъ, Шульцъ, не имѣете частички de предъ фамиліей, не графъ, не маркизъ, не дюкъ, не виконтъ и не русскій „excellence“, если вы очень торгуетесь, если вы удовлетворяетесь комнатой на сѣверъ, но это потому, что у этихъ важныхъ швейцаровъ и великолѣпныхъ лакеевъ, которые завтра откроютъ свой отель, манеры приспособлены для графовъ, дюковъ, excellence, и въ ихъ лексиконѣ просто нѣтъ приличныхъ словъ для Иванова, для Шульца. Да, вамъ оскалятъ зубы, если вашъ родственникъ вздумаетъ умирать въ отелѣ, но не огорчайте отельныхъ людей — въ Ниццу ѣздятъ жить, а не умирать, — не устраивайте скандала. Тогда, конечно, съ вашимъ мертвымъ человѣкомъ церемониться не будутъ. Съ васъ, родныхъ мертвеца, сдерутъ колоссальную цифру за дезинфекцію, которая стоитъ два двугривенныхъ, васъ заставятъ заплатить за уничтоженіе мебели, постели, ковровъ, которые на другой же день превосходно будутъ служить слѣдующему жильцу, васъ прямо ограбятъ, если вы вздумаете увозить вашего мертваго въ Россію, но виноваты вы сами — не возите тяжелыхъ больныхъ въ веселую Ниццу, не вздумайте умирать тамъ, гдѣ люди должны словословить денно и нощно Côte d'azure, цѣлебное ниццское солнце, великолѣпныя горы и чудодѣйственное море. Васъ попытаются ограбить и въ Ялтѣ, но тамъ культура еще не вполнѣ развернулась, здѣсь другой, болѣе широкій размахъ, и потомъ вы не можете нигдѣ справиться, и думаете, что такъ и нужно.

Ницца, — увы! — демократизировалась. Американцы плаваютъ на своихъ яхтахъ по всѣмъ морямъ и только на перепутьи заглядываютъ въ Ниццу, англичане ѣдутъ въ Египетъ,

въ Цейлонъ, или устраиваются на итальянской Ривьерѣ, и въ прошлый и нынѣшній сезонъ хорошо „работали“ только буржуазные отели,—и тѣмъ не менѣе Ницца,—вся ея жизнь,—ея отели, рестораны и увеселенія налажены только для богатыхъ людей и притомъ гулящихъ, желающихъ веселиться людей. Есть пансіоны на 8—9 франковъ, но тамъ уже недоѣданіе, и отели до 13—14 франковъ безъ центральнаго отопленія, съ каминами, отопляющими небо, а не комнату.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, нагруженный ялтинскими заботами о пріѣзжихъ больныхъ, я спросилъ покойнаго д-ра Эльсница, какія у нихъ въ Ниццѣ имѣются санаторіи для тяжелыхъ больныхъ и какія учрежденія, обслуживающія интересы бѣдныхъ пріѣзжихъ больныхъ...

— Къ намъ бѣдные не ѣздятъ... — получилъ я отвѣтъ.

Оказалось, что въ Ниццѣ, безконечно давно существующей, какъ курортъ для легочныхъ больныхъ, нѣтъ никакихъ санаторій даже для богатыхъ больныхъ, нѣтъ ни благотворительныхъ обществъ, облегчающихъ жизнь недостаточнымъ больнымъ, ни дешевыхъ пансіоновъ, спеціально для этого приспособленныхъ. Есть нѣмецкое и евангелическое общество, имѣющее пріютъ, гдѣ, благодаря внесеннымъ нѣсколько русскими капиталамъ, Эльсницу удавалось помѣщать за 3 франка случайно появлявшихся на Ривьерѣ бѣдныхъ русскихъ больныхъ. Существуютъ клерикальныя убѣжища, содержимыя „сестрами“ для правовѣрныхъ католиковъ, есть превосходный домъ, хорошо обставленный, для больныхъ французскихъ офицеровъ, пожертвованный, кажется, дочерью Гейне—вотъ и все. И въ этой старой Ниццѣ вы не встрѣтите и десятой доли той заботы о больномъ человѣкѣ, которая кладется хотя бы въ той же маленькой Ялтѣ.

— Къ намъ бѣдные не ѣздятъ!

За морганатическими людьми, за увеселеніями иностранцевъ существуютъ, конечно, мѣстные люди и мѣстная жизнь. За первой и второй страницами мѣстныхъ газетъ, полными отчетами и извѣстіями о пріѣздахъ и отъѣздахъ морганатическихъ людей, отчетами о matinées, soirées, menu обѣдовъ, идутъ дѣла мѣстныя. Съ восторгомъ сообщается, что honorable докторъ Z., сынъ honorable негоціанта X., сочетался законнымъ бракомъ съ дочерью — charmante fille — другого honorable судьи, а honorable avocat въ близкомъ времени женится на чрезвычайно charmante fille содержателя извозчичьихъ каретъ, офицеръ на дочери нотаріуса, — всѣ они родственники, всѣ они люди ниццскаго „нашего круга“ и

газета неизмѣнно радуется, восхищается и шлетъ свои наилучшія пожеланія. Съ грустью сообщается, что 78-лѣтняя почтенная превосходная женщина, мать нашего превосходнѣйшаго негоціанта и превосходнаго brave homme капитана и чудеснаго нашего доктора умерла, и газета присоединяетъ свое крайнее горе и печаль къ скорби родственниковъ и подробно перечисляетъ какъ всѣ „люди нашего круга" принимали участіе въ скорби родственниковъ,—и мэръ и другіе honorables негоціанты, доктора, адвокаты, офицеры. Но газета тутъ же утѣшается и съ радостью и гордостью сообщаетъ, что у нашихъ honorables citoyens — владѣльца чудеснаго магазина и его супруги дочери нашего извѣстнаго и почтеннаго врача У.—вчера родился ребенокъ. Ребенокъ родится неизмѣнно superbe и газета шлетъ свои превосходныя пожеланія супругамъ и superbe bébé. Они превосходные, ниццскіе литераторы, и у нихъ много такта. Даже если родятся двойни, что, по французскимъ понятіямъ является божьимъ наказаніемъ, а никоимъ образомъ не благословеніемъ, они умѣютъ найти надлежащій тонъ и хотя уже не говорятъ „superbes", но галантно и политично привѣтствуютъ, въ такомъ смыслѣ, что тѣмъ не менѣе мы шлемъ наилучшія пожеланія и родителямъ, и bèbès.

Науками и искусствами газеты не обременены такъ, какъ не обременена ими ниццская жизнь. Коротенькія сухія строчки сообщаютъ о лекціи какого-нибудь шалаго учителя лицея, задумавшаго читать лекцію по философіи въ Ниццѣ, или о conférence, въ которомъ начальница женскаго учебнаго заведенія преподноситъ сентенцію о морали или о художественной выставкѣ, съ бору, съ сосенки собранной въ Ниццѣ изъ нераспроданныхъ въ Парижѣ картинъ, но вы напрасно будете искать на другой день отчета о лекціи по философіи и о конферансѣ о морали, такъ какъ это не menu, не soirée, не matinée и не reception.

Тамъ есть передовицы, гдѣ обсуждаются серьезные общіе французскіе государственные интересы. Экспедиція въ Марокко, гдѣ нужно поддерживать честь французской націи до конца; автомобильный конкурсъ въ Америкѣ, гдѣ тоже нужно поддерживать честь Франціи; громовая статья по поводу разговоровъ объ отмѣнѣ смертной казни, которой добиваются радикалы, соціалисты и анархисты, эти враги общественной безопасности и покровители вагабондовъ и апашей, разносится на всѣ корки père Combe, глава разрушителей церкви и религіи, осторожно, но вразумительно говорится объ оскорбленіи, которое наносятъ арміи, заставляя ее участвовать въ перенесеніи въ Пантеонъ праха Золя,—того самаго Золя, который такъ оскорбилъ армію

въ своемъ „Débacle“. Горячее негодованіе и пылкое гражданское чувство звучитъ иногда въ передовицахъ. Какой-то негодяй написалъ въ бельгійскихъ газетахъ, что въ Ниццѣ пасмурно и холодно. „Мы готовы—такъ гражданскипатетически заканчивается статья—привезти на свой счетъ этого журналиста въ Ниццу и уткнуть его физіономіей въ ослѣпительное солнце на Côte d'azure.“ А чрезъ нѣсколько дней помѣщается утѣшительная замѣтка, что даже въ Бельгіи есть правдивые голоса, такъ какъ тамъ напечатано о прекрасной погодѣ въ Ниццѣ. Гражданскі негодующе говорится о Швейцаріи, распространяющей завѣдомо лживыя свѣдѣнія о брюшномъ тифѣ и объ оспѣ въ Ниццѣ и коварно-недобросовѣстно переманивающей къ себѣ гостей своими холодными, скверными patinage'ами.

Негодованіе и сердитый тонъ утомляютъ французовъ, и милому гостю не слѣдуетъ давать въ большихъ дозахъ какія бы то ни было огорчительныя статьи,—поэтому большинство передовицъ посвящено темамъ болѣе возвышеннымъ, деликатнымъ и тонкимъ. Обсуждается, напримѣръ, съ обычной французской дѣловитостью, вопросъ о хорошихъ женскихъ именахъ. Къ сожалѣнію, я пропустилъ передовицу о хорошихъ мужскихъ именахъ и прочиталъ только оправданіе автора передъ корреспонденткой, которая написала ему негодующее письмо по тому случаю, что онъ не помѣстилъ въ число прекрасныхъ мужскихъ именъ Felix,—ея Феликса, у котораго такіе великолѣпные усы и глаза всегда полны огня и котораго она такъ безмѣрно любила. Я не скажу, чтобы авторъ удачно оправдывался, у него былъ несомнѣнно сконфуженный видъ, но за то статья его о хорошихъ женскихъ именахъ была безукоризненна и возраженій я не встрѣчалъ. Съ знаніемъ дѣла и съ серьезной дозой philosophie онъ объективно сообщаетъ, что Марты и Сюзаны практичны и превосходныя хозяйки. Правда, въ нихъ есть немножко мужского, онѣ нѣсколько строптивы, но умѣютъ любить. Люси и Мадлены мечтательны и необыкновенно милы,—быть можетъ, нѣсколько кокетливы, склонны къ увлеченіямъ, но превосходно умѣютъ любить. Строго говоря, всѣ французскія имена подразумѣваютъ превосходныхъ дамъ, которыя въ той или иной мѣрѣ прекрасныя хозяйки и очень хорошо умѣютъ любить, но лучше всѣхъ Жанны и Женевьевы, у которыхъ есть и rêverie, и благоразуміе, и превосходныя хозяйственныя способности и которыя лучше всѣхъ умѣютъ любить.

Бываютъ передовицы съ широкимъ масштабомъ, посвященныя общечеловѣческимъ вопросамъ, напримѣръ: кому принадлежитъ будущее: блондинкамъ или брюнеткамъ? Тутъ

ужъ все philosophie—очень много philosophie, и Дарвинъ и подборъ, мнѣнія англійскихъ и германскихъ авторитетовъ. Вопросъ остается подвѣшеннымъ въ воздухѣ, авторъ въ глубокомъ раздумьи стоитъ передъ дилеммой, такъ какъ его личное отношеніе раздваивается между превосходными брюнетками и чудесными блондинками.

А потомъ Парижъ... Парижъ, устанавливающій ordre du jour Франціи, Парижъ, вбирающій въ себя всѣ соки страны и декретирующій Франціи идеи, моды, поведеніе, весь укладъ жизни...

Мѣстная, въ собственномъ смыслѣ ниццская, жизнь очень проста, лишена иллюзіи, фиговыхъ листковъ и необыкновенно правильна.

Есть большая жирная рыба тонъ, которая играетъ важную роль въ питаніи людей Ривьеры. Обыкновенно она идетъ густыми стаями по Средиземному морю мимо береговъ Ривьеры и ловится въ огромномъ количествѣ. Но бываютъ какія-то трудно учитываемыя климатическія, атмосферическія вліянія, которыя вдругъ неизвѣстно почему направляютъ рыбу тонъ въ другія моря, къ другимъ берегамъ. Есть иностранецъ... И весь вопросъ мѣстной жизни, идетъ-ли онъ достаточно густой стаей къ ниццскимъ берегамъ. Отъ этого зависитъ, строятся-ли новые дома, проводятся-ли новыя дороги, какія „сбереженія“ дѣлаются домовладѣльцами, отельщиками, ресторанщиками, магазинщиками, въ какомъ размѣрѣ получаютъ на чай многочисленныя категоріи чаевыхъ людей, бьющихся около иностранца, и весь вопросъ, всѣ идеалы и перспективы ниццскаго будущаго—направить эту хорошую, жирную, но глупую рыбу къ должнымъ берегамъ. Въ этомъ программа и платформа той экономической категоріи, я бы сказалъ, того родственнаго блока, онораблей коммерсантовъ, нотаріусовъ, докторовъ, адвокатовъ и прочихъ категорій правильныхъ ниццскихъ людей, которые объединены родственными и другими интересами и которые являются хозяевами Ниццы. На этой программѣ-платформѣ совершаются выборы въ ниццскій муниципалитетъ и депутатовъ въ Національное Собраніе, на ней стоитъ управляющая Ниццой партія теперешняго мэра. И стоитъ, повидимому, надолго непоколебимо. Они, конечно, республиканцы, но нѣкоторая тоска по суверенамъ не покинула ихъ. Они очень либеральны, но не порываютъ своей старинной дружбы съ клерикалами.

Есть, конечно, борьба за выборы въ муниципалитетъ и депутатовъ въ Парижъ, но методы борьбы упрощены и позиція выбрана правильная. Партія мэра доказала свою

способность услуживать иностранцамъ, а потомъ она провела въ муниципалитетѣ законъ—Ницца для ниццаровъ,—по которому извозчикомъ съ собственной лошадью и экипажемъ можетъ быть въ Ниццѣ только ниццскій человѣкъ, французскій подданный. Благодаря этому закону, итальянскіе извозчики, ежегодно во множествѣ пріѣзжавшіе изъ Турина и Пьемонта на своихъ лошадяхъ и экипажахъ на зимній сезонъ, какъ ѣздятъ „калуцкіе" и рязанскіе мужики извозничать въ Москву и Петербургъ, должны были уѣхать изъ Ниццы и ликвидировать свои дѣла, или работать въ качествѣ наемныхъ извозчиковъ у ниццскихъ хозяевъ. И съ тѣхъ поръ всѣ извозчики голосуютъ и, вѣроятно, будутъ долго голосовать, какъ одинъ, за партію теперешняго мэра. Есть другія группы населенія, которыя можно такъ или иначе купить муниципальными мѣропріятіями. Наконецъ, есть безчисленныя, какъ вообще во Франціи, buvettes, гдѣ формируется общественное мнѣніе, создается должное настроеніе, и обѣщаніе мѣстъ, и пять—десять франковъ на человѣка, во-время, умѣючи данные должнымъ группамъ населенія, обезпечиваютъ правильные выборы. И просто обыватель, зависимый такъ или иначе отъ иностранцевъ, не за пятифранковикъ, а за совѣсть, будетъ вотировать за тѣхъ, кто умѣетъ имѣть должное обращеніе съ суверенами и морганатическими людьми, кто умѣетъ устраивать потребныя увеселенія, должный chic, кто сумѣетъ бороться съ враждебными націями—Египтомъ, Цейлономъ и Швейцаріей, оттягивающими теперь англичанъ и американцевъ, а не за тѣхъ, кто, какъ соціалисты въ „La Lutte sociale",—не умѣющіе и разговоръ должный имѣть съ иностранцами, борятся за улучшеніе санитарныхъ условій города, за устройство для школьниковъ хорошихъ помѣщеній вмѣсто теперешнихъ, сырыхъ, тѣсныхъ и холодныхъ, никогда не видящихъ солнца. Все это—превосходныя вещи, но не было въ Ниццѣ канализаціи, каждую зиму былъ брюшной тифъ и тѣмъ не менѣе иностранецъ ломился въ Ниццу—отсюда выводъ, что нужно чѣмъ-нибудь перешибить враждебныя націи, и, конечно, тѣмъ, чѣмъ сильна Франція и Ницца—интересностью, увеселеніями, шикомъ. И въ этомъ смыслѣ, конечно, гораздо важнѣе расходовать городскія деньги на то, чтобы устроить patinage, увеличить трамвайную линію, съ большимъ шикомъ подготовить ближайшій карнавалъ, чѣмъ оздоровлять старый городъ, съ его узкими и грязными улицами, гдѣ вырастаютъ дѣти безъ солнца, какъ герань въ подвальномъ этажѣ. Та же партія владѣетъ и выборами въ депутаты въ Парижъ и Рувье прошелъ отъ Ривьеры и, должно быть, тамъ воспи-

талъ въ себѣ спеціальную любовь къ русскимъ и тяготѣніе къ содержимому ихъ кошельковъ.

Въ Ниццѣ живутъ не одни honorables коммерсанты и отельщики и не одни „чаевые“ люди, тамъ есть рабочіе, туда тянутъ земледѣльческія общины, группирующіяся около Ниццы. Есть маленькая соціалистическая газета „La Lutte sociale“. Она выходитъ разъ въ недѣлю по субботамъ, она маленькая и бѣдненькая,—и матеріальными средствами, и литературными талантами. Рабочій—редакторъ ея, рабочіе и рѣдкіе друзья изъ интеллигенціи—сотрудники, и именно потому, что газета ведется рабочими и обслуживаетъ рабочіе интересы, она отражаетъ мѣстную жизнь не подъ исключительнымъ угломъ иностранца, отражаетъ не только ресторанно-отельную, но и настоящую мѣстную жизнь рабочихъ и общинъ, тянущихъ къ Ниццѣ.

Тамъ тоже шлютъ привѣтствія сочетавшимся законнымъ бракомъ каменщику Perrotier съ бѣлошвейкой Donnati, но въ этихъ поздравленіяхъ подчеркивается, что бракъ заключался только въ мэріи, безъ участія духовенства. Иногда поясняется, что жениху и невѣстѣ пришлось изъ-за этого вести серьезную борьбу, такъ какъ семьи ихъ настаивали на освященіи брака въ церкви. Тамъ регистрируются подробнымъ образомъ всѣ собранія рабочихъ и соціалистическихъ организацій и вы узнаете, что въ Villefranche и даже въ день bataille de fleurs происходило очередное засѣданіе соціалистическаго общества и что въ общинѣ, въ горахъ, высоко надъ Ниццей, произошло открытіе народнаго университета, что въ общинахъ устраиваются лекціи и conferenc'ы, что кюре изъ такого-то прихода занимается разведеніемъ фіалокъ для продажи въ Ниццу для этихъ же batailles de fleurs, такъ какъ ему нечѣмъ жить. Они скудны и бѣдны красками, эти короткія извѣстія маленькой газетки, и нужно отыскать людей, хорошо знающихъ мѣстную жизнь не подъ угломъ отельно-прирожденной гибкости зрѣнія. Тогда выступаютъ краски, тогда вскрывается мѣстная жизнь и съ нѣкоторымъ удивленіемъ узнаешь, что тутъ-же рядомъ съ Ниццей бьется другая жизнь, настоящая, своя собственная, игнорирующая иностранцевъ, что совершается какой-то переломъ, и новыя пѣсни, новый воздухъ несется съ горъ. Люди стремятся освободиться отъ давняго бремени, лежавшаго на нихъ,—бремени тьмы и клерикализма. Поднялся спросъ на внѣшкольное образованіе, а сельскіе учителя и учительницы начинаютъ важничать, такъ какъ въ конфликтахъ, возникающихъ въ сельской жизни, кюре не да-

вить ихъ, какъ прежде. И сами кюре претерпѣваютъ, повидимому, сложную и мудреную эволюцію. Французскіе буржуа чрезвычайно почитаютъ религію—это священная вещь, но когда нужно оплачивать ее своими пятифранковиками,—это надо подумать. Можно было грозить и утѣшать, когда обсуждался вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, что они, вѣрующіе, съ избыткомъ покроютъ ущербъ духовенства отъ этого отдѣленія, можно было даже палками и кулаками противиться выселенію конгрегацій и отобранію церквей, — но когда потребовались подлинные серебряные пятифранковики, они рѣшили, что объ этомъ нужно подумать. И они думаютъ въ томъ смыслѣ, что религія прекрасная вещь, но пятифранковикъ имѣетъ самодовлѣющую цѣнность и реальность болѣе убѣдительную, чѣмъ спасеніе души. И французское сельское духовенство, повторяю, повидимому, переживаетъ сложную и мудреную эволюцію. Оно,—именно сельское духовенство, попыталось устраивать общества взаимопомощи въ родѣ тѣхъ mutuelles, которыя охватили всю Францію, но архіепископы, по указанію, изъ Рима, не одобрили эту мѣру и низшее духовенство Франціи предоставлено самому себѣ. Имъ нечѣмъ жить,—и одинъ кюре занимается разведеніемъ фіалокъ, другой разводитъ и продаетъ кроликовъ и я знаю случай, гдѣ кюре около Ниццы выучился слесарному искусству и добываетъ себѣ хлѣбъ, какъ кузнецъ, столяръ, плотникъ и другіе ремесленники общины. Можетъ быть, это и будетъ демократизаціей и настоящимъ возрожденіемъ католицизма—я не знаю, — быть можетъ, трудъ облагородитъ и сблизитъ съ населеніемъ низшее французское духовенство, но люди, знающіе мѣстную жизнь, утверждаютъ, что отдѣленіе церкви отъ государства уже сказалось большими послѣдствіями въ строѣ мѣстной деревенской жизни и скажется еще большими. И именно въ этой южной горной Франціи, которая всегда была гнѣздомъ клерикализма, гдѣ отсутствовали соціалистическія организаціи и немыслимы были народные университеты и конферансы съ мѣстными и пріѣзжими лекторами.

Бываютъ конферансы въ собраніяхъ рабочихъ и въ Ниццѣ. Четыре года назадъ мнѣ пришлось быть на лекціи заѣзжаго оратора-соціалиста. Молодой человѣкъ съ пышной шевелюрой, удивительно похожій, даже по манерамъ, на представителя русскаго третьяго элемента, разбиралъ философію и моральное ученіе Льва Толстого. Я помню горячія пренія, возникшія послѣ доклада между приверженцами и противниками Льва Толстого. Въ нынѣшнемъ году пріѣзжалъ Себастіенъ

Форъ,—страшный парижскій анархистъ Себастіенъ Форъ. Огромныя кроваво-красныя афиши,—увы, ихъ мало было расклеено!—извѣщали публику, что Себастіенъ Форъ прочтетъ лекцію на тему „Le droit de punir"—„право наказанія" и короткія фразы съ восклицательными знаками излагали резюмэ доклада.

Русскихъ было мало,—кромѣ насъ, кучки въ пять человѣкъ, мелькали въ толпѣ одинокія молодыя мужскія и женскія лица, въ которыхъ сразу узнаешь русскихъ людей,—несомнѣнно изъ той арміи, насчитывающей, по словамъ свѣдущихъ людей, болѣе двухъ сотъ тысячъ, выброшенныхъ въ послѣдніе два-три года изъ предѣловъ Россіи и такъ или иначе не устраивающихся въ Западной Европѣ русскихъ людей.

То былъ „театръ",—сырой, холодный и голый сарай, въ родѣ тѣхъ многочисленныхъ парижскихъ залъ для собраній районныхъ рабочихъ организацій, которые почему-то всегда выглядятъ нищими, голыми, холодными и мрачными. Но за то было весело отъ тѣхъ лицъ, которыя биткомъ наполнили длинное, неуклюжее зданіе. Еще четырнадцать лѣтъ назадъ, когда я былъ въ первый разъ въ Парижѣ и случайно попалъ на праздникъ соціалистовъ одного изъ французскихъ департаментовъ, меня поразила не то что красота, а интеллигентность, что-то особенно милое, оживленное въ рабочихъ, мужскихъ и женскихъ лицахъ. И прежде всего разнообразіе типовъ. Толпа парижанъ большихъ бульваровъ, буржуазныхъ ресторановъ, отелей и магазиновъ тогда, наоборотъ, поразила меня именно однотонностью лицъ, выраженій, костюмовъ, какой-то плоской скучностью, которой я не ожидалъ именно отъ парижскихъ лицъ. Быть можетъ, именно то, что рабочіе болѣе подвижный элементъ, менѣе осѣдлый, перекочевывающій съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ, и болѣе молодой по возрасту, давало это впечатлѣніе яркости и особой интересности. Здѣсь на фонѣ темныхъ ниццарскихъ лицъ, съ характернымъ оттѣнкомъ курчавости волосъ, какъ отдаленнаго воспоминанія примѣси африканской крови, эти французскія лица были особенно характерны. И не было въ нихъ того жаднаго, немного хищническаго выраженія, которое лежитъ на буржуазныхъ ниццскихъ лицахъ.

На эстрадѣ сидѣлъ комитетъ, какой-то старикъ, сухой и жилистый рабочій, и двое молодыхъ. Старикъ стрекомендовалъ вошедшаго на эстраду Себастіена Фора, встрѣченнаго долгими и дружными аплодисментами. Онъ былъ совсѣмъ не страшный. Съ лысымъ черепомъ, средняго роста, съ умнымъ, привѣтливымъ и очень простымъ лицомъ, онъ по-

ходилъ на обыкновеннаго французскаго обывателя средняго класса. Онъ заявилъ публикѣ, что разсмотритъ вопросъ о правѣ наказанія съ философской, исторической и государственно-юридической точекъ зрѣнія, но предварительно долженъ остановиться на самой темѣ и разъяснить, что дѣло идетъ совсѣмъ не о смертной казни, отмѣна которой давно поставлена на очередь не только соціалистами, но и радикалами и даже просто добрыми людьми. Его тема шире, онъ не останавливается только у порога гильотины, какъ дѣлаютъ тѣ другіе, но не признаетъ за государствомъ и обществомъ права наказанія по существу. Онъ говоритъ о подкладкѣ, на которой стоитъ современное право вообще и право наказанія въ частности, о классовыхъ основахъ государства и доказывалъ, что все это предназначено для охраны кошельковъ богатыхъ людей и ихъ пріятнаго времяпрепровожденія жизни. Милый Себастіенъ Форъ! Нужно было слышать, какъ энергично и рѣшительно опровергалъ онъ шаблонное мнѣніе, что смертная казнь—лишеніе жизни—нѣчто особенное и выдѣляется по существу изъ ряда другихъ наказаній,—и какъ трогательно рисовалъ картину длительнаго лишенія свободы, тюремнаго заключенія, каторги. Тутъ была неизмѣнная французская „o, ma mère, ma pauvre mère!"... Что такое смерть,—говорилъ онъ,—минута, мгновеніе!.. А если это дѣлается такъ, какъ во Франціи, картинно, парадно, въ присутствіи многотысячной толпы, то тутъ есть, я не скажу, очень пріятное, но извѣстное чувство удовлетворенія. А тамъ, въ тюрьмѣ—одиночество, долгія думы и горькія воспоминанія, думы о дѣтяхъ, объ отцѣ, о милой матери, воспоминанія о возлюбленной... Послѣднее было особенно трогательно изображено и вызвало взрывъ апплодисментовъ.

Вполнѣ благополучно прошли историческая, философская и государственно-юридическая точки зрѣнія.

Себастіенъ Форъ—несомнѣнный французъ и несомнѣнно блестящій ораторъ. Онъ зналъ толпу и умѣлъ владѣть ею, онъ зналъ, когда публика можетъ потерять нить размышленій, можетъ утомиться, и блестящей фразой и великолѣпнымъ жестомъ закруглялъ нить разсужденій, а вовремя вставленное bon mot вызывало взрывы хохота и снова изощряло вниманіе публики.

Я люблю эти французскіе жесты. Онъ аргументируетъ противъ себя, серьезно и неотразимо, загибаетъ пальцы, сжимаетъ ладони, но, когда разжимаетъ ладони и разводитъ руками, отъ этихъ противорѣчивыхъ аргументовъ не остается ничего.

Я не буду передавать его историческую, философскую и прочую аргументацію. Быть можетъ, она была нѣсколько

коротка и скоропалительна, быть можетъ, она была въ той-же мѣрѣ недостаточно убѣдительна, какъ и его сравненіе смертной казни съ другими наказаніями и, такъ сказать, выставленіе преимуществъ смертной казни предъ тюрьмой, но она была убѣдительна для той французской публики, которая слушала его. Это была все та же французская манера закругленныхъ періодовъ, упрощенныхъ силлогизмовъ, не всегда обоснованныхъ посылокъ, но всегда блестящихъ выводовъ, то мастерство, та скульптурность формы рѣчи, которая съ примѣсью ma mère, ma pauvre mère, составляетъ неизмѣнную принадлежность французскихъ писателей и ораторовъ, будетъ ли то Гизо или Мишле, Сентъ-Бевъ или Брюнетьеръ, Клемансо или Жоресъ, Гамбетта или Себастіенъ Форъ... Все было склеено превосходно, части были безукоризненно пригнаны одна къ другой, архитектура была совершенна,—и, когда снова, резюмируя рѣчь все тѣмъ же богатствомъ и бѣдностью, угнетателями и угнетаемыми, Форъ крикнулъ толпѣ: какой же выходъ?—Могучій голосъ загремѣлъ: „Revolution!“ И взрывъ бурныхъ аплодисментовъ подкрѣпилъ отвѣтъ толпы.

Да, революція, одна революція, только революція, страшная революція, которая разрушитъ всѣ соціальныя перегородки, разломаетъ всѣ государственныя крѣпы, смететъ съ лица земли всю кровавую грязь настоящаго, только она, говоритъ Себастіенъ Форъ, установитъ то свѣтлое будущее, гдѣ не будетъ принужденія и гдѣ безсмысленно будетъ слово „наказаніе!“

Зала гремѣла отъ рукоплесканій. Это было такъ непреложно, все было такъ убѣдительно, что, когда предсѣдатель собранія предложилъ высказаться и сдѣлать возраженія (что было оговорено въ афишѣ),—протянулась длинная минута молчанія и не нашлось желающихъ возражать.

Я собрался уходить, но самое интересное оказалось впереди. Снова появился Себастіенъ Форъ. Это былъ другой Себастіенъ Форъ. Безъ яростной жестикуляціи, безъ трубныхъ звуковъ, безъ пафоса, это былъ добрый и милый обыватель, пришедшій по душамъ побесѣдовать со своими пріятелями.

— Я нѣсколько задержу васъ, друзья мои, — говорилъ онъ—личнымъ дѣломъ. Я объясню вамъ, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ послѣ долголѣтней разлуки и на что собираю я съ васъ деньги (лекція была платная). Оказывается, что Себастіенъ Форъ и нѣсколько друзей его устроили гдѣ-то около Парижа школу для брошенныхъ дѣтей, насколько я помню, отъ 5 до 14 лѣтъ,—на 16 мальчиковъ и 16 дѣвочекъ. Школа устроена на особыхъ основаніяхъ, она даетъ дѣтямъ обще-

образованіе и ремесло, съ такимъ разсчетомъ, чтобы мальчики и дѣвочки выходили уже готовыми къ жизни, могли зарабатывать себѣ хлѣбъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являлись носителями идей будущаго строя.

Основнымъ же принципомъ нравственнаго воспитанія является устраненіе всякаго принужденія и исключеніе какихъ бы то ни было наказаній. Себастіенъ Форъ тамъ директоръ, учитель, воспитатель, экономъ, садовникъ, а въ случаѣ нужды и поваръ.

Это было необыкновенно. Было трогательно слушать и нельзя было не улыбаться, когда, послѣ страшныхъ словъ о всеобщемъ разрушеніи, Себастіенъ Форъ началъ разсказывать о порядкахъ въ школѣ и о своихъ отношеніяхъ съ воспитанниками.—О! мы друзья. Они лѣзутъ ко мнѣ на спину, виснутъ на шеѣ, тащатся на моихъ рукахъ, они, конечно, держались бы и за мои волосы, еслибы они были немножко длиннѣе! (Взрывъ хохота). Вы понимаете, какое трудное имя Себастіенъ!—они зовутъ меня „Себастъ!“

— Себастъ! разскажи намъ то-то, — Себастъ! пойдемъ гулять.

Себастъ идетъ гулять. Вы думаете, у меня не бываетъ осложненій? Вы думаете, у меня они не дѣлаютъ преступленій? О, конечно—да. Вотъ недавно мы пошли гулять, и одинъ мальчикъ отнялъ у товарища ножикъ и побилъ его. Что же—наказаніе? Нѣтъ, друзья. Я говорю преступнику: ты видишь, твой товарищъ плачетъ, ты видишь, какъ намъ всѣмъ скучно стало, ты видишь, какъ ты огорчилъ Себаста. И крупныя слезы, какъ жемчужины, засверкали на глазахъ, и цѣлый каскадъ чистыхъ, драгоцѣнныхъ слезъ полился изъ глазъ его... Онъ бросился ко мнѣ на шею и повторялъ: Себастъ! о, Себастъ!

И вотъ, друзья мои, намъ не помогаетъ ни община, ни государство, а у насъ, какъ и у министра финансовъ—(взрывъ хохота)—есть бюджетъ—нормальный 32 тысячи, и есть бюджетъ чрезвычайный, такъ какъ недохватки всегда бываютъ. Вотъ мы и ѣздимъ, читаемъ лекціи, вотъ я и пріѣхалъ къ вамъ. И послѣ завтра я опять прочитаю лекцію. Вы знаете, товарищи, какъ дороги афиши, а мы бѣдны,—говорите товарищамъ, говорите сосѣдямъ, вы поможете жить нашему хорошему дѣлу.

Такъ окончилъ рѣчь анархистъ Себастіенъ Форъ.

Въ передней на двѣ тарелки сыпались мѣдяки, бѣлѣли одинокіе франковики и полуфранковики, и веселый, довольный Себастіенъ Форъ въ помятой шляпѣ, въ старенькомъ пальто пожималъ руки знакомымъ.

Было какъ-то особенно весело возвращаться домой съ

лекціи Себастіена Фора, и почему-то особенно думалось о нихъ, о французахъ, объ этихъ удивительныхъ людяхъ: особенно хотѣлось разгадать ихъ, понять.

Если исключить нѣкоторыя неправильности въ родѣ La Lutte sociale и гастролей Себастіена Фора, то ниццская жизнь явится удивительно простой, правильной и завидно понятной.—Къ намъ бѣдные не ѣздятъ...

Правильны и тѣ, и другіе, — и бѣдные, которые знаютъ, что имъ незачѣмъ ѣздить въ Ниццу и нужно помирать въ своемъ мѣстѣ, и „мы“, освобожденные отъ всякихъ „долговъ“. А въ неправильной Россіи бѣдные люди ѣдутъ въ Ялту, и ялтинскіе люди неизвѣстно по какому случаю бѣгаютъ, суетятся, устраиваютъ санаторіи для бѣдныхъ, и ялтинскіе онорабли и люди общества почему-то стараются приспособить ялтинскую жизнь къ нуждамъ тѣхъ, кто, кромѣ огорченія, ничего не даетъ Ялтѣ. И неправильная Ялта огорчаетъ милыхъ гостей и каждую недѣлю оповѣщаетъ, сколько было за недѣлю случаевъ скарлатины и брюшного тифа.

Кажется, это называется недостаточной культурой, недостаточнымъ углубленіемъ классовыхъ противорѣчій. Я встрѣтилъ въ Ялтѣ только одного правильнаго человѣка, жандармскаго генерала, допрашивавшаго меня по поводу неблагонадежнаго, т. е. неправильнаго направленія ялтинскаго благотворительнаго общества. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, что мы пріютили въ пансіонѣ Яузляръ, къ которому я имѣлъ тогда близкое отношеніе, жандармскаго офицера (адъютанта Московскаго Жандармскаго Управленія), считалъ не совсѣмъ правильнымъ, но и не очень возражалъ противъ ежемѣсячныхъ выдачъ пособій пріѣзжему туберкулезному уряднику, но былъ категорически противъ нашихъ заботъ о студентахъ и курсисткахъ.

И не по тому одному, что нѣкоторые изъ нихъ были неблагонадежны и у нихъ производились обыски и „выемки“, а и потому, что и вообще эта забота о бѣдныхъ людяхъ неправильна.

— Помилуйте,—говоритъ онъ,—вы выдаете студенту 40 руб. въ мѣсяцъ!

— Семьѣ,—поправилъ я его,—жена и двое дѣтей.

— Все равно... Съ какой стати.

Тогда я его спросилъ:

— Такъ и сказать ему: помирай!

Генералъ почему-то ужасно разсердился, и лицо его сдѣлалось багрово-краснымъ.

— Такъ и сказать... Вотъ у меня сынъ нефритомъ бо-

ленъ. Доктора въ Египетъ посылаютъ. Я не могу изъ своего жалованья выдѣлять такія деньги.

Но онъ былъ одинъ, и другіе ялтинскіе генералы и князья, люди ялтинскаго общества, по крайней мѣрѣ тогда, 4 года назадъ, почему-то суматошились, раскрывали свои кошельки, собирали со своихъ знакомыхъ пріѣзжихъ, чтобы не умеръ жандармскій офицеръ и сапожникъ, пріѣхавшій изъ Томска, и студенческая семья, въ которой было двое туберкулезныхъ.

Въ Ниццѣ такихъ неправильностей нѣтъ и этическія глупости давно упразднены въ жизни. Деньги съ того вечера журналистовъ, о которомъ я упоминалъ, были распредѣлены только между сотрудниками буржуазныхъ газетъ, и соціалистамъ изъ La Lutte sociale ничего не досталось,—на томъ остроумномъ основаніи, что вечеръ устраивался для представителей ежедневной прессы, а маломощная и бѣдная соціалистическая газета выходитъ только разъ въ недѣлю. И это совершенно правильно, такъ какъ соціалистическая газета не только не увеселяетъ иностранцевъ, но даже не обладаетъ достаточнымъ патріотизмомъ, чтобы не огорчать его обнаруженіемъ кое-какихъ маленькихъ недостатковъ ниццскаго механизма. И посему по всей справедливости не имѣетъ права участвовать въ дѣлежѣ тѣхъ многочисленныхъ 17-ти франковъ, которые получились отъ иностранцевъ въ тотъ вечеръ въ награду за то, что ниццскія газеты не огорчаютъ и увеселяютъ ихъ, иностранцевъ.

Ниццскіе врачи недавно образовали синдикатъ, и ниццскіе медицинскіе синдикалисты начинаютъ свою дѣятельность съ того, что по доносу одного изъ врачей изгоняютъ изъ Ниццы и возбуждаютъ противъ него судебное преслѣдованіе за незаконную практику,—русскаго доктора Вальтера, практиковавшаго въ Ниццѣ 12 лѣтъ среди исключительно русскихъ паціентовъ, пока живъ былъ докторъ Эльсницъ (имѣвшій французскій дипломъ), сильный умомъ и авторитетомъ, противъ котораго не смѣли идти ниццскіе врачи.

Въ сосѣдней Италіи и въ томъ же Санъ-Ремо, куда долженъ былъ, бросивши все, переѣхать докторъ Вальтеръ, по итальянскимъ законамъ всякій иностранный врачъ имѣетъ неограниченное право практиковать среди своихъ соотечественниковъ, но Италія, какъ и Россія, страна неправильная, гдѣ многое неясно и не просто.

И это постановленіе медицинскихъ синдикалистовъ совершенно правильно — разъ рыба тонъ приплыла къ ниццкимъ берегамъ, она уже дѣлается ниццской, французской собственностью, и, какъ катающіеся люди принадлежатъ только ниццскимъ извощикамъ, такъ ниццскіе больные должны принадлежать только ниццскимъ, французскимъ врачамъ.

Правильна и вся Франція. Если есть нѣкоторая неправильность, неясность и неустойчивость въ низшихъ слояхъ, новыя теченія мысли и новые методы дѣйствій въ рабочей средѣ, антиклерикализмъ и въ особенности антимилитаризмъ,—не крикливый антимилитаризмъ Эрве, а то движеніе, которое, повидимому, все глубже проникаетъ въ толщу трудовыхъ классовъ,—то въ центральномъ слоѣ верхней Франціи, въ среднемъ сословіи, все удивительно ясно, просто, правильно и незыблемо. Всякія идейныя благоглупости давно оставлены, идей нѣтъ, а есть дѣла и дѣла есть идеи, и основная французская идея—дѣлать дѣла. И надъ всѣмъ та основная черта французскаго характера, о которой я писалъ больше десяти лѣтъ назадъ — увѣренность и ясность, — то великолѣпіе увѣренности, не вѣдающей сомнѣній, какой въ равной мѣрѣ не найдется ни у одного европейскаго народа. Дѣла есть дѣла — voila tout. Промышленность, ремесло, — ремесло доктора, ремесло адвоката, журналиста, депутата,—есть ремесло и, какъ таковое, должно кормить человѣка—въ этомъ законъ и пророки. И всякіе разговоры о какой-то общественной миссіи, привходящей въ ремесло,—раздающіеся въ странахъ менѣе avancées, чѣмъ Франція, есть разговоры, бляга, признакъ не дѣловой націи. Всякая штокмановщина вещь глупая, безсмысленная и докторъ Штокманъ—не человѣкъ дѣла. И пресса есть такое же ремесло и промышленность, какъ и другія ремесла и промышленности, оперирующія съ товаромъ. И статьи, какъ всякій товаръ, продаются и покупаются и котируются на биржѣ мѣстной и иностранной. Тамъ нѣтъ „безпокойной ласковости взгляда", какъ въ русскихъ газетахъ, пробавляющихся субсидіями и казенными объявленіями, и какая-нибудь Matin предстоитъ предъ французской жизнью съ открытымъ и яснымъ лицомъ, на которомъ написано: „всякому мимо идущему"... Можно зайти, по увѣренію свѣдущихъ людей, въ любую буржуазную газету и купить товаръ—статью за, статью противъ, просто молчаніе, напр. о дѣлахъ какого-нибудь государства, не желающаго, чтобы о немъ много разговаривали.

Есть невѣрное мнѣніе о французахъ, какъ о легкомысленномъ народѣ,—это самый положительный и, быть можетъ, самый работоспособный народъ. И дѣло у нихъ дѣлается необыкновенно споро, напряженно и продуктивно. Если мужъ работаетъ на сторонѣ, жена занимается хозяйствомъ, и наши русскія хозяйки не могутъ представить себѣ той уймы дѣла, которую она успѣваетъ передѣлать за день и тѣхъ возможностей экономіи, которую она съумѣетъ соблюсти. Если у нихъ магазинъ, они всѣ тамъ: и мужъ, и жена, и старшая дочь, и они всѣ работаютъ, экономизируя время, и ста-

раясь извлечь изъ него все, что оно можетъ дать. А потомъ перевариваютъ пищу и принимаютъ способствующія пищеваренію digestif и purgatif. А по субботамъ принимаютъ слабительное, — такъ и говорятъ, — Парижъ по субботамъ чистится—чтобы ускорить и подбодрить пищеварительный процессъ и чтобы въ воскресенье можно было съ легкимъ и свободнымъ духомъ s'amuser. Это тоже дѣло, которое нужно использовать въ полной мѣрѣ. А потомъ „rire"...

И „rire" есть другая сторона, жизни, даже болѣе необходимая, чѣмъ digestif и purgatif, почти такая же важная, полезная и необходимая, какъ и „les affaires". Я не могу представить себѣ французовъ за обѣдомъ, которые со второго блюда не начинали бы „rire". Въ изданной Кокленомъ книгѣ „Le rire" такъ и сказано, что, утоливши первый голодъ, слѣдуетъ смѣяться. Французъ долженъ говорить остроумные mots, онъ требуетъ этого не какъ приправы, а какъ необходимаго элемента жизни, въ той же мѣрѣ необходимаго, какъ les affaires.

Онъ требуетъ mots отъ своего писателя и журналиста и, кромѣ обязательной прослойки mots въ романахъ, передовыхъ статьяхъ и въ экономическихъ изслѣдованіяхъ,—въ каждой французской газетѣ, сколько-нибудь распространенной, есть спеціально изо дня въ день мѣсто, отводимое для mots и rire. На грошъ или на цѣлковый, но mot обязательно преподносится публикѣ. Французъ требуетъ mot отъ своего оратора, политическаго дѣятеля, отъ депутата на трибунѣ національнаго собранія, и онъ будетъ апплодировать своему злѣйшему врагу, если тотъ скажетъ настоящее шипучее французкое mot.

Онъ идетъ въ театръ, чтобы слушать „oh, ma mère, ma pauvre mère" или „rire" и въ эти двѣ рамки укладываются многія, если не большинство, французскихъ пьесъ.

До извѣстной степени le rire входитъ даже какъ digestif, какъ пособіе пищеварительнымъ процессамъ. Кокленъ упоминаетъ даже о rire patriotique, но особенно останавливается на rire hygienique, который „возбуждаетъ функціи организма, освѣжаетъ мозгъ, вліяетъ на селезенку, „il donne du jeu aux côtes et au ventre" и въ общемъ n'est pas désagréable и для почекъ."

Эволюція здѣсь закончена, и революціи не предвидится.

Нынѣшняя зима была въ Ниццѣ изумительная, но она и всегда превосходна. Безоблачное небо, яркое солнце, синее море, зрѣющіе лимоны, апельсины и мандарины и огромныя цвѣточныя поля, какъ поля ржи. Гремитъ музыка денно и

нощно, взвиваются ракеты надъ Jétée promenade, непрерывной вереницей идутъ битвы цвѣтовъ, карнавалъ, гонки и скачки, носятся по окрестностямъ автомобили съ суверенами и морганатическими людьми. Сіяютъ звѣзды на небѣ, сіяютъ звѣзды въ ресторанахъ. . . . . .

. . . . . .

Если вы туберкулезный больной, если вы вообще настоящій больной, — не ѣздите въ Ниццу, — она не для васъ, не для больныхъ людей. Но, если вы выздоравливающій или желаете отойти, отогрѣться отъ морознаго и сумрачнаго русскаго неба на яркомъ солнцѣ, у синяго моря, среди лимоновъ и апельсиновъ — поѣзжайте туда. Если вы желаете освободиться, отдохнуть хотя бы на время отъ трудности и сложности русской жизни, отъ проклятыхъ русскихъ вопросовъ, высвободить ваше горло отъ руки, которая душитъ его, поѣзжайте въ Ниццу, тамъ никто руками не хватаетъ за горло, тамъ все ясно и просто, тамъ солнце, тамъ гіге. Тамъ вы отдохнете.

А если вамъ будетъ скучно отъ этой ясности и правильности жизни, если вамъ надоѣстъ и покажется скучнымъ французскій гіге и нелѣпый карнавалъ и все это французское увеселеніе и потянетъ васъ къ трудности и великой сложности жизни,—возвращайтесь въ Россію.

Тамъ вы отдохнете.

С. Елпатьевскій.

* * *

Нѣтъ, я не побѣжденъ!.. Я не признаю васъ
И царства вашего!.. Въ людской крови угасъ
Огонь, сіявшій мнѣ въ пустынѣ;
Ужасна жизнь: изсохъ надежды лучшій сокъ,
И мракъ отчаянья, какъ туча, заволокъ
Нагорный, чистый путь къ святынѣ...

Въ тотъ день, какъ небо мнѣ сіяло такъ свѣтло,
Вы взяли мой вѣнокъ—и гордое чело
Змѣей шипящею обвили,
И долго мучили, ругаясь и кляня,
Собаки подлыя, и бросили меня
Въ крови, среди дорожной пыли.

Невѣсту милую, подругу давнихъ лѣтъ,
Вы силой вырвали; оскаленный скелетъ,
Глумясь, мнѣ кинули въ объятья,—
Но все люблю ее и плачу лишь о ней:
Для ней одной, какъ встарь, весь жаръ души моей,
Для васъ, какъ встарь, одни проклятья.

Бѣснуйтесь, радуйтесь!.. Отъ слезъ мой взоръ ослѣпъ,
И міръ, широкій міръ надъ сердцемъ въ черный склепъ
Сомкнулся... Солнца я не вижу.
Какъ червь кровавый, скорбь изъѣла грудь мою
И разумъ мой... Но васъ я все-жъ не признаю,
Я васъ, какъ прежде, ненавижу.

Вы смерть несете въ міръ,—я свѣтъ, я жизнь люблю!
Но, жизнь и свѣтъ любя, я съ вами не вступлю
О жизни въ подлую торговлю;
Предъ вашимъ капищемъ я все же не склонюсь:
Мой Богъ—все тотъ же Богъ. Ему, не вамъ, молюсь,
Его немолчно славословлю!

Е. С.

Типы клэрджмэновъ.

(*Письмо изъ Англіи*).

I.

Заглавіе моей статьи нѣсколько не точно. Интересная книга, вышедшая здѣсь недавно (Reminiscences of a Radical Parson, т. е. *Воспоминанія* священника-радикала), навела меня на мысль сперва набросать въ самыхъ общихъ чертахъ генезисъ англійскаго священника, а потомъ уже поговорить о любопытномъ трудѣ.

Читатели помнятъ, конечно, великолѣпные ницшевскіе символы въ «Рожденіи трагедіи», эту безпрерывную борьбу между формой безъ духа, порядкомъ, застывшимъ обрядомъ и традиціей, съ одной стороны, и кипящей, всесокрушающей, оргійной силой,—съ другой. Оргійная сила постоянно разрушаетъ ту тѣсную форму, въ которую ее желало бы заключить начало, представляющее порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новая сила, долженствующая разрушить старое начало, укрѣпляетъ его, заставляетъ его обновиться. Оба борющихся начала представляютъ утокъ и основу одной и той же ткани.

Борьбу «Аполлона съ Діонисомъ» мы находимъ также въ англиканской церкви. Передъ «діонисовскимъ» пробужденіемъ культъ Аполлона превратился въ простую форму. Олимпъ не имѣлъ больше враговъ и почилъ на лаврахъ. Религія, мораль, искусство, сама даже жизнь потеряли свое вліяніе на людей. И въ этотъ моментъ явилась изъ нѣдръ народныхъ бурная, кипящая, оргійная сила, вступившая въ борьбу съ Олимпомъ. «Аполлонъ» представлялъ стройную, красивую, «удобную» форму, въ которую отлились всѣ старыя вѣрованія. Новая сила, Діонисъ,—представляла жизнь. Началась борьба стараго съ новымъ, духа съ матеріей. Та самая оргійная сила, которая являлась отрицаніемъ стараго, кристаллизовавшагося порядка, заставила послѣдній проснуться, собраться съ новыми силами, опоясать свои чресла на бой. И въ концѣ концовъ, послѣ того, какъ «Діонисъ» подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ, наступило сліяніе Аполлона съ Діонисомъ. И тутъ я позволю себѣ нѣсколько уклониться отъ того толкованія, которое даетъ Ницше своимъ ослѣпительнымъ по красотѣ своей символамъ.

Послѣ того, какъ борьба «Аполлона» съ оргійнымъ «Діонисомъ» продолжается нѣкоторое время, сторонники стараго порядка находятъ для себя выгоднымъ признать себя исповѣдниками новаго порядка. Мѣняется только названіе. Жрецы Аполлона теперь именуются жрецами Діониса. Все остальное остается по прежнему. Эта истина преслѣдуетъ теперь туриста, осматривающаго Римъ не по Бедекеру. И не только все остается по прежнему, но новаго представителя оргійнаго духа, который неизмѣнно появляется послѣ примиренія,—начинаютъ жестоко преслѣдовать уже не во имя Аполлона, а во имя Діониса. Церковь въ Англіи представляетъ намъ картину безпрерывнаго появленія «Діониса», когда старая религія превращается въ одну обрядность. Я намѣчу въ самыхъ общихъ чертахъ нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ церковь въ Англіи была творческой, живой, *народной* силой. Великолѣпные памятники XI, XII и XIII вѣковъ, какъ, напр., Вестминстерское аббатство, Кентерберійскій соборъ и др. говорятъ намъ объ этомъ. Но въ началѣ XVI вѣка церковь превратилась только въ форму, правда, красивую. Объ этомъ говоритъ намъ, между прочимъ, такой литературный памятникъ, какъ *Кентерберійскіе разсказы*. Передъ нами многоцвѣтная, веселая, яркая, залитая солнцемъ картина. Я говорю о пестрой толпѣ паломниковъ, описанной Чосеромъ. Вотъ

Verray perfight gentil Knight

(т. е. полный совершенства благородный рыцарь) въ шишакѣ и кольчугѣ, а рядомъ съ нимъ—кудрявый пажъ-оруженосецъ, свѣжій, какъ майское утро. Дальше слѣдуетъ смуглолицый, загорѣлый іоменъ, тоже въ кольчугѣ, съ зеленымъ колпакомъ на головѣ, съ громаднымъ лукомъ въ рукахъ. За ними—группа служителей церкви: краснощекій монахъ, любящій охоту и выпивку, уздечка коня котораго брящаетъ и звенитъ такъ громко, какъ «церковные колокола»; гордый аббатъ; священникъ, не пропускающій ни одной пирушки, гдѣ есть хорошія пѣсни и крѣпкое вино; продавецъ индульгенцій съ переметной сумой, «наполненной прощеніями», только что привезенными изъ Рима *); разбитная настоятельница монастыря, съ загадочной улыбкой на красивыхъ коралловыхъ губкахъ и съ надписью на брошкѣ: «Amor vincit omnia». Жизнерадостная, веселая толпа эта коротаетъ путь красивыми, то трогательными, то забавными разсказами, не обращая никакого вниманія на жалкія мурьи съ одичалымъ, голоднымъ населеніемъ по пути. О страданіяхъ послѣдняго говоритъ намъ современникъ Чосера, оставившій намъ поразительное произведеніе «Vision of Piers Ploughman». И вотъ изъ глубины этихъ мрачныхъ деревень вышли въ XIV вѣкѣ протестанты противъ застывшей церкви. Появились «лолларды». Объ-

*) „Bret-full of pardons, come from Rome all hot".

явился Виклифъ, котораго духовенство того времени называло «сѣятелемъ смуты, подбивающимъ своимъ змѣинымъ шипѣніемъ крѣпостныхъ на бунтъ противъ своихъ господъ». Появился «безумный попъ» Джонъ Боллъ, ставшій вмѣстѣ съ Джэкомъ Мельникомъ и Уотомъ Кровельщикомъ (Tyler) во главѣ великаго крестьянскаго движенія *). Лолларды, Виклифъ, Джонъ Боллъ—были представителями оргійной силы, проснувшагося народнаго духа. Но вотъ «порядокъ восторжествовалъ. Народное движеніе было раздавлено, а вожди его—казнены: Листеръ въ Стэффордѣ, Джэкъ Стро и Джонъ Боллъ—въ Лондонѣ; Уотъ Кровельщикъ былъ убитъ раньше. Церковь раздавила также чисто религіозное протестантское движеніе. Но торжество церкви повело къ полному упадку ея въ XV и XVI вѣкахъ. Когда послѣ столѣтнихъ войнъ Алой и Бѣлой Розъ возникла, наконецъ, монархія, безпомощная церковь ухватилась за нее и стала послушной рабой. И такъ она прозябала до тѣхъ поръ, покуда ей не нанесъ смертельнаго удара Томасъ Кромвелль, когда это оказалось выгоднымъ монархіи. «Новая монархія въ серединѣ XVI в. поняла, наконецъ, свои силы. Церковь стала орудіемъ центральнаго деспотизма. Народъ понялъ свою безпомощность послѣ нѣсколькихъ мятежей, легко подавленныхъ и утопленныхъ въ крови съ безпощадной жестокостью. Господство террора держало скованную страхомъ Англію у ногъ Генриха VIII. Головы самыхъ благородныхъ гражданъ скатились на плахѣ. Ни добродѣтели, ни заслуги не могли спасти Томаса Мора» **). Церковь благословляла самыя кровавыя дѣянія Генриха VIII и требовала новыхъ головъ. И вотъ король (по совѣту Томаса Кромвелля) толкнулъ одряхлѣвшую церковь, столь рабски преданную ему, когда нашелъ выгоднымъ сдѣлать это. Въ странѣ, въ нѣдрахъ народа нарождался Діонисъ, на-

*) Придворный хронографъ того времени Фруассаръ говоритъ о „безуміи" виллэновъ, вбившихъ себѣ въ голову, что „имъ слѣдуетъ получать приличную плату, если они работаютъ на господъ". И такую нелѣпость проповѣдывалъ имъ безумный попъ изъ графства Кентъ, по имени Джонъ Боллъ. За нелѣпыя слова свои попъ трижды сидѣлъ въ тюрьмѣ архіепископа Кентерберійскаго. Ибо упомянутый Джонъ Боллъ имѣлъ обыкновеніе по воскресеньямъ, когда народъ выходилъ изъ церкви, обращаться къ нему съ такою проповѣдью: „Люди добрые. Дѣла идутъ плохо въ Англіи. И будутъ они идти также и дальше, покуда вся земля не станетъ общая, покуда не станетъ ни виллэновъ, ни господъ; покуда крестьянинъ не станетъ равенъ помѣщику. Чѣмъ мы заслужили, что насъ держатъ въ нищетѣ и неволѣ? Мы всѣ дѣти одного отца Адама и одной матери Евы. Чѣмъ же помѣщики лучше насъ? Не тѣмъ ли, что тратятъ, что мы заработаемъ? Они одѣты въ бархатъ и парчу, подбитые мѣхомъ, а мы—въ дерюгу. Они ѣдятъ мясо, хорошій хлѣбъ, пьютъ вино и имѣютъ всякія сладости, а мы жуемъ мякину, запивая ее водой. Они живутъ въ красивыхъ теплыхъ домахъ, а мы въ холодъ и дождь работаемъ на господъ въ полѣ". (*Froissart in Britain*, изданіе 1902 г.; p. 127.—Wat Tyler's Rebellion).

**) *J. R. Green.* History of the English People, p. 325.

мѣчалась новая вѣра. И король воспользовался *внѣшней* оболочкой ея, чтобы опрокинуть мѣшавшую ему церковь. «Аполлонъ», однако, не умеръ: онъ просто примирился съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Старая церковь, видя, что можетъ потерять все, приняла новыя формы. Прежніе католическіе священники стали протестантскими и, по приказу короля, объявили папу намѣстникомъ антихриста, какъ раньше признавали намѣстникомъ Христа. Но массы, или, собственно говоря, тѣ изъ нихъ, которые имѣли досугъ думать, не могли признать въ старомъ Аполлонѣ, переодѣвшемся Діонисомъ, свое божество. Рядомъ съ оффиціальнымъ протестантизмомъ народждался другой, суровый, страстный, непримиримый, безпощадный. Оргійный духъ этого движенія проявился въ аскетизмѣ, въ ненависти къ изящной формѣ, наконецъ, въ стремленіи помѣриться оружіемъ съ «переодѣтымъ Аполлономъ» и защитницей его—монархіей. Послѣдствіемъ явилась религіозно-политическая революція XVII вѣка, продолжавшаяся 46 лѣтъ (1642—1688 гг.). Мнѣ хочется тутъ отмѣтить одну знакомую читателю черту въ исторіи этой революціи. Сперва мы имѣемъ только одно проявленіе духа. Въ самомъ началѣ революціи мы видимъ цѣлый рядъ непримиримыхъ лицъ, преданныхъ буквѣ своего ученія. Передъ нами проходятъ независимые, миллеріанцы, антиномисты, анабаптисты, фамилисты, квакеры, энтузіасты, искатели, перфекціонисты, социніане, аріанцы, антитринитаріи и др. Все населеніе, повидимому, было увлечено только политическими и религіозными вопросами. Религія непремѣнно ассоціировалась съ энергичной дѣятельностью, сраженіями и «тираномахіей». Но вотъ наступаетъ реакція. Реставрація Стюартовъ открылась бойней. Лорды и судьи въ отношеніи къ республиканцамъ нарушили самыя элементарныя понятія о справедливости и правосудіи; они занялись сведеніемъ счетовъ съ политическими противниками. Правда, я не знаю, бывало ли такъ, чтобы кто-нибудь изъ «кавалеровъ» взялъ на себя роль палача надъ «круглоголовыми»; но бывало, что побѣдители считали казнь политическаго противника праздникомъ. Одновременно съ правительственнымъ терроромъ народилась безпримѣрная литература, поражающая своимъ цинизмомъ и скабрезностью. Знакомые съ англійской литературой XIX или XX вѣковъ не могутъ даже представить себѣ, какія литературныя темы разрабатывались въ XVII вѣкѣ, во время реставраціи. Мы не можемъ привести даже названій нѣкоторыхъ произведеній знаменитости того времени—лорда Рочестра. Театры того времени—нѣчто невѣроятное. Казалось, что на время вся жизнь англійскаго общества перенеслась въ непотребный домъ. Со сцены актрисы такъ опредѣляли женщину:

„When she is young, she whores herself for sport;
And when she's old, she bawds for ger support"

(Когда она молода, то распутничаетъ *) изъ удовольствія, а когда состарится,—торгуетъ собою ради промысла). Происхожденіе скабрезной литературы этой, мнѣ кажется, объясняется слѣдующимъ. Каждая великая революція является одновременно революціей политической, религіозной, литературной, соціальной и моральной. Всѣ старыя понятія кидаются въ тигль и переплавляются въ новыя формы. Реакція, наступившая внезапно, не даетъ времени выкристаллизоваться новымъ понятіямъ о морали. Наступаетъ *интерморальный* періодъ, если можно такъ выразиться: старыя понятія разрушены, а новыхъ еще нѣтъ. Во всякомъ случаѣ такой *интерморальный* періодъ съ характерной скабрезной литературой и соотвѣтственными поступками мы находимъ въ каждой странѣ, пережившей реакцію послѣ революціи. Въ Англіи дальнѣйшее развитіе литературы было слѣдующее. Сперва въ началѣ XVIII вѣка прошелъ съ бичемъ сатиры Свифтъ, затѣмъ антитезой скабрезной литературы явился сантиментальный, добродѣтельный романъ Ричардсона. И публика, зачитывавшаяся когда-то скабрезными романами, авторъ которыхъ «получалъ деньги отъ двора, какъ шпіонъ, отъ мужчинъ, какъ куртизанка, и отъ всѣхъ, какъ писательница»,— стала проливать слезы надъ несчастіями Памеллы и Клариссы. Любопытно опять-таки, что такіе же счастливые, добродѣтельные, сантиментальные романы появились при такихъ же условіяхъ во Франціи. Синтезомъ въ Англіи явились реалистическіе романы величайшаго беллетриста этой страны — Фильдинга. Въ лицѣ Диккенса англійскій романъ сдѣлалъ уже шагъ впередъ... Возвращусь, однако, къ англійской церкви.

II.

Реакція временно восторжествовала, и монархія возродилась. Она нашла не только слугъ, готовыхъ защищать, но и философовъ, оправдывающихъ ея существованіе. Воля государя, учили они, верховна и граждане обязаны поэтому исповѣдывать католицизмъ, магометанство или пуританизмъ, что ни прикажутъ имъ. Правда, изъ *Левіаѳана* можно было сдѣлать и другой выводъ, примѣнимый и къ народному диктатору. Въ самомъ дѣлѣ. Гоббсъ заимствуетъ отъ старыхъ учителей государственнаго права идею договора. Государство и королевская власть въ глазахъ его — чисто человѣческія учрежденія. Естественное состояніе было состояніемъ необузданнаго эгоизма,—училъ Гоббсъ,—всеобщей войной всѣхъ со всѣми; государство произошло посредствомъ договора, потому что люди согласились наконецъ отказаться отъ эгоистической воли для блага ихъ собственнаго самосохраненія и всѣ свои права и всю

*) Я долженъ смягчить грубые глаголы.

власть перенести на одно лицо или, что для Гобса одно и то же,—на одно собраніе. Изъ *Левіаѳана* мы ничего не узнаемъ о божественномъ правѣ королей и о непосредственномъ поставленіи ихъ Богомъ. Каждое философское, какъ и каждое литературное произведеніе вообще является болѣе или менѣе прямымъ отраженіемъ своего времени. И нужно вспомнить положеніе дѣлъ въ Англіи, когда появился *Левіаѳанъ* (1651 г.). Средніе классы были испуганы военнымъ деспотизмомъ. Они предполагали, что споръ о томъ, какое участіе въ правленіи должно принадлежать коронѣ, лордамъ или коммонерамъ слѣдуетъ отложить до тѣхъ поръ, покуда окончательно выяснится, будутъ ли управлять Англіей король, верхняя палата и нижняя палата или вооруженные солдаты. Это желаніе возстановить законъ, обязательный для всѣхъ сторонъ, а не только для одного народа, это стремленіе спасти страну отъ ужасовъ военнаго деспотизма—внушило Гобсу его *Левіаѳана*. Но «кавалеры» и корона взяли у философа, что было для нихъ удобно, т. е. оправданіе абсолютизма. Ожившій «Аполлонъ», запуганный и загнанный при республикѣ, сталъ горой за монархію, за старыя формы, за обрядность, замѣняющую вѣру. «Діонисъ» подвергся жестокому преслѣдованію. Непримиримыхъ пуританъ изгнали изъ городовъ. Они стали собираться въ горахъ и среди недоступныхъ болотъ. Когда до нихъ добрались и тамъ, они взялись за мечи, чтобы встрѣтить насиліе силой. Постоянно въ разныхъ концахъ королевства вспыхивали возстанія пуританъ, которыя подавлялись съ крайней жестокостью. Пуританъ выслѣживали, какъ дикихъ звѣрей, натравливали на нихъ шайки «патріотовъ», ловили, сажали въ тюрьмы, ссылали, вѣшали. Духовенство государственной церкви было въ первыхъ рядахъ преслѣдователей: оно благословляло насильниковъ и убійцъ, разъ только они называли себя защитниками монархіи и установленной религіи. Свифтъ въ одномъ изъ своихъ неизвѣстныхъ у насъ трактатовъ негодуетъ на раболѣпствующее духовенство, которое «должно быть объявлено врагомъ человѣчества» *). «Въ первыя двадцать пять лѣтъ реставраціи—говоритъ англійскій историкъ—усердіе церкви, проявленное при защитѣ королевскаго авторитета и абсолютизма превзошло всякіе предѣлы. Государственная церковь страдала вмѣстѣ съ Стюартами и возстановилась вмѣстѣ съ реставраціей ихъ. Казалось, нѣтъ такой силы, которая могла бы ихъ раздѣлить. И вотъ церковь восхваляла въ пышныхъ фразахъ слугъ и защитниковъ абсолютизма и обличала тѣхъ, «развращенность и невѣріе которыхъ побудили къ мятежу». Любимой темой церковныхъ проповѣдей во время реставраціи было послушаніе, доктрина смиренія. Въ этихъ проповѣдяхъ ученіе развивалось до самаго конца. Нѣтъ такой причины,—учили священ-

*) The Sentimets of a church-of-England man. The Works of Dr. Jonathan Swift, vol. I, p. 233. (Цитирую по изданію 1757 г.).

ники—которая оправдывала бы мятежъ противъ короны. Еслибы даже на англійскій тронъ сѣли такіе нечестивые короли, какъ Бузирисъ **) или Фаларисъ ***), и стали бы ежедневно мучить и казнить невинныхъ людей,—то и тогда подданные не имѣютъ права возстать съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ угнетателей» (см. Lord *Macaulay's* History of England, vol. I, p. 142). И церковь посылала свои благословенія, когда на населеніе, подозрѣваемое въ симпатіяхъ къ республикѣ, натравленъ былъ знаменитый судья Джефрисъ, котораго епископы называли «ангеломъ божіимъ». Вотъ какими чертами англійскій историкъ рисуетъ портретъ этого «ангела». «На лицѣ Джефриса лежала печать безстыдства и жестокости... Глаза его горѣли сатанинской радостью, когда онъ произносилъ смертный приговоръ. И, если жертва дрожала и плакала, то ликованіе Джефриса возрастало». Во время Кромвелля Джефрисъ былъ республиканцемъ и съ такимъ же сладострастіемъ приговаривалъ къ смертной казни папистовъ. Но, когда монархія восторжествовала, Джефрисъ сталъ абсолютистомъ и, по выраженію историка, «поспѣшилъ продать двору свой мѣдный лобъ и сочащій ядъ языкъ... Надлежало выполнить работу, которую нельзя было поручить не то, что честному человѣку, а вообще человѣку, знающему какой-нибудь стыдъ. Необходимо было выбрать такого судью, который не считается съ элементарными представленіями о справедливости. И остановились на Джефрисѣ... Попасть къ нему на судъ было все равно, что угодить въ берлогу дикаго звѣря. Онъ набрасывался съ грубой руганью на подсудимыхъ, защитниковъ и свидѣтелей... И корона не ошиблась въ своемъ выборѣ. Судья Джефрисъ не только выполнилъ возложенныя на него порученія, но сдѣлалъ это, ликуя. Его первымъ подвигомъ было юридическое убійство Альдтерона Сиднея. То, что послѣдовало потомъ, было достойно начала. Даже многіе тори негодовали и доказывали, что безпощадная жестокость и насмѣшка надъ правосудіемъ, проявленныя Джефрисомъ, убиваютъ въ народѣ всякое уваженіе къ суду; но Яковъ II осыпалъ судью наградами, а церковь призывала на его дѣянія божіе благословеніе» *). Въ любой англійской исторіи революціи 1688 г. мы можемъ найти разсказъ про то, какъ послѣ паденія Якова II Джефрисъ пытался бѣжать. Онъ сбрилъ свои густыя брови и переодѣлся матросомъ, но былъ узнанъ народомъ и схваченъ. Чтобы спасти Джефриса отъ народнаго самосуда, пришлось отвезти судью въ Тоуэръ. Джефрисъ дрожалъ отъ страха, умолялъ стражниковъ заступиться за него и оправдывался тѣмъ, что выполнялъ только приказанія короля. Въ Англіи до сихъ поръ имя Джефриса сви-

*) Миѳическій король Египта, приносившій ежегодно въ жертву иностранцевъ.

**) Сицилійскій тиранъ, приносившій человѣческія жертвы.

***) *Macaulay*, History of England, vol. I, pp. 315, 347, 318, 492 (изданіе 1907 г.)

тается синонимомъ всего жестокаго и чудовищно несправедливаго, квинтъ-эссенціей самовластія. Онъ похвалялся тѣмъ, что «повѣсилъ больше измѣнниковъ, чѣмъ всѣ его предшественники со времени Вильгельма-Завоевателя, вмѣстѣ взятые». По вычисленіямъ, Джефрисъ отправилъ на казнь 320 человѣкъ. (Онъ одинъ разбиралъ дѣло о возстаніи Монмоута). Кромѣ того, свирѣпый судья отправилъ въ ссылку 840 человѣкъ *).

Священники не только благословляли Джефриса и проклинали людей, отправленныхъ имъ на казнь, но сами выдѣляли изъ своей среды провокаторовъ и ложныхъ доносчиковъ. Таковъ былъ, напримѣръ, священникъ Титъ Оотсъ (Titus Oates), раскрывшій мнимый заговоръ противъ короля. Нѣсколько невинныхъ людей было отправлено на висѣлицу, а Оотсъ получилъ пожизненную пенсію въ 600 ф. ст. Впослѣдствіи онъ былъ изобличенъ въ клятвопреступленіи, но за «заслуги» пенсію ему все-таки оставили.

Священники проповѣдывали, какъ мы видѣли, безконечное смиреніе. Прихожанамъ внушалось, что долгъ ихъ повиноваться даже тогда, еслибы на престолѣ сидѣлъ Неронъ или Кай Калигула. Но вотъ Яковъ II, нуждаясь въ деньгахъ, наложилъ руку на доходы нѣкоторыхъ прелатовъ и тотчасъ же церковь, проповѣдывавшая безконечное послушаніе, подняла страшный вопль противъ короля и измѣнила ему. Клерджимэны оставили Якова II и предались новой династіи **). Господствующая церковь быстро приспособилась и къ новому порядку и стала доказывать необходимость конституціоннаго строя, какъ раньше отстаивала абсолютизмъ. Церковь жалась къ высшимъ классамъ, не смотря на отрицательное отношеніе ихъ къ основнымъ догматамъ. Въ самомъ дѣлѣ, скептическое отношеніе къ традиціи зародилось въ Англіи среди аристократіи. Достаточно назвать лорда Болингброка, у котораго Вольтеръ заимствовалъ и насмѣшки надъ библіей, и уваженіе къ предержащей власти. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ типичныхъ аргументовъ Болингброка. «Разсказъ объ истребленіи нѣсколькихъ тысячъ младенцевъ въ Виолеемѣ, убитыхъ по приказу Ирода, желавшаго, такимъ образомъ, загубить Мессію,—кажется внимательному критику абсолютно невѣроятнымъ. Какимъ образомъ — говорятъ критики—можно было взвалить на семидесятилѣтняго, умирающаго Ирода такое преступленіе? Могъ ли онъ бояться, что младенецъ, родившійся гдѣ-то въ Виолеемѣ, отниметъ у него, старика, престолъ? Неужели насъ хотятъ убѣдить, что онъ повѣрилъ тремъ волхвамъ, видѣвшимъ звѣзду надъ деревенскимъ хлѣвомъ? Только невѣроятный простакъ могъ бы повѣрить такой нелѣпости. Какимъ простакомъ нужно быть, чтобы читать такія сказки и не возму-

*) См. вычисленія въ „History of England", vol. I, p. 496.

**) См. статью по поводу „Hallam's Constitutional History" въ критическихъ опытахъ Маколея (Essays, 1895, p. 89).

щаться! Почему ни Маркъ, ни Лука, ни Іоаннъ, не говоря уже объ историкахъ древности, ничего не говорятъ объ этомъ событіи, если оно дѣйствительно случилось?» *). А вотъ выдержка, свидѣтельствующая, какъ о скептицизмѣ, такъ и объ аристократизмѣ автора. «Если дѣйствительно правда, что Христосъ всегда называлъ священниковъ своего времени и фарисеевъ повапленными гробами и порожденіемъ ехидны; если дѣйствительно вѣрно, что онъ всегда подбивалъ противъ нихъ чернь, то его совершенно справедливо признали нарушителемъ общественнаго спокойствія и предали суду. Было время, когда и у насъ вѣшали людей, проповѣдывавшихъ на улицахъ противъ епископовъ, хотя было также другое время, когда повѣсили у насъ нѣсколько епископовъ... Благоразумный человѣкъ— продолжаетъ лордъ Болингброкъ — видитъ въ этомъ евреѣ только крестьянина, болѣе умнаго, чѣмъ другіе, хотя остается подъ сомнѣніемъ, умѣлъ ли онъ читать и писать. Очевидно, его единственной задачей было основать маленькую секту среди деревенскаго населенія, въ родѣ той невѣжественной и фанатической секты, которую у насъ основалъ Фоксъ. Только впослѣдствіи къ этой сектѣ пристали болѣе почтенные люди (подъ этимъ лордъ Болингброкъ подразумѣваетъ богатыхъ людей, имѣющихъ положеніе на общественной лѣстницѣ). Оба основателя сектъ проповѣдывали иногда очень хорошія правила морали. Оба рѣзко высказывались противъ современныхъ священниковъ. Фокса выставили у позорнаго столба, а Іисуса распяли... Это доказываетъ, что нравы у насъ теперь мягче, чѣмъ были въ древности въ маленькой провинціи Римской имперіи... Матѳей говоритъ, что Іисусъ являлся дважды своимъ ученикамъ послѣ того, какъ воскресъ; Маркъ говоритъ о трехъ явленіяхъ, Іоаннъ—о четырехъ. Лука говоритъ, что Іисусъ, когда явился въ послѣдній разъ, повелъ учениковъ въ Виоанію и тамъ вознесся въ ихъ присутствіи на небо, тогда какъ Іоаннъ говоритъ, что это произошло въ Іерусалимѣ. Изъ дѣяній апостоловъ мы узнаемъ, что вознесеніе произошло на Масличной горѣ, при чемъ спустились два мужа въ бѣлыхъ ризахъ и заявили о вторичномъ пришествіи Іисуса. Всѣ эти противорѣчія, поражающія современнаго критика, не могли быть замѣчены первыми христіанами, потому что тогда евангелій было не четыре, а пятьдесятъ; каждая община имѣла свое евангеліе, которыя не могли быть сравнены», и т. д. **).

Государственная церковь мирилась и съ критикой, и съ насмѣшками лордовъ, покуда послѣдніе щедрой рукой давали деньги священникамъ. Требовалось только, чтобы критика и даже кощунство были локализированы и прикрыты мантіей лорда. Не то ли самое мы видимъ въ другой странѣ, гдѣ во главѣ святѣйшаго синода

*) Цитирую по Вольтеру. „Histoire de l'Etablissement du christianisme" Oeuvres Complètes, v. VI, p. 590 (изданіе 1875 г.)

**) ib., p. 592.

всего только тридцать лѣтъ тому назадъ стоялъ атеистъ, но за то безпощадный консерваторъ!

Результатомъ духовныхъ запросовъ народа явились многочисленныя секты. Нѣкоторыя изъ нихъ при возникновеніи пылали энтузіазмомъ и преисполнены были оргійнымъ духомъ; но съ теченіемъ времени болѣе или менѣе мирились на простой формѣ. Въ концѣ XVIII в., вмѣстѣ съ возрожденіемъ народа, мы видимъ снова появленіе священниковъ-бойцовъ за права массъ. Типичнымъ примѣромъ является Хорнъ-Тукъ (Horne Tooke), товарищъ Уилькеса въ борьбѣ за политическую свободу. Въ 1794 г., когда англійское правительство, испуганное французской революціей, привлекло къ суду рядъ писателей и общественныхъ дѣятелей, арестовали также и священника Хорнъ-Тука. Произошелъ историческій процессъ, продолжавшійся шесть дней. Подсудимый мужественно отстаивалъ свой политическій катехизисъ и былъ оправданъ присяжными послѣ пятиминутнаго совѣщанія.

Девятнадцатый вѣкъ принесъ много испытаній англиканской церкви. Прежній уютъ и покой, которымъ она пользовалась въ эпоху господства «сквайровъ», исчезъ. Съ одной стороны пробудившіяся массы, выступивъ на арену общественной дѣятельности, выдвинули рядъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Съ другой—прогрессъ выяснилъ поразительныя противорѣчія между традиціей и разумомъ. Теперь дѣло шло уже не о шуткахъ Болингброка, не о подсчитываніи родословной Іисуса у различныхъ евангелистовъ, а о теоріи Ляйеля, о происхожденіи видовъ, о рядѣ археологическихъ изысканій, подрывавшихъ совершенно историческое значеніе библіи. Заснувшему «Аполлону» пришлось не только встать, но и опоясать «чресла свои». Сперва государственная церковь попробовала стоять безусловно на старой позиціи. Епископы отвергли, вмѣстѣ съ лордами, билль о реформахъ. Епископы же призывали божіи громы на голову скептиковъ и критиковъ. Но молодые искренніе священники поняли настоятельную необходимость считаться съ фактами, выдвинутыми жизнью и наукой. И вотъ въ чартистскомъ движеніи мы видимъ въ числѣ вождей двухъ священниковъ.

Черезъ три года послѣ чартистскаго движенія молодой священникъ Темпль выступаетъ съ книгой *Essays and Reviews*, представляющей критическій разборъ Библіи съ точки зрѣнія раціонализма. Авторъ говоритъ, что происхожденіе человѣческой расы, какъ оно разсказано въ библіи, слѣдуетъ понимать какъ легенду, заимствованную у вавилонянъ; что разсказы о продолжительной жизни патріарховъ—символъ; что пророчество Исаіи «презрѣнъ и отверженъ людьми» не примѣнимо къ пришествію Мессіи; что книга Даніила написана въ царствованіе Антіоха какимъ-нибудь пѣвцомъ-патріотомъ; что подъ адомъ слѣдуетъ понимать душевныя муки грѣшника, а подъ воскресеніемъ—пробужденіе способностей

человѣческаго духа; что спасеніе означаетъ побѣду надъ зломъ и заблужденіемъ. Совѣтъ епископовъ осудилъ книгу. Конклавъ десяти тысячъ священниковъ предалъ ее проклятію. Темпль не отрекся отъ своихъ доктринъ. А знаете, кѣмъ онъ умеръ? Разстригой? Въ изгнаніи? О, нѣтъ—первосвятителемъ англійской церкви, архіепископомъ кентерберійскимъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ оргодоксія въ послѣдній разъ попыталась защищать всѣ позиціи и потерпѣла на публичномъ диспутѣ съ Гекели большое пораженіе *). И современные англійскіе священники являютъ примѣръ того, какъ много выбрасывается изъ стараго багажа за бортъ, чтобы только примирить разумъ съ традиціей. А между тѣмъ недавно еще священники доказывали, что отъ наличности этого багажа на кораблѣ зависитъ спасеніе послѣдняго... Въ началѣ іюня собирается въ Лондонѣ «пан-англиканскій» соборъ священниковъ и епископовъ. Двѣсти епархій, разбросанныхъ по всему свѣту, присылаютъ около тысячи делегатовъ. Епископъ корейскій будетъ сидѣть рядомъ съ епископами лебомбоскимъ и никомаскимъ (центральная Африка). Любопытны вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію: «объ отношеніяхъ церкви къ *потогонной* системѣ и къ торговлѣ крѣпкими напитками; капиталъ и трудъ; рабочія организаціи и безработные; церковь и заработная плата; церковь и тресты; христіанство и соціализмъ; что изъ ученія соціалистовъ можно осуществить теперь; христіанская философія и пантеизмъ; церковь и агностицизмъ» и пр. Церковь стоитъ лицомъ къ лицу съ соціальными и философскими вопросами, выдвинутыми жизнью и наукой. Она видитъ, что на нихъ нужно дать отвѣтъ помимо смиренія, рекомендовавшагося при Карлѣ II..

III.

Величайшій англійскій романистъ Фильдингъ далъ намъ великолѣпный портретъ деревенскаго священника временъ Георга II. Я говорю о мистерѣ Трелиберѣ въ романѣ *Joseph Andrews*, появившемся въ серединѣ XVIII вѣка. Предъ нами большой скопидомъ, жадный, оборотливый, чувствующій себя гораздо больше дома у себя на скотномъ дворѣ, чѣмъ въ церкви. Въ мистерѣ Трелиберѣ узнаютъ себя легко священники такихъ странъ, о которыхъ Фильдингъ, по всей вѣроятности, имѣлъ только самое поверхностное представленіе. Возьму, напр., выдержку изъ XIV главы второй книги романа. Къ Трелиберу является добродушный чудакъ, фантазеръ Эдэмсъ. «Мистеръ Трелиберъ былъ священникомъ по воскресеніямъ, но въ остальные шесть дней правильнѣе всего бы-

*) Подробности читатели найдутъ въ „Очеркахъ современной Англіи", глава „Энциклопедія съ ключемъ".

ло бы назвать его фермеромъ. Ему принадлежалъ кусокъ земли, да кромѣ того священникъ снималъ еще въ аренду значительный участокъ. Жена его доила коровъ, хозяйничала на скотномъ дворѣ и птичникѣ и сама возила на рынокъ масло и яйца. Самъ мистеръ Трелибери, главнымъ образомъ, заботился о своихъ свиньяхъ, за которыми онъ нѣжно ухаживалъ, и самъ отвозилъ потомъ на ярмарку. По этому поводу сосѣди много острили надъ священникомъ. Вслѣдствіе большого пристрастія къ пиву, священникъ Трелибери по размѣрамъ мало уступалъ своимъ любимымъ животнымъ. Онъ былъ одинъ изъ наиболѣе толстыхъ людей во всей округѣ и могъ бы представлять Фальстафа, не подкладывая себѣ подушку на брюхо. Къ этому нужно прибавить еще, что толщина значительно увеличивалась малымъ ростомъ. Тѣнь его была почти одинаковой величины, стоялъ ли священникъ на ногахъ или лежалъ вверхъ животомъ. Говорилъ мистеръ Трелибери грубымъ, хриплымъ голосомъ, при чемъ рѣчь его пестрѣла простонародными словами и оборотами. Выступалъ онъ торжественно и гордо, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, какъ гусакъ, но только болѣе тяжело, чѣмъ эта птица. Когда мистеру Трелибери сказали, что его желаютъ видѣть, онъ немедленно снялъ передникъ и переодѣлся въ старый халатъ, въ которомъ принималъ дома посѣтителей. Жена его, сообщившая о приходѣ Эдэмса, нѣсколько ошиблась: она сказала мужу, что, кажется, пришелъ покупатель свиней. Это заставило мистера Трелибери поспѣшить на встрѣчу къ гостю. Увидѣвъ Эдэмса и нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что цѣль его прихода та, о которой сказала жена,—мистеръ Трелибери сказалъ ему: «вы пришли какъ разъ во время, такъ какъ сегодня хотѣлъ прійти другой покупатель».—«Всѣ онѣ, что ни на есть первый сортъ,—прибавилъ священникъ.—Одно сало. Любая вытянетъ не меньше 20 стонъ» *).

— Вы, вѣроятно, не знаете меня,—отвѣтилъ Эдэмсъ.

— Да, да!—крикнулъ священникъ.—Припоминаю очень хорошо твое лицо. Но, слушай, ты молчи, не торгуйся, покуда не посмотришь на нихъ. Никогда я еще тебѣ не сбывалъ такихъ окорокастыхъ, какъ тѣ, что сидятъ у меня теперь въ сажѣ.—Тутъ священникъ вцѣпился въ Эдэмса и поволокъ его къ свиному сажу, который находился въ двухъ шагахъ отъ окна столовой. «Человѣче,—восторженно крикнулъ мистеръ Трелибери, когда они подошли къ сажу,—ты только пощупай ихъ! Войди, войди! Щупай, все равно, купишь-ли или нѣтъ!» И мистеръ Трелибери, не давая Эдэмсу сказать слова, втолкнулъ его въ сажъ. Добродушный Эдэмсъ долженъ былъ подчиниться. Онъ дотронулся до хвоста одной свиньи; животное вскочило такъ стремительно, что толкнуло бѣднаго Эдэмса прямо въ грязь. Вмѣсто того, чтобы войти въ сажъ и помочь Эдэмсу,

*) Стона=14 анг. фунтовъ.

мистеръ Трелибери расхохотался, а потомъ съ презрѣніемъ сказалъ: «послушай, да ты не знаешь, какъ подойти къ свиньѣ!» Эдэмсъ поднялся, стремительно выскочилъ изъ сажа и крикнулъ:

— Nihil habeo cum porcis: сэръ, я священникъ и пришелъ совсѣмъ не торговать свиней.—Трелибери извинился. «Во всемъ виновата моя дурында, жена. Эта гусыня всегда ляпнетъ какую нибудь глупость!»

Эдэмсъ пришелъ за помощью: нужно выручить изъ бѣды двухъ молодыхъ людей. Для этого необходимо только 14 шиллинговъ. Мистеръ Трелибери не только наотрѣзъ отказывается помочь, но осыпаетъ еще Эдэмса грубыми ругательствами. «Тебя слѣдовало бы наказать за безстыдство, какъ бродягу. Четырнадцать шиллинговъ! Я не дамъ тебѣ ни фартинга! Ты, вѣроятно, такой же священникъ, какъ эта дура! А если ты попъ, то тѣмъ болѣе тебя слѣдовало бы драть у позорнаго столба за бродяжество».

Чудакъ Эдэмсъ пробуетъ убѣдить священника цитатами изъ библіи и латинскихъ классиковъ. Въ отвѣтъ на это мистеръ Трелибери обвиняетъ его въ кощунствѣ и ереси.—«Ты, дубина! какъ ты смѣешь говорить противъ вѣры въ моемъ домѣ!—кричитъ мистеръ Трелибери...—Не хочу быть больше подъ одной кровлей съ мерзавцемъ, всуе поминающимъ священное писаніе» *).

Въ XVIII вѣкѣ почти всѣ деревенскіе англійскіе священники походили на мистера Трелибери. Помимо свиноводства, они выполняли еще полицейскія обязанности по отношенію къ «ходжу»: священники и жены ихъ слѣдили за нравственностью сельскихъ работниковъ и доносили сквайру, если кто-нибудь изъ нихъ не являлся въ церковь. Въ XIX вѣкѣ является другой типъ сельскаго священника. Таковъ священникъ Текуэллъ, авторъ интересныхъ «воспоминаній», вышедшихъ недавно (*Reminiscences of a Radical Parson*, by Rev. W. Tuckwell, M. A.) Какъ всѣ англійскіе священники, Текуэллъ любитъ уснащать свою рѣчь выдержками изъ латинскихъ и греческихъ классиковъ. Разверните англійскую книгу: и если вы найдете два эпиграфа изъ Виргилія,—можете смѣло сказать, что ее написалъ священникъ. Помимо Виргилія, Текуэллъ приводитъ любопытную выдержку изъ Ламенэ: «Камарилья фанатиковъ придетъ отъ этой книги въ ужасъ: но безпристрастные, дѣйствительно вѣрующіе люди будутъ имѣть мужество признать, что это произведеніе не только не оскорбляетъ религіи, но, напротивъ, служитъ святой цѣли». Текуэллъ доказываетъ въ своей книгѣ, что вѣрующій священникъ долженъ вмѣстѣ съ народомъ бороться за политическую свободу и за улучшеніе матеріальнаго благосостоянія массъ. Текуэллъ сперва былъ просто «добрымъ» деревенскимъ священникомъ. Онъ устроилъ вечернюю школу для подростковъ, которымъ читалъ лекціи по исторіи, геологіи и ботаникѣ. Замѣчая

*) *Joseph Andrews*, Book II, Chap. XIV.

каждыя двѣ недѣли деревенская молодежь собиралась въ домъ ректора на танцы. «Жена деревенскаго лавочника садилась за піанино; комната была красиво убрана растеніями, которыми насъ ссужалъ сосѣдній садовникъ. За пенни гости могли достать въ буфетѣ разныя вкусныя вещи. Собраніе само выработало правила относительно поведенія. Табакъ и крѣпкіе напитки были изгнаны. Дѣвушки съ перваго же бала танцовали хорошо; но парни были очень неуклюжи. И вотъ спеціалистъ изъ сосѣдней деревни вызвался обучить ихъ танцовать. Съ этой цѣлью онъ являлся къ намъ разъ въ недѣлю со своей собственной гармоникой. Молодежь стала совершенствоваться не только въ кадриляхъ и вальсахъ, но также въ джигахъ, лезгинкахъ и другихъ характерныхъ танцахъ... На «балахъ» танцы слѣдовали за танцами до 11 часовъ. Къ этому времени весь буфетъ бывалъ опустошенъ. Тогда на доскѣ появлялась надпись: «Послѣдній танецъ,» «Sir Roger de Coverley». Пляска кончалась. Дѣвушки разбирали шали, а парни—шапки.

— Знаешь, у тебя куда веселѣе, чѣмъ въ кабакѣ,—говорили, уходя, нѣкоторые парни, дотрогиваясь пальцемъ до шапки.

Лѣтомъ въ свободное время священникъ собиралъ деревенскую молодежь, водилъ ее въ поле, показывалъ слѣды ледниковаго періода и читалъ лекціи по геологіи *).

«Но была одна сторона деревенской жизни,—говоритъ священникъ—которая какъ-то ускользала отъ моего вниманія. Я говорю о матеріальной и экономической нуждѣ пролетаріата. Я всегда болѣзненно чувствовалъ контрастъ между комфортомъ, окружавшимъ меня въ церковномъ домѣ. и грязными хибарками большинства моихъ прихожанъ. Но я не задумывался надъ тѣмъ, насколько бѣдность эта обусловливается жадностью и несправедливостью предпринимателей и системой земельныхъ отношеній. Наконецъ, эти вопросы явились у меня». Текуэллъ познакомился съ унитаріанскимъ священникомъ, работавшимъ въ трущобахъ Бирмингэма. По совѣту своего новаго знакомаго Текуэллъ прочиталъ «Прогрессъ и бѣдность» Генри Джорджа (то было въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ), «Вопль лондонскихъ отверженцевъ» и «Націонализацію земли» Уоллэса. Книги эти произвели глубокое впечатлѣніе на священника. Онъ началъ присматриваться къ тому, какъ живутъ его прихожане. «Я узналъ бюджетъ работниковъ, сравнивалъ его съ прибылью, получаемою предпринимателями, читалъ, изслѣдовалъ, думалъ. Объѣзды, которые я дѣлалъ, какъ лекторъ, давали мнѣ еще большую возможность знакомиться съ жизнью народа. Я узналъ vie intime оборванцевъ, носившихъ мой чемоданъ, мальчиковъ, предлагавшихъ мнѣ спички на улицахъ; иногда я слѣдовалъ за мальчиками до ихъ дома и провѣрялъ такимъ образомъ

*) Reminiscences, pp. 7—8.

ихъ печальный разсказъ *). Мало-по-малу у меня стали складываться новые взгляды. Я пришелъ къ заключенію, что рабочей семьѣ для сколько-нибудь комфортабельной жизни необходимо имѣть не меньше двадцати одного шиллинга въ деревнѣ и тридцати шиллинговъ въ городѣ. А между тѣмъ средній заработокъ сельскаго работника составлялъ пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю, а городского — двадцать пять. Такимъ образомъ до minimum'а не хватало, по крайней мѣрѣ, пяти шиллинговъ. Я нашелъ дальше, что милліоны работниковъ не только получаютъ совершенно недостаточную плату, но еще работаютъ слишкомъ много, очень часто по семнадцати часовъ въ день. Умъ, художественный вкусъ, пытливость массъ—все это отмираетъ вслѣдствіе недостатка времени. И кромѣ того оказалось еще, что эти несчастные работники во многихъ мѣстахъ, а въ особенности въ деревняхъ, являются настоящими крѣпостными, находящимися въ полной зависимости отъ предпринимателей. Срокъ найма былъ вездѣ недѣльный, такъ что работники въ любой моментъ могли очутиться на улицѣ. Если кто изъ нихъ присутствовалъ на радикальномъ митингѣ, вотировалъ за радикала, протестовалъ противъ скверная состоянія занимаемаго коттеджа или забывалъ дотронуться до шапки въ присутствіи сквайра или священника, — то ему говорили, что работа его больше не требуется. Разсчетъ означалъ необходимость оставить округу. На разсчитанномъ работникѣ лежитъ клеймо «строптивости». Такому никто изъ сквайровъ не дастъ работу. И къ этимъ голоднымъ, подавленнымъ работой и обиженнымъ при платежѣ крѣпостнымъ священникъ по воскресеніямъ обращается, какъ «къ возлюбленнымъ братьямъ»; по будняхъ же онъ трактуетъ ихъ, какъ низшія существа. Все это доказывало, что «въ датскомъ королевствѣ неладно все». Но мнѣ ли исправить все это? На этомъ вопросѣ я остановился. Могутъ ли мои слова или дѣйствія измѣнить несправедливости, тѣсно спаянныя съ порядкомъ производства въ Англіи? Я понималъ, что всякая попытка съ моей стороны вызоветъ крайнюю вражду противъ меня. Богатые предприниматели, помогающіе обыкновенно деревенскимъ священникамъ, когда дѣло идетъ о филантропіи, возстанутъ противъ меня и постараются причинить возможно больше вреда. Запуганные работники врядъ

*) Слѣдуетъ помнить, что деревенскіе священники англиканской церкви принадлежатъ къ классу, общественное положеніе котораго неизмѣримо выше того класса, изъ котораго выходятъ наши сельскіе „батюшки". У насъ сельскій священникъ съ дѣтства знаетъ хорошо нищету, голодъ и холодъ. Въ Англіи „parson" англиканской церкви „джентельмэнъ" по происхожденію, очень часто младшій сынъ баронета или лорда, воспитанникъ кембриджскаго или окефордскаго университетовъ. Общественное положеніе „parson'a" не то, что деревенскаго или городского „батюшки". Англійскій священникъ внѣ зависимости отъ полиціи. Епископъ имѣетъ право вмѣшаться только тогда, когда священникъ совершаетъ какое-нибудь дѣйствительное преступленіе.

ли посмѣютъ стать на моей сторонѣ. Предприниматели запретятъ имъ тогда даже посѣщеніе моихъ лекцій и вечеровъ. Такимъ образомъ потухнетъ послѣдній и крайне слабый лучъ въ жизни работниковъ. Но, съ другой стороны, развѣ каждая страница ветхаго и новаго завѣтовъ не повелѣваютъ мнѣ, христіанскому священнику, бороться за бѣдныхъ? Какъ служитель церкви, я обязанъ стоять за угнетенныхъ. И когда я думалъ больше, то приходилъ къ заключенію, что у меня найдутся сторонники и единомышленники... Восьмидесятые годы отличались необыкновеннымъ душевнымъ подъемомъ въ Англіи, надъ которой тогда прошла волна альтруизма. Всюду въ обществѣ думали и говорили о великихъ соціальныхъ реформахъ. Соціализмъ носился въ воздухѣ. Экономическая революція казалась близкой. Въ большихъ городахъ, какъ въ фокусѣ, собиралось народное недовольство. Даже безгласные и забитые сельскіе работники ожили и зашевелились подъ вліяніемъ агитаціи Джозефа Арча. И мнѣ показалось, что именно теперь настало время, когда священникъ, умѣющій владѣть перомъ и говорить съ платформы, долженъ вмѣшаться въ борьбу, не страшась послѣдствій. Вооруженный нагорной проповѣдью священникъ обязанъ отстаивать высшій порядокъ, основанный на справедливости» *).

Въ Англіи священники не могутъ быть членами парламента. До 1801 года вопросъ этотъ оставался подъ сомнѣніемъ и открытымъ, покуда не былъ избранъ въ парламентъ священникъ Хорнъ-Тукъ, о которомъ я уже говорилъ. Тори внесли предложеніе объ изгнаніи радикальнаго священника изъ палаты общинъ, но оно не прошло. Хорнъ-Тукъ остался въ палатѣ, но за то правительство немедленно внесло билль, въ силу котораго священники англиканской и шотландской церквей лишались избирательныхъ правъ. По закону 1829 (Catolic Emancipation Act) избирательныхъ правъ лишены также и католическіе священники. Такимъ образомъ теперь въ распоряженіи англійскаго священника, желающаго принять участіе въ политической жизни страны, находятся только печать, каѳедра и платформа. И всѣми тремя воспользовался Текуэллъ. Съ первой программной политической рѣчью онъ выступилъ въ февралѣ 1884 г. Въ Англіи тогда подготовлялся новый избирательный законъ, который долженъ былъ призвать къ общественной жизни сельскихъ работниковъ. «Въ моей первой рѣчи — говоритъ Текуэллъ — я коснулся всего того, что передумалъ за послѣднее время. Она, въ сущности, является эмбріономъ тысячи другихъ моихъ политическихъ рѣчей, произнесенныхъ впослѣдствіи въ разныхъ городахъ Англіи и Шотландіи. Я опредѣлилъ въ первой рѣчи политику, какъ науку о человѣческомъ счастіи. Англійская политика поэтому должна имѣть цѣлью счастіе всѣхъ мужчинъ и женщинъ, живущихъ въ Англіи. Намъ говорятъ, что Англія самая

*) Глава „How I became a Radical" въ упомянутой выше книгѣ.

счастливая страна въ мірѣ; но въ чемъ проявляется это счастье? Анализъ фактовъ показываетъ намъ, что 10% населенія живутъ въ страшномъ богатствѣ и полной лѣни. Профессіональный классъ составляетъ 20% всего населенія; рабочіе, составляющіе 50% всего населенія, работаютъ не по силамъ и получаютъ ничтожное вознагражденіе, не хватающее имъ на удовлетвореніе наиболѣе необходимыхъ потребностей. Двадцать процентовъ всего населенія оборванные, грязные, безпомощные, подавленные отчаяніемъ, ведутъ звѣриную жизнь. Шестую часть моихъ слушателей въ тотъ вечеръ составляли фермеры, — продолжаетъ Текуэллъ. — Я задалъ имъ вопросъ: живутъ ли они счастливо? Въ отвѣтъ послышалось единодушное отрицаніе. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ должна явиться политика для фермеровъ? Она должна принести съ собою уменьшеніе ренты, справедливые налоги, прочность арендныхъ договоровъ. Я обратился съ тѣмъ же вопросомъ о счастьѣ къ остальнымъ слушателямъ, сельскимъ работникамъ. На исхудалыхъ, измученныхъ лицахъ ихъ появилась мрачная улыбка. И я объяснилъ, что должна принести съ собою для сельскихъ работниковъ нормальная политическая жизнь: minimum заработной платы въ 21 шиллингъ въ недѣлю, сокращеніе числа рабочихъ часовъ и земельные надѣлы. Я сказалъ, что всего этого массы могутъ добиться послѣ того, какъ пройдетъ новый избирательный законъ. Изъ пяти милліоновъ гражданъ, которые явятся къ урнамъ, будетъ четыре милліона работниковъ. Имъ стоитъ, поэтому, только захотѣть, и всѣ реформы будутъ осуществлены».

IV.

Долженъ ли вообще священникъ вмѣшиваться въ политическую жизнь страны? — задаетъ вопросъ Текуэллъ и отвѣчаетъ на него, конечно, утвердительно.

«Говорятъ, обязанность священника только произносить проповѣди,—пишетъ Текуэллъ.—Совершенно вѣрно; но что онъ долженъ проповѣдывать? Арнольдъ Тойнби любилъ говорить, что священникъ, желающій видѣть развитіе религіознаго чувства у своей паствы, долженъ начать съ проповѣди соціальныхъ реформъ. Смыслъ афоризма совершенно ясенъ и точенъ. Припоминаю совѣтъ священниковъ, собранный много лѣтъ тому назадъ, для обсужденія духовнаго мрака, въ которомъ коснѣютъ окраины большинства городовъ. Кто-то елейно предложилъ, и собраніе приняло это предложеніе, послать въ ближайшее воскресеніе въ погруженные въ мракъ кварталы фургонъ съ библіями и молитвенниками, чтобы раздать ихъ населенію. На съѣздѣ присутствовалъ старый, сѣдой священникъ, вся жизнь котораго прошла въ бѣдныхъ кварталахъ. Онъ всталъ и предложилъ поправку къ рѣшенію съѣзда: «Ваше поста-

новленіе хорошо, но недостаточно, — сказалъ старикъ. — Раньше чѣмъ послать молитвенники и библіи, отправьте въ эти мрачные кварталы фургоны, нагруженные кусками баранины и говядины, ковригами хлѣба и фунтовыми пачками чая, потому что населеніе тамъ голодаетъ. А на почвѣ голода не можетъ вырасти благочестіе». Въ то время, — продолжаетъ Текуэллъ, — я былъ еще очень молодымъ священникомъ и подобно другимъ товарищамъ очень невѣжественъ. Вотъ почему рѣчь стараго священника показалась мнѣ тогда почти кощунственной и, во всякомъ случаѣ, не относящейся къ дѣлу. Но, поработавъ годъ въ бѣдныхъ кварталахъ, я понялъ насколько правъ былъ старикъ».

Священникъ, по мнѣнію Текуэлла, долженъ, прежде всего, проповѣдывать политическія и соціальныя реформы, которыя дадутъ возможность бѣднякамъ вздохнуть свободно и принять человѣческій образъ.

«Деревенскій священникъ видитъ въ селѣ, въ которомъ онъ претендуетъ быть намѣстникомъ Божіимъ и носителемъ его благодати,—грязныя и темныя мурьи. Въ нихъ въ одной комнатѣ спятъ часто восемь человѣкъ. Онъ видитъ открытыя сточныя канавы, являющіяся очагомъ тифозной заразы. Пусть же священникъ съ каѳедры, въ мѣстной печати и на митингахъ обличаетъ скаредность, жадность и жестокость владѣльцевъ коттеджей. Онъ знаетъ, что сельскій работникъ получаетъ жалованіе, не хватающее даже на удовлетвореніе половины скромныхъ потребностей семьи. Пусть же священникъ намѣчаетъ практическую реформу въ видѣ справедливыхъ земельныхъ надѣловъ. Онъ долженъ внимательно изучить исторію англійскихъ аграрныхъ законовъ; священнику подобаетъ въ своихъ проповѣдяхъ сравнивать зажиточность фермеровъ въ другихъ странахъ, гдѣ сельское населеніе имѣетъ достаточно земли, съ нищетой англійскихъ работниковъ. Пусть деревенскій священникъ смѣло говоритъ о возвращеніи земли народу, не страшась мѣстныхъ помѣщиковъ. Городской священникъ поставленъ лицомъ къ лицу, съ одной стороны, съ преступленіями, пороками и роскошью богатыхъ классовъ, съ другой — съ нищетой и непосильной работой трудящихся массъ. Первые живутъ въ красивыхъ, удобныхъ, здоровыхъ, просторныхъ жилищахъ; вторые — скучены въ берлогахъ, дышатъ отравленнымъ воздухомъ, лишены вслѣдствіе обременительной работы всякой возможности заботиться о самообразованіи, истощаютъ еще больше себя стачками и накопляютъ гнусную злобу, которая рано или поздно должна повести къ революціи. Во время политическаго броженія въ Англіи въ 1848 г. два священника, Морисъ и Кингсли, стояли во главѣ недовольныхъ работниковъ. Вліянію этихъ священниковъ Англія обязана тѣмъ, что волненія тогда обошлись безъ кровопролитій. Современный городской священникъ, сознательно и честно относящійся къ своему долгу, долженъ,—продолжаетъ Текуэллъ,—пойти по слѣдамъ

Мориса и Кингсли *). Современный городской священникъ долженъ такъ же относиться къ рабочему движенію, трэдъ-юніонизму и къ соціализму, какъ Кингсли и Морисъ относились къ чартизму».

«Явись Христосъ теперь среди насъ, на сторонѣ кого онъ сталъ бы? Присоединился ли бы онъ къ капиталистамъ, лэндлордамъ и къ князьямъ церкви, или сталъ бы онъ на сторонѣ голодныхъ отверженцевъ, дрожащихъ отъ холода безработныхъ, несчастныхъ, которыхъ общество сдѣлало преступниками, и работниковъ, обреченныхъ рабочему дому въ видѣ награды за то, что всю жизнь производили богатства? Священникъ не можетъ не касаться политики,—продолжаетъ Текуэллъ. — Какое право имѣетъ служитель алтаря уклоняться отъ всѣхъ этихъ вопросовъ»?

— «Чѣмъ объяснить апатію священниковъ?—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Текуэллъ.—Почему аккредитованные служители церкви стоятъ въ сторонѣ отъ движеній, которыя колеблютъ все общество до самаго основанія? Почему такъ называемые священники-радикалы, принимающіе участіе въ большихъ промышленныхъ движеніяхъ, помогающіе стачечникамъ, проповѣдующіе возвращеніе земли народу, обличающіе съ платформы высокопоставленныхъ «злодѣевъ на законномъ основаніи»,—являются въ великомъ воинствѣ служителей алтаря только Абдіэлями» *)? Текуэллъ приводитъ нѣсколько причинъ. Прежде всего слѣдующее. Естественнымъ послѣдствіемъ церкви, какъ государственнаго учрежденія, является тѣсный союзъ ея съ богатыми классами, союзъ братскій или раболѣпный, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Священнослужители ставятъ союзъ съ государствомъ выше своей церкви и свою церковь выше Христа. «Точно такъ, — говоритъ Текуэллъ,—какъ догматы формулированы для того, чтобы укрѣпить вѣру, ставшую формальностью, — точно такъ государственная церковь придумана для того, чтобы утвердить разваливающуюся религію». Вторую причину, что радикалы-священники являются только Абдіэлями, авторъ видитъ въ томъ, что соціологія до послѣдняго времени не составляла предмета изученія въ школахъ и университетахъ. Земельный вопросъ, рабочій вопросъ, ненормальности современнаго соціальнаго строя, накопленіе недовольства въ массахъ, — обо всемъ этомъ до послѣдняго времени студенты оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, изъ которыхъ выходятъ священники, почти ничего не знали. Золотая и

*) Чарльзъ Кингсли — священникъ-радикалъ и одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ романистовъ „викторіевской“ эпохи. Его романы „Westward ho!“ и „Hypatia“ читаются съ увлеченіемъ еще и теперь и переведены почти на всѣ языки. Кингсли изобразилъ чартистское движеніе въ романѣ *Alton Locke*, который давно слѣдовало бы перевести по-русски, а въ особенности теперь. Морисъ — авторъ ряда памфлетовъ и издатель журналовъ *Christian Socialist* и *Politics for the People*.

*) Абдіэль — серафимъ въ мильтоновскомъ „Потерянномъ Раѣ“. Онъ одинъ остается вѣренъ Богу, когда Сатана подбиваетъ ангеловъ къ мятежу.

золоченая молодежь, воспитывающаяся въ среднихъ школахъ (pulic schools), дѣлитъ своихъ товарищей на «джентльмэновъ» и «мѣщанъ» (cads), при чемъ у самой демаркаціонной линіи, внутри ея, стоятъ свободныя профессіи. И изъ такой школы выходитъ молодой священникъ. Правда, онъ признаетъ, что и рабочіе классы представляютъ зрѣлую ниву для серпа церковнослужителя; но не имѣетъ и отдаленнаго понятія объ этомъ «полѣ». Что общаго, въ самомъ дѣлѣ, между молодымъ воспитанникомъ оксфордскаго университета, «джентльмэномъ», и рабочимъ классомъ. Говорятъ, жена деревенскаго ректора постоянно повторяла въ церкви одну и ту же молитву: «Господи, сдѣлай такъ, чтобы всѣ бѣдные были довольны своею участью». Священникъ, въ сущности, напоминаетъ эту жену ректора: онъ можетъ проповѣдывать своей паствѣ только смиреніе. Авторъ перечисляетъ дальше злосчастья священника-радикала. Въ Англіи эти злосчастія и въ сотой части не могутъ сравняться съ скорпіонами, достающимися на долю священника не-черносотенца у насъ. Англійскій священникъ обезпеченъ матеріально. Ни епископъ, ни министръ не могутъ удалить его за радикализмъ. Въ Англіи нѣтъ совершенно представителей центральной власти, какъ губернаторы, градоначальники, исправники и пр., вмѣшивающіеся въ дѣла гражданъ и церкви. Мѣстный отдѣлъ консервативной лиги «Подснѣжника» не посылаетъ доноса на священника за то, что тотъ не записался въ члены ея. Клэрджимэну нечего бояться, что за политическія убѣжденія его разстригутъ, посадятъ въ тюрьму или отправятъ въ ссылку въ фортъ Макферсона, на землю короля Вильгельма или на полуостровъ Мельвиля, соотвѣтствующіе по своему положенію Обдорску, Туруханску и Средне-Колымску. Несчастья англійскаго радикальнаго священника неизмѣримо меньшаго калибра. Лэндлордъ является лучшимъ и наиболѣе тароватымъ прихожаниномъ деревенскаго клэрджимэна. Онъ щедрой рукой даетъ на благолѣпіе церкви (ни одинъ народъ не жертвуетъ такъ щедро, какъ англичане*), охотно строитъ школы, библіотеки; съ одного слова подписываетъ чекъ на 200—300 ф. ст. для бѣдныхъ, которымъ патронизируетъ жена ректора,—но до тѣхъ только поръ, покуда священникъ проповѣдуетъ сельскимъ работникамъ смиреніе. Какъ только священникъ начнетъ обличать несправедливость земельныхъ отношеній или станетъ учить «ходжа», какъ ему добиваться высшей заработной платы,—немедленно всѣ сосѣдніе сквайры объявляютъ проповѣднику и семьѣ его бойкотъ. Отъ него отворачиваются; противъ него пишутъ статьи въ мѣстныхъ газетахъ; цер-

*) Московскіе купцы, самые богатые въ Россіи, собрали для пострадавшихъ отъ наводненія въ Москвѣ же только 3 тысячи руб. Здѣсь въ Лондонѣ дѣйствуетъ безпартійный англійскій комитетъ для помощи полит. административно-ссыльнымъ въ Россіи и Сибири. И этотъ комитетъ въ короткій сравнительно срокъ собралъ около 20 тысячъ руб. Когда же дѣло касается своихъ, то пожертвованія льются широкимъ потокомъ

ковная касса пустѣетъ. Сельскимъ работникамъ отдается приказъ, чтобы они не смѣли, подъ страхомъ расчета, посѣщать церковь или лекціи, устраиваемыя священникомъ.

Текуэллъ настоятельно убѣждаетъ служителей алтаря вспомнить, что они должны отстаивать интересы не сильныхъ міра, лѣнивыхъ и жестокихъ, а массъ, трудящихся и обойденныхъ во всемъ. Если церковь этого не сдѣлаетъ,—говоритъ авторъ,—то она потеряетъ всякую живую связь съ народомъ и погибнетъ.

Согласно этимъ взглядамъ, Текуэллъ принялъ горячее участіе въ политической борьбѣ 1884 г. за расширеніе избирательныхъ правъ народа. Многіе епископы были противъ реформы. Въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ рядовому духовенству, Текуэллъ умолялъ священниковъ пристать къ движенію. Онъ сравнивалъ реформу съ освобожденіемъ Израиля изъ плѣна египетскаго и доказывалъ священникамъ, что они немедленно обязаны стать въ рядахъ порабощеннаго народа, а не жестоковыйнаго Фараона. «Если духовенство не вступится за угнетенныхъ и безпомощныхъ, оно докажетъ, что состоитъ только изъ фарисеевъ. Если церковь не станетъ церковью бѣдныхъ, она сама вынесетъ обвинительный приговоръ. Церковь, поддерживаемая правительственнымъ распоряженіемъ,—вылѣплена изъ воска. Церковь, сооруженная въ сердцахъ народа, незыблема» **).

V.

Наступили всеобщіе выборы, первые послѣ того, какъ сельскіе работники были пріобщены къ политической жизни страны. Въ восьмидесятыхъ годахъ въ массахъ сильна была еще вѣра, что одна побѣда либераловъ надъ консерваторами можетъ принести съ собою золотой вѣкъ для народа. Вѣра эта породила любопытную народную лубочную агитаціонную литературу (политическія баллады, «литаніи», «азбуки» и пр.), собранную въ сборникѣ «Curiosities of Street Literature», представляющемъ теперь большую библіографическую рѣдкость. Я приведу нѣсколько образчиковъ этой англійской лубочной литературы, вытѣсненной народными газетами и возникшими новыми политическими партіями и отошедшей, поэтому, въ область преданій. Вотъ выдержка изъ «Политической азбуки сторонниковъ реформъ», появившейся въ эпоху борьбы за второй великій билль о реформахъ:

A—stands for Aristocrat, who nothing will do,
Who says they to work was not born;
And also the Adullamites, a double—faced crew,
The worst foes we have to Reform.

*) Reminiscences of a Radical Parson, p. 39.

(т. е. *A*—означаетъ *Аристократъ*; онъ ничего не хочетъ дѣлать и говоритъ, что не рожденъ для работы. Означаетъ также *Адулламитовъ* *), двуличную шайку, наихудшихъ враговъ, которыхъ необходимо намъ побѣдить)

D—stands for Derby, and also Dizzey,
Who talks large when there's nothing to do;
Like parsons they say, you must do as they say,
But, mindyou, don't do as they do.

(т. е. *D*—означаетъ Дерби, а также Диззи (Дизраэли), которые много болтаютъ тамъ, гдѣ нечего дѣлать. Подобно попамъ, они говорятъ: «вы должны дѣлать то, что мы говоримъ; но, помните, не дѣлать то, что мы дѣлаемъ»).

Q—stands for Question, and Question is this,
Are Englishmen to gain their Rights?
Or must they labour like nameless serfs,
And allow Might to overcome Right.

(т. е. *Q* — означаетъ question (вопросъ), — вотъ этотъ вопросъ: «Получатъ ли англичане свои права, или же должны работать, какъ безотвѣтные рабы, и допустить, чтобы сила взяла верхъ надъ правомъ?)

А вотъ выдержка изъ двухъ политическихъ «литаній». Отъ «нетерпимости тори, реформаторы, спасите насъ. Друзья реформы, внемлите намъ. Отъ взятокъ и подкуповъ, отъ всего воинства адулламитскаго и отъ людей съ руками нечистыми, радикалы, охраните насъ. Охраните насъ, молимся вамъ. Отъ запертыхъ воротъ Гайдъ-парка **) избави насъ, добрый Уолполь. О, Уолли, внемли намъ» и пр. Слѣдующая «литанія» появилась во время свирѣпствованія бѣлаго террора въ Ирландіи. «О, Гладстонъ, борецъ за реформы и другъ народа, заступись за бѣдныхъ заключенныхъ—феніевъ. Молимъ тебя, о Гладстонъ. Вы, безстрашные борцы за Ирландію, Сёлливэнъ и Муръ, агитируйте за бѣдныхъ заключенныхъ феніевъ. Агитируйте, о, патріоты! Мы молимъ васъ. Обложи налогами высшую аристократію, чтобы помочь бѣднякамъ эмигрировать. Молимъ тебя о томъ, о добрый Лоу!»

Приведу еще выдержки изъ «Катехизиса комитета призрѣнія бѣдныхъ».

---

*) *Адулламитами* въ парламентской исторіи Англіи называютъ группу либераловъ, отдѣлившуюся отъ виговъ и голосовавшую вмѣстѣ съ консерваторами, когда Рессель и Гладстонъ внесли въ 1866 г. билль о реформахъ. Имя взято изъ библіи. Въ пещеру адулламскую скрылись послѣдователи Давида, отдѣлившіеся отъ Саула.

**) Намекъ на тори, которые заперли Гайдъ-паркъ во время обсужденія билля о реформахъ, чтобы не допустить громадный митингъ на народномъ форумѣ. Народъ выломалъ желѣзныя ворота, снесъ рѣшетку и цѣлую ночь провелъ въ паркѣ. Лондонъ тогда былъ наканунѣ революціи.

Вопросъ. Какъ твое имя?

Отвѣтъ. Пауперъ.

В. Кто назвалъ тебя такъ?

О. Комитетъ призрѣнія бѣдныхъ, къ которому обратился за помощью въ тяжелую минуту, когда я впервые сталъ дитятей нужды, членомъ рабочаго дома и наслѣдникомъ всѣхъ оскорбленій, завѣщанныхъ бѣднякамъ отъ времени.

В. Что сдѣлалъ для тебя комитетъ?

О. Онъ обѣщалъ мнѣ двѣ вещи. Первая, что со мною будутъ обращаться, какъ съ шельмованнымъ преступникомъ, лишатъ свободы и посадятъ на тюремную діэту. Вторая, что меня будутъ угнетать до самой смерти.

В. Прочти символъ вѣры.

О. Вѣрую въ жестокость людей, выработавшихъ современные законы о бѣдныхъ. Вѣрую также въ то, что законы эти являются причиной смерти десятка тысячъ несчастныхъ» и пр. *).

Теперь эта лубочная политическая литература отошла въ область исторіи. Ее вытѣснили агитаціонные *партійные* памфлеты и листки. Подражая этимъ «литаніямъ», Текуэллъ написалъ передъ общими выборами обращеніе къ сельскимъ работникамъ, которое въ свое время вызвало бурю. *Times* обрушился тогда на священника радикала, которому, кромѣ того, пришлось имѣть еще объясненія съ епископомъ. «Обращеніе», выдержавшее много изданій, крайне любопытно во многихъ отношеніяхъ. Авторъ-священникъ доказываетъ массамъ, что онѣ имѣютъ право на выборахъ уподобиться въ нѣкоторомъ родѣ Конраду Валенроду. «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ,—говорится въ этомъ воззваніи,—вы призваны будете подать голосъ на выборахъ за кандидата, который представитъ въ парламентѣ ваши собственные интересы. (Воззваніе собственно обращено къ сельскимъ работникамъ округа Рагби). Я говорю *ваши* интересы, потому что рабочіе люди составляютъ четыре пятыхъ всего населенія Англіи. Богатство и значеніе соединеннаго королевства созданы вашей работой на поляхъ и фабрикахъ и вашимъ мужествомъ и дисциплиной въ сраженіяхъ. Вотъ почему высшей задачей парламента и первымъ долгомъ государственныхъ дѣятелей должна быть забота о вашемъ благосостояніи. Принимая во вниманіе, что только одна пятая всего населенія живетъ въ довольствѣ, а остальные испытываютъ крайнюю нужду,—мы поймемъ, что Англія бѣдная, а не богатая страна. И вотъ теперь я хочу объяснить вамъ, какой громадной силой располагаете вы съ тѣхъ поръ, какъ получили избирательныя права. Изъ каждыхъ пяти избирателей, которые будутъ голосовать на ближайшихъ выборахъ, четыре—работники. Другими словами, вы можете создать такой

*) Curiosities of Street Literature: Comprising „Cocks", Political Litanies, Squibs, Catechisms, etc., etc. *London.* p. p. 83, 85, 89.

парламентъ, который будетъ исполнять то, что вы ему продиктуете. Теперь выяснимъ, что долженъ дѣлать парламентъ. Говорилъ ли вамъ когда нибудь священникъ про нѣкоего царя израильскаго, къ которому Господь явился во снѣ и предложилъ пожелать, что тотъ хочетъ, обѣщая выполнить пожеланіе. Если бы Господь, явился къ вамъ сегодня ночью съ такимъ же предложеніемъ что отвѣтили бы вы? Я думаю, вы сказали бы Господу: «У меня пять дѣтей, которыхъ нужно накормить и одѣть. Для этого мнѣ необходимо имѣть хотя бы фунтъ въ недѣлю. А между тѣмъ, въ лучшемъ случаѣ, я могу заработать только четырнадцать шиллинговъ. Я хотѣлъ бы, поэтому, зарабатывать круглый годъ не меньше двадцати шиллинговъ въ недѣлю. Потомъ еще слѣдующее. Работаю я по десяти часовъ въ день. Работа моя тяжелая и, поэтому, когда прихожу домой, чувствую такую усталость, что или сейчасъ же заваливаюсь спать послѣ ѣды, или такъ начинаю ссориться съ женой, что та рада, если я ухожу даже въ кабакъ. Я хотѣлъ бы, поэтому, работать только по восьми часовъ въ день. Затѣмъ мурью, въ которой живу, я могу считать своей только отъ мѣсяца до мѣсяца. Хорошо, если домохозяинъ внимательный и добрый, а то попадется злой и своевольный. Онъ прогонитъ меня, если пожалуюсь на застоявшуюся воду въ колодцѣ или на вонючее отхожее мѣсто, общее для всѣхъ сосѣдей. Я не хочу находиться въ зависимости отъ добродушія или отъ злости домовладѣльца. Я желаю чувствовать себя полнымъ хозяиномъ въ моемъ домѣ, въ моемъ садикѣ. Мнѣ надобна увѣренность въ арендномъ договорѣ». Такъ сказали бы вы. И Господь, конечно, не счелъ бы чрезмѣрнымъ требованіемъ то, что человѣкъ желаетъ сытно питаться, хочетъ имѣть хоть немного досуга и приличное жилье. Черезъ нѣсколько лѣтъ внуки станутъ поражаться умѣренностью вашихъ требованій. Мы сами впослѣдствіи потребуемъ больше; но я хочу, чтобы вы вполнѣ поняли слѣдующее. Если вы теперь выставите требованія, перечисленныя выше, *то можете быть вполнѣ увѣрены, что они будутъ удовлетворены.* Но только вы всѣ должны столковаться и дать понять другимъ, что вы желаете именно это, а не другое. Какъ-то на-дняхъ читалъ я рѣчь вождя консерваторовъ, т. е. такихъ людей, которые желали бы, чтобы все осталось по-старому. Говорятъ, онъ очень хорошій и честный человѣкъ, но только ничего не знаетъ про рабочихъ людей. Если бы зналъ, то не былъ бы консерваторомъ. Ну, вотъ этотъ вождь говорилъ въ Девонширѣ. Люди, должно полагать, очень просты тамъ. Вождь доказывалъ имъ, что, когда народные представители соберутся снова, они должны подумать прежде всего не о своихъ деревенскихъ и городскихъ нуждахъ, а объ имперскихъ дѣлахъ въ Индіи и Египтѣ. Не правда ли, что за странный совѣтъ дается полуголоднымъ людямъ! Не заботьтесь раньше всего о пустомъ брюхѣ, о вашихъ оборванныхъ дѣтяхъ, о скверныхъ домахъ, — говоритъ вождь консерва-

ровъ.—Слѣдуетъ думать не о томъ, какъ бы поменьше изнуряться на работѣ, а о внѣшней политикѣ, объ отношеніяхъ Англіи къ Россіи или Афганистану. Вы завтракаете черствымъ хлѣбомъ и луковицей; ваша жена послѣ родовъ не имѣетъ ничего болѣе питательнаго, чѣмъ хлѣбъ, патока и спитой чай; хозяинъ по капризу прогналъ васъ изъ коттеджа, и вы должны искать новую квартиру въ трехъ верстахъ отъ мѣста работы; но вождь консерваторовъ совѣтуетъ вамъ не думать о всѣхъ этихъ пустякахъ, а гордиться тѣмъ, что побили какого-то неизвѣстнаго Магди или взяли подъ протекторатъ мошенника хедива, до котораго вамъ нѣтъ никакого дѣла. Для свершенія этихъ подвиговъ, которыми вамъ слѣдуетъ утѣшаться, жуя корку подъ заборомъ, пролито много крови вашихъ дѣтей и растрачены кучи денегъ, добытыхъ вашимъ трудомъ. И если бы эти деньги затрачены были на васъ; если бы убитые юноши остались въ деревнѣ и въ городахъ, да работали, вмѣсто того, чтобы кормить своими тѣлами египетскихъ коршуновъ,—англійскимъ работникамъ жилось бы куда лучше и сытнѣе. Запомните же теперь хорошенько слѣдующее. Отнынѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ вашей единственной политической программой можетъ быть только: независимость, полноправность, достатокъ и досугъ. Когда добьетесь всего этого, то перестанете быть рабами. Вы будете свободны; тогда, если будетъ охота займитесь на досугѣ иностранной политикой и обсуждайте, что предпринять въ Египтѣ или тамъ въ Афганистанѣ. Но прежде всего добудьте себѣ воли и хлѣба».

Передъ выборами съ сельскими работниками, получившими избирательныя права, начали заигрывать такія партіи, которыя всегда относились крайне враждебно къ массамъ. И священникъ-радикалъ предупреждаетъ объ этомъ сельское населеніе, разсказавъ ему эпизодъ изъ романа Диккенса «Нелли и ея дѣдушка», который, между прочимъ, назидателенъ не только для англійскихъ работниковъ. Маленькая Нелли, какъ читатель припомнитъ, попала въ странствующую труппу. Одного изъ актеровъ звали Шортъ, другого Кодлинъ. Шортъ былъ веселый, добрый парень, всегда ласково относившійся къ маленькой Нелли. Кодлинъ же, напротивъ, отличался мрачнымъ, свирѣпымъ нравомъ, всегда грубо обращался съ Нелли и при каждомъ случаѣ выказывалъ свою антипатію къ ней. Но получается извѣстіе, что у Нелли — богатые друзья, которые ищутъ ее. Все свидѣтельствуетъ, что маленькая нищенка скоро разбогатѣетъ. И вотъ ночью, когда Нелли заснула въ углу балагана, она слышитъ что кто-то ей шепчетъ на ухо. Дѣвочка вскочила. Предъ ней былъ Кодлинъ; на кисломъ лицѣ его лежала сладкая улыбка. «Вспомните, милая,—зашепталъ Кодлинъ,—что я вашъ другъ, а не Шортъ. Шортъ очень хорошій парень, но это Кодлинъ любилъ васъ всегда и стоялъ за васъ. Понимаете, Кодлинъ вашъ другъ, а не Шортъ». То-же самое повторяется те-

перь въ Англіи,—продолжаетъ Текуэллъ въ своемъ воззваніи къ сельскимъ работникамъ.—Консерваторы это—Кодлинъ, радикалы—Шортъ, а сельскіе работники—маленькая Нелли. Много десятковъ лѣтъ Кодлинъ, не уставая, говорилъ, что вы—опасные люди и держалъ васъ въ подчиненіи, не давая избирательныхъ правъ, тогда какъ Шортъ заступался всегда за васъ. И вотъ теперь, когда Шортъ выигралъ для васъ побѣду, и вы стали полноправными гражданами, является кротко и ласково улыбающійся Кодлинъ съ увѣреніемъ, что всегда былъ вашимъ лучшимъ другомъ, хотя вы того и не подозрѣвали. По словамъ Кодлина, онъ не давалъ вамъ избирательныхъ правъ только изъ одной любви, желая добра. Все это время, по увѣренію Кодлина, онъ болѣлъ душой за васъ». Теперь приближаются выборы. Необходимо подать голосъ за стараго друга, за Шорта. Но «Кодлинъ»—сиренъ. Онъ—помѣщикъ, предприниматель и можетъ круто насолить «Нелли», если узнаетъ, за кого она подала голосъ. И вотъ священникъ доказываетъ прихожанамъ, что въ подобномъ случаѣ можно и должно проявить нѣкоторое лицемѣріе. Библія говоритъ: «Отвѣчай безумцу соотвѣтственно безумію его».

«Поэтому, если безумецъ, могущій повредить вамъ, предлагаетъ вамъ подписать бумагу, — подписывайте ее. Если онъ требуетъ отъ васъ обѣщанія, — давайте его; если онъ хочетъ, чтобы вы присутствовали на собраніи,—ходите. Но помните твердо, что подписываніе бумаги, обѣщаніе и хожденіе, какъ добытыя отъ васъ принудительнымъ путемъ,—не имѣютъ никакого значенія. Въ концѣ концовъ, избирательный голосъ остается *при васъ* и вы можете подать его, за кого *сами* захотите. И когда наступитъ день выборовъ, и Кодлинъ будетъ обходить деревню, сладко улыбаясь каждому изъ васъ,—улыбайтесь и вы ему. Если онъ любезно предложитъ везти васъ въ своей каретѣ до избирательныхъ урнъ, смѣло садитесь. Но въ вашей избирательной запискѣ ставьте все таки крестъ противъ имени Шорта». Въ томъ же воззваніи Текуэллъ доказываетъ, что искренніе священники не могутъ быть консерваторами, а обязаны стоять всегда на сторонѣ народа. «Священникъ, а въ особенности деревенскій, лучше всѣхъ можетъ помочь совѣтомъ работнику передъ выборами,—говоритъ Текуэллъ. — Я не думаю, что найдется священникъ, который рѣшился бы назвать себя во время этихъ выборовъ консерваторомъ, т. е. человѣкомъ, желающимъ, чтобы все осталось по прежнему. Есть только двѣ причины, заставляющія человѣка желать сохраненія прежняго порядка. Первая — себялюбіе. Старый порядокъ вещей выгоденъ человѣку, и онъ желаетъ, чтобы все осталось безъ перемѣны, хотя отъ этого страдаютъ другіе. Открыто въ этомъ священникъ не смѣетъ признаться. Его бы засмѣяли. Во-вторыхъ, человѣкъ консервативенъ, потому что невѣжественъ. Онъ не знаетъ, какъ велика нищета, въ которой живетъ большинство его согражданъ.

Онъ не знаетъ, что сохраненіе стараго порядка означаетъ вѣчное рабство, съ одной стороны, и вѣчную тираннію,—съ другой. Но священникъ не можетъ прикрываться незнаніемъ. Онъ ходитъ въ грязные коттеджи, видитъ, какъ скученно живутъ люди въ нихъ, и знаетъ, что у бѣдняковъ въ жизни нѣтъ никакой радости, кромѣ кабака, и никакого будущаго, кромѣ общей могилы для пауперовъ. Священники не смѣютъ оправдываться невѣдѣніемъ. Я увѣренъ поэтому, что во время предстоящихъ выборовъ они станутъ на сторонѣ народа, защитниками котораго Господь ихъ поставилъ. Убѣжденъ, что они научатъ васъ поставить каждому кандидату такой вопросъ: «станете ли вы, когда мы пошлемъ васъ въ парламентъ, прежде всего добиваться измѣненія несправедливыхъ законовъ, вслѣдствіе которыхъ наша непосильная работа, оставляя насъ нищими, обогащаетъ другихъ? Будете ли вы стоять за увеличеніе заработной платы, за сокращеніе числа рабочихъ часовъ и за удобные, уютные коттеджи?» Текуэллъ ошибся, предположивъ, что *всѣ* священники на выборахъ 1885 г. станутъ на сторонѣ народа. Подавляющее большинство всею душою тяготѣло, по прежнему, къ богатымъ классамъ.

VI.

Воззваніе Текуэлла вызвало бурю. «Торійская печать метала громы и молніи,—говоритъ авторъ воспоминаній.—Епископъ моей епархіи написалъ мнѣ внушительное письмо. Между нами завязалась переписка, не убѣдившая никого изъ насъ; но епископъ не принялъ дальнѣйшихъ мѣръ». Противъ неизвѣстнаго до тѣхъ поръ сельскаго священника ополчился «Times», выступившій съ грязной передовой статьей «*Ложь ради политическихъ цѣлей*». Цѣлую недѣлю послѣ того консервативныя газеты говорили о Текуэллѣ, какъ объ опасномъ демагогѣ. Въ то же время воззваніе имѣло громадный успѣхъ не только въ Англіи. Оно было переведено по-валлійски, переложено въ стихи, перепечатано въ Америкѣ и въ Австраліи.

Въ общемъ, вѣроятно, разошлось не менѣе милліона экземпляровъ. Текуэллъ выступилъ въ защиту своего воззванія, доказывая, что имѣлъ право рекомендовать сельскимъ избирателямъ политическое лицемѣріе. «Передъ зависимымъ и подневольнымъ избирателемъ только два пути: мученичество или притворство. Мученичества я не могу проповѣдывать, потому что не знаю, способенъ ли я самъ на него. Открытое высказываніе со стороны сельскихъ работниковъ своихъ политическихъ взглядовъ повело бы къ массовымъ изгнаніямъ изъ коттеджей. При нынѣшнемъ положеніи работниковъ и при некультурности ихъ это повело бы къ конвульсивному, кровавому революціонному содроганію, которое причинило

бы странѣ великія бѣдствія. Вотъ почему я рекомендовалъ притворство. Если при помощи простого обѣщанія голосовать за консерватора бѣдный человѣкъ можетъ избавиться отъ неминуемаго разоренія, я совѣтую ему дать это обѣщаніе, такъ какъ оно не имѣетъ никакого значенія, ибо вынуждено. Мой совѣтъ нейтрализируетъ устрашеніе и ставитъ прибѣгающихъ къ послѣднему въ смѣшное положеніе. Не могу я также признать, что мой совѣтъ безнравственъ. Нравственность, мнѣ кажется, означаетъ выполненіе долга по отношенію къ ближнимъ. И вотъ я никакъ не могу понять, какой долгъ къ ближнему нарушаетъ избиратель, дающій уклончивые отвѣты своему помѣщику. Напротивъ, слѣдуетъ радоваться только по поводу того, что послѣдній самъ попалъ въ яму, которую рылъ другому. Мнѣ говорятъ, что лицемѣріе вредно отразится на нравственныхъ инстинктахъ массъ. Нисколько, потому что въ воззваніи рѣзко подчеркивается разница между обѣщаніемъ, вынужденнымъ страхомъ, и словомъ, даннымъ полномочнымъ человѣкомъ... Всѣ мои оппоненты согласны съ тѣмъ, что уклончивость или, скажемъ прямо, ложь допустима въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Уклончивость въ отвѣтахъ, поставленныхъ сквайромъ сельскому работнику, всецѣло зависящему отъ каприза помѣщика, есть именно тотъ исключительный случай, когда неправда простительна. Она охраняетъ интересы работника, даетъ ему возможность голосовать согласно указаніямъ совѣсти и смягчаетъ накипѣвшую въ груди его ярость сознаніемъ комизма положенія. Работникъ внутренно улыбается, предвидя, какъ вытянется лицо у маленькаго деревенскаго тирана, когда онъ узнаетъ неожиданный для себя исходъ выборовъ»

Когда въ парламентѣ обсуждался билль о распространеніи избирательнаго права и на сельскихъ работниковъ, нѣкоторые консерваторы, возражая Гладстону, говорили, что «ходжу» не нужны политическія права. Онъ настолько невѣжественъ, что не будетъ знать, какое употребленіе сдѣлать изъ своего права. Гладстонъ отвѣтилъ, что это аргументъ *за*, а не противъ надѣленія *ходжа* политическими правами. Если въ странѣ есть люди настолько невѣжественные, что не знаютъ цѣны собственной свободѣ,—сказалъ Гладстонъ,—то слѣдуетъ ихъ скорѣе пріобщить къ жизни страны. Политическая свобода—лучшая школа для воспитанія гражданъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Текуэллъ свидѣтельствуетъ, какъ быстро свершается политическое воспитаніе народа. «Стремительность роста политическаго самосознанія среди сельскихъ работниковъ поразила меня,—говоритъ авторъ.—Всего лишь десять мѣсяцевъ тому назадъ *ходжъ* едва ли понималъ значеніе избирательнаго права, не зналъ цѣны собственнаго голоса, не вѣрилъ, чтобы голосованіе могло оставаться тайной и не подозрѣвалъ, что можно и не слѣдовать указаніямъ помѣщика или хозяина. Теперь мы убѣдились, что *ходжъ* знаетъ на память всѣ посланные ему листки,

такъ внимательно прочиталъ онъ ихъ. Сельскіе работники читали политическія газеты и обсуждали за кружкой пива статьи. Они понимали, что въ прошломъ съ ними поступали несправедливо и знали, какія реформы необходимы, чтобы въ будущемъ жилось лучше».

Наступали общіе выборы. До Текуэлла, объѣзжавшаго тогда Англію, дошли вѣсти, что въ родной его деревнѣ консерваторы не останавливаются ни передъ какимъ давленіемъ на избирателей. Онъ возвратился домой и убѣдился, что слухи вѣрны. Помѣщики грозили *ходжу* наказаніемъ или обѣщали награду соотвѣтственно съ тѣмъ, за кого будутъ голосовать сельскіе работники. Имъ говорили, что сквайръ узнаетъ, за кого голосовалъ каждый работникъ. *Ходжъ* смутился и почувствовалъ страхъ. Чтобы успокоить избирателей, священникъ наканунѣ голосованія устроилъ пробные выборы. Каждому избирателю вручена была записка съ печатными именами кандидатовъ и предложено было поставить крестъ противъ радикальнаго кандидата. Когда записки были собраны, священникъ объявилъ работникамъ, что дастъ шиллингъ тому изъ нихъ, который узнаетъ свою записку съ крестомъ среди нѣсколькихъ сотенъ другихъ. Сельскіе работники принялись тщательно изслѣдовать совершенно одинаковыя записки, стараясь узнать свою. И въ результатѣ шиллингъ остался въ карманѣ у священника. Такимъ образомъ работники наглядно убѣдились, что помѣщикъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ по запискамъ узнать, за кого голосовалъ каждый. Текуэллъ отпустилъ своихъ успокоенныхъ прихожанъ, сказавъ имъ на прощаніе, что завтра самъ будетъ все время объѣзжать деревню и слѣдить за тѣмъ, чтобы *ходжу* никто не грозилъ. «Я прибавилъ,—говоритъ онъ,—что тѣ,которые попытаются пустить въ ходъ угрозы, согласно закону, встрѣтятъ Рождество въ тюрьмѣ главнаго города графства. На другой день я съ нѣкоторыми довѣренными делегатами былъ на посту. Меня забавляли хитрыя улыбки или лукавыя подмигиванія сельскихъ избирателей, проѣзжавшихъ мимо меня въ каретахъ, доставленныхъ помѣщиками консерваторами. Я присутствовалъ при томъ, какъ были опечатаны избирательные ящики. Затѣмъ я убѣдилъ сельскихъ работниковъ избѣгать кабаковъ и возвратиться домой, что они, къ великому изумленію женъ своихъ, и сдѣлали. На другой день я отправился въ Рагби, чтобы присутствовать при подсчетѣ голосовъ. Радикальный кандидатъ, къ крайнему удивленію консерваторовъ, которые были увѣрены въ побѣдѣ,—получилъ большинство въ 1642 голоса. И изъ всѣхъ округовъ получались сообщенія о побѣдѣ радикаловъ. Намъ казалось тогда, что наступленіе золотого вѣка—близко. Но скоро наступило разочарованіе». Изъ слѣдующаго письма читатели увидятъ, какъ Текуэллъ объясняетъ, почему ожиданія сельскихъ массъ не оправдались.

Діонео.

На кооперативномъ съѣздѣ.

(Наброски.)

Послѣ минувшихъ трехъ лѣтъ у меня, какъ у многихъ другихъ россійскихъ журналистовъ, осталась неистребимая тяга къ мужицкимъ совѣщаніямъ. Есть такая потребность видѣть мужика, который размышляетъ и даже разговариваетъ. Первое время иные утверждали, что такого мужика совсѣмъ не существуетъ. Потомъ повѣрили фактамъ и сгоряча стали возлагать на говорящаго мужика самыя преувеличенныя надежды.

«Онъ придетъ, онъ выручитъ».

Теперь съ досады всѣ надежды отброшены въ сторону. Никто ничему не вѣритъ и не удивляется, ни хорошему, ни также дурному. И потому я не буду говорить о надеждахъ, но только скажу, что встрѣча съ мужикомъ освѣжаетъ...

Много его, несмотря на всѣ истребительныя мѣры. Охать ему некогда, онъ дѣйствуетъ, суетится, платитъ дани, собираетъ неурожаи.

Онъ не сидитъ на мѣстѣ, все ходитъ вокругъ да около, странствуетъ, ищетъ, хотя и не находитъ. Думаетъ о житейскомъ и говоритъ по-Успенскому: «земля, земля; душа, душа.» Оттого съ нимъ разговаривать легче и понимать его проще, чѣмъ нашего брата, интеллигента.

Въ первое время новаго мужика удавалось встрѣчать на частныхъ совѣщаніяхъ, въ деревенскихъ союзахъ, иногда прямо на сельскихъ сходахъ. Потомъ началась государственная дума, первая и вторая, полумужицкія обѣ. Третья дума существуетъ особо, безъ мужика и безъ публики. Только газеты пишутъ о ней, но никто ихъ не читаетъ. Крестьянскіе делегаты на кооперативномъ съѣздѣ по этому поводу говорили: «У насъ эту думу называютъ: бездѣтная дума. Потому для дѣтей нужно три предмета: мужчина, женщина и похоть. Государственная Дума—женщина, вдова; Государственный Совѣтъ—мужчина, старикъ, а похоти нѣтъ. Оттого и плода нѣтъ отъ ихней работы».

Уже изъ этихъ сентенцій видно, что мужикъ не исчезъ. Онъ существуетъ. Но доступъ къ нему сталъ рѣдокъ и труденъ. Вотъ почему, если кто интересуется, то нельзя пропускать такихъ случаевъ, какъ московскій съѣздъ.

На съѣздѣ были разные люди и разныя теченія.

Въ послѣдній день я разспрашивалъ многихъ:

— Какъ, по-вашему, вышло, удачно или неудачно?

Иные, болѣе злые, говорили:—вышло посредственно. Ибо для

дѣловитости было слишкомъ много «оппозиціоннаго духа». Но и оппозиція была новаго стиля, самая кроткая, привывавшая къ полному спокойствію и краснорѣчивая своимъ молчаніемъ.

Другіе, напротивъ, придавали огромное значеніе тому, что съѣздъ не былъ закрытъ прежде времени, но закрылся самъ собой.

«Члены просили насъ со всѣхъ сторонъ: берегите съѣздъ, не дайте ему погибнуть. Оттого мы сняли всѣ вопросы съ очереди, но все же дошли до конца»...

—Берегите съѣздъ, берегите думу,—лозунгъ одинъ и тотъ-же. Къ сожалѣнію, какъ-то выходитъ, что сберегаемая сущность уходитъ сквозь пальцы и таетъ, какъ дымъ.

Впрочемъ, было на съѣздѣ теченіе строго дѣловое. Волжскіе делегаты съ энтузіазмомъ разсказывали: «Мы сговорились съ минчуками насчетъ обмѣна товаровъ. У нихъ сушеные грибы, самые лучшіе по восьми гривенъ за фунтъ, а у насъ средній сортъ—рубль пятнадцать, да рубль двадцать. Еще сыръ красный, головками, хорошій такой. А отъ насъ просятъ воблы, рыбы копченой».

Особенно интересовался обмѣномъ одинъ почтенный подполковникъ, представитель казенной потребилки при большомъ петербургскомъ заводѣ, тоже казенномъ, военнаго вѣдомства.

Онъ говорилъ мнѣ: «Есть вопросы, которые, не возбуждая политическихъ страстей, ведутъ къ упорядоченію жизни. Напримѣръ, новгородскіе снѣтки или архангельское масло.—Это изъ первыхъ рукъ, безъ всякихъ посредниковъ».

Или еще: «Какъ устранить хищеніе служащихъ и сговоръ между конторой и продавцами для общихъ злоупотребленій?»

«Я давно этимъ занимаюсь,—разсказывалъ подполковникъ,—и даже составилъ докладъ, чтобъ прочитать на съѣздѣ».

Впрочемъ, г. военный делегатъ скоро настроился скептически по отношенію къ съѣзду и доклада своего такъ и не прочиталъ.

О своей потребилкѣ г. подполковникъ разсказывалъ очень характерныя вещи: «У насъ 300.000 рублей годичнаго оборота. Членовъ 160. Членами могутъ быть только господа офицеры и чиновники завода. Рабочіе могутъ быть только подписчиками, т. е. покупателями. Такихъ подписчиковъ 1400. Мы выдаемъ дивиденда 5% на рубль паевой и на рубль покупательный одинаково».

«Мы основали свое общество въ 1894 году, составили уставъ и поставили пунктъ, чтобы всѣ рабочіе могли быть членами, но министерство выкинуло. Тогда жалѣли, но теперь я думаю, что даже къ лучшему. Рабочіе товарищи для насъ неподходящіе члены. Пусть покупаютъ, но въ управленіе не мѣшаются. Два года тому назадъ рабочіе основали свою потребилку, особую. У нихъ собралось членовъ человѣкъ пятьсотъ и въ началѣ сильно пошло, но теперь прогораютъ».

Однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ, согласно новѣйшему курсу.

Другой мундирный делегатъ былъ воинскій начальникъ изъ уѣзднаго города. Онъ не безъ гордости сообщилъ, что произведенъ въ полковники за «разумное усмиреніе смуты», впрочемъ, безъ кровопролитія. Тотчасъ послѣ усмиренія онъ основалъ въ своемъ городѣ потребительное общество на самыхъ демократическихъ началахъ. Размѣръ пая въ пять рублей. И крестьяне изъ окружности пріѣзжаютъ на базаръ и записываются въ члены.

Разговаривать съ этимъ кооператоромъ было весьма любопытно. Въ его сознаніи, какъ будто въ трюмѣ военнаго судна, были своего рода непроницаемыя переборки. За переборками хранились совсѣмъ разныя идеи. Напримѣръ: «Намъ много мѣшаютъ тѣ, которые говорятъ о политикѣ. Мы пришли не разговаривать о политикѣ, а затѣмъ, чтобы улучшить свое матеріальное положеніе».

А рядомъ совсѣмъ другое: «Намъ необходимо единеніе. Московскій потребительный союзъ насъ сильно поддержалъ. Безъ этой поддержки мы бы погибли».

Когда единеніе попало подъ полицейскій бойкотъ, полковникъ опечалился и сталъ вздыхать.

— Зачѣмъ же призываютъ? вырвалось у него.—Если бы зналъ, то не пріѣзжалъ бы.

— А какъ у васъ въ городѣ насчетъ союза русскаго народа?—полюбопытствовалъ я.

— Воинскій начальникъ долженъ быть внѣ партій,—отвѣтилъ полковникъ.—Они присылали мнѣ приглашеніе, но я имъ не отвѣтилъ.

Изъ штатскихъ устъ были дѣловыя указанія совсѣмъ иного свойства. Рьяный Алексѣй Петровъ изъ села Ивановки Второй, Балашовскаго уѣзда, разсказалъ о кооперативной лавкѣ, которую они основали лѣтъ тридцать тому назадъ. Было 25 членовъ, да начальство закрыло.—Теперь большинство членовъ стали лавочниками,—прибавлялъ безпристрастный разсказчикъ.

Другой саратовецъ разсказывалъ въ томъ же родѣ. «Возлѣ насъ въ одномъ селѣ интеллигентъ основалъ кооперативную лавку. Послѣ его отъѣзда члены-старики рѣшили противно уставу никого не принимать и дѣлить барыши по рукамъ. Молодежь пожаловалась губернатору. Губернаторъ сказалъ: «Если не будете принимать, то я закрою». Теперь молодежь набилась и по-своему передѣлала»...

Справедливость требуетъ сказать, что самую недѣловую и непримиримую позицію на съѣздѣ занимали отнюдь не крайніе лѣвые делегаты, а такъ называемые «делегаты отъ правительства». Подъ этимъ именемъ мнѣ рекомендовался одинъ солидный помощникъ пристава въ курткѣ хаки и сапогахъ со шпорами, на котораго я сослѣпу наткнулся въ полутемномъ коридорѣ.

— Я спѣшу сдѣлать запись,—сообщилъ онъ довѣрчиво.—Въ рѣчи делегата Имярекъ я усмотрѣлъ скрытый призывъ къ нис-

проверженію власти. По этому поводу съѣздъ можетъ быть закрытъ.

Черезъ полчаса я снова встрѣтилъ его въ свѣтломъ переднемъ залѣ. Предъ нимъ стоялъ одинъ завѣдомый эсдекъ и деликатно говорилъ: «У насъ вѣдь одно пожеланіе: купить подешевле и сообща;—самый скромный выборъ: ѣздить на извозчикѣ или на автомобилѣ».

— Это хорошо, — сосредоточенно возражалъ помощникъ пристава,—но въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы употребляете такія слова: капиталистическій?

Такихъ делегатовъ въ хаки на съѣздѣ было великое множество, и бдительность ихъ превосходила всякое вѣроятіе. Каждый день они приносили что-нибудь новое, напримѣръ: «никакого объединенія. Лучшее объединеніе есть подчиненіе общей нормѣ». Или еще: «вы хотите выбрать бюро и устроить общій союзъ. Мы знаемъ, что это такое: Союзъ Союзовъ».

И дальше: «Въ сущности, кооперації, это неблагонадежная затѣя, ибо ихъ устраиваютъ тѣ же самые соціалисты».

Въ концѣ концовъ Тотоміанцъ выразилъ общее настроеніе, когда заявилъ: «Кооперації не требуютъ отъ государства никакой субсидіи и ничего другого, только того, чтобъ ихъ оставили въ покоѣ».

Конечно, это заявленіе осталось какъ гласъ, вопіющій въ пустынѣ и какъ бы въ видѣ отвѣта извѣстный Левитскій изъ Кіева разсказалъ «случай изъ прошлаго», какъ нѣкій исправникъ закрывая артель, пояснилъ: «Здѣсь не Америка, здѣсь Россія». Случаи изъ прошлаго бывали и почище. Одинъ изъ моихъ товарищей ссыльныхъ по городу Колымску былъ нѣкогда арестованъ и сосланъ, какъ сказано въ приговорѣ, «за устройство артели ремесленниковъ въ городѣ Н.»

Въ видѣ новѣйшаго отвѣта на пожеланіе Тотоміанца почти всѣ вопросы, поставленные въ программѣ съѣзда, были сняты съ очереди, какъ не подлежащіе обсужденію, хотя и утвержденные министромъ. И помощникъ пристава Строевъ заявилъ довольно прямо: «Ежели вышнее начальство дѣлаетъ ошибки, то вѣдь мы же обязаны ихъ исправлять».

Такимъ образомъ въ послѣдній день съѣзда на общемъ собраніи получилась картина поистинѣ трагическая.

С. Н. Прокоповичъ, бывшій предсѣдателемъ собранія, вышелъ впередъ и сказалъ: «Господа, прежде всего прошу васъ соблюдать полное спокойствіе. Мы не можемъ огласить здѣсь резолюцій, принятыхъ въ секціяхъ, но мы будемъ считать ихъ принятыми съѣздомъ безъ оглашенія. Объявляю съѣздъ закрытымъ».

Надо замѣтить, что помощникъ пристава Строевъ игралъ въ Москвѣ видную роль и помимо съѣзда.

— Я привыкъ вникать въ сущность вопроса,—скромно объяс-

нялъ онъ,- у меня хорошая память. Приду домой, запишу и сдѣлаю докладъ...

Память г. Строева уже неоднократно приносила свои плоды. Напримѣръ, одинъ московскій лекторъ въ публичной лекціи упомянулъ, что императоръ Николай I только въ концѣ жизни сталъ противникомъ крѣпостного права. Г. Строевъ немедленно вступилъ въ объясненія.—«Въ сущности, вы совершили оскорбленіе Величества. Вы, стало быть, считаете императора Николая I недостаточно умнымъ».—«Я не хочу съ вами объясняться по этому поводу»,—сгоряча возразилъ лекторъ. За эту строптивость лекторъ вскорѣ былъ лишенъ права публичнаго чтенія.

Другой лекторъ въ народномъ университетѣ сослался на одну изъ рѣчей императора Николая I-го.—«Гдѣ помѣщена эта рѣчь?»—осѣдомился г. Строевъ. Лекторъ указалъ журналъ «Былое».—«Прошу васъ предъявить эту книгу»,—потребовалъ блюститель и настоялъ на своемъ. Съѣздилъ на домъ къ лектору и завладѣлъ подозрѣваемой книгой, несмотря на указаніе, что она не была конфискована. Черезъ полтора мѣсяца онъ вернулъ ее назадъ и присовокупилъ: «Дѣйствительно не конфискована, но по моему напрасно. Я бы ее конфисковалъ».

Результаты стараній г. Строева на съѣздѣ по словамъ многихъ делегатовъ получились слѣдующіе: лѣвые на этомъ съѣздѣ поправѣли. и многіе изъ нихъ готовы заниматься такъ называемымъ дѣломъ. А правые полѣвѣли и говорятъ: «Мы видимъ, что при такомъ режимѣ никакимъ дѣломъ нельзя заниматься».

Впрочемъ, съ одной стороны гг. делегаты въ хаки и со шпорами совершенно правы. Участники кооперативнаго съѣзда были тѣ же самые, что прежде, интеллигенты, рабочіе, крестьяне. Интеллигенты все больше мѣстные, врачи, агрономы, страховые агенты. Часто попадались знакомые по прежнимъ памятнымъ съѣздамъ, еще не разъясненные, не ликвидированные, не приведенные къ одному знаменателю. При всемъ добромъ желаніи нельзя ликвидировать всѣхъ и каждаго. Тюрьма не вмѣщаетъ и Сибирь не принимаетъ.

Попадались новыя характерныя лица. Напримѣръ, г. Б, слѣпой делегатъ изъ Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда.

Слѣпой делегатъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, крупнаго роста и просторнаго вида. Онъ двигался медленно, безъ палки, но въ коридорѣ ему служилъ проводникомъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.—Это у меня пятый, — сообщилъ слѣпой. — Я его называю «миноносецъ номеръ пятый».

— Я по нашему мѣсту помѣщикъ не изъ мелкихъ,—разсказывалъ слѣпой—у меня 320 десятинъ, это стоитъ болѣе ста тысячъ рублей. Большую половину сдаю крестьянамъ. На 80 десятинахъ у меня опытное поле. Хозяйство мое даетъ большой сборъ, сто пудовъ съ десятины, даже сто двадцать и сто тридцать пудовъ.

— Отъ отца своего получилъ имѣніе безъ долговъ и безъ капитала. Только далъ мнѣ отецъ десятирублевую бумажку: — «Вотъ, говоритъ, бери и не кажи, что я тебѣ сдалъ хозяйство безъ всякихъ денегъ».

— Теперь я имѣю пятьдесятъ штукъ скота, навозъ вывожу въ поле. И касса постоянно имѣетъ до двухъ тысячъ рублей. Зато я потерялъ зрѣніе.

— Съ крестьянами у меня извѣстныя условія: за толоку три рубля, за рожь двѣнадцать, за яровое десять. Двадцать пять рублей на кругъ за три года. Испольщики, изъ третьей части на мою долю, а всѣ долочки подъ коноплю и картофель даромъ. Ни разу не было съ ними даже разговору худого. Я рѣшительный сторонникъ принудительнаго отчужденія земли законодательнымъ путемъ. Былъ въ прошлой Думѣ выборщикомъ отъ землевладѣльцевъ, но я имъ заявилъ, что стою за отчужденіе. Одинъ крупный консерваторъ сказалъ, что я все-же могу вамъ положить бѣлый шаръ. Такъ я прошелъ на пятьдесятъ шаровъ противъ пяти.

— Теперь у нихъ стало совсѣмъ другое. Я былъ гласнымъ, хоть слѣпымъ, да дѣятельнымъ. Теперь забаллотировали. Но я имъ говорю: «Меня труднѣе изъ земства выкурить, чѣмъ лисицу изъ норы. Мы еще съ вами повоюемъ».

— Я такъ смотрю, что мое собственное хозяйство это проводникъ культуры и новыхъ продуктовъ производства. Изъ 270 десятинъ пахоти я имъ отдалъ 180, себѣ оставилъ 90. Рабочаго вопроса не знаю. Являются по первому слову. Обработка моментальная. Съ 1889 года живу и ни одного процесса. Касса всегда имѣетъ наличныя деньги и помѣщикъ расплачивается по субботамъ.

— Семь лѣтъ тому назадъ я ослѣпъ. Я видѣлъ, что слѣпну, и сталъ готовиться по-своему, какъ умѣлъ. Приказчикъ у меня, хотя и малограмотный, да надежный и крѣпко вѣритъ въ умѣнье мое. Я развилъ осязаніе. Пройду по хлѣбамъ, рукою проведу, то я ужъ знаю. По-прежнему идетъ.

— Съ 1889 года я сталъ навозъ вывозить въ поле. Сперва былъ одинъ, теперь шестеро крестьянъ тоже стали возить. Вику сѣю подъ станціей, по самой дорогѣ, чтобъ видѣли. Культура кормового бурака стала распространяться. Привези три, четыре пуда,— разберутъ на посѣвъ. Теперь стали пробовать выводить буракъ въ полѣ, отъ него можетъ быть страшный урожай...

Разсказы слѣпого делегата показались мнѣ настолько необычайны, что я сталъ разспрашивать его земляковъ изъ того же уѣзда.

— Все правда,—подтвердили они. — Слѣпой, слѣпой, а знаетъ свое хозяйство.

— Самъ ходитъ по всѣмъ погребамъ, даже яблоки можетъ выбрать и хлѣбъ разбираетъ на руку.

— Есть ли еще такое хозяйство въ вашей округѣ?—спросилъ я слѣпого делегата.

— Чортъ-ма, — отвѣтилъ онъ кратко.— Я въ университетѣ учился, думалъ профессоромъ стать, да повернулъ на хозяйство. Десять лѣтъ работалъ, читалъ, опыты дѣлалъ. Оттого оно и пошло.

— Отчего вы ослѣпли?— полюбопытствовалъ я.

— Съ тюрьмы, должно быть, началось—сказалъ слѣпой.—Нервное. Въ 1884 году арестовали меня въ Одессѣ по политическому дѣлу. Кто имѣетъ худые нервы, тому худо сидѣть въ тюрьмѣ. Теперь начитали мнѣ газетъ объ этихъ повѣшеніяхъ, стало сниться по ночамъ и самъ во снѣ пережилъ. Да еще не сумѣли, бестіи, повѣсить,—сорвался, брякнулся.

— Какъ посадили меня, прокуроръ говоритъ: «Признайтесь во всемъ откровенно». Я говорю: — Кажется, Іуда Искаріотъ не былъ малорусскаго племени.

— Ну, будете спать безъ постели.

— Що-жъ,—говорю.—Я происхожу отъ простыхъ запорожскихъ казаковъ, то я вертаюсь къ своимъ дѣдамъ.

Сколько мѣсяцевъ просидѣлъ, одинъ разъ министръ Набоковъ посѣтилъ нашу тюрьму.

— Въ чемъ васъ обвиняютъ, молодой человѣкъ?—Прокуроръ изъ-подъ локтя вывернулся: «Въ знакомствѣ съ революціонерами».— «Я,—говорю,—удивляюсь услышать отъ прокурора судебной палаты такую квалификацію. Если бы такъ, то прежде всѣхъ надо было бы привлечь васъ самихъ, потому вы больше всего знакомы съ ними».

Такъ я грызся съ ними зубъ за зубъ, пока не выслали меня...

Среди рабочихъ и крестьянъ на кооперативномъ съѣздѣ знакомыя лица были значительно рѣже. Ибо въ низахъ ликвидація совершалась болѣе тщательно. Было два депутата первой Думы, одинъ еще неотсидѣвшій, другой отсидѣвшій больше, чѣмъ нужно. Былъ одинъ мелкій приказчикъ изъ подмосковнаго уѣзда. Онъ разсказалъ о другомъ общемъ знакомомъ, молодомъ крестьянинѣ того же уѣзда, который игралъ замѣтную роль въ первой стадіи крестьянскаго союза: — Восемь дѣтей у него, жена девятая, зато на всѣ руки мастеръ. Былъ на войнѣ санитаромъ, имѣетъ за храбрость медаль. Сослали его въ Якутскую область. Онъ по дорогѣ бѣжалъ, сталъ скитаться. Потомъ не вытерпѣлъ, вернулся въ свое село. Выкопалъ яму въ снѣгу за избой. Чуть что, даютъ знать, онъ прячется въ яму. Одинъ обыскъ сдѣлали, не нашли. Потомъ кто-то продалъ, каинова душа. Прямо пришли къ ямѣ, вырыли, какъ барсука, достали, увезли въ городъ. Теперь опять сидитъ въ острогѣ...

Пріѣхалъ другой знакомецъ, Мокѣевъ, изъ такъ называемой Елецкой Сибири. Городъ Елецъ уже третій годъ почему-то служитъ излюбленнымъ мѣстомъ высылки крамольныхъ элементовъ

изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній. Въ немъ собирается человѣкъ триста по преимуществу крестьянской молодежи. Они посидятъ, посидятъ и понемногу разбредутся по домамъ, особенно къ большимъ праздникамъ. Послѣ праздниковъ ихъ постепенно ловятъ и возвращаютъ обратно, этапъ за этапомъ.

Мокѣевъ пріѣхалъ делегатомъ не изъ Ельца, а изъ своего роднаго села, гдѣ онъ когда-то былъ основателемъ кредитнаго общества.

— Девятнадцать мѣсяцевъ не имѣю права въѣзда,—жаловался онъ.—Теперь полномочія дали и денегъ прислали на дорогу, чинъ чиномъ, офиціально, но какъ я имъ буду отчетъ отдавать, того не знаю, развѣ по птичьему телеграфу.

Лицо у Мокѣева было больное, измученное.—Разорили меня,—жаловался онъ.—Была мастерская сапожная, прахомъ пошла. Въ Ельцѣ столярить стали, я и еще два товарища, народные учителя. Можно бы жить. Хотя черносотенные купцы, а даютъ работу, чтобъ мы тихо держались. Съ иными даже дружба повелась, дѣлаемъ копеечный сборъ, для самыхъ неимущихъ, выдаемъ въ каждый день по десять копеекъ. Но я одно скажу,—стоишь за верстакомъ, а самъ думаешь, думаешь: «Жена, дѣти дома, какъ живутъ?» Руки падаютъ, кое-какъ работаешь, лишь бы на хлѣбъ.

— Пробовали лекціи завести для тѣхъ, кто помоложе, ни почемъ не идутъ. Учитель злится,—сердце надорванное, ученикъ въ затылкѣ царапаетъ:

«Какъ-то мои домашніе живутъ да бѣдуютъ?»

Съ горя Мокѣевъ даже философствовать началъ:—Отчего это, скажите, прежде люди были такіе рѣдкіе да крѣпкіе? Одинъ-одинешенекъ, а стоитъ, какъ столбъ, не пошатнется. Бакунинъ, Герценъ... Насъ такъ много, отчего мы такіе унылые? Мало можемъ терпѣть. Некогда намъ...

Рядомъ съ Мокѣевымъ сидѣлъ Пѣтуновъ, изъ Владимирской губерніи, совсѣмъ въ другомъ родѣ, огромный, рѣчистый, всегда возбужденный, неуступчивый. Грамотѣ научился въ двадцать лѣтъ, но теперь пишетъ корреспонденціи въ разныя газеты и очень складно. Былъ три раза губернскимъ выборщикомъ, но дальше не пустили,—потому смутьянъ.

— Сколько разъ мнѣ эта тюрьма предлагалась,—разсказывалъ онъ,—даже изъ губернаторскихъ рукъ,—да все вызволялъ Господь. Потому я ловокъ. Всѣ ремесла прошелъ, суконный и холщевый торгъ, но мой коммерческій темпераментъ ото всего отвратился. И должно быть, судьба моя пострадать свыше за общественное дѣло.

Пѣтуновъ человѣкъ очень подвижной. Въ началѣ октябрьскихъ дней пріѣхалъ въ Москву, потомъ съ немалыми трудностями добрался до Петербурга: «узнать, что добрые люди думаютъ». Онъ видѣлъ многихъ. Теперь онъ разсказываетъ о своихъ тогдашнихъ встрѣчахъ, быть можетъ, отчасти, заднимъ числомъ:

— Я все время спорилъ съ ними. Они говорили: «добро будетъ». А я говорилъ: «добра не будетъ». Потому народу не въ комъ найти опору, не на комъ основаться. Оттого стали въ народѣ говорить: «Эти хотятъ вырвать власть и взять себѣ». Рабочіе говорили тогда: «Кадеты, кадеты». А я говорилъ: «думайте не о кадетахъ, думайте обо всей интеллигенціи. Какую войну она вела, а мы только теперь начинаемъ». Они говорили: «Легко перемѣнить, хоть кого хошь». А я имъ говорилъ: «Вотъ у насъ въ деревнѣ есть староста церковный. Раньше богатые были, отецъ составилъ капиталъ въ полмилліона, украсилъ церковь. Потомъ вышелъ такой случай, убійство, сынъ пошелъ на Сахалинъ, имѣніе расточилось. Другой сынъ остался бѣдный. Его выбрали старостой церковнымъ. Онъ воруетъ. Всѣ знаютъ, живетъ на церковныя средства. Зачѣмъ выбираемъ? Спроси ка, зачѣмъ? Сознательные люди выбираютъ. *Былъ* и *будетъ* до самой смерти старостой. То же бываетъ вездѣ, до самаго верху.

Пѣтуновъ попалъ членомъ отъ крестьянъ въ уѣздную землеустроительную коммисію. Онъ разсказывалъ о ней весьма характерныя вещи, потомъ не ограничился этимъ и написалъ цѣлый докладъ.

«Насъ, мужиковъ, дѣлами, слава Богу, не обременяютъ. Пріѣзжай въ мѣсяцъ разъ, получи свои 16 р. 66 к., посиди часика два съ господами за однимъ столомъ, похлопай глазами и поѣзжай домой. А то былъ у меня и такой случай: я не ѣздилъ на засѣданія три мѣсяца, такъ мнѣ жалованье прислали на домъ. Суточныя деньги и командировочныя разбираютъ сами господа дворяне, пять рублей на день и тройка лошадей.

«Нашъ непремѣнный членъ накопилъ суточныхъ—полтысячи рублей. Встанетъ поутру, поѣстъ, чаю попьетъ, потомъ во-время пообѣдаетъ, вечеромъ выѣзжаетъ изъ города на тройкѣ, проѣзжаетъ за 35 верстъ въ село Фомино, гдѣ есть заѣзжая квартира. Здѣсь ночуетъ, на утро выѣзжаетъ опять, доѣзжаетъ до села Михайловскаго. Здѣсь дѣло есть. Михайловцы землю покупаютъ черезъ банкъ. Надо собрать свѣдѣнія объ ихъ земельномъ состояніи. Членъ призоветъ старосту и еще человѣкъ пять, спрашиваетъ, сколько числится ревизскихъ душъ и наличныхъ работниковъ, сколько надѣльной земли и купленной въ собственность. Черезъ полчаса, собравши эти свѣдѣнія, возвращается въ Фомино ужинать у доктора или у кого другого, а то при желаніи и въ винтъ сыграть. Наутро къ горячему завтраку возвращается домой. Эта работа обходится казнѣ рублей 25, а между тѣмъ волостныя управленія могли бы доставлять эти свѣдѣнія безплатно.

«Главная у нихъ работа по нашей волости: — размежеваніе. Насъ крестьянъ 44 селенія, бывшаго имѣнія князя Орлова, получили земли до 37,000 десятинъ по одной данной, въ общемъ владѣніи, и хотя на каждое село былъ данъ опредѣленный участокъ,

планы не были утверждены, какъ нужно по закону. Съ тѣхъ поръ земли мѣстами перепутались; по одному, по два двора отпали отъ одного села къ другому. Теперь коммисіи поручено размежевать эти селенія и земли закрѣпить. Было бы очень просто сдѣлать полюбовный разборъ между всѣми селеніями, но коммисія не хочетъ. Она послала инженеровъ, они стали межевать по старымъ границамъ все шиворотъ навыворотъ. Два дома Огрызковскихъ отошли къ Реброву. Ребровскій лѣсъ достался огрызковцамъ, а у огрызковцевъ отмежевали дарственную землю до 150 десятинъ. И все такъ. Крестьяне глядятъ и дивуются. «Къ чему же, говорятъ, намъ эти границы?»—«Если вы не согласны, то можете жить по-старому».—«Тогда къ чему обмѣръ производить? Мы будемъ по-старому». Но коммисія не слушаетъ, все межуетъ, прежнія границы разыскиваетъ, ненужныя ни для кого. Точь въ точь какъ у сатирика Салтыкова докторъ и приставъ ѣздили къ старику лѣснику рану лечить двадцатилѣтнюю, которая давно зажила.

«Такъ дѣла разсчитали, чтобъ на пять лѣтъ хватило. Жалованье, прогоны,—хорошая кормежка».

Но привести весь докладъ нѣтъ никакой возможности.

Рабочіе сосредоточились въ секціи трудовыхъ артелей. Они вели споры съ Левитскимъ изъ Кіева на большевистскія темы.

Составъ рабочихъ делегатовъ былъ довольно пестрый. Былъ представитель петербургской артели каталей, грузчиковъ угля. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ зимнюю пору его довѣрители имѣютъ привычку садиться въ тюрьму за отсутствіемъ заработка. Лѣтъ пять тому назадъ для этой цѣли они заводили драку съ городовыми и мирно получали свои три мѣсяца отсидки.

— Позапрошлой зимою, когда забирали меня въ уѣздѣ по политическому дѣлу,—говорилъ делегатъ,—стали возить меня по всѣмъ окружнымъ каталажкамъ. Я въ каждой каталажкѣ встрѣчалъ знакомыхъ каталей, гдѣ десять, гдѣ двѣнадцать. Теперь задѣвать городовыхъ слишкомъ опасно. Еще повѣсятъ, пожалуй. Оттого они предпочитаютъ симулировать кражи.

— На эту зиму мнѣ тоже надо сѣсть въ тюрьму,—озабоченно говорилъ делегатъ.—Почитать, подумать. Всѣ мои гайки въ головѣ поразвинтились. Безъ тюрьмы не навинтить».

Онъ разсказалъ мнѣ о другой петербургской артели изъ безработныхъ, которые собрались ѣхать въ Восточную Сибирь ловить рыбъ и бить птицъ.

— А сѣти есть у нихъ?

— Нѣту, какія сѣти? И ружей тоже нѣтъ. Есть три браунинга старыхъ, и то затворы испорчены.

Рядомъ съ петербуржцемъ сидѣлъ москвичъ, представитель артели вывѣсочныхъ живописцевъ. Она существуетъ два года, и дѣла ея идутъ прекрасно.

— У насъ долговъ нѣтъ,—разсказывалъ представитель, — и въ

банкѣ готовыхъ денегъ 3000 р. Работаютъ у насъ 28 человѣкъ, а лучшихъ мастеровъ человѣкъ 6 или 8. Наша работа считается во всей Москвѣ лучшаго качества. Когда мы заводили свое дѣло, въ смутное время, подъ самый трескъ,—были тогда выборы въ первую Думу,—мы рѣшили: понизимъ жалованье. Пусть мы походимъ, себя ограничивъ». Теперь, наоборотъ, хотимъ пустить кругъ ширше. Нашъ цехъ небольшой, всего человѣкъ триста. Можно больше половины дѣла захватить въ свои руки.

— Въ прошломъ году мы забастовку проводили для нашихъ товарищей противъ ихнихъ хозяевъ; мы принимали товарищей безперечь, сами уходили съ работы въ чужія мастерскія, имъ отдавали мѣста и жалованье имъ платили, какъ они требовали отъ хозяевъ, на 20% дороже прежняго. Всетаки достигли своего—получили прибавку...

Рядомъ съ живописцемъ былъ другой москвичъ, представитель артели портныхъ. Настроеніе этой артели было иное, довольно унылое.

— Восьмой годъ существуемъ, а работы не хватаетъ. У насъ 80 членовъ, а въ мастерской работаютъ человѣкъ 40. Оттого свободныя мѣста мы разбираемъ по номерамъ. Артель большая у насъ, только въ французскихъ фирмахъ еще больше. Но тѣ товарищи-артельщики, которые имѣютъ работу въ этихъ французскихъ фирмахъ, уступаютъ артельную очередь самымъ несчастнымъ изъ мелкихъ мастерскихъ. Два раза мы совсѣмъ прогорали. Теперь справились. Закройщикъ, который показалъ, какъ дѣло завести, сталъ деньги брать изъ кассы. Теперь другой закройщикъ, чехъ. Получаетъ отъ насъ жалованье 150 рублей въ мѣсяцъ. У насъ въ Россіи нѣтъ такой образованности, чтобъ были русскіе закройщики, и русская интеллигенція не довѣряетъ домашней работѣ»...

Интеллигентные соціалъ-демократы, большей частью меньшевики, были настроены отнюдь не ортодоксально. Иные, не партійные, говорили прямо: «Мы *имъ* хотя сочувствуемъ во всемъ но *они* намъ только мѣшаютъ. Они вносятъ референдумъ даже въ локупку килекъ. Это ни къ чему».

Другіе передавали: «Центральный Комитетъ вынесъ обычную резолюцію: кооперативы безъ профессіональныхъ и политическихъ организацій висятъ въ воздухѣ, трудовая артель въ капиталистическомъ строѣ должна влачить жалкое существованіе». Мы сказали: «Можетъ быть это и правда, но для насъ это не подходитъ». Намъ стали говорить о желѣзной дисциплинѣ. Но мы заявили, что не можемъ согласиться. Мы возвращаемъ себѣ свободную тактику для каждаго, отдѣльно отъ другихъ».

Крестьяне сосредоточились въ двухъ секціяхъ, потребительной и кредитной. Здѣсь тоже явственно пробивалось дѣловое направленіе. «Потребители» рѣшительно заявили: безъ собственной лавки намъ раззоръ. Что лавочникъ захочетъ, то и спроситъ. У насъ въ окружности лавокъ развелось больше сотни разнаго сорта.

Кредитные, напротивъ, хвастали: «Ссудо-сберегательное у насъ первый сортъ, что твой банкъ государственный. Мы казенной ссуды не брали, сами себя поддерживаемъ. Столько вкладовъ. Процентъ платимъ, на малыя суммы, 50—100 рублей,—платимъ 4—6%. На большія суммы, въ 1000 рублей,—платимъ 6—8%».

— Отчего же такъ наоборотъ?—спросилъ я.

Это обратное распредѣленіе процентовъ было для меня ново.

— Потому у кулака иначе не выжмешь. Они раньше драли по 20—30%. Теперь мы ихъ сжали, перестали имъ ходъ давать.

Кредитная секція была самая дѣловая изо всѣхъ; быть можетъ, именно поэтому она очень скоро вступила въ конфликтъ не только съ делегатами въ хаки, но также со всей казенной организаціей мелкаго кредита.

Уже въ самомъ началѣ делегаты жаловались: инспектора мелкаго кредита заявляли на мѣстахъ, что незачѣмъ вамъ посылать делегатовъ на съѣздъ. Тамъ будутъ инспектора, они будутъ представлять вашъ интересъ...

Потомъ начались жалобы на убійственную регламентацію кредитныхъ правилъ. Споры по этому поводу переходили въ кулуаръ и даже въ столовую приказчиковъ, черезъ площадь отъ музея, гдѣ кооператоры обѣдали за уменьшенную плату:

— Вонъ инспекторъ Бородаевскій говорилъ, что при сберегательныхъ кассахъ есть фондъ, 30 милліоновъ, на усиленіе кредитныхъ товариществъ, но народъ отвергаетъ.

— А по моему, это самая глупость. Если даютъ... Четыре года тому назадъ, бросили косточку, кредитныя ссуды, и дѣло пошло.

— А мы сказали: «къ чорту». Не для политики мы пришли, но для экономическаго улучшенія жизни. Потому намъ не надо вашихъ денегъ, дайте намъ права, чтобы мы могли распоряжаться своими деньгами.

— Намъ нужно было купить сѣмена, 10,000 пудовъ. А то лавочникъ беретъ полтора рубля за пудъ. Закупать можно оптомъ за половину того. Денегъ намъ дали, а купить не разрѣшили.— «Не дѣло кредитнаго товарищества посредничать по операціямъ»...

— А какъ они устраиваютъ товарищества! У насъ въ правленіи 5 торговцевъ, а я шестой. А безъ торговцевъ нельзя, крышка. 25 лѣтъ я съ ними, измучился, изстрадался...

Другой делегатъ тоже разсказывалъ: «У насъ Еремино село, Тамбовской г. Тамбовскаго уѣзда. Полторы десятины—надѣлъ на душу. Снимать землю подъ работу—35 рублей десятина. Мы сняли у сибиряковъ, которые пошли на переселеніе, 126 десятинъ по восемнадцать рублей съ четвертью. Стали отдавать людямъ по 20 р. 40 к. Казенное управленіе въ Тамбовѣ услыхало, подняло скандалъ. «Какъ можно! Чтобы вы не смѣли». Что дѣлать, не знаемъ, хоть

сбывай кулакамъ. Не мѣшаетъ снимать бѣднячку у кулака за тридцать рублей съ десятины».

На другой день споръ принялъ принципіальный характеръ, и делегаты говорили: «Сегодня утромъ трепали инспектора Беретти. Онъ говорилъ: «законъ не дозволяетъ». А мы сказали: «Не мы должны прійти къ закону, но пусть законъ лучше придетъ къ намъ».

Но рядомъ съ дѣловымъ настроеніемъ въ средѣ крестьянскихъ делегатовъ было другое настроеніе, безпокойное, наивное, все еще ищущее выхода изъ заколдованнаго круга. Люди этого настроенія прежде созывали митинги между селъ, теперь они ударились въ кооперацію, за неимѣніемъ иного.

— Намъ не то что покупка, а хоть бы что-нибудь общественное, — говорили такіе крестьяне и сами улыбались на собственный счетъ.

— Что же дѣлать, говорили они прямо,—научите насъ, мы не знаемъ.

И мѣстный статистикъ или врачъ разсказывалъ къ слову: «Есть то теперь, чего никогда не бывало. Слухъ прошелъ про войну. Такъ крестьяне пристаютъ, разспрашиваютъ: «Правда, что будетъ война? Можетъ быть, лучше будетъ». Совсѣмъ интеллигентская психологія. А раньше боялись самого слова: война».

Другіе деревенскіе делегаты увлекались кооперацією въ серьезъ, до крайности.

— У насъ, въ Коломенскомъ уѣздѣ,—разсказывалъ одинъ,— потребительныя общества вырастаютъ, какъ грибы, черезъ двѣ версты, черезъ пять верстъ. И въ Волоколамскомъ уѣздѣ то же самое. Въ Коломенскомъ уѣздѣ не было интеллигентовъ, рѣшили выписать свѣдущаго человѣка и стали его возить изъ селенія въ селеніе. И, какъ подъѣдутъ къ околицѣ, ихъ встрѣчаютъ съ колокольнымъ звономъ..

Раньше съ колокольнымъ звономъ встрѣчали агитатора, теперь кооператора. Когда-то пошехонцы встрѣчали съ колокольнымъ звономъ рака. Но съ тѣхъ поръ настроенія измѣнились...

Кооперативная идея, какъ прежде «пропаганда», нашла своихъ фанатиковъ и даже героевъ. Въ селѣ Ивановкѣ Тамбовскаго уѣзда дьяконъ Введенскій основалъ кредитное товарищество, вопреки разъясненію синода, что духовныя лица не должны вмѣшиваться въ такія корыстныя дѣла. Дьяконъ такъ много работалъ въ своемъ товариществѣ, что умеръ отъ переутомленія.

Еще примѣръ: Въ селѣ Коробчеевѣ Коломенскаго уѣзда крестьянинъ Иванъ Махоткинъ захотѣлъ основать кооперативную лавку.

— Изъ послѣднихъ денегъ собрали 15 рублей и стали работать. Первымъ шагомъ нашего товарищества была покупка сухихъ грибовъ, для сбыта въ Москвѣ. Грибовъ купили 7 фунтовъ по 45 коп. Послали съ ними товарища ходокомъ въ Москву ознакомиться

съ мѣстами. Товарищъ пріѣхалъ въ Москву въ самый разгаръ движенія. Москва кипѣла и никто не хотѣлъ купить нашихъ кооператорскихъ грибовъ. Съ большимъ трудомъ удалось продать грибы въ убытокъ, по 42 копѣйки за фунтъ. Да проѣздъ стоилъ три рубля.

— Объ нашей неудачѣ узнали односельчане и стали смѣяться, но мы не унывали. Вторая наша проба была покупка на базарѣ пары худыхъ сапогъ за полтинникъ и шляпы за 35 коп. Мы ихъ подправили и продали на базарѣ съ копѣечнымъ барышемъ.

— Но барышничать намъ не нравилось. Мы рѣшили заняться рыбной ловлей. Купили лодку и сѣть за 11 рублей и со вскрытіемъ Оки поѣхали на промыселъ. Лодку нашу перевернуло, всѣ мы измокли, а сѣть утонула. Пришлось не то что рыбу ѣсть, а заплатить настоящимъ рыбакамъ одинъ рубль, чтобы они поймали нашу сѣть.

— Тогда мы отстали и рѣшили закончить. Только Иванъ Махоткинъ не отсталъ. Онъ приставалъ къ товарищамъ, чтобы соединиться и открыть мелочную лавку, но они не слушали. Когда у него кончались слова, онъ принимался за слезы.

— Въ концѣ концовъ онъ сталъ дѣйствовать одинъ. Научился у кондитера дѣлать мороженое, купилъ припасовъ на полтину, надѣлалъ мороженаго и понесъ по селу продавать. Съ тѣхъ поръ въ каждый праздникъ Махоткинъ продавалъ мороженое, завелъ палатку съ пряниками и конфектами. Торговля его росла.

— Не могу жить только для себя,—сказалъ Махоткинъ и снова сталъ приставать къ товарищамъ. Тогда они согласились, собрали 60 рублей, купили товару и заторговали. Дѣло пошло на ладъ, и вышла потребительная лавка. Всѣ, какъ пчелы, взялись за дѣло. На своихъ спинахъ подносятъ товары, чинятъ крыльцо въ лавочкѣ. Товаръ покупали въ Коломнѣ съ оптовой скидкой. Чтобы завлечь покупателей, рѣшили не-пайщикамъ продавать товаръ дешевле. Пайщику въ книжку писали сахаръ—16 коп. фунтъ, а посторонним по $15^1/_2$ коп. Въ городѣ цѣна сахару тоже 16 коп. Когда испортились селедки, пайщики рѣшили разобрать ихъ по рукамъ, а для лавки купить свѣжихъ. Зато послѣ перваго лѣта торговое дѣло наконецъ наладилось и стало расширяться...

Слушаешь такіе разсказы и не знаешь, смѣяться, или плакать, иль тоже умиляться, какъ умиляются кооператоры. Вотъ на какія дѣла уходитъ крестьянская энергія.

Но еще интереснѣе были крестьянскіе разсказы о внутренней политикѣ, пестрые, унылые и странные, какъ сама пестрая и странная русская жизнь.

Деревенскіе делегаты разсказывали на перебой:

— Завели шпиковъ по деревнямъ, жалованье платятъ, житья не стало. Въ нашемъ селѣ лавочникъ былъ, да пропился. А деньги хорошія. Мы перво не знали. Потомъ сидитъ въ кабакѣ, а жена

прибѣгла: «Иди, тебѣ урядникъ жалованье привезъ»,—«Какое жалованье? Что ты мелешь, дура?» Тутъ мы смекнули. Фельдшеръ у насъ есть язвительный и тоже пьющій: «Я, говоритъ, съ этимъ пропоицей за стыдъ сочту рядомъ сидѣть. Я, говоритъ, стану пить съ господиномъ приставомъ».

— И вышло такое дѣло. Становой приставъ сталъ снаряжаться, а фельдшеръ говоритъ: «Сиди! Куда ты, на ночь глядя, поѣхалъ. Утюгъ ты, людей утюжишь.» А тотъ, наемная шкура, сейчасъ бумагу по начальству. Завели цѣлый судъ и намъ вычитывали: «Дѣло о называніи станового пристава Сидорова отъ фельдшера Молочаева утюгомъ».

— У насъ стали заводить союзы русскаго народа, — разсказывалъ другой делегатъ.—Наше село Буртурлиновка, Воронежской губерніи, большое село, хохлацкое; сапожники живутъ. На продажу работаютъ; 30.000 жителей и демократы есть.

— На ярмарку пріѣхали какіе-то съ Кавказа съ брошюрами и прокламаціями. Поставили телѣгу на базарѣ, лентами обвѣшали, женщину посадили продавать бумаги. Демократамъ это не понравилось. Наши стали говорить: «Это насъ хотятъ москалями дѣлать, истинными русскими. Мы хохлы, мы не хотимъ».

— Другіе стали говорить: «Какую подписку они собираютъ про царя, подъ самодержавію? Мабуть, это противъ царя!»

— Избили до полусмерти и всѣ ленты оборвали. Насилу полиція отняла. Главный агитаторъ убѣжалъ и послалъ доносъ на полицію, что мало заступалась. Пріѣзжалъ чиновникъ казенной палаты изъ Воронежа, имѣлъ съ мужиками ссору, стрѣлялъ изъ револьвера, но никого не убилъ. Тогда заявили: «Если еще будетъ такая литература, мы сдѣлаемъ вамъ конецъ». То они перестали.

— У насъ была экспропріація,—разсказывалъ третій делегатъ.—Выборщика арестовали за рѣчи на избирательныхъ собраніяхъ. Девять мѣсяцевъ держали, не выпускали, потомъ стали требовать 2,000 руб. залогу. Гдѣ ихъ взять? Ученики обдумали ограбить винную лавку. Добыли денегъ 2,300 рублей. Расходу было 400 рублей. Осталось 1,900 рублей. Еще ста рублей не хватаетъ. Это разверстали между собой, сбили двѣ тысячи, внесли въ казну.

Одинъ изъ воронежскихъ делегатовъ разсказывалъ: «У насъ, въ уѣздѣ, по-прежнему жутко жить. Земли у насъ княжескія, кн. В. О. Д. Сила большая у этихъ князей. Прошла волна усмиреній. Исправникъ съ двумя сыновьями корнетами лично рубилъ крестьянъ. Теперь отданъ подъ судъ за растрату. Аренда поднялась до прежней высоты, да и не падала почти. И озлобленіе прежнее, глухое. Семьи высланныхъ получаютъ поддержку отъ крестьянъ, и между пострадавшими завелись крестьянскія братства взаимной помощи для проваловъ. Кто ихъ знаетъ, Ирландія какая-то».

Курскій делегатъ разсказалъ анекдотъ россійскаго стиля о золотомъ жилетѣ князя К.

— Когда началась смута въ нашемъ уѣздѣ, князь К. рѣшилъ, что начинается революція. Онъ съѣздилъ въ городъ, продалъ часть ренты и вымѣнялъ золота на 11,000 р. Это золото онъ вшилъ столбиками въ собственный жилетъ. Получилась кираса, довольно тяжелая, въ полпуда вѣсомъ. Дня черезъ три князю надоѣло носить золотой жилетъ. Онъ подумалъ и рѣшилъ: «пусть няня носитъ жилетъ, человѣкъ вѣрный, преданный княжескому дому. Няня, хотя и здороваго сложенія, пока что, спрятала жилетъ въ комодъ,—неравно потеряется. Еще черезъ три дня вмѣсто революціи нагрянулъ разгромъ. Няня убѣжала вмѣстѣ съ другими. Толпа разбила комодъ и унесла всѣ камергерскіе мундиры, шитые золотомъ. Драгоцѣнный жилетъ тоже исчезъ вмѣстѣ съ мундирами».

Владимирскій депутатъ Пѣтуновъ разсказывалъ случаи обратнаго тила:

— Стражникъ въ деревнѣ сильнѣе пристава. Объ урядникѣ говорить нечего. Въ нашемъ селѣ урядникъ изъ отпускныхъ солдатъ. Такой былъ скандалистъ. Его и въ солдаты изъ-подъ ареста отдали. Послѣ того служилъ въ Владивостокѣ, парень ловкій, бравый. Назадъ вернулся, приняли урядникомъ. Теперь не знаемъ, куда дѣваться отъ него. Напьется, въ дома врывается.

— Былъ солдатъ отставной Ковровскаго уѣзда, жилъ, портняжилъ. Самъ старичекъ и старушка съ нимъ. Патріотъ-солдатъ. Не скажи при немъ дурного слова про вышнюю власть.

— Однажды подъ полночь сидитъ дома, дошиваетъ, жжетъ керосинъ.

— Урядникъ ворвался и двое стражниковъ. «Зачѣмъ огонь не гасите?» Старичекъ разсердился: «Всегда эта полиція по напрасну придирается».—«А, ты оскорблять?» Выхватилъ револьверъ—бацъ, бацъ. Старичокъ упалъ, кровью залился. Щеку пробило, хорошо, что кость не повредило. Урядникъ тоже обалдѣлъ, ушелъ. Обдумалъ дѣло, черезъ часъ возвращается назадъ. У портного голова обвязана, свѣту не видитъ. Урядникъ, невзирая на все, составляетъ протоколъ, будто портной Величество оскорбилъ, а онъ будто не стерпѣлъ и стрѣлялъ. А портной и самъ старозавѣтный, твердой власти. Теперь, когда поправится, еще привлекутъ его».

Саратовскій делегатъ разсказывалъ про стражниковъ то же, но съ нѣсколько инымъ оттѣнкомъ: «Народъ совсѣмъ придавленъ, и стражники тоже осѣли. Мужики въ мундирахъ, благодушное звѣрье. Раньше ихъ обучали строю, теперь бросили. Сидятъ безъ дѣла, пьютъ. Когда напьются, безобразничаютъ».

Зато изъ Тамбовской губерніи одинъ частный повѣренный разсказывалъ случай, достойный диктатора Думбадзе:

— Изъ города Борисоглѣбска выслали трехъ братьевъ-кущовъ за то что они «не уловили своевременно превратнаго образа мыс-

лей» у своего служащаго, который потомъ совершилъ злодѣяніе. Я матери ихней написалъ слезницу, что какъ же можно уловлять?— Это по закону не требуется. Да намъ и некогда, мы торгуемъ...—А онъ ее по шеѣ вмѣстѣ съ прошеніемъ. Тогда черезъ недѣлю написалъ другую слезницу. Совсѣмъ наоборотъ: «Наученные горькимъ опытомъ впредь будемъ уловлять, въ чемъ даемъ обѣщаніе». Вышла резолюція: «вернуть». Съ тѣхъ поръ стали ѣздить изъ Лодзи, изъ Манчжуріи. «Ты-де умѣешь. Ослобони нашего».

— А что читаютъ у васъ?—спросилъ я мимоходомъ.—Газетъ не читаютъ, ну ихъ къ Богу. Иной книги читаетъ. Вотъ «Письмо» Григорія Петрова идетъ здорово. Его издаютъ сектанты и, на нихъ глядя, свѣтскіе кружки и даже семинарскіе.

— А вообще сказать, молодежь ударилась въ картежь, иные ушли въ агрикультуру. Въ этомъ году въ одномъ нашемъ уѣздѣ изъ земскаго склада купили 360 рядовыхъ сѣмянъ. Когда это слыхано?

Въ томъ же родѣ разсказывали изъ Московскаго раіона.—У насъ подъ Москвой садовый раіонъ, все больше старообрядцы. Червь портитъ кусты. Въ 1906 году завели аппаратъ для опрыскиванія посѣвовъ. Вродѣ желѣзнаго ранца. Надѣнешь и ходишь и пускаешь струю. Въ первое время даже въ избу не пускали. — «Грѣхъ»,—говорятъ. А теперь узнали пользу. Даже на сходахъ стали спорить. Старики говорятъ:—«Грѣхъ. Она отъ Бога такъ заведена червоядь». А молодые отвѣчаютъ: «А ты какъ—вошь на головѣ разводишь, или бьешь? Тоже грѣхъ?»

Самые интересные рязсказы были связаны съ землей, съ землеустроительными коммисіями, съ отрубными участками и въ особенности съ закономъ 9 ноября о выдѣлахъ изъ общины.

Изъ этихъ разсказовъ выяснялась одна большая и связная картина:

Въ большей части губерній законъ 9 ноября не имѣетъ дѣйствія.

— У насъ выдѣловъ не будетъ,—сообщаютъ екатеринославцы:— у насъ вездѣ составляютъ приговоры противъ выдѣловъ. А въ случаѣ чего, приговариваютъ принимать мѣры и выдѣлять клочками и не давать толоки».

— У насъ выдѣловъ нѣтъ,—сообщаютъ также и владимирцы. — Бываютъ желающіе, бездѣтные старики или торговцы городскіе, а то попоицы, которые интересуются сейчасъ продать. Еще сибирскіе переселенцы. Но мы постановили, чтобы выкупить эти надѣлы и подѣлить между собой. Хотимъ взять ссуду изъ крестьянскаго банка изъ $4^1/_2\%$, оно бы ладно. Да либо дадутъ, либо нѣтъ».

— У насъ, въ Московской губерніи, не пойдутъ хутора,—говорятъ москвичи.—Развѣ на дачныхъ мѣстахъ. Вотъ были зимою мятели, у насъ стали говорить: «Теперь бы отрубныхъ посадить, пусть бы дорогу торили. Мы посмотрѣли бы».

— А у насъ, въ Харьковской губерніи, стали садиться на

отруба,—говоритъ агрономъ съ нервнымъ, изнуреннымъ лицомъ.—Хоть безъ воды. Колодцы какіе-то роютъ. Иначе земли не даютъ. Коммисіи работаютъ, отводятъ. Число помѣщиковъ все сокращается».

— Куда же дѣваются они?

— Находятъ себѣ мѣста при тѣхъ же коммисіяхъ, кормежки разныя. Теперь столько должностей надѣлали новыхъ. Даже изъ гласныхъ три четверти всѣ при должностяхъ. Они теперь перестали стѣсняться, сдѣлали постановленіе, чтобъ всѣ мѣста были заняты только плательщиками земскаго налога, т. е. своими людьми. Еще дѣла никакого нѣтъ, а оклады уже назначены. Напримѣръ касса губернскаго мелкаго кредита. Предсѣдателю $2^1/_2$ тысячи, двумъ членамъ по полторы тысячи. Членъ управы завѣдующій; онъ сейчасъ приходитъ къ намъ: «Мы съ вами будемъ вмѣстѣ работать по прежнему». Ты, значитъ, дѣлай, а онъ будетъ представлять. Такъ оно и идетъ, въ круговую.

Въ Саратовской губерніи тоже много отрубовъ, уже выдаютъ деньги на переходъ. Копаютъ колодцы. Иные стали селиться въ землянкахъ. Выдѣльщикамъ изъ общины даютъ землю въ первую очередь со всякими льготами.

Подъ напоромъ этихъ льготъ, посуловъ и понужденій въ разныхъ мѣстахъ началось выдѣленіе изъ общины и идетъ борьба во всю между большинствомъ и меньшинствомъ. Первое мѣсто принадлежитъ безпокойной Саратовской губерніи, гдѣ въ иныхъ селахъ черные и красные стали раздѣляться еще до смуты. Часто выдѣляются изъ общины именно черносотенные элементы, при помощи начальства. Общинники защищаютъ свою землю разными способами.

Споры обѣихъ партій, общинниковъ и индивидуалистовъ, были принесены на съѣздъ и постоянно велись въ кулуарахъ. Но здѣсь защитниками выдѣла являлись не черносотенцы, а такіе же почтенные кооператоры, устроители потребительныхъ обществъ.

Приведу одинъ споръ самый характерный. Спорили два делегата, одинъ изъ села Тростянки, ярый общинникъ, и другой изъ села Самойловки, «выдѣльщикъ». Оба села малорусскія, одного и того же Балашовскаго уѣзда. Въ Тростянкѣ 1,000 душъ, надѣлъ $4^1/_2$ десятины. Въ Самойловкѣ 5,000 душъ, надѣлъ десятинъ.

Самойловскій делегатъ говоритъ:—У насъ на выдѣлъ пошли, больше тысячи человѣкъ. Мы зачинщики этого дѣла. Мы разобрали законъ.

— А кто вводитъ законъ? Господишки ввели. Чтобы васъ перессорить.

— Ничего, у насъ свое усмотрѣніе. Каждому желающему...

— Да вѣдь помимо схода, небось; черезъ земскаго начальника...

— А что же, если иные не понимаютъ собственной пользы. Отъ глупости своей.

— Ты умный. У насъ одинъ сталъ дурить. Такъ мы напугали его: «Смотри молъ, выдѣлимъ тебя».

— Экій глупецъ, забоялся.

— Не знаю, кто изъ васъ умнѣе? Что дѣти твои скажутъ?

— Развѣ внуки скажутъ, а дѣти согласны.

— Потомъ видно будетъ. Нуждишка придетъ, такъ и заложишь. Не то продашь.

— Это одни пьяницы продадутъ, а мы нѣтъ. Это на произволъ.

— Эхъ ты, а еще кооператоръ, противъ общества идешь.

— Ну да, противъ. Намъ надоѣло по 15 верстъ съ борозды на борозду ѣздить. Гдѣ пересохло, гдѣ перестояло. Послѣ зимы лошаденка не сдюжитъ таскать по полосамъ. Пускай будетъ все къ одному мѣсту.

— А вы-то помните, какъ Старомъ Караѣ было. Общественники стали говорить:—«Вы баре теперь. Ваше особое стадо».

— Ничего, мы найдемъ управу. Пусть будетъ безъ принужденія, на волю. Кто хочетъ, въ общинѣ. А можетъ, и изъ насъ будутъ супрягаться вмѣстѣ по двое и по трое...

Споръ продолжался долго.

— Эхъ ты,—упрекалъ общинникъ,—хочешь завести такое старье, частное владѣніе, которое люди теперь стали отвергать.

— Это община—старье,—возражалъ индивидуалистъ.—Мы хотимъ новаго: хочь гирше, та инше (хоть хуже, да иначе).

Делегатъ изъ Хвалынскаго уѣзда говорилъ въ иномъ родѣ, еще откровеннѣе.—Въ нашемъ селѣ изъ 2000 душъ поднялись на выдѣлъ 227. Въ другихъ мѣстахъ тоже поднялись. Но мы подали бумагу на вычисленіе земли, чтобъ души закрѣпить, хоть безъ выдѣла. А еще лучше вернуться на ревижскія души. Потому теперь 2,000 душъ, а ревижскихъ было 666, такъ это разсчетъ. За мной теперь одна душа, а ревижскихъ три считалось. И чтобъ земля не расщеплялась по мелкимъ душамъ и не переводилась на ничто. И еще чтобъ можно было продавать и закладывать, старуху обезпечить или дочь. Напримѣръ, если нужда, я заложу въ землеустроительную коммисію, она мнѣ дастъ сто, полтораста рублей, по $4^1/_2$ процента. Развѣ это процентъ, плевое дѣло!.. А хозяйство пускай будетъ хоть по-прежнему, въ общихъ поляхъ...

Такія же свѣдѣнія есть и изъ другихъ мѣстъ. Напримѣръ, село Салъ, Тамбовской губерніи, Елатомскаго уѣзда. Село такое большое, что въ немъ живетъ нотаріусъ. Нотаріусъ уже заваленъ сдѣлками по за продажѣ надѣловъ. Кругомъ стоятъ подводы, какъ на ярмаркѣ.

Община борется съ выдѣльщиками всѣми доступными средствами.

— У насъ принимаютъ присягу, чтобы не выдѣляться,—сообщаютъ одни.

— Въ нашемъ селѣ, Курской губерніи, Новоскольскаго уѣзда кулаки подбили часть крестьянъ, обратились къ земскому начальнику.

Три раза ходило постановленіе взадъ и впередъ. Потомъ общественники сказали: «на высылку васъ». Тогда испугались, упали на колѣни: не высылайте насъ.

Воронежскіе разсказывали: У насъ сильная злоба въ обществѣ. Говорятъ: «Это еще что за принудительное отчужденіе, обществу на зло? Мы васъ жечь будемъ.»

Въ Тираспольскомъ уѣздѣ въ селѣ Суклея стали бойкотировать выдѣльщиковъ, не давать имъ пасти. Теперь они просятся обратно.

Саратовскій делегатъ разсказывалъ: «У насъ, въ селѣ Туркахъ, на 12 тысячъ жителей одинъ выдѣлъ. Дали ему надѣлъ въ двѣнадцати клочкахъ. Теперь онъ ищетъ одного покупателя, да не можетъ найти».

Въ очень многихъ мѣстахъ община пускаетъ въ ходъ то же самое средство, выдѣляетъ клочками въ разныхъ концахъ. Идетъ ссора. Выдѣльщики большей частью пока еще выправляютъ бумаги. Когда выправятъ и получатъ землю, ссора перейдетъ въ драку.

Мѣстами индивидуалисты одолѣваютъ. Въ селѣ Лунино Балашовскаго уѣзда большинствомъ двухъ третей голосовъ рѣшили вернуться съ наличныхъ душъ на ревизскія. Въ приговоръ незаконно записали отсутствующихъ и даже дѣвицъ.

Въ другихъ мѣстахъ общинники спѣшатъ устроить передѣлъ, чтобъ отнять соблазнъ у многоземельныхъ. Но въ трехъ селахъ того же Балашовскаго уѣзда, Катаврасъ, Малиновское и Грязнухино, многоземельные наканунѣ передѣла въ послѣдній годъ обычнаго двѣнадцатилѣтняго срока сдѣлали заявленіе о выдѣлѣ изъ общины.

Въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи ликвидація нашла способы еще болѣе простые. Становой приставъ сталъ скупать надѣльныя земли у крестьянъ. Потомъ это дошло до губернатора, и пристава перевели на другое мѣсто.

Въ разныхъ мѣстахъ община приходитъ къ рѣшенію скупать у выдѣльщиковъ надѣлы, особенно у переселенцевъ или у живущихъ на сторонѣ.

— Если бы намъ дали возможность,—говорили тамбовскіе,—мы бы стали выкупать землю у сибиряковъ.

Въ Воронежской губерніи одно общество на мірской капиталъ выкупило 200 надѣловъ отъ переселенцевъ. Я приводилъ выше другіе факты того же рода.

Въ видѣ комментарія ко всей этой «реформѣ наоборотъ» можетъ послужить разсказъ буковинскаго русина, представителя отъ буковинскаго союза сельско-хозяйственныхъ ссудо-сберегательныхъ обществъ, который тоже пріѣхалъ на московскій съѣздъ.

— У насъ кооперація развернулась широко. Русинскихъ селъ въ Буковинѣ 180, изъ нихъ въ 150 есть кооперативы. Въ томъ числѣ 3 села липовановъ, русскихъ старообрядцевъ. Въ румынскомъ союзѣ тоже 150 кооперативовъ, въ нѣмецкомъ 70 кооперативовъ.

Годичный оборотъ нашего союза 3 милліона кронъ. Издаемъ газету «Народное Хозяйство», 13,000 подписчиковъ.

— Главная задача нашего союза—борьба съ ростовщиками противъ скупки крестьянскихъ усадебъ. Но мы мало можемъ сдѣлать. Въ Австріи усадьбы продаются за долги. Въ Галиціи и Буковинѣ 19,000 русинскихъ усадебъ. Изъ нихъ 20% въ теченіе десяти лѣтъ проданы за долги. Другія усадьбы тоже въ долгахъ и въ закладѣ.

— Оттого столько народу переселяется въ Канаду...

Вотъ блестящій результатъ, къ которому стремится русская поземельная реформа:—Раздѣлъ общины. Потомъ быть можетъ развитіе кооперативовъ для того, чтобы бороться съ продажей крестьянской земли.

Танъ.

Поэтъ мятежныхъ порывовъ и видѣній.

(Emil Verhaeren: 1) „Poèmes, première série: Les Flamandes, Les Moines, Les Bords de la Route"; 2) „Poèmes, nouvelle série: Les Soirs, Les Débacles, Les Flambeaux noirs"; 3) „Poémes, troisième série: Les villages Illusoires, Les Apparus dans mes chemins, Les Vignes de ma muraille"; 4) „Les Villes tentaculaires, précédées des Campagnes hallucinées"; 5) „Les heures claires"; 6) „Les Visages de la vie"; 7) „Petites Legéndes"; 8) „Les Heures d' aprés midi"; 9) „La multiple splendeur").

И мысль его, неистово живая,
Вся огневая,
Вся слитая изъ воли и страстей,
И жестъ его, подобный вихрю бури,
Въ сердца бросающій мечты,
Какъ сѣвъ кровавый съ высоты,
Какъ благодатный дождь съ лазури.
Э. Верхарнъ „Трибунъ". Перев. В. Брюсова.

Такими словами Верхарнъ характеризуетъ народнаго трибуна. Онъ придетъ и бросится въ «шумящій міръ борьбы» и поведетъ народъ „сломать преграды вѣковыя". Но эти слова примѣнимы и къ самому поэту. И онъ, какъ трибунъ, полонъ гнѣва противъ «тюрьмы укладовъ старыхъ», и онъ, какъ трибунъ, зоветъ къ борьбѣ и вѣритъ въ побѣду и вѣритъ въ мечту о счастьѣ человѣчества. Онъ самъ одинъ изъ тѣхъ «избранниковъ», о которыхъ онъ говоритъ:

Рвутся впередъ безоглядно и бурно
Тѣ лишь, чья воля пурпурна,
Чья окрыленная мысль создана для безумствъ золотыхъ,
Кто, поднимаясь, о новомъ подъемѣ мечтаетъ,

Кто никому, ничему не внимаетъ,
Кромѣ завѣтныхъ стремленій своихъ.

Онъ послушенъ только зову своей души; онъ—мятежный и своевольный, не терпящій симметрически-правильныхъ укладовъ во всемъ, начиная со стиха: онъ—одинъ изъ создателей новаго, «вольнаго стиха», vers libre, который при сохраненіи общаго ритма допускаетъ, путемъ измѣненія размѣра, то ускоренный, то замедленный темпъ, сообразно содержанію, внося свободу и разнообразіе туда, гдѣ раньше царила почти педантическая симметрія.

Поэзія Верхарна богата и разнообразна, какъ богата и многогранна его душа. Въ его поэзіи и грезы «изъ пурпура и золота», и нѣжные напѣвы любви, и бѣшено-изступленный крикъ ярости и гнѣва. Въ ней стоны тоски, галлюцинаціи, полныя ужаса—и гимны, воспѣвающіе солнце, свѣтъ и движеніе. Вдохновенный, онъ до крайности субъективенъ въ воспріятіи міра и окрашиваетъ жизнь золотомъ своихъ видѣній. Жизнь въ его изображеніи горячая и пламенная, всегда, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Она такова въ минуты возстанія народа, когда онъ встаетъ, гнѣвенъ и могучъ, и даетъ волю дремавшимъ силамъ, и разрушаетъ, какъ буря весной, всѣ жалкія сооруженія—орудія гнета и насилія. Какъ разлившійся потокъ, бушуютъ народныя волны, и міръ весь залитъ багрянцемъ и золотомъ. Но жизнь трепетно горяча и въ мирное время, когда съ лихорадочной торопливостью работаютъ фабрики и заводы. Тысячи машинъ грохочутъ, и бѣшено мчатся чудовищныя колеса. Пылаютъ и дышатъ огнемъ колоссальныя печи, какъ сказочные драконы. Всюду трудъ—напряженный и горячечный. Всюду идетъ упорная борьба съ природой, подъ землей при добываніи блистающихъ металловъ, подъ водой въ погонѣ за манящими жемчугами, въ тропическихъ странахъ и среди снѣговъ сѣвера. Всюду трепетная жизнь—въ громадныхъ лабораторіяхъ, гдѣ тысячи ученыхъ занимаются мельчайшими изслѣдованіями, и въ комнатѣ мыслителя, съ полками книгъ и столомъ, заваленнымъ бумагами, на океанахъ, разсѣкаемыхъ мощными взмахами колесъ парохода, въ лѣсахъ, гдѣ дровосѣки рубятъ лѣсныхъ гигантовъ, и въ гаваняхъ, куда стекаются товары со всего міра. Въ произведеніяхъ Верхарна жизнь и стихійныхъ силъ природы—стремительная, пламенная, мчащаяся впередъ, опаленная страстью. То она охватываетъ строенія огненными объятіями, раскинувъ пламя, какъ пышныя кудри, и заливаетъ небо багровымъ заревомъ пожара. То въ видѣ «буйной рыжей осени» празднуетъ свою свободу съ вѣтромъ, вѣчнымъ бездомнымъ шатуномъ и гулякой. То зимой, засыпая снѣгомъ землю, вступаетъ въ борьбу съ вѣковыми деревьями и снѣжными вихрями, борется съ ними. И даже въ минуты терзаній духа жизнь не замираетъ, не угасаетъ для поэта, но горитъ сумрачнымъ огнемъ отчаянья, пылаетъ тяжело и трепетно.

И въ радости, и въ отчаяньи Верхарнъ все тотъ же — поэтъ-визіонеръ, пламенный, съ властнымъ порывомъ и трепетаніемъ страсти, избранникъ съ «галлюцинирующими глазами и пурпурной волей.» Онъ заставляетъ всю природу жить своей жизнью. Когда онъ радостенъ и здоровъ, она у него пышная и спокойная. Когда онъ тоскуетъ, природа стонетъ и страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Когда его духъ залитъ свѣтомъ и мчится стремительно въ высь, природа трепещетъ и мечется, объятая страстью. Его глаза — огромныя увеличительныя стекла, которыя все увеличиваютъ до чрезвычайныхъ размѣровъ, все доводятъ до послѣднихъ предѣловъ воображенія. Одно изъ любимыхъ его словъ «гиперболичный», и въ это слово онъ вкладываетъ не субъективный, а объективный смыслъ: «гиперболичны», преувеличены у него какъ бы не воспріятія явленій—а сами явленія. Верхарновскій министръ-буржуа обладаетъ «гиперболически величественнымъ жестомъ», а его народный трибунъ, въ своемъ ораторскомъ экстазѣ, движетъ толпу «жестомъ, подобнымъ вихрю бури». Верхарнъ въ этомъ отношеніи всегда одинаковъ, хотя въ его жизни и художественной дѣятельности есть нѣсколько рѣзко различныхъ періодовъ, на грани которыхъ стоятъ иногда жестокіе душевные кризисы. Когда онъ (въ своемъ первомъ сборникѣ «Фламандки» 1883 г.), описываетъ женщинъ своей родины,—отъ его выпуклыхъ картинъ вѣетъ дыханіемъ молодого и сильнаго тѣла. Это Рубенсъ, съ его смѣхомъ, веселымъ и безстыднымъ, съ его бьющей черезъ край жизнерадостностью и влюбленностью въ воздухъ, солнце, горячіе, сочные тона. Это человѣкъ въ избыткѣ силъ молодого могучаго организма. Это ребенокъ, съ глазами чистыми и любопытными, широко раскрытыми на весь Божій міръ, когда въ природѣ все кажется интереснымъ и прекраснымъ. Нѣтъ ничего нечистаго и низменнаго. Все останавливаетъ вниманіе художника. Быки, въ жаркій солнечный день стоящіе по брюхо въ водѣ. Коровы, вернувшіяся съ пастбища. Бѣлыя струйки молока, сбѣгающія въ подойникъ изъ тугихъ и разбухшихъ сосцовъ вымени. Лучи солнца, играющіе на плиткахъ пола. Кладовыя, гдѣ висятъ огромные и жирные окорока, колбасы съ кровяной начинкой, стоитъ молоко въ пузатыхъ кувшинахъ, дѣвственно бѣлѣющее, холодное молоко. Женщины съ упругими грудями и розовыми щеками мѣсятъ хлѣбъ сильными руками, доятъ коровъ, или работаютъ въ полѣ. А, когда спускается ночь, онѣ отдаютъ свои горячія, сильныя тѣла буйнымъ ласкамъ и «стонутъ въ радости безъ мѣры, краснѣя отъ безстыдныхъ словъ». Въ воскресные дни—попойка, игры и пляски. Шумное веселье, гдѣ женщины «съ осанкой царской власти, владѣютъ буйствомъ сладострастій». И эта спокойная жизнь, прерываемая только хмѣльными пирушками и буйнымъ весельемъ, въ его описаніяхъ полна своеобразной стихійной силы, какъ жизнь природы. Въ ней горятъ краски алой крови и переливается «могучій сокъ вещей».

Какъ истинный фламандскій художникъ, онъ проникаетъ и въ другую сторону духа своей родины Фландріи—въ мистическое настроеніе, стремленіе къ молитвамъ и уединенію. Въ сборникѣ «Монахи» (1886 г.) онъ даетъ рядъ типовъ монаховъ и ярко, проникновенно рисуетъ стремленія духа къ мистической красотѣ. И, если во «Фламандкахъ» онъ похожъ на Рубенса, то здѣсь онъ ближе по духу и краскамъ къ Рембранту. Но этотъ переходъ отъ свѣтлыхъ, спокойныхъ и радостныхъ тоновъ къ мрачнымъ—не случайность и не капризъ художника, желающаго смѣною контрастовъ рельефнѣе оттѣнить игру причудливыхъ свѣтотѣней и поэтическихъ красокъ творчества. Не случайность,—какъ не случайность и то, что стихійная, примитивная чувственность незатѣйливой жизни, незатѣйливыхъ радостей и порывовъ фламандскихъ деревень имѣетъ своимъ естественнымъ дополненіемъ порывы аскетическаго умерщвленія плоти, полнаго разрыва съ землей, сосредоточенно-мрачнаго культа духа. Въ своей жизни Верхарнъ пережилъ послѣдовательно одну за другой эти параллельныя полосы жизни своего народа.

Онъ родился въ 1855 г. въ городкѣ Сент-Аманъ, въ восточной Фландріи, на берегу рѣки Эско, среди безконечныхъ равнинъ. Домъ его родителей былъ окруженъ обширнымъ старымъ садомъ, съ длинными аллеями. Этотъ садъ съ заросшими таинственными уголками казался цѣлымъ міромъ ребенку. Здѣсь проводилъ онъ цѣлые дни въ одиночествѣ, унося въ сказочный міръ своихъ грезъ. Вся окружающая природа способствовала развитію этой стороны его характера — монотонныя равнины съ широкими горизонтами, далекіе корабли, уходящіе на горизонтъ въ невѣдомую даль, за которыми такъ любилъ слѣдить задумчивый мальчикъ,— и вся тихая однообразная жизнь фламандскаго городка. Но въ то же время развивалась и другая сторона его характера. Тихія грезы въ темномъ саду смѣнялись шумными приключеніями и играми съ деревенскими товарищами. Онъ принималъ участіе въ ихъ похожденіяхъ, набѣгахъ на фруктовые сады, рыбной ловлѣ, купаньѣ и самыхъ дерзкихъ шалостяхъ и забавахъ. Такъ росъ на волѣ мальчикъ порывистый и страстный, предоставленный самому себѣ, и такъ постепенно развивались различныя стороны его характера—мечтательность и нѣжность вмѣстѣ со смѣлой удалью, дерзкой веселостью и страстной любовью къ свободѣ. 13 или 14 лѣтъ его отдали въ закрытое заведеніе, іезуитскій коллежъ. Трудно было мальчику, привыкшему къ простору полей и неограниченной свободѣ, подчиниться режиму закрытаго заведенія. И нерѣдко въ немъ безудержно вспыхивалъ протестъ, проявляясь самымъ неожиданнымъ образомъ. Такъ, однажды, запертый въ видѣ наказанія въ комнатѣ, выходившей окнами въ физическій кабинетъ, мальчикъ пришелъ въ ярость и, открывъ окно, началъ швырять все что было подъ рукой. Стулья, столъ, чернильница, книги полетѣли въ стек-

лянные предметы и инструменты физическаго кабинета. Сбѣжавшіеся монахи съ ужасомъ увидѣли картину разрушенія: все было разбито, изломано и уничтожено разбушевавшимся мальчикомъ. Позднѣе въ юношескихъ годахъ онъ часто проявлялъ ту же необузданность, тотъ же страстный, порывистый темпераментъ. Въ своемъ сборникѣ «Tendresses premiéres» онъ описываетъ тѣ моменты, когда онъ «былъ повѣсой», свои взрывы рано проснувшейся чувственности, свиданія въ амбарахъ, полныхъ зерна, съ первой отдавшейся ему женщиной, когда ихъ тѣла «тонули въ зернистой массѣ, обсыпались золотистыми зернами», описываетъ празднества фламандской молодежи и «бельгійскія кермессы съ ихъ бѣшенымъ разгуломъ, съ ихъ внезапными праздниками чувственности».

Но въ то же время онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Жоржемъ Роденбахомъ, съ которымъ онъ сблизился еще въ первые годы пребыванія въ коллежѣ, со страстью предается чтенію и начинаетъ писать стихи. Послѣ окончанія коллежа, онъ поступаетъ въ университетъ Лувэна. Теперь онъ уже много пишетъ. Въ кружкѣ товарищей ведутся горячіе споры объ искусствѣ и жизни. Основывается журналъ, на страницы котораго переносятся споры и страстная полемика. Статьи журнала полны нападокъ на филистеровъ, полицію и въ то же время на враговъ церкви, потому что въ этотъ періодъ Верхарнъ и его кружокъ защищаютъ «Христа» отъ его враговъ. Изъ Лувэна, окончивъ юридическій факультетъ, Верхарнъ переѣзжаетъ въ Брюссель. Передъ нимъ развертывается жизнь большого города. Онъ жадно набрасывается на новыя знакомства. Трепетная жизнь большого города увлекаетъ его, новыя идеи находятъ откликъ въ его душѣ. Міровоззрѣніе поэта рѣзко измѣняется. Онъ дѣлается однимъ изъ редакторовъ передового органа: «Jeune Belgique», потомъ сотрудничаетъ въ «Art Moderne» и «Societé Nouvelle». Напряженная умственная работа и трепетныя исканія творчества смѣняются лѣтомъ во время каникулъ жизнью, свободной отъ всякихъ обязанностей и внѣшнихъ приличій, жизнью веселой и радостной, близкой къ природѣ. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ поэтъ поселяется на берегу моря, гдѣ даетъ волю необузданнымъ порывамъ и яркому веселью человѣка, воспитавшагося среди природы и дикой воли, приводя въ ужасъ мирныхъ жителей деревни.

Въ этотъ періодъ жизни онъ подвергся жестокой нервной болѣзни, которая чуть не окончилась безуміемъ и внесла болѣзненныя ноты въ его поэзію. Она отрываетъ его отъ радостей жизни и все больше погружаетъ въ глубины духа. Имъ окончательно овладѣваетъ настроеніе религіозной красоты, онъ весь уходитъ въ ея образы и символы. Во всѣхъ стихотвореніяхъ этого періода (въ сборникахъ: «Вечера» 1887 г., «Крушенія» 1888 г., «Черные факелы» 1890 г.) слышится безумная жажда смиренія, жажда жертвы и, быть можетъ, невысказанная жажда вѣры. Во всѣхъ

этихъ произведеніяхъ звучатъ всѣ религіозные мотивы — поэзія подвига, красота жертвы, сладость смиренія, жажда мученичества первыхъ христіанъ, и нѣтъ лишь одного—наивной вѣры христіанъ. Тутъ онъ безсиленъ. Онъ не можетъ совладать со своимъ разумомъ, пытливымъ и дерзкимъ. Для того, чтобы сомнѣнія не мучили его, для того, чтобы въ душѣ насталъ покой и миръ «небытія», онъ хочетъ «убить предательскій свой разумъ». Но ему не удается угасить свой пламенный духъ. И вотъ всю огненность и всю силу этого духа онъ направляетъ на то, чтобы смирить себя самого, одержать побѣду надъ своей упрямой и сильной волей,— его кличемъ становится: «Возстань въ побѣдѣ надъ самимъ собой!» Онъ долженъ заставить себя отказаться отъ желанія «выкроить знамена изъ матеріи своей жизни». Онъ долженъ отнынѣ сдѣлать изъ своей жизни вмѣсто побѣднаго знамени — тяжелое, одноцвѣтное полотнище, не украшенное никакими рисунками, никакими цвѣтами. Но даже и въ смиреніи онъ хочетъ насытить все ту же жажду борьбы, все то же стремленіе къ побѣдѣ, въ данномъ случаѣ надъ собственной силой. Съ неудержимой энергіей вспыхиваетъ въ немъ эта жажда борьбы съ собой и средство для нея— самоистязаніе. Съ изступленной страстью онъ стремится терзать себя, придумываетъ для себя самыя жгучія муки.

Хочу, хочу впивать всю пьяность слезъ своихъ,
Пить жгучій сокъ страданій добровольныхъ.

Его духъ томится, тоска и тревога овладѣваютъ имъ. Теперь и въ природѣ онъ видитъ то, что соотвѣтствуетъ его настроенію. Старые дубы гнутся отъ вѣтра и стонутъ, протягивая вѣтви,—

Какъ бы вздымая вверхъ порывъ простертыхъ рукъ,
Изъ тѣла рвущихся безумно-смѣло;
Но властно держитъ ихъ въ плѣну безсильныхъ мукъ
Недвижное, къ землѣ прикованное тѣло.
(Пер. В. Чернова).

Надъ пустыннымъ прудомъ слышится крикъ птицы, крикъ отчаянія,—

Крикъ жалобный, крикъ агоніи
Безсильно стонущій и плачущій вдали.

Потянулись дороги, теряясь въ сумеркахъ, уходя далеко, далеко въ ночь. Надъ нѣмыми далями раздается тоскливый крикъ отчаянія.

Мельница машетъ крыльями, какъ простертыми безпомощно руками. Онѣ протягиваются и падаютъ среди померкшей природы.

Несется дикій вой, осеннихъ вѣтровъ вой:
То стаи черныхъ псовъ отчаянья завыли,

И эхо мрачное дало имъ откликъ свой,
И бездны ночи имъ свой черный звѣрь раскрыли.
(Пер. В. Чернова).

Страдающія деревья уходятъ вдаль, какъ пилигримы.

На небѣ вечера распяты, вечера
Кровоточатъ въ болото боль свою и раны.
(Пер. Васильева).

Далеко въ прошлое ушла жизнь мирнаго благополучія.

О, не вернется никогда
Для нихъ покоя счастье, сытость и довольство.

Далекій отъ солнца и радости, онъ ищетъ страданій.

Будь самъ себѣ судьей, будь палачемъ своимъ,
И упоенія терзать себя и мучить
Не уступай—о, никогда!—другимъ.

Теперь для него въ жизни «норма—страданіе».

Онъ хочетъ пить страданія, какъ ядъ, «животворящій и безумный». Онъ хочетъ растравлять свои раны, побѣдить въ себѣ звѣря «слабости и страха».

Но ему не дается побѣда надъ его свѣтлой душой, хотя и омраченной болѣзнью. И въ изступленіи онъ ранитъ свою душу, вызываетъ все новую и новую жгучую боль, упиваясь своими муками, пьянѣя отъ нихъ.

Пусть будетъ пытка! О, безумна и пьяна,
Прекрасна, пламенна—влечетъ меня она.
Еще, еще! Пускай всѣ поры тѣла жадно
Пьютъ ужасъ, муку, боль—мнѣ сладость ихъ отрадна!
(Пер. В. Чернова).

Обезсиленный неравной борьбой, онъ мечтаетъ о монастырѣ—желѣзномъ монастырѣ. Посты, власяница. Сдѣлать такъ, чтобы чувства оледенѣли въ то время, когда тѣло пылаетъ. Терзать себя, раздирать свое сердце, упиваясь его болью. Его мечта—желѣзный монастырь,

Гдѣ могъ бы я сжигать, томясь въ нѣмой тиши,
Все плотское въ себѣ однимъ огнемъ души.
(Пер. В. Чернова).

Но миръ и покой слишкомъ чужды его душѣ. Напротивъ, лихорадочныя видѣнія преслѣдуютъ его и онъ подъ вліяніемъ терзаній своего духа все глубже проникаетъ въ бездны ужаса жизни.

Все, что раньше рисовалось ему въ праздничныхъ краскахъ, съ казовой стороны,—теперь поворачивается къ нему оборотной стороной, увлекая въ бездонную глубину трагическаго. Особенно

кошмарнымъ видѣніемъ выступаетъ передъ нимъ «магнитъ предвѣчный—женщина», въ видѣ образа «женщины въ черномъ», женщины расхожаго перекрестка, къ которой

Подходитъ каждый смѣло—
Желанья насыщаетъ онъ,
На пышномъ катафалкѣ тѣла
При яркомъ свѣтѣ похоронъ.

(Пер. В. Брюсова).

Это похороны человѣка. Похороны человѣка въ женщинѣ: вѣдь, «готова къ ласкамъ ежечасно и блескомъ ихъ озарена», эта «женщина въ черномъ» «какъ смерть прекрасна и всенародна, какъ она». Какъ бы справляя жизненную «черную мессу», она «кадитъ небесамъ богохуленьями своей любви». Похороны человѣка въ мужчинѣ: вѣдь ему «сладко ея отвращеніе къ его ласкамъ и его презрѣнью», онъ презираетъ и ненавидитъ въ ней «свой собственный ужасъ и позоръ» и, заглянувъ въ глубь своей совѣсти, онъ съ трепетомъ можетъ «вдругъ въ своей душѣ увидѣть ея черно-пурпурный миражъ»...

Погружаясь въ эти мрачныя видѣнія, поэтъ больною душой начинаетъ чувствовать всю «красоту ужаса»...

Въ ночной тиши, когда, крадучись, спускается на землю мракъ и заволакиваетъ все черной завѣсой, среди деревьевъ, неподвижно молчаливыхъ, притаилось убійство. Блеснувшее оружіе, едва уловимое хрипѣніе и изъ открытаго горла текутъ потоки крови:

Коралловымъ ручьемъ течетъ, едва журча,
Струя красивой алой крови.

Затаивъ дыханіе, притаились, до поры до времени, спутники убійства—блѣдный страхъ и угрызенія. Придетъ часъ—они выползутъ изъ своихъ угловъ, схватятъ свою жертву «и загремятъ желѣзомъ своихъ цимбаловъ».

Онъ находитъ слова для описанія казни на эшафотѣ:

На черный эшафотъ ты голову взнесешь
Подъ звонъ колоколовъ и глянешь съ пьедестала.
И крикнутъ мускулы, и просверкаетъ ножъ,
И это будетъ пиръ и крови и металла!

(Пер. В. Брюсова).

Но всѣ эти ужасы и кошмары, охватившіе его душу, дѣлаютъ для него жизнь невыносимой, и онъ чувствуетъ себя усталымъ.

Уставъ душой, уставъ отъ дней, рѣчей, заботъ,
Отъ ничего и отъ всего—одинъ, подчасъ
Я вижу вдругъ—вотъ онъ, горитъ и слезы льетъ
Здѣсь, надо мной, безумья бѣлый, страшный глазъ.

(Пер. В. Чернова).

И въ его душѣ почти готовъ распуститься фатальный цвѣтокъ безумія.

Иду къ безумью я, его лучамъ и снамъ,
Его полдневнымъ, страннымъ, бѣлымъ луннымъ солнцамъ.

Къ счастью, духъ его слишкомъ могучъ, и онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого кризиса. Дойдя до высшаго напряженія въ страданіи, духъ его не сломился, но вышелъ болѣе сильнымъ, закаленнѣе и прекраснѣе послѣ перенесенныхъ страданій.

Въ первый періодъ у него была сильна любовь къ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта любовь была и болѣе матеріалистична. Больше всего его привлекали стихійная цѣлостность и непосредственность жизни человѣка, близкаго къ природѣ. Его влекла къ себѣ жизнь простая, недалеко ушедшая отъ жизни растительной и животной, жизнь, которая только внесла въ эти проявленія чувственно-растительнаго и элементарно-животнаго небывалую силу, интенсивность, порывъ, только концентрировала и сгустила движенія, тона и краски. Въ его описаніяхъ этого періода преобладаетъ спокойное и созерцательное настроеніе, стихъ отличается сжатостью и совершенствомъ формы.

Отрицаніемъ — полнымъ, непримиримымъ отрицаніемъ этого періода является слѣдующій, когда Верхарнъ снимаетъ со всего міра покровъ внѣшней красоты и радости, всецѣло погружаясь въ созерцаніе ужасовъ жизни, которое доводитъ его до грани, отдѣляющей жизнь отъ безумія. Онъ почти готовъ былъ перешагнуть эту грань, окунуться въ море ужасовъ, не освѣщенное разумомъ. Но онъ не переступилъ ея и снова воскресъ для жизни, чтобы въ этотъ новый періодъ дать синтезъ всего пережитаго. Въ немъ вновь воскресаетъ любовь къ жизни, но уже очищенная въ огнѣ страданія, проникновенія всѣмъ тѣмъ, что въ жизни есть ужаснаго и злого; и тѣмъ самымъ любовь его становится уже не эпикурейски спокойной, а страстно-дѣйственной.

Онъ любитъ, какъ и прежде, можетъ быть, даже трепетнѣе, чѣмъ прежде, жизнь, любитъ солнце, силу, близость къ природѣ и красоту человѣческаго тѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ второй періодъ внесъ болѣе тонкую и глубокую, порою болѣзненную, воспріимчивость въ его творчество, внесъ утонченность въ пониманіе радостей, страданій и сложности жизни, внесъ трепетъ возвышенной страсти въ его міросозерцаніе, сообщилъ ему любовь къ порыву, къ движенію. И въ связи съ этимъ творчество, борьба, полная страсти, порыва и движенія, становится интимнѣйшей душой всѣхъ его поэтическихъ вдохновеній.

Прекраснъ былъ мигъ обновленія его души, мигъ пробужденія отъ сна, полнаго кошмарныхъ видѣній. Верхарнъ изображаетъ этотъ мигъ въ красивомъ символѣ св. Георгія—послѣдней дани, отданной періоду религіозныхъ темъ его творчества.

Когда еще его душа была погружена въ мрачную тоску и слушала вой «des chiens noirs de mon desespoir» («черныхъ псовъ отчаянья»), явился, весь покрытый волнующимся золотомъ, на бѣломъ, вспѣненномъ конѣ святой Георгій—символъ дѣйственной борьбы съ ужасами жизни. Онъ, какъ молніей, разитъ своимъ мечемъ безобразное, пресмыкающееся чудовище зла, пламенный и радостный, полный силъ и вѣры, дерзновенія и рѣшимости.

И сердце «ночное» поэта онъ освѣтилъ молніеноснымъ блескомъ своего меча. Онъ прошелъ передъ нимъ, какъ золотая побѣда, и сразу разсѣялся мракъ, ворвались лучи золотого свѣта.

Звучите, звучите во мнѣ, голоса
Надежды и вѣры,—звучите сильнѣй,
По свѣтлымъ дорогамъ, подъ тѣнью вѣтвей,
Гдѣ свѣсило солнце лучи—волоса.

(Пер. В. Чернова).

Этотъ образъ пришелъ изъ странъ, гдѣ волны укачиваютъ корабли со спящими ангелами, онъ пришелъ изъ бѣлой страны сверкающаго мрамора, залитаго свѣтомъ, чтобы воскресить скорбное «ночное сердце» поэта. Поэтъ самъ говоритъ о себѣ:

Былъ слабъ я и трусливъ, замкнулся я въ себѣ,
Въ ничтожной гордости я убѣжалъ отъ міра.

Но теперь святой Георгій взялъ изъ его рукъ «печальные цвѣты его горести» и сердце его наполнилъ мужествомъ и радостью полета. И снова раскрылись у него глаза на красоту жизни, и душа наполнилась солнцемъ.

Теперь, послѣ того, какъ его душа воскресла отъ мрака надвигавшагося безумія, поэтъ въ этотъ новый періодъ жизни изображаетъ ужасъ, какъ визіонеръ, видящій своими галлюцинирующими глазами за предѣлами, доступными нормальному зрѣнію; какъ человѣкъ, тонко и болѣзненно чувствующій и способный проникать въ глубину страданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мощный художникъ, понимающій красоту, но свободный отъ власти изображаемаго имъ ужаса. Теперь у него достаточно силъ, чтобы освободиться отъ мрачныхъ галлюцинацій и мощнымъ полетомъ фантазіи перенестись въ иной міръ—свѣта, пурпурныхъ видѣній, бурь и движеній.

Верхарнъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ поэтомъ современности. Всѣ виды зла обобщаются въ его глазахъ, группируясь вокругъ темныхъ сторонъ современной цивилизаціи.

Въ сборникѣ этого періода (Деревни, одержимыя галлюцинаціями,—1893 г.) («Les campagnes hallucinées») передъ нами проходитъ рядъ картинъ — деревень, поглощаемыхъ городомъ. Въ этомъ сборникѣ такъ же, какъ и въ послѣдующемъ «Les villes Tentaculaires» («Городаспруты»—1895 г.) остро поставлены соціальные вопросы—проблемы деревни и города.

Развертывается безконечная равнина — безплодная, точно Сахара, выжженная солнцемъ.

Все та же, безъ конца, равнина и равнина,
Какъ саванъ стелется, уныла, какъ кручина.

Жалобными и печальными выглядятъ деревни, пораженныя обезлюденіемъ, отдающія лучшія силы ненасытному городу.

Да, прочно умерли вы всѣ, о, мертвецы,
Вы, изобилье селъ создавшіе когда-то,
Вы, жившіе спокойно и богато...

Прошли тѣ времена, когда «поля были хозяевами городовъ». Теперь на горизонтѣ виднѣются чудовищныя руки машинъ. И вотъ, навѣки и невозвратно, ушли времена мирнаго довольства, времена веселой старой Фландріи. Опустѣли фермы, откуда нѣкогда неслись взрывы здороваго смѣха и гдѣ кипѣла неустанная работа. Красивая фермерша, хозяйка и мать, управлявшая домомъ, какъ мудрая пчела, окруженная здоровыми дѣтьми, давно умерла. Опустѣло ея вышитое рѣзное кресло, вокругъ котораго собирался весь домъ для воскресной молитвы. Умеръ давно и хозяинъ фермы, дѣти ушли въ городъ, притянутые его щупальцами. Нищета все полновластнѣе и рѣшительнѣе царитъ, какъ какая-то высшая мистическая сила, надъ краемъ,—

И нѣкто, вершитель невѣдомыхъ силъ,
Безплодіемъ лѣто, смѣясь, поразилъ,
Въ солому хлѣба обратилъ.
Надвинулъ засуху, подъ корень подсѣкъ
Всю жизнь, изсушивши источники рѣкъ,
И взвылъ, словно звѣрь, человѣкъ.

(Пер. В. Чернова).

Нищета выгоняетъ крестьянъ изъ ихъ домовъ и они бросаютъ свои разрушенныя хозяйства и уходятъ въ даль. Нужда гонитъ по равнинамъ тысячи нищихъ и они ходятъ изъ деревни въ деревню со своими ранами и костылями. «И нищіе походятъ на безумцевъ».

Среди этой нищеты, болѣзней и невѣжества вырисовывается фигура деревенскаго знахаря, которая, превращаясь подъ увеличительнымъ стекломъ поэта въ символъ, вырастаетъ до громадныхъ размѣровъ какого-то «злого духа» деревни. Онъ тотъ, кто нашептываетъ дурные совѣты, кто раздуваетъ дурные инстинкты, которые дремлютъ въ душѣ человѣка, кто носитъ «грѣхъ, какъ драгоцѣнную ношу, въ своей душѣ». Онъ скользитъ межъ домовъ и разбрасываетъ повсюду ядовитыя зерна своихъ соблазняющихъ наущеній. Онъ сѣетъ зло и толкаетъ на преступленія отца противъ, сыновей мать противъ зачатаго и еще не рожденнаго дитяти. Онъ вдохновляетъ ростовщика, вампира деревни, и стариковъ, на-

силующихъ дѣтей. Сама природа противъ деревни—изъ липкихъ и топкихъ болотъ поднимаются ядовитыя испаренія. Туманы развертываютъ свой покровъ надъ деревней,—

Одѣянье ткутъ они для тьмы:
Газъ зеленый, тюль прозрачно-блѣдный.
Малярія въ немъ идетъ стопой побѣдной.
(Пер. А. Васильева).

Лихорадки идутъ въ дома, проходятъ сквозь закрытыя двери, отдыхаютъ на старомъ стулѣ, въ колыбели плачущаго малютки, раздуваютъ въ очагѣ огонь заснувшей болѣзни, проникаютъ въ хлѣбъ, въ воду. И слышатся стоны, больные не спятъ по ночамъ, ворочаются, перебирая четки, зовутъ смерть и бѣгутъ отъ смерти.

Какъ призраки, проходятъ деревенскіе безумцы со своими сумасшедшими пѣснями и видѣніями, олицетворяющими все зло жизни, подъ ударами котораго угасъ ихъ духъ. Для одного это зло жизни рисуется въ видѣ погубившей его жабы съ глазами бо́льшими, чѣмъ ея голова—это «у меня украли мои глаза»; и онъ мучается въ ужасѣ, что онъ на всю жизнь былъ и будетъ слѣпымъ. Другой убилъ человѣка, и все галлюцинируетъ сценой убійства,—это была месть за то, что онъ взялъ у безумца его душу и мозгъ. Третій умоляетъ, чтобы прогнали прочь крысъ, которыя съѣли у него все, которымъ женщина бросила на съѣденіе и его сердце, разбитое ею. Безумецъ боится крысъ и съ жалобной мольбой проситъ—это его вѣчный ирипѣвъ—«brisez leurs pattes et vertebres!»—

— Перебейте хребты имъ и лапы!

Безумныхъ охватываютъ ужасъ гибнущихъ деревень, и дѣйствительность воплощается въ ихъ больномъ мозгу въ созданіяхъ кошмарнаго бреда. Въ ихъ пѣсняхъ слышны отзвуки бѣдствій разложенія деревни, звучатъ воспоминанія о прежнемъ довольствѣ, о прежней жизни, и они бредятъ нашествіемъ какихъ-то страшныхъ чуждыхъ силъ, которыя подтачиваютъ благосостояніе деревни, ея матеріальныя и духовныя силы. — Пришли крысы, толпы крысъ. Онѣ грызутъ весь міръ, сверху до низу. Онѣ уничтожили церковь, нѣкогда широкую и торжественную, съ вѣрой въ нее бѣдныхъ людей. Онѣ добрались до просфоры и съѣли ее,—съ тѣхъ поръ все кончено. Ничего прочнаго не осталось въ жизни—страшныя, юркія, невидныя крысы кишатъ повсюду, все перемалывая и обращая въ труху своими безпощадными зубами...

И въ эти печальныя равнины и угасающія деревни приходитъ, какъ царица въ побѣжденный городъ,—Смерть. Въ трактирѣ «Трехъ гробовъ» «Смерть себѣ спросила крови»:

Смерть садится на прилавкѣ,
Бросивъ черный золотой.

Она требуетъ угощенья, и, когда ей приносятъ, пьетъ и пьянѣетъ. И напрасно взываютъ испуганные жители:

Матушка Смерть! пощади, пощади,
Пей свой стаканъ не до дна.

Къ ней приходятъ вереницы старухъ и матерей, умоляютъ о пощадѣ для своихъ дѣтей, ветераны просятъ за своихъ сыновей. Богородица изъ часовни «вышла просить за село». Наконецъ, приходитъ самъ Іисусъ и проситъ ее прекратить свое пиршество. «Я твой Царь и Отецъ», говоритъ Онъ. Но Смерть не внемлетъ Его словамъ.

Черепъ въ окно наклоня,
Смерть сидитъ у огня,
Пьетъ за стакановъ стаканъ и качается,
Полузакрывши глаза,
Улыбается.

(Пер. В. Брюсова).

Она чувствуетъ себя сильнѣе самого Бога и отвѣчаетъ Ему, улыбаясь: — «у Господа громъ, а у Смерти коса». И, сознавая свое безсиліе предъ властью Смерти, Іисусъ печально удаляется. И Смерть даже не встала, когда мимо нея прошелъ Христосъ. И много душъ ввела она этимъ въ соблазнъ.

Съ глубокой меланхоліей относится Верхарнъ къ этому явленію — гибели деревень. Онъ прославляетъ города за то, что они внесли много «и свѣта новаго, и силъ багряныхъ» и опьянили «безумiемъ святымъ» человѣчество и вовлекли его въ борьбу. Онъ говоритъ о деревняхъ:

Но духъ полей былъ мирнымъ духомъ Бога,
Онъ не хотѣлъ борьбы, исканій, мятежа;
Онъ палъ.
. . . . . .
Поля кончаютъ жизнь подъ страшной колесницей,
Которую на нихъ духъ вѣка ополчилъ,
И тянутъ щупальцы столица за столицей,
Чтобы высосать изъ нихъ остатокъ прежнихъ силъ.

(Пер. В. Брюсова).

Но онъ не можетъ относиться равнодушно къ угасанію родныхъ ему деревень. Онъ слишкомъ любитъ жизнь, близкую къ природѣ. Деревня слишкомъ дорога ему, онъ связанъ съ нею всѣми воспоминаніями дѣтства и юности. Онъ знаетъ ея жизнь, и ему вѣрится, что придетъ время, когда деревня будетъ спасена отъ власти городовъ и, понявъ свои прежнія заблужденія и ошибки, начнетъ новую жизнь. И онъ спрашиваетъ себя:

Воскреснутъ-ли, поля, живыя дали ваши,
Заклятыя отъ всѣхъ безумствъ и лживыхъ сновъ,

Сады, открытые для радостныхъ трудовъ,
Сіяньемъ дѣвственнымъ наполненныя чаши?
Васъ обрѣтемъ-ли вновь, и съ вами лучъ разсвѣтный,
И вѣтеръ, и дожди, и кроткія стада,
Весь этотъ старый міръ, знакомый и завѣтный,
Который взяли въ плѣнъ и скрыли города?
(Пер. В. Брюсова).

Но теперь, пока еще не пришло возрожденіе деревень, по большой дорогѣ, длинной вереницей, съ изношенными ногами и заплесневѣлыми сердцами идутъ люди, покидая свою родину. Идутъ вечеромъ, въ безконечность, идутъ туда, куда зоветъ галлюцинирующее ихъ видѣніе и притягиваетъ ихъ, людей равнинъ. Это видѣніе—вотъ оно:

То—городъ! Центръ всего! Онъ изъ конца въ конецъ
Днемъ—въ дымномъ саванѣ, тяжеломъ, какъ свинецъ,
Ночами—весь въ огни разубранный богато,
Громада дерева, стекла, желѣза, злата,
Раскинувъ щупальцы, что все къ себѣ влекутъ,
То городъ-спрутъ.
(Пер. В. Чернова).

Вотъ онъ, городъ—съ его дымящимися фабриками, и шумомъ, и взмахами гигантскихъ колесъ, съ его стеклянными вокзалами и пыхтящими локомотивами, съ его мостами, арками и пристанями, гдѣ шумятъ пароходы и грохочутъ чудовищные молоты. И длинные каналы съ темной водой, и кварталы нищеты, съ ихъ лохмотьями и нуждой, и пышныя улицы, и своды лабораторій, и лихорадка биржи, и погоня за наслажденіемъ, и роскошь, и сверканіе ночныхъ огней. «Какой океанъ его сердце! какая буря его нервы! Какіе узлы хотѣній завязаны въ его таинственности!»

Вотъ онъ, городъ, съ его соборами и толпою вѣрующихъ, которая приноситъ въ нихъ свое горе и свою угасающую вѣру:

O ces foules, ces foules
Et la misère et la détresse qui les foulent!
(Толпы людскія, о толпы людскія,
Давитъ нужда васъ и скорби земныя!)

Вотъ рабочіе, усталые и изможденные безпрерывной работой. Вотъ дѣти-нищіе на перекресткахъ улицъ и женщины, предлагающія свои измученныя голодомъ тѣла. А вотъ

Вперивъ другъ въ друга мертвый взглядъ
Разбитыхъ оконъ симметричныхъ,
И день, и ночь дымятъ, хрипятъ,
Въ предмѣстьяхъ скопища громадъ
Фабричныхъ. (Пер. В. Чернова).

И тамъ, среди бушующей стихіи огня, «стальныя челюсти кусаютъ и дымятъ», колоссальные молоты дробятъ на наковальнѣ

глыбы, сверкающія золотомъ, работаютъ люди, по поясъ голые, въ адской жарѣ, и кажутся маленькими среди созданій своихъ рукъ— движущихся гигантскихъ ремней и маховыхъ колесъ стальныхъ чудовищныхъ громадъ. И неустанно работаютъ машины, «стальными зубьями колесъ грызя отъ вѣка живую мысль и слово человѣка».

А вотъ, въ рядѣ пышныхъ монументовъ, фигуры людей, сила которыхъ слита съ силой города.

Вотъ статуя монаха, покорявшаго людей силой религіи, который умѣлъ такъ сладко пѣть бѣдняку о раѣ

И убаюкать сномъ волшебнымъ,
Склонивъ къ священной Книгѣ книгъ
Его усталый, грубый ликъ.
(Пер. В. Чернова).

Вотъ статуя полководца съ желѣзной волей, который вѣрилъ въ себя, равнодушный къ крикамъ и слезамъ и крови, изъ которыхъ дѣлается исторія. Онъ грозенъ, какъ смерть, стремителенъ, какъ буря, онъ идолъ и бичъ, и онъ идетъ къ побѣдамъ, сверкая оружіемъ.

Вотъ статуя министра, непреклоннаго и жестокаго, чей гнѣвъ былъ закономъ для страны, чья узкая сила давила страшнымъ гнетомъ,—министра, который для усиленія своей власти пользовался блѣднымъ страхомъ и коварнымъ преступленіемъ,

И, вставъ во весь свой ростъ, вершинъ онъ достигалъ,—
Но были то всегда вершины преступленій.
(Пер. В. Чернова).

Вотъ гигантская статуя тирана, могучаго и властнаго, передъ которымъ все склоняется, который не знаетъ любви, такъ какъ всякій, кто его любитъ, превращается въ раба.

А вотъ банкиръ въ выцвѣтшемъ креслѣ, управляющій міромъ. Ему подвластны всѣ «властители народовъ».

онъ можетъ ихъ рубежъ
Расширить, иль стѣснить, иль бросить ихъ въ мятежъ,
По прихоти своихъ разсчетовъ потаенныхъ;
Предъ нимъ и та война, что въ городахъ земныхъ
Онъ, какъ король, ведетъ,—безъ выстрѣловъ и дыма
Зубами мертвыхъ цифръ грызя неутомимо
Кровавые узлы загадокъ роковыхъ.
(Пер. В. Брюсова).

Немного сгорбленный, угрюмый, неизмѣнный, въ своемъ выцвѣтшемъ креслѣ, онъ

Рѣшаетъ судьбы царствъ и участь королей.

А вотъ современные дворцы—биржи, въ которыхъ идетъ лихорадочная борьба изъ-за золота. Потоки, рѣки, горы золота и все увеличивающаяся жажда его, неутолимая жажда.

О золото крылатое! О золото царящее!
О золото несытое, жестокое и мстящее!
О золото лучистое, сквозь темный вихрь горящее!
О золото живое,
Лукавое, глухое!
О золото, что порами нужды
Безсонно пьетъ земля съ Востока до Заката!
О злато древнее, краса земной руды,
О вы, куски надеждъ и солнца! Злато! Злато!
(Пер. В. Брюсова).

И вотъ оно, могущество города, раскинувшаго повсюду свои гигантскіе щупальцы спрута. Окутанный дымомъ и туманомъ въ теченіе дня, онъ сіяетъ милліонами сверкающихъ огней по ночамъ, и, какъ видѣнье, галлюцинируетъ окружающія деревни, и приковываетъ ихъ взгляды, и захватываетъ своими щупальцами, и поглощаетъ въ своемъ водоворотѣ.

А рядомъ съ грудами золота растетъ нужда, которая «въ сжатыхъ кулакахъ таитъ ожесточенье». И нарастаетъ «крикъ проклятій и гнѣвъ, глухой и вѣковой», растетъ «злобы неизмѣнной, глухихъ отчаяній безмѣрная волна», которая «однажды повернетъ къ иному времени и золотой рычагъ вселенной».

И вотъ поэтъ создаетъ образъ трибуна, пламеннаго и властнаго, «короля торжественныхъ безумій». Отъ гнета нужды и произвола правящихъ, отъ грязныхъ кварталовъ и дымныхъ фабрикъ — онъ ведетъ народъ къ «блистательной зарѣ невѣдомой весны». Смѣлый, онъ пролагаетъ новые пути:

Онъ—ужасъ, гибель, злоба, смерть и кровь,
Онъ—миръ, порядокъ, сила и любовь.
Въ немъ тайна воли одинокой,
Кующей молоты великихъ дѣлъ.

Для Верхарна

Онъ тѣмъ уже великъ, что отдается страсти,
Что самъ не знаетъ онъ послѣдней власти
И молній, ввѣренныхъ ему судьбой.

Онъ знаетъ свѣтлое будущее, къ которому ведетъ народъ:

Его душа была въ Грядущемъ, тамъ, вдали,
Въ просторахъ моря золотого.

И народъ волнуется, народъ собирается съ силами, чтобы мощнымъ движеніемъ сбросить вѣковую тяжесть со своихъ плечъ и пойти свободно и смѣло къ сверкающему счастью. Народъ ждетъ, онъ, какъ гигантъ-кузнецъ, который всю жизнь, всегда

Въ трудѣ упорномъ закаленный
Нѣмой колоссъ,
Ковалъ безсчетный рядъ полосъ.
Стальныхъ и мѣдныхъ,
Искрасна-блѣдныхъ,
Полосъ терпѣнья заповѣдныхъ.

И никто сначала не могъ понять «какой мечтою пьянъ кузнецъ» и что таится въ его глазахъ, «гдѣ зыблется одно бездонное молчанье».

Но, наконецъ,

Въ свой горнъ съ размаху онъ швырнулъ
Народной мести грозный гулъ,
Вражду нѣмую вѣковую,
Готовность побѣдить, или пасть,
Упорства власть и гнѣва страсть
Святую
. . . . . .
Чтобъ молотъ послѣ имъ придалъ
Блескъ молній и клинка закалъ.

(Пер. В. Чернова).

И онъ возьметъ этотъ клинокъ и съ нимъ пойдетъ и выхватитъ «безжалостной рукой»

Какой-то новый міръ изъ мрака и изъ крови,
И счастье вырастетъ, какъ на поляхъ цвѣты,
И станетъ сущностью и жизни и мечты,
Все будетъ радостью, все будетъ вновь!

(Пер. В. Брюсова).

И вмѣстѣ съ этимъ символическимъ кузнецомъ, сосредоточенно кующимъ «оружіе побѣдъ, тѣхъ, что провидитъ онъ за далью лѣтъ»,— Верхарнъ самъ жаждетъ борьбы.

Усталъ отъ словъ, усталъ отъ книгъ,
Что угашаютъ пылъ хотѣній,
Я жажду, чтобъ души тайникъ
Открылъ мнѣ тайну тѣхъ свершеній,
Въ которыхъ блещетъ битвы геній,
Даря блаженства жгучій мигъ.

(Пер. В. Чернова).

Ему нужны теперь не слова, но мечъ, который бы далъ ему побѣду въ битвѣ. Онъ хочетъ «жить, жить изступленно», онъ хочетъ, чтобы «святое усиліе» и дѣйствіе создали «чистое, великое и справедливое».

Въ послѣднемъ сборникѣ міросозерцаніе поэта опредѣляется въ цѣльномъ и законченномъ видѣ. Оно представляетъ собою попытку слить въ единомъ синтезѣ самый безжалостный теоретическій реализмъ съ самымъ пламеннымъ, субъективно-страстнымъ практи-

ческимъ идеализмомъ. Въ поэтѣ окончательно окрѣпла вѣра въ человѣка и человѣческій разумъ. Его послѣдній сборникъ «Многогранность Красоты» («La Multiple Splendeur», 1906 г.) это пламенный гимнъ вселенной и ея центру—человѣку. Онъ воспѣваетъ грезы человѣка, его побѣду надъ міромъ, его силу, усилія его воли, его пламенное безуміе, его идеи, онъ воспѣваетъ человѣка-дѣятеля, человѣка-мыслителя и человѣка-избранника. Онъ воспѣваетъ науку, которая разсѣяла мракъ и навсегда опрокинула ужасъ. Отъ ея свѣта одна за другой уходятъ въ прошлое тѣни, и скоро мракъ міра упадетъ мертвымъ трупомъ у свѣтлыхъ ногъ истины. Всѣ призраки и фантомы, такъ долго томившіе міръ своими кошмарами, теперь уничтожены свѣтомъ разума. То, что казалось таинственнымъ и непонятнымъ раньше, теперь открылось намъ, а то, что теперь непонятно, современемъ откроется торжествующему человѣчеству.

Дѣйствительность! Она есть тайна нашихъ дней
И цѣль завѣтная для мысли человѣка.
Но мѣрный ходъ вещей, что движется отъ вѣка,
Ее откроетъ намъ, мы овладѣемъ ей.
И, разгадавъ ея законы и причины,
Намъ ввѣритъ мысль завѣтныя пружины,
И начертаемъ мы, вѣрны своей мечтѣ,
Законъ и жизни всей, и Вѣчной Красотѣ.
(Пер. В. Чернова).

Здѣсь ярко выражается философское міросозерцаніе Верхарна: синтезъ теоретическаго реализма съ практическимъ идеализмомъ; объективизма знанія съ субъективизмомъ вѣры. Но его вѣра—жизненная; ея опора—на землѣ, хотя головой она поднимается въ лазурную высь. Эта вѣра даетъ ему силу глядѣть прямо въ лицо дѣйствительности, не преувеличивать фактическую силу знанія, но и не подмѣнять ее ничѣмъ:

И если здѣсь иль тамъ въ громадѣ міроздапья
Есть бездны вѣчной тьмы, что гасятъ всякій свѣтъ,-
Больной фантазіи старинныя созданья,
Вы не воскреснете изъ этой тьмы,—о нѣтъ!
Мы предпочтемъ не знать, чѣмъ впасть въ обманъ иль бредъ.

Человѣкъ для него прежде всего—дѣйственное существо, которое напрягаетъ свои, не знающіе устали, мускулы и нервы, торопясь и задыхаясь,

Чтобъ положить, во что бы то ни стало,
На укрощенный міръ своихъ цѣлей печать,
И горы, и моря,—весь міръ пересоздать
Велѣньемъ идеала.
(Пер. В. Чернова).

Человѣчество должно вѣрить въ собственныя силы. «Далеко за нами остались боги, хвалебные гимны или проклятія имъ,—говоритъ Верхарнъ: «наша сила въ насъ самихъ; придетъ время,

И міръ, пройдя сквозь строй метаморфозъ чудесныхъ,
Утративъ культъ боговъ, увѣруетъ въ себя.

Усиліемъ своей воли человѣкъ долженъ вырвать изъ мрака тайны міра, онъ долженъ сорвать съ нихъ покровъ и яркимъ солнечнымъ свѣтомъ озарить ужасъ неизвѣстности. Поэтъ вѣритъ въ то, что на землѣ будетъ осуществлено счастье, и сойдетъ на землю весна человѣчества. Въ своей драмѣ Les Aubes (Зори, 1898 г.) онъ рисуетъ попытки перестроить міръ и создать на землѣ міръ идеала.

Теперь онъ любитъ жизнь во всемъ ея разнообразіи, она волнуетъ, она привлекаетъ его. Онъ любитъ красоту жизни и грезитъ о ней, часто непонятой и отвергнутой еще не прозрѣвшими людьми. Какъ исканія новой истины, такъ и поиски новой красоты для него душа жизни. И каждая новая, еще не понятая красота, дитя грядущаго, опередившая свое время, представляется ему въ образѣ дивныхъ сиренъ съ золотистыми тѣлами. Изъ страны обманчивыхъ сновъ вывезли ихъ гордые искатели, мореходы, и привезли ихъ въ свою холодную родину съ ея тусклыми небесами, дождливыми осенними сумерками и хмурыми, холодными, въ повседневность погруженными людьми. И, горящія новой красотой, какъ сонъ прекрасныя, сирены наполняли ладью, какъ изумрудный, драгоцѣнный сосудъ. Ихъ тѣла обвивались вокругъ корабельныхъ снастей, тихо колеблясь, какъ золотистыя лозы винограда.

И пѣли сирены,
Какъ лиры, вздымая,
Прозрачныя руки;
И пѣли сирены,
И рѣяли, тая,
Волшебные звуки,

И пѣли сирены
Надъ брызгами пѣны
Надъ моремъ ненастнымъ,
И пѣли сирены,
Вкругъ мачтъ обвиваясь
Видѣньемъ прекраснымъ...
. . . . . .
...Но хмурые люди, холодные люди
Не слышали ихъ!
(Пер. В. Чернова).

Глухо и равнодушно смотрѣли «молчаливые, косные люди»; въ старыхъ, привычныхъ книжкахъ ничего не было сказано про этотъ волшебный сонъ, онъ легкимъ видѣньемъ скользнулъ мимо ихъ.

Пронесся, исчезъ и назадъ не вернулся,
И дивныхъ плодовъ не вкусилъ, не коснулся
Никто, никто!

Жизнерадостный и свѣтлый, какъ майская заря, Верхарнъ воспѣваетъ человѣческое существо, этотъ сложный и тонкій, а вмѣстѣ хрупкій и могучій аппаратъ, вышедшій изъ рукъ природы, поетъ гимны благодарности своимъ глазамъ за то, что они видятъ, какъ движется и выбрируетъ свѣтъ, рукамъ за то, что онѣ трепещутъ въ солнечномъ свѣтѣ,—всему, всему...

Все для меня и страсть, и ласка,
Безумство, трепетъ, красота!

Онъ пьетъ солнечный свѣтъ, онъ пьянѣетъ отъ красоты вселенной: «Je suis ivre de monde». Всюду счастье жизни, красота всюду. Радость и красота въ человѣческомъ тѣлѣ:

О женщины! вы въ блескѣ юныхъ тѣлъ
Частицы дивныя чарующаго міра!

Ихъ тѣла въ божественной наготѣ подобны жатвѣ изъ солнца и цвѣтовъ. Въ ихъ жестахъ—ритмъ вселенной, «спокойный и могучій сокъ вещей». Человѣческое тѣло прекрасно, оно является такой же частью природы, какъ и душа, «изъ пламени и золота».

Теперь для него и пейзажи залиты свѣтомъ.—«О, эти безбрежные прекрасные дни съ пылающими утрами!» Золотыя пчелы купаются въ солнцѣ, трепещущія деревья проникнуты свѣтомъ, цвѣты раскрываютъ свои чашечки и глядятся въ небесную лазурь—

Сквозь каждый лепестокъ—сиреневое вѣко,
Лучъ солнца, грѣющій просвѣтами, дрожитъ.

И свѣтъ въ его душѣ—то нѣжно-льющійся, раскрывающій почки весенній свѣтъ; то свѣтъ, властно насыщающій воздухъ, горячій и знойный лѣтній свѣтъ; то свѣтъ и воздухъ осенній, мягкій, который

Такъ нѣжно, нѣжно,
Не колыхнувъ стебля, ласкается къ цвѣтку.

Верхарнъ влюбленъ и въ вѣтеръ, свободный и своенравный вѣтеръ. Онъ любитъ его за то, что вѣтеръ охватываетъ всю вселенную. Мчится въ Неаполь и Мессину, касается чела пирамидъ и великихъ сфинксовъ, ласкаетъ далекую Шотландію и хмурую Англію. Отъ степей Украины несется къ полярнымъ ледникамъ или фіордамъ Норвегіи. Весь міръ сжимаетъ онъ въ объятіяхъ, этимъ онъ близокъ и дорогъ душѣ Верхарна, какъ близки и дороги теперь его душѣ всѣ радости жизни. Верхарнъ пишетъ рядъ нѣжныхъ лирическихъ стихотвореній (въ сборникахъ Les fleures claires 1896 и Les heures d'après midi 1905), задумчивыхъ и тонкихъ. Онъ поетъ въ нихъ счастье.

О, счастья миги!
Такъ рѣдки вы,—такъ хрупки вы порой,
Что я дрожу за васъ пугливою душой!

Неуловимо тонкимъ ароматомъ вѣетъ отъ нихъ, и читать ихъ хочется интимно и бережно, страшась нарушить очарованіе хрупкаго и рѣдкаго счастья, разлитаго въ нихъ.

И женщина пережила для Верхарна ту же эволюцію. Онъ сна-

чала воспѣвалъ ее, какъ Венеру, богиню любви и страсти, съ волосами, которые были солнечнымъ кустомъ, съ глазами, которые затмѣвали вѣчность своимъ великолѣпіемъ. Но радость умерла въ саду ея тѣла: «одѣнься въ льняныя одежды, Венера», вотъ кровь и стоны, и муки, и бѣлое сердце возлюбленнаго. Вотъ его доброта, кротость и страданія, вотъ любовь къ нему, вотъ безумный экстазъ и пламенная вѣра Маріи Магдалины. Но прошло время и этой матеморфозы, настаетъ грозный 93 годъ, Венера должна надѣть алое платье изъ крови и превратиться въ Теруань. «Она пойдетъ туда, гдѣ гнѣвъ народный ведетъ борьбу съ насильемъ вѣковымъ». Она идетъ на площадь, гдѣ рѣютъ красныя знамена и гремятъ выстрѣлы, гдѣ люди кровью смываютъ позоръ прошлаго рабства и встрѣчаютъ грядущую свободу. Женщина въ его глазахъ пережила то же превращеніе, пошла тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ все человѣчество, путемъ, который прошелъ и самъ поэтъ, изъ примитивно-цѣлостнаго бытія, черезъ борьбу духа съ тѣломъ, къ цѣлостному синтезу ихъ, жизнерадостному, но глубоко осмысленному и дѣйственному существованію. Душа жизни—борьба и движеніе. Осуждены на смерть не только религіозные фантомы, но и всѣ неподвижно догматическія системы, которыя своей застывшей симметричностью и окаменѣлымъ самодовольствомъ держатъ въ оковахъ человѣческую мысль. Идолопоклонники любой ортодоксіи, даже самой современной, легко узнаютъ себя въ граціозной и тонко насмѣшливой вещицѣ «Le Menuisier». Этотъ «столяръ старой школы» живетъ въ своей пыльной и затхлой каморкѣ и видитъ свѣтъ только черезъ пыльныя стекла своихъ оконъ; тѣ маленькія истины, которыя ему извѣстны, онъ превратилъ въ большіе догматы. Есть у него и старинная книга по его ремеслу, каждый текстъ которой онъ считаетъ непреложной и вѣковѣчной истиной. Онъ не задумываается ни надъ чѣмъ—въ ящичкахъ его силлогизмовъ все разложено въ образцовомъ порядкѣ. Отъ его лавочки, покосившейся и дряхлой, «вѣетъ нестерпимой скукой»; но непритязательные кліенты всегда найдутъ въ ней то, что имъ необходимо для жизни, и по самой дешевой цѣнѣ. Рядомъ со священникомъ и провинціальнымъ лѣкаремъ, онъ—неоспоримый авторитетъ въ своей сферѣ.

И однако... и однако придетъ время, когда его сломанные инструменты, съ которыми онъ трудился всю жизнь, будутъ годны только для забавы дѣтей.

И не тотъ или другой догматъ осужденъ на смерть, а догматизмъ вообще.

Всякая ограниченность, всякое стремленіе застыть на мелкихъ, прочныхъ и обезпеченныхъ успѣхахъ, строго отмѣренныхъ здравымъ смысломъ, умѣреннымъ и аккуратнымъ, неминуемо превращается въ нѣчто, враждебное дальнѣйшему росту и развитію.

Стремиться надо—какъ сказалъ бы Ницше—къ «Великому Невозможному».

Пусть неприступна та скалистая гряда,
Что такъ влечетъ твой пылъ мятежный;
Златыхъ коней мечты безбрежной
Не бойся устремить туда!
Когда бъ лукавый умъ соблазнъ тебѣ внушилъ
Идти размѣреннѣй и тише,—
Не вѣрь ему! Впередъ! Все выше!
Жизнь - это мощный трепетъ силъ. (Пер. В. Чернова).

Все измѣняетъ и вѣчно измѣняться; стремиться вновь и вновь превзойти самого себя—вотъ самый глубокій смыслъ жизни. Его понимаютъ отмѣченные печатью избранники,—«Les Elus»—не останавливающіеся никогда на полдорогѣ:

Имъ для разбѣга и мощныхъ скачковъ
Въ гущу сраженья
Служитъ опорой борьбы упоенье,
Злоба и трепетъ враговъ.
Манитъ ихъ жгучій восторгъ опьяненья
Рискомъ, опасностью;
Съ новою страстностью
Духъ ихъ трепещетъ и рваться готовъ,
Лишь раздадутся бодрящіе, дивные
Звуки призывные
Черной трубы,
Вѣстницы бурь и кровавой борьбы.
Жизнь - это битва; но ихъ вдохновенье
Въ праздникъ и пиръ превращаетъ сраженье,
Гдѣ не посмѣютъ другіе толпами идти.
Тамъ одиноко они пролагаютъ пути.
(Пер. В. Чернова).

Пусть, до поры, до времени, они остаются непонятыми,—рано или поздно весь міръ устремится въ ту раскрытую ими дверь, которая ведетъ въ безконечность, къ неизмѣримому, безостановочному, вѣчному развитію.

Въ мечтахъ поэта героическое настроеніе овладѣваетъ массами, и онъ развертываетъ передъ читателемъ картины могучаго «Возстанія» («La Revolte»).

Ярость народная, ярость великая,
Дикая,
. . . . . .
Въ силѣ стихійной своей
Растетъ, поднимается,
На баррикады камней
Прыжкомъ исполинскимъ взвивается.

Гнѣвная толпа разрушаетъ зданія, дворцы и палаты. Горятъ книги законовъ, огненными языками ихъ лижетъ огонь, и «черное

прошлое ихъ» «въ воздухѣ таетъ безслѣдно, какъ дымъ». Въ «величавыхъ церквахъ» разбиты иконы, опрокинуты сосуды со Святыми Дарами, по улицамъ люди ходятъ «и красны, и пьяны» побѣдой, и плавно качаются «головы чьи-то на пикахъ—словно на стебляхъ цвѣты». И все,

Что было когда-то мечтой,
Что въ грядущемъ, обвѣянномъ тьмой,
Могъ провидѣть лишь генія умъ;
Что, огнемъ зажигая сердца,
Привлекало къ себѣ безъ конца
Столько страстно-молитвенныхъ думъ
. . . . . .
Расцвѣтаетъ внезапно въ сердцахъ
Грозныхъ толпищъ съ оружьемъ въ рукахъ,
Промѣнявшихъ на месть и покорность, и страхъ.
(Пер. В. Чернова).

Въ стихахъ Верхарна психологія возставшей толпы, которой «одно лишь мгновенье больше даетъ, чѣмъ цѣлыхъ вѣковъ тяготѣнье»—достигаетъ необычайной яркости и красочности. И вмѣстѣ съ ней—психологія народныхъ вожаковъ, новаторовъ, піонеровъ грядущаго. И въ душѣ читателя невольно звучитъ этотъ героическій лозунгъ:

Разрушать—чтобъ вольнѣй созидать!
Убивать—чтобы смертію жизнь обновлять!
Побѣдить—иль погибнуть! Всѣмъ въ жизни рискнуть,
Чтобы жизни рычагъ навсегда повернуть.

О. Колбасина.

Хроника внутренней жизни.

1. „Профессіональный" союзъ капиталистовъ. Совѣтъ съѣздовъ.—2. Программа объединеннаго капитала. Планъ всемѣрнаго развитія торговли и промышленности. Отъ всемѣрнаго развитія къ „сколько-нибудь удовлетворительному" существованію.—3. Синдикаты. Проектъ металлургическаго треста.—4. Отъ объединенія къ междоусобію. Весенняя выставка полицейскихъ нравовъ. Раздвоеніе министровъ. Мечты и опасенія въ связи съ проектомъ треста.

Когда рождались профессіонально-политическіе союзы инженеровъ, врачей, адвокатовъ и т. д., пытался родиться, между прочимъ, союзъ торговцевъ и промышленниковъ. Иниціатива исходила изъ Москвы. Среди дѣятелей, хотѣвшихъ «сконцентрировать

капиталъ» на профессіонально-политической платформѣ, называли покойнаго С. Т. Морозова. Въ мартѣ 1905 года эта попытка «заглохла». Вмѣсто нея, возникла другая попытка—воспользоваться московскимъ съѣздомъ торговцевъ и промышленниковъ (въ іюлѣ 1905 года) для организаціи торгово-промышленной партіи. Партія, однако, сформировалась только осенью 1905 года; ея центральное бюро помѣщалось въ Москвѣ. Кромѣ нея (и почти одновременно съ нею) возникъ всероссійскій торгово-промышленный союзъ, имѣвшій свой центральный «совѣтъ» въ Петербургѣ. Московская «партія» во главу своей дѣятельности ставила: «полное содѣйствіе правительству по проведенію въ жизнь новыхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября». Петербургскій «союзъ», «защищая единую и недѣлимую Россію съ конституціоннымъ монархомъ», требовалъ «немедленнаго введенія въ основные законы Имперіи всѣхъ четырехъ свободъ и неприкосновенности личности, провозглашенныхъ манифестомъ 17 октября». Въ опубликованныхъ программахъ обѣихъ торгово-промышленныхъ организацій можно, впрочемъ, найти не только словесныя различія. Между партіей и союзомъ были, поскольку можно полагаться на опубликованныя программы эфемерныхъ политическихъ организацій конца 1905 года, кое-какія разногласія и по существу. Разногласія эти, пожалуй, тѣмъ болѣе характерны, что 87 учредителей партіи *) являлись какъ-бы конкуррентами 704 учредителямъ союза, при чемъ оба конкуррента разсчитывали на одинъ и тотъ же рынокъ. «Лица, положившія начало... партіи, считали, что наименованіе ея торгово-промышленной имѣетъ громадное значеніе: безъ него, сходясь со многими конституціонными партіями, она могла бы и не привлечь въ свои ряды всѣхъ своихъ единомышленниковъ, которые разошлись бы по другимъ группамъ», хотя и «принимаютъ то или иное участіе въ торгово-промышленной дѣятельности». Точно также союзъ въ своемъ «воззваніи ко всѣмъ русскоподданнымъ дѣятелямъ торговли и промышленности» писалъ: манифестъ 17 октября «обязываетъ насъ, дѣятелей торговли и промышленности, объединиться на всемъ пространствѣ имперіи въ мощный союзъ... для достиженія основанныхъ на новомъ правопорядкѣ нашихъ классовыхъ нуждъ и потребностей» *). Собственно, обѣ программы едва ли не правильнѣе разсматривать, какъ два самостоятельныхъ проекта профессіонально-политической платформы. И было бы интересно вскрыть, въ чемъ они сошлись и въ чемъ разошлись. Но, не углубляясь въ эту сторону вопроса, отмѣтимъ лишь, что оба проекта забракованы. Появились они въ печати приблизительно въ ноябрѣ 1905 г. А уже въ январѣ 1906 г. состоялся пер-

*) Въ числѣ ихъ нѣсколько Крестовниковыхъ, нѣсколько Рябушинскихъ, Кнопы, Коншины, Корзинкины и т. д. См. въ книгѣ *В. Іоновича*: «Россійскіе партіи, союзы и лиги", стр. 77.

**) ibid, стран. 92.

вый учредительный съѣздъ представителей торговли и промышленности, принявшій проектъ всероссійской организаціи на совершенно иныхъ началахъ. Развить эти начала было возложено на «организаціонное бюро»; бюро, совмѣстно со вторымъ учредительнымъ съѣздомъ (въ апрѣлѣ 1906 г.), выработало «Положеніе о съѣздахъ представителей промышленности и торговли». 24 августа 1906 г. «Положеніе» было утверждено. И въ октябрѣ того же года состоялся первый очередной съѣздъ, на которомъ избранъ исполнительный органъ—совѣтъ съѣздовъ. Внѣшнимъ образомъ «всероссійская организація», объединяемая постоянно дѣйствующимъ «совѣтомъ съѣздовъ», оборудована по примѣру съѣзда нефтепромышленниковъ, горнопромышленниковъ, сахаропромышленниковъ и т. д. Въ нее въ качествѣ членовъ входятъ, напр., съѣздъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ, московскій биржевой комитетъ, астраханскій биржевой комитетъ, архангельская биржа, общество заводчиковъ и фабрикантовъ, всероссійское общество сахарозаводчиковъ, всероссійская организація мукомоловъ, золото- и платино-промышленниковъ, мѣстныя организаціи горнопромышленниковъ, лѣсопромышленниковъ, кожевенныхъ заводчиковъ и т. д. Всего же объединилось, если вѣрить оффиціальному заявленію совѣта съѣздовъ министру торговли (21 февраля н. г.) «48 отдѣльныхъ торгово-промышленныхъ организацій и болѣе 130 крупнѣйшихъ предпріятій». Но это не профессіонально-политическій союзъ. Начавшій выходить съ января 1908 г. періодическій органъ совѣта съѣздовъ «Торговля и Промышленность» подчеркиваетъ, что изъ организаціи «совершенно устраненъ политическій элементъ», и объединеніе достигнуто исключительно на почвѣ экономическо-финансовыхъ отношеній. «Наши съѣзды — не безъ своеобразной гордости заявляетъ редакція того же органа въ № 3—исключительно профессіональная организація, живущая въ предѣлахъ законовъ, дѣйствующихъ въ каждый данный моментъ... Вотъ почему ни до сихъ поръ, ни впредь на страницахъ нашего журнала вопросы общей политики не находили и не будутъ находить себѣ мѣсто. Нашъ удѣлъ—вопросы хлѣба насущнаго, вопросы скорѣйшаго подъема производительныхъ силъ Россіи, а не безконечные политическіе споры»...

Этотъ горделивый аполитизмъ производитъ нѣсколько комическое впечатлѣніе. Ниже мы увидимъ, какую онъ имѣетъ цѣну. Но подчеркнутая готовность «объединеннаго капитала» жить по законамъ даннаго момента не пустой звукъ. Безъ сомнѣнія, организація всероссійскихъ съѣздовъ прекрасно освѣдомлена, какое конкретное содержаніе заключается въ словахъ: «законы даннаго момента». Кто же теперь этого не знаетъ? Да и никто не скрываетъ, что сейчасъ у насъ, какъ разъяснено недавно съ «высокой думской трибуны» совокупными усиліями предсѣдателя совѣта министровъ и министра финансовъ, главный законъ — это «суровая

сила», и притомъ безъ парламента, коего, «слава Богу, нѣтъ и не будетъ». На почвѣ именно не законовъ, а «суровой силы безъ парламента», объединенный капиталъ и стремится въ данный моментъ осуществить свои профессіональныя цѣли. По этому поводу можетъ, пожалуй, вырваться замѣчаніе: этого и слѣдовало ожидать отъ взлелѣянныхъ протекціонною системою питомцевъ казны. Извѣстно, молъ, что за фруктъ наша такъ называемая «россійская буржуазія». Дѣло, однако, не такъ просто, какъ можно думать на основаніи похвалъ «объединеннаго капитала» собственному удаленію отъ политическихъ вопросовъ.

Во всякомъ случаѣ передъ нами организація, сконденсировавшая капиталъ въ нѣсколько милліардовъ рублей. И эти милліарды, кстати сказать, не сплошь отечественнаго происхожденія. Къ объединенію примкнула, между прочимъ, бакинская нефтепромышленность и новороссійская горнопромышленность. И уже одно это свидѣтельствуетъ, что въ силѣ капитала, коею вооруженъ совѣтъ съѣздовъ, есть серьезная международная подмѣсь. Разумѣется, это существеннаго значенія не имѣетъ. Откуда бы ни притекъ объединившійся нынѣ капиталъ, но онъ вложенъ въ предпріятія, находящіяся на россійской территоріи. И, соотвѣтственно этому, совѣтъ съѣздовъ безукоризненно стоитъ за развитіе непремѣнно россійской, непремѣнно національной промышленности. Онъ неустанно скорбитъ, что «мы (русскіе) являемся не господами положенія, а рабами заграничной предпріимчивости». Онъ требуетъ уничтоженія порто-франко на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ русскія издѣлія ни по цѣнѣ, ни по качеству не могутъ конкурировать даже съ германскими. Онъ безпрерывно сѣтуетъ, что нашъ рынокъ «плохо защищенъ таможенною пошлиною» отъ «заграничнаго экспорта». И въ этомъ смыслѣ «Новое Время», назвавшее съѣзды «инородческою, преимущественно еврейско-польскою организаціей» ошиблось. Въ этой организаціи всѣ, отъ Крестовниковыхъ до Нобелей, Ротшильдовъ и новороссійскаго Юза включительно, сплошь русскіе патріоты. И тѣмъ больше патріоты, чѣмъ страстнѣе жаждутъ запретительныхъ пошлинъ и вывозныхъ премій. А съ другой стороны, едва ли не ошибкою будетъ аполитизмъ совѣта съѣздовъ относить за счетъ нѣсколько специфическихъ качествъ «русской буржуазіи». Организація, представленная совѣтомъ, по своему составу скорѣе выражаетъ психологію интернаціональную, чѣмъ кровно-русскую».

И не такъ ужъ безповоротно совѣтъ искателенъ по отношенію къ начальству. Если судить по внѣшности, онъ уже признанъ, какъ крупная сила, не только профессіональная, но и политическая. Таковою его признаютъ заграничныя и международныя торговыя и промышленныя организаціи, отъ которыхъ совѣтъ съѣздовъ получаетъ извѣщенія, приглашенія, и съ которыми онъ входитъ по разнымъ поводамъ въ переговоры. Признаетъ даже отдаленное бразильское министерство иностранныхъ дѣлъ, извѣстившее по-

посредственно совѣтъ съѣздовъ «о готовности бразильскаго правительства сообщать необходимыя свѣдѣнія и справки» *). Признаетъ «императорское германское генеральное консульство». И, конечно, не одно германское. Со стороны русскихъ министровъ оказывается полное вниманіе. Министерство путей сообщенія сообщаетъ совѣту съѣздовъ законопроекты, вносимые въ Государственную Думу *). Министръ внутреннихъ дѣлъ привлекаетъ представителей совѣта съѣздовъ въ комиссіи по выработкѣ законовъ, подлежащихъ внесенію въ Думу **). Министерство финансовъ «проситъ совѣтъ съѣздовъ назначить представителей въ засѣданія междувѣдомственнаго совѣщанія, образованнаго для разсмотрѣнія главныхъ основаній проекта измѣненія положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ» ***) Департаментъ окладныхъ сборовъ сообщаетъ на заключеніе совѣта съѣздовъ «представленіе въ Государственную Думу о подоходномъ налогѣ» ****). Потребовалось бы слишкомъ много мѣста, если бы даже только перечислить всѣ свѣдѣнія этого рода, сообщенныя въ оффиціальномъ органѣ совѣта съѣздовъ. Соотвѣтственно внимательному отношенію къ объединенному капиталу со стороны правительства, совѣтъ съѣздовъ ежедневно получаетъ ходатайства, заявленія просьбы о содѣйствіи отъ отдѣльныхъ фирмъ, отъ цѣлыхъ торгово-промышленныхъ организаціи и даже отъ городовъ. Напр., въ мартѣ н. г. «городское управленіе Поти обратилось по телеграфу «съ просьбою отложить въ комитетѣ совѣта обсужденіе вопроса объ установленіи въ пользу города полукопеечнаго сбора съ товаровъ до пріѣзда въ Петербургъ потійскаго городского головы». И голова, дѣйствительно, пріѣхалъ и лично явился въ совѣтъ съѣздовъ для дачи объясненій...

Въ общей печати упоминанія о дѣятельности совѣта съѣздовъ появились лишь въ послѣдніе мѣсяцы. Тѣмъ не менѣе эта организація уже пользуется извѣстностью въ широкихъ кругахъ. Частныя свѣдѣнія, что въ нее стали поступать даже просто обывательскія просьбы и жалобы, быть можетъ, и неосновательны. Но невѣроятнаго тутъ нѣтъ. Въ 1905 г. обыватель искалъ защиты у «рабочаго правленія». Не мудрено, если теперь онъ обратится въ «торговое правленіе». Русская жизнь вынуждаетъ искать и признавать всякую силу, въ которой есть хотя бы и неосновательная надежда найти защиту отъ насилія. И передъ совѣтомъ съѣздовъ могутъ рисоваться самыя радужныя перспективы. Его прошлое сомнительно. Какъ всероссійская организація крупной торговли и промышленности, совѣтъ и до сихъ поръ блаженствуетъ не столько

*) Ibid. № 4, стр. 247.

**) Торг. и Пром. № 4, стр. 246.

***) Напр., въ комиссію по выработкѣ закона объ обществахъ и союзахъ, № 6 „Тор. и Пром.“, стр. 387.

****) Ibid.

*****) № 3, стр. 183.

съ Божьею, сколько съ казенной помощью. Благодаря именно казенной помощи, совѣту приходится считаться только съ одною общественной организаціей,—съ объединеннымъ дворянствомъ. Безъ сомнѣнія, ему пришлось бы столкнуться также съ организованною силою мелкой промышленности и торговли. Но самая возможность такой всероссійской организаціи «казною» устранена. Устранена возможность сколько-нибудь крупной организаціи потребительныхъ или иныхъ товариществъ. И даже простое обсужденіе этого вопроса было запрещено на недавнемъ кооперативномъ съѣздѣ въ Москвѣ. О крупной организаціи рабочихъ или крестьянства и говорить не приходится. И гордое заявленіе о своей готовности «жить въ предѣлахъ законовъ, дѣйствующихъ въ данный моментъ», можно понимать, между прочимъ, какъ благодарность покровителю, который, приводя страну въ расплавленное и дезорганизованное состояніе, предоставилъ всѣ выгоды организованной общественной жизни только крупному землевладѣнію и крупному капиталу. Въ этомъ смыслѣ представительство всероссійской торговли и промышленности продолжаетъ, дѣйствительно, оставаться ребенкомъ на рукахъ у казенной няни. Однако, у этого ребенка «власть мошны»,—сила вполнѣ реальная. И, поскольку совѣтъ располагаетъ этою силою, ему нечего бояться за настоящее. Онъ уже теперь считаетъ возможнымъ вести полемику съ «аграріями». Онъ выступаетъ противъ объединеннаго дворянства то во всеоружіи цифръ, то въ видѣ словесной укоризны «элементамъ, которые большею частью или совсѣмъ свободны отъ всякаго налога, или обложены крайне слабо». Въ «интересахъ справедливости» «совѣтъ выражаетъ пожеланіе, дабы возможно скорѣе былъ введенъ общій прогрессивно подоходный налогъ». Совѣтъ противъ преобладанія дворянства въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Онъ настаиваетъ но «устраненіи несправедливыхъ привилегій по представительству въ земскихъ собраніяхъ землевладѣльческаго класса». Онъ старается доказать, что «нашъ таможенный тарифъ въ своемъ развитіи меньше всего преслѣдовалъ защиту національнаго труда въ фабрично-заводской промышленности» и больше всего заботился объ интересахъ фиска и землевладѣнія. И, поскольку совѣтъ съѣздовъ есть единственная мощная общественная организація, которая можетъ противостать объединенному дворянству,—у него есть виды и на будущее. Не даромъ въ «Торговлѣ и Промышленности» временами прорываются демагогическія нотки. «Во имя приказчичьихъ интересовъ,—читаемъ, напр., въ передовой статьѣ № 4,—не сказано (въ Думѣ) ни одного слова даже изъ среды тѣхъ партій, кои обязаны своими депутатскими мѣстами главнѣйше приказчичьимъ голосамъ» *).

*) Рѣчь идетъ о налогѣ на служащихъ въ подотчетныхъ предпріятіяхъ по закону 2 января 1906 г., дѣйствіе котораго продолжено постановленіемъ 3 Думы. Налогъ этотъ, едва ли разорительный для директоровъ и членовъ правленія акціонерныхъ компаній, дѣйствительно, тя-

Крупная буржуазія въ опредѣленные моменты государственнаго капитализма осуществляетъ и т. д... Формула общеизвѣстна.

Но это въ будущемъ. А пока мы видимъ просто кипучую дѣятельность. Совѣтъ съѣздовъ беретъ на себя руководство для выработки программы и тактики для русскихъ представителей на международныхъ торгово-промышленныхъ конференціяхъ, созываетъ всякаго рода совѣщанія и съѣзды, организовалъ цѣлый рядъ статистическихъ работъ, производитъ анкеты и обслѣдованія. Провинціальныя газеты не безъ основанія сравниваютъ квартиру совѣта съѣздовъ (въ Петербургѣ) съ помѣщеніями министерствъ. Тутъ такъ же, какъ и въ министерствахъ, департаменты, отдѣленія, комитеты, совѣты, отдѣлы... Правда, въ этихъ департаментахъ такъ же не все гладко, какъ и въ русскихъ министерствахъ. «Торговля и Промышленность» непрестанно ссылается на матеріалы и выводы «статистическаго отдѣла совѣта нашихъ съѣздовъ». Иногда даже подчеркиваетъ, что вотъ, молъ, у насъ имѣются статистическія данныя, которыхъ нѣтъ у правительства. Но странное впечатлѣніе производятъ эти данныя,—чаще всего остается неизвѣстнымъ, откуда они, какъ получились, по какому методу сгруппированы. «Статистическій отдѣлъ совѣта нашихъ съѣздовъ произвелъ приблизительный подсчетъ производительнаго труда населенія Россійской имперіи за 1904 г.». Далѣе идутъ слагаемыя и въ заключеніе сумма и выводъ: «производительность труда въ 1904 г. опредѣляется приблизительно въ 9,2 милліарда руб., изъ нихъ на сельскохозяйственные промыслы приходится почти 60%, и на промышленно-торговыя занятія слишкомъ 40%». Впрочемъ, въ данномъ случаѣ совѣтъ съѣздовъ все-таки глухо оговаривается: «въ приведенномъ разсчетѣ были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы избѣжать двойного учета цѣнности одного и того же продукта». Оговорка не лишняя, если припомнить, что такіе же разсчеты и, приблизительно, съ такими же выводами производилъ министръ финансовъ Витте, включая въ общій итогъ промышленнаго производства стоимость сырыхъ продуктовъ. Эта неуклюжая статистическая вольность въ свое время была замѣчена и вызвала разговоры, надо полагать, памятные нынѣшнимъ руководителямъ совѣта съѣздовъ. И все-таки, даже имѣя въ виду прецедентъ, редакція «Торг. и Промышл.», отдѣлывается лишь глухими словами: «приложены всѣ старанія». Какія именно старанія, откуда взяты цифры,—объ этомъ ни звука. Въ данномъ случаѣ, повторяю, есть хоть оговорка: «приложены старанія».

желъ для многихъ низшихъ служащихъ. И своеобразность полемическаго пріема въ органѣ совѣта съѣздовъ заключается именно въ объединеніи директоровъ, членовъ правленій и вообще служащихъ акціонерныхъ предпріятій подъ общую рубрику: „приказчичьи интересы", хотя интересы собственно приказчиковъ, служащихъ въ „частновладѣльческихъ" торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, въ данномъ случаѣ, не затронуты.

Обыкновенно же, просто приводится болѣе или менѣе длинный и сложный рядъ цифръ, а въ основательность ихъ совѣтъ съѣздовъ молчаливо предлагаетъ вѣрить на слово, не допуская, очевидно, возможности даже добросовѣстныхъ заблужденій. Порою столь же странны и не статистическіе выводы и заключенія совѣта. Пускаясь въ область общихъ разсужденій, «Торговля и Промышл.» весьма не рѣдко разражается такими примѣрно фразами: «мы ни на минуту не перестанемъ бороться силою правды и свѣта съ тѣми легкомысленными и темными элементами, которые смотрятъ на нашу промышленность и торговлю, какъ на какой-то паразитный, а потому излишній придатокъ къ тѣлу русскаго народнаго хозяйства». Въ часъ добрый!.. Но съ кѣмъ собственно «мы» собираемся воевать? У насъ есть «элементы», которые считаютъ, что промышленность не должна быть паразитическимъ тѣломъ въ народномъ хозяйствѣ. Но гдѣ же тѣ, которые признаютъ «излишними» желѣзныя дороги, судоходство, постройку домовъ, добычу нефти, выплавку чугуна и т. д., и т. д.? Одно изъ двухъ: или эти «элементы» извѣстны только совѣту съѣздовъ, или органъ совѣта съѣздовъ замѣняетъ одни понятія другими. Это—странность изъ области общихъ разсужденій. А вотъ странность изъ области чисто фактическихъ справокъ (останавливаюсь на ней опять-таки лишь для примѣра, вообще же странностями такого рода органъ совѣта съѣздовъ черезчуръ злоупотребляетъ). «Торг. и Промыш». принуждена была, конечно, объяснить, почему цѣны на нефть съ 8-9 коп. (въ 1902 1903 г.) нынѣ взвинтились до 22-23 коп. за пудъ *). Этотъ, доселѣ не мотивированный убѣдительно подъемъ цѣнъ разорилъ цѣлый рядъ пароходныхъ предпріятій, внесъ множество осложненій и краховъ, сумѣлъ стать бѣдствіемъ для огромныхъ районовъ (напр., волжскаго). О немъ еще до краховъ въ 1905 г. учредители «всероссійскаго торгово-промышленнаго союза» писали въ своемъ воззваніи «не легче для русскаго потребителя стоитъ дѣло съ нефтянымъ синдикатомъ» **). Существованіе «нефтяного синдиката» само по себѣ на столько секретъ полишинеля, что въ нѣкоторыхъ городахъ крупнѣйшія нефте-промышленныя фирмы завели даже общія конторы (дабы уменьшить накладные расходы по содержанію полыхъ штатовъ служащихъ). И въ дѣло искусственнаго повышенія цѣнъ въ концѣ концовъ пришлось вмѣшаться горному департаменту. Совѣтъ съѣздовъ въ № 7 своего оффиціальнаго органа (на стр. 410) пишетъ: «Идея, поддержанная горнымъ департаментомъ, регулированія

*) Цѣны бакинской биржи 26 апрѣля: 23, 22¼ и 22⅛ коп. за пудъ нефти,—со сдачею на мѣстѣ за наличныя или даже „деньги впередъ". („Баку", 27 апрѣля).

**) См. книгу Ивановича: „Росс. партіи союзы и лиги", стр. 96—97. Напомню кстати, что воззваніе торговопромышленнаго союза выпущено, отъ имени 704 учредителей. Совѣтъ же союза помѣщался въ петербургской купеческой управѣ.

цѣнъ возникла изъ предположенія о существованіи взвинчивающаго цѣны тайнаго синдиката. *Какъ извѣстно, такого синдиката въ сферѣ продажи нефтяныхъ продуктовъ нѣтъ*, а потому и борьба съ нимъ представляется борьбою съ вѣтряными мельницами». (Курсивъ мой. А. П.). Оформленной документально уголовной стачки «въ сферѣ продажи нефтяныхъ продуктовъ», навѣрное, нѣтъ. За то есть полное основаніе опасаться, что труды департаментовъ и отдѣловъ совѣта даже среди дѣйствительныхъ и совѣщательныхъ членовъ «россійскихъ съѣздовъ торговли и промышленности» не пользуются очень большимъ довѣріемъ и авторитетомъ. Но отъ «пятенъ не свободно и солнце». Вообще же совѣтъ съѣздовъ ведетъ существованіе дѣятельное, во многихъ отношеніяхъ боевое. И по всѣмъ видимостямъ, долженъ бы представлять силу, мощность которой одинаково безспорна и для друзей, и для враговъ. Это, говорю, по всѣмъ видимостямъ. А въ дѣйствительности...

II.

Рѣшаюсь предварительно сказать нѣсколько словъ о своихъ личныхъ разговорахъ въ провинціи съ разными достаточно крупными торговцами и промышленниками. Не скажу, чтобы я замѣтилъ просто отрицательное отношеніе къ совѣту съѣздовъ.

— Нѣтъ, что-жъ,—это интересно... На всякій случай, оно, знаете ли, не мѣшаетъ.

— Но что касается настоящаго дѣла,—«не выйдетъ у нихъ».

— Почему?

— Да по всему глядя... Нѣтъ, не выйдетъ.

Сдержанный и въ общемъ почти благожелательный скептицизмъ,—такъ бы я формулировалъ свои впечатлѣнія отъ разговоровъ съ достаточно крупными провинціальными капиталистами о совѣтѣ съѣздовъ. Конечно, мои личныя впечатлѣнія слишкомъ случайны и ничего въ сущности не доказываютъ. Но вотъ что характерно,—у «нихъ», дѣйствительно, до сихъ поръ «настоящаго» не выходитъ. То есть они и признаны, и къ ихъ голосу прислушиваются, и милліарды ихъ, безспорно, импонируютъ. Но изъ всѣхъ, напр., протестовъ совѣта съѣздовъ противъ промысловаго налога по закону 2 января 1906 г. ровно ничего не вышло. Совѣтъ настойчиво предлагалъ компромиссное рѣшеніе. Онъ соглашался временно претерпѣть налогъ на предпринимателей, но всячески убѣждалъ освободить служащихъ въ подотчетныхъ предпріятіяхъ. Писалъ доклады, полемизировалъ съ министромъ финансовъ, разослалъ членамъ Думы свои «возраженія». И, тѣмъ не менѣе, министерство представило въ Думу законъ 2 января безъ измѣненія. И безъ измѣненія онъ принятъ Думою. Такіе же результаты были достигнуты протестами совѣта противъ повыше-

нія пассажирскаго тарифа на желѣзныхъ дорогахъ. Можно бы напомнить и другія неудачи. Однако, онѣ тоже не доказательство. Въ торговомъ дѣлѣ барышъ съ убыткомъ рядомъ ходятъ. Какъ ни мощна организація совѣта съѣздовъ, но не настолько же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы со всѣми ея желаніями считались. Одно ей удается, другое срывается. И въ основѣ скептическаго отношенія къ силѣ объединеннаго капитала лежитъ нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ учетъ отдѣльныхъ эпизодовъ.

Суть въ томъ, какую программу дѣйствій ставитъ себѣ объединившійся капиталъ. «Торговля и Промышленность» не скрываетъ, что страна сейчасъ доведена до крайняго экономическаго истощенія. Не скрываетъ органъ совѣта и глубокаго торгово-промышленнаго кризиса, грозящаго крахомъ цѣлымъ отраслямъ производства,—напр., металлургическимъ заводамъ. Признаетъ совѣтъ и ближайшую причину кризиса: изсякли покупательныя средства населенія. «Енъ» доставалъ, пока была мочь, теперь и «енъ не достанетъ». «Наша земля,—читаемъ въ № 2 «Торговли и Промышленности»,—уже болѣе не въ состояніи кормить живущаго на ней населенія». Гдѣ же выходъ? Переселеніе? Распашка новыхъ земель? Но «переселить даже половину естественнаго годового прироста (населенія) физически невозможно». Дать мужику «земельки»? Относительно этого остраго пункта среди иниціаторовъ торгово-промышленнаго объединенія были разномыслія и колебанія. «Мы,—писали въ 1905 г. учредители торгово-промышленной партіи,—не противники увеличенія земли у крестьянъ... Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія должно быть сдѣлано, гдѣ надо, но должно быть сдѣлано во всякомъ случаѣ справедливыми способами». Торгово-промышленный союзъ отъ вопроса о «земелькѣ» въ своемъ воззваніи просто отмалчивался. Совѣтъ съѣздовъ не столько отмалчивается, сколько обнаруживаетъ ловкость. Онъ начинаетъ метафорой: «Наша земля не въ состояніи прокормить»... И тотчасъ же придаетъ этой метафорѣ буквальный и даже техническій смыслъ: при данной системѣ обработки земли населеніе со всей, сколько ни запахано доселѣ, россійской территоріи не можетъ получить того количества продуктовъ, какое нужно для пропитанія... Зачѣмъ же, стало быть, говорить о «принудительномъ отчужденіи»? Вѣдь, «перераспредѣленіе земельной собственности урожаевъ не поднимете». Выходъ, очевидно, одинъ: «перейти къ болѣе совершеннымъ системамъ хозяйства»... Однако, дѣловые люди совѣта не могутъ, подобно г. Демчинскому, просто предложить: «переходите къ болѣе совершеннымъ системамъ хозяйства», и поставить точку. Гдѣ же возьметъ голодная страна капиталъ для такого перехода? Откуда возьмутся знанія? Очень просто: «Россія должна всѣми мѣрами развивать у себя крупную и мелкую промышленность». Тогда мужикъ найдетъ работу на фабрикахъ и заводахъ. Населеніе въ деревняхъ разрѣдится. Зе-

мельный вопросъ потеряетъ свою остроту. И, такимъ образомъ, исподволь накопятся средства для перехода къ болѣе совершеннымъ системамъ, создадутся и необходимыя для этого знанія. «Безъ развитой фабрично-заводской промышленности не быть у насъ цвѣтущему земледѣлію»...

Надо отдать справедливость совѣту,—подходя вплотную къ земельному голоду крестьянства, онъ хотя и безъ доказательствъ, безъ мотивовъ, посредствомъ простого метафорическаго оборота рѣчи, но въ общемъ весьма ловко подмѣняетъ эту капитальную причину нынѣшняго экономическаго упадка страны собственнымъ и завѣдомо неправильнымъ изобрѣтеніемъ (земля не родитъ столько, сколько намъ нужно). Однако, ловкость есть пріемъ, разсчитанный на нѣкоторое ротозѣйство публики, и вовсе не служитъ доказательствомъ, что самъ совѣтъ съѣздовъ вполнѣ убѣдился въ справедливости своихъ выводовъ, основанныхъ на замѣнѣ однихъ понятій другими. Если говорить на чистоту, кто-жъ, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣвается, что кабы дали мужику земельки, фонды торговли и промышленности шибко пошли бы въ гору. Это и малыя дѣти понимаютъ. Но малыя дѣти—народъ наивный. А «мы» — солидная, многомилліардная организація, только профессіональная, ни въ коемъ случаѣ не политическая... Происходитъ въ сущности нѣчто въ родѣ діалога между объединеннымъ дворянствомъ и объединеннымъ капиталомъ:

— Принудительнаго отчужденія не допущу,—говоритъ объединенное дворянство.

— И прекрасно. Но для этого всѣ государственныя мѣры и средства надо направить на развитіе фабрично-заводской индустріи,—отвѣчаетъ объединенный капиталъ.

Мы опять подходимъ къ формулѣ: «жить въ предѣлахъ законовъ, дѣйствующихъ въ данный моментъ». Собственно, совѣтъ съѣздовъ учитываетъ данное направленіе правительственной политики, приспособляется къ нему и предлагаетъ комбинацію, при которой именно данная политика можетъ обезпечить объединенному капиталу максимумъ выгодъ. И притомъ комбинацію, что называется, безъ обмана, вполнѣ дѣловую, единственно возможную, единственно цѣлесообразную, до извѣстной степени уже испытанную... Казалось бы, стоитъ лишь сверху влить новые милліарды въ рахитичное тѣло россійской индустріи, и положеніе спасено.

Откуда взять милліарды, — догадываться не нужно. «Путь отъ варягъ въ греки» извѣстенъ: «свободные капиталы въ изобиліи потекутъ на наши производительные государственные и общественные займы»... И для размѣщенія свободныхъ капиталовъ у совѣта съѣздовъ заготовленъ цѣлый рядъ проектовъ. «Чтобы наше отечество могло дать мало-мальски сносное приложеніе труду своего населенія... необходимо самое усиленное желѣзнодорожное строи-

тельство»... «Владѣльцы швейцарскихъ (шоколадныхъ) фабрикъ ждутъ не дождутся... пониженія пошлины на зерно (какао) и собираются, какъ только это случится, открыть филіальныя фабрики въ Россіи»... «Отъ улучшенія положенія» городскихъ займовъ «зависитъ появленіе серьезнаго спроса... на чугунныя трубы»... «Особенно печально дѣло обстоитъ съ рельсами, въ виду сокращенія желѣзнодорожнаго строительства»... «Нужно не забывать объ огромномъ значеніи отечественнаго торговаго мореплаванія и принимать необходимыя общегосударственныя мѣры для его дальнѣйшаго развитія»... «Необходимо упорядочить наши вывозные тарифы... Развитіе сахарной промышленности въ Россіи тѣсно связано съ развитіемъ вывоза сахара за границу»... «Правительство, надо думать, согласится... ибо только этимъ путемъ возможно поставить нашу мѣдную промышленность на прочную почву»... «Развитіе нашего рѣчного флота»... И такъ дальше, все въ томъ же родѣ. Совѣтъ съѣздовъ, кажись, ничего не забылъ. Кромѣ старыхъ испытанныхъ способовъ расходованія «свободныхъ капиталовъ», изобрѣлъ кое-что новое, въ родѣ шоколадныхъ фабрикъ. И все-таки у него получается нѣчто двусмысленное, въ самомъ себѣ неувѣренное. Съ одной стороны «необходимо самое усиленное желѣзнодорожное строительство», а съ другой—«вслѣдствіе ослабленія движенія на Николаевской жел. дор. закрываются блокъ-посты» *). Извольте убѣдить чужеземнаго владѣльца «свободныхъ капиталовъ», что «усиленно построеннымъ» новымъ дорогамъ обезпечены грузы и пассажиры. Совѣтъ предлагаетъ оживить металлургическую промышленность «свободными капиталами» Но самъ же признаетъ: «покупательная способность населенія падаетъ;... объективныхъ данныхъ для улучшенія положенія желѣзной индустріи, этой основы всѣхъ иныхъ видовъ промышленности, нѣтъ у насъ внутри страны на-лицо». Остается строить разсчеты на казенныхъ заказахъ (желѣзнодорожное, напримѣръ, строительство) и на завоеваніи внѣшнихъ рынковъ. Казенные заказы пока оставимъ въ сторонѣ. Что же касается завоеванія изъ Россіи внѣшнихъ рынковъ, то достаточно отмѣтить хотя бы слѣдующую деталь. Приблизительно съ 1903 г. заграничный капиталъ сталъ замѣтно предпочитать перевозку русской, главнымъ образомъ криворожской, руды на свои заграничные (даже англійскіе) заводы обработкѣ ея на мѣстѣ добычи. По свѣдѣніямъ совѣта съѣздовъ, въ 1905 г. русской руды вывезено за-границу около 12 милліоновъ пуд., въ 1906 г.—до 21 милл. «Въ февралѣ 1907 г. междувѣдомственное совѣщаніе при министерствѣ торговли и промышленности» снова «разрѣшило вывозъ криворожскихъ желѣзныхъ рудъ черезъ западную границу», «принимая во вниманіе, что сбытъ этотъ будетъ происходить въ сравнительно незначительныхъ количествахъ,—около 40 милліоновъ пуд. изъ 200 милліо-

*) „Т. и П.", № 4, стр. 211.

новъ добычи — и не можетъ существенно истощить запасовъ»... Цифра 40 милліоновъ, впрочемъ, совершенно оффиціальная. Въ № 6 «Торговли и Промышлен.» открывается, что въ 1907 г. «вывозъ руды за-границу былъ разсчитанъ предварительно въ 85 милліоновъ пуд., вывезено же 60½ милліон.». Разногласіе цифръ устраняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ экспортеромъ значится криворожскій районъ, во второмъ Донецкій бассейнъ... Криворожская руда, по своимъ качествамъ почти единственно пригодная для экспорта за-границу, даетъ въ среднемъ 42—45% пустой породы (высшіе, экспортируемые сорта). Т. е. въ теченіе 1907 г. экспортъ пустой породы составилъ до 26 милл. Эта ежегодная «безполезная потеря» свободныхъ капиталовъ на фрахтѣ была предметомъ горячихъ споровъ между прочимъ въ 1903 г. Заграничнымъ покупателямъ руды предлагали поставить на мѣстѣ доменныя печи: «и рабочія руки у насъ, въ Россіи, дешевле, и для васъ, несомнѣнно, выгоднѣе перевозить чугунъ, а не руду». Оказалось однако, что надо сравнивать безполезныя траты на фрахтъ съ безполезными, только Россіи свойственными накладными расходами производства. Помнится, въ Екатеринославѣ даже на привычныхъ людей произвела сильное впечатлѣніе примѣрная смѣта взятокъ, обязательныхъ для предпріятія, основаннаго на россійской территоріи. Въ сложномъ и спеціальномъ разсчетѣ относительно цѣнъ и фрахтовъ на уголь и руду, между прочимъ, смѣта взятокъ и связанная съ нею неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ явилась какъ бы роковымъ придаткомъ, окончательно рѣшающимъ, что коммерчески выгоднѣе везти изъ Кривого Рога въ Англію 45 и даже 50% пустой породы, чѣмъ выплавлять чугунъ на мѣстѣ. Конечно, заграничный покупатель ничего не имѣетъ противъ русскаго чугуна. За послѣдніе годы сталъ обычнымъ явленіемъ сбытъ русскаго чугуна (а такъ же желѣза и стали) за границу — хотя бы «себѣ въ убытокъ», — съ цѣлью удерживать цѣны внутренняго рынка на извѣстной высотѣ. И заграничный свободный капиталъ, видимо, охотно пользуется выгодами, которыя приносятъ ему чугунныя, желѣзныя, стальныя, сахарныя и всякія другія «нормировки» въ Россіи. Но захочетъ ли онъ, предпочитающій повышать изъ года въ годъ вывозъ криворожской пустой породы, обосноваться на русской территоріи и отсюда завоевывать внѣшніе рынки,—это, во всякомъ случаѣ, сомнительно. Что же касается казенныхъ заказовъ, — дѣйствительно, свободный капиталъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ соглашался производить рельсы въ Россіи для передачи по высокой цѣнѣ въ казну. Но въ послѣдніе годы онъ замѣтно предпочитаетъ продавать казнѣ дешевыя рельсы, но производить ихъ у себя дома. Конечно, все это—соображенія, такъ сказать, теоретическія, гадательныя, тогда какъ у совѣта съѣздовъ есть полная возможность въ порядкѣ непосредственныхъ переговоровъ и сношеній выяснить, на сколько склонны заграничные

свободные капиталы всемѣрно развивать россійскую торговлю и промышленность въ условіяхъ законовъ даннаго момента. Велись-ли сношенія и переговоры по этому поводу, мы не знаемъ. Но утѣшительныхъ вѣстей о готовности заграничнаго свободнаго капитала значительно влиться въ русскія предпріятія, совѣтъ, какъ сейчасъ увидимъ, доселѣ, судя по всему, не имѣетъ.

Да если бы и захотѣлъ капиталъ влиться, такъ ли ужъ безспорно онъ сулитъ благополучіе? Вотъ на сахарномъ рынкѣ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нѣчто въ родѣ паники. Одинъ за другимъ слѣдуютъ: крахъ Янушпольскаго, Одесскаго, Кашперовскаго товариществъ, крахъ Харитоненко, крахъ Черкасскаго товарищества. По словамъ «Кіевскихъ Вѣстей» «петербургскія кредитныя учрежденія не довѣряютъ всему (сахаропромышленному) Кіеву безъ исключенія». А между тѣмъ именно въ 1907/8 году въ сахарную промышленность сверху влиты новые капиталы. Согласно желанію «всероссійскаго общества сахарозаводчиковъ», такъ называемый «контингентъ» на 1907/8 годъ опредѣленъ въ размѣрѣ не свыше 53 милліоновъ п. Общій же размѣръ выработки сахара, составилъ около $96^1/_2$ милл. п. противъ 85 милл. въ 1906/7 г. и $64^1/_2$ милл. въ 1905/6 г. Соотвѣтственно этому была увеличена на 37 тыс. десятинъ площадь запашки подъ свекловицу *). А для увеличенія оборотныхъ средствъ государственный банкъ, помимо обычной особо льготной «покупки сахарозаводскихъ векселей», установилъ «выдачу ссудъ подъ сахаръ главнымъ образомъ для уплаты причитающихся срочныхъ платежей». Сахарозаводчики получили возможность кредитоваться подъ одно и то же обезпеченіе и въ формѣ ссуды и въ порядкѣ вексельномъ. Наконецъ, къ вящшему благополучію сахарной промышленности, Богъ послалъ въ прошломъ году «небывалый урожай свекловицы при необыкновенной ея сахаристости». Словомъ, капиталъ вливался потокомъ и изъ государственнаго банка, и съ неба. И сахарозаводчики, гарантированные отъ взаимной конкуренціи, отъ паденія цѣнъ ниже опредѣленнаго уровня, казалось могли бы спокойно и безмятежно тучнѣть. А въ дѣйствительности крупнѣйшія фирмы разоряются, и разоряются буквально отъ совокупности исключительно счастливыхъ для нихъ условій. И чтобъ спасти положеніе, государственному банку приходится вливать новые капиталы,—на поддержаніе одного только Харитоненка ассигновано 15 милл. руб... Здѣсь, разумѣется, не мѣсто для обсужденія причинъ сахарозаводческихъ краховъ. Дѣло это сложное, а въ деталяхъ своихъ темное, закулисное **). Я останавливаюсь на немъ лишь какъ на опытѣ ча-

*) Подъ свекловицей было въ 1907/8 г. 559 тыс. дес., въ 1906/7—522 т. д., въ 1905/6—485 т. д. См. „Торг. и Пром.“, № 1, ст. 50—51.

**) По газетнымъ свѣдѣніямъ, суть заключается въ обычной понижательной тенденціи крупныхъ фирмъ пока ими не скупленъ сахаръ у мелкоты. Въ силу особо счастливыхъ условій н. г., понижательный пе-

стичнаго осуществленія программы совѣта съѣздовъ. Пусть свободный капиталъ согласится иммигрировать въ страну, у которой, какъ у потребительнаго рынка, по отзыву самого же совѣта, покупательная способность подорвана и падаетъ. Сомнительно, чтобы это согласіе получилось. Трудно этому вѣрить. Но допустимъ. Какъ доказать, однако, что опытъ въ большихъ размѣрахъ не будетъ простымъ повтореніемъ сахарозаводческой эпопеи нынѣшняго года? Рекомендуя въ сущности возродить экономическую политику, связанную съ именемъ гр. Витте, и зная, что у населенія уже нѣтъ средствъ эту политику оплачивать, вѣритъ ли самъ совѣтъ съѣздовъ въ свой секретъ спасенія Россіи?

Характерна уклончивость совѣта, когда онъ подходитъ къ вопросамъ, возбуждающимъ сомнѣнія въ дѣйствительности его секрета? «Если — читаемъ, напримѣръ, въ № 1 —событія ближайшаго будущаго окажутся способными вернуть довѣріе къ спокойному развитію экономической жизни нашего отечества, свободные капиталы въ изобиліи потекутъ»... Спрашивается, какъ это понимать? Не въ смыслѣ ли призыва къ усиленнымъ репрессіямъ: успокойте поскорѣе Россію? Но какъ же успокоить населеніе, возбуждаемое такою стихійною причиною, какъ голодъ и разореніе? Или подъ «событіями, внушающими довѣріе», надо разумѣть вовсе не репрессіи? «Совѣтъ съѣздовъ — какъ было заявлено 21 февраля его депутаціей министру Шипову — ждетъ полнаго упроченія русской промышленности и торговли лишь тогда, когда будетъ обновленъ весь государственный строй Россіи» *). Но — опять, что это значитъ? Конституція? Но, вѣдь, совѣтъ чуждъ политикѣ и гордится этимъ. И по какому плану «обновленіе», да еще «всего строя»? Вполнѣ понятны люди, когда они говорятъ: предпочитаемъ жить по закону каждаго даннаго момента. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, «которые другіе» заботятся о разнообразіи моментовъ. Будетъ абсолютизмъ—укрѣпимъ торговлю и промышленность на абсолютизмѣ. Устроится конституція—приспособимся къ конституціи... Монархія ли, республика ли... «Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли— для насъ все равно, было бы вино»,—какъ выражается одинъ благочестивый инокъ у Пушкина. Это и «все равно—было бы вино» можно по разному оцѣнивать. Но ему нельзя отказать въ извѣстной логичности, послѣдовательности. А когда люди въ одно и то же время и отъ политики отказываются и на политическомъ обновленіи настаиваютъ,—ихъ прежде всего трудно заподозрить въ привычкѣ говорить опредѣленно и логично. И понять ихъ можно лишь въ томъ смыслѣ, что они сами усомнились въ своемъ планѣ укрѣ-

---

ріодъ страшно затянулся, потребовалъ исключительно сложныхъ пріемовъ биржевой игры. Банковскій кредитъ былъ истощенъ, прежде чѣмъ игра принесла плоды, и наступилъ крахъ.

*) «Торг.-Пром.» № 5, стр. 294.

пить торговлю и промышленность на почвѣ законовъ даннаго момента.

Повторяю, мы не знаемъ, зондировалъ ли совѣтъ почву касательно притока свободныхъ капиталовъ. Но безъ разочарованій, судя по всему, дѣло не обошлось. Разсчетъ на всемѣрное развитіе торговопромышленной жизни, вначалѣ звучавшій твердо, въ январскихъ номерахъ органа совѣта съѣздовъ сопровождается нѣкоторыми оговорками, а къ марту замѣтно поколебался. И та же совѣтская депутація 21 февраля, заявивъ министру торговли о необходимости «обновить весь государственный строй», вслѣдъ затѣмъ предложила нѣчто гораздо болѣе скромное: собственно и безъ обновленія «торгово-промышленная отрасль народнаго труда могла бы сколько-нибудь удовлетворительно развиваться». И, чтобы обезпечить развитіе, нужны сущіе пустяки. «Прежде всего» должна быть выработана министерствомъ торговли и промышленности «опредѣленная торгово-промышленная программа». «Приступить къ ея составленію необходимо въ самомъ непродолжительномъ времени. Иначе нельзя разсчитывать на столь желательный притокъ капиталовъ къ отечественной промышленности и торговлѣ». Какою же именно должна быть «программа», обладающая по-истинѣ магическимъ свойствомъ? «Совѣтъ съѣздовъ считаетъ своимъ долгомъ заявить министру, что безъ сильной промышленности не быть здороовому земледѣлію, и, наоборотъ, безъ цвѣтущаго земледѣлія нельзя разсчитывать на устойчивую торговлю и промышленность» *). Ничего, кромѣ повторенія этой крайне общей формулы, совѣтъ предъявить не сумѣлъ. И путешествуя то отъ нея, то снова къ ней, мы до нѣкоторой степени, какъ будто подошли къ разгадкѣ загадочнаго условія, необходимаго для притока капиталовъ: «если событія окажутся способными внушать довѣрія». Вопросъ о «событіяхъ» при конкретной постановкѣ свелся къ выработкѣ программы министромъ торговли. И если понимать слова въ ихъ прямомъ смыслѣ, быть можетъ, всего обиднѣе для совѣта съѣздовъ, что такому видному его представителю, какъ г. Авдаковъ, пришлось на оффиціальномъ пріемѣ въ оффиціальной рѣчи отъ имени всей русской объединенной промышленности выразить надежду на притокъ иностранныхъ капиталовъ подъ программу русскаго министра,—одного изъ тѣхъ министровъ, о которыхъ недавно характерная справка сообщалась газетами:

«Послѣ исторіи съ А. С. Стишинскимъ, получившимъ отставку на другой день послѣ того, какъ переѣхалъ на казенную квартиру и оставшимся безъ квартиры, министры стали осторожны и, пере-

*) Программная рѣчь „отъ имени всей русской объединенной торговли и промышленности» была произнесена на пріемѣ у министра г. Авдаковымъ; напечатана въ № 5 „Торг. и Пром.“.

ѣзжая на казенную квартиру, оставляютъ за собою свои частныя квартиры» *)...

Притокъ капиталовъ подъ программу казеннаго квартиранта, рискующаго остаться вовсе безъ квартиры... 4 мая въ Государственной Думѣ бар. Тизенгаузенъ отъ имени фракціи октябристовъ тоже убѣждалъ министра торговли и промышленности поскорѣе составить программу, увѣряя, что, пока программа не составлена, онъ, бар. Тизенгаузенъ, «не можетъ не испытывать нѣкотораго содроганія». Но, странное дѣло, и этотъ ораторъ, говорившій отъ имени «руководящей фракціи», вмѣсто опредѣленнаго указанія, какая именно ему программа нужна, произносилъ слова: «Вѣдь, развитая торговля, развитая и здоровая промышленность являются показателями здороваго государственнаго тѣла, а въ здоровомъ тѣлѣ и здоровый духъ» (цит. по «Рѣчи», 5 мая)... Если, повторяю, понимать слова въ ихъ прямомъ смыслѣ, то эта вѣра въ программу россійскаго министра преувеличенно наивна. А въ дѣловомъ мірѣ всего убійственнѣе дѣйствуетъ на репутацію дѣловыхъ людей ихъ наивность. Но, быть можетъ, и г. Авдакова, и бар. Тизенгаузена надо понимать въ какомъ-либо особомъ, иносказательномъ смыслѣ? Доискиваться этого смысла пока не стоитъ. Но ужъ самая не то наивность, не то загадочность мыслей и положеній свидѣтельствуетъ, сколь трудно обезпечить будущее въ предѣлахъ законовъ даннаго момента. Думать и говорить объ «этомъ», разумѣется, нельзя, но то ли дѣло, кабы мужику дать земельки... А то вотъ жди, пока министръ составитъ программу, вѣрь, что это будетъ настоящая программа, надѣйся, что она совершитъ чудеса, люби... Дивидендъ, конечно, люби. Дивидендъ есть вещь, которую нельзя отложить впредь до появленія министерской программы. Ее надо получить теперь же, немедленно, съ возможно болѣе выгоднымъ для себя коммерческимъ учетомъ «законовъ, дѣйствующихъ въ данный моментъ».

III.

«Всемѣрное развитіе торговли и промышленности»—собственно журавль въ небѣ. А пока, благодаря законамъ даннаго момента, можно въ изобиліи ловить синицъ... Учрежденъ синдикатъ дровопромышленниковъ, «для устраненія всякой конкуренціи принявшій слѣдующія рѣшенія: 1) съ вокзальныхъ складовъ непосредственно частнымъ лицамъ отпускать дрова на 2 руб. дороже обыкновенной цѣны, 2) не отпускать дровъ тѣмъ покупателямъ, которые задолжали другимъ членамъ синдиката» **)... «Дѣйствіе

*) „Рѣчь“, 29 апрѣля.

**) Сообщеніе изъ Вильны. См. „Сѣв.-Зап. Голосъ“, 23 апрѣля 1908 г.

недавно организованнаго синдиката спичечныхъ фабрикантовъ уже отразилось на оптовыхъ цѣнахъ спичекъ, а также на цѣнахъ сырого матеріала,—...главнымъ образомъ, на бертолетовой соли. Мелкіе спичечные фабриканты, не вошедшіе въ синдикатъ, поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Они обратились по этому поводу съ особою докладною запискою въ министерство торговли и промышленности» *)... «Волгари-рабочіе склонили свои головы передъ волжскимъ (судопромышленнымъ) синдикатомъ... Юрьевъ день упраздненъ,—теперь не пойдешь отъ одного хозяина къ другому» **)... «Вислинскіе пароходовладѣльцы образовали синдикатъ» ***)... Организованъ мѣдный синдикатъ. «Въ Петербургѣ образовался синдикатъ подрядчиковъ строительныхъ работъ. Синдикатомъ выработаны условія найма рабочихъ... Рабочій день установленъ не менѣе 10—12 час.» ****)... «Помимо взвинчиванія цѣнъ синдикатъ «Гвоздь» всяческими правдами и неправдами не допускаетъ открытія новыхъ гвоздильныхъ заводовъ» и «обязалъ всѣ заводы, вырабатывающіе гвоздильную проволоку, продавать свои издѣлія только синдикату» *). Образовался «синдикатъ агентовъ-посредниковъ» по продажѣ издѣлій синдиката «Гвоздь». «Синдикатъ агентовъ-посредниковъ» разослалъ торговцамъ (скобяными издѣліями) циркуляръ, въ которомъ отъ торговцевъ требуется подписка въ томъ, что, во-первыхъ, они обязуются покупать гвозди только у синдиката агентовъ-посредниковъ, и, во-вторыхъ, въ случаѣ покупки гвоздей у кого-либо другого, торговецъ обязанъ уплатить синдикату агентовъ-посредниковъ неустойку по 1 руб. съ пуда. Не подписавшему въ теченіе 10 дней эти условія синдикатъ прекращаетъ продажу гвоздей. Для наблюденія за точнымъ выполненіемъ торговцами этихъ обязательствъ, синдикатъ агентовъ-посредниковъ учреждаетъ «контрольное бюро, нѣчто въ родѣ сыскного отдѣленія» **)...

По мнѣнію совѣта съѣздовъ, такъ оно и быть должно. Необходимо, чтобы «предпріятія сливались въ синдикатъ». Необходимо, чтобы «конкуренція умерла впредь до тѣхъ поръ, пока синдикатъ не подниметъ цѣнъ до предѣловъ, при которыхъ выгодно начинать дѣло съ сравнительно некрупными средствами» ***). Конечно, «начать дѣло съ некрупными средствами» не такъ ужъ просто. Вонъ синдикатъ «Гвоздь» «всяческими правдами и неправдами» этого не допускаетъ. Но совѣтъ съѣздовъ не даромъ ссылается на практику германскихъ предпринимательскихъ союзовъ. Послѣдніе тоже

---

*) „Сѣверъ", 11 апрѣля 1908 г.
**) „Саратов. Лист.", 10 апрѣля.
***) Телеграмма изъ Варшавы. „Голосъ Москвы", 3 мая.
****) „Сѣверъ", 4 апрѣля.
*) „Русь", 24 апрѣля.
**) Ibid.
***) „Торговля и Промышл.", № 2, стр. 93.

«однимъ изъ весьма серьезныхъ средствъ для защиты своихъ экономическихъ интересовъ признаютъ различные способы воздѣйствія на административные и законодательные органы». Пусть слово: «воздѣйствіе» въ русскихъ условіяхъ звучитъ совсѣмъ не такъ, какъ въ нѣмецкихъ. Но, вѣдь, «мы—профессіональная организація», «мы» дѣйствуемъ въ предѣлахъ законовъ даннаго момента. А въ этихъ предѣлахъ однимъ изъ средствъ воздѣйствія является, между прочимъ, политическій доносъ. И руководители лодзинскаго локаута, напр., въ борьбѣ съ рабочими этимъ средствомъ не брезговали. Да и съ какой стати брезговать? Средство, во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствительное не только въ борьбѣ съ рабочими, но и съ опасными для синдиката конкурентами. Не даромъ возникновеніе спичечнаго синдиката хронологически совпало съ обысками на спичечныхъ фабрикахъ. Въ предѣлахъ законовъ даннаго момента существуетъ совершенно исключительная продажность администраціи,—тоже превосходное средство. Законы даннаго момента исключаютъ возможность противопоставить предпринимательской организаціи сколько-нибудь мощную организацію трудовую, потребительную и даже торговую. Тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе обезпечивается процвѣтаніе отечественной промышленности, тѣмъ легче предпринимательскому союзу идти къ своей цѣли.

Пожалуй, ужъ слишкомъ легче идти. До того легче, что россійскіе предпринимательскіе союзы необыкновенно быстро очутились въ положеніи анекдотическаго цыгана, рубившаго сукъ, на которомъ сидѣлъ. Слишкомъ они увлеклись въ своемъ натискѣ противъ рабочихъ. Лодзинскій, напр., локаутъ достигъ такой блестящей побѣды, что наиболѣе искусные и опытные рабочіе поспѣшили эмигрировать. Въ началѣ нынѣшней весны обнаружилось вдругъ «небывалое явленіе: рабочіе бросали работу на фабрикахъ и уходили на полевыя работы въ Пруссію». Эмиграція рабочаго населенія Лодзи, особенно въ Америку, принимаетъ массовой характеръ. Условія локаута въ связи съ потерей наиболѣе искусныхъ рабочихъ рукъ не замедлили сказаться на сбытѣ. «Спросъ на лодзинскіе фабрикаты продолжаетъ падать. Даже крупнѣйшая фирма Познанскихъ сократила работы» (Южн. Заря», 3 апрѣля). И теперь сами побѣдители тревожно говорятъ «о грозящемъ лодзинской промышленности крахѣ». Они вдругъ сообразили, что «фабрики требуютъ опытныхъ, знакомыхъ съ дѣломъ рабочихъ, а только что оторванный отъ сохи крестьянинъ замѣнить опытнаго рабочаго не можетъ». Слишкомъ увлеклись объединенные капиталисты и въ своемъ натискѣ на потребителя. Нефтяной натискъ заставилъ, наприм., машинныя топки, съ немалымъ трудомъ завоеванныя нефтью, снова возвратиться къ дровамъ и каменному углю. Нефтепромышленность, потерявшая часть уже завоеванной ею территоріи сбыта, пришла къ довольно оригинальнымъ результатамъ. Недавнее совѣщаніе потребителей нефти, по словамъ

«Саратов. Вѣстн.» (№ 13 апрѣля), между прочимъ, постановило: «ходатайствовать о возвратѣ въ казну нефтеносныхъ (бакинскихъ) участковъ, которые сданы въ аренду, но не разрабатываются». То есть, совѣщаніе потребителей заявляетъ, что нефтепромышленники вынуждены въ цѣляхъ сокращенія добычи закрѣплять за собою формально участки, разработка которыхъ могла бы способствовать пониженію цѣнъ, а это, разумѣется, требуетъ немалыхъ расходовъ. Далѣе, изъ рѣчи г. Гукасова «(«Торг. и Пр. № 6) узнаемъ и еще одинъ секретъ «Нѣсколько лѣтъ назадъ многими нефтепромышленниками въ бакинскомъ районѣ примѣнялся принципъ, въ силу котораго буровому подрядчику, помимо платы за буреніе, выдавалась извѣстная премія съ пуда добытой имъ нефти». Это побуждало подрядчиковъ къ нахожденію «фонтанныхъ слоевъ». «Теперь нефтепромышленники отказались отъ такого способа». Фонтаны стали исчезать, и на это обстоятельство нефтепромышленники нынѣ указываютъ, какъ на признакъ истощенія бакинскаго района... Наконецъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, крупнымъ бакинскимъ фирмамъ удалось закрѣпить за собою нефтеносныя земли на Ургѣ и въ Ферганской области, на которыя указывали, какъ на возможнаго конкурента. Въ результатѣ — добыча, по сравненію съ 1904 г., сократилась почти на 16% посредствомъ значительнаго повышенія накладныхъ расходовъ и цѣною непрестанныхъ потерь въ территоріи сбыта. Получается своеобразная, съ лихорадочною поспѣшностью примѣняемая промышленная тактика самоубійства. И, повидимому она сулитъ близкую побѣду. Достаточно указать, въ видѣ симптоматическаго примѣра, хотя бы на волжское судоходство. Лихорадочно-стремительный натискъ на него со стороны цѣлой системы синдикатовъ за какіе-нибудь два года привелъ къ тому, что въ минувшую зиму «значительная часть волжскаго судового каравана совсѣмъ не получила ремонта», а весною «около трети пароходовъ съ ихъ вспомогательнымъ инвентаремъ (баржи и друг. грузовыя суда) не начнутъ навигаціи вовсе, а слѣдовательно на нихъ не потребуются и служащіе, и матеріалы, и топливо» *). Опустошенія, словомъ, произведены страшныя. Конечно, не только по винѣ синдикатовъ. Много значатъ общія условія. Я уже упоминалъ, что совѣтъ съѣздовъ не скрываетъ значенія этихъ условій. Онъ признаетъ, что Россія уже основательно разорена, «вошла въ періодъ тревожнаго экономическаго паденія **). Но именно на фонѣ общаго въ странѣ экономическаго упадка, синдикаты, совершенно перешедшіе за границы благоразумія и здраваго смысла, всего больше уподобились цыгану рубившему сукъ. Итогами предпринимательскихъ стачекъ даже совѣтъ съѣздовъ смущенъ. Въ отдѣльныхъ и рѣзкихъ случаяхъ

*) „Голосъ Москвы", 29 апрѣля.
**) „Торг. и Пром.", № 3, стр. 132.

какъ, напр., по поводу нефтяниковъ, онъ предпочитаетъ вовсе отрицать наличность синдиката. Но вообще находитъ, что «повышательныя тенденціи существующихъ синдикатовъ» «мѣшаютъ правительству установить болѣе нейтральные принципы» ***). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній совѣтъ счелъ необходимымъ даже признать, что поведеніе стачечниковъ не только не тактично, но и по существу не цѣлесообразно: «политика синдикатовъ, основанная на умѣренномъ ****) подъемѣ продажныхъ цѣнъ, въ ближайшіе годы должна оказаться неспособной спасти заводы отъ закрытія и гибели вложенныхъ въ нихъ капиталовъ». И такъ какъ «синдикаты не способны спасти многіе заводы отъ закрытія», то, поскольку рѣчь идетъ о спасеніи желѣзодѣлательной промышленности, единственная дѣйствительная мѣра—учрежденіе треста». Проектъ треста уже готовъ. Въ него должны войти крупнѣйшія металлургическія предпріятія, преимущественно новороссійскаго района, въ которыхъ непосредственно заинтересованы парижская и брюссельская биржи, и которыя въ общей сложности составятъ 45% всего производства въ Россіи. Относительно металлурговъ Царства Польскаго уже обусловлено, что они также образуютъ трестъ. Уральскимъ же предпріятіямъ совѣтъ съѣздовъ предлагаетъ «отдать въ трестъ заводы», «только заводы»; имъ рекомендуется сохранить за собою только землевладѣніе, однако, обезпечивъ переданныя тресту предпріятія «долголѣтними контрактами на право исключительнаго пользованія лѣсами и рудами,—понятно, за установленную плату съ добытой единицы». Посессіонерамъ, кстати, надо же, наконецъ, освободиться отъ «нелѣпыхъ отношеній къ рабочимъ крестьянамъ». Вѣдь, «нигдѣ въ мірѣ нѣтъ заводовъ, обязанныхъ вести дѣло только для того, чтобъ прокормить рабочаго». Если же уральцы на эти условія не согласятся, «мощная организація юга» «дифференцируетъ продажныя цѣны»; «борьба разрозненнымъ заводамъ - лиллипутамъ Урала, конечно, окажется не подъ силу, и подъ натискомъ конкуренціи треста уральское желѣзное дѣло въ концѣ концовъ можетъ умереть... навсегда» («Торг. и Пр.», № 7).

Словомъ, недавно жирныя синицы-синдикаты измельчали, отощали, стали жестки и малопитательны. И въ предвѣдѣніи дальнѣйшихъ невзгодъ нуженъ трестъ, — тоже не журавль, а синица, но улучшенной породы. Необходимо, пожалуй, теперь же оговорить одно недоразумѣніе. Совѣтъ съѣздовъ концентрацію разрозненныхъ предпріятій въ трестъ выводитъ, какъ слѣдствіе «свободной конкуренціи». «Борьба (конкурентовъ) достигаетъ высшаго напряженія

---

*) „Торг. и Пром.“, № 1, стр. 32.

**) Терминъ: „умѣренный“, опять-таки характеренъ для совѣта съѣздовъ, идущаго въ затруднительныхъ для него случаяхъ по стопамъ освѣдомительнаго бюро. Цитата взята изъ записки совѣта министру торговли. Цит. по газетѣ „Баку“, 22 апрѣля.

и становится для борющихся невыносимой, предпріятія сливаются»... Съ другой стороны, и «на петербургскихъ собраніяхъ союза рабочихъ по металлу» высказана, по сообщенію «Русс. Вѣд».., мысль, что «запретительную политику по отношенію къ тресту, если бы даже можно было ее ожидать отъ правительства, рабочіе считаютъ безполезной, поскольку *образованіе треста есть неизбѣжное слѣдствіе развитія капитализма*» (Цит. по «Утру», 16 апр., курсивъ мой,—*А. П.*). «Запретительную политику» надо оставить въ сторонѣ. Рѣчь идетъ о поощрительной политикѣ. И, въ частности, даже объ изъятіи договоровъ о трестѣ отъ гербовыхъ сборовъ,— каковой подарокъ въ суммѣ около 5 милл. рублей, по газетнымъ свѣдѣніямъ, министръ финансовъ и соглашался было объединенному капиталу сдѣлать. Но сама по себѣ мысль о «борьбѣ конкурентовъ», о «неизбѣжномъ слѣдствіи развитія капитализма» etc. взята собственно на прокатъ, съ чужого плеча и къ данному случаю совершенно не подходитъ. Для союза рабочихъ по металлу едва ли нужно доказывать, что разговоры совѣта съѣздовъ о конкуренціи, «невыносимой», «достигшей высшаго напряженія», повлекшей «пониженіе рыночной стоимости продукта за предѣлы надлежащей оцѣнки», суть пустые разговоры. И самъ совѣтъ ведетъ ихъ въ пространствѣ, вообще, академически, не рискуя иллюстрировать фактами изъ россійской дѣйствительности. Для совѣта же съѣздовъ, который опредѣленно говоритъ о необходимости закрыть часть заводовъ и придушить часть капиталовъ, едва-ли не ясно, что слова союза рабочихъ по металлу о «неизбѣжномъ слѣдствіи развитія капитализма» очень теоретичны и безотносительны къ русской жизни. Въ Россіи хоть и проектируется трестъ, но не будемъ торопиться и влагать въ это слово американскій смыслъ. «Нашъ трестъ», если осуществится, будетъ «самобытнымъ», истинно-русскимъ трестомъ, весьма отличнымъ отъ басурманскихъ образцовъ. И мѣрять его придется на нашъ собственный, «православный» аршинъ. Да и теперь уже необходимо подходить къ нему съ нѣсколько особыми мѣрками.

Я уже упоминалъ о депутаціи совѣта съѣздовъ, обмѣнявшейся 21 февраля рѣчами съ министромъ торговли. Хронологически она совпала съ переходомъ отъ предварительныхъ переговоровъ о металлургическомъ съѣздѣ къ подготовкѣ путей юридическаго оформленія. И указаніе оратора депутаціи г. Авдакова на «необходимость программы», выраженное именно въ этотъ моментъ, дѣйствительно, даетъ богатую почву для догадокъ. Такъ или иначе, но иностранные капиталы вложены во многія русскія металлургическія предпріятія. Доселѣ не опровергнуты газетныя свѣдѣнія о совѣщаніяхъ парижскихъ и брюссельскихъ капиталистовъ по поводу потерь на русскихъ металлургическихъ «бумагахъ». Да и что-жъ опровергать? такія совѣщанія—дѣло вполнѣ естественное. И вполнѣ естественно, что заграничная биржа въ виду нынѣшняго

положенія вещей желаетъ выяснить реальную стоимость лежащихъ въ ея портфеляхъ россійскихъ металлургическихъ предпріятій, добиться положенія, одинаковаго съ сахаропромышленниками, и тѣмъ гарантировать себѣ опредѣленный доходъ. И почему бы, въ самомъ дѣлѣ, загадочныя слова г. Авдакова о программѣ не понимать, какъ желаніе получить согласіе на опредѣленное предложеніе бельгійцевъ и парижанъ, уже обсужденное и принятое «совѣтомъ россійскихъ съѣздовъ»? Ставъ на эту точку зрѣнія, можно, пожалуй, соотвѣтственно истолковать думскій запросъ правительству относительно металлургическаго треста, возникшій по иниціативѣ завѣдомо правительственной партіи. Можно соотвѣтственно истолковать и полуоффиціозныя свѣдѣнія о колебаніяхъ министерствъ по поводу металлургическаго треста. Вначалѣ министръ финансовъ сочувствовалъ, потомъ занялъ позицію неблагопріятную. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, нащупывая почву для новаго займа, оказывать безусловныя услуги возможному кредитору или хотя бы только посреднику. Разъ парижанамъ и бельгійцамъ, застрявшимъ въ Россіи, хочется имѣть гарантію, надо, чтобъ на ихъ биржѣ эта услуга котировалась, какъ можно дороже, надо обезпечить отвѣтную услугу и добиться, чтобы она была какъ можно значительнѣе. Развѣ можно при финансовыхъ комбинаціяхъ обойтись безъ торга? Быть можетъ, въ этомъ именно смыслѣ г. Авдаковъ говорилъ о «притокѣ капиталовъ къ отечественной промышленности и торговлѣ» подъ программу министра,—т. е. капиталы-то притекутъ собственно въ государственное казначейство, но оттуда часть ихъ можетъ попасть и въ кассу промышленника. А какая именно часть, — это можно заранѣе обусловить именно «программой», напр., желѣзнодорожнаго и всякаго другого строительства,—особенно если эта «программа» скрѣплена не только подписью министра, но и вотумомъ обѣихъ «законодательныхъ палатъ».

Догадки эти, повторяю, неизбѣжны и даже правдоподобны. Но именно правдоподобность ихъ и заставляетъ съ особенною осторожностью взвѣшивась шумъ, поднятый по случаю треста. «Мощная организація Юга» угрожаетъ Уралу «дифференцированіемъ цѣнъ». Въ докладной запискѣ министру торговли совѣтъ съѣздовъ пишетъ: «Трестъ имѣетъ цѣлью увеличеніе спроса путемъ удешевленія продуктовъ, благодаря пониженію стоимости»... Кромѣ того трестъ предполагаетъ улучшать продукты, вызывать пониженіемъ цѣнъ всенародный спросъ, развивать производительныя силы страны, довольствоваться самымъмалымъ процентомъ прибыли... Не о своихъ выгодахъ онъ думаетъ—жила бы Россія во славѣ и благоденствіи. Словомъ, проектируется совсѣмъ особенный, преподобный и богоносный трестъ, по заповѣдямъ—хотя трудящійся и достоинъ пропитанія, но что сверхъ сего «туне пріясте, туне дадите». Это проектное благочестіе, пожалуй, способно лишь напомнить записанную покойнымъ Далемъ сказочку о котѣ, который,

когда его изнурила бдительность мышей, объявилъ себя монахомъ, принявшимъ постригъ и даже схиму. Сказочка заканчивается такимъ, примѣрно, діалогомъ между предпріимчивымъ котомъ и пойманною мышью:

— Котъ Василій, ты же постригся и посхимился, а вѣдь я скоромная.

— Нынче разрѣшеніе вина и елея...

Клятвы организаторовъ треста принять постригъ и схиму стоятъ очень дешево. А между угрозой «дифференціальными цѣнами» и обѣщаніемъ «удешевленія продуктовъ» нѣтъ непримиримаго противорѣчія. Трестъ удешевитъ цѣны тамъ, гдѣ это нужно для конкуренціи, или когда нужно очистить запасы сбытомъ за-границу, и подниметъ тамъ, гдѣ можно наверстать потери. Другой вопросъ, сколь продолжительно будетъ такое спорадическое удешевленіе ради конкуренціи. По русскимъ условіямъ, борьба конкурентовъ опредѣляется не только дифференцированіемъ цѣнъ, но и дифференцированіемъ кредита въ государственномъ банкѣ. И кому въ этомъ послѣднемъ смыслѣ лучше бабушка наворожитъ, — «могучей организаціи юга» или «разрозненнымъ лилипутамъ», — предсказывать нѣтъ нужды. Во всякомъ случаѣ, совѣтъ съѣздовъ вѣренъ своей основной точкѣ зрѣнія: «конкуренція умираетъ впредь до тѣхъ поръ, пока синдикатъ не подниметъ цѣнъ до предѣловъ»... Безъ смерти во всякомъ случаѣ дѣло не обойдется. По исчисленіямъ совѣта, техническое оборудованіе русскихъ заводовъ разсчитано на производительную способность вдвое сильнѣе (нынѣшняго) фактическаго производства». Но нынѣшнее «фактическое производство», упавшее, по сравненію даже съ 1904 г. и 1905 г. *), значительно слабѣе спроса. Чтобъ очистить рынокъ въ 1907 г. пришлось выкинуть $14^1/_2$ милл. пуд. чугуна, желѣза и стали, тогда какъ въ 1906 г. выкинуто всего $2^1/_2$ милл. пуд. **). Между тѣмъ спросъ все болѣе и болѣе падаетъ, «сдѣлокъ никакихъ». Дѣйствительно, «многіе заводы» придется закрыть. Дѣйствительно, остается лишь одинъ выходъ: теперь же намѣтить, кто именно долженъ быть убитъ и кому остаться въ живыхъ. И немудрено, что во главѣ предполагаемаго «Общества металлургическихъ заводовъ, рудниковъ и копей»—таково проектное названіе будущаго треста — оказались парижскіе и бельгійскіе банки. При наличныхъ условіяхъ, если не они убьютъ кого-то, то ихъ убьетъ кто-то. Убитые должны быть. Иначе нельзя.

Въ газетахъ опубликованъ, на основаніи частныхъ свѣдѣній, списокъ предпріятій, которыя, по мысли организаторовъ треста, должны остаться въ живыхъ. Опубликованъ и рядъ лицъ, кото-

*) Вотъ нѣкоторыя цифры за первыя полугодія: выплавка чугуна въ 1904 г. 90 м. п., въ 1905 г. $85^1/_2$ м. п. въ 1907 г. — 84 м. п.; желѣзо и сталь — въ 1904 г.—78 м. п., 1905 г. $72^1/_2$ м. п., въ 1907 г. $72^1/_2$ м. п.

**) Цифры совѣта съѣздовъ „Торг. и Пром.", № 6, стр. 369.

рыя въ образованіи треста заинтересованы. Разныя тутъ есть имена. Есть ех-министръ Рувье. Есть г. Деризонъ, спеціалистъ, какъ его опредѣлила, помнится, «Русь», «по заключенію займовъ подъ акціи и облигаціи второго сорта». Есть «инженеръ Коковцевъ», «строитель Донецкой дороги», которая, по условію организаторовъ треста, должна быть финансирована. Неожиданныя есть тутъ имена и неожиданныя профессіи. Но въ такихъ дѣлахъ газетныя, частныя свѣдѣнія—источникъ опасный. Тутъ легко вполнѣ добросовѣстное извѣстіе принять за биржевую утку и биржевую утку за добросовѣстное извѣстіе. Поэтому углубляться въ опредѣленіе, кого предположено оставить въ живыхъ,—не буду. Несомнѣнно лишь, что составъ совѣта съѣздовъ, такъ ревностно пропагандирующаго идею треста, не предназначается къ подлежащимъ смерти. И, благодаря позиціи, занятой совѣтомъ по этому вопросу, быть можетъ, наиболѣе ярко вскрывается, какъ мало онъ имѣетъ правъ выступать отъ имени «всей русской торговли», «всей русской промышленности». Даже, поскольку рѣчь идетъ о крупной промышленности и торговлѣ, онъ въ данномъ случаѣ если и представитель, то лишь одной изъ воюющихъ сторонъ. Точнѣе,—представитель наиболѣе организованной части крупной промышленности и торговли, такъ сказать, партійное учрежденіе въ торгово-промышленномъ междоусобіи.

Участіе спеціалиста «по займамъ подъ второсортныя бумаги» не безосновательно было отмѣчено «Русью», а за нею екатеринославскою «Южною Зарей» и другими газетами. Въ шумѣ, поднятомъ организаторами треста, есть, дѣйствительно, нѣчто, напоминающее «второсортныя бумаги», отъ которыхъ имѣютъ привычку сторониться солидныя кредитныя учрежденія. Пропагандисты треста рисуютъ довольно заманчивую для нынѣшнихъ или будущихъ акціонеровъ картину. Ихъ разсчеты излагаются довольно стройно и какъ будто сулятъ барышъ. Трестъ убьетъ конкурентовъ. Трестъ добьется пониженія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, сообразно своимъ цѣлямъ. Трестъ добьется выдачи субсидій подъ постройку новыхъ судовъ рѣчного торговаго флота. И пока эти разсчеты на рѣчное судостроеніе излагаются въ обобщенной формѣ, они для любителя барышей могутъ показаться даже заманчивыми. Но попробуйте примѣнить эту программу, напр., къ волжскому судоходству. Въ два года оно сократилось почти на половину. Оно вынуждено повышать фрахтъ, насколько это возможно въ предѣлахъ данныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. А ему говорятъ о новомъ пониженіи тарифовъ и новомъ субсидированномъ судостроительствѣ. Получается не столько коммерческій разсчетъ, сколько коммерческое недоразумѣніе. Или это: трестъ задается цѣлью «расширить внутренній (обывательскій) спросъ на продукты желѣзодѣлательной промышленности». Въ общемъ видѣ эти слова звучатъ величаво. Но когда спрашиваешь, какимъ именно обра-

зомъ парижане и бельгійцы усилятъ нашъ обывательскій спросъ,— отвѣта нѣтъ. Когда пытаешься мысленно оформить самую идею треста въ предѣлахъ данныхъ законовъ и даннаго экономическаго состоянія страны, то ничего не получается, кромѣ обыкновенной стачки предпринимателей, фатальнымъ образомъ обреченныхъ на то, чтобъ рубить тотъ сукъ, на которомъ они предполагаютъ сидѣть. И дѣйствительно не знаешь, гдѣ тутъ кончается недоразумѣніе и гдѣ начинается биржевой пріемъ. Можетъ быть, искушенные опытомъ парижскіе и бельгійскіе акціонеры, и въ самомъ дѣлѣ, хотятъ лишь гарантировать свой капиталъ. А можетъ быть, они прямо лишь желаютъ сбыть хотя бы часть своихъ бумагъ въ другія менѣе опытныя и болѣе наивныя руки.

Для совѣта съѣздовъ нисколько не обидно выступать, какъ партійное учрежденіе въ торговопромышленномъ междоусобіи. Собственно лишь при нынѣшнемъ хаосѣ понятій могла создаться иллюзія, будто совѣтъ есть нѣчто въ родѣ центральнаго комитета всероссійскаго союза капиталистовъ. Спора нѣтъ, по нѣкоторымъ вопросамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ выступилъ какъ выразитель интересовъ цѣлаго класса. Мы не знаемъ, напр., совпадаетъ ли совѣтское мнѣніе по поводу проектовъ земской реформы съ мнѣніемъ большинства торговцевъ и промышленниковъ. Но если члены совѣта правильно делегированы, по этому вопросу они также могутъ выражать интересы всего торгово-промышленнаго міра, какъ и по другимъ вопросамъ, столь же, впрочемъ, политическимъ, государственно-правовымъ, а не «профессіональнымъ» Можно доказывать, что въ основѣ указаній совѣта съѣздовъ на несправедливость и обременительность нынѣшней налоговой системы лежитъ экономическій, «профессіональный» интересъ. И наличность «профессіональнаго», точнѣе классоваго, интереса въ данномъ случаѣ отрицать трудно. Но само по себѣ осужденіе налоговой системы отъ лица организаціи есть актъ политическій и при томъ совершенный на почвѣ чисто политическаго вопроса. Совѣтъ съѣздовъ въ своемъ органѣ не высказывается опредѣленно о рабочемъ законодательствѣ. Пока мы имѣемъ рядъ какъ бы случайно брошенныхъ замѣчаній. Такъ въ № 2 «Т. и П.» читаемъ: «Врачебная помощь рабочимъ не по закону, такого закона нѣтъ ни въ одной странѣ, а на основаніи распространительнаго толкованія постановленія комитета министровъ, возложена на владѣльцевъ»... Или, въ томъ же № и такъ же мелькомъ сообщается... Признавая въ общемъ необходимость соціальной политики, ограждающей интересы рабочаго, представители германской промышленности выставили положенія, которыя, по ихъ мнѣнію, не должны затрогиваться рабочимъ законодательствомъ. Прежде всего, «владѣльцы фабрикъ и заводовъ желаютъ оставаться хозяевами своихъ предпріятій. Они не допустятъ, чтобы воля ихъ здѣсь была ограничена. Конституціонная фабрика—это безсмыслица. Затѣмъ... от-

носительно продолжительности рабочаго времени предприниматели рѣшительно протестуютъ противъ введенія трехкомплектныхъ смѣнъ по 8 ч. въ непрерывныя производства и... противъ ограниченія продолжительности различныхъ категорій работъ», даже «противъ чрезмѣрнаго расширенія воскреснаго и праздничнаго отдыха». Также сочувственно въ № 4 дѣлается ссылка на опытъ Западной Европы, гдѣ «разсчеты рабочихъ и локауты представляютъ естественный откликъ на все болѣе и болѣе развивающуюся насильственную остановку работъ». Но все таки это—вскользь брошенныя замѣчанія, сочувственное предпринимательскому интересу констатированіе фактовъ, безъ попытокъ высказаться о нихъ примѣнительно къ русскимъ условіямъ. Правда, и по рабочему вопросу совѣтъ съѣздовъ выразилъ (министру торговли) пожеланіе, дабы законодательное урегулированіе условій жизни русскихъ рабочихъ получило свое осуществленіе въ возможно скоромъ времени и въ возможно полномъ объемѣ. Но, какъ это надо понимать, мы не знаемъ. Можетъ быть, объединенные промышленники желаютъ, какъ и прежде, но «въ возможно большемъ объемѣ» играть роль жандармскихъ унтеръ-офицеровъ по наблюденію за порядкомъ и настроеніемъ умовъ въ рабочихъ слободкахъ. А можетъ быть, они хотятъ предоставить рабочимъ въ «возможно болѣе полномъ объемѣ» свободу стачекъ, союзовъ и собраній *). Но во всякомъ случаѣ даже тайныя для общества пожеланія совѣта въ области рабочаго законодательства—актъ политическій на почвѣ вопроса чисто политическаго, хотя-бы и трактуемаго съ узко-классовой точки зрѣнія. Именно такія политическія выступленія совѣта по вопросамъ общегосударственнаго значенія и маскируютъ характеръ его выступленій по «профессіональнымъ» вопросамъ. Въ моментъ, напр., острой борьбы между нефтепромышленниками и судовладѣльцами собраніе волжскихъ судовладѣльцевъ, пожелавшихъ обсудить сообща свое положеніе, было разогнано мѣрами полиціи, какъ противозаконное, а совѣтъ съѣздовъ, съ своей стороны, выступилъ на защиту нефтепромышленниковъ.

*) Впрочемъ, и вообще нельзя ручаться, что слова г. Авдакова о рабочемъ законодательствѣ сказаны въ серьезъ. 21 февраля совѣтъ съѣздовъ настаивалъ на законодательномъ урегулированіи въ возможно скоромъ времени. 7 апрѣля его представители участвовали въ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ г. Шипова, по вопросамъ рабочаго законодательства. И вотъ что пришлось высказать, между прочимъ, «Кіев. Вѣстямъ»: «каково же было изумленіе г. Шипова, когда г.г. капиталисты, почти закончивъ уже обсужденіе одного изъ проектовъ—объ обезпеченіи на случай болѣзни, и внеся въ него измѣненія, потребовали отложить обсужденіе всѣхъ законопроектовъ ad calendas graecas на томъ основаніи что они не успѣли ознакомиться съ ними хотя эти законопроекты... побывали неоднократно въ комиссіяхъ при совѣтѣ съѣздовъ и дважды обсуждались на общихъ совѣщаніяхъ представителей промышленности и торговли». (Кіев. Вѣсти, 17 апрѣля 1908).

Этотъ шагъ, наравнѣ съ рѣзкимъ, хотя и болѣе основательнымъ, выступленіемъ противъ акціонеровъ юговосточныхъ дорогъ, и наравнѣ съ другими такими же шагами, очевидно, выражаетъ, что совѣтъ съѣздовъ есть орудіе, которымъ пользуется лишь одна группа промышленности для сведенія своихъ счетовъ съ другою группою. И лишь нынѣшнія нелѣпыя условія жизни позволяютъ главное вниманіе сосредоточивать на политическихъ шагахъ совѣта, окрашенныхъ подобіемъ общеклассовыхъ интересовъ, и не замѣчать его несомнѣнную «профессіональную» односторонность.

Утаивать эту односторонность едва ли хорошо. Но сама по себѣ она, повторяю, дѣло, такъ сказать, естественное. Передъ нами пока лишь опытъ «профессіональной» организаціи капитала. О томъ, какія въ средѣ русскихъ капиталистовъ существуютъ противорѣчія интересовъ, мы пока можемъ судить въ самыхъ общихъ чертахъ. На сколько и на какой платформѣ можно примирить противорѣчивые «профессіональные» интересы различныхъ группъ промышленности и торговли,—рѣшить эти вопросы въ конкретной формѣ не такъ просто. Быть можетъ, на дѣлѣ окажется, что вмѣсто единаго всероссійскаго совѣта съѣздовъ, нужно нѣсколько совѣтовъ, обреченныхъ на взаимный антагонизмъ, не исключающій, однако, возможности временныхъ соглашеній по отдѣльнымъ вопросамъ. Пока объединилась и создала представительный органъ лишь одна группа интересовъ. Другія пусть сами о себѣ думаютъ и заботятся. Дѣло коммерческое,—не плошай. Гораздо хуже, что позиція совѣта оказалась не столько дѣловой и коммерческой, сколько сомнительной. Трестъ, какъ Улита, ѣдетъ—когда-то будетъ. Переоцѣнка же биржевыхъ цѣнностей въ чаяніи, главнымъ образомъ, грядущихъ строительныхъ ассигновокъ казны за счетъ ожидаемаго займа, гораздо проворнѣе Улиты и гораздо реальнѣе. «Подъ вліяніемъ упорныхъ дальнѣйшихъ слуховъ относительно осуществленія треста сильно двинулись всѣ металлическія акціи» («Голосъ Москвы», 11 мая). «Двинулись» и продолжаютъ двигаться. Къ этому пока что и сводится «удовлетворительное развитіе торгово-промышленной отрасли народнаго труда» въ предѣлахъ законовъ даннаго момента. По логикѣ вещей, дальнѣйшая приспособленность къ законамъ даннаго момента должна привести совѣтъ съѣздовъ къ еще болѣе сомнительныхъ положеніямъ. Тутъ своего рода рокъ. Послѣ Мукдена и Цусимы въ странѣ еще были остатки прежнихъ рессурсовъ. Что можно было въ теченіе 2—3 лѣтъ высосать изъ нихъ, — съѣдено синдикатами. Теперь эта полоса «удовлетворительнаго развитія» близится къ естественному концу,—за истощеніемъ питательныхъ соковъ. На лицо лишь остатки отъ остатковъ. И вотъ поѣхала Улита, крайне двусмысленная особа темнаго происхожденія и загадочныхъ намѣреній. И эта полоса неминуемо должна придти къ естественному и, по чрезмѣрной истощенности почвы, быстрому

концу. Дальнѣйшіе остатки будутъ уже столь малопитательны, что «удовлетворительно развиваться» за ихъ счетъ можно лишь, не обращая вниманія на общепринятыя условности. Послѣ-мукденскіе остатки пожираются синдикатами удивительно откровенно, безъ стѣсненія, прямо зубами,—какъ волкъ кости гложетъ. Дальнѣйшая приспособляемость, повторяю, должна привести къ еще большему опрощенію. Предусмотрительно совѣтъ съѣздовъ въ первомъ же номерѣ своего оффиціальнаго органа распекалъ и «русскую публику» за ея «сантиментально-альтруистическую точку зрѣнія» и даже «самихъ промышленниковъ» такъ какъ, видите ли, «и между ними (тоже) есть такіе «принципіальные» люди, для которыхъ синдицированіе—дѣйствіе, несовмѣстимое съ понятіями объ этикѣ» *). Приспособляясь съ «торгово-промышленной цѣлью» къ режиму «суровой силы безъ парламента», дѣйствительно лучше забыть о нѣкоторыхъ понятіяхъ, обязывающихъ хотя-бы къ условной чистоплотности.

IV.

Называя совѣтъ съѣздовъ «партійнымъ учрежденіемъ въ торговопромышленномъ междоусобіи», я вовсе не склоненъ утверждать, что онъ всегда былъ такимъ. Нѣтъ, онъ родился, насколько я представляю, не такимъ. Въ ореолѣ надеждъ возникалъ «объединенный капиталъ». И въ ореолѣ надеждъ началъ жизнь совѣтъ. Тогда «дѣйствительный членъ съѣздовъ московскій биржевой комитетъ» мирно стоялъ рядомъ съ горнопромышленниками юга. Тогда вѣрилось, что профессіональное объединеніе капитала воплотитъ тѣ заманчивые планы, которые впослѣдствіи были развиты «Торговлею и Промышленностью». Если стоятъ на программѣ, отвергающей принудительное отчужденіе, «намъ не остается ничего другого», какъ «всѣми силами развивать промышленность» **). И грезился тогда цвѣтущій торговопромышленный балансъ, обусловленный именно законами даннаго момента. Слова г. Авданова 21 февраля, что для цвѣтущаго баланса собственно нужно полное обновленіе строя, а, пока этого нѣтъ, дай Богъ существовать «сколько-нибудь удовлетворительно»,—были первой ясно выраженной ликвидаціей юношескихъ увлеченій. Надежды поблекли. Перспективы сузились. Отъ сладкихъ мечтаній о цвѣтущемъ по всѣмъ статьямъ балансѣ пришлось перейти къ погонѣ за мелочниками. И гоняясь за мелочниками, совѣтъ съѣздовъ попалъ въ пропагандисты металлургическаго треста, а московская биржа одна изъ первыхъ сочла необходимымъ заявить министру торговли и про-

*) Торг. и Промышл. Стр. 32–33. Ироническія ковычки въ словѣ принципіальные, принадлежатъ, конечно, подлиннику.

**) „Торг. и Пр." № 2, стр. 75.

мышленности о вредѣ этой затѣи *). Царство раздѣлилось на ся. Организація просто разлагается и вырождается. А съ нею вмѣстѣ мельчаетъ и вырождается и совѣтъ съѣздовъ. Формально онъ все тотъ же. И такъ же, какъ и прежде, повторяетъ слова о цвѣтущемъ балансѣ. Но вѣра осуществить эти слова, учесть программу объединеннаго дворянства для широкихъ плановъ явно потерпѣла крушеніе. А попытка существовать «сколько-нибудь удовлетворительно» превратила достигнутое было единеніе въ междоусобіе.

Вполнѣ естественно, что проекту металлургическаго треста по счастливилось привлечь къ себѣ оживленный и разносторонній интересъ. Спора нѣтъ, «суровая сила», о которой говорилъ г. Столыпинъ, должна бы, по всѣмъ видимостямъ, серьезнѣе интересовать насъ. Кстати, какъ разъ теперь обнаруживаются новыя, чрезвычайно краснорѣчивыя данныя, что такое эта сила въ дѣйствительности. Словно въ половодье, хлынули вдругъ разоблаченія. Взятки, вымогательства, мошенничества въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ цѣломъ рядѣ большихъ и малыхъ городовъ, самыя дикія пытки, болѣзненно-безсмысленныя звѣрства, — все это какъ-то сразу всплываетъ на поверхность документально, забронировавшись отъ опроверженій освѣдомительнаго бюро несомнѣнными доказательствами. Открываются большіе университетскіе города, какъ Кіевъ, преданныя во власть организованной шайки жуликовъ, облеченныхъ правами агентовъ правительственнаго сыскного отдѣленія. Открываются малые города, какъ Слободской, преданные во власть 18-лѣтняго развратнаго мальчишки только потому, что онъ сынъ исправника. Открывается «суровая сила» въ ея подлинномъ видѣ безъ казеннаго грима и оффиціальной маски. Весенняя выставка нравовъ россійской администраціи 1908 г. оказалась на рѣдкость богатой типичными экземплярами. И къ ея обзору, по всей вѣроятности, намъ еще придется вернуться. Но экземпляры, попавшіе на выставку,—наше прошлое, къ несчастью нашему, продолжающее оставаться настоящимъ. Какова «суровая сила» въ ея подлинномъ видѣ, мы давно знали и знаемъ; мы утомились удивляться ея уродству и возмущаться ея преступностью. И хотя чувствуемъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, что ея подлинный видъ открывается документально на весь міръ, но... что-жъ объ этомъ? Это — старое, общеизвѣстное, физически живущее, но духовно мертвое. Обыватель склоненъ интересоваться не столько физіономіей суровой силы, сколько учетомъ ресурсовъ, какими располагаетъ эта сила въ борьбѣ за существованіе.

Казалось бы, значительный интересъ долженъ сосредоточиться на поведеніи правительства во время послѣпасхальной думской сессіи. Со страннымъ, до болѣзненности, упорствомъ оно еще разъ

*) „Одес. Нов.“, 9 апрѣля.

поставило въ Думѣ «вопросъ учредительнаго характера»,— объ образѣ правленія въ Россійской имперіи. Иниціативу взялъ на себя г. Коковцовъ, высказавшій вдругъ ни къ селу, ни къ городу по поводу формальнаго ассигнованія уже израсходованной фактически, по словамъ «Рѣчи», суммы въ 20 милл. руб.: «у насъ, слава Богу, парламента нѣтъ и не будетъ». Съ точки зрѣнія г. Коковцова, вполнѣ резонно радоваться,—вопросы о формальномъ ассигнованіи фактически израсходованныхъ суммъ въ парламентѣ, дѣйствительно, рѣшаются не такъ просто, какъ рѣшила Дума. Дума безъ стѣсненія выполнила формальность, хотя 20 милл. руб. были собственно перерасходованы. Въ парламентѣ при такихъ случаяхъ дѣло кончается не всегда благополучно для министровъ. Однако, не настолько же г. Коковцовъ простъ, чтобы свою вполнѣ понятную, но тайную благодарственную молитву произносить вслухъ. Оставалось думать, что ему почему-либо нужно еще разъ подтвердить: «въ Россіи нѣтъ парламента». Но, подтвердивъ это, онъ тотчасъ же раздвоился,—въ одну сторону, гдѣ «европейское общественное мнѣніе», заявилъ, что собственно обмолвился,—хотѣлъ сказать «парламентаризма», вышло же—«парламента», а въ другую сторону посредствомъ телеграммы союзу русскаго народа подтвердилъ: да, это именно и хотѣлъ сказать «нѣтъ, слава Богу, парламента и не будетъ». На помощь тому г. Коковцову, который оговорился въ сторону европейскаго общественнаго мнѣнія, пришелъ г. Хомяковъ, назвавшій фразу министра финансовъ неумѣстною. А затѣмъ и г. Хомяковъ раздвоился,—заявилъ, что отказывается отъ своихъ словъ, но сдѣлалъ это въ такихъ выраженіяхъ, словно онъ лишь для вѣжности отказывается, а въ сущности полагаетъ, что министръ все-таки не правъ: парламентъ у насъ, слава Богу, есть. И въ заключеніяхъ по поводу финляндскаго запроса выступилъ самъ предсѣдатель министровъ, подтвердившій, что сейчасъ у насъ, слава Богу, есть «суровая сила», потомъ, Богъ дастъ, будетъ правовой порядокъ. Я напоминаю лишь наиболѣе яркіе моменты, не касаясь многихъ деталей, крайне характерныхъ и для правительства и для нѣкоторыхъ партій. Въ концѣ концовъ въ этой странной «пляскѣ» возлѣ слова: „конституція“, быть можетъ, всего характернѣе настойчивость министровъ, съ какою они пользуются Думою, чтобъ подчеркнуть и свою готовность хоть сейчасъ же (пусть только Россія успокоится) пристать къ конституціоннымъ берегамъ, и свое непреклонное желаніе ни въ коемъ случаѣ не покидать береговъ абсолютизма. «Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ влечетъ меня таинственная сила»,—могъ бы пропѣть г. Коковцовъ, а за нимъ и г. Столыпинъ. И, казалось бы, можно заинтересоваться этою таинственною силою. Можно бы вникнуть въ эту своеобразную манеру, почти привычку, министровъ время отъ времени говорить во всеуслышаніе такъ, чтобъ вышло ни да ни нѣтъ, ни то ни се, и вашимъ и нашимъ. Но и къ этой манерѣ обыватель

привыкъ. Когда-то министерское «да», формулированное, напр. словомъ «довѣріе», заставляло обывателя не замѣчать «нѣтъ», расцвѣтать, волноваться, надѣяться. Но то было давно. Теперь обыватель словно привыкъ думать, что такъ оно министрамъ по штату полагается—говорить ни то ни се, словно махнулъ рукой:

— А пусть, молъ, упражняются. Такая ужъ, видно, у нихъ должность.

Въ концѣ-то концовъ интересны не столько эти упражненія сами по себѣ, сколько учетъ рессурсовъ, отъ которыхъ зависитъ, какъ долго можно упражняться. Между тѣмъ въ идеѣ треста есть нѣчто, относящееся именно къ учету рессурсовъ. Въ споръ, можетъ или не можетъ страна обойтись безъ «принудительнаго отчужденія», эта идея врывается, какъ «новое слово», съ разныхъ сторонъ достопримѣчательное. Съ одной стороны,—а вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ этой штуки создастся хоть на время промышленное оживленіе, которое и поможетъ преодолѣть «политическую реакцію». А съ другой, съ министерской, стороны,—а вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, оно немного оживетъ, и напоръ недовольства ослабѣетъ. Тутъ дивидендъ, какъ стимулъ совѣта съѣздовъ, можетъ тактически совпасть съ весьма разнообразными соображеніями и видами. Возлѣ слова трестъ могутъ остановиться и помечтать весьма разнородные элементы - кто о барышахъ, кто о просвѣтѣ въ годину тяжкаго торговопромышленнаго застоя, кто о щели, сквозь которую, авось, Богъ дастъ выскочить изъ политическаго тупика. А разъ одни могутъ мечтать, другіе могутъ опасаться:

— Что, если и впрямь произойдетъ рецидивъ экономической политики Витте? Что если «суровой силѣ» удастся при помощи «свободныхъ капиталовъ» на добрый десятокъ лѣтъ смягчить остроту экономическаго положенія, предоставивъ мужику, вмѣсто «прирѣзки», платежи по новымъ обязательствамъ?

Людей, способныхъ или мечтать или опасаться по этому поводу, не мало. Иное дѣло «объединенный капиталъ» съ его замѣтно увядшими надеждами на рецидивъ. Часть его обнаружила склонность отграничиться отъ совѣта съѣздовъ. Но, вѣдь, мало сказать подобно московской биржѣ,—«трестъ вреденъ». А что же дѣлать? Гдѣ же выходъ? Попытка построить солидные торговопромышленные разсчеты примѣнительно къ программѣ объединеннаго дворянства оказалась явно несостоятельной. Какъ бы не пришлось «представителямъ торговли и промышленности», не впавшимъ въ пропаганду треста, заново пересмотрѣть вопросъ о возможности обойтись безъ мужицкой «прирѣзки»...

А. Петрищевъ.

На очередныя темы.

„Санинцы“ и „Санинъ“.

I. Мерзость запустѣнія.—II. Своя своихъ не познаша.

I.

«Санинцы»—такъ ихъ нерѣдко называютъ, и говорятъ о нихъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Порою кажется, что передъ нами цѣлое, все шире разливающееся, общественное теченіе, что это новая, надвигающаяся на насъ, полоса жизни. Вѣрнѣе: уже надвинувшаяся... По всѣмъ видимостямъ, процессъ протекаетъ очень быстро: давно ли началось броженіе, а имѣются уже вполнѣ выкристаллизовавшіеся осадки. Послѣдній годъ газеты приносятъ одно извѣстіе за другимъ: то объ орловскихъ «огаркахъ», то о московскомъ «союзѣ пива и воли», то о минской «лигѣ свободной любви», то о казанской «минутѣ», то о кіевской «дорефѣ»... Еще больше ходитъ изустныхъ разсказовъ,—и, главнымъ образомъ, на счетъ самой юной молодежи. Получается такое впечатлѣніе, что жизнь загнила у самаго корня, и ядовитая плѣсень уже покрыла значительную часть ея молодыхъ побѣговъ.

И на поверхности, для всѣхъ открытой, ничего кромѣ этой плѣсени не видно... Нуженъ ли другой, болѣе наглядный, признакъ происходящаго гдѣ то въ глубинѣ разложенія?..

На газету нѣтъ спроса, не въ ходу и книга,—бойко идутъ только самая безстыжая порнографія, да «молодая литература». Изъ произведеній послѣдней наибольшій, повидимому, успѣхъ выпалъ на долю «Санина». А что такое «Санинъ», какъ романъ?

„. . . . Она медленно, слегка волнуясь на ходу всѣмъ тѣломъ, какъ молодая красивая кобыла, спустилась съ крыльца. . . .“ (стр. 11).

„. . . . Весело и звонко щелкая шпорами и весь изгибаясь, какъ горячій веселый жеребецъ, сказалъ офицеръ...“ (стр. 12).

Это основной мотивъ романа: женщины «волнуются», какъ «молодыя красивыя кобылы»; мужчины «изгибаются», какъ «горячіе веселые жеребцы». И, вѣдь, «Санинъ» не одинъ только такой...

Половые вопросы—даже не вопросы, а половые эксцессы и половыя извращенія—составляютъ видную, если не главную часть содержанія «молодой литературы». Выходитъ даже такъ: стоитъ только «старому» писателю описать, что нибудь въ этомъ родѣ,—и онъ сразу становится «молодымъ». Своего рода экзаменъ на «молодость»... Г. Яблоновскій въ «Товарищѣ» помѣстилъ какъ-то

разсказъ «Разводъ», въ которомъ изобразилъ грязныя сцены бракоразводныхъ процессовъ: и пріемъ у бракоразводныхъ дѣлъ мастера и актъ публичнаго прелюбодѣянія, и допросъ свидѣтелей, производимый батюшками съ пристрастьемъ и сладострастьемъ... Нѣкоторыя мѣста получились очень яркія. Взять хотя бы эту сцену:

. . . Ей (проституткѣ) нравилось, что такой красивый, статный офицеръ цѣлуетъ ее въ плечи, и, стоя въ его военной фуражкѣ, она гладила склонившуюся къ ней голову и въ то-же время съ тревогой озиралась на дверь и скороговоркой шептала:

— Сначала для консисторіи, а потомъ для себя—ну-ну? Но только раздѣвайся скорѣй, а то опять вбѣгутъ безо времени.

Новиковъ послушно отошелъ отъ нея и снялъ сюртукъ.

Или вотъ нѣсколькими строками ниже:

. . . Теперь онъ уже безъ всякаго волненія глядѣлъ, какъ раздѣвалась передъ нимъ эта красивая, полногрудая женщина въ офицерской фуражкѣ, какъ упали кружкомъ ея юбки, и какъ, оставшись въ одной черной шолковой рубахѣ, она шаловливо взяла подъ козырекъ и вытянулась передъ нимъ во фронтъ, выпятивъ впередъ груди.

— Здравія желаю, ваше благородіе!..

Но, тотчасъ же взглянувъ на дверь, женщина сбросила фуражку и, сверкая нагими плечами, юркнула подъ одѣяло. Юркнула и сразу сейчасъ же отвернула голову къ стѣнѣ и уже шопотомъ спросила:

— Скоро ли ты?

— Сейчасъ.

Спеціалисты немедленно причислили произведеніе г. Яблоновскаго къ числу «молодыхъ». Возникшій недавно «Путь»,— «журналъ новаго типа», поставившій «своей задачей — намѣчать и освѣщать въ общедоступной формѣ новые пути исканій мысли» *), перепечаталъ «Разводъ» г. Яблоновскаго, утаивъ, къ слову сказать, отъ читателей, что эта вещь уже старая, что она была уже напечатана. Экзаменъ на «молодость» г. Яблоновскій, по мнѣнію редакціи, очевидно, выдержалъ: одинъ изъ «новыхъ путей исканій мысли», при его содѣйствіи, журналомъ «намѣченъ и освѣщенъ въ общедоступной формѣ»...

Писатели, желающіе «помолодѣть» очевидно, понимаютъ, что отъ нихъ для этого требуется. Можно было бы назвать цѣлый рядъ извѣстныхъ авторовъ, поспѣшившихъ на встрѣчу спросу, — авторовъ, прославившихся произведеніями на совсѣмъ иныя темы и теперь принявшихся за описаніе половыхъ эксцессовъ... Трудно, однако, этимъ писателямъ, вынужденнымъ начинать прямо со «второй молодости», угнаться за тѣми, кто уже смолоду былъ «молодъ». Эка, въ самомъ дѣлѣ, невидаль, что мужчины насилуютъ женщинъ, хотя бы и дѣвочекъ. Въ «художественныхъ

*) Такъ была формулирована эта задача въ разосланномъ редакціей приглашеніи къ сотрудникамъ.

альманахахъ» не разъ уже было описано, какъ женщины насилуютъ мальчиковъ... Г. Кузминъ, еще до появленія альманаховъ, не менѣе «художественно» разъяснилъ, что то же самое мужчина можетъ сдѣлать съ мужчиной. Другіе обнаружили готовность использовать съ этой цѣлью и всякую иную живность. Теперь г. Рукавишниковъ додумался, что распалить мечту можно даже статуей Мефистофеля.

И всталъ я. Взялъ статую, чугунную, пустую.
Легли въ постель мы рядомъ. Прижался чортъ ко мнѣ.

Даже садизмомъ насладиться съ нею можно.

Сталъ бить я въ тѣло чорта, сталъ бить я, какъ часы.
И стѣны зашептали шептаніемъ желѣзнымъ,
Шептаніемъ покойнымъ, какъ шепчутся часы.
(Альманахъ „Корона").

Лучшими знатоками содомскаго грѣха, несомнѣнно, были когда-то монахи. Святые отцы вопросъ о немъ тщательно изучили и всѣ разновидности его заранѣе предусмотрѣли. И теперь еще иной ретивый, но неопытный поникъ, приведя «хотящаго исповѣдатися единаго... предъ икону непокровенна», начинаетъ вычитывать по «Требнику»:

Рцы ми чадо: не растлилъ ли еси дѣвства твоего малакіею? Не малаквствуеши ли?

Рцы ми: не мужеложствовалъ ли еси кого, или инъ тебе?

Рцы ми: не палася ли еси со скотомъ или со птицей? Не палася ли еси съ женою твоею чрезъ естество?.. Не палася ли еси со инополеменнымъ тѣломъ? *)

По «Требнику» въ старыхъ его изданіяхъ полагалось производить еще болѣе тщательное, еще болѣе всестороннее изслѣдованіе. Говорятъ, что былъ даже вопросъ: не палася ли еси съ мравіемъ?.. Теперь Святѣйшему Синоду, повидимому, придется возобновить эти старыя изданія и, быть можетъ, кое-чѣмъ ихъ еще дополнить. Напримѣръ: не палася ли еси со «статуей чугунною, пустою?» Оказывается, и это возможно... Въ своемъ творчествѣ «молодая литература» опередила даже извращенное воображеніе восточныхъ монаховъ.

И вотъ плоды этого-то творчества пользуются теперь самымъ бойкимъ спросомъ. Половые эксцессы и половыя извращенія вдругъ сдѣлались центромъ общественнаго вниманія. Около нихъ—движеніе и жизнь, въ остальныхъ мѣстахъ—безмолвіе и сонливость, если не пустыня.. Является ко мнѣ какъ-то юноша изъ провинціальнаго города.

*) Требникъ. Москва 1900 г. Печатано по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Л. 35—36.

— На счетъ лекціи... Деньги очень ужъ нужны... На хорошее дѣло...

Отвѣтъ для меня простъ и легокъ:

— Не разрѣшатъ, вѣдь...

Но юноша оказался съ планомъ.

— По половому вопросу,— говоритъ...

Отдѣлаться мнѣ еще легче: никакого отношенія къ этому вопросу не имѣю... Говорю это съ сердцемъ. Но я знаю, что это дѣйствительно самый вѣрный по нынѣшнимъ временамъ способъ собрать публику и тѣмъ болѣе собрать деньги. При этомъ, пожалуй, даже не важно, кто читаетъ, лишь бы по половому вопросу. Публику собираетъ не лекторъ и даже не его отношеніе къ предмету, а самая тема... Невѣдомый доселѣ г. Омельченко, читая одинъ и тотъ же рефератъ о «Санинѣ», сдѣлался извѣстнымъ лекторомъ: его возятъ изъ города въ городъ. Выпущенный въ видѣ брошюрки, тотъ же рефератъ черезъ мѣсяцъ потребовалъ второго изданія. Вышла уже вторая брошюра того же автора: «Санинъ, какъ вопросъ нашего времени». Появился цѣлый рядъ другихъ брошюръ на туже тему,—и книгопродавцы держатъ ихъ на окнѣ и на прилавкѣ. А еще говорятъ, что самый видъ брошюры публикѣ послѣ 1905—1906 гг. опротивѣлъ, что она даже смотрѣть на тоненькую книжку не хочетъ...

Читаетъ лекціи г. Пильскій, читаетъ лекціи г. Арабажинъ, читаетъ лекція г. Поссе,—и у всѣхъ масса публика. Въ Москвѣ на лекцію ветеринарнаго врача Майстраха о Санинѣ ворвалась трехтысячная толпа, съ которой никакъ нельзя было справиться.

— Мы санящы!—слышалось изъ публики въ отвѣтъ на обращенныя къ ней увѣщанія.

Лекцію пришлось читать дважды: утромъ и вечеромъ... Г-ну Поссе, который находился когда-то въ первыхъ рядахъ русскихъ марксистовъ, а теперь, въ качествѣ синдикалиста, за неимѣніемъ лучшаго, идетъ «во главѣ русскаго кооперативнаго движенія», пришла даже геніальная мысль: по тремъ струнамъ ударить сразу. Аккордъ получился восхитительный: юбилей Толстого, половой вопросъ и кооперація... Въ результатѣ такое предложеніе: въ честь Толстого отказаться отъ половыхъ сношеній за деньги, каковыя и обратить на развитіе кооперативнаго дѣла *). Хорошо еще, что Толстовское звено изъ этой цѣпи выпало, а то нѣтъ ничего мудренаго, что на чествованіи великаго писателя оказался бы въ концѣ концовъ налетъ полового вопроса...

Повѣтріе какое-то... Этого и нужно было ждать,—говорятъ резонеры, умѣющіе все объяснить и даже найти для всего подходящія историческія аналогіи. Послѣ великой французской революціи — развратныя времена директоріи; послѣ революціи 1848 г.—

*) См. „Тружениикъ“, № 6 и „Современное Слово“, № 152.

развратная вторая имперія; тѣмъ большій развратъ долженъ начаться послѣ нашей, особенно неудачной, революціи.

Подумаешь и въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ же людямъ жить въ эту ненастную пору? И главное: чѣмъ жить молодежи, когда нѣтъ яркаго солнца? Если бы это была ночь, то хоть звѣзды, можетъ быть, были бы видны,—хотя онѣ манили бы въ высь, хотя онѣ говорили бы о небѣ. Но это даже не ночь, а какой-то непроглядный туманъ, какая-то невылазная слякоть...

Е. Н. Трубецкой можетъ, конечно, жить надеждою, что октябристы въ концѣ концовъ оросятъ все-таки русскую землю «мелкимъ дождемъ скромныхъ, но полезныхъ начинаній». У П. Н. Милюкова есть дѣло—самое новое дѣло: беречь Столыпина; у его фракціи тоже есть дѣло, постарѣе: беречь Думу; и у партіи его есть дѣло, правда, совсѣмъ старое: беречь съѣзды и другія культурныя начинанія.. Ну, а иные прочіе, которые?.. Молодежь, напримѣръ, которая не можетъ «беречь», а должна добывать и тратить? Вѣдь въ этомъ жизнь, вѣдь это необходимое условіе развитія и даже просто-на-просто роста...

Помню, однажды сплошное ненастье захватило рожь, которая начала уже колоситься. Вышли мы какъ-то съ знакомымъ крестьяниномъ въ поле.

— Что это у васъ тутъ посѣяно?—спрашиваю я его.

— Да вишь ты... Хорошее зерно сѣяли, и всходы были хорошіе... Думали, съ хлѣбомъ будемъ, а вонъ, вѣдь, что уродилось... Бабамъ-повитухамъ теперь на долго этого добра хватитъ...

Ядовитый грибокъ поразилъ всю полосу: вмѣсто зеренъ черные рожки торчали изъ колосьевъ. Ждали хлѣба, спорынья уродилась...

Не то же ли самое происходитъ теперь съ молодежью, которую захватило ненастье?

— Кровью полита вся земля, хорошимъ зерномъ засѣяна.. И всходы, казалось, были хорошіе, а вонъ, вѣдь, что уродилось.. Гинекологамъ да сифилидологамъ работа...

Подумать только, что въ современной русской жизни нѣтъ болѣе серьезнаго вопроса, чѣмъ половой, и нѣтъ ни къ чему болѣе сильнаго интереса, какъ къ половымъ эксцессамъ... Прямо жутко становится, когда только представишь себѣ, что это, быть можетъ, цѣлая жизненная полоса, которую пережить придется. Не за себя, не за своихъ близкихъ только, а за весь народъ страшно...

На мякинномъ хлѣбѣ онъ, можно сказать, выросъ... Съ лебедой и сосновой корой давно свыкся... Хлѣбъ съ землей и глиной тоже ему не въ диковинку... Камень то и дѣло давали ему вмѣсто хлѣба... Теперь еще спорыньей кормить станутъ... Вынесетъ ли?

А если и вынесетъ, то не скоро во всякомъ случаѣ оправится. Уродившаяся въ такомъ изобиліи ядовитая примѣсь отравитъ, вѣдь, пищу многихъ поколѣній...

А иной разъ кажется, что никакой такой полосы нѣтъ и быть ея не можетъ. Просто-на-просто публика около пустого мѣста столпилась, и передъ нами что-то въ родѣ уличной сценки, о которой, помню, любилъ я слушать разсказы въ дѣтствѣ.

Остановился москвичъ, поднялъ голову кверху и смотритъ. Около него остановился другой, третій... и вотъ уже цѣлая толпа собралась. Всѣ стоятъ, задравши голову кверху, а въ чемъ дѣло—никто толкомъ не знаетъ. Одни говорятъ: «акробатъ на шарѣ полетѣлъ»... Другіе: «знаменіе было»... Пока, наконецъ, первый изъ остановившихся не сплюнулъ:

— Вздумалось,—говоритъ,—воронъ сосчитать... Вижу: одна пролетѣла, другая... А третьей до сихъ поръ нѣтъ... Должно, въ Москвѣ ихъ не такъ, чтобы очень много...

Такъ и тутъ. Всегда были люди, которые въ грязи купались, но только благодѣтельное начальство ихъ отъ толпы заслоняло: чтобы соблазну какого не вышло. Теперь тѣ же самые люди на виду оказались. Смотрятъ прохожіе: Кузминъ и Потемкинъ въ грязи копошатся, а Оедоръ Сологубъ то совсѣмъ нырнетъ, то на половину вылѣзетъ и даже видъ такой сдѣлаетъ, что эта одна, дескать, символика: «тихіе мальчики»—и все тутъ. Остановились одни посмотрѣть, другіе, третьи... А тѣ и рады: въ славу вошли—и ну извиваться. Постепенно вся публика сгрудилась къ этому мѣсту. Нашлись охотники и сами въ грязи искупаться. Одни думаютъ: не здѣсь ли бьется пульсъ общественности?.. Другіе: не въ этомъ ли заключается смыслъ жизни?.. Третьи: не цѣлебный ли это источникъ?.. Не зря же въ самомъ дѣлѣ собралась такая масса народу...

Возможно это. Не слѣдуетъ забывать, что явленіе происходитъ въ опустошенной средѣ. «Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече». Одни устали, другіе извѣрились,—не въ цѣляхъ, но въ средствахъ. Многіе чувствуютъ, что такъ жить нельзя и многіе предчувствуютъ, что гдѣ-то что-то должно начаться. Но гдѣ? Не тутъ ли?

Имѣются и объективные признаки, заставляющіе думать, что не столько съ увлеченіемъ приходится въ данномъ случаѣ считаться, сколько съ любопытствомъ. Взять хотя бы «молодую литературу». Ее бойко раскупаютъ и усердно читаютъ. Но какъ? Есть, конечно, читатели, которые при каждомъ словѣ съ пафосомъ восклицаютъ:

— Ахъ какая прелесть!.. Какой глубокій смыслъ!..

Но въ чемъ прелесть, какой смыслъ,—до сихъ поръ никто толкомъ объяснить не можетъ... Другіе задумчиво повторяютъ:

— Есть что-то такое... новое, оригинальное...

Но что такое,—неизвѣстно: не то форма, не то содержаніе; не то черезъ-чуръ откровенная натура, не то черезъ-чуръ сокровенная символика; не то нарочито исковерканный языкъ, не то невольное, быть можетъ, «отсутствіе всякаго присутствія»... Я беру

наиболѣе часто встрѣчающіеся признаки «молодости», но ни одинъ, вѣдь, изъ нихъ не является обязательнымъ. Въ сущности до сихъ поръ не извѣстно, почему получился этотъ пестрый клубокъ, что именно всѣхъ «молодыхъ» объединяетъ. Безцеремонное ли отношеніе къ читателю, въ которомъ «старый» писатель искалъ друга, или безцеремонное отношеніе къ литературѣ, которая для «стараго» писателя была святыней? Пестрые ли альманахи, которые бойко торгуютъ и хорошо платятъ, или игорные клубы, которые тоже бойко торгуютъ и еще лучше обираютъ?.. Можетъ быть, что-нибудь и есть такое... новое, оригинальное... «Навозну кучу разрывая, пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно». Можетъ быть, и въ этомъ мусорѣ брилліанты потомъ окажутся. Но во всякомъ случаѣ это не алмазныя розсыпи...

Третьи читаютъ,—и все разобраться не могутъ... Есть въ людяхъ такая психологическая черточка: смотрятъ съ отвращеніемъ или ужасомъ,—и все-таки смотрятъ. Помню, какъ-то одну даму еле оттащилъ я отъ раздавленнаго поѣздомъ. Тотчасъ же въ обморокъ упала, а между тѣмъ все время лѣзла впередъ, къ изуродованному донельзя трупу. Такъ и тутъ: не то гадко, не то занятно, а оторваться трудно...

Скорѣе, однако, гадко... Я упомянулъ о лекціяхъ по половому вопросу, которыми увлекается публика. Надо сказать, что въ большинствѣ своемъ къ «санинству» и къ «молодости» лекторы относятся отрицательно,—но публика внимательно все-таки слушаетъ и усердно апплодируетъ. Очевидно, кумира изъ «Санина» она себѣ не сотворила. Двойственное и притомъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное отношеніе публики къ «молодымъ» еще нагляднѣе сказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами лицедѣйствуютъ передъ нею. Лично я ни разу не могъ преодолѣть себя, чтобы посмотрѣть на нихъ даже по обязанности, какъ читаю, напримѣръ, «Новое Время». Сошлюсь поэтому на рецензентовъ.

Въ концѣ января состоялся въ Петербургѣ «вечеръ молодой поэзіи и музыки». Приведу нѣсколько выдержекъ изъ отчета о немъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», газеты, какъ извѣстно, безъ особыхъ предубѣжденій. Самый отчетъ, можно сказать, составленъ въ «молодомъ» стилѣ. Подписанъ: «Изъ молодыхъ».

Малый залъ консерваторіи. Постарѣвшая за недолгій срокъ сѣро-бѣлая лѣпка.

Много публики... Тѣсно...

Молодежь и молодое искусство—не одно и то же, но вмѣстѣ... *Аплодисменты и смѣхъ*... Но по порядку...

Музыка. Публика больше смотритъ на заглавія романсовъ, отмѣчая знакомыя имена.

. . . . . .

Сочиненіе покойнаго Покровскаго, стихи К. Бальмонта,—поетъ артистъ Павловъ... *Публика принимаетъ холодно.* Лѣпка стала выпуклѣй.

Еще музыка. Однозвучные тона переходятъ не ломаясь. Плывутъ знакомыя слова. *Въ публику не уходятъ.*

. . . . . .

Фейныя сказки Бальмонта. Наивно, дѣтски трогательно читаетъ г-жа Саратовская. Чуется воздухъ, тающій замыселъ. Публика улыбается, аплодируетъ.

„Клеопатра" Блока. Хорошо читаетъ г. Таировъ. Сила, страстность могутъ взять объединить залъ. „Открытъ паноптикумъ печальный". Потомъ *Чуждыя мысли* о Руси, цезарѣ, красотѣ. *Онѣ не укладываются въ головѣ.* Но дальше... Понятъ ли конецъ? Объ.. „исторгавшей прежде громы, а нынѣ—у пьянаго поэта слезы, у пьяной проститутки—смѣхъ"...

Блока вызываютъ, онъ выходитъ.

В. Веригина... Изящное, знакомое съ эстрады чтеніе. Изысканные, сладкіе до приторности стихи Кузмина. *Эпоха манерной любви чужда залъ. Она ее не понимаетъ* и права.

Тотъ же Таировъ.. „Стрибогъ" Городецкаго. Артиста встрѣчаютъ аплодисментами. *Между авторомъ и публикой отношеніе иное. Его не поняли...* Кого и за что умчалъ „проклятый валъ?"

. . . . . .

Устраивалъ вечеръ „кружокъ молодыхъ". *Уходили неудовлетворенные, но веселые...* *)

Я подчеркнулъ слова: «Аплодисменты и смѣхъ», «Публика принимаетъ холодно», «Слова въ публику не уходятъ», «Чуждыя мысли», «Онѣ не укладываются въ головѣ», «Эпоха манерной любви чужда залѣ», «Она ее не понимаетъ», «Между авторомъ и публикой отношеніе иное, его не поняли», «Уходили неудовлетворенные, но веселые»... Нельзя сказать, чтобы отношенія между «молодой поэзіей» и молодой публикой были прямыя и близкія. По меньшей мѣрѣ есть какая то неясность. Повидимому, дѣйствительно «молодежь и молодое искусство—не одно и то же», хотя мы и видимъ ихъ «вмѣстѣ»...

Возьму другой вечеръ, на которомъ выступали не артисты уже, а сами «литераторы» (заключаю послѣднее слово въ ковычки, такъ какъ безъ нихъ прилагать его къ нѣкоторымъ изъ «молодыхъ» было бы совершенно очевидной профанаціей). Я имѣю въ виду «Вечеръ искусства», устроенный въ концѣ апрѣля въ залѣ Павловой. Вотъ какъ онъ описанъ въ газетѣ.

„Вечеръ искусства" привлекъ массу публики самаго разнообразнаго состава,—были офицеры, писатели, молодежь. Концертъ начался съ „Куранговъ любви" М. А. Кузмина (Весна, Лѣто, Осень, Зима) съ музыкой автора. Постановка въ стилѣ 30-хъ гг. и новыя декораціи и костюмы представляли довольно эффектное зрѣлище, къ *самому же произведенію публика отнеслась съ обоюдоострой насмѣшливостью.*

Гораздо большій успѣхъ имѣло второе отдѣленіе концерта, cabaret artistique. На сценѣ кабачекъ, гдѣ за столиками распиваютъ пиво и закусываютъ поэты, которые поочередно подходятъ къ рампѣ и читаютъ стихи. Ѳ. Сологубъ, впервые выступивъ на эстрадѣ, прочелъ свое извѣстное стихо-

*) Изъ молодыхъ „Поваторы... въ консерваторіи". „Биржевыя Вѣдомости", 1 февраля.

твореніе „Нюренбергскій палачъ". Читали далѣе гг. Потемкинъ (изъ „Смѣтной любви"), И. Рукавишниковъ, М. Волошинъ, М. Кузминъ („Не знаю какъ это случилось" изъ книги „Сѣти"), А. Ремизовъ, А. Блокъ и В. Щеголева (мелодекламація).

Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю И. Рукавишникова, *чтеніе же г. Кузмина и Потемкина, на ряду съ аплодисментами, вызвало и дружный смѣхъ.*

Безпрерывный смѣхъ стоялъ и во время исполненія парижскихъ пѣсенокъ г-жей Кананновой, которая, несмотря на это, *мужественно вышла пѣть второй разъ* *)

И для этого, дѣйствительно, нужно было имѣть мужество.

— Просто удивляюсь,—говорилъ мнѣ одинъ знакомый, бывшій на «Вечерѣ»:—публика явно насмѣхается, одни шикаютъ, другіе аплодируютъ, но, знаете, такъ, какъ фиглярамъ... А тѣ—ничего, выходятъ, читаютъ...

— Смѣшливость какая-то напала,—говорилъ другой.—Не знаю, возрастъ что-ли мой такой, но только смѣху настоящаго у меня давно уже не было. Но тутъ отъ души посмѣялся, вдосталь... Сзади меня чета какая-то сидѣла,—такъ хохотала, такъ хохотала...

— Прямо гадость,—разсказывалъ третій.—Амура въ «Курантахъ любви» игралъ взрослый мужчина чуть-ли не въ одной коротенькой рубашечкѣ... Потомъ этотъ же самый амуръ въ томъ же самомъ костюмѣ зачѣмъ-то въ артистическомъ кабачкѣ около Кузмина оказался, пиво черезъ соломинку пилъ... И, знаете, какъ голубь съ голубкой иногда: возьмутъ соломинку въ ротъ и тянутъ другъ у друга. Такъ вотъ Кузминъ здѣсь же на публикѣ съ этимъ самымъ амуромъ такъ же началъ амуриться...

Такимъ образомъ и на этомъ вечерѣ отношеніе публики къ «молодой литературѣ» оказалось, по меньшей мѣрѣ, двойственное... Вѣроятно, были и такіе зрители, которые въ серьезъ аплодировали:

— Ахъ, какая прелесть!.. Какой глубокій смыслъ...

Но значительная часть залы никакой прелести, повидимому, не ощутила и никакого смысла не замѣтила. Не то гадко, не то занятно,—и только. Между тѣмъ, люди зачѣмъ-то пришли, толпой привалили. Отъ нечего дѣлать, должно быть. Не въ этомъ ли разгадка всего теченія? Пришли, потолкались, «добродушно» посмѣялись, сплюнули,—и разошлись такіе же «неудовлетворенные», какъ пришли... Не къ этому ли сводится все движеніе?

Не то же ли самое происходитъ и въ глубинѣ? Я не помню какъ разъяснился вопросъ объ орловскомъ «союзѣ умерщвленія духа и возрожденія плоти». Можетъ быть, никакихъ «огарковъ» въ дѣйствительности не оказалось, или было что-нибудь далеко не столь выпуклое и по существу, быть можетъ, достаточно невинное. Но крайней мѣрѣ, относительно другихъ «лигъ» и «союзовъ» какъ

*) „Рѣчь", 25 апрѣля. Курсивъ мой

будто все еще остаются сомнѣнія: дѣйствительно ли они существуютъ? не праздная ли это выдумка? и даже не злостная ли?

Возьмемъ хотя бы минскую «лигу свободной любви». Разоблаченія о ней появились въ мѣстной газетѣ «Окраина» и притомъ не безымянныя, а въ видѣ письма опредѣленнаго и, вѣроятно, извѣстнаго на мѣстѣ лица—поручика Горталова. «Уже болѣе недѣли,—говорилось въ этомъ письмѣ,—какъ образовалась въ нашемъ городѣ «лига свободной любви». Перечисливъ (подъ иниціалами, для мѣстныхъ людей, вѣроятно, достаточно прозрачными) нѣкоторыхъ изъ участниковъ лиги, авторъ и свое благородство отмѣтилъ, хотя, къ слову сказать, благородство мундирное. «Мнѣ,—писалъ онъ,—носящему офицерскій мундиръ, крайне прискорбно, что во главѣ этой шайки стоитъ мой товарищъ по оружію». Газета уже отъ себя сообщила и всѣ подробности относительно «лиги»: и уставъ ея опубликовала, и девизъ привела, и всю организацію описала... Однимъ словомъ, на этотъ разъ фактъ былъ совершенно точно констатированъ и детально описанъ...

Чуть не на всѣхъ газетныхъ колокольняхъ немедленно въ набатъ ударили. Гулъ о минской «лигѣ свободной любви» пронесся по всей Россіи,—и немедленно точно такая же «лига» оказалась въ Екатеринославѣ, Воронежѣ, Николаевѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ. Поговорить было о чемъ.

> Но главное вотъ что,—писало „Новое Время". — Какимъ образомъ эти *тайныя* общества гимназистовъ и гимназистокъ существуютъ и осуществляютъ свою программу? Вѣдь, есть родители, есть педагоги, есть директора и директрисы гимназій, наконецъ, есть губернаторы, а у губернаторовъ полиція. Не можетъ же быть, что весь этотъ почтенный сонмъ взрослыхъ и болѣе или менѣе просвѣщенныхъ людей не считаетъ своей обязанностью препятствовать этимъ не политическимъ тайнымъ обществамъ и этимъ публичнымъ домамъ, учреждаемымъ воспитанниками и воспитанницами гимназій *).

Вопросъ былъ поставленъ прямо: Ликторы! гдѣ ваши пучки розогъ?.. Или въ переводѣ на русскій языкъ: генералъ-губернаторы! гдѣ же ваши полномочія? нельзя-ли *ихъ* по этому случаю нагайками?.. Между тѣмъ въ другой минской газетѣ—въ «Минскомъ Словѣ»—появилось иное письмо поручика Горталова. «Сообщаю,—писалъ онъ,—что никакого письма въ редакцію газеты «Окраина» я не посылалъ. Обвинять упомянутыхъ въ немъ личностей въ принадлежности ихъ къ лигѣ я не имѣю никакихъ основаній. Мною сдѣлано заявленіе прокурорскому надзору для привлеченія редактора газеты «Окраина» къ законной отвѣтственности за помѣщеніе подложнаго письма...» **)

Такимъ образомъ фактъ былъ удостовѣренъ, но, какъ оказалось лжесвидѣтелемъ... Я вовсе не хочу сказать, что минскую исторію

*) «Новое Время» 11 апрѣля.

**) «Минское Слово», 10 апрѣля.

слѣдуетъ теперь считать разъясненною. Несомнѣнно, что въ ней остается много неяснаго. Въ частности, уже въ томъ, что приведено мною, сквозитъ элементъ злостности: не зря же, въ самомъ дѣлѣ, поручикъ Герталовъ бросился сразу къ прокурору... Впрочемъ, къ «мичской исторіи» я еще вернусь. Сейчасъ же для меня достаточно одного: сомнѣнія, какъ сказалъ я, остаются...

Приведу другой фактъ, повидимому, болѣе добродушный. Въ серединѣ зимы въ Петербургскомъ университетѣ появились какъ-то одно за другимъ два объявленія: «Къ одинокимъ». Приводить ихъ цѣликомъ было бы слишкомъ обременительно. Приведу въ выдержкахъ:

Реакціонна всякая толпа. Реакціонна толпа студенческая... Но мы обращаемся къ опредѣленной личности.

Мы хотимъ создать общество, которое не будетъ замкнуто въ себѣ опредѣленной задачей, но *будетъ жить только цѣлью своею сегодняшняго дня*. Цѣль будетъ обусловлена положеніемъ каждаго, пришедшаго ко мнѣ сегодня въ силу извѣстныхъ его обстоятельствъ.

— Кто онъ, придетъ ли завтра и увижу-ли когда - нибудь его — этого я не знаю. Мнѣ это не нужно. Онъ хочетъ видѣть людей, знать мысли ихъ, слушать голоса, пѣсни, музыку...

... Мы будемъ случайны и неожиданны здѣсь въ явленіи своемъ, ибо явленіе наше не создано необходимою закономѣрностью общепринятаго порядка. И человѣкъ становится здѣсь для меня прекрасной загадкой, ибо на порогѣ моей комнаты оставилъ онъ имя, знаніе свое и всѣ ярлыки, опредѣляющіе его положеніе въ обществѣ и говорящіе о міровоззрѣніи его...

Гдѣ же наибольшая радость и наслажденіе мое, какъ не въ извѣстной таинственности вѣчно творящей души, создающей неожиданно новыя формы, являющей случайно причастіе къ тайникамъ и святости души моей *).

Если сказать коротко, то приходи всякій желающій и заявляйся «творчествомъ». Многіе такъ и поняли,— гдѣ бы болѣе, что на счетъ «творчества» авторы призыва« къ одинокимъ» высказали понятія своеобразныя. «Самоубійство, пьянство, развратъ и аскетизмъ, — говорятъ они, — являются иногда творческимъ проявленіемъ одинокодуховной личности, — на творческое же начало кто можетъ поднять руку?..»

Въ объявленіи былъ указанъ и адресъ, куда должна идти «опредѣленная личность». Потянулись «одинокіе»... Газеты немедленно, конечно, заинтересовались ихъ клубомъ и начали строить всякія предположенія. Домъ свободнаго творчества — да это просто-напросто домъ терпимости, но только погрязнѣе... Хозяина эксплоататора тоже нѣтъ, но и онъ, быть можетъ, окажется... Но черезъ нѣсколько дней тѣ же газеты сообщили, что никакого клуба одинокихъ не оказалось. Тѣ, которые пошли по данному въ объявленіи адресу, не нашли ни квартиры, ни дома. Повидимому, всѣ эти призывы были своего рода шуткой на модную тему.

*) Цитирую по „Биржевымъ Вѣдомостямъ" отъ 7 февраля.

Я не рѣшусь, опять-таки, утверждать, что клубъ «одинокихъ» въ концѣ-концовъ не устроился. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Свободныхъ Мыслей» въ отдѣлѣ «Календарь писателя» упоминается о какомъ-то «образовавшемся недавно и ужъ вызвавшемъ извѣстный интересъ кружкѣ одинокихъ» *). Правда, положиться на это извѣстіе тоже нельзя: извѣстно, вѣдь, что «врутъ всѣ календари», а «Календарь» «Свободныхъ Мыслей»—въ особенности. Крайне характерно во всякомъ случаѣ, что свѣдѣнія о «кружкѣ одинокихъ» оказались въ «Календарѣ писателя», который имѣетъ характеръ рекламы, какъ бы спеціально ведущейся въ интересахъ «молодыхъ литераторовъ». Безъ участія послѣднихъ дѣло, очевидно, не обошлось. Судя же по свѣдѣніямъ, какія сообщаютъ «Свободныя Мысли» о «кружкѣ одинокихъ»—это чисто «литераторское» и чуть ли даже не издательское предпріятіе. Но это уже нѣчто иное, чѣмъ обѣщалъ призывъ и думали газеты... Такимъ образомъ мы опять оказались на поверхности, около Ѳедора Сологуба и Андрея Бѣлаго... Имѣется ли такое же теченіе въ глубинѣ и не оттуда ли идетъ это теченіе,—мы такъ и не знаемъ. Во всякомъ случаѣ остаются сомнѣнія...

Возьму еще одинъ случай... Недавно въ газеты проникли свѣдѣнія о кіевской «Дорефѣ». Послѣдняя была описана со всѣми подробностями: и какъ возникла, и какъ развивалась. Это не то, что въ Минскѣ, гдѣ «лига свободной любви» образовалась «уже болѣе недѣли»,—въ Кіевѣ она просуществовала цѣлыхъ два года. Вошлѣ, можно сказать, укоренилась,—и никакой, хотя бы подложный, поручикъ ея не замѣтилъ. Потомъ сразу все вскрылось.

Сейчасъ „Дорефа" насчитываетъ 80 членовъ, имѣетъ 5 квартиръ, на которыхъ производитъ свои „сеансы" и на лѣто сняла еще шестую.

Собранія свои „Дорефа" обставляетъ, понятно, чрезвычайной таинственностью.

„Вошедшимъ сюда нѣтъ выхода" - гласитъ надпись на дверяхъ квартиръ.

Тѣмъ не менѣе извѣстно, что всѣ собранія происходятъ по одной и той же программѣ: сначала идетъ пьянство, затѣмъ—„свободная любовь".

Самое страшное и возмутительное въ гнусной дѣятельности „Дорефы"—что члены ея не довольствуются собственнымъ паденіемъ, а ведутъ широкую пропаганду среди товарищей учащихся и усиленно занимаются вербовкой новыхъ адептовъ. Пропаганду и вербовку ведутъ и дѣвушки.

Ихъ главные аргументы: брякъ устарѣлъ, половое влеченье естественно и законно, цѣломудріе—предразсудокъ и т. д. Въ доказательство „дорефистки" ссылаются на Бельгію, гдѣ насчитывается-де всего 5 проц. цѣломудренныхъ дѣвушекъ.

И съ грустью приходится отмѣтить, что эта пропаганда встрѣчаетъ откликъ, имѣетъ успѣхъ: неустойчивыя молодыя головы поддаются соблазнительнымъ доказательствамъ и, какъ мотыльки въ темную ночь, летятъ на огонь, гдѣ ихъ ждетъ гибель **).

*) „Свободныя Мысли", 28 апрѣля.

**) „Биржевыя Вѣдомости", 30 апрѣля.

Мнѣ кажется, стоитъ только прочитать это описаніе, чтобы понять, какъ много въ него привнесено уже фантазіи. Собранія обставляются «чрезвычайною таинственностью»,—и въ тоже время «надпись на дверяхъ квартиръ»... Самая надпись тоже хороша! Но еще, быть можетъ, лучше «широкая пропаганда» со ссылками на Бельгію... Не отголоски ли это какого-нибудь спора на одной изъ вечеринокъ?.. Споры на эти темы всегда бывали, и теперь они, вѣроятно, особенно горячи и часты. Но отъ этого, вѣдь, еще далеко до «факта»,—до «пяти квартиръ и одной дачи»... «Кружкомъ,—телеграфировалъ потомъ корреспондентъ той же газеты,—заинтересовалась администрація. Полиція производитъ розыски квартиръ, гдѣ происходятъ кружковыя оргіи, но пока тщетно». Можетъ быть, и отъ кіевскаго губернатора послѣдуетъ потомъ такое же «опроверженіе», какое послѣдовало отъ екатеринославскаго, который заявилъ, что никакой лиги въ Екатеринославѣ не существуетъ и что самыя свѣдѣнія о ней появились «изъ источниковъ болѣе, чѣмъ недостовѣрныхъ»...

Читателямъ, быть можетъ, покажется, что я черезчуръ уже далеко зашелъ по линіи сомнѣній... Не будемъ, однако, забывать, что рѣчь идетъ о такихъ вещахъ, о такихъ отношеніяхъ, которыя издавна являются любимымъ объектомъ сплетни. «Чрезвычайная таинственность», которою обставляются эти отношенія, какъ бы подстрекаетъ фантазію, предоставляя ей въ тоже время возможность работать безъ всякой помѣхи. Создать легенду о какой-нибудь лигѣ, несомнѣнно, легче, чѣмъ ее опровергнуть. Пущенный о ней слухъ будетъ самъ собою нарастать, но попробуйте-ка его отъ этихъ наслоеній очистить. И тѣ чудовищные слухи, которыми переполнена сейчасъ общественная атмосфера, не являются ли въ значительной своей части плодами разстроеннаго и напуганнаго воображенія?

— Въ пятомъ классѣ уже ни одной невинной гимназистки не осталось... У насъ—говорятъ онѣ—за позоръ считаютъ, если которая этого еще не испытала...

Такъ судачатъ досужія кумушки и перешептываются встревоженныя маменьки. Если ихъ послушать, то чуть ли не во всѣхъ квартирахъ разыгрались уже «сцены на чёновалѣ» изъ «Пробужденія весны» Ведекинда,—со всѣми проистекающими изъ нихъ послѣдствіями...

Послѣдствія огарковъ.—пишетъ Екатеринбургскій корреспондентъ „Новаго Времени“,—скоро обнаружились и послѣдствія самыя печальныя. Гимназистка четвертаго класса, 14 лѣтъ, разрѣшилась отъ бремени и находится при смерти; двухъ гимназистокъ четвертаго и шестого класса исключили за неодобрительное поведеніе, а на самомъ дѣлѣ за беременность; остальные огарковцы, хотя и посѣщаютъ классы, но имъ не до ученія.

Дальше идутъ обобщенія и муссировка полицейскаго свойства.

Въ седьмомъ классѣ реальнаго училища изъ 36 учениковъ половина за плохими отмѣтками и большимъ пропускомъ уроковъ должна была выйти изъ училища, намѣреваясь держать экзамены экстернами, надѣясь, что ихъ пропустятъ, а иначе грозятся расчитаться съ учителями. Въ мужской гимназіи дѣла обстоятъ не лучше *).

Гдѣ на половину, а гдѣ и сплошь,—и такъ чуть ли не въ каждомъ городѣ... Но вотъ въ Кіевѣ, какъ только появились слухи относительно «Дорефы», тотчасъ же 300 учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ опубликовали протестъ, въ которомъ пишутъ: «Мы считаемъ необходимымъ громогласно заявить, что господа лигисты ничего общаго съ идейными теченіями въ средѣ учащейся молодежи не имѣютъ. Если незначительная часть учащихся покатилась по наклонной плоскости разврата и пьянства, то въ этомъ нужно видѣть результатъ дѣйствій всего современнаго уклада общественной и школьной жизни. Мы призываемъ товарищей всѣми силами бороться противъ идейныхъ шулеровъ, осмѣливающихся прикрывать свои грязныя дѣянія какой-бы то ни было идеологіей». Къ этому протесту продолжаютъ присоединяться новые десятки учащихся **)... Существуетъ ли «Дорефа» или нѣтъ,—а сомнѣнія на этотъ счетъ, какъ мы видѣли, все-таки остаются,—во всякомъ случаѣ среди самой молодежи она встрѣтила достаточно единодушный отпоръ,—и этотъ отпоръ будетъ, конечно, подѣйствительнѣе тѣхъ мѣръ, какія могутъ принять губернаторы и даже педагоги.. Гдѣ же основанія говорить, что молодежь захвачена вся или хотя бы на половину?

«Гимназистка четвертаго класса, 14 лѣтъ, разрѣшилась отъ бремени и находится при смерти; двухъ гимназистокъ четвертаго и шестого класса исключили за неодобрительное поведеніе, а на самомъ дѣлѣ за беременность»... Это уже нѣчто реальное... Если бы только эти свѣдѣнія появились не въ «Новомъ Времени», которое, какъ извѣстно, съ истиной не церемонится!.. Давно ли, напримѣръ, оно, даже не моргнувъ, предложило своимъ читателямъ—въ формѣ корреспонденціи изъ Екатеринослава—извѣстіе, что бывшаго депутата Караваева «на самомъ дѣлѣ» убили соціалъ-демократы... И если бы объ Екатеринбургскихъ гимназисткахъ писалъ не корреспондентъ, которому онѣ нужны были лишь для того, чтобы обосновать доносъ на какого-то книгопродавца, который, «благодаря услужливымъ друзьямъ, ускользнулъ отъ кары, успѣвъ вынести изъ магазина предосудительную литературу» ***).

Но и независимо отъ этого... Припоминается мнѣ одинъ случай, связанный съ тѣмъ же Ураломъ и чуть ли даже не съ Екатерин-

*) „Новое Время", 2 мая.
**) „Кіевскія Вѣсти", 27 апрѣля и 2 мая.
***) „Новое Время", 2 мая.

бургомъ. Во время русско-японской войны четыре сестры милосердія, отправленныхъ однимъ изъ мѣстныхъ отдѣленій Кр. Креста на театръ военныхъ дѣйствій, были удалены оттуда за «развратное поведеніе». Съ позоромъ ихъ прогнали изъ Манчжуріи, съ позоромъ везли черезъ Сибирь, съ позоромъ встрѣтили и водворили на мѣстѣ. Здѣсь имъ устроили не жизнь, а каторгу... Помимо того, что имъ пришлось перенести въ общинѣ, онѣ сдѣлались басней въ городѣ, имъ нельзя было показаться на улицѣ: взрослые показывали на нихъ пальцами, мальчишки выкрикивали имъ въ лицо всякія непотребныя прозвища... Читателямъ не трудно, я думаю, представить, что должны были пережить сестры. Послѣ долгихъ хлопотъ имъ удалось наконецъ добиться, чтобы ихъ освидѣтельствовали. Онѣ оказались дѣвственницами...

Всѣ знаютъ, что проституток въ Манчжурію цѣлыми вагонами и чуть ли не на казенный счетъ вывозили, всѣ знаютъ, какихъ «краль» туда подъ флагомъ Краснаго Креста иной разъ транспортировали... Манчжурская нравственность не высоко стояла. Достаточно вспомнить хотя бы обличительныя проповѣди мѣстнаго епископа, проскользнувшія тогда же въ печать, не смотря на двойную цензуру. И начальство оказалось тогда не на сторонѣ епископа. Не до того ему было, чтобы хотя декорацію нравственности поддерживать,—а дальше, вѣдь, никогда и не шли его попеченія. А тутъ,—извольте видѣть,—какую зоркость оно обнаружило и какое рвеніе проявило... И обязатель обрадовался: вотъ она, язва-то, которая разъѣдаетъ доблестную армію... Не такой же ли характеръ имѣетъ и теперешняя Екатеринбургская исторія?..

Но допустимъ, что 14-лѣтняя гимназистка дѣйствительно «разрѣшилась отъ бремени». Больше того: допустимъ, что это завязная блудница...

Тутъ книжники и фарисеи привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣяніи, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята въ прелюбодѣяніи; а Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями: Ты что скажешь?.. Онъ, восклонившись, сказалъ: кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень *).

О! люди безъ грѣха среди современныхъ книжниковъ и фарисеевъ имѣется. «Новое Время» усерднѣе всѣхъ побиваетъ камнями молодежь, «взятую въ прелюбодѣяніи», оно неусыпнѣе всѣхъ блюдетъ за общественною нравственностью. Это то самое «Новое Время», которое занимается профессіональнымъ сводничествомъ, которое изо дня въ день печатаетъ объявленія въ родѣ слѣдующихъ:

Одинокая барышня проситъ добр. госп. выр. 5 руб. могу позировать. 20 почт. отд. кв. „Нов. Вр." 100.357.

Молодая барышня жел. сопровождать одинокаго въ отъѣздъ...

*) Іоанн. Гл. 8., стих. 3—4 и 7

Барышню молод., инт., симп., чуждую предразсудк., приглашаетъ инт. восп., скучающій въ одиноч. молод. госп. на дачу въ провинц.

Интеллиг. милов. веселая особа ищ. мѣста по хозяйству къ один. солидн. господ. согл. въ отъѣздъ...

Брюнетка 18 л. симп., образов. безъ прошл. жел. вступ. въ зак. или гражд. бракъ съ инт. порядочн. госп. со средств.

50 руб. въ мѣсяцъ пред. молодой интел. особѣ, обязат. присл. фот. карт...

Pied-a-terre сдаются двѣ комнаты у одинокой дамы, ходъ безъ швейц...

Эти примѣры взяты изъ номеровъ послѣдняго времени. Раньше объявленія имѣли еще болѣе откровенный характеръ. Газета предлагала, напримѣръ, француженокъ, изучившихъ всѣ тайны парижской любви; предлагала красавцевъ восточнаго происхожденія и страстнаго темперамента; предлагала дѣвушекъ, еще не потерявшихъ невинность... Дѣло дошло, вѣдь, до того, что возопили матери изъ числа читательницъ самого «Нов. Врем.»; нельзя держать газету въ домѣ,—боязно, какъ бы не заглянули въ нее дѣти. Эти вопли дошли до полиціи, которая и выполняетъ теперь роль «вышибалы» въ содержимомъ г. Суворинымъ «домѣ» *). Лишь такимъ путемъ удалось придать ему терпимый видъ... Да! «Новое Время»—безъ грѣха и потому можетъ со спокойною совѣстью побивать грѣшную молодежь камнями.

Не лишне будетъ напомнить, что не въ первый уже разъ сыплются на молодежь камни съ этой стороны, не первый уже разъ пуристы въ родѣ «Новаго Времени» предъявляютъ къ ней огульное обвиненіе въ развращенности. Не то-же ли самое, что теперь, происходило въ 60-хъ и 70-хъ годахъ? Вѣдь точно такія же исторіи разсказывали про «нигилистовъ». Правда, тогда не было модныхъ теперь «лигъ» и «союзовъ», но «сеансы» и «оргіи» описывались не менѣе картинно. Каждая курсистка была «дѣвкой» въ изображеніи тогдашнихъ охранителей. Чуть не все поколѣніе объявлялось испорченнымъ,—то самое поколѣніе, которое выдвинуло изъ своей среды дѣятелей кристальной чистоты, удивительныхъ по своей беззавѣтности идеалистовъ...

Тогдашнія инсинуаціи имѣли политическую подкладку. «Устои»—«семья, религія, собственность»—заколебались, нужно было подтянуть тѣхъ, кто «потрясаетъ основы». Ну, а теперь... Нѣтъ ли и теперь какой-либо связи между сплетнями, какія распускаются про молодежь, съ одной стороны, и «самодержавіемъ, православіемъ и народностью»—съ другой?

Я сказалъ, что придется еще вернуться къ минской исторіи. Мнѣ не извѣстно, что за госпожа состоитъ «редакторшей «Окраины», которая помѣстила подложное письмо поручика Горталова. Можетъ быть, это только номинальная редакторша. Не слѣдуетъ во всякомъ

*) Газета ведетъ и всякія другія посредническія операціи, напримѣръ: по заключенію сдѣлокъ между дающими взятки и берущими ихъ, по продажѣ дворянскаго званія, всякаго рода титуловъ и т. д.

случаѣ упускать изъ виду, что «Окраина» —органъ минскихъ союзниковъ. Газеты въ свое время сообщали, что редактировать ее приглашенъ бывшій минскій депутатъ Шмитъ послѣ того, какъ онъ былъ изгнанъ изъ Думы... И вотъ эта-то газета встала на стражѣ минской нравственности. Что же удивительнаго, что кампанія противъ молодежи началась съ подлога?!

Таковъ источникъ минской исторіи. Но эта исторія имѣла и свои послѣдствія. Педагоги на призывъ «Новаго Времени» откликнулись и мѣры предпринимать уже начали.

На-дняхъ,—сообщаетъ Минскій корреспондентъ „Слова“,—прибылъ сюда попечитель виленскаго учебнаго округа. Цѣль его пріѣзда заключалась въ принятіи мѣръ противъ „лиги свободной любви“, существованіе которой было раскрыто газетами. Какъ и слѣдовало ожидать, учебное начальство не могло придумать лучшихъ способовъ отвлеченія учащейся молодежи отъ лиги, какъ репрессіи. И вотъ совѣщаніе начальниковъ учебныхъ заведеній пришло къ выводу о необходимости увеличить требованія по отношенію къ учащимся какъ на урокахъ, такъ и на предстоящихъ экзаменахъ. Затѣмъ было постановлено возстановить внѣшкольный надзоръ за учащимися и къ этому дѣлу привлечь всѣхъ преподавателей. Первымъ шагомъ къ этой дѣятельности было воспрещеніе учащимся посѣщать театръ, вечера и другія мѣста развлеченій безъ разрѣшенія и непремѣнно въ сопровожденіи взрослыхъ. Ученицамъ воспрещено гулять по улицамъ позже семи часовъ вечера.

Кромѣ того, нѣкоторымъ родителямъ, дѣти которыхъ заподозрѣны въ участіи въ лигѣ, предложено взять своихъ дѣтей изъ учебныхъ заведеній. Наряду съ этимъ увеличивается штатъ педелей въ учебныхъ заведеніяхъ. Настроеніе учащейся молодежи подъ вліяніемъ всего этого чрезвычайно тяжелое и угнетенное.

Еще болѣе острыми послѣдствіями сказалась полтавская исторія. Помимо учебнаго начальства, которое усилило надзоръ за учащимися, тамъ вмѣшалась и полиція. Она произвела рядъ обысковъ и арестовъ среди учащихся, заподозрѣнныхъ въ участіи въ пресловутой лигѣ. «Подозрѣнія,—сообщаетъ теперь корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»,—какъ и слѣдовало ожидать, оказались неосновательными, всѣ арестованные освобождены... Теперь съ увѣренностью можемъ сказать, что вся исторія съ лигой сильно раздута». Буквально тоже самое повторилось и въ Воронежѣ...

Имѣются ли «лигисты» и много ли ихъ,—неизвѣстно, но всю молодежь по этому случаю, очевидно, «подтянутъ»...

Когда сообразишь все это, то невольно приходитъ въ голову мысль: не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ грандіозной сплетней, распространяемой одними по легкомыслію и муссируемой другими съ предвзятою цѣлью? И не слѣдуетъ ли просто-на-просто эту сплетню съ презрѣніемъ отбросить?!

Порою кажется одно, иной разъ—другое... Шатку, какъ видятъ читатели, не трудно перегнуть и въ ту, и въ другую сторону.

Можно вообразить, что загнила вся жизнь, но можно думать, что все явленіе ограничивается кое-какой плѣсенью на поверхности...

Мнѣ кажется, было бы неправильно усвоить и ту, и другую точку зрѣнія. Явленіе, которое насъ интересуетъ, не такъ грозно, чтобы приходить отъ него въ ужасъ, но и не такъ безобидно, чтобы отдѣлываться отъ него добродушной усмѣшкой. Явленіе это мѣстное, но въ немъ, несомнѣнно, есть нѣчто болѣзненное и мучительное...

Задача публицистики — вскрыть этотъ лоснящійся нарывъ. Не бѣда, если ткани, прикрывающія скопившійся въ немъ гной, придется разрѣзать...

II.

Въ послѣднее время книги нерѣдко конфискуются заразъ по двумъ статьямъ: по 129-й и 1001-й. Не знаю, какъ читатели воспринимаютъ эти извѣстія, но во мнѣ лично каждое изъ нихъ отзывается своеобразною болью.

129-я статья уголовнаго уложенія,—это «наша» статья. Пользуясь ею, насъ преслѣдуютъ, какъ писателей и редакторовъ, какъ пропагандистовъ и агитаторовъ, за распространеніе сочиненій и сужденій, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя.

А 1001-я статья уложенія о наказаніяхъ—это «ихъ» статья. Она предусматриваетъ распространеніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью развращеніе нравовъ, и соблазнительныхъ изображеній, явно противныхъ нравственности и благопристойности.

Всѣ такъ и знали: 129 ст. — ну, значитъ, за революцію: 1001-я — это за порнографію. Первая изъ нихъ фигурировала очень часто, вторая сравнительно рѣдко, и это было, конечно, понятно. «Намъ» вообще оказываютъ несравненно больше вниманія, чѣмъ «имъ»... Взять хотя бы промыселъ, которымъ занимается «Новое Время». Виновный въ сводничествѣ для непотребства, согласно 524 ст. уголовнаго уложенія, подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ если же онъ занимается сводничествомъ въ видѣ промысла, то заключенію въ исправительномъ домѣ. Но эта статья даже не введена въ дѣйствіе. За то «наши» статьи давно работаютъ... Онѣ поистрепались даже, и ихъ уже во многомъ подновили, отчасти закономъ, а главное сенатскимъ толкованіемъ.

Точно также понятно и то, что по 129 ст. полагается каторга до 8 лѣтъ, а по 1001-й ст. —денежное взысканіе не свыше 500 руб. или арестъ на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ... Одна кара —«нашей» литературѣ, и другая—«ихней». «Насъ» всегда преслѣдовали съ остервенѣніемъ, «ихъ»—изрѣдка и только изъ приличія.

И вотъ обѣ эти статьи начинаютъ примѣняться вмѣстѣ... Неужели у «часъ» съ «ними» оказалось что-нибудь общее? Одна мысль объ этомъ представляется мучительной.

Мнѣ кажется, однако, что это—недоразумѣніе, и оно, вѣроятно, скоро разъяснится. Но пока не лишне все-таки присмотрѣться, на какой почвѣ оно возникло...

Хозяиномъ «артистическаго кабачка» на «Вечерѣ искусства» былъ г. Евгеній Аничковъ,—«извѣстный историкъ искусства и литературы». Я лично увидалъ г. Аничкова въ первый разъ на «писательскихъ ужинахъ». Во времена Плеве это было единственное выпуклое мѣсто петербургской общественной жизни,—все остальное было придавлено. Г. Аничковъ явился сюда прямо изъ Парижа, гдѣ онъ читалъ лекціи въ «Вольной Высшей Русской Школѣ». Послѣднія тоже стремилась сдѣлаться своего рода «пупомъ», но изъ этого, какъ извѣстно, ничего не вышло.

На «ужинахъ» г. Аничковъ сразу же заявилъ себя очень рѣзкими, хотя и не совсѣмъ внятными рѣчами. Нѣсколько позднѣе онъ выступилъ въ качествѣ «освобожденца». Помню, на одномъ юбилейномъ—тоже писательскомъ—обѣдѣ онъ еще провозгласилъ тостъ за «Петра Бернара съ его фамиліей». Тостъ былъ громкій и опять-таки не совсѣмъ внятный. Нѣкоторые даже сразу его не поняли, а когда имъ его разъяснили, то удивились:

— Почему же прямо было не назвать Петра Бернардовича Струве?..

Надо сказать, что г. Струве многимъ тогда казался вторымъ Герценомъ, а его «Освобожденіе» представлялось достаточно выпуклымъ явленіемъ... Вскорѣ послѣ того г. Аничкову и пострадать пришлось за провозъ освободительской литературы черезъ финляндскую границу. Сколько г. Аничкову пришлось тогда просидѣть въ узахъ,—я не знаю. Помнится, его судили и приговорили... Возможно, что это было первое примѣненіе одной изъ «нашихъ» статей новаго уголовнаго уложенія.

Въ концѣ 1905 г. г. Аничковъ принималъ участіе во «Всероссійскомъ крестьянскомъ союзѣ». Читатели, конечно, помнятъ, что крестьянскій союзъ въ ту пору былъ одной изъ самыхъ видныхъ организацій... За участіе въ крестьянскомъ союзѣ г. Аничкова нынѣшней зимой судили и приговорили къ 1½ годамъ крѣпости... Этотъ срокъ ему еще придется отсиживать.

Между тѣмъ онъ «помолодѣть» успѣлъ. Въ послѣднее время онъ выступаетъ въ качествѣ истолкователя «молодого искусства» и «молодой литературы». Свои объясненія г. Аничковъ, какъ и всегда, даетъ громко, но и на этотъ разъ, повидимому, не совсѣмъ внятно. Для примѣра приведу два заключительныхъ тезиса лекціи, прочитанной имъ нынѣшней зимой въ московскомъ «Художествен-

номъ Кружкѣ». Современное русское искусство, по объясненію г. Аничкова, имѣетъ «свой ликъ и свою личину»:

«Личина смрадомъ своимъ сердитъ и срамитъ содрогающееся сердце».

«Ликъ лобзаніемъ любви ласкаетъ и лелѣетъ на лонѣ ликованія и надежды».

Уже въ самой формулировкѣ этихъ тезисовъ видна «молодость»: всѣ слова въ томъ и другомъ изъ нихъ начинаются съ одной и той же буквы,—лишь по одному слову оставлено въ видѣ исключенія. И въ содержаніи тезисовъ чувствуется «молодость»: глубокій смыслъ ихъ понять, по меньшей мѣрѣ, трудно...

На «Вечерѣ искусства» г. Аничковъ выступилъ не только въ качествѣ истолкователя, но и въ качествѣ лицедѣя. Я не знаю только, изображалъ ли онъ, въ данномъ случаѣ «ликъ» современнаго искусства или его «личину».

Впечатлѣніе же получается такое: человѣкъ, дважды осужденный по «нашимъ» статьямъ, оказался вмѣстѣ съ «ними». Дѣятель освобожденія хозяйничаетъ въ артистическомъ кабачкѣ, въ которомъ «амурятся» г.г. Кузминъ Потемкинъ и иные прочіе...

Такихъ г.г. Аничковыхъ не мало, вѣроятно, найдется и въ глубинѣ, и на поверхности. Въ серьезъ считать ихъ какими-либо дѣятелями, конечно, нельзя. Это просто люди, имѣющіе пристрастіе къ выпуклому мѣсту. Если г. Струве на пупѣ находится,—они около него сгрудятся; если г. Кузминъ въ центрѣ окажется, то они къ нему соберутся. Даже если бомбу на видномъ мѣстѣ положить, то и около нея они, пожалуй, вертѣться будутъ,—правда, съ оглядкой, и съ опаской, но нѣтъ ничего мудренаго,что эта бомба, разорвавшись, и изъ нихъ кое-кого уложитъ. Страсть къ видному мѣсту такъ велика, что они могутъ оказаться мучениками.—на висѣлицѣ даже могутъ очутиться; но они, пожалуй, также легко и также невзначай и объектами «молодого искусства» могутъ сдѣлаться.

Быстро передвинувшись съ одного пупа на другой, эти люди явились на новое мѣсто въ тѣхъ самыхъ костюмахъ, въ какихъ они на прежнемъ лицедѣйствовали. «Лиги» и «союзы», «тайныя сообщества...» «Пропаганда и агитація...» «Лозунги» и даже «идеологія...» Все—до самой послѣдней мелочи—перетащили сюда изъ освободительнаго лагеря.

Въ дѣйствительности никакой идеологіи и даже никакихъ ссылокъ на Бельгію на новомъ мѣстѣ, конечно, не требуется. Нужно въ сущности одно: скидывай всю одежду, какая есть, и кувыркайся...

Между тѣмъ, поводъ для недоразумѣній уже созданъ. «Революціонный психозъ,—пишетъ «Новое Время»,—смѣнился половымъ. Вмѣсто патетическихъ картинъ изъ области «репрессіи» стали печатать исключительно порнографію...» *). Въ провинціальныхъ

*) Новое Время", 22 апрѣля.

книжныхъ магазинахъ «ни одной серьезной книги не найдете, часто даже самыхъ необходимыхъ учебниковъ, а порнографической и освободительной трухи сколько угодно, торгуютъ ею бойко...» *). Очевидно, это все тѣ же революціонеры. Они же печатаютъ, они же распространяютъ, они же покупаютъ... А ну-ка ихъ!..

И начальство ввели въ это недоразумѣніе... Губернаторы и градоначальники бросились теперь разыскивать «тайныя сообщества», производятъ обыски, аресты... Даже на коммерческихъ людей страхъ навели,—и тѣ думаютъ, что «Санина» продавать такъ же опасно, какъ и «Тактику уличнаго боя». Нѣтъ ничего мудренаго, что сгоряча не только 129, но и 126 ст. къ «лигамъ свободной любви» примѣнятъ...

Недоразумѣніе въ сущности происходитъ такое же, какъ и въ водевиляхъ съ переодѣваньемъ... Но, когда маскарадные костюмы сами спадутъ или при содѣйствіи администраціи ихъ снимутъ, то «они» «своихъ», конечно, сейчасъ же узнаютъ.

Кромѣ водевиля, разыгрывается подчасъ и болѣе серьезная а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе отвѣтственная комедія... Выше я упомянулъ о юношѣ искавшемъ лектора «по половому вопросу» для того, чтобы получить деньги, нужныя для хорошаго дѣла. Ему, быть можетъ, даже въ голову не пришло, что, привлекая общественное вниманіе къ «половому вопросу», онъ тѣмъ самымъ отвлекаетъ его отъ «хорошаго дѣла», которому онъ служитъ...

Юношѣ это, пожалуй, простительно... Но и взрослые люди готовы подчасъ принять участіе въ той же комедіи. Тоже деньги нужны... Нужны онѣ, напримѣръ, чтобы помочь семьямъ осужденныхъ депутатовъ,—и въ ходъ пускается «молодое искусство». Публика идетъ смотрѣть на это «искусство» тоже съ благою цѣлью—изъ-за желанія помочь пострадавшимъ за народное дѣло. Въ иной формѣ отдать свой полтинникъ или рубль она, видите ли, не можетъ... Бѣды особой, конечно, въ этомъ нѣтъ: «добродушно» посмѣются,—и все тутъ. Не всѣ, однако, подсмѣиваются, нѣкоторые, повидимому, и въ серьезъ это «искусство» принимаютъ. Какъ бы то ни было, въ результатѣ получается нѣкоторое явленіе: какъ будто «наши» въ артистическомъ кабачкѣ лицедѣйствуютъ, и «наши» же ихъ въ этомъ занятіи поощряютъ...

Съ благотворительною цѣлью... Я предупредилъ читателей, что лоснящійся нарывъ рѣзать придется, и я знаю, что сейчасъ мною затронуты очень чувствительныя ткани. Съ эпизодами этого рода не въ первый уже разъ приходится встрѣчаться публицистикѣ. Цѣлый рядъ ихъ встаетъ въ моей памяти въ связи, напримѣръ, съ голодомъ. И каждый разъ мнѣ хочется крикнуть: благотвори-

---

*) „Новое Время", 2 мая.

тели! не засоряйте народную ниву плевелами,—иначе, вѣдь, не одному, а цѣлому ряду поколѣній голодать придется...

И въ данномъ случаѣ напомнить о плевелахъ, примѣшиваемыхъ къ нашему житу, мнѣ кажется, не лишне.

Теперь самое время для „Санина"—пишетъ г. Александръ Россовъ.—Это своего рода „прокламація", пущенная съ цѣлью проясненія „классоваго самосознанія". Буржуазная интеллигенція, освобожденная отъ чуждой ей демократической морали и всѣхъ условій совмѣстной съ народной интеллигенціей дѣятельности, сразу же почувствовала и оцѣнила Санина. Признала въ немъ своего героя, свою философію и религію жизни...

„Вотъ когда пришелъ настоящій Чумазый. Ранѣе онъ былъ грубъ и неряшливъ и только жадно накапливалъ богатство. Теперь онъ накопилъ, и ему захотѣлось отдохнуть, „пожить въ свое удовольствіе". Онъ купилъ себѣ красоту искусства и очарованіе музыки. Но ему этого показалось мало. Были области, куда его не пускали. Это - литература и философія морали. Тогда онъ купилъ за деньги талантъ поэтовъ и ихъ критиковъ, и поэты начали воспѣвать его пороки и возводить ихъ въ перлъ моральнаго совершенства" *).

Выходитъ какъ будто такъ, что во всемъ виноватъ Чумазый... Не забудемъ, однако, что «Санинъ» былъ напечатанъ, — что эта «буржуазная прокламація» была «пущена»—журналомъ, на обложкѣ котораго стояло когда-то «для юношества», потомъ «для самообразованія», а теперь чуть-чуть не печатается «для соціалъ-демократіи». Вотъ вѣдь гдѣ начали «изгибаться горячіе, веселые жеребцы» и «волноваться молодыя, красивыя кобылы», вотъ откуда пошла смутившая молодые умы философія... Не такъ это все просто, чтобы можно было отдѣлаться, какъ думаетъ г. Россовъ, однимъ словомъ: «куплено».

Я знаю, что съ классовой точки зрѣнія, при желаніи, многое объяснить и даже оправдать можно... Для кого, въ самомъ дѣлѣ, устраиваются «вечера искусства»? кто ихъ посѣщаетъ и кто за нихъ деньги платитъ? Кто покупаетъ «Санина»? — Буржуазное общество... — Ну, не бѣда, что потерпитъ буржуй. Сама судьба, вѣдь, предопредѣлила, что буржуазія до мозга костей должна развратиться. Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ... на пролетарское дѣло.

Едва ли, однако, для послѣдняго отъ этой шерсти можетъ быть какая польза. Скорѣе наоборотъ: одна лишь зараза...

Въ томъ же «Современномъ Мірѣ», гдѣ появился «Санинъ», г.. Іорданскій пишетъ теперь о «Трагедіи дѣтской души»,—души, «мягкой, какъ воскъ, и свѣжей, какъ утренняя роса»... Казалось бы можно и должно было предусмотрѣть эту трагедію.

Во всякомъ случаѣ теперь, когда она уже вырисовалась, больше, чѣмъ когда-либо, требуется съ «нашей» стороны ригоризма. Пусть даже тѣни этого недоразумѣнія не будетъ, что будто бы, идя съ «нами», можно прійти въ домъ терпимости.

*) „Русское Слово" 20 марта.

Тѣ, которые желаютъ туда идти, пусть идутъ съ «ними»,—съ г.г. Кузмиными и Каменскими, и пусть идутъ прямо къ г. Суворину...

Не все водевиль или комедія... Порою мнѣ кажется, что въ увлеченіи «молодымъ искусствомъ» во всѣхъ его развѣтвленіяхъ сквозитъ какая-то тоска, желаніе забыться, стремленіе заполнить чѣмъ нибудь пустоту, образовавшуюся въ душѣ и въ жизни. Не только среди публики, но и среди самыхъ лицедѣевъ «искусства», быть можетъ, имѣются люди, которые просто-на-просто себя одурманиваютъ. Больше того: въ этомъ увлеченіи мнѣ мерещится даже драма...

Драматизма въ современной жизни вообще очень много,—и при томъ драматизма какого-то особеннаго, удвоеннаго. Въ самомъ дѣлѣ: ужасно вѣдь не только то, что людей вѣшаютъ; еще ужаснѣе, что они сами, можно сказать, лѣзутъ въ петлю. Ужасно, что заключенныхъ въ тюрьмахъ цѣлыми десятками разстрѣливаютъ, но еще ужаснѣе, что они какъ будто нарочно эти разстрѣлы вызываютъ. Ужасно, что «поѣздъ», на которомъ ѣдетъ г. Столыпинъ давитъ всѣхъ, кто попадается ему на дорогѣ; но еще ужаснѣе, что люди сами бросаются подъ этотъ поѣздъ.

Мы переживемъ, можно сказать, эпоху самоубійствъ во всевозможныхъ ихъ видахъ. Кто учтетъ тѣ изъ нихъ, которыя совершены въ формѣ какой-нибудь совершенно безцѣльной экспропріаціи или какого нибудь явно безнадежнаго побѣга? О нихъ можно только догадываться. Но о числѣ самоубійствъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова мы имѣемъ кое-какія цифровыя свѣдѣнія. Пользуясь напечатанными въ «Практическомъ Врачѣ» и «Рулѣ» статьями Д. Н. Жбанкова, приведу собранныя имъ изъ московскихъ газетъ данныя по этому вопросу за минувшіе два слишкомъ года.

		Число самоубійствъ.
1905 годъ	сентябрь—декабрь	34.
1906 годъ	январь—апрѣль	214.
	май—августъ	100.
	сентябрь—декабрь	243.
1907 годъ	январь—апрѣль	359.
	май—августъ	623.
	сентябрь—декабрь	781.

Въ нынѣшнемъ году это явленіе несомнѣнно еще больше усилилось. Просмотрите хотя бы петербургскую хронику за послѣднее время: изо дня въ день отдѣлъ происшествій переполненъ случаями самоубійствъ и покушеній на нихъ. Бываетъ, что на одинъ день ихъ приходится больше десятка.

Данныя Д. Н. Жбанкова я сгруппировалъ по третямъ года: получилась въ высшей степени характерная кривая. Минимумъ самоубійствъ былъ зарегистрированъ газетами осенью 1905 г. и затѣмъ лѣтомъ 1906 г.,—въ періодъ первой Думы, когда въ ши-

рокихъ кругахъ публики вновь ожили мечты и возродились надежды, когда казалось, что волна начала подниматься снова. Послѣ того уже не было просвѣта: надъ страною какъ бы нависъ все сгущающійся мракъ смерти.

Далеко не у всѣхъ хватаетъ силъ пережить эту ночь, оставаясь на своемъ посту. Неустойчивыя натуры сами бросаются на встрѣчу смерти. Приведу одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Ярославлѣ.

На пристани,—разсказываетъ корреспондентъ „Ранняго Утра",—собралась многочисленная публика, ожидавшая прихода парохода. Пароходъ подошелъ, и въ этотъ моментъ на лѣстницѣ, ведущей съ набережной къ пароходу, два раза выстрѣлилъ въ себя какой-то человѣкъ и стремительно упалъ внизъ. Не успѣла къ нему подбѣжать многочисленная присутствовавшая публика, какъ неизвѣстный скончался. На видъ ему можно дать лѣтъ 30; на носовомъ платкѣ мѣтка Е. З. Въ карманѣ самоубійцы найдена записка слѣдующаго содержанія: „*Умираю потому, что люблю жизнь. Это вѣрный паралоксъ для политическихъ. Прошу въ смерти никого не винить*". Далѣе слѣдуетъ подпись: „*Никто*"... Говорятъ, что неизвѣстный принадлежалъ къ одной изъ революціонныхъ организацій...

«Умираю потому, что люблю жизнь». Это, быть можетъ, основной мотивъ всего явленія. Смерть же можно принять въ разномъ видѣ, да и самая смерть тоже бываетъ различная. Какъ я уже сказалъ, не всегда можно различить, кто принялъ смерть по своей винѣ и кто вопреки своему желанію. Трудно даже сказать: кто живъ и кто умеръ. Орловскіе «огарки» назвали свою лигу «союзомъ умиранія духа». И они оказались, если хотите, ближе къ истинѣ, чѣмъ, быть можетъ, сами думали. Дѣйствительно, вѣдь, это союзъ нравственныхъ самоубійцъ. Больше того: нѣтъ ничего мудренаго что среди нихъ были и сознательные самоубійцы.

Драматизма въ современной жизни, повторяю, черезъ-чуръ много. Порою мнѣ кажется, что среди «сапинцевъ» могутъ быть не только водевильные, но и подлинные революціонеры,—люди, которые съ облаковъ прямо въ грязь упали и, быть можетъ, даже сами въ нее прыгнули. Иначе, конечно, ихъ и нельзя назвать, какъ самоубійцами. Даже «парадоксъ» тотъ же самый получается,—парадоксъ неустойчивости. «Умираю потому, что люблю жить»... Иду ко «дну» потому, что люблю небо...

Но это «дно» не глубоко... Правда, и въ лужѣ утонуть можно. Кое-кто, конечно, и утонетъ,—на «днѣ» появятся новые «бывшіе люди». Но зато другіе очень быстро воспрянутъ: кто видѣлъ солнце, того барахтанье въ грязи увлечь не можетъ.

Бѣгло и даже грубо я отмѣтилъ нѣкоторыя изъ нитей, протянувшихся между «нами и «ими». Въ жизни эти нити переплелись самымъ прихотливымъ образомъ, и въ результатѣ получилась какъ-бы нѣкая ткань, прикрывшая гнойную язву, придавшая ей выпуклый,

и даже блестящій видъ. Не трудно, однако, прощупать, что подъ этою тканью находится и откуда все это прётъ.

Взять хотя бы г. Кузмина съ его «манерной любовью». Можно, конечно, недоумѣвать, какимъ образомъ публика принимаетъ его за «литератора». Но появленію его удивляться нечего. Достаточно, я думаю, было бы напомнить Эйленбурга, связанные съ именемъ котораго и наполненные всякими омерзительными подробностями процессы вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ приковываютъ къ себѣ общественное вниманіе Германіи. Впрочемъ, для того, чтобы найти источникъ вдохновенія г. Кузмина, незачѣмъ отправляться заграницу, ко двору германскаго императора. Эйленбурги и у насъ никогда не переводились.

Послѣ покойнаго И. Д. Путилина, бывшаго начальника петербургской сыскной полиціи,—сообщаютъ „Биржевыя Вѣдомости,"—сохранился въ бумагахъ черновикъ докладной записки, въ которой онъ излагаетъ результаты негласнаго слѣдствія объ обществѣ почтенныхъ гомосексуалистовъ, дѣятельность которыхъ приняла размѣры, угрожающіе общественной нравственности.

...Это было не то, чтобы общество съ какимъ-либо уставомъ, а вѣрнѣе—дружескій союзъ богатыхъ людей одинаковаго вкуса. Именовали они себя дядями и тетками, при чемъ тетки любили наряжаться въ женскія одежды и украшать себя кольцами, браслетами, ожерельями и даже сережками.

Въ средѣ этихъ людей было не мало титулованныхъ особъ, крупныхъ чиновниковъ, писателей, а затѣмъ услуживающаго имъ всякаго сброда. Денегъ они не жалѣли. Для вербовки лицъ для удовлетворенія своихъ наклонностей они ходили и сами, посылали и агентовъ.

...Завербованное и соблазненное лицо нерѣдко въ каретѣ съ завязанными глазами привозилось въ опредѣленный домъ, гдѣ передъ нимъ являлся нѣкій мужъ въ женскомъ одѣяніи или, наоборотъ, его приглашали переодѣться въ женское платье, и тогда его посѣщалъ дядя, а не тетка.

...Это все было въ Петербургѣ. Было подъ конецъ настолько нагло, что вслухъ называли рестораны, гдѣ въ отдѣльныхъ кабинетахъ пировали эти уроды *).

«Докладъ,—прибавляетъ газета былъ—принятъ градоначальникомъ, дѣло на томъ и кончилось». Теперь «уроды» стали еще наглѣе,—и все тутъ.

Откуда взялся Ѳедоръ Сологубъ съ его садизмомъ,—тоже догадаться не трудно.

Разстегни свои застежки, и завязки развяжи,
Тѣло, жаждущее боли, нестыдливо обнажи.
Опусти къ узорамъ темнымъ отуманенный твой взоръ,
Закраснѣйся, и засмѣйся, и ложися на коверъ.
Чтобы тѣло безъ помѣхи долго, долго истязать,
Надо руки, надо ноги крѣпко къ кольцамъ привязать.
Чтобы глупые сосѣди не пришли на насъ смотрѣть,
Надо окна занавѣсить, надо двери запереть.
Чтобы воплей не услышалъ ни добрякъ, ни лицемѣръ,
Надо плотно оградиться глухотой нѣмыхъ портьеръ.
(„Золотое Руно").

*) „Биржевыя Вѣдомости", 25 апрѣля.

Чтобы найти источникъ этого вдохновенія вамъ опять-таки незачѣмъ ѣхать за-границу. Неужели вы уже забыли, что творилось въ рижскихъ застѣнкахъ? какіе вопли доносились оттуда даже сквозь запертыя двери? Неужели вамъ нужно напоминать, какимъ истязаніямъ Аврамовъ и Ждановъ подвергли Спиридонову? какъ они гасили о ея тѣло зажженныя папиросы? О! недостатка въ этомъ сладострастьѣ у насъ никогда не было, а теперь мы, несомнѣнно, міровой рекордъ побили...

Вы желаете знать, откуда появились Потемкинъ и Каменскій, у которыхъ «папироска курится» вызываетъ уже мысль: «хорошо бы поамуриться»? Вамъ незачѣмъ для этого отправляться на Парижскіе бульвары. Пройдитесь вечеромъ по Невскому или даже по-Большому проспекту, и этихъ шалопаевъ вы, сколько угодно, увидите...

Все это было, все это есть, и не скоро это исчезнетъ. Оно же и въ «лигахъ» съ «союзами», поскольку таковые не миѣ, теперь выпираетъ. Даже по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія о нихъ имѣются, не трудно въ этомъ убѣдиться.

Минскую «лигу свободной любви» организовалъ «офицеръ», которому теперь «пришлось, по приказанію начальства, въ 24 часа оставить Минскъ». Въ Кіевѣ «организаторами оргій называютъ взрослыхъ людей»... «Пять квартиръ и одна дача» тоже что-нибудь да значатъ: какъ будто это и не по карману рядовой молодежи, которая по общему правилу перебивается съ хлѣба на квасъ. Въ Одессѣ, какъ и въ Екатеринбургѣ, оказалась «14-лѣтняя» гимназистка, которую уже «убрали изъ гимназіи», при чемъ выяснилось, что въ одесскихъ гимназіяхъ имѣется цѣлый рядъ такихъ-же «огарковъ», хотя «лиги» не было, и просто-на-просто дѣйствовалъ персидскій консулъ и вмѣстѣ съ тѣмъ русскій патріотъ г. Зайченко, промышлявшій подъ защитой союза русскаго народа...

Вообще неизвѣстно еще, на что можетъ наткнуться полиція, если она вздумаетъ въ серьезъ производить розыски, а не такъ, какъ она производила ихъ, напримѣръ, въ Воронежѣ, гдѣ въ поискахъ за лигистами ею было арестовано до 40 учащихся и найдена... «нелегальная литература». Можетъ быть, и рвеніе ея тогда угаснетъ. Тотъ же г. Зайченко нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже привлекался за растлѣніе малолѣтнихъ, но такъ какъ и «на совѣсти другихъ, выше стоящихъ, было тоже не мало загубленныхъ дѣтскихъ душъ», то «персидскій консулъ нашелъ себѣ защиту». Все дѣло ограничилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ, какъ теперь минскій офицеръ, исчезнуть на нѣкоторое время. А потомъ вновь появился... И если кто въ настоящее время является объектомъ розысковъ и находится подъ угрозой административной расправы, то не г. Зайченко, а разоблачившій его дѣянія д-ръ Цѣновскій. Г. Зайченко же нашелъ себѣ защиту и внѣ Одессы: его взяло подъ свое покровительство

«Новое Время», такъ сильно обрушившееся, какъ мы видѣли, на Екатеринбургскихъ гимназистокъ *).

Вообще можно думать, что съ «санинцами» происходитъ нѣкоторое qui pro quo. Своя своихъ не познаша.

Я не рѣшился бы, однако, какъ это сдѣлалъ г. Россовъ, обвести все явленіе одною классовою чертою. Поскольку дѣло касается всяческаго рода извращеній, то они, конечно, идутъ главнымъ образомъ изъ центра, изъ среды богатыхъ и сильныхъ; не слѣдуетъ, однако, забывать, что всякихъ эксцессовъ и на периферіи происходитъ достаточно. Не рѣдки они и среди учащейся молодежи...

Демаркаціонная линія въ данномъ случаѣ между «нами» и «ими», по моему мнѣнію, иная,—не та, которая отдѣляетъ пролетарія отъ капиталиста, а та, которая отдѣляетъ человѣка отъ животнаго. И опасность, которая намъ угрожаетъ, не въ томъ только заключается, что «они» залѣзутъ глубже въ трудовые карманы, но и въ томъ, что «они» вовсе опустошатъ молодыя души.

Не въ томъ бѣда, что та или иная гимназистка «разрѣшится отъ бремени», а въ томъ, что юность гимназистки, когда въ ней формируется человѣкъ и просыпается животное, совпала съ эпохой, въ которой тонъ всей жизни задаетъ «торжествующая свинья», только что «правду слопавшая». «Они» занимаютъ, вѣдь, сейчасъ всю авансцену,—въ политикѣ и въ экономикѣ, въ литературѣ и въ школѣ. Подавивъ однихъ своей силой, они грозятъ развратить другихъ своей моралью... На этой послѣдней не лишне будетъ остановиться...

А. Пѣшехоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Безъ руля и безъ вѣтрилъ.

(Валерій Брюсовъ. „Пути и Перепутья". Собраніе стиховъ. Т. I. К—во „Скорпіонъ").

Не такъ давно школа нашихъ декадентскихъ или символистскихъ поэтовъ (она же школа «молодыхъ» поэтовъ) оффиціально провозгласила свою побѣду. Въ самомъ дѣлѣ, изъ гонимыхъ и всѣми осмѣиваемыхъ они превратились,—повидимому, неожиданно для самихъ себя,—во всѣми чтимыхъ, признанныхъ, для всѣхъ желанныхъ. Широко распахнули для нихъ объятія почти всѣ толстые журналы, тѣ самые (по крайней мѣрѣ, по названіямъ), которые 10—15 лѣтъ назадъ такъ единодушно отрицали декадентство,—журналы самые передовые, начиная съ кадетской «Русской Мысли» и кончая соціалъ-демократическими органами. Охотно стала печатать декадентскіе стихи на своихъ страницахъ даже «Нива»,

*) См. „Хронику внутренней жизни" въ предыдущей книгѣ «Р. Б.», гдѣ исторія дѣяній г. Зайченко была уже подробно разсказана.

та стыдливая, какъ мимоза, семьелюбивая «Нива», которая раньше была такъ осторожна по отношенію ко всякаго рода новшествамъ... Вожди русскаго декаданса, г.г. Бальмонтъ и Брюсовъ, то и дѣло провозглашаются теперь на страницахъ ежемѣсячной и ежедневной печати «большими» и «замѣчательными» поэтами, а г. Петръ Пильскій въ «Свободныхъ Мысляхъ», ничтоже сумняся, объявилъ Валерія Брюсова даже «величайшимъ поэтомъ нашей современности», какъ будто просто великихъ поэтовъ у насъ завелось даже нѣсколько...

Не менѣе, если не болѣе сказочное превращеніе произошло, по весьма любопытному свидѣтельству другого представителя современной критики, г. Евгенія Аничкова въ «Золотомъ Руно», съ отношеніемъ къ декадентской поэзіи—читающей публики: «Новымъ Тангейзерамъ, Бальмонту, Мережковскому, Валерію Брюсову, бросаютъ подъ ноги ковры и гирлянды цвѣтовъ, къ нимъ тянутся руки, и если,—какъ это случилось особенно съ Валеріемъ Брюсовымъ,—удастся нащупать матеріи ихъ одеждъ, приглядѣться, почти сродниться съ ними (?),—(наступаетъ) даже какое-то разочарованіе въ новыхъ поклонникахъ, что вотъ на Брюсовѣ простой черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, а не пунцовый, цвѣтъ ада. Хотѣлось бы, чтобы онъ былъ огневой».

Параллельно, приходится читать въ газетахъ послѣдняго времени, что на литературныхъ вечерахъ публика встрѣчаетъ бурными аплодисментами и чуть ли не овиціями г. Волынскаго, того самаго г. Волынскаго, автора «новой мозговой линіи», который пятнадцать лѣтъ назадъ сошелъ съ литературной сцены, изнемогши подъ бременемъ непобѣдимаго ничѣмъ равнодушія читателей...

Что же это? Измѣнилась такъ радикально русская публика, а съ нею и критика? Или секретъ заключается въ чемъ-либо другомъ? Не мѣшаетъ, въ самомъ дѣлѣ, вспомнить, что, напримѣръ, покойный Богдановичъ, редакторъ и критикъ «Міра Божьяго», въ теоріи сочувствовавшій символизму, родныхъ представителей его не терпѣлъ и третировалъ, какъ пигмеевъ и шутовъ поэзіи, и при немъ они не печатались на страницахъ этого журнала; то же слѣдуетъ сказать и про «Русскую Мысль» временъ Гольцева... Возможно, что и публика, привѣтствующая теперь г. Волынскаго и раскупающая книги декадентскихъ авторовъ,—совсѣмъ не та дореволюціонная публика, которая ихъ высмѣивала, и, въ такомъ случаѣ, ни о какой побѣдѣ, собственно, не можетъ быть рѣчи. Разная вѣдь есть теперь публика... Поправка эта кажется намъ нелишней, хотя все же остается характернымъ фактъ, что руководство современной журнальной критикой попало, въ большинствѣ случаевъ, въ руки людей, въ сферѣ художественныхъ вкусовъ мало имѣющихъ общаго съ критикой до-революціоннаго періода.

Какъ бы то ни было, ничего нѣтъ мудренаго, что сами «побѣдители», не отличавшіеся и раньше особой устойчивостью пси-

хики, нынѣ, окутанные чадомъ общей лести и поклоненія, окончательно потеряли голову и стали всячески куролесить. Успѣхъ особенно вскружилъ, повидимому, голову г. Бальмонту, который въ новѣйшихъ своихъ произведеніяхъ усерднѣе, чѣмъ когда-либо, разрабатываетъ старую, но вѣчно юную тему «въ огородѣ бузина, въ Кіевѣ дядько», и тщетно отыскиваешь въ нихъ даже ту чисто внѣшнюю виртуозность и музыкальность, которыми этотъ поэтъ справедливо когда-то славился. Видно, что, избалованный успѣхомъ, онъ пишетъ теперь, что называется, съ плеча, не давая себѣ труда даже просмотрѣть написанное...

Къ чести г. Валерія Брюсова, нужно сказать, что съ нимъ (и едва ли не съ нимъ однимъ) такой бѣды не случилось. Напротивъ, именно въ послѣднее время, когда г.г. Пильскіе, Ляцкіе, Аничковы и имъ подобные современные критики стали бросать ему «подъ ноги ковры и гирлянды цвѣтовъ», онъ, какъ будто, даже подтянулся, началъ вдумчивѣе и добросовѣстнѣе относиться къ своему дарованію, и если не окончательно порвалъ съ Валеріемъ Брюсовымъ былыхъ временъ, то... не трудно, въ концѣ концовъ, понять, кто и что сгубило его несомнѣнный поэтическій даръ.

Хотя г. Брюсовъ и считается въ числѣ вождей нашей «молодой поэзіи», но въ дѣйствительности, какъ извѣстно, онъ не такъ уже молодъ: не менѣе пятнадцати лѣтъ работаетъ онъ въ литературѣ... Вполнѣ естественно, что писатель, неглупый отъ природы и всѣ силы посвятивший трудолюбивому общенію съ книгами (между прочимъ, г. Брюсовъ успѣлъ заявить себя недурнымъ библіографомъ-пушкиніанцемъ), достигнувъ зрѣлаго возраста, долженъ былъ трезво взглянуть, наконецъ, на свои первоначальные стихотворные опыты, тѣ знаменитые опыты, относительно которыхъ, по собственному его признанію, критика 90 хъ годовъ упорно твердила одно, что она ихъ «не понимаетъ». Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, и понять людямъ въ здравомъ умѣ такіе художественные перлы, какъ всѣмъ памятное однострочное стихотвореніе «О, закрой свои блѣдныя ноги», или не менѣе замѣчательныя—«Тѣнь несозданныхъ созданій», «Золотистыя феи въ атласномъ саду» и т. п.

И г. Брюсовъ,—повторяемъ,—къ чести своей, уразумѣлъ это... Выпуская въ настоящее время I т. «Путей и Перепутій», онъ прежде всего откидываетъ упомянутыя скоморошескія пьесы, да прихватываетъ кстати и еще *семьдесятъ* стихотворныхъ грѣховъ юности... Точно такъ же не возстановляетъ онъ гордаго посвященія одной изъ первыхъ своихъ книжекъ—«Вѣчности и Искусству», а иностранныя заглавія сборниковъ «Chefs d'oevres и «Me eum esse» скромно, хотя и не совсѣмъ точно, переводитъ по-русски: «Юношескія Стихотворенія» и «Это я». Въ концѣ концовъ, прозрѣвшій поэтъ откровенно заявляетъ, что многое находитъ теперь въ своей юношеской поэзіи «наивнымъ и невѣрнымъ, многіе пріемы

творчества безсильными и неудачными»... «Если бы,—добавляетъ онъ,—захотѣлъ я выбрать изъ всего, напечатаннаго мною въ стихахъ за первыя десять лѣтъ литературной работы, только то, что теперь удовлетворяетъ мой художественный вкусъ, то мнѣ пришлось бы ограничиться небольшой книжкой въ 10—20 страницъ».

Быль молодцу, говоритъ пословица, не укоръ; тѣмъ не менѣе, думается, хорошо бы сдѣлалъ г. Брюсовъ, если бы послѣдовалъ мудрымъ внушеніямъ своего позднѣйшаго вкуса и не перепечатывалъ большей части юношескихъ стиховъ, составившихъ теперь I томъ «Путей и Перепутій»... Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ, найдя почему-то, что былъ бы «несправедливъ самъ къ себѣ». «Выбирая стихи для этой книги,—объясняетъ г. Брюсовъ,—я бралъ не только то, что мнѣ представлялось удачнымъ и сильнымъ, но и *все*, что характерно для моей ранней поэзіи». Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же, спрашивается, выкинуты: «О, закрой свои блѣдныя ноги», «золотистыя фен» и пр. и пр., *все то*, что и являлось въ глазахъ читателей наиболѣе характернымъ для молодого Валерія Брюсова? Очевидно, мы наталкиваемся здѣсь на границы того огрезвленія и просвѣтлѣнія, которыя, въ силу времени, произошли въ поэтѣ. Перестать «быть Валеріемъ Брюсовымъ» (желаніе, какъ-то выраженное имъ самимъ въ стихахъ) онъ, очевидно, не въ состояніи, почему не только преподноситъ теперь читателямъ ворохъ своихъ юношескихъ, «наивныхъ» и «безсильныхъ» твореній, но и благоудивляетъ еще нѣкоторыми новыми чудачествами во вкусѣ посвященія «Вѣчности и Искусству»: такова, напр., приложенная къ книгѣ «Библіографія». Безъ тѣни улыбки, серьезно и добросовѣстно, словно рѣчь идетъ о постороннемъ авторѣ крупнаго значенія, г. Брюсовъ обстоятельно указываетъ здѣсь, какія изъ его стихотвореній положены на музыку, какія переведены на иностранные языки (нѣмецкій, датскій, латышскій, чешскій), какія, наконецъ, критическія замѣтки, изъ «болѣе извѣстныхъ» (автору, или публикѣ?), посвящены въ родной литературѣ его юношескимъ твореніямъ...

Простимъ, однако, г. Брюсову это невинное, въ концѣ концовъ, чудачество,—объяснивъ его простой библіофильской слабостью,—и, съ своей стороны, серьезно разсмотримъ «собраніе стиховъ». Къ сожалѣнію, еще разъ приходится прежде всего констатировать, что большая часть стиховъ этого тома смѣло могла бы, съ огромной выгодой для автора, остаться навѣки похороненной въ старыхъ изданіяхъ «Скорпіона»,—такъ они ребячливы по содержанію, примитивны по формѣ, и такая лежитъ на нихъ убивающая печать скуки, этой могилы поэзіи!.. Вотъ образчики:

1.

Моя любовь—палящій полдень Явы.
Какъ сонъ разлитъ смертельный ароматъ,
Тамъ ящеры, зрачки прикрывъ, лежатъ,

Здѣсь по стволамъ свиваются удавы.
И ты вошла въ неумолимый садъ
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цвѣты дрожатъ, сильнѣе дышатъ травы,
Чаруетъ все, все выдыхаетъ ядъ.
Идемъ: я здѣсь! Мы будемъ наслаждаться,—
Играть, блуждать, въ вѣнкахъ изъ орхидей,
Тѣла сплетать, какъ пара жадныхъ змѣй!
День проскользнетъ. Глаза твои смежатся,
То будетъ смерть. И саваномъ ліанъ
Я обовью твой неподвижный станъ.

2.

И, когда меня ты убьешь,
Ты надѣнешь бѣлое платье,
И свѣчу у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.
И будемъ съ тобой мы одни
Среди безмолвія ночи;
Лишь будутъ змѣиться огни
И глядѣть мои тусклыя очи.
Потомъ загорится разсвѣтъ
И окна окраситъ кровью,—
И ты засмѣешься въ отвѣтъ
И прильнешь къ моему изголовью.

Такой чисто писарской риторики не оберешься въ книгѣ г. Валерія Брюсова. Но есть, правда, и менѣе зловѣщія темы. Вотъ, напр., меланхолическая «Весна»:

Бѣлая роза дышала на тонкомъ стеблѣ.
Дѣвушка вензель чертила на зимнемъ стеклѣ.
Голуби рѣяли смутно сквозь призрачный снѣгъ.
Грезы томили все утро предчувствіемъ нѣгъ.
Дѣвушка долго и долго ждала у окна.
Гдѣ-то за моремъ тогда расцвѣтала весна.
Вечеръ насталъ—и земное утѣшилось сномъ.
Дѣвушка плакала ночью въ тиши,—но о комъ?
Бѣлая роза увяла безъ слезъ въ эту ночь.
Голуби утромъ мелькнули—и кинулись прочь.

Безспорно, стихи, какъ стихи, красивы; но даютъ ли они читателю какое-либо отчетливое художественное впечатлѣніе? Ясенъ ли для него образъ этой дѣвушки, сначала чертившей на окнѣ чей-то вензель, а потомъ плакавшей ночью ...«но о комъ?» недоумѣло спрашиваетъ самъ авторъ. При чемъ здѣсь и эта «расцвѣтавшая гдѣ-то за моремъ весна», и эти «кинувшіеся прочь голуби» (чего они испугались?) и даже, наконецъ, бѣлая роза, «увядшая ночью безъ слезъ»? Вотъ что пишетъ, однако, по поводу этого стихотворенія г. Ляцкій, одинъ изъ руководящихъ критиковъ послѣ-революціонной эпохи, несомнѣнно имѣющій въ мозгу,—перефразируя безсмертное изреченіе г. Волынскаго, — новую художественную линію...

Какая прозрачная по своимъ очертаніямъ, глубокая по чувству и человѣчески-ясная пьеса! Сколько здѣсь грусти и нѣжности и мимолетности, сколько поэзіи въ этомъ послѣднемъ сочетаніи символовъ, теперь оставившихъ (?) дѣвушку, чтобъ прозвучать послѣднимъ аккордомъ надъ завершившейся драмой жизни. И все здѣсь такъ обычно—и томящаяся дѣвушка, и бѣлая роза, и голуби, рѣявшіе сквозь призрачный снѣгъ,—и всему дана новая красота. И хочется сказать объ этомъ стихотвореніи его же словами: „всѣ предметы старой прозы волшебствомъ озарены". Въ этомъ смыслѣ Брюсова, какъ истиннаго поэта, и можно назвать волхвомъ: онъ владѣетъ даромъ превращать дѣйствительность въ красоту.

Гдѣ-то за моремъ тогда расцвѣтала весна.

(„Соврем. Міръ", 1908, мартъ).

Такъ чувствуютъ и пишутъ краснорѣчивые критики современности. На нашъ же старомодный вкусъ, даже въ смыслѣ формы стиха, г. Брюсовъ перваго періода стоитъ ниже всякой критики. Онъ, напримѣръ, считаетъ рифмами такія сомнительныя созвучія, какъ «платье» и «на кровати», «Антихристъ» и «утихнетъ», «скромный» и «напомнимъ», «смутный» и «минуты», «зари» и «Маріи», «деревья» и «видѣнья» и т. д., и т. д. Въ стихотвореніи «Мыши», написанномъ для дѣтей и попавшемъ уже во многія хрестоматіи, говорится:

Въ нашемъ домѣ мыши поселились
И живутъ, живутъ!
Къ намъ привыкли, ходятъ, расхрабрились,
Видны тамъ и тутъ.
. . . . . .
Свалятъ банку, слѣдъ оставятъ въ тѣстѣ,
Ихъ проказъ не счесть...
Но такъ мило знать, что *съ нами вмѣстѣ*
Жизнь другая есть.

«Съ нами вмѣстѣ»—очевидно, вмѣсто «бокъ о бокъ съ нами»... Эта непростительная порча русскаго языка, впрочемъ, систематически практикуется современными поэтами и поощряется захваливающей ихъ критикой!

Есть, однако, у г. Брюсова цѣлый рядъ пьесъ, которыя и несомнѣнно красивы по формѣ, и, какъ будто, глубоки и оригинальны по содержанію; но, увы! при ближайшемъ ознакомленіи видишь, что это простыя подражанія иностраннымъ образцамъ... Такъ, «Ассаргадонъ», не что иное, какъ явный для всякаго перепѣвъ знаменитаго «Озимандіи» Шелли, «Чудовища»—навѣяны Бодлеромъ и пр. Подобно г. Бальмонту, съ особенной щедростью черпаетъ г. Брюсовъ золото поэзіи въ совершенно неизвѣстныхъ русской публикѣ и критикѣ источникахъ—въ датской и шведской литературахъ.

Мы уже подчеркивали достойную, впрочемъ, всякаго уваженія любовь г. Валерія Брюсова къ книгѣ, и нужно сказать, что на весьма значительномъ количествѣ стихотвореній его лежитъ ясный

отпечатокъ чисто-книжнаго вдохновенія... Поэтъ, какъбудто, перелистываетъ многотомную «Всеобщую Исторію» Вебера, отмѣчаетъ въ ней имена выдающихся дѣятелей политики и культуры и, проходя по всѣмъ періодамъ историческаго развитія, пишетъ, точно по заказу, по поводу каждаго изъ нихъ особое стихотвореніе. И вотъ получаются «Любимцы вѣковъ»: Ассаргадонъ, Скиѳы, Халдейскій пастухъ, Рамсесъ, Александръ Великій, Старый Викингъ, Данте, Донъ-Жуанъ, Баязетъ, Марія Стюартъ, Наполеонъ и т. д., и т. д.. — стихотворенія, не лишенныя мѣстами красивыхъ образовъ и отдѣльныхъ громкихъ строфъ, но въ общемъ—утомительныя и скучныя...

Отмѣченными печатью дѣйствительнаго поэтическаго вдохновенія и нѣкоторой оригинальности мы, по совѣсти, назвали бы въ I т. «Путей и Перепутій» не болѣе полдесятка пьесокъ: «Въ дни запустѣній», «Сказаніе о разбойникѣ», «Къ портрету Лейбница», нѣсколько тирадъ изъ поэмы «Замкнутые», «Осужденная жрица» (послѣдняя пьеса испорчена безвкуснымъ стихомъ «Я наблюдаю *изъ кровати*»); пожалуй, красивы также «Снѣга» и «Съ кометы», хотя ничего своеобразнаго въ нихъ нѣтъ.

Но если такъ,—спросятъ, быть можетъ,—почему же, все-таки, мы признаемъ г. Брюсова поэтомъ даровитымъ и недюжиннымъ? Потому, во-первыхъ, что онъ, несомнѣнно, идетъ все время впередъ, хотя бы въ отношеніи формы, потому, во-вторыхъ, что въ стихахъ его, дѣйствительно, звучитъ иногда патетическая нота, отличающая ихъ отъ безчисленнаго, надоѣдливо-скучнаго роя другихъ современныхъ стиховъ, придающая имъ характерную *брюсовскую* физіономію. Объ этой нотѣ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Пріидутъ дни послѣднихъ запустѣній, —

фантазируетъ поэтъ въ одномъ стихотвореніи, —

Земныя силы оскудѣютъ вдругъ,
Уйдутъ остатки жалкихъ поколѣній
Къ теплу и солнцу, на далекій Югъ.

Наши города, твердыни и башни превратятся въ безмолвныя и пустынныя кладбища. «На площадяхъ плодиться будутъ змѣи, въ дворцовыхъ залахъ поселятся львы».

Но въ эти дни послѣднихъ запустѣній
Возникнетъ, знаю, межъ людей смѣльчакъ.
Онъ потревожитъ гордый сонъ строеній,
Нарушитъ свѣтомъ ихъ безмолвный мракъ.
На мшистыхъ улицахъ заслышатъ звѣри
Людскую поступь въ ясной тишинѣ,
Въ домахъ застонутъ, растворяясь, двери,
Рядъ изваяній встанетъ при огнѣ.
Прочтя названья торжищъ и святилищъ,

Узнавъ по надписямъ за ликомъ ликъ,
Пришлецъ проникнетъ въ глубь книгохранилищъ,
Откроетъ тайны древнихъ, нашихъ книгъ.
И дни, и ночи будетъ онъ, въ тревогѣ,
Впивать вѣщанья, скрытыя въ пыли,
Исканья истины, мечты о Богѣ,
И пѣсни-гимны сладостямъ земли.
Желанный другъ невѣдомыхъ столѣтій,
Ты весь дрожишь, ты потрясенъ былымъ?
Внемли же мнѣ, о слушай строки эти:
Я былъ, я мыслилъ, я прошелъ, какъ дымъ!

Все проходитъ на землѣ, учитъ исторія,—и даже мысль человѣческая, въ концѣ концовъ, не болѣе, какъ «дымъ»; но мы видимъ, какъ трудно поэту примириться съ такимъ горестнымъ выводомъ. Онъ знаетъ, что живущія поколѣнія лягутъ въ вѣкахъ лишь въ качествѣ «перегноя», навоза, удобряющаго почву, станутъ «сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ», погибнутъ даромъ, предоставивъ другимъ, далекимъ, пользоваться плодами своихъ трудовъ и подвиговъ,—знаетъ все это и ищетъ тоскующей душѣ какой-либо «услады». Послѣдняя открывается ему въ возможности для мыслящаго существа «дышать грядущимъ»:

Я былъ! Я есмь! Мнѣ вѣчности не надо!

Гордый и, если хотите, величавый возгласъ, и такъ жаль, что когда станешь отыскивать для него въ поэзіи г. Брюсова болѣе отчетливаго, конкретнаго содержанія, то находишь, увы! почти пустое мѣсто...

На высокій пьедесталъ ставитъ онъ мыслящую человѣческую личность, и нѣтъ тѣхъ темныхъ красокъ, которыми не обрисовывалъ бы безобразіе и пошлость людского муравейника въ его цѣломъ. Таковъ, напримѣръ, символическій Городъ въ поэмѣ «Замкнутые».

И страшная мечта меня въ тѣ дни томила:
Что, если Городъ мой—предвѣстіе вѣковъ?
Что, если Пошлость—роковая сила,
И созданъ человѣкъ для рабства и оковъ?
Что, если Городъ мой прообразъ первый, малый
Того, что нѣкогда жизнь явитъ въ полнотѣ,
Что, если міръ унылый и усталый,
Стоитъ, какъ странникъ запоздалый,
Передъ трясиною, на роковой чертѣ?..
. . . . . .
Но нѣтъ! Не избѣжать мучительныхъ паденій,
Погибели всѣхъ благъ, чѣмъ мы горды!
Настанетъ снова бредъ и крови, и сраженій,
Вновь раздѣлится міръ на вражьи двѣ орды.
Борьба, какъ ярый вихрь, промчится по вселенной
И въ бѣшенствѣ смететъ, какъ травы, города,
И будутъ волки выть надъ опустѣлой Сеной,
И стѣны Тойэра исчезнутъ безъ слѣда.

И все, что насъ гнететъ, снесетъ и свѣтъ время,
Всѣ чувства давнія, *всю власть завѣтныхъ словъ*,
И по землѣ взойдетъ невѣдомое племя,
И будетъ снова міръ таинственъ и новъ.
Въ руинахъ, звавшихся парламентской палатой,
Какъ будетъ радостенъ дѣтей свободный крикъ,
Какъ будетъ весело дробить останки статуй
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ.
Освобожденіе, восторгъ великой воли,
Привѣтствую тебя и славлю изъ цѣпей!
Я—узникъ, рабъ въ тюрьмѣ, но вижу поле, поле...
О солнце! О просторъ! О высота степей!

Итакъ, вотъ въ чемъ «восторгъ великой воли», вотъ отъ чего «освобожденіе» привѣтствуетъ нашъ поэтъ, въ одну кучу сваливающій и стѣны Тоуэра, и «власть завѣтныхъ словъ», и парламентскую палату, и статуи, и книги!..

«Чего-жъ, однако, Перцовъ хочетъ, чего Перцовъ проситъ»? Какой политическій и общественный строй рисуется ему въ туманной дали будущаго?

Идеалъ соціализма кажется г. Брюсову, очевидно, прѣснымъ, отталкивающимъ, и онъ адресуетъ такое стихотвореніе «Близкимъ»:

Нѣтъ, я не вашъ! Мнѣ чужды цѣли ваши,
Мнѣ страненъ вашъ неокрыленный крикъ.
Но, въ шумномъ кругѣ, къ вашей общей чашѣ
И я-бъ, какъ вѣрный, клятвенно приникъ!
Гдѣ вы—гроза, губящая стихія,
Я—голосъ вашъ, я вашимъ хмелемъ пьянъ,
Зову крушить устои вѣковые,
Творить просторъ для будущихъ сѣмянъ.
Гдѣ вы—какъ Рокъ, не знающій пощады,
Я—вашъ трубачъ, вашъ знаменосецъ я,
Зову на приступъ, съ бою брать преграды
Къ святой землѣ, къ свободѣ бытія!
Но тамъ, гдѣ вы кричите мнѣ: «не болѣ!»
Но тамъ, гдѣ вы поете пѣснь побѣдъ,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать я буду съ вами, строить—нѣтъ!

Опять это «звучитъ», какъ видите, «гордо»... И было бы не трудно, основываясь на подобныхъ признаніяхъ, приклеить къ г. Валерію Брюсову заѣзженный и вмѣстѣ модный теперь ярлыкъ анархизма, но это было бы чисто-внѣшнимъ опредѣленіемъ. Конечно, ни съ научнымъ анархизмомъ Кропоткина, ни съ программами дѣйствующихъ анархическихъ партій у г. Брюсова нѣтъ ничего общаго. Передъ нами, говоря просто, не болѣе, какъ licentia poëtica, мятежность сытой, праздной мечты, красивая поза... Искренней, захватывающей страсти за этими кичливыми, отточенными рифмами не слышится... Въ высшей степени характернымъ для г. Брюсова кажется намъ его нашумѣвшій въ свое время «Кинжалъ»:

Онъ вырванъ изъ ножонъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни, отточенный и острый.
Поэзія съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей—вѣчно сестры.
Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно-былые.
Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Надъ зовами къ борьбѣ я хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.
Но, чуть заслышавши призывный первый громъ,
Я отзывъ вамъ кричу, я вамъ слуга сегодня!
И, чѣмъ опаснѣй часъ, и чѣмъ темнѣй кругомъ,
Тѣмъ въ пѣсняхъ я свободнѣй.
Кинжалъ поэзіи! Кровавый молній свѣтъ
Нежданно пробѣжалъ по этой вѣрной стали;
И снова я съ людьми—затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.

(„Новый Путь", 1904 г., окт.)

Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, типично для обыкновеннаго россійскаго обывателя. Въ душѣ онъ ненавидитъ «позорно-мелочный, неправый жизни строй»; но кругомъ «всѣ молча клонятъ выи», и въ отдѣльныхъ призывахъ къ борьбѣ не слышно ни силы, ни даже настоящей дерзости... И обыватель не только покорно самъ клонитъ выю, какъ всѣ, но не прочь порой и «похохотать» надъ призывами, и, даже, пожалуй, задушить призывающихъ! Но вотъ картина внезапно мѣняется. Уже не робкій отдѣльный призывъ, а всеобщій «громъ» проносится надъ проснувшейся страною... Вотъ-вотъ призывающіе окажутся въ роли побѣдителей, хозяевъ жизни... И что же нашъ смиренный россійскій обыватель? «Онъ отзывъ имъ кричитъ, онъ имъ *слуга* сегодня!» Ручку пожалуйте!..

Не по личному, конечно, адресу г. Брюсова говоримъ мы это; но несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ явился безсознательнымъ выразителемъ чувствъ и идей нашего буржуазнаго, какъ кисель податливаго на всякое давленіе общества. Именно въ концѣ 1904 года, въ разгаръ такъ называемаго «освободительнаго движенія», мы все это видѣли: будущіе господа кадеты, октябристы и даже «умѣренно-правые» (въ настоящее время) тогда грозно шумѣли на банкетахъ и митингахъ, устраивали «союзы» и писали «резолюціи»... Тогда же перемѣнили неожиданно фронтъ и наши господа «декаденты», столько лѣтъ высмѣивавшіе передъ тѣмъ «гражданское» направленіе русской литературы. Не только г. Минскій, но и г. Бальмонтъ сталъ на время политическимъ поэтомъ... Схлынула затѣмъ революціонная волна—и куда все дѣлось? Свободу политическую очень скоро и легко замѣнила свобода порнографическая...

Мы съ любопытствомъ ждемъ II т. «Путей и Перепутій» Ва

лерія Брюсова: будутъ ли тамъ перепечатаны изъ прославленнаго сборника «Orbi et urbi» его *Пѣсни*, написанныя всего за какой-нибудь годъ до «Кинжала»? Вотъ любопытные образчики нѣкоторыхъ изъ нихъ:

1.

Изъ „Солдатской".

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ, что-ль?
Шапками ихъ закидаемъ!
Воевать хотятъ?—Изволь!
Колотили мы и шведа
Подъ Полтавой въ дни Петра,
Или внуки хуже дѣда?
Или та прошла пора?
. . . . . .
Отъ Индѣи до Карпатовъ
Рѣки, горы и моря
Нашихъ видѣли солдатовъ,
Силы Бѣлаго царя.

2.

Изъ „Веселой".

Дай мнѣ, Ваня, четвертакъ
Пожертвуй полтинникъ!
Что ты нынче веселъ такъ,
Словно именинникъ?
. . . . . .
Надо жить, чтобъ пьяной быть
До обѣда, въ лёжку,
Чтобъ по-утру не тужить
Про нашу дорожку.
Чтобы щеки отъ тѣхъ слезъ
Бѣлыя не пухли,
Я румянюсь ярче розъ,
Подвиваю букли.
. . . . . .
Буду ждать я часъ-другой,
Гдѣ-то мой сударикъ?
Помни, помни, другъ милой,
Красненькій фонарикъ.

Комментаріи, что называется, излишни къ этимъ «стихотвореніямъ». Впрочемъ, намъ не хотѣлось бы оставлять читателя подъ впечатлѣніемъ пошлости и безвкусія, и мы приведемъ, въ заключеніе, другое стихотвореніе, гдѣ подъ вліяніемъ живого, искренняго чувства г. Брюсовъ поднимается до нѣкоторой неподдѣльной, искренней поэзіи.

Къ Швеціи.

Въ этомъ морѣ кто такъ щедро
Сѣвъ утесовъ разбросалъ?
Кто провелъ проливы въ нѣдра
Вѣковѣчныхъ скалъ?

Кто, художникъ, словомъ дивнымъ
Возростилъ угрюмый боръ
По извивамъ непрерывнымъ
Матовыхъ озеръ?
Кто въ безлунной мглѣ столѣтій,
Какъ въ родной и вѣрный домъ,
Велъ народъ на камни эти
Роковымъ путемъ?
Кто, подъ вопли вьюги снѣжной,
Подъ угрюмый ревъ зыбей
Сохранилъ сурово-нѣжный
Говоръ древнихъ дней?
Въ часъ раздумій, въ часъ мечтаній,
Въ тихій отдыхъ отъ заботъ,
Въ свѣтѣ сѣверныхъ сіяній
У мятежныхъ водъ,
Кто-то создалъ эту сказку
Про озера и гранитъ
И въ дали вѣковъ развязку
Вымысла тайтъ!

(Оговариваемся, что и эта прекрасная пьеска и нѣкоторыя изъ предыдущихъ взяты нами не изъ I т. «Путей и Перепутій», а изъ позднѣйшихъ произведеній г. Брюсова).

На этомъ мы и можемъ закончить нашъ очеркъ поэзіи г. Валерія Брюсова. Думаемъ, читателямъ достаточно ясно, что, имѣя дѣло съ поэтомъ дѣйствительно одареннымъ, они не могутъ разсчитывать найти въ немъ писателя, проникнутаго сколько-нибудь опредѣленными, твердыми принципами. Это — талантъ, рано загубленный нелѣпою, прямо дикою литературною «школою», а, быть можетъ, еще раньше и еще больше — той безпринципной средой и эпохой, которыя воспитывали и складывали его юную музу. Не забудемъ, что г. Валерію Брюсову было всего 20 лѣтъ въ ту приснопамятно-печальную пору, когда отъ русскаго интеллигентнаго общества не отлетѣлъ еще тлетворный духъ восьмидесятничества, и на мрачномъ горизонтѣ жизни не появились даже и первыя еще ласточки доморощеннаго марксизма... Что же мудренаго, если изъ выступившихъ въ эти годы безвременья, не лишенныхъ природнаго таланта, писателей и поэтовъ не могло выработаться ничего самостоятельнаго, опредѣленнаго и устойчиваго. Чужда была твердыхъ руководящихъ началъ породившая ихъ эпоха, такимъ же оказалось и ихъ художественное творчество.

П. Я.

Два слова по поводу статьи М. Б. Ратнера.

Въ нынѣшней книжкѣ «Русскаго Богатства» закончена статья М. Б. Ратнера о «національномъ вопросѣ въ свѣтѣ соціалистическаго міросозерцанія». Охотно давая этой интересной работѣ мѣсто на страницахъ журнала, редакція «Р. Б.» не можетъ, однако, принять на свою отвѣтственность всѣхъ выводовъ автора. Національный вопросъ—вопросъ въ высшей степени важный вообще, въ условіяхъ же русской дѣйствительности и переживаемаго историческаго момента онъ пріобрѣтаетъ особо существенное значеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ и въ высокой степени сложный; сложный и потому, что въ немъ переплетаются много очень разнообразныхъ интересовъ и потому, что далеко не всѣ его стороны и теоретически достаточно разработаны. Поэтому разногласія по національному вопросу встрѣчаются даже и внутри стоящихъ принципіально на общей почвѣ политическихъ и соціальныхъ направленій.

Такія разномыслія по нѣкоторымъ сторонамъ національнаго вопроса существуютъ и въ предѣлахъ того направленія, органомъ котораго является «Русское Богатство». Журналъ нашъ не можетъ не считаться съ этимъ и съ готовностью открываетъ свои страницы для свободнаго обсужденія раздѣляющихъ различныя группы нашего направленія или остающихся открытыми пунктовъ національной программы. Къ числу ихъ относится и та теорія «экстерриторіальной національной автономіи», развитіе которой составляетъ главное содержаніе статьи г. Ратнера, помѣщенной въ 2, 4 и 5 книжкахъ «Русскаго Богатства» за текущій годъ. Эта теорія—очень недавняго происхожденія. Зародилась она въ концѣ прошлаго столѣтія въ соціалистическихъ кругахъ южно-австрійскаго славянства, получила извѣстную юридическую обработку въ трудахъ австрійскаго публициста Шпрингера и затѣмъ была воспринята и развита въ примѣненіи къ русскимъ условіямъ группой еврейской соціалистической рабочей партіи («Сѣрпъ»). Въ прошломъ году она горячо дебатировалась на «конференціи россійскихъ національно-соціалистическихъ партій», имѣвшей мѣсто 16—20 апрѣля. Конференція признала, что данный вопросъ не «вполнѣ еще вышелъ изъ области дискуссій» и рекомендовала всѣмъ соціалистическимъ партіямъ и организаціямъ подвергнуть его «самому тщательному обсужденію, какъ на собраніяхъ, такъ и въ партійной литературѣ». Мы думаемъ, что и послѣ обстоятельнаго

анализа г. Ратнера вопросъ о необходимости созданія экстерриторіальныхъ національныхъ союзовъ публично-правового характера остается еще открытымъ. Тѣ сомнѣнія, которыя возбуждала данная теорія и тѣ возраженія, которыя ей противопоставлялись, далеко не вполнѣ разсѣяны аргументаціею автора. Остаются и нѣкоторыя неясности въ самомъ построеніи экстерриторіальной системы національныхъ органовъ. Мы отмѣтимъ ниже эти неясные и сомнительные, по нашему мнѣнію, пункты. Но прежде остановимся на нѣкоторыхъ, самыхъ общихъ, сторонахъ вопроса. Это поможетъ намъ оріентироваться въ дальнѣйшемъ.

I.

Мы сказали, что національный вопросъ есть вопросъ большой сложности. Сложность, вытекающая изъ самаго существа предмета, осложняется еще и нѣсколькими привходящими обстоятельствами. Прежде всего, здѣсь не установлены твердо самые термины. Мы имѣемъ не только разные отвѣты на «національный вопросъ», но и самый этотъ «вопросъ» понимается различно; объемъ и содержаніе его опредѣляются то шире, то тѣснѣе. Что такое «нація» — на это мы имѣемъ едва ли не столько отвѣтовъ, сколько есть авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ. Еще неопредѣленнѣе и еще условнѣе терминъ «національность» — то отожествляемый съ понятіемъ «нація», то противопоставляемый «націи», съ одной стороны и «народности» — съ другой; понимаемый и какъ свойство извѣстной группы, именуемой «націей», и какъ обозначеніе спеціальной группы, отличной отъ той, которой присваивается наименованіе «націи» и т. д. Всѣ эти неточности и условности не имѣютъ особаго значенія, пока дѣло идетъ о такихъ элементарныхъ вещахъ, какъ, напр., гражданская равноправность всѣхъ лицъ, принадлежащихъ разнымъ націямъ или разнымъ національностямъ даннаго государства. Но они даютъ себя чувствовать, когда мы переходимъ къ болѣе сложнымъ отдѣламъ національной проблемы. Когда мы говоримъ не о правахъ индивидовъ, а о правахъ данной коллективности, необходимо точно установить, что понимается подъ этой коллективностью. А здѣсь зачастую одни и тѣ же термины употребляются не въ одинаковомъ значеніи.

Все это, такъ сказать, внѣшнія трудности, на которыя приходится наталкиваться при обсужденіи національной проблемы. Но гораздо большее значеніе имѣютъ осложненія внутренняго характера. Подъ флагомъ національной идеи провозился и провозится совершенно различный грузъ. То реакціонное и агрессивное теченіе, которое принято называть условнымъ терминомъ «націонализма», конечно, не имѣетъ ничего общаго съ освободительными стремленіями національностей, стремящихся завоевать для себя

право свободнаго существованія. Во имя національной идеи шло и угнетеніе господствующею въ государствѣ народностью инонаціональныхъ элементовъ и борьба этихъ послѣднихъ за свое освобожденіе. И нужно замѣтить, что націоналистическій шовинизмъ настолько шумно и крикливо выступалъ на исторической сценѣ, что часто заслонялъ собою здоровые корни національныхъ теченій. Извѣстная гипертрофія національнаго чувства, присущая воинствующему націонализму, не совсѣмъ чужда была и психологіи угнетенныхъ національностей. Національная форма нерѣдко брала верхъ при коллизіи съ общечеловѣческимъ содержаніемъ, и свое, хотя бы и реакціонное, предпочиталось прогрессивному, но чужому. Недавняя исторія полна такими печальными примѣрами. Все это создавало вокругъ національнаго вопроса атмосферу, мало благопріятствующую безпристрастному и спокойному его обсужденію.

Нельзя сказать, чтобы и въ теперешней своей фазѣ, выдвинутый впередъ демократическими теченіями, національный вопросъ былъ совершенно чуждъ такихъ осложненій. Въ частности это относится и къ автономистическимъ движеніямъ національностей, населяющихъ наше отечество. Всѣ они несомнѣнно находятся въ тѣсной связи съ общимъ освободительнымъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ, являясь интегральною его частью. Но не всегда эта связь и зависимость вполнѣ ясно и отчетливо сознается,—особенно послѣ того какъ упавшая революціонная волна оставила вызванныя ею къ жизни стремленія беззащитными предъ надвинувшейся реакціею. Всего трагичнѣе это сказалось на судьбахъ еврейской національности. На нее съ особою силою и съ особымъ неистовствомъ обрушился натискъ контръ-революціи и она оказалась наиболѣе одинокою и беззащитною предъ этимъ натискомъ. Это не могло не внести извѣстныхъ осложненій и въ еврейское національное движеніе. Но объ этомъ намъ придется еще говорить далѣе. Теперь же вернемся къ нашей непосредственной темѣ.

Прежде всего, установимъ ея границы. Мы не задаемся обсужденіемъ національнаго вопроса въ его цѣломъ,—а беремъ только одну его сторону, а именно отношеніе къ нему государства. И здѣсь мы оттѣняемъ только тѣ пункты, которые имѣютъ отношеніе къ вопросамъ, затрагиваемымъ въ статьѣ М. Б. Ратнера. Мы считаемъ стоящимъ внѣ спора право каждой національности, каждаго языка, племени, вѣры на свободное существованіе и развитіе, на равное положеніе въ государствѣ и одинаковую съ его стороны защиту. Вопросъ идетъ только о формахъ осуществленія этого права. И здѣсь, пока дѣло касается *индивидуальныхъ* національныхъ правъ, правъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ членамъ иноплеменныхъ, иноязычныхъ и иновѣрныхъ группъ въ данномъ государствѣ, вопросъ не представляетъ никакой сложности. Онъ рѣшается такъ сказать отрицательнымъ путемъ—никакія стѣсненія и никакія огра-

ниченія въ данномъ отношеніи не должны имѣть мѣста. Это положеніе давно уже признается во всѣхъ программахъ не только соціалистическихъ, но и буржуазно-демократическихъ и вообще либеральныхъ (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) партій. Но, увы! далеко не то мы видимъ въ дѣйствительности, особенно русской. Слишкомъ краснорѣчивы ежедневно бьющіе въ глаза факты, что бы эту печальную истину нужно было доказывать или иллюстрировать на примѣрахъ. И не подлежитъ сомнѣнію, что завоеваніе элементарныхъ индивидуальныхъ правъ, гражданской равноправности членовъ всѣхъ національностей государства составляетъ насущный, очередной вопросъ дня въ русскомъ освободительномъ національномъ движеніи.

За индивидуальными правами идутъ права *коллективностей*, въ широкомъ смыслѣ, права всякаго рода національныхъ *союзовъ и національностей*, какъ цѣлаго. И здѣсь есть широкая область проявленій національнаго права, не возбуждающая никакихъ споровъ въ демократическихъ кругахъ. Это — область свободныхъ, добровольныхъ національныхъ союзовъ, какъ преслѣдующихъ культурныя цѣли, такъ и союзовъ политическихъ; союзовъ мѣстныхъ и союзовъ, охватывающихъ всю данную національность въ цѣломъ. Свобода національныхъ союзныхъ организацій необходимо входитъ въ составъ права союзовъ, являющагося интегральною частью каждой демократической программы, и самое широкое ея примѣненіе не должно и не можетъ быть оспариваемо на почвѣ этихъ программъ. Разномысліе является только тогда, когда мы переходимъ изъ области добровольныхъ въ область *принудительныхъ* союзовъ государственнаго типа. Основное разномысліе сосредоточивается именно около тѣхъ экстерриторіальныхъ національныхъ союзовъ публично-правового характера, которые выдвигаются въ статьѣ г. Ратнера. Мы подробнѣе остановимся на этомъ разномысліи ниже. Теперь мы отмѣтимъ тѣ пункты національной программы въ области государственной въ тѣсномъ смыслѣ, которые пользуются болѣе или менѣе общимъ признаніемъ демократическихъ группъ.

Это, во-первыхъ, право каждой національности на то, чтобы государственныя учрежденія считались съ ея существованіемъ. Мы разумѣемъ здѣсь право употребленія мѣстныхъ языковъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ и пропорціональное численности каждой національной группы участіе въ затратахъ изъ общегосударственныхъ и мѣстныхъ средствъ на культурныя потребности. Недостаточно, чтобы государство предоставляло своимъ членамъ, не принадлежащимъ къ господствующей національности, право устраивать національныя школы, музеи и иныя культурныя учрежденія; оно должно само взять на себя эту обязанность или субсидировать изъ общаго бюджета такія учрежденія, основанныя національными союзами. Иначе равноправность національностей будетъ существенно нару-

шена. То же относится, конечно, и къ органамъ самоуправленія, выполняющимъ на мѣстахъ государственныя функціи.

Затѣмъ и самый строй государственныхъ учрежденій въ разноплеменномъ государствѣ не можетъ не считаться съ фактомъ этой разноплеменности. Распредѣленіе территоріи государства на административныя единицы, сообразованное съ размѣщеніемъ по этой территоріи разноплеменныхъ группъ населенія, дастъ возможность національнымъ своеобразіямъ развернуться въ области мѣстнаго самоуправленія. Эти своеобразія могутъ найти и болѣе широкую арену для развитія въ сферѣ мѣстнаго законодательства. *Автономія* областей, разнящихся по составу населенія отъ преобладающей въ государствѣ національности и отличающихся въ строѣ своей жизни крупными особенностями, выработанными ходомъ исторіи и своеобразными мѣстными условіями,—составляетъ логическій выводъ изъ признанія права національностей на свободное развитіе и на равноправность въ государственномъ строѣ. Конечно, областная автономія не тожественна съ автономіею національной. Только тогда, когда данная національная группа составляетъ преобладающее большинство въ автономной области, такая автономія создаетъ почву для широкаго проявленія національной физіономіи этой группы; для инонаціональнаго меньшинства въ данной области автономія ея имѣетъ мало значенія. Точно также только отдаленно и косвенно отражаются блага автономіи на разсѣянныхъ внѣ автономной области членахъ преобладающей въ ней національности. Наконецъ, для тѣхъ національностей, которыя нигдѣ на территоріи страны не являются преобладающими по численности, автономія на территоріальной почвѣ вообще недоступна.

Выходъ изъ этого положенія и пытается найти та теорія экстерриторіальной національной автономіи, изложенію и защитѣ которой посвящена статья г. Ратнера.

II.

Сторонники этой теоріи находятъ, что ни гражданское равноправіе національностей, ни самое широкое развитіе свободныхъ національныхъ союзовъ не достаточны для удовлетворенія національныхъ потребностей. Права, провозглашаемыя закономъ, чтобы не оставаться пустымъ звукомъ, должны имѣть какія-нибудь гарантіи. Такія гарантіи могутъ дать только спеціальныя учрежденія, охраняющія и осуществляющія эти права. Но эта роль не подъ силу какимъ бы то ни было частнымъ, добровольнымъ союзамъ. Выполнить ее могутъ только учрежденія, обладающія публичноправовымъ характеромъ и принудительною властью. Въ національной сферѣ такія учрежденія не могутъ быть построены на территоріальной основѣ, ибо нація не совпадаетъ съ территоріею.

Національные союзы должны быть поэтому не территоріальные, а «персональные». Каждая нація, живущая въ предѣлахъ даннаго государства, независимо отъ занимаемой ею территоріи, должна составлять автономную группу, *національный союзъ*, обладающій въ національныхъ дѣлахъ извѣстною суммою правъ и обязанностей, пользующійся принудительною властью надъ своими членами и располагающій извѣстнымъ бюджетомъ для удовлетворенія національныхъ потребностей. Членомъ даннаго національнаго союза должно считаться всякое лицо, принадлежащее къ данной національности и не заявившее о своемъ выходѣ изъ союза.

Основною ячейкою въ строѣ національнаго самоуправленія является *національная община*, въ составъ которой входятъ всѣ члены даннаго національнаго союза, живущіе въ предѣлахъ извѣстнаго административнаго округа. Органомъ дѣятельности общины является общинный совѣтъ. Общины, разсѣянныя по территоріи страны, образуютъ областные союзы общинъ съ союзными общинными совѣтами. Наконецъ, верховнымъ органомъ національнаго самоуправленія служитъ національный сеймъ.

Кругъ тѣхъ «національныхъ» дѣлъ, которыя отводятся въ вѣдѣніе органовъ національнаго союза, ограничивается въ большей части національныхъ программъ удовлетвореніемъ чисто-культурныхъ потребностей (школа и другія предметы, связанныо съ развитіемъ наукъ, литературы, искусства, языка). Программа еврейской соціалистической рабочей партіи, къ которой примыкаетъ г. Ратнеръ, очерчиваетъ его нѣсколько шире. Къ числу національныхъ дѣлъ она относитъ: народное образованіе; созданіе учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры; профессіональное образованіе; общественное призрѣніе и народное здравіе; организацію взаимной и трудовой помощи; орнизацію статистики по всѣмъ вопросамъ народной жизни; руководство эмиграціоннымъ и переселенческимъ дѣломъ и—наконецъ, другіе вопросы по опредѣленію національнаго учредительнаго собранія. Всѣ эти дѣла должны быть выдѣлены изъ компетенціи общегосударственныхъ органовъ и переданы учрежденіямъ національнымъ. Каждая нація вѣдаетъ ими особо и автономно, для себя.

Такова въ крупныхъ чертахъ та схема національныхъ учрежденій, которая намѣчается сторонниками «экстерриторіальной національной автономіи». Очень стройная съ виду, она при ближайшемъ разсмотрѣніи возбуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ и недоумѣній. Основной ея пунктъ—это введеніе новыхъ принудительныхъ союзовъ, и притомъ союзовъ экстерриторіальныхъ, и полное обособленіе ихъ отъ обще-государственной организаціи. Внутри государства создается нѣсколько отдѣльныхъ государствъ—«націй». Но эти пункты и наиболѣе уязвимые.

Общая эволюція общественной жизни несомнѣнно идетъ къ ограниченію союзовъ принудительныхъ и, обратно, къ развитію

союзовъ свободныхъ. Если анархическій идеалъ полной замѣны государства системою свободныхъ союзовъ и всѣхъ законодательныхъ нормъ добровольными соглашеніями представляется не осуществимымъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ будущемъ, относительно котораго мы дѣлаемъ разсчеты, опредѣляющіе линію нашего поведенія,—то во всякомъ случаѣ тенденція къ сведенію до минимума принудительныхъ общественныхъ организацій уже не утопія, а фактъ реальной дѣйствительности. Необходимъ такой союзъ, членомъ котораго считался бы каждый человѣкъ, независимо отъ изъявленія своего на это желанія. Необходимо уже потому, что иначе множество людей (прежде всего дѣти, не имѣющія родителей, душевно-больные, люди, не достаточно развитые, что бы предвидѣть всѣ случаи, въ которыхъ потребность въ помощи коллективности можетъ имъ встрѣтиться и т. д.), осталось бы вовсе безъ защиты и попеченія со стороны какого бы то ни было союза. Этимъ общимъ союзомъ и является государство съ его органами (включая сюда и органы мѣстнаго самоуправленія). Но внутри этого принудительнаго союза демократическій строй не знаетъ другихъ принудительныхъ общественныхъ группировокъ. Сословныя подраздѣленія всѣхъ видовъ, тамъ гдѣ они еще остались, суть пережитки прошлаго, обреченные на исчезновеніе. Точно также и церковный союзъ изъ принудительнаго государственнаго учрежденія переходитъ постепенно въ свободную общину вѣрующихъ. Демократизація церковной жизни состоитъ отнюдь не въ томъ, чтобы уравнять въ разновѣрномъ государствѣ всѣ церкви въ ихъ правахъ съ господствующей, а что бы снять и съ этой послѣдней ея государственный характеръ. Раздѣленіе церкви и государства—очередной вопросъ въ программахъ всѣхъ прогрессивныхъ политическихъ партій тѣхъ странъ, гдѣ это раздѣленіе еще не совершилось. И мы не видимъ принципіальныхъ основаній, почему изъ этого общаго процесса раскрѣпощенія должны составлять изъятія одни національныя единенія? Почему необходимо и законно требованіе расписать всѣхъ гражданъ по принадлежности къ тѣмъ или другимъ національнымъ союзамъ съ принудительною для нихъ властью? Почему въ національныхъ вопросахъ долженъ быть другой критерій чѣмъ, напримѣръ, въ церковныхъ? Намъ говорятъ, что національность нельзя сравнивать съ религіей. Религія есть личное дѣло человѣка, могутъ быть люди, не имѣющіе никакой религіи, но нельзя не принадлежать ни къ какой національности. Допустимъ, что такъ. Но во всякомъ случаѣ возможно желать не принадлежать ни къ какому національному союзу; возможно быть вообще противникомъ спеціализаціи культурныхъ общественныхъ функцій по національностямъ—и для такихъ вполнѣ мыслимыхъ индивидовъ обязательная приписка къ той или иной «націи» явится такою же тяжелою

повинностью, какъ и обязанность для невѣрующаго числиться оффиціально въ составѣ какой-нибудь церкви.

Въ отличіе отъ существующихъ государственныхъ организацій проектируемые національные союзы суть единенія *внѣтерриторіальныя*. Г. Ратнеръ нѣсколько разъ противопоставляетъ въ своей статьѣ живую «персональную» группировку національныхъ союзовъ группировкѣ по случайному признаку проживанія на опредѣленной территоріи. «Живая нація,—сочувственно цитируетъ отъ слова Шпрингера,—никогда не можетъ отождествляться съ мертвымъ географическимъ факторомъ—ограниченной территоріей». Все это требуетъ большихъ оговорокъ. Конечно, съ территоріей нельзя отождествлять ни націю, ни государство, ни вообще какой бы то ни было союзъ людей. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы территоріальная основа этихъ союзовъ людей являлась случайною. Быть можетъ, наступитъ время, когда пространственныя условія не будутъ играть никакой роли въ людскихъ отношеніяхъ. Но когда придетъ это время, мы не знаемъ, теперь же совмѣстное проживаніе на одной территоріи, сосѣдскія отношенія являются несомнѣнно могущественнымъ связывающимъ и объединяющимъ людей факторомъ. Для государственныхъ подраздѣленій территоріальный признакъ есть самый цѣлесообразный—и во всякомъ случаѣ самый демократическій. Припомнимъ, что и въ исторіи установленіе территоріальныхъ общественныхъ группировокъ вмѣсто аристократически-родовыхъ совпадало съ процессомъ демократизаціи общества. И теперь еще существуютъ въ отсталыхъ въ общественномъ развитіи странахъ пережитки «персональныхъ» сословныхъ группировокъ (въ родѣ нашей крестьянской волости). Но замѣна ихъ территоріальными, конечно, только вопросъ времени.

И планы новыхъ національныхъ учрежденій не могутъ не считаться съ территоріальнымъ принципомъ. Г. Ратнеръ видитъ примиреніе этого принципа съ принципомъ «персональнымъ» въ томъ, что основная единица національно-автономной организаціи—національная община—въ сущности есть союзъ территоріальный, ибо въ нее входятъ всѣ члены данной національности, проживающіе въ предѣлахъ строго очерченной территоріи. Но во всякомъ случаѣ это союзъ только полу-территоріальный, ибо въ него входитъ только *часть* обитателей данной территоріи. Въ дальнѣйшихъ группировкахъ признакъ территоріальности уже совсѣмъ исчезаетъ,—областные союзы составляются изъ общинъ, «разсѣянныхъ по территоріи страны».

Вся эта сѣть національныхъ учрежденій является, какъ мы сказали, какъ бы обособленнымъ государствомъ въ государствѣ. Извѣстная часть дѣлъ вовсе изъемлется изъ вѣдѣнія государственныхъ органовъ, центральныхъ и мѣстныхъ. Ихъ вѣдаетъ и вершитъ каждая «нація» сама для себя, во всѣхъ стадіяхъ, отъ законодательной нормировки до ближайшихъ исполнительныхъ дѣйствій. Сюда прежде всего относится все, касающееся до удовлетворе-

нія культурныхъ потребностей въ тѣсномъ смыслѣ (школа, языкъ, литература, наука, искусство), а также и нѣкоторыя другія дѣла, признаваемыя національными (въ программѣ группы «Серпъ» сюда включена и организація взаимной и трудовой помощи и организація общественнаго призрѣнія и многое другое—а, наконецъ, и вообще всѣ «вопросы по опредѣленію національнаго учредительнаго собранія»).

Мы не будемъ останавливаться на технической сторонѣ дѣла, на крайней громоздкости этой тройной системы вклинивающихся одни въ другія учрежденій (общегосударственныхъ, мѣстныхъ и національныхъ) и на техническихъ недочетахъ и неясностяхъ въ опредѣленіи отношеній между нами. Насъ болѣе интересуетъ другая сторона вопроса: насколько возможно такое механическое разсѣченіе тѣсно связанныхъ между собою потребностей одного общественнаго организма? Вѣдь члены данной національности, вкрапленной среди другой или другихъ и образующіе съ ними вмѣстѣ одинъ общій государственный союзъ, связаны съ ними массою общихъ интересовъ, общихъ потребностей, общихъ дѣлъ. Если они заинтересованы въ охраненіи своей національности, то столь же заинтересованы они и въ здоровомъ ходѣ жизни того общаго организма, къ которому они принадлежатъ. А можно ли, не нарушая этого здороваго теченія, изъять изъ общаго комплекса функцій этого организма такую, напр., существенную часть, какъ всѣ вопросы образованія и культуры—оторвать эти вопросы отъ всѣхъ остальныхъ, тѣсно съ ними связанныхъ, и передать въ автономное вѣдѣніе другихъ вполнѣ обособленныхъ союзовъ? Вѣдь если въ національныхъ *формахъ* культуры заинтересованы болѣе всего отдѣльныя національности, то ея общій *уровень* несомнѣнно близко касается всѣхъ членовъ данной общественной группы. Разбить «культуру» по національнымъ разгородкамъ и крѣпко забить между ними двери—едва ли въ интересахъ и самихъ охраняющихъ свою индивидуальную физіономію національностей и никакъ уже не въ интересахъ общаго прогресса. Сторонники теоріи экстерриторіальной національной автономіи, стремясь къ обезпеченію интересовъ національныхъ меньшинствъ, перегибаютъ, какъ намъ кажется, палку въ другую сторону. На мѣсто свободнаго развитія выступаетъ принудительное охраненіе существующихъ національностей,—хотя бы и съ ущербомъ для общихъ интересовъ не одного національнаго большинства, но и всего общественнаго цѣлаго.

А между тѣмъ, вѣдь, національность не есть нѣчто застывшее и неподвижное. Національности не существуютъ отвѣка, а складываются и измѣняются въ процессѣ исторической жизни. Всѣ современныя европейскія націи — амальгамированныя. И, конечно, этотъ процессъ трансформаціи національныхъ группъ предстоитъ и въ будущемъ. Мы никакъ не думаемъ, чтобы онъ велъ къ національному обезличенію. Обогащеніе и усложненіе жизни, и личной,

и коллективной, развиваютъ, а не стираютъ индивидуальности. А коллективною индивидуальностью и является національность, разсматриваемая не какъ этническая, а какъ культурная единица, какъ группа, сложившаяся подъ вліяніемъ многообразныхъ условій совмѣстнаго существованія. Національности въ этомъ смыслѣ будутъ всегда. Но сохранятся ли именно теперешнія національности и сохранятся ли въ своемъ теперешнемъ видѣ — это совсѣмъ другой вопросъ. И едва ли есть резонъ бояться ихъ трансформаціи и ставить ей рогатки. Необходимо предоставить свободную арену для развитія національныхъ особенностей, но нельзя стремиться во что бы то ни стало къ консервированію каждой изъ нихъ. Безусловно недопустима насильственная амальгамація, искусственное подавленіе національныхъ особенностей, но и принудительное охраненіе этихъ особенностей тоже не можетъ быть признано правильною линіею въ національномъ вопросѣ. Теорія «экстерриторіальной національной автономіи», къ сожалѣнію, не безъ грѣха въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

До сихъ поръ мы разсматривали національно-автономическую программу съ общей стороны, по отношенію къ какой бы то ни было, такъ сказать, алгебраической національности. Но вѣдь нельзя забывать, что это программа и одной изъ русскихъ національностическихъ группъ, именно молодой еврейской соціалистической рабочей партіи («Серпъ»). Въ извѣстной мѣрѣ къ ней близки и нѣкоторыя другія еврейскія національныя группы. И Бундъ, и еврейская народная партія выдвигаютъ планы національной автономіи, хотя и отличающіеся отъ программы «Серпа». Вообще, идея автономизма за послѣдніе годы сдѣлала крупные успѣхи въ кругахъ прогрессивнаго еврейства.

На первый взглядъ это явленіе кажется мало понятнымъ. Если главною цѣлью національнаго автономизма является прежде всего охраненіе національной физіономіи, своеобразій, свойственныхъ извѣстной культурно-національной группѣ,—то не здѣсь, повидимому, можно искать выхода изъ невыносимаго положенія, въ которомъ находится русское еврейство. Не отъ насильственной руссификаціи оно страдаетъ въ томъ гетто, въ которомъ оно заперто всякими исключительными законами. Евреевъ не пускаютъ въ общую школу; существуетъ нелѣпый законъ, по которому евреи, нуждающіеся въ спеціальной медицинской помощи могутъ лѣчиться отъ всякихъ болѣзней только въ Кіевѣ. Этотъ законъ архаическаго происхожденія, но еще на-дняхъ Государственная Дума (!) санкціонировала его, отказавшись высказать пожеланіе, чтобы евреямъ былъ открытъ свободный доступъ на кавказскія минеральныя воды. Какую же помощь здѣсь можетъ принести признаніе школы и медицины не общегосударственною, а національною потребностью? Вѣдь по отношенію къ еврейству и сейчасъ это положеніе примѣняется, — только довольно

своеобразно: въ смыслѣ прегражденія имъ доступа къ общероссійской культурѣ.

Повторяемъ, настоящія условія еврейства, повидимому, не должны бы особенно располагать его къ культивированію автономистическихъ проектовъ. Насущный, очередной вопросъ, выдвигаемый для него жизнью,—это завоеваніе элементарныхъ гражданскихъ правъ, завоеваніе одинаковаго положенія съ кореннымъ населеніемъ, а не юридическаго отъ него обособленія. Однако, мы видимъ другое. И корни этого, кажущагося парадоксальнымъ, явленія очень глубоки. Ихъ надо искать въ той безнадежности добиться чего нибудь отъ общаго отечества, которую особенно должны были укоренить въ еврействѣ факты послѣднихъ годовъ. На этой почвѣ естественно должны были развиться тѣ тенденціи къ національной обособленности, слѣды которыхъ мы могли отмѣтить и въ разбираемой нами программѣ. Извѣрившись въ результатахъ общей работы, еврейство желаетъ замкнуться въ самомъ себѣ. Мы думаемъ, что это уклоненіе отъ настоящаго пути, но не на еврействѣ лежитъ вина въ этомъ уклоненіи.

Н. Анненскій.

Новыя книги.

Литературно—художественные альманахи издательства «Шиповникъ». Кн. 4. Спб. 1908. Стр. 273. Ц. 1 р.

Къ лѣтнему разъѣзду вышелъ новый альманахъ «Шиповника»—за рубль толстая гнига, и все извѣстныя имена: Борисъ Зайцевъ и Леонидъ Андреевъ, Брюсовъ и Юшкевичъ. Его будутъ покупать и будутъ читать; что дастъ онъ читателю?

Леонидъ Андреевъ предлагаетъ новый варіантъ шестой картины «Жизни человѣка». Въ этомъ заключительномъ актѣ своей «неореалистической драмы» авторъ усматриваетъ одинъ существенный недостатокъ: «вторженіе въ драму относительно случайнаго элемента въ лицѣ Пьяницъ и отсутствіе столь необходимой и столь важной въ жизни группы, какъ Наслѣдники, естественно завершающей собою группы Родственниковъ, Друзей и Враговъ Человѣка». Этотъ недостатокъ нынѣ исправленъ авторомъ; равнымъ образомъ ввелъ онъ въ пьесу олицетвореніе Милосердія, и хотя Сестра Милосердія, его представляющая, за все время ни разу не открываетъ глазъ, но «самымъ присутствіемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что Милосердіе дѣйствительно существуетъ».

Варіанты, конечно,—право автора. Надо только замѣтить, что

Андреевъ предлагаетъ ихъ читателю въ формѣ, которую никакъ нельзя назвать удачной. Варіантъ не долженъ становиться рядомъ со старымъ текстомъ, онъ долженъ выталкивать старыя впечатлѣнія, разъ навсегда замѣщать ихъ. Для этого слѣдуетъ давать новые варіанты всегда въ связи съ цѣлымъ, въ новомъ изданіи всего произведенія. Отдѣльно варіантъ, конечно, не производитъ никакого впечатлѣнія; въ альманахѣ ему не мѣсто.

Объясненія, которыя Андреевъ предпослалъ своему варіанту, болѣе всего свидѣтельствуютъ о томъ, что измѣненія подсказаны автору совершенно ошибочнымъ взглядомъ на идейный объемъ его пьесы. Замѣняя болѣе или менѣе случайные элементы какъ бы необходимыми и постоянными, полемизируя съ критиками, которые указывали на случайность смерти его героя въ кабакѣ, Андреевъ какъ будто хочетъ сказать, что его «Жизнь человѣка» есть всеобъемлющее изображеніе человѣческой жизни въ ея субстанціальности, въ ея нуменѣ. Онъ и сдѣлалъ для этого много: онъ абстрагировалъ ее до крайняго предѣла, допустимаго въ искусствѣ. Но, конечно, онъ ошибается: его «Жизнь человѣка», схематизированная и обобщенная, есть все-таки только жизнь одного изъ людей; другіе и живутъ иначе и умираютъ иначе. И съ этимъ неизбѣжнымъ выводомъ долженъ въ заключеніе примириться художникъ; онъ долженъ понять, что, какъ бы ни было страстно его желаніе охватить въ одномъ образѣ всю доступную ему массу переживаній, этотъ образъ обниметъ лишь небольшую часть не только доступнаго нашей мысли міра, но и впечатлѣній, данныхъ этимъ міромъ художнику. Естественно, что міръ кажется художнику отраженнымъ въ его произведеніи; но если, въ погонѣ за недоступной полнотой этого отраженія, художникъ станетъ на путь варіантовъ, онъ будетъ гоняться за своей тѣнью, вѣчно измѣнчивой, ибо измѣнчивъ онъ самъ.

Варіанты и варіанты: ими полонъ альманахъ. Валерій Брюсовъ далъ перепѣвъ старыхъ балладъ; Зайцевъ и Юшкевичъ варіируютъ себя,—къ счастью, только въ деталяхъ.

Борисъ Зайцевъ далъ въ «Аграфенѣ» наиболѣе значительное свое произведеніе. Въ предѣлы небольшой повѣсти онъ попытался вложить содержаніе романа: изображеніе цѣлой жизни, богатой испытаніями и глубокими впечатлѣніями.

То свое, что есть у Бориса Зайцева, отчетливо запечатлѣлось на новомъ его произведеніи, и въ этомъ его достоинства и недостатки. Зайцевъ лирикъ по преимуществу, и тамъ, гдѣ онъ старается вовлечь читателя въ настроенія своей героини, то дѣйственно-созерцательныя, то трагически-скорбныя, тамъ это, въ большинствѣ случаевъ, ему удается. Онъ превосходно рисуетъ и создаетъ смутныя состоянія не то тѣла, не то души, порывисто-бездѣятельныя, напряженно-жизненныя. Онъ умѣетъ внушать какое-то всеобъемлющее, захватывающее ощущеніе связи отдѣльнаго чело-

вѣка со всѣмъ міромъ природы, мысли, человѣческихъ судебъ. Его пантеизмъ не философская теорія только: не міровоззрѣніе, но міроощущеніе—пантеизмъ въ дѣйствіи.

Послѣ недолгой, но тяжелой жизни, только что испытавъ потерю единственной любимой дочери, возвращается героиня его повѣсти въ родную деревню—и вдругъ на поворотѣ дороги раскрылась предъ ней ея далекая жизнь. «Волненіе ея росло. Изъ подземныхъ нѣдръ всклублялись свѣтлыя силы, приливали къ сердцу съ невѣдомымъ могуществомъ, и, задыхаясь, Аграфена остановилась: вдругъ показалось ей, что земля подъ ногами легче, все легче, легче, волны божественнаго, ослѣпляющаго нисходятъ на встрѣчу вскипѣвшему сердцу. Тогда она пала на колѣни, и дивное внутреннее видѣніе осѣнило ей душу: *вся ея жизнь явилась въ одномъ мгновеніи*; всѣ ея любви и муки понялись одинокими ручьями, сразу впавшими въ безмѣрный и божественный океанъ Любви и данными ей, какъ таинственные прообразы любви единой и вѣчной, восходящей за предѣлы жизни. Изъ-за знакомыхъ, дорогихъ когда-то лицъ, къ душамъ которыхъ ея душа была прикрѣплена земной основой, восходя небесной къ небу, выплыло новое, потопляющее всѣхъ единымъ свѣтомъ Лицо, принимающее въ сверхчеловѣческое лоно—напояя сіяніемъ нездѣшнимъ».

Это, конечно, не личное божество: это, можно сказать, его отрипаніе, болѣе религіозное въ своей основѣ, чѣмъ раціональныя схемы личнаго бога. Изъ него, можно сказать, выросли всѣ образы Зайцева. «Все во мнѣ и я во всемъ»,—этотъ стихъ поэта-пантеиста есть какъ бы неотвязный основной мотивъ всѣхъ произведеній Бориса Зайцева, резюмирующій всю ихъ красочность. Стоитъ ли его Аграфена раннимъ утромъ въ полѣ или съ ужасомъ проникается религіозными сомнѣніями во время богослуженія, отдается ли въ изступленіи чувственной любви или сидитъ у изголовія умершей дочери, всякое ея переживаніе полно молитвеннаго напряженія, въ которомъ опредѣленнѣе всего чувствуется экстазъ подсознательной мысли — и этотъ экстазъ передается читателю. Жаль, что въ это приподнятое настроеніе, такъ часто разрывая его живую цѣльность и красоту, врываются мелочи типичной зайцевской манерности—разныя «милыя дрова», «мудрые овсы», «тайныя утра», «ловкіе картузы». Быть можетъ, пройдутъ годы и, какъ это не разъ бывало, внѣдрятся въ языкъ словечки, какъ «сиреневѣло», «сумеречилось», «угласто», «ускользчивѣй» и т. п., но теперь они напрасно задѣваютъ вниманіе. Ихъ слишкомъ много; въ нихъ чувствуется больше игры, чѣмъ необходимости; это фіоритурныя каденцы ad libitum, которыя нужны виртуозу, чтобы показать искусство, но не такъ ужъ нужны художнику для выраженія его внутренней жизни.

Худшія изъ этихъ словечекъ это — наивничающіе архаизмы въ родѣ «тѣло—бѣлый цвѣтъ» и патетическія обращенія, вдругъ

смѣняющія разсказъ. «Ты жила свои дни, дѣвушка Анна, въ любви; это были твои ранніе дни—и опьяняющіе. Но они прошли. Великое предначертанье повернуло отъ тебя лицо любви, любившій тебя полюбилъ другую. Это горе упало на твою дѣтскую душу огненнымъ попаленіемъ; а уже ты носила подъ сердцемъ ростокъ новаго человѣка. И не смогла снести этого». Отжилъ этотъ наѳосъ—и не легко воскресить его; во всякомъ случаѣ не слабый, нервный лирикъ Зайцевъ воскреситъ то, что было естественнымъ движеніемъ миѳологической мысли могучаго эпика, творящаго свою поэзію народа. Мы не можемъ принять эту напряженность; слишкомъ легко кажется она намъ манерной, слишкомъ легко вызываетъ усмѣшку тамъ, гдѣ безусловно необходимо глубокое, всепоглощающее сочувствіе. Этого сочувствія Зайцевъ легко добивается тамъ, гдѣ онъ проще.

Вложивъ въ міръ повседневныхъ переживаній экстазъ все-осмысливающаго настроенія, Зайцевъ приподнялъ этотъ міръ надъ реальной дѣйствительностью. Обратнымъ путемъ пошелъ Юшкевичъ. Міръ, созданный имъ, также не есть міръ реальный, но съ нашей этизирующей точки зрѣнія онъ безконечно ниже дѣйствительности. Въ «похожденіяхъ Леона Дрея» Юшкевичъ попытался создать литературный гротескъ большого стиля. Это плохо удалось ему. Его герой — по нечеловѣческому размаху безграничной пошлости и подлости долженъ былъ бы напоминать чудовищную карикатуру, данную Ѳедоромъ Сологубомъ въ «Мелкомъ Бѣсѣ». Но Передоновъ, можно сказать, великъ въ своей мелкости. Леонъ Дрей остается ничтожествомъ. Въ его пошлости нѣтъ стиля, нѣтъ выдумки, въ его карикатурности нѣтъ жизни. Романъ Юшкевича не конченъ, и нельзя знать, къ чему онъ приведетъ своего героя—къ трагической Немезидѣ, карающей его подлость, или къ торжеству этой подлости, менѣе нравоучительному и равно возможному. Но едва ли и въ дальнѣйшемъ ему удастся связать интересъ читателя чѣмъ-либо болѣе значительнымъ, чѣмъ внѣшнія похожденія его героя. Съ первыхъ десяти страницъ романа Леонъ Дрей совершенно ясенъ; дальше онъ не развивается, а топчется на мѣстѣ, подличаетъ постарому и не внушаетъ интереса. Не внушаютъ его и прочія эпизодическія фигуры романа, — какіе-то ублюдки реализма и карикатурной выдумки. Читатель все время не знаетъ, въ какомъ мірѣ онъ, собственно, находится; бытовыя описанія говорятъ ему о совершенно опредѣленной средѣ, о мелкой еврейской буржуазіи въ большомъ южно-русскомъ городѣ. И вдругъ затѣмъ авторъ всѣмъ — и языкомъ дѣйствующихъ лицъ, и особенными преувеличеніями, бытовыми и психологическими нелѣпостями — старается показать, что это все не настоящее, ирреальное, что мы находимся въ мірѣ откровенной выдумки, въ ту или иную сторону преображающей дѣйствительность. И это ему не удается. Смотришь на его уродливыхъ чудаковъ въ родѣ приказчика-поэта Саула Розена или адвоката Мель-

никова и все время чувствуешь, что не авторъ владѣлъ этими образами, а они имъ: онъ не смѣлъ сдѣлать ихъ жизненно-ясными и потому сдѣлалъ карикатурными, — такъ сказать, безжизненно-ясными. Конечно, самъ Леонъ Дрей лучше другихъ: въ его безпредѣльной подлости не чувствуется безсилія автора; видишь, что онъ сказалъ именно то, что хотѣлъ сказать. Не его вина, если изъ этого такъ мало вышло. Дѣло въ томъ, что за Леона Дрея можно браться только съ громадными художественными силами: онъ долженъ быть великъ въ поэзіи, какъ онъ долженъ быть великъ въ своемъ гнусномъ ничтожествѣ. Иначе получается нѣчто маленькое и неинтересное.

Будетъ неудивительно, если къ этому маленькому одни прицѣпятъ антисемитическія разсужденія, а другіе станутъ обвинять Юшкевича въ антисемитизмѣ. И то и другое будетъ одинаково основательно. Какъ негодяй стихійный, утробный, можно сказать, космическій, Леонъ Дрей, конечно, выходитъ за предѣлы всякой человѣческой группы; если такіе есть, то они есть вездѣ. Объ антисемитскомъ замыслѣ Юшкевича, конечно, и рѣчи быть не можетъ; если же изъ его романа возможны антисемитическіе выводы, то, какъ извѣстно, они возможны изъ всего вплоть до таблицы умноженія.

Перелистываешь альманахъ, перечитываешь, пытаешься объединить въ какой-нибудь руководящей идеѣ собранныя въ немъ произведенія—и не видишь этой идеи. Просто смѣшна мысль, что эти сборники случайнаго беллетристическаго матеріала предполагали вытѣснить ежемѣсячную литературно-политическую печать. Альманахи могутъ быть болѣе или менѣе удачны, они могутъ имѣть тотъ или иной успѣхъ на книжномъ рынкѣ, но это только вопросъ книжнаго рынка. Въ идейной жизни занимаетъ мѣсто лишь то, что имѣетъ свое лицо—и слово альманахъ, какъ было, такъ и останется названіемъ чего-то легкаго и поверхностнаго, случайнаго и неиндивидуальнаго.

А. А. Исаевъ. Индивидуальность и соціализмъ. Спб., 1907. стр. 1—78.

Въ интересной и очень живо написанной брошюрѣ г. Исаева надо различать его выводы, такъ сказать, положительно сдѣланные и то настроеніе, которое книжка оставляетъ въ душѣ читателя. Въ силу какого-то непонятнаго на первый взглядъ обстоятельства, и то и другое необходимо расходятся.

По существу, г. Исаевъ не говоритъ въ брошюрѣ ничего новаго, его выводы безусловно общи ему со всей марксистской школой, а въ частности съ ея правымъ лагеремъ. Водвореніе соціалистическаго строя представляется ему возможнымъ лишь тогда, когда капитализмъ сдѣлаетъ свое дѣло, и не только дастъ громадный

запасъ хозяйственныхъ благъ, но и соотвѣтственнымъ образомъ воспитаетъ человѣчество. Какъ говоритъ проф. Исаевъ, для скорѣйшаго торжества соціализма «нужна совокупность такихъ условій: 1) развитое капиталистическое производство, создающее однородный умъ хозяйственной жизни... 2) высокій уровень умственнаго развитія народа и воспитанія въ немъ разнообразныхъ практическихъ навыковъ; 3) демократическое государственное устройство; 4) многочисленность людей, сознательно воспріявшихъ ученіе соціализма, 5) большое число гражданъ хотя бы умѣренно недовольныхъ капиталистическимъ строемъ». Эти условія облегчаютъ до чрезвычайности тотъ «главный способъ борьбы» за соціализмъ, которымъ является «дѣятельность прогрессивныхъ людей въ законодательныхъ учрежденіяхъ.. въ самоуправленіи», при чемъ «главными подготовительными мѣрами для побѣды являются устное и печатное слово... а также всѣ тѣ формы общенія, которыя связываютъ людей... и пріучаютъ ихъ къ совмѣстной работѣ». Достигнутый при помощи столь мирныхъ и лояльныхъ средствъ результатъ не замедлитъ осчастливить человѣчество. Уничтоженіе частной собственности на орудія производства устранитъ неравенство и привилегію нетрудовыхъ доходовъ, а частная собственность на средства потребленія и соотвѣтственная градація въ вознагражденіи труда дадутъ полный просторъ развитію личности, явятся стимуломъ для интенсивности болѣе сложныхъ видовъ труда. Однимъ словомъ, все какъ у скромныхъ и благонамѣренныхъ соціалистовъ ревизіонистскаго лагеря, и, казалось бы, достаточно привести эти положенія, и о книжкѣ А. А. Исаева нечего больше и говорить.

Но дѣло въ томъ, что этотъ блѣдный шаблонъ далеко не представляется главнымъ содержаніемъ этой книги, не даромъ она называется «Индивидуальность и соціализмъ». Центръ тяжести не въ заключительныхъ выводахъ автора, а какъ разъ въ первыхъ его главахъ, гдѣ передъ нами ведутъ между собою борьбу индивидъ и соціалистическая идея; и эти главы лучше всего удались автору, онѣ являются какъ разъ тѣми, которыя больше всего оставляютъ впечатлѣніе на читателя. Г. Исаевъ употребилъ всю силу своего краснорѣчія для того, чтобы доказать всю привлекательность и красоту индивида, всю безсмысленность, невозможность и варварство насильственно учиненнаго соціализма.

Мы не являемся приверженцами декретированнаго свыше царства равенства, братства и свободы. Подобно г. Исаеву, мы полагаемъ, что насиліемъ ничего сдѣлать нельзя; благо индивида, развитіе сознательной и нравственной личности, въ качествѣ соціальнаго идеала, менѣе всего могутъ вызвать возраженія съ нашей стороны. Но — удивителенъ индивидъ, котораго рисуетъ намъ почтенный экономистъ, и ужъ очень отвратителенъ рисуемый имъ опытъ революціоннаго соціализма. «Индивидуальность» г. Исаева— это безпечный и состоятельный бюргеръ капиталистической Европы,

стадный потребитель массоваго, шаблоннаго производства, самодовольный пошлякъ, который вполнѣ удовлетворяется тѣмъ, что, куда бы онъ ни обратился, вездѣ есть для него товаръ, на всякія цѣны и вкусы. Весь міръ съ этой точки зрѣнія представляется колоссальнымъ торговымъ базаромъ, въ которомъ чего хочешь, того просишь, и притомъ по дешевымъ цѣнамъ. Хочешь—ѣдешь на автомобилѣ, хочешь—лѣзешь на Гималаи, нравится Менцель—смотри на Менцеля, любишь Тургенева, вотъ тебѣ Тургеневъ. Разнообразіе и разнообразіе. И притомъ доступное всѣмъ желающимъ, стремящимся къ выраженію своей «личности». Непостижимый оптимизмъ заставляетъ нашего автора подыматься до настоящихъ гимновъ современному капитализму и восхвалять то «дружелюбіе», которое выражается въ лѣченіи жертвъ капиталистическаго строя, въ школахъ, курсахъ и чтеніяхъ для рабочихъ и различныхъ благотворительныхъ обществахъ. Современный бюргеръ, эгоистъ, возлюбившій свое превосходство, является великой силой настоящаго, изъза самолюбія ведетъ онъ громадныя предпріятія, изъ-за эгоизма добивается политическихъ правъ и свободы, изъ разсчета благотворительствуетъ и проявляетъ всюду несокрушимую энергію. И проф. Исаевъ падаетъ ницъ передъ этимъ бюргеромъ и его міромъ, превращеннымъ въ торговый домъ, передъ этой личностью съ ея разнообразіемъ и эгоизмомъ, богатствомъ и силой. Правда, нашъ экономистъ прекрасно сознаетъ, что если «два десятка лѣтъ напряженнаго труда... запечатлѣннаго талантомъ и безтрепетнымъ себялюбіемъ» отдаютъ «въ распоряженіе смѣлаго флибустьера... все, самыхъ красивыхъ женщинъ, дворцы, огромные сады и парки, морскія яхты, картины знаменитыхъ мастеровъ, собственныя желѣзныя дороги, а главное—власть надъ огромнымъ числомъ людей»,— то эта картина имѣетъ и обратную сторону: «Огромныя массы принижены, а меньшинство можетъ злоупотреблять выгодами своего положенія». Однако, это мало смущаетъ ослѣпленнаго писателя. Индивидуальность великаго мѣщанина рѣетъ передъ нимъ въ качествѣ вѣнца личнаго развитія, либеральный міръ богатаго и сильнаго буржуа заставляетъ его накладывать лучшія краски на свою палитру.

Съ какимъ сарказмомъ разоблачаетъ нашъ профессоръ коммунистическія мечты и доказываетъ невозможность соціальнаго переворота, какъ горячо защищаетъ онъ либеральнаго индивида отъ стѣсненія его личности со стороны темныхъ неимущихъ массъ. «Всѣ тѣ, которые поднялись до средняго достатка или даже богатства своими дарованіями, трудолюбіемъ, изобрѣтательностью... всѣ тѣ, которые ото дня рожденія спали на тончайшемъ бѣльѣ съ кружевами, но не разслабили своего ума и воли... всѣ промышленники, которые вышли изъ скромныхъ общественныхъ круговъ и образовали предпріятія съ тысячами работниковъ... сельскіе хозяева, привыкшіе управлять обширными имѣніями... изобрѣтатели... органи-

заторы банковъ, инженеры, живописцы, архитекторы, техники, механики, многіе редакторы и публицисты, генералы съ громкимъ именемъ, пріобрѣтеннымъ мужествомъ въ бояхъ, отличной распорядительностью во время мира, неустанной заботливостью о подчиненныхъ», всѣ они набросятся на соціализмъ и изничтожатъ его. И не мудрено, всѣ эти «индивидуальности» ссылались бы на огромныя матеріальныя богатства... на чрезвычайные успѣхи «капиталистическаго хозяйства», на изощреніе ума въ дѣлѣ технической изобрѣтательности... на «сокровищницу, хранящую то, что создано наукой и искусствомъ», они, подобно нашему экономисту, пропѣли бы торжественный гимнъ «въ честь разрушеннаго строя жизни потому, что онъ не препятствовалъ людямъ знатнаго рода и большого богатства проявлять чувства глубокаго дружелюбія, самоотверженно работать въ разныхъ областяхъ»... И отъ этихъ гимновъ въ соединеніи со штыками пали бы стѣны проклятаго соціалистическаго Іерихона и снова была бы спасена «индивидуальность».

Такъ пишетъ теперь проф. Исаевъ. Выводы въ пользу отдаленнаго и благонамѣреннаго соціализма,—разсужденія, полныя недовѣрія къ народнымъ массамъ, полныя боязни передъ ихъ движеніемъ. Не удивительно, что на первомъ планѣ у него блещетъ великій флибустьеръ жестокаго мѣщанскаго рая со своей «индивидуальностью».

А. А. Берсъ. Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ. (Дарвинизмъ въ этикѣ и роль религіи въ эволюціи этики). Изданіе автора. 1908 г. Спб. стр. 36.

А. А. Берсъ. Естественная исторія чорта (его рожденіе, жизнь и смерть) религіозно-историческое изслѣдованіе. Изданіе автора. 1908 г. Спб. стр. 24.

При всеобщемъ пробужденіи русскаго общества къ новой жизни, было вполнѣ естественно, что обыватель самыхъ разныхъ настроеній и характеровъ рѣшилъ не только дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, но и заговорить—и притомъ печатно. Когда вамъ попадаетъ въ руки одно изъ произведеній этой обывательской философіи, невольно вспоминается какой-нибудь захолустный городокъ, небольшая, но близкая компанія постоянныхъ спорщиковъ-друзей, которые за стаканомъ чая ведутъ нескончаемые разговоры по поводу разныхъ важныхъ вопросовъ, охватывающихъ собою недосягаемую глубину научнаго постиженія и такую же высоту философскаго воспаренія. Темы подобныхъ споровъ обыкновенно очень избиты и шаблонны, а споръ вѣчно повторяется безъ всякихъ ощутительныхъ результатовъ. Роли спорщиковъ тоже мѣняются: вчерашній оптимистъ сегодня дѣлаетъ уступку пессимизму, идеалистъ на время становится матеріалистомъ,

чтобы завтра вернуться къ идеализму, вся же аргументація неизбѣжно заимствуется изъ двухъ-трехъ научно-популярныхъ книжекъ, при чемъ новая книжка, прочитанная совершенно случайно, является своего рода перцемъ, который на-ново оживляетъ словесное круговращеніе. Нечего и говорить, что противники побиваютъ другъ друга почти исключительно ссылкой на непререкаемые авторитеты по грозной формулѣ: «наука говоритъ», «наука признала», «наука отвергла», «наука предписываетъ», «наука не сомнѣвается»... Иногда для разнообразія къ такой «наукѣ» присоединяется въ качествѣ приправы, то случайно выскочившій Спенсеръ, то откуда то свалившійся Ницше, или цѣлая коллекція безпорядочно набранныхъ именъ.

Конечно хорошо, что обыватель пробуждается, мы симпатизируемъ его искреннимъ намѣреніямъ. Но вотъ одно неудобно, зачѣмъ онъ непремѣнно хочетъ открыть ту самую Америку, въ которой, какъ извѣстно, уже побывалъ Христоферъ Колумбъ. И если даже обыватель сдѣлалъ конспектъ пары прочитанныхъ книжекъ и даже кое-какъ сколотилъ усвоенное парою собственныхъ измышленій — то спрашивается, зачѣмъ знать объ этомъ широкому міру, зачѣмъ тратиться на изданіе брошюрки и вводить рецензента во искушеніе.

Господинъ А. А. Берсъ сочинилъ «Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ», на протяженіи 36 страницъ онъ разсмотрѣлъ роль дарвинизма въ этикѣ и роль религіи въ эволюціи этики, издалъ на свой счетъ эту «нравственность» и назначилъ за нее 40 коп. Къ сожалѣнію, мы не можемъ не признать эту цѣну все-таки высокой. Правда, на основаніи «науки» онъ сталъ большимъ оптимистомъ и сумѣлъ дать розовую картинку, знаменующую собой безболѣзненную и мирную эволюцію. Чудеснымъ образомъ животный инстинктъ передается въ человѣкѣ съ великой цѣлью вызвать отвращеніе къ животности со стороны нравственнаго сознанія—«ибо надо исходить изъ низшаго, дабы понять высшее». Не менѣе удивительнымъ образомъ человѣческій эгоизмъ преисполняется альтруизма, при чемъ строго различается человѣкъ и животное, и послѣднее навѣки лишается правъ «духовной» жертвы во имя любви. Но лучше всего дѣло обстоитъ съ религіей: какъ оказывается, она есть исключительное хранилище всѣхъ соціальныхъ идеаловъ. И хотя «трудно прослѣдить какимъ путемъ эти высшія идеи попали въ религію», но «въ религію всегда входитъ экстрактъ лучшихъ, наиболѣе желанныхъ мыслей, выработанныхъ человѣкомъ». Такая спасительная роль религіи усложняется еще тѣмъ, что какъ разъ ей свойственъ «деспотическій характеръ». Механика-же такой эволюціи очень проста: осѣненные провидѣніемъ избранники постоянно забираютъ у небесъ изъ религіознаго хранилища нужныя имъ идеи и бросаютъ ихъ человѣчеству, чему послѣднее, если идеи годятся, очень радуется. Такъ,

при помощи пророковъ, своего рода религіозныхъ портныхъ, шьетъ человѣчество себѣ все лучшій и лучшій и, что удивительнѣе всего, все болѣе полезный и приспособленный моральный кафтанъ.

Объединивъ въ наивномъ оптимизмѣ и пользу, и счастье, и религію, и красоту, и науку, и теологію, авторъ кончилъ тѣмъ, что самого Дарвина миропомазалъ во священники. Такъ, дарвинизмъ завершается признаніемъ «создателя и руководителя вселенной», закономѣрность устанавливается «самимъ же создателемъ», а эволюціонный процессъ выражается въ томъ, «что въ жизни все предопредѣлено свыше»...

Неудивительнымъ является у нашего дарвиниста и его походъ противъ «атеизма», преисполненнаго «близорукости и высокомѣрія» задержавшаго у «грубыхъ земныхъ интересовъ» «естественное стремленіе мысли «къ полету въ высь!»..... «Сухмень. Душа изнываетъ. Народъ наивно-набожно ищетъ себѣ облегченія въ религіозномъ чувствѣ; онъ смиряется, и въ символическихъ пріемахъ какъ бы отдаетъ свою судьбу въ руки Божіи. Это мудро и послѣдовательно. Что же дѣлаетъ въ подобныхъ случаяхъ, при всемъ своемъ высокомѣріи атеистъ? Чѣмъ можетъ онъ успокоить свой потревоженный духъ?»—Увы, онъ чувствуетъ себя, «какъ безсильныя козявки»...

Это аргументъ рѣшительный и опредѣленный; спорщикъ-пессимистъ сраженъ. Наука, вооруженная незабвеннымъ «Токвилемъ», одержала верхъ. Козявки умолкаютъ, господинъ же Берсъ переходитъ къ естественной исторіи не кого иного, какъ самого чорта...

И нужно замѣтить, что, несмотря на очень важное заглавіе «религіозно-историческаго изслѣдованія», маленькая брошюрка г. Берса о чортѣ отличается нѣсколькими выгодными чертами отъ «Нравственности» того же автора. Здѣсь мы находимъ хотя бы примитивную попытку самостоятельно разобраться въ нѣкоторыхъ источникахъ, хотя бы нѣкоторые матеріалы, въ родѣ библіи и отдѣльныхъ ея частей, по которымъ можно провѣрить извѣстную основательность авторскихъ утвержденій. Правда, и здѣсь «наука» выходитъ покрытая флеромъ анонима, и нѣтъ никакихъ ссылокъ на историческіе или богословскіе труды. Дарвинизмъ автора и тутъ продолжаетъ свою роль въ качествѣ своеобразнаго «бога изъ машины»—все же эта брошюрка даетъ хотя какіе-нибудь результаты.

Только въ одномъ мы никакъ не можемъ согласиться съ нашимъ дарвинистомъ: онъ думаетъ, что «наука сшибла средневѣкового чорта съ его престола, онъ полетѣлъ съ него кубаремъ внизъ и занялъ подобающее ему мѣсто, указанное Христомъ, а именно онъ сталъ символическимъ выраженіемъ всего того, что противоположно добру». Мы думали, что наука менѣе всего нуждается въ авторитетѣ сверхестественныхъ существъ и еще менѣе занимается распредѣленіемъ какихъ бы то ни было мѣстъ по указаніямъ Христа. Съ другой стороны, мы полагаемъ, что нашъ авторъ слишкомъ рано

схоронилъ чорта и напрасно утверждаетъ, что «современное христіанское истинно-религіозное міровоззрѣніе вовсе не нуждается въ чортѣ». Увы, то «истинное христіанство» которое при помощи Дарвина и евангелія строитъ нашъ эволюціонистъ далеко еще не нашло себѣ общаго признанія. И его отвергнутъ далеко не одни «скудоумные атеисты». Самъ авторъ никакъ не можетъ разстаться съ нечистой силой, хотя и дѣлаетъ чорта лишь одной изъ идей, которыя должно вмѣщать въ себѣ христіанство. Мы рѣшительно противъ всякаго «симбіоза» съ чортомъ, хотя и сомнѣваемся чтобъ его было такъ легко упразднить. Трудно лишить небеса столь преданнаго городового.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Книг.-во „Основа". М. 1908: 1) ***Пьеръ Лоти***. Разочарованныя. Романъ изъ соврем. жизни турецкихъ гаремовъ. Ц. 1 р. 35 к.—2) ***Н. П. Рыжановъ***. Въ тылу. Разсказы. Ц. 50 к.—3) ***Р. Блэчфордъ***. Волшебная лавка. Невѣроятный романъ. Ц. 90 к.—4) ***К. Подводскій***. Лучи жизни. Ц. 1 р.—5) ***Максъ Ферворнъ***. Механика душевной жизни. Пер. В. Линдъ. Ц. 50 к.

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. М. 1908: 1) ***Э. Сетонъ-Томпсонъ***. Красный воротничекъ. Ц. 20 к.—2) ***Его же***. Хромуша-медвѣжонокъ. Путешествіе дикой утки. Ц. 25 к.—3) ***Его же***. Лобо, король Корромпо. Ц. 15 к.—4) ***Его же***. Летунъ. Исторія почтоваго голубя. Ц. 12 к.

Е. Шепердъ. Молодымъ людямъ и отцамъ сыновей. Бесѣды о половой жизни человѣка. Пер. Е. Дунаевой. Изд. „Посредника". М. 1908. Ц. 55 к.

Кн-во „Пантеонъ". Спб. 1908: 1) ***Вилье де-Лиль Адамъ***. Жестокіе разсказы. Ц. 60 к. — 2) ***Оскаръ Уайльдъ***. Саломея. Ц. 1 р.

Г. Градовскій. Итоги. 1862—1907. Кіевъ. 1908.

В. Хвостовъ. Этюды по современной этикѣ. М. 1908. Ц. 1 р.

Поль Дюбуа. Пропорціональное представительство въ опытѣ Бельгіи. Пер. Ив. Блинова и З. Дзичканецъ. Спб. 1908. Ц. 90 к.

К. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Изд 2-е. Спб. 1908. Ц. 1 р.

С. С. Х. Финансы Россіи. 2-е изд. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Е. И. Якушкинъ. Обычное право. Вып. III. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Оливеръ Лоджъ. Сущность вѣры въ связи съ наукой. Катехизисъ для родителей и учителей. Изд. В. Богушевскаго. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Ю. Александровичъ. Послѣ Чехова. Очеркъ молодой литературы послѣдняго десятилѣтія. 1898—1908. М. 1908. Ц. 1 р.

В. Бельше. Любовь въ природѣ. Ч. I. Пер. Э. Пименовой. Спб. 1908. Ц. 2 р.

А. Кауфманъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. I. Земельныя отношенія и земельная политика М. 1908. Ц. 40 к.

В. Чарнолускій. Сводъ законовъ, циркуляровъ и справочныхъ свѣдѣній по народному образованію. Изд. Т-ва Сытина. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

„Сборникъ". Изд. Харьковскаго студенч. литер.-философскаго кружка Харьковъ. 1908. Ц. 70 к.

В. Черновъ. Теоретики романскаго

синдикализма. Поль Луи. Синдикализмъ во Франціи. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ М. Гершовичъ. Выборъ курорта. Спб. 1908.

Георгъ Еллинекъ. Борьба стараго права съ новымъ. Пер. С. К. Ч. К-во Заратустра. М. 1908. Ц. 40 к.

В. Ф. Трахтенбергъ. Блатная музыка. („Жаргонъ" тюрьмы). Подъ ред. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Артуръ Шницлеръ. Графиня Мицци. Пер. З. Венгеровой. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Э. Кипэ. Революція и критика ея. 2 т. Пер. Конаревыхъ. Изд. Уманскаго. М. 1908. Ц. 2 р.

П. Альтенбергъ. Сказка жизни. Пер. Р. Марковичъ. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1908. Ц. 1 р.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Т. 1-й. М. 1908. Ц. 1 р.

Д. Мережковскій Павелъ I. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

П. Критская и П. Лебедевъ. Исторія синдикальнаго движенія во Франціи 1789—1907. М. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

Маркъ Богуславлевъ. Вой тьмы. Стихотворенія. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Н. М. Бубновъ. Ариѳметическая самостоятельность европейской культуры. Кіевъ. 1908. Ц. 2 р.

С. Кондурушкинъ. Сирійскіе разсказы. Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1908. Ц. 1 р.

З. Гиппіусъ, Д. Мережковскій и Д. Философовъ. Маковъ цвѣтъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. Пирожкова. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Л. Козловскій. Новыя вѣянія въ соціализмѣ передъ судомъ русской критики. Изд. С. Дороватовскаго и Чарушникова. М. 1908. Ц. 50 к.

И. Переферковичъ. Еврейскіе законы объ иновѣрцахъ въ антисемитскомъ освѣщеніи. Спб 1908. Ц. 35 к.

Паоло Мантегацца. Современныя женщины. К-во „Современныя Проблемы". М. 1908. Ц. 1 р.

М. Усовъ. Преданіе и факты Къ еврейскому вопросу. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Еврейскій альманахъ. Книга первая. Perasprera. Изд. И. Самоненко. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р.

А. Архангельскій. Д. И. Менделѣевъ, его научная и общественная дѣятельность. Изд. Ѳ. Ѳедорова. 1907. Ц. 25 к.

Матеріалы къ поземельнымъ вопросамъ Кавказскаго края. Ч. I. Поземельное обложеніе. Тифлисъ. 1908.

Г. Гельмгольцъ. Мышленіе въ медицинѣ. Рѣчь. Пер. Ю. Гольдендаха. 1907. Ц. 30 к.

Ал. Шмеръ. Генрихъ Гейне. Пер. Ю. Гольдендаха. 1907. Ц. 20 к.

Проф. І. Фейлингъ. Мать и ея ребенокъ. Пер. Ю. Гольдендаха. 1906. Ц. 25 к.

В. Троицкій. Торговля на общественныхъ началахъ при содѣйствіи государства. Харьковъ. 1908. Ц. 30 к.

XXII Сборникъ Т-ва „Знаніе". Спб. 1908. Ц. 1 р.

С. Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Кн. во „Грифъ". М. 1908. Ц. 1 р.

Случайныя замѣтки.

Изъ области литературнаго шаманства. ...«Для раскрытія градацій въ области искусства мы предлагаемъ соціально-біологическій (и въ то же время *религіозный*) критерій, примѣненіе котораго къ искусству способно положить начало новой эстетикѣ, корнями своими питающейся черноземомъ физіологическихъ изслѣдованій и цвѣтущей вершиной поднимающейся до неба небесъ самыхъ высшихъ религіозныхъ переживаній»... «Свободный, художественный, постоянно-творческій культъ превратитъ храмы въ театры и театры въ храмы. Общественный театръ будетъ мѣстомъ коллек-

тивныхъ постановокъ трагедій, долженствующихъ поднимать души до религіознаго экстаза» *).

...«Въ балетѣ заключена та литургичность, о которой мы стали усиленно мечтать а за послѣднее время»... «Балетъ есть культъ божества радости»... «Въ плясовомъ зрѣлищѣ всякое евангеліе и даже христіанское могло бы освѣтиться и освятиться»... «Балетъ можетъ быть священно-литургическимъ» **).

...«Спектакль Метерлинка—*мистерія*: или еле слышная гармонія голосовъ... или экстазъ, зовущій къ всенародному религіозному дѣйству, къ пляскѣ подъ звуки трубъ и органа, къ вакханаліи великаго торжества чуда» ***).

...«Единственный путь воскресенія для него (театральнаго зрителя)—стать участникомъ мистеріи, въ литургійномъ обрядѣ соединить свою руку съ рукою своего брата, съ рукою своей сестры, и устами вѣчно томящимися отъ жажды приникнуть къ таинственно-наполненной чашѣ, гдѣ Я съ водою смѣшаю кровь. Въ свѣтломъ и всенародномъ совершить храмѣ то, что нынѣ совѣршается только въ катакомбахъ» *).

...«Только тогда дѣйствіе искусства разсѣчетъ жизнь, когда жезлъ жреца и багряная рана жертвы откроетъ намъ литургическую тайну бытія» **).

...«Будущій театръ будетъ театромъ всенароднымъ, театромъ религіознымъ или мистическимъ, театромъ мистерій» ***).

Эти цитаты взяты для примѣра изъ «Книги о Новомъ Театрѣ», изданной «Шиповникомъ». Если вѣрить заглавію, книга посвящена выясненію такъ называемой «проблемы о театрѣ будущаго». Въ ней 10 статей различныхъ авторовъ. О книгѣ, собственно, не легко сказать что-либо опредѣленное. Въ ней нѣтъ выводовъ, нѣтъ нималѣйшаго признака того, что называется редакторскимъ планомъ. Просто,—рядъ авторовъ, противорѣча другъ другу и даже сами себѣ, много и пространно въ началѣ и серединѣ книги говорятъ о театрѣ религіозномъ, о театрѣ мистерій. А подъ конецъ выступаетъ г. Андрей Бѣлый и остроумно доказываетъ, что почти все напечатанное выше есть «кокетничанье съ пустотой». Правда, книга мѣстами даетъ не безынтересныя фактическія и техническія справки,—главнымъ образомъ, въ статьѣ г. Мейерхольда. Но и относительно чисто фактическихъ данныхъ не обходится безъ неловкостей. На стр., напримѣръ, 154—155 г. Мейерхольдъ дѣлаетъ ссылки на г. Вал. Брюсова, какъ на своего союзника. А на стр.

*) „Книга о новомъ театрѣ", изд. Шиповникъ. Изъ статьи г. Луначарскаго: „Соціализмъ и искусство".

**) ibid. Изъ статьи г. Александра Бенуа: „Бесѣда о балетѣ".

***) ibid. Изъ статьи г. Вс. Мейерхольда: „Театръ".

*) ibid. „Театръ одной воли" г. Өед. Сологуба.

**) ibid. „Принципы театра будущаго" г. Георгія Чулкова.

***) ibid. „Эволюція театра" г. С. Рафаловича.

258—259 выступаетъ самъ г. Вал. Брюсовъ, какъ противникъ г. Мейерхольда. И въ сущности по вопросу о «театрѣ будущаго» этотъ сборникъ противорѣчій почти ничего не даетъ. Есть, однако, въ немъ нѣчто такое, на чемъ не лишне остановиться.

Любопытно прежде всего, что разные и противорѣчащіе другъ другу люди, дѣйствуя, повидимому, безъ всякаго предварительнаго уговора, то и дѣло повторяютъ: «литургійное дѣйство», «религіозное дѣйство,» «мистерія», «таинство»... А еще, пожалуй, любопытнѣе, что изъ нихъ только г. Андрей Бѣлый догадался поставить вопросъ: а какой собственно смыслъ имѣютъ эти слова? «Приглашаютъ ли насъ,—спрашиваетъ онъ,—вернуться къ тѣмъ примитивнымъ религіознымъ формамъ, изъ которыхъ развилась драма? Если да, подавайте намъ козла для закланія. Но что мы будемъ дѣлать съ козломъ послѣ Шекспира?» Козелъ г. Андрея Бѣлаго, конечно, фигура реторическая и саркастическая. У г. Ѳ. Сологуба, мечтающаго подъ видомъ литургическихъ дѣйствъ «въ свѣтломъ и всенародномъ храмѣ совершать то, что нынѣ совершается въ катакомбахъ», очевидно, совсѣмъ не козелъ на умѣ. Но какія же, однако, у него намѣренія? Можно, пожалуй, догадываться, не замышляетъ ли онъ возродить культъ Астарты. Можно даже подтвердить эту догадку цитатами изъ его статьи. «Какъ хлысты,—пишетъ, между прочимъ, г. Ѳ. Сологубъ—хлынемъ на сцену и закружимся въ неистовомъ радѣньи. Дѣйствіе трагедіи будетъ сопровождаться и перемежаться пляскою... болѣе или менѣе неистовою. Потому что пляска есть не что иное, какъ ритмическое неистовство души и тѣла». И далѣе: «корсетъ, перчатки, башмаки... соотвѣтствуютъ маскѣ древняго трагическаго актера. Но маска намъ не нужна. Пляшущій зритель и пляшущая зрительница придутъ въ театръ и у порога оставятъ свои грубыя мѣщанскія одежды. И въ легкой пляскѣ помчатся»... Дѣйствительно, слова: «литургическое дѣйство» допускаютъ и такое истолкованіе. Подъ литургическимъ дѣйствомъ можно, вѣдь, понимать именно рядъ публичныхъ актовъ, въ которыхъ или реально, или символически Я пріобщается къ не-Я и не-Я къ Я, микрокосмъ къ макрокосму и макрокосмъ къ микрокосму. Однако, почему же видѣть пріобщеніе Я къ не-Я только въ сексуальныхъ актахъ? Вѣдь, Я пріобщается къ не-Я и во время самой обыкновенной ѣды,—между прочимъ, на этомъ именно отношеніи къ акту ѣды основывается благочестивая обрядность монастырскихъ трапезъ и простонародныхъ обѣдовъ. Наконецъ, чтобъ пріобщить Я къ не-Я достаточно выпить рюмочку водки, а если при этомъ выпившій плюнетъ, то совершится и обратное «таинство»: макрокосмъ пріобщится къ микрокосму... Можетъ быть, г. Сологубъ предлагаетъ совершать всенародно не что-либо этакое, а самыя мирныя вещи: ну, напримѣръ, поужинать (послѣ пляски то кстати и аппетитъ долженъ быть), выпить по рюмочкѣ вина, всенародно плюнуть, или даже всенародно стричь волосы и

ногти... Вѣдь, можно, пожалуй, и теперь еще найти стариковъ, бережно хранящихъ въ святомъ углу подъ образами обрѣзки собственныхъ ногтей и волосъ. Сами по себѣ слова г. Сологуба не такъ ужъ окончательны. Рядомъ съ ними у него есть другія слова, совершенно буколическія. «Искусство,—пишетъ онъ, напримѣръ,—золотой сонъ, и почему драмѣ не быть ритмическимъ сновидѣніемъ?... Въ тишинѣ, въ темнотѣ, въ уединеніи долженъ быть зритель трагическаго театра. Какъ суфлеръ въ тѣсной своей будкѣ. Какъ театральная мышь.. Никто не посмѣется надъ нимъ, никого не обезпокитъ и не шокируетъ его внезапный въ самомъ патетическомъ мѣстѣ храпъ»...

Боюсь, что читатель ничего не понимаетъ. Признаться, я тоже у г. Сологуба мало понялъ. Видите ли, въ самомъ началѣ статьи у него какъ-то вдругъ сорвались словечки: «роковыя ступени... таинство». И онъ немедленно потребовалъ «литургійнаго обряда», «соборнаго дѣйствія въ театрѣ, гдѣ Я»... Запнувшись нѣсколько разъ о слово Я, онъ, видимо, вспомнилъ «о волѣ», драматурга и тотчасъ же предъявилъ новое требованіе,—чтобы воля драматурга не искажалась ни режиссеромъ, ни актеромъ, и чтобы въ этихъ видахъ общепринятая сценическая игра была замѣнена литературнами чтеніями. Развивая мысль въ эту сторону, онъ употребилъ слово «маріонетка». И тотчасъ же поставилъ полутребованіе-полувопросъ: «А почему же, однако, и не быть актеру, какъ маріонетка». Черезъ нѣсколько страницъ опять по спопутности ему попадается словечко: «искусство золотой сонъ». И, не мѣшкая ни минуты, онъ предъявляетъ новое требованіе,—приспособить театръ для спанья и предоставить зрителямъ полную свободу храпѣть. Но тутъ г. Сологубъ неожиданно споткнулся о слово: «пляски». И на этомъ основаніи пришелъ къ выводу: «хорошо, что пляшетъ Айседора Дунканъ, обнажепныя окрыляя пляскою ноги». А, стало быть, всѣ должны обнажиться, и всѣ должны плясать.

Надо замѣтить, что на этотъ методъ мышленія, усвоенный, къ сожалѣнію, далеко не однимъ г. Ѳ. Сологубымъ, въ послѣднее время обратили вниманіе психіатры и пришли къ весьма тяжкимъ выводамъ. Психіатрическая оцѣнка такъ называемыхъ «молодыхъ писателей» послужила, между прочимъ, темой для публичныхъ лекцій,—напр., въ Москвѣ. Эта реакція противъ шума, слишкомъ неумѣренно поднятаго вокругъ «молодыхъ», пока только начинается. Возможно, что съ нею еще придется сводить счеты серьезно. А пока психіатрическіе выводы оставимъ въ покоѣ. Въ общихъ чертахъ, надѣюсь, понятно, къ какимъ заключеніямъ можно прійти, если быстрыя и безпорядочныя перескакиванія того же хотя бы г. Ѳ. Сологуба отъ одной мысли къ другой считать фактами, подлежащими психіатрическому учету. Однако, дѣйствительно ли это—факты, подлежащіе психіатрическому учету, или всего лишь кривлянье, до нѣкоторой степени сознательное и обдуманное? Бре-

дитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, или только безалаберно жонглируетъ словами и понятіями, не усвоивъ себѣ привычки чувствовать, что слова обязываютъ? И, насколько я понимаю, г. Сологубъ не бредитъ, какъ не бредятъ и его товарищи по сборнику.

«Жезлъ жреца и багряная рана жертвы откроютъ намъ литургическую тайну бытія». Да проститъ мнѣ авторъ этой абракадабры г. Георгій Чулковъ, но я увѣренъ, что онъ психически здоровъ и лишь холодно припоминаетъ нарочито страшныя, нарочито непонятныя слова и холодно составляетъ изъ нихъ нарочито страшныя и нарочито непонятныя фразы. Право же, это не болѣзнь. Это просто дурная манера письма, возрожденіе чисто шаманскихъ пріемовъ въ литературѣ, несомнѣнно идущее навстрѣчу нѣкоторому читательскому спросу. У дикарей, чѣмъ загадочнѣе слова шамана, тѣмъ большимъ почетомъ онъ пользуется. Въ нашихъ деревняхъ до сихъ поръ благочестивыя старухи тѣмъ усерднѣе кладутъ поклоны, чѣмъ непонятнѣе для нихъ слова дьячка. Надъ Аграфеной Кондратьевной Островскаго имѣли таинственную власть металлъ и жупелъ. Духовныя дочки и сыновья Аграфены Кондратьевны успѣли обучиться наукамъ; металломъ и жупеломъ ихъ не проймешь. Но «жезлъ жреца», но «багряная рана жертвы», быть можетъ, пронзаютъ насквозь ихъ сердца.

Привычкѣ выражать мысли не общепонятнымъ языкомъ, а шаманскими заклинаніями, тѣмъ легче было укорениться, что до сихъ поръ гг. Чулковы предпочитали оперировать въ безграничномъ пространствѣ. Тамъ, въ туманѣ апокалипсическихъ, литургическихъ и всякихъ другихъ тайнодѣйствъ, можно безнаказанно дѣлать скачки, куда угодно и какъ угодно. И, гарцуя на багряной ранѣ жертвы въ безграничномъ пространствѣ, г. Чулковъ имѣлъ бы, пожалуй, необыкновенно глубокомысленный видъ. Издательство «Шиповникъ», предложившее спроектировать «багряныя раны» и «литургическія мистеріи» не въ духовѣдѣніе плоти или плотечувствіе духа, а на нѣкоторое вполнѣ земное, хотя и достаточно для редакціи сборника туманное мѣсто, въ сущности устроило предательскую ловушку. Изъ привычныхъ, напр., для г. Сологуба, и совершенно не опасныхъ въ пустотѣ, скачковъ при проекціи на землю получилось, какъ мы видѣли, что театръ въ одно и то же время долженъ быть и свѣтлымъ, и темнымъ, и приспособленнымъ для неистовыхъ плясокъ, и сплошь заставленнымъ суфлерскими будками, въ коихъ можно безъ помѣхи спать... Повторяю, это вовсе не значитъ, что г. Сологубъ боленъ, какъ не былъ боленъ тотъ сельскій священникъ, который, если вѣрить старому анекдоту, на вопросъ прихожанъ послѣ обѣдни, благополучно ли отелилась его корова, отвѣтилъ: «преста адово мучительство и царство уничижися прочее». Просто, человѣкъ повторяетъ привычныя дѣйствія и привычныя слова, не замѣчая, что они ужъ очень наглядно не соотвѣтствуютъ условіямъ мѣста и времени. Большая часть сборника о театрѣ посвящена именно демонстрированію силы

привычекъ. И въ этомъ смыслѣ, какъ человѣческій документъ, книга несомнѣнно имѣетъ интересъ для психолога.

Но демонстраціей силы привычекъ дѣло не ограничивается. Въ сущности, если бы г. Сологубъ попытался, хотя только для себя, изложить свою статью общепонятными словами, то, навѣрное, онъ самъ почувствовалъ бы нѣкоторое смущеніе. И думаю, это случилось бы не съ однимъ г. Сологубомъ. Г. Луначарскій, напр., тоже по привычкѣ гарцуетъ на «нейронахъ одного мірового мозга», на «молекулахъ міровой души» и на прочихъ краснорѣчивыхъ пустотахъ, каковыя можно творить въ безграничномъ множествѣ. И у него также получается, что путь соціализма ведетъ то къ полному сближенію театральныхъ зрѣлищъ съ какими-то необыкновенно утонченными и возвышенными религіозными тайнодѣйствіями, то къ торжеству мелодрамы и грубой комедіи, къ созданію особаго «варварскаго соціалистическаго искусства», ибо «спасеніе цивилизаціи въ ея варварахъ, а такъ называемое культурное общество гніетъ»... Не увлекайтесь, однако,—это у г. Луначарскаго лишь на стр. 39 культурное общество гніетъ. На стр. 27 спасеніе полагается въ той части культурнаго общества, которая стоитъ на вершинахъ научнаго соціализма и «нуждается въ искусствѣ», такъ какъ «всякое искусство есть агитація», «воспитаніе душъ, культурное преобразованіе»... Я не пытаюсь ловить г. Луначарскаго на противорѣчіяхъ. Это у меня получаются противорѣчія, когда я хочу перевести жаргонъ, усвоенный г. Луначарскимъ, на общеупотребительный русскій языкъ. Но въ концѣ концовъ это все таки жаргонъ. Небо небесъ религіи, «праздники самозабвенія въ минутахъ оргійнаго ликованія», и многія другія таинственности г. Луначарскаго для меня совсѣмъ непостижимы. О словахъ менѣе мудреныхъ я сужу лишь по догадкамъ, хотя и не ясно понимаю, почему, напр., варвары цивилизаціи оказываются не злодѣями, а патріотами своего отечества. Правда, догадываюсь смутно, что подъ ними собственно надо разумѣть классъ пролетаріевъ, но это именно смутная догадка. Быть можетъ, если г. Луначарскій захочетъ написать къ своей статьѣ комментарій, окажется, что варвары цивилизаціи совсѣмъ не пролетаріи, не «физическіе рабочіе», а какъ разъ тѣ, кто стоитъ на вершинахъ научнаго соціализма...

Но гарцовать на міровыхъ нейронахъ по землѣ нельзя безнаказанно. Какъ ни молюскообразна мысль г. Луначарскаго, а всетаки въ ней получились нѣкоторыя опредѣленныя очертанія. Онъ пишетъ, напр., о варварскомъ театрѣ, требующемъ мелодрамъ и грубыхъ комедій. Собственно, это повтореніе общеизвѣстной истины о простонародномъ театрѣ. Казалось бы, г. Луначарскому нѣтъ никакого резона открывать такую Америку послѣ Колумба,—вѣдь, передъ нимъ проблема «новаго театра», проблема, созданная тѣми слоями общества, для которыхъ уже старъ художественный театръ, которые не удовле-

творены исканіями театра Коммиссаржевской, которымъ вообще требуется «новое слово» въ театральной техникѣ. Казалось бы далѣе, разсуждая на эту, относительно узкую и до нѣкоторой степени техническую тему, всего меньше можно забыть о необыкновенномъ разнообразіи публичныхъ зрѣлищъ и еще большемъ разнообразіи вкусовъ эстетическихъ потребностей, взглядовъ настроеній, обезпечивающихъ существованіе мистера Понча и Дузе, церковной мистеріи и кафешантанта, ярмарочнаго балагана и художественнаго театра. Масленичнаго дѣда или уличнаго акробата можно, пожалуй, сопоставлять съ Шаляпинымъ. Слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, знать и помнить, что при всемъ безконечномъ разнообразіи публичныхъ зрѣлищъ у нихъ есть нѣкоторая общая историческая и антропологическая основа. Именно памятуя объ этихъ общихъ корняхъ, всего труднѣе въ настоящее время забыть о необыкновенной сложности развѣтвленій, всего труднѣе ставить себѣ совершенно фантастическую задачу о театрѣ универсальномъ, упраздняющемъ всѣ роды зрѣлищъ, удовлетворяющемъ сразу на всѣ вкусы, на всѣ потребности, на всѣ настроенія. Фантастичность такой задачи, навѣрное, была бы вполнѣ понятна и авторамъ сборника, если бы они сами себя не загипнотизировали своими шаманскими заклинаніями не увлекались возможностью въ туманѣ шаманства почти незамѣтно замѣнять одни понятія другими.

Простонародный театръ при данномъ состояніи вкусовъ и при данномъ уровнѣ эстетическаго развитія требуетъ мелодрамъ и грубыхъ комедій. Г. Луначарскій снова простонародный театръ замѣняетъ «варварскимъ соціалистическимъ искусствомъ». Соціалистическое искусство... Соціализмъ есть порядокъ будущаго... Разъ, два, три. Готово—въ театрѣ будущаго должны торжествовать мелодрама и грубая комедія. Позвольте, а кафешантанъ, а оперетка, а мессы? Сейчасъ. «Глубокая, въ даль устремленная меланхолія», «оргійное ликованіе», «свободный религіозный культъ», въ немъ сольются «острое наслажденіе мгновеніемъ» и «широко обнимающее чувство единства, и вѣчности растущаго вида»... Читатель вслѣдъ за г. Луначарскимъ безнадежно тонетъ въ этомъ наборѣ мудреныхъ словъ, въ этомъ доведенномъ до высокаго совершенства глубокомысленномъ празднословіи. И вотъ уже вы совсѣмъ потонули и уже отчаялись выплыть на берегъ. Но разъ, два, три... Готово — «постоянно творческій культъ превратитъ храмы въ театры и театры въ храмы», гдѣ и будутъ происходить «праздники самозабвенія въ минутахъ оргійнаго ликованія».

Васъ интересуетъ вопросъ о новомъ театрѣ. Попробуемте вслѣдъ за г. Вс. Мейерхольдомъ сказать, что новый театръ долженъ «опьянить зрителя діонисическимъ хмѣлемъ вѣчной жертвы». Не пугайтесь, тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Вѣдь, когда, напр., Хлестаковъ дѣлаетъ амурное предложеніе городничихѣ, онъ опьяненъ именно «діонисическимъ хмѣлемъ», требуетъ «жертвы», и

притомъ, несомнѣнно, «вѣчной», ибо, согласитесь, амурная страсть—штука, дѣйствительно, вѣчная, одинаково властная надъ всѣми людьми и во всѣ времена. Итакъ, мы допускаемъ нѣсколько невинныхъ каламбуровъ, придающихъ рѣчи оттѣнокъ глубокомыслія. А затѣмъ гутаперчевая «вѣчная жертва» и столь же гутаперчевый «діонисическій хмель» моментально растягиваются до безконечности, обвалакиваютъ всѣ проявленія жизни, всѣ роды зрѣлищъ. Разъ, два, три... И у г. Мейерхольда готово: онъ уже «останавливаетъ развѣтвленіе театра на Интимные и воскрешаетъ театръ Единый»...

Литургичность, священно-литургичность, религіозное дѣйство, таинственный обрядъ... Сила этихъ и подобныхъ словечекъ не въ томъ только, что они при умѣлой комбинаціи способны оглушить. Они хороши также по своей совершенной неопредѣленности,—въ родѣ тѣхъ всегда двусмысленныхъ словечекъ, какими нѣкогда чревовѣщали пифіи. «Литургичность» г. Бенуа или г. Сологуба, какъ резиновую колбасу игрушечныхъ лавокъ, можно сжать въ комокъ и помѣстить въ орѣховую скорлупу, но можно растянуть и раздуть... Растяжимость резиновой колбасы все же имѣетъ предѣлы. Растяжимость литургическихъ, религіозныхъ и всякихъ иныхъ дѣйствъ безпредѣльна. И вполнѣ естественно, что авторы сборника упорно возвращаются къ этимъ «дѣйствамъ». Для нихъ это мостъ, безъ котораго нельзя было бы съ земной, реальной темы: «новый театръ» перескочить къ проектированію какихъ-то фантастическихъ универсальныхъ зрѣлищъ, разсчитанныхъ на всѣ потребности и вкусы. Не будь словечекъ, которыя то сжимаются до размѣровъ горчичнаго зерна, то растягиваются до безконечности, нельзя было бы, разсуждая о явно фантастическихъ вещахъ, дѣлать видъ, что рѣшаешь вполнѣ реальную задачу. Да и боюсь, признаться, что, за исключеніемъ г. Вс. Мейерхольда, безъ сомнѣнія, изучившаго театральное дѣло, какъ свою профессію, да еще, пожалуй, 2—3 любителей, остальнымъ авторамъ сборника собственно и нечего было высказать по данному вопросу. По крайней мѣрѣ, они ничего, предъявить не сумѣли, кромѣ необыкновеннаго умѣнья прыгать по словеснымъ мостамъ черезъ пропасти, во мгновеніе ока превращать кафешантанъ въ религіозное учрежденіе, балетъ въ трагедію, мелодраму въ оргійное ликованіе...

А. Петрищевъ.

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.

(1821—1908).

На восемьдесятъ седьмомъ году жизни, т. е. въ возрастѣ, до котораго не доживалъ еще ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ, скончался «поэтъ-гражданинъ» Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ. Не обширны были размѣры художественнаго дарованія покойнаго, но исторія русской литературы должна, тѣмъ не менѣе, занести это скромное имя на свои страницы, помянуть поэта добрымъ и теплымъ словомъ.

Были два момента въ литературной дѣятельности Жемчужникова, отдѣленные одинъ отъ другого слишкомъ двумя десятилѣтіями, когда онъ оказалъ родной литературѣ большія и существенныя услуги.

Въ первый разъ это было на порогѣ знаменитыхъ «шестидесятыхъ годовъ», въ концѣ царствованія Николая I и въ начальные годы царствованія Александра II, когда многострадальная литература наша переживала одну изъ самыхъ горестныхъ эпохъ своего существованія. «Стоокое и стозѣвное чудище» цензуры крѣпче, чѣмъ когда-либо, сжимало ее въ мертвящихъ объятіяхъ, и современные журналы недоумѣвали, чѣмъ заполнять свои листы; редакторъ «Современника», знаменитый поэтъ Некрасовъ, самолично строчилъ съ этою цѣлью длинные и невозможно-скучные романы... И вотъ въ эти-то мертвые годы выступилъ на сцену съ оригинальной и веселой сатирой Козьма Прутковъ, подъ именемъ котораго скрывалась группа изъ трехъ или даже четырехъ талантливыхъ поэтовъ-юмористовъ; душою группы и наиболѣе дѣятельнымъ ея членомъ былъ, какъ извѣстно, А. М. Жемчужниковъ. Не сразу даже поймешь въ настоящее время соль и значеніе этой невинной, повидимому, безобидной сатиры-шутки, но, безобидная по формѣ, она была злымъ и острымъ по существу протестомъ противъ искусственно-безжизненнаго состоянія тогдашней литературы. Такъ именно читающая публика и понимала «сочиненія» Пруткова...

Съ середины 60-хъ годовъ Жемчужниковъ, казалось, безслѣдно скрылся съ литературнаго горизонта. Громкій и властный хоръ родственныхъ ему по духу, но болѣе сильныхъ талантомъ поэтовъ, съ Некрасовымъ во главѣ, заглушалъ его голосъ, и самъ Алексѣй Михайловичъ печатно признавалъ впослѣдствіи, что считалъ лишнимъ выступать при жизни Некрасова съ своими, какъ ему казалось, блѣдными стихами. Но послѣ смерти великаго «печальника горя

народнаго» русская идейная поэзія, а съ нею и вся литература, быстро пошла на убыль, и къ срединѣ 80-хъ годовъ, съ закрытіемъ «Отечеств. Записокъ», смертью талантливаго юноши Надсона и измѣной прежнему знамени другого выдающагося поэта эпохи, г. Минскаго,—это была уже настоящая аравійская пустыня, по которой лихо гарцовали, подъ охраной цензуры и добровольнаго сыска, безпринципные служители чистаго искусства и дѣланія «малыхъ дѣлъ»...

Престарѣлый уже Жемчужниковъ нашелъ, что въ эту именно глухую пору его скромная, но идейная муза должна выступить съ гнѣвнымъ словомъ укора и протеста. И всѣмъ еще памятенъ рядъ его замѣчательныхъ стихотвореній «гражданскаго» характера, появившихся въ концѣ 80-хъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, въ особенно та прекрасная пьеса, гдѣ поэтъ высказываетъ ядовитую и горькую радость по поводу безвременной утраты имъ мальчика-сына... Гражданскіе стихи Жемчужникова не отличались, правда, особеннымъ изяществомъ и граціозностью формы, бывали порой неуклюжи и прозаичны, но изъ этихъ неуклюжихъ стиховъ вылетала искра, зажигавшая сердца читателей стыдомъ и болью за поруганную гражданскую честь, за усыпленную общественную совѣсть...

Позже самъ А. М. Жемчужниковъ такъ опредѣлилъ значеніе своей поэзіи:

Межъ тѣмъ, какъ мы въ разбродъ стезею жизни шли,—
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: „Духъ доблести храни".
Такъ, воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
Знаменоносцемъ по-неволѣ.
Но подвигъ не свершенъ, мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—
Разбредшуюся рать сплотить бы во-едино...
Названье мнѣ дано поэта-гражданина
За то, что я одинъ про доблесть пѣсни пѣлъ...
. . . . . .
Послѣднія мои уже уходятъ силы.
Я дѣлалъ то, что могъ; я больше не могу.
Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу,
Но да проститъ она мнѣ на краю могилы!
Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
Въ которомъ доблести горѣло-бъ ярче пламя.
И принялъ отъ меня не знавшее побѣдъ,
Но незапятнанное знамя!

И хочется вѣрить, что мечта поэта не останется праздной мечтою, что не навсегда поэзія русская превратилась въ чирикающее, шелестящее, лепечущее и журчащее искусство для искусства. Не разъ еще услышимъ мы поэта-*человѣка*, поэта-*гражданина*, который съ могучею силой ударитъ по сердцамъ современ-

никовъ, зажжетъ ихъ огнемъ мысли и высокаго порыва къ свободѣ, правдѣ и свѣту...

П. Якубовичъ.

Политика.

Французскіе муниципальные и департаментскіе выборы.—Новый кабинетъ въ Англіи.—Текущія событія: португальскіе выборы. Бельгійскіе выборы и папская политика во Франціи.

3 и 10 мая (20 и 27 апр.) происходили повсемѣстно во Франціи муниципальные выборы. Иначе говоря, партіи еще разъ предстали передъ избирателями и посчитались силами. Результатомъ этого новаго опроса избирателей было съ одной стороны продолженіе процесса ослабленія правыхъ элементовъ (монархистовъ, бонапартистовъ и націоналистовъ), а съ другой стороны—пораженіе объединенныхъ соціалистовъ. Усилились прогрессисты и радикалы.

Послѣ нашей послѣдней бесѣды (два года тому назадъ) о французскихъ выборахъ и партіяхъ, произошло нѣкоторое измѣненіе въ партійныхъ отношеніяхъ (внѣшнихъ и внутреннихъ). *Радикалы* и *радикалы-соціалисты* совершенно слились, имѣя одну и ту же программу и одну и ту же тактику. Почти слились съ ними и *демократы*, т. е. министерскіе республиканцы. Однако, несмотря на эти сліянія, министерская партія (демократы, радикалы и радикалы-соціалисты) имѣетъ своихъ диссидентовъ и распадается теперь на *клемансистовъ* и *комбистовъ*. Первые въ вопросахъ тактики поправѣли и отвергаютъ всякую идею о соглашеніи съ соціалистами, тогда какъ комбисты—сторонники такого соглашенія. Раскола въ парламентѣ на этой почвѣ еще не произошло, но на муниципальныхъ выборахъ 3 и 10 мая этотъ расколъ обнаружился. Направо отъ министерской партіи стоятъ *прогрессисты*, прежде называвшіеся умѣренными республиканцами. Ихъ лидеры Рибо и Мелинъ. Къ нимъ примыкаютъ, почти сливаются,—*либералы*, прежде называвшіеся raillés, монархисты, примкнувшіе къ республикѣ. Крайняя правая осталась прежняя. Налѣво отъ министерской партіи стоятъ двѣ соціалистическихъ группы: *независимые соціалисты*, поддерживающіе соглашеніе съ буржуазными партіями, и *объединенные соціалисты* (socialistes unifiés), отвергающіе такіе компромиссы. Ихъ сближеніе (но не сліяніе) съ *синдикалистами* и *эрвеистами* (антимилитаристами) углубило пропасть, отдѣляющую ихъ отъ буржуазіи и даже отъ независимыхъ соціалистовъ.

Синдикалисты и эрвеисты—это совсѣмъ новыя партіи, тоже соціалистическія, но очень отличающіяся по вопросамъ тактики. Синдикалисты (лидеры Грифюль, Сорель, Лагардель) возвратились

къ идеѣ революціоннаго соціализма Бланки, т. е. проповѣдуютъ овладѣніе землею и орудіями производства при помощи силы. Всеобщая стачка и вооруженное возстаніе входятъ въ ихъ тактику. Эрвеисты (лидеръ Эрве), принимая цѣликомъ экономическую программу объединенныхъ соціалистовъ, прибавляютъ еще требованіе прекращенія войнъ силою, т. е. возстаніе не должно допустить похода арміи на границу. Эта проповѣдь была сочтена правительствомъ за пропаганду измѣны и антимилитаристы преслѣдуются по суду и присуждаются къ суровымъ карамъ. Самъ Эрве, едва выпущенный въ силу амнистіи изъ тюрьмы, снова туда посаженъ. Сидятъ и многіе другіе его единомышленники. Объединенные соціалисты не принимаютъ требованій эрвеистовъ, но энергично отстаиваютъ свободу ихъ мнѣній. Съ тою же терпимостью относятся и къ синдикализму. Это обстоятельство дало возможность ихъ противникамъ смѣшивать ихъ съ антимилитаристами-эрвеистами и съ революціонерами-синдикалистами, чѣмъ до нѣкоторой степени объясняется ихъ неудача на выборахъ 3 и 10 мая. Другая причина—вліяніе клемансистовъ, которые на перебаллотировкѣ въ тѣхъ округахъ, гдѣ сами радикалы не имѣли шансовъ, подавали за прогрессистовъ; тогда какъ комбисты (меньшинство среди радикаловъ) сохранили прежнюю тактику, т. е. въ этихъ случаяхъ подавали голоса за соціалистовъ. Отпаденіе избирателей за антимилитаризмъ и революціонизмъ и 10 мая на перебаллотировкѣ вліяніе клемансистовъ, по всей вѣроятности, и рѣшили пораженіе объединенныхъ соціалистовъ.

Всѣ необходимыя цифры для обрисовки положенія мы имѣемъ только для Парижа. Анализомъ парижскихъ выборовъ мы сейчасъ и займемся. Парижъ долженъ былъ выбрать всего восемьдесятъ муниципальныхъ совѣтниковъ (гласныхъ). На выборахъ 3 мая (20 апр.) всѣ партіи голосовали за своихъ собственныхъ кандидатовъ, и подсчетъ голосовъ даетъ картину распредѣленія избирателей между партіями, тогда какъ на выборахъ 10 мая (27 апр.) состоялись соглашенія, затемнившія картину. Поэтому мы остановимся на голосованіи 3 мая, а затѣмъ на избранныхъ совѣтникахъ на обоихъ выборахъ.

Приводимъ таблицу распредѣленія голосовъ на выборахъ 3 мая и параллельно распредѣленіе голосовъ на законодательныхъ выборахъ 1907 года. Вотъ эта табличка:

	1906.	1908.
Соціалисты объединенные . . .	190521	106411
» независимые . . .	50278	36291
Радикалы и рад.-соц.	193310	136807
Демократы	51012	11149
Прогрессисты и либералы. . .	1868	22074
Націоналисты и монархисты . .	209169	113681
S =	696155	436413

Если не разобраться въ соотношеніяхъ этихъ цифръ. то крахъ соціализма представляется ужаснымъ. Но надо принять во вниманіе, что въ 1908 году приняло участіе въ голосованіи менѣе двухъ третей избирателей 1906 года. Законодательные выборы всегда интереснѣе муниципальныхъ. Парижскія газеты предполагаютъ, что чудная погода въ воскресенье, 3 мая, не мало избирателей отвлекла за городъ. Какъ бы то ни было, сравнивать приходится не абсолютныя числа, а относительныя.

	1906.	1908.
Соціалисты объед. .	27,3%	25,0%
» незав. .	7,2 »	8,1 »
Рад. и рад.-соц. . .	28,0 »	32,4 »
Демократы	7,3 »	2,6 »
Прогр. и либер. . .	0.2 »	5,2 »
Націон. и монарх. . .	30,0 »	26,6 »

Прежде всего обращаемъ вниманіе, что бывшіе умѣренные республиканцы (демократы и прогрессисты), вмѣстѣ взятые, удерживаютъ позицію (1906 г.—7.5%, 1908 г.—7,3%), и огромную разницу, если взять ихъ въ отдѣльности, можно отнести къ субъективности при классификаціи. Болѣе лѣвый классификаторъ отнесетъ (совершенно добросовѣстно) многихъ демократовъ къ прогрессистамъ. Болѣе правый поступитъ наоборотъ. Что касается остальныхъ партій—слѣдуетъ отмѣтить, что стали сильнѣе радикалы (съ 28,0% повысились до 32,4) и въ меньшей мѣрѣ независимые соціалисты (съ 7,2 до 8,1), ослабѣла крайняя правая (съ 30,0 до 26,6) и объединенные соціалисты (съ 27,3 до 26,1). Результаты же выборовъ (3 и 10 мая) видны изъ слѣдующей сравнительной таблички; муниціп. совѣтниковъ:

	Состояло до выборовъ.	Избрано.
Соц. объедин. . . .	13	10
» незав.	10	10
Радикаловъ	19	21
Демократовъ. . . .	2	2
Прогрессистовъ. . .	6	7
Націон. и монарх. .	30	30
S —	80	80

Объединенные соціалисты потеряли три мѣста, пріобрѣли 2 мѣста радикалы и прогрессисты. Радикалы отвоевали всѣ три мѣста у соціалистовъ, но потеряли сами мѣсто (въ пользу прогрессистовъ) не поддержанные, какъ прежде было, соціалистами.

Пораженіе соціалистовъ въ Парижѣ совершенно ясно изъ приведенныхъ данныхъ, но, кромѣ этого, интересно отношеніе Парижа

къ современному правительству. Въ оппозиціи правительству находятся справа монархисты, націоналисты и прогрессисты (вмѣстѣ взятые составляютъ 31,8% всего числа избирателей). Лѣвѣе правительства обѣ соціалистическія партіи, или 33,2% избирателей. На долю сторонниковъ правительства (демократовъ, радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ) остается 35,0% избирателей. Если-же къ правительственнымъ партіямъ причислить и независимыхъ соціалистовъ, то сторонниковъ правительства будетъ 43,1% избирательнаго корпуса, но совершенно отожествлять независимыхъ соціалистовъ съ радикалами невозможно.

16 (3) и 24 (11) мая состоялись выборы въ генеральный совѣтъ департаментъ Сены, гдѣ находится Парижъ Генеральный Совѣтъ департамента Сены состоитъ изъ 80 муниципальныхъ совѣтниковъ Парижа (ихъ выборъ изложенъ выше) и 22 представителей другихъ городскихъ и сельскихъ общинъ департамента. При окончательномъ подсчетѣ голоса распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

	Число голосовъ.	къ всему числу.
Соц. объед.	19311	32,9
» нез.	5209	8,9
Рад. и рад.-соц.	23331	39,7
Прогрессистовъ	10876	18,5

Въ итогѣ выборовъ получилось, что объединенные соціалисты потеряли 3 мѣста изъ 5, независимые соціалисты пріобрѣли 1 мѣсто (характерно для момента, что оно отнято у соц.-об.) радикалы и радикалы-соціалисты пріобрѣли три мѣста и, наконецъ, націоналисты потеряли единственное мѣсто, которое получили на выборахъ 1904 года. Всего избрано:

	Въ 1908 г.	Было до выборовъ.
Соц.-объед.	2	5
» незав.	3	2
Радикаловъ и рад.-соц.	15	12
Прогрессистовъ . . .	2	2
Націоналистовъ . . .	—	1

Въ департаментѣ Сены правительственная партія нанесла рѣшительное пораженіе своимъ противникамъ справа и слѣва.

Такими же детальными и обстоятельными данными, какъ для Парижа и департамента Сены, мы не располагаемъ для остальной Франціи, но тенденція выборовъ была всюду одна и та же: ослабленіе правыхъ, усиленіе правительственныхъ партій, усиленіе прогрессистовъ и пораженіе объединенныхъ соціалистовъ. Послѣднее въ провинціи сказалось даже ярче, чѣмъ въ Парижѣ. Такъ, въ Лиллѣ, несмотря на соглашеніе лидеровъ радикаловъ (здѣсь пре-

обладаютъ комбисты) и соціалистовъ объ общемъ спискѣ для перебаллотировки, избиратели радикалы не приняли этого списка и одержали побѣду прогрессисты. Въ Брестѣ прошелъ списокъ прогрессистовъ и соціалисткій муниципалитетъ замѣняется прогрессистскимъ. Въ Ліонѣ шесть прогрессистовъ вытѣсняютъ шесть соціалистовъ. Въ Дижонѣ, гдѣ большинство муниципальнаго совѣта было соціалистическое, они проходятъ лишь въ числѣ 3 (изъ 36). Въ Монпелье не выбрано ни одного соціалиста, было десять. Здѣсь, какъ и въ Лиллѣ, состоялось соглашеніе между лидерами радикаловъ и соціалистовъ, но избиратели радикалы не пошли за своими лидерами. Также совершилось устраненіе соціалистовъ и изъ муниципальнаго совѣта Тулузы. Наконецъ, въ Сентъ-Этьенѣ, гдѣ было соціалисткое большинство, теперь соціалистовъ избрано всего 10 (изъ 31), въ томъ числѣ только 1 объедин. соціалистовъ и 9 независимыхъ. Въ Марселѣ тоже не удержаны прежнія позиціи. Здѣсь половина муниципальныхъ совѣтниковъ избрана соціалистская, но ровно столько-же выбрано представителей буржуазныхъ партій.

Таковы факты. Они свидѣтельствуютъ о крупномъ поворотѣ въ настроеніи народныхъ массъ. Главный органъ соціалистовъ *Humanité* полагаетъ, что это вообще начало реакціи, и что послѣ соціализма наступитъ очередь и буржуазнаго радикализма, и быть можетъ, даже самой республики, но повсемѣстное ослабленіе правыхъ не оправдываетъ этой гипотезы. *Humanité* указываетъ, что самъ ростъ силы пролетаріата испугалъ буржуазію, и она кинулась въ реакцію. Это соображеніе имѣетъ цѣну и отчасти можетъ объяснить непослушаніе буржуазныхъ избирателей своимъ вождямъ на перебаллотировкѣ 10 мая, но для уменьшенія голосовъ 3 мая этого объясненія недостаточно. Выше мы сказали, что близость объединенныхъ соціалистовъ синдикалистамъ и эрвеистамъ могла быть причиною такихъ массовыхъ отпаденій. Близость синдикалистамъ это и есть тотъ страхъ буржуазіи, на который указываетъ и органъ Жореса, тогда какъ близость эрвеистамъ могла оттолкнуть и часть пролетаріата. Французы привыкли любить свою Францію, и многимъ можетъ казаться несовмѣстимою эта любовь къ отечеству съ нежеланіемъ его защищать отъ нападенія.

Въ Англіи умеръ премьеръ Баннерманъ, одинъ изъ послѣднихъ вѣрныхъ гладстоніанцевъ, руководившій либеральною партіей въ самыя трудныя для нея времена и сумѣвшій ее привести къ возрожденію и побѣдѣ. Его замѣнилъ въ качествѣ премьера Асквитъ, нѣсколько имперіалистъ, нѣсколько поправѣвшій (онъ противъ гомруля, противъ женскаго голосованія, противъ конфликта съ палатою лордовъ). Въ его кабинетъ вступилъ Уинстонъ Черчиль, недавно перешедшій изъ торійской партіи въ либеральную

и, конечно, не усилившій ея либерализма, тоже противникъ гомруля и женскаго голосованія.

На выборахъ въ Португаліи одержали верхъ соединившіеся прогрессисты (вождь Кастро) и реженерадоры (вождь Вилена). Къ нимъ примкнули и радикалы съ Альпоимомъ во главѣ. Нѣсколько правыхъ (сторонниковъ Франко) и 3 республиканца выбраны внѣ этой коалиціи.

Происходили выборы и въ Бельгіи, именно половина членовъ обѣихъ палатъ парламента. Изъ палаты депутатовъ выбылъ 81 членъ. Результаты выборовъ:

	Составъ выбывшихъ.	Избрано.
Клерикаловъ	39	37
Либераловъ	22	20
Соціалистовъ	19	23
Христ.-соціал.	1	1

Въ Бельгіи такимъ образомъ соціализмъ успѣваетъ. Его противники хотятъ увѣрить, что соціалисты были противъ пріобрѣтенія Конго и часть крестьянъ запугана предстоящими расходами на это предпріятіе.

Выборы въ сенатъ, напротивъ того, усилили правительство. Въ сенатѣ выбывало 40. Результаты:

	Составъ выбывшихъ.	Избрано.
Клерикаловъ	20	22
Либераловъ	14	10
Соціалистовъ	6	8

И здѣсь соціалисты успѣваютъ. Что касается клерикальнаго провительства, то оно удерживаетъ большинство въ обѣихъ палатахъ. Въ нижней оно имѣло 12 голосовъ большинства, теперь 8. Въ сенатѣ имѣло 14 голосовъ, теперь 18.

Пій X въ своей заботливости о сохраненіи католической невинности отъ всякихъ новшествъ не ограничивается ея огражденіемъ отъ науки, но продолжаетъ съ упрямствомъ ограждать ее и отъ всякаго компромисса съ Франціей, осмѣлившейся отдѣлить церковь отъ государства. Мы уже разсказывали на этихъ страницахъ, какъ папа Сарто воспрепятствовалъ образованію вѣроисповѣдныхъ общинъ, которымъ правительство могло бы передать церковное имущество и назначенную парламентомъ на первое время субсидію. Причина была въ томъ, что, во-первыхъ, въ законѣ ничего не говорилось о подчиненіи всѣхъ католическихъ общинъ римскому папѣ и, во-вторыхъ, недостаточно ярко формулирована власть епископовъ. Законъ изданъ былъ для всѣхъ исповѣданій и не его дѣло было обращать въ обязательный для всѣхъ католиковъ законъ нынѣ существующіе церковные порядки. Дѣло самихъ вѣрныхъ католиковъ сохранять эти порядки, но отнюдь не свѣтскихъ

властей. Пій X этого не умѣлъ или не хотѣлъ понять. Онъ и его совѣтники разсчитывали, что католическая нація заступится за церковь, и впервые послѣ 1875 года соберется парламентъ съ реакціоннымъ большинствомъ. Ближайшіе законодательные выборы не оправдали этихъ надеждъ. Нація торжественно огромнымъ большинствомъ одобрила антиклерикальную политику правительства, а церковь не получила своихъ имуществъ и духовенство—своихъ пенсій и временныхъ субсидій.

Отступить же теперь значило бы признать свою ошибку и уронить свой авторитетъ въ глазахъ тѣхъ все еще немалочисленныхъ суевѣрныхъ массъ, которыми только и держится еще католицизмъ, и для которыхъ папа долженъ оставаться непогрѣшимымъ. Надо было искать исхода.

Послѣ долгихъ колебаній, нѣкоторая часть духовенства остановилась на возможности воспользоваться закономъ о товариществахъ взаимности (associations mutuèlles), которыя могутъ свободно возникать изъ лицъ, связанныхъ занятіями или мнѣніями или общей цѣлью и т. д., въ томъ числѣ, конечно, и лицъ, соединенныхъ вѣрованіями. Правительство обѣщало пойти навстрѣчу этому движенію, передавать католическимъ товариществамъ взаимности церковное имущество и выплачивать ихъ духовенству пенсіи и субсидіи. Въ сущности, это были тѣ же вѣроисповѣдныя общества, но въ предѣлахъ закона, почти совсѣмъ не регулирующаго внутреннія отношенія общинъ. Это правда, но одобреніе этой линіи поведенія спасало аппарансы, и папа могъ оставаться непогрѣшимымъ въ глазахъ католической массы. Авгуры улыбались бы другъ другу, но свято хранили бы улыбку въ сердцѣ передъ вѣрными сынами церкви. Папа Сарто, однако, не одобрилъ и этого исхода и въ длинномъ письмѣ, на имя четырехъ кардиналовъ Франціи, осуждаетъ товарищества взаимности и воспрещаетъ ихъ основывать съ религіозными цѣлями. Доводы прежніе: въ нихъ ничего не говорится о власти епископовъ и о подчиненіи святому отцу... Странно было-бы, если бы въ законѣ о товариществахъ взаимности говорилось объ епископахъ и папѣ. Это дѣло самихъ вѣрующихъ и больше никого.

Какая цѣль могла руководить Піемъ X, когда онъ снова не допустилъ французскую церковь получить церковное имущество, а духовенство—пенсіи и субсидіи? Надежда на французскихъ избирателей? Теперь ея нѣтъ у самаго недальновиднаго клерикала Надежда на уступки правительства? Но если въ теченіе двухъ лѣтъ правительство не шло на уступки, то едва-ли благоразумно ихъ ожидать теперь. Желаніе сдѣлать затрудненіе ненавистному правительству? Возможно, но затрудненія причиняетъ мстительный старикъ еще въ большей степени французской церкви.

С. Южаковъ.

Комитетъ общественной помощи голодающимъ.

1) Канцелярія Моск. Общ. Сел.-Хоз. Смоленскій бульв., д. 55.

2) Пироговское Общество. Арбатъ, Денежный пер., д. 28, кв. 5.

Дѣятельность Московскаго Комитета общественной помощи голодающимъ въ кампанію 1907—08 г. протекаетъ при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ. Вниманіе русскаго общества къ голодающимъ значительно ослабѣло; въ печати рѣдко появляются сообщенія, какъ будто голода и не существуетъ; пожертвованія поступаютъ очень слабо. Мѣстные люди и общества, на обращеніе къ нимъ Комитета основать кружокъ для помощи въ данной губерніи, или отказываются по разнымъ причинамъ или вовсе не даютъ никакого отвѣта. Тамъ же, гдѣ находятся лица, готовыя взяться за это дѣло, встрѣчаются препятствія другого рода: въ Минскѣ губернаторъ не разрѣшилъ образованіе мѣстнаго кружка помощи голодающимъ, Витебскому сельско-хозяйственному обществу не разрѣшено устроить столовыя, такъ какъ это не входитъ въ кругъ его дѣятельности по Уставу, въ Казанскомъ уѣздѣ закрыто администраціей 5 столовыхъ, устроенныхъ г-жей Филимоновой на свои средства, въ двухъ другихъ губерніяхъ лица, пожелавшія организовать помощь голодающимъ, испытываютъ много непріятностей.

Но, несмотря на эти условія, дѣятельность комитета, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, продолжается въ губерніяхъ: Казанской, Тульской, Саратовской, Тамбовской, Самарской, Смоленской, Волынской и Псковской: особенно дѣятельны Казанское и Самарское отдѣленія комитета (являющіяся въ то же время отдѣленіями и В. Экономическаго Общества). Казанское устроило пекарни на 3000 человѣкъ, и просьбы 7000 голодающихъ еще не удовлетворены; оказывается имъ и трудовая помощь—шитье бѣлья, обѣды и раздача его голодающимъ.

Самарское отдѣленіе открыло 26 столовыхъ на 5000 ѣдоковъ въ 26 селеніяхъ трехъ уѣздовъ и обратило особое вниманіе на трудовую помощь (вязанье платковъ, плетенье лаптей и сѣтей, открытіе ткацкихъ мастерскихъ и устройство огородовъ въ цынготныхъ мѣстностяхъ).

Кромѣ того, комитетъ при посредствѣ мѣстныхъ или постоянныхъ лицъ оказываетъ такую помощь: организована продажа по значительно удешевленной цѣнѣ муки въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губ. Открыты школьныя и дѣтскія столовыя, пекарни, выдачи пайковъ въ Балашовскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ Саратовской губ., Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Тамбовской губ., Краснинскомъ и Рославльскомъ Смоленской губ., Новоградѣ-Волынскомъ уѣздѣ. Ведутся переговоры объ устройствѣ помощи въ Уфимской, Смоленской и двухъ уѣздахъ Саратовской губ. Всѣхъ средствъ въ комитетѣ съ 1 іюля 1907 г. вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлой кампаніи и возвратами поступило около 21000 руб.; почти всѣ эти средства уже израсходованы или распредѣлены, а нужда все растетъ и растетъ; постоянно поступаютъ новыя и новыя просьбы, отовсюду несутся вѣсти объ усиленіи заболѣваній на почвѣ голода; началась снова продажа дѣвушекъ въ голодающихъ уѣздахъ. Комитетъ въ настоящее время разсылаетъ жертвователямъ отчетъ по кампаніи 1905—06 г., но въ виду того, что ему не извѣстны мѣстожительства всѣхъ жертвователей за 1905—06 г., онъ проситъ послѣднихъ сообщить свои адреса открыткой по слѣдующимъ адресамъ: 1) Пироговское Общество, Денежный, 28, кв. 5; 2) Московское Общество сельскаго хозяйства, Смоленскій бульв., д. 55.

Предсѣдатель Комитета *Д. Жбанковъ.*

Секретарь *А. Левицкій.*

Редакторъ-Издатель *Вл. Короленко.*

ІЮНЬ 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**Стѣны.** (Очерки военной жизни). *Вячеслава Артемьева*	1— 24
2.	**Борьба направленій во французскомъ соціализмѣ.** *Е. Сталинскаю.*	25— 54
3.	**Жажда.** Разсказъ. *Ѳ. Крюкова.*	55— 73
4.	**Страничка изъ исторіи декабрьскихъ событій 1905 г.** *Ал—а.*	74—104
5.	**Кошмаръ.** Разсказъ. *П. Булыгина.*	105—132
6.	**Янусъ.** Романъ. *Ж. Г. Рони.* Переводъ съ французскаго С. Б. Продолженіе. (Въ приложеніи). . .	129—176
7.	**„Хорошіе" и „плохіе" у Л. Андреева.** („Іуда" и „Тьма"). *А. Е. Ръдько.*	1— 19
8.	**Авторское право и свобода переводовъ.** (По поводу законопроекта объ авторскомъ правѣ). *В. Водовозова.*	19— 42
9.	**Изъ Англіи.** *Діонео.*	42— 73
10.	**Наброски современности.** XIII. Подъ покровомъ конституціи. *В. Мякотина.*	73— 95
11.	**Хроника внутренней жизни:** 1. Продовольственные и санитарные недуги. Тифъ и тюрьмы. — 2. Мѣста ссылки и тюрьмы съ точки зрѣнія народнаго здравія. Моральная обстановка тюремной жизни. Екатеринославское дѣло.—3. Конституція и г. Шварцъ. Конституціонные шансы. „Скрытая игра парламентаризма". *А. Петрищева.*	95—129
12.	**Политика.** Управляемое воздухоплаваніе и его политическое значеніе.—Текущія событія: выборы въ прусскій ландтагъ; президентскіе выборы въ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. *С. Южакова.*	129—146

(См. на оборотѣ).

СТРАН.

13. **На очередныя темы.** „Санинцы“ и „Санинъ“: III. „Мертвый, съ миромъ въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій“. — IV. Гробъ повапленный. *А. Пѣшехонова.* . . . . . 146—175

14. **Новыя книги:**

Литературно - художественные альманахи, издательства „Шиповникъ“. Кн. 5.—Александръ Ярошко. Разсказы. — Августъ Стриндбергъ. Исповѣдь глупца. — Н. Карѣевъ. Западно-Европейская абсолютная монархія 16, 17 и 18 вѣковъ.—Его же. Происхожденіе современнаго народно-правового государства.—В. М. Устиновъ, И. В. Новицкій и М. Н. Гернетъ. Основныя понятія русскаго, государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права.—Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго въ Германіи к. р. Пауля Гере.—М. А. Курчинскій. Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни.—В. В. Романъ. Организація работодателей въ Германіи.—Давидъ Юмъ. Діалоги о естественной религіи съ приложеніемъ статей: о самоубійствѣ и о безсмертіи души.—С. М. Роговинъ. Дени и Давидъ Юмъ. (Анализъ „Діалоговъ о естественной религіи“). . . . . 176—192

15. **Новыя книги,** поступившія въ редакцію. . . . . **Случайныя замѣтки.** Искъ о наслѣдствѣ. *А. Петрищева.* . . . . . 194—200

16. **Объявленія.**

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство", Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма. — Ирландскій „ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. — Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г. — 411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ. — Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одинадцатое* изд. 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ.—Додэ.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.—Надсонъ.—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. 6 т.т. по 2 р.

Т. I. (Изд. 1906 г.). Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ обществ. наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литерат. и журн. замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. (Изд. 1907 г.). Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.—Изъ литерат. и журн. замѣтокъ 1874 г.

Т. III. (Изд. 1897 г.). Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ евр. народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. (Изд. 1897 г.). Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздал. критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литерат. замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. (Изд. 1897 г.). Жестокій талантъ.—Гл. И. Успенскій.—Щедринъ.—Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Зап. современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. (Изд. 1897 г.). Вольтеръ. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. (Печатается *третье* изданіе). Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки". — Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса. — Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

СТѢНЫ.

(Очерки.)

XII.

Капитанъ Радугинъ сидѣлъ въ своей ротной канцеляріи и составлялъ совмѣстно съ фельдфебелемъ завѣдомо фальшивый отчетъ о прохожденіи курса стрѣльбы. Отчетъ былъ срочный для представленія начальнику дивизіи.

— Ну, такъ какъ же,—спрашивалъ страшнымъ басомъ Радугинъ,—я думаю, Романъ Антоновичъ, нужно будетъ Шахназиранцу прибавить три пули до перваго разряда.

Романъ Антоновичъ водилъ по бумагѣ, разложенной на столѣ, толстымъ потнымъ пальцемъ, почтительно указывая, какъ и что, по его мнѣнію, слѣдуетъ исправить.

Въ самый разгаръ работы отворилась дверь, и дежурный по ротѣ доложилъ, что Гришинъ явился изъ бѣговъ.

— Привести его сюда!—приказалъ ротный.

Минутъ черезъ десять передъ капитаномъ стоялъ Гришинъ, растерзанный, грязный, обросшій бородой, похожій въ такомъ видѣ на придурковатаго крестьянскаго парня.

— Гдѣ ты былъ?—спросилъ ротный и нахмурился.— Развѣ ты не знаешь, что тебѣ грозитъ за побѣгъ со службы?

Гришинъ молчалъ.

— Зачѣмъ ты бѣжалъ? Что тебя побудило?—допытывался ротный.—Плохо было служить, или что?

Отъ наплыва самыхъ разнородныхъ мыслей и чувствъ Гришинъ не могъ вымолвить ни слова. Когда онъ шелъ сюда, онъ хотѣлъ много-много разсказать о тяжелой службѣ, о притѣсненіяхъ фельдфебеля, взводнаго, отдѣленнаго, дядьки, о поборахъ, взяткахъ, ежедневныхъ зуботычинахъ и подзатыльникахъ, о неправильныхъ нарядахъ въ караулъ, о томъ, что сгорѣла изба, что жена ходитъ по-міру, что ребята дома пухнутъ съ голоду и жалобными тонкими голосами просятъ хлѣбца. Но онъ не умѣлъ и не зналъ, какъ выразить эти

важныя, сложныя мысли, какія слова за какими говорить такъ чтобы и ротный, и взводный, и дядька поняли бы его, заплакали и отпустили на всѣ четыре стороны. И онъ тупо глядѣлъ на уголъ двери и безнадежно молчалъ.

— Ступай!—сказалъ ротный.

Гришинъ повернулся налѣво кругомъ, щелкнулъ каблуками и ушелъ.

— Написать сегодня же рапортъ,—приказалъ ротный,—о томъ, что Гришинъ прибылъ изъ бѣговъ.

Командиръ полка прочелъ рапортъ и положилъ резолюцію:

— Предписываю подпоручику Чубуковскому произвести по сему дѣлу дознаніе и представить мнѣ въ трехдневный срокъ.

Подпоручикъ еще спалъ невиннымъ сномъ младенца, когда вѣстовой принесъ изъ канцеляріи казенный пакетъ.

— Вашбродь, вставайте,—тормошилъ денщикъ своего барина.

— Пшелъ къ чорту!—забормоталъ подпоручикъ, поворачиваясь на другой бокъ.

— Вашбродь! Вашбродь!

— А? Что?

— Тамъ какая-то гумага пришла. Просятъ расписаться.

— Скажи, что меня дома нѣтъ.

— Я уже докладывалъ, что сплять.

— О, чортъ! Гдѣ бумага? Дай мнѣ черо и пернила... тьфу ты, перо и чернила. Башка трещитъ со вчерашняго... Во рту точно эскадронъ ночевалъ...

Казенный пакетъ, какъ извѣстно, всегда несетъ съ собой какую-нибудь пакость. Это подпоручикъ давно зналъ по опыту и потому имѣлъ органическое отвращеніе ко всякимъ казеннымъ пакетамъ.

„Опять или выговоръ, или дознаніе“,—подумалъ онъ, намазывая въ разсыльной книгѣ вмѣсто своей фамиліи какую-то кляксу.

— Такъ и есть: дознаніе... Опять дознаніе!—съ отчаяніемъ сказалъ онъ, отплевываясь отъ бумаги, какъ отъ нечистаго духа.—И опять мнѣ! Интересно, почему мнѣ, а не Каштанову? Я только недавно производилъ дознаніе. Какъ разъ суббота и два праздника. Хотѣлъ съ Вѣркой ѣхать. Вотъ тебѣ и поѣхалъ.

— Чаю!—закричалъ онъ оглушительно.—Опять ты, скотина, не поставилъ самовара? Этакіе холуи!

Въ квартирѣ у подпоручика былъ самый поэтическій безпорядокъ. На полу стоялъ полураскрытый чемоданъ-кровать, на которомъ валялся чей-то корсетъ и зонтикъ.

Тутъ же стояло сѣдло, сапоги со шпорами, грязныя калоши, новенькая шашка, пустыя водочныя бутылки. На столѣ были набросаны окурки, огарки, разсыпанный табакъ, коробки отъ спичекъ и визитныя карточки. Стѣны украшали фотографіи всевозможныхъ женщинъ, одѣтыхъ, полураздѣтыхъ и совсѣмъ не одѣтыхъ...

Чубуковскій медленно натянулъ на себя одежду, умылся, шумно фыркая, и прочелъ еще разъ рапортъ о прибытіи изъ бѣговъ Гришина.

— Слава Богу, дѣло очень простое,—подумалъ онъ.— Займетъ не больше часу времени.

— Позвать Гришина!—крикнулъ онъ повелительнымъ голосомъ.

Пока ходили за Гришинымъ, подпоручикъ пилъ чай и ругалъ денщика за то, что тотъ вычистилъ ему лакированные сапоги ваксой.

— Когда же ты, скотина, научишься понимать свои обязанности?—спрашивалъ подпоручикъ, отхлебывая ложечкой изъ стакана.—Билъ я тебя, билъ, а ничего не помогаетъ. Ну, чего морду на меня уставилъ, какъ баранъ. Пшелъ вонъ! Сволочь! Стой! Скажи, чей ты баринъ?

— Подпоручика Чубуковскаго, ваш...

— Экій оселъ.

— Гришина привели,—доложилъ вѣстовой.

— Пусть войдетъ.

— Этакая рожа хамская,—подумалъ офицеръ, глядя на вытянувшагося въ струнку Гришина.—Хамы проклятые! Только землю собой бременятъ!

Онъ взялъ клочекъ бумаги, карандашъ и, уставивъ глаза на Гришина, точно гипнотизируя его, спросилъ отрывисто:

— Имя?

— Тимохвей.

— Отчество?

— ?!

— Какъ отца звали?

— Гаврила.

— Какого вѣроисповѣданія, сколько лѣтъ отъ роду?

— Такъ какъ бѣжамши со службы .. по случаю того, какъ...—залепеталъ Гришинъ, двигая пальцами обѣихъ рукъ, для облегченія движенія мыслей.

— Молчи, болванъ, когда тебя не спрашиваютъ!—заоралъ офицеръ.—Я спрашиваю, какого вѣроисповѣданія? Сколько лѣтъ отъ роду?

Гришинъ испуганно замолчалъ.

— Ну? Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать три, вашбродь.

— Вѣроисповѣданія?

— Православнаго.

— Гдѣ досталъ штатское платье?

— Купилъ на базарѣ, вашбродь.

— А казенную одежду пропилъ, мерзавецъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Гдѣ же она?

— Бросилъ по дорогѣ.

— Врешь, негодяй!

Гришинъ молчалъ.

— Гдѣ былъ? Въ какихъ мѣстахъ?

— У Тульской губерніи, Епихваньскаго уѣзда, Гриневецкой волости, село Уклейкино. Тамотка у насъ изба, значитъ, сгорѣмши, а я, какъ единственный сынъ... Братъ того... неспособенъ къ работѣ... а какъ значитъ... изба сгорѣмши... какъ я единственный...

— Экій болванъ! Что ты мнѣ путаешь. Говори по порядку. Значитъ, ты былъ въ Тульской губерніи?

— Такъ точно.

...былъ въ Тульской губерніи,—написалъ подпоручикъ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ пошелъ у городъ.

— Въ какой городъ?

— У городъ Данковъ.

— Развѣ есть такой городъ?

— Такъ точно.

...пошелъ въ городъ Данковъ,—написалъ офицеръ.

— Ну, а потомъ?

— Тамъ работалъ у Корнѣя Матвѣича...

— У кого?

— Въ сапожникахъ служилъ. Заработалъ тридцать цалковыхъ, помогъ женѣ, значитъ... матери... этого... и брату Матери... того... далъ десять цалковыхъ... брату... того... далъ...

— Стой! Стой.

...служилъ въ сапожной мастерской Корнѣя Матвѣева,—написалъ офицеръ,—за тридцать рублей въ мѣсяцъ.

— Потому, какъ обчество отобрало землю... и что ей жить нечѣмъ.

— У кого отобрало?

— У матери.

...далъ десять рублей, потому что общество отобрало землю,—написалъ офицеръ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ я заявился къ воинскому начальнику.

— Такъ. Хорошо. Слушай, я тебѣ прочту, что написано

а если что не такъ, ты меня исправляй и дополняй. Понялъ?

— Такъ точно.

Офицеръ прочелъ скороговоркой записанные имъ голые факты, противъ которыхъ нельзя было ничего возразить.

Бѣжалъ въ Тульскую губернію, потомъ въ Данковъ, заработалъ тридцать рублей, десять далъ матери и явился къ воинскому начальнику.

— Вѣрно?—спросилъ офицеръ.

Гришинъ молчалъ. Онъ былъ совершенно несогласенъ съ тѣмъ, что прочелъ офицеръ, потому что это было совсѣмъ непохоже на то, что онъ пережилъ, передумалъ, перестрадалъ. Это была длинная, полная мукъ повѣсть о томъ, какъ онъ ночью, крадучись, какъ воръ, вышелъ изъ казармы, какъ онъ долго брелъ по темнымъ, неосвѣщеннымъ рельсамъ къ станціи, спотыкался и падалъ, царапая въ кровь руки, и сердце билось быстро и больно; о томъ, какъ онъ влѣзъ въ пустой товарный вагонъ, весь замазанный угольной пылью, прижался въ углу, свернувшись клубкомъ, какъ собака, о томъ, какъ чудилась ему погоня, о томъ, какъ испугалась мать и обрадовалась жена, о томъ, какъ дѣти умерли отъ голода, о томъ ужасѣ жизни, въ которомъ онъ крутился, какъ щепка, въ океанѣ человѣческаго горя.

— Что же ты молчишь, болванъ? — спросилъ, начиная сердиться, офицеръ.

— Такъ точно,—отвѣтилъ Гришинъ.

— Что такъ точно? Правильно, или нѣтъ?

Въ глазахъ у солдата появилось какое-то новое выраженіе, которое офицеръ понялъ, какъ протестъ.

— Этакій остолопина! Вѣдь я же записалъ буквально все, что ты говорилъ.

— Такъ что... обчество,—залепеталъ Гришинъ:—какъ... значитъ... отобрало землю... то стало... помирать надо... жевать... того, стало быть... нечего... Мать тоже... того... больная... Колѣнки у ей попухши...

— Не могу же я писать въ дознаніи, что у твоей матери колѣнки попухши. Вотъ я напишу, если хочешь, что у тебя мать больна.

— Такъ точно.

... имѣю больную мать,—приписалъ офицеръ.

— Вѣрно?

— Такъ точно.

— Ну, ступай.

Гришинъ повернулся налѣво кругомъ, щелкнулъ каблуками и пошелъ въ роту, гдѣ улегся на койку и началъ думать.

Мысли у него были медленныя, тягучія, какъ гонимыя медленнымъ вѣтромъ облака. Тянулись онѣ одна за другой безъ всякаго усилія воли ихъ хозяина и безъ связи, точно онъ былъ самъ по себѣ, а онѣ сами по себѣ.

Думалъ онъ о томъ, что нужно было сказать офицеру, производившему дознаніе. Можно было бы сказать такъ много, что не умѣстилось бы въ цѣлую гору книгъ, а онъ на маленькой, маленькой бумажкѣ все написалъ. Обидно.

— Это оттого, — думалъ онъ дальше, — что я бѣдный. Нужно было еще поработать у Корнѣя Матвѣева, заработать сто рублей и дать десятку офицеру, производившему дознаніе. Тогда бы все пошло поиначе. Хорошо бы тоже до царя дойти и все ему разсказать. Царь, сказываютъ, въ большомъ, большомъ домѣ живетъ и каждый день ѣстъ сдобный пирогъ съ мясомъ. А кучеръ у него въ чинѣ енерала, съ красной лентой черезъ плечо, и всѣ его боятся.

Потомъ въ воображеніи встало село Уклейкино Тульской губерніи, сгорѣвшая изба, жена, ушедшая въ городъ, чтобы заниматься тамъ нехорошимъ ремесломъ, больная, старая мать, маленькая, сморщенная, благословляющая его крестомъ... Нехорошо! Обидно!

— Слава Богу, что попалось такое легкое дознаніе,— радовался между тѣмъ Чубуковскій. — Въ прошлый разъ пришлось два дня возиться, а тутъ, кажется, больше некого и допрашивать.

Онъ перечиталъ показаніе и задумался о томъ, кого бы еще допросить, а то такъ мало, что даже совѣстно. Всего полъ-листа.

— Эй ты, морда звѣрская! Кто тамъ есть? Позвать ко мнѣ фельдфебеля одиннадцатой роты... Впрочемъ... нѣтъ. Сходи въ одиннадцатую роту,—понялъ? Позови мнѣ—тѣхъ, кто былъ дежурнымъ и дневальнымъ въ тотъ день, когда Гришинъ бѣжалъ. Да смотри, не перепутай. Понялъ?

— Слушаю-съ.

Черезъ полчаса въ передней подпоручика раздался какъ бы лошадиный топотъ.

Это пришли свидѣтели.

— „Дмитрій Захаровъ Бортковъ, — писалъ офицеръ,— былъ дежурнымъ... по этому дѣлу ничего не знаетъ.—Алексѣй Платоновъ Трубочистъ... былъ дневальнымъ... ничего не знаетъ.. Дознаніе производилъ подпоручикъ Чубуковскій".

—Можете идти. Ну, слава Богу, насилу отдѣлался. Давай сюртукъ. Эй ты, скотина!

— Масса дѣла,—жаловался онъ въ канцеляріи.—Сегодня опять дознаніе производилъ. Какой-то мерзавецъ удралъ, а я за него отдувайся.

Недѣли черезъ двѣ Гришина судили въ полковомъ судѣ.

Предсѣдателемъ былъ назначенъ капитанъ Пискорскій, исполнявшій эту обязанность въ первый разъ въ жизни. Поэтому онъ внутренно сильно робѣлъ и конфузился передъ членами суда и дѣлопроизводителемъ, боясь попасть въ какое-нибудь неловкое положеніе. Онъ очень волновался, кашлялъ, то и дѣло безъ надобности вынималъ носовой платокъ и громко сморкался.

Полковая библіотека была превращена въ залъ судебнаго засѣданія. Всѣ журналы и газеты, снятые со стола, валялись въ одной кучѣ на шкафу. Столъ накрыли краснымъ полинявшимъ сукномъ, и на немъ поставили зерцало. Дѣлопроизводитель суда, поручикъ Олшинъ, что-то торопливо писалъ за отдѣльнымъ столомъ. Это онъ подыскивалъ статьи и составлялъ приговоръ, уже написанный начерно и лежавшій между листами уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Предсѣдатель суда смущенно кашлянулъ, торжественно всталъ и произнесъ:

— Засѣданіе суда открыто. Ввести подсудимаго.

Гришина привели. Онъ сильно похудѣлъ, такъ что скулы выпятились, лицо удлиннилось, огромные, испуганные, какъ у овцы, глаза застыли съ выраженіемъ тупой покорности судьбѣ.

— Ты обвиняешься въ томъ, — сказалъ предсѣдатель, — что 19-го іюля сего года убѣжалъ изъ роты и вернулся только второго сентября того же года, слѣдовательно—былъ въ отлучкѣ сорокъ пять дней. Такая отлучка называется побѣгомъ со службы. При этомъ ты промоталъ казенныя вещи: мундиръ второго срока, шаровары второго срока, шинель второго срока и фуражку. Признаешь ли ты себя виновнымъ?

Въ комнатѣ водворилось продолжительное молчаніе. Слышно только было, какъ въ оконное стекло билась большая, тяжелая муха, отчаянно жужжа.

— Признаешь ли себя виновнымъ? — повторилъ предсѣдатель.

Гришинъ, совершенно подавленный торжественностью засѣданія, краснымъ сукномъ и строгими лицами судей, чувствовалъ себя, какъ во снѣ, когда снится, что сзади надвигается громада цѣлаго поѣзда, но нѣтъ силъ сойти съ рельсъ. Сердце холодѣетъ, ноги отказываются служить, и человѣкъ чувствуетъ, что сейчасъ будетъ раздавленъ.

— Такъ точно, — зашепталъ онъ въ ужасѣ, — и видно было, какъ отъ страха у него побѣлѣли губы.

— Въ виду полнаго сознанія подсудимаго, — произнесъ редсѣдатель,—судъ признаетъ возможнымъ приступить къ

постановленію приговора безъ дальнѣйшаго судебнаго разбирательства.

Дѣлопроизводитель извлекъ на свѣтъ божій давно составленный по трафарету приговоръ, который гласилъ, что полковой судъ, разсмотрѣвъ дѣло о рядовомъ Тимофеѣ Гришинѣ, постановилъ подсудимаго за первый со службы побѣгъ и промотаніе казенныхъ вещей подвергнуть заключенію въ военной тюрьмѣ срокомъ на три мѣсяца, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ на два года.

XIII.

— Вашбродь, Гришинъ заболѣлъ,—доложилъ въ тотъ же день дежурный по ротѣ.

— Что съ нимъ?—спросилъ ротный, отрываясь отъ груды бумагъ.

— Неизвѣстно. Говоритъ, что во грудяхъ колетъ.

— Отправить въ околотокъ.

Гришина записали въ книгу больныхъ и повели въ околотокъ. Лицо у него сдѣлалось зеленовато-желтое, глаза впали и остеклянѣли.

— Что съ тобой, братецъ? — спросилъ встрѣтившій его дежурный офицеръ.

— Не могу знать,—прохрипѣлъ Гришинъ.

— Болитъ что?

— Во грудяхъ... такъ что подъ сердце подкатило.

Въ околоткѣ толпилась масса больныхъ. Воздухъ былъ тяжелый, отравленный іодоформомъ и лѣкарствами. Доктора еще не было, и фельдшеръ въ грязномъ халатѣ осматривалъ больныхъ, влѣзая имъ толстыми, немытыми пальцами въ самую глотку. Тутъ же стоялъ столикъ для врача, на которомъ были приготовлены борная кислота и баночка съ ляписомъ.

Въ полку свирѣпствовала трахома, которая впервые появилась здѣсь еще лѣтъ двадцать назадъ, и, хотя по оффиціальнымъ отчетамъ все обстояло благополучно, росла съ каждымъ годомъ въ ужасающей прогрессіи. Казармы были насквозь пропитаны бациллами трахомы. Настоящей дезинфекціи не производилось, потому что она дорого стоила, а окуриванье сѣрой не вело ни къ чему. Не было также никакой изоляціи здоровыхъ отъ больныхъ. По мнѣнію многихъ врачей, была единственная возможность прекратить эпидемію: сжечь всѣ полковыя постройки и все имущество... Но это было, конечно, мечта.

А пока что, врачъ изо дня въ день съ девяти утра до

двухъ дня сидѣлъ въ околоткѣ и принималъ, принималъ безъ конца... Длинная шеренга больныхъ вытягивалась изъ помѣщенія на дворъ, завертывалась, какъ змѣя, въ нѣсколько оборотовъ и ждала. Докторъ выворачивалъ больному вѣки, подъ которыми обнаруживалъ мелкія бѣлыя точки, и выжигалъ ихъ ляписомъ и адскимъ камнемъ. Отъ этого вѣки страшно распухали, и глаза вылѣзали изъ орбитъ. Больные съ примочками на глазахъ занимали всѣ свободныя койки, валялись на полу, наполняли отхожія мѣста. Выздоравливающіе заболѣвали вторично, и опять начинались прижиганья безъ конца. Но въ отчетахъ нельзя было писать правды. Высшее медицинское начальство требовало, чтобы люди выздоравливали, и... бумага терпѣла все.

Гришину пришлось долго ждать.

— Что у тебя?—спросилъ, наконецъ, докторъ.

— Духъ прётъ, подъ сердце подкатываетъ.

— Раздѣнься.

Гришинъ обнажилъ тощее длинное тѣло, изъ котораго во всѣ стороны торчали кости. Докторъ наклонился къ его груди, послушалъ сперва ухомъ, потомъ черезъ трубку, постучалъ молоткомъ.

— Какой губерніи? Чѣмъ занимался раньше? Не болѣлъ ли лихорадкой? — спрашивалъ докторъ. — Ничего особеннаго,—сказалъ онъ, наконецъ. — Намазать ему вотъ это мѣсто іодомъ.

Докторъ показалъ на верхушку лѣваго легкаго, гдѣ нашелъ подозрительные хрипы.

— Слѣдующій!

Гришинъ пролежалъ два дня въ околоткѣ, но ему становилось все хуже.

— Перевести его въ дивизіонный лазаретъ, — приказалъ докторъ.

Дивизіонный лазаретъ помѣщался въ новомъ деревянномъ флигелѣ съ асфальтовыми полами и множествомъ дверей, въ которыя постоянно дуло. Несмотря на ежегодный ремонтъ, зданіе это имѣло унылый, ощипанный видъ, свойственный вообще всѣмъ казеннымъ постройкамъ. Солдаты боялись лазарета и, заболѣвъ, предпочитали отлеживаться дома. Гришина помѣстили въ общей палатѣ.

Пришли три доктора, подняли его съ постели, стучали по немъ молоточками, ощупали съ ногъ до головы и пожали плечами.

— Больной худѣетъ каждый день на полтора фунта, — сказалъ ординаторъ. — Худѣетъ, повидимому, безо всякой причины.

— Гдѣ у тебя болитъ?—спросилъ старый, сѣдой докторъ въ золотыхъ очкахъ.

— Подъ сердце подкатило, — захрипѣлъ Гришинъ, съ усиліемъ отвѣчая на вопросы.

Доктора долго совѣщались и прописали мышьякъ.

— Ну, выздоравливай скорѣй, — сказалъ молодой докторъ.—Ѣшь больше. Я выписалъ тебѣ кисель съ молокомъ.

— Покорнѣйше благодаримъ.

Доктора ушли, и въ палатѣ стало тихо, тоскливо. Гришинъ цѣлыми днями лежалъ на койкѣ, ни слова не говоря, уставивъ глаза въ одну точку на потолкѣ, гдѣ было большое желтое пятно, и прислушивался къ той невидимой работѣ, которая шла у него внутри. Иногда къ нему приходили изъ роты товарищи; изъ офицеровъ изрѣдка навѣщали его ротный командиръ и Коля Башневъ.

Послѣдній уже не былъ въ ротѣ, а завѣдывалъ дивизіоннымъ лазаретомъ, и потому просиживалъ здѣсь ежедневно по нѣсколько часовъ.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ онъ, увидѣвъ Гришина въ первый разъ послѣ побѣга и удивившись тому, что онъ исхудалъ до неузнаваемости.

— Ничего.

Коля увидѣлъ, что дѣла плохи, и ему захотѣлось утѣшить, ободрить больного. Онъ погладилъ Гришина по головѣ и сказалъ, стараясь быть шутливымъ:

— Скоро, братъ, выздоровѣешь. За службу примешься.

Гришинъ молчалъ, уныло глядя въ потолокъ.

— Что съ нимъ такое?—спросилъ Башневъ подвернувшагося доктора, который былъ очень занятъ и отвѣтилъ на бѣгу:

— Повидимому, малярія.

Коля хотѣлъ еще что-то сказать больному, но запыхавшійся дежурный доложилъ, что пріѣхалъ генералъ. Лазаретъ былъ любимымъ мѣстомъ генеральскихъ посѣщеній. Коля бѣгомъ бросился встрѣчать генерала, который требовалъ, чтобы за нимъ непремѣнно ходили хвостомъ.

Генералъ былъ высокъ, строенъ, красиво сложенъ и очень моложавъ для своихъ лѣтъ, но при одномъ взглядѣ въ его маленькіе свиные глазки становилось ясно, что онъ пороху не выдумаетъ. Свою дивизію онъ получилъ сразу по протекціи, избѣжавъ благополучно должности полкового, батальоннаго и ротнаго командира, и былъ совершенно незнакомъ съ жизнью солдата, съ требованіями и запросами обыкновенной армейской службы. Всей сложной, разнообразной человѣческой жизни онъ хотѣлъ дать опредѣленныя рамки, за которыя никто не смѣлъ бы переступить, но гдѣ

были границы дозволеннаго — никто не зналъ, и нарушенія были предметомъ безконечныхъ столкновеній, недоразумѣній и небывалой путаницы. Мелочи службы заѣдали и начальство, и подчиненныхъ. Неформенный крючокъ, криво пришитый погонъ, неправильно надѣтая шапка возбуждали безконечную переписку. Замѣчаніямъ, выговорамъ, арестамъ не было счета, всѣ карцера были полны нижними чинами, и еще оставались кандидаты на четыре мѣсяца впередъ... Плацпарадная сторона поглощала почти все учебное время. Равненіе въ затылокъ и церемоніальный маршъ доводили людей до обморока. Равняли не только затылки, но всѣ предметы, которые только можно было равнять—ружейные козлы, солдатскую аммуницію, бѣлье, сапоги, кровати и табуретки. На плацу пересаживали деревья, если они росли не въ одну шеренгу...

Генералъ пошелъ по длинному-корридору лазарета, останавливаясь во всѣхъ углахъ и находя, по обыкновенію, цѣлую кучу неисправностей.

— Сразу видно, что вы рѣдко посѣщаете лазаретъ, подпоручикъ, — говорилъ онъ, ковыряя пальцемъ за печкой. — Вотъ здѣсь отбита штукатурка. Отношу это къ вашей неспособности и недомыслію.

— Чѣмъ боленъ?—спросилъ онъ солдатика, войдя въ шестую палату.

— Кашель, ваше превосходительство.

— Дуракъ! Я тебя спрашиваю, чѣмъ ты боленъ? Фельдшеръ, чѣмъ онъ боленъ?

— Желудкомъ, ваше превосходительство.

— Этакій оселъ! Я спрашиваю, какъ называется болѣзнь?

— Катарръ, ваше превосходительство.

— Покажи языкъ. Ты... больной... покажи языкъ!

Солдатъ высунулъ языкъ, насколько могъ длиннѣе.

— Ты здоровъ, скотина! — закричалъ генералъ. — Отъ службы бѣгаешь. Скажи мнѣ обязанности часового у денежнаго ящика?

Вмѣсто отвѣта, растерявшійся солдатъ продолжалъ держать высунутый языкъ, стараясь выдвинуть его еще больше, и пучилъ глаза на его превосходительство.

— Какъ фамилія?

— Мардоньянцъ, ваше превосходительство.

Генералъ вынулъ записную книжку и отмѣтилъ фамилію солдата.

— У тебя что?—спросилъ онъ слѣдующаго.

— Грудь болитъ, ваше превосходительство.

— Покажи.

— Такъ компрессы не кладутся, — замѣтилъ онъ, обра-

щаясь къ фельдшеру. — Нужно сперва клеенку, потомъ мокрую тряпку, потомъ марлю и вату. Удивительно, какъ это доктора не знаютъ самыхъ простыхъ вещей.

Генералъ опросилъ такимъ образомъ всѣхъ больныхъ и, найдя, что доктора и лечатъ совсѣмъ не такъ, какъ надо, пошелъ далѣе по лазаретному корридору, заглядывая за печки.

— Пыль, вездѣ пыль, — говорилъ онъ, размазывая пальцемъ по стѣнамъ. — Некультурный завѣдующій лазаретомъ. Сразу видно, что не получилъ должнаго военнаго воспитанія.

Башневъ, испытывая желаніе ударить генерала въ шею, шелъ за нимъ слѣдомъ, держа все время руку подъ козырекъ.

— Прошу болѣе слѣдить за порядкомъ,—сказалъ онъ въ заключеніе. — Я нахожу, что вы совершенно незнакомы со своими обязанностями, подпоручикъ.

— Я, ваше прево...

— Прошу не возражать.

Генералъ уѣхалъ, доктора ушли, и опять наступила унылая тишина. Только въ саду за окномъ весело чирикали воробьи и стрекотали въ травѣ кузнечики.

Гришинъ черезъ силу всталъ съ постели, пошелъ въ садъ и сѣлъ на скамейку.

Кругомъ желтѣли клены и акаціи, только дубы еще сохранили сочную зелень.

Сильный вѣтеръ шаталъ верхушки этихъ гигантовъ, и при видѣ ихъ Гришину вдругъ въ первый разъ въ жизни пришли мысли о смерти.

— Эти деревья,—думалъ онъ,—будутъ жить еще долго, долго, а я вижу ихъ, можетъ, въ послѣдній разъ.

Онъ посмотрѣлъ съ изумленіемъ на шумящую листву, и слезы сами собой побѣжали по его щекамъ, скатываясь на воротникъ халата.

Къ вечеру дежурный фельдшеръ подошелъ къ кровати Гришина, чтобы дать ему лекарства, но Гришинъ завернулся съ головой и, казалось, спалъ.

— Эй, ты!—будилъ его фельдшеръ, сдергивая съ головы больного одѣяло.

Но больного больше не было. На койкѣ лежалъ безжизненный трупъ, худой, согнувшійся, весь высохшій и страшный...

Хоронили Гришина въ полковой часовнѣ.

На катафалкѣ стоялъ простой, крашеный деревянный гробъ, а въ немъ лежало тѣло, одѣтое въ мундиръ и шаровары второго срока. Сапогъ не полагалось на тотъ свѣтъ, и

изъ простыни выглядывали наружу голыя, почернѣвшія пятки.

Черезъ годъ всѣ, безъ исключенія, забыли, что въ одиннадцатой ротѣ былъ солдатъ Тимофей Гришинъ, и только на военномъ кладбищѣ стоялъ деревянный крестъ, на которомъ еще нѣсколько лѣтъ спустя можно было прочитать полустертую надпись:

Здѣсь похороненъ .....датъ
оди.....той роты .....фей Гришинъ
родился..... умеръ.....

XIV.

Когда узнали, что завтра пріѣзжаетъ командующій войсками, всѣ безтолково засуетились. Въ полковой канцеляріи должностныя лица сбились съ ногъ, писаря были завалены кипами бумагъ и переписывали по десять разъ одно и то же, дѣлая со страху массу ошибокъ. Пишущая машина стучала, телефонъ безпрерывно звонилъ, то и дѣло мѣняя распоряженія, адъютантъ съ измученнымъ лицомъ метался, суетился, кричалъ, собиралъ фельдфебелей и въ сотый разъ провѣрялъ списки людей полка.

Командиръ не зналъ, за что схватиться, охалъ, стоналъ, бѣжалъ въ полковой цейхгаузъ, чтобы провѣрить мундирную одежду перваго срока, но на полпути возвращался въ канцелярію, кричалъ на казначея и, не дослушавъ объясненій завѣдывающаго хозяйствомъ, спѣшилъ въ роты, гдѣ наскоро экзаменовалъ нижнихъ чиновъ въ знаніи тѣхъ вопросовъ, которые постоянно предлагалъ командующій войсками.

Младшіе офицеры торопливо повторяли обязанности караульнаго начальника и дежурнаго по полку, которыя они исполняли очень часто и все-таки не знали, какъ слѣдуетъ.

Командиръ выстроилъ полкъ и самъ обучалъ нижнихъ чиновъ, какъ нужно отвѣчать на привѣтствіе. Командующій войсками былъ тугъ на ухо и любилъ очень громкіе отвѣты, которые для людей съ нормальнымъ слухомъ казались ни съ чѣмъ несообразнымъ ревомъ.

— Отвѣчайте мнѣ, какъ командующему войсками!—приказалъ командиръ.

— Здорово, братцы.

— Здравія желаемъ, ваше высоко-превосходитель-ство!!!

— Не такъ,—кипятился командиръ.—Оскандалимся! Провалимся! Люди совершенно не умѣютъ отвѣчать. Его высокопревосходительство любитъ, чтобы отвѣтъ былъ короткій, отрывистый, и чтобы при этомъ выговаривался каждый

слогъ. Вслушайтесь, братцы, какъ нужно отвѣчать: здравшество! Ну, теперь...

— Здорово, братцы.

Раздался гулъ голосовъ. Люди никакъ не могли выговорить „здравшество" такъ, какъ хотѣлось командиру полка.

— Здорово, братцы.

— Здра...а...а...высоко...вше...ство.

— Опять не такъ.

Обученіе продолжалось цѣлый часъ безъ видимыхъ результатовъ. Командиръ вспотѣлъ отъ крика и, приказавъ продолжать обученіе подполковнику Рындину, съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ, которое испытываетъ плохой ученикъ передъ экзаменомъ, пошелъ домой и сѣлъ обѣдать. Но куски застревали въ горлѣ, и въ головѣ вертѣлась неотвязная мысль:

— Оскандалимся! Провалимся!

Командующаго войсками боялись, какъ огня. Это былъ человѣкъ рѣдкихъ, огромныхъ дарованій, желѣзной, непреклонной воли и философскаго склада ума. Но блестящія качества соединялись въ немъ съ рѣзкою нетерпимостью къ чужимъ убѣжденіямъ и съ самодурствомъ всесильнаго сатрапа. Правда, онъ хорошо зналъ людей, видѣлъ ихъ насквозь и оцѣнивалъ съ непостижимой быстротой и вѣрностью взгляда, но онъ страдалъ общимъ недостаткомъ большихъ начальниковъ—совершенно не выносилъ противорѣчій и считалъ себя непогрѣшимымъ въ военныхъ вопросахъ. Вслѣдствіе этого люди дѣла и науки быстро испарялись изъ штаба командующаго, а окружала его цѣлая толпа ничтожныхъ и бездарныхъ льстецовъ и прихлебателей. И хотя генералъ ясно видѣлъ неспособность своихъ помощниковъ, но они были удобны для него, и онъ мирился съ такимъ положеніемъ вещей.

Воспитанный въ традиціяхъ старой войны, онъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, отстаивалъ устарѣлые принципы, не признавая опыта новѣйшаго времени. Вслѣдствіе этого вся его дѣятельность сводилась къ нулю. Правда, онъ ввелъ улучшенія въ дѣлѣ обученія солдата, но въ рукахъ бездарныхъ помощниковъ эти улучшенія теряли всякій смыслъ и цѣну и служили только для удовлетворенія самолюбія стараго генерала, которому трубили въ уши, что онъ произвелъ переворотъ въ военной наукѣ.

Огромная власть развращаетъ человѣка, и если ей нѣтъ границъ,—она дѣлаетъ его рабомъ своихъ страстей. Пріученный долгими годами къ раболѣпному преклоненію передъ каждою своею мыслью, старый генералъ впалъ мало по малу въ папскую непогрѣшимость и отлучалъ отъ науки всѣхъ

несогласно мыслящихъ съ нимъ людей, называя ихъ пустопорожними умами. Актеръ въ душѣ, онъ часто поражалъ присутствующихъ своей геніальной игрой. Онъ могъ, когда угодно, вызвать у себя на лицѣ обильныя настоящія слезы или бѣшеный гнѣвъ, смотря по тому, что́ нужно было въ данную минуту, и дѣлалъ это съ такимъ совершенствомъ, что никто не могъ отдѣлить истину отъ лжи и притворства.

Иногда онъ разыгрывалъ изъ себя непонимающаго простачка и жестоко издѣвался надъ очень умными и достойными людьми. Въ жизни и на бумагѣ онъ разыгрывалъ Суворова, чудилъ и часто дѣлалъ нелѣпости, которыя принимались, какъ нѣчто геніальное. Такъ, однажды, назначивъ смотръ казачьему полку, онъ на половинѣ дороги вылѣзъ изъ экипажа и спрятался подъ мостомъ, отдавъ приказаніе найти его, во что бы то ни стало. И, конечно, никому не пришло даже въ голову, что командующій войсками сидѣлъ въ лужѣ подъ тѣмъ самымъ мостомъ, по которому проскакалъ весь полкъ...

Въ другой разъ онъ приказалъ кавалерійскому эскадрону осадить людей съ карьера на аршинъ отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ. Картина была внушительная. Эскадронъ понесся полнымъ карьеромъ на генерала, который усѣлся въ полѣ на вѣнскомъ стулѣ, а сзади стала перетрусившая свита. Малѣйшая оплошность всадника—и всѣ могли быть раздавлены.

Эскадронъ на всемъ скаку остановился передъ носомъ генералитета и замеръ.

Одна передняя лошадь споткнулась, перекинулась, и весь рядъ лошадей и сидѣвшихъ на нихъ всадниковъ, образовалъ какую-то кашу изъ груды изломанныхъ человѣческихъ тѣлъ. Многіе умерли, многіе остались калѣками...

Генералъ плакалъ навзрыдъ, захлебываясь слезами, какъ ребенокъ.

Нерѣдко онъ становился въ промежуткѣ двухъ мишеней и приказывалъ продолжать стрѣльбу.

Объѣзжая войска, онъ мчался карьеромъ передъ рядами десятковъ тысячъ людей и кричалъ звонкимъ дискантомъ:

— Здорово, подлецы, сукины дѣти!

— Зраа...а...а.аа...аа!!!—неслось по рядамъ.

— Расцѣловалъ бы васъ, такіе-сякіе,—кричалъ онъ,—да времени нѣту, озолотилъ бы васъ, сукины дѣти, да денегъ нѣту!

Солдаты отвѣчали громовымъ „ура“ и бросали вверхъ шапки. Восторгъ былъ настоящій, непритворный.

Этотъ человѣкъ, не смотря на всѣ свои заблужденія и недостатки, повелѣвалъ сердцами людей.

Въ назначенное для смотра время вся дивизія выстроилась у полотна желѣзной дороги. Настроеніе было похоже на то, какое въ природѣ бываетъ передъ грозой, точно все кругомъ зарядилось электричествомъ. У командировъ полковъ душа ушла въ пятки. Эти старые бородатые люди трепетали, какъ не выучившіе урокъ ученики. Гораздо спокойнѣе были солдаты. Они стояли на плацу, вытянутые въ двѣ длинныя линіи и все время равнялись, подаваясь то взадъ, то впередъ.

— Ѣдетъ!—закричали махальные, и на рельсахъ, прилегающихъ вплотную къ казармамъ, показался паровозъ съ одимъ пульмановскимъ вагономъ перваго класса.

У переѣзда разостлали складные мостки съ раздвинутой лѣстницей, заказанные спеціально для этого случая начальникомъ дивизіи, и старый генералъ, поддерживаемый десяткомъ рукъ, медленно спустился по ступенькамъ вагона, выслушалъ рапортъ начальника дивизіи, который превратился въ этотъ мигъ въ зигзагъ молніи, и тихимъ старческимъ шагомъ пошелъ вдоль линіи солдатъ, сопровождаемый огромной разноцвѣтной свитой.

Онъ былъ очень толстъ, съ дряблымъ, ожирѣвшимъ лицомъ, изъ котораго лукаво смотрѣли умные, живые, совершенно юношескіе глаза.

Ему было около шестидесяти лѣтъ, но онъ казался значительно старше. Онъ еле переступалъ жирными ногами, говорилъ тихо, съ задышкой, такъ что трудно было разобрать. Многочисленные генералы всѣхъ родовъ оружія извивались кругомъ, какъ змѣи, и заглядывали ему въ глаза, а онъ, привыкшій къ поклоненію людей, казалось, не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

— Здорово, братцы,—сказалъ командующій такъ тихо, что его услышали только правофланговые солдаты.

— Здрааа...ааа...ааа...а!—пронесся по рядамъ нестройный отвѣтъ.

Генералъ точно очнулся отъ сна.

— Плохо отвѣчаютъ!—очень громко закричалъ онъ.—Здорово.

— Здра...вже... ваше...ство.

— Лаютъ! Лаютъ, какъ собаки! Вызвать молодыхъ солдатъ!

— Молодые солдаты, впередъ!—закричалъ, стараясь надорвать глотку отъ усилія, приподнимаясь на носкахъ, начальникъ дивизіи, и тотчасъ же во всѣхъ концахъ плаца разные голоса повторили этотъ крикъ, сливаясь въ одинъ общій нестройный хоръ.

— Составить ружья,—приказалъ командующій.

— Со...ставить ррружья!—такъ же надрываясь, повторилъ начальникъ дивизіи.

— ...составить ру...ужья!—разнеслось опять, и сѣрые ряды молодыхъ солдатъ выстроились впереди своихъ ротъ.

— Скажи, голубчикъ, въ чемъ состоитъ воинская дисциплина?—ласково обратился командующій къ одному солдату, положивъ руку ему на плечо.

— Дѣлай все то, что начальникъ прикажетъ, а противъ Государя не дѣлай,—быстро, отчеканивая каждое слово, отвѣтилъ солдатъ.

Генералъ спрашивалъ дальше по своей программѣ, получалъ на все точные, быстрые, зазубренные отвѣты и, повидимому, остался доволенъ.

Въ другихъ округахъ солдатъ обучали по уставу. На вопросъ, что такое дисциплина, они должны были отвѣчать длинно, подробно и, конечно, неосмысленно. Впрочемъ, и при короткомъ, но столь же тупо вызубренномъ отвѣтѣ, на практикѣ возникало не меньше всякаго рода недоумѣній... Бывали случаи, что нижніе чины иногда за исполненіе, а иногда за неисполненіе какого-нибудь приказанія, шли подъ судъ и калѣчили себѣ жизнь навсегда.

Командующій войсками пошелъ дальше, зорко всматриваясь въ лица. На правомъ флангѣ третьяго полка выстроились всѣ офицеры. Командиръ полка шелъ сзади командующаго и, не отрывая руки отъ козырька фуражки, называлъ поочередно фамиліи, путая и даже забывая ихъ со страху.

— Капитанъ Радугинъ, капитанъ Матусевичъ, штабсъ-капитанъ Козодавлевъ... поручикъ Торбѣевъ,—говорилъ онъ, перебѣгая взглядомъ съ лица на лицо.

— Подпоручикъ Башневъ,—сказалъ командиръ, и глаза командующаго на одну секунду остановились.

— Подпоручикъ Чубуковскій,—произнесъ командиръ.

— Слава Богу,—подумалъ Коля съ чувствомъ мгновеннаго облегченія.—Прошелъ мимо.

Но не успѣлъ онъ это подумать, какъ большая голова командующаго обратилась прямо къ нему, и гипнотизирующіе глаза уперлись прямо въ Колины глаза.

— А скажите мнѣ, господинъ офицеръ, обязанности караульнаго начальника, — спросилъ онъ и остановился въ ожиданіи.

Коля мгновенно потерялся, проглотилъ воздухъ и сразу забылъ всѣ слова, которыя ему нужно говорить, точно кто отшибъ ему дубиной память.

— Начальникъ караула... Караульный начальникъ долженъ...—забормоталъ онъ... Онъ обязанъ знать... Караульный... обязанъ... дежурный по полку...

— Странный офицеръ, — сказалъ только командующій войсками и, ни слова не прибавивъ болѣе, пошелъ дальше, оставивъ Башнева въ такомъ состояніи, точно кто ему сейчасъ плюнулъ въ лицо.

— Лучше бы онъ меня подъ арестъ посадилъ!—съ отчаяніемъ думалъ Коля.

— Вызвать одиннадцатую роту N—скаго полка,—приказалъ командующій.

Командиръ, услышавъ имя своего полка, вздрогнулъ, точно отъ прикосновенія лейденской банки, хотѣлъ скомандовать, но голосъ у него осѣкся, и изъ горла вырвался одинъ хрипъ.

Генералъ поморщился.

— Больше спокойствія, господинъ командиръ полка,— замѣтилъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Командиръ роты капитанъ Радугинъ тоже весь похолодѣлъ и незамѣтно перекрестился.

— Господи, Господи, — молился онъ мысленно,—сдѣлай такъ, чтобы все было хорошо.

Потерявъ обычную неповоротливость, онъ волчкомъ выскочилъ впередъ и громовымъ голосомъ подалъ команду.

Рота молодцевато и бойко вышла на середину плаца и остановилась въ ожиданіи.

— Показалась пѣхота въ двухъ тысячахъ шагахъ,—задалъ генералъ.

Подполковникъ Рындинъ, желая блеснуть передъ командующимъ своимъ знаніемъ службы, задвигалъ плечами, замахалъ руками, закивалъ головой, показывая Радугинучто и какъ нужно сдѣлать, но Радугинъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти телеграфные знаки, сдѣлалъ посвоему, быстро и вѣрно, требуемое перестроеніе.

Генералъ посмотрѣлъ на Рындина, и въ глазахъ у него появились двѣ лукавыя искорки.

Онъ предложилъ еще нѣсколько задачъ, которыя исполнялись такъ же быстро и правильно.

— А скажи мнѣ, голубчикъ,—обратился онъ къ одному изъ солдатъ,—обязанности часового у денежнаго ящика.

— Обязанности часового...—быстро повторилъ Рындинъ, повернувшись къ солдату и дѣлая страшное лицо. — У денежнаго ящика?

Генералъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Рындина въ полоборота, но промолчалъ.

— А ты, голубчикъ, — обратился онъ къ другому, — ты мнѣ разскажи обязанности часового у порохового погреба.

— У порохового погреба! — повторилъ, какъ эхо, Рындинъ, опять выскакивая изъ-за спины солдата.

— Обязанности дневальнаго, — спрашивалъ далѣе генералъ, и каждый разъ подполковникъ Рындинъ, какъ паяцъ, котораго дергали за веревку, выскакивалъ со страшнымъ лицомъ впередъ, чтобы придать больше знанія солдату.

— Спасибо, молодцы!—закричалъ командующій.—Маршъ бѣгомъ въ роту, и меня ждать.

Въ мгновеніе ока нижніе чины скрылись съ плаца.

— Попрошу господъ офицеровъ ко мнѣ, — приказалъ командующій, и когда его окружила толпа, онъ довольно долго молчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Когда я еще былъ фендрикомъ,—началъ онъ, — то я страшно ретиво взялся за дѣло. Построилъ это я роту и скомандовалъ: „сми...ирна!..“ Только гляжу, фельдфебель мой послѣ команды то одного толкнетъ, то другого поправитъ. Я опять это командую: „сми...ирна!“ А онъ все свое. Я третій разъ какъ закричу: „сми...ирна!“ Не унимается мой фельдфебель. Тогда я подозвалъ его...

Командующій войсками вдругъ выпрямился и, обернувшись кругомъ, очутился лицомъ къ лицу съ подполковникомъ Рындинымъ, который весь обратился въ слухъ.

— Не усердствуй, *мерзавецъ*!..

Командующій помолчалъ десять секундъ, глядя въ упоръ Рындину въ лицо, и добавилъ:

— Сказалъ я фельдфебелю.—А теперь полковое ученіе,— весело, совсѣмъ другимъ тономъ, проговорилъ командующій.

— Кавалерія сзади тысяча, кавалерія справа пятьсотъ шаговъ, кавалерія въ полоборота налѣво тысячу двѣсти,— задавалъ онъ свои любимыя темы.

Полкъ вытягивался въ гусеницу, свивался, разбивался на отдѣленія, размыкался и смыкался именно такъ, какъ требовалъ командующій войсками. Всѣ эти эволюціи для боя совершенно не годились, но онѣ были выдумкой стараго генерала и тѣшили его сердце.

— Кавалерія съ неба!—крикнулъ онъ вдругъ.

Командиръ не понялъ и растерялся. Генералъ не любилъ, когда его не понимали, и началъ сердиться.

— Кавалерія справа и слѣва тысячу четыреста!—закричалъ онъ гнѣвно.

Командиръ окончательно заробѣлъ и все перепуталъ. Полкъ сбился въ кучу, не зная, какъ распутаться.

Генералъ затопалъ ногами, застучалъ палкой о земь и, брызгая слюной, тонкимъ дискантомъ запищалъ:

— Не хочу смотрѣть стадо барановъ! Вонъ отсюда! Чтобъ и духу вашего не было! Вонъ съ плаца! Командиръ полка, пожалуйте сюда!

Командиръ, ни живъ, ни мертвъ, подошелъ къ генералу,

еще за сто шаговъ взявъ подъ козырекъ. Видно было, какъ у него тряслась нижняя губа, прыгали руки, и весь онъ дрожалъ въ припадкѣ безумнаго ужаса. Громадная толпа людей, разодѣтыхъ въ дорогое разноцвѣтное сукно, пестрящая лентами, звѣздами и орденами, вдругъ замерла въ томительномъ, жгучемъ ожиданіи. Генералъ склонилъ большую голову на грудь и мучительно долго молчалъ, какъ бы придумывая кару. Командиръ пережилъ ужасную минуту. Вдругъ генералъ поднялъ голову и, глядя въ упоръ на несчастнаго полковника, сказалъ:

— У васъ длинные волосы. Извольте постричься и явиться ко мнѣ. А кто здѣсь подпоручикъ Каштановъ?— спросилъ онъ вдругъ, какъ будто совершенно забывъ полковника, который все еще не могъ опомниться и дико озирался по сторонамъ.

— Подпоручикъ Каштановъ! — закричали голоса. — Къ командующему подпоручика Каштанова!

— Поручика Жданова,—перепутывая, кричали далѣе.

Подпоручикъ выросъ передъ генераломъ, какъ листъ передъ травой.

— Я слышалъ, что вы отрубили еврею шашкой два пальца,—спросилъ генералъ, высоко поднявъ брови.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство,—звонко и весело отвѣтилъ Каштановъ, не выразивъ ни малѣйшаго смущенія.

— А скажите мнѣ, милостивый государь: когда новый караулъ вступаетъ въ вѣдѣніе караульнаго начальника?

— По пробитіи сбора, ваше высокопревосходительство.

— А скажите мнѣ, милостивый государь: когда караульный начальникъ обязанъ послушать всякаго простого мужика?

— Когда онъ посланъ отъ часового, ваше высокопревосходительство.

— А скажите мнѣ, милостивый государь...

Генералъ въ теченіе получаса экзаменовалъ подпоручика, который, нисколько не теряясь, бойко отвѣчалъ на всѣ вопросы.

— Ну, молодецъ, — сказалъ командующій, опустивъ брови. — А все-таки рубить пальцы жидамъ не слѣдуетъ. Отправьтесь на двое сутокъ на гауптвахту.

И онъ, тупо опустивъ голову, сгорбившись, хромая и охая, напустивъ на себя видъ дряхлаго, немощнаго старца, поплелся въ одиннадцатую роту третьяго полка.

Идти было далеко, и за нимъ растянулась длинная свита.

Какой-то совсѣмъ молодой генералъ Генеральнаго Штаба,

съ виду похожій на подпоручика, наклонился къ уху командующаго и, почтительно изогнувшись, приложивъ руку къ козырьку, о чемъ-то доложилъ.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, — ласково отвѣтилъ командующій,—умъ хорошо, а полтора лучше.

Генералъ генеральнаго штаба все такъ же почтительно и безстрастно выслушалъ это и опустилъ руку.

Войдя въ двери ротнаго помѣщенія, командующій приложилъ трубкой ладони рукъ ко рту и закричалъ:

— Сгинь! Пропади! Провались!

Одна секунда—и въ ротѣ не осталось ни души. Люди мчались, какъ бѣшеные, сшибая съ ногъ генераловъ и офицеровъ, неслись къ окнамъ, вышибали рамы и двери, разбивали стекла, которыя со звономъ летѣли на полъ.

— Спасибо, сукины дѣти! — звонко кричалъ командующій.—Утѣшили старика! Спасибо! Молодцы!

— Рады стараться! Урра-а-а-а!—донесся отвѣтъ роты, которая уже успѣла выстроиться на плацу.

— На сто рублей стеколъ побили,—жаловался завѣдывающій хозяйствомъ, чуть не плача.—Гдѣ взять? Что я теперь буду дѣлать? Вотъ наказанье! Ахъ ты, Господи!

Но никто его не слушалъ.

— А кто же здѣсь ротный командиръ?—какъ бы недоумѣвающе спросилъ командующій.

Капитанъ Радугинъ вышелъ впередъ своей развалистой, характерной походкой и взялъ подъ козырекъ.

Генералъ снялъ шапку и поклонился ему до земли, обнаживъ лысый блестящій черепъ.

— Спасибо, господинъ ротный командиръ,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.—Великое спасибо!

— Что-жъ, пожалуй, посмотримъ обозъ,—предложилъ онъ, обращаясь къ начальнику штаба, и всѣ двинулись смотрѣть обозъ въ другіе полки дивизіи.

Въ обозномъ сараѣ одного полка все было тщательно вымыто, вычищено и завернуто въ солому. Казалось, что порядокъ былъ образцовый. Но командующій прошелъ мимо этого выигрышнаго для смотра мѣста. Онъ прекрасно зналъ, что въ мирное время обозъ берегутъ, какъ зѣницу ока, а въ военное—все оказывается ни къ чорту негоднымъ, сразу ломается, изнашивается, колется и требуетъ немедленнаго ремонта. Изъ обознаго сарая пошли по конюшнямъ.

— Лошадки-то у васъ худощавы,—замѣтилъ командующій.

Командиръ полка, круглый, какъ мячъ, съ быстрыми движеніями, точно весь на пружинахъ, выскочилъ впередъ и залепеталъ быстрымъ говоркомъ:

— Я, ваше высокопревосходительство, всѣ мѣры принимаю, чтобы вогнать ихъ въ тѣло. Я ихъ и мукой, и хлѣбомъ, и отрубями... Ничего не помогаетъ. Я, ваше высоко...

— Я гдѣ-то читалъ,—перебилъ командующій, не дослушавъ командира полка,—будто лошади... отъ овса полнѣютъ. Попробуйте, полковникъ, ихъ овсецомъ.. овсецомъ покормить.

Полковникъ умолкъ и спрятался за спину завѣдывающаго хозяйствомъ.

Собравъ офицеровъ дивизіи, командующій поблагодарилъ ихъ за службу.

— Благодарность,—добавилъ онъ,—конечно, не относится къ тому командиру, который не умѣетъ командовать своимъ полкомъ.

— А теперь по домамъ!

Вѣстовой подалъ верховую лошадь.

Генералъ занесъ ногу въ стремя, но не могъ поднять на сѣдло свое жирное, грузное тѣло. Лошадь заартачилась и затанцовала.

— Держи, мерзавецъ, за поводъ!—гнѣвно заоралъ командующій.

Но, несмотря на всѣ усилія конюха, лошадь дергала и становилась на дыбы.

— Ахъ ты, сукинъ сынъ!—крикнулъ генералъ и, обращаясь къ свитѣ, сказалъ:

— Я, господа, училъ васъ не бить, но такихъ мерзавцевъ, такихъ сукиныхъ сыновъ необходимо лупить.

И, въ припадкѣ бѣшенства, онъ поднялъ нагайку, ударивъ ею нѣсколько разъ по лицу солдата, который, не смѣя отклониться въ сторону, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ при каждомъ ударѣ.

Наконецъ, взвалившись на сѣдло, генералъ поѣхалъ рысью, трясясь, какъ мѣшокъ.

— Ну, слава Богу,—заговорили кругомъ,—что смотръ кончился благополучно.

— Господа,—сказалъ начальникъ дивизіи послѣ того, какъ генералъ со свитой скрылся изъ глазъ,—предлагаю устроить проводы его высокопревосходительству. Надѣюсь, что супруги господъ старшихъ офицеровъ дивизіи не откажутся доставить себѣ и намъ удовольствіе поднести его высокопревосходительству букетъ.

— Такъ точно,—въ одинъ голосъ сказали старшіе офицеры.

— Хочетъ нырнуть, сукинъ сынъ, безъ мыла лѣзетъ,— говорили сзади, но такъ тихо, что впереди никто этого не слышалъ.

— Можно собрать немедленно деньги по подпискѣ,— предложилъ полковникъ Кашинъ.—Я могу сейчасъ приказать...

— Да, да,—отвѣтилъ начальникъ дивизіи.—Примите, Николай Ивановичъ, пожалуйста, дѣятельное участіе.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ командиръ и расцвѣлъ отъ ласковаго обращенія.

Подписной листъ загулялъ по полкамъ и быстро покрылся подписями. Полковникъ Кашинъ взялъ иниціативу на себя, цѣлый день ѣздилъ по городу въ казенной коляскѣ и хлопоталъ.

Въ восемь часовъ вечера на перронѣ вокзала тѣснилась къ вагону командующаго войсками разодѣтая толпа полковыхъ дамъ, съ женой начальника дивизіи во главѣ, державшей въ рукахъ огромный, пестрый букетъ. На площадкѣ показался адъютантъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, обшитымъ бѣлыми кантами, и произнесъ:

— Его высокопревосходительство проситъ.

Дамы, одна за другой, видимо конфузясь и робѣя, прошли въ вагонъ, гдѣ генералъ отвѣшивалъ каждой по очереди низкіе земные поклоны, паясничалъ и кривлялся, прикидываясь дурачкомъ или юродивымъ.

— Весьма... весьма тронутъ,—бормоталъ онъ.—Желаю вамъ... желаю вамъ царствія небеснаго... Прошу садиться на чемъ стоите. Вотъ тутъ... Вотъ здѣсь... Прошу сюда,— говорилъ онъ, указывая на двери, гдѣ было написано 00, не давая времени сказать спичъ генеральшѣ, подававшей букетъ.

Когда всѣ усѣлись и замолчали, командующій, опершись руками въ колѣни, посмотрѣлъ умирающимъ взглядомъ на адъютанта и произнесъ голосомъ маленькаго капризнаго ребенка:

— Голубчикъ. Дай мнѣ бумаги.

— Какой бумаги, ваше высокопревосходительство?

— Голубчикъ! Да...ай!—почти запѣлъ онъ.—Да-ай, голубчикъ, бумаги. Ты же знаешь, гдѣ бумага. Дай бумажки.

— Но... ваше высокопревосходительство...

— Не повинуется,—перебилъ онъ, обращаясь къ дамамъ.— А? Каково?

— Голубчикъ,—запищалъ онъ опять.—Да...ай бумаги.

Адъютантъ нерѣшительно повернулся.

— Иди, иди, голубчикъ. Туда, туда!—замахалъ рукою командующій.

Адъютантъ ушелъ и черезъ минуту принесъ пучекъ тонкой мягкой бумаги.

— Ага, ага, вотъ спасибо. Утѣшилъ старика!—обрадовался командующій. Потомъ онъ уставился на генеральшу, какъ бы изучая ее, медленно отсчиталъ три листика и, подавая ей, сказалъ:

— Вотъ вамъ.

Потомъ перевелъ взглядъ на Дарью Мартыновну Кашину, отсчиталъ десять листовъ и сказалъ:

— А это вамъ.

— Это вамъ, это вамъ, это вамъ,—приговаривалъ онъ, раздавая бумагу и кланяясь.

Дамы, низко присѣдая, такъ и не сказавъ ни одного слова, вышли изъ вагона.

— Какой ми-лай старичокъ,—произнесла Дарья Мартыновна, но никто ей не отвѣтилъ. У генеральши выступили слезы, и она кусала губы, боясь разрыдаться.

— Выбрось, голубчикъ, этотъ букетикъ,—сказалъ командующій адъютанту.

Поѣздъ медленно тронулся и поплылъ мимо вокзала, на которомъ продолжали стоять злополучныя дамы.

Полковникъ Кашинъ сейчасъ же отправился къ парикмахеру, гдѣ и остригся номеромъ ноль, отчего голова его сдѣлалась похожа на билліардный шаръ. На слѣдующій день онъ поѣхалъ въ губернскій городъ, резиденцію командующаго войсками, и приказалъ о себѣ доложить. Генералъ сидѣлъ въ кабинетѣ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и ловилъ клоповъ на томъ самомъ диванѣ, гдѣ онъ всегда любилъ отдыхать послѣ обѣда.

Услышавъ о прибытіи командира полка, онъ сказалъ лакею:

— Проси.

Полковникъ вошелъ и, подтянувъ животъ, отрапортовалъ о прибытіи. Голова его ослѣпительно блестѣла.

— Ахъ,—сказалъ генералъ ласково, переставая ловить клоповъ,—вы уже постриглись? Можете ѣхать къ мѣсту служенія.

Полковникъ повернулся кругомъ, какъ солдатъ, по всѣмъ правиламъ пѣхотнаго искусства, и съ души его свалилась огромная тяжесть.

— Слава Богу,—думалъ онъ,—слава те, Господи, что все кончилось такъ хорошо и благополучно!

Вячеславъ Артемьевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Борьба направленій во французскомъ соціализмѣ.

IV.

Серьезныя разногласія въ рядахъ объединенной партіи начинаютъ проявляться въ концѣ 1906 г. Особенно рѣзко выступили они на Лиможскомъ конгрессѣ. Это былъ первый конгрессъ послѣ объединенія, на которомъ ужъ не удалось, какъ на Парижскомъ и Шалонскомъ конгрессахъ, вотировать единогласно наиболѣе важныя резолюціи. Вопросами, вызвавшими эти разногласія, были вопросы о формахъ борьбы съ милитаризмомъ и объ отношеніи партіи къ синдикальнымъ организаціямъ. Борьба съ милитаризмомъ является для французскихъ соціалистовъ болѣе насущной необходимостью, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Не говоря уже о томъ, что армія все чаще и чаще посылается противъ рабочихъ во время забастовокъ, что иногда заботящееся о капиталистическихъ интересахъ правительство замѣняетъ даже стачечниковъ солдатами, отнимая тѣмъ самымъ у первыхъ всякіе шансы на побѣду, бремя военныхъ расходовъ во Франціи ложится особенно тяжело на плечи трудовыхъ массъ, вслѣдствіе неимовѣрно быстраго роста военнаго бюджета при полномъ отсутствіи прироста населенія. Объ этомъ можно легко судить, если принять во вниманіе, что французскій военный бюджетъ, «бюджетъ смерти», въ 1908 г. достигъ уже 1 милліарда 113 милліоновъ франковъ, въ то время какъ общее число населенія Франціи не превышаетъ 38 милліоновъ. Вопросъ о борьбѣ съ этимъ національнымъ зломъ былъ поставленъ очень остро въ «объединенной» партіи, благодаря страстной и энергичной пропагандѣ Эрве, хотя и страдающей очень большими односторонностями и преувеличеніями, какъ вполнѣ справедливо указалъ на это Н. Е. Кудринъ въ «Р. Б.». Что касается вопроса объ отношеніи партіи къ синдикальнымъ организаціямъ рабочаго класса, то это, можно сказать, въ настоящее время во Франціи самый кардинальный изъ вопросовъ, выдвинутыхъ развитіемъ соціальной жизни, и отъ его удачнаго рѣшенія въ значительной степени зависитъ будущее французскаго рабочаго и соціалистическаго дви-

женія. Синдикальная борьба начала принимать во Франціи болѣе или менѣе серьезные размѣры и привлекать общественное вниманіе лишь съ 1901—1902 г. Если отчасти ростъ синдикальныхъ организацій и развитіе и расширеніе ихъ дѣятельности, начавшіяся съ этой эпохи, можно объяснить фактомъ образованія Генеральной Конфедераціи труда, которой удалось мало-по-малу, на почвѣ общихъ экономическихъ требованій, объединить рабочихъ, примыкающихъ къ различнымъ политическимъ направленіямъ, то нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что еще въ большей мѣрѣ здѣсь проявилось вліяніе значительнаго подъема французской промышленности, замѣчающагося за послѣдніе 6—7 лѣтъ. Нѣкоторое, хотя очень неполное, представленіе о степени этого подъема могутъ дать слѣдующія цифры, показывающія, какъ росла французская внѣшняя торговля за періодъ 1903—1907 гг.

За указанное пятилѣтіе общая сумма оборота внѣшней торговли Франціи увеличилась съ 9,053,460,000 фр. до 11,589,678,000 фр., т. е. на 2,536,218,000 фр. или почти на 30 проц. За послѣдніе только два года, т. е. съ 1905 по 1907 включительно, внѣшняя торговля Франціи возросла на 22,80 проц., въ то время какъ германская внѣшняя торговля возросла за этотъ же періодъ на 18,75 проц., а Англійская на 20 проц. Въ частности ввозъ сырья, обрабатываемаго во Франціи, увеличился за пять лѣтъ на 858,344,000 фр., а вывозъ фабрикатовъ увеличился почти на такую же сумму—на 748,249,000 фр., т. е. почти на одну треть. Нужно еще принять во вниманіе, что и на внутреннемъ рынкѣ Франціи спросъ на фабричные и заводскіе продукты все болѣе увеличивается, благодаря общему росту культуры въ народѣ, а также благодаря возрастающему ежегодно числу иностранцевъ, пріѣзжающихъ во Францію предаваться развлеченіямъ *).

Развитіе промышленности во Франціи не могло, конечно, не послужить импульсомъ къ серьезному экономическому движенію рабочихъ. Тѣмъ болѣе, что развитіе промышленности, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, вызвало страшное вздорожаніе продуктовъ первой необходимости *).

Такимъ образомъ, рабочая плата относительно уменьшалась, и это обстоятельство толкало рабочія массы, съ силою желѣзной необходимости, на борьбу съ капиталомъ. Пользуясь благопріятными экономическими условіями, рабочіе направили эту борьбу не только на завоеваніе болѣе высокой заработной платы, но и на завоеваніе еженедѣльнаго отдыха и менѣе длиннаго рабочаго дня. Нижеслѣдующая таблица стачекъ за 5 лѣтъ показываетъ, какъ развивалась

*) Какъ много тратятъ эти иностранцы, показала, между прочимъ, статистика за 1907 годъ, изъ которой выяснилось, что одни только сѣверо-американцы получили въ 4-хъ главныхъ парижскихъ банкахъ по переводамъ милліардъ франковъ.

**) Слѣдующая таблица рисуетъ очень рельефно ростъ цѣнъ на жиз-

во Франціи экономическая рабочая борьба, вылившаяся преимущественно въ формѣ забастовокъ.

Таблица стачекъ во Франціи за періодъ 1902—1906 г.

Годы.	Число стачекъ.	Число заведеній, затронутыхъ стачками.	Число рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ.	Число раб. дней, потраченныхъ на стачки.
1902	512	1820	212.704	4.675.081 *)
1903	576	3246	123.151	2.441.944
1904	1026	17.250	271.097	3.934.884
1905	830	5302	177.666	2.746.684
1906	1309	19.637	438.466	9.438.594

Таблица эта составлена по даннымъ официальнаго изданія „Office du travail“ за 1902, 1903, 1904, 1905 и 1906 гг.

Въ процессѣ этой борьбы синдикаты и синдикальныя федераціи росли и расширялись и пріобрѣтали все большее и большее значеніе. За указанный пятилѣтній періодъ число рабочихъ объединенныхъ въ синдикаты возросло до 684.760 въ 1902 г., до 896.000 въ 1907 г. Генеральная конфедерація труда, являющаяся центромъ синдикальной жизни, объединяетъ около 350.000 всѣхъ организованныхъ на профессіональной почвѣ рабочихъ. Отчасти вслѣдствіе того, что соціалистическія партіи тратили свою энергію на взаимную грызню, отчасти же благодаря промышленному расцвѣту, выдви-

---

ненные продукты во Франціи. За періодъ 1902 — 1917 г. цѣны возросли:

На	хлѣбъ	15 проц.
„	говядину	22 „
„	телятину	14 „
„	баранину	25 „
„	свинину	27 „
„	кондитерскія издѣлія	25 „
„	масло	15 „
„	керосинъ	10 „
„	коровье масло	14 „
„	сыръ	25 „
„	рыбу	50 „
„	рыбныя консервы	25 „
„	сырыя овощи	15 „
„	сухія овощи	30 „
„	каменный уголь	34 „
„	древесный уголь	24 „
„	кофе	25 „
„	шоколадъ	25 „
„	свѣчи	10 „
„	металлическія издѣлія для домашняго обихода	25 „

(„Economiste Français за 25 Января 1908 г.

*) Большое число стачечниковъ и потраченныхъ на стачки рабочихъ дней въ 1902 г. объясняется всеобщей забастовкой углекоповъ.

гавшему на первую очередь профессіональную борьбу, именно эта организація сдѣлалась наиболѣе активной и дѣйствительной революціонной силой во Франціи. Необходимость координаціи дѣятельности Генеральной конфедераціи труда съ дѣятельностью политической организаціи трудящихся—соціалистической партіи—сдѣлалась насущнѣйшей необходимостью для этой послѣдней. Вслѣдъ за объединеніемъ всѣхъ соціалистовъ, борющихся на почвѣ политики, необходимо было выработать какія-нибудь формы сотрудничества между всѣми рабочими организаціями, которыя въ различныхъ областяхъ жизни и при помощи различныхъ средствъ, борются за осуществленіе одного и того же идеала: полнаго освобожденія человѣчества отъ цѣпей экономическаго рабства. Для всѣхъ проницательныхъ и вдумчивыхъ сторонниковъ трудового міровоззрѣнія было ясно, что реализація такого сотрудничества является необходимой не только съ точки зрѣнія достиженія непосредственныхъ положительныхъ результатовъ, но еще въ большей степени въ интересахъ будущности всего соціалистическаго движенія. Опытъ западно-европейской соціально-политической жизни, особенно Англіи и Франціи, съ очевидностью показалъ, какъ вредно отзывается отсутствіе такого сотрудничества и на партіи, и на синдикатахъ: первая рискуетъ потерять связь въ своей борьбѣ съ широкими трудовыми массами, объединенными въ профессіональныхъ организаціяхъ, и превратиться въ штабъ безъ арміи, а синдикаты, предоставленные самимъ себѣ, рискуютъ еще въ большей степени выродиться въ узкій трэдъ-юніонизмъ. Во Франціи однако выработка какого-либо modus vivendi между партіей и Генеральной конфедераціей труда, который обепечивалъ бы координацію ихъ усилій, представляется дѣломъ далеко не легкимъ. Въ Генеральной конфедераціи труда, возникшей съ самаго начала, какъ оппозиція противъ политики партій, стремившихся прибрать въ свои руки профессіональное движеніе, господствуютъ анархисты и революціонные синдикалисты, которые и слышать не хотятъ о вступленіи въ какую бы то ни было организаціонную связь съ партіей. Точку зрѣнія анархистовъ и революціонныхъ синдикалистовъ поддерживаютъ и многіе изъ партійныхъ работниковъ, участвующихъ въ профессіональномъ движеніи, видя въ организаціонной связи конфедераціи труда съ партіей опасность раскола въ синдикальномъ мірѣ. Въ рядахъ партіи вскорѣ образовались два рѣзко противоположныхъ взгляда по вопросу о способахъ дѣйствія, могущихъ реализовать единство профессіональнаго и политическаго движенія рабочаго класса. Особенно ясно это обнаружилось во время дебатовъ Лиможскаго конгресса 1906 г. На этомъ конгрессѣ вопросъ объ отношеніи партіи къ конфедераціи былъ возбужденъ по иниціативѣ гэдиста Рэнара, секретаря федераціи текстильныхъ рабочихъ.

Тотъ же вопросъ былъ возбужденъ имъ мѣсяцемъ раньше на конгрессѣ конфедераціи труда въ Амьенѣ. Какъ извѣстно, кон-

федеральный конгрессъ отвергъ резолюцію о необходимости вступленія въ организаціонныя отношенія съ партіей и постановилъ, что конфедерація труда должна соблюдать полный нейтралитетъ по отношенію къ политическимъ организаціямъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, конгрессъ провозгласилъ, что цѣлью конфедераціи является уничтоженіе капиталистическаго строя, путемъ полной экспропріаціи класса капиталистовъ. Потерпѣвъ пораженіе въ Амстердамѣ, Ренаръ хотѣлъ взять реваншъ на конгрессѣ партіи въ Лиможѣ. Лиможскій конгрессъ, кромѣ вопроса объ отношеніи къ Генеральной конфедераціи труда, разсматривалъ еще и вопросъ о борьбѣ съ милитаризмомъ, на важность котораго вообще, и въ частности въ переживаемый партіей идейный кризисъ, я уже указывалъ выше. Я не буду касаться здѣсь дебатовъ объ антимилитаризмѣ, такъ какъ они въ общемъ были повторены на слѣдующемъ конгрессѣ въ Нанси, пренія котораго объ антимилитаризмѣ уже извѣстны читателямъ «Р. Б.». Что же касается синдикальнаго вопроса, то дебаты, имъ вызванные, сосредоточились вокругъ двухъ резолюцій: резолюціи Жореса и гэдиста Дюма. Первая изъ нихъ провозглашала революціонное значеніе профессіональнаго движенія и *всеобщей стачки*, указывала, что соціализмъ будетъ осуществленъ лишь *свободнымъ* комбинированіемъ профессіональной борьбы съ политической и рекомендовала всѣмъ соціалистамъ дѣлать все возможное, чтобы разсѣять недоразумѣнія между партіей и конфедераціей труда. Вторая же резолюція, не говоря ничего о революціонной цѣнности профессіональнаго движенія, настаивала на необходимости принять мѣры для согласованія дѣятельности партіи съ дѣятельностью синдикатовъ. Изъ рѣчей, произнесенныхъ на конгрессѣ по поводу этихъ резолюцій, наиболѣе яркими и наиболѣе отчетливо освѣтившими пункты разногласія двухъ главныхъ направленій во французскомъ соціализмѣ по синдикальному вопросу были рѣчи Жореса и Гэда. Изъ этихъ рѣчей выяснилось, что Гэдъ и Жоресъ и ихъ сторонники расходятся не только въ вопросѣ о тактикѣ партіи по отношенію къ конфедераціи труда, но, что еще важнѣе, въ самой оцѣнкѣ синдикальнаго движенія. «Что касается меня,—заявилъ Жоресъ,—то я очень доволенъ, когда вижу, что французскіе синдикаты выходятъ за предѣлы чистой реформистской дѣятельности и ставятъ себѣ цѣлью уничтоженіе и полную трансформацію капиталистическаго общества и капиталистической собственности путемъ организаціи и подготовки всеобщей стачки. Я доволенъ потому, что такимъ образомъ примѣняется и приводится въ дѣйствіе та дѣйственная сила, та революціонная сила, которая присуща нашей расѣ и которая называется логикой. Когда отдѣльные синдикаты, дѣйствующіе путемъ частичныхъ и мѣстныхъ стачекъ, объединяются въ одну обширную конфедерацію, то логика подсказываетъ вопросъ: не должны ли отдѣльныя стачки превратиться во всеобщую, какъ превратились въ всеобщую синди-

кальныя организаціи. Это не значитъ еще, что объединившіеся синдикаты будутъ создавать по всякому поводу безпорядочные конфликты, что они будутъ считать возможнымъ реализовать стачку по приказу; это значитъ только, что они вспомнятъ, что рабочій классъ есть блокъ труда, который можетъ превратиться въ блокъ «отказа отъ труда», и что такимъ образомъ все общество, которое покоится на этомъ блокѣ, можетъ рухнуть въ тотъ день, когда всѣ трудящіеся откажутся работать. Если даже окажется невозможнымъ осуществить вполнѣ этотъ планъ, то достаточно, чтобы онъ всегда стоялъ передъ мыслью борцовъ, чтобы они помнили о немъ въ моменты борьбы, чтобы онъ вызывалъ, организовывалъ и напрягалъ ихъ энергію,—и капитализмъ будетъ жить въ постоянномъ страхѣ открытой передъ нимъ пропасти. Синдикальная организація говоритъ въ своей Амьенской резолюціи, что высшей цѣлью синдикализма является интегральное освобожденіе трудящихся посредствомъ экспропріаціи капиталистовъ. Послѣ такой резолюціи синдикальная организація можетъ заявлять, сколько угодно, о своей независимости по отношенію ко всѣмъ партіямъ... Такія заявленія я считаю поверхностными и иллюзорными, ибо резолюція разрушаетъ всѣ мостики, которые могли бы соединять организацію съ другими партіями, твердо стоитъ одинъ только мостъ, соединяющій ее съ партіей соціалистической... Толкать синдикализмъ къ революціи, заявлять, что синдикализмъ стремится трансформировать все общество путемъ экспропріаціи капитала—это значитъ провозгласить единство синдикализма и соціализма» *).

Жоресъ такимъ образомъ оставался вѣренъ традиціи стараго «поссибилизма» и аллеманистовъ, признавая не только огромное революціонное значеніе синдикатовъ, но въ извѣстной степени и ихъ революціонную равноцѣнность съ соціалистической партіей. Кромѣ того Жоресъ, какъ мы видимъ, объявилъ себя сторонникомъ всеобщей стачки, противъ которой съ большимъ ожесточеніемъ боролись все время гэдисты. Исходя изъ вышеприведенныхъ соображеній и доказывая, что синдикальная борьба, поскольку она носитъ революціонный характеръ, неизбѣжно, силою вещей, будетъ идти въ одномъ направленіи съ борьбой партіи, и что она будетъ тѣмъ болѣе успѣшной, чѣмъ болѣе будетъ автономной синдикальная организація, Жоресъ и отстаивалъ необходимость воздерживаться отъ всякихъ *немедленныхъ* шаговъ для реализаціи организаціонной связи между конфедераціей и партіей, которые при томъ настроеніи, которое царствуетъ теперь въ синдикальномъ мірѣ, могли бы быть истолкованы синдикалистами, какъ враждебныя дѣйствія. Но вмѣстѣ съ этимъ, утверждалъ онъ, соціалисты должны дѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы создать атмосферу взаимнаго довѣрія между

*) Troisième congrès national tenu à Limoge. Compte rendu analitique, стр. 169.

синдикальной и политической организаціями рабочаго класса. Точка зрѣнія Гэда являлась полной противоположностью точкѣ зрѣнія Жореса. Гэдъ не только не признавалъ революціоннаго значенія синдикатовъ, но даже *возставалъ противъ стремленій синдикалистовъ придать профессіональному движенію революціонную окраску.* Точно такъ же, какъ для революціонныхъ синдикалистовъ орудіемъ революціи можетъ быть только синдикатъ, точно такъ же для Гэда, впадающаго въ противоположную крайность, орудіемъ революціи можетъ быть только партія.

«Синдикальная дѣятельность,—сказалъ онъ,—протекающая въ рамкахъ капиталистической организаціи, не разбивая ее, является неизбѣжно реформистскою въ хорошемъ значеніи этого слова. Имѣя цѣлью улучшить условія жизни жертвъ капиталистическаго порядка, дѣятельность эта не касается, однако, самаго этого порядка. Даже, если стачка кончается побѣдой, наемный рабочій остается такимъ же наемнымъ рабочимъ, какимъ онъ былъ раньше, такъ же, какъ остается и капиталистическая эксплуатація». Правда, въ переходный періодъ отъ капитализма къ соціализму синдикаты, можетъ быть, будутъ служить мостомъ между капиталистическимъ производствомъ и производствомъ соціалистическимъ, но въ настоящемъ они не могутъ играть никакой революціонной роли. Синдикаты не должны поэтому заниматься теоретической пропагандой, «ибо какъ только синдикатъ, оставивъ присущее ему поле дѣятельности, принимаетъ опредѣленное credo, онъ раздѣляетъ рабочихъ одной и той же профессіи, вмѣсто того, чтобы объединять ихъ. Такой синдикатъ вызываетъ появленіе синдикатовъ, исповѣдующихъ противоположные принципы, вызываетъ появленіе контръ-синдикатовъ. За «краснымъ» синдикатомъ слѣдуетъ неизбѣжно «желтый» синдикатъ, въ то время какъ необходимо корпоративное единство, необходимо, чтобы всѣ члены данной профессіи образовали единую коллективность, которая замѣнила бы индивидуальное безсиліе силою численности и организаціи. Корпоративное и политическое дѣйствіе *не имѣютъ одинаковой цѣнности, а являются лишь одинаково необходимыми*, пролетаріатъ, прибѣгающій къ тому и другому, не можетъ раздѣлиться противъ самого себя. Вы не можете раздѣлить надвое пролетарія, которому для того, чтобы достигнуть освобожденія, необходимо быть въ одно и то-же время членомъ синдиката и соціалистомъ» *). Поэтому Гэдъ требовалъ, чтобы партія приложила всѣ усилія для *немедленнаго* созданія организаціонной связи между партіей и конфедераціей труда.

На Лиможскомъ конгрессѣ восторжествовала точка зрѣнія Жореса, къ которому присоединились не только его бывшіе сторонники, но также и бланкисты, аллеманисты и революціонные

*) Тамъ же. Стр. 193.

синдикалисты и антипатріоты. На слѣдующемъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ прошломъ году въ Нанси, съ дебатами по милитаризму, съ которыми читатели «Р. Б.» уже знакомы, синдикальный вопросъ снова подвергся обсужденію. Гэдъ на этомъ конгрессѣ въ общемъ повторилъ все то, что онъ говорилъ годъ тому назадъ въ Лиможѣ, но еще болѣе подчеркнувъ свой взглядъ на синдикальное движеніе, какъ исключительно реформистское... «Синдикатъ,—говорилъ онъ,—борется постоянно и непосредственно лишь противъ капиталиста; капиталистъ можетъ быть затронутъ этой борьбой, но капиталистическая система все-таки остается, ибо эта система является результатомъ капиталистической собственности, которая исчезнетъ вмѣстѣ съ буржуазнымъ государствомъ. До тѣхъ поръ, пока политическая власть будетъ находиться въ рукахъ буржуазіи, не можетъ быть никакой соціалистической революціи. Не имѣя возможности коснуться ни буржуазнаго государства, ни буржуазной собственности, синдикальная дѣятельность не можетъ поэтому являться достаточною для борьбы за соціальное освобожденіе. То, что синдикализмъ ставитъ себѣ такую же цѣль, какъ и соціализмъ, не имѣетъ значенія, разъ мы знаемъ, что синдикализмъ не обладаетъ средствами для достиженія этой цѣли» *).

Неспособность Гэда къ синтезированію проступаетъ, какъ нельзя болѣе рѣзко, въ этой рѣчи, ибо синдикальное движеніе не является для него факторомъ революціи только потому, что оно само по себѣ не можетъ опрокинуть капиталистическаго государства. Гораздо болѣе глубокой по содержанію, несмотря на нѣкоторыя односторонности, и гораздо вѣрнѣе схватывающей, на нашъ взглядъ, истинную сущность синдикальнаго движенія явилась рѣчь Вальяна; мы находимъ въ ней, въ общихъ чертахъ, изложеніе той основной концепціи, которую принимаетъ теперь «центральное» направленіе въ «объединенной» партіи, представленное бывшими жоресистами, бланкистами, аллеманистами. Для Вальяна синдикаты являются революціоннымъ факторомъ уже по тому одному, что они сознательно дѣйствуютъ въ направленіи общественной эволюціи. Но этого еще мало. Уже самымъ фактомъ своего существованія синдикаты играютъ революціонную роль.

«Я утверждаю,—говоритъ Вальянъ,—что у насъ во Франціи синдикаты наступаютъ теперь болѣе энергично, чѣмъ мы, не только на капиталистовъ, организуя противъ нихъ рабочихъ, но и на государство, которое они должны вмѣстѣ съ нами опрокинуть, потому что государство является силою, обезпечивающею господство классу капиталистовъ и держащею пролетаріевъ въ состояніи экономическаго рабства. Необходимо, чтобы мы разрушили, уничтожили государство. Безъ этого мы не сможемъ уничтожить капиталистической эксплуатаціи. Для этого намъ нужно *овладѣть правительственной*

*) Quatrième congrès national tenu à Nancy. C. R. stenographique, стр. 494.

государственной мощью, однимъ словомъ, политической властью не для того, чтобы ее сохранить, а чтобы въ періодъ диктатуры пролетаріата разбить, при помощи этой власти, всѣ тѣ сопротивленія, конецъ которыхъ будетъ концомъ капиталистическаго режима и государства. Но, чѣмъ болѣе современное государство будетъ проникнуто предварительно началами—я не говорю, соціализма,—но даже демократизма, чѣмъ болѣе оно будетъ обезоружено, тѣмъ болѣе осуществленіе нашей цѣли будетъ возможно, а наша дѣятельность плодотворной и быстрой. Именно поэтому мы должны всегда имѣть въ виду прогрессивную демократизацію государства. Необходимо, чтобы эта крѣпость буржуазіи теперь же съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расшатывалась» *). Въ этомъ отношеніи, утверждалъ Вальянъ, французскіе синдикаты, благодаря своему революціонному характеру и революціонному направленію своей дѣятельности, дѣйствуютъ въ одномъ направленіи съ партіей. Синдикаты расшатываютъ и ослабляютъ государство и вмѣстѣ съ этимъ подготовляютъ основы будущаго строя. 1) Они стремятся соціализировать функціи, которыя находились когда-то и находятся еще и теперь въ рукахъ государства, но которыя все болѣе и болѣе начинаютъ переходить отъ него въ руки общества. Какъ примѣръ, можно указать синдикаты чиновниковъ, добивающіеся автономіи. Соціализація же государственныхъ функцій ведетъ къ тому, что различныя государственныя учрежденія начинаютъ управляться не въ интересахъ государства, а въ интересахъ общества. Государство лишается, такимъ образомъ, своего экономическаго и политическаго базиса и превращается въ расшатанную крѣпость, въ которую тѣмъ легче будетъ проникнуть одушевленному соціализмомъ рабочему классу, чѣмъ легче будетъ сокрушить это орудіе капиталистическаго господства. 2) Революціонизируя профессіональное движеніе и сталкиваясь при этомъ съ вооруженной силой государства, съ его солдатами и его полиціей, французскіе синдикаты тѣмъ самымъ достигаютъ того, что даже самые отсталые синдикированные рабочіе начинаютъ понимать необходимость разоружить государство, необходимость бороться противъ него всѣми силами, какъ и противъ патроната. И, наконецъ, 3) стремясь придать профессіональному движенію и экономическимъ конфликтамъ рѣзко классовый характеръ, синдикаты содѣйствуютъ проявленію классовой солидарности рабочаго класса и тѣмъ самымъ подготовляютъ почву для всеобщей стачки, являющейся лучшимъ средствомъ борьбы, ибо всеобщая стачка неизбѣжно ведетъ къ инсуррекціи, которая въ день своего побѣднаго исхода осуществитъ освобожденіе человѣчества.

Что касается вопроса о соглашеніи между синдикатами и партіей, то, по мнѣнію Вальяна, это можетъ быть достигнуто

*) Тамъ же, стр. 508—510.

лишь путемъ постояннаго параллельнаго выступленія соціалистовъ съ профессіональными организаціями. «Мы увѣрены,— говорилъ Вальянъ, — что единственный практическій путь, ведущій къ союзу и объединенію, есть путь совпадающихъ дѣйствій, вызывающихъ спонтанейныя соглашенія, которыя имѣютъ тѣмъ большую цѣнность для цѣлей сближенія, чѣмъ болѣе они спонтанейны, чѣмъ болѣе они продуктъ обстоятельствъ и положеній и въ то же время и взаимнаго довѣрія. Чѣмъ чаще участники синдикальнаго движенія будутъ встрѣчаться въ своихъ выступленіяхъ съ революціонными соціалистами, проникающими въ синдикаты и одушевляющими ихъ соціалистическимъ духомъ, чѣмъ болѣе они будутъ сталкиваться при защитѣ общихъ позицій и будутъ говорить одинаковымъ языкомъ, тѣмъ скорѣе наступитъ сближеніе и согласіе, тѣмъ скорѣе создастся единство синдикальнаго и политическаго дѣйствія борющагося рабочаго класса. По мѣрѣ того, какъ мы расширимъ и углубимъ нашу дѣятельность, мы будемъ сближаться съ синдикальными организаціями, и произойдетъ то единеніе, котораго всѣ мы желаемъ. Повторяю—реализовать это единеніе можно только дѣйствіемъ и черезъ дѣйствіе» *).

V.

Выяснившіяся на Лиможскомъ и Нансійскомъ конгрессахъ глубокія разногласія въ отношеніи къ синдикальному движенію между гэдистами, съ одной стороны, и жорэсистами, бланкистами и примыкающими къ нимъ съ другой стороны, не являются чѣмъ-то случайнымъ. Они логически вытекаютъ изъ ихъ основныхъ концепцій. Точно такъ же, какъ бланкисты и жорэсисты исходятъ въ этомъ вопросѣ изъ своего основного принципа активизма, котораго они всегда придерживались, хотя не въ однѣхъ и тѣхъ же областяхъ дѣйствія, точно такъ же точка зрѣнія Гэда и его сторонниковъ опредѣляется проникающимъ все ихъ міросозерцаніе принципомъ революціоннаго фатализма, вѣрой въ всемогущую силу историческаго процесса, который *самъ собою* создаетъ не только матеріальные, но моральные элементы будущаго и условія, обезпечивающія торжество соціализма. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ это особенно ясно.

На конгрессѣ въ Нанси такъ же, какъ и на Лиможскомъ конгрессѣ, по всѣмъ вопросамъ побѣду одержало «центральное» направленіе. Но Нансійскій конгрессъ важенъ не только тѣмъ, что онъ показалъ все большій и большій переходъ большинства французскихъ соціалистовъ на точку зрѣнія активнаго соціализма, но и тѣмъ, что онъ, такъ сказать, офиціально призналъ и санкціони-

*) Тамъ же, стр. 518.

ровалъ наличность въ «объединенной партіи» борющихся направленій. Нансійскій конгрессъ постановилъ, чтобы выборы въ постоянную административную комиссію (нѣчто въ родѣ центральнаго комитета) производились по принципу пропорціональности, т. е. чтобы въ эту комиссію были избраны представители всѣхъ направленій, которыя проявились въ партіи и раздѣлились по вопросамъ антимилитаризма и синдикализма, и чтобы число представителей каждаго направленія соотвѣтствовало численности его сторонниковъ среди делегатовъ конгресса Но, признавъ и санкціонировавъ фактъ наличности разныхъ направленій въ нѣдрахъ партіи, Нансійскій конгрессъ, тѣмъ самымъ, предоставилъ ихъ теоретикамъ полную свободу выступать подъ опредѣленнымъ идейнымъ флагомъ, чѣмъ они и не преминули воспользоваться. Вскорѣ появился цѣлый рядъ соціалистическихъ органовъ, борющихся другъ съ другомъ и отстаивающихъ противоположныя теоретическія позиціи. Собственно говоря, первый органъ подобнаго рода началъ выходить въ свѣтъ еще до Нансійскаго конгресса, но это былъ плохо подчиняющійся партійной дисциплинѣ органъ антимилитариста, Гюстава Эрвэ, имѣющаго гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ анархизмомъ, чѣмъ съ соціализмомъ. Газета, которую началъ выпускать Эрве въ концѣ 1906 года, называется «Guerre sociale» (соціальная война). Она представляетъ собой антипатріотическое направленіе въ партіи. Цѣль газеты была формулирована въ первомъ номерѣ слѣдующимъ образомъ: «Guerre sociale» не является органомъ ни исключительно соціалистовъ, ни исключительно анархистовъ. Она—органъ «объединенныхъ соціалистовъ», которые оплакиваютъ фактъ превращенія партіи въ чисто электоральную и парламентскую организацію и которые стремятся искоренить изъ партіи реформизмъ, уваженіе къ легальности и чисто словесный революціонизмъ. Въ то же время является и органомъ синдикалистовъ, желающихъ направить все болѣе и болѣе рабочія силы на путь прямого воздѣйствія и насильственной всеобщей стачки и, вмѣстѣ съ этимъ, сохранить и развивать федералистическія, антимилитаристическія и антипатріотическія тенденціи. Она является также органомъ анархистовъ-коммунистовъ, для которыхъ достаточно уже безплодныхъ теоретическихъ дискуссій и чисто индивидуальныхъ актовъ, и которые стремятся безпрерывной антимилитаристской пропагандой и энергичнымъ сопротивленіемъ грубому полицейскому насилію подготовить массы для близкаго возстанія, когда война, всеобщая стачка или какое-либо другое непредвидѣнное обстоятельство дадутъ возможность прибѣгнуть къ нему, съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ. «Guerre sociale» является, такимъ образомъ, органомъ революціонной концентраціи» *).

Эта небольшая выдержка въ достаточной степени характери-

*) „Guerre sociale" № 1, отъ 22 декабря 1906 г.

зуетъ идейную позицію руководителей антипатріотической газеты, какъ видитъ читатель, носящую довольно наивный и примитивный характеръ. По мнѣнію Эрве и его сторонниковъ, главное вниманіе соціалистовъ должно быть направлено на антимилитаристическую и антипатріотическую пропаганду. Милитаризмъ для нихъ Ахиллесова пята капиталистическаго общества, и пока въ эту пяту не вонзится заостренная, отравленная антипатріотическимъ ядомъ стрѣла революціонеровъ, капитализмъ будетъ торжествовать надъ своими врагами. Отрицая парламентаризмъ и называя себя антипарламентаристами, эрвеисты признаютъ, какъ видно изъ предыдущей цитаты, революціонное значеніе синдикальной борьбы, но эта борьба, утверждаютъ они, только въ томъ случаѣ дастъ реальные результаты и приведетъ къ освобожденію труда, если удастся расшатать до корня милитаристическую организацію современнаго общества. Поэтому-то для нихъ милитаризмъ является не только одной изъ важныхъ областей соціалистической дѣятельности, но тѣмъ центромъ, на которомъ преимущественно должна быть сосредоточена вся энергія борцовъ за будущее. Процессъ общественнаго переворота рисуется Эрве и его сторонникамъ такъ же наивно и упрощенно, какъ наивна и упрощенна вся ихъ теорія. Если вы будете ждать съ соціальной революціей до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не будетъ соціалистическаго большинства, добрые пролетаріи,—писалъ Эрве въ «Guerre sociale»,—то вамъ придется ждать очень долго. Общественное мнѣніе формируется печатью, а печать вся находится въ рукахъ крупнаго капитала. Капиталисты никогда не допустятъ проведенія крупной реформы, которая затрагивала бы ихъ интересы, и по всякому поводу они могутъ вызвать такую кампанію прессы, противъ которой не устоитъ ни одно министерство.. Освобожденіе пролетаріата можетъ быть дѣломъ только насильственной революціи. А соціальная революція будетъ возможна, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, при первомъ крупномъ экономическомъ кризисѣ. Для этого требуются лишь три условія: 1) чтобы партія добилась нейтралитета крестьянства, обѣщавъ ему ограничить революцію городомъ; 2) чтобы партія не вмѣшивалась во внутреннія дѣла конфедераціи труда и, не препятствуя ея пропагандѣ всеобщей стачки, въ то же время толкала городскихъ рабочихъ и сельскихъ батраковъ въ ея ряды, и 3) самое главное, чтобы партія усилила свою антимилитаристическую пропаганду, безъ которой всеобщая стачка неминуемо осуждена на кровавое пораженіе. Свою страстную пропаганду антимилитаризма Эрве обостряетъ проповѣдью антипатріотизма, сводящейся къ полному обезцѣненію національной независимости. Этимъ пропаганда Эрве и отличается отъ антимилитаристической пропаганды всѣхъ вообще соціалистовъ, борющихся противъ милитаризма, но не противъ самой идеи отечества. Какъ средство борьбы противъ войны, Эрве, исходя изъ своего основ-

ного взгляда, что для пролетарія все равно, подъ флагомъ какой національности его будутъ эксплуатировать, рекомендуетъ военную забастовку. Антипатріотическіе взгляды Эрве изложены имъ въ книгѣ «Leur Patrie», которая переведена и на русскій языкъ. Эрвеистское направленіе насчитываетъ очень мало сторонниковъ въ рядахъ «объединенной партіи», что объясняется какъ чрезмѣрными крайностями и преувеличеніями эрвеизма, такъ и его очень слабымъ теоретическимъ содержаніемъ.

Другія направленія французскаго соціализма, какъ я уже указывалъ, начали издавать теоретическіе органы лишь послѣ нансійскаго конгресса. Въ настоящее время выходитъ «Socialisme», органъ гэдистовъ, «Action directe»—органъ революціонныхъ синдикалистовъ *) и «Proletaire»—органъ возродившагося, но очень полинявшаго поссибилизма Бруса. Ежедневная «l'Humanité», хотя и является полуоффиціальнымъ органомъ партіи, отражаетъ, однако, преимущественно взгляды «центральнаго направленія».

«Socialisme», выходящій подъ редакціей Жюля Гэда, имѣетъ своею цѣлью, главнымъ образомъ, борьбу съ революціоннымъ синдикализмомъ. Эта борьба въ общемъ является продолженіемъ борьбы *государственной и антигосударственной концепціи*, которая раздѣляла французскій рабочій классъ еще со временъ Бланки и Прудона и которая нѣсколько разъ возобновлялась въ теченіе послѣдней четверти вѣка. Но въ то время, какъ революціонные синдикалисты, сохранивъ много существенныхъ чертъ прудонизма, отказались однако отъ рѣзкостей его индивидуализма, въ то время, какъ они борются только противъ централизованнаго или, вѣрнѣе, національнаго коллективизма, а не противъ самаго его принципа, и наконецъ, признаютъ революціонную тактику, что вызываетъ нейтральное и даже сочувственное къ нему отношеніе такихъ государственниковъ, какъ бланкисты,—Гэдъ относится къ этому направленію точно такъ же, какъ относился когда-то къ «Sindicaux» и мелко буржуазнымъ мутуэлистамъ семидесятыхъ годовъ. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается все недоразумѣніе, лежащее въ основѣ позиціи, занимаемой гедизмомъ по отношенію къ синдикализму. Гэдъ, кромѣ того, упускаетъ изъ виду (чего не дѣлаютъ Жоресъ и Вальянъ), что если революціонные синдикалисты въ теоріи противопоставляютъ себя «политическимъ» соціалистамъ, то вмѣстѣ съ этимъ, благодаря своей революціонной тактикѣ, благодаря своей непосредственной связи съ соціальнымъ движеніемъ, они практически выступаютъ параллельно съ соціалистической партіей, поскольку партія искренно и честно исполняетъ свою основную функцію: защиты интересовъ трудящихся и борьбы съ существующимъ строемъ.

*) Кромѣ этой газеты, у революціонныхъ синдикалистовъ имѣется также ежемѣсячный журналъ „Mouvements socialistes". Органъ конфедераціи труда „La voix du Peuple" также отражаетъ ихъ взгляды.

Въ передовой статьѣ перваго нумера «Socialisme» Гэдъ излагалъ слѣдующимъ образомъ основную тактическую концепцію гэдизма. Посылая стрѣлы по адресу начинающаго возрождаться реформистскаго теченія, чтобы, такъ сказать, подчеркнуть свою революціонность, Гэдъ, главнымъ образомъ, направлялъ свою статью противъ революціоннаго синдикализма. Основными условіями рабочаго соціальнаго освобожденія,—писалъ онъ,—является: 1) *завоеваніе политической власти*; 2) *экспропріація капиталистической собственности и передача ея національной коллективности*. «Со всѣми тѣми, кто подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ стремится отвлечь пролетаріатъ отъ этой высшей цѣли или раздробить его дѣйствія, *мы будемъ бороться, какъ съ врагами*, или какъ съ дѣлающими дѣло нашихъ враговъ, ибо они вольно или невольно поддерживаютъ существующій строй, источникъ всей нужды и всего рабства. Въ нашемъ непосредственномъ походѣ на государство и на капиталъ, или только на капиталъ черезъ государство—нѣтъ мѣста ни для сотрудничества, ни для соглашеній съ классомъ, который владѣетъ въ настоящее время тѣмъ и другимъ и у котораго нужно экспропріировать и то и другое, политически и экономически. Какими-бы демократами и республиканцами ни казались буржуа, сидящіе въ правительствѣ... между нами и ими не можетъ быть ничего общаго, кромѣ арены нашей борьбы; никакіе союзы, никакія соглашенія, связывающія обѣ борющіяся арміи, не только невозможны, но даже непонятны безъ измѣны дѣлу соціализма. Вмѣстѣ съ этимъ (здѣсь уже идетъ прямая аттака на революціонныхъ синдикалистовъ), нѣтъ мѣста также для анархистскихъ иллюзій или для анархистскаго маневра, раздѣляющаго и обезоруживающаго рабочій классъ проповѣдью политическаго и военнаго абсентеизма и дезертирства, что можетъ быть выгоднымъ только новымъ феодаламъ капитала, собственническая и хозяйская привилегія которыхъ остается нетронутой до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрушена правительственная привилегія, которой они обладаютъ. Антианархическая, также какъ и антикапиталистская газета наша, исповѣдующая соціализмъ, можетъ быть только революціонной. И мы, дѣйствительно, революціонеры... Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что прежде чѣмъ разбить и для того, чтобы разбить враждебную имъ легальность, соціалисты не могутъ и не должны ею пользоваться, даже реформировать ее, насколько возможно, въ соотвѣтствіи съ требованіями своей пропаганды и своей дѣятельности. Мы, наоборотъ, являемся сторонниками реформъ и мы должны бороться за реализацію максимума реформъ, которыя можно вырвать у буржуазнаго государства. Но даже на этой почвѣ реформистской дѣятельности соціалисты не должны имѣть никакихъ точекъ соприкосновенія съ несоціалистическими партіями, ибо первые видятъ въ реформахъ орудіе дальнѣйшей борьбы, а послѣднія средство усыпленія пролетаріата». Далѣе, въ своей статьѣ, Гэдъ

снова обрушивается на революціонныхъ синдикалистовъ, неизмѣнно называя ихъ анархистами и напоминая, что на дверяхъ всѣхъ своихъ конгрессовъ соціалистическій Интернаціоналъ всегда писалъ: «Входъ анархистамъ воспрещенъ», и что Амстердамскій конгрессъ 1904 г. «предупреждалъ рабочихъ не поддаваться вліянію *пропаганды всеобщей стачки*, которой пользуются анархисты, чтобы отвлечь рабочійклассъ отъ настоящей и непрерывной борьбы, т. е. отъ политическаго, синдикальнаго и кооперативнаго дѣйствія»... Гэдъ напоминалъ также, что Штутгардскій конгрессъ выдвинулъ требованіе «демократической организаціи милиціи *для защиты отечества* *), которое пролетаріи должны завоевать и освободить», и провозгласилъ необходимость *комбинированія дѣйствій* синдикатовъ съ дѣйствіями партіи.

Въ слѣдующемъ нумерѣ «Socialisme», въ статьѣ, озаглавленной «Легальность и революція», Гэдъ дополнялъ изложенные выше тактическіе взгляды, выясняя свое отношеніе къ избирательной и парламентской борьбѣ. Эта статья была имъ написана въ отвѣтъ критикамъ изъ революціонно-синдикалистскаго лагеря, упрекавшимъ его въ отказѣ отъ революціонныхъ традицій и въ стремленіи превратить партію въ чисто электоральную организацію. Гэдъ доказывалъ, что противопоставленіе избирательной дѣятельности революціонной есть безсмыслица, ибо только тогда можно будетъ прибѣгнуть къ революціоннымъ актамъ, *когда выборы дадутъ большинство соціалистамъ*. Вся исторія Франціи, по его мнѣнію, показываетъ, «что побѣдоносныя возстанія всегда были слѣдствіемъ и увѣнчаніемъ побѣдоносныхъ выборовъ». «Если что-нибудь является поистинѣ идіотизмомъ, такъ это попытка раздѣлять средства борьбы на легальныя и нелегальныя, на мирныя и насильственныя, чтобы принимать одни и отвергать другія. Революціоннымъ является избирательный бюллетень, несмотря на всю свою легальность, когда на почвѣ классовыхъ кандидатуръ онъ организуетъ Францію труда противъ Франціи капитала. Революціоннымъ является парламентское дѣйствіе, какой бы мирный характеръ оно ни носило, когда съ высоты парламентской трибуны соціалисты трубятъ сборъ всѣмъ недовольнымъ мастерскихъ, полей и конторъ, и когда они вынуждаютъ капиталистическое общество на открытый отказъ дать удовлетвореніе этимъ недовольнымъ или на признаніе своего безсилія. Напротивъ, *антиреволюціоннымъ, реакціоннымъ въ высшей степени* будетъ бунтъ, хотя это и насильственное, нелегальное средство

*) Какъ извѣстно, въ борьбѣ съ милитаризмомъ Гедъ совѣтуетъ ограничиваться этимъ требованіемъ и не предпринимать, даже въ случаѣ угрозы войны, *никакихъ противолегальныхъ дѣйствій*. Пропаганду революціонныхъ средствъ борьбы съ милитаризмомъ или съ опасностью войны Гэдъ считаетъ глубоко *вредной* для успѣха соціалистическаго движенія и поэтому онъ и его сторонники энергично борются противъ противоположной точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ „центральнаго“ направленія.

борьбы, потому что бунтъ даетъ возможность умирающему капитализму произвести народное кровопусканіе, которое ему необходимо, чтобы продлить свое существованіе и отдалить часъ избавленія. Не менѣе антиреволюціонной и не менѣе реакціонной будетъ по этимъ же причинамъ *всякая попытка всеобщей стачки*, осужденная заранѣе на полную неудачу среди рабочихъ и крестьянскихъ распрей и раздоровъ» *). Отвергая категорически революціонныя, антилегальныя выступленія до того момента, *когда соціалисты получатъ большинство на выборахъ*, Гэдъ становился въ оппозицію не только революціоннымъ синдикалистамъ, но и «центральному» направленію, рекомендующему, какъ извѣстно, бороться противъ опасности войны, въ случаѣ необходимости, и такими средствами, какъ всеобщая стачка и возстаніе. Гэдъ становился въ оппозицію Жоресу, Вальяну и ихъ сторонникамъ также и тѣмъ, что онъ категорически отрицалъ всеобщую стачку, признаваемую ими, какъ могучее орудіе борьбы за соціализмъ.

Кромѣ двухъ цитируемыхъ статей Гэда, въ «Socialisme», къ сожалѣнію, ничего болѣе за его подписью не появлялось. Но зато остальные сотрудники этого органа почти исключительно занимаются критикой теоріи и практики революціоннаго синдикализма. Въ вышедшихъ уже 16 нумерахъ «Socialisme» всѣ основныя положенія этого новаго теченія въ соціализмѣ, какъ «прямое воздѣйствіе», всеобщая стачка, отрицаніе значенія политической борьбы, отрицаніе государства и т. д., подверглись самой подробной критикѣ. Особенно интересными для характеристики позиціи гэдистовъ въ синдикальномъ вопросѣ представляются статьи ихъ главнаго теоретика по синдикализму, Андрэ. Въ этихъ статьяхъ Андрэ, собственно говоря, лишь развиваетъ тѣ мысли, которыя были формулированы Гэдомъ въ его рѣчахъ на конгрессахъ въ Лиможѣ и Нанси, но развиваетъ ихъ очень послѣдовательно и доводитъ смѣло до логическаго конца. Андрэ возстаетъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ дѣятельности революціонныхъ синдикалистовъ, стремящихся придать синдикатамъ революціонную окраску, превратить ихъ въ «красные» синдикаты. Въ такой дѣятельности онъ усматриваетъ самую большую опасность для синдикальнаго движенія. Чтобы превратиться въ дѣйствительную силу, въ мощныя организаціи, способныя добиваться реальныхъ улучшеній для рабочаго класса, синдикаты, утверждаетъ Андрэ, должны объединять какъ можно больше трудящихся, не тысячи, а милліоны работниковъ. Численность—вотъ главное, основное условіе успѣха профессіональнаго движенія. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, чтобъ собрать подъ синдикальнымъ знаменемъ, подъ знаменемъ непосредственныхъ экономическихъ требованій широкія рабочія массы, есть одно только средство: оставаться на почвѣ *политической*

*) «Socialisme» № 2.

нейтральности. Только оставаясь политически нейтральными, не превращаясь ни въ «красные», ни въ «желтые», синдикаты откроютъ доступъ въ свои ряды всѣмъ рабочимъ безъ исключенія, не только тѣмъ, которые уже поняли истинную сущность общественныхъ отношеній и готовы бороться противъ существующаго строя, но и тѣмъ, представляющимъ огромное большинство, которые еще не дошли до этого пониманія и способны лишь пока вести борьбу за непосредственныя требованія. «Нейтрализмъ,—пишетъ Андре,—не есть догма, а лишь методъ синдикальнаго рекрутированія. Понимаемый, какъ догма, нейтрализмъ—заблужденіе; утилизуемый, какъ средство, нейтрализмъ превосходенъ. Пытаться, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые во Франціи, призывать въ синдикаты лишь тѣхъ изъ трудящейся толпы, которые уже дошли до революціоннаго сознанія, — это значитъ вступить на самый длинный и неудачный путь, это значитъ наполнять бочку Данаидъ. Это значитъ также сказать толпѣ, лишенной революціоннаго сознанія: «ты не войдешь сюда» и поразить на смерть синдикальныя организаціи съ самаго ихъ зарожденія» *). «Не синдикированные рабочіе, писалъ Андре еще въ первомъ номерѣ «Socialisme», составляютъ огромное большинство въ тѣхъ корпораціяхъ, гдѣ синдикаты занимаются анархо-синдикалистической пропагандой вмѣсто методическаго синдикальнаго дѣйствія. И до тѣхъ поръ, пока это будетъ такъ, рабочая масса будетъ чуждаться организаціи, члены синдикатовъ будутъ малочисленны и синдикаты безсильны». Тотъ фактъ, что *полная* нейтрализація синдикальнаго движенія тѣмъ самымъ нейтрализуетъ широкія рабочія массы, парализуетъ возможность вліять на измѣненіе идеологіи и психологіи трудящихся въ сторону, противоположную моральнымъ и правовымъ понятіямъ современнаго общества, не смущаетъ нашего теоретика. Исходя изъ своего марксистскаго фатализма, Андре убѣжденъ, что въ концѣ концовъ, когда синдикальное движеніе приметъ *огромные размѣры*, и когда общественно-экономическая эволюція приблизится къ послѣднимъ этапамъ, обозначеннымъ въ марксовой схемѣ, это движеніе неизбѣжно и сразу, какъ deux ex machina, сдѣлается революціоннымъ. Ибо, говоритъ онъ, *подъ вліяніемъ экономическаго развитія*, рухнутъ тѣ рабочія учрежденія, которыя могли въ значительной степени улучшать положеніе пролетаріата въ настоящемъ, притупляя вмѣстѣ съ тѣмъ остроту экономической борьбы, какъ напримѣръ страхованіе рабочихъ, взаимопомощь и т. д. «Концентраціи работниковъ будетъ противопоставлена концентрація хозяевъ. Борьба будетъ регулирована и усовершенствована, но все-таки это будетъ борьба. Высшая ставка борьбы, стачка будетъ провозглашена, и тогда вмѣшается государство: грубо или примирительно, оно во всякомъ случаѣ высту-

*) „Socialisme“ № 10.

питъ, какъ могущественный помощникъ патроната. И нейтральный синдикированный рабочій оцѣнитъ тогда нейтралитетъ государства, которое пошлетъ противъ него армію, полицію, магистратуру и другихъ «пословъ» государствующаго класса... Но, какъ раньше изолированный рабочій понялъ, что ему нужно соединиться съ другими рабочими, что его корпорація должна войти въ союзъ съ другими корпораціями, такъ теперь членъ синдиката пойметъ, что надъ работодателемъ и работополучателемъ есть классъ, пользующійся наемнымъ трудомъ, потому что онъ управляетъ. И членъ синдиката сдѣлается соціалистомъ, онъ войдетъ въ соціалистическую партію и будетъ добрымъ солдатомъ новаго порядка, ибо онъ прошелъ черезъ этапъ корпоративной организаціи» *).

Не говоря уже объ односторонности этой синдикальной теоріи, являющейся, если можно такъ выразиться, теоріей скачковъ, противорѣчивость ея съ тактикой гэдистовъ, стремящихся связать синдикаты съ партіей, буквально бьетъ въ глаза. Вѣдь если признать, какъ дѣлаетъ это Андре, что синдикальная организація должна сохранять строгій политическій нейтралитетъ, то, оставаясь на почвѣ логики, слѣдовало бы, кажется, бороться противъ такой тактики, ибо, какъ совершенно справедливо утверждаютъ революціонные синдикалисты, связь синдикатовъ съ партіей неизбѣжно придастъ этимъ послѣднимъ опредѣленный политическій характеръ. Какъ примиряютъ гэдисты это противорѣчіе, имъ однимъ только вѣдомо. Любопытна, однако, ситуація, которая создается въ данномъ случаѣ: гэдисты провозглашаютъ необходимость полной *политической нейтрализаціи* синдикальныхъ организацій, борются поэтому съ революціонными синдикалистами, и вмѣстѣ съ этимъ настаиваютъ на необходимости связать синдикаты съ партіей; синдикалиты же, доказывая, что профессіональное движеніе должно быть *политически революціоннымъ* въ своей области, но не носящимъ этикетки никакого направленія, никакой школы, возстаютъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ, какъ они выражаются, «маріажа» синдикатовъ съ партіей. Такъ какъ синдикальный вопросъ въ настоящее время во Франціи самый важный очередной вопросъ дня соціалистовъ, то наиболѣе ожесточенная борьба происходитъ именно между этими двумя направленіями, стоящими на крайнихъ полюсахъ французскаго соціализма—и въ сущности одинаково «элементарными» теоретически.

VI.

На появленіе газеты «Socialisme» революціонные синдикалисты, несмотря на то, что у нихъ существуетъ теоретическій журналъ «Mouvement Socialiste», сейчасъ отвѣтили изданіемъ боевой газеты

*) «Socialisme» № 1.

«Action directe», поставившей своею цѣлью борьбу противъ гэдизма и его тактики по отношенію къ синдикатамъ. Въ первомъ своемъ номерѣ газета напоминаетъ о попыткѣ правительственной демократіи, «при помощи многихъ соблазненныхъ или подчиненныхъ соціалистическихъ дѣятелей», внести (семь лѣтъ тому назадъ) разложеніе въ ряды рабочей арміи. Это была опасная попытка. Что бы реагировать на нее, сплотились ряды борцовъ, стоящихъ на почвѣ автономной программы, намѣченной на Лиможскомъ конгрессѣ. Такимъ образомъ возникъ революціонный синдикализмъ, который означаетъ: автономное движеніе рабочаго класса, ведущаго въ своихъ синдикатахъ путемъ «прямого воздѣйствія» борьбу противъ всѣхъ эксплуатирующихъ и угнетающихъ его силъ. «Прошли годы, въ теченіе которыхъ синдикальное движеніе росло и развивалось. Это вызвало безпокойство буржуазіи, проявившееся въ маѣ 1906 года и смѣнившееся затѣмъ реакціей, вліяніе которой чувствуется еще и теперь. Въ то же самое время,—странное совпаденіе,—начало замѣчаться и въ соціалистической партіи какъ бы продолженіе попытки, имѣвшей мѣсто семь лѣтъ тому назадъ, теченіе въ пользу введенія въ синдикаты политиканствующаго элемента разложенія. Семь лѣтъ тому назадъ власть хотѣла ввести синдикаты въ рамки демократіи, выраженіемъ которой является законъ; теперь фракція партіи желала бы ввести его въ границы легальности. Несмотря на различіе мотивовъ, предпринимаемая теперь попытка идентична прежней,—одинаковы также могутъ быть и ея послѣдствія. Такимъ образомъ, революціонному синдикализму снова угрожаютъ маневры, противные его дѣятельности и его развитію. Необходимо поэтому снова реагировать. А чтобы достигнуть успѣха, нужно бороться. Въ этомъ и будетъ заключаться роль газеты Action directe».

Въ вышедшихъ уже номерахъ синдикалистскаго органа мы находимъ рядъ статей, повторяющихъ и развивающихъ основныя положенія революціоннаго синдикализма, которыя не разъ ужъ излагались на страницахъ «Mouvement Socialiste» и «Voix du Peuple». Полемическія статьи и замѣтки очень рѣзкаго характера, появлявшіяся въ этой газетѣ, направлены исключительно противъ гэдистовъ. Остальныя партійныя направленія оставляются въ покоѣ. Защищая свою тактическую позицію, революціонные синдикалисты доказываютъ, что именно они ставятъ себѣ цѣлью объединеніе возможно большаго числа работниковъ на синдикальной почвѣ, но что какъ разъ связь конфедераціи съ партіей можетъ явиться этому самой серьезной помѣхой. Ихъ же стремленія придать синдикатамъ революціонный характеръ ни въ коемъ случаѣ, утверждаютъ они, не мѣшаютъ синдикальному росту, ибо конфедерація труда построена на принципѣ самаго широкаго федерализма, и ни отъ синдикатовъ, ни отъ отдѣльныхъ членовъ ихъ не требуется признанія какого-либо «credo», чтобы вступить въ ея

ряды. Настолько же проникнутые сознаніемъ необходимости прямого воздѣйствія и всеобщей стачки, «мы не навязываемъ никому опредѣленнаго символа вѣры или опредѣленной методы—пишетъ видный синдикалистскій практикъ Лукэ, секретарь федераціи парикмахеровъ.—Наоборотъ, мы приглашаемъ всѣхъ обсуждать вмѣстѣ съ нами наиболѣе цѣлесообразныя формы агитаціи и дѣйствія. Мы не навязываемъ также нашихъ способовъ борьбы, мы лишь предлагаемъ ихъ критикѣ членовъ синдикатовъ, и если они прибѣгаютъ къ нимъ, то потому, что считаютъ ихъ выгодными. Мы требуемъ только, чтобы всякій, переступающій порогъ синдиката, былъ наемнымъ рабочимъ. Мы не заставляемъ его принимать ту или другую философію и дисциплину. Дисциплину всякій членъ синдиката принимаетъ добровольно, и лишь ту дисциплину, которую онъ самъ опредѣляетъ въ своей организаціи. Вмѣстѣ съ этимъ, мы не желаемъ принуждать его вступать во внѣсиндикальныя отношенія съ какой бы то ни было политикой, философіей или партіей» *). Въ словахъ Лукэ безусловно есть много справедливаго. Генеральная конфедерація труда, дѣйствительно, не имѣетъ ни оффиціальнаго теоретическаго «вѣрую», ни официальной программы, которыя были бы обязательны для ея членовъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что наряду съ синдикатами, приближающимися къ анархизму, въ ея рядахъ существуютъ синдикаты почти тредъ-юніонистскаго типа, какъ, напримѣръ, синдикатъ печатниковъ, вожакомъ которыхъ является ярый врагъ всякаго революціонизма позитивистъ Кейферъ. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что слишкомъ усердная пропаганда конфедеральнымъ комитетомъ, высшимъ органомъ конфедераціи труда, прямого воздѣйствія, всеобщей стачки, саботажа и тѣ крайне рѣзкіе манифесты, которые онъ выпускаетъ отъ времени до времени, придаютъ конфедераціи труда въ глазахъ массы ярко революціонный характеръ и въ извѣстной степени отпугиваютъ отъ нея малосознательныхъ и нерѣшительныхъ. Нерѣдко бывали случаи, когда провинціальные синдикаты отказывались вступать въ конфедерацію труда, мотивируя свой отказъ ея крайней революціонностью. Къ счастью, это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія наиболѣе проницательныхъ и вдумчивыхъ дѣятелей синдикальнаго движенія. Такъ, напримѣръ, недавно секретарь конфедераціи труда Грифюель въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «L'humanité» выразилъ ту мысль, что пора рѣзкую революціонную фразеологію замѣнить энергичнымъ дѣйствіемъ, успѣшности котораго нерѣдко мѣшаетъ эта фразеологія. За такую умѣренность на Грифюеля обрушилась эрвеистская «Guerre Sociale». Во всякомъ случаѣ, заявленіе Грифюеля, отражающее безусловно мнѣніе большинства синдикалистскихъ вожаковъ, имѣетъ очень важное симптоматическое значеніе. Оно, между прочимъ, показываетъ, какъ глубоко

*) «Action directe» № 2.

правъ Жоресъ, утверждающій, что подъ вліяніемъ жизни французскій синдикализмъ, мало-по-малу, избавится отъ своихъ преувеличеній и угловатостей, и что слишкомъ рѣзкая борьба съ господствующими въ немъ теоретическими теченіями можетъ только задержать эту эволюцію, такъ какъ представители этихъ теченій, подъ вліяніемъ полемики, неизбѣжно будутъ закрывать глаза на дѣйствительность и обострятъ противорѣчія со своими «друго-врагами». Вообще отношеніе къ синдикатамъ «центральнаго» направленія въ партіи, лидеромъ котораго вмѣстѣ съ Вальяномъ и Алеманомъ является Жоресъ, кажется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и наиболѣе отвѣчающимъ создавшимся условіямъ. И Жоресъ, и Вальянъ, и Алеманъ, и ихъ сторонники, такъ же какъ и гэдисты, признаютъ, что единеніе партіи съ синдикатами является необходимымъ. Они только расходятся съ послѣдними, какъ мы это видѣли, въ вопросѣ о наиболѣе цѣлесообразныхъ формахъ этого единенія для переживаемаго момента и о путяхъ, ведущихъ къ нему. По ихъ убѣжденію, въ данный моментъ эволюціи французскаго синдикализма только та тактика *), которая ими рекомендуется, и которая прекрасно была формулирована въ приведенной выше рѣчи Вальяна къ Нанси, т. е. тактика энергичныхъ параллельныхъ дѣйствій и постоянныхъ параллельныхъ выступленій, можетъ повести къ координаціи профессіональной борьбы съ борьбой политической; тактика же гэдистовъ стремящихся къ установленію немедленной связи и къ нейтрализированію профессіональнаго движенія, по ихъ мнѣнію, рискуетъ, въ случаѣ своего примѣненія, расколоть синдикальныя организаціи, затормазить развитіе синдикальнаго движенія, лишить его тѣхъ особенностей, которыя составляютъ его силу и преимущество, и вырыть глубокую пропасть между конфедераціей труда и партіей, сдѣлавъ надолго невозможнымъ ихъ сближеніе. Дѣйствіе и только дѣйствіе, а не абстрактное теоретизированіе,—вотъ основной принципъ «центральнаго» направленія. Этотъ принципъ сторонники этого направленія стараются проводить не только при рѣшеніи вопроса о синдикализмѣ, но и при рѣшеніи всѣхъ другихъ вопросовъ, на которые приходится наталкиваться партіи, прибавляя къ нему еще другой принципъ—принципъ синтеза всѣхъ средствъ борьбы. Этими двумя принципами въ дѣйствительности и характеризуется теперь «центральное» направленіе, которое можно назвать направленіемъ синтетическаго и активнаго соціализма. Послѣднее названіе приложимо къ нему потому, что его сторонники не возлагаютъ всѣхъ своихъ надеждъ на имманентный ходъ вещей, на желѣзные законы общественнаго развитія, долженствующіе неизбѣжно привести человѣчество къ коллективи-

*) Эта тактика, которой теперь придерживается партія, уже между прочимъ принесла плоды: недовѣріе конфедераціи труда къ партіи мало-по-малу исчезаетъ, а синдикаты все чаще и чаще начинаютъ обращаться къ партійнымъ организаціямъ за содѣйствіемъ.

стической организаціи, а стараются теперь же, въ настоящемъ, насколько это возможно, создавать моральные и матеріальные элементы будущаго строя и принимать въ историческомъ процессѣ все болѣе и болѣе *направляющее участіе*. Читателямъ уже извѣстно изъ статьи Н. Е. Кудрина, какъ относится это направленіе къ борьбѣ съ милитаризмомъ. Нижеслѣдующая выдержка изъ статьи Жореса, написанной имъ въ отвѣтъ на нападки Эрве, еще болѣе ясно покажетъ, какъ понимаютъ его представители эту борьбу. «Для націоналистовъ существуетъ только отечество. И они требуютъ отъ пролетаріата, едва зазвучитъ рожокъ войны, пассивнаго и слѣпого сопротивленія раба. Антипатріоты дѣлаютъ видъ, что игнорируютъ націю; они представляютъ себѣ абстрактный рабочій классъ, эволюціонизирующій въ пустомъ пространствѣ; они приходятъ, подъ предлогомъ освобожденія пролетаріевъ отъ ига отечества, въ которомъ они находятся, къ подчиненію ихъ игу чужого отечества, которое сдѣлается для нихъ родныхъ путемъ завоеванія: двойное бремя рабства и стыда Что касается насъ, мы не раздѣляемъ этихъ двухъ истинъ: независимость отечества и рабочій интернаціонализмъ. И если для того, чтобы исполнить свой двойной долгъ національный и рабочій, пролетаріату необходимо быть активнымъ, бдительнымъ, способнымъ къ широкому размаху мысли и дѣйствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны приходить въ отчаяніе, или разсѣкать надвое живую истину. Изъ этого вытекаетъ только, что нужно безпрерывно работать надъ воспитаніемъ и организаціей рабочаго класса, являющагося отвѣтственнымъ за человѣчество и за отечество. Для выполненія этой двойной и трудной задачи—спасти отечество и обезпечить миръ пролетаріату, необходимо прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ способамъ дѣйствія. И когда нансійская резолюція ставитъ рабочему классу въ обязанность бороться противъ войны всѣми средствами, которыми онъ располагаетъ, отъ парламентскаго дѣйствія до революціоннаго, она призываетъ его къ усиліямъ постояннымъ и многообразнымъ. Почему же гражданинъ Эрве стремится сократить эти усилія? Онъ объявляетъ ничтожною политическую и парламентскую работу пролетаріата. Думаетъ ли онъ такимъ образомъ служить дѣлу мира? Конечно, было бы преступно, если бы партія пыталась купить для себя лишніе мандаты путемъ отреченія отъ своего идеала или его замаскированія. Но чѣмъ болѣе сильнымъ будетъ въ парламентѣ истинное и дѣйствительное представительство партіи, тѣмъ больше будетъ шансовъ для предупрежденія войны. Партія сумѣетъ тогда слѣдить за событіями и вліять на нихъ, пока это еще не поздно. Она сумѣетъ во-время разоблачать опасныя интриги и предотвратить кризисъ. Она сумѣетъ, если кризисъ обострится, путемъ комбинированнаго дѣйствія своихъ делегатовъ въ парламентѣ и организованнаго народа внѣ парламента, заставить правительство прибѣгнуть къ третейскому

разбирательству. И если преступное безуміе правительства авантюръ и хищничества вынудитъ пролетаріатъ къ революціонной борьбѣ, то эта борьба будетъ имѣть гораздо больше шансовъ на успѣхъ, когда горячій и властный призывъ къ миру раздастся одновременно въ парламентѣ и на улицѣ». Въ этой же статьѣ Жоресъ снова высказываетъ свой взглядъ на синдикализмъ. «Точно также,—говоритъ онъ,—ошибается гражданинъ Эрве, когда онъ воображаетъ своей политикой крайностей и отрицаніемъ парламентаризма оказать услугу рабочему движенію и облегчить задачу конфедераціи труда. Конечно, тактика политикановъ, которые захотѣли бы влить въ нее, не знаю какой, электоральный опіумъ и *притупить ложной осторожностью энергію ея требованій*, была бы гибельной. Но очень опасны также будутъ для нея и тѣ, которые претендовали бы привить ей лихорадочную и рекламную политику. Къ стачкѣ частной или всеобщей, являющейся средствомъ, присущимъ синдикальной борьбѣ, нужно прибѣгать настолько же осмотрительно, какъ и твердо. Растрачивать рабочую энергію въ пустыхъ агитаціяхъ было бы безуміемъ. Когда мы формулируемъ задачи во всей ихъ сложности, когда мы принимаемъ во вниманіе все разнообразіе средствъ борьбы, которыми располагаетъ пролетаріатъ, мы не проявляемъ этимъ шатанія или непостоянства, а лишь пытаемся расширить и углубить нашу работу» *). Допуская необходимость революціонныхъ дѣйствій въ извѣстные моменты общественныхъ кризисовъ, сторонники «центральнаго» направленія вмѣстѣ съ тѣмъ находятъ необходимымъ использовать до крайнихъ предѣловъ легальные пути, принимая самое дѣятельное участіе *въ выработкѣ и реализаціи реформъ*. И въ этой области они стремятся развить до максимума свою дѣятельность, не оставаясь только на почвѣ голой критики. Въ противоположность гедистамъ, находящимъ, что никакія серьезныя реформы не могутъ быть проведены въ рамкахъ капиталистческаго строя, они утверждаютъ, *что сумма и широта реформъ зависятъ отъ силы и организованнаго напора народныхъ массъ*. И въ безпрерывномъ пропагандированіи этой идеи они видятъ серьезный стимулъ, могущій ускорить присоединеніе къ соціализму широкихъ слоевъ трудящихся. «Если хотятъ войти въ соприкосновеніе съ міромъ работниковъ и производителей,—писалъ недавно секретарь партіи Дюбрейль, бывшій членъ бланкистской организаціи,—то прежде всего нужно оставить область абстракцій и отвлеченныхъ формулъ и спуститься на почву реальностей и примѣненій. Необходимо, чтобы наши пропагандисты, наши ораторы и наши публицисты, главнымъ образомъ, стремились доказать рабочему классу, *что онъ можетъ сейчасъ же, если только захочетъ, воспользоваться средствами борьбы, вполнѣ ему доступными, измѣнить свое положеніе и улучшить условія своей*

*) „L'Humanité" отъ 11 ноября 1907 г.

жизни и труда. Только такимъ путемъ можно получить доступъ къ рабочему классу, завоевать его довѣріе, привлечь его къ организованной дѣятельности одновременно и корпоративной и политической *). Поэтому и Жоресъ и Вальянъ придаютъ большое значеніе, напримѣръ, разбирающемуся теперь въ Палатѣ законопроекту о подоходномъ налогѣ, въ выработкѣ котораго Жоресъ принималъ большое участіе, видя въ немъ первый, хотя и слабый шагъ къ дальнѣйшей демократической реорганизаціи налоговой системы, чѣмъ вызвалъ даже нареканія гэдистовъ. Послѣдніе, исходя изъ того, что этотъ законопроектъ заключаетъ въ себѣ много недостатковъ и не осуществляетъ сразу полнаго налоговаго равенства и упуская изъ виду, что при данномъ соотношеніи силъ радикальный законопроектъ былъ бы невозможенъ, считаютъ его совершенно несущественнымъ и неважнымъ и заходятъ въ своей критикѣ такъ далеко, что вполнѣ сходятся съ консерваторами и реакціонерами, всѣми средствами борющимися противъ фискальной реформы.

Еще двѣ цитаты изъ статей Жореса и Вальяна дополняетъ общую характеристику защищаемой ими концепціи. «Дѣйствовать—вотъ главный секретъ успѣха,—пишетъ Жоресъ. — Ахъ, какъ мало я имѣю склонности къ полемизированію по вопросамъ теоріи и практики. Не словесные споры устраняютъ затрудненія и примиряютъ проявляющіяся противорѣчія. Если вы синдикалистъ, работайте надъ развитіемъ синдикатовъ, зовите въ ихъ ряды трудящихся, группируйте ихъ въ могущественную конфедерацію труда. И тогда экономическая организація пролетаріата, превратившись въ первоклассную силу, получитъ возможность свободно координировать свою работу съ работою политической организаціи, не опасаясь ни смѣшенія, ни потери своей самостоятельности. Конфедерація труда и соціалистическая партія являются пока лишь двумя слабыми силами, относящимися съ недовѣріемъ одна къ другой. Но когда путемъ пропаганды и организаціи, изъ слабыхъ онѣ превратятся въ могучія, всякое недовѣріе между ними исчезнетъ, ибо тотъ, кто сознаетъ свою мощь, избавляется отъ подозрительности. Если вы реформистъ—формулируйте ваши проекты реформъ, координируйте ихъ въ общій широкій планъ, пропагандируйте ихъ, работайте безпрерывно надъ ихъ реализаціей. Такимъ образомъ, лучше, чѣмъ всякими деклараціями, вы обезпечите свободное сотрудничество всѣхъ дѣйствительныхъ сторонниковъ реформистской политики. Будемъ организовываться, будемъ работать, будемъ дѣйствовать, и наша партія выйдетъ болѣе сильной, чѣмъ когда-либо, изъ этого тумана клеветы, который теперь ее окутываетъ» **).

*) „L'Humanité" № отъ 14-го января 1908 г.
**) „L'Humanité" № отъ 27-го октября 1907.

«Государство, вышедшее изъ нѣдръ общества вслѣдствіе растущаго въ немъ неравенства, является его жандармомъ, противъ котораго такъ же необходимо бороться, какъ и противъ привилегированнаго класса, который его создалъ, вооружилъ и оплачиваетъ,—говоритъ Вальянъ въ статьѣ, посвященной 25-ти-лѣтней годовщинѣ смерти Маркса.—И въ этой безпрерывной борьбѣ можно только удивляться, когда слышишь постоянно абстрактные споры о положительномъ или отрицательномъ значеніи реформъ или революціи, при чемъ каждый изъ спорящихъ признаетъ исключительно тотъ или другой путь». Между тѣмъ, иногда простой организаціонный актъ, образованіе какого-нибудь синдиката или группы, имѣетъ болѣе революціонное значеніе, чѣмъ актъ яркій и трагическій. Никакое оружіе, никакое средство борьбы не можетъ быть пренебрегаемо; нужно только, чтобы оно примѣнялось въ направленіи историческаго развитія и съ цѣлью ускорить это развитіе, тогда оно имѣетъ революціонную цѣнность, какъ бы скромно само по себѣ ни было. Въ извѣстный моментъ одинъ революціонный актъ можетъ превратится изъ эволюціи въ революцію. Въ другой моментъ какая-нибудь реформа, хотя бы самая незначительная, имѣетъ важное значеніе. Цѣнность ея можетъ быть очень велика, если она только помогаетъ выдвинуться наступательной и оборонительной линіи пролетаріата. Въ борьбѣ рабочаго класса нѣтъ ни одного средства, которое не имѣло бы своей цѣнности, если оно *ослабляетъ* господство мертваго труда прошлыхъ поколѣній, капитала, надъ живымъ трудомъ рабочаго, государства надъ гражданиномъ, если оно облегчаетъ, укрѣпляетъ организацію пролетаріата, его боевое дѣйствіе и поднимаетъ настроеніе организованной массы. Принявъ, наконецъ, реалистическій характеръ, соціализмъ отдѣлывается отъ мечтательныхъ иллюзій и, въ то же самое время, покидаетъ доктринальную область, чтобы вступить на почву дѣйствительности, т. е. на почву революціонной активности. Соціализмъ все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ развитія историческаго движенія, въ которомъ его растущая сила позволяетъ ему принимать каждый день національно и интернаціонально *направляющее участіе* (une part directrice). Соціализмъ обращается ко всѣмъ своимъ борцамъ, идущимъ по разнымъ путямъ въ общей работѣ, съ лозунгомъ «Впередъ», въ которомъ резюмируется вся его доктрина и вся его тактика» *).

*) «Socialiste» № 149.

VII.

Рядомъ съ охарактеризованными выше направленіями французскаго соціализма существуетъ еще одно направленіе, заявившее о своемъ существованіи совсѣмъ недавно и представляющее собою возвратъ къ старому реформизму Жореса и Мильерана. Основныя положенія этого направленія, органомъ котораго является возобновленный Бруссомъ «Proletaire», заключаются въ полномъ отрицаніи насильственныхъ способовъ дѣйствія, въ признаніи необходимости строго придерживаться исключительно легальныхъ средствъ борьбы и работать въ союзѣ съ передовыми элементами буржуазіи надъ выработкой и реализаціей профессіональныхъ реформъ. Тактическая концепція этого новаго «поссибилизма» лучше всего изложена въ «обращеніи къ партіи», подписанномъ 18-ю депутатами парламентской соціалистической группы и 6-ю муниципальными совѣтниками Парижа. Приведемъ изъ этого обращенія наиболѣе существенныя мѣста. «Мы являемся въ одно и то же время патріотами и интернаціоналистами. Мы стремимся поддерживать всеобщій миръ, но мы готовы также, въ случаѣ необходимости, защищать въ качествѣ солдатъ независимость и достоинство націи. Республиканцы прежде всего, мы не отдѣляемъ соціализма отъ республики, соціалистическаго долга отъ республиканскаго. Противники другихъ демократическихъ партій на экономической почвѣ, мы являемся ихъ союзниками въ борьбѣ противъ всѣхъ партій политической реакціи... Революціонеры, какъ всѣ соціалисты по нашей цѣли, мы полагаемъ, что въ такой странѣ, какъ наша, гдѣ политическія учрежденія открываютъ всѣмъ классамъ доступъ къ правительственной власти, соціализмъ можетъ и долженъ развиваться лишь при помощи легальныхъ средствъ борьбы. Слѣпому и безплодному насилію, мы предпочитаемъ сознательную и плодотворную работу. Никогда не теряя изъ виду нашей конечной цѣли—полной перестройки современнаго режима, мы въ то же время намѣрены посвятить себя дѣлу реформъ, будемъ стремиться къ тому, чтобы каждый день приносилъ пролетаріату больше благополучія и свободы, увеличивая такимъ образомъ его силу для окончательнаго освобожденія. Рѣшительные сторонники синдикальной борьбы, мы хотѣли бы, чтобы рабочій классъ, сгруппированный въ синдикатахъ и организованный въ Генеральную конфедерацію труда, прибѣгалъ для осуществленія своихъ требованій только къ средствамъ цѣлесообразнымъ и достойнымъ, и считаемъ безполезными и вредными насильственныя и разрушительныя дѣйствія» *). Если судить по настоящему «обращенію», то между «поссибилистами» и

*) «Proletaire» № 2.

гэдистами есть много точекъ соприкосновенія, однако какъ разъ противъ послѣднихъ и ведетъ борьбу «Proletaire» и его группа. Дѣло въ томъ, что гэдисты изъ всѣхъ борющихся въ партіи направленій являются наиболѣе непримиримыми и неуступчивыми въ вопросахъ, касающихся отношеній съ другими политическими организаціями. «Поссибилисты» же видятъ не только главное зло партіи, но и опасность кризиса для всей французской политики именно въ фактѣ оппозиціонности соціалистической партіи всѣмъ другимъ партіямъ. Именно этимъ обстоятельствомъ, этимъ изолированіемъ соціалистовъ объясняютъ они реакціонныя тенденціи, начинающія господствовать въ парламентѣ и въ политикѣ кабинета Клемансо. Правда, соціалисты въ палатѣ не удовлетворяются одной только голой оппозиціей. Наоборотъ, они принимаютъ дѣятельное участіе въ парламентскихъ коммисіяхъ, представляютъ постоянно законопроекты, поправки къ чужимъ законопроектамъ и всегда заявляютъ о своей готовности вотировать всякую реформу, хотя и не вполнѣ отвѣчающую ихъ желаніямъ, но представляющую хотя бы нѣкоторый прогрессъ. Но поссибилистовъ такая тактика не удовлетворяетъ. По ихъ мнѣнію, соціалистическая парламентская группа должна окончательно отказаться отъ своего принципа принципіальной оппозиціи, т. е. должна вотировать бюджетъ и вступать въ блоки и въ постоянныя соглашенія съ республиканскими фракціями. Только въ этомъ случаѣ, утверждаютъ «поссибилисты», соціалисты будутъ имѣть возможность оказать дѣйствительное вліяніе на политику парламентскаго большинства и направить ее въ сторону все большей и большей демократизаціи. Оставаясь же изолированными соціалисты рѣшительно ничего не могутъ выиграть. Если радикалы, несмотря на поддержку соціалистовъ, въ той формѣ, которую они теперь оказываютъ ихъ реформистскимъ попыткамъ, не проведутъ своей программы, то народъ сочтетъ радикаловъ банкротами. Но банкротство является выгоднымъ лишь для ликвидаторовъ, а ликвидаторы будутъ засѣдать направо и въ центрѣ. Если же радикалы осуществятъ свою программу, то они пріобрѣтутъ огромную популярность и ихъ пошлютъ въ еще большемъ числѣ въ парламентъ. На соціалистовъ же будутъ смотрѣть, какъ на малодѣятельныхъ сотрудниковъ радикальной партіи.

Но какимъ образомъ и въ какой формѣ осуществить сотрудничество соціалистовъ съ радикалами, если оставить въ сторонѣ вопросъ о вотированіи бюджета? Тутъ и сами «поссибилисты» становятся втупикъ и не могутъ предложить никакого яснаго и цѣлесообразнаго рѣшенія. Въ дѣйствительности, какъ это не разъ доказывалъ Жоресъ, если бы соціалисты не вышли добровольно изъ парламентскаго «блока», то въ концѣ концовъ радикалы, для которыхъ союзъ съ ними становился въ тягость, по причинамъ, которыя уже указаны, вынудили бы ихъ такъ или иначе уйти.

Впрочемъ, и самая организаціонная форма «блока», знаменитая «делегація лѣвыхъ», тоже уже распалась, такъ какъ она не соотвѣтствовала больше требованіямъ измѣнившагося политическаго положенія. Да и вообще обстоятельства, которыя были выше перечислены и которыя побудили Жореса и его сторонниковъ выйти изъ «блока», продолжаютъ существовать по-прежнему и даже еще болѣе осложнились. Дѣло въ томъ, что передъ французской палатой стоитъ теперь цѣлый рядъ важныхъ очередныхъ вопросовъ, какъ, напр., вопросъ чиновничьяго синдикализма, общей политики правительства по отношенію къ развивающемуся синдикальному движенію и т. д., которые соціалисты и радикалы рѣшаютъ самымъ противоположнымъ образомъ. А это обстоятельство не можетъ, конечно, не затруднить возобновленія прежней тактики согласованныхъ дѣйствій тѣхъ и другихъ, если бы даже радикалы и проявляли склонность къ соглашенію. Мы не говоримъ уже о томъ, что агрессивная по отношенію къ соціализму и рабочему классу политика Клемансо, которую поддерживаетъ уже почти два года радикальное большинство, и противъ которой соціалисты ведутъ самую ожесточенную войну, все больше и больше расширяетъ пропасть между ними и радикалами. Послѣ тѣхъ громовыхъ обличающихъ рѣчей, которыя Жоресъ произносилъ по адресу радикальной партіи, послѣ того, какъ онъ въ своей газетѣ называлъ парламентское большинство «большинствомъ убійцъ», «пьянымъ большинствомъ» (по поводу нарбоннскихъ событій), образованіе блока съ участіемъ радикаловъ и соціалистовъ прямо явилось бы антиморальнымъ актомъ и сильно умалило бы авторитетъ партіи въ глазахъ рабочихъ массъ. Все это прекрасно понимаютъ и «поссибилисты» и не стѣсняются отчасти признавать это въ своемъ органѣ. Но, тѣмъ не менѣе, они не унываютъ и, видя невозможность воссозданія «блока», хотятъ во что бы то ни стало выработать какія-нибудь другія, новыя формы сотрудничества съ парламентскимъ большинствомъ. Съ этою цѣлью одинъ изъ лидеровъ «поссибилистовъ», депутатъ Бретонъ, взялъ было на себя иниціативу образованія парламентской группы реформъ, въ которую вошли бы представители отъ всѣхъ республиканскихъ фракцій. Коммиссія такая въ дѣйствительности образовалась, но до сихъ поръ она еще ничѣмъ не заявила о своемъ существованіи. Вообще же поссибилисты, не надѣясь на возможность немедленнаго осуществленія ихъ «сотрудническихъ» тенденцій, хотѣли бы, чтобы партія измѣнила свою оппозиціонную тактику хотя бы для того, чтобы подготовить почву для примиренія съ радикалами въ будущемъ. Упомянутый уже депутатъ Бретонъ, желая подать примѣръ, вотировалъ за утвержденіе бюджета, вопреки партійной дисциплинѣ. Національный совѣтъ партіи, обсуждавшій этотъ случай, отнесся единогласно отрицательно къ поступку Бретона и постановилъ предложить будущему конгрессу въ Тулузѣ исключить Бретона изъ партіи. На тулузскомъ

конгрессѣ можно предвидѣть, такимъ образомъ, страстные дебаты по вопросу о парламентской политикѣ соціалистовъ. «Поссибилисты» надѣются кое-чего добиться въ Тулузѣ, но если принять во вниманіе общее настроеніе, царствующее въ партійныхъ рядахъ, то нужно признать, что они строятъ себѣ въ этомъ отношеніи иллюзіи... Что касается отношенія «поссибилистовъ» къ вопросамъ антипатріотизма и синдикализма, то оно почти тожественно съ отношеніемъ къ этимъ вопросамъ гэдистовъ, съ тою только разницей, что они не находятъ цѣлесообразнымъ стремиться, во что бы то ни стало, навязать конфедераціи труда, противъ ея желаній, организаціонное соглашеніе съ партіей.

Мы изложили здѣсь въ общихъ чертахъ, насколько позволили размѣры журнальной статьи, сущность кризиса, переживаемаго французскимъ соціализмомъ, и охарактеризовали вкратцѣ борьбу направленій, его создающую. Глубокъ ли этотъ кризисъ, велика ли степень его остроты и не угрожаетъ ли онъ снова, въ четвертый разъ, расколоть французскихъ соціалистовъ, снова раздробить ихъ усилія и тѣмъ самымъ опять, быть можетъ, надолго ослабить силу напора организованныхъ рабочихъ массъ на цитадель капитализма? Намъ кажется, что, несмотря на всю глубину противорѣчій, проявляющихся теперь въ рядахъ «объединенной партіи», опасность ея распаденія представляется, къ счастью, мало вѣроятной, хотя безусловно партіи придется еще пережить критическіе моменты. Гэдисты въ особенности не сложили оружія и, не довольствуясь печатной критикой, главнымъ образомъ, по вопросу о синдикализмѣ, который они считаютъ вопросомъ жизни и смерти для соціалистическаго движенія, намѣреваются на ближайшемъ національномъ совѣтѣ и, по всей вѣроятности, и на слѣдующемъ конгрессѣ снова дать битву своимъ противникамъ. Дѣло въ томъ, что при теперешнихъ условіяхъ французскаго рабочаго движенія выходъ изъ партіи не можетъ быть выгоднымъ для фракціи, находящейся въ меньшинствѣ. Представители крайняго крыла партіи—эрвеисты и революціонные синдикалисты—не оставятъ ея рядовъ уже по тому одному, что они тогда лишатся возможности проповѣдывать свои взгляды въ нѣдрахъ партійныхъ организацій и на партійныхъ конгрессахъ, что является для нихъ чрезвычайно важнымъ. На близкое же и полное торжество своихъ идей въ партіи они все равно не надѣются. Что касается гэдистовъ, то и они, несмотря на всю свою непримиримость и непокладистость, несмотря на то, что они считаютъ тактику большинства по отношенію къ милитаризму и профессіональному движенію губительной и вредной, не могутъ выдѣлиться изъ партіи, не рискуя самоубійствомъ. Ихъ выходъ, обусловленный разногласіями по синдикальному вопросу, совершенно отрѣзалъ бы ихъ отъ синдикальнаго движенія, а бороться

съ «центральнымъ» направленіемъ, которому конфедерація труда не преминетъ тогда оказать самую энергичную поддержку, имъ будетъ не подъ силу. Сторонники «поссибилистскаго» направленія представляютъ еще пока самое незначительное меньшинство, хотя они и насчитываютъ 18 депутатовъ, и въ случаѣ выхода изъ партіи, несомнѣнно, потеряютъ всякое вліяніе въ массахъ. Большинство же депутатовъ «поссибилистовъ» рискуютъ вдобавокъ, при выходѣ изъ партіи, потерять свои депутатскіе мандаты. Непосредственной опасности раскола въ объединенной партіи, такимъ образомъ, не предвидится. И эта опасность тѣмъ болѣе будетъ уменьшаться, чѣмъ болѣе «центральному» направленію удастся проводить въ жизнь свой основной тактическій принципъ «дѣйствіе и дѣйствіе». Условія же современнаго политическаго и соціальнаго положенія Франціи какъ разъ открываютъ для соціалистической борьбы широкое поле. И если «объединенная партія» сумѣетъ развить свою энергію до максимума,—на что можно надѣяться, принимая во вниманіе настроеніе активизма, охватывающее теперь большинство французскихъ соціалистовъ,—то единству ея, кажется намъ, ничто угрожать не будетъ. Ибо ничто такъ не располагаетъ къ распрямъ, ничто такъ не благопріятствуетъ обострению противорѣчій, какъ отсутствіе активности, бездѣятельность. Въ единеніи сила,—это безспорная истина. Но не менѣе вѣрно, что только въ дѣйствіи и постоянной борьбѣ противъ общаго врага единеніе закрѣпляется прочными, неразрывными узами.

Е. Сталинскій.

Жатва
№ 6, 1908

ЖАЖДА.

Вѣтерокъ изъ степи налеталъ капризными порывами на тѣсную толпу богомольцевъ и, вмѣстѣ съ проворными клубами сору и золы, выкинутой за огородами, подхватывалъ торопливыя, невнятныя слова молитвы и, кружа ихъ, какъ покоробленные осенніе листья, уносилъ съ сухимъ шуршаньемъ къ пустымъ гумнамъ и похилившимся крестамъ на безмолвныхъ могилкахъ. Рѣзво плескались въ воздухѣ старенькія знамена, малиновсе и зеленое, трепетали и вздувались платки на женщинахъ, развѣвались сухимъ ковылемъ волосы на косматыхъ казацкихъ головахъ.

Высоко въ небѣ, съ сѣверо-западной стороны, ровно плыли облака, круглыя, рѣдкія, не догоняя и не отставая другъ отъ друга, степенно-равнодушныя и важныя, какъ голландскіе гуси. Взоры молящихся сѣрыхъ людей съ упованіемъ обращались къ нимъ.

— Замоложавѣло!—говорили между собой простые люди, которымъ хотѣлось вѣрить въ силу молитвъ и заклинаній.

О. Дороѳей былъ недоволенъ и служилъ небрежно, сухо и нехотя, барабанилъ безъ проникновенія и чувства, дѣлалъ пропуски и спѣшилъ, какъ на самой дешевой требѣ.

Дьячекъ Силычъ, покрывшій отъ вѣтра голову платкомъ и похожій въ этомъ украшеніи на бабу, взявъ со столика, около котораго молебствовали, старинный большой пятакъ, въ промежуткахъ между пѣніемъ укоризненно потрясалъ имъ передъ глазами о. Ивана и ядовито говорилъ:

— Вотъ вамъ и набросъ! На-бро-осъ!

О. Иванъ, черный, похожій на грека, слабо и смущенно отмахивался рукой.

Конечно, онъ чувствовалъ себя немножко виноватымъ. Это была его идея—не потребовать съ прихожанъ опредѣленной суммы за молебствіе о дождѣ, а положиться на ихъ добровольное усердіе.

О. Дороѳей настаивалъ на четвертномъ билетѣ. О. Иванъ

возражалъ. Спорили отрывочно,—дѣло шло во время литургіи,—но упрямо и долго. О. Иванъ гулкимъ шопотомъ напоминалъ примѣръ прошлаго года. Пришли старики просить о молебствіи въ поляхъ,—причтъ назначилъ двадцать пять рублей. Старики стали торговаться. Давали всего десять. Расхожденіе было значительное. Долго и безплодно ладились, но не пришли къ соглашенію и оставили рѣшеніе вопроса до ближайшаго праздника. А къ вечеру собрался дождь и пошелъ, и пошелъ... Надобности въ молебнѣ уже не оказалось. Такъ и пропали деньги понапрасну!

— Я считаю, самое благое дѣло—набросомъ...—шепталъ о. Иванъ.—Сколько дадутъ, столько и дадутъ...

— Ничего не дадутъ! - ожесточенно говорилъ о. Дороѳей, сухой, искушенный практикъ.

— Дадутъ!—съ рискованной увѣренностью настаивалъ о. Иванъ.

— Не дадутъ!

О. Дороѳей приступилъ къ молитвѣ о преосуществленіи св. Даровъ, сталъ на колѣни и поднялъ руки. Кончивъ молитву, онъ сказалъ быстро и сердито:

— Не тѣ времена! За нынѣшнюю Пасху мы на 96 рублей меньше прошлаго года собрали.

И затѣмъ пѣвучимъ голосомъ произнесъ возгласъ:

— Пріимите, яди-и-те...

Когда пригласили на совѣщаніе дьячковъ, Харлампій Любибоговъ, молодой, легкомысленный малый, несмотря на толстыя, серьезныя губы, равнодушно сказалъ:

— Я на все согласенъ.

Но старый Силычъ,—„гнутый кобель“, какъ его мысленно называлъ о. Иванъ,—не безъ ехидства предложилъ:

— А вы бы, о. Иванъ, внесли четвертную-то, а что набросаютъ—все въ вашу пользу.

О. Иванъ, конечно, вѣрилъ въ набросъ, но отъ такого испытанія отказался. Не то, чтобы онъ поколебался въ вѣрѣ, а просто обидно стало.

— Ну, какъ угодно,—сказалъ онъ огорченнымъ голосомъ,—а только прошлогодній опытъ не упускайте изъ виду.

Въ сущности, это былъ самый сильный доводъ, и онъ одержалъ верхъ. Скрѣпя сердце, о. Дороѳей и Силычъ рѣшили положиться на набросъ: молящихся собралось много.

Взяли хоругви. Ктиторъ пожертвованными платками обвязалъ шеи десяткамъ двумъ казаковъ, бабъ и дѣвицъ; на эти платки помѣстилъ по иконѣ—почти полный комплектъ святыхъ, память коихъ чтится въ теченіе года.

Клиръ пополнился добровольцами-пѣвчими: рядомъ съ Харлампіемъ сталъ недавно пришедшій со службы фельдфебель Семенъ Иванычъ, къ Силычу присоединились тенора—Николай Титычъ, сапожникъ, и Ванька, работникъ о. Дороѳея.

Было торжественно и трогательно, когда соборне выступили о. Дороѳей съ о. Иваномъ. Ризы ихъ заиграли на солнцѣ веселыми, прыгающами блестками. Дружно и громко грянулъ хоръ. Колыхнулись и затрепыхались въ воздухѣ знамена, закачались два фонаря на флангахъ колеблющагося фронта богоносцевъ, торопливо двинулась толпа богомольцевъ, тѣснясь въ узкомъ проулкѣ, ведущемъ къ степи. Ребятишки лѣзли впередъ, обгоняли клиръ и иконы, подымали пыль и золу, спугивали куръ, бродившихъ въ переулкѣ. Куры съ испуганнымъ кудахтаньемъ метались на плетни и, послѣ короткаго раздумья, ныряли во дворъ. Впрочемъ, это не нарушало торжественности и важности момента, и маленькія хатки станицы съ упованіемъ взирали своими крошечными, отливающими цвѣтами радуги окошками на крестовый походъ за дождемъ.

Первую остановку сдѣлали за гумнами. Здѣсь впервые подверглась испытанію теорія „наброса“. Результаты оказались самые огорчительные: на алыхъ разводахъ платка, покрывавшаго столикъ, сиротливо лежали большой пятакъ старой чеканки, три семитки и еще двѣ копейки—тоже стариннаго вида.

Унылый видъ этихъ скромныхъ монетъ не внушалъ ни надеждъ, ни воодушевленія, и о. Дороѳей читалъ торопливо, невнятно и небрежно. И пробѣгали мимо ушей молящихся неубѣдительныя, лишенныя тепла и порыва, слова молитвы:

...„Вонми неможенію естества нашего, яко Ты сотворилъ еси насъ. Виждь птицъ стенаніе, скотовъ вопіеніе, младенческій плачъ, сиротъ лишеніе, вдовицъ уединеніе, убогихъ недостаточество и всѣхъ людей твоихъ молебный гласъ. И посѣти землю, и упой ю тучными дожди: мокроты бо лишающихся, своимъ убо прозябеніемъ увяденіе, человѣкомъ же и скотомъ пагубою претитъ“...

Сыпались слова, какъ мелкій щебень, и кружились надъ головами, не проникая въ сердце, и ухо едва успѣвало схватить ихъ въ ныряющемъ, поспѣшномъ бѣгѣ.

О. Иванъ вздыхалъ. Неужели онъ ошибся? Оглянулся. Народу достаточно, не менѣе двухъ сотенъ. Правда, на обыденныхъ лицахъ не замѣтно молитвеннаго экстаза. Автоматически-привычные широкіе кресты тамъ, гдѣ крестится священникъ. Скучливое, тупо любопытствующее со-

зерцаніе знаменъ и фонарей. Ближе стоящіе протягиваютъ шеи, чтобы заглянуть въ книгу, по которой читаетъ о. Дороѳей, какъ будто тамъ спрятано что-то особенное. И это деревянное равнодушіе... Вонъ купчиха Новоселова подъ зонтикомъ. Неужели у ней-то нѣтъ усердія положить хоть гривенникъ? Или ей урожай не надобенъ?

— Всѣмъ нуженъ урожай, матушка!—съ укоризной сказалъ мысленно о. Иванъ:—будетъ у земледѣльца въ закрому, и у насъ не пусто будетъ въ карманѣ...

...Вотъ старый хорунжій Степанъ Ѳомичъ. Толстое, налитое лицо съ свиными глазами. Этому не грѣхъ бы и рубликъ положить. Скряга! Зубы смерзлись отъ жадности. Все равно, съ собой на тотъ свѣтъ ничего не возьмешь!..

О. Иванъ опять вздохнулъ. Сколько потрачено усилій вокругъ этого Степана Ѳомича! Человѣку кончается уже осьмой десятокъ. Разогналъ всѣхъ своихъ наслѣдниковъ. Спитъ на деньгахъ. Земли двѣсти десятинъ. И все еще не хочетъ заблаговременно о душѣ подумать... О. Иванъ пускалъ въ ходъ все свое краснорѣчіе насчетъ того, что пятьдесятъ десятинъ, отписанныя на причтъ, были бы какъ разъ достаточной уплатой за вѣчное поминовеніе. Но Степанъ Ѳомичъ все жмется и кряхтитъ.

Когда двинулись дальше, о. Дороѳей сухо сказалъ о. Ивану:

— Вотъ что, о. Иванъ. Соборне за вашъ набросъ служить жирно будетъ. Сдѣлаемъ такъ: я—сейчасъ, до обѣда, а къ двѣнадцати часикамъ подъѣдете вы и остальное время походите по полямъ.

О. Иванъ быстро прикинулъ: до двѣнадцати часовъ оставалось всего три часа, а съ двѣнадцати до заката солнца, какъ условлено съ прихожанами, не менѣе восьми часовъ. Распредѣленіе невыгодное. Но, вспомнивъ, что онъ заслуживаетъ упрека за вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку, за этотъ злополучный набросъ, вздохнулъ и кротко сказалъ:

— Хорошо.

Слѣдующую остановку сдѣлали черезъ версту, за телеграфными столбами, подъ горой. И тутъ вдругъ шансы о. Ивана и его теоріи наброса неожиданно поднялись: заказалъ молебенъ съ акаѳистомъ пророку Иліи Степанъ Ѳомичъ. Потомъ еще было заказано пять простыхъ молебновъ разнымъ святымъ. Всего, не считая набросанныхъ мѣдяковъ, на сумму 2 руб. 25 коп.

— А, что-о!—съ торжествомъ шепталъ о. Иванъ.

— Ну, нечего, нечего!—примирительно и довольнымъ тономъ возразилъ о. Дороѳей.

Онъ уже не спѣшилъ и читалъ акаѳистъ Иліи проникновенно, съ чувствомъ:

...„Радуйся, непочитающихъ святыхъ праздниковъ православныя церкве карателю!

«Радуйся, громами и молніями по волѣ Божіей управляяй!

«Радуйся, дожди и бездождіе, плодоносіе на землю и безплодіе посылаяй!..»

О. Иванъ, умилившись религіозною ревностью Степана Ѳомича, рѣшилъ использовать случай—попытать еще разъ растопить сердце древняго хорунжаго напоминаніемъ о вѣчномъ райскомъ блаженствѣ.

Когда акаѳистъ кончился и началось пѣніе простыхъ молебновъ, о. Иванъ подошелъ къ Степану Ѳомичу. Старый хорунжій уже раскрылъ дождевой синій зонтикъ—гигантскій зонтикъ, подъ которымъ могло укрыться не менѣе десятка человѣкъ, и готовился идти домой: становилось жарко, безпощадное солнце жестоко припекало обнаженную лысину, и хотѣлось попить чайку.

— Весьма похвально, Степанъ Ѳомичъ! Въ своемъ родѣ даже трогательно усердіе ваше!—сказалъ торжественно о. Иванъ.—Трогательно и достойно подражанія!

Польщенный Степанъ Ѳомичъ свернулъ зонтикъ и, протянувъ правую ладонь, сказалъ:

— Благословите, батюшка.

Къ священству онъ былъ почтителенъ, но жертвователь туговатый.

О. Иванъ съ готовностью осѣнилъ его широкимъ крестомъ и далъ облобызать свою потную, загорѣлую руку.

— Достойно подражанія,—продолжалъ онъ:—теплая, горячая и усердная молитва угодна будетъ передъ Господомъ. Мнѣ, какъ пастырю, пріятно это засвидѣтельствовать.

И онъ нѣсколько разъ качнулъ туловищемъ передъ Степаномъ Ѳомичемъ. Степанъ Ѳомичъ въ отвѣтъ, въ свою очередь, тоже покачался.

— Теперь я бы одного желалъ, какъ пастырь вашъ,—понижая голосъ до шепота и склоняя голову на бокъ, продолжалъ о. Иванъ:—чтобы вы заблаговременно распорядились частью имѣнія вашего для вѣчной молитвы по душѣ вашей и вашей супруги,—въ свое время, конечно... Всѣ мы, конечно, грѣшны, ибо нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ...

Степанъ Ѳомичъ собралъ морщины на лбу и съ сокрушеннымъ видомъ подтвердилъ:

— Это совершенно правильно, батюшка...

— Да! И каждому, конечно, лестно пріобрѣсть уголокъ

въ царствіи небесномъ... Но чѣмъ же вы можете купить царство Божіе, какъ не жертвой крови, приносимой въ церквахъ Божіихъ? Какъ не поминовеніемъ по усердію вашему?..

О. Иванъ положилъ руку на животъ и задушевнымъ тономъ прошепталъ:

— И вѣрьте: чѣмъ больше усердія, тѣмъ больше вы пособите душѣ вашей!

Ктиторъ, держа передъ собой глубокій кисетъ и позванивая колокольчикомъ, медленно прошелъ между ними. Тонкія, выгнутыя ноги его, обутыя въ чирики и затянутыя въ желтые отъ времени шерстяные чулки, прятались при движеніи одна за другую, и выходило похоже, что онъ вотъ-вотъ собирается сдѣлать реверансъ. Степанъ Ѳомичъ досталъ изъ кармана кошелекъ и долго искалъ въ немъ подходящую монету, чтобы пожертвовать ее на церковныя нужды. Наконецъ, нашелъ копейку и опустилъ ее въ ктиторскій кисетъ жестомъ, который говорилъ: „гдѣ наше не пропадало!“ Ктиторъ согнулъ спину, и золотая медаль, висѣвшая на красной лентѣ, солидно закачалась на его грязномъ кителѣ.

— Царствіе Божіе покупается различно,—продолжалъ о. Иванъ докторальнымъ тономъ, проводивъ глазами ктитора:— одни покупаютъ дешево, а другимъ оно становится подороже. Бѣднякъ купитъ его дешевле, а богачу надо платить дороже... Какъ евангельская лепта: она цѣною съ полушку, а пріобрѣла царство небесное, потому что было все имѣніе вдовицы, а богачи клали златицы и не купили себѣ того... Значитъ, чѣмъ вы больше потратите на будущее поминовеніе душъ вашихъ...

Степанъ Ѳомичъ вытеръ краснымъ платкомъ лысину, припекаемую солнцемъ, и скорбнымъ голосомъ возразилъ:

— Да какой же я богачъ, о. Иванъ?

— Не гнѣвите Бога, Степанъ Ѳомичъ! Грѣхъ!.. А лучше позаботьтесь обезпечить загробное состояніе... По христіанскому вѣрованію, позаботьтесь заранѣе купить уголокъ въ царствіи небесномъ... такъ-то! Имѣйте въ виду: я не изъ корысти... Неужели мнѣ, священнику, не слѣдуетъ напомнить объ этомъ и не постараться размягчить ваше сердце, расположить васъ къ самой усердной, обильной молитвѣ и возможно большей церковной службѣ о собственной вашей душѣ, къ жертвѣ на храмъ, въ коемъ вѣчно молятся о упокоеніи въ селеніяхъ праведныхъ благотворителей?..

О. Иванъ озарилъ собесѣдника яснымъ взглядомъ и переложилъ голову съ одного плеча на другое.

— Да мы съ старухой имѣемъ въ виду,—смущенно пробормоталъ Степанъ Ѳомичъ.

— Небось, въ монастырь задумали?

Степанъ Ѳомичъ опустилъ глаза и не сразу отвѣтилъ:

— Да тамъ... смотря...

— Ради Бога, не бросайте вашихъ средствъ по монастырямъ!—горячо прошепталъ о Иванъ.—Тамъ и такъ накоплено вѣками! И за множествомъ жертвователей,—цѣлыя книги именъ,—ихъ не только въ одну литургію, въ недѣлю не прочесть! Это надо помнить и не забывать, что тамъ поминаются жертвователи слишкомъ рѣдко: нельзя, не успѣваютъ!..

Онъ осторожно приложилъ указательный перстъ къ плечу хорунжаго и, слегка жестикулируя имъ, медленнымъ, увѣщающимъ шопотомъ продолжалъ:

— Чего лучше – пожертвовать свою лепту на храмъ приходскій! Поминъ у насъ ограниченъ, а солидные жертвователи поминаются рѣшительно каждую службу безъ пропуска! Имѣйте въ виду, что у насъ въ году бываетъ свыше двухсотъ обѣденъ!.. Двѣсти разъ, по крайней мѣрѣ, въ году! Двѣсти обѣденъ! Господи, чего ими можно купить себѣ на небесахъ!..

О. Иванъ патетически потрясъ рукой въ сторону прозрачной глубины, затканной чудесной гаммой золотыхъ, серебряно-голубыхъ и жемчужныхъ лучей, посылающей безжалостный зной и изсушающіе вѣтры. На вспотѣвшемъ толстомъ лицѣ хорунжаго было написано полное изнеможеніе.

— Мы посовѣтуемся со старухой... Что-же, мы о душѣ завсегда...—хрипло простоналъ онъ.

— Ну, размягчи Господи сердце ваше... Дѣло это большое. Великое дѣло! Пошли вамъ Господь разумѣніе!..

О. Иванъ осѣнилъ широкимъ крестомъ Степана Ѳомича и, крѣпко пожавъ ему руку, пошелъ къ клиру допѣвать молебны. Степанъ Ѳомичъ постоялъ въ раздумьи, утеръ платкомъ лицо и шею и нацѣлился было уже снова распустить свой гигантскій зонтикъ. Но о. Иванъ, видимо, вспомнилъ что-то важное и, поспѣшно повернувшись, замахалъ ему рукой въ знакъ приглашенія подождать.

— Еще одно слово, Степанъ Ѳомичъ,—торопливымъ полушопотомъ сказалъ онъ, подходя ближе:—забылъ... Лично для себя хочу попросить васъ—столько, сколько, думаю, сумѣю заслужить...

Онъ оглянулся по сторонамъ и нѣсколько таинственнѣе, улыбаясь какъ бы съ нѣкоторымъ умиленіемъ, зашепталъ:

— Мнѣ не нужно ни злата, ни сребра, что называется... Какъ вамъ извѣстно, у меня коровка есть и двѣ телки. Корма́—сами видите какіе! Голодная скотинка приходитъ, надо хоть по навильничку бросать. Ну, а зиму еле-еле до-

тянулъ: купить негдѣ, продать не пришлось, а теперь — куда? Рѣзать? Жаль: корова стельная... Богомъ васъ буду просить: накладите сѣнца возокъ-другой. Не откажите, ради Бога, хотя изъ сожалѣнія къ скотинкѣ! А я отплатить молитвой вамъ справлюсь, думаю...

Степанъ Ѳомичъ покряхтѣлъ въ нѣкоторомъ раздумьи и сказалъ:

— Что-жъ, возокъ можно, пожалуй...

— Ну, спаси васъ Господи! А я за васъ вѣчный богомолецъ...

И, когда о. Иванъ утонулъ въ толпѣ молящихся, хорунжій, распуская свой зонтикъ и качая головой, пробормоталъ:

— Ну, и хамлетъ! Хам-ле-етъ!..

Когда вышли на гору, — такъ называли отлогіе холмы, старый высокій берегъ Медвѣдицы,—родной уголъ оказался такимъ просторнымъ, неожиданно восхитительнымъ въ мягкихъ краскахъ весны, что всѣ какъ будто въ первый разъ увидѣли его. Домики станицы съ потемнѣвшими, сѣрыми соломенными крышами виднѣлись отсюда маленькіе-маленькіе и жались другъ къ другу, какъ въ жаркій день запыленныя шленскія овцы. А въ серединѣ—неподвижный пастырь въ бѣлой рубахѣ – церковка, и полуоблѣзшія главы ея играютъ и смѣются на солнцѣ. Дальше дымчатыя рощицы ливадовъ, а за ними—широкія полосы веселой зелени—дубовый лѣсокъ, похожій отсюда не на кустарникъ даже, а такъ—на мохъ, на лишаи. Чародѣй-художникъ небрежно набросалъ въ сіяющей и жаркой шири эти крошечныя, какъ игрушки, людскія жилища, мельницы съ крыльями, станицы, хутора съ сизыми рощицами, излучины Медвѣдицы, играющія серебристыми переливами, жемчужную полоску нагорнаго берега Дона въ лиловой вуали и безбрежный сѣро-зеленый коверъ, раскинутый во всѣ стороны, мягко окутанный тонкой дымкой голубого тумана въ незнакомыхъ и любопытныхъ даляхъ. И простенькій узоръ прибавилъ: блѣдное золото песчаныхъ полянокъ, пестрый изумрудъ извилистыхъ балокъ и рѣдкія точки задумчиво-молчаливыхъ кургановъ, кудрявыхъ яблонокъ и черныхъ полевыхъ хатокъ.

И надъ этимъ чарующимъ тихой лаской просторомъ раскинулъ лазурный шатеръ, бездонный и ясный, весь въ горячихъ алмазныхъ лучахъ...

Вотъ она—земля-кормилица... Изборождена мелкими, колеблющимися бороздками, усѣяна засохшими комьями неразбитаго дерна, исхожена, изъѣзжена, полита потомъ, повита робкими, трепетными надеждами—лежитъ тихая, загадочная, безотвѣтная мать всего живущаго...

Сушитъ ее солнце, развѣваетъ вѣтеръ — вонъ побѣжалъ стороной отъ дороги, съ шаловливымъ проворствомъ закрутилъ столбъ пыли съ танцующей въ немъ прошлогодней колючкой... Размываютъ вешнія воды лицо ея—вонъ какія глубокія морщины съ мѣдно-красными боками ползутъ съ горы внизъ, въ долину, и сколько песку и глины наволокли онѣ туда... Но все та же она, неизсякающая, вѣчно производящая, неустанная, неизмѣнная, великая мать-кормилица...

Копошатся люди на ней, какъ муравьи, темные, сѣрые люди, отдаютъ ей свои скудныя силы и несложные помыслы и ждутъ, съ упованіемъ и тревогой ждутъ. И вонъ плодъ ихъ трудовъ—тощая, рѣденькая зелень, тоненькія былинки хлѣбовъ, извилистыми строками подрагивающія на комковатой, черной пашнѣ. Рѣдки, скудны, жалки онѣ вблизи, едва дышатъ... Но уходятъ дальше—густѣютъ, хорошѣютъ и сливаются въ одну зеленую, тихо ликующую пѣсню весны. И надъ ними звенятъ-заливаются, трепеща сквозящими на солнцѣ крылышками, жаворонки, кружатъ ястреба и луни вдали, широко взмахнувъ крыльями, поднимается красавецъ дудакъ...

Чувство невольнаго, умиленнаго восхищенія занялось въ груди о. Дороѳея. Онъ пересталъ думать о томъ, что дастъ набросъ. Трогала эта живая, движущаяся, необычная картина: старыя хоругви, темными пятнами колыхающіеся на жемчужно-голубомъ, сверкающемъ фонѣ, пестрыя краски и дешевенькое золото иконъ, привѣтствующихъ зеленый просторъ ровными мановеніями въ усталыхъ рукахъ богоносцевъ, двухсотенная толпа, разсыпавшаяся объ дорогу и по полю, усѣявшая степь пестрыми, живыми цвѣтами женскихъ костюмовъ... Длинный рядъ повозокъ ровно шуршитъ сзади и вокругъ нихъ; какъ безшабашные воробьи, толпятся, бѣгаютъ, бранятся и дерутся ребятишки и дѣвчата, облѣпивъ крикливыми стаями бочки съ водой... И эта молчаливая ширь безъ конца, безъ краю... И вѣчная красота лазурнаго неба... Дивенъ міръ Господень!..

— Благослови, душе моя, Господа,—

запѣлъ о. Дороѳей. Шедшій рядомъ съ нимъ фельдфебель Семенъ Иванычъ загудѣлъ басомъ, и вслѣдъ за нимъ задрожалъ красивыми переливами теноръ ктитора. Ктиторъ былъ природный артистъ, и слушать его для всѣхъ было наслажденіемъ.

— Такому калѣкѣ и какой голосъ далъ!—задыхаясь отъ пыли, выражали свое восхищеніе казаки, шедшіе сзади.

Когда вошли въ глубь пашенъ, опять остановились, и опять было заказано нѣсколько молебновъ—больше всего

пр. Иліи, а затѣмъ и другимъ святымъ, преподобнымъ, мученикамъ и апостоламъ. Никого не забывали. Но Илію просили всего усерднѣе и чаще. И о. Дороѳей уже не спѣшилъ, читалъ раздѣльно, тепло, размягчаясь и умиляясь самъ трогательными словами молитвы,—навертывались слезы и голосъ дрожалъ.

„...И нынѣ содержащею сухостію воздухъ, гладомъ прещаяй и смертію, помяни уповающіе на Тя люди, помяни и птицы, помяни и скоты, и духъ росы наведи, и сухость да престанетъ, и сѣмена земли сотвори въ воспитаніе человѣковъ же и животныхъ. Ты бо еси прозябаяй траву скотомъ и злакъ на службу человѣковъ, и Ты еси изводяй хлѣбъ отъ земли и вино источаяй, и елеемъ умащаяй человѣческія лица: яко да подаваемымъ отъ Тебе благихъ въ изобиліи причащающеся, въ веселіи сердца прославимъ твою благость“...

И въ стоящихъ на колѣняхъ запыленныхъ фигурахъ, въ склоненныхъ головахъ, въ грубоватыхъ лицахъ чувствовалась трогательная, покорная просьба безъ словъ, робкая, чуть теплющаяся надежда и желаніе вѣрить въ силу этого краснорѣчиваго моленія.

О. Дороѳей чувствовалъ, что крылья его собственной вѣры, отягченныя разъѣдающей практикой суетной мысли, безсильно волочатся по землѣ... Но страстно хотѣлось чѣмъ-нибудь поддержать эту простую, наивную вѣру, которую самъ онъ утерялъ, ободрить ее, окрылить надеждой...

— А хлѣбецъ какъ будто всходомъ не плохъ,—весело говорилъ онъ старикамъ, которые шли поближе, и хоть вралъ, но безкорыстно, для бодрости вралъ.

— Ничего, онъ не сконфуженый. То онъ бываетъ зажелненый, а это, ежели умолимъ дожжу..

— Да, кабы Господь дожжу... онъ бы вышелъ въ дѣло...

Дожжу, дожжу... Всѣ уста шепчутъ: дожжу! И самыя эти тоненькія былиночки тихими, чуть уловимыми голосками шелестятъ: жаждемъ! И треснувшая по всѣмъ направленіямъ маленькими, извилистыми, узенькими трещинками земля, горячая и твердая, задыхаясь отъ зноя, ждетъ капли... ждетъ, безмолвно-покорная, долготерпѣливая... О безбрежное рабство безсилія и темноты! Ты, Господи, неужели не дашь имъ, этимъ убогимъ, по вѣрѣ ихъ?..

О. Дороѳей устремилъ взоръ вверхъ, къ тому Невѣдомому и Таинственному, у кого въ распоряженіи были очистительныя грозы и тучи съ дождями. Въ лазурной глубинѣ неторопливо плыли тонкія облачка, похожія на іереевъ въ чесунчовыхъ рясахъ, на козловъ и рыбную чешую. Подъ ними высоко-высоко плавали грачи,— черныя, маленькія

точки, — переворачиваясь съ боку на бокъ, направляясь по вѣтру. И когда они попадали въ клочки бѣлыхъ облаковъ, видно было, что ведутъ хороводъ, кружатся, и чудились даже ихъ далекіе голоса. А потомъ, падая въ глубокую бездну, они вдругъ пропадали изъ глазъ, тонули. И облака, высокія и холодно-безучастныя, не останавливаясь, уходили вдаль, сползали внизъ и прятались за горизонтомъ.

О. Дороѳей продолжалъ пѣть молебны, вкладывая въ нихъ всю силу убѣдительности, преклоняя колѣни, кланяясь и патетически потрясая головой. И много трудовыхъ мѣдныхъ монетъ наклалъ въ кожаный кошель Харлампій: всѣмъ хотѣлось купить на скудныя поля свои теплой и тихой влаги.

Но слова, отъ частаго повторенія, стирались, блекли. Уставалъ голосъ читать акаѳистъ Иліи,—не менѣе двадцати разъ пришлось славить суроваго пророка. Угасало воодушевленіе. Душно становилось. Съ пересохшихъ губъ слетали сухіе, равнодушные до безнадежности звуки. Спотыкались ноги,—жестка и коварна стала дорога. Пыль подымалась и не садилась. Въ потное лицо по временамъ тяжело и лѣниво вѣялъ зной, какъ изъ бани. И зеленый безбрежный просторъ, дышащій имъ, казался уже однообразнымъ до безжизненности, охватывалъ огромнымъ враждебнымъ кольцомъ, изъ котораго не было выхода, нагонялъ тоску своею безкрайностью. Силы изнемогали, ломило поясницу, шаги стали коротки, точно боялись расплескать тѣло. Хотѣлось тѣни, воды, отдыха...

Въ полдень добрались до Дальняго Березова. Родничекъ тамъ былъ и возлѣ — колодецъ. Такая хрустальная, холодная, несравненная водица!.. Помолились еще разъ у этого драгоцѣннаго, чуднаго источника влаги. И затѣмъ по всей балкѣ, по зеленымъ бокамъ ея, разсыпались пестрыя, цвѣтныя, живописныя группы,—на травѣ, подъ кустами молодого дубнячка, подъ повозками. Развязали сумки, достали хлѣбъ, тарань, наполнили водой кувшины, чайники, кубышки, кружки, и началось скромное, но радостно-шумное пиршество.

Подъѣхалъ о. Иванъ. Священникамъ, дьячкамъ и пѣвчимъ была приготовлена трапеза въ ближайшей польской хаткѣ: подкрѣпляться на лонѣ природы, вмѣстѣ съ прочими смертными, для нихъ было какъ бы слегка унизительно. Въ плетеномъ чуланѣ, безъ оконъ, на глиняномъ полу разостланъ былъ пологъ изъ рядна. На немъ стоялъ огромный самоваръ, отливавшій зеленью, глиняная миска съ вареной рыбой, накладена была гора пшеничныхъ хлѣбовъ и кренделей. Участіе въ трапезѣ приняли и нѣкоторые богомольцы—тѣ,

которые почище. Разумѣется, старый георгіевскій кавалеръ Игнатъ Ефимычъ, обливаясь потомъ надъ блюдцемъ чая, солидно спросилъ:

— Какія новости по газетамъ, батюшка?

— А никакихъ особенныхъ. Каждая держава сидитъ на своемъ мѣстѣ смирно. Не купоросится.

— И самое лучшее дѣло!—замѣтилъ о. Иванъ.

— А вотъ разсказывалъ намъ Силычъ давеча передъ обѣдней: въ Москвѣ женщина... изъ себя немолодая... разумши въ январѣ мѣсяцѣ стояла три дня на снѣгу, Богу молилась... Правда это?

— Что-жъ, можетъ быть. Бываетъ. Не всѣ еще преклонили колѣни предъ Вааломъ міра сего...

О. Иванъ, склонный болѣе къ разсужденіямъ о внутренней политикѣ, сказалъ:

— Я, вотъ, въ „Россіи“ вычелъ: на Пасху, во время заутрени, въ одномъ городкѣ пришли въ церковь трое изъ трудовой партіи и ахнули бомбой... Всѣхъ, какъ есть, подъ гребло! Лишь священникъ въ алтарѣ уцѣлѣлъ...

— Тссс... — зашипѣлъ ктиторъ, укоризненно качая головой.

— Вотъ какой духъ вѣка пошелъ!..

— Это вы изъ „Россіи?“—спросилъ шапочникъ Василій Иванычъ, и большіе усы его шевелились, пряча улыбку.

— Ну, да. Изъ „Россіи“,—враждебнымъ тономъ отвѣтилъ о. Иванъ.

Онъ не любилъ вступать въ разговоры съ шапочникомъ. Верхоглядъ. Воображаетъ себя начитаннымъ. Лѣзетъ въ споры, подрываетъ авторитетъ церкви и духовенства. Непріятный человѣкъ...

— Не нравится? Вы „Россію“ не трожьте: „Россія“ — это библія.

— Ну, конечно. Въ особенности, если ее безплатно высылаютъ...

О. Иванъ укоризненно покачалъ головой и замолчалъ. О. Дороѳей сказалъ:

— Заразились вы, Василій Иванычъ, духомъ вѣка сего. Начитались этихъ жидовскихъ книжекъ. Пожалуй, и властямъ предержащимъ скоро уваженіе не станете оказывать...

— При чемъ же тутъ власти предержащія, о. Дороѳей? Я же объ нихъ ни слова...

Старики лукаво молчали. Были среди нихъ сочувствующіе шапочнику, злые критики поповъ. Но помалкивали. Лишь ктиторъ укоризненно крякнулъ и сказалъ:

— Морская глубина эти писанія и книжки... Не всякой головѣ на пользу.

И тихая бесѣда на этомъ оборвалась. Шумно глотали чай, всхлипывали носами, кряхтѣли отъ удовольствія и добросовѣстно, съ трескомъ, разгрызали высохшіе крендели.

Василій Иванычъ скрутилъ папироску и вышелъ изъ чулана.

Въ тѣни хатки, по гумну, подъ яблоньками и подъ повозками вездѣ лежали живописныя группы отдыхавшихъ богомольцевъ. Пекло солнце. Вились мошки надъ головой, прыгали и кружились, жалили и кувыркались, звеня, поднимались вверхъ, опускались внизъ, неутомимыя и надоѣдливыя. Лѣниво-безмолвными, застывшими зелеными волнами разстилалась изнемогающая отъ знойнаго солнца земля.

— Какое значеніе яблони имѣютъ!—усталымъ голосомъ сказалъ сухенькій старичекъ:—по балкѣ-то все бѣло!..

Да, онѣ еще не осыпались, эти кучерявыя, живучія дикія яблоньки, въ своемъ бѣлорозовомъ нарядѣ похожія теперь на облачка. И на фонѣ свѣтлой зелени въ балкѣ онѣ были, какъ нѣжное, причудливое кружево, затѣйливый узоръ.

— Ну, что же, намолили дождя?—сказалъ иронически Василій Иванычъ, ложась въ тѣнь среди казаковъ.—Мало денегъ подаете... больше кидать надо! Дешево купить хотите... Эхъ, некультурность! Будь такое богатство у нѣмцевъ, у американцевъ,—тутъ моря воды были бы! Гнѣвимъ Бога,—о дождѣ пристаемъ. Онъ давалъ намъ его: сколько снѣгу тутъ зимой было? Куда онъ дѣлся? Лишь бараки размылъ! А при разумѣ, при знаніи она бы вся тутъ была, водица то. А теперь нигдѣ порядочнаго водопоя нѣтъ.

Сухенькій старичекъ, сидѣвшій согнувшись на самомъ припекѣ, сказалъ:

— Это, пожалуй, и вѣрно. Въ Бессарабіи мы служили... Диковинное дѣло: скелы, камень... пробита дира, и изъ дири вода бьетъ...

— Фанталъ?—спросилъ казакъ съ мѣднымъ лицомъ и съ бородой почти изъ-подъ самыхъ глазъ.

— Просто изъ камня льетъ дудкой, и только. Булгары придутъ, навѣсятъ ведра, наберутъ, а она опять льется. Такъ льется и не выльется. Черпаемъ бывало, ведромъ, сколько влѣзетъ.

— Ведромъ?—перебилъ молодой казакъ ухарскаго вида. Фуражка на бекрень, въ ухѣ серьга, модный пиджакъ и широкія шаровары съ лампасами, напущенныя на сапоги.

— Да. Цыбаркой.

— А ты бы кошолкой зачерпнулъ!—проговорилъ казакъ тономъ праздная зубоскальства, и молодые ребята, лежавшіе вокругъ, засмѣялись надъ старикомъ, который удивленно поглядѣлъ на собесѣдника.

— Кошолкой?

— Да.

— Да въ ней чего же останется?

Казакъ съ серьгой побѣдоносно улыбнулся и слегка издѣвательскимъ тономъ сказалъ:

— А ты такъ зачерпни, чтобы осталось.

Старичекъ, принимая это въ серьезъ и недоумѣвая, задумался подъ громкій, грубоватый смѣхъ молодежи. Потомъ простодушно спросилъ:

— Да вѣдь это, значитъ, плетеная плотно? Ай парусовая?

— Кошолка изъ хвороста,—коротко, съ небрежнымъ видомъ, отвѣтилъ казакъ съ серьгой.

— Этой не зачерпнешь...

— А я черпалъ!

— Идѣ?

— Въ Китаѣ.

Онъ обвелъ побѣдоноснымъ взглядомъ лежавшихъ подъ яблоней казаковъ, но встрѣтилъ молчаливо-скептическіе взгляды. Кто-то въ полголоса сказалъ: „брешетъ!“ Но, видимо, лѣнь было говорить, и никому не хотѣлось выражать свое сомнѣніе болѣе пространнымъ образомъ.

— Ну, что же китайцы? Какъ?—спросилъ казакъ съ мѣднымъ лицомъ.

— Да живутъ,—сказалъ снисходительно-небрежнымъ тономъ казакъ съ серьгой.

Потомъ подумалъ и добавилъ:

— Стекла у нихъ нѣтъ.

— Вы, небось, побили?.. Какъ же они безъ стекла-то?

— Какъ? Бумагой! Бумага такая.

— Что-же, видно?

Казакъ криво усмѣхнулся и пожалъ плечомъ.

— Да темно и только. Проткнешь ее пальцемъ,— только и свѣту.

— Что же у нихъ, почему стекла-то? Дорого, что-ль? Или законъ такой?

— Два рубля за глазокъ, ежели разобьешь.

— Х-у-у!.. Стало быть, нѣтъ у нихъ...

— Нѣтъ, законъ такой. Запрещаютъ.

Василій Иванычъ скрутилъ новую папироску,—табакъ отгонялъ мошку,—и спросилъ:

— Вотъ вы тамъ кошолками воду черпали. Что же это за кошолки?

— Издѣлье такое. Изъ хвороста. Не плохое издѣлье. Тамъ у нихъ и момчаты, и дѣвчаты, и женки—всѣ этимъ занимаются.

— Ну, какъ же, по крайней мѣрѣ, они ихъ?

— А ужъ я почемъ же знаю! Некогда было глядѣть.

— Чѣмъ же такъ заняты были? Въ дѣйствіи, вѣдь, не пришлось быть, кажется?

— Въ дѣйствіи не пришлось: пришли, замиреніе вышло. Но такъ, всматриваться намъ некогда было. Казаки, извѣстно, пользуются ваканціей: гдѣ что плохо виситъ, глядятъ, какъ бы стянуть да пропить...

Засмѣялись. Василій Иванычъ нахмурился и заговорилъ раздраженнымъ тономъ:

— Вотъ такъ у насъ все: некультурно, грубо... Нашъ братъ—разбить, опрокинуть, разлить, однимъ словомъ уничтожить. А чтобы понять что̀ къ улучшенію жизни,—это его не касается.

— Это ужъ изъ старины такъ,—сказалъ казакъ съ мѣднымъ лицомъ:—во всемъ руководствуемъ самой древнѣющей стариной...

— Стариной... Въ старину огонь соломой тушили, огурцомъ телушку рѣзали. Все хорошо было... И изъ старины мы взяли самое плохое: косность, тупость, грязь... Вы возьмите богачей нашихъ, хозяевъ,—какъ живутъ? Иванъ Мироныч какой-нибудь иной разъ хвалится: тому далъ четыреста, тому сто, у самого семьсотъ. А ѣдятъ... тамъ у него этой мухи, грязи! Щи,—онѣ никогда не выливаются, хоть вчерашнія, хоть надашнія: жалко! Тамъ дѣдовскія еще щи есть! Вся справа—что арба, что фурманка—допотопная. Чтобы за уголъ завернуть, ему вонъ куда надо объѣзжать, а то зацѣпитъ... она у него бокомъ идетъ. А возьмите нѣмца: у него все оковано, на желѣзномъ ходу... тридцать лѣтъ служитъ! Арба у него на цѣпкахъ: сейчасъ она арба, черезъ часъ—дроги. А выйдите къ нему: обстановка, женки ихъ—вы не скажете, что онѣ работаютъ... А наши казачки—поглядите на нихъ...

— Конечно, мазаные мы. Но живемъ пока... Главная суть—тѣснота вотъ, земля у насъ не отдыхаетъ...

— Ага, тѣснота! Когда-то дикіе люди звѣря промышляли, тѣмъ и кормились. И все на тѣсноту жаловались, пока умнѣй не стали. Какъ вотъ и мы же... Развѣ это тѣснота? Это если бы съ знаніемъ разработать,—тутъ милліоны! И будетъ время, въ десять разъ больше народу тутъ будетъ кормиться. А теперь посмотрите кругомъ: безнадежность! Это хлѣбъ?.. Это травы?.. Что сдѣлали мы съ этой землей? Пустыню! Глина, солонецъ, мѣдныя плѣшины, сорная трава, все, какъ камень, твердые, неразбитые комья и—безвыходная зависимость отъ дождя. А его во время нѣтъ! И вотъ мы начинаемъ стукать лбами: „отверзи благоутробіе, Господи! Да прозябетъ земля

плоды отъ боковъ своихъ!" И кромѣ—ничего не можемъ придумать.

— Не молиться нельзя,—строго сказалъ сухенькій старичекъ, ковыряя костылемъ землю.—Куда же намъ больше, какъ не къ Богу?

— Я думаю, если бы явился теперь такой человѣкъ, какъ Илья пророкъ,—помолчавъ, продолжалъ Василій Иванычъ:—человѣкъ правильный, смѣлый, съ такимъ огнемъ... Слыхали въ акаѳистѣ-то: „огнемъ повитъ, пламенемъ вскормленъ"... Оттого онъ и царей не боялся обличать... Явился бы онъ теперь,—что бы сказалъ? „Развѣ вамъ не было послано влаги? Почему вы не воспользовались ей? И почему такъ презрѣнно, смрадно живете? Другъ за друга—велѣлъ вамъ Господь. А вы? Смотрите врозь, каждый для себя лишь норовитъ урвать. Привычки мелкихъ хищниковъ, не заглядывающихъ въ будущее,—лишь бы себѣ захватить... Въ общественныхъ дѣлахъ лѣнь, равнодушіе, нежеланіе всмотрѣться, примѣриваніе, какъ бы больше другихъ не сдѣлать. Грубая, ненужная жестокость и стадное малодушіе, предательство за грошъ... Ни знаній, ни стремленія облегчить, осмыслить каторжный, безтолковый трудъ, мало дающій, не оставляющій досуга для мысли... А, вѣдь, не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ бываетъ". Не сказалъ бы онъ такъ?..

Люди, лежавшіе кругомъ, молчали. Понимали ли, они, соглашались ли съ говорившимъ или осуждали, — ничего нельзя было угадать по этимъ флегматическимъ лицамъ, лѣниво дремавшимъ или сонно смотрѣвшимъ вверхъ, сквозь рогатыя вѣтви яблоньки, въ клочки голубого неба. Загадкой были ихъ мысли. Да и были ли онѣ у нихъ?

Лишь пріятель Василія Ивановича, Данилинъ, въ бѣлой фуражкѣ, закрывавшей его лицо, сказалъ въ пространство:

— Слѣпы мы... безъ конца, безъ краю... Толкёмся, какъ вода въ ступѣ,—вотъ и жизнь наша. Сказано: казакъ работаетъ на быка, быкъ на казака, и оба они—два дурака...

О. Дороѳей послѣ трапезы тотчасъ же уѣхалъ домой. О. Иванъ соснулъ часика два. Затѣмъ опять двинулись по полямъ, изъ балки въ балку, отъ колодца къ колодцу, и останавливались на тѣхъ пашняхъ, хозяева которыхъ заказывали молебны. И такъ до вечера.

Когда солнце легло на самую степь, покраснѣло, и стало можно глядѣть на него, — курганы закурились въ лиловой дымкѣ, длинныя тѣни легли по пашнямъ, изъ балокъ потянуло свѣжестью и запахомъ травъ.

Василій Ивановичъ стоялъ вмѣстѣ съ другими на колѣняхъ, разсѣянно слушалъ, скучалъ. Слова молитвы бѣжали

проворно, о. Иванъ спѣшилъ, но усталый голосъ его часто спотыкался. Въ запыленныхъ, усталыхъ и склоненныхъ затылкахъ и спинахъ людей чувствовалось, какъ будто, безучастіе, непониманіе притупленія. Рядомъ стоитъ на колѣняхъ Прохоровъ, другъ его, человѣкъ ищущій, вопрошающій и страдающій отъ сознанія темноты и безсилія. Медленно крестится. И въ глазахъ—просьба, упованіе, грустная вѣра, точно ищетъ онъ Бога, сомнѣвается и ищетъ, ибо не на что больше опереться, а опора нужна... Ибо безсиленъ онъ, неустанный труженикъ, хозяинъ и рабъ этой скудной земли, этихъ жиденькихъ всходовъ, таящихъ въ себѣ всѣ его надежды и разочарованіе, радости и сокрушеніе. Вспахалъ, засѣялъ, полилъ потомъ, уложилъ массу изнуряющихъ усилій,—но что-же больше онъ дастъ ей, этой кормилицѣ, онъ, лишенный знанія, безсильный, безоружный рабъ? Скорбную, неувѣренную молитву?..

И вотъ онъ молится, въ тихомъ и грустномъ раздумьи внимая торопливому, спотыкающемуся чтенію:

... „Не воды единыя жаждею таемъ, но и тмами иными злыми, грѣхъ нашихъ ради. И къ Тебѣ зримъ, да наліется на насъ дождь зрѣлѣйшій же и изобильнѣйшій... Просимъ и молимся Тебѣ, Человѣколюбче, да кладязи и села наша наполниши воды, и душевныя наши нивы въ сытость напоиши и исполниши Твоея благости, и кладязи, сирѣчь сердца наши, веселіемъ и неизрѣченною радостью и радованіемъ упоиши“...

Василій Иванычъ тоже крестился на эти знамена, на развѣвающіяся тряпочки малиноваго цвѣта, на Распятіе и Богоматерь. Нѣтъ простой, первобытной вѣры. Но нѣтъ и другого, что замѣнило бы ее. И сердце тоскуетъ и ищетъ утерянаго Бога, того всемогущаго и желающаго внять этимъ простымъ, наивнымъ мольбамъ: „не разоряй насъ... и открой темныя очи наши... радость пошли намъ“...

О радости просятъ... Скованные безпредѣльной рабской зависимостью отъ солнца, отъ вѣтра, отъ капризной тучки, отъ сухого тумана, отъ козявки,—мечтаютъ о радости... Неискоренима эта мечта въ сердцахъ ихъ...

И вонъ она — звучитъ, кричитъ, смѣется, аукается въ балкѣ, въ густыхъ кустахъ, въ высокой крапивѣ, увѣнчанная ландышами, незабудками и зелеными купырями. И въ однообразное пѣніе врывается возбуждающій молодой смѣхъ, визгъ, звуки бѣготни. Дѣвчата съ смѣшливыми, быстрыми взглядами, озорники-мальчуганы разсыпались тамъ, въ густѣющихъ тѣняхъ, — имъ не до молитвы, — ищутъ щавель, цвѣты, купыри для дудокъ, гоняются другъ за другомъ, пу-

гаютъ, барахтаются. Ты, Всемогущій, не спугивай ея, этой беззаботной голубки съ лазурными крыльями..

— Фунтовъ десять одной мѣди! Просто — руки отваливаются...

Дьячекъ Харлампій держалъ обѣими руками передъ собой кожаный, набитый деньгами кошель, и толстыя губы его улыбались довольной улыбкой.

— Курить умираю—хочу! Пройдемъ туда, Вася...

Прошли впередъ по дорогѣ. Потомъ закурили и огляну-лись. На фонѣ сѣроватыхъ, тускнѣющихъ красокъ темно вырисовывались узкими, похожими на штаны, лентами знамена, блестѣли двумя золотыми глазами фонари, полукругомъ чернѣла порѣдѣвшая толпа. Сухимъ обрывающимся трескомъ лучины разносилось торопливое пѣніе Семена Ивановича. Возгласы о. Ивана начинались старательнымъ, пѣвучимъ теноркомъ, а къ концу терялись въ непріязненно угрожающемъ, тонкомъ звонѣ комаровъ, которые вились надъ головами Василія Ивановича и Харлампія.

Харлампій покурилъ и вернулся. Василій Ивановичъ пошелъ впередъ одинъ. Тихая степь съ потемнѣвшей зеленью всходовъ охватила его широкимъ кольцомъ. Чуть маячили темные силуэты крупныхъ сорныхъ травъ — татарника и бѣлены. Нечасто билъ перепелъ. Какъ будто кто-то встряхивалъ въ тонкомъ стаканѣ маленькія льдинки,—такъ нѣжно звучалъ его звонъ. И, кажется, два-три жаворонка не спали еще: то впереди, то сзади послышится вдругъ звенящій дребезгъ отточеннаго перышка по мѣднымъ зубчикамъ, коротенькая трель пробѣжитъ и — опять тихо.

Силуэтъ вырастаетъ впереди. Одѣтый въ мягкую, пуховую темноту надвинувшейся ночи, кажется большимъ, загадочнымъ. Ближе — меньше и яснѣй. Мальчуганъ въ пиджачкѣ, бѣлые волосы торчатъ изъ-подъ картуза, серьезно сопитъ носомъ.

— Птички еще не легли спать,—говоритъ онъ усталымъ басомъ.

— Ну, что, братъ, усталъ?

— Ноги устали...

По-стариковски наклонился впередъ, шагаетъ торопливо, а колѣнки, какъ будто, ужъ подгибаются.

— Ты чей?

— Соловьевъ. Павла Финогеныча.

— Учишься?

— Да. Въ третій перешелъ.

— Ого... тебя тоже голой рукой не возьмешь! Молодчина!

И двое они молча шагаютъ въ этой нѣмой пустынѣ, родя-

щей странныя, новыя мысли. Широко кругомъ. Плоско. Черно. Отсвѣчиваетъ бѣлая полоса на западѣ — истухающая заря. Сзади качается красноватый свѣтъ фонарей,—тронулись богомольцы. Дорога тверда, грубовата, неровна. Голая, бѣлѣетъ она впереди смутной лентой...

Сколько вѣковъ топчетъ ее эта безпомощная, темная толпа... Ищетъ, ждетъ, вѣритъ, молитъ... И кто идетъ впереди ея? Когда придутъ повитые огнемъ, пламенный свѣтъ несущіе? Когда?.. Ты загадочно молчишь, высокое, безстрастно внимающее небо... Безмолвна и ты, широкая, темная земля-кормилица!..

Ѳ. Крюковъ.

Страничка изъ исторіи декабрьскихъ событій 1905 г.

Декабрьскіе дни 1905 года, въ значительной степени, являются теперь уже достояніемъ исторіи. Они отодвинулись отъ насъ, во всякомъ случаѣ, настолько далеко, что позволяютъ отнестись къ нимъ значительно спокойнѣе и объективнѣе, чѣмъ то было возможно непосредственно послѣ «усмиренія». Въ создающихся уже и теперь условіяхъ исторической перспективы все рѣзче и рѣзче вырисовываются дѣйствительные контуры минувшихъ событій и выступаютъ опредѣленнѣе ихъ главнѣйшія и характернѣйшія особенности; частности и второстепенные признаки, ранѣе казавшіеся столь важными и отличительными для данной категоріи фактовъ, постепенно стушевываются и сглаживаются, переставая заслонять собою наиболѣе главное и существенное. Будущему историку русской революціи предстоитъ, конечно, еще дать правильную и безпристрастную оцѣнку этой страницѣ нашей исторіи,— задачей современниковъ является пока точная и правдивая передача *чисто фактической стороны* упомянутыхъ событій, поскольку они проявились въ отдѣльныхъ эпизодахъ и фактахъ, начиная съ наиболѣе мирныхъ формъ организаціи широкихъ народныхъ массъ и кончая попытками вооруженныхъ возстаній.

Авторъ настоящаго очерка, волею судебъ присутствовавшій лично при одномъ изъ этихъ эпизодовъ 1905 года, такимъ именно образомъ и разсматриваетъ свою задачу. Избѣгая по возможности всякихъ выводовъ и обобщеній, онъ стремится держаться исключительно на почвѣ фактовъ и имѣетъ въ виду дать болѣе или менѣе полную и болѣе или менѣе исчерпывающую картину протекавшихъ на его глазахъ событій, изображая дѣйствительность, какою она ему представлялась въ его наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ.

I.

Послѣ октябрьскаго манифеста и послѣдовавшихъ за нимъ погромовъ Ростовъ-на-Дону, какъ и большинство другихъ русскихъ городовъ, жилъ какою-то особенной, напряженной и нервной жизнью. Почти во всѣхъ классахъ населенія замѣчалась какая-то растерянность и даже недоумѣніе, полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и непремѣнное ожиданіе новыхъ и еще болѣе грозныхъ событій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдался также нѣкоторый подъемъ настроенія, обусловленный особенными, слишкомъ отличными отъ обычныхъ будничныхъ, условіями общественной жизни и новизною общаго политическаго положенія страны. Люди были выбиты изъ колеи и, такъ сказать, сбиты съ толку.

Видимая побѣда октябрьскаго стачечнаго движенія, повлекшая за собою еще неслыханныя у насъ вольности, представлялась несомнѣннымъ и реальнымъ фактомъ, не только общеочевиднымъ и осязательнымъ, но даже постоянно напоминавшимъ о себѣ, рѣзко кричавшимъ сотнями и тысячами газетныхъ статей, митинговыми рѣчами ораторовъ, десятками рождавшихся «явочнымъ порядкомъ» и росшихъ, какъ грибы, всякаго рода союзовъ. Однако, въ то же время на-лицо не имѣлось никакихъ гарантій устойчивости создавшагося положенія, и не было увѣренности въ его прочности. Наиболѣе крайніе элементы, задававшіе тонъ всему общественному движенію, разсматривали сложившіяся условія, какъ временный этапъ въ развитіи общаго революціоннаго движенія, и, имѣя въ виду болѣе широкія демократическія завоеванія, стремились использовать эти условія лишь для дальнѣйшей пропаганды революціи, для дальнѣйшаго возбужденія и революціонизированія массъ. Въ дѣйствіяхъ правящихъ верховъ не чувствовалось также желанія примириться съ создавшимся положеніемъ и покончить со старыми традиціями. Послабленія, конечно, имѣли мѣсто въ дѣйствительности, но они въ значительной мѣрѣ явились продуктомъ той растерянности и испуга, которые охватили собою тогда правящія сферы, а также результатомъ какой-то скрытой и глухой борьбы, которая, видимо, шла въ рядахъ правительства и которая столь сильно давала себя чувствовать во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Страшная полоса погромовъ, прошедшая непосредственно за объявленіемъ манифеста о свободахъ, краснорѣчивѣе всякихъ завѣреній говорила объ истинныхъ пружинахъ внутренней политики.

Ростовъ, подобно другимъ крупнымъ городамъ юга Россіи, не былъ изъятъ изъ предѣловъ дѣйствія погромнаго эксперимента; ростовскій погромъ по своимъ размѣрамъ явился даже однимъ изъ выдающихся. Начавшись при обычной для того времени об-

становкѣ — столкновеніи манифестирующихъ революціонеровъ съ организованной полиціею патріотической демонстраціей, погромъ сразу принялъ грандіозные размѣры и сопровождался самымъ откровеннымъ и беззастѣнчивымъ истребленіемъ и расхищеніемъ еврейскаго имущества. Характерно, между прочимъ, что убійства и избіенія занимали второстепенное мѣсто, преобладалъ грабежъ, и грабежъ, такъ сказать, универсальнаго характера: не одни лишь босяки и хулиганы—подонки и отбросы общества, а и болѣе обезпеченные и болѣе солидные его слои приняли живѣйшее участіе въ этомъ своеобразномъ видѣ спорта, практикуемомъ отъ времени до времени въ предѣлахъ нашей многострадальной родины. Богатыя, разряженныя дамы—жены мѣстныхъ купцовъ и чиновниковъ—пользовались случаемъ пріобрѣсти «по дешевой цѣнѣ» «кое-что для хозяйственныхъ надобностей» и тутъ же на мѣстахъ разграбленія «покупали» у погромщиковъ ихъ добычу, разумѣется, за гроши, за безцѣнокъ. Говорили также объ участіи въ грабежѣ нѣкоторой части рабочихъ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги. Этотъ фактъ, между прочимъ, позднѣе былъ отмѣченъ на одномъ изъ многолюдныхъ митинговъ и, хотя оратору пришлось тогда выдержать довольно-таки бурный натискъ сторонниковъ непогрѣшимости не только всего рабочаго класса, но и отдѣльныхъ его представителей, однако, на этомъ же собраніи раздались голоса, подтверждавшіе подлинность такого рода фактовъ и заявлявшіе, что имена участниковъ расхищенія еврейскаго имущества не называются ими только потому, что многіе изъ принимавшихъ участіе въ погромѣ дѣйствовали тогда или по легкомыслію, или же не сознавая всей безнравственности своего поведенія.

Общій хулиганскій тонъ жизни и хулиганскія традиціи этого бойкаго торговаго центра юга Россіи живо дали себя чувствовать и нашли себѣ прямое, открытое и непосредственное выраженіе въ дни погрома. Городъ былъ разграбленъ, частью сожженъ, и предоставленъ произволу хулигановъ и черносотенцевъ. Мрачное и тяжелое впечатлѣніе производили обгорѣлые остатки еще такъ недавно красивыхъ и оживленныхъ магазиновъ и зданій, жутко чувствовалось, особенно по вечерамъ, на безлюдныхъ и пустынныхъ улицахъ, оглашаемыхъ револьверными выстрѣлами распустившихся хулигановъ; въ широкихъ кругахъ городского населенія чувствовалась какая-то приниженность, придавленность и забитость. Было жутко и скверно...

Однако, политическая жизнь не замерла окончательно. Еще во время самаго погрома зародилась мысль объ организаціи вооруженной защиты противъ погромщиковъ и начала уже приводиться въ осуществленіе, отчасти въ боевыхъ дѣйствіяхъ еврейской самообороны, безпощадно разстрѣлянной казаками, отчасти въ спѣшной организаціи этого дѣла другими, прежде всего, соціалистическими, группами, энергично собиравшими средства исключительно

для этихъ боевыхъ цѣлей и спѣшно пріобрѣтавшихъ оружіе. Эта идея и въ средѣ нѣкоторой части состоятельныхъ классовъ нашла себѣ сочувствіе и поддержку, и отнюдь не одну только платоническую. Денежныя средства потекли довольно обильно, по сравненію съ обычными «пожертвованіями на партію», имѣвшими мѣсто въ до октябрьскій періодъ. За короткій, сравнительно, промежутокъ времени этотъ притокъ средствъ позволилъ сорганизовать с.-д-ской, с.-р-ской и пайлой-ціонистской организаціямъ объединенную боевую дружину, которая сыграла потомъ крупную роль въ исторіи дальнѣйшаго развитія ростовскихъ событій. Объединеніе это, впрочемъ, было только формальнымъ, фактически же каждая организація стремилась къ большей или меньшей обособленности и преслѣдовала, прежде всего, свои партійные интересы.

Основной ячейкой этого боевого коллектива былъ «десятокъ», составлявшійся обычно изъ лицъ одинаковыхъ партійныхъ взглядовъ и часто связанныхъ между собою извѣстными, число личными, отношеніями. Во главѣ десятка стоялъ «десятникъ», а совѣтъ десятниковъ выдѣлялъ изъ себя «начальника боевой дружины» въ предѣлахъ данной организаціи. Совѣтъ этихъ начальниковъ представлялъ собою центральную военную власть, которая должна была руководить организаціей всего военнаго дѣла и вообще вѣдать военную технику. Впослѣдствіи во время декабрьской забастовки былъ выбранъ главный начальникъ всей революціонной арміи, командовавшій всѣми боевыми дружинами единолично, и въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся военная власть. Въ средѣ дружинниковъ, несмотря на централистически-боевой характеръ ихъ организаціи, примѣнялся, однако, выборный демократическій принципъ; вновь составлявшіеся десятки зачастую сами выбирали себѣ десятника. Дружинники обучались стрѣльбѣ, военнымъ пріемамъ и т. п. Въ ихъ средѣ предполагалась самая безукоризненная организація, самая строгая дисциплина. Все это, впрочемъ, существовало скорѣе на словахъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Что касается размѣровъ дружины, то ко времени декабрьской забастовки она насчитывала въ своихъ рядахъ около 400 или 450 человѣкъ, которые распредѣлялись по организаціямъ приблизительно въ слѣдующемъ соотношеніи: с.-демократы насчитывали у себя отъ 20 до 25 десятковъ, с.-революціонеры отъ 6 или 7, столько же п.-ціонисты, да еще десятка 2 имѣла «студенческая», внѣ-партійная группа.

Вооруженіе этой разношерстной арміи такъ же было разнокалиберно, какъ и ея составъ. За невозможностью пріобрѣсти ружья, покупались исключительно револьверы, но самыхъ разнообразныхъ системъ. Тутъ были и столь извѣстные «браунинги», были и «баярды», «парабеллюмъ», «ноганы». револьверы и другихъ какихъ-то мудреныхъ системъ и, наконецъ, по-просту «бульдоги». Имѣлось даже два или три «маузера»—хорошихъ большихъ ре-

вольвера съ прикладами, но они принадлежали лишь нѣкоторымъ изъ наиболѣе прославившихся своими военными талантами десятниковъ и являлись знаками особаго отличія. Въ дѣлѣ пріобрѣтенія оружія главное вниманіе было обращено на браунинги, согласно упрочившейся за ними революціонной репутаціи, и это дало возможность поставщикамъ этого рода оружія поднять на нихъ цѣны до 40 и даже 60 рублей за штуку.

Закупленная партія револьверовъ распредѣлялась по организаціямъ, и распредѣленіе это происходило обычно далеко не безъ треній. Представители организацій предварительно довольно-таки долго торговались относительно количества оружія, которое изъ данной закупаемой партіи должно было поступить для той или иной дружины, а также и относительно его качества, и надо сказать, что далеко не всегда дѣло улаживалось вполнѣ дружелюбно. Желавшихъ вступить въ ряды дружинниковъ (и прежде всего получить револьверъ) была масса, и каждая организація естественно хотѣла такимъ путемъ завербовать себѣ новыхъ членовъ и увеличить свой удѣльный вѣсъ усиленіемъ своего вооруженнаго коллектива. Единая организація и единая центральная власть больше, такъ сказать, числились, чѣмъ имѣли мѣсто въ дѣйствительности. Каждый тянулъ въ свою сторону и отстаивалъ партійные интересы.

Столь же неблагополучно обстояли дѣла и въ предѣлахъ каждой дружины. Строгой организаціи не существовало, дисциплина стояла на весьма низкомъ уровнѣ, а успѣхи военной выучки и искусства стрѣльбы представлялись болѣе чѣмъ сомнительными. Въ средѣ дружинниковъ преобладала молодежь и молодежь зеленая; ей очень нравилось, и ея самолюбію очень льстило положеніе вооруженныхъ защитниковъ народной свободы, но сопряженныя съ этимъ положеніемъ обязанности ее тяготили; значительная часть дружинниковъ не являлась во-время на условленное мѣсто сбора, предпочитая пойти на какое-нибудь интересное собраніе или митингъ послушать того или иного оратора, игнорировали и другія болѣе прямыя распоряженія своего ближайшаго начальства, которое, въ свою очередь, на всѣ эти отступленія смотрѣло сквозь пальцы. Въ особенности всѣ эти обстоятельства обнаруживались на такъ называемыхъ смотрахъ, которые устраивались въ цѣляхъ взаимнаго контроля составлявшихъ всю революціонную армію организацій. Въ опредѣленный день объявлялась «тревога»; всѣмъ десятникамъ давался приказъ прибыть со своими десятками на такія-то и такія-то квартиры и находиться тамъ въ полной, такъ сказать, боевой готовности. Квартиры давали охотно многіе либерально-настроенные обыватели, тѣмъ болѣе, что смотры обыкновенно назначались въ тѣ дни, когда, по слухамъ, предстояли новые погромы, и присутствіе десятка или двухъ вооруженныхъ людей уже само по себѣ дѣйствовало на нервы успокоительно.

Не обходилось при этомъ и безъ скандаловъ; такъ, напримѣръ,

въ одинъ изъ такихъ ревизіонныхъ дней какой-то десятокъ прибылъ на мѣсто своего назначенія въ такомъ немилосердно-пьяномъ видѣ, что хозяева перепугались не на шутку; немедленно заработалъ телефонъ, вызвали кого знали изъ партійныхъ руководителей, и послѣднимъ съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, уговорить буяновъ оставить хозяевъ въ покоѣ и очистить квартиру. Смотры эти происходили раза 2 или 3, но кончались всегда плачевно. Партійные ревизоры, посѣтивъ три-четыре квартиры, приходили въ ужасъ отъ царившаго въ организаціяхъ дружинниковъ безпорядка и спѣшили воспользоваться первымъ подходящимъ предлогомъ, чтобы прекратить всю эту грустную процедуру и предоставить будущему внести извѣстныя поправки въ дѣло, не получившее еще пока на практикѣ никакого серьезнаго значенія.

Существовали, впрочемъ, еще въ средѣ такъ называемыхъ либераловъ проекты организаціи болѣе солидной и болѣе дѣлового характера «городской стражи», которую они думали создать на совершенно легальной почвѣ и даже, такъ сказать, съ дозволенія начальства; однако, какъ и слѣдовало ожидать, ничего изъ этихъ проектовъ не вышло.

II.

Между тѣмъ, работа чисто-партійная, агитаціонная и пропагандистская шла своимъ чередомъ и принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Колеблющаяся и неопредѣленная политика кабинета Витте, не умѣвшаго установить точныхъ и опредѣленныхъ границъ дозволеннаго и запрещеннаго, создавала особенныя, въ высшей степени своеобразныя, условія политической жизни и давала возможность революціонному движенію принимать все новыя и новыя и все болѣе и болѣе прихотливыя и затѣйливыя формы. Общественное возбужденіе, подъ вліяніемъ этой колеблющейся и измѣнчивой политики, не только не прекращалось, но, пользуясь замѣшательствомъ и растерянностью администраціи, возрастало и усиливалось. Соціалистическія партіи стали понемногу покидать столь надоѣвшее имъ уже подполье, стремились всячески расширить русло полу-легальнаго рабочаго движенія и устремлялись съ пропагандой своего міровоззрѣнія въ самую гущу народныхъ массъ. Сначала несмѣло и съ извѣстными предосторожностями, затѣмъ все въ болѣе и болѣе крупныхъ размѣрахъ начали устраиваться многолюдныя народныя собранія, или, какъ ихъ у насъ окрестили, митинги. Извѣстные лишь на организаціонныхъ собраніяхъ, въ лучшемъ случаѣ на малолюдныхъ сравнительно массовкахъ, партійные вожди выступили теперь передъ широкими народными массами и десятками и сотнями вербовали себѣ новыхъ сторонниковъ.

Преобладающее и даже исключительное положеніе занимали въ

Ростовѣ соц.-демократы меньшевистскаго толка. Утвердившись уже давно и притомъ довольно прочно въ этомъ городѣ, они сумѣли проникнуть во всѣ слои населенія и прежде всего въ его рабочіе классы и этимъ обезпечили себѣ руководство дальнѣйшими событіями. По примѣру петербургскихъ соціалистическихъ организацій они поспѣшили сорганизовать въ Ростовѣ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, чтобы создать болѣе прочныя связи между собою и рабочимъ населеніемъ. Депутаты рабочихъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ громадномъ большинствѣ оказались соціалъ-демократами же. Небольшая численно и слишкомъ поздно сравнительно съ с.-д-ами организовавшаяся группа соціалистовъ-революціонеровъ (не имѣвшая, къ тому же, почти до самой декабрьской забастовки надлежащей санкціи отъ Центральнаго Комитета с.-р. партіи) не располагала прочными и широкими связями въ рабочемъ Ростовѣ и не могла поэтому расчитывать на болѣе или менѣе широкое представительство интересовъ въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ. Двое или трое изъ ея членовъ, избранныхъ депутатами, совершенно терялись въ громадной массѣ с.-д. представителей; не обладая, къ тому же, какими-нибудь незаурядными и исключительными талантами, а являясь самыми простыми и заурядными рабочими—«членами партіи», они не могли настойчиво отстаивать с.-р. точку зрѣнія и проводить строго партійные взгляды. Ростовскій С. Р. Д. съ самаго начала опредѣлился, какъ филіальное отдѣленіе Донского Комитета с.-д. партіи, и явился его послушнымъ орудіемъ.

Какъ бы тамъ ни было, вновь возникшій парламентъ скоро не только завоевалъ симпатіи самыхъ широкихъ слоевъ населенія, но и явился нѣкоторой своего рода судебной и административной инстанціей. На фонѣ всеобщей сумятицы и растерянности, новое учрежденіе, своими первыми шагами зарекомендовавшее себя въ смыслѣ преданности рабочимъ интересамъ, а также и внѣшней дѣловитости, сумѣло внушить широкимъ массамъ населенія представленіе о своей силѣ и своихъ административныхъ способностяхъ. Хотя засѣданія Совѣта были публичны, и почти всѣ дѣла рѣшались на общемъ собраніи, однако, подготовка всѣхъ подлежащихъ рѣшенію вопросовъ и установленіе «порядка дня» производилось исполнительной комиссіей С. Р. Д., что обусловливало извѣстную планомѣрность занятій Совѣта, а также и ихъ направленіе. Большая часть работы естественно падала на исполнительную комиссію, на обязанности которой, помимо указаннаго, лежала еще организація митинговъ и агитаціоннаго, и пропагандистскаго характера, а также разсмотрѣніе жалобъ, прошеній о помощи и защитѣ и т. п., исходившихъ отъ самыхъ различныхъ слоевъ населенія. Изъ дѣятельности Совѣта слѣдуетъ отмѣтить сорганизованную имъ двухъдневную стачку-демонстрацію, которая должна была явиться выраженіемъ протеста противъ избіенія казаками работницъ фабрики Асмолова. Стачка эта, проведенная успѣшно, была использована

партійными ораторами, какъ наглядное доказательство солидарности и силы рабочаго класса, и это еще болѣе упрочило вліяніе Совѣта и укрѣпило его авторитетъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, ораторы, митинги, дѣятельность партійныхъ организацій—таково было главное содержаніе ростовской обывательской жизни за это время, въ особенности въ рабочихъ кварталахъ. Особенно чувствовалось это въ праздники. Часовъ съ 10-ти утра начиналось усиленное движеніе къ различнымъ пунктамъ города, гдѣ были назначены митинги. Трамваи были переполнены, масса народа шла пѣшкомъ; многіе брали даже извозчиковъ. Всякій спѣшилъ заблаговременно занять мѣстечко поудобнѣе, гдѣ лучше было видно и слышно. Митинги эти посѣщались, между прочимъ, не одними только рабочими и вообще городской бѣднотою, но и представителями болѣе состоятельныхъ классовъ населенія. Не говоря уже объ учащейся молодежи, съ головой окунувшейся въ эту новую и столь заманчивую для нея атмосферу политическаго краснорѣчія, люди солидные по возрасту и съ солиднымъ общественнымъ положеніемъ тоже приходили иногда въ столовую мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги посмотрѣть всю эту необычную, фееріческую, такъ сказать, для русскаго человѣка обстановку политическаго митинга и послушать ораторовъ, «раздѣлывающихъ подъ орѣхъ» и центральное правительство, и мѣстную администрацію. Съ 11-го часу во дворѣ столовой мастерскихъ и въ самомъ помѣщеніи начиналась толчея и непрерывный потокъ всякаго рода публики. Одни приходили, другіе уходили; кто шелъ обѣдать, кто спѣшилъ на другой митингъ, гдѣ, по слухамъ, должны были «срѣзаться» с.-д-ты съ с.-р-ами, кто просто переходилъ изъ одной группы въ другую, прислушиваясь къ разговорамъ и толкамъ по поводу общаго политическаго положенія или только что произнесенныхъ рѣчей.

Тутъ же засѣдала Исполнительная Коммиссія С. Р. Д., совѣщались партійные люди, давались распоряженія начальниками боевыхъ дружинъ, на обязанности которыхъ, кстати сказать, лежало «охранять» эти митинги. Тутъ же бойко торговали газетчики мѣстными и столичными газетами, устраивались особые столики для продажи партійной литературы, раздавались листки и прокламаціи. Смѣхъ, шутки, колкія замѣчанія, отрывочные дѣловые разговоры и ожесточенныя программныя препирательства такъ и висѣли въ воздухѣ и создавали особую возбуждающую сутолоку среди тѣснившейся во дворѣ публики.

А въ самомъ зданіи шелъ митингъ. На эстрадѣ (столовая служила въ то же время и театромъ) на самомъ видномъ мѣстѣ располагался президіумъ, избиравшійся обычно изъ состава Исполнительной Комиссіи и руководившій собраніемъ; далѣе помѣщались рабочіе депутаты и представители партій, а также болѣе или менѣе значительное количество наиболѣе предпріимчивой публики,

которой, несмотря на всѣ запретительныя мѣры, удавалось проникнуть къ самому, такъ сказать, источнику ростовской революціи, къ руководителямъ движенія. Но это были немногіе счастливцы, главнымъ образомъ, такъ называемая «чистая публика», проникавшая «по знакомству», «по протекціи»,—огромное большинство тѣснилось въ самой залѣ, хотя и довольно значительной по своимъ размѣрамъ, но обычно биткомъ набитой народомъ. Было душно, тѣсно и довольно шумно, благодаря непрерывающемуся, то прибывающему, то убывающему людскому потоку. Слушали съ перемѣннымъ вниманіемъ; то огромная, чуть ли не десятитысячная, толпа совершенно замирала, и въ этой чуткой, напряженной тишинѣ отчетливо звенѣлъ голосъ оратора, рѣзко отчеканивавшаго каждое слово, то поднимался невообразимый шумъ, совершенно не позволявшій уловить даже отдѣльныя слова. Особымъ успѣхомъ пользовались ораторы такъ называемаго митинговаго типа, въ изобиліи уснащавшіе свои рѣчи всевозможными фигурами восклицанія, вопрошенія и удивленія. Очень приходились по вкусу публики ораторскіе пріемы французскаго краснорѣчія, вплоть до пѣвучаго растягиванія окончаній фразъ и рѣзкихъ перемѣнъ голоса при повышеніяхъ и пониженіяхъ. Очень приняты были также обращенія къ публикѣ и привлеченіе ея къ болѣе активному выраженію своихъ мнѣній и чувствъ во время самой рѣчи.

— Такъ ли я говорю, товарищи,—обращался отъ времени до времени какой нибудь демагогъ-агитаторъ въ особенно патетическихъ мѣстахъ своей рѣчи,—правильно-ли?!

— Правильно!! Вѣрно!!!—неслись голоса со всѣхъ концовъ залы, и воодушевленіе публики доходило до высшихъ предѣловъ.

— Ну и отдѣлалъ,—говорилъ какой-нибудь степенный и пожилой уже рабочій послѣ особо хлесткой и ядовитой рѣчи по адресу правительства, прокладывая себѣ дорогу къ выходу. — Ни одного живого мѣста не оставилъ. Все, значитъ, на чистоту.

— Отбрилъ, одно слово,—резюмировалъ его собесѣдникъ, тоже рабочій, или мелкій торговецъ, отправлявшійся теперь съ нимъ въ ближайшій трактирчикъ подзакусить и пропустить по маленькой, а главное—побесѣдовать насчетъ политики.

Соціалистическіе ораторы пользовались колоссальнымъ успѣхомъ. Даже наиболѣе солидные и степенные старики-рабочіе, успѣвшіе обзавестись и домкомъ и отложить «деньжонокъ тамъ малую толику» на черный день, еще вчера журившіе и распекавшіе молодежь за своевольство и непочтеніе, теперь аккуратно, точно церковную службу, посѣщали собранія, организуемыя соціалистами, и выражали имъ всячески свое сочувствіе.

— Такъ что, Митюха, запиши меня, стало быть, у партію,—послѣ долгихъ колебаній и размышленій говорилъ одинъ изъ такихъ вновь обращенныхъ какому-нибудь «представителю кружка», чуть не на 3 десятка лѣтъ моложе его, но игравшему уже видную

роль въ организаціи.—Правильно это говорили на митингѣ: каждый чтобы за всѣхъ и всѣ за одного; чтобы, значитъ, по силѣ возможности...

На «партіи» и ихъ всемогущество возлагались надежды рѣшительно во всѣхъ слояхъ населенія. Партійныхъ руководителей и, особенно, «ораторовъ» старались всячески залучить, чтобы освѣдомиться объ ихъ взглядахъ на самые различные вопросы, а главное, узнать ихъ мнѣніе по поводу возможнаго характера будущихъ событій и тутъ же, кстати, изложить и свои соображенія по этому поводу и дать нѣкоторые совѣты и указанія.

— Я, знаете, прямо говорю, что я—«буржуй»,—разсыпался мелкимъ бѣсомъ передъ «представителемъ партіи» какой-нибудь дипломированный владѣлецъ технической конторы, дававшей ему весьма солидные доходы.—Я, конечно, въ принципѣ ничего не имѣю противъ соціализма, но согласитесь, что ввести его въ настоящее время совершенно не мыслимо. Вѣдь всѣ направленныя къ этому попытки заранѣе осуждены на неудачу, а между тѣмъ мы — всѣ мало-мальски состоятельные люди — рискуемъ и, замѣтьте, безъ всякаго толка и смысла своимъ имуществомъ и положеніемъ. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, каковы въ этомъ смыслѣ намѣренія вашей партіи, и какъ вообще вы смотрите на будущее? Будетъ ли, напримѣръ, погромъ или не будетъ, и не посовѣтуете ли вы мнѣ заблаговременно отправить семью за-границу?..

— Что я вамъ хотѣлъ сказать,—настигалъ «оратора» его квартирохозяинъ, въ то время, какъ тотъ собирался благополучно улизнуть незамѣченнымъ, — что я вамъ хотѣлъ сказать! Прошу васъ въ гостинную. Сидите, пожалуйста. Ну, какъ? Что у васъ слышно? Какіе есть слухи насчетъ погрома? Знаете, съ тѣхъ поръ, какъ разгромили мою лавку на Старомъ Базарѣ, я совсѣмъ потерялъ голову. Какъ вы мнѣ скажете, открывать мнѣ дѣло наново, или подождать? Вы же больше меня знаете. Вы бываете на собраніяхъ. Вамъ все извѣстно.

Рабочіе и молодежь осаждали больше съ теоретическими вопросами.

— Слушайте, товарищъ, у насъ сегодня обсужденіе программы; пришлите кого-нибудь изъ с.-ровъ, чтобы они объяснили свою программу, а то наши говорятъ все, что ихъ партія не рабочая, а почему—мы не знаемъ.

Впрочемъ, въ широкихъ массахъ господствовало недоброжелательное отношеніе къ партійной розни и партійнымъ разногласіямъ; зачастую приходилось выслушивать обвиненія по адресу интеллигенціи въ расколѣ и враждѣ, вносимыхъ въ среду рабочихъ различными программами и подогрѣваемыхъ партійнымъ соперничествомъ.

— Все интеллигенція орудуетъ,—говорили рабочіе.—Каждый по-своему командовать норовитъ. А какая тутъ можетъ быть раз-

ница, когда дѣло у насъ, у рабочихъ, общее, и всѣ мы къ одному идемъ. Значитъ, и партія рабочая должна быть одна. Пусть себѣ интеллигенція ссорится, а мы, рабочіе, свою линію вести будемъ.

Соціалистическая пропаганда, повторяю, дѣлала колоссальные успѣхи среди населенія. Все шире и шире становился кругъ приверженцевъ соціалистическихъ идей, все смѣлѣй и рѣшительнѣе становились дѣйствія людей партіи и непримиримѣе и революціоннѣе ихъ позиція по отношенію къ правительству. Администрація, между тѣмъ, бездѣйствовала. Темныя силы реакціи какъ-то притаились, спрятались куда-то и, видимо, выжидали. Митинги проходили безпрепятственно; пропаганда самыхъ крайнихъ воззрѣній не встрѣчала никакого со стороны власти противодѣйствія, партіи почти совершенно легализировались, и даже боевыя дружины тяготились обязательными еще для нихъ условіями конспираціи и считались съ ними все меньше и меньше. Казалось, господство рабочихъ и соціалистовъ было полное, да и сами они, какъ будто, стремились увѣрить въ этомъ себя и другихъ, постоянно отмѣчая свои «побѣды».

Однако, ни у кого вмѣстѣ съ тѣмъ не было твердой увѣренности въ прочности всѣхъ этихъ побѣдъ и завоеваній. Стоило, напримѣръ, на какомъ-нибудь изъ митинговъ появиться слухамъ о казакахъ и полиціи, настроеніе тотчасъ же падало, замѣчалось извѣстное смятеніе въ публикѣ, и скоро аудиторія значительно пустѣла.

Всѣ жили въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи и нетерпѣливо ожидали развязки. Что эта развязка въ ту или иную сторону должна была наступить, въ этомъ врядъ-ли кто сомнѣвался, да и поводовъ для нея было слишкомъ достаточно. Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляли прежде всего вѣсти изъ столицъ, главнымъ образомъ, изъ Петербурга, гдѣ узелъ событій сплетался все причудливѣе и затягивался все туже и туже, а затѣмъ и чисто мѣстная ситуація. Чрезвычайно рѣзкій характеръ соціалистической пропаганды и агитаціи и революціонный образъ дѣйствій рабочаго парламента, выражавшійся въ рѣшительномъ и откровенномъ игнорированіи «законныхъ властей», съ одной стороны, съ другой — полная боевая готовность послѣднихъ, въ распоряженіи которыхъ оставалось еще огромное количество средствъ истребленія и организованная военная сила и, наконецъ, наличность, хотя и сузившей свои размѣры, но все не прерывавшейся черносотенной агитаціи, въ связи съ только что пережитымъ ужаснымъ погромомъ, — все это заставляло ожидать чего-то неизбѣжнаго и неотвратимаго, чего-то грознаго и ужаснаго, что должно было коренным образомъ измѣнить положеніе и обезпечить той или другой сторонѣ болѣе прочную и болѣе устойчивую позицію.

III.

Это новое и страшное наступило скорѣе, чѣмъ можно было предполагать. Уже вечеромъ 7-го декабря распространились по городу слухи объ объявленіи всеобщей забастовки въ столицахъ, и никто не сомнѣвался въ томъ, что ростовскія организаціи присоединятся къ этому лозунгу и сумѣютъ провести практически эту идею. И дѣйствительно, въ тотъ же день къ 12-ти часамъ ночи было пріостановлено желѣзнодорожное движеніе по всѣмъ линіямъ, перекрещивающимся въ Ростовѣ. Такъ же легко и быстро, благодаря, главнымъ образомъ, авторитету Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, прошли забастовки на фабрикахъ и заводахъ, и приблизительно числу къ 10-му въ Ростовѣ замерла всякая торговая и промышленная жизнь. Торговали лишь мелкія лавочки необходимыми для первыхъ потребностей продуктами, а работали лишь газъ и водопроводъ, и то лишь благодаря постановленію С. Р. Д.

Ежедневно организовывались многочисленные и многолюдные митинги. Настроеніе населенія было какое-то особенное, торжественное и даже праздничное. Соціалистамъ вѣрили, всячески полагались на нихъ и подчинялись ихъ руководительству. Можно безъ преувеличенія сказать, что весь народъ жилъ одной мыслью, одной надеждой: окончательно разрушить уцѣлѣвшія еще укрѣпленія стараго режима и устроить жизнь наново, на разумныхъ и справедливыхъ началахъ. Руководители забастовочнаго движенія всячески заботились о поддержаніи этого настроенія и упроченіи увѣренности въ своихъ силахъ. Въ этомъ отношеніи козыремъ въ ихъ рукахъ явилось слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ объявленія забастовки, 8-го или 9 го декабря, были произведены аресты среди руководителей движенія. Собравшійся на другой день митингъ отправилъ депутацію къ градоначальнику требовать освобожденія арестованныхъ товарищей. Исправлявшій тогда должность градоначальника, начальникъ порта фонъ-деръ-Вейде, человѣкъ довольно мягкій, уступилъ настояніямъ делегатовъ и далъ приказъ объ освобожденіи арестованныхъ. Этотъ фактъ всячески комментировался потомъ ораторами, какъ доказательство силы «революціоннаго народа» и какъ показатель степени перепуганности начальства, которое готово идти на уступки, готово спасовать передъ мощью и натискомъ революціи. При этомъ, однако, тщательно затушевывалось то обстоятельство, что градоначальникомъ не были возвращены, во-первыхъ, деньги, восемьсотъ съ лишнимъ рублей, принадлежавшія С. Р. Д., а затѣмъ одинъ изъ арестованныхъ, членъ с.-р-ской организаціи, Н. А. Романовъ *).

*) Н. М. Авдѣевъ, какъ послѣ онъ самъ обнаружилъ свою настоящую фамилію.

Нельзя было, впрочемъ, отрицать силы за забастовочнымъ движеніемъ и главнымъ его руководителемъ, С. Р. Д., но сила эта была исключительно *моральнаго* характера, сила общественнаго мнѣнія, всецѣло становившагося на сторону революціи. Никакихъ дѣйствій, направленныхъ къ организаціи силы *матеріальной*, не предпринималось, и никакихъ активныхъ выступленій не имѣлось въ виду. Боевыя дружины ставили себѣ цѣлью исключительно лишь оборонительныя дѣйствія, въ случаѣ еврейскаго погрома или нападенія казаковъ на митинги. Ораторы всячески стремились подчеркнуть *мирный* характеръ стачечнаго движенія и постоянно заявляли, что всякаго рода попытки вооруженныхъ столкновеній съ властями будутъ разсматриваться ими, какъ провокаціонные акты.

Митинги, между тѣмъ, происходили ежедневно. Ораторы касались самыхъ разнообразныхъ темъ, разсматривали вопросы самаго различнаго свойства. Очень много говорилось о значеніи всеобщей политической забастовки, о дисциплинѣ пролетаріата и его силѣ и т. п. Въ качествѣ политическаго лозунга выдвигалось требованіе всенароднаго учредительнаго собранія, а какъ наилучшая форма будущаго государственнаго устройства—рекомендовалась демократическая республика. Однако, такого рода рѣчи не всегда производили ожидавшееся ораторами впечатлѣніе. Извѣстная часть публики протестовала противъ этихъ крайнихъ, по ея мнѣнію, требованій и выражала свое недовольство.

— На счетъ свободы мы согласны,—говорилъ, напримѣръ, одинъ изъ рабочихъ асмоловской фабрики,—а вотъ чтобы Бога и царя не смѣли трогать...

Такого рода взгляды объяснялись обыкновенно происками черносотенцевъ, но это, во всякомъ случаѣ, было черезчуръ ужъ упрощеннымъ толкованіемъ, дававшимъ ложное представленіе о самомъ явленіи. Замѣтно было временами также недовольство и постоянными призывами къ мирному проведенію забастовки.

— Рѣчи эти мы давно слыхали,—говорили недовольные,—а что будемъ дѣлать, какъ казаковъ пригонятъ? Съ голыми руками, что ли, пойдемъ?!.

Недовольство это, впрочемъ, открыто себя не проявляло, а находило исходъ въ частныхъ бесѣдахъ и разговорахъ.

Это тяжелое и напряженное положеніе продолжалось, однако, не долго. Посовѣтовавшись съ «отцами города» и получивъ ихъ полное одобреніе и сочувствіе, мѣстная администрація предприняла рядъ рѣшительныхъ мѣръ. Уже вечеромъ 11-го декабря Ростовъ былъ объявленъ на положеніи чрезвычайной охраны, а 12-го по городу демонстрировали казаки и артиллерія, полиція занимала всюду угрожающую позицію, и уже начинались аресты и неизбѣжныя при этомъ избіенія. И хотя на Темерникѣ въ столовой мастерскихъ еще возможны были засѣданія С. Р. Д. и митинги,

но было слишкомъ ясно, что и безъ всякой «провокаціи», при ультра-мирномъ характерѣ забастовки, администрація не преминетъ уничтожить этотъ оплотъ стачечнаго движенія. Вечеромъ 12-го декабря происходило совѣщаніе всѣхъ революціонныхъ организацій. Громаднымъ большинствомъ голосовъ рѣшено было остаться при старой, исключительно оборонительной тактикѣ: охранять митинги отъ казаковъ и хулигановъ. Всякія «активныя выступленія» были принципіально отвергнуты...

Однако, ростовской администраціи удалось измѣнить эти рѣшенія. Съ 13-го декабря были открыты «правильныя военныя дѣйствія» противъ «мятежниковъ». Около 2-хъ или 3-хъ часовъ дня послышались звуки орудійныхъ выстрѣловъ; начался обстрѣлъ Темерницкаго поселенія, гдѣ находилась столовая мастерскихъ В. ж. д. и которое вообще считалось главнымъ гнѣздомъ революціонеровъ и очагомъ возникшаго движенія. Казаки обложили кольцомъ вокзалъ, за которымъ начиналось поселеніе, и заняли всѣ улицы, шедшія по направленію къ Темернику, не пропуская никого ни туда, ни оттуда. Отчетливые и тяжелые звуки пушечныхъ залповъ перемѣшались съ сухой трескотнею ружейныхъ выстрѣловъ. Городъ сразу опустѣлъ, точно вымеръ. На слѣдующій день, послѣ новой бомбардировки (нанесшей революціонерамъ, какъ и первая, нѣкоторый уронъ, въ виду того, что они даже въ условіяхъ обстрѣла продолжали еще собирать митинги) казаки предприняли аттаку на Темерникъ, стараясь проникнуть туда по дорогѣ, непосредственно идущей изъ города. Однако, попытка ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. Боевыя дружины волей-неволей, уже помимо всяческихъ принципіальныхъ соображеній, а въ интересахъ простого самосохраненія должны были и съ своей стороны открыть военныя дѣйствія. Представляя собою весьма плачевную и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи армію, дружинники сумѣли, однако, внушить казакамъ чуть ли не паническій страхъ, въ особенности, послѣ того, какъ со стороны революціонеровъ въ нихъ была брошена бомба. Аттака была отражена: казаки отступили, оставивъ даже одного плѣннаго.

Этотъ фактъ необычайно поднялъ престижъ революціонеровъ въ глазахъ населенія. Но положеніе создавалось трудное. Приходилось подумать о боевыхъ средствахъ; они были крайне слабы. Револьверы даже самыхъ лучшихъ системъ были, конечно, слишкомъ несовершѣннымъ оружіемъ въ сравненіи съ казацкими трехлинейками и пушечными снарядами. Что касается бомбъ, то, представляя изъ себя страшное смертоносное оружіе на близкомъ разстояніи, при отдаленности противника онѣ теряли всякое практическое значеніе. Всѣ усилія дружинниковъ были поэтому направлены на пріобрѣтеніе ружей, главнымъ образомъ, винтовокъ. Еще наканунѣ группою частныхъ лицъ, по ихъ собственной иниціативѣ, были разоружены нѣкоторые городовые и жандармы. Когда же положеніе

вполнѣ опредѣлилось, эти задачи выполнялись уже всею военной организаціей. Однако было уже слишкомъ поздно: два враждующіе лагеря уже рѣзко отдѣлились другъ отъ друга и провели нѣкоторую пограничную черту, переступать которую и для тѣхъ и для другихъ было въ высшей степени опасно, и если дружинники въ итогѣ насчитывали 2 или 3 десятка ружей, то это было очень снисходительное исчисленіе.

IV.

Между тѣмъ, въ городѣ относительно положенія дѣлъ на Темерникѣ ходили самые различные и зачастую самые фантастическіе слухи. Говорили, что революціонеры имѣютъ подъ руками всѣ военныя средства самаго лучшаго качества, что въ ихъ распоряженіи имѣются даже одна или 2 пушки, изъ которыхъ они отвѣчаютъ на орудійный обстрѣлъ со стороны артиллеріи и казаковъ, что ожидаются, наконецъ, значительныя подкрѣпленія изъ Екатеринодара и Новороссійска уже спеціально военныхъ людей, перешедшихъ на сторону революціи, что въ Москвѣ и въ Харьковѣ правительственныя войска уже разбиты, и революціонеры являются теперь господами положенія. Революціонная армія въ представленіи простодушнаго обывателя рисовалась какой-то «непобѣдимой армадой», которой не страшны никакія препятствія на пути ея побѣдоноснаго шествія. Даже люди болѣе дальновидные и точнѣе освѣдомленные о положеніи дѣлъ невольно поддавались этимъ иллюзіямъ и представляли себѣ будущее въ болѣе розовомъ свѣтѣ, чѣмъ этого можно было ожидать на основаніи предшествовавшихъ фактовъ. Къ тому, же и мѣстныя власти какъ-то вдругъ сразу прекратили наступательныя дѣйствія.

Дня 3 или 4 длилось это неопредѣленное положеніе. Надзоръ за это время ослабъ, и для дружинниковъ явилась возможность поддерживать болѣе тѣсныя и болѣе близкія сношенія съ городомъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась извѣстная часть Темерницкихъ жителей, чтобы покинуть революціонный лагерь и, такимъ образомъ, снять съ себя на будущее время подозрѣнія въ участіи въ революціонной арміи или въ пособничествѣ ей. Съ другой стороны, возникъ и обратный токъ: многіе спѣшили на Темерникъ, кто изъ чувства долга, кто изъ любопытства, а кто просто «такъ», безъ всякаго опредѣленнаго стимула, только потому что туда шли «другіе». Къ этому времени удалось проникнуть туда и автору этого очерка.

Въ сопровожденіи одного знакомаго мнѣ дружинника (десятника), я благополучно миновалъ казачій дозоръ и, осторожно скрываясь за домами и откосами причудливо спускавшихся къ вокзалу улицъ и тропинокъ, подошелъ къ самому полотну желѣзной дороги

— Ну, теперь мы—въ безопасности,—сказалъ мнѣ мой проводникъ, когда мы прошли немного далѣе. — Вотъ уже наши аванпосты.

И дѣйствительно, скоро показалась намъ навстрѣчу фигура съ револьверомъ въ рукахъ, довольно сурово насъ окликнувшая:

— Кто идетъ?

— Свои!—отвѣчалъ мой провожатый такимъ же отрывистымъ и свирѣпымъ тономъ, точно имѣлъ намѣреніе здорово поругаться.

— Пароль?!...

Какъ я узналъ послѣ, мой проводникъ и встрѣтившійся намъ дружинникъ были великолѣпно знакомы, и весь этотъ ритуалъ продѣлывался, во-первыхъ, ради самого, такъ сказать, ритуала, а главное—для меня, человѣка новаго, которому сразу надо было внушить надлежащее представленіе о мѣстныхъ строгостяхъ. Обмѣнявшись паролями, мы тронулись дальше. Черезъ 10—15 минутъ мы были уже въ самомъ центрѣ поселенія, и я могъ видѣть лагерную жизнь революціонной арміи во всей ея непосредственности.

Контрастъ по сравненію съ городомъ представлялся очень рѣзкимъ. Тамъ было прямо-таки страшно даже днемъ выйти изъ дома. То тамъ, то здѣсь гремѣли ружейные выстрѣлы, и вдоль улицъ, жалобно свистя, проносились пули. Почти повсюду на углахъ стояли патрули и, при приближеніи прохожихъ, кричали имъ «руки вверхъ» и направляли на нихъ винтовки. Совершенно иную картину представляло собою Темерницкое поселеніе. Улицы были оживлены, жители чувствовали себя въ совершенной безопасности и, взвинченные событіями, собирались кучками и оживленно бесѣдовали, обмѣниваясь новостями и комментируя создавшееся положеніе; мѣстами толпились дружинники, вооруженные самымъ разнокалибернымъ и разносортнымъ оружіемъ. Изрѣдка проѣзжалъ на какомъ-нибудь россинантѣ самаго недвусмысленнаго водовознаго происхожденія десятникъ, съ привѣшенной сбоку шашкой, еще вчера благополучно украшавшей жандарма или городового, и довольно строго посматривалъ на публику.

Между тѣмъ, начало уже смеркаться; созывали на «сборъ». Гдѣ-то по близости зазвонили въ колоколъ или набатъ, при чемъ казалось, что били палкой въ разбитую сковороду. Вся революціонная армія стекалась къ опредѣленному пункту, чтобы представить рапорты главнокомандующему черезъ своихъ ближайшихъ начальниковъ и получить распоряженія на завтрашній день. Въ общемъ это былъ порядочный таки сбродъ. Вооруженные, кто чѣмъ попало, въ большинствѣ случаевъ эффектно выставляя на показъ свое оружіе, одѣтые, къ тому же, въ самые разнообразные и весьма сомнительные по своей прочности и по изяществу костюмы, при всей малочисленности своей не будучи въ состояніи соблюсти даже самый элементарный порядокъ и дисциплину, дружинники живо иллюстрировали собою всю безпорядоч-

ность и недисциплинированность на спѣхъ сорганизовавшагося революціоннаго движенія, всю его практическую слабость и безпомощность. Главнокомандующій, маленькій сухенькій человѣчекъ съ поблескивавшими изъ-подъ очковъ глазами, хорошо сознававшій, повидимому, всѣ недостатки своей арміи и потому находившійся въ состояніи хроническаго раздраженія, сердито выкрикивалъ приказанія усиленно грубымъ и громкимъ голосомъ. Такими же внѣшне грубыми и суровыми старались быть и десятники въ обращеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ. Чувствовался особый солдатскій духъ, неизбѣжно создавшійся условіями лагерной жизни.

Весь церемоніалъ сбора закончился очень быстро. Все дѣло заключалось въ передачѣ паролей и назначеніи патрулей на ночь. Темерницкое поселеніе, со времени схватки съ казаками, было объявлено дружинниками на военномъ положеніи. Постоянно по улицамъ расхаживали и даже разъѣзжали патрульные; на ночь назначались усиленные караулы; послѣ 8-ми часовъ вечера запрещено было выходить на улицу, и дружинники задерживали всѣхъ, не знавшихъ пароля. Эти строгости, впрочемъ, мало мѣшали довольно оживленному движенію, продолжавшемуся до 10-го и до 11-го часа.

У меня не было знакомыхъ на Темерникѣ, и потому приходилось хлопотать насчетъ ночлега. Пришлось устроиться въ эту ночь вмѣстѣ съ десяткомъ моего проводника, который предложилъ эту комбинацію за неимѣніемъ лучшаго, предупреждая меня, что ночь я проведу очень скверно. Я былъ даже доволенъ такого рода исходомъ, потому что хотѣлъ ознакомиться съ условіями лагерной жизни дружинниковъ возможно ближе.

Когда мы явились на квартиру, десятокъ приступалъ уже къ ужину. На столѣ кипѣлъ самоваръ, лежали на клочкахъ газетной бумаги колбаса, хлѣбъ, огурцы и еще какіе то продукты, истреблявшіеся довольно быстро и, видимо, съ удовольствіемъ. Въ комнатѣ было душно и отъ количества людей («десятокъ» насчитывалъ въ своемъ составѣ 15—20 человѣкъ) и отъ табачнаго дыма, волнами носившагося въ воздухѣ. Впечатлѣніе отъ присутствующихъ сразу получалось пріятное: люди держались по отношенію другъ къ другу просто и вполнѣ по-товарищески. Часто шутили надъ кѣмъ-нибудь, но вполнѣ добродушно, такъ что никто не обижался и не чувствовалъ себя плохо въ этой компаніи. Разговоры касались больше разныхъ мелкихъ событій дня или чисто хозяйственныхъ вопросовъ; о будущемъ старались говорить поменьше, а если и говорили, то исключительно въ оптимистическомъ духѣ.

— Сегодня опять жандарма разоружили,—сообщалъ паренекъ лѣтъ 17, весьма воинственной наружности. — И знаешь кто? Дантонъ и Кацыкъ *). Идутъ это они по линіи... и затѣмъ слѣдовали

*) Каждый дружинникъ носилъ опредѣленную кличку—«псевдонимъ».

подробности, болѣе или менѣе сомнительныя въ своей достовѣрности.

— Да, кабы у него трехлинейку забрали, а то селедокъ-то этихъ у насъ и такъ достаточно. Только онѣ ни къ чему,—говорилъ одинъ изъ слушателей.—Будь у насъ побольше этихъ самыхъ винтовочекъ мы-бъ доказали этимъ казачишкамъ. Долго бы они насъ помнили!

— А что я тебѣ скажу,—вмѣшивался еще дружинникъ,—даже и теперь мы верхъ возьмемъ, ежели, положимъ, хорошую вылазку сдѣлать. Ты смотри: казаки теперь напуганы—это разъ, затѣмъ...—И дальше шли самыя серьезныя соображенія о захватѣ города. Проектировалась какая-нибудь безумная затѣя, имѣвшая въ виду застать непріятеля врасплохъ, захватить оружіе и боевые припасы и т. п. Недостатокъ боевыхъ средствъ слишкомъ сильно давалъ себя чувствовать, и всѣ мысли неизбѣжно направлялись въ эту именно сторону.

— Надо бы раньше не зѣвать,—говорили нѣкоторые: — а то одни только разговоры да резолюціи. На этомъ далеко не уѣдешь.

Въ уголку, въ сторонѣ отъ остальныхъ, расположились двое и, забывъ все и всѣхъ, предавались воспоминаніямъ. Они не видались уже нѣсколько лѣтъ и теперь случайно встрѣтились на ростовскихъ баррикадахъ. Они не сразу даже узнали другъ друга, а совершенно случайно, разговорившись, неожиданно для себя открыли, что они уже старые товарищи: вмѣстѣ работали, вмѣстѣ сидѣли... Одинъ былъ мѣстный, другой—пріѣзжій; одинъ интеллигентъ, другой рабочій, только что отбывшій солдатчину. Даже костюмъ его былъ еще какой-то полувоенный. Интеллигента во время оно перевели «въ виду вреднаго вліянія на арестованныхъ» въ другой городъ, а по отношенію къ остальнымъ примѣнены были «мѣры строгости», результатомъ чего явились желательныя для жандармеріи показанія.

— Намъ сказали, что васъ давно освободили, что за васъ внесенъ богатый залогъ, и что вообще за васъ хлопотали богатые родственники,—говорилъ человѣкъ въ полувоенной формѣ, съ смущеннымъ и напряженнымъ выраженіемъ лица. — Ну, многіе, конечно, упали духомъ. Интеллигентамъ, молъ, хорошо: за нихъ хлопочутъ, у нихъ и деньги имѣются, а вотъ нашъ братъ за все раздѣлывайся. Ну, къ тому же и пища отвратительная, отсутствіе книгъ... Конечно, это насъ не оправдываетъ. Не имѣли мы права довѣрять жандармскимъ росказнямъ... Но что подѣлать? Мы тогда только начинали. Глупы были еще

Мѣстами шли совсѣмъ «семейные» разговоры. Кто-то собирался «завтра сходить домой», т. е. въ городъ, провѣдать семью и кстати хорошенько выспаться; это, между прочимъ, было совсѣмъ

Приведенныя здѣсь клички — какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи вымышлены.

не лишнее: для людей мало-мальски избалованныхъ (а имѣлись и такіе въ числѣ дружинниковъ) условія ночевокъ на Темерникѣ были изъ рукъ вонъ скверны. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться тотчасъ же по окончаніи ужина.

Дѣло въ томъ, что дружинники опредѣленнаго десятка должны были ночевать непремѣнно вмѣстѣ, чтобы на случай ночной тревоги сразу занять опредѣленное мѣсто по распоряженію главнокомандующаго. А между тѣмъ, рабочія квартирки, въ которыхъ обосновывались дружинники, были довольно-таки тѣсны для 15 и болѣе человѣкъ, да къ тому же не имѣли и достаточнаго количества постельныхъ принадлежностей. Большинству приходилось устраиваться, такимъ образомъ, на загаженномъ, грязномъ полу, подстилая, что Богъ послалъ, и укрываясь пальто и шинелями. Грязь, тяжелый спертый воздухъ и постоянно отворяемая и затворяемая дверь, отъ которой шелъ низомъ холодъ,—все это мѣшало спать, и только немногіе счастливцы умѣли мириться съ этими обстоятельствами; большинство же бодрствовало до самаго разсвѣта, коротая ночь въ тихихъ бесѣдахъ.

На другой день съ дружинниками я отправился въ «штабъ». Это было маленькая квартирка, расположенная гдѣ-то вверху, совершенно лишенная мебели, холодная и грязная. Это былъ своего рода боевой центръ: сюда стекались донесенія и просто новости; сюда приводили задержанныхъ подозрительныхъ лицъ для допроса; здѣсь принимались всякаго рода просьбы и заявленія, отсюда отдавались приказанія. Картина въ общемъ получалась интересная.

Вотъ опять вчерашній главнокомандующій, серьезный и мрачный ругательски ругаетъ кого-то изъ «комитетскихъ» за какое-то неисполненное во-время обѣщаніе. Возлѣ него большинство десятниковъ и его главный помощникъ, ражій дѣтина съ хорошей мускулатурой и довольно свирѣпаго вида. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ вѣстей изъ города относительно оружія; еще и еще отправляютъ туда посланныхъ, чтобы «поторопить», «напомнить» и «наконецъ, выругать».

А мѣстныя дѣла идутъ своимъ порядкомъ. Вотъ, въ буквальномъ смыслѣ, врывается банда какихъ-то головорѣзовъ, съ преобладаніемъ людей кавказскаго типа, кажется, грузинъ или осетинъ. Это развѣдочный отрядъ. Только что ему удалось захватить гдѣ-то по близости у проѣзжавшихъ съ Дальняго Востока офицеровъ хорошую японскую винтовку и двѣ шашки, и теперь между десятникомъ отряда и однимъ изъ дружинниковъ идетъ ожесточенный споръ, кто изъ нихъ долженъ завладѣть этимъ дѣйствительно прекраснымъ оружіемъ. Отсюда весь этотъ ужасающій шумъ и гвалтъ.

Главнокомандующій подробно разспрашиваетъ объ обстоятельствахъ захвата. Гдѣ это произошло? Какъ вели себя офицеры? Добровольно ли покорились, или хотѣли оказать сопротивленіе и т. п.

Отвѣты даются краткіе и обстоятельные съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ.

— Не было ли какихъ оскорбленій по отношенію къ офицерамъ? — слѣдуетъ заключительный вопросъ.

— Зачѣмъ оскорбленіе,—объясняетъ десятникъ,—самъ оружье давалъ. Карошій человѣкъ, нѣ врагъ революціонѣрамъ. А ружье мнѣ давай, Васылю нѣ давай.

Васыль или Василій—это русскій солдатъ еще во всей солдатской аммуниціи, только пуговицы срѣзаны. Человѣкъ онъ необычайно храбрый и прекрасный товарищъ, но видъ у него совершенно разбойничій. Онъ не менѣе убѣдительно доказываетъ, что «японка» по всѣмъ правамъ принадлежитъ ему: онъ и стрѣлокъ, онъ и офицеровъ этихъ «рѣзнюхалъ», и, наконецъ...

— Ладно,—обрываетъ главнокомандующій.—Ружье отнести въ кладовую. Потомъ разберемся, а пока продолжать развѣдки.

Оба претендента уходятъ съ вытянутыми лицами.

Въ сосѣдней комнатѣ только что сорганизована канцелярія штаба, о чемъ краснорѣчиво извѣщаетъ прибитое къ двери громадныхъ размѣровъ объявленіе. Здѣсь уже имѣется столъ съ весьма жалкими письменными принадлежностями, пара стульевъ и только. Слѣдующая комната заперта: это и есть кладовая штаба.

Въ канцелярію ходитъ масса народу. Просятъ о зачисленіи въ десятки, о выдачѣ оружія; здѣсь же выдаются пропуски въ городъ, билетики на право полученія обѣда, производится запись претендентовъ на аммуницію. Послѣдняя состоитъ, изъ сотни съ лишнимъ паръ сапогъ, конфискованныхъ на вокзалѣ, послѣ того, какъ оттуда были выгнаны казаки и жандармы. Конфисковывались боевые припасы, главнымъ образомъ, порохъ, но кстати захватили ящикъ или два сапогъ, потому что у большинства дружинниковъ обувь была совершенно неподходящая ни ко времени (холода уже наступали), ни къ бивуачному образу жизни. Проектировалось было тогда захватить и еще кое-что изъ имѣвшагося товара, но, во избѣжаніе нареканій въ воровствѣ и расхищеніи чужого имущества, рѣшено было ограничиться лишь сапогами да еще... пряниками, которые очень быстро были уничтожены тутъ же на мѣстѣ. Характерно, между прочимъ, что противникомъ этой генеральной конфискаціи оказалось лицо, не принадлежавшее къ составу дружинниковъ, которому удалось убѣдить послѣднихъ оставить этотъ планъ, въ виду возможныхъ потомъ нареканій. Присутствовавшій при этомъ помощникъ главнокомандующаго, который вначалѣ думалъ забрать на Темерникъ все, что было найдено въ кладовой, согласился съ приведенными доводами и запретилъ «конфискацію».

По поводу сапогъ въ канцеляріи происходятъ постоянныя недоразумѣнія. Дружинники думаютъ, что достаточно прійти и заявить о своемъ желаніи получить пару сапогъ, чтобы сейчасъ же ихъ и надѣть. Имъ приходится разочаровываться, потому что пока

идетъ запись кандидатовъ, а самое распредѣленіе обуви должно производиться въ присутствіи десятниковъ и при ихъ посредствѣ.

Канцелярія работаетъ во-всю. Неорганизованность и безпорядокъ, царящіе во всемъ революціонномъ лагерѣ, постоянно даютъ себя чувствовать и требуютъ довольно значительной и спѣшной работы.

Особенно надоѣдаетъ разбирательство дѣлъ съ такъ называемыми подозрительными личностями. Патрули «стараются»: чуть ли не черезъ каждые полчаса приводятъ въ канцелярію штаба арестованныхъ на границѣ Темерницкаго поселенія показавшихся имъ недостаточно «благонадежными» и не знавшихъ лагернаго пароля людей.

Вотъ раздается топотъ чуть ли не цѣлой дюжины ногъ по лѣстницѣ, и слышится характерная перебранка. Это ведутъ арестованнаго. Послѣдній обыкновенно протестуетъ, сопротивляется... Болѣзненно-настроенное воображеніе рисуетъ ему Богъ знаетъ какіе ужасы, и многіе всѣми силами стремятся уговорить своихъ конвойныхъ отпустить ихъ ради Бога «хоть въ городъ, хоть куда», только бы не быть представленными въ учрежденіе, которое рисуется имъ на подобіе полицейскаго участка.

— Арестованный вблизи вокзала,—докладываетъ патруль.—На предупрежденіе ничего не отвѣтилъ, а когда я приложился въ него изъ револьвера, бросился бѣжать. Оружія при обыскѣ не найдено, но, кажется, что-то бросилъ по дорогѣ. Никому не извѣстенъ.

«Подозрительная личность»—человѣкъ весьма потертаго и оборваннаго вида,—видимо, страшно перепуганъ, но непосредственное соприкосновеніе съ опасностью, которая является теперь въ лицѣ весьма пріятнаго и видимо добраго господина, а также полное сознаніе совершенной своей невинности, придаютъ ему рѣшимости.

— Такъ что, ваше благородіе,—какъ-то напряженно выставивъ впередъ голову и вытянувъ руки по швамъ, рапортуетъ арестованный,—проходимши я это около вокзала, а они (кивокъ въ сторону дружинника) на меня револьвертомъ. Я, значитъ, и того... струсилъ, да дерка...

— А около вокзала зачѣмъ ходили?

— Ей-Богу, безо всякаго намѣренія. Голова у меня, стало быть, не въ порядкѣ. Вчерась этто по пьяному дѣлу свалился я въ канавкѣ около путей, а какъ попалъ туда—не знаю. Прикажите отпустить, ваше высокоблагородіе. Заставьте вѣчно Бога молить...

— А что бросилъ по дорогѣ, какъ я тебя догонялъ? Скажешь, не бросалъ?—вмѣшивается дружинникъ.

— Никакъ нѣтъ; это тебѣ померещилось, милый человѣкъ. Вотъ, какъ передъ Господомъ, ничего не бросалъ. Ваше благородіе, прикажите отпустить; у меня жена, семейство.

— Да вы рабочій, что, ли будете?

— Такъ точно, рабочій. Завода Пастухова.

Заводъ Пастухова самый отсталый. Публика тамъ деревенская, сѣрая, не «оболваненная», какъ выражаются рабочіе.

— Ну, а на Темерникѣ-то васъ знаетъ кто?

— Господи, да у меня знакомыхъ-то здѣсь... Вотъ и сейчасъ Ѳедоръ Левоновъ встрѣтился. Ты, говоритъ, что же это фараонамъ продался, черносотенникомъ сдѣлался... вотъ какія слова. А нешто я виноватъ, что меня захватили, да вотъ... теперь...—рыданія не даютъ ему говорить далѣе.

Сцена начинаетъ принимать комическій характеръ. Дружинники улыбаются и мимикой даютъ знать патрульному, виновнику всей этой исторіи, что онъ сдѣлалъ глупость. Тотъ, впрочемъ, и безъ того имѣетъ достаточно растерянный и обезкураженный видъ.

— Навести справки у Темерницкихъ и немедленно отпустить,— слѣдуетъ резолюція.—Да поскорѣй!—прибавляетъ вполголоса «начальство».—Чего человѣка томить понапрасну.

Дружинники уходятъ со смѣхомъ и шутками.

Не всѣ, однако, такого сорта разбирательства оканчивались такъ благополучно для арестованныхъ. Многіе изъ «подозрительныхъ», дѣйствительно, не внушали къ себѣ довѣрія, часто путались въ отвѣтахъ, иногда нагло лгали или нахальничали. Въ большинствѣ случаевъ все это были типичные золоторотцы, которые къ своей участи относились необыкновенно хладнокровно и даже иронически.

— Въ тюрьму,—кратко приказывалъ завѣдывающій канцеляріей въ такихъ случаяхъ, и раба божія влекли въ революціонную кутузку.

— Хотите посмотрѣть нашихъ арестантовъ?—предложилъ мнѣ мой знакомецъ-десятникъ, когда ему выпало на долю одного изъ этихъ «враговъ общественнаго порядка» препроводить въ узилище.

— Съ удовольствіемъ.

«Тюрьма» находилась довольно близко, и мы туда скоро добрались. Это была самая обыкновенная квартира изъ двухъ, трехъ комнатъ, разумѣется, безъ всякихъ рѣшетокъ на окнахъ и дверяхъ, но хорошо запиравшаяся на замокъ. При тюрьмѣ дежурило трое дружинниковъ; одинъ снаружи, двое другихъ въ самомъ помѣщеніи. Арестованныхъ было человѣкъ около десяти. Здѣсь же находился, между прочимъ, и казакъ, взятый въ плѣнъ во время аттаки, переодѣтый городовой, котораго было прислали изъ города на развѣдки, но который былъ узнанъ, и еще нѣсколько фигуръ то типично босяцкаго вида, то болѣе или менѣе приличныхъ по внѣшности.

Вошли мы въ «камеру» съ нѣкоторымъ шумомъ и грохотомъ, какъ и подобаетъ начальству, такъ что новички сочли даже своей обязанностью встать. Большинство тотчасъ же обступило насъ съ вопросами о своей участи.

— Ничего пока неизвѣстно,—говорилъ десятникъ,—посидите еще

немного, а то кто васъ знаетъ... Да чего вамъ? Кормять вѣдь васъ. Обѣдъ сегодня получали, чай пили?

— Получали, какъ же, и обѣдъ и чай, а вотъ разрѣшенье бы какое ни на есть.

Въ углу мрачно сидѣлъ чрезвычайно непріятный на первый взглядъ парень весьма свирѣпаго вида, волкомъ смотрѣвшій и на насъ, и на товарищей по заключенію.

— Ну, а ты,—обратился къ нему десятникъ,—по-прежнему за православіе и самодержавіе? Все революціонеровъ ругаешь?

— Подожди еще смѣяться-то,—мрачно огрызнулся тотъ:—скоро расчистятъ всю вашу сволочь, такъ не то запоешь.

— Да почему ты противъ насъ такъ настроенъ? Арестовали тебя? Такъ не будь черносотенцемъ, не помогай полиціи и другимъ кровопійцамъ, которымъ ты продался.

— Никому я не продавался,—холодно и злобно, вдругъ какъ-то сразу къ намъ повернувшись, заговорилъ парень.—Продались вы, продались жидамъ да полякамъ. Черезъ васъ вся Россія теперь разорена, черезъ васъ мы войну проиграли, черезъ ваши забастовки жидовскія народъ съ голоду дохнетъ. А теперь что затѣяли? Противъ царя, противъ законныхъ властей пошли! Только скоро васъ теперь ограничатъ. Казаки-дурачье боятся васъ чего-то. Эхъ, кабы моя воля была, всѣхъ бы до единаго васъ перевѣшалъ.

— Ну ты, братъ, не шуми,—сказалъ ему десятникъ.—А то расправа короткая, самъ знаешь.

— А плевать мнѣ на васъ. Хоть сейчасъ убейте. Ненавижу васъ у-ухъ!..

Съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ я на эту фигуру. А еще говорятъ, что нѣтъ убѣжденныхъ черносотенцевъ, особенно среди молодежи,—думалось мнѣ. А вѣдь это прямо фанатикъ. Съ тяжелымъ чувствомъ выходилъ я изъ тюрьмы.

— Что это за парень?—обратился я къ своему пріятелю.—И откуда у него такая вражда къ революціонерамъ?

Тотъ расхохотался.

— Да это же нашъ,—сказалъ онъ.—Нарочно посадили въ качествѣ провокатора, чтобы испытывать вновь прибывающихъ. А что, ловко свою роль разыгрываетъ?..

Мнѣ оставалось только согласиться, что даже очень ловко.

Между тѣмъ, вечерѣло. Погода устанавливалась прекрасная. Дождь, который почти не прекращался за предыдущіе дни, теперь пересталъ. Небо расчистилось. Слегка подмораживало. Настроеніе у всѣхъ было бодрое, хорошее...

Мнѣ на эту ночь удалось устроиться уже не съ десяткомъ, а на частной квартирѣ у одного молодого рабочаго, съ которымъ я познакомился въ штабѣ. Меня очень гостепріимно угостили ужиномъ, напоили чаемъ съ вареньемъ и предоставили въ мое распоряженіе огромнѣйшую двуспальную кровать съ необъятной периной и, что

важнѣе, съ постельнымъ бѣльемъ. Впрочемъ, лечь пришлось опять мнѣ поздно, такъ какъ довольно долго мы толковали съ моимъ новымъ знакомымъ о программныхъ разногласіяхъ с.-д. и с.-р., о заграничномъ рабочемъ движеніи и о многомъ другомъ, не имѣвшемъ непосредственнаго касательства къ переживаемымъ нами событіямъ.

V.

Спалъ я хотя мало, но необыкновенно крѣпко. Часу въ шестомъ утра мои хозяева по привычкѣ трудовыхъ рабочихъ людей стали уже подниматься. Разбудили и меня. И не успѣли мы позавтракать и напиться чаю, какъ загремѣли со стороны города орудійные выстрѣлы. Сначала прокатился одинъ, затѣмъ другой, а потомъ затрещала частая ружейная пальба, точно барабанная дробь, повисшая въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ. Мы тотчасъ же выбѣжали на улицу; весь Темерникъ былъ уже на ногахъ. Точно муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ, люди бѣгали взадъ и впередъ въ различныхъ направленіяхъ, въ какой-то безцѣльной хлопотливости останавливаясь на углахъ и въ глубинѣ дворовъ, что-то безсвязно разсказывая и о чемъ-то разспрашивая.

Стрѣльба приняла сразу какой-то особенный, ожесточенный характеръ. Пули свистѣли и пѣли, звонко ударяясь въ заборы, дома и на дорогу, гулко грохотали орудійные выстрѣлы. Вотъ поспѣшно перенесли черезъ улицу раненаго. Пробѣжала сестра милосердія. Тамъ какой-то дружинникъ растерянно перебѣгаетъ отъ одной группы къ другой, спрашивая всѣхъ, куда направился его десятокъ.

А стрѣльба все усиливалась. Темерницкое поселеніе въ буквальномъ смыслѣ было засыпано пулями и ядрами. Улицы пустынны. Обыватели залѣзали въ погреба и подвалы, избѣгая всюду грозящей опасности, да и изъ дружинниковъ значительная часть предпочитала отсиживаться гдѣ-нибудь въ закрытомъ помѣщеніи, подъ различными благовидными предлогами. Зато оставшіеся не жалѣли зарядовъ. Отдѣльныя ихъ кучки прятались за домами или каменными заборами и стрѣляли изъ-за этихъ импровизированныхъ прикрытій. Перестрѣлка, особенно первое время, носила какой-то безпорядочный характеръ: какъ та, такъ и другая сторона стрѣляла часто на-угадъ, стараясь надѣлать какъ можно больше шума и напугать противника.

Съ первыхъ же шаговъ въ лагерѣ дружинниковъ обнаружилась полная неподготовленность къ планомѣрной и организованной защитѣ и полная несостоятельность всѣхъ ея боевыхъ средствъ Прежде всего оказалось, что армія осталась безъ главнокомандующаго, который съ вечера отправился по дѣламъ въ городъ и потомъ, должно быть, не могъ проникнуть назадъ черезъ цѣпь казаковъ,

обложившихъ со стороны Ростова Темерницкое поселеніе. Его помощника тоже не было видно. Люди приходили въ штабъ за распоряженіями и свѣдѣніями и никого тамъ не находили. Да и не безопасно было подниматься туда по совершенно открытой для пуль и пушечныхъ снарядовъ лѣстницѣ, на виду у казаковъ и артиллеріи. Хотя осаждавшіе, видимо, и не имѣли понятія, что здѣсь-то именно и находится самый центръ революціонной арміи и ея, такъ сказать, штабъ-квартира, однако, пули сыпались сюда въ изобиліи, звонко ударяясь о камни и о деревянныя ступеньки лѣстницы. Въ сосѣдній со штабомъ домъ попалъ даже орудійный снарядъ, который развороталъ всю стѣну и разбилъ всѣ окна.

На томъ же дворѣ, только въ болѣе удобномъ и защищенномъ мѣстѣ, находился временный лазаретъ, куда доставляли раненыхъ. Ихъ было уже послѣ первыхъ залповъ человѣкъ шесть или семь, и они лежали на полу въ повалку, въ грязи и крови, наполняя унылую и холодную комнату жалобными стонами. Около нихъ хлопотали двѣ молоденькихъ сестры милосердія, видимо взволнованныя и разстроенныя. На нихъ дѣйствовала вся эта необычная и тяжелая обстановка: и ихъ полная безпомощность, и видъ крови, и ожесточенный характеръ обстрѣла.

— Ужасно, ужасно,—говорила мнѣ одна изъ нихъ.—Положительно ничего нѣтъ: ни карболки, ни бинтовъ, никакихъ перевязочныхъ средствъ. Раненыхъ надо бы отнести на пунктъ, но какъ перенесешь ихъ подъ такимъ убійственнымъ огнемъ? И потомъ эта грязь, этотъ холодъ. А главное, нужно доктора; есть очень тяжело раненые. Гдѣ Торскій?

— Надо идти искать,—сказалъ мнѣ мой новый знакомый, у котораго я ночевалъ, и съ которымъ мы какъ-то не разлучались.—Я знаю, гдѣ онъ долженъ быть. Пойдемте!..

— Пойдемте,—сказалъ я.

На дворѣ происходила тоже сутолока. Дружинники бѣгали въ штабъ, никого тамъ не находили, ругались и, въ концѣ концовъ, дѣлали все на свой собственный страхъ и рискъ. Уже черезъ часъ, черезъ два послѣ того, какъ началась перестрѣлка, обнаружилось отсутствіе патроновъ для трехъ линеекъ, т. е. единственнаго оружія, имѣвшаго дѣйствительное значеніе въ силу дальнобойности. Только благодаря трехлинейнымъ винтовкамъ, удавалось все время отражать наступленіе и надо отдать полную справедливость стрѣлкамъ Темерницкой арміи,—они не одинъ разъ заставляли отступать казачьи отряды, а батареи мѣнять свои позиціи.

Но запасъ патроновъ изсякъ, и не у кого было узнать, гдѣ искать новыхъ боевыхъ средствъ, потому что не имѣлось ни главнокомандующаго, ни его помощника, Бокса.

Узнавъ, что мы идемъ въ центральную часть Темерницкаго поселенія, къ «главной баррикадѣ», трехлинеечники просили насъ разыскать этого Бокса и потребовать отъ него патроновъ.

И вотъ съ этими двумя порученіями двинулись мы вдоль узкихъ улицъ, быстро и въ согнутомъ положеніи пробѣгая возлѣ изрѣшеченныхъ пулями заборовъ, подъ трескотню ружейныхъ залповъ и грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Чѣмъ ближе подбѣгали мы къ «главной баррикадѣ», тѣмъ пустыннѣе и безлюднѣе дѣлались улицы, тѣмъ жарче становился огонь. Кое-гдѣ еще встрѣчались по 3-4 человѣка стрѣлковъ, но они усердно прятались за каменными изгородями, лишь изрѣдка посылая пулю-другую въ лагерь противника.

Вотъ, наконецъ, и главная баррикада, загораживающая дорогу изъ города и представляющая собою безпорядочную груду всякаго хлама, начиная съ телеграфныхъ столбовъ и кончая извозчичьими пролетками, заваленнаго землей и каменьями. Сюда, главнымъ образомъ, и направленъ орудійный огонь. Здѣсь уже полная картина опустошенія. Дома кое-гдѣ сильно попорчены снарядами, частью разрушены, стекла выбиты, и въ стѣнахъ зіяютъ дыры. Кругомъ свистятъ пули. Жутко!

Мы спѣшимъ чуть не на четверенькахъ пробѣжать это опасное мѣсто на другую сторону поселенія, гдѣ по разсчету моего спутника должны быть и докторъ Торскій, и начальникъ дружины Боксъ. Скоро мы нападаемъ на ихъ слѣды. Они, оказывается, внизу, въ одномъ изъ самыхъ опасныхъ пунктовъ. Мы съ еще большей осторожностью спускаемся внизъ, пробѣгая что есть духу кварталъ, чтобы отдохнуть затѣмъ за ближайшими домиками и выбрать новый моментъ для дальнѣйшаго бѣга. Вотъ и они.

— Ну, что, какъ дѣла?

— Ничего пока,—говоритъ Боксъ, здоровый, краснощекій малый нѣсколько хулиганскаго обличья, закуривая папироску.— Посмотримъ, что дальше.

— Боксъ, патроновъ для трехлинеекъ нѣтъ; всюду спрашиваютъ, а гдѣ взять—неизвѣстно.

— А я что, рожу тебѣ ихъ, что ли? Нѣтъ, только и всего.

— Какъ, совсѣмъ нѣтъ?!

— Совсѣмъ. Маленькій запасецъ еще есть, правда, но тратить зря нельзя. Стрѣлять навѣрняка, чтобы зарядъ даромъ не пропадалъ. Да трезвонить объ этомъ нечего! Раненые есть у васъ?

— Есть, какъ же! Мы Торскаго ищемъ. Были на его квартирѣ—нѣтъ. А для раненыхъ необходимо.

— Ищите, ищите — чорта найдете,— говоритъ Боксъ. — Въ подвалѣ гдѣ-нибудь сидитъ, трясется. Да и вся эта наша интеллигенція... Ну, довольно, однако, языкъ-то чесать. Мнѣ на позицію пора. Видишь, опять хлопочутъ дьяволы, готовятъ что-то. Передайте тамъ, что скоро буду.

Мы спѣшимъ назадъ. Близъ большой баррикады встрѣчаемся

съ тремя дружинниками; они спѣшатъ на подкрѣпленіе внизъ. Хотя организующей руки нѣтъ, но многіе сами знаютъ хорошо, что имъ нужно дѣлать.

— Ну что, товарищи, какъ дѣла?—засыпаютъ они насъ вопросами.—Гдѣ Боксъ? Есть ли у нихъ раненые?

Не успѣваемъ мы разинуть ротъ, какъ гдѣ-то близко возлѣ насъ падаетъ снарядъ и насъ засыпаетъ глиной, землей и каменьями. Всѣ мы невольно бросаемся въ разныя стороны и пригибаемся къ землѣ. Черезъ минуту разбѣгаемся съ опаснаго мѣста.

— Боксъ внизу,—кричитъ мой спутникъ въ догонку.—Не тратьте зря патроновъ.

Мы пробѣгаемъ снова по пустыннымъ улицамъ мимо разрушенныхъ и обезображенныхъ домовъ. Вотъ, наконецъ, и штабъ.

Передаемъ истину пополамъ съ ложью, во избѣжаніе возможнаго упадка духа; но многимъ уже ясно, что положеніе скверное.

Это, однако, не понижаетъ настроенія. Разъ нѣтъ патроновъ, надо ихъ дѣлать самимъ: надо организовать патронную мастерскую. Да и наконецъ, такое учрежденіе уже имѣется; по крайней мѣрѣ, главнокомандующій еще вчера говорилъ объ этомъ предпріятіи, какъ о чемъ-то прочномъ и солидномъ. Неизвѣстно только, гдѣ оно помѣщается. Дѣлаются справки, разспросы. Дѣло, оказывается, обстоитъ довольно плачевно. Никакой мастерской не имѣется, а просто былъ человѣкъ, который взялся организовать это дѣло. Но гдѣ онъ сейчасъ, неизвѣстно; тоже, пожалуй, въ одномъ изъ погребовъ сидитъ.

А между тѣмъ, пороху—масса. Пули, оказывается, тоже можно отливать кустарнымъ способомъ. Отстрѣлянные патроны подбираютъ на улицѣ мальчишки, но, увы,—нѣтъ пистоновъ.

Положеніе складывалось, такимъ образомъ, все хуже и хуже. Ружейный огонь почти не прекращался. Орудія замолкли на часъ, на два, но лишь затѣмъ, чтобы потомъ открыть еще болѣе ожесточенную канонаду.

Часу въ 3-мъ или въ 4-мъ явился Боксъ и созвалъ импровизированный военный совѣтъ. Присутствовало на немъ человѣкъ 5 или 6, частью десятниковъ, частью лицъ болѣе или менѣе постороннихъ.

— Дѣло такое, что мы разстрѣляли всѣ снаряды,—сказалъ Боксъ.—Скоро будемъ стрѣлять только для устрашенія. У насъ еще много пуль для бульдоговъ; ихъ можно употреблять для берданокъ. Трескъ получается сильный, но вреда никакого; надо хоть трескъ производить, чтобы держать казаковъ на приличномъ разстояніи. Изъ города вѣстей пока нѣтъ, и насчетъ пистоновъ врядъ ли тамъ что-нибудь устроятъ. Таковы дѣла. Ну, вы разсуждайте, а я пока огурцами и хлѣбомъ займусь. Смерть жрать хочется...

Совѣтъ продолжался недолго: минутъ 15—20. Общее мнѣніе было—отступать обходнымъ путемъ въ городъ, а тамъ уже видно будетъ, что дѣлать. Рѣшено было также хранить это постановленіе втайнѣ.

Къ вечеру Боксъ снесся, впрочемъ, съ «комитетскими», и формулировка получила надлежащую закругленность. Отступленіе разсматривалось теперь, какъ переходъ къ «партизанскимъ дѣйствіямъ», для чего дружина подъ покровомъ сумерекъ должна была перебраться по незаселенному берегу Дона въ Нахичевань, чтобы тамъ собраться въ столовой акціонернаго общества «Аксай», а оттуда перейти на квартиры, спеціально для того приготовленныя «комитетомъ».

VI.

День склонялся уже къ вечеру, а между тѣмъ—пальба со стороны казаковъ все не прекращалась. Революціонеры отвѣчали уже рѣдко, слабо и какъ-то устало. Чувствовался общій упадокъ духа; большинство дружинниковъ стремилось теперь укрыться гдѣ-нибудь отъ пуль и гранатъ, все еще въ изобиліи посылаемыхъ изъ города, просто даже посидѣть гдѣ-нибудь въ теплѣ, въ комнатѣ. За день всѣ продрогли и проголодались. Даже санитары менѣе заботились теперь о раненыхъ и не особенно охотно шли на улицу ихъ подбирать, не желая рисковать своею жизнью. Для тѣхъ, для кого не было никакого сомнѣнія относительно истиннаго состоянія силъ революціонной арміи, совершенно яснымъ представлялось, что если бы казаки, ободренные молчаніемъ революціонеровъ, двинулись теперь всей массой на Темерникъ, то произошло бы нѣчто ужасное. Дружинники не смогли бы оказать никакого сопротивленія и были бы перебиты всѣ до одного. Но казаки, видимо, боялись бомбъ и фугасовъ, о которыхъ въ городѣ усиленно распространялись слухи и предпочитали держаться на прежней дистанціи.

Темнѣло. Перестрѣлка прекращалась. Сидѣвшіе цѣлый день въ подвалахъ и погребахъ обыватели, не слыша болѣе выстрѣловъ, оставили свои убѣжища и вышли на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ. Перепуганные и разстроенные, но съ какой-то особенной, характерной для русскаго человѣка, покорностью неизбѣжному року, робко собирались они кучками около своихъ домиковъ и тихо бесѣдовали, обмѣниваясь впечатлѣніями пережитаго за день. Дружинники тоже разбрелись, въ ожиданіи сбора. Многіе изъ нихъ были еще, по крайней мѣрѣ, по видимости настроены оптимистично и строили различные планы относительно завтрашняго дня.

Но вотъ объявленъ сборъ. Боксъ со всей своей свитой молча прошелъ въ одинъ изъ ближайшихъ домовъ, въ подваль-

ный этажъ. Тамъ хранились боевые припасы. Согласно постановленію о «партизанской войнѣ», рѣшено было забрать ихъ, какъ и все вообще оружіе съ собою. Дружинники, вызываемые по десяткамъ, оповѣщались о состоявшемся постановленіи и забирали порохъ и оружіе.

— Вызвать 5-й десятокъ,—отрывисто и сердито командовалъ Боксъ.—Всѣ на лицо? Ну, такъ вотъ что! Мы отступаемъ теперь къ Нахичевани и тамъ начнемъ партизанскія дѣйствія. Идти по такой-то дорогѣ. Въ аксайской столовой соберемся, и тамъ будетъ указано, что дѣлать дальше. Забирайте пороху, кто сколько можетъ. Набивайте карманы. Живѣй, живѣй, чего копаешься?! По дорогѣ не разговаривать и не курить. Объ этомъ нашемъ рѣшеніи никому не сообщать.

Разъ двадцать пять повторялась эта тирада съ приправою болѣе сильныхъ словечекъ для тѣхъ, кто «лѣзъ съ разспросами» или недостаточно торопился.

Наконецъ, остался послѣдній десятокъ. Дѣлались окончательныя распоряженія. Оповѣстили дежурныхъ при тюрьмѣ; самую тюрьму, незамѣтно для арестованныхъ, оставили отпертою. Разыскали санитаровъ.

— А раненые?—задалъ кто-то вопросъ.

— Что же мы можемъ сдѣлать? отвѣтили ему.—Впору самимъ въ живыхъ остаться. Ну, все готово? Трогай!.. Въ нашемъ десяткѣ, какъ и въ прочихъ, есть бомбистъ, такъ осторожнѣй! Товарищи, идите съ кѣмъ-нибудь въ сторонкѣ на случай несчастья. Ну, впередъ! Не курить, разговаривать шепотомъ.

Я вышелъ съ этимъ послѣднимъ десяткомъ. Послѣднія минуты были особенно жутки въ обезлюдѣвшемъ, покинутомъ дружинниками поселкѣ. Со стороны полотна желѣзной дороги, гдѣ расположены мастерскія, неслись отчетливые и зловѣщіе звуки топоровъ. Это, по свѣдѣніямъ Бокса, казаки прорубали себѣ проходы для завтрашней рѣшительной аттаки. Въ ночной тишинѣ звуки эти получали какой-то особенно непріятный и мрачный характеръ. Врагъ бодрствовалъ, врагъ готовился; каждую минуту въ неохраняемый никѣмъ уже лагерь могли ворваться казаки; холодный ужасъ новольно заползалъ въ сердце. Къ тому же, и дорога, по которой мы отступали, представлялась далеко не безопасной. Во-первыхъ, нужно было не возбудить подозрѣній въ мѣстныхъ обывателяхъ и по возможности ускользнуть незамѣченными отъ ихъ взоровъ; затѣмъ уже и за городской чертой предстояло пробираться по довольно людным мѣстамъ, среди расположенныхъ то тамъ, то здѣсь хуторовъ, и перебираться вблизи станціи Гниловской черезъ полотно желѣзной дороги. Да и далѣе, даже въ болѣе или менѣе пустынныхъ мѣстахъ, ничто не гарантировало насъ отъ взрыва бомбы, напримѣръ, при неосторожномъ движеніи бомбиста или просто отъ излишней бдительности казацкихъ патрулей, кото-

рые, благодаря свѣтлой лунной ночи, легко могли насъ обнаружить.

Съ тяжелымъ чувствомъ покидали мы Темерникъ: тамъ оставались наши раненые; тамъ оставались беззащитные жители, которыхъ мы, боясь предательства, не могли предупредить о нашемъ отступленіи, и, наконецъ, наша собственная судьба представлялась такою неопредѣленной, такою загадочной.

По выходѣ за городскую черту мы сразу были поставлены въ непріятное положеніе. Значительная группа обывателей, засидѣвшихся вечеркомъ «на лавочкѣ», очень любопытствовала знать, куда мы направляемся, и, только благодаря авторитету Бокса, который достаточно внушительно далъ понять, что организованы какія-то грандіознѣйшія развѣдки, мы благополучно отправились далѣе. Раза два на хуторахъ, мимо которыхъ мы проходили, поднимали скандалъ собаки, однако и это прошло благополучно. У самой Гниловской станціи, освѣщенной и имѣвшей вполнѣ жилой видъ, мы перебрались съ большими предосторожностями подъ вагонами черезъ полотно желѣзной дороги и подошли къ Дону. Дорога была неровная, холмистая, постоянно прерывавшаяся только что подмерзшими заводями, по которымъ приходилось скользить, а порою даже проваливаться, конечно, неглубоко. Особенно приходилось смотрѣть за бомбистомъ. Два раза онъ проваливался по колѣно, но несчастія не произошло, благодаря его ловкости и хладнокровію. Но, что всего ужаснѣе, публика вела себя страшно легкомысленно и неосторожно: шли громкіе разговоры, многіе курили; то тамъ, то здѣсь вспыхивалъ красный огонекъ или раздавался громкій окликъ товарища. Когда же, наконецъ, подошли къ Нахичевани и съ большими предосторожностями переправлялись одинъ на далекомъ разстояніи отъ другого по тонкому и неокрѣпшему еще льду, скопившіеся на берегу дружинники, усталые и изнервничавшіеся, устроили настоящую перебранку, совершенно позабывъ о своемъ опасномъ положеніи.

Часу въ 10-мъ ночи мы добрались, наконецъ, до Аксайской столовой. Здѣсь собралась уже вся дружина. Въ большой сравнительно залѣ, въ совершенной темнотѣ, двигалась масса людей, глухо гудя, точно пчелиный улей. Въ одномъ изъ угловъ засѣдалъ Боксъ со всѣмъ своимъ совѣтомъ и распредѣлялъ прибывшихъ по квартирамъ. Не знаю, какъ устроилось у нихъ это дѣло, но сомнѣваюсь, чтобы вполнѣ благополучно: число прибывшихъ съ Темерника съ санитарами, сестрами милосердія и еще кое-какой побочной публикой достигало тысячи человѣкъ.

Меня тоже хотѣли опредѣлить куда-то, но я отказался, сказавъ, что имѣю возможность устроиться самостоятельно.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ Боксъ,—мѣсто будетъ свободно. До свиданія. Мы вышли вдвоемъ съ товарищемъ. Тихія и пустынныя улицы Нахичевани были залиты луннымъ свѣтомъ. Было морозно

и безвѣтренно. Вся обстановка мирно спящаго городка дѣйствовала необычайно успокоительно. Самочувствіе было такое, точно послѣ долгихъ мѣсяцевъ заключенія и потерявъ надежду на освобожденіе, вдругъ очутился на свободѣ, но не вполнѣ увѣренъ, что это состояніе можетъ продлиться долго. Не теряя времени, я поспѣшилъ къ одному моему знакомому, жившему здѣсь неподалеку, тоже рабочему, но не принявшему участія въ возстаніи. Скоро мы уже стучались у воротъ его домика. Намъ отперъ самъ хозяинъ.

— Боже мой! Да мы вѣдь васъ уже похоронили,—говорилъ онъ, пожимая намъ руки и даже ощупывая насъ, точно онъ не довѣрялъ своимъ зрительнымъ воспріятіямъ.—Проходите скорѣе въ комнаты.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, вы какъ хотите, а угостите насъ чаемъ и дайте чего-нибудь поѣсть, —сказалъ я.—Мы голодны, какъ волки; да не найдется ли у васъ бѣлья, а то мы нѣсколько разъ проваливались подъ ледъ и промокли ужасно.

— Сію минуту,—сейчасъ, хлопоталъ Иванъ Ивановичъ,—приму только мѣры. На всякій случай, знаете...

Онъ потушилъ во всей квартирѣ огни. Скоро мы сидѣли въ чистомъ сухомъ бѣльѣ и усердно поглощали чай съ хлѣбомъ, огурцы и остатки какого-то пирога, не успѣвая отвѣчать на многочисленные вопросы хозяйки.

На утро мы проснулись, по привычкѣ, довольно рано и еще въ постеляхъ услышали сильный и глухой звукъ.

— Казаки обстрѣливаютъ пустой Темерникъ,—сказалъ мнѣ мой товарищъ, и мы улыбнулись. Но больше не слышалось ни пушечныхъ, ни ружейныхъ залповъ; это представлялось страннымъ. Минутъ черезъ десять къ намъ вбѣжалъ въ комнату нашъ хозяинъ, блѣдный и разстроенный.

— Слышали взрывъ?—сказалъ онъ, задыхаясь отъ волненія.—Это взорвались снаряды и порохъ, перенесенные вчера въ Аксайскую столовую. Сколько людей погибло! Эх-х-хъ!!!...

Черезъ два дня я уѣхалъ изъ Ростова.

Ал—ъ.

КОШМАРЪ.

I.

Мудровъ дослужился до чина статскаго совѣтника, получилъ пенсію и вышелъ въ отставку. Онъ думалъ купить домикъ въ томъ же большомъ университетскомъ городѣ, въ которомъ родился, въ которомъ провелъ всю свою жизнь и изъ котораго ни разу не выѣзжалъ даже на дачу, но судьба распорядилась нѣсколько иначе. Ко времени отставки Мудрова въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ N умерла бездѣтная и вдовая сестра его и оставила ему въ наслѣдство маленькій домикъ. Мудровъ подумалъ немного и перебрался въ N.

Главная улица городка упиралась концомъ своимъ въ широкую и красивую рѣку Ильму. На этой улицѣ, тѣсня другъ друга, расположились дома мѣстной аристократіи и наиболѣе зажиточныхъ обывателей. Бѣднота и люди нечиновные ютились по боковымъ уличкамъ, вдоль рѣки, по склону горы, которая глядѣлась въ воды Ильмы. Вотъ тамъ, на этомъ склонѣ, почти надъ самой рѣкой, и поселился Игнатій Геннадіевичъ Мудровъ.

Онъ обновилъ домикъ и расширилъ его; потомъ убралъ его внутри сообразно собственному вкусу и почувствовалъ себя у тихой пристани и удовлетворенным жизнью.

— Что-жъ, я доволенъ... я не ропщу, — говаривалъ онъ въ первое время по переселеніи въ N.—Что говорить... иные теперь изъ коллегъ въ полные генералы мѣтятъ, но... тамъ протекція.. А я горбомъ заработалъ свое положеніе... Статскій совѣтникъ—это не то, что... Не всякій удостоится...

Онъ уже давно, со времени смерти первой своей жены, сталъ понемногу возвышаться въ собственномъ мнѣніи, а теперь окончательно почувствовалъ себя человѣкомъ заслуженнымъ, достойнымъ всякаго уваженія.

И даже внѣшностью своею онъ желалъ напоминать лю-

дямъ, что они обязаны ему уваженіемъ. Онъ былъ еще не старъ—всего лѣтъ пятидесяти, но любилъ притвориться старикомъ: когда ходилъ, то почти не поднималъ ногъ, возилъ ихъ, одѣвался чрезмѣрно тепло, покашливалъ безъ надобности, дѣлалъ видъ, что дышитъ тяжело, постариковски, говорилъ медленно, однотонно и поучительно. Это все вошло у него въ привычку, и онъ казался дѣйствительно старикомъ, тѣмъ болѣе, что большая лысина, мутные холодные глаза и дряблость слегка ожирѣвшаго тѣла придавали ему видъ человѣка нѣсколько удрученнаго жизнью.

Онъ никогда ничѣмъ не болѣлъ, былъ широкъ въ кости, но совершенно лишенъ мускулатуры. Щеки у него обвисали, на лицѣ почти не было растительности, а въ жилахъ, казалось, текла не кровь, а желтоватая вода. И черезъ это онъ былъ похожъ не на мужчину, а на старѣющуюся, нездоровую, ожирѣвшую бабу.

Вся его жизнь прошла скучно, однотонно; это были сплошные будни, безъ намека на существованіе праздниковъ. Теперь она текла нудно, тоскливо, была похожа на сѣрыя осеннія сумерки. Но онъ устроилъ эту жизнь по собственному вкусу и не замѣчалъ тоски ея.

Лѣтъ восемь тому назадъ онъ вторично женился на молоденькой, тихой, загнанной судьбою дѣвушкѣ, необразованной, но работящей и безотвѣтной.

Со времени этого брака онъ особенно сталъ возвышаться въ собственномъ мнѣніи: около него оказалось существо, которое трепетало его, благоговѣло передъ нимъ. Клавдія Андреевна не принесла съ собой никакого приданаго, и потому считала себя какъ бы виноватой передъ мужемъ. Она принесла только молодость, свѣжесть и безотвѣтное послушаніе. Все это требовалось Мудрову, хотя было при этомъ одно обстоятельство, не нравившееся ему: Клавдія Андреевна каждый годъ рожала дѣтей... Когда Мудровъ замѣчалъ, что станъ ея полнѣетъ, то, хмуря безбровый лобъ, искоса, но сурово оглядывалъ ее съ головы до ногъ, недовольно крякалъ и молча удалялся въ кабинетъ. А молодая женщина падала духомъ и подолгу плакала, запершись въ своей комнатѣ въ задней части дома. Тамъ была ея постель, кроватка младшаго изъ дѣтей и швейная машина, единственное приданое, принесенное ею въ домъ мужа.

Клавдія Андреевна глубоко огорчалась, когда чувствовала первые признаки беременности, огорчалась, несмотря на страстную и большую привязанность къ дѣтямъ. Она огорчалась потому, что чувствовала молчаливое негодованіе мужа. Онъ никогда ни слова не говорилъ съ ней по этому поводу; онъ и вообще не разговаривалъ съ ней, даже тогда,

когда она обязана бывала приходить въ его спальню; онъ только отдавалъ ей различныя приказанія да временемъ читалъ нравоученія, училъ, какъ надо жить и дѣйствовать въ жизни.

И, чувствуя себя беременной, Клавдія Андреевна теряла присутствіе духа, сознавала себя глубоко несчастной и изливалась въ кроткихъ, но горькихъ жалобахъ, посылая ихъ Богу.

— Господи,—шептала она, лежа на жесткомъ, истрепанномъ диванѣ въ своей полутемной комнатѣ и горько плача въ подушку:—Господи, нешто я добивалась?.. Все, вѣдь, онъ же... Нешто мнѣ сладко носить да мучиться, коли я знаю, что ему это не угодно?.. И за что я такая несчастная?..

И дѣти, страстно любимыя ею дѣти, доставляли великую скорбь ея материнскому сердцу: они рождались и росли такими слабенькими, хилыми, рахитичными, а когда начинали ходить, то почему-то всегда оказывалось, что ножки у нихъ вывернуты наружу, какъ у танцмейстера въ первомъ па. Тихія, безжизненныя дѣти эти неслышно ютились въ заднихъ комнатахъ, передъ окнами которыхъ возвышалась гора, поросшая лѣсомъ и мало пропускавшая свѣта. Съ серьезнымъ, неумѣющимъ, казалось, улыбаться личикомъ дѣти печально, робко занимались бѣдными, грошовыми игрушками, шопотомъ бесѣдовали другъ съ другомъ и даже плакали какъ-то неслышно, будто боясь, чтобы голоса ихъ не дошли до того страшнаго, непонятнаго имъ существа, которое называлось ихъ отцомъ.

Въ переднія комнаты они не осмѣливались входить безъ матери. Туда и вообще рѣдко кто заглядывалъ. Тамъ была, во-первыхъ, „зала“, небольшая комната, уставленная дешевою мебелью, мертвая, необитаемая, и затѣмъ кабинетъ и вмѣстѣ спальня самого Мудрова, лучшее помѣщеніе въ домѣ. Здѣсь всегда было свѣтло; потолки были выше, лучшая мебель помѣщалась здѣсь.

Въ этой просторной и свѣтлой комнатѣ обиталъ Игнатій Геннадіевичъ, и сюда можно было входить лишь на цыпочкахъ, робко кашлянувъ въ предупрежденіе о своемъ появленіи.

А между тѣмъ, Мудровъ не былъ ни гнѣвливъ, ни особенно взыскателенъ. Онъ не очень придирался къ женѣ за ея хозяйственныя распоряженія и расходы, не кричалъ на дѣтей. Онъ просто направилъ жизнь сообразно своимъ вкусамъ, а если кто-либо изъ домашнихъ нечаянно отклонялся отъ даннаго направленія, онъ наказывалъ всѣхъ обитателей дома безконечными поученіями со ссылками на Писаніе и съ угрозами наказанія свыше. Онъ донималъ этимъ до такой

степени, что жена и старшія дѣти чувствовали тоску и боялись этихъ поученій больше всего на свѣтѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ, только что женившись на Клавдіи Андреевнѣ, принесъ изъ лавки кусокъ темной фланели и ваты и поручилъ ей сшить ему куртку. Это была нелегкая для молодой женщины задача. Она позвала на помощь свою тетку, старую дѣвушку съ раздутой правой щекой, отъ чего ротъ у нея сдѣлался маленькимъ и помѣщался сбоку, и долго ломала голову надъ выкройкой этого костюма. Достали старый пиджакъ Игнатія Геннадіевича и по этой модели сшили кое-какъ ватную кацавейку. Мудровъ, однако, не сталъ носить ея немедля. Онъ спряталъ ее и обновилъ только послѣ переѣзда въ N. За то на новомъ пепелищѣ онъ не разставался съ ней. Даже лѣтомъ, когда солнце опускалось къ западу и тѣни ложились длиннѣй, онъ, боясь простуды, мѣнялъ легкій пиджакъ на излюбленную куртку.

Одѣтый въ эту затасканную кацавейку, въ старыя, вытертыя брюки и войлочныя туфли, являлся онъ въ столовую, гдѣ семья, кромѣ маленькихъ дѣтей, уже дожидалась его. Здѣсь была трепетная, молчаливая, рано поблекшая Клавдія Андреевна, двое старшихъ дѣтей, тоже молчаливыя, блѣдныя, робкія существа съ голубыми грустными глазками и ножками, вывернутыми въ стороны, и, наконецъ, дѣти отъ перваго брака Мудрова—сынъ Аркадій и дочь Таня. Самый старшій сынъ Леонидъ, студентъ университета, имѣлъ по завѣщанію бабушки отдѣльное имущество и къ отцу не любилъ заглядывать.

Всѣ дожидались главы семьи, не садясь за столъ, а Мудровъ иногда безъ всякой видимой надобности заставлялъ томиться своихъ домочадцевъ минутъ по десяти. Когда онъ, наконецъ, двигался, то уже издали было слышно шлепанье его туфель. И Клавдія Андреевна испуганно шептала:

— Идетъ, идетъ!..

И, махая руками, кивая головой, дѣлая страшное, сердитое лицо, торопила служанку подавать горячее блюдо. Аркадій потуплялъ глаза и слегка блѣднѣлъ, стискивая зубы. Таня чувствовала, что на сердцѣ у нея растетъ какой-то камень, что ей хотѣлось бы бѣжать отсюда, бѣжать безъ оглядки, ни разу даже не вспомнивъ о домѣ.

Мудровъ входилъ, оглядывалъ безцвѣтными, холодными глазами комнату поверхъ головъ присутствующихъ, вздыхалъ и, стараясь изобразить на лицѣ кротость и благоволеніе, повертывался къ образамъ для молитвы. Крестился и молился онъ подолгу. Иногда на него находило такое настроеніе, что онъ затягивалъ молитву минутъ на пять. Тогда

онъ усиленно вздыхалъ, кланяясь, старался дотронуться пальцемъ до полу и шепталъ громкимъ шопотомъ:

— Господи... очисти мя, грѣшнаго... Вси святіи молите за насъ, грѣшныхъ!..

Онъ и самъ не могъ бы пояснить, для чего ему надо было проявлять эту усиленную набожность, когда супъ уже поданъ и голодное нетерпѣніе на-лицо, но съ годами эта потребность выказываться передъ домашними религіознымъ, елейнымъ, кроткимъ, умиленнымъ—все увеличивалась. Онъ все больше и больше входилъ въ роль благочестиваго патріарха многочисленной семьи и все увѣреннѣе разыгрывалъ роль учителя, наставника и даже благодѣтеля домашнихъ.

— Ну, вотъ,—слабымъ, изнеможеннымъ голосомъ говорилъ онъ, садясь на концѣ стола,—теперь, помолившись, приступимъ къ трапезѣ... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ... благослови... вино сіе... пшеницу... и елей...

Онъ дѣлалъ сложенными перстами знакъ креста надъ миской и начиналъ разливать горячее по подставленнымъ тарелкамъ.

Если за утреннимъ чаемъ кого-либо изъ дѣтей не было, то теперь этотъ отсутствовавшій членъ семьи спѣшилъ подойти поздороваться. Мудровъ никогда не цѣловался съ дѣтьми. Онъ протягивалъ для поцѣлуя свою большую, пухлую и потную руку и лишь изрѣдка дѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе подошедшему:

— Татьяна, ты уже дѣвица большая, тебѣ надо степеннѣе подходить... Скакать да прыгать, какъ козленокъ, пора перестать... Погоди, милая, садиться, пока отецъ говоритъ... Дэ... Ну, теперь садись...

Но вообще онъ не любилъ говорить съ отдѣльными членами семьи; онъ желалъ, такъ сказать, толпы, аудиторіи и обращалъ свои рѣчи ко всему наличному обществу; онъ желалъ, чтобы слова его, полныя назидательнаго смысла, воспринимались всѣми. Раздавая котлеты, онъ поучалъ:

— Человѣкъ состоитъ изъ плоти и духа; поэтому плоть требуетъ тѣлесной пищи... И вотъ, мы вкушаемъ ее. Но вкушать слѣдуетъ умѣренно, не отягощая желудка.. Mens sana in corpore sano,—здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ, какъ говорили древніе римляне. Но здоровое не требуетъ пресыщенія, ни роскоши... Умѣренность—первое условіе здоровья... О Господи, помилуй, Господи, помилуй...

Сдѣлавъ перерывъ, чтобы медленно пережевать кусокъ, онъ обводилъ присутствующихъ тусклыми, точно стеклянными глазами и опять начиналъ тягуче, нудно:

— Вонъ Леонидъ даже не поздравилъ старика-отца съ днемъ рожденія... Вообще усматриваю, что молодое поколѣ-

ніе полно гордыни и самомнѣнія... Каждый хочетъ жить своимъ умомъ, каждый думаетъ, что онъ лучше всѣхъ понимаетъ, какъ жить... Пагубное заблужденіе! Въ семьѣ, которая есть ячейка, а изъ таковыхъ создается государство, всѣ члены семьи должны жить не своимъ разумомъ, а разумомъ главы семьи. Въ государствѣ всѣ живутъ разумомъ главы государства, а въ семьѣ — приказами отца семейства... Тогда только и можетъ быть правильная жизнь... А если каждый своимъ умомъ захочетъ жить, такъ выйдетъ одна...

Онъ останавливался, подыскивая слово и, наконецъ, находилъ его:

— Одна... абракадабра...

Это сравненіе казалось ему настолько удачнымъ и остроумнымъ, что онъ начиналъ смѣяться, встряхивая дряблое тѣло, на которомъ жиръ просвѣчивалъ сквозь кожу желтыми пятнами, и кашлялъ по привычкѣ:

— Кхе, кхе... вотъ именно... хе, хе, хе... абракадабра...

И всѣ старались смѣться. Даже Таня, даже сумрачный Аркадій — и тѣ выдавливали изъ себя нѣчто, похожее на усмѣшку... И смѣхъ этотъ былъ жалкій, позорный смѣхъ рабовъ въ угоду господину.

За столомъ Мудрову почти всегда подавали особыя кушанья... Если семья ѣла вчерашнюю разогрѣтую говядину, то ему готовили бифштексъ; если на второе блюдо подавали вареное мясо изъ супа, то для Игнатія Геннадіевича готовили жареную свинину или дичь. Онъ никогда не ворчалъ, не высказывалъ неудовольствія по поводу обѣда, онъ только хмурился, вздыхалъ, съ пренебрежительнымъ видомъ ковырялъ вилкой на тарелкѣ, если ему не нравилось кушанье, и этого было достаточно для его жены, чтобы почувствовать себя преступной. Она блѣднѣла, краснѣла и не знала, чѣмъ загладить свой грѣхъ...

Послѣ стола Мудровъ опять долго молился, потомъ протягивалъ руку для поцѣлуя дѣтямъ и шлепалъ туфлями, направляясь къ себѣ медленной, усталой походкой и икая отъ сытости. Усѣвшись въ кабинетѣ въ мягкое кресло, онъ вздыхалъ, переваривая пищу, потомъ доставалъ изъ шифоньерки конфеты, пастилу или финики и нѣкоторое время предавался чревоугодію, жмуря глаза и чмокая губами. Потомъ засыпалъ въ креслахъ, посвистывая носомъ и шевеля губами, точно смакуя что-то.

Онъ не скрывалъ, что любитъ сладенькое, но оправдывалъ себя:

— У иного пристрастіе къ вину, къ табаку, а у меня нѣтъ этихъ слабостей... Я человѣкъ правильнаго образа

жизни... И полагаю, что не грѣхъ побаловать себя на старости какой-нибудь карамелькой...

Иногда въ праздникъ онъ бралъ въ свою жирную, потную руку нѣсколько карамелекъ по числу младшихъ дѣтей и двигался въ дѣтскую. Тамъ онъ подходилъ къ каждому младенцу по очереди и раздавалъ лакомство.

— Вотъ тебѣ, чтобы былъ (или была) умницей... А не будешь умницей, не получишь въ другой разъ...

Мимо очередного грудного онъ проходилъ, отворачивая глаза. Онъ начиналъ замѣчать ребенка лишь тогда, когда послѣдній становился на ноги...

Дѣти молча, со страхомъ, который рисовался на ихъ блѣдныхъ, хилыхъ личикахъ, опасливо брали каждый свою конфетку и крѣпко прижимали кулачки къ груди, не рѣшаясь тотчасъ насладиться лакомствомъ. А Клавдія Андреевна улыбалась жалкою, виноватою улыбкой, будто прося прощенія за то, что у нея такъ много дѣтей...

II.

Мудровъ жилъ своимъ особымъ, недоступнымъ для членовъ семьи міромъ. Быть можетъ, онъ скучалъ въ своей праздности, всегда одинъ со своими мыслями, но не сознавалъ скуки. Онъ прочитывалъ утромъ газету вплоть до биржи и объявленій, раздумывалъ надъ тѣмъ, что французы очень глупые люди, такъ какъ вздумали отдѣлять церковь отъ государства, и что у насъ надо бы „сократить жидовъ“, которые только крамолу разводятъ, потомъ обходилъ домъ, осматривая оконныя задвижки и печныя заслонки, дѣлалъ выговоръ женѣ за то, что въ оконной рамѣ трещало стекло. Когда хозяйственныя дѣла этого рода оканчивались, онъ опять садился въ кресло у окна, иногда бралъ книгу въ руки, а чаще всего просто о чемъ-то думалъ, глядя въ зарѣчную даль. Читать онъ не любилъ. Онъ не привыкъ смолоду читать; тѣ книги, которыя онъ одолѣлъ въ свое время, были учебники, руководства, пособія. Ихъ онъ только и признавалъ за нѣчто полезное.

Рѣка медленно двигала подъ нимъ глубокія воды, плескала на берегъ волной, все говорила о чемъ-то, звала за собой, манила въ невѣдомую даль, навѣвала неясныя грезы, мечты, упованія, рождала репотомъ струй тоску смутныхъ желаній, сладкую грусть о невѣдомомъ счастьи. Но Мудровъ не понималъ ея таинственнаго говора и не вслушивался въ него. Онъ думалъ о томъ, что хорошо бы построить черезъ эту рѣку каменный мостъ одной огромной аркой,

или задавалъ себѣ вопросъ: помѣстится въ рѣкѣ броненосецъ, или не помѣстится?

Зачѣмъ ему нуженъ былъ мостъ, онъ не зналъ; не зналъ и того, откуда у него явилась мысль о броненосцѣ, котораго онъ никогда въ жизни не видалъ. Ему надо было о чемъ-нибудь думать, и онъ думалъ объ этомъ.

Послѣ обѣда, сидя въ удобномъ креслѣ и передвигая языкомъ во рту конфету, онъ нападалъ на болѣе пріятныя мысли. Онъ высчитывалъ, сколько у него осталось денежной экономіи за минувшій годъ, и черезъ сколько лѣтъ эта ежегодная экономія можетъ удвоить его капиталъ. Мудровъ не былъ ни скупъ, ни особенно жаденъ, но дѣтство и молодость онъ провелъ въ великой нуждѣ, трепеталъ передъ жизнью и доводилъ бережливость до грани скаредности, видя въ деньгахъ прибѣжище отъ жизненныхъ печалей. Онъ крѣпко зажалъ въ своей огромной, пухлой рукѣ наличные достатки, выдавалъ женѣ на расходы небольшія суммы, а когда она, приготовивъ и подкрѣпивши себя молитвой, трепетно входила въ кабинетъ и робко просила денегъ на башмачки для дѣтей или на ситчикъ для маленькой Глани, онъ скорбно вздыхалъ, грустно взглядывалъ на иконы и пространно, мучительно-нудно доказывалъ женѣ, что она слишкомъ расточительна, что изъ денегъ, выдаваемыхъ на хозяйство, она обязана экономить на одежду для дѣтей.

— Ты видишь,—заканчивалъ онъ,—я статскій совѣтникъ, почти генералъ, а нѣтъ... не позволяю себѣ ничего лишняго... Вотъ, брюки третій годъ ношу... Опять же туфли взять... протерлись, не грѣютъ, а нѣтъ, подожди еще... Новый Годъ придетъ—ну, тогда подумаю...

Требуемую сумму онъ все-таки выдавалъ, но еще долго послѣ того не могъ успокоиться. Являясь къ столу, онъ представлялся больнымъ отъ разстройства, былъ молчаливъ, скорбно вздыхалъ и страдальческимъ взоромъ поглядывалъ вверхъ на потолокъ, какъ бы призывая небо въ свидѣтели своего огорченія.

И въ эти дни въ столовой царила гнетущая тишина. Домашніе старались ѣсть беззвучно, а когда кто-нибудь нечаянно двигалъ стуломъ или ронялъ вилку или ножикъ, то всѣ укоризненно взглядывали на виновнаго и чуть слышно шептали:

— Не шуми... какъ это можно!..

Часто Мудровъ начиналъ перебирать въ памяти картины и образы минувшихъ своихъ лѣтъ, уносился мыслью къ днямъ жизни въ супружествѣ съ первой своей женой, красавицей, женщиной изъ свѣтской семьи. Эти воспоминанія были ему и мучительны, и сладки, доставляли жгучее,

острое наслажденіе. Женился онъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, только что окончившимъ университетъ. Сосватала его одна важная, вліятельная дама, и онъ женился, наполовину изъ разсчета, такъ какъ та же дама доставила ему мѣсто преподавателя, а наполовину—по влеченію къ красавицѣ-дѣвушкѣ. Припоминалъ онъ, что свадьбу сыграли какъ-то особенно наскоро, чуть-ли не черезъ недѣлю послѣ сговора, что невѣста глядѣла на него съ какимъ-то ужасомъ въ глазахъ, а послѣ свадьбы не скрывала дрожи отвращенія въ его объятіяхъ. Догадывался онъ, что вышла она за него послѣ мучительной борьбы съ собой, что у нея былъ какой-то романъ въ жизни, что сердце ея было разбитое сердце, что, кажется, сынъ ея, Леонидъ, родившійся, какъ говорили недоношеннымъ, не его сынъ. И все же эти мучительныя воспоминанія, а также и то, что онъ всѣ пять лѣтъ супружеской своей жизни игралъ жалкую роль нелюбимаго, презираемаго подданнаго жены-повелительницы, что онъ трепеталъ передъ ней,—все это не исключало сладости думъ объ этой первой женѣ. Онъ хорошо помнилъ, что красавица-жена порой смѣняла свое отвращеніе къ нему на порывистый любовный пылъ, что она доставляла тогда ему такую роскошь наслажденія, какой онъ никогда болѣе не испыталъ. Онъ припоминалъ себѣ ея роскошное, нѣжное тѣло и сладостно жмурилъ глаза. Сынъ дьячка, онъ чувствовалъ себя около нея чѣмъ-то низшимъ, подвластнымъ и мирился со всѣмъ: съ ея отвращеніемъ къ нему, съ презрительнымъ ея тономъ, съ тѣмъ, что она порой начинала безпричинно рыдать, отталкиваться, съ тѣмъ, что она ругала его хамомъ, а иногда угощала даже пощечинами. Все это было ничто по сравненію съ тѣмъ, что онъ испытывалъ, когда она внезапно разгоралась страстью къ нему.

Эти пощечины онъ и до сихъ поръ, какъ будто, ощущалъ на своемъ дряблом, пухломъ лицѣ; онѣ тоже были въ своемъ родѣ пріятны: боли онъ не ощущалъ, за то нѣжная, маленькая женская рука прикасалась къ его лицу. Главное, рука настоящей, породистой аристократки, рука, которая кромѣ этихъ исключительныхъ обстоятельствъ никогда не ласкала его щекъ.

Мудровъ самъ хорошенько не могъ понять, почему даже такое, въ сущности, непріятное событіе, какъ очень сомнительное рожденіе сына Леонида, не только не мучило его, но доставляло нѣкоторое жгучее наслажденіе. Негодовать на жену онъ никогда не осмѣливался; онъ былъ рабъ, лакей нетерпѣливой, гордой, высокомѣрной женщины. Но онъ, какъ будто, наслаждался сознаніемъ, что вотъ эта презирающая его аристократка, мечтавшая тоже о какомъ-нибудь

свѣтскомъ человѣкѣ, даже, вѣроятно, согрѣшившая съ нимъ, все таки попадала и въ его, Мудрова, объятія. И дѣтей имѣла отъ него...

Думать объ этомъ было сладостно...

Она умерла черезъ семь лѣтъ послѣ замужества, оставивши Мудрову троихъ дѣтей и небольшія деньги. И Мудровъ, съ упоеніемъ вспоминая о красотѣ первой жены, набожно думалъ о томъ, что все на свѣтѣ идетъ къ лучшему, что ангелъ-хранитель заботится о его, Мудрова, благополучіи. Дѣло въ томъ, что покойница была на три года старше своего мужа и теперь была бы, благодаря своей страстной натурѣ, совсѣмъ старухой. А вотъ теперь у него, пятидесятилѣтняго человѣка, жена всего двадцати шести лѣтъ. Хоть и не красавица и не аристократка, да за то съ букетомъ молодости. И это надо цѣнить.

Кромѣ того, быть у жены чѣмъ-то въ родѣ лакея не особенно весело. Живи первая жена, онъ и сейчасъ бы игралъ все ту же унизительную роль. А со смертью ея онъ сталъ возвышаться въ собственномъ мнѣніи, сталъ поднимать голову, увѣровалъ понемногу въ собственныя свои достоинства, почувствовалъ себя способнымъ глядѣть на другихъ сверху внизъ, даже поучать людей.

И окончательно увѣрился, что все на свѣтѣ идетъ къ лучшему...

Вечеромъ онъ писалъ иногда мемуары, но это занятіе утомляло его, не доставляя наслажденія творчества. Онъ рѣшительно былъ лишенъ способности обобщать свои воспоминанія, и послѣднія сводились къ тому, что въ такомъ-то году министерство велѣло принять въ гимназіяхъ латинскую грамматику Зейферта, а сборникъ Ходобая и Виноградова вышелъ одиннадцатымъ изданіемъ.

Вся педагогическая его дѣятельность представлялась ему однимъ сплошнымъ усиліемъ обратить молодое поколѣніе въ искусныхъ переводчиковъ содержимаго учебника Ходобая на латинскій языкъ. И, припоминая теперь, что усилія эти не приводили ни къ чему, онъ грустно вздыхалъ, сознавая, что полнаго нравственнаго удовлетворенія въ жизни не бываетъ...

Спускалась темная осенняя ночь. Внизу начинала шумѣть рѣка, взволнованная усилившимся вѣтромъ. Она гремѣла о каменистый берегъ волной, точно хотѣла сорвать его, и мчалась дальше, въ невѣдомые края, сквозь мракъ и непогоду ночи. А у самыхъ стѣнъ дома неустанно и однотонно все что-то говорилъ ручей, бѣгущій изъ горы, чтобы исчезнуть, раствориться въ глубокихъ водахъ Ильмы. И смутное безпокойство овладѣвало порой Мудровымъ. Онъ ло-

жился въ постель и по долгу лежалъ съ открытыми глазами, приглядываясь къ неяснымъ тѣнямъ, которыя колебались на стѣнѣ отъ мерцавшей лампады. Въ душѣ его шевелился какой-то червячекъ сомнѣній въ превосходствѣ его, Мудрова, надъ людьми, въ благополучіи его жизни. Что-то похожее на скуку выползало наверхъ сѣрой гнетущей глыбой...

А ночь, мрачная, угрюмая, неустанно двигалась впередъ и сѣяла томительныя думы, назойливые вопросы. Вспоминалось Мудрову дѣтство, долетали оттуда изъ глубины минувшаго отголоски былыхъ ощущеній, отголоски той радости бытія, которая царила нѣкогда въ его сердцѣ. И тоска росла, и Мудровъ глубоко вздыхалъ подъ напоромъ этой неопредѣленной тоски.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ,—машинально шепталъ онъ и рѣшалъ, что съѣлъ за ужиномъ лишнее, и что ему не спится именно отъ переполненія желудка.

Онъ вставалъ, кряхтя и охая, съ постели, шелъ къ шифоньеркѣ, доставалъ оттуда карамельку и опять ложился въ постель въ надеждѣ, что карамелька разсѣетъ ту неопредѣленную грусть, которая плакала въ его душѣ.

Изъ-за порывовъ вѣтра до слуха доходилъ глухой ропотъ расходившейся волны; ручей говорилъ свою однообразную загадочную рѣчь. Въ окна глядѣла угрюмая, зловѣщая ночь поздней осени, и все что-то шептала тишина, чѣмъ-то грозила надвигающаяся полночь.

„Что-жъ,—успокаивалъ себя Мудровъ,—жизнь моя была правильная. Ни я кутилъ, ни я развратничалъ; поучалъ юношество, трудился и за все это вознагражденъ пенсіей, дворянскимъ званіемъ, почитаніемъ семьи, уваженіемъ отъ людей... Теперь подошло время пожить на покоѣ, отдохнуть отъ трудовъ. Ну, и слава Богу, имѣю къ тому возможность... Что-жъ, я доволенъ... Я всѣмъ доволенъ“...

А неугомонное сердце все тихонько ныло, какъ начинающаяся зубная боль.

Жизнь Мудрова сложилась по его вкусамъ, и онъ упорно не желалъ замѣчать томительности ея. Онъ разнообразилъ ее аккуратнымъ хожденіемъ въ церковь, и показная, наружная, чисто механическая набожность овладѣла имъ, доставляя ему радость самоуваженія. Онъ чувствовалъ себя примѣрнымъ, образцовымъ сыномъ церкви и понималъ, что за такового его считаетъ и приходское духовенство. Онъ удостаивалъ мѣстнаго батюшку посѣщеніями и изрѣдка приглашалъ его къ себѣ на чашку чаю. Во время этихъ свиданій онъ велъ бесѣды на душеспасительныя темы и скромно опускалъ глаза и трогательно вздыхалъ, понимая, что па-

стырь не можетъ не любоваться на его благочестіе, но желая не допускать себя до горделивыхъ мыслей.

— Всѣ мы люди грѣшные, батюшка, — сокрушался онъ, причмокивая кусокъ сахара и звучно втягивая въ себя горячую струю чая,—„во грѣсѣхъ роди мя мати моя“...

— Что же, — утѣшалъ его сѣдѣющій и тучнѣющій батюшка,—ваша жизнь, Игнатій Геннадіевичъ, можно сказать, примѣрная жизнь. Такіе люди—оплотъ церкви...

— Ну ужъ... гдѣ ужъ... — скромничалъ Мудровъ, но въ тайникахъ сердца сознавался, что онъ дѣйствительный оплотъ.

И понемногу увѣренность въ томъ, что онъ примѣрный человѣкъ, совсѣмъ овладѣла имъ. Онъ чувствовалъ, что и для семьи, и для знакомыхъ является какъ бы свѣтомъ, озаряющимъ ихъ существованіе, и это наполняло его умиленіемъ, дѣлало его елейнымъ и усиленно скучнымъ. Онъ учащалъ свои поученія дѣтямъ, назидалъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Онъ готовъ былъ считать себя праведнымъ и не сомнѣвался, что всѣ члены семьи (за исключеніемъ развѣ Леонида) благоговѣютъ предъ нимъ.

А два раза въ годъ, въ праздники Рождества и Пасхи, онъ надѣвалъ вицмундиръ съ орденами и, держа въ лѣвой рукѣ бѣлыя перчатки, шлепалъ по тротуару къ предводителю, исправнику, головѣ. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ, онъ не съумѣлъ бы объяснить, но не идти не считалъ возможнымъ. Онъ не замѣчалъ то недоумѣвающихъ, то слегка недовольныхъ лицъ хозяевъ домовъ, куда онъ являлся, и, опуская отяжелѣвшее тѣло на стулъ, подолгу занималъ рѣчами тосковавшаго хозяина или хозяйку.

— Нынѣ, замѣчаю, падаетъ уваженіе въ народѣ къ лицамъ заслуженнымъ. Иду давеча по улицѣ, а какіе-то подростки... сидятъ у лавки Чебыткина да вслухъ и говорятъ: „вонъ поѣхали большія калоши“... Это про меня... Думаю, что такое непочтительное отношеніе къ старшимъ... влечетъ за собой растлѣніе нравовъ. Ибо, если сегодня не почитаютъ старшихъ, то завтра отвергнутъ власть, а послѣ завтра Господа...

Подобную рѣчь онъ растягивалъ надолго. Потребность говорить, и притомъ говорить съ поученіемъ, всегда таилась въ немъ. И онъ говорилъ—медленно, тягуче, съ остановками, обдумывая и смакуя каждую фразу, говорилъ унылымъ, однотоннымъ голосомъ, возбуждая въ слушателѣ наклонность къ дремотѣ и озлобленіе. Но часто, не замѣчая этого, поучалъ и поучалъ. Потомъ, вытащивъ изъ жилетнаго кармана часы и поглядѣвъ на нихъ, вставалъ и прощался.

— Извините... Посидѣлъ бы еще въ пріятномъ обществѣ,

но считаю долгомъ сдѣлать еще визитъ Ивану Ивановичу... Иначе обидѣться можетъ...

И, не подозрѣвая, что всюду вносилъ томленіе и скуку, онъ съ чувствомъ удовлетворенной гордости и даже съ оттѣнкомъ умиленія поучалъ за ужиномъ домашнихъ:

— Вотъ, учитесь, молодое поколѣніе, какъ слѣдуетъ жить... Вотъ, я пришлецъ здѣсь... и, однако, всѣ меня почитаютъ, уважаютъ... Потому знаютъ, что я заслуженный человѣкъ, статскій совѣтникъ, имѣю ордена. Знаютъ, что я человѣкъ науки, что выслужилъ полную пенсію на поприщѣ педагога... Да... Поди-ка, наукой-то заниматься не легко было...

Потребность поучать стала развиваться у него въ страсть. Онъ собирался просить у епархіальнаго владыки благословенія сказать въ соборѣ проповѣдь; потомъ сталъ обдумывать планъ обширнаго сочиненія на духовно нравственную тему, а съ осени принялся и за работу, хотя плана не выработалъ. Онъ надѣялся на вдохновеніе, на то, что планъ выработается самъ собою во время писанія. Втеченіе недѣли онъ написалъ четыре главы этого сочиненія. Первая начиналась текстомъ: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“, но затѣмъ переходила къ оскудѣнію вѣры, особенно среди молодежи, и заканчивалась вопросомъ: „почему же безумные не берутъ себѣ въ образцы людей старшихъ, уважаемыхъ, заслуженныхъ и извѣстныхъ строгостью нравовъ?“ Въ слѣдующей главѣ онъ касался вопроса объ отношеніи половъ, еще въ слѣдующей вспоминалъ о римской патриціанкѣ Лукреціи, а въ четвертой почему-то полемизировалъ съ тѣми, которые возставали противъ института земскихъ начальниковъ. Такъ какъ онъ рѣшительно не зналъ, чѣмъ связать всѣ эти разнородные вопросы и какъ идти дальше, то на время оставилъ работу, порѣшивъ хорошенько обдумать ее.

Порой скука, не сознанная, но все же реальная, одолѣвала его. Онъ чувствовалъ, что думы о прошломъ, о красотѣ первой жены, мечты объ удвоеніи капитала, о постройкѣ моста черезъ Ильму, о проповѣди въ соборѣ не занимаютъ его. Душа его какъ бы увядала, мысль сохла. Тогда онъ находилъ нужнымъ развлечь себя, шелъ въ городской клубъ и тамъ, зѣвая и тоже томясь, медленно бродилъ, волоча ноги, изъ читальной въ залу, гдѣ шла карточная игра, изъ залы въ буфетную и обратно. Въ буфетѣ онъ подробно осматривалъ напитки и закуски и изучалъ списокъ кушаній. И все разспрашивалъ буфетчика, толстаго, страдающаго одышкой человѣка, о цѣнахъ всѣмъ этимъ предметамъ и о способѣ изготовленія кушаній и закусокъ.

— Вотъ тутъ написано: битки въ сметанѣ,—строго гово-

рилъ онъ, упорно разглядывая буфетчика стеклянными глазами,—а сметана-то, небось съ мукой... А?

— Зачѣмъ-же-съ?—вяло и равнодушно возражалъ послѣдній и глядѣлъ куда-то поверхъ надоѣдливаго посѣтителя.— Сметана самая правильная-съ...

— Судакъ... гмъ... Какой судакъ?..

— Судакъ-съ?.. Натуральный судакъ-съ...

— Это что на тарелкѣ? Балыкъ?.. Такъ развѣ такой балыкъ долженъ быть?.. Вотъ, братецъ, тамъ, гдѣ я служилъ, ну, тамъ балыки... А портвейнъ почемъ?

— Полтора рубля-съ...

— Гмъ... дорогонько... И навѣрное, съ подмѣсью...

Онъ ничего не заказывалъ, довольствуясь разговоромъ и осмотромъ. А когда смотрѣть уже было нечего, онъ опять шелъ въ залу и, остановившись позади кого-нибудь изъ играющихъ, вглядывался въ его карты и изрѣдка дѣлалъ замѣчанія. И это непріятно волновало сидящихъ. На Мудрова бросали непріязненные взгляды, морщились, покрякивали, на вопросы его отвѣчали сухо, порой пытались совсѣмъ не отвѣчать. Онъ ничего ни замѣчалъ и продолжалъ обходить всѣ столы, повсюду возбуждая непріязнь къ своей особѣ.

Однажды, когда онъ стоялъ такимъ образомъ за спиной у судьи, разглядывая его карты, послѣдній не вытерпѣлъ, положилъ карты и, повернувшись къ нему, спросилъ:

— Послушайте, скажите: когда вы глядите въ воду, рыба не дохнетъ?..

Но Мудрова и это не смутило. Онъ отошелъ къ другому игроку и продолжалъ разглядывать карты и дѣлать замѣчанія. А судью рѣшилъ наказать: не сдѣлать ему визита на Новый годъ.

Онъ и самъ охотно сыгралъ бы. Въ прежнее время онъ садился по маленькой, но за послѣдніе годы не рѣшался— боялся проигрыша.

Возвращался онъ домой часамъ къ одиннадцати, ужиналъ, а на другой день разсказывалъ домашнимъ за обѣдомъ:

— Вотъ я вчера и развлекся, въ клубъ сходилъ... Человѣку потрудившемуся полагается иногда и развлеченіе себѣ доставить... Отрадно видѣть мнѣ, что люди относятся ко мнѣ съ уваженіемъ. Очевидно, почитаютъ во мнѣ человѣка науки. Федоръ Васильевичъ назвалъ меня Превосходительствомъ. „Ну, говоритъ, ваше превосходительство, сыграемте, говоритъ, по маленькой... Четвертаго, говоритъ, не хватаетъ"...

— Нѣтъ, — говорю, — Федоръ Васильевичъ, мое время прошло...

III.

Клавдія Андреевна и ея дѣти представляли собою отдѣльный мірокъ, не имѣвшій почти никакихъ точекъ соприкосновенія съ передними комнатами дома. Мудрова и ея дѣти жили бѣдно, грязно, въ низкихъ комнатахъ, въ нездоровомъ воздухѣ, робкія, трепетныя, старающіяся быть незамѣтными, неслышными. Мать передала дѣтямъ свой страхъ передъ жизнью, и они безсознательно, инстинктивно жались по угламъ или около матери, безпомощно глядя на нее не по-дѣтски серьезными, боязливыми безцвѣтными глазами.

Обществомъ Клавдіи Андреевны были ея сосѣдки-мѣщанки, жившія огородами да мелкой торговлей на базарѣ съ лотковъ. Это былъ печальный, обиженный судьбою уголокъ. Въ уголкѣ этомъ мужья по праздникамъ напивались и колотили женъ, а жены отводили душу, сходясь посудачить, пощелкать сѣмечки, потомъ ссорились, опять мирились. Въ этомъ уголкѣ интересовались жизнью мѣстныхъ аристократовъ, знали все, что совершается въ домахъ чиновниковъ и купцовъ, кто за кѣмъ ухаживаетъ, кто кому измѣняетъ, кто съ кѣмъ поругался.

Клавдія Андреевна по образованію и развитію мало чѣмъ отличалась отъ сосѣдокъ, и къ ней шли запросто; ея комнатка стала скоро чѣмъ-то въ родѣ клуба для этихъ женщинъ. Такъ какъ она черезъ свое замужество очень возвысилась въ соціальномъ отношеніи, то ей завидовали, говорили, что она родилась въ сорочкѣ. Но завидовали больше по теоріи, а злословить ее скоро перестали: ужъ очень она была кротка, проста, и, кромѣ того, всѣмъ было ясно, что, несмотря на высокій чинъ мужа, она судьбой не обласкана.

— Да ты, мать, никакъ опять чижола?—говорила разбитная Авдотья Семеновна, подпирая бока мускулистыми руками.— Нако-ся, одного еще кормить, а ужъ и другого готовить!.. Ну, и муженекъ у тебя!.. Даромъ, что преподобный, а свое дѣло знаетъ... Ужъ эти мужчины завсегда...

Клавдія Андреевна смущалась, а потомъ начинала плакать.

— Не на радость мнѣ и дѣти-то, Семеновна, не на радость, не на утѣху...

Она говорила правду, а сосѣдки, зная въ точности образъ жизни этого дома, вѣрили ея словамъ. И на всей этой улицѣ, застроенной маленькими, покосившимися домиками, тѣсной, грязной и сорной, дѣти были не на утѣху матерямъ. Дѣти рождались здѣсь усиленно, но усиленно же и умирали,

не возбуждая своимъ появленіемъ на свѣтъ особенной радости у родителей и не вызывая большого горя своею смертью...

Когда случалось, что Игнатій Геннадіевичъ уходилъ изъ дому, жена его, чтобы доставить дѣтямъ удовольствіе, брала ихъ въ переднія свѣтлыя, высокія комнаты. Входили они туда робко, неслышно, оглядывались по сторонамъ и дивились на развѣшанныя по стѣнамъ литографіи, на мебель, которая стояла въ гостинной, на большіе часы въ длинномъ футлярѣ краснаго дерева. Но главное вниманіе приковывалъ видъ на рѣку и на зарѣчную даль. Рѣка тихо двигала воды, тихо плескала о камень берега, все говорила о чемъ-то, все звала за собой куда-то. А въ туманѣ далей таились мечты, грезы, смутныя надежды, тоскливыя ожиданія...

Иногда сверху сходила молчаливая, грустная, съ хорошенькимъ личикомъ, Таня и тоже садилась къ окну. И Клавдія Андреевна, и Таня, и младшія дѣти не сознавали, не догадывались, что эта невѣдомая даль зоветъ ихъ, сулитъ что-то лучшее, что-то радостное, но всѣ они подолгу не отрывали недоумѣвающихъ, тоскливыхъ взоровъ отъ этой картины невѣдомаго далекаго. Мать садилась у окна и, подперши одной рукой голову, прижавши къ груди котораго-нибудь изъ дѣтей, тихо вздыхала порой, точно горюя о чемъ-то. И такъ же грустно, безнадежно и молчаливо глядѣла и пятнадцатилѣтняя Таня. И обѣ не могли бы догадаться, уяснить себѣ, зачѣмъ родились на свѣтъ, зачѣмъ живутъ, и куда ушло отъ нихъ то счастье сознанія жизни, которое присуще всякому бытію.

Робкія, молчаливыя дѣти жались къ матери и тоже не спускали не по-дѣтски печальныхъ глазъ съ этой непонятной имъ, невѣдомой дали. И если бы всѣ они могли оформить то смутное, неопредѣленное чувство, которое тѣснилось въ ихъ сердцахъ, то сказали бы, что чувство это состоитъ въ страстномъ желаніи умчаться вонъ въ ту мглистую даль, прочь изъ этого скучнаго, молчаливаго дома, отъ того нуднаго, безконечно-тягостнаго для всѣхъ человѣка, который назывался главой семьи, и который искренно сознавалъ себя благодѣтелемъ семьи; умчаться и хоть разъ въ жизни свободно вздохнуть, стряхнуть съ себя страхъ, вѣчный трепетъ рабовъ, почувствовать радость жизни!..

Старшія дѣти жили на мансардѣ въ двухъ небольшихъ комнаткахъ и тоже составляли особый мірокъ. Съ нѣкотораго времени болѣзненная, нервная Таня, лицомъ напоминавшая покойную свою мать, инстинктивно стала льнуть къ Клавдіи Андреевнѣ, ища у ней ласки, того тепла, котораго она была лишена въ жизни. Она часто спускалась внизъ и молча сидѣла около мачихи, задумчивая, грустная

и будто недоумѣвающая. И Клавдія Андреевна, робѣвшая передъ пасынками, всѣмъ своимъ существомъ признававшая ихъ права на первенство, жалѣла печальную, нервную дѣвочку и робко ласкала ее. Она припрятывала для нея остатки отъ обѣда, иногда лакомство, заботилась о ея бѣльѣ, платьяхъ.

— Не горюйте, Танечка, — пыталась она ободрить ее, — вотъ, Богъ дастъ, вырастете, судьбу свою найдете... Не все въ этомъ углу жить будете...

Но Таня печально, а порой озлобленно глядѣла куда-то въ пространство большими, красивыми глазами, и по ея молодому, чистому лицу пробѣгала судорога отчаянія.

— Куда мнѣ уйти?.. — шептала она. — Развѣ въ воду только... Заморить меня хочетъ папа, унизить...

— Ну, Богъ съ вами, что это вы!.. — испуганно махала руками мачиха: — нешто можно такъ?.. Грѣхъ такъ говорить...

— А зачѣмъ онъ взялъ меня изъ гимназіи?.. Въ пятый классъ перешла, онъ и взялъ... Я бы окончила гимназію, въ учительницы бы пошла... По-людски бы жить стала... А теперь я что? Куда я пойду?.. Онъ меня ненавидитъ... Онъ всегда меня не любилъ...

— Папаша думаютъ, что нынче изъ гимназіевъ съ вольнымъ духомъ выходятъ... Васъ же жалѣючи...

— Неправда, ему денегъ жаль... Для меня и для Аркаши ему жаль денегъ... У него ихъ много, а онъ жалѣетъ... Онъ изъ меня швею сдѣлаетъ да за пьянаго какого-нибудь писаря и выдастъ... Мы для него обуза... Онъ про насъ забылъ, что мы... тоже... люди... У Лени свои деньги отъ бабушки, ну, онъ и учится... А для насъ у папы нѣтъ ничего... А богатый, вѣдь, онъ... Господи, хоть бы умереть, что-ль!.. Пока жива была бабушка, все было хорошо... А теперь это не жизнь, а тюрьма...

Клавдія Андреевна спорила съ дѣвочкой, успокаивала ее, какъ умѣла, но въ душѣ сознавалась, что дѣти для Мудрова, дѣйствительно, обуза, что судьбой ихъ онъ мало интересуется. Старшій Леонидъ, воспитанникъ бабушки-аристократки, рѣдко видалъ отца и не доставлялъ ему никакихъ хлопотъ, не прося денегъ, не обращаясь за совѣтами. Но второй сынъ, Аркадій, наружностью весь въ отца, такой же мѣшковатый, притомъ мрачный, угрюмый, съ болѣзненнымъ, блѣднымъ лицомъ, которое было широко, скуласто и плоско, два раза застревалъ въ классахъ, и отецъ взялъ его изъ гимназіи и помѣстилъ въ уѣздное казначейство на должность писца.

— Я, мой другъ,—пояснилъ онъ,—деньги на вѣтеръ бросать не могу... Деньги, мой другъ, не родятся, на деревьяхъ

не растутъ, въ рѣкѣ не ловятся, по воздуху не летаютъ, на дорогѣ не валяются... Деньги, мой другъ, добываются трудомъ и... усиліями... Если ты не желаешь учиться, какъ слѣдуетъ, пеняй на себя... Я не виноватъ, что ты тогда заболѣлъ и отсталъ... Надо было заботиться о здоровьи... Здоровье, мой другъ, это первое дѣло... Mens sana in corpore sano... Да... А такъ какъ ты отсталъ, то мнѣ приходится платить за тебя лишнее, а лишняго ничего не имѣю... Я человѣкъ небогатый... Ты видишь, я статскій совѣтникъ, а живу скромно, безъ затѣй... А тебѣ ужъ скоро 18 лѣтъ; ты самъ долженъ добывать кусокъ хлѣба... Силы есть, — работай, служи, отца не обременяй... На первое время хоть платье себѣ заработаешь...

И молодой Мудровъ второй уже годъ ходилъ на службу. Онъ сталъ еще угрюмѣе, и озлобленіе охватывало его все больше и больше. То обстоятельство, что онъ не окончилъ гимназіи, не попалъ въ университетъ, грызло его самолюбіе, раздражало, унижало. Жизнь сразу стала ему тягостной, и радости молодости, казалось, созданы были не для него.

Порой онъ тоже спускался внизъ и шелъ въ дѣтскую, но при этомъ упорно и угрюмо молчалъ и молчаніемъ своимъ приводилъ въ смущеніе мачиху. Она робко, виновато глядѣла на него, такъ похожаго оплывшимъ лицомъ и тучной фигурой на отца, и почему-то страшилась за своихъ дѣтей: ей казалось, что онъ ненавидитъ ихъ и готовъ обидѣть ихъ чѣмъ-нибудь. И, желая хоть чѣмъ-нибудь умилостивить угрюмаго, молчаливаго, неласковаго пасынка, она дѣлала такъ неидущее къ ней строгое лицо и учила малышей повелительнымъ шопотомъ:

— Липочка, не реви... Видишь, старшій братецъ пришелъ... Братецъ не любитъ, когда дѣти плачутъ... Ванечка, подойди, поцѣлуй ручку у старшаго братца... Братца надо почитать...

Но Аркадій, казалось, никогда не слушалъ этихъ жалкихъ, заискивающихъ словъ. Онъ садился гдѣ-нибудь на сундукъ въ этой полутемной, съ нехорошимъ воздухомъ комнатѣ и подолгу сидѣлъ и молчалъ, угрюмо, хмуро и загадочно. А Клавдія Андреевна терялась и была вся на чеку.

Иногда онъ обращался къ ней съ какимъ-нибудь незначительнымъ вопросомъ, и Клавдія Андреевна вся вздрагивала, настораживалась. Иногда онъ просилъ, отрывисто, грубо, отвернувши лицо въ сторону:

— Ѣсть хочется... Нѣтъ ли у васъ хоть хлѣба?.. За обѣдами-то за вашими кусокъ въ ротъ не лѣзетъ отъ поученій этихъ душеспасательныхъ...

Она спѣшила покормить его. Она всегда старалась имѣть въ шкафу какую-нибудь ѣду, которою подкармливала собственныхъ дѣтей, и рада бывала угодить угрюмому пасынку, передъ которымъ трепетала, какъ и передъ его отцомъ. А онъ молча бралъ холодную котлетку, молча и нахмуренно съѣдалъ ее въ два-три пріема и молча, не поблагодаривъ мачихи, уходилъ наверхъ, стуча неуклюжими сапогами и грузно раскачиваясь нескладнымъ тѣломъ.

Но вотъ однажды Клавдія Андреевна, вернувшись изъ кухни, остановилась въ изумленіи въ дверяхъ дѣтской. Тамъ, въ этой дѣтской, сидѣлъ на сундукѣ Аркадій, держалъ на рукахъ маленькаго Ваню и крѣпко, безъ счета, цѣловалъ его и въ щечки, и въ глазки, и въ тоненькую, жалко сморщенную, цыплячью шейку. А ребенокъ смѣялся тихимъ, захлебывающимся смѣшкомъ. Потомъ Аркадій опустилъ его, взялъ на руки Липочку и сталъ цѣловать ее. И дѣти, чуя, что у неласковаго, угрюмаго брата много таится на сердцѣ нѣжности къ нимъ, окружили его и что-то лепетали, что-то поясняли ему.

Замѣтивши мачиху, Аркадій нахмурилъ свои бѣлыя брови и, точно недовольный, что его застали съ дѣтьми, отвернулся къ окну, потомъ лѣниво поднялся и вышелъ. А Клавдія Андреевна глядѣла ему вслѣдъ, въ его широкую, какъ у отца, безформенную, похожую на набитый мѣшокъ спину, и на глазахъ у нея блестѣли слезы.

Съ этого дня Аркадій сталъ чаще приходить въ дѣтскую, все по-прежнему угрюмый, неласковый, молчаливый. Но дѣти, встрѣчали его съ радостнымъ оживленіемъ; блѣдныя лица ихъ окрашивались румянцемъ, безжизненные глазки загорались огонькомъ. А Клавдія Андреевна глядѣла на него просвѣтленнымъ, благодарнымъ взглядомъ.

— Аркадій Игнатьичъ, — робко начинала она, — покушать не изволите-ли?.. Бишкетикъ остался... папаша не докушали...

Онъ хмуро, не поднимая глазъ, поворачивалъ къ ней некрасивую массивную голову и грубо отзывался:

— Чего-о?..

— Покушали бы, молъ... бишкетикъ холодный...

— Не хочу...

Но здѣсь уже не вѣрили въ его грубость и угрюмый видъ. Дѣти толпились кругомъ и что-то лепетали и тянулись къ нему. И на его одутловатомъ, нездоровомъ лицѣ пробѣгало неуловимое выраженіе застѣнчивой, робкой нѣжности. Стыдясь и точно негодуя на себя, разсаживалъ онъ на жирныхъ своихъ колѣняхъ эту мелюзгу, взглядывалъ исподлобья на мачиху и, прячась отъ ея наблюденій, совалъ

потихоньку дѣтямъ какое-нибудь немудреное лакомство. Онъ получалъ жалованье и могъ позволять себѣ эту роскошь.

Такъ шла здѣсь жизнь, въ этой удушливой атмосферѣ приниженности, тупой, мертвящей, позорящей душу. Это было царство трепета; здѣсь обитали рабы, покорные своей участи, не пытающіеся даже мечтать о лучшей долѣ. И только на верху, на мансардѣ, притаилось молчаливое озлобленіе, сознающее свое безсиліе сбросить иго...

А тотъ, кто давилъ ихъ своей тяжелой, пухлой и потной дланью, не давалъ имъ дышать, отнималъ у нихъ радость жизни, отходя ко сну, думалъ умиленно:

— Вотъ и день прошелъ... и слава Господу... Потрудился я на своемъ вѣку, поработалъ, а теперь отдыхаю... Дѣти подрастаютъ и примѣръ съ отца будутъ брать, какъ надо жить, какъ долгъ свой исполнять въ жизни...

И повторялъ за обѣдомъ въ минуты душевнаго размягченія:

— Учитесь, на отца глядя... Я вамъ живой образецъ правильной жизни... Выростилъ я васъ, образованіе далъ. Теперь скоро сами будете въ состояніи идти по жизненной дорогѣ. И вы должны всегда помнить, что отецъ вашъ истинный для васъ примѣръ... Не даромъ и отъ правительства награжденъ чинами и отличіями, и отъ людей почтенъ... Но только... благодарности настоящей я отъ васъ не вижу... Аркадій букой глядитъ, Татьяна пришипилась что-то сегодня, а Леонидъ... Богъ ему судья, хоть бы вспомнилъ когда о старикѣ-отцѣ, какъ, молъ, онъ поживаетъ, не боленъ ли, не скучаетъ ли по своемъ первенцѣ... Дѣти-то нынче пошли безчувственныя...

IV.

Онъ, впрочемъ, вспоминалъ о Леонидѣ только такъ, чтобы оттѣнить свои заботы о дѣтяхъ. Въ дѣйствительности, онъ былъ доволенъ, не видя первенца уже болѣе двухъ лѣтъ. Леонидъ всегда смущалъ его, даже тревожилъ, нарушалъ его душевное равновѣсіе. Со смерти матери Леонидъ жилъ у бабушки, а когда послѣдняя скончалась, онъ, уже студентъ тогда, зажилъ совершенно самостоятельною жизнью. Онъ переписывался съ Аркадіемъ и Таней, а объ отцѣ точно позабылъ.

И когда въ началѣ лѣта онъ явился нежданно въ домъ Мудрова, Игнатій Геннадіевичъ смутился, почти оробѣлъ. Этотъ высокій, красивый, такъ похожій на свою мать и такъ же, какъ она, нервно подергивавшій лѣвою бровью сынъ

таилъ въ глубинѣ своихъ строгихъ глазъ какое-то невысказанное къ нему, Мудрову, презрѣніе. Игнатію Геннадіевичу такъ и думалось, что вотъ-вотъ глаза Леонида загорятся тѣмъ огонькомъ безумія, который бывалъ порою въ большихъ, прекрасныхъ и скорбныхъ глазахъ его матери, а съ устъ сорвется полный ненависти шопотъ:

— Вы—хамъ... гадина... На васъ глядѣть противно...

Давно было то время, когда Мудровъ слышалъ эти слова; давно уже успокоилъ онъ себя радостнымъ сознаніемъ, что слова эти не имѣютъ рѣшающаго значенія, что въ дѣйствительности онъ, Мудровъ, полонъ достоинствъ и заслужилъ всеобщее уваженіе, но при взглядѣ на сына Леонида онъ опять терялся, робѣлъ, какъ въ прежніе дни робѣлъ передъ женой, и точно ждалъ, что вотъ-вотъ раздастся гнѣвный шопотъ:

— Вы... гадина...

И чувствовалъ, что, случись нѣчто подобное, онъ не нашелся бы, пожалуй, что отвѣтить, какъ вести себя. Въ тѣ давно прошедшіе дни онъ только потиралъ большія красныя руки, дѣлалъ жалостную физіономію и все повторялъ приниженнымъ голосомъ:

— Милочка... милочка... успокойся, милочка...

И теперь этотъ красивый, задумчивый юноша, у котораго, какъ у его матери, все подергивалась по временамъ бровь, взглядывалъ порой на отца холоднымъ, ничего не выражающимъ взлядомъ, а Мудровъ терялся подъ этимъ неопредѣленнымъ взглядомъ и готовъ былъ шептать:

— Милочка... милочка...

Къ концу перваго свиданія онъ оправился отъ смущенія и опять набралъ вѣры въ себя.

— Ну, вотъ... ну, посѣтилъ... спасибо, — началъ онъ и вздохнулъ, поднимая тусклые глаза къ потолку. — Что же, окончилъ курсъ? Да?.. Это хвалю... Раненько окончилъ, но это лучше... Теперь на службу... Отдохни лѣто и на службу... Что жъ, поживи у старика-отца, поживи... я радъ...

— Нѣтъ, я послѣ завтра уѣзжаю...

— Куда?.. Уѣзжаю! А можно бы и согласія у отца спросить... Уѣзжаю!.. Такъ и рѣшилъ... Вотъ вы, нынѣшняя молодежь...

Онъ увлекся и собирался начать длинную рѣчь въ поученіе гостю, но взглянулъ въ лицо сыну и сразу умолкъ. Это лицо хмурилось, а въ глазахъ что-то загоралось непріязненное. И Мудровъ спѣшно заговорилъ, путаясь и заикаясь:

— Ну, ну, ну... я, вѣдь... вообще... Для пользы же... васъ... дѣтей...

— Я совершеннолѣтній,—глухо проговорилъ Леонидъ.

Но Мудровъ уже чувствовалъ себя дѣйствительно обиженнымъ.

— Ну, совершеннолѣтній, такъ и хорошо,—почти слезливо началъ онъ,—дѣлай, какъ знаешь... Что жъ, ужъ мы, старики... ужъ намъ... и въ могилу пора...

Но за обѣдомъ онъ нашелъ нужнымъ еще разъ ободрить себя, вернуться къ обычному настроенію, еще разъ утвердить свой авторитетъ.

— Да, — началъ онъ нѣсколько разслабленнымъ голосомъ,—на родительскихъ-то плечахъ выѣхать на дорогу не трудно... А вотъ самому пробиться въ жизни—не всякій съумѣетъ... Да... я учиться началъ въ духовномъ училищѣ... нужду терпѣлъ, шелъ сначала малоуспѣшно... въ дьячки думалъ выйти... А вотъ, видите... человѣкомъ сталъ... А все отчего? Прилежаніе имѣлъ... Да... Въ семинаріи въ примѣрные воспитанники попалъ... Пріѣхалъ къ намъ преосвященный Нафанаилъ, а меня и вызвали... „Отвѣчай, говоритъ, тропари“... Я и началъ, да всѣ на зубокъ... Ни одной ошибки не сдѣлалъ... Вотъ оно что... Вотъ тогда-то владыка и нарекъ меня Мудровымъ... Я по отцѣ-то былъ Толстогузовъ, а преосвященный воззрѣлъ на меня проникновеннымъ окомъ и изрекъ: „мудрый, говоритъ, отрокъ, и ожидаетъ его великая слава... Быть ему отнынѣ Мудровымъ“... Такъ я и сталъ Мудровымъ. И прорицаніе владыки исполнилось. Университетъ я окончилъ и въ преподаватели попалъ; и чины пошли, ордена; и начальство благоволило. Дали мнѣ орденъ святаго благовѣрнаго князя Владиміра, такъ что дворяниномъ я сталъ... Хе, хе, хе... вмѣсто дьячка-то почти генераломъ сталъ... А все почему?..

Онъ уже совсѣмъ ободрился, припоминая себѣ всю блестящую свою карьеру и замѣчая, что всѣ его почтительно слушаютъ. Но вдругъ поднялъ глаза на Леонида и сразу опять смутился и умолкъ.

Послѣдній глядѣлъ куда-то въ даль, видимо не слушая отцовскихъ рѣчей, но Мудрову показалось, что въ глазахъ у него начинаетъ бѣгать тотъ огонекъ, который бывалъ нѣкогда въ глазахъ гнѣвной его матери, что Леонидъ вотъ-вотъ повернетъ къ нему искаженное злобой лицо, на которомъ прыгаетъ нервная судорога, и броситъ ему, Мудрову, въ глаза:

— Вы... гадина...

Онъ круто умолкъ, нахмурилъ безцвѣтныя, едва замѣтныя брови и сталъ недовольно ковырять вилкой въ кускѣ жаренаго мяса, который лежалъ у него на тарелкѣ.

— Да,—скорбно и едва слышно даже при наступившей

полной тишинѣ, началъ онъ,—вотъ и безъ обѣда сегодня посидѣть придется... Терпи, старый, ничего... Много претерпѣлъ въ жизни, потерпишь и еще...

Перепуганная, страдающая Клавдія Андреевна бросилась къ нему съ блюдомъ.

— Вотъ другой кусочекъ... вотъ!—лепетала она, поднося блюдо.

Но Мудровъ безконечно грустно взглянулъ на мясо и глубоко вздохнулъ.

— Ну, ужъ... гдѣ ужъ... это на молодые ваши зубы... А ужъ мнѣ, старику...

— Игнатій Геннадіевичъ,—умоляла жена,—я сейчасъ... яишенку...

Онъ поглядѣлъ на нее гнѣвнымъ взоромъ и хотѣлъ что-то сказать. Но глаза его вдругъ встрѣтились съ горящими глазами Леонида, и во взорѣ послѣдняго онъ опять ясно прочелъ знакомыя слова:

— Вы .. гадина...

Это уже было слишкомъ! Онъ поднялся со стула и прослѣдовалъ въ кабинетъ скорѣе обыкновеннаго. Ему надо было удалиться съ поля зрѣнія Леонида, не чувствовать на себѣ его тяжелаго, уничтожающаго взгляда. Опустившись въ кресло, Мудровъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ тяжело дышалъ и усиленно моргалъ, не вполнѣ сознавая, что такое произошло съ нимъ. Чувство обиды, даже униженія поднималось въ немъ, росло. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ догадывался, что голоденъ, что сегодняшній день—испорченный для него день. Спать не хотѣлось, такъ какъ не было знакомой сытости на желудкѣ, и нервы давали о себѣ знать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлось отступиться отъ обычнаго распредѣленія дня. Сердце болѣло, обида возрастала.

Подумавъ немного, онъ протянулъ руку и позвонилъ. И тотчасъ же въ комнату вбѣжала разстроенная, огорченная Клавдія Андреевна. Мудровъ хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ замѣтилъ, что станъ жены какъ-то необычайно широкъ, оглянулъ ее съ головы до ногъ уничтожающимъ взоромъ и прошепталъ съ безсильнымъ укоромъ:

— Опять!..

Она вся вспыхнула и опустила глаза.

— Я... Игнатій Геннадіевичъ... что же... я развѣ... сама?..

Это былъ новый ударъ. Мудровъ поднялъ взоры къ небу и нѣсколько разъ ударилъ себя легонько въ грудь, какъ бы призывая кого-то въ свидѣтели своего огорченія. Потомъ, отвернувшись въ сторону, распорядился упавшимъ голосомъ:

— Выбери тамъ... кусочекъ... помягче... Принеси сюда...

Заканчивая обѣдъ у себя въ кабинетѣ, онъ вернулъ отчасти душевное равновѣсіе, но все еще не могъ забыть то чувство обиды, которое испыталъ сегодня.

— Вотъ,—ворчалъ онъ, пережевывая кусокъ мяса и сердито взглядывая въ лицо стоявшей передъ нимъ жены,— вотъ... пріѣхалъ этотъ... аристократъ-то... А спросить: зачѣмъ, почему?.. И самъ не знаетъ...

И, какъ бы дѣлая во всемъ виновной безотвѣтную Клавдію Андреевну, закончилъ уже прямо выговоромъ:

— Вы тамъ... наверху... о себѣ больно возмечтали... Аркадій... учиться хочу... Татьяна... недовольна, что не въ гимназіи... А все этотъ... студентъ... все онъ, чай, мутитъ... Ты... говори!...

— Да я что же... я не знаю... — робѣла Клавдія Андреевна.

— Онъ... этотъ вашъ... Леонидъ Игнатьичъ... высокоумный вашъ господинъ студіозусъ... что онъ такое?.. Такъ, мальчишка и больше ничего... А туда же волкомъ глядитъ... Я, говоритъ, послѣ завтра уѣзжаю... Ну, и уѣзжай... И нечего тутъ торчать... Возьми тарелку...

Но съ утоленіемъ голода успокаивались и потревоженные нервы. Мудровъ разлегся въ креслѣ, взялъ въ ротъ кусокъ пастилы и, поглядывая сквозь открытое окно на безконечную глубину чистой, безоблачной синевы неба, слушая однотонное журчанье бѣгущаго по камнямъ ручья, чувствовалъ, что понемногу приходитъ въ обычное неопредѣленно-благодушное настроеніе.

За окномъ въ жаркомъ іюньскомъ воздухѣ жужжали мухи и пчелы; среди тишины, царившей въ этой части городка, можно было различать каждый звукъ, и Мудровъ слышалъ, какъ гдѣ-то невдалекѣ ворковали голуби, какъ пѣтухъ скликалъ своихъ женъ къ найденному зерну, какъ порой на неподвижной глади рѣки всплескивала рыба. Гдѣ-то въ сторонѣ шла лодка, и сюда доносились мѣрные взмахи распашныхъ веселъ. Еще дальше, въ лѣсу за рѣкой, кто-то аукался, долго протягивая послѣднюю ноту, и на призывъ этого голоса едва слышно доносился звонкій отвѣтный женскій голосъ. И опять раздавалось хлопотливое жужжанье пчелы да рѣзкій щебетъ ласточекъ, носившихся по горячему неподвижному воздуху.

Мудровъ еще разъ поднялъ глаза на синеву сіяющаго неба. Тамъ, въ этой безпредѣльной глубинѣ, тихо плавали чуть замѣтными точками ястреба, и звенѣла откуда-то радостная, самозабвенная трель жаворонка. Отяжелѣвшія вѣки Мудрова начинали смыкаться; мысли въ головѣ мѣшались, и скоро въ комнатѣ послышался храпъ мирно уснувшаго Игнатія Геннадіевича.

Но едва онъ успѣлъ уснуть, какъ тотчасъ же и проснулся. Подъ самымъ его окномъ раздался отчаянный, хроматической гаммой пущенный ревъ влюбленныхъ кошекъ. Сонъ сразу отлетѣлъ прочь. Мудровъ приподнялся въ креслѣ, заглянулъ въ окно и швырнулъ въ пѣвцовъ коробкой спичекъ.

— О, Господи,—почти стоналъ онъ,—и отдохнуть-то человѣку не дадутъ...

День былъ, очевидно, испорченный безнадежно... Все сегодня обижало, дразнило, угнетало его. И съ той непослѣдовательностью, которая бываетъ у раздраженнаго человѣка, онъ опять обвинилъ во всемъ Леонида:

— Ишь, пріѣхалъ!.. Думаетъ, очень ученъ... Нѣтъ, я, братъ, ученѣе тебя...

V.

Послѣ ужина Мудровъ, по обыкновенію, посидѣлъ у окна, потомъ сталъ на молитву, прочелъ символъ вѣры, „Отче нашъ“ и „Ангеле хранителю“, попросилъ себѣ у неба здоровья и долгоденствія, перекрестилъ всѣ четыре стѣны комнаты, а также дверь и окна на случай, если бы воры вздумали проникнуть сюда сквозь эти отверстія, и легъ въ постель.

Долгій іюньскій день все не хотѣлъ уступить мѣсто ночи. За рѣкой, надъ дальнимъ лѣсомъ, горѣла слабымъ пламенемъ нѣжная заря, и въ воздухѣ висѣлъ розовый прозрачный полусвѣтъ. Сквозь опущенныя шторы въ комнату вплывала свѣтлая, ароматная лѣтняя ночь и манила, дразнила сердце, рождала въ немъ желанія, мечты и тихую неопредѣленную грусть.

Сонъ не приходилъ къ Мудрову. Было душно въ этой со всѣхъ сторонъ закрытой комнатѣ, и назойливыя, непріятныя мысли поднимались въ головѣ. Вспоминалось не безъ горечи, что товарищъ и однокурсникъ Крыничъ назначенъ директоромъ гимназіи, что совсѣмъ молодой сослуживецъ Бѣлкинъ получилъ на-дняхъ мѣсто инспектора, что непріятный, злобно-остроумный учитель русскаго языка, Федотинъ, успѣлъ нѣкогда пустить слухъ среди педагоговъ, будто онъ, Мудровъ, потому почти совсѣмъ лишенъ растительности на лицѣ и имѣетъ высокій голосъ, что еще въ молодости позволилъ себя оперировать... Слухъ этотъ долго ходилъ въ гимназіи, и находились товарищи, которые вѣрили ему, а наличность дѣтей у Игнатія Геннадіевича объясняли какъ-то совсѣмъ неправдоподобно... Всѣ

эти воспоминанія почему-то всплывали теперь и не хотѣли уходить прочь. Мудровъ уже давно позабылъ про эти непріятности, доставшіяся на его долю, тѣмъ болѣе, что въ свое время сумѣлъ и отомстить инсинуатору, доложивъ директору, что остроумецъ-коллега весьма не безупреченъ по части политическихъ идеаловъ, но сегодня мысли шли почему-то все въ одномъ и томъ же направленіи, и воспоминанія эти казались мучительными.

Мудровъ всталъ, открылъ окно и постоялъ около него, надѣясь освѣжить голову ночнымъ холодомъ. Но прохлада не шла сюда, въ эту душную комнату. Воздуху не хватало, и голова не освѣжалась. Чувствуя, что не заснетъ, Мудровъ одѣлся и вышелъ на берегъ рѣки. Ночь, наконецъ, осилила день. Заря почти совсѣмъ погасла, и только маленькій краешекъ неба чуть розовѣлъ надъ туманнымъ силуэтомъ отдаленнаго зарѣчнаго лѣса. На небѣ горѣли звѣздные огни, мерцая и будто стараясь шепнуть землѣ какую-то тайну. Неподвижная гладь уснувшей рѣки незамѣтно двигалась куда-то впередъ, все впередъ и едва слышно плескала на берегъ темной струей. А гдѣ-то далеко въ зарѣчномъ лѣсу чуть позвякивалъ колокольчикъ запоздавшаго путника.

Неподвижный воздухъ дышалъ любовью и мечтами. И сладкая грусть и грезы о какомъ-то великомъ, необъятномъ, невѣдомомъ счастьи рождались между полной жажды любви землею и таинственными, сіяющими звѣздами...

Мудровъ прошелъ нѣсколько шаговъ, спустился ближе къ рѣкѣ и присѣлъ на скамью, которая стояла надъ водой. Рѣка была теперь почти черная, и звѣзды горѣли въ ней міріадами трепетныхъ огоньковъ. А за ней, среди прибрежныхъ кустовъ, вспыхнуло вдругъ красное пламя костра, и прихотливыя змѣйки дыма потянулись прямо въ вышину. Колокольчикъ то затихалъ на изгибахъ лѣсной дороги, то опять звенѣлъ однотонною трелью, грустный, говорящій о печали. И было тихо и мирно кругомъ, и неудовлетвореннымъ желаніемъ томилась смущенная, непонимающая себя, о чемъ-то тоскующая душа...

Мудровъ вдругъ выпрямился и насторожилъ слухъ. Рядомъ съ нимъ, за кустами лозняка, тамъ, гдѣ надводные камни нависли огромными глыбами надъ водой, послышались голоса, и онъ узналъ въ нихъ голоса своихъ старшихъ дѣтей.

— Я все что-то не вѣрю такому счастью, — проговорила трепещущимъ отъ восторга голосомъ Таня, — онъ не позволитъ...

— Я и позволенія спрашивать не буду,—отвѣтилъ Лео-

нидъ, красиво вибрируя своимъ бархатнымъ баритономъ.— Увезу васъ обоихъ и конецъ... Обоихъ въ гимназію, нечего и толковать...

Они замолчали и минуты двѣ ничего не говорили.

— Слушайте, соловей!—прошептала Таня.

И всѣ слушали. За рѣкой въ надводныхъ кустахъ раздавался влюбленный голосъ соловья, и громкая пѣсня неслась надъ неподвижною гладью воды и замирала во тьмѣ далей. Кто-то изъ сидящихъ вздохнулъ.

— Малышей, все-таки, жаль!—проговорилъ Аркадій.

— Да,—послышался плачущій голосъ Тани,—и ее, мачиху нашу, жаль... Нелегко и ей... Но жить такъ... я не могу, не могу... Спасай меня, Леня, голубчикъ, дорогой мой Леня!

— Да ну ужъ, полно,—успокаивалъ ее Леонидъ,—вѣдь ужъ рѣшено... Вотъ, я выбился, мѣсто ужъ получилъ... теперь васъ могу вытянуть... Я только этого и ждалъ, чтобы самому стать на ноги...

— Ты и понятія, Леня, не имѣешь, что это за жизнь наша,—страстнымъ шопотомъ продолжала дѣвочка.—Какъ бабушка умерла, какъ вернулись мы сюда, къ *нему*, такъ я и забыла, что значитъ быть веселой... А прежде...

Она помолчала и добавила задумчиво:

— А прежде я была веселая...

— *Онъ*,—мрачно продолжалъ за сестру Аркадій,—точно вампиръ сосетъ кровь... Проклятый, проклятый!

— Ну, полно,—укорила Таня,—не хорошо.

— Знаю, что нехорошо, а все-же *онъ*... проклятый... *Онъ* кошмаромъ виситъ надъ всѣми нами... У него... дышать... трудно... Я... пятый годъ задыхаюсь... Я его голоса... слышать не могу... Мама, говорятъ... била *его*... Ты помнишь, Леня?..

Мудровъ не могъ больше слушать. Онъ всталъ и направился къ дому. А самъ дрожалъ внутренней дрожью...

Почти машинально пробрался онъ въ свою комнату, раздѣлся и сѣлъ на кровать. И сидѣлъ такъ, неподвижно устремивъ взоръ куда-то въ темноту. Въ головѣ у него стучало, на сердцѣ лежала какая-то глыба, тяжелая и мертвящая. Онъ еще не могъ уяснить себѣ хорошенько всего случившагося, но уже чувствовалъ, что произошло нѣчто огромное и мучительное. Это уже не Леонидъ назвалъ его проклятымъ... Кто-же? Да Аркадій! А Татьяна, хоть и остановила брата, но, видимо, въ душѣ согласилась съ нимъ!..

Такъ вотъ, каковы они всѣ... Пожалуй, и Клавдія такъ же думаетъ и дѣтямъ своимъ внушитъ то же...

Гнѣвъ, злоба и еще какое-то не выяснившееся, не оформленное, но тягостное чувство душили его. Хотѣлось бы

наказать дѣтей и жену, наказать больно, отплатить за это новое, невыяснившееся, но мучительное чувство.

И вдругъ онъ понялъ, что это за чувство... Это было то самое, но только возросшее теперь до огромныхъ размѣровъ, чувство, которое онъ испытывалъ уже не разъ, сидя въ сумеркахъ въ кабинетѣ и прислушиваясь къ окружающей тишинѣ и къ однотонному журчанью нагорнаго ручья. Онъ прежде не зналъ, какъ опредѣлить ту мертвящую тягость, которая давила порой его душу. Но теперь прижалъ руки къ груди и прошепталъ страдающимъ голосомъ:

— Скучно-о...

И заплакалъ долгими, мучительными слезами.

Онъ плакалъ потому, что видѣлъ, какъ сразу упалъ съ высоты величія, на которую взобрался послѣ смерти первой жены, и потому, что та всеподавляющая скука, пустота жизни, которой онъ не хотѣлъ раньше признавать, встала теперь передъ нимъ сѣрымъ, огромнымъ, жестокимъ чудовищемъ и сосала его мозгъ, его сердце.

И онъ плакалъ, уткнувшись въ подушки, и такъ заснулъ, всхлипывая порой во снѣ, какъ ребенокъ...

П. Булыгинъ.

---

* * *

...И опять разсвѣло—снова день, снова муки...
А какіе то были волшебные сны!
Но встревожили ихъ эти ранніе звуки,
Этотъ утренній трепетъ весны...

Столько горя вокругъ, столько свѣта въ окнѣ,
Столько на сердцѣ счастья и боли...
Солнце, радостный гость, не входи ты ко мнѣ,—
Тамъ останься, на волѣ!

Дальше, дальше уйди отъ тюремной стѣны
И за облако спрячься густое;
Не пугай, не гони наши свѣтлые сны,
Дай побыть намъ въ отрадномъ покоѣ!..

Борисъ Лойко.

‹Хорошіе› и ‹плохіе› у Л. Андреева.

(„Іуда“ и „Тьма“.)

I.

Чего стоятъ люди?—Чего стоитъ масса? чего стоятъ разнаго рода «хорошіе» и всякаго рода почитаемые люди?

Жгучая искренность отвѣта на эти вопросы — основное и цѣннѣйшее впечатлѣніе отъ темныхъ, отрывочныхъ сценъ, изъ которыхъ скомпонованъ «Іуда»... Только въ концѣ, на двухъ послѣднихъ страницахъ, рѣзко до неожиданности звучатъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ ваше впечатлѣніе нѣсколько слабѣетъ и стынетъ, смѣняясь вопросительнымъ недоумѣніемъ.

Но объ этомъ потомъ.—Теперь только о томъ, что ярко и жгуче, что искрится въ разсказѣ, какъ металлическая масса, выпущенная въ полутьмѣ изъ плавильной печи,—о томъ, что было въ Іудеѣ 19 столѣтій назадъ, когда среди людей оказался не просто вождь, не просто лучшій изъ людей, а Сынъ Божій,—по крайней мѣрѣ, тотъ, кого они называли Сыномъ Божьимъ и которому восторженно кричали: «Осанна»!..

Соглашаетесь ли вы съ разсказчикомъ или не соглашаетесь,—одинъ результатъ для него обезпеченъ. Вы не пройдете спокойно мимо его желчной горячности, ключъ къ которой — очевидно для васъ—въ томъ, что еще вчера переживалось около автора, что переживалось быть можетъ—и имъ самимъ.

II.

Потомъ вы узнаете, что человѣкъ съ неслыханно уродливой головой, легко принимаемый за такого же урода и въ духовномъ отношеніи,—Іуда «всю жизнь искалъ» подчиняющей красоты, которую нашелъ въ Іисусѣ.

Пока, въ началѣ разсказа, вы — какъ и всѣ около Іисуса — знаете только странный фактъ, заставляющій насторожиться.

Отверженецъ, слывущій за «искуснаго вора» и обманщика, всѣми привычными для него средствами—и словомъ и дѣломъ—добивается возможности остаться съ Іисусомъ и около Іисуса...

И это, наконецъ, удается. «Съ тѣмъ духомъ свѣтлаго противорѣчія, который неудержимо влекъ Его къ отверженнымъ и нелюбимымъ, Онъ рѣшительно принялъ Іуду и включилъ его въ кругъ избранныхъ...», хотя «ученики волновались и сдержанно роптали».

Но то, чего искалъ отверженецъ Л. Андреева, онъ нашелъ только въ личности Іисуса.

Не *около* Него.—Съ удивленіемъ Іуда констатируетъ фактъ, что въ людяхъ, составляющихъ «кругъ избранныхъ», онъ не можетъ отдѣлить: гдѣ у нихъ то, что они—и Іисусъ—называютъ добродѣтелью и духовной чистотой, и гдѣ то, что — по его мнѣнію — составляетъ *только* близорукость мысли, *только* невѣдѣніе условій, въ которыхъ они живутъ и въ которыхъ собираются служить Іисусу.

Знать то, что знаешь, конечно, не заслуга. Не всякому выпадаетъ своеобразное «счастье» отверженца: знать людей не только съ показной стороны, а и съ изнанки, какъ не можетъ ихъ не знать Іуда. Съ нимъ никто не чувствовалъ нужды скрываться и залакировывать свою душевную подлинность, и въ томъ, что это было, отверженецъ Л. Андреева не чувствуетъ ни радости, ни заслуги. Но онъ хотѣлъ бы служить тѣмъ, что невольно знаетъ, хотѣлъ бы, чтобы его выслушали:—въ интересахъ Того, за Кѣмъ, повидимому, самоотреченно идутъ, оставивъ все и всѣхъ.

Но его, именно, отвергаютъ. *Отъ него* не хотятъ никакой правды.

Нѣтъ никакихъ сомнѣній—въ этомъ Іудѣ скоро пришлось убѣдиться—что и Іисусу и «другимъ» тяжелѣе всего не тогда, когда онъ, Іуда, лжетъ, шутовствуетъ и вдохновенно злословитъ, утверждая, что у всѣхъ людей въ жизни былъ «какой-нибудь проступокъ или даже преступленіе»; что «хорошими... называются тѣ, которые умѣютъ скрывать свои дѣла и мысли; но если такого человѣка обнять, приласкать и выспросить, то изъ него потечетъ, какъ гной изъ проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь»... Эти ѣдкія и остроумныя кривлянья человѣка, по волѣ Іисуса ставшаго «братомъ Іудой», временами вызываютъ улыбку на строгихъ лицахъ, заставляя смѣяться ненавистниковъ лжи, хотя въ парадоксахъ Іуды, съ серьезнымъ видомъ титулующаго себя «прекраснымъ и благороднымъ» (по сравненію съ ними: «другими») гораздо меньше лжи, чѣмъ они думаютъ.

Тяжело бываетъ тогда, когда онъ — лжецъ и бывшій воръ — отказывается говорить ложь, становясь на дорогѣ прекраснодушнымъ снамъ на-яву о близкомъ и легкомъ торжествѣ Іисуса, которое они, любимые и избранные, раздѣлятъ съ Нимъ. На этотъ разъ роли перемѣнятся, и чистые люди потребуютъ отъ него, для собственнаго спокойствія, лжи. И то, что онъ не захочетъ шутить, не захочетъ помочь желанной иллюзіи, съ которой все для всѣхъ становится просто, понятно, спокойно въ конечномъ итогѣ и без-

думно,—ему меньше всего захотятъ простить.—Тѣмъ меньше, чѣмъ больше онъ окажется правъ: *въ ихъ собственныхъ глазахъ*.

Чуть не нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ мучительно убѣдился, что онъ правъ въ этомъ отношеніи: и Іисусу и «другимъ» невыносимо тяжело *не тогда*, когда онъ, Іуда, лжетъ, шутовствуетъ и злословитъ, а когда онъ говоритъ, волей-неволей, тяжелую правду, въ которой *нельзя* усомниться.—Какъ въ недавнемъ спорѣ съ Ѳомой.

Чтобы разъ навсегда рѣшить этотъ обычный споръ о прочности обаянія личности и проповѣди Іисуса, спорщики вернулись назадъ въ селеніе, которое ихъ такъ радушно—на самомъ дѣлѣ, радушно—встрѣтило. Оказалось, что послѣ ухода Іисуса у какой-то старухи пропалъ козленокъ и она заподозрила въ этомъ ушедшихъ. Сначала благоговѣйные слушатели Іисуса не повѣрили выкрикиваніямъ старухи, но потомъ повѣрили и уже настолько прочно, что не перестали вѣрить даже тогда, когда козленокъ нашелся—запутавшимся въ кустахъ. Рѣшено было, что «всетаки» лучше быть на сторожѣ съ такими, какъ Іисусъ.

Выслушавъ разсказъ Ѳомы, импульсивный Петръ приходитъ въ возбужденіе: онъ готовъ даже къ какимъ-то рѣшительнымъ поступкамъ:

— Такъ вотъ какъ!—вскричалъ Петръ, раздувая ноздри.—Господи, хочешь, я вернусь къ этимъ глупцамъ и...

Но молчавшій все время Іисусъ сурово взглянулъ на него и Петръ замолчалъ и скрылся сзади, за спинами другихъ. И уже никто больше не заговаривалъ о происшедшемъ, какъ будто ничего не случилось совсѣмъ и какъ будто не правъ оказался Іуда...

Именно съ этого дня «какъ-то странно измѣнилось къ нему отношеніе Іисуса».

... Теперь глядѣлъ на него, точно не видя, хотя по-прежнему, и даже упорнѣе, чѣмъ прежде, искалъ его глазами, всякій разъ, какъ начиналъ говорить къ ученикамъ или къ народу,—но или садился къ нему спиною и черезъ голову бросалъ слова свои на Іуду или дѣлалъ видъ, что совсѣмъ его не замѣчаетъ... И для всѣхъ онъ былъ нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣткомъ, благоухающей розою ливанскою, а для Іуды оставлялъ одни только острые шипы...

Несомнѣнно, что у Іисуса есть враги (уже былъ случай, когда Его хотѣли побить камнями). Но это не смущаетъ «другихъ»:

«Они (враги) не посмѣютъ, когда увидятъ, что весь народъ идетъ за Нимъ»,—за этой увѣренностью, въ изображеніи Л. Андреева, обладатели «отсырѣвшей добродѣтели» и «поѣденнаго молью ума», какъ характеризуетъ Іуда Іоанна и Ѳому, чувствуютъ себя больше, чѣмъ въ безопасности. Только Петръ, у котораго чутье острѣе мысли, молча тревожится. Но и онъ успокаивается, когда видитъ, какъ восторженно привѣтствуютъ прибытіе Іисуса въ Іерусалимъ:

— Осанна! Осанна! Грядый во имя Господне!

И такъ велико было ликованіе, такъ неудержимо въ крикахъ рвались къ небу любовь, что плакалъ Іисусъ, а ученики Его говорили гордо:

— Не сынъ ли это Божій съ нами?

И сами кричали торжествующе:

— Осанна, Осанна! Грядый во имя Господне!

Въ тотъ вечеръ долго не отходили ко сну, вспоминая торжественную и радостную встрѣчу, а Петръ былъ, какъ сумасшедшій, какъ одержимый бѣсомъ веселія и гордости. Онъ кричалъ, заглушая всѣ рѣчи своимъ львинымъ рыканіемъ, хохоталъ, бросая свой хохотъ на головы, какъ круглые, большіе камни, цѣловалъ Іоанна, цѣловалъ Іакова и даже поцѣловалъ Іуду. И сознался шумно, что онъ очень боялся за Іисуса, а теперь ничего ни боится, потому что видѣлъ любовь народа къ Іисусу. Удивленно, быстро двигая живымъ и зоркимъ глазомъ, смотрѣлъ по сторонамъ Искаріотъ; задумывался и вновь слушалъ и смотрѣлъ...

А между тѣмъ въ это самое время Іуда уже получилъ 30 серебрянниковъ—за Іисуса.

. . . . . .

Если бы иначе, чѣмъ онъ, думали и чувствовали только «другіе», Іуда съ этимъ легко примирился: это разногласіе въ его глазахъ немногаго стоитъ.

Но такъ же, какъ они, повидимому, чувствуетъ и думаетъ и Онъ, стяжавшій преданность отверженца. Для Іуды нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Единственный, у кого чистота души не связана съ умственной близорукостью, знаетъ точную цѣну всѣмъ, кто около Него. Знаетъ истинную цѣну и любви и преданности ихъ и прозорливости. И тѣмъ не менѣе онъ любитъ именно ихъ — этихъ несознающихъ «честныхъ лжецовъ» и будущихъ фактическихъ «предателей», какъ—играя словами—говоритъ оскорбленный Іуда недоумѣвающему Ѳомѣ... Какъ будто опасныя и смѣшныя въ глазахъ Іуды иллюзіи «другихъ» въ Его глазахъ отнюдь не помѣха, чтобы, опираясь на нихъ, вмѣстѣ съ ними идти къ мало вѣроятной побѣдѣ или къ болѣе, чѣмъ вѣроятному, пораженію...

Это до такой степени поражаетъ Іуду, что въ рѣшительный моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, когда полученныя за «предательство» деньги уже лежатъ подъ камнемъ, Іуда даже колеблется: кто правъ? онъ или не онъ? Кто «строитъ не пескѣ» и кто «на камнѣ»: онъ ли, исповѣдующій волчью сторожкость и готовность защищать и защищаться всѣмъ, чѣмъ угодно? или Онъ, не принимающій и не одобряющій ничего, кромѣ обращенія къ внутренней Правдѣ, предполагаемой въ душахъ—даже у тѣхъ вольныхъ и невольныхъ наставниковъ Іуды, которымъ онъ обязанъ своимъ злобнымъ опытомъ и Іудиной философіей?..

— Ѳома! А что, если Онъ правъ? Если камни у Него подъ ногами, а у меня подъ ногою—песокъ только. Тогда что?

— Про кого ты говоришь?—освѣдомился Ѳома.

— Какъ же тогда Іуда изъ Каріота? Тогда я самъ долженъ удушить Его, чтобы сдѣлать правду. Кто обманываетъ Іуду: вы или самъ Іуда? Кто обманываетъ Іуду? Кто?

— Я тебя не понимаю, Іуда. Ты говоришь очень непонятно. Кто обманываетъ Іуду? Кто правъ?

И, покачивая головою, Іуда повторилъ, какъ эхо:

— Кто обманываетъ Іуду? Кто правъ?

И на другой еще день, въ томъ, какъ поднималъ Іуда руку съ откинутымъ большимъ пальцемъ, какъ онъ смотрѣлъ на Ѳому, звучалъ все тотъ же странный вопросъ:

— Кто обманываетъ Іуду? Кто правъ?

Въ изображеніи Л. Андреева «предатель», въ безсонныя ночи раздумья, минутами готовъ даже стимулировать (съ радостью) сомнѣнія въ своей правотѣ: готовъ повѣрить, что его волчья дѣйствительность съ перспективой смерти Іисуса («удушить его») на самомъ дѣлѣ не дѣйствительность, а только «очень дурной сонъ» въ родѣ тѣхъ, которые тревожатъ совѣстливаго и разсудительнаго Ѳому, заставляя ломать голову, виноватъ ли онъ, что видитъ такіе порочные сны (Ѳома вообще bête noire и для Іуды и для самого автора):

... Ѳома, глупый Ѳома!—издѣваясь, загадками исповѣдуется онъ передъ Ѳомой.—Хотѣлось ли тебѣ когда нибудь взять землю и поднять ее? И, можетъ быть, бросить потомъ.

— Это невозможно. Что ты говоришь, Іуда!

— Это невозможно,—убѣжденно сказалъ Искаріотъ.—И мы ее поднимемъ когда-нибудь, когда ты будешь спать, глупый Ѳома. Спи! *Мнѣ весело*, Ѳома! Когда ты спишь, у тебя въ носу играетъ галилейская свирѣль. Спи!

III.

Но, конечно, дѣйствительность въ концѣ концовъ — все-таки только дѣйствительность Іуды, и задача, которую обстоятельства сами собой ставятъ передъ Іудой, — взять эту дѣйствительность, поскольку это возможно, въ *свои* руки...

Что враги «посмѣютъ» напасть на Іисуса, защищеннаго восторженной «любовью народа», въ этомъ Іудѣ не приходится долго усомниться. Приходится чувствовать себя ошеломленнымъ совсѣмъ другимъ: тѣмъ, что «посмѣть» врагамъ представляется гораздо менѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ представлялось ему самому.

Когда Іудѣ удалось побѣдить недовѣріе первосвященника къ прославленному Іудѣ, неизвѣстно кого желающему предать, — Іуда негодующе пораженъ, что Анна возможность получить въ свои руки Іисуса оцѣниваетъ такой дешевой цѣной... Іуда допускалъ, что голова Того, Кому онъ готовъ служить въ буквальномъ смыслѣ слова всѣми силами души, будетъ оцѣнена какой-нибудь огромной суммой. Но ему предлагаютъ 30 серебряниковъ! А когда Іуда — почти не выдерживая роли предателя — протестуетъ противъ такой

цѣны за Іисуса, не дающей «четверти обола за стонъ», ему говорятъ, что найдутъ предателя дешевле:

— За Іисуса? Тридцать серебряниковъ?—закричалъ онъ голосомъ дикаго изумленія, порадовавшимъ Анну.—За Іисуса Назорея! И вы хотите купить Іисуса за тридцать серебряниковъ? И вы думаете, что вамъ могутъ продать Іисуса за тридцать серебряниковъ?

Іуда быстро повернулся къ стѣнѣ и захохоталъ въ ея бѣлое плоское лицо, поднимая длинныя руки:

— Ты слышишь? Тридцать серебряниковъ! За Іисуса!

Съ той же тихой радостью Анна равнодушно замѣтилъ:

— Если не хочешь, то ступай. Мы найдемъ человѣка, который продастъ дешевле.

Но увѣрять въ этомъ Іуду чрезмѣрно не приходится. Его собственная оцѣнка любви людей — даже къ Іисусу — не слишкомъ высока. Испугавшись, что «предательство» можетъ миновать его руки, Іуда примиряется съ предложенной оцѣнкой:

— Но развѣ я сказалъ, что я не могу уступить? И развѣ я вамъ не вѣрю, что можетъ прійти другой и отдать вамъ Іисуса за пятнадцать оболовъ? За два обола? За одинъ?

Но если такъ—къ ужасу и гордости Іуды—правъ, какъ всегда, онъ... Вопросъ о нападеніи враговъ не только рѣшенъ, но даже и предрѣшенъ... Для «порочнаго» человѣка, не знающаго никакихъ сдержекъ для своей преданности Іисусу, естественно, не можетъ быть никакого иного вопроса, кромѣ вопроса о наиболѣе цѣлесообразной защитѣ.

А кто же можетъ лучше подготовить защиту, какъ не тотъ, въ чьихъ рукахъ будутъ всѣ нити, въ чьихъ рукахъ будетъ само нападеніе, и время, и мѣсто, и условія?

Что новое можетъ угрожать Іисусу отъ вмѣшательства Іуды?

Если планы враговъ потерпятъ неудачу, если любовь народа дѣйствительно окажется прибѣжищемъ и силой, за которой Іисусъ окажется внѣ опасности, тѣмъ лучше: Іуда вмѣстѣ со всѣми будетъ ликовать и смѣяться надъ собой, тоже со всѣми.

Если при этомъ откроется его «предательство», въ худшемъ случаѣ оно останется неотпущенной виной. Но Іудѣ вѣдь не въ первый разъ защищать Іисуса съ ущербомъ для себя, для своего права быть около него, любить его и жить для него — всѣмъ, что есть у него и за нимъ.

Если же планы враговъ могутъ имъ на самомъ дѣлѣ удаться—и такъ легко, какъ думаетъ Анна, — тѣмъ больше причинъ вмѣшаться, не дать себя застигнуть врасплохъ.

Если этого никто не можетъ сдѣлать, потому что не захочетъ нарушить какую нибудь догму, сдѣлаетъ онъ, Іуда...

Получивъ свои 30 серебрянниковъ, спрятанныхъ подъ камни, Іуда дѣятельно возбуждаетъ тревогу среди учениковъ, предупреждая ихъ объ опасности, угрожающей Іисусу. («Смотри, Ѳома, близится страшное время. Готовы ли вы къ нему?») Даже мечи приноситъ для защиты, стимулируя непосредственное чувство. Но наталкивается на все ту же безграничную увѣренность. Никто не вѣритъ въ опасность, всѣ еще опьянены криками: «Осанна!»

— Развѣ мы воины, что должны опоясываться мечами? И развѣ Іисусъ не пророкъ, а военачальникъ?

— Но если они захотятъ умертвить Его?

— Они не посмѣютъ, когда увидятъ, что весь народъ идетъ за Нимъ...

Какъ только воины отважились прикоснуться къ Іисусу, все обаяніе его личности и его правды разсѣялось, какъ туманъ отъ сильнаго вѣтра... Тщетно Іуда, не отрывая глазъ, слѣдитъ за судьбой Іисуса, попавшаго въ руки враговъ—враговъ *народа*—при лучшихъ возможныхъ условіяхъ защиты. Тщетно ждетъ, когда же оскорбленія, побои, издѣвательства, которыя такой мастеръ рисовать Леонидъ Андреевъ, пробудятъ «любящихъ» Іисуса,—принудятъ ихъ броситься на защиту, не помня ни о чемъ, кромѣ *его* жизни, *его* стоновъ, *его* крови, *его* мукъ!..

Но никто не вмѣшивается, и никто не мѣшаетъ Іисусу умереть, какъ преступнику.

Снова наступаетъ—непонятная Іудѣ—добросовѣстная игра въ чудодѣйственную силу красивыхъ словъ и красивой бездѣйственности, въ которой самая смерть Іисуса разсматривается, какъ элементъ, благопріятный для новой возвѣщенной имъ правды!—Іуда съ тоской слѣдитъ за этимъ—на его взглядъ—трагическимъ фарсомъ нравственной безупречности у «другихъ» и разражается бѣшенымъ скоморошествомъ, когда и Пилатъ, тоже повинуясь обязательной для него догмѣ уваженія къ всеобщему приговору, голосу народа,—не вмѣшивается въ происходящее и только умываетъ руки, чтобы на нихъ не было крови неповиннаго...

...«Сбылись ужасъ и мечты Іуды». *Онъ* правъ былъ. *Не* «другіе». *Не* Іисусъ, которому кричали: «Осанна»... Все, что произошло,—торжество *его* скептической мысли, торжество его отрицательнаго отношенія къ человѣческой массѣ.

Но сбылись не только эти «мечты» (нельзя сказать, чтобы автору посчастливилось найти выраженіе), но и «ужасъ».

...Что отвѣтственность за все, силою властной бездоказательной молвы, уже лежитъ *на немъ*, Іуда знаетъ, и *это* оставляетъ его спокойнымъ. На прямыя обвиненія Ѳомы, именующаго его Сатаной, Іуда отвѣчаетъ только фразой: «Какой ты глупый, Ѳома, я думалъ, что ты умнѣе другихъ. Сатана! Сатана! вѣдь это надо доказать».— Точно у него не находится энергіи для такой мелочи, какъ выясненіе

своей роли передъ «другими». Но онъ не можетъ отказать себѣ въ единственномъ удовлетвореніи, въ «мести», какъ онъ выражается: пойти къ «другимъ и отвѣтить въ лицо на тотъ вопросъ, который не разъ «надменно» бросалъ самовлюбленный Іоаннъ злорѣчивому остроумцу — «брату» по волѣ Іисуса: — «Ну, а *мы?* Что о *насъ* дурного скажешь *ты*, Іуда изъ Каріота?»

Тогда онъ испытывалъ молчаливую, желчную радость: любимый ученикъ, очевидно, не понималъ, что на свой «надменный» вопросъ получилъ уже отвѣтъ, когда слушалъ, смѣясь, утвержденія Іуды, что нужно только умѣть «выспросить хорошенько» хорошихъ людей, и тогда изъ нихъ «потечетъ, какъ гной изъ проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь». Ни онъ, ни кто другой—кромѣ Іисуса—не догадывался и потомъ о тѣхъ «выспрашиваніяхъ», которыя продѣлывалъ, кривляясь и забавляя, Іуда съ людьми, стоявшими между нимъ и Іисусомъ. Никто изъ нихъ ни на минуту не догадывался, какое удовлетвореніе испытывалъ онъ, «Іуда изъ Каріота», когда видѣлъ, какъ (въ свою очередь—удовлетворенно) смѣялись надъ его злыми выдумками ненавистники лжи, которые потомъ не чувствовали въ себѣ способности простить Іудѣ даже ложь, которою онъ осмѣлился спасти жизнь самому Іисусу.

Теперь имъ не нужно будетъ догадываться, что можетъ сказать о *нихъ* онъ, Іуда изъ Каріота, удовлетворенно слышавшій, какъ изъ устъ, открекшихся отъ всякихъ благъ и даже отъ словъ: мое и твое, сорвалось позорное слово «воръ»—по поводу разыгранной передъ ними комедіи съ неудачной утайкой какихъ-то жалкихъ трехъ динаріевъ! И, какъ всегда, впереди всѣхъ—какъ для всякаго дѣла—былъ простодушный Петръ! Онъ, Іуда, и тогда не скрылъ, *какъ* онъ цѣнилъ ихъ братскіе поцѣлуи—послѣ вмѣшательства Іисуса, откровенно обтирая ротъ послѣ каждаго новаго поцѣлуя, долженствовавшаго съ него стереть слово «воръ», а съ нихъ—волненіе и стыдъ. Но тогда—въ это страшно далекое для Іуды время—онъ все-таки промолчалъ... *Теперь!*

...вошелъ Іуда Искаріотъ. Всѣ испуганно вскочили и вначалѣ даже не поняли, кто это, а когда разглядѣли ненавистное лицо и рыжую бугроватую голову, то подняли крикъ. Петръ же поднялъ обѣ руки и закричалъ:

— Уходи отсюда, предатель! Уходи, иначе я убью тебя!

Но всмотрѣлись лучше въ лицо и глаза Предателя и смолкли, испуганно шепча:

— Оставьте! Оставьте его! Въ него вселился сатана.

Выждавъ тишину, Іуда громко воскликнулъ:

— Радуйтесь, глаза Іуды изъ Каріота! Холодныхъ убійцъ вы видѣли сейчасъ *)—и вотъ уже трусливые предатели предъ вами! Гдѣ Іисусъ? Я васъ спрашиваю: гдѣ Іисусъ?

Было что-то властное въ хриплomъ голосѣ Искаріота, и покорно отвѣтилъ Ѳома:

— Ты же самъ знаешь, Іуда, что учителя нашего вчера вечеромъ распяли.

*) Передъ этимъ Іуда былъ у Анны и Каіафы.

— Какъ же вы позволили это? Гдѣ же была ваша любовь? Ты, любимый ученикъ, ты—камень, гдѣ были вы, когда на деревѣ распинали вашего друга?

— Что же могли мы сдѣлать, посуди самъ,—развелъ руками Ѳома.

— Ты это спрашиваешь, Ѳома? Такъ, такъ!—склонилъ голову на бокъ Іуда изъ Каріота и вдругъ гнѣвно обрушился:—Кто любитъ, тотъ не спрашиваетъ, что дѣлать. Онъ идетъ и дѣлаетъ все. Онъ плачетъ, онъ кусается онъ душитъ врага и кости ломаетъ у него! Кто любитъ! Когда твой сынъ утопаетъ, развѣ ты идешь въ городъ и спрашиваешь прохожихъ: что мнѣ дѣлать? мой сынъ утопаетъ! а не бросаешься самъ въ воду и не тонешь рядомъ съ сыномъ. Кто любитъ!

Петръ хмуро отвѣтилъ на неистовую рѣчь Іуды:

— Я обнажилъ мечъ, но Онъ самъ сказалъ—не надо.

— Не надо? И ты послушался?—засмѣялся Искаріотъ.—Петръ, Петръ, развѣ можно Его слушать. Развѣ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ, въ борьбѣ!

— Кто не повинуется Ему, тотъ идетъ въ геенну огненную.

— Отчего же ты не пошелъ? Отчего ты не пошелъ, Петръ? Геенна огненная—что такое геенна? Ну и пусть бы ты пошелъ—зачѣмъ тебѣ душа, если ты не смѣешь бросить ее въ огонь, когда захочешь!

— Молчи! крикнулъ Іоаннъ, поднимаясь.—Онъ Самъ хотѣлъ этой жертвы. И жертва Его прекрасна!

— Развѣ есть прекрасная жертва, что ты говоришь, любимый ученикъ? Гдѣ жертва, тамъ и палачъ, и предатели тамъ! Жертва — это страданія для одного и позоръ для всѣхъ. Предатели, предатели, что сдѣлали вы съ землею? Теперь смотрятъ на нее и сверху и снизу и хохочутъ и кричатъ: по смотрите на эту землю, на ней распяли Іисуса! И плюютъ на нее—какъ я

Іуда гнѣвно плюнулъ на землю.

— Онъ весь грѣхъ людей взялъ на себя. Его жертва прекрасна!—настаивалъ Іоаннъ.

— Нѣтъ, вы на себя взяли весь грѣхъ. Любимый ученикъ! Развѣ не отъ тебя начнется родъ предателей, порода малодушныхъ и лжецовъ? Слѣпцы, что сдѣлали вы съ землею? Вы погубить ее захотѣли, вы скоро будете цѣловать крестъ, на которомъ вы распяли Іисуса! Такъ, такъ—цѣловать крестъ, обѣщаетъ вамъ Іуда!

На попытку возбужденнаго Петра защититься и раздраженную ссылку Іоанна на запрещеніе убивать, унаслѣдованное отъ Іисуса, Іуда отвѣчаетъ вопросомъ: «Но развѣ Онъ запретилъ вамъ и умирать?»

На другую попытку—Ѳомы—возразить, что они не могли и не должны были обречь себя на гибель, потому что на нихъ лежитъ обязанность «разсказать» объ Іисусѣ и Его правдѣ, Іуда отвѣчаетъ послѣднимъ вопросомъ:

— А что такое сама правда въ устахъ предателей? Развѣ не ложью становится она? Ѳома, Ѳома, развѣ ты не понимаешь, что только сторожъ ты теперь у гроба мертвой правды?.. . . .

. . . . . .

«Отмстивъ», отверженецъ Л. Андреева «ушелъ къ Іисусу». Онъ повѣсился на деревѣ, такомъ же уродливомъ, какъ самъ, которое давно уже высмотрѣлъ—на горѣ, высоко надъ Іерусалимомъ—на случай своего «торжества».

Онъ не казнилъ себя—не за что было казнить себя, а только

не хотѣлъ и дальше переносить жизнь, въ которой Іисусъ *долженъ* былъ умереть; не хотѣлъ жить, не понимая, какъ въ этомъ разстилающемся подъ ногами бѣломъ городѣ люди живутъ и смѣются, ѣдятъ и спятъ, не исключая самыхъ близкихъ, когда *Онъ* умеръ, когда *Онъ* бездыханенъ...

Послѣднія слова, которыя произноситъ Іуда, готовясь къ самоубійству: «... А *они*—собаки!»

Это его искреннѣйшій привѣтъ городу подъ ногами...

IV.

Среди послѣднихъ вещей Л. Андреева, и темныхъ, какъ «Проклятіе звѣря», и ясныхъ, какъ «Царь-Голодъ»,—«Іуда» составляетъ исключеніе: при всей темнотѣ разсказа онъ не скученъ, и въ немъ сразу чувствуется незагримированный *человѣкъ*.

Согласны вы или нѣтъ съ освѣщеніемъ того, что было—по Л. Андрееву—въ Іудеѣ временъ Понтія Пилата, вы не можете не принять страстной горячности тона разсказа.

Положеніе читателя «Іуды» далеко не простое *). Авторъ умышленно не далъ не только полнаго, но и достаточнаго освѣщенія «Іуды». Онъ предпочелъ сохранить за Іудой покровъ неясности, который не могли снять съ него сотни проклинавшихъ поколѣній...

Передъ вами все время не разгадка, а только полуразгадка. Вы находите фразы, слова, настроенія и факты поведенія Іуды, изъ которыхъ *должно* сложиться ваше собственное объясненіе, но стройной связи этихъ словъ и фактовъ, создающихъ изъ нихъ искомое цѣлое, вы не находите. Почувствовать эту связь — по тому, что дано въ разсказѣ,—задача вашего собственнаго отношенія къ «Іудѣ».

Тѣмъ не менѣе—такова сила Андреевской непосредственности—вы сразу находитесь подъ впечатлѣніемъ яркихъ сценъ, которыми время отъ времени прерывается психологически темная масса «Іуды».

И первое, что останавливаетъ васъ, это — какая-то очевидная связь между разсказчикомъ и тѣмъ, что было—или чего не было—1900 лѣтъ назадъ, и тѣмъ, что вчера было въ русской дѣйствительности около автора, и — быть можетъ — и съ нимъ самимъ. Вамъ скоро становится ясно, что ключъ къ бывшему 1900 лѣтъ назадъ онъ нашелъ въ томъ, что было около него, а—быть можетъ—и съ нимъ самимъ, во время «безумнаго года». Разсказъ не только—художественный результатъ, но и ликвидація гордой мечты... Чьей?

---

*) Намъ пришлось ознакомиться съ своеобразнымъ розыскомъ—изъ Саратова,—по поводу „Іуды": „въ чемъ, собственно, дѣло?" и „не было ли гдѣ нибудь объясненія»?

Въ этомъ отношенія «Іуда» представляетъ крупный полу-біографическій интересъ для характеристики Л. Андреева, какъ человѣка,—для выясненія сущности *его* пессимизма.

Искренность тона, нерасцвѣченнаго и нераскрашеннаго (почти), безпокойно трогаетъ васъ, раздражаетъ и волнуетъ даже тогда, когда вы далеко еще не разобрались въ намѣренно-скрытомъ рисункѣ разсказа.

Поскольку авторъ говоритъ о «другихъ», онъ сразу даетъ—въ яркихъ вставкахъ — выпуклые образы Іоанна и Петра. Онъ не медлитъ ударить по кому-то, кого хочетъ ударить, и сразу саркастически оттѣняетъ то, что хочетъ: духовную и фактическую немощность—19 вѣковъ тому назадъ—и идеалистовъ, влюбленно довольныхъ собой и своей «отсырѣвшей добродѣтелью», и здравомыслениковъ въ родѣ позитивиста Ѳомы, и прямодушныхъ «камней вѣры», какъ Петръ, который первый и въ порывѣ и въ сомнѣніяхъ, всегда и во всемъ одинаково неустойчивый и горячный,—и вы сначала раздраженно обезпокоены намѣренной неясностью общей массы разсказа, оставляющаго яснымъ только сарказмы, острую боль въ нихъ и художественно формулированную вражду къ *вамъ*, къ тому, во что *вы* вѣрили, что *вы* дѣлали, думали и говорили по образу и подобію Петра, Іоанна и Ѳомы,—пока все кончилось, какъ кончилось... Потомъ страннымъ кажется уже другое: кажется страннымъ, что всѣ эти язвящія слова по адресу массы, кричавшей: «Осанна!» и въ частности по адресу разнаго рода «хорошихъ» и почитаемыхъ людей принадлежатъ писателю, который въ пору крѣпчавшихъ около него надеждъ писалъ свое унылое «Такъ было». Точно и онъ тогда—совершенно такъ же, какъ Іуда изъ Кариота,—не вѣрилъ, не могъ вѣрить, но *хотѣлъ* «весело» вѣрить, какъ Іуда, и хотѣлось ему взять, поднять земной шаръ, какъ Іудѣ, а когда все сбылось по привычной мысли, онъ готовъ мстить за это оправданіе, какъ—тоже—Іуда.

Существенно интересенъ «Іуда» и для технической характеристики художника, уже имѣющаго за собой первый юбилей. Его сила—въ непосредственной искренности: тамъ, гдѣ онъ *не* хочетъ поразить «съ особенною силой», тамъ онъ этой особенной силой и обладаетъ,—совершенно такъ же, какъ въ «Жили — были», въ лучшихъ мѣстахъ «Краснаго смѣха» и «Христіанъ».

Но онъ органически не способенъ ограничиться непосредственной искренностью, хотя міръ, о которомъ говорится, что онъ «прекрасенъ, какъ въ первый день созданья», въ достаточной мѣрѣ снабженъ матеріаломъ для «Андреевскаго» настроенія.

У него органическое влеченіе къ гипертрофіи тона и къ тенденціи, которыя давятъ въ немъ милостью Божіей художника.

Это—мастеръ испорченныхъ образовъ, у котораго художественная часть всегда больше цѣлаго, который тѣмъ опаснѣе для своего собственнаго замысла, чѣмъ этотъ замыселъ сложнѣе.

Онъ грѣшитъ въ конструированіи. У него, volens nolens, не выдержанные образы, а только мозаика, болѣе или менѣе цѣнная, психологическихъ элементовъ, цѣнныхъ а иногда и драгоцѣнныхъ, въ лучшемъ случаѣ—какъ въ «Іудѣ»—скрытая полутьмой разсказа.

Онъ точно не *видитъ* своего героя, а *сочиняетъ* (употребляемъ это слово за неимѣніемъ другого, менѣе рѣзкаго, но однороднаго по содержанію) его по частямъ, или—если видитъ, то видитъ только въ тотъ моментъ, о которомъ разсказываетъ, и только въ тѣхъ условіяхъ, о которыхъ разсказываетъ, забывая о томъ, что было за нѣсколько страницъ, и не задаваясь вопросомъ, совмѣстимы ли новыя обстоятельства съ тѣми условіями, въ которыя читатель уже повѣрилъ—волею художника.—Объ этой особенности Л. Андреева намъ уже приходилось говорить по поводу его «Вора», въ которомъ нужно спасать цѣнное впечатлѣніе отъ разсказа, принимая его не съ начала, а только съ момента, когда воръ почему то почувствовалъ себя въ положеніи выслѣживаемаго звѣря. Если же попытаться понять все цѣликомъ, въ такомъ случаѣ никакъ нельзя сообразить, въ чемъ собственно дѣло: что съ воромъ случилось? что именно онъ пережилъ? что создало трагедію *именно въ тотъ моментъ*, о которомъ идетъ рѣчь?

Говоря до сихъ поръ объ «Іудѣ Искаріотѣ и другихъ», мы намѣренно опустили, въ интересахъ безподобнаго замысла, всѣ минусы. Мы и теперь не будемъ говорить о мелочахъ, въ родѣ разныхъ несуразностей, влагаемыхъ авторомъ въ уста положительнаго Ѳомы (напримѣръ, на вопросъ Іуды: «хотѣлось ли тебѣ когда нибудь взять землю и поднять ее?»—Ѳома серьезно отвѣчаетъ: «Это невозможно. Что ты говоришь, Іуда!»). Эти несуразности легко могутъ быть объяснены желаніемъ окарикатурить разсудительнаго Ѳому.

Іуду, который автору близокъ и любовенъ уже потому, что не похожъ на ненавистныхъ «другихъ»,—онъ не собирался сдѣлать карикатурнымъ.

Но что же онъ *съ нимъ* дѣлаетъ?—То же самое, что и съ Ѳомой.

На самомъ дѣлѣ: дѣйствительно ли Іуда такъ проницателенъ и уменъ, какъ нужно автору? На краски въ этомъ отношеніи онъ не скупится. Онъ внушаетъ Іудѣ поразительно остроумныя сентенціи и тонкія характеристики окружающихъ. Онъ заставляетъ все совершаться такъ именно, какъ предвидитъ Іуда. Бѣдный представитель нормальной мысли—позитивистъ Ѳома—рядомъ съ Іудой кажется жалкимъ межеумкомъ, который на самомъ дѣлѣ долженъ видѣть во снѣ стѣну и осла, какъ смѣется надъ нимъ «другъ» Іуда (а затѣмъ почти въ тѣхъ же словахъ, черезъ двѣ страницы, самъ авторъ). Все идетъ стройно, однако, только до тѣхъ поръ

пока автору не приходитъ въ голову доказать ярко и красочно, что люди хуже даже, чѣмъ о нихъ думалъ Іуда.

Какъ мы видѣли, въ изображеніи Л. Андреева, Іуда все зналъ, видѣлъ и предвидѣлъ. Одного только не зналъ, не видѣлъ и не предвидѣлъ: *за что* именно ненавидятъ Іисуса церковники. Въ простотѣ Іудиной онъ полагалъ, что они серьезно допускаютъ виновность Іисуса, *вѣрятъ* въ то, что онъ и обманщикъ, и богохульникъ... Когда эти враги торжествуютъ свою легкую побѣду надъ Нимъ, Іуда хочетъ облегчить свою «смертельную тоску», насмѣявшись и надругавшись надъ врагами...

Онъ приходитъ къ Аннѣ и начинаетъ подробно разсказывать, какъ онъ, Іуда, «обманулъ» церковниковъ: какого удивительнаго *человѣка* они погубили, принявъ его за преступника. При этомъ авторъ заставляетъ Іуду изумиться, когда въ его признаніяхъ не оказывается ничего особеннаго ни для Анны, ни для Каіафы. Они—оказывается—никогда не сомнѣвались въ цѣнѣ той крови, которую собирались пролить! А проницательный Іуда въ изображеніи автора до такой степени пораженъ, что *въ эту минуту* волей-неволей оказываешься на сторонѣ издѣвательствъ Каіафы: «Что же мнѣ говорили объ умѣ Іуды изъ Каріота? Это просто дуракъ, очень скучный дуракъ».

Это замѣчаніе Каіафы до такой степени бьетъ по замыслу автора «Іуды», что прямо поражаешься, какъ могъ авторъ такъ охотно подчеркнуть его, поставивъ въ смѣшное положеніе своего Іуду.

Другой вопросъ: дѣйствительно ли Іуда такъ утонченно чувствуетъ, какъ хочетъ заставить вѣрить авторъ? Оставимъ опять въ сторонѣ рядъ мелкихъ подробностей и остановимся только на рѣжущей сантиментальности и почти нелѣпости, съ которой Іуда ухаживаетъ за обреченнымъ смерти Іисусомъ—не то, какъ влюбленный не то, какъ тюремщикъ за приговореннымъ. Онъ достаетъ дорогое вино, огорчаясь, что вино равнодушно выпиваетъ простодушный Петръ. Онъ наводитъ окружающихъ на разговоры о самомъ пріятномъ для Учителя. Наконецъ—днемъ занятый агитаціей среди «другихъ» въ пользу активной защиты Іисуса—онъ по ночамъ лазитъ по горамъ, чтобы достать цвѣтовъ для Іисуса, заставляя всѣхъ удивляться, откуда онъ ихъ беретъ въ каменистыхъ окрестностяхъ Іерусалима.. Правда отъ Іуды естественно ожидать самыхъ странныхъ, самыхъ неуклюжихъ проявленій душевной нѣжности, впервые пробившейся черезъ общую толщину злобы къ собакамъ-людямъ. Но всетаки не настолько. Вѣдь онъ же Іуда, а передъ нимъ Іисусъ! Вѣдь онъ въ разсказѣ автора догадывается—почти знаетъ (а Іуда съ свою очередь знаетъ *это*)—о задуманномъ Іудой планѣ «предать» Его! Онъ только молчитъ, предоставляя Іудѣ—дѣлать, а всему неизбѣжному—совершиться, какъ должно совершиться. Но если такъ, *какъ можетъ* Іуда—тотъ сверхчело-

вѣчески умный Іуда, котораго хочетъ нарисовать авторъ, *добиваться*, чтобы Іисусъ черезъ кого-нибудь «нечаянно» узналъ, что эти цвѣты достаетъ не кто иной, какъ онъ, Іуда! Если Іуда могъ скрашивать дни «смертной тоски» для Іисуса тѣми маленькими средствами, о которыхъ подробно разсказываетъ авторъ «Іуды»; если Іисусъ въ своей проницательности не могъ догадаться объ ихъ причинѣ,—то, конечно, Іуда, будь онъ подлиннымъ человѣкомъ, сдѣлалъ бы это втихомолку, какъ пустякъ, какъ мелочь, о которой—при *такихъ* условіяхъ не захочешь говорить серьезно. А Іуда ведетъ цѣлые разговоры о цвѣтахъ и *вздыхаетъ* (sic), когда оказывается, что Марія твердо держитъ свое обѣщаніе, ранѣе данное Іудѣ, не говорить Іисусу отъ кого идутъ цвѣты!..

Но то, что мы говорили, касается только частностей и обычныхъ минусовъ въ творчествѣ Л. Андреева.

Въ «Іудѣ» имѣется—къ сожалѣнію—и новый: мы говоримъ объ аморальныхъ элементахъ въ «Іудѣ»; о тенденціи изображать по ту сторону внутренней возможности; о попыткѣ (правда, не рѣшительной—въ очень темной формѣ) создать обликъ человѣка, освободившагося отъ традиціонной двойственности добра и зла и поэтому сочетавшаго въ себѣ двуединость души, чуждую колебаній и сомнѣній, полную силы и своеобразной красоты.

Мы сказали: «къ сожалѣнію», конечно, не потому, что сочиненіе человѣка по ту сторону добра и зла представляетъ занятіе предосудительное. При оцѣнкѣ художественныхъ произведеній соображенія о добрѣ и злѣ представляютъ только привходящій интересъ. Для насъ же лично эти соображенія, какъ вообще публицистическая сторона художественныхъ произведеній, представлялись и представляются цѣликомъ «по ту сторону» — *нашей* критической задачи.

Говоримъ «къ сожалѣнію» съ точки зрѣнія возможной продуктивности творчества.

Хотя въ «Іудѣ» всѣ представители добра являются одновременно и представителями душевной аморфности или духовной близорукости, тѣмъ не менѣе съ самаго начала въ «Іудѣ» чувствуется какое-то особое, но не досказанное отношеніе къ вопросу о моральной сторонѣ въ человѣкѣ. Начиная съ короткаго оповѣщенія на первой же страницѣ, что Іуда изъ Каріота не принадлежалъ ни къ «хорошимъ», ни къ «дурнымъ»... Дѣло въ томъ, что въ Іудеѣ временъ разсказа всѣ дѣлились на двѣ рѣзко выраженныя группы: «дурныхъ» и «хорошихъ». Конечно, въ такомъ родѣ людей дѣлятъ всегда и вездѣ, но въ Іудеѣ временъ Андреевскаго «Іуды» дѣленіе на дурныхъ и хорошихъ имѣло характеръ почти соціальной структуры. Хорошіе знали о себѣ, что они числятся хорошими и такъ себя и именовали, а дурные знали, что они дурные, и ничуть не претендовали на право считать себя хоро-

шими—въ своихъ собственныхъ глазахъ. Объединялись же обѣ группы только тѣмъ, что не соглашались—обѣ одинаково—на причисленіе Іуды къ ихъ моральной категоріи. Худые дѣлали это даже съ особой рѣзкостью: «нѣтъ *не нашъ* онъ, этотъ рыжій Іуда изъ Каріота».

И онъ на самомъ дѣлѣ оправдываетъ это исключеніе изъ двухъ категорій.

О немъ разсказываютъ самыя невѣроятныя вещи. У него нѣтъ ни личныхъ, ни семейныхъ привязанностей. Ни къ женѣ, ни къ дѣтямъ, во имя которыхъ онъ саркастически выпрашиваетъ прибавки за мнимое предательство Іисуса, ни вообще къ людямъ. Онъ презираетъ и потому враждуетъ со всѣми въ равной и никому не обидной мѣрѣ. Если онъ куда-нибудь заходилъ (до появленія Іисуса), вездѣ оставлялъ послѣ себя бѣду или непріятность—въ томъ размѣрѣ, какой случится.

Образъ, повидимому, рѣшительный. Почти какъ злодѣи у старыхъ авторовъ, о которыхъ Пушкинъ говорилъ, что они (злодѣи) даже пить просятъ не просто, а какъ злодѣи.

Тѣмъ не менѣе вы долго не знаете, въ чемъ тутъ дѣло, и сначала склоняетесь къ мысли, что передъ вами просто озлобленный человѣкъ (не сверхчеловѣкъ), который ведетъ войну противъ людей—волковъ, болѣе или менѣе правильно считая, что война требуетъ примѣненія правилъ войны, вплоть до мистификаціи и притворства.

Только потомъ вы убѣждаетесь въ своей ошибкѣ и начинаете думать, что передъ вами не только озлобленный отверженецъ, но и человѣкъ, который «убѣжденно»—въ передачѣ Л. Андреева—говоритъ о себѣ, что онъ «красивъ» (духовно) и, совсѣмъ не кривляясь, именуетъ себя «прекраснымъ и благороднымъ Іудой».

Но все это такъ незамѣтно (быть можетъ, по недостатку рѣшительности) втоплено въ умышленно темную массу «Іуды», что у васъ всетаки не слагается никакого отчетливаго представленія объ Іудѣ, и въ результатѣ вы все-таки недоумѣваете:

Почему Іуда *сдѣланъ* не только предателемъ, но и лжецомъ и воромъ? Почему этотъ лжецъ и воръ разсчитываетъ, что будетъ призванъ вмѣстѣ съ Іисусомъ судить живыхъ и мертвыхъ? Почему онъ такъ увѣренъ въ своемъ торжественномъ возвращеніи на землю вмѣстѣ съ Іисусомъ, «обнявшись какъ братья»? какое «небо» онъ грозитъ, передъ смертью, разрушить, если Іисусъ (за которымъ онъ признаетъ власть послать его въ адъ) не согласится съ нимъ?

Лишь съ появленіемъ «Тьмы», представляющей дальнѣйшее и—къ невыгодѣ своей—болѣе ясное развитіе идей «Іуды», стало возможно разобраться въ этихъ вопросахъ и угадать, что Іуда, если не «красивъ», то долженъ быть «красивъ», какъ этическій революціонеръ, мечтавшій въ одну изъ безсонныхъ ночей передъ «предательствомъ»: о времени, когда не будетъ ни хорошихъ, ни дурныхъ,—когда не будетъ въ людскомъ неразумѣніи и непони-

маніи ни «Іуды изъ Каріота», какъ типа, ни «Іисуса», какъ противоположнаго идеальнаго типа, а будутъ цѣлокупные душой люди, способные и на жизнь въ моральномъ хаосѣ и на защиту—когда нужно—Іисуса съ энергіей ожесточенныхъ звѣрей.

Какъ отразилось это огромное привнесеніе въ замыселъ «Іуды»?

Отвѣтимъ вопросомъ на вопросъ: какъ могло отразиться это привнесеніе мотивовъ и подробностей по ту сторону внутренней возможности, а, стало быть, и возможности воплотить это въ художественную плоть и кровь?

Конечно, новыми противорѣчіями въ той психологической мозаикѣ, которую авторъ обозначилъ словомъ Іуда.

Ему нужно, чтобы его герой былъ «красивъ» и онъ заставляетъ его полезно солгать при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: защищая Іисуса отъ смерти, когда всѣ хорошіе и честные бѣжали вмѣстѣ съ Іисусомъ.—И эта сцена *одна изъ самыхъ неудачныхъ* по своей внутренней неубѣдительности, несмотря на то, что авторъ вложилъ человѣку, спасшему Іисуса выдачей его за вора и обманщика, самыя сильныя контръ-обвиненія противъ моралистовъ-обвинителей. И что хуже всего, вѣроятно, для результата, желаннаго автору, его Іуда въ этой сценѣ на самомъ дѣлѣ производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Тогда какъ въ другихъ сценахъ, гдѣ онъ просто человѣкъ безъ этической революціи, автору удается сдѣлать его и близкимъ и понятнымъ (напр., сцена послѣдняго свиданія съ «другими»).

То же самое приходится сказать и о репутаціи «искуснаго вора», которую авторъ счелъ нужнымъ присвоить Іудѣ, чтобы онъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, не принадлежалъ ни къ хорошимъ, ни къ дурнымъ. Онъ очень осторожно вводитъ этотъ элементъ въ разсказъ. Его «искусный воръ» въ исторіи съ тремя динаріями можетъ, если вы этого захотите, оказаться совсѣмъ не воромъ, а только остроумнымъ выдумщикомъ противъ «другихъ», пользующимся—въ интересахъ моральнаго обнаженія «другихъ»—своей репутаціей «искуснаго вора», на этотъ разъ не сумѣвшаго искусно утаить три динарія! И тѣмъ не менѣе автору всетаки приходится бить по тому, что онъ хочетъ доказать и сохранить. Мы говоримъ объ эпизодѣ, который авторъ приводитъ, чтобы подчеркнуть жалкую неустойчивость человѣческаго стада, готоваго съ замираніемъ выслушать Іисуса и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ—повѣрить: а, быть можетъ, онъ и обманщикъ и воръ, хотя козленокъ и нашелся... Но что же тутъ удивительнаго—въ этой готовности массы повѣрить, если волей автора среди пришельцевъ съ Іисусомъ, среди близкихъ ему людей, былъ *на самомъ дѣлѣ* человѣкъ, славившійся какъ «искусный воръ»?

Мы, конечно, не имѣемъ въ виду полемизировать съ героями художественныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе для насъ представляется интереснымъ отдать себѣ отчетъ: какъ же Іуда, а за

нимъ авторъ, представлялъ себѣ взаимное *довѣріе*, основанное на аморальной способности лгать, если охота, и воровать, если нужно?

Попробуйте совмѣстить все это въ одно цѣлое, всѣ эти *выдвинутыя* авторомъ подробности въ одинъ цѣлый сколько-нибудь образъ! Это такъ же мало возможно, какъ представить себѣ, по описанію автора *лицо* Іуды, у котораго «всегда» два лица, потому что два глаза: одинъ—незрячій, никогда не закрывающійся со стоялымъ выраженіемъ, а другой — зрячій, живой, бѣгающій и загадочный, но это не мѣшаетъ ему глядѣть—когда нужно—«прямымъ и простымъ» взглядомъ.

Въ концѣ концовъ передъ вами вещь, цѣнная и по крупному замыслу, способному выдержать сравненіе съ любымъ въ міровой литературѣ, и по многочисленнымъ подробностямъ (напр., вышеупомянутая сцена послѣдняго свиданія съ «другими» послѣ смерти Іисуса), но безъ центральнаго образа, желаннаго автору и вамъ.—Передъ вами «другіе», которыхъ художникъ обрекъ вашему отрицательному чувству, но нѣтъ человѣка, на которомъ онъ «отдохнулъ» въ минуты творчества.—Передъ вами не «Іуда Искаріотъ и другіе», а «Другіе безъ Іуды Искаріота», такъ какъ наличный Іуда не есть, а только кажется, поскольку есть фонъ изъ «другихъ», скрадывающій спайку Іуды изъ несовмѣстимыхъ элементовъ.—Для васъ по существу остался темнымъ и немотивированнымъ даже *основной* моментъ въ психологіи Іуды: мнимое—въ изображеніи Л. Андреева—предательство Іуды. Вы знаете только, что оно было—или казалось Іудѣ—*нужнымъ*; готовы не сомнѣваться (этого художникъ съумѣлъ достигнуть), что у него былъ какой-то планъ, сдѣлавшій «предательство» внутренне необходимымъ, но пережить этотъ моментъ вмѣстѣ съ нимъ вы все-таки не можете: *для этого* не оказывается данныхъ!

V.

Вернемся, однако, къ уже затронутому темному моменту въ «Іудѣ»: почему онъ спокойно гордъ *передъ смертью*?

Что онъ вмѣшался въ событія, ускорилъ и разрѣшилъ ихъ, а слѣдовательно и взялъ на себя отвѣтственность, не зная даже—какъ именно относятся къ Іисусу враги, за что именно Его ненавидятъ,—все это, въ изображеніи Л. Андреева, мало безпокоитъ Іуду. Онъ думаетъ только о второмъ болѣе счастливомъ пришествіи Іисуса на землю, когда и онъ, Іуда, будетъ въ концѣ концовъ призванъ—самимъ Распятымъ—вернуться на землю, «обнявшись какъ братья», для новаго устроительства собакъ-людей.

Конечно, интересы ихъ для Іуды меньше, чѣмъ ничего, и Іуда въ данномъ случаѣ добивается только торжества своего признанія,

добивается единственно для него нужнаго: чтобы *отвергавшій* его Іисусъ—единственный кого онъ любилъ, какъ «сыночка»!—повѣрилъ, что *онъ* правъ, и, опираясь на *его*, Іуды, помощь,—устроилъ бы царство свое на землѣ.

Мы не имѣемъ въ виду останавливаться на этихъ подробностяхъ ради характеристики самого Іуды. Въ томъ, что мы сейчасъ привели, для насъ существенна только проблема, которую преслѣдуетъ авторъ, внушающій Іудѣ увѣренность, что *для воскресшаго Іисуса* не будетъ имѣть значенія имморальность его названнаго «брата».

Все это чѣмъ-то окупится.

Чѣмъ же?

VI.

На этотъ вопросъ отвѣтъ дается во «Тьмѣ».

Разсказы «Іуда» и «Тьма» такъ прихотливо усложнены, такъ богаты отдѣльными подробностями, что мы заранѣе извиняемся, если намъ не удастся сохранить одну непрерывную линію изложенія.

Съ этой оговоркой скажемъ, что апологія Іуды,—попытка свести весь вопросъ о предателѣ Христа къ ошибкѣ въ міровой легендѣ, представляетъ цѣнную часть (и суть) «Іуды».

Что авторъ пришелъ къ этому выводу, вамъ кажется простымъ и понятнымъ: изслѣдователь положилъ въ основу своихъ выводовъ два факта, которые призналъ несомнѣнными: 1) за предательство было получено непонятно низкое вознагражденіе, и 2) предатель на другой же день послѣ того, какъ предалъ будто бы изъ корысти,—покончилъ съ собой.

И вы, шагъ за шагомъ слѣдя за этимъ новымъ, послѣ Мережковскаго, пересмотромъ мірового рѣшенія о человѣкѣ, проклинаемомъ двумя тысячелѣтіями, поражаетесь, отчего авторъ не ограничился этой *огромной* художественной задачей? Зачѣмъ онъ ее затемнилъ и скомкалъ? зачѣмъ *попутно* перевернулъ всю человѣческую психологію, замѣнивъ ее усовершенствованной по послѣднему cri de la mode въ области идей?

Вѣдь для того, чтобы «доказать» несовмѣстимость моральности и истиннаго величія духа, ему—очевидно, для него самого—пришлось прибѣгнуть къ своего рода «лжи»? Вѣдь не могъ же онъ не замѣтить, что ему пришлось уложить историческую дѣйствительность на Прокустово ложе, оборвавъ разсказъ на благополучномъ существованіи «другихъ» послѣ смерти Іисуса? Вѣдь для пріемлемости, хотя бы на минуту, выводовъ относительно этихъ мѣщански-моральныхъ и равнодушныхъ къ Богу людей, ему пришлось опустить для простоты изложенія, какъ мелочь, не измѣняю-

щую оцѣнки, такія подробности будущаго «мѣщанъ»—апостоловъ, какъ гоненія, пытки, тюрьма и смерть?..

Въ этомъ отношеніи «Тьма» построена значительно стройнѣе.

Аморфной добродѣтели здѣсь нѣтъ. Нѣтъ и умолчаній «Іуды». Нѣтъ и темноты изображенія, скрадывающей отсутствіе очертаній въ разсказѣ.

И есть подлинное моральное подвижничество.

Но это все-таки ничего не мѣняетъ. «Плохіе» все-таки раздраженно ненавидятъ «хорошихъ», какъ Іуда—аморфныхъ и самовлюбленныхъ «другихъ».

Очевидно, что въ самой природѣ «хорошихъ» есть какой-то дефектъ, дѣлающій ихъ виноватыми и сейчасъ и нынѣ и во вѣки—до второго пришествія Іуды.

Такъ оно и есть.

А. Е. Рѣдько.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Авторское право и свобода переводовъ.

По поводу законопроекта министерства юстиціи объ авторскомъ правѣ.

I.

Понятіе авторскаго права.

Среди сотенъ проектовъ, внесенныхъ правительствомъ въ Государственную Думу, имѣется проектъ закона объ авторскомъ правѣ. Онъ мало обращаетъ на себя вниманіе общества,—и это совершенно напрасно. Конечно, онъ не затрагиваетъ такъ близко и такъ непосредственно интересы широкихъ общественныхъ слоевъ, какъ, напримѣръ, проектъ реформы мѣстнаго суда, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ отразиться достаточно тягостнымъ образомъ на нашемъ просвѣщеніи,—и это уже даетъ ему достаточное право на общественный къ нему интересъ.

По вопросу объ авторскомъ правѣ въ нашемъ обществѣ господствуютъ довольно путанныя, частью совершенно невѣрныя представленія. У насъ въ обществѣ (какъ и въ дѣйствующемъ законѣ) до сихъ поръ называютъ его старой кличкой «литературной собственности», совершенно невѣрно объясняющей сущность того явленія, о которомъ идетъ рѣчь.

Я могу имѣть какую-либо книгу, т. е. какой-либо экземпляръ

книги, какъ предметъ моей собственности. Это значитъ, что я могу сдѣлать съ этой книгой все, что я хочу: читать ее, т. е. пользоваться ею, давать ее въ чтеніе безплатно или за плату, т. е. получать извѣстный доходъ отъ владѣнія ею, могу ее подарить, продать или наконецъ, если вздумается, сжечь ее. Но одного я не могу дѣлать съ нею: снимать съ нея копіи для продажи, другими словами печатать по образцу этой книги тысячи такихъ же книгъ. Такимъ образомъ мое право *собственности* ограничено по отношенію къ этой книгѣ въ одномъ отношеніи, ограничено чьимъ-то чужимъ правомъ, именно *авторскимъ* правомъ, которое состоитъ въ томъ, что авторъ, напечатавъ свою книгу и продавъ (непосредственно или черезъ книгопродавца), одинъ ея экземпляръ мнѣ, ограничилъ мое на нее право собственности, запретивъ мнѣ извѣстнаго рода дѣйствія съ принадлежащимъ мнѣ экземпляромъ. Изъ этого видно главное различіе между собственностью и авторскимъ правомъ: послѣднее есть монополія на извѣстнаго рода дѣйствія, а именно на печатаніе книги и на выпускъ ея въ продажу. Различіе между собственностью и авторскимъ правомъ сказывается еще и въ томъ отношеніи, что собственность мыслится, какъ нѣчто вѣчное; между тѣмъ авторское право вездѣ ограничено во времени: по нашему закону (и по французскому тоже) оно сохраняется въ теченіи жизни автора и 50 лѣтъ послѣ его смерти, по истеченіи которыхъ каждый желающій имѣетъ право печатать всѣ сочиненія даннаго автора, не испрашивая разрѣшенія его наслѣдниковъ и не платя имъ за это; по германскому праву авторское право длится только 30 лѣтъ послѣ смерти автора; по сѣверо-американскому всего 42 года по выходѣ въ свѣтъ книги или статьи и, слѣдовательно, прекращается иногда даже при жизни самого автора; по англійскому—42 года со времени выхода въ свѣтъ книги или статьи или 7 лѣтъ послѣ смерти автора (смотря по тому, какой моментъ наступаетъ позднѣе). Этой своею чертою авторское право вполнѣ напоминаетъ привиллегію, даваемую на пользованіе изобрѣтеніемъ (патентъ): оно дается на опредѣленный срокъ.

И по своему происхожденію авторское право не имѣетъ ничего общаго съ собственностью. Начала собственности коренятся въ глубокой, едва доступной для проницательности историка древности. Напротивъ, авторскаго права вовсе не знала ни древность, съ ея уже весьма развитой литературой, ни средніе вѣка, ни XVI, ни XVII, ни даже начало XVIII вѣка, а окончательное и всеобщее его признаніе относится только въ XIX в. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія короли, иногда муниципалитеты, во Франціи также парламенты стали давать типографамъ, издателямъ, а иногда и авторамъ привиллегіи на два, на пять, на 10 лѣтъ издавать и распространять опредѣленную книгу или вообще разныя книги и продавать ихъ въ предѣлахъ опредѣленной территоріи, иногда одного города, иногда провинціи, иногда цѣлой страны. Изъ этихъ привиллегій,

имѣвшихъ временный и частный характеръ, возникло авторское право. Впервые авторское право независимо отъ полученія спеціальной привиллегіи было признано въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка, т. е. значительно позже, чѣмъ были регулированы права изобрѣтателей (1623 г.); по закону 1709 г. каждый авторъ получилъ исключительное право издавать въ предѣлахъ Великобританіи свое сочиненіе въ теченіе 14 лѣтъ послѣ перваго ея опубликованія (въ 1801 году этотъ срокъ былъ удвоенъ, а въ 1842—утроенъ и къ нему прибавлено еще постановленіе о семилѣтнемъ срокѣ послѣ смерти автора). Второю страною, признавшею авторское право, были Соединенные Штаты Сѣв. Америки; особымъ пунктомъ ихъ конституціи (1789 г.) конгрессу было предоставлено регулировать закономъ авторское право. Годъ вступленія въ силу американской конституціи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ годомъ начала великой французской революціи, которая между прочимъ принесла на континентъ Европы и принципъ авторскаго права. Два закона о таковомъ были выработаны въ Учредительномъ Собраніи въ 1791 г. и въ конвентѣ въ 1793 г., а за ними послѣдовали аналогичные законы и въ другихъ странахъ Европы. Въ Россіи первый законъ объ авторскомъ правѣ или о «правахъ сочинителей», какъ онъ тогда назывался, былъ выработанъ въ 1828 г. и переработанъ въ законъ «о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей» въ 1830 г. Въ 1857 г. онъ былъ подъ именемъ закона «о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ» включенъ въ текстъ цензурнаго устава; позднѣе, именно въ 1887 г., онъ подъ тѣмъ же именемъ былъ перенесенъ въ гражданскіе законы, гдѣ онъ, конечно, болѣе у мѣста. Закономъ 1828 года срокъ авторскаго права былъ ограниченъ всего 25 годами послѣ смерти автора; закономъ 1830 года этотъ срокъ условно (если издатели не болѣе чѣмъ за 5 лѣтъ до 25 лѣтняго срока выпустили новое изданіе сочиненія умершаго автора) продленъ на десять добавочныхъ лѣтъ. Въ 1857 году въ отвѣтъ на ходатайство вдовы Пушкина о предоставленіи ей и сыновьямъ Пушкина исключительнаго права на изданіе сочиненій ихъ отца въ теченіе ихъ жизни послѣдовалъ законъ, которымъ срокъ авторскаго права послѣ смерти автора былъ удвоенъ и доведенъ до нынѣшней нормы въ 50 лѣтъ.

Авторское право такимъ образомъ состоитъ въ исключительномъ правѣ печатать свою книгу или свое произведеніе. Но разъ появилось оно, совершенно естественно появилось и стремленіе расширять его объемъ. Между прочимъ, возникла мысль, что авторское право должно принадлежать автору не только на его произведеніе въ подлинникѣ, но и на переводъ этого произведенія на иностранные языки, за разрѣшеніе каковаго авторъ можетъ слѣдовательно требовать отъ иностраннаго переводчика извѣстнаго гонорара. Долгое время эта идея оставалась въ области чистыхъ

пожеланій. Наконецъ законы нѣкоторыхъ странъ, какъ, напримѣръ, германскій законъ объ авторскомъ правѣ 1870 года включилъ въ понятіе объ авторскомъ правѣ исключительное право на переводъ въ теченіе трехлѣтняго срока со времени появленія въ свѣтъ книги. Но законъ дѣйствовалъ только въ предѣлахъ Германіи *); переводчики изъ другихъ странъ не были обязаны слѣдовать его предписаніямъ и переводчики-нѣмцы не были имъ стѣснены въ переводахъ французскихъ, англійскихъ или русскихъ книгъ. Чтобы этотъ принципъ могъ сдѣлаться дѣйствительнымъ, нужно было или постановленіе закона, что защитой отъ перевода пользуются всѣ иностранныя сочиненія; или то же постановленіе въ условной формѣ (защитой отъ перевода пользуются сочиненія, появившіяся въ странѣ, гдѣ пользуются защитой сочиненія нашихъ авторовъ), или наконецъ соглашеніе нѣсколькихъ или многихъ странъ между собою, т. е. такъ называемыя литературныя конвенціи. Литературныя конвенціи являются, очевидно, наиболѣе удобной формой защиты отъ самовольныхъ (т. е. неразрѣшенныхъ авторомъ) переводовъ, и къ нимъ по преимуществу стали стремиться сторонники ограниченія свободы переводовъ. Таковая конвенція послѣ нѣсколькихъ частныхъ соглашеній и была заключена въ Бернѣ въ 1886 году Германіей, Бельгіей, Испаніей со всѣми колоніями, Франціей со всѣми колоніями, Великобританіей со всѣми колоніями, Гаити, Италіей, Либеріей, Швейцаріей и Тунисомъ, т. е. десятью странами съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ 500 милліоновъ душъ. Позднѣе къ этому договору или такъ называемой Бернской конвенціи присоединился Люксембургъ, Норвегія, Японія, Данія и Швеція, и въ настоящее время ея дѣйствіе простирается на страны съ общимъ населеніемъ въ 650 милл. Къ ней не присоединились до сихъ поръ Австро-Венгрія, Соединенные Штаты, Россія, Португалія, Сербія, Болгарія, Греція, южно-американскія республики и другія менѣе важныя государства. Изъ перечисленныхъ государствъ Австро-Венгрія заключила сепаратное соглашеніе съ Германіей и кромѣ того издала законъ о защитѣ въ ея предѣлахъ авторскихъ правъ писателей, принадлежащихъ къ странамъ, гдѣ пользуются защитой права австрійскихъ писателей. Соединенные Штаты заключили сепаратные договоры съ Великобританіей и нѣкоторыми другими государствами; признаютъ свободу переводовъ донынѣ, слѣдовательно, Россія, Болгарія, Сербія, Португалія, Южно-американскія республики.

Бернская конвенція 1886 года устанавливаетъ слѣдующіе принципы.

Авторъ, выпустившій въ свѣтъ свое сочиненіе въ одной изъ странъ, подписавшихъ Бернскую конвенцію, независимо отъ націо-

*) Кромѣ того онъ имѣлъ силу для германскихъ гражданъ, напечатавшихъ свою книгу за-границей.

нальности, пользуется защитою своихъ авторскихъ правъ во всѣхъ этихъ странахъ. Авторскимъ правомъ, которое пользуется защитою, признается какъ исключительное право на печатаніе книги, такъ и исключительное право на переводъ ея на иностранные языки. Такимъ образомъ не только германскій гражданинъ, но и русскій подданный, если онъ выпуститъ свою книгу въ свѣтъ, все равно на какомъ языкѣ, хотя бы и на русскомъ, т. е. на языкѣ страны, къ Бернской конвенціи не присоединившейся, но выпуститъ ее въ предѣлахъ, напримѣръ, Германіи, то онъ пользуется защитою отъ перепечатки и самовольнаго перевода во Франціи, въ Великобританіи, въ Италіи, въ Швейцаріи и т. д., т. е. во всѣхъ странахъ, присоединившихся къ Бернской конвенціи (а также въ Австро-Венгріи въ силу сепаратнаго соглашенія съ Германіей), и это несмотря даже на то, что Россія до настоящаго времени не платитъ взаимностью, т. е. не защищаетъ въ своихъ предѣлахъ ни нѣмецкихъ, ни французскихъ, ни англійскихъ авторовъ не только отъ перевода на русскій языкъ, но даже отъ перепечатки ихъ сочиненій въ подлинникѣ.

Однако отношенія Бернской конвенціи къ перепечаткѣ и къ переводу совершенно различны: отъ перепечатки сочиненіе защищается на все время авторскаго права, т. е. въ Германіи на 30 лѣтъ послѣ смерти, въ Англіи на 7 лѣтъ послѣ смерти или на 42 года послѣ перваго появленія въ свѣтъ даннаго произведенія, съ тою только оговоркой, что защита въ каждой странѣ не можетъ длиться дольше, чѣмъ она длится въ странѣ первоначальнаго напечатанія книги. Напротивъ отъ самовольнаго перевода Бернская конвенція въ своей первоначальной редакціи защищала авторовъ только въ теченіе 10-тилѣтняго срока со времени появленія въ свѣтъ книги. По истеченіи этого срока каждый имѣлъ право переводить книгу каждаго автора, хотя бы и безъ его согласія. Дополнительнымъ соглашеніемъ, заключеннымъ въ 1896 г. это постановленіе нѣсколько расширено: теперь сочиненіе защищается отъ самовольнаго перевода въ теченіе 10 лѣтъ со времени появленія книги въ томъ случаѣ, если авторъ не выпуститъ въ этотъ срокъ своего, т. е. разрѣшеннаго имъ перевода; но если онъ это сдѣлаетъ, то и черезъ 10 лѣтъ и болѣе никто не имѣетъ права перевести книгу безъ его согласія, которое по большей части не можетъ быть дано, такъ какъ согласіе на первый переводъ обыкновенно подразумѣваетъ отказъ въ такомъ согласіи каждому слѣдующему переводчику. По соглашенію между Австро-Венгріей и Германіей исключительное право на переводъ своего сочиненія авторъ сохраняетъ только въ теченіе 5 лѣтъ, и то при условіи, чтобы въ первые же три года онъ выпустилъ въ свѣтъ или далъ разрѣшеніе на переводъ; если таковой не появится своевременно, то исключительное право автора на переводъ теряется уже черезъ три года.

Когда впервые возникла идея о желательности защиты автор-

скаго права отъ самовольныхъ переводовъ, то эта идея встрѣтила и очень ожесточенныхъ противниковъ; такъ Прудонъ въ брошюрѣ «Des majorats littéraires» (1862 г.) горячо нападалъ на стремленіе авторовъ и издателей закрѣпить за собою право на свои идеи на вѣчныя времена и во всякой формѣ, въ какую только онѣ могли бы быть вылиты. Ту же самую мысль въ Австріи отстаивалъ консервативный политикъ Шеффле и тоже, какъ анархистъ Прудонъ, во имя интересовъ просвѣщенія *). Въ настоящее время однако въ Европѣ большинство высказывается по этому вопросу въ пользу стѣсненія права перевода. Но въ Россіи до сихъ поръ литература въ лицѣ лучшихъ органовъ печати высказывалась довольно единодушно противъ ограниченія свободы переводовъ.

Кто же правъ? Нуждаются ли авторы въ защитѣ отъ самовольныхъ переводовъ ихъ произведеній на иностранные языки, или такая защита явится тормазомъ для развитія просвѣщенія? Другими словами желательно ли включеніе исключительнаго права на переводъ въ понятіе авторскаго права?

Этотъ вопросъ можетъ быть расчлененъ на два:

1. Вытекаетъ ли исключительное право на переводъ изъ самаго существа авторскаго права, связано ли оно съ нимъ, является ли оно логическимъ послѣдствіемъ признанія авторскаго права?

2. Выгодно ли въ общественныхъ интересахъ включеніе права на переводъ въ авторское право?

II.

Общественное значеніе авторскаго права.

Мы видѣли, что авторское право есть своего рода привиллегія или монополія на извѣстныя дѣйствія. Оно есть одно изъ имущественныхъ правъ, потому что обезпечиваетъ имущественные интересы авторовъ, но тѣмъ не менѣе оно не имѣетъ ничего общаго съ правомъ собственности или съ правомъ вещнымъ; оно есть, какъ говорятъ юристы, jus sui generis, своеобразное право, не могущее быть включеннымъ въ область какого бы то ни было другого правового института, и по своему характеру всего ближе къ патентному праву. Оно возникло недавно, и наука можетъ прослѣдить съ полной точностью какъ его зарожденіе, такъ и всѣ этапы въ его развитіи, чего она не можетъ сдѣлать относительно права собственности. Каждый изъ этихъ этаповъ отмѣченъ преніями въ парламентахъ или спорами въ печати, и все его развитіе было не инстинктивнымъ, а сознательнымъ, направлявшимся къ ясно сознаннымъ цѣлямъ. Какія же это цѣли, лежащія въ основѣ авторскаго права?

*) Schäffle, Das Urheberrecht, 1867.

Нѣтъ сомнѣнія, что литературное производство рѣзко отличается отъ всякой другой отрасли промышленности тѣмъ, что для литератора денежный или вообще имущественный интересъ является движущимъ стимуломъ далеко не всегда, и рядомъ съ денежнымъ интересомъ, даже когда онъ имѣетъ мѣсто, почти всегда имѣется и другой интересъ, интересъ моральнаго свойства. Въ древности, когда литература была главнымъ образомъ въ рукахъ аристократіи, или въ средніе вѣка, когда ею занималось духовенство, имущественный интересъ отсутствовалъ совершенно или былъ очень слабъ. Авторъ творилъ для Бога, для души, для славы, для потомковъ; источники существованія у него были другіе и въ литературномъ заработкѣ онъ обыкновенно не нуждался. Если же кромѣ славы онъ получалъ еще и что-либо болѣе конкретное, то онъ получалъ это отъ покровителей-меценатовъ, которые дарили его по своему усмотрѣнію за наслажденіе, доставлявшееся имъ его пѣснями или другими произведеніями. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ авторъ не былъ заинтересованъ въ защитѣ своего авторскаго права; напротивъ, все, что содѣйствовало распространенію его славы, другими словами—все, что содѣйствовало распространенію его произведеній, могло быть для него только выгодно. Но вотъ съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія литература измѣнятъ свой характеръ. Кругъ читателей расширяется и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно демократизируется, литературныя произведенія слушаются и читаются не только при дворахъ королей и вельможъ, не только въ монастыряхъ, но и въ мастерскихъ ремесленниковъ, въ мелкихъ лавкахъ у торговцевъ, въ хижинахъ у фермеровъ или крестьянъ или въ жилищахъ рабочихъ. Благодаря этому литература должна обслуживать уже интересы своихъ новыхъ читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется также кругъ писателей. Это уже не представители привиллегированныхъ классовъ, не нуждающіеся въ заработкѣ. По большей части это люди, выходящіе изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, средствъ не имѣющіе, нуждающіеся въ заработкѣ и стремящіеся сдѣлать служеніе литературѣ не занятіемъ въ часы досуга, а своимъ спеціальнымъ дѣломъ. Но для этого они должны получать вознагражденіе за свой трудъ. Единственной формой вознагражденія за литературный трудъ, которую могла придумать буржуазная эпоха, была продажная цѣна за напечатанныя и проданныя авторомъ книги (или за газеты и журналы, состоящіе изъ произведеній многихъ авторовъ). Но написать книгу трудно, а напечатать ее сравнительно легко; по крайней мѣрѣ при наличности нѣкоторыхъ денежныхъ средствъ; поэтому, если бы написанную авторомъ книгу могъ свободно перепечатать каждый желающій, то продажная цѣна книги упала бы почти до стоимости бумаги и печати, и на долю автора не пришлось бы ни гроша вознагражденія; всю выгоду взяли бы себѣ типографы и капиталисты-издатели. Литература, по крайней мѣрѣ, новая демократическая литература,

обслуживающая интересы широкихъ народныхъ массъ и созидаемая людьми неимущими, стала бы немыслимой. Такимъ образомъ возникновеніе авторскаго права было необходимо ради созданія новой демократической литературы, слѣдовательно ради интересовъ широкихъ народныхъ массъ.

Таковъ былъ смыслъ возникновенія авторскаго права, и это было причиной, по которой англійскіе виги, представлявшіе интересы молодой демократической буржуазіи противъ аристократіи, а также революціонныя народныя собранія Соединенныхъ Штатовъ и Франціи горячо приняли подъ свою защиту права авторовъ на охрану ихъ произведеній.

Но дальнѣйшее развитіе авторскаго права не всегда обусловливалось интересами литературы или общества. Авторы, какъ всѣ люди въ мірѣ, въ частности какъ всѣ производители, работающіе на какой бы то ни было рынокъ, преслѣдовали свои цѣли, отстаивали свои интересы, далеко не всегда совпадавшіе съ интересами общественными или съ интересами литературы. Рядомъ съ авторами появился широкій и вліятельный классъ издателей, которые отстаивали развитіе авторскаго права уже не только не въ интересахъ литературы или общества, но даже не въ интересахъ автора, а въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Чтобы издать книгу, нужны довольно значительныя денежныя средства. У авторовъ они имѣются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Не рѣдко авторъ передаетъ право на изданіе своего сочиненія какому-либо издателю; нуждаясь въ полученіи вознагражденія какъ можно скорѣй, онъ нерѣдко передаетъ ему не только право на одно изданіе своей книги, но все свое авторское право на эту книгу; само собою разумѣется, что онъ можетъ уступить его только въ томъ объемѣ, въ какомъ оно существуетъ по законамъ страны. Въ виду этого совершенно естественно, что издатели, представляющіе изъ себя на западѣ довольно вліятельную общественную группу, отстаиваютъ расширеніе объема авторскаго права гораздо даже энергичнѣе, чѣмъ сами авторы; у этихъ послѣднихъ почти всегда стимулами не менѣе сильными, чѣмъ желаніе дохода, являются самолюбіе, жажда извѣстности, стремленіе къ славѣ, или же чистая любовь къ истинѣ, желаніе возможно широкаго распространенія ихъ идей;—и эти стимулы нерѣдко приводятъ къ тому, что авторъ самъ не желаетъ ставить какихъ бы то ни было преградъ къ распространенію его произведеній на иностранныхъ языкахъ, тогда какъ издатель, чуждый этихъ стремленій, стремится главнымъ образомъ къ доходу.

Издатели, особенно крупные, бываютъ заинтересованы и въ томъ, чтобы были защищены отъ перевода на ихъ языкъ писатели иностранные. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ: какой интересъ, напримѣръ, русскому издателю въ томъ, чтобы право перевода на русскій языкъ и изданія

въ Россіи писателя французскаго или нѣмецкаго вполнѣ зависѣло бы отъ этого писателя? Въ дѣйствительности однако интересъ есть, и иногда очень существенный. Если я могу перевести и издать по-русски, напримѣръ, сочиненія Зола безъ разрѣшенія автора, то это можетъ сдѣлать и всякій другой, и популярное произведеніе можетъ появиться одновременно въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ, другъ съ другомъ конкурирующихъ. Напротивъ, если для перевода необходимо согласіе автора, то крупный издатель, имѣющій постоянныя сношенія съ заграницей, имѣющій къ тому же свободныя денежныя средства, можетъ легко первый купить право на переводъ данной книги, а, купивъ его, онъ обезпечиваетъ на русскомъ рынкѣ распространеніе именно своего изданія, уже не боясь ничьей конкуренціи; онъ можетъ повышать продажную цѣну книги по своему усмотрѣнію до тѣхъ предѣловъ, при которыхъ только книга находитъ покупателя. Агитація издателей (а иногда, какъ это было въ Россіи, наслѣдниковъ авторовъ, т. е. тоже издателей, а не самихъ авторовъ) и послужила главнымъ образомъ къ расширенію объема авторскаго права, и въ частности къ удлиненію сроковъ авторскаго права и включенію въ него исключительнаго права на переводъ, и къ заключенію международныхъ литературныхъ конвенцій, обезпечивающихъ послѣднее.

III.

Вытекаетъ ли исключительное право на переводъ изъ существа авторскаго права?

Сторонники ограниченія права переводовъ утверждаютъ, что оно вытекаетъ изъ самаго существа авторскаго права: «Изданіе самовольныхъ переводовъ... (есть) даровая, прикрывающаяся дозволеніемъ закона эксплоатація чужого труда», — такое мнѣніе приводится въ объяснительной запискѣ министерства юстиціи къ новому проекту авторскаго права. «Лишать иностранныхъ авторовъ принадлежащаго имъ *по самому существу авторской собственности* права на защиту ихъ въ предѣлахъ Россіи отъ самовольнаго перевода ихъ сочиненій значило бы допускать явное нарушеніе коренныхъ началъ права и справедливости, которое не могло бы даже быть оправдано самыми вѣскими практическими соображеніями»... Допущеніе «нарушенія чужого права (посредствомъ признанія свободы переводовъ иностранныхъ авторовъ) отразится вредно на общемъ правовомъ сознаніи и будетъ служить нежелательнымъ примѣромъ колебанія юридическихъ началъ». Въ виду этого «отвлеченныя требованія справедливости» настоятельно требуютъ ограниченія свободы перевода.

Итакъ, самое существо авторскаго права требуетъ ограниченія права перевода. Мы видѣли уже, что авторское право развивается

постепенно, и каждый шагъ на пути его развитія вызывается практическими потребностями, а не является логическимъ выводомъ изъ разъ признаннаго принципа. Авторское право есть монопольное право на опредѣленныя дѣйствія, созданное въ общественныхъ интересахъ столько же, сколько и въ частныхъ интересахъ авторовъ; какъ всякое монопольное право, оно должно быть толкуемо ограничительно, а не расширительно. Если бы мы захотѣли толковать его расширительно, то мы должны были бы признать, что разъ высказанная авторомъ идея, какова бы она ни была, должна быть предметомъ авторскаго права для него и его наслѣдниковъ на вѣчныя времена; никто, кромѣ правопреемниковъ Ньютона, не долженъ имѣть права говорить о земномъ тяготѣніи, какъ никто, кромѣ правопреемниковъ Коперника и Галилея, не долженъ имѣть права говорить безъ ихъ разрѣшенія о вращеніи земли.

Музыкальное произведеніе на стихотвореніе автора можетъ быть написано только авторомъ или съ его согласія.

Картина, иллюстрирующая или объясняющая какое либо литературное произведеніе автора, можетъ быть написана только самимъ авторомъ или съ его согласія.

Компиляція по научнымъ трудамъ автора можетъ быть написана только самимъ авторомъ или съ его согласія.

Какое бы то ни было произведеніе, навѣянное произведеніемъ автора или развивающее его мысли, можетъ быть написано только авторомъ или съ его согласія.

Такъ далеко не идутъ самые крайніе сторонники авторскаго права, и этимъ они обнаруживаютъ свою непослѣдовательность. По большей части они говорятъ, что защитѣ подлежитъ не идея, а форма произведенія, что объ идеѣ, будетъ ли то идея Ньютона, Коперника, Шекспира или Толстого, можетъ говорить, какъ при ихъ жизни, такъ и по ихъ смерти, всякій рецензентъ, всякій компиляторъ; онъ не долженъ только воспроизводить сочиненіе автора въ томъ самомъ видѣ, въ той самой формѣ, какъ оно написано.

Есть ли, однако, переводъ сочиненія на иностранный языкъ воспроизведеніе его въ той самой формѣ? Очевидно, нѣтъ. Очевидно, для перевода нужно присоединить совершенно новый интеллектуальный трудъ. Конечно, моментъ труда автора остается и въ переводѣ. Шекспиръ въ переводѣ, даже въ самомъ плохомъ, есть все-таки Шекспиръ. Но вѣдь и иллюстрація къ Шекспиру или опера на слова Шекспира заключаетъ въ себѣ нѣчто шекспировское, какъ Фаустъ Гуно несомнѣнно носитъ на себѣ отпечатокъ гетевскаго генія, хотя и преобразованнаго геніемъ Гуно. Нельзя въ переводѣ отрицать момента труда автора, не нельзя отрицать его и въ навѣянномъ имъ произведеніи композитора, иллюстратора, наконецъ компилятора. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать момента труда цѣлыхъ поколѣній въ произведеніяхъ любого автора. Толстой

не былъ бы Толстымъ, если бы до него не писали Гоголь, Пушкинъ и другіе, какъ Пушкинъ не былъ бы Пушкинымъ безъ предыдушей работы Жуковскаго, Батюшкова, Карамзина и другихъ. Можно ли было бы на этомъ основаніи допустить, чтобы Жуковскій, Батюшковъ и Карамзинъ и ихъ наслѣдники требовали вознагражденія за свой трудъ отъ Пушкина, а наслѣдники Пушкина отъ Гоголя или Толстого? Очевидно, нѣтъ.

Почему же мы требуемъ вознагражденія отъ переводчика?

Сторонники ограниченія права переводовъ обыкновенно не проводятъ даже различія между переводами стихотворными и переводами прозаическими. Чтобы перевести, напримѣръ, драматическую поэму Гауптмана «Потонувшій Колоколъ», переводчикъ, по ихъ мнѣнію, долженъ также получить разрѣшеніе отъ автора, какъ и переводчикъ какого-нибудь сухого юридическаго или математическаго трактата. Такой взглядъ проведенъ и въ Бернской конвенціи, и въ австро-германскомъ соглашеніи, и во внесенномъ въ Государственную Думу проектѣ министерства юстиціи. Между тѣмъ врядъ ли для человѣка, совершенно не ослѣпленнаго, можетъ быть хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что стихотворный переводъ есть во всякомъ случаѣ плодъ самостоятельнаго вдохновенія, въ которомъ моментъ труда автора и моментъ труда переводчика находятся въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ, при которыхъ требованіе автора на вознагражденіе является такою же насмѣшкою надъ здравымъ смысломъ, надъ интересами литературы и общества, какъ требованіе авторомъ вознагражденія отъ композитора или иллюстратора, написавшаго романсъ или картинку на ихъ слова *).

Изъ бѣглаго очерка исторіи авторскаго права мы видѣли уже, что право на переводъ самими существующими литературными конвенціями строится на иномъ фундаментѣ, чѣмъ право авторское; для него признаются иные сроки, и самое сохраненіе этого права за авторомъ ставится въ зависимость отъ того, что авторъ имъ воспользуется въ опредѣленный срокъ; между тѣмъ авторское право на оригинальное произведеніе теперь нигдѣ не ставится въ зависимость отъ того, пользуется ли имъ самъ авторъ, или нѣтъ; если авторъ пять, 10, 20 лѣтъ или всю свою жизнь не считаетъ нужнымъ выпустить въ свѣтъ своего сочиненія, то ни онъ, ни его наслѣдники отъ этого своего права на него не теряютъ **). Такимъ

*) Это не относится конечно къ случаю, когда поэтъ пишетъ слова по предварительному уговору съ композиторомъ для задуманной имъ оперы или иного музыкальнаго произведенія.

**) Хотя, можетъ быть, было бы желательно установленіе принципа, что отсутствующее на книжномъ рынкѣ втеченіе болѣе или менѣе значительнаго срока произведеніе должно признаваться выморочнымъ, т. е. право на его изданіе должно дѣлаться свободнымъ. Конечно, это допустимо только по отношенію къ произведеніямъ авторовъ умершихъ, такъ какъ было бы странно лишать живыхъ авторовъ права распоряжаться судьбой ихъ произведеній. Этотъ принципъ предлагается между прочимъ

образомъ право на переводъ даже его сторонниками, проведшими Бернскую и иныя конвенціи, строится не какъ логическій выводъ изъ авторскаго права, а какъ самостоятельный привѣсокъ къ нему, построенный въ иномъ архитектурномъ стилѣ, опирающійся, слѣдовательно, на свой собственный фундаментъ и поэтому нуждающійся въ самостоятельномъ обоснованіи.

Такимъ оправданіемъ и обоснованіемъ не можетъ быть, какъ мы уже видѣли, «самое существо авторскаго права», и говорить объ «отвлеченныхъ требованіяхъ справедливости» или о «нежелательномъ колебаніи юридическихъ началъ» по поводу свободы переводовъ не приходится. Всѣ фразы о томъ, что страна, какъ Россія, допускающая у себя свободу переводовъ, грабитъ сосѣднія страны, даетъ пріютъ и покровительство разбою и пиратству (такими выраженіями пестрятъ произведенія сторонниковъ ограниченія права переводовъ) должны быть признаны безсодержательными, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не установленъ въ общественномъ сознаніи и въ правѣ принципъ необходимости защиты автора отъ самовольнаго перевода на иностранные языки.

За этотъ принципъ могутъ ратовать авторы и въ еще большей мѣрѣ издатели, но общество можетъ и должно согласиться на него только тогда, когда оно признаетъ, что интересы издателей въ этомъ отношеніи совпадаютъ съ интересами общественными. Весь споръ, слѣдовательно, необходимо перенести въ иную плоскость. Вопросъ долженъ быть поставленъ исключительно о полезности или вредности ограниченія свободы переводовъ.

Совершенно ясно, однако, что такъ поставленный вопросъ можетъ быть разрѣшаемъ только въ строго опредѣленныхъ условіяхъ времени и пространства. Нельзя говорить о полезности или вредности ограниченія свободы переводовъ вездѣ и всегда; можно говорить о ней въ примѣненіи къ Россіи въ началѣ XX вѣка, въ примѣненіи къ Франціи, къ Англіи и т. д.

IV.

Практическое значеніе для Россіи включенія права на переводъ въ авторское право.

Въ объяснительной запискѣ къ министерскому проекту и на совѣщаніи по вопросу объ авторскомъ правѣ, созванномъ въ 1906 г. нашимъ министерствомъ торговли, на которомъ присутствовали представители различныхъ министерствъ, Русскаго Общества Книго-

---

коммиссіей Спб. Литературнаго Общества, разсматривавшей министерскій проектъ объ авторскомъ правѣ (см. брошюру: „Авторское право“. Изд. Спб. Литературнаго Общества. Спб. 1908. Брошюра должна выйти лѣтомъ текущаго года).

продавцевъ и Издателей, нѣкоторыхъ просвѣтительныхъ учрежденій, находящихся подъ покровительствомъ правительства, были высказаны слѣдующіе практическіе аргументы въ пользу отмѣны свободы переводовъ:

1) «предоставленіе каждому безпрепятственно переводить сочиненія иностранныхъ авторовъ влечетъ за собою появленіе спѣшныхъ дешевыхъ переводовъ, исполненныхъ небрежно, искажающихъ литературный вкусъ и слогъ и имѣющихъ нерѣдко предметомъ произведенія невысокаго качества. Заполненіе журналовъ и изданій подобными переводами можетъ принести лишь вредъ обществу»,

2) «и въ то же время губитъ нашу національную литературу и науку, не давая хода живымъ, творческимъ силамъ отечественныхъ авторовъ, особенно же начинающихъ».

3) «Не выгодна свобода перевода иностранныхъ произведеній для нашихъ авторовъ и въ томъ отношеніи, что она дѣлаетъ невозможною защиту ихъ внѣ предѣловъ Россіи отъ самовольныхъ переводовъ собственныхъ ихъ сочиненій, которыя между тѣмъ все чаще и чаще переводятся нынѣ за границею» *). Этотъ послѣдній аргументъ нерѣдко пополняется соображеніемъ, что мы, русскіе, грабимъ иностранныхъ литераторовъ, въ то же самое время умѣя оограждать интересы своихъ авторовъ, нѣкоторые изъ которыхъ, пользуясь постановленіями Бернской конвенціи, издаютъ свои произведенія также въ Германіи и такимъ способомъ защищаютъ ихъ отъ перевода на иностранные языки.

4) Продажная цѣна переводныхъ книгъ послѣ ограниченія права перевода не должна повыситься. «Съ присоединеніемъ Россіи къ Бернской конвенціи, ограждающей права авторовъ на переводы, рискъ издателей уменьшится, и весьма возможно, что книги вообще подешевѣютъ, какъ это и наблюдалось въ Швеціи при присоединеніи ея въ 1894 г. къ Бернскому союзу» **).

Врядъ ли эти аргументы могутъ быть признаны убѣдительными.

1) Въ послѣднее время дѣйствительно на русскомъ книжномъ рынкѣ появилось не мало плохихъ переводовъ различныхъ иностранныхъ произведеній, но нѣтъ основаній думать, что ограниченіе свободы переводовъ можетъ улучшить ихъ достоинства. Въ былые годы даже цензура стремилась къ тому, чтобы ограждать литературный вкусъ и достоинства слога цензируемыхъ ею произведеній, но цѣль не была достигнута, и въ настоящее время самая мысль ограничить свободу поэтическаго или научнаго творчества во имя заботы о литературномъ вкусѣ или о достоинствахъ литературы можетъ показаться только смѣшною. То же

*) Объяснительная записка къ проекту министра юстиціи, стр. 29.

**) Мнѣніе А. А. Пиленко, высказанное имъ на „Высочайше утвержденномъ совѣщаніи по вопросу о заключеніи съ Германіей, Австріей и Франціей соглашенія о взаимной защитѣ авторскихъ правъ“ 13 апрѣля 1906 г. См. „Журналъ“ этого совѣщанія, стр. 14.

самое вѣрно и относительно переводовъ. Иностранные авторы по большей части не знаютъ русскаго языка, и если отъ нихъ будетъ зависѣть разрѣшеніе или не разрѣшеніе перевода на русскій языкъ, то они будутъ руководствоваться въ лучшемъ случаѣ извѣстностью фирмы, которая къ нимъ обращается, извѣстностью имени переводчика, или, наконецъ, случайными указаніями русскихъ знакомыхъ, а въ худшемъ—высотою гонорара, который предложитъ имъ русскій переводчикъ. Ни одно изъ этихъ условій не можетъ гарантировать достоинства перевода. Переводчикъ же или издательская фирма, огражденные отъ конкуренціи будущихъ переводчиковъ, не будутъ имѣть по крайней мѣрѣ одного сильнаго стимула къ большей тщательности переводческой работы. Плохихъ переводовъ на русскомъ книжномъ рынкѣ очень много, но не мало книгъ, которыя, будучи разъ или нѣсколько разъ переведены плохо, имѣются также и въ хорошихъ переводахъ. При ограниченіи свободы переводовъ книжный рынокъ можетъ оказаться монополизированнымъ въ пользу перваго перевода, быть можетъ весьма неудачнаго.

Но даже хорошій переводъ не всегда устраняетъ надобность въ другомъ переводѣ. Въ особенности это вѣрно въ примѣненіи къ переводамъ поэтическимъ: десятки переводовъ драмъ Шекспира или стихотвореній Гейне не уничтожатъ надобности въ новыхъ переводахъ. Но это вѣрно и относительно книгъ прозаическихъ. «Жизнь Іисуса» Ренана появилась въ нѣсколькихъ вполнѣ добросовѣстныхъ и удовлетворительныхъ переводахъ, и тѣмъ не менѣе можно будетъ только порадоваться, если русскіе переводчики будутъ и впредь работать надъ этимъ великимъ произведеніемъ, надѣясь еще болѣе приблизиться къ стилю такого тонкаго художника и мыслителя, какимъ былъ Ренанъ. Возьмемъ даже совсѣмъ не художественное произведеніе—«Капиталъ» Маркса. Первый томъ его былъ переведенъ на русскій языкъ, если не считать шарлатанскаго перевода доктора Любимова, изданнаго Аскархановымъ, три раза: Лопатинымъ и Николаемъ-ономъ, Петромъ Струве, Богдановымъ съ Базаровымъ и Степановымъ. Каждый изъ этихъ переводчиковъ относился къ переводимому автору съ полной добросовѣстностью и приступалъ къ работѣ съ знаніемъ дѣла. Тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ, очевидно, находилъ, что его предшественники невѣрно или неточно поняли нѣкоторыя мысли Маркса, пользовались неправильной или неудобной терминологіей или не совсѣмъ точно или правильно передали мысли Маркса русскимъ читателямъ. Потерялъ ли отъ этого что-нибудь русское общество, русская наука, потерялъ ли отъ этого что-нибудь самъ Карлъ Марксъ? Конечно, нѣтъ.

2) Мнѣніе, что свобода переводовъ губитъ національную литературу и науку, не давая хода живымъ творческимъ силамъ отечественныхъ авторовъ, довольно часто приводится сторонниками ограниченія свободы переводовъ. На Высочайше утвержденномъ совѣщаніи 1906 г. представителемъ Русскаго Общества Печатнаго

Дѣла Г. Б. Сліозбергомъ высказано мнѣніе, что «отсутствіе въ Россіи хорошихъ оригинальныхъ медицинскихъ изслѣдованій объясняется, главнымъ образомъ, пренебреженіемъ интересами авторовъ, которые весьма часто не рискуютъ напечатать свое сочиненіе, боясь потерпѣть убытки. Вслѣдствіе сего представляется настоятельно необходимымъ улучшить въ этомъ отношеніи наше законодательство, главнѣйшій недостатокъ коего заключается въ отсутствіи огражденія права переводовъ» *). Другіе сторонники того же мнѣнія указываютъ, что отсутствіе хорошихъ юридическихъ сочиненій, хорошихъ историческихъ изслѣдованій и даже беллетристическихъ сочиненій объясняется тою-же причиною, т. е. обиліемъ переводовъ, которые заполняютъ наши журналы и нашъ книжный рынокъ. Мысль о введеніи своеобразнаго покровительства оригинальной литературѣ посредствомъ запрещенія или ограниченія переводовъ настолько курьезна, что она заслуживаетъ быть отмѣченной, но врядъ ли ее можно серьезно критиковать, тѣмъ болѣе, что въ защиту ея никогда не было приведено ни одного аргумента, и ея сторонники довольствовались голословными декларациями. Во всякомъ случаѣ донынѣ переводы въ Россіи были свободны, переводилось у насъ всегда очень много; помѣшало ли это появленію и развитію Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Тургенева, Толстого, Горькаго и т. д. и т. д.?

3) Ссылка на интересы русскихъ авторовъ, которые могутъ страдать отъ свободы переводовъ, разумѣется, имѣетъ свое основаніе, если признавать, что исключительное право на переводы вытекаетъ изъ самаго существа авторскаго права; въ такомъ случаѣ необходимо, конечно, признать этотъ принципъ, какъ для иностранцевъ, такъ и для русскихъ авторовъ. Но если стать на точку зрѣнія практическихъ интересовъ, то станетъ ясно, что дѣйствительно заинтересованными въ исключительномъ правѣ переводовъ могутъ быть въ Россіи только очень выдающіеся писатели, трудъ которыхъ вознаграждается очень хорошо даже на одномъ русскомъ рынкѣ. Громадное же большинство русскихъ авторовъ въ защитѣ ихъ отъ переводовъ на иностранные языки не нуждается. Что же касается до ссылки на то, что Россія, пользуясь свободой переводовъ, грабитъ европейскихъ писателей, тогда какъ нѣкоторые русскіе пользуются защитой Бернской конвенціи, то это аргументомъ служить не можетъ; это есть личное дѣло тѣхъ русскихъ писателей, которые пользуются защитой конвенціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло тѣхъ государствъ, которыя создали Бернскую конвенцію. Во всякомъ случаѣ русскіе авторы, за немногими исключеніями, выгодами отъ Бернской конвенціи не пользуются.

4) Важнѣе всего аргументъ о вліяніи конвенцій на продажныя

*) Журналъ совѣщанія, стр. 7-я.

цѣны переводныхъ книгъ. Г. Пиленко ссылается на случай удешевленія переводныхъ книгъ въ Швеціи послѣ 1894 г. Ссылка эта не точна; нѣкоторое удешевленіе отмѣчено не послѣ присоединенія Швеціи къ Бернской конвенціи въ 1894 г., а послѣ заключенія ею сепаратныхъ соглашеній съ Франціей и другими странами въ 1884 г.; отмѣчено оно въ адресѣ на имя короля, поданномъ однимъ шведскимъ обществомъ, ходатайствовавшимъ о присоединеніи Швеціи къ Бернской конвенціи; общество указывало на то, что изъ восьми переводныхъ книгъ, изданныхъ до 1894 г., шесть были изданы послѣ заключенія договора по болѣе дешевой цѣнѣ *). Цифра шесть изъ восьми настолько мало убѣдительна (особенно въ виду того, что для сравненія взяты разные моменты времени и неизвѣстно, какъ измѣнились за это время въ Швеціи цѣны на бумагу, на печать и на другія книги), и все это указаніе шведскаго литературнаго общества является настолько исключительнымъ и случайнымъ, что строить на немъ какіе-либо выводы было бы опасно. Во всякомъ случаѣ мы можемъ противопоставить ему не меньшее количество фактовъ, говорящихъ противоположное.

Продажныя цѣны книгъ подчиняются, конечно, общимъ законамъ рынка, и, слѣдовательно, всякая монополія можетъ только возвысить эту цѣну и никогда не можетъ понизить ее. Говорятъ, что при монополизированіи права на переводы какого-либо писателя, будетъ ли то Золя, Мирбо или кто-нибудь другой, издатель имѣетъ возможность выпускать ихъ въ болѣе значительномъ количествѣ экземпляровъ, вслѣдствіе чего онъ легко покроетъ оплату авторскаго гонорара и будетъ имѣть даже возможность понижать продажную цѣну книгъ. Но это самое соображеніе примѣнимо ко всякой отрасли промышленности. Если аптечная монополія, напримѣръ, какъ извѣстно, повышаетъ продажныя цѣны лѣкарствъ, если вообще монополія дѣйствуетъ всегда въ томъ же направленіи, хотя и даетъ возможность производить на болѣе значительный рынокъ, то мы не видимъ основанія ожидать, чтобы по отношенію къ книгамъ этотъ законъ бездѣйствовалъ. Въ самомъ дѣлѣ. Сочиненія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго и другихъ русскихъ классиковъ издавались очень дорого и, обыкновенно, неудовлетворительно, пока право на ихъ изданіе принадлежало опредѣленнымъ книгопродавцамъ. Когда съ истеченіемъ 50-тилѣтняго срока со дня смерти этихъ писателей ихъ произведенія сдѣлались общимъ достояніемъ, они сразу появились во множествѣ изданій, частью очень хорошихъ, и все-таки весьма дешевыхъ. Пушкинъ при монополіи на его сочиненія стоилъ въ очень неудовлетворительномъ изданіи 10 р., теперь — 1 р. 50, а

*) См. „Особое мнѣніе“ Е. Семенова въ брошюрѣ: „Авторское право. Проектъ министра юстиціи объ авторскомъ правѣ съ замѣчаніями на него Комиссіи С.-Петербургскаго Литературнаго Общества“. СПБ. 1906.

въ прекрасномъ научномъ изданіи Литературнаго Фонда, выпущенномъ тотчасъ послѣ истеченіи 50 лѣтняго срока со дня его смерти—6 р.; Лермонтовъ стоилъ 5 р., теперь его можно купить за 1 р., и т. д. Некрасовъ, право на изданіе сочиненій котораго пока составляетъ монополію и принадлежитъ Глазунову, издается крайне неудовлетворительно и все-таки стоитъ 5 р.; между тѣмъ по объему его сочиненій онъ, при существующемъ спросѣ на нихъ, могъ бы быть изданъ легко за 1 р., много 1 р. 50, и несомнѣнно это будетъ сдѣлано, когда истечетъ срокъ авторскаго права на его сочиненія (да сверхъ того съ тою же увѣренностью можно сказать, что тогда его сочиненія будутъ лучше проредактированы).

Для доказательства того же самаго относительно переводовъ у насъ нѣтъ столь же яркихъ фактовъ, потому что нѣтъ случаевъ, когда можно было бы сравнивать одно и тоже произведеніе въ условіяхъ свободы и отсутствія таковой при однородности остальныхъ условій. Тѣмъ не менѣе мы можемъ указать, что на нѣмецкомъ книжномъ рынкѣ нѣмецкіе переводы произведеній Тургенева, Герцена, Толстого, Короленко, т. е. писателей, не пользующихся защитой Бернской конвенціи, стоятъ относительно дешевле, чѣмъ сочиненія Горькаго и Андреева, прибѣгающихъ къ ея защитѣ *).

Итакъ мы видимъ, что интересы русскаго просвѣщенія отъ ограниченія свободы переводовъ могутъ только пострадать, а изъ русскихъ писателей отъ нея выигрываютъ лишь весьма немногіе, трудъ которыхъ и безъ того вознаграждается вполнѣ хорошо. Заинтересованными въ ограниченіи свободы могутъ быть только двѣ категоріи лицъ, прикосновенныхъ къ печатному дѣлу: во-первыхъ, иностранные писатели, переводимые на русскій языкъ, т. е. опять-таки, главнымъ образомъ, писатели, хорошо вознаграждаемые и на своемъ книжномъ рынкѣ, и, во-вторыхъ, крупныя издательскія фирмы. Не принципы справедливости, не интересы просвѣщенія, а только интересы этихъ двухъ категорій лицъ требуютъ такого ограниченія.

Изъ этихъ двухъ категорій одна—иностранные писатели—и безъ того получаетъ вознагражденіе не только у себя на родинѣ, но и у насъ въ Россіи. Стоитъ войти въ любой книжный магазинъ, торгующій иностранными книгами, чтобы убѣдиться, какъ великъ въ Россіи сбытъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и даже итальянскихъ беллетристическихъ книгъ, при чемъ покупаютъ ихъ далеко не только иностранцы, проживающіе въ Россіи, но и русскіе. Если нашихъ писателей за границей читаютъ теперь, можетъ быть, не меньше, чѣмъ мы читаемъ иностранныхъ писателей, то за то иностранцы не платятъ намъ за наши книги въ по-

*) Рядъ фактовъ этого рода приведенъ въ цитированной брошюрѣ „Авторское право".

длинникѣ, такъ какъ по-русски они не читаютъ, тогда какъ мы платимъ имъ очень много.

Еще въ меньшей степени, конечно, заслуживаютъ спеціальной защиты интересы крупныхъ издательскихъ фирмъ, которыя желали бы монополизировать въ свою пользу книжный рынокъ.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія интересовъ русскаго просвѣщенія всякое ограниченіе свободы переводовъ должно быть отвергнуто.

Но здѣсь есть еще одна и притомъ чрезвычайно важная сторона. До сихъ поръ мы говорили о русскихъ интересахъ, о русскомъ просвѣщеніи, имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы русской національности. Между тѣмъ въ Россіи живетъ не только русская (великорусская), но не мало и другихъ національностей: малорусская, польская, армянская, грузинская, латышская, эстонская, наконецъ, еврейская. Каждая изъ нихъ желаетъ жить своею культурною жизнью и развивать свою литературу. Эти національности получаютъ пока очень много отъ иностранцевъ, не давая имъ взамѣнъ почти ничего; только поляки могутъ платить иностранцамъ своимъ Сенкевичемъ, Ожешко, Нѣмоевскимъ и т. д. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ такомъ же положеніи находились и мы, русскіе; мы тоже жили иностранной литературой, какъ беллетристической, такъ и научной, ничѣмъ за это не отплачивая. Самые крайніе сторонники литературныхъ конвенцій признаютъ, что ограниченіе свободы переводовъ въ то время было бы гибельно для русскаго просвѣщенія. Такимъ окразомъ для того, чтобы появились Достоевскіе, Тургеневы, Горькіе, Короленки, Андреевы, которыми мы теперь платимъ Европѣ, былъ нуженъ долгій періодъ русскаго развитія, когда мы даромъ (и въ матеріальномъ смыслѣ) питались со стола западно-европейской культуры. Повторяемъ, это признаютъ самые крайніе сторонники конвенцій.

Слабыя національности, населяющія Россію, пока точно также не могутъ обходиться безъ переводовъ какъ съ русскаго, такъ и съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, и пока не могутъ платить за это ни деньгами, ни изъ сокровищницы своего знанія, своей мысли, своего художественнаго творчества.

Такимъ образомъ, если ограниченіе свободы переводовъ было бы сильнымъ ударомъ для русскаго просвѣщенія, который оно, однако, несомнѣнно перенесетъ, то для просвѣщенія слабыхъ національностей оно можетъ оказаться ударомъ совершенно губительнымъ. Если бы Россія уже въ настоящее время являлась тою федераціею національностей, которая является идеаломъ государственнаго устройства для слабыхъ національностей, то система авторскаго права и связанныя съ нею конвенціи вырабатывались бы не въ центральномъ парламентѣ, а въ представительныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ народностей, и могло бы случиться, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшили бы вопросъ однимъ способомъ, другія—другимъ. Но

этого нѣтъ, и волей-неволей приходится рѣшать не вопросъ о переводахъ на русскій языкъ, а объ изданіяхъ переводныхъ книгъ на территоріи Россійской Имперіи. Тѣмъ болѣе важно, чтобы въ интересахъ добрыхъ отношеній между всѣми народами не были забыты и интересы слабыхъ изъ нихъ,—хотя въ этомъ отношеніи въ настоящій моментъ интересы русской и иныхъ національныхъ культуръ совсѣмъ совпадаютъ.

V.

Министерскій проектъ авторскаго права.

Проектъ объ авторскомъ правѣ, внесенный министерствомъ юстиціи въ 3-ю Государственную Думу, долженъ замѣнить собою старинный (1830 г.) съ позднѣйшими видоизмѣненіями законъ «о правѣ собственности на произведенія наукъ, художествъ и искусствъ».

Проектъ министра юстиціи въ нѣсколькихъ отношеніяхъ выгодно отличается отъ дѣйствующаго закона. Прежде всего онъ совершенно правильно отказывается отъ признанія авторскаго права правомъ собственности и въ полномъ согласіи съ современными юридическими воззрѣніями признаетъ его за ius sui generis.

Далѣе, нынѣ дѣйствующій законъ разработанъ крайне неудовлетворительно какъ съ редакціонной стороны, такъ и со стороны содержанія; онъ полонъ внутреннихъ противорѣчій, вызывающихъ при примѣненіи на практикѣ безконечный рядъ недоразумѣній, съ которыми нерѣдко не умѣютъ справляться сами суды. Не умѣя опредѣлить, что необходимо признать добросовѣстнымъ заимствованіемъ, и что—недобросовѣстнымъ плагіатомъ, дѣйствующій законъ признаетъ незаконной перепечатку не менѣе чѣмъ одного печатнаго листа изъ чужой оригинальной книги или выписываніе слово въ слово (!) не менѣе двухъ третей книги переводной *).

Проектъ, напротивъ, постановляетъ, что вопросъ о томъ, является ли такое-то изданіе незаконной перепечаткой (контрафакціей) другого изданія, судъ долженъ разрѣшать на основаніи общаго смысла и характера этихъ изданій, а не на основаніи механическаго под-

*) Любопытный примѣръ несомнѣнно недобросовѣстной контрафакціи, при которой, однако, издатель не безъ основанія могъ прятаться за букву закона, представляетъ перепечатка книгопродавцемъ-аферистомъ Аскархановымъ извѣстнаго перевода Лопатина и Даніельсона I-го т. „Капитала" Маркса подъ видомъ новаго перевода, сдѣланнаго будто бы какимъ-то докторомъ Любимовымъ. Въ лопатинскомъ переводѣ толстой книги въ нѣсколькихъ мѣстахъ было измѣнено нѣсколько словъ. Съ перваго же взгляда на новый переводъ было ясно, что это—мошенническая афера тѣмъ не менѣе судъ, желая дѣйствовать въ строгихъ рамкахъ закона долженъ былъ произвести (конечно при посредствѣ экспертовъ) тяжелую работу сличенія двухъ изданій слово за слово; только когда онъ убѣдился, что Аскархановъ въ своемъ нахальствѣ перешелъ всѣ границы только тогда онъ призналъ искъ Даніельсона правильнымъ.

счета страницъ, словъ и запятыхъ въ двухъ изданіяхъ, которое можетъ привести только къ самымъ неправильнымъ результатамъ. Въ проектѣ разработаны многіе другіе вопросы авторскаго права, оставшіеся неизвѣстными дѣйствующему закону. Вообще проектъ министра юстиціи замѣняетъ путаницу дѣйствующаго закона сравнительно стройной системой, въ общемъ удовлетворительно редактированной (хотя не безъ нѣкоторыхъ частныхъ дефектовъ) и принявшей во вниманіе потребности нашего времени. Въ двухъ важныхъ отношеніяхъ проектъ министра дѣлаетъ и по существу довольно серьезный шагъ впередъ, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ.

1) Нынѣ дѣйствующій законъ охраняетъ только произведенія, появившіяся въ предѣлахъ Россіи. Если русскій писатель по обстоятельствамъ личной жизни или по цензурнымъ условіямъ напечаталъ свою книгу за границей, то таковая книга защитой дѣйствующаго закона не пользуется, и каждый аферистъ въ правѣ ее перепечатать безъ согласія автора или его наслѣдниковъ. Благодаря этому, сочиненія Герцена, кн. Кропоткина, Степняка и мн. друг. могли перепечатываться у насъ всѣми желающими, и эти выдающіеся писатели, и безъ того поставленные въ особенно тягостныя условія существованія, преслѣдуемые и лично, какъ люди, и въ своихъ произведеніяхъ, какъ писатели, не имѣли возможности разсчитывать даже на элементарную защиту своихъ авторскихъ правъ, когда цензурныя условія сдѣлали возможной перепечатку ихъ сочиненій въ Россіи *). Въ этомъ отношеніи проектъ министра юстиціи усвоилъ юридическія воззрѣнія нашего времени и запретилъ перепечатку безъ согласія автора книгъ, русскихъ или иностранныхъ, безъ различія, появились ли онѣ въ Россіи или за границей.

2) Нынѣ дѣйствующій законъ признаетъ самовольнымъ изданіемъ (контрафакціей), «если кто, безъ согласія сочинителя, напе-

*) Необходимо замѣтить, впрочемъ, что общественное мнѣніе, давнымъ давно въ этомъ отношеніи переросшее рамки закона, оказалось достаточно сильнымъ, чтобы помѣшать издателямъ воспользоваться пробѣломъ законодательства; самовольныхъ перепечатокъ появилось мало, и ихъ издатели послѣ переговоровъ съ авторами или съ ихъ наслѣдниками, по большей части, признавали себя неправыми и добровольно уплачивали авторамъ извѣстный гонораръ. Въ этомъ мы видимъ чрезвычайно интересный примѣръ, какъ общественное мнѣніе само, помимо законодателя, создаетъ даже въ области денежныхъ отношеній правовую норму, которая оказывается достаточно сильной, несмотря даже на то, что для нея нѣтъ защиты со стороны суда. Точно также каждый русскій аферистъ имѣлъ право, не спрашивая разрѣшенія у автора, перепечатать въ Россіи любое сочиненіе Золя, Додэ, Мирбо или другого иностраннаго автора, имѣющаго широкій сбытъ въ Россіи и на языкѣ подлинника. Но и этимъ правомъ русскіе издатели пользовались рѣдко; было только нѣсколько случаевъ перепечатки иностранныхъ произведеній въ предѣлахъ Россіи (такъ была перепечатана въ подлинникѣ французская грамматика Ноэля и Шапсаля.)

чатаетъ произнесенную или читанную имъ публично рѣчь или иное сочиненіе». Благодаря этому, по буквальному смыслу закона, газеты не имѣютъ права печатать рѣчей, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ или на судѣ. Практика нашла обходъ этого нелѣпаго постановленія, но, конечно, слѣдовало точно регулировать это закономъ. Это и сдѣлалъ министерскій проектъ, установивъ для газетъ и журналовъ свободу печатанія публичныхъ рѣчей; но онъ счелъ нужнымъ сохранить за ораторомъ исключительное право на ихъ печатаніе въ формѣ отдѣльныхъ брошюръ или книгъ. Это послѣднее постановленіе не совсѣмъ правильно. Можетъ оказаться необходимымъ въ общественномъ интересѣ широкое распространеніе въ народѣ той или иной рѣчи, произнесенной въ Государственной Думѣ или на судѣ (наприм., рѣчи Столыпина, Коковцева въ Думѣ или прокурора на судѣ въ дѣлѣ депутатовъ I-й Думы); для такого распространенія всего удобнѣе форма брошюры, быть можетъ съ примѣчаніями издателей, а то и безъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно, что ораторъ будетъ противъ такого распространенія. Но на рѣчь, однажды произнесенную въ общественномъ учрежденіи, нужно смотрѣть какъ на исполненіе общественной обязанности, и разъ произнесенная рѣчь эта должна признаваться общественнымъ достояніемъ помимо желанія или нежеланія оратора, тѣмъ болѣе что за нее онъ получилъ свое обычное вознагражденіе въ формѣ ли вознагражденія депутатскаго или адвокатскаго, или въ формѣ жалованья министерскаго, прокурорскаго и т. д. Свобода печатанія рѣчей въ газетахъ и журналахъ не достаточна; необходима свобода печатанія ихъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ или книгахъ. Только сборники рѣчей одного оратора, да еще научныя лекціи или доклады, или литературныя произведенія, публично прочитанныя на какихъ-либо вечерахъ, могутъ считаться предметомъ авторскаго права, нуждающагося въ защитѣ закона. Такимъ образомъ проектъ министра юстиціи въ этомъ отношеніи сталъ на правильную дорогу, и сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, установивъ довольно широкую свободу печатанія публично произнесенныхъ рѣчей, но не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ изъ признанныхъ имъ самимъ положеній.

Таковы достоинства проекта министерства юстиціи. Но въ немъ имѣются и очень крупные недостатки. Стремясь къ возможному расширенію авторскаго права, проектъ не только не сокращаетъ и безъ того непомѣрно длиннаго его срока, безъ нужды замедляющаго доступъ великихъ писателей въ народныя массы, но даже нѣсколько удлиняетъ его, вводя правило, что онъ долженъ исчисляться не со дня смерти, а съ 1 января слѣдующаго года. Такимъ образомъ безъ всякой нужды, исключительно во имя канцелярской простоты, книгопродавцу-издателю дается возможность нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ эксплуатировать великое имя, и сверхъ того

разъединяется моментъ юбилейнаго чествованія памяти великаго писателя съ моментомъ, когда его творенія дѣлаются, дѣйствительно, доступными народу, что даетъ возможность его прежнему издателю съэксплуатировать въ свою пользу подъемъ общественнаго интереса къ писателю. А между тѣмъ и нынѣшній 50-лѣтній срокъ авторскаго права обогащаетъ не автора: авторы нерѣдко всю жизнь голодаютъ, а за нихъ обогащаются ихъ наслѣдники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какая-нибудь дальняя родня, или даже не наслѣдники, а издатели, при жизни автора или вскорѣ послѣ его смерти по дешевой цѣнѣ купившіе авторское право на ихъ изданіе. Срокъ этотъ нуждается въ сокращеніи, по крайней мѣрѣ до 30 лѣтъ, если не до 25, а не въ удлиненіи.

Но есть въ проектѣ одинъ недостатокъ, еще гораздо болѣе важный, состоящій въ томъ, что онъ включаетъ право на переводъ въ содержаніе авторскаго права. Этимъ онъ вводитъ новшество, до сихъ поръ чуждое нашему праву, нашему общественному правосознанію, и, какъ уже указано выше, несомнѣнно вредное для развитія нашего просвѣщенія.

Въ своей объяснительной запискѣ къ проекту министръ приводитъ аргументы въ пользу ограниченія свободы переводовъ, которые были приведены мною выше, и ошибочность которыхъ я постарался доказать. Самое странное при этомъ, однако, то, что самъ министръ юстиціи не считаетъ возможнымъ присоединиться къ нимъ. Напротивъ, онъ совершенно правильно указываетъ, что неудовлетворительность переводовъ нельзя объяснять ихъ свободой, и признаетъ, что, несмотря на свободу, плохіе переводы въ послѣднее время вытѣсняются и замѣняются хорошими. «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что съ отмѣною свободы переводовъ качества ихъ улучшатся. Напротивъ, можно опасаться, что сосредоточеніе всего переводнаго дѣла въ рукахъ немногихъ монополистовъ поведетъ какъ разъ къ обратнымъ послѣдствіямъ, и, что, пользуясь отсутствіемъ конкурентовъ, нѣкоторые окрыленные монополисты - издатели будутъ за повышенныя цѣны выпускать переводы, плохо сдѣланные, выбирая притомъ для переводовъ преимущественно произведенія не высокаго качества».

Министръ юстиціи подвергаетъ далѣе сильному и совершенно основательному сомнѣнію вредное вліяніе переводовъ на развитіе оригинальной литературы.

«Въ общемъ слѣдовательно,—къ такому заключенію приходитъ составитель записки,—выгоды, которыхъ можно ожидать отъ отмѣны у насъ свободы переводовъ иностранныхъ сочиненій, представляются весьма гадательными, и едва ли окупятъ собой ея невыгодныя послѣдствія», какъ для читающей публики, такъ и для издателей журналовъ и типографовъ, работа которыхъ можетъ сократиться, но въ особенности для «многочисленнаго у насъ класса перевод-

чиковъ, состоящаго большею частью изъ людей совершенно не обезпеченныхъ».

«Но всѣ эти невыгодныя стороны отмѣны свободы переводовъ должны быть признаны второстепенными въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который можетъ быть нанесенъ нашей наукѣ и техникѣ», до сихъ поръ еще зависящимъ отъ западноевропейской науки и техники. «При этомъ, не столько будетъ имѣть значеніе обязательная уплата извѣстнаго гонорара иностраннымъ авторамъ за согласіе ихъ на переводъ, сколько неизбѣжно связанная съ полученіемъ такого согласія сложная процедура и необходимость непосредственно сноситься съ иностранными издателями и авторами, иногда издалека, напримѣръ, изъ Томска, Казани и т. п.». Даже срочность ограниченія права переводовъ (10-лѣтній срокъ) устраняетъ это неудобство лишь въ слабой степени, такъ какъ наука и техника движутся чрезвычайно быстро, и, по прошествіи 10, даже 5 лѣтъ, многія научныя и техническія произведенія теряютъ всякое значеніе.

Къ этому самъ министръ юстиціи считаетъ нужнымъ прибавить важное указаніе на существованіе въ Россіи такихъ народностей, какъ грузинская, латышская, эстонская и др., «для которыхъ свобода переводовъ и связанная съ нею возможность безпрепятственнаго пользованія произведеніями русскихъ авторовъ является необходимой, такъ что всякое нарушеніе этой свободы отразилось бы на ихъ культурѣ крайне гибельно» *).

Приведя всѣ эти вполнѣ убѣдительныя соображенія, министръ юстиціи въ той же запискѣ вдругъ дѣлаетъ совершенно неожиданное и совершенно немотивированное заключеніе. «Отсюда не слѣдуетъ,— говоритъ онъ, — что свобода (переводовъ) должна быть вообще сохранена въ полномъ объемѣ. Напротивъ, по мѣрѣ возможности, желательно оградить сколько-нибудь интересы иностранныхъ авторовъ, но это должно быть сдѣлано не въ законѣ объ авторскомъ правѣ, а путемъ международныхъ соглашеній», такъ какъ только такими соглашеніями можно обезпечить обратную защиту русскихъ авторовъ на иностранныхъ книжныхъ рынкахъ. Что же касается авторовъ русскихъ подданныхъ, то они должны быть защищены отъ самовольныхъ переводовъ на другіе языки въ предѣлахъ Россіи въ самомъ законѣ объ авторскомъ правѣ **).

По этимъ основаніямъ проектъ устанавливаетъ слѣдующіе принципы:

«Авторъ сочиненія, изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, напечатавшій свое сочиненіе за границей, пользуются исключительнымъ правомъ перевода его на другіе языки, если на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сочиненія заявили о сохра-

*) Объяснительная записка къ проекту министра юстиціи объ авторскомъ правѣ, страницы 31—36.

**) Тамъ же, страницы 36 и 26.

нении за собою этого права. Исключительное право перевода принадлежитъ автору въ теченіе 10 лѣтъ со времени изданія подлинника, подъ условіемъ напечатанія перевода въ продолженіе 5 лѣтъ со времени изданія подлинника. Обратный на языкъ подлинника переводъ съ перевода не допускается въ теченіе всего срока авторскаго права на подлинныя произведенія» (ст. 31).

«Изданныя за границею сочиненія иностранныхъ подданныхъ, если противное не установлено въ договорахъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными государствами, могутъ быть переводимы въ Россіи на русскій или иные языки». (ст. 33).

Такимъ образомъ всѣ соображенія министра юстиціи о полной необходимости свободы переводовъ для грузинской, латышской и другихъ національностей, не помѣшали ему нанести губительный, по его собственному признанію, ударъ ихъ культурѣ; всѣ его соображенія о необходимости свободы перевода для науки и техники не помѣшали ему отмѣнить свободу этихъ переводовъ. Въ предѣлахъ Россіи свобода переводовъ отмѣняется уже самымъ проектомъ; свобода перевода книгъ, появившихся за границей, какъ будто даже охраняется на время до заключенія литературныхъ конвенцій. Но не составляетъ секрета, что переговоры объ этихъ конвенціяхъ ведутся и за вступленіемъ въ силу настоящаго проекта немедленно послѣдуетъ и заключеніе конвенцій.

Такимъ образомъ, не смотря на довольно значительныя второстепенныя улучшенія системы нашего авторскаго права, особенно въ редакціонномъ отношеніи, новый проектъ является опаснымъ покушеніемъ на духовное достояніе нашего народа.

В. Водовозовъ.

Изъ Англіи.

I.

Обиліе бѣлыхъ зданій, ярко освѣщенныхъ ночью; звуки десятка оркестровъ; толпы веселыхъ, разряженныхъ, довольныхъ собою англичанъ и иностранцевъ (по преимуществу, французовъ); безчисленные лакеи, выглядывающіе, какъ фавны изъ лѣса, изъ дверей и оконъ ресторановъ; взвизгиванія на attractions,—таковы первыя впечатлѣнія, производимыя франко-британской выставкой. Она открылась недавно и должна скрѣпить союзъ между двумя народами. Гулъ человѣческихъ голосовъ, въ который, какъ цвѣт-

ныя нитки, вплетались звуки оркестровъ, настраиваетъ оптимиста на восторженный ладъ. Я слышалъ, какъ нѣмецъ-туристъ декламировалъ Шиллера:

„Freude heisst die starke Feder
In der ewigen Natur.
Freude, Freude treibt die Räder
In der grossen Weltenuhr.

Если бы восторженный оптимистъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ поверхъ стѣнъ, то увидѣлъ бы поверхъ ограды выставки громадное, мрачное, красное зданіе, служащее фономъ на сѣверѣ. Это—знаменитая каторжная тюрьма...

Франко-британская выставка не вполнѣ оправдываетъ тѣ широковѣщательныя рекламы, которыя распространены о ней по всему континенту; но она интересна во многихъ отношеніяхъ. На ней есть, кромѣ «flip-flap», «канадской желѣзной дороги», «лабиринтовъ» и другихъ attractions, разсчитанныхъ на вкусы внезапно разбогатѣвшаго бушмэна, и еще кое-что. Желающій учиться и имѣющій глаза, чтобы наблюдать, найдетъ на выставкѣ много любопытнаго. Мнѣ кажется, интереснѣе всего на выставкѣ колоніальный отдѣлъ. Англія и Франція соперничали другъ передъ другомъ, устраивая его. Въ колоніальномъ отдѣлѣ, занимающемъ цѣлый рядъ павильоновъ по обѣимъ сторонамъ полукруглой аллеи, есть много, какъ для публики, воспринимающей только зрительныя впечатлѣнія, такъ и для тѣхъ, которые умѣютъ думать и сравнивать. Для первой публики французскія колоніи представлены сенегальской деревней, а англійскія—деревней сингалезцевъ. Еще издали изъ сенегальской деревни отъ утра до закрытія выставки несутся звуки барабана и слышенъ визгъ. То пляшутъ негры. Устроители выставки вывезли изъ Сенегала около 150 негровъ со всѣмъ ихъ имуществомъ и съ матеріаломъ для постройки жилищъ. И вотъ подъ 52° с. ш. выстроена такая же деревня, какъ подъ 12° с. ш. Негры ткутъ, вырѣзываютъ изъ слоновой кости, играютъ на странныхъ инструментахъ, но еще чаще—пляшутъ и выпрашиваютъ пенсы. Еще недавно Сенегалъ считался однимъ изъ наименѣе извѣстныхъ мѣстъ Африки. Еще многіе негры, пляшущіе на выставкѣ, которымъ не болѣе 27—30 лѣтъ, имѣютъ на щекахъ три параллельныхъ рубца. Этотъ знакъ хорошо извѣстенъ побывавшимъ въ Марокко: это тавро невольничества. Теперь «культура» проникла въ Сенегалъ настолько, что всѣ почти негры говорятъ по-французски и... умѣютъ выпрашивать деньги. Сингалезская деревня болѣе характерна, чѣмъ сенегальская. Устроители выставки вывезли съ Цейлона болѣе 200 сингалезцевъ: ремесленниковъ, музыкантовъ, ученыхъ, укротителей змѣй, баядерокъ (nautch girls) и даже деревенскаго доктора съ женой его. «Докторъ», карликъ съ длинной сѣдой бородой, въ красномъ тюрбанѣ

и плащѣ, повидимому, сильно смущается, хотя къ чести англичанъ нужно сказать, что держатъ они себя корректно. Онъ не говоритъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ; за то жена его гораздо бойчѣе и умѣетъ просить деньги не только по-англійски, но даже по-французски и нѣмецки. Въ сингалезской деревнѣ есть цѣлая школа съ учителемъ и двумя десятками ребятишекъ. И преподаватель, и ученики жестоко страдаютъ отъ холода и сырости. Бѣдняги никакъ не могутъ согрѣться въ своихъ оранжевыхъ плащахъ. Дрожатъ отъ холода также скоморохи и баядерки. Никакъ не могутъ приспособиться къ холоду даже отвратительныя, страшныя кобры, которыхъ показываетъ укротитель змѣй. Кобры лѣниво мотаютъ своими широкими головами, на которыхъ странное изображеніе очковъ. При первомъ удобномъ случаѣ онѣ стараются забраться въ корзину, гдѣ имъ теплѣе.

Сенегальская и сингалезская деревни даютъ представленіе о колоніяхъ тѣмъ, которые воспринимаютъ только зрительныя впечатлѣнія. Для той же публики—тунисскіе, алжирскіе и индѣйскіе «базары». Арабы, мавры, мальтійцы и индусы, говорящіе на всѣхъ европейскихъ языкахъ, зазываютъ публику, соблазняя ее коврами, шитыми полотнами, восточными чашами, изготовленными въ Бирмингэмѣ, и пр.

Для посѣтителей, умѣющихъ наблюдать, почти безграничный матеріалъ доставляютъ павильоны колоній. Съ одной стороны, мы видимъ громадные павильоны, выставленные Индіей, Канадой, Австралійской республикой и Новой Зеландіей. Съ другой—зданія французскихъ колоній: Алжира, Туниса, Тонкина, Мадагаскара и пр. Мы попадаемъ въ отдѣльные міры. Безчисленные экспонаты говорятъ намъ объ упорномъ трудѣ, о завоеваніи природы, о накладываніи человѣкомъ своей индивидуальности на все окружающее. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ путешествіе въ Австралію продолжалось шесть мѣсяцевъ. Въ пути, помимо бурь и штилей, грозилъ голодъ, цынга, корабельный тифъ. Теперь плаваніе продолжается пять недѣль. Громадные пароходы напоминаютъ плавающія гостиницы. Только сто лѣтъ тому назадъ, когда Австралія была страной изгнанія, она, по мнѣнію тогдашнихъ политиковъ, годилась только «для каторжниковъ и кенгуру». Теперь, когда страна имѣетъ полную свободу развиваться, не только берега превращены въ цвѣтущій садъ, но составленъ даже проектъ пересѣченія континента желѣзной дорогой. Она пройдетъ черезъ страшную пустыню, занимающую центръ Австраліи. Въ павильонахъ отдѣльныхъ штатовъ ея мы видимъ образцы рудъ, пирамиды, дающія наглядное представленіе о количествѣ добытаго золота, арки изъ прессованнаго руна, чугунъ въ болванкахъ, бочки вина, фрукты, машины для замораживанія мяса, отправляемаго потомъ въ Европу. Но Австралія экспонируетъ не только сырье. Изъ витринъ глядятъ модели кораблей; на подмосткахъ стоятъ

модели машинъ и экипажей; мы видимъ полотна, сукна, обувь, шелкъ, кожи, издѣлія изъ простыхъ и драгоцѣнныхъ металловъ. И, присматриваясь къ этимъ экспонатамъ, мы заключаемъ, что Австралія, прежде всего, страна, въ которой преобладаетъ *городское* населеніе. Канада тоже экспонируетъ сырье: хлѣбъ, руды, чугунъ и желѣзо, строительный лѣсъ, но кромѣ того еще машины, инструменты, мебель, экипажи, сукна. Мы видимъ передъ собою быстро развивающіяся *промышленныя* государства. Крайне любопытно сравнить англійскія колоніи съ французскими. Колоніи, по всей вѣроятности, представляютъ собою факторы, которые опредѣлятъ ближайшія судьбы Англіи и Франціи.

Сравнительно еще очень недавно почти всѣ труды французскихъ авторовъ, посвященные колоніальному вопросу, наполнены были жалобами, съ одной стороны, на неумѣніе Франціи организовать свои владѣнія за морями, а съ другой—на англійскія интриги. «Знакомясь съ исторіей возникновенія и развитія нашихъ колоній,—говоритъ Жанъ Дарси,—невозможно не замѣтить слѣдующаго факта. Всѣ попытки Франціи расширить свои владѣнія вызывали со стороны Великобританіи крайне характерную оппозицію. Она проявлялась то въ видѣ простого неудовольствія, то въ рѣзкой газетной полемикѣ, то въ формѣ дипломатическаго протеста. Иногда также британское правительство направляло противъ нашихъ проектовъ всѣ усилія своей политики. Были даже моменты, когда казалось, что Великобританія не остановится и передъ войной. Такимъ образомъ дѣло идетъ съ 1815 г.» *). Въ другомъ мѣстѣ Дарси доказываетъ, что у Франціи, въ области колоніальной политики, много враговъ: противъ нея—испанцы, португальцы, итальянцы, нѣмцы, бельгійцы, но самымъ непримиримымъ, сильнымъ и самымъ коварнымъ соперникомъ является Англія. «Англичане никогда не переставали быть нашими самыми упорными соперниками. Вотъ уже почти сто лѣтъ, какъ мы ихъ встрѣчаемъ на нашемъ пути на каждомъ шагу въ Африкѣ. Они то оспариваютъ у насъ остатки стараго наслѣдства, вновь пріобрѣтеннаго въ 1815 г., то отодвигаютъ насъ отъ устьевъ рѣкъ, то запрещаютъ намъ пользоваться путями, по которымъ можно проникнуть въ глубь страны (Voies de pénétration)». Авторъ съ сокрушеніемъ приходитъ къ заключенію, что англичане обладаютъ въ вопросѣ о колоніяхъ большей прозорливостью, чѣмъ французы. Англичане всегда стремятся захватить, прежде всего, естественные пути сообщенія въ новой колоніи, т. е. рѣки. Для этого Англія употребляетъ всѣ усилія, чтобы занять и удержать устья рѣкъ. Французская колоніальная политика,—по словамъ Дарси,—не отличается планомѣрностью и продуманностью. Глубоко ошибаются французскіе авторы и политики, утверждающіе, что у Франціи

*) *Jean Darcy.* Cent Années de rivalité Coloniale. Paris, 1904, p. 1.

былъ стройный планъ, которому она слѣдовала съ 1815 г. при созиданіи своей громадной колоніальной имперіи въ Африкѣ. По мнѣнію Дарси, занятіе Сенегала въ 1815 г., завоеваніе Алжира въ 1830 г., захватъ Туниса и другія предпріятія на черномъ материкѣ отнюдь не являются параграфами одной и той же политической программы. Вмѣсто того, чтобы укрѣпиться на берегу, Франція въ Африкѣ устремилась въ глубь страны; не имѣя прочной базы, она достигла до сердца чернаго континента. По мнѣнію Дарси, въ этомъ заключалась важная ошибка.

«Въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Дарси,—обратимъ вниманіе на ту громадную полосу африканскаго материка, которая простирается отъ 5 градуса сѣверной широты до береговъ Средиземнаго моря. На этой площади въ 20 милл. квадратныхъ километровъ Франція сконцентрировала всю свою политическую дѣятельность. И что же въ результатѣ? Правда, Франція получила территорію въ 8—9 милл. кв. километровъ. Земля тутъ лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Но за то изъ 35 тысячъ километровъ береговой линіи Индѣйскаго океана, Краснаго моря, Средиземнаго моря и Атлантическаго океана Франціи принадлежитъ только 7000 кил. А между тѣмъ береговая линія является базой для государства, желающаго занять глубь страны. Вся гигантская полоса континента отъ пятой параллели до Средиземнаго моря прорѣзана только тремя великими водными путями; лишь они даютъ возможность проникнуть въ глубь страны и владѣть ею. Водные пути эти—Нилъ, Нигеръ и Конго. Франція совершенно вытѣснена изъ долины первой рѣки. На Западѣ,—продолжаетъ Дарси,—мы не были болѣе счастливы. Франція допустила вытѣснить себя изъ устьевъ Нигера. Правда, послѣ двадцатипятилѣтнихъ усилій намъ удалось получить доступъ къ верховьямъ этой рѣки; но отъ моря мы все же отрѣзаны нашими экономическими и военными соперниками. То же самое можно сказать о Конго. Здѣсь Францію оттѣснила Бельгія, явившаяся позже всѣхъ въ Африку... Одна и та же ошибка была совершена Франціей на Нилѣ, Нигерѣ и Конго. Всюду ее вытѣснили болѣе проницательные соперники, дѣйствовавшіе по опредѣленному плану. Они не бросались въ глубь страны, а прежде всего старались утвердиться на берегу моря и у устьевъ судоходныхъ рѣкъ. Соперники охотно уступали Франціи центръ страны, чтобы имъ только не мѣшали» *).

Колоніальный отдѣлъ на франко-британской выставкѣ доказываетъ, что французы совсѣмъ не такіе плохіе организаторы, какъ это принято думать. Дарси правъ въ томъ отношеніи, что много десятковъ лѣтъ интересы Англіи и Франціи постоянно сталкивались въ Африкѣ. Чаще всего это бывало въ долинѣ Нила, гдѣ одно время положеніе дѣлъ крайне обострилось. Съ 1904 г. Фран-

*) ib., p. 29—32.

ція окончательно признала преобладающіе интересы Англіи въ Египтѣ. И съ тѣхъ поръ началось быстрое сближеніе двухъ самыхъ свободныхъ странъ Европы. Крайне любопытно тутъ познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлала Англія за время своей оккупаціи Египта. Англія застала разоренную, обанкротившуюся страну, подавленную колоссальнымъ государственнымъ долгомъ. Финансы Египта находились въ плачевномъ состояніи. Дефицитъ сталъ нормальнымъ явленіемъ. Сами англичане въ яркихъ краскахъ изображаютъ тѣ благодѣянія, которыя египтяне извлекли изъ оккупаціи. «Съ 1895 по 1905 г. египетскій народъ разбогатѣлъ такъ, какъ раньше не видѣлъ и во снѣ,—говоритъ авторъ сатьи въ Contemporary Review.—Феллахъ пересталъ быть живой машиной, вьючнымъ скотомъ и рабомъ. Онъ превратился въ свободнаго и независимаго крестьянина, пожинающаго плоды своихъ трудовъ и хранящаго ихъ. Феллахъ теперь имѣетъ свободу, охраняемую нелицепріятнымъ, независимымъ судомъ. По всей вѣроятности феллахъ пользуется большей свободой, чѣмъ англійскій крестьянинъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно суда. Уничтожена теперь власть дервишей, давившая Египетъ, какъ тяжелая туча. Феллахъ избавленъ отъ еще болѣе тяжелой зависимости—отъ финансистовъ и искателей приключеній. Англійскихъ чиновниковъ не много, но они много работаютъ. Девизомъ новой администраціи стало: «Британская мысль и египетскіе исполнители». Англія соорудила дамбы и прокопала каналы. Нилъ пересталъ быть капризнымъ отчимомъ. Рука человѣка регулируетъ теперь воды великой рѣки. Голодные годы не пожираютъ болѣе сытыхъ. Плодоносный бурый илъ, приносимый во время водополья съ вершинъ Абиссинскихъ горъ, распредѣляется теперь равномѣрно по всей долинѣ. Египетъ сталъ благодатной страной, гдѣ колосящіяся нивы никогда не знаютъ неурожая. Цѣны на землю быстро поднялись всюду. Бѣдные люди внезапно разбогатѣли. Феллахи приносятъ въ банки мѣшки съ золотомъ, не требуютъ процентовъ, а просятъ только сохранить сокровища. Золото гибнетъ закопанное и забытое въ полу избъ. Промышленность идетъ быстрыми шагами впередъ. Всѣ классы благоденствуютъ. Представители Англіи въ Египтѣ сами поражены достигнутыми успѣхами. Англія помирилась съ Франціей и уменьшила гарнизонъ». По словамъ цитируемаго автора, дѣятельность Англіи была абсолютно безкорыстна. Англія добивалась только «благодарности» за то, что превратила «груду развалинъ» въ золотой пріискъ. И вдругъ, къ огорченію своему, убѣдилась въ черной неблагодарности облагодѣтельствованнаго народа *). Что въ этой картинѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что написано «отъ базарія собственнаго гумора», какъ выражались наши дипломаты временъ Петра Великаго? Правда

*) England, Egypt and Turkey. The Contemporary Review, October, 1906.

то, что англичане построили въ Египтѣ такія гигантскія сооруженія, какъ, напр., дамбы поперекъ Нила у Ассуана (близъ первыхъ пороговъ) и Асіута. Такимъ образомъ образовался резервуаръ съ 1.065.000.000 куб. мет. воды. Въ результатѣ не только то, что Египетъ теперь гарантированъ отъ засухи, но также отвоеваніе у пустыни 750.000 акровъ земли. Дамбы увеличили богатства Египта на 25 милл. руб. въ годъ. Правда то, что англичане проложили всюду желѣзныя дороги. Одна линія идетъ до первыхъ пороговъ (линія отъ вторыхъ пороговъ до Хартума имѣетъ исключительно стратегическое значеніе). Цѣлая сѣть узкоколейныхъ дорогъ перерѣзываетъ дельту и является громаднымъ облегченіемъ для крестьянъ. Подъ контролемъ британскихъ финансистовъ доходы Египта быстро растутъ. Въ 1903 г. доходъ равнялся 12,4 милл. турецкихъ лиръ, а въ 1907 г.—16,3 милл. турецкихъ лиръ (163 милл. руб.). Прежде дифицитъ составлялъ нормальное явленіе, а государственныя бумаги были обезцѣнены. Теперь каждый годъ остается излишекъ почти въ 20 милл. руб., а египетскія бумаги считаются въ числѣ наиболѣе солидныхъ. Въ 1888 г. въ Египтѣ было 14 среднихъ школъ, теперь—50. Двадцать лѣтъ тому назадъ начальное образованіе находилось въ зародышѣ, теперь мы имѣемъ 4500 деревенскихъ школъ съ 165.000 учащихся. (Все деревенское населеніе около 6 милл.). Феллахи теперь не такъ обременены налогами, какъ раньше. Населеніе пользуется полной свободой передвиженія. Для проживательства въ Египтѣ, для въѣзда и для выѣзда паспорта не требуется. Населеніе имѣетъ полную свободу сходокъ и слова. Туземная печать иногда поражаетъ крайней рѣзкостью тона (могу судить только по тѣмъ газетамъ, которыя выходятъ въ Каирѣ и Александріи на французскомъ, англійскомъ или итальянскомъ языкахъ). Все это—большой плюсъ, говорящій въ пользу оккупаціи. Обладая замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ, англичане, кромѣ того, ввели въ Египтѣ замѣчательный порядокъ. Общественная безопасность тамъ гарантирована лучше, чѣмъ даже во Франціи. Египетъ превратился въ любимый курортъ, куда могутъ ѣхать въ полной безопасности даже женщины безъ сопровожденія мужчинъ. Но безпристрастный наблюдатель, знающій факты, не можетъ согласиться вполнѣ съ авторомъ цитированной выше статьи, въ которой Египетъ изображается одновременно Аркадіей и Эльдорадо. Прежде главнымъ плательщикомъ всѣхъ налоговъ былъ крестьянинъ. Теперь главными источниками дохода являются земельный налогъ, табачная монополія и таможни. Такимъ образомъ и теперь государственныя тяготы лежатъ не на плечахъ богатыхъ классовъ и иностранцевъ. Всей годной для обработки земли въ Египтѣ около 6,4 милл. «федцановъ» (десятина имѣетъ около трехъ федцановъ). Землепользованіе въ Египтѣ двоякое. Мы имѣемъ или поля «хараджи», или «ушури». Въ первомъ случаѣ феллахи являются пожизненными арендаторами у

государства, которому уплачиваютъ «земельный налогъ», точнѣе, ренту. Теперь она достигаетъ около 18 шил. за федданъ, т. е. около 27 руб. за десятину, съ которой крестьянинъ снимаетъ три урожая въ годъ. Три четверти всей земли въ Египтѣ находится въ рукахъ пожизненныхъ фермеровъ. «Ушури» это такая система, при которой феллахъ платитъ землевладѣльцу десятину съ урожая. Четыре пятыхъ всей земли въ Египтѣ обрабатывается феллахами, при чемъ 1 милл. ихъ имѣетъ участки меньше, чѣмъ въ 5 «федцановъ» каждый. Рента прежде постоянно возрастала вслѣдствіе жадности государства. Правда, въ Египтѣ не констатировалось то явленіе, которое давно уже наблюдается въ русской деревнѣ и которое такъ хорошо формулировано въ книгѣ П. Н. Милюкова Russia and its Crisis, вышедшей въ Чикаго въ 1905 г. *); но все же рента подавляла феллаховъ. Англичане нормировали ренту Она значительно ниже теперь, чѣмъ была; но все-таки ее нельзя назвать «ничтожной». Прежде феллахи выполняли рядъ натуральныхъ повинностей. Теперь это уничтожено англичанами; но въ случаѣ чрезвычайнаго разлива Нила феллахи вызываются, чтобы чинить плотины. Такимъ образомъ въ 1907 г. вызваны были 16.898 человѣкъ **). Сказать, что феллахи «не знаютъ теперь, куда дѣвать золото», какъ утверждаетъ Contemporary Review,—значитъ выразиться слишкомъ сильно. Шестьдесятъ одинъ процентъ всего населенія Египта—феллахи. Изъ нихъ далеко не всѣ снимаютъ землю. Мы видимъ много безземельныхъ батраковъ, цѣлый классъ наслѣдственнаго сельскаго пролетаріата. Если благосостояніе земледѣльческаго класса въ Египтѣ сильно поднялось, то отъ этого, прежде всего, выиграла Англія. Египетъ, напримѣръ, становится поставщикомъ хлопка для того промышленнаго района, центромъ котораго является Манчестръ. Такимъ образомъ, война, которая отрѣзала бы доставку хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ, не создала бы теперь въ Англіи такого ужаснаго хлопковаго голода, какъ во время борьбы сѣверныхъ штатовъ съ южными. Англія умѣетъ извлекать пользу даже изъ египетской арміи, реформированной немедленно послѣ оккупаціи. Армія эта теперь состоитъ изъ 20 тысячъ солдатъ. Главнокомандующій (сирдаръ) и всѣ старшіе офицеры—англичане. Египетъ представляетъ единственное въ своемъ

*) „Нужда въ землѣ,—говоритъ талантливый авторъ,—такъ велика, а возможность снять ее такъ мала, что рента страшно возросла. Вопреки законамъ, установленнымъ классической политической экономіей, рента не только сравнялась съ *незаработаннымъ приращеніемъ* (unearned increment), но далеко превысила его, поглотила прибыль, и очень часто даже заработную плату арендаторовъ. Нерѣдки случаи, когда арендаторы платятъ въ видѣ ренты на шесть и даже на десять рублей за десятину больше, чѣмъ земля принесла бы чистой прибыли, будь она обработана наемнымъ трудомъ".

(*P.. Milyoukov*, Russia and its Crisis, p. 451).

**) *Statesman's Yearbook*, 1908, p. 1606.

родѣ явленіе. Теоретически онъ — вассальное государство Турція, которая имѣетъ тамъ своего намѣстника. Ходивъ ежегодно платитъ своему сюзерену около $6^1/_2$ милл. руб. Но фактически Египетъ—англійская коронная колонія. Такимъ образомъ, мы видимъ Англію въ ленной зависимости отъ султана.

II.

Было бы крайне интересно видѣть очеркъ, посвященный «исторіи интриги». Когда въ странѣ, условія которой не нормальны, возникаетъ народное броженіе, хозяева положенія никогда не объяснятъ явленія собственными ошибками, а непремѣнно ищутъ «постороннюю интригу». Подавленный, безправный, голодный народъ зашевелился не потому, что ему тяжело, а вслѣдствіе тайной агитаціи со стороны. Склонность объяснять всѣ движенія такимъ образомъ мы видимъ во всѣхъ странахъ; но въ особенности богатый матеріалъ будущему автору «исторіи интриги» дала бы наша родина. Я намѣчу только нѣсколько фактовъ, не восходя дальше XVIII вѣка. При Аннѣ Ивановнѣ были народныя движенія, сопровождавшіяся громадными пожарами. Горѣли Москва, Петербургъ, Ярославль и др. Волненія и поджоги приписывались тайнымъ агентамъ Артемія Волынскаго и *турецкой интригѣ*. Русскіе ученики плохо учились у академиковъ. Приписывалось это *нѣмецкой интригѣ*. При Екатеринѣ II зашевелились раскольники. До этого церковь просила «оныхъ богопротивныхъ, св. церковью нетерпимыхъ раскольниковъ вовсе истребить». Движеніе среди нихъ объяснено было *турецкой интригой*. Помѣщики, исходя изъ положенія, что русскій мужикъ «любитъ большіе оброки», твердо и неукоснительно проводили этотъ принципъ въ жизни и въ литературѣ *). Духовенство отстаивало суровыя казни, доказывая, что и добрый государь обязанъ употреблять ихъ. И вотъ начинается самая кровавая трагедія XVIII в.—Пугачевщина. И тѣ же помѣщики ищутъ *французскую интригу*. Въ этомъ отношеніи Екатерина II была болѣе проницательна, чѣмъ окружающіе ее. Вотъ, напримѣръ, двѣ выдержки изъ переписки Вольтера съ императрицей. Вольтеръ пишетъ, что на допросѣ Пугачева слѣдовало бы узнать, дѣйствуетъ ли онъ, какъ «хозяинъ» или «какъ слуга» **). На это Екатерина II немед-

*) Вотъ выдержка изъ меморіала XVIII в. „Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ“: „Россійскій народъ, по ослабленіи надъ нимъ начальства, впадаетъ въ безпрерывную лѣность, ибо точно примѣчено, гдѣ менѣе съ крестьянъ берутъ оброка, т. е. менѣе побужденія имъ промышлять себѣ прибыль, тамъ они бѣднѣе становятся и болѣе впадаютъ въ лѣность“.

**) Oeuvres Complètes de Voltaire, vol. X, p. 472.

ленно отвѣчаетъ (письмо Вольтера датировано «Ферней, 19 октября,» письмо императрицы «2 ноября», новаго стиля). «До сихъ поръ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на то, что Пугачевъ является орудіемъ какого-либо правительства. Необходимо предположить, что онъ—«est maitre brigand, et non valet d'âme qui vive» *). Негодованіе, которымъ проникнуто «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» объяснялось «*французской интригой*». На престолъ вступаетъ Александръ I. Начинаются толки объ освобожденіи крестьянъ. Графъ Ростопчинъ отъ имени крѣпостниковъ подаетъ государю записку, въ которой доказываетъ, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ явился слѣдствіемъ *польской интриги*, желающей погубить Россію. Въ проектахъ Сперанскаго одни усмотрѣли *польскую интригу*, другіе—*семинарскую* интригу («поповичи завидуютъ дворянамъ и желаютъ оттѣснить ихъ отъ государственныхъ дѣлъ»). Затѣмъ для объясненія предложена была болѣе грандіозная «всемірно-революціонная интрига». Въ *Quatre chapitres sur la Russie* де-Местра мы впервые наталкиваемся на *еврейскую интригу*. Графъ, опережая нынѣшнихъ черносотенцевъ, совѣтуетъ полиціи устроить большой еврейскій погромъ, чтобы такимъ образомъ истребить «иллюминатство». Послѣднее—результатъ *еврейской* интриги, стремящейся погубить христіанство вообще. Графъ де-Местръ только бросилъ общую мысль, которая впослѣдствіи основательно была разработана въ Германіи перевертнемъ изъ либераловъ—Ярке. Это онъ объяснилъ либеральное движеніе въ Германіи въ началѣ XIX вѣка «еврейской интригой». Статьи Ярке являются неистощимымъ источникомъ, изъ котораго всѣ современные русскіе послѣдователи нѣмецкаго перевертня черпаютъ свои аргументы, философію и даже остроты **).

Возникаютъ военныя поселенія. Доведенные до отчаянія крестьяне бунтуютъ. Аракчеевъ объясняетъ отвращеніе народа къ своему дѣтищу глупостью крестьянъ и *иностранной интригой*. Исторія декабристовъ теперь хорошо извѣстна. Политическіе враги усматривали въ ихъ попыткѣ *польскую* и *французскую интригу*. Въ 1831 г. Россію посѣщаетъ холера. Вслѣдствіе полной бездарности властей и дикихъ порядковъ эпидемія принимаетъ страшные размѣры. И вотъ не только народъ, но и образованные классы приписываютъ холеру *польской* интригѣ. Движеніе 1848 г. и политическіе кружки тоже, конечно, объясняются *интригой* «закоснѣлыхъ злодѣевъ», стремящихся «возмутить всѣ страсти человѣческія и перепутать всѣ права, обязанности и отношенія народовъ, правительствъ и лицъ», какъ писали наши казенные публицисты того времени.

*) ib., p. 473.

**) Союзъ русскаго народа и другія содружества аналогичнаго типа какъ будто бы скопированы линія въ линію съ союза Кальдераріевъ въ Неаполѣ и католически-апостольскаго общества санфедистовъ въ Римѣ (начало XIX вѣка).

Такъ какъ «интрига», по предположенію, проникла изъ за-границы, то рекомендовалось выслать изъ предѣловъ Россіи «всѣхъ чужестранцевъ, *кромѣ банкировъ*». (Послѣднимъ какъ извѣстно, если они готовы устроить заемъ, даже наши современные Ярке прощаютъ еврейское происхожденіе). Дальнѣйшая «исторія интриги» у всѣхъ на глазахъ. Извѣстно, что сперва для объясненія явленій выдвигалась «польская» интрига; потомъ «японская». Теперь все отодвинула интрига «еврейская». Приведу еще одну маленькую выдержку, доказывающую, какъ мало проницательны у насъ публицисты и государственные дѣятели, объясняющіе общественныя движенія интригой. *Шерръ* въ своей книгѣ «Blücher, seine Zeit und sein Leben», цитируетъ любопытный дипломатическій документъ, разосланный въ двадцатыхъ годахъ прусскимъ королевствомъ всѣмъ союзнымъ нѣмецкимъ правительствамъ. Въ документѣ правительствамъ рекомендуется выставлять себя *на словахъ* сторонниками реформъ. Въ то же время надлежитъ сдѣлать такъ, чтобы «преданные правительству органы печати» всячески компрометировали въ глазахъ народа, какъ реформы, такъ и партіи, стоящія за нихъ. Хорошо, напримѣръ, если эти органы печати будутъ подчеркивать, что реформы — иностранная выдумка. «Чтобы подорвать довѣріе къ этимъ принципамъ и учрежденіямъ (т. е. конституціи и либерализму),—гласитъ документъ,— было бы не лишне задѣть въ разсудительныхъ и здравомыслящихъ нѣмцахъ національное тщеславіе, выставивъ это новое ученіе исходящимъ изъ враждебной націи и дѣйствующимъ въ иноземномъ духѣ». Вы видите, что дѣйствительно нѣтъ ничего новаго подъ луной! Самыя «патріотическія» и «самобытныя» теоріи оказываются заимствованными изъ заколоченныхъ нѣмецкихъ чулановъ.

Итакъ, «исторія интриги» — очень любопытна. Въ самой Англіи выискиваніе иностранной интриги для объясненія общественныхъ движеній оставлено еще въ началѣ XIX вѣка; но для коронныхъ колоній дѣлается исключеніе. Въ Египтѣ, являющемся самой культурной и передовой страной ислама, въ послѣдніе годы возникло широкое націоналистическое движеніе. Каиръ является теперь центромъ прогрессивной мусульманской мысли. Вопросы, поднятые тамъ, разрабатываются и страстно обсуждаются въ Тунисѣ и Алжирѣ. Въ литературѣ современнаго Египта зародился тотъ вопросъ, который теперь волнуетъ весь мусульманскій міръ: вопросъ объ освобожденіи женщины изъ гарема. Египетская интеллигенція (мусульманская) тяготится англійскимъ протекторатомъ. Она признаетъ все то, что сдѣлала Англія для развитія страны, преслѣдуя въ то же время свои интересы. Египетъ находитъ только, что періодъ бюрократіи, хотя честной, талантливой и работоспособной, миновалъ уже. Теперь пора дать странѣ такое же управленіе, какимъ пользуются Канада, Австралія или Южная Африка. И вотъ

національстическое движеніе въ современномъ Египтѣ имѣетъ конкретной цѣлью конституцію. Англійскіе консерваторы объясняютъ движеніе «турецкой интригой». Авторъ упомянутой уже статьи въ *Contemporary Review* предлагаетъ свою гипотезу для объясненія причины, почему въ Египтѣ возникло національстическое движеніе. Всему виною «поразительное богатство» феллаха. Согласно принятымъ взглядамъ, люди, когда богатѣютъ, «забываютъ Бога» и вспоминаютъ о немъ только въ несчастьѣ. Авторъ статьи въ *Contemporary Review* утверждаетъ противоположное. Когда феллахи были бѣдны и забиты барщиной, у нихъ не было времени думать о вѣрѣ. Крестьянинъ тогда работалъ, какъ волъ, съ утра до поздней ночи. Онъ думалъ только о наказаніи, грозящемъ ему, если работа не будетъ выполнена, и о податяхъ, которыя необходимо уплатить во что бы то ни стало. Теперь, когда феллахъ такъ разбогатѣлъ, что не знаетъ, гдѣ прятать деньги; когда подати уменьшены, а барщина уничтожена,—у него явился большой досугъ. И вотъ феллахъ впервые задумался надъ тѣмъ, что онъ мусульманинъ. А такъ какъ падишахъ является главою ислама, то крестьянинъ сталъ прислушиваться къ пропагандѣ турецкихъ агитаторовъ, шныряющихъ теперь всюду въ Египтѣ. Такова гипотеза. Національстическое движеніе въ Египтѣ, въ дѣйствительности, не имѣетъ ничего общаго съ турецкой интригой. Пробудившійся народъ знаетъ очень хорошо, что дѣлается въ Турціи. Къ тому же турецкое владычество еще не окончательно испарилась изъ памяти. Мы имѣемъ передъ собою народъ, стремящійся къ самоопредѣленію, которое несомнѣнно будетъ осуществлено. Уже и теперь даже консерваторы въ Англіи допускаютъ, что какая нибудь форма дѣйствительнаго самоуправленія необходима въ Египтѣ *).

III.

Крайне интересно изучать на выставкѣ англійскія колоніи въ связи съ французскими. Франція имѣетъ теперь громадную колоніальную территорію, главнымъ образомъ, въ Африкѣ и въ Азіи, а,

*) Теперь правительственная машина въ Египтѣ довольно сложна. Мы видимъ номинальнаго сюзерена, султана, фактическаго правителя (британскаго представителя) и хедива. Затѣмъ мы имѣемъ совѣтъ министровъ, законодательный совѣтъ и народную палату. Совѣтъ есть только совѣщательное собраніе, состоящее изъ 30 членовъ, изъ которыхъ 14 по назначенію. Совѣтъ собирается шесть разъ въ годъ, главнымъ образомъ, для обсужденія бюджета. Совѣтъ не имѣетъ законодательной инициативы. Его постановленія для правительства не обязательны. Народная палата состоитъ изъ членовъ совѣта, министровъ и 46 выборныхъ депутатовъ. Она не имѣетъ законодательныхъ правъ, но безъ ея согласія не можетъ быть введенъ новый прямой налогъ или увеличена земельная рента. (См. Statesman's Gearbook 1908, p.p. 1595—1596).

отчасти, въ Южной Америкѣ и на островахъ Тихаго Океана. Площадь этихъ колоній 4 мил. кв. миль, а населеніе въ нихъ 51,6 мил. Я отмѣтилъ уже, что знакомство съ фактами приводитъ насъ къ болѣе выгодному заключенію объ организаторскихъ талантахъ французовъ, чѣмъ принято думать. Но все-таки до сихъ поръ Франція въ своихъ колоніяхъ находится въ такомъ же положеніи, какъ Симбадъ, мореходецъ, выброшенный послѣ кораблекрушенія на необитаемый островъ. У Симбада на шеѣ примостился морской старикъ, давившій мореходца. У Франціи на шеѣ тяжелымъ бременемъ лежатъ почти всѣ ея колоніи. «Доходъ немногихъ французскихъ колоній на столько значителенъ, чтобы покрыть всѣ расходы по администраціи. Въ бюджетѣ Франціи на 1908 г. расходы на колоніи вычислены по смѣтѣ въ 107.719.258. Сюда не входятъ расходы на содержаніе арміи въ Алжиріи». (Statesman's Gearbook, 1908, p. 961). Послѣдняя колонія — самая богатая въ Африкѣ; она даетъ, однако, ежегодный дефицитъ въ 75 мил. франковъ. Главнымъ образомъ, колоніи являются рынкомъ для французскихъ фабрикатовъ. Въ Индо-Китай (Анаму, Тонкинъ и Камдію) Франція вывозитъ товаровъ на 254.560.200 фр., въ Сенегалъ на 11.176.000 фр., въ Мадагаскаръ—на 42,2 мил. фр., въ Тунисъ—на 72 мил. фр., въ Алжирію—на 326,4 мил. фр. и т. д. Затѣмъ французскія колоніи являются также великолѣпнымъ садкомъ для чиновниковъ. Бюрократическая машина громоздка въ самой Франціи, а еще больше въ колоніяхъ. Въ послѣднее время сдѣлана крайне слабая попытка дать Алжиріи отдаленное подобіе самоуправленія. Попрежнему генералъ-губернаторъ вырабатываетъ бюджетъ, но послѣдній обсуждается теперь и вотируется «финансовыми комиссіями» и «главнымъ совѣтомъ» колоніи. Финансовыя комиссіи введены въ 1898 г. Ихъ три: одна отъ французовъ-колонистовъ, другая—отъ мусульманъ, третья—отъ европейцевъ, не состоящихъ во французскомъ подданствѣ. Главный совѣтъ состоитъ изъ членовъ по назначенію правительства и изъ выборныхъ депутатовъ. Право издавать законы для Алжиріи принадлежитъ только французской палатѣ депутатовъ. Такъ организовано правительство самой богатой и культурной французской колоніи. Совсѣмъ другую картину представляютъ намъ британскія колоніи. Мы видимъ передъ собою конгломератъ разнородныхъ политическихъ единицъ. Предъ нами, съ одной стороны, колоссальная коронная колонія, Индія, находящаяся въ рукахъ бюрократіи, правда, умной, талантливой, честной и работоспособной, во все же носящей на себѣ всѣ тѣ признаки «первороднаго грѣха», которые ей свойственны. Французскій писатель XVIII вѣка говоритъ: «въ свободной странѣ кричатъ много, хотя страдаютъ мало; въ странѣ деспотической жалуются мало, хотя страдаютъ много». Вотъ почему Индія долго молчала, а когда общественное самосознаніе проснулось, и туземныя газеты заговорили о тяжеломъ положеніи народа, индійская бюрократія

объяснила жалобы «иностранной интригой». Сперва національное движеніе въ Индіи носило совершенно мирный характеръ. Изъ года въ годъ устраивались національные конгрессы, на которыхъ браминисты, буддисты, персы и магометане намѣчали желательныя реформы. Затѣмъ началось «свадешійское» движеніе, состоявшее въ томъ, что туземцы бойкотировали всѣ англійскіе товары. Въ самое послѣднее время Индія вступила въ фазисъ тайныхъ политическихъ заговоровъ. «Индія покрылась сѣтью тайныхъ комитетовъ,—читаемъ мы,—между которыми существуетъ тщательно выработанная система сношеній. По всей вѣроятности, оружіе ввозится въ Индію въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ принято предполагать».

Индійская бюрократія и тайные комитеты объяснила только интригой. «Крайне своеобразнымъ факторомъ въ стремленіи Индіи къ независимости является Японія,—пишетъ Калькутскій корреспондентъ газеты «Observer». Точную природу этого вліянія трудно опредѣлить, и я не хочу утверждать, что японское правительство замѣшано въ движеніи. Но тѣсныя сношенія существуютъ между Калькутой и пан-азіатской партіей въ Токіо. Я не думаю, что эта дружба носитъ совершенно невинный характеръ. Молодые индусы посѣщаютъ теперь Японію въ громадномъ числѣ. Важную роль играетъ также пан-исламизмъ, представляющій теперь новый факторъ» *). Индійская бюрократія знаетъ только одно средство борьбы съ движеніемъ: репрессію и жалуется на парламентъ, который не спѣшитъ ограничить свободу сходокъ и печати въ Индіи. (Теперь туземная печать въ Индіи пользуется такою же свободою, какъ и въ Англіи). «Индійское правительство,—телеграфируетъ калькутскій корреспондентъ Times'а,—находится лицомъ къ лицу съ крайне серьезнымъ положеніемъ, требующимъ твердости и рѣшительности. Британская администрація подвергается самымъ безобразнымъ нападкамъ со стороны туземныхъ индійскихъ газетъ, которыя открыто проповѣдуютъ мятежъ. Тысячи листковъ подобнаго рода разсылаются по деревнямъ западной Индіи» **). Итакъ, индійская бюрократія видитъ въ стремленіи Индіи къ самоуправленію только «интригу», а для пресѣченія ея знаетъ только репрессію. Но въ самой Англіи даже консервативныя газеты сознаютъ, что громадная колонія, управляемая теперь бюрократіей, должна получить какую-нибудь форму самоуправленія. «Однѣ репрессіи не помогутъ, — читаемъ мы въ консервативномъ *Observer*. — Необходимо отказаться отъ мысли, что Индіей можно управлять по-патріархальному и что англійскій сквайръ является лучшимъ администраторомъ для Раджпутаны или Бенгаліи. И если Великобританія собирается когда-либо воевать, она прежде должна подумать о замиреніи Индіи».

---

*) Observer, Sundau, april 26, 1908.
**) Times, April 27, 1908.

Если всѣ владѣнія Англіи, «лежащія за морями», изобразить графически прямой линіей, то въ одномъ концѣ ея будетъ Индія, стремящаяся хотя бы къ такому представительному правленію, какое имѣютъ Ямайка или крошечный островокъ Мэнъ, а въ другомъ—Канада, имѣющая свое войско, заключающая торговые договоры съ другими государствами и тяготящаяся даже призрачной ленной зависимостью отъ метрополіи. На-дняхъ, напримѣръ, состоялся въ Нью-Іоркѣ большой банкетъ канадцевъ, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, британскій посланникъ Брайсъ. На этомъ банкетѣ канадскій судья Лонгли произнесъ рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. «Я не думаю, что Канада всегда останется колоніей,—сказалъ судья.—Наши отношенія къ Англіи хороши; въ настоящее время самая искреняя дружба соединяетъ метрополію съ ея старшей дочерью. Уже и теперь мы имѣемъ всѣ права свободной и независимой страны даже въ сношеніяхъ съ иностранными государствами. Но наступаетъ время, когда нація развивается до такой степени, что не желаетъ больше оставаться колоніей. Когда этотъ моментъ придетъ,—обѣ страны должны будутъ пересмотрѣть свои отношенія. Канада сохранитъ свои дружескія отношенія къ Англіи; но обѣ страны будутъ связаны тогда союзомъ, а не зависимостью, соединяющей колонію съ метрополіей. Я глубоко убѣжденъ,—продолжалъ судья Лонгли,—что Канада поможетъ тогда метрополіи распространить англо-саксонскія демократическія учрежденія по всему міру. Канада не думаетъ о вступленіи въ составъ Соединенныхъ Штатовъ. Быть можетъ, такой союзъ былъ бы выгоденъ намъ экономически и политически, но онъ чуждъ нашимъ идеаламъ, такъ какъ, вступивъ въ союзъ Соединенныхъ Штатовъ, мы отреклись бы отъ мысли занять самостоятельное мѣсто среди самостоятельныхъ государствъ» *). Судья Лонгли—очень видный канадскій дѣятель. Онъ уже не въ первый разъ выступаетъ съ рѣчами подобнаго рода. Въ прошломъ году на большомъ митингѣ въ Галифаксѣ Лонгли заявилъ, что Канадѣ предопредѣлено отдѣлиться отъ Англіи. На банкетѣ въ Нью-Іоркѣ судьѣ Лонгли отвѣтилъ посланникъ Брайсъ. «Великобританія желаетъ сохранить тѣ отношенія, которыя существуютъ теперь между нею и Канадой,—сказалъ извѣстный историкъ. Никогда еще желаніе это не было такъ сильно, какъ теперь, потому что Великобританія вполнѣ сознаетъ величіе Канады и лояльность ея. Мнѣ кажется, я выражу мнѣніе большинства населенія ея, сказавъ, что никогда еще Канада такъ не стремилась къ тому, чтобы составлять часть имперіи, какъ теперь. Отношенія между Англіей и Канадой должны существовать, какъ раньше».—При этихъ словахъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ, судья Лонгли

*) Daily News, May 16, 1908.

поднялся и демонстративно вышелъ. Рѣчь Брайса была покрыта аплодисментами. Многіе канадцы стали пѣть:

„The nations not so blest as thee
Must in their turn to tyrants fall,
Whilst thou shalt flourish great and free—
The dread and envy of them all!“ *)

За стихами слѣдуетъ гордый припѣвъ, мощный, какъ волны морей, омывающихъ берега Англіи: «Властвуй Британія! Британія господствуетъ на моряхъ. Британцы никогда не будутъ рабами».

Были, однако, на банкетѣ и такіе, которые аплодировали судьѣ Лонгли.

Политическія формы, какъ мы видѣли, крайне разнообразны въ Британскихъ колоніяхъ; но есть нѣчто общее, сильно отличающее ихъ отъ французскихъ колоній. Въ то время, какъ послѣднія являются тяжелымъ бременемъ для метрополіи, британскія колоніи въ финансовомъ отношеніи совершенно самостоятельны. Австралія, Канада, Новая Зеландія, Капская колонія, Наталь, Трансвааль и колонія Оранжевой рѣки имѣютъ свои собственные парламенты съ отвѣтственными министерствами. Поддержаніе всѣхъ этихъ колоній, конечно, не стоитъ ни фартинга метрополіи, такъ какъ ихъ бюджетъ совершенно отдѣльный. Но тоже самое мы видимъ въ остальныхъ колоніяхъ, даже въ коронныхъ и военныхъ, за исключеніемъ западно-африканскихъ территорій экваторіальной Африки. Возьмемъ, напр., военную колонію Мальту. Бюджетъ ея постоянно сводится съ остаткомъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ.

	1903	1904	1905	1906	1907
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
Доходъ . . .	445,065	464,591	467,835	467,241	513,594
Расходъ. . .	439,080	410,887	458,656	480,474	446,849

Другая военная колонія на порогѣ Европы и Африки—Гибралтаръ—получаетъ 92,005 ф. ст. въ годъ, а расходуетъ 69,513 ф. ст. Западно-африканскія территоріи, какъ я сказалъ, составляютъ исключеніе. Центральное правительство отпускаетъ въ годъ на содержаніе этихъ полудикихъ и дикихъ странъ 60 тыс. ф. ст.; но уже въ прошломъ году бюджетъ былъ сведенъ не только безъ дефицита, но даже съ небольшимъ остаткомъ (доходъ — 505,545 ф. ст., расходъ—498.260 ф. ст.). Западно-африканскія территоріи заключаютъ Нигерію, Лагосъ, Золотой берегъ, страну Ашантіевъ, Сьерра-Леоне и Гамбію. Рядомъ съ Нигеріей находится германская колонія Камерунъ. Географическія и иныя условія со-

*) Т. е. „Народы, не столь благословенные, какъ ты (Британія), должны послѣдовательно подпасть подъ власть тирановъ; но ты, великая и свободная, будешь процвѣтать на страхъ и зависть имъ всѣмъ“.

вершенно тождественны въ обѣихъ колоніяхъ; но Камерунъ обходится ежегодно германскому правительству въ 2.930,000 марокъ. Ниже Камеруна, по обѣимъ сторонамъ экватора, лежитъ часть Конго, принадлежащая Франціи. Здѣсь—отличный портъ (Лоанго) и посредственная гавань (Либервилль). Страна покрыта лѣсами, содержащими цѣнныя породы металловъ, и богата мѣдью, желѣзомъ и золотомъ. И тѣмъ не менѣе колонія приноситъ Франціи ежегодно дефицитъ въ 3.780,300 фр. *).

IV.

Внимательное изученіе экспонатовъ на выставкѣ даетъ намъ также богатый матеріалъ, помогающій намъ разобраться въ крайне интересномъ вопросѣ, которому предстоитъ играть важную роль въ ближайшемъ будущемъ въ исторіи Англіи. Я говорю о протекціонизмѣ. Теперь внѣ сомнѣнія, что за послѣднее время протекціонизмъ, который, какъ казалось недавно, замеръ совершенно, сдѣлалъ громадный шагъ впередъ. Цѣлый рядъ дополнительныхъ выборовъ доказалъ, что массы, правда, наименѣе культурныя, не только начинаютъ внимательно прислушиваться къ обѣщаніямъ протекціонистовъ, но и голосуютъ противъ фритрэдеровъ. Чѣмъ объяснить это явленіе? До послѣдняго времени фритрэдеры всегда могли привести наиболѣе темнымъ массамъ одинъ вполнѣ ясный и понятный имъ аргументъ: «при свободной торговлѣ хлѣбъ дешевъ». Дѣйствительно, въ массахъ живы еще преданія про «голодные годы», когда коврига пшеничнаго хлѣба, вмѣсто 5—$5^1/_2$ пенсовъ, какъ теперь, стоила 1 шил. и даже 1 шил. 2 пенса. Соединенные Штаты ежегодно доставляли до послѣдняго времени Англіи милліоны четвертей дешевой пшеницы и муки. Другіе поставщики Англіи—Аргентина, Индія и Россія—тоже должны были, въ виду конкуренціи Соединенныхъ Штатовъ, понизить цѣны на привозный хлѣбъ. Но вотъ, вслѣдствіе стремительнаго прироста населенія Соединенныхъ Штатовъ, площадь прерій значительно сократилась. Населеніе растетъ такъ быстро, что имъ самимъ необходимъ тотъ хлѣбъ, который еще такъ недавно вывозился въ Англію. Вычислено, что къ 1925 г. Соединенные Штаты будутъ имѣть населеніе въ 110 мил. Тогда имъ не только придется потреблять всю пшеницу, которую Соединенные Штаты вывозятъ теперь заграницу, но пріобрѣтать еще хлѣбъ въ сосѣдней Канадѣ. Въ 1901 г. Соединенные Штаты доставляли 66,2% всего потребляемаго здѣсь количества пшеницы и муки.

*) См. Statesman's Gearbook, 1908, p.—p. 114, 115, 978.

въ 1902 г. 62,2%
„ 1903 „ . . . . . 40 „
„ 1904 „ . . . . . 15,7 „
„ 1905 „ . . . . . 0 „
„ 1906 „ . . . . . 32 „ *)

Остальные поставщики Англіи крайне не надежны. Урожай въ Аргентинѣ, Россіи или Индіи зависитъ еще отъ большихъ случайностей, чѣмъ вообще въ земледѣльческихъ странахъ. Мы видѣли, что привозъ хлѣба изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1906 г. нѣсколько повысился; но такъ какъ площадь свободныхъ прерій стремительно уменьшается, то земля въ великой американской республикѣ быстро увеличивается въ цѣнѣ. Вслѣдствіе этого стоимость хлѣба, ранѣе быстро падавшая, въ послѣдніе годы стала увеличиваться. Четверть пшеницы стоила въ Англіи:

въ 1871 г. . . . 56 ш. 8 п.
„ 1881 „ . . . . 45 „ 4 „
„ 1891 „ . . . 37 „
„ 1901 „ . . . . 26 „ 9 „
„ 1906 „ . . . 28 „ 3 „ **)

Это отразилось немедленно на стоимости хлѣба у булочниковъ. Этимъ явленіемъ воспользовались для своей пропаганды протекціонисты, которые въ своихъ безчисленныхъ листкахъ и памфлетахъ говорятъ массамъ слѣдующее: «Фритрэдеры обѣщали вамъ дешевый хлѣбъ. Смотрите, онъ дорожаетъ теперь. Фритрэдеры обѣщали вамъ работу. Смотрите, теперь среди технически обученныхъ рабочихъ $7^1/_2$% не знаютъ, кому продать силу своихъ рукъ. Голосуйте же на выборахъ за протекціонизмъ, который дастъ работу всѣмъ и уменьшитъ налоги». Клэркъ становится протекціонистомъ, потому что ему нравится перспектива платить возможно меньше прямыхъ налоговъ. Протекціонисты вѣдь обѣщаютъ, что когда «расширенъ будетъ базисъ фискальнаго обложенія», то платить будетъ «иностранецъ», тотъ самый конкурренть, который присылаетъ теперь въ Англію свои фабрикаты и, такимъ образомъ, губитъ отечественную промышленность. Теорія «обложенія иностранца» заключается въ слѣдующемъ: «Нѣмецъ» ввозитъ сукна, машины, инструменты и пруч. Слѣдуетъ все это обложить высокой пошлиной. Достигнется этимъ,—говорятъ протекціонисты,—то, что, съ одной стороны, подъ вліяніемъ протекціонизма, разовьются англійскія фабрики, а съ другой—въ казну путемъ таможенныхъ пошлинъ поступитъ громадная сумма. Она дастъ возможность уменьшить налоги и ввести государственную пенсію для стариковъ. Такимъ образомъ,—проповѣдуютъ протекціонисты,—«иностранецъ», тотъ коварный конспираторъ, который только и думаетъ, что объ уни-

*) Financial Reform Almanack, 1908, p. 110.
**) The Red Book, 1908, p. 231.

женіи и разореніи Англіи, будетъ платить за все. Правда, теорія напоминаетъ сильно сказку про неразмѣнный рубль. Нельзя увеличить одновременно и отечественное производство подъ покровительствомъ тарифовъ и доходъ съ пошлинъ на ввозимые фабрикаты. Если свои фабрики будутъ работать больше, чѣмъ теперь, то, конечно, «иностранецъ» станетъ ввозить меньше, а потому и доходы съ него уменьшатся. Нелѣпость предположенія «обложить иностранца» была выяснена недавно въ парламентѣ при обсужденіи бюджета. Но рядовой клэркъ—плохой экономистъ и не слѣдитъ за стенографическими отчетами, когда дѣло идетъ о сухихъ матеріяхъ. Малосознательный рабочій становится протекціонистомъ, такъ какъ видитъ, что хлѣбъ дорожаетъ, а работы мало. Правда, въ протекціонистской Германіи хлѣбъ еще быттрѣе поднимается въ цѣнѣ, что видно, напр., изъ слѣдующихъ цифръ. Килограммъ хлѣба стоилъ въ Берлинѣ въ мартѣ:

	Черный хлѣбъ.	Пшенич. хлѣбъ.
1902 г. . . .	23,93 пф.	41,33
1905 „ . . .	23,51 „	42,16
1907 „ . . .	28,73 „	47,05
1908 „ . . .	33,17 „	54,29

За шесть лѣтъ стоимость ржаного хлѣба поднялась на 38%, а пшеничнаго — на 31%. Это значитъ, что семья нѣмецкаго рабочаго, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, расходуетъ теперь на хлѣбъ на 70 марокъ въ годъ больше, чѣмъ въ 1902 г. Если мы переведемъ германскія деньги на англійскія, то получимъ, что четырехфунтовая коврига чернаго хлѣба стоитъ теперь въ Берлинѣ $7^1/_4$ пенс., а такая же коврига бѣлаго хлѣба—$11^3/_4$ пенс. Въ Лондонѣ же четырехфунтовая коврига отличнаго бѣлаго хлѣба стоитъ $5^1/_2$ пенсовъ.

Но малосознательный работникъ не интересуется сравнительной статистикой. Затѣмъ тотъ же работникъ, обыкновенно не принадлежащій къ трэдъ-юніону, знаетъ періоды безработицы. Протекціонисты же въ каждомъ памфлетѣ своемъ повторяютъ: «тарифныя реформы означаютъ работу для всѣхъ». Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ, охраняемыхъ запретительными тарифами, теперь 32% безработныхъ. Правда, въ протекціонистской Германіи теперь безработныхъ 14%. Совершенно вѣрно, что нигдѣ на континентѣ работники не живутъ такъ хорошо и не получаютъ такую плату, какъ въ Англіи; но опять же малосостоятельный работникъ плохой экономистъ и не знаетъ, что дѣлается въ другихъ странахъ. Протекціонисты на своихъ митингахъ говорятъ такимъ работникамъ: «Вы слышали, конечно, что нѣмцы народъ умный, ловкій, ученый и практичный. Подумайте же только: если бы свободная торговля дѣйствительно представляла такія выгоды, какъ увѣряютъ фритрэдеры, то неужели же хитрые нѣмцы сейчасъ бы не ввели у себя такую систему. И если ученая и умная

Германія предпочитаетъ протекціонизмъ, значитъ, это самая выгодная система». Аргументъ этотъ кажется неотразимымъ малосознательному работнику. Онъ дѣйствительно знаетъ, что нѣмцы, которыми кишитъ теперь Англія, народъ хитрый, ловкій и оборотливый, и полагаетъ, что не глупо подражать имъ. И въ результатѣ—дополнительные выборы, кончавшіеся поразительной побѣдой протекціонистовъ. Они отняли мѣста у фритрэдеровъ въ земледѣльческихъ округахъ, хотя, казалось бы, что аграрный законъ 1907 г. о мелкомъ землевладѣніи долженъ былъ расположить сельскихъ работниковъ въ пользу министерской партіи. Протекціонисты одержали побѣду въ самомъ Манчестерѣ, въ царствѣ хлопка, хотя казалось бы, что прямые интересы населенія здѣсь за сохраненіе свободной торговли.

Постараюсь выяснить, какая часть населенія въ Англіи можетъ выиграть отъ возвращенія къ протекціонизму. По послѣдней переписи населеніе Соединеннаго Королевства равно 42 милл., изъ которыхъ, согласно отчету, различнымъ образомъ заняты 18.260.000. Въ составъ остальныхъ 23.740.000, по преимуществу, входятъ дѣти, «мужнія жены» и незамужнія дочери, живущія при родителяхъ. Посмотримъ, какъ распредѣляются по занятіямъ 18,2 милл. англичанъ. Послѣдняя перепись даетъ намъ сперва шесть категорій: 1) служба правительственная или въ мѣстномъ самоуправленіи; 2) защита государства; 3) профессіи; 4) домашняя прислуга; 5) торговля; 6) перевозка грузовъ и людей. Лица, занятія которыхъ относятся къ одной изъ этихъ шести категорій, врядъ ли терпятъ что-нибудь отъ соперничества иностранцевъ. Министры, клэрки, состоящіе на городской службѣ, солдаты, матросы, адвокаты, учителя, врачи, банкиры, желѣзнодорожные служащіе, «докеры», носильщики и пр. не боятся фабрикатовъ, ввозимыхъ иностранцами. Трудно придумать такой тарифъ, который доставилъ бы перечисленнымъ работникамъ и профессіональнымъ людямъ «больше работы и меньшій подоходный налогъ». Напротивъ, даже высокій тарифъ, сокращающій торговлю, прямо гибельно отразится на интересахъ купцовъ, агентовъ, приказчиковъ, «докеровъ», носильщиковъ и пр. Косвенно же вліяніе тарифовъ, которые поднимутъ цѣны на предметы первой необходимости, будетъ тоже очень не выгодно. Сильнѣе всѣхъ пострадаютъ клэрки, которые теперь консерваторы по той же причинѣ, почему носятъ цилиндры: и то, и другое «is so respectable». Къ перечисленнымъ шести категоріямъ принадлежатъ, согласно переписи, 5.600.000 человѣкъ изъ 18.260.000.

Перейдемъ къ дальнѣйшимъ категоріямъ. Земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ заняты 2.262.000 чел., рыбными промыслами—62.000, горнымъ дѣломъ—944.000 чел. Лицамъ, занятія которыхъ принадлежатъ къ двумъ послѣднимъ категоріямъ, протекціонисты ничего не могутъ предложить. Природа сама является протекціонистомъ для рыбаковъ. Что касается углекоповъ и рудо-

коповъ, то протекціонисты говорятъ, что не хотятъ вводить пошлины на ввозимые сырые продукты (кромѣ хлѣба и мяса). Остаются 2.262.000 чел., занятыхъ земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ. Всѣхъ садовниковъ 245.000. Иностранная конкуренція почти имъ неизвѣстна. Въ числѣ остальныхъ 2.000.000 не мало фермеровъ, огородниковъ и владѣльцевъ молочныхъ фермъ, которые сильно пострадаютъ отъ пошлины на искусственное удобреніе и на кормъ. Охранительныя пошлины не всегда являтся эквивалентами за потери. Въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ владѣльца молочной фермы. Тарифы немедленно поднимутъ цѣны на фуражъ: фермеру и при свободной торговлѣ нечего бояться, что кто-нибудь изъ-за границы будетъ ввозить свѣжее молоко или настоящій честерскій сыръ, цѣнимый гораздо выше, чѣмъ канадскій продуктъ того же рода. Пошлина на пшеницу не поможетъ англійскому фермеру. Въ самомъ дѣлѣ. Имѣется въ виду охранить въ данномъ случаѣ англійскій рынокъ только отъ иностранныхъ конкуррентовъ, т. е. отъ Соединенныхъ Штатовъ, Аргентины, Россіи и пр.; но не отъ Канады и Австралазіи. Но въ такомъ случаѣ при охранительныхъ тарифахъ англійскій рынокъ будетъ заполненъ канадскимъ и австралійскимъ хлѣбомъ. Англійскіе фермеры рѣшительно ничего не выиграютъ, кромѣ развѣ сознанія, что ихъ душатъ на этотъ разъ не «иностранцы», а свои «братья» изъ колоній. Переходимъ теперь къ лицамъ, занятымъ изготовленіемъ машинъ и обработкой металловъ (1.475.000), драгоцѣнныхъ металловъ (168.000) и строительствомъ (1.336.000). Первыя двѣ категоріи могутъ быть охранены покровительственными тарифами, а послѣдняя категорія—нѣтъ. Можно наложить таможенныя пошлины на желѣзо, машины, спички и драгоцѣнные камни; но дома не ввозятся. Можно предположить, что отъ возвращенія къ протекціонизму выиграютъ 1.643.000 лицъ, принадлежащихъ къ занятіямъ первыхъ двухъ категорій. Разсматривая дальше таблицы послѣдней переписи, мы видимъ, что обработкой дерева заняты 308 тысячъ чел., выдѣлкой кирпичей, стекла и фаянсовой посуды—190.000, химическихъ продуктовъ—150.000, скорнячествомъ и кожевеннымъ дѣломъ—118.000, печатнымъ дѣломъ—334.000, обработкой волокнистыхъ веществъ 1.462.000. Мебельщики, столяры и плотники почти не знаютъ конкурренціи иностранцевъ. Такимъ образомъ, 308.000 человѣкъ ничего не могутъ выиграть отъ возвращенія къ протекціонизму. Кирпичи и черепица не ввозятся въ Англію. Изъ 190 тысячъ человѣкъ отъ возвращенія къ протекціонизму могутъ выиграть развѣ 150 тысячъ (выдѣлка стекла и посуды). Значительная часть печатнаго дѣла не можетъ быть выполнена за границей (напр., газетный наборъ и печатанье). Такимъ образомъ, добрая половина всѣхъ печатниковъ, литографовъ, наборщиковъ и пр. ничего не можетъ выиграть отъ гибели свободной торговли. Англія фактически не имѣетъ конкуррентовъ въ дѣлѣ обработки

хлопка. Почти то же самое можно сказать объ изготовленіи лучшихъ сортовъ сукна, шевіота и «твида». Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что изъ 1.462.000, занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ, отъ возвращенія къ протекціонизму выиграютъ, самое большее, 747.000 чел. Остаются еще 1.396.000 работниковъ, хозяевъ и торговцевъ, занятыхъ изготовленіемъ и продажей платья, обуви и бѣлья; 1.301.000 работниковъ, заготовляющихъ напитки и съѣстные припасы; 79.090 работниковъ на газовыхъ заводахъ и у водопроводныхъ компаній, да 1.075.000 чернорабочихъ, торговцевъ съ лотковъ и пр. Эти врядъ ли могутъ выиграть что-нибудь отъ возвращенія къ протекціонизму. Такимъ образомъ, анализъ статистическихъ таблицъ показываетъ, что «тарифныя реформы» могутъ быть выгодны, самое большее, 4.737.000 изъ 18.260.000. Если мы примемъ въ расчетъ женщинъ и дѣтей, зависящихъ отъ «bread-gainers» или отъ тѣхъ, которые добываютъ средства къ существованію, то получимъ, что изъ всего населенія Соединеннаго Королевства протекціонизмъ будетъ выгоденъ 10.895.000 и убыточенъ—31.105.000. Другими словами, «тарифныя реформы» необходимы только для 25% всего населенія.

V.

Пять лѣтъ тому назадъ, когда вопросъ о возвращеніи къ протекціонизму былъ особенно рѣзко выдвинутъ талантливымъ общественнымъ дѣятелемъ, сошедшимъ теперь со сцены, сторонники тарифныхъ реформъ стали доказывать, что таможенныя пошлины необходимы для сплоченія метрополіи съ колоніями.

Другія государства,—утверждали протекціонисты,—составили заговоръ противъ Британской имперіи съ цѣлью разоренія ея. Пользуясь свободной торговлей, они присылаютъ въ Англію свои фабрикаты и продаютъ ихъ иногда даже въ убытокъ себѣ. (Это, такъ называемое, «dumping», о которомъ—дальше). Необходимо спасать отечественную промышленность. Необходимо спасать колоніи, иначе онѣ превратятся въ германскіе и американскіе рынки. «Старыя представленія о торговлѣ и свободномъ соперничествѣ измѣнились. Предъ нами—гигантскій заговоръ, поддерживаемый мощными трестами. Въ опасности даже такія отрасли промышленности, которыя еще недавно считались специфически англійскими... На имперію нападаютъ со всѣхъ сторонъ. Союзниковъ у насъ нѣтъ. Ими должны стать только дѣти Британской имперіи. Необходимо, поэтому, скрѣпить связи, соединяющія насъ съ колоніями. Сближеніе должно быть основано на чувствахъ симпатіи и на выгодѣ» [1]). Британская

*) Выдержка изъ рѣчи Чэмберлэна въ 1902 г. см. „Speakers' Handbook", изданный лигой тарифныхъ реформъ, p. 79.

имперія протекціонистамъ представляется въ такомъ видѣ. Колоніи присылаютъ метрополіи сырье: Австралія—шерсть и кожи, Канада—лѣсъ, Египетъ—хлопокъ и пр. Все это сырье перерабатывается на фабрикахъ Англіи и отправляется въ колоніи. Послѣднія являются также поставщиками предметовъ первой необходимости для метрополіи: Канада присылаетъ хлѣбъ и сыръ, Австралія—мясо, вино и фрукты, Цейлонъ—чай, Вэстъ-Индія—кофе и сахаръ и пр. Необходимо только ввести «научный тарифъ», который былъ бы выгоденъ и колоніямъ, и метрополіи, и тогда Британская имперія превратится въ самостоятельный экономическій міръ, совершенно независимый отъ иностранцевъ. Такъ утверждаютъ протекціонисты. Такой примѣрный «научный бюджетъ» намѣченъ былъ въ 1902 г. Основныя черты его слѣдующія. Пошлина въ два шиллинга на центнеръ иностраннаго (не колоніальнаго) хлѣба и муки; пошлина въ размѣрѣ 5% стоимости на привозное иностранное мясо и молочные продукты; налогъ въ размѣрѣ 10% стоимости на ввозимые иностранные фабрикаты. Колоніи, въ свою очередь, должны дать англійскимъ фабрикатамъ преимущество передъ иностранными, обложивъ послѣдніе запретительными тарифами. Въ «научномъ бюджетѣ» мы видимъ соединеніе трехъ различныхъ тенденцій: 1) желаніе дать преимущества колоніямъ; 2) стремленіе «наказать» боевыми пошлинами «иностранца» и 3) намѣреніе поощрить отечественную промышленность пошлиной на иностранные фабрикаты. Всѣ эти три тенденціи скомканы вмѣстѣ совершенно не научно. Анализъ фактовъ показываетъ намъ слѣдующее:

Четыре пятыхъ всѣхъ предметовъ первой необходимости и $^2/_3$ сырья, ввозимыхъ въ Англію, доставляются не колоніями, а другими государствами.

Англія ведетъ по преимуществу торговлю не съ колоніями, а съ другими государствами (80% импорта и 60% экспорта).

Колоніи не могутъ явиться рынкомъ для всѣхъ англійскихъ фабрикатовъ, такъ какъ берутъ только меньшую часть ихъ.

О томъ, какъ противорѣчивы промышленные интересы колоній и метрополіи доказываетъ, между прочимъ, отчетъ о «конференціи премьеровъ» въ Лондонѣ 1907 г. Въ прошломъ году во второй разъ собрались въ Лондонѣ представители колоній для обсужденія вопроса о таможенномъ союзѣ. Рѣчи премьеровъ доказываютъ, какъ противорѣчивы интересы не только колоній и метрополіи, но также и отдѣльныхъ колоній. Познакомимся съ этимъ отчетомъ. Премьеръ Австралійской республики Дикинъ указалъ, что конференція 1902 г. приняла резолюцію, заключавшую три пункта: 1) принципъ преимущественныхъ тарифовъ сблизитъ метрополію съ колоніями; 2) въ виду современнаго состоянія колоній признается нежелательнымъ цольферейнъ между Англіей и колоніями; 3) но, чтобы увеличить торговлю между метрополіей и колоніями, желательно было

бы уменьшеніе послѣдними пошлинъ по отношенію къ фабрикатамъ, привозимымъ изъ Англіи. Пунктъ этотъ означаетъ слѣдующее. Канада и остальныя самоуправляющіяся колоніи облагаютъ очень высокими пошлинами всѣ привозимые товары. Нѣкоторыя колоніи, однако, уменьшили эти пошлины для англійскихъ товаровъ; но все же пошлины на столько высоки, что фабрикаты, привозимые изъ Англіи, не могутъ конкурировать съ тѣми же фабрикатами, изготовленными въ колоніи. Канада, напр., охранена высокими таможенными цѣнами, съ одной стороны, отъ Соединенныхъ Штатовъ, съ другой—отъ Англіи. Теперь Канада сняла одинъ рядъ кирпичей со стѣны, отдѣляющей ее отъ Англіи. Стѣна, правда, ниже той, которая отдѣляетъ отъ Соединенныхъ Штатовъ, но настолько высока, что англійскіе фабрикаты не могутъ перебраться черезъ нее.

Въ своей рѣчи премьеръ Дикинъ сказалъ, что три пункта революціи 1902 г. остаются въ силѣ и теперь. Въ Австраліи есть свои фритрэдеры, которые выступили на выборахъ 1906 г., но были разбиты. Австралійскіе протекціонисты имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, развитіе мѣстной промышленности. По словамъ Дикина, колоніи очень желаютъ, чтобы метрополія ввела бы у себя таможенныя пошлины и дала бы преимущество товарамъ, привозимымъ изъ «британскихъ владѣній, лежащихъ за морями». Такія преимущественныя пошлины необходимы между прочимъ изъ политическихъ соображеній. Ввозъ фабрикатовъ въ британскія колоніи изъ другихъ государствъ увеличивается, тогда какъ ввозъ изъ Англіи—уменьшается. Великобританія теряетъ почву на австралійскомъ рынкѣ, — продолжаетъ Дикинъ. — Отчасти это объясняется консерватизмомъ англійскихъ методовъ; но въ явленіи играютъ роль и цѣны продуктовъ. Другія страны ввозили въ Австралію фабрикаты въ убытокъ себѣ (dumping). Такъ, напр., поступали сѣверо-американскіе заводчики сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Англія покупаетъ теперь на 213 милл. ф. стерл. товаровъ, которые всѣ могутъ быть доставлены Австраліей. Теперь же республика доставляетъ только на 10 милл. ф. ст. Если Англія введетъ у себя преимущественные тарифы, то Австралія можетъ обработать громадную площадь земли, нетронутую еще до сихъ поръ. Если же Англія останется фритрэдерской страной и дальше, если она не введетъ у себя преимущественныхъ тарифовъ, то, по словамъ Дикина, Австралія мало-по-малу перестанетъ быть рынкомъ для метрополіи. Въ особенности Австраліи желателенъ налогъ на иностранную пшеницу, привозимую въ Англію. Въ такомъ случаѣ Австралія могла бы увеличить свои посѣвы въ четыре раза. Земледѣліе дало бы занятіе еще 40 тысячамъ переселенцевъ. «Производительныя силы Австраліи въ послѣднее время сильно возросли,—продолжалъ премьеръ.—Земледѣліе ведется въ широкихъ размѣрахъ. Намъ необходимы рынки». Австралійскій

премьеръ, убѣждавшій Англію обложить себя налогами въ пользу развивающагося въ республикѣ земледѣлія,—въ то же время доказывалъ, что она не можетъ уменьшить пошлинъ на англійскіе фабрикаты. Дѣло въ томъ, что австралійская промышленность развивается и ее необходимо охранять.

Премьеръ Новой Зеландіи, въ свою очередь, убѣдительно проситъ метрополію, чтобы она ввела у себя налогъ на продукты первой необходимости ради «сближенія» Англіи съ колоніей. Новая Зеландія не вывозитъ пшеницу, поэтому налогъ на этотъ продуктъ не удовлетворитъ колонію. Она отправляетъ къ берегамъ Англіи громадные корабли, нагруженные мороженой бараниной. Но такой же товаръ экспортируетъ теперь Аргентина, которой въ Южной Америкѣ предстоитъ такая же роль, какъ Соединеннымъ Штатамъ—въ Сѣверной Америкѣ. И вотъ Новая Зеландія желала бы видѣть въ Англіи налогъ на мясо. Пусть онъ касается только продукта, привозимаго изъ Аргентины. По мнѣнію премьера Уорда, такой налогъ «не особенно повыситъ цѣны на продуктъ въ Англіи». Сближеніе Новой Зеландіи съ метрополіей необходимо, такъ какъ иностранные конкурренты вытѣсняютъ Англію въ Новой Зеландіи. Кромѣ налога на мясо, желательны были бы также налоги на молочные продукты, привозимые изъ Америки, Даніи и Россіи. Это дало бы Новой Зеландіи возможность развить новую отрасль вывозной торговли. Но колонія не желаетъ впускать безпошлинно фабрикаты метрополіи. Промышленность Новой Зеландіи развивается. Несмотря на свой имперіализмъ, колонія не желаетъ подвергать опасности свои фабрики и заводы. Премьеръ Уордъ закончилъ свою рѣчь пышнымъ фейерверкомъ. Будетъ время,—сказалъ Уордъ,—когда преимущественные тарифы сплотятъ имперію въ громадный промышленный союзъ, который станетъ диктовать всему міру свои условія.

Въ моментъ конференціи во главѣ Капской колоніи находился еще докторъ Джемсонъ, выдвинутый той партіей «патріотовъ», которая захватила верхъ во время англо-бурской войны. Теперь въ Южной Африкѣ установились нормальныя условія, и первымъ послѣдствіемъ ихъ явился полный разгромъ партіи Джемсона. Но въ 1907 г. премьеромъ Капской колоніи былъ еще Джемсонъ. Онъ горячо отстаивалъ протекціонизмъ, который долженъ сплотить имперію въ одинъ громадный союзъ. «Я присоединяюсь къ каждому слову Дикина, — сказалъ премьеръ Джемсонъ, — и чувствую, что моя рѣчь ослабила бы только впечатлѣніе, произведенное австралійскимъ премьеромъ. Необходимо возможно скорѣе сдѣлать опытъ, т. е. нужно поспѣшить съ введеніемъ преимущественныхъ тарифовъ». Докторъ Джемсонъ, кромѣ пошлины на хлѣбъ, мясо и молочные продукты, рекомендовалъ еще пошлины на табакъ и вино, чтобы, такимъ образомъ, дать преимущество южно-африканскимъ табаководамъ и винодѣламъ.

Наталь почти ничего не вывозитъ въ Англію, поэтому премьеръ этой колоніи не потребовалъ новыхъ налоговъ. Онъ просто присоединился къ заявленію другихъ премьеровъ. Но, хотя Наталь не имѣетъ еще большихъ фабрикъ, онъ не думаетъ, однако, уменьшить пошлины на англійскіе фабрикаты, такъ какъ таможенные доходы необходимы колоніи.

Канада высказалась еще раньше. Она желаетъ, главнымъ образомъ, чтобъ метрополія ввела пошлину на иностранный хлѣбъ и обѣщаетъ доставлять всю пшеницу, необходимую Англіи. Что касается тарифовъ на ввозимые въ Канаду фабрикаты, то они очень высоки. Американская колонія соглашается нѣсколько понизить тарифы на фабрикаты изъ Англіи, но не настолько, чтобы послѣдніе подвергали опасности канадскія фабрики.

Диссонансомъ явились слова представителя Индіи. Онъ сказалъ, что совершенно не можетъ присоединиться къ заявленію премьеровъ самоуправляющихся колоній. Индіи необходима свободная торговля, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ принята тамъ золотая валюта. Внѣшняя торговля колоніи стремительно растетъ. За десять лѣтъ она увеличилась на 66%. (Въ 1896—1897 гг.—132 милл. ф. ст., а въ 1905—6 гг.—214 милл. ф. ст.). Ввозъ увеличился на 47%, а вывозъ на 60%. Нѣкоторыя протекціонныя страны являются лучшими покупателями Индіи. Если рынки этихъ странъ закроются, то Индія не сможетъ сбыть своеобразные фабрикаты, изготовляемые ею. Одна Англія не можетъ явиться такимъ рынкомъ. Вотъ почему переходъ отъ фритрэдерства къ протекціонизму не выгоденъ Индіи. Покупательная способность ея на британскихъ рынкахъ въ значительной степени зависитъ отъ торговли съ другими странами. Доказательствомъ являются цифры, выражающія импортъ и экспортъ. Британская имперія продаетъ Индіи товаровъ на 50 милл. ф. ст. и покупаетъ у нея на $39^1/_2$ милл. ф. ст., тогда какъ другія государства продаютъ Индіи фабрикатовъ на 18 милл. ф. ст., а покупаютъ на 66 милл. ф. ст. Измѣненіе въ системѣ торговли, т. е. переходъ отъ фритрэдерства къ протекціонизму можетъ гибельно отозваться на финансахъ Индіи. Она не можетъ также ввести систему преимущественныхъ тарифовъ. Анализъ экспортной торговли Индіи,—продолжаетъ представитель ея на конференціи,—показываетъ, что колонія рѣшительно ничего не можетъ выиграть отъ введенія въ Англіи высокихъ пошлинъ на товары, ввозимые изъ другихъ странъ.

VI.

Скажу нѣсколько словъ о «dumping», обличеніе котораго играетъ видную роль въ агитаціи протекціонистовъ. Вождь ихъ такъ опредѣляетъ, что такое «dumping». «Это—сбытъ излишка своего производства на иностранномъ рынкѣ безъ отношенія къ тому, сколько фабрикатъ стоитъ самому себѣ. «Dumping» (буквально,—сваливаливаніе гдѣ-нибудь груза съ воза) наблюдается тамъ, гдѣ въ странѣ есть перепроизводство. Не имѣя возможности, вслѣдствіе отсутствія спроса, сбыть фабрикаты на внутреннемъ рынкѣ,—заводчикъ «сваливаетъ» ихъ съ воза (dumps) гдѣ нибудь заграницей. При современномъ положеніи дѣлъ,—продолжаетъ вождь протекціонистовъ,—Соединенное Королевство является единственной страной, гдѣ «сваливаніе» можетъ производиться успѣшно, такъ какъ только въ англійскихъ гаваняхъ не накладывается пошлинъ на привозимые товары. Всѣ другія великія государства охраняютъ себя противъ «dumping» накладываніемъ высокихъ пошлинъ на «сваливаемые» фабрикаты. Особенность «dumping» заключается въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ честнымъ соперничествомъ. «Сваливаются» излишніе фабрикаты, которые сбываются по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ стоили заводчику. И точно такъ же, какъ распродажа громаднаго запаса товаровъ, устраиваемая однимъ изъ современныхъ гигантскихъ универсальныхъ магазиновъ, разоряетъ всѣ сосѣднія меньшія лавки,—«dumping» можетъ погубить промышленность извѣстной страны» *). Англійскіе заводчики жалуются на то, что нѣмцы «сваливаютъ» свой чугунъ, сталь и даже машины. Фермеры обвиняютъ американцевъ въ томъ, что тѣ при помощи «dumping» погубили англійское земледѣліе. Дѣйствительно, бывали случаи, когда фабриканты, желая добыть монополію на извѣстномъ рынкѣ, заваливали его своими фабрикатами, пущенными по необыкновенно низкой цѣнѣ. Это заставляетъ другихъ конкуррентовъ или вступить въ комбинацію, или очистить почву. Такой пріемъ считается фабрикантами вполнѣ допустимымъ, если дѣло идетъ о борьбѣ со своими соотечественниками. Жалобы на «dumping» являются только при вмѣшательствѣ иностраннаго конкуррента. Главнымъ образомъ, англійскіе фабриканты и заводчики обвиняютъ въ dumping германскихъ конкурентовъ. Система протекціонизма породила въ Германіи многочисленныя картели (тресты), создавшія монополію въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности и поднявшія значительно цѣны. Вслѣдствіе перепроизводства, картели вынуждены вывозить свои фабрикаты заграницу и сбывать ихъ по какой бы то ни было цѣнѣ, лишь бы поддержать цѣны на внутреннемъ рынкѣ. Вождь протек-

*) Speakers Handbook, p. 101.

ціонистовъ въ упомянутомъ выше описаніи «dumping» дѣлаетъ двѣ ошибки. Первая заключается въ утвержденіи, что только въ Англіи иностранные заводчики «сваливаютъ» свои фабрикаты. Германскіе товары, въ дѣйствительности, «сваливаются» не только въ странахъ со свободною торговлей, какъ Англія или Голландія; не только въ странахъ, гдѣ ввозныя пошлины не высоки, какъ Бельгія, но даже въ государствахъ, охраняемыхъ высокими тарифами, какъ Австрія, Швейцарія и Соединенные Штаты. Не вѣрно такъ же, что всѣ страны, замѣтивъ «dumping», накладываютъ на фабрикаты подобнаго рода запретительныя пошлины. Нельзя назвать ни одной страны, которая накладывала бы спеціальныя пошлины на «сваливаемые» германскіе фабрикаты. Германія вывозитъ иногда во время перепроизводства сталь и чугунъ и продаетъ ихъ по крайне низкимъ цѣнамъ. Эти «сваливаемые» фабрикаты находятъ доступъ въ Голландію, Бельгію, Швейцарію и Австрію. Съ 1900 г. Соединенные Штаты покупаютъ охотно сталь и чугунъ, которые Германія вынуждена сбывать по низкимъ цѣнамъ. Трудно понять, какимъ образомъ «dumping» можетъ разорить страну, куда фабрикаты привозятся. Потребители имѣютъ возможность обмѣнять результаты своего труда на возможно большее количество фабрикатовъ. «Желѣзо или сталь, «сваливаемыя» въ Англіи германскими фабрикантами,—говоритъ Кобденовскій клубъ,—пріобрѣтаются не хозяйками для домашняго потребленія, а заводчиками, которые изготовляютъ машины, инструменты и пр. Этотъ фактъ показываетъ, что жалобы протекціонистовъ на «dumping» не выдерживаютъ никакой критики. Дешевый чугунъ для заводчика является тѣмъ же, что дешевый хлопокъ для манчестерскаго фабриканта. И если не можетъ быть и рѣчи объ обложеніи пошлиной сырого хлопка, который будетъ обработанъ на муль-машинѣ, то невозможно такъ же облагать пошлиной «сваливаемый» чугунъ, который будетъ переработанъ на литейномъ заводѣ въ машину. Если несчастный германскій заводчикъ вынужденъ сбыть заграницей за какую нибудь цѣну чугунъ, то нельзя запретить, скажемъ, шеффильдскому заводчику сдѣлать выгодную покупку. Сущность сдѣлки заключается въ томъ, что германскій заводчикъ взялъ на себя трудъ купить каменный уголь, руду и известнякъ, расплавилъ руду, добылъ полезный металлъ, который продалъ за цѣну ниже своей собственной шеффильдскому заводчику. Послѣдній пріобрѣтаетъ этотъ металлъ и употребляетъ его, какъ матеріалъ на постройку корабля, машины или парового котла, которые продаетъ потомъ съ выгодой для себя другому государству, быть можетъ, *самой Германіи.*

И если кто-нибудь имѣетъ законное основаніе жаловаться во всей этой сдѣлкѣ,—продолжаетъ Кобденовскій клубъ,—то не страна, извлекающая выгоду изъ дешеваго германскаго чугуна, а германскій кораблестроитель, инженеръ или заводчикъ паровыхъ котловъ. При системѣ покровительственныхъ тарифовъ эти вынуждены пал-

тить за сырой матеріалъ дороже, чѣмъ заграничные конкурренты. Вотъ любопытныя выдержки изъ отчета, посланнаго 20 іюня 1903 г. американскимъ консуломъ въ Франкфуртѣ. «Нѣмецкія газеты сообщаютъ, что англійская фирма получила съ торговъ заказъ отъ муниципалитета Копенгагена на громадный газометръ. Фирма взялась выполнить заказъ за 51,185 долларовъ, тогда какъ германская фирма просила 54,742 доллара. Любопытно то, что англійская фирма желаетъ примѣнить германскій матеріалъ, переработанный въ Англіи. Германскія газеты доказываютъ, что нѣмецкіе заводчики не могутъ имѣть германское желѣзо по такой низкой цѣнѣ, по которой пріобрѣтаютъ его «англійскіе заводчики» *). Еще болѣе поразительные факты находимъ мы въ оффиціальномъ отчетѣ о германскихъ картеляхъ. Изъ него видно, что «dumping» не есть результатъ правильно задуманной промышленной кампаніи, съ цѣлью завоеванія иностраннаго рынка; но скорѣе политика отчаянія, послѣднее средство близкаго къ бакротству заводчика. «Dumping»—*временное* героическое средство. Когда наступаютъ плохія времена, владѣльцы чугунно-плавильныхъ заводовъ, чтобы удержать высокія цѣны на внутреннемъ рынкѣ, стремятся сбыть себѣ въ убытокъ излишній фабрикатъ въ Англію, Голландію или въ Бельгію. На внутреннемъ рынкѣ цѣны контролируются картелями; заводчикъ не имѣетъ права понизить цѣны; но за предѣлами страны тресты не могутъ уже ничего сдѣлать. «Въ силу элементарныхъ законовъ рынка ни одна страна не можетъ продавать свои фабрикаты ниже опредѣленной нормы. И если Германія «сваливала» иногда свой чугунъ, сталь или машины заграницей, то продажа была вынужденная вслѣдствіе промышленнаго кризиса» *).

VII.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что во 1., протекціонизмъ былъ бы выгоденъ колоніямъ, стремящимся стать крупными промышленными центрами; во 2., протекціонизмъ необходимъ только одной части населенія метрополіи и совершенно не выгоденъ остальной; въ 3., въ силу разныхъ обстоятельствъ, фритрэдеры, тѣмъ не менѣе, теряютъ почву подъ ногами и массы, отъ которыхъ зависитъ исходъ выборовъ, очень возможно, въ ближайшемъ будущемъ поставятъ у власти протекціонное министерство.

Каковы будутъ послѣдствія для Англіи? Прогнозъ—крайне рискованное дѣло, а въ особенности, въ области политической экономіи. Онъ отличается отъ простого знахарства тѣмъ, что по-

*) Facts versus Fiction. The Cobden Club's Reply. London, 1904. p. p. 94—95.

**) Statist, April 9, 1904.

слѣднее—«не научно», поэтому иногда оправдывается, а иногда нѣтъ. «Научный» же прогнозъ, оправдывается, но, къ сожалѣнію, нерѣдко *наоборотъ*. И, такъ, я не рѣшусь дѣлать никакихъ прогнозовъ, а постараюсь лишь выяснить развитіе факторовъ, дѣйствующихъ уже и теперь. Англія не можетъ стать обособленнымъ промышленнымъ міромъ, потому что колоніи не въ состояніи забрать всѣхъ ея фабрикатовъ, а метрополія всего сырья, доставляемаго колоніями. Анализъ движенія британской торговли покажетъ это намъ сразу. Импортъ и экспортъ Англіи въ 1907 г. опредѣлялся гигантской цифрой въ 1.164.000.000 ф. ст. Изъ нихъ торговля съ другими странами опредѣляется суммой въ 860 милл. (74%), а съ колоніями—въ 304 милл. ф. ст. (26%). Преимущественные тарифы превратятся просто въ протекціонизмъ, т. е. главнымъ образомъ, въ налоги на хлѣбъ и на другіе предметы первой необходимости. Протекціонизмъ вызоветъ, несомнѣнно, осложненія съ другими государствами. Возьмемъ, напримѣръ, Германію. Теперь Англія является для нея хорошимъ рынкомъ (Германія отправляетъ ежегодно въ Англію фабрикатовъ на 600 мил. марокъ). Предположимъ теперь, что англійскій рынокъ будетъ закрытъ. Такъ какъ промышленность Германіи растетъ, то страна эта еще усиленнѣе примется искать обезпеченные рынки, т. е. колоніи. Нынѣшнія германскія колоніи: восточно-африканская, Дамараландъ, Камерунъ и Того приносятъ метрополіи только одно огорченіе. Въ страну, лежащую подъ экваторомъ; въ страну, населеніе которой еще не признаетъ (и долго не будетъ признавать) употребленія штановъ,—нельзя вывозить аахенскихъ суконъ. Поэтому въ Германіи существуетъ теперь цѣлая школа, доказывающая, что великое государство не можетъ дозволить маленькой, нейтральной странѣ владѣть устьемъ единственной судоходной рѣки, прорѣзывающей большое государство. Дѣло идетъ, конечно, о Голландіи, которую упомянутая школа желала бы видѣть частью Германскаго союза. Важно не то, что Голландія лежитъ у устьевъ Рейна, а то, что у нея есть богатѣйшія колоніи. Закрытіе англійскаго рынка, конечно, заставитъ Германію усиленнѣе стремиться къ пріобщенію Голландіи къ имперскому союзу. Со стороны маленькаго государства не можетъ быть сопротивленія. Въ Голландіи понимаютъ, что выгоднѣе присоединиться къ союзу, чѣмъ быть завоеванной силой оружія. Но Голландскія колоніи не только богаты; онѣ занимаютъ также совершенно исключительное положеніе у главныхъ воротъ въ Великій океанъ. Ворота кругомъ Австраліи находятся въ рукахъ Англіи, такъ какъ идутъ мимо Тасманіи и Новой Зеландіи. Ворота въ Великій океанъ кругомъ мыса Горна очень неудобны вслѣдствіе бурь и тумановъ. Ворота въ Великій океанъ черезъ Панамскій перешеекъ, если каналъ удастся прорыть, будутъ всецѣло находиться въ рукахъ Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, главными воротами въ Великій океанъ является

Малаккскій проливъ (Торресовъ проливъ—очень опасенъ). Контролировать его станетъ та страна, которой будутъ принадлежать Суматра и Ява. Теперь Зондскіе острова принадлежатъ слабому, нейтральному государству. Предположимъ, что на нихъ утвердится Германія. Тогда она станетъ владычицей главныхъ воротъ въ Великій океанъ, возлѣ которыхъ лежатъ величайшіе и богатѣйшіе въ мірѣ рынки. Честолюбивое военное и промышленное государство, утвердившись на Зондскихъ островахъ, является великой опасностью для Индіи и для Австраліи. Англія, поэтому, скорѣе рискнетъ своимъ существованіемъ, чѣмъ допуститъ пріобщеніе Голландіи къ Германскому союзу. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ та лихорадочная постройка громаднаго флота, которая происходитъ теперь въ Германіи. Такимъ образомъ, закрытіе англійскихъ рынковъ можетъ ускорить приближеніе ужаснаго «армагеддона», т. е. гигантскаго столкновенія народовъ, предсказываемаго уже давно.

Протекціонизмъ не можетъ «доставить работу всѣмъ», какъ обѣщаютъ теперь консерваторы. Безработныхъ много и въ Германіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ. Возвращеніе къ протекціонизму принесетъ съ собою страшное разочарованіе для массъ. Стоимость предметовъ первой необходимости сильно вздорожаетъ, а число безработныхъ, во всякомъ случаѣ, не уменьшится. До послѣдняго времени у англійскихъ работниковъ въ трудные годы всегда былъ путь отступленія — эмиграція. Англичанину переселиться въ Канаду или въ Соединенные Штаты гораздо легче, чѣмъ нѣмцу или итальянцу. Послѣдніе ѣдутъ въ страну съ чужимъ языкомъ, тогда какъ англичанинъ отправляется въ нѣкоторомъ родѣ къ себѣ домой. Теперь Соединенные Штаты вообще неохотно встрѣчаютъ переселенцевъ. Канада до самаго послѣдняго времени охотно приглашала эмигрантовъ, обѣщая имъ всякія льготы. Армія Спасенія въ одинъ годъ вывезла туда 40 тысячъ переселенцевъ. Но въ послѣднее время Канада внезапно открыла, что рабочій рынокъ ея переполненъ. Правда, колонія имѣетъ много свободныхъ земель, но главная волна переселенцевъ направлялась въ города, гдѣ есть фабрики. И здѣсь получилось переполненіе. И вотъ, 15 апрѣля 1908 г. канадское правительство издало законъ, которымъ фактически закрывается доступъ въ колонію для значительнаго числа эмигрантовъ. Прежде агентамъ канадскаго правительства въ Англіи предписывалось всѣми силами вербовать переселенцевъ. Теперь агенты получили приказъ остановить свою дѣятельность. Чтобы дать читателямъ представленіе о томъ, какое значеніе имѣетъ для Англіи послѣдній законъ, изданный канадскимъ правительствомъ, я приведу нѣсколько цыфръ, показывающихъ движеніе населенія.

Переселились изъ Англіи въ Канаду:

въ 1903	г. . .	59652
» 1904	» . .	69681
» 1905	» . .	82431
» 1906	» . .	114859
» 1907	» . .	151166 *)

Другими словами, за послѣднія пять лѣтъ число переселенцевъ изъ Англіи въ Канаду утроилось. Изъ Ирландіи и Шотландіи переселенческая волна тоже направляется теперь, главнымъ образомъ, въ Канаду. Теперь колонія стремится остановить волну, и это тогда, когда, вслѣдствіе возвращенія къ протекціонизму, желающихъ эмигрировать явится особенно много. Такимъ образомъ, англійскія массы очутятся въ такомъ положеніи, что имъ придется искать выходъ *въ самой Англіи*. Мы видимъ, что возвращеніе къ протекціонизму можетъ принести съ собою осложненія во внѣшней политикѣ и острое броженіе въ самой странѣ.

Діонео.

Наброски современности.

XIII.

Подъ покровомъ „конституціи".

Мѣсяца полтора тому назадъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ появилась любопытная телеграмма изъ Саратова. «Докладъ члена Государственной Думы Масленникова, состоявшійся 27 апрѣля при полной аудиторіи,—гласила эта телеграмма, — имѣлъ большой успѣхъ. Тема доклада: Дума, неспособная къ широкимъ реформамъ, укрѣпляетъ принципъ народнаго представительства» **).

Прочитавъ эту телеграмму, въ первую минуту легко было принять ее за простую шутку не въ мѣру развеселившагося телэграфа. Но прошло нѣсколько дней, и въ той самой газетѣ, въ которой была напечатана телеграмма о докладѣ г. Масленникова, появилась спеціальная корреспонденція по поводу того же доклада, вполнѣ подтверждавшая телеграфное сообщеніе. Какъ разсказывается въ этой корреспонденціи, г. Масленниковъ, представитель г. Саратова въ третьей Думѣ и членъ к.-д. партіи, съ разрѣшенія

---

*) *Harold Spender*, The Closing of Canada.

**) „Рѣчь", 29 апр. 1908 г.

администраціи читалъ въ Саратовѣ докладъ, въ которомъ «задался цѣлью разсмотрѣть съ возможной объективностью дѣятельность третьей Государственной Думы». Это объективное разсмотрѣніе заставило г. Масленникова, по словамъ корреспондента, различать въ дѣятельности третьей Думы двѣ стороны. «Съ одной стороны, Дума оказалась неспособной къ широкимъ политическимъ и соціальнымъ реформамъ. Центръ ея не имѣетъ общихъ взглядовъ на этотъ счетъ, будучи объединенъ только общимъ испугомъ передъ революціей. По нѣкоторымъ вопросамъ (какъ, напримѣръ, о неприкосновенности личности) онъ идетъ даже правѣе правительства. Будучи полонъ недовѣрія къ народу вообще и къ отдѣльнымъ народностямъ въ особенности, думскій центръ стремится заполнить свою дѣятельность шовинизмомъ и имперіализмомъ». Но это лишь одна сторона дѣла. «Если Дума оказывается неспособной къ широкимъ реформамъ, то, съ другой стороны, нельзя не отдать ей должнаго въ желаніи отстоять свои права и вообще укрѣпить народное представительство. Цѣлый рядъ резолюцій (отвѣтный адресъ, вопросъ о самодержавіи, бюджетный проектъ к.-д., „конституціонный рубль", исторія съ „обмолвкой" г. Коковцова) невольно сближаетъ центръ съ оппозиціей и ведетъ къ торжеству идеи конституціи. Причина, почему это такъ случилось съ Думой 3 іюня, кроется въ неизбѣжномъ подчиненіи Думы всякаго состава могучему вліянію настойчивыхъ требованій русской жизни». Исходя изъ этихъ положеній, г. Масленниковъ «въ заключеніе призывалъ слушателей вѣрить въ лучшее будущее народнаго представительства, которое дастъ Государственную Думу, способную осуществить великія реформы» *).

Повидимому, тѣхъ саратовцевъ, которые слушали докладъ г. Масленникова, его разсужденія убѣдили и удовлетворили. По крайней мѣрѣ, по разсказу корреспондента, — «аудиторія встрѣтила и проводила докладчика шумными овраціями». Со стороны, правда, эти овраціи могутъ показаться нѣсколько странными. Можно, конечно, «вѣрить въ лучшее будущее народнаго представительства» въ Россіи, но обосновывать эту вѣру такими комическими аргументами, какъ пресловутый «конституціонный рубль» третьей Думы или нежеланіе ея октябристскихъ депутатовъ самимъ выговорить слово «самодержавіе», которому они рукоплещутъ въ рѣчахъ г. Столыпина, какъ будто и неловко, до такой степени неловко, что вѣру, обоснованную такимъ образомъ, пожалуй, трудно было бы назвать иначе, какъ наивной. Не менѣе страннымъ представляется со стороны и основное утвержденіе г. Масленникова, утвержденіе, согласно которому Дума, неспособная къ широкимъ реформамъ, можетъ укрѣплять принципъ народнаго представительства и даже вести къ торжеству идеи конституціи. Идя тѣмъ же самымъ логическимъ пу-

*) „Рѣчь", 2 мая 1908 г.

темъ, можно, пожалуй, съ одинаковымъ основаніемъ утверждать, что судъ, далекій отъ всѣхъ формъ и гарантій правильнаго судопроизводства и неспособный сколько-нибудь серьезно разрѣшать дѣла, ведетъ къ торжеству идеи правосудія, или что мѣстное самоуправленіе, всецѣло отданное подъ опеку бюрократіи и по самому строю своему неспособное сколько-нибудь удовлетворить настоятельныя нужды населенія, укрѣпляетъ принципъ самоуправленія. Вообще, если отвлечься отъ существа предметовъ и остаться при однихъ словахъ, не особенно заботясь притомъ о строгомъ соотвѣтствіи ихъ тѣмъ понятіямъ, которыя ими обозначаются, можно выставить цѣлый рядъ утвержденій, открывающихъ не менѣе радужныя перспективы на счетъ укрѣпленія въ жизни разныхъ хорошихъ «принциповъ». Жаль только, что всѣ эти утвержденія явятся ничѣмъ инымъ, какъ весьма наивными парадоксами.

Но при всей своей наивности такіе парадоксы не представляютъ какой-либо новости въ нашей общественной жизни. Наоборотъ, они давно знакомы ей и не разъ уже повторялись въ нашемъ прошломъ. Было время, когда у насъ появился новый судъ, который въ первую минуту попытались было сдѣлать судомъ гласнымъ и независимымъ, но затѣмъ быстро и съ все возраставшей энергіей стали передѣлывать въ судъ, лишь на-половину гласный и безусловно зависимый. Было время, когда появились у насъ новые органы мѣстнаго самоуправленія, которые были однако отданы въ руки господствующихъ общественныхъ классовъ и которымъ уже очень скоро, въ качествѣ единственно подходящаго для нихъ дѣла, было предоставлено «лудить умывальники». И тогда осторожные и вмѣстѣ съ тѣмъ преисполненные оптимизма люди убѣждали русское общество беречь «молодые, неокрѣпшіе институты», не увлекаться ихъ критикой и надѣяться, что они понемногу укрѣпятъ въ жизни хорошіе принципы. Парадоксы оказались парадоксами, но породившая ихъ психологія наивной умѣренности и аккуратности не исчезла и дожила до нашего времени. Событія послѣднихъ лѣтъ поколебали было эту психологію, но затѣмъ она вновь возродилась, а обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе третьей Думы, вызвали въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества особенную симпатію къ умѣренности и аккуратности. И теперь насъ съ страстнымъ энтузіазмомъ призываютъ «беречь» Думу 3 іюня и терпѣливо ждать, что она укрѣпитъ въ Россіи «принципъ народнаго представительства».

Такого рода призывами по нынѣшнимъ временамъ занимается не одинъ г. Масленниковъ, и не только среди саратовскихъ обывателей находятся люди, съ наивнымъ довѣріемъ прислушивающіеся къ этимъ призывамъ. Съ разныхъ сторонъ русскому обществу преподаются наставленія о необходимости умѣренности и аккуратности и о возможности при помощи ихъ добиться небольшихъ, но вѣрныхъ результатовъ. Кн. Евг. Трубецкой, не такъ давно со-

всѣмъ было отчаявшійся въ будущемъ Россіи, въ послѣднее время снова воспрянулъ духомъ и ждетъ, что октябристы въ третьей Думѣ понемногу сами станутъ конституціоналистами, а затѣмъ понемногу привьютъ конституціонализмъ и бюрократіи. Въ свою очередь конституціонно-демократическая «Рѣчь» то и дѣло обращаетъ вниманіе своихъ читателей на выгоды, получающіяся отъ третьей Думы въ смыслѣ укрѣпленія послѣднею «принципа народнаго представительства» и «идеи конституціи», и съ необыкновенно серьезнымъ видомъ отмѣчаетъ различные «прецеденты» дѣйствующей у насъ «конституціонной» практики. Недавно, напримѣръ, названная газета, говоря о разныхъ пожеланіяхъ, высказанныхъ Думою при обсужденіи бюджета, очень сердито возражала тѣмъ критикамъ, которые, не видя въ этихъ пожеланіяхъ большого значенія, вмѣстѣ съ тѣмъ указывали, что Государственный Совѣтъ рѣшилъ вовсе не разсматривать ихъ. «Дѣйствуя такимъ образомъ,—утверждала газета — нашъ Государственный Совѣтъ лишь создаетъ важный для русскаго конституціоннаго права прецедентъ». Самыя же пожеланія Думы имѣютъ, въ глазахъ «Рѣчи», весьма важное значеніе. «Здѣсь,—говоритъ она—въ этихъ „пожеланіяхъ", на первый взглядъ столь невзрачныхъ и непонятныхъ для широкой публики, мы въ сущности имѣемъ дѣло съ зерномъ, изъ котораго должно вырости фактическое главенство народнаго представительства надъ представителями исполнительной власти» *).

Для людей, прежде всего и больше всего ищущихъ утѣшенія и надежды, подобныя увѣренія звучатъ, пожалуй, довольно заманчиво. Бѣда лишь въ томъ, что они остаются ничѣмъ не подтвержденными. И даже больше того,—стоитъ лишь начать искать для нихъ подтвержденія, какъ немедленно съ полною очевидностью обнаруживается ихъ эфемерность. Въ самомъ дѣлѣ, легко сказать, что въ пожеланіяхъ, высказываемыхъ третьей Думою при обсужденіи бюджета, кроется зерно будущаго «фактическаго главенства народнаго представительства» надъ министерствомъ. Но какъ доказать справедливость этого утѣшительнаго завѣренія, когда достовѣрно извѣстно, что на дѣлѣ министры не обращаютъ никакого вниманія на «пожеланія» Думы и, наоборотъ, сама Дума, въ лицѣ своего большинства, является покорнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ? Стоитъ лишь вспомнить объ этомъ фактѣ, чтобы сами собой исчезли всякія надежды на урожай отъ того «зерна», которое такъ восхищаетъ к.-д. газету. Легко также сказать, что третья Дума, будучи неспособной къ широкимъ политическимъ и соціальнымъ реформамъ, тѣмъ не менѣе укрѣпляетъ принципъ народнаго представительства,—легко, если не вдумываться въ смыслъ произносимыхъ словъ. Но если хоть нѣсколько вдуматься въ этотъ смыслъ, то неизбѣжно придется поставить вопросъ, въ ка-

*) «Рѣчь», 16 апрѣля 1908 г.

кихъ именно сферахъ производится такое укрѣпленіе, а дать отвѣтъ на подобный вопросъ будетъ, пожалуй, дѣломъ весьма затруднительнымъ. Быть можетъ, авторы приведеннаго утвержденія и ихъ единомышленники имѣютъ въ виду укрѣпленіе «принципа народнаго представительства» и «идеи конституціи» въ массахъ населенія? Но едва-ли нужно доказывать, что представительное учрежденіе, неспособное ничего дать этимъ массамъ и направляющее свою дѣятельность въ разрѣзъ съ ними, не можетъ много способствовать укрѣпленію въ ихъ средѣ принципа представительства. Быть можетъ, рѣчь идетъ объ укрѣпленіи третьей Думой «идеи конституціи» въ правительственныхъ сферахъ? Но вѣдь правительство нисколько не скрываетъ, что оно вовсе не разсматриваетъ третью Думу, какъ конституціонное учрежденіе. Настолько не скрываетъ, что проявляетъ свой взглядъ не только въ дѣйствіяхъ—изданіи законовъ и производствѣ расходовъ безъ санкціи Думы, но и въ словахъ. Достаточно напомнить, что, когда предсѣдатель Думы, г. Хомяковъ, вздумалъ было назвать «неудачной» фразу министра финансовъ, г. Коковцова: «слава Богу, у насъ нѣтъ парламента», то ему было предъявлено требованіе извиниться передъ министромъ и онъ, въ концѣ концовъ, счелъ нужнымъ исполнить это требованіе. Такимъ образомъ, если отъ словъ обратиться къ фактамъ, то довольно трудно найти ту сферу, въ которой происходитъ столь торжественно возвѣщаемое укрѣпленіе «идеи конституціи».

Иногда, впрочемъ, такую сферу находятъ въ самой Думѣ, точнѣе говоря, въ ея октябристскомъ большинствѣ. За послѣднее время въ нашей газетной прессѣ неоднократно дѣлались указанія на происходящее будто бы полѣвѣніе думскихъ октябристовъ, которые, оправившись отъ испуга, внушеннаго имъ революціей, якобы начинаютъ проявлять большую приверженность къ конституціонализму. Но и къ такимъ указаніямъ приходится относиться въ высшей степени скептически. Если бы даже подобное явленіе наблюдалось въ дѣйствительности, ему врядъ ли было бы возможно придавать сколько-нибудь серьезную цѣну. Не октябристамъ въ самомъ дѣлѣ и не стоящимъ за ними общественнымъ слоямъ разрѣшить тяжелый споръ, идущій въ Россіи между властью и населеніемъ, между старымъ порядкомъ и новыми идеями. Въ дѣйствительности же и самаго явленія, о которомъ говорятъ газеты, вовсе не существуетъ и мы опять-таки имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ надеждами и чаяніями умѣренныхъ и аккуратныхъ людей, надеждами и чаяніями, произвольно обращаемыми въ факты. Въ дѣйствительности октябристы за все время существованія третьей Думы оказались вѣрны своей природѣ. Они не прочь при случаѣ стать въ красивую позу «народныхъ представителей» и завернуться въ тогу конституціонализма,—когда это ни къ чему не обязываетъ и ни къ чему не ведетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они

ни на минуту не забываютъ, что главное ихъ назначеніе—угождать начальству, и соотвѣтственно этому обнаруживаютъ полную готовность измѣнить позу и скинуть тогу, какъ только этого пожелаетъ начальство. Они могутъ поговорить о конституціи, предпочитая, впрочемъ, замѣнять этотъ терминъ какимъ-нибудь другимъ, вродѣ «обновленнаго строя», и одновременно устраиваютъ овація министру, говорящему имъ о существованіи самодержавія. Они готовы позабавиться такими невинными игрушками, какъ «конституціонный рубль», исключаемый изъ смѣты министерства путей сообщенія, въ полномъ сознаніи безнаказанности подобныхъ забавъ, но одновременно закрываютъ глаза на беззаконные расходы въ десятки милліоновъ рублей, произведенные безъ согласія Думы, и безпрекословно даютъ свое согласіе на сотни милліоновъ рублей, требуемыхъ отъ нихъ для Амурской дороги. И, въ связи съ такимъ поведеніемъ думскаго большинства, вся дѣятельность третьей Думы давно уже пріобрѣла и неизмѣнно сохраняетъ вполнѣ опредѣленный характеръ, имѣющій весьма мало общаго съ «укрѣпленіемъ идеи конституціи».

Какъ нельзя яснѣе этотъ характеръ дѣятельности третьей Думы выступилъ въ тѣхъ преніяхъ, какія велись въ ней въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая по поводу бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ упомянутыхъ преніяхъ, между прочимъ, было сказано не мало разныхъ хорошихъ словъ, но почти всѣ они неизмѣнно сопровождались крайне фальшивыми нотами. На этотъ разъ, впрочемъ, первымъ внесъ въ думскіе дебаты такую фальшивую ноту представитель даже не октябристовъ, а конституціоналистовъ-демократовъ. Г. Маклаковъ, выступившій съ большою рѣчью по поводу политики министерства внутреннихъ дѣлъ, счелъ нужнымъ изобразить переживаемое страною положеніе въ такомъ видѣ, какъ будто всѣ творимыя надъ нею насилія зависятъ исключительно отъ произвола мѣстныхъ властей, расходящихся въ своихъ дѣйствіяхъ съ намѣреніями центральной власти, которая воодушевлена желаніемъ водворить въ жизнь начала манифеста 17-го октября, но, по какому-то роковому недоразумѣнію, водворяетъ ихъ при помощи старыхъ пріемовъ и старыхъ людей.

„Усвоили ли—говорилъ краснорѣчивый ораторъ—старыя власти новый строй, новые пріемы управленія? Не нужно быть партійнымъ человѣкомъ, чтобы отвѣтить, что это не совершилось. Мы можемъ говорить о новыхъ началахъ, о правовыхъ началахъ, о представительномъ образѣ правленія только здѣсь, только въ центрѣ. Да, въ Таврическомъ дворцѣ мы чувствуемъ себя въ новыхъ условіяхъ, мы видимъ, что третья Государственная Дума не растеряла принадлежащихъ ей правъ, а систематически ихъ увеличиваетъ, и мы привѣтствуемъ ее въ этой дѣятельности. Но Таврическій дворецъ является какимъ-то экстерриторіальнымъ владѣніемъ. Всѣ эти начала исчезаютъ, какъ только вы выходите изъ зданія Таврическаго дворца въ жизнь. Существуетъ коренное противорѣчіе между формою правленія въ Россіи и между пріемами ея управленія. Этотъ разладъ увеличивается съ

каждымъ днемъ. Контрастъ между новою формою правленія, между фактомъ существованія Думы и пріемами управленія становится все острѣе и больнѣе. Здѣсь лежитъ опасность для Государственной Думы, для всей Россіи"...

Исходя изъ утвержденія, что въ Россіи въ настоящее время существуютъ новый строй и старые пріемы управленія, г. Маклаковъ пришелъ къ выводу о необходимости большей «солидарности между формами и пріемами управленія».

„Покуда—заявлялъ онъ—мы видимъ, что здѣсь есть представительный строй, а тамъ, на мѣстахъ, всѣ прелести стараго режима. Мы сидимъ между двумя стульями и передъ нами одинъ вопросъ: кто одолѣетъ—центръ ли одолѣетъ мѣсто или мѣсто одолѣетъ центръ?.. Я не вижу до сихъ поръ, чтобы одолѣвалъ центръ; но, если онъ не одолѣетъ, то его одолѣютъ. И я думаю, во мнѣ говоритъ не духъ оппозиціи, котораго во мнѣ нѣтъ, не желаніе идти противъ Думы,—нѣтъ, я указываю на опасность, которая грозитъ всѣмъ желающимъ мирнаго возрожденія Россіи. Я указываю на опасность, одинаково ясную для насъ, для центра и для самого правительства. Я говорю, что если эти пріемы управленія не кончатся, если властно не сказать отсюда, что необходимо единство, то безъ этого всему дѣлу, съ которымъ связаны наши надежды, всему дѣлу русскаго народнаго представительства грозитъ величайшая опасность" *).

Другимъ ораторамъ конституціонно-демократической партіи, г.г. Аджемову и Пергаменту, пришлось вносить весьма серьезныя поправки въ рѣчь своего товарища и на рядѣ конкретныхъ примѣровъ указывать, что «не только мѣстная жизнь, но и то вѣдомство, которое является во главѣ существующаго порядка, несомнѣнно носитъ въ себѣ тѣ же начала стараго порядка», и что перелагать отвѣтственность за все, происходящее въ Россіи, съ центральнаго правительства на мѣстныя власти было бы совершенно неправильно. За то октябристы встрѣтили мысль г. Маклакова большимъ сочувствіемъ и съ своей стороны постарались развить и разработать ее. Въ рѣчахъ первыхъ ораторовъ, говорившихъ отъ фракціи октябристовъ по вопросу о политикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, дана была критика этой политики, по своей опредѣленности, пожалуй, даже превосходившая критику г. Маклакова, но при этомъ октябристскіе ораторы старательно выдѣляли изъ сферы своей критики предсѣдателя совѣта министровъ, сводя всѣ случаи злоупотребленія властью и всѣ недочеты правительственныхъ дѣйствій къ встрѣчаемому г. Столыпинымъ противодѣйствію или къ недостаточной подчиненности мѣстныхъ властей центральной.

„Отъ имени союза 17 октября—началъ свою рѣчь бар. Мейендорфъ—я долженъ высказать, какую мы испытали радость, когда Россія въ опасный моментъ, когда весь общественный строй казался поколебленнымъ, нашла служителя, который съ незапятнанной репутаціей попытался твердой рукой взять руль государственнаго корабля, который одновременно, служа идеѣ

*) „Рѣчь", 30 апрѣля 1908 г.

государственности, нашелъ въ себѣ достаточно нравственной молодости, чтобы присоединиться хотя бы къ нѣкоторымъ изъ новыхъ лозунговъ, выставленныхъ для спасенія Россіи. Мы подумали и мы надѣялись, что дѣйствительно государственная идея Россіи выйдетъ изъ нѣкоторыхъ путъ преданій, какъ почтенныхъ, такъ и мало почтенныхъ, и въ началахъ современности обрѣтетъ новыя силы и дастъ намъ оправданіе исторической власти. Наши надежды, наша радость не вполнѣ были удовлетворены. Но не въ области личныхъ силъ мы видимъ причины нашего, надѣемся, временнаго разочарованія; мы причины этого разочарованія находимъ въ самой крѣпости тѣхъ историческихъ слоевъ, зараженныхъ міазмами крѣпостническихъ идей, которые приходится глубоко вспахать"...

„Что мы видимъ сейчасъ?—спрашивалъ кн. Голицынъ.—Развѣ мы видимъ стройную гармонію управленія изъ центра, опирающуюся на одинъ законъ, на обновленный строй страны? Нѣтъ! Передъ нашими глазами развертывается цѣлая сѣть сатрапій, не подчиненныхъ ни закону, ни даже руководству центральной власти, мы видимъ генералъ-губернаторовъ, правящихъ въ предѣлахъ своихъ территорій, творящихъ судъ и издающихъ особыя законоположенія, словомъ, руководствующихся исключительно своимъ личнымъ усмотрѣніемъ... Я прямо и громко заявляю, что у министра внутреннихъ дѣлъ нѣтъ власти подчинить себѣ или смѣнить любого изъ тѣхъ генералъ-губернаторовъ, имя коимъ въ Россіи въ данный моментъ легіонъ"...

„Во второй Думѣ—указывалъ гр. Уваровъ—П. А. Столыпинъ убѣжденно говорилъ, что онъ полноту власти, данную ему Государемъ, никому не отдастъ. Дѣйствительно,—и я это подчеркиваю,—слава Богу, онъ своей власти въ руки революціи и ея агентовъ не отдалъ. Но думается мнѣ, что въ данномъ случаѣ у главнаго представителя министерства внутреннихъ дѣлъ полноты власти, о которой онъ тогда говорилъ, нѣтъ, потому что эту полноту власти онъ распылилъ, онъ, самъ не сознавая того, отдалъ эту полноту власти мѣстнымъ диктаторамъ, мѣстнымъ администраторамъ болѣе или менѣе крупнаго ранга, и эти управители пользуются такой полнотой власти по своему усмотрѣнію, по своему желанію, скажу даже, часто по своему произволу" *).

Постаравшись такимъ образомъ на разные лады оттѣнить свою близость къ г. Столыпину, ораторы октябристовъ въ дальнѣйшемъ разрѣшили себѣ роскошь критики правительственныхъ дѣйствій. Основнымъ мотивомъ этой критики явилась та же мысль, которая была высказана и г. Маклаковымъ,—мысль о необходимости большей солидарности въ дѣйствіяхъ правительственныхъ органовъ и о возможности смягченія пріемовъ управленія. Предусмотрительно оговариваясь, что они вполнѣ понимаютъ необходимость проявленія сильной власти и возможность существованія исключительныхъ законоположеній, октябристскіе ораторы все же указывали, что постоянная забота о силѣ власти привела къ раздѣленію государства на рядъ самостоятельныхъ сатрапій, а непрекращающаяся практика исключительныхъ законоположеній обратила произволъ власти въ нормальное явленіе. Правда, всѣ эти указанія дѣлались въ такомъ тонѣ, какъ будто отмѣчаемые ими недочеты всецѣло сводились къ розни между центральною властью и мѣстными ея органами и могли быть вполнѣ исправлены путемъ большаго подчиненія послѣднихъ центру. Но при всей осторожности октябристскихъ ораторовъ, при

*) «Рѣчь» 30 Апрѣля и 3 мая 1908 г.

всемъ ихъ стремленіи говорить лишь объ отдѣльныхъ проявленіяхъ правительственной системы, не касаясь ея существа, въ ихъ указаніяхъ все же обрисовалась, хотя далеко не полная, но тѣмъ не менѣе яркая картина царящаго въ странѣ безправія, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ не удалось воздержаться и отъ нѣкоторыхъ обобщающихъ положеній, какъ будто обязывавшихъ къ опредѣленному выводу. «Мы далеки—говорилъ, напримѣръ, кн. Голицынъ—отъ возведенія чрезвычайныхъ положеній въ систему управленія. Мы считаемъ, что исключительныя положенія вносятъ собою атмосферу безправія, произвола и усмотрѣнія, развращаютъ агентовъ власти и населеніе, подрываютъ авторитетъ закона». Этого оказалось достаточно для того, чтобы оптимистически настроенная часть русской прессы заговорила о томъ, будто октябристы вернулись къ оппозиціонному настроенію. Но этого же оказалось достаточно и для другой стороны.

Первоначально представители министерства внутреннихъ дѣлъ не вмѣшивались въ пренія, разыгравшіяся по поводу бюджета этого министерства, предоставляя октябристамъ самостоятельно разыгрывать ихъ роль. Но, когда выяснилось, что послѣдніе заходятъ слишкомъ далеко и своею критикой, которая должна была бы явиться лишь поддержкой г. Столыпина противъ нѣкоторыхъ черезчуръ ужъ неудобныхъ для него по своей ретивости подчиненныхъ, въ немалой степени компрометируютъ правительство, министерство внутреннихъ дѣлъ прервало свое молчаніе и товарищъ министра, г. Макаровъ, выступилъ въ думѣ со своими объясненіями. Они оказались очень простыми и очень ясными. Г. Макаровъ прежде всего подвергъ сомнѣнію самое право Думы обсуждать дѣйствія министерства не въ порядкѣ запросовъ, предъявляемыхъ по поводу отдѣльныхъ фактовъ, а при разсмотрѣніи бюджета. Перейдя же къ существу вопроса, г. Макаровъ въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ отвергъ мысль о существованіи разногласій между центральными и мѣстными органами министерства внутреннихъ дѣлъ, заявивъ, что, еслибы какой-либо изъ мѣстныхъ администраторовъ пошелъ въ разрѣзъ съ предначертаніями министра, послѣдній всегда «имѣлъ бы полную силу и власть настоять на исполненіи» ихъ или же удалить такого администратора отъ должности. Засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ полную солидарность центральныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ вообще и г. Столыпина въ частности со всѣми практикуемыми на мѣстахъ пріемами управленія, г. Макаровъ вмѣстѣ съ тѣмъ успокоительно заявилъ, что при этихъ пріемахъ, конечно, возможны отдѣльные случаи злоупотребленія властью, но подобные случаи точно также возможны и при всякой другой системѣ управленія. Что касается исключительныхъ законоположеній, то отъ нихъ министерство, по словамъ г. Макарова, не находитъ возможнымъ отказаться, такъ какъ видитъ въ нихъ единственное средство къ успокоенію

все еще не успокоившейся страны и ставитъ себѣ въ особую заслугу то мужество, съ какимъ оно примѣняетъ это средство.

Заявленія г. Макарова не замедлили произвести отрезвляющее впечатлѣніе на октябристское большинство Думы и это большинство поторопилось загладить свой проступокъ. Въ первый моментъ оно рѣшило было даже не допустить отвѣтовъ на рѣчь товарища министра и только рѣзкій протестъ всѣхъ оппозиціонныхъ фракцій, въ полномъ своемъ составѣ покинувшихъ залъ засѣданія, повелъ къ отмѣнѣ этого рѣшенія. Но, конечно, не рѣчи оппозиціи, хотя бы даже и оппозиціи конституціонно-демократической, могли убѣдить октябристовъ, увидѣвшихъ передъ собою недовольное ими правительство. И въ концѣ концовъ послѣ всѣхъ преній по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ громаднымъ большинствомъ Думы была принята резолюція, не содержавшая въ себѣ и тѣни недовольства политикой правительства и дѣйствіями администраціи. Такъ закончился эпизодъ, долженствовавшій, по догадкамъ наивныхъ оптимистовъ, повести къ «укрѣпленію идеи конституціи» силами третьей Думы.

Приглядываясь къ такимъ эпизодамъ,—а ихъ не мало уже разыгралось въ третьей Думѣ, и я напоминаю читателю только одинъ изъ наиболѣе характерныхъ,—позволительно спросить себя, дѣйствительно ли на нашихъ глазахъ происходитъ укрѣпленіе «принципа народнаго представительства» и «идеи конституціи», или же укрѣпляется въ сущности нѣчто иное. И найти настоящій отвѣтъ на этотъ вопросъ въ концѣ концовъ не такъ ужъ трудно, настолько не трудно, что по временамъ такой отвѣтъ проскальзываетъ даже въ органахъ прессы, въ обычное время славословящихъ судьбу за то, что у насъ уже есть конституція, и радующихся тому, что понемногу конституція укрѣпляется. «Мнѣ кажется,—писалъ, напримѣръ, какъ-то въ «Рѣчи» г. Левинъ,—что, вникнувъ въ дѣйствительное положеніе вещей, мы увидимъ, что рядомъ съ головнымъ мозгомъ управленія, представленнымъ центральнымъ правительствомъ и октябристской Думой, и симпатической нервной системой, представленной легіономъ генераловъ Думбадзе, есть еще третье, органически объединяющее оба эти нервные центра, поддерживающее равновѣсіе между ними и пользующееся ихъ видимой борьбой и дѣйствительнымъ симбіозомъ для своихъ цѣлей» *). Образъ, выбранный г. Левинымъ, не особенно удаченъ, но въ основѣ его лежитъ, несомнѣнно, вѣрная мысль, нуждающаяся только для большей ясности въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и поправкахъ. Между центральнымъ правительствомъ и «легіономъ Думбадзе» нѣтъ въ сущности никакой борьбы, даже и видимой, если не считать нѣсколькихъ исключеній, вызываемыхъ совершенно специфическими причинами и не создающихъ ника-

*) „Рѣчь" 1 Мая 1908 г.

кого правила. И центральное правительство, и дѣйствующіе на мѣстахъ Думбадзе преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли и пользуются одними и тѣми же средствами. Съ другой стороны, Дума является не столько одною изъ составныхъ частей «головного мозга управленія», сколько простою декораціей, при помощи которой возможно въ случаѣ надобности нѣсколько скрашивать дѣйствительность въ глазахъ людей, не слишкомъ близко къ ней присматривающихся. А надобность въ этомъ порой представляется весьма серьезная.

Въ тотъ моментъ, когда я пишу настоящія строки, идутъ подготовленія къ поѣздкѣ англійскаго короля въ Россію, знаменующей нѣкоторое сближеніе Англіи съ Россіей,—сближеніе, которое для русскихъ правительственныхъ круговъ должно повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія. «Предстоящія торжества—писала по этому поводу «Daily News» — должны послужить къ подготовленію новаго внѣшняго займа. Финансы были мотивомъ союза съ Франціей, они же являются и основой совершающагося сближенія съ Англіей». Съ своей стороны англійская соціалистическая и либеральная пресса относится къ такой попыткѣ въ общемъ совершенно отрицательно. Тѣмъ не менѣе эта попытка предпринимается и есть слои либеральнаго общества, не понимающіе отрицательнаго отношенія къ ней. Есть они и въ самой Россіи. «Нѣмецкая печать—отмѣчала какъ-то «Рѣчь»—усиленно старается использовать отрицательные отзывы (англійской) либеральной печати, какъ доказательство немыслимости франко-русско-англійскаго союза. Но одно дѣло—зачаточное состояніе русской конституціи и отношеніе къ нему англійскаго общественнаго мнѣнія, другое—дипломатическія задачи. Въ концѣ концовъ въ Россіи есть Дума и самый фактъ существованія представительства обезпечиваетъ возможность того. что было бы недавно немыслимымъ» *).

«Въ концѣ концовъ въ Россіи есть Дума»... Правда, она собрана съ нарушеніемъ основныхъ законовъ, но объ этомъ не всегда вспоминаетъ даже русская либеральная оппозиція, то и дѣло торжественно возглашающая: «слава Богу, у насъ есть конституція». Правда, Дума 3 іюня остается совершенно безправнымъ учрежденіемъ, съ которымъ ни правительство, ни администрація не думаютъ считаться сколько-нибудь серьезно, но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ тому, что самое существованіе конституціи признается вполнѣ установившимся фактомъ. Недавно къ намъ пріѣзжали даже три славянина и засвидѣтельствовали: да, въ Россіи есть конституція и въ виду этого славянамъ слѣдуетъ объединиться. А при этомъ засвидѣтельствованіи присутствовали и скрѣпили его своими подписями гг. Башмаковъ, Суворинъ и Милюковъ, причемъ послѣдній по случаю такого торжества сказалъ

*) „Рѣчь“, 15 мая 1908 г.

даже собравшимся русскимъ, чехамъ и полякамъ рѣчь по болгарски.

Помимо того пріѣзжіе славяне, какъ и другіе пріѣзжіе иностранцы, могли во-очію убѣдиться въ существованіи Думы и даже посѣтить ея засѣданія.

Въ концѣ концовъ у насъ есть Дума... Дума, дѣйствительно, есть. Есть какъ будто представительное учрежденіе, въ немъ ведутся разговоры и происходятъ пренія, въ немъ даже дѣлаются нападки на правительство. Есть, словомъ, на лицо вся видимость, если и не конституціоннаго, то все же «обновленнаго», «представительнаго строя». Но по существу эта видимость лишь декорація пьесы, въ которой большинство ролей розданы и подготовлены режиссеромъ заранѣе. И чѣмъ больше такая видимость принимается въ серьезъ вовлеченными въ нее наивными людьми, чѣмъ сильнѣе обольщаются они надеждой путемъ умѣренности и аккуратности обратить призраки въ дѣйствительность и укрѣпить за собой воображаемыя права, тѣмъ легче подъ призрачнымъ покровомъ «обновленнаго строя» укрѣплять и поддерживать старый строй, привлекая для него помощь и поддержку со стороны. На дѣлѣ именно это и происходитъ, и не трудно понять, чьимъ собственно интересамъ служатъ въ такой обстановкѣ разговоры объ «обновленномъ строѣ».

Въ послѣднее время газеты пестрятъ извѣстіями, показывающими, какъ отражается въ жизни русскаго обывателя этотъ обновленный строй. И всѣ такія извѣстія, касаясь дѣятельности самыхъ различныхъ частей правительственнаго механизма, и полиціи, и администраціи, и суда, неизмѣнно носятъ одинъ и тотъ же характеръ и рисуютъ одну и ту же картину.

Когда въ третьей Думѣ зашла рѣчь о русскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, министръ юстиціи съ большимъ подъемомъ говорилъ объ «особыхъ заботахъ правительства, направленныхъ къ тому, чтобы личный составъ судебнаго вѣдомства стоялъ выше политическихъ партій и страстей, чтобы имъ руководили не пестрое, волнующееся общественное мнѣніе и не страхъ передъ угрозами, къ которымъ прибѣгали и продолжаютъ прибѣгать самозванные радѣтели за общее благо, а единственно лишь велѣнія безстрастнаго и нелицепріятнаго закона». По словамъ г. Щегловитова, онъ лично, ставъ во главѣ министерства, «приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы русскій судъ устоялъ передъ соблазномъ политической борьбы и чтобы въ немъ, особенно въ лицѣ его главныхъ руководителей, были не люди, слабые волей и равнодушные къ огражденію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, но люди, сильные волей и твердые въ неуклонномъ исполненіи и примѣненіи закона» *). Достаточно оглянуться на практику современныхъ су-

*) „Рѣчь", 29 апрѣля 1908 г.

довъ, чтобы вполнѣ ясно представить себѣ, какъ понимаетъ министръ юстиціи сильную волю и неуклонное исполненіе закона. Для примѣра я напомню лишь одинъ случай изъ этой практики. Въ саратовской судебной палатѣ недавно судилась нѣкая г-жа Маркина, привлеченная къ суду за то, что при обыскѣ въ ея квартирѣ у нея были найдены въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ брошюры, обозначенныя въ обвинительномъ актѣ, какъ «воспрещенныя и изъятыя изъ обращенія». На судебномъ слѣдствіи защита представила оффиціальные документы, удостовѣряющіе, что изъ брошюръ, найденныхъ у г-жи Маркиной въ нѣсколькихъ экземплярахъ, однѣ, хотя и были заарестованы въ административномъ порядкѣ, но впослѣдствіи были освобождены отъ ареста судебной палатой, остальныя же были изъяты съ книжнаго рынка и воспрещены къ обращенію лишь спустя болѣе года послѣ того, какъ онѣ были отобраны отъ подсудимой. Тѣмъ не менѣе судебная палата вынесла приговоръ, по которому г-жа Маркина была признана виновной въ храненіи противоправительственной литературы съ цѣлью распространенія и присуждена къ заключенію въ крѣпости на полтора года *).

Казалось бы, немыслимо признавать преступленіемъ и карать такой поступокъ, какой не признавалъ преступнымъ въ моментъ его совершенія законъ. И однако-же тѣ, кто даетъ себѣ трудъ слѣдить за дѣятельностью нынѣшняго суда, хорошо знаютъ, что подобные процессы и приговоры далеко не составляютъ въ ней рѣдкаго исключенія. Судъ хорошо понялъ, какого рода «сильная воля» требуется отъ него, и всѣми силами стремится оправдать возложенное на него довѣріе. Но все же судъ оказывается слишкомъ громоздкой машиной для того, чтобы онъ могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ момента, и сообразно этому дѣятельность суда дополняется дѣятельностью администраціи, вооруженной чрезвычайными полномочіями. Недавно, напримѣръ, московскій генералъ-губернаторъ наложилъ штрафъ въ 3.000 р. на г. Сытина за то, что онъ издалъ конфискованную затѣмъ книгу г. Амфитеатрова: «Фантастическія правды» **). Общій законъ не знаетъ такой кары для издателя, но чрезвычайная и усиленная охрана позволяютъ не считаться съ общимъ закономъ. Позволяютъ онѣ принимать и другого рода мѣры. Главнокомандующій николаевскаго градоначальства, контръ-адмиралъ Запаренный, въ минувшемъ апрѣлѣ издалъ такой приказъ: «Въ № 90 издающейся въ г. Николаевѣ газеты „Николаевскій Курьеръ“, отъ 20 сего апрѣля, допущена статья „Черносотенцы и инородцы“, возбуждающая враждебное отношеніе къ правительству по поводу изданія закона о выборахъ въ третью Государственную Думу, и, кромѣ того, въ тѣхъ же цѣляхъ воз-

*) „Русскія Вѣдомости“. Цитирую по „Рѣчи“, 27 апрѣля 1908 г.
**) „Соврем. Слово“, 29 апрѣля 1908 г.

бужденія недовѣрія къ исполнителямъ правительственной службы, гражданскимъ чиновникамъ, послѣдніе поставлены въ рядъ съ „кабатчиками и хулиганами", какъ пополняющіе, по мнѣнію автора означенной статьи, составъ черносотенныхъ организацій, процвѣтающихъ, будто бы, только благодаря „особому покровительству". Не допуская въ открытой печати такого явно ложнаго опредѣленія текущей дѣятельности правительства и его органовъ и руководствуясь § I и п. 1 § IV приказа бывшаго временнаго николаевскаго военнаго генералъ-губернатора отъ 4 іюня 1907 г., постановилъ: редактора-издателя газеты «Николаевскій Курьеръ» дворянина Андрея Гранкина подвергнуть въ административномъ порядкѣ денежному штрафу въ размѣрѣ 500 р., а при неуплатѣ этого штрафа въ 24-часовой по объявленіи сего постановленія срокъ—аресту при полиціи на одинъ мѣсяцъ» **). Статья «Николаевскаго Курьера» была направлена противъ мѣстнаго черносотеннаго листка, открывшаго систематическую травлю инородцевъ и, въ частности, евреевъ. Вмѣшательство «главноначальствующаго» показало, однако, что полемика съ черносотенцами стоитъ не особенно дешево, такъ какъ она легко можетъ быть въ административномъ порядкѣ переименована въ «явно ложное опредѣленіе текущей дѣятельности правительства».

«Явно ложное опредѣленіе»—терминъ, конечно, растяжимый, но тѣмъ болѣе удобствъ представляетъ онъ для административной практики. Впрочемъ, послѣдняя не останавливается передъ своеобразнымъ употребленіемъ и болѣе точныхъ терминовъ. Въ Новгородѣ недавно разыгралась слѣдующая исторія. Въ мѣстномъ «Волховскомъ Листкѣ» была помѣщена замѣтка «Наши педагоги», въ которой, между прочимъ, говорилось о грубомъ обращеніи съ учениками учителя реальнаго училища Пашушева. Авторъ замѣтки основывался на сообщеніяхъ двухъ родителей учениковъ, и эти родители вслѣдъ за тѣмъ особымъ письмомъ въ редакцію газеты подтвердили правильность изложенныхъ въ замѣткѣ свѣдѣній. И однако черезъ нѣкоторое время авторъ замѣтки получилъ отъ полиціи увѣдомленіе, что онъ подвергается, по распоряженію губернатора, за распространеніе ложныхъ свѣдѣній штрафу въ 100 р., а въ случаѣ неуплаты этого штрафа въ двухдневный срокъ будетъ подвергнутъ мѣсячному заключенію *). Очевидно, новгородскій губернаторъ имѣетъ свои собственныя понятія о распространеніи ложныхъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ, чтобы газета, выходящая въ его губерніи, руководилась именно его понятіями.

Было время—и было оно еще очень недавно,—когда администрація ограничивалась лишь конфискаціей вредныхъ, по ея мнѣнію, произведеній печати, предоставляя расправу съ этими произ-

*) „Рѣчь", 27 апрѣля 1908 г.
**) „Рѣчь", 8 мая 1908 г.

веденіями и съ ихъ авторами суду. Положеніе печати и тогда было далеко не легкимъ. Не говоря уже о карахъ, какія налагались судомъ, стремившимся сообразовать свои дѣйствія съ дѣйствіями администраціи, самая конфискація очень часто производилась по самымъ диковиннымъ поводамъ и на основаніи такихъ статей закона, которыя существовали только въ воображеніи лицъ конфискующихъ. Но теперь дѣло еще болѣе упростилось. Мѣстные администраторы сами издаютъ законы для печати и сами налагаютъ кары за невыполненіе этихъ законовъ, не обращаясь совершенно къ посредничеству суда. Вполнѣ естественно, что однажды направленная въ эту сторону энергія администраціи уже не знаетъ удержу и въ стремленіи создать, наконецъ, въ странѣ желанное «успокоеніе» находитъ себѣ все новыя и новыя формы проявленія.

И эта энергія направляется, конечно, не на одну только печать. Печать сильно озабочиваетъ мѣстныхъ администраторовъ, но на ряду съ нею они стараются упорядочить и всѣ другія стороны жизни русскаго обывателя. Преслѣдующее эту цѣль мѣстное законодательство, о которомъ мнѣ не разъ уже случалось писать, быстро развивается и послѣднія недѣли принесли съ собою нѣсколько новыхъ и характерныхъ его образчиковъ. Такъ, напримѣръ, генералъ-лейтенантъ Пѣшковъ, состоящій харьковскимъ генералъ-губернаторомъ, издалъ въ послѣднее время законъ, согласно которому каждый владѣлецъ автомобиля, не имѣющій на немъ выданнаго полицеймейстеромъ номера или же не повѣсившій вечеромъ на свой автомобиль зажженнаго фонаря съ тѣмъ же номеромъ, карается штрафомъ до 3.000 р. или арестомъ до трехъ мѣсяцевъ *). Въ другомъ родѣ, но не менѣе любопытный законъ изданъ кубанскимъ генералъ-губернаторомъ Бабычемъ. «Мною установлено,— говорится въ одномъ изъ послѣднихъ «обязательныхъ постановленій» этого генерала,—что многіе, поддавшись ложному страху, а другіе изъ сочувствія уплачиваютъ разнаго рода грабителямъ и вымогателямъ подчасъ большія суммы денегъ, не донося объ этомъ подлежащимъ властямъ и являясь такимъ образомъ ихъ укрывателями. Въ виду этого объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что виновные въ уплатѣ денегъ вымогателямъ будутъ мною въ административномъ порядкѣ наказываться штрафомъ въ 3.000 р. или арестомъ до трехъ мѣсяцевъ **). Нѣсколько меньшую энергію проявилъ таврическій губернаторъ г. Новицкій, въ свою очередь обратившій вниманіе на то, что «послѣднее время въ Таврической губерніи разбойныя нападенія совершаются ежедневно и въ разныхъ мѣстахъ», а усилія полиціи «переловить злодѣевъ» оказываются напрасными. Главную причину такого явленія г. Новицкій усмотрѣлъ «въ томъ, что злоумышленники укрываются запуган-

*) „Кіев. Вѣсти", 4 мая 1908 г.
**) „Соврем. Слово", 23 апрѣля 1908 г.

ными обывателями», но все же не сталъ сразу карать послѣднихъ, а обратился къ нимъ пока лишь съ увѣщаніемъ, распубликованнымъ въ особомъ объявленіи. «Я, какъ начальникъ губерніи, обязанный оберегать безопасность ввѣренной мнѣ губерніи, объявляю,—возвѣщалъ г. Новицкій въ этомъ документѣ—что всю власть и силы, какими я обладаю, употреблю для самаго энергичнаго предупрежденія и прекращенія описанныхъ преступленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю нужнымъ указать населенію, что безъ его помощи я должной защиты дать не могу. Необходимо, чтобы всѣ ясно поняли, что только общими усиліями можно помочь бѣдѣ и безъ всякаго страха надо выслѣживать разбойниковъ и ихъ соучастниковъ и немедленно ихъ задерживать. Иначе мирному населенію не будетъ житья. Разъ пойдетъ слухъ, что въ Таврической губерніи всѣ запуганы и здѣсь свободно и безнаказанно можно грабить и убивать, то душегубы у насъ не переведутся, и каждый день все больше и больше будетъ жертвъ, горя и несчастья. Такъ лучше сразу, пока не поздно, вымести изъ Таврической губерніи всю эту нечисть, для которой жизнь человѣка—копѣйка. Для этого предлагаю земскимъ начальникамъ и чинамъ полиціи на сходахъ прочесть настоящее объявленіе, разъяснить его и совмѣстно съ крестьянами выработать мѣры борьбы съ преступленіями» *). Нѣтъ однако ничего не вѣроятнаго въ томъ, что и г. Новицкій не удовольствуется одними увѣщаніями населенія и перейдетъ къ леченію обывателей отъ запуганности путемъ штрафовъ и арестовъ. Очень ужъ простъ этотъ путь и очень ужъ соблазнительно отъ совѣтовъ населенію избавиться отъ запуганности и подавать помощь полиціи перейти къ возведенію такой помощи въ обязанность и къ наложенію каръ за невыполненіе ея. Препятствій же для такого соблазна не имѣется, такъ какъ никакихъ точныхъ границъ для законодательнаго творчества мѣстныхъ администраторовъ не существуетъ.

На практикѣ это творчество, какъ мы видимъ, все болѣе расширяетъ свои границы и, принимая самыя причудливыя и фантастическія формы, захватываетъ все новыя области обывательской жизни. Но рядомъ съ этимъ наблюдается и другое явленіе, заключающееся въ расширеніи самаго круга мѣстныхъ законодателей. Законодательствуютъ уже не одни генералъ-губернаторы. Въ послѣднее время все чаще попадаются извѣстія о томъ, что въ роли законодателей выступаютъ и урядники. Недавно, напримѣръ, въ газетахъ приводилось объявленіе, вывѣшенное въ началѣ минувшаго апрѣля въ с. Вершиловѣ, Балахнинскаго уѣзда, полицейскимъ урядникомъ Дѣевымъ. «Въ виду предстоящихъ праздниковъ Святой Пасхи—гласило это объявленіе—объявляю жителямъ Вершиловской волости, чтобы не было игры на гармоніяхъ и другихъ инструментахъ музыкальныхъ по улицамъ селеній, въ особенности

*) „Рѣчь", 30 апрѣля 1908 г.

въ селахъ, кругомъ церквей, а равно категорически запрещаю пѣніе разныхъ нецензурныхъ пѣсенъ, которыя выдумали сами молодые люди; за неподчиненіе моему требованію, а равно и подлежащихъ сельскихъ властей виновные будутъ подлежать отвѣтственности по суду и въ административномъ порядкѣ, согласно утвержденнаго высочайшимъ повелѣніемъ положенія усиленной охраны въ Нижегородской губерніи» *). По своему содержанію объявленіе урядника Дѣева, конечно, нисколько не уступаетъ «обязательнымъ постановленіямъ» безчисленныхъ генералъ-губернаторовъ. Мало уступаетъ оно этимъ постановленіямъ и въ своей убѣдительности для обывателя. Генералъ-губернаторъ можетъ распорядиться съ обывателемъ «въ административномъ порядкѣ», но вѣдь этой возможности не лишенъ и урядникъ Дѣевъ, какъ и другіе подобные ему урядники. Не такъ давно въ газетахъ разсказывалось одно изъ любопытныхъ происшествій такого рода. Въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи мѣстные любители поставили какъ-то водевиль, въ которомъ, между прочимъ, былъ выведенъ урядникъ, берущій взятки. Мѣстный урядникъ усмотрѣлъ въ такомъ водевилѣ желаніе подорвать престижъ власти и, не долго думая, арестовалъ одного изъ любителей **).

И опять-таки дѣйствія козелецкаго урядника не представляютъ собою ничего исключительнаго, повторяя лишь въ сравнительно небольшомъ размѣрѣ то, что болѣе крупныя власти дѣлаютъ въ большихъ. Расправа въ административномъ порядкѣ непрерывно идетъ по всей Россіи, захватывая не только взрослыхъ, но и дѣтей, не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыя учрежденія, и поводовъ для такой расправы требуется очень немного. 29 марта текущаго года въ помѣщеніи батумской мужской гимназіи взорвалась бомба и послѣ того четыре старшіе класса этой гимназіи, по распоряженію кавказскаго намѣстника, были закрыты. Вслѣдъ за тѣмъ военный губернаторъ батумской области, «разсмотрѣвъ имѣющіяся у него свѣдѣнія о происшествіи, бывшемъ 29 марта въ батумской гимназіи, а также о положеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ той же гимназіи, и въ виду не прекращающихся безпорядковъ и угрозъ преподавателямъ, постановилъ воспретить пребываніе въ г. Батумѣ и кинтришскомъ участкѣ на все время положенія усиленной охраны уволеннымъ нынѣ изъ гимназіи, въ виду распоряженія намѣстника о закрытіи четырехъ старшихъ классовъ ея, семи ученикамъ 8-го класса, тремъ 7-го класса, тремъ 6-го класса, двумъ 5-го класса и одному 4-го класса». Всѣмъ этимъ гимназистамъ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, данъ былъ срокъ въ 48 часовъ для выѣзда изъ Батума *). Не менѣе крутыя

*) „Соврем. Слово", 29 апр. 1908 г.
**) „Рѣчь", 4 мая 1908 г.
***) „Рѣчь", 30 апр. 1908 г.

мѣры были въ послѣднее время приняты по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ въ нѣкоторыхъ польскихъ губерніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Радомской губерніи «за вредное направленіе» закрытъ на все время военнаго положенія «народный университетъ Радомской земли» со всѣми его провинціальными отдѣлами *). Подобная же катастрофа разразилась нѣсколько времени тому назадъ надъ всѣми польскими школами Кѣлецкой губерніи, изъ которыхъ выброшены такимъ путемъ тысячи учившихся въ нихъ дѣтей.

При наличности такихъ условій, сводящихся къ предоставленію чуть не всѣмъ чинамъ администраціи ничѣмъ не ограниченныхъ правъ надъ жизнью населенія, лица, облеченныя властью или хотя бы только чувствующія себя сколько-нибудь прикосновенными къ ней, легко впадаютъ въ состояніе особаго административнаго восторга. И проявленіями этого административнаго восторга полна въ настоящее время вся русская жизнь. Безчисленные генералъ-губернаторы и подобные имъ правители издаютъ для своихъ областей спеціальные законы, судятъ и рядятъ по своему усмотрѣнію, караютъ обывателей за дѣйствія и за образъ мыслей, за поступки и за намѣренія. Положеніе обывателей упрощено до такой степени, что въ самыхъ мотивахъ постигающихъ ихъ каръ порою прямо поясняется, что послѣднія наложены не за поступки, а лишь за намѣренія или за стремленія. Недавно, напримѣръ, временный одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ постановилъ «крестьянина Никиту Бойко за то, что онъ во время богослуженія въ церкви прервалъ священника, говорившаго проповѣдь «о необходимости для блага общества свято блюсти законы и почитать поставленныхъ начальниковъ», подвергнуть аресту въ тюрьмѣ на три мѣсяца, а по отбытіи этого наказанія, въ виду стремленія Бойко къ революціонному движенію, воспретить ему на все время военнаго положенія пребываніе въ предѣлахъ одесскаго генералъ-губернаторства, выславъ его за предѣлы Херсонской и Бессарабской губерній» **).

Если въ Одессѣ обывателю грозитъ высылка за «стремленіе къ революціонной дѣятельности», усмотрѣнное въ его душѣ проницательнымъ начальствомъ, то не лучше обстоятъ дѣла и въ другихъ городахъ и губерніяхъ Россіи. Даже жизнь свою обывателю не приходится считать застрахованной отъ проявленій административнаго восторга со стороны начальства. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить трагическая исторія, разыгравшаяся въ прошломъ мѣсяцѣ въ г. Екатеринодарѣ. Въ ночь со 2-го на 3-е мая въ этомъ городѣ полицейскимъ приставомъ Головко и жандармскимъ офицеромъ въ сопровожденіи человѣкъ двадцати полицейскихъ, жандармовъ и казаковъ былъ произведенъ обыскъ у личнаго се-

*) „Рѣчь", 29 апр. 1908 г.
**) „Рѣчь", 26 апр. 1908 г.

кретаря предсѣдателя екатеринодарскаго окружнаго суда Т. Угнивенко, брата его А. Угнивенко и зятя Труня, жившихъ одной семьей вмѣстѣ съ отцомъ и матерью Угнивенко. «Всѣ производившіе обыскъ—разсказываетъ сообщившая объ этой исторіи газетная корреспонденція—были пьяны. Протокола объ обыскѣ составлено не было. Были забраны находившіяся у Т. Угнивенко дѣла предсѣдателя окружнаго суда и планы построекъ, черченіемъ которыхъ занимался служившій въ городской управѣ А. Угнивенко. Вмѣстѣ съ тѣмъ были арестованы А. Угнивенко и Трунь и подъ конвоемъ всей бывшей при обыскѣ команды отправлены въ полицейскую часть. Было уже 4—5 часовъ утра и многіе шли уже по улицамъ по своимъ дѣламъ. Мать Угнивенко попросила другого своего сына сопровождать арестованнаго брата и зятя, чтобы узнать, куда ихъ поведутъ. На пути, недалеко отъ квартиры арестованныхъ, стража неожиданно произвела нѣсколько залповъ и всѣ трое на глазахъ людей были убиты. Бывшіе во главѣ команды приставъ Головко и жандармскій офицеръ немедленно куда-то отправились, а оставшіеся полицейскіе, ссадивъ сѣдока съ перваго попавшагося извозчика, положили на фаэтонъ трупы и отвезли ихъ въ покойницкую ближайшаго кладбища». Вышло совсѣмъ просто: пришли, арестовали, вывели изъ дому и убили. «Трудно описать—прибавляетъ газетный корреспондентъ, разсказавшій эту исторію,—то впечатлѣніе, которое это событіе произвело на жителей» *).

Впрочемъ, екатеринодарцы вообще не избалованы отсутствіемъ сильныхъ впечатлѣній. Недѣли за двѣ до убійства братьевъ Угнивенко въ Екатеринодарѣ разыгралась другая исторія, которая лишь случайно не завершилась столь же трагическимъ концомъ. Героемъ этой исторіи явился подъесаулъ кубанскаго казачьяго войска Арканниковъ. Выйдя на улицу, онъ сталъ требовать отъ всѣхъ прохожихъ, чтобы они отдавали ему честь и становились передъ нимъ «смирно». Когда же повстрѣчавшіеся ему два реалиста не исполнили его требованія, онъ объявилъ ихъ арестованными, сѣлъ съ ними въ фаэтонъ и повезъ въ сотню, угрожая разстрѣломъ. Испуганные мальчики ухитрились выпрыгнуть изъ фаэтона и убѣжать. Арканниковъ погнался за ними съ револьверомъ въ рукѣ, но по дорогѣ наткнулся на учителя Лащенко, который попытался разговорить его. Въ это время къ нимъ подъѣхалъ другой офицеръ, бывшій полицеймейстеръ, который и убѣдилъ Арканникова бросить розыски «преступника» и ѣхать съ нимъ. Однако черезъ полчаса тотъ же Арканниковъ, въ сопровожденіи 2—3 десятковъ вооруженныхъ казаковъ, явился къ пріюту, гдѣ учительствовалъ Лащенко, и потребовалъ отъ директора пріюта «подать ему или Лащенко, или жену его». Встрѣтивъ отказъ, онъ началъ арестовывать

*) „Рѣчь", 16 мая 1908 г.

служащихъ пріюта, приказалъ казакамъ обыскать директора, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся эта исторія, еслибы не вмѣшался въ нее присутствовавшій тутъ же армейскій капитанъ, настойчиво предложившій Арканникову покончить безобразія. Вызванные же пріютскимъ начальствомъ два полицейскіе пристава все время оставались лишь безмолвными свидѣтелями разыгрывавшагося передъ ними зрѣлища, не находя, очевидно, ни нужнымъ, ни возможнымъ вмѣшиваться въ него *).

Если военный мундиръ, даже надѣтый на человѣка, не облеченнаго никакою властью надъ обывателями, даетъ ему возможность подвергать ихъ всяческимъ насиліямъ, не опасаясь никакой помѣхи со стороны полиціи, то не въ меньшей степени такую же возможность доставляетъ и та или иная близость къ самой полиціи. Пользуясь неограниченной властью надъ усмиряемымъ обывателемъ, современные администраторы порою передаютъ эту власть близкимъ имъ лицамъ и въ рукахъ послѣднихъ она остается столь же неограниченной, не утрачивая способности приводить и ихъ въ состояніе административнаго восторга. Какъ нельзя болѣе краснорѣчивой и поучительной иллюстраціей этого можетъ служить обошедшая недавно чуть не всѣ столичныя и провинціальныя газеты исторія похожденій сына слободскаго исправника кн. Вяземскаго. Я позволю себѣ въ немногихъ словахъ напомнить наиболѣе существенные моменты этой необыкновенно характерной исторіи. Въ февралѣ текущаго года въ г. Слободской, Вятской губерніи, былъ назначенъ исправникомъ кн. Вяземскій. Онъ привезъ съ собою 18-лѣтняго сына, котораго и опредѣлилъ писцомъ при полиціи. Самъ исправникъ съ момента своего назначенія мало занимался дѣлами, а больше пьянствовалъ, всю же власть свою онъ передалъ сыну. Послѣдній и пользовался этой властью во-всю и, играя роль исправника, явися своего рода владыкой надъ цѣлымъ городомъ, притомъ владыкой крайне жестокимъ и драчливымъ. Требуя себѣ безпрекословнаго повиновенія отъ всѣхъ городовыхъ и стражниковъ, онъ приказывалъ имъ бить арестантовъ, почему-либо приводившихся въ полицейское управленіе, и лицъ, которыя сами приходили въ это управленіе съ какими-нибудь заявленіями. Онъ участвовалъ въ нарядахъ полиціи для поддержанія порядка въ городѣ и при этомъ также не упускалъ случая избить обывателей. Онъ совершалъ въ сопровожденіи городовыхъ и стражниковъ ночные обходы по городу и производилъ по своему усмотрѣнію обыски и аресты, сопровождавшіеся опять-таки болѣе или менѣе жестокими избіеніями обыскиваемыхъ и арестованныхъ. Наконецъ, въ ночь на 17 апрѣля онъ, облекшись въ форму, явился со стражниками въ частную квартиру мѣщанки Р. и, произведя здѣсь, неизвѣстно на какомъ основаніи, обыскъ, не давшій никакихъ результатовъ, арестовалъ

*) „Рѣчь", 18 мая 1908 г.

изъ квартиры караульщика П. находившуюся въ гостяхъ дѣвицу Н., которую затѣмъ отправилъ подъ усиленной охраной стражниковъ въ полицейское управленіе и такъ изнасиловалъ въ присутствіи одного изъ стражниковъ. Этотъ послѣдній эпизодъ, однако, и оборвалъ такъ блестяще начатую карьеру молодого Вяземскаго. Изнасилованная имъ дѣвица подала жалобу, затушить дѣло оказалось невозможнымъ и произведенное разслѣдованіе раскрыло всѣ похожденія молодого полицейскаго писца, волею своего отца обращеннаго въ замѣстителя исправника *).

Казалось бы, трудно представить себѣ большій произволъ власти и болѣе жестокое надругательство ея надъ населеніемъ, нежели тѣ, какія обрисовываются въ только что упомянутыхъ исторіяхъ. Но переживаемая нами дѣйствительность знаетъ случаи еще болѣе ужаснаго произвола, еще болѣе звѣрскаго надругательства. За послѣднія недѣли въ газетахъ появились кой-какія свѣдѣнія о нѣсколькихъ судебныхъ процессахъ, чуть-чуть приподнявшихъ край той плотной завѣсы, которая въ настоящій моментъ закрываетъ отъ взглядовъ общества русскія тюрьмы. И то, что открылось за этимъ приподнявшимся краемъ завѣсы, представляетъ собою поистинѣ ужасную картину. Въ тюрьмахъ, какъ выяснилось это въ астраханскомъ процессѣ, въ которомъ скамью подсудимыхъ занимали смотритель тюрьмы Шеферъ и восемь надзирателей, практикуются жестокія пытки, арестантовъ бьютъ смертнымъ боемъ, буквально заколачивая въ гробъ. Втеченіе восьми мѣсяцевъ, съ августа 1906 г. по май 1907 г., въ астраханской тюрьмѣ происходили непрерывныя избіенія. Почти каждую ночь начальникъ тюрьмы и надзиратели обходили тюремныя камеры и били арестантовъ, били кулаками, шашками, револьверами, замками, били резиной и «болгарской кишкой», били, выпытывая показанія, били за жалобы и протесты, били, наконецъ, просто для того, чтобы насладиться муками беззащитныхъ жертвъ. И всѣ эти избіенія производились по прямымъ инструкціямъ высшаго начальства. Привлеченный къ слѣдствію начальникъ тюрьмы Шеферъ показалъ, что арестантовъ въ тюрьмѣ били съ цѣлью раскрытія преступленій и обнаруженія виновныхъ, и «дѣлалось это съ вѣдома и по приказанію высшей администраціи». «Въ подтвержденіе своихъ словъ—гласилъ обвинительный актъ—Шеферъ указалъ предписаніе астраханскаго полицеймейстера отъ 28 февраля 1907 г. По истребованіи къ дѣлу означеннаго предписанія ссылка Шефера на него вполнѣ подтвердилась. Помощникомъ полицеймейстера Ермаковымъ было удостовѣрено то обстоятельство, что смотрителемъ тюрьмы, по приказанію полицеймейстера, производился сыскъ преступленій и преступниковъ въ обширныхъ размѣрахъ» **). И такіе порядки обнаружи-

*) „Вятская Рѣчь". Цитирую по „Кіев. Вѣстямъ", 6 мая 1908 г.
**) „Кіев. Вѣсти", 6 мая 1908 г.

лись не въ одной только астраханской тюрьмѣ. Варшавскій окружный судъ недавно разсматривалъ дѣло по обвиненію бывшаго земскаго стражника Мазовецкаго уѣзда Пищолка въ истязаніи жителя, посада Станиславова Ѳомы Смужевскаго, арестованнаго по подозрѣнію въ принадлежности къ боевому отдѣлу польской соціалистической партіи. Какъ выяснилось на судѣ, Пищолкъ, съ цѣлью вынудить у Смужевскаго признаніе, пыталъ его въ кабинетѣ начальника земской стражи Александрова при посредствѣ особой машинки, состоящей изъ двухъ желѣзныхъ пластинокъ, сжимаемыхъ при помощи винтовъ. Машинка эта причиняла ужасныя мученія, раздробляя пальцы, которые сжимались ея пластинками. На судѣ Пищолкъ утверждалъ, что онъ примѣнилъ къ Смужевскому машинку по приказанію Александрова, а свидѣтели показали, что машинка эта обычно лежала въ шкафу начальника земской стражи **). Извѣстія о подобныхъ порядкахъ доносятся и изъ другихъ мѣстъ заключенія. Такъ, освобожденный недавно изъ каменецъ-подольской тюрьмы редакторъ закрытаго «Подольскаго Вѣстника» подалъ, по словамъ «Кіевскихъ Вѣстей», заявленіе прокуратурѣ о происходящихъ въ этой тюрьмѣ частыхъ избіеніяхъ; между прочимъ, двумъ арестантамъ, какъ говорится въ его заявленіи, поломали ребра, выбили зубы и разбили головы *).

Такова обстановка, въ какой протекаетъ жизнь современнаго русскаго обывателя, того обывателя, котораго оптимисты утѣшаютъ рѣчами о постепенномъ укрѣпленіи идеи конституціи. Можно было бы привести еще не мало эпизодовъ, обрисовывающихъ эту обстановку, но и тѣ, которые уже приведены, достаточно ярко отражаютъ въ себѣ наиболѣе характерныя ея черты. Не надо забывать, что приведенные эпизоды не являются чѣмъ-либо случайнымъ и исключительнымъ. Всѣ они связаны между собою, всѣ они составляютъ произведеніе одной и той же системы. Оффиціально эта система называется «обновленнымъ» или «представительнымъ строемъ». Въ дѣйствительности ее слѣдовало бы называть иначе. Полное отрицаніе законности, произволъ, возведенный въ правило и не знающій для себя никакихъ сдержекъ, раздробленіе власти, доходящее до уничтоженія всякаго смысла государственной организаціи, и свирѣпое, не останавливающееся ни передъ какимъ звѣрствомъ истребленіе противниковъ стараго порядка, — такова сущность этой системы, созданной и практикуемой, какъ послѣднее средство усмиренія проснувшагося къ новой жизни народа.

Можно такъ или иначе относиться къ шансамъ успѣха этой системы. Но не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ обольщаться на ея счетъ, не слѣдуетъ принимать за ея дѣйствительную сущность тотъ прозрачный, лишь изъ словъ сотканный покровъ, какимъ она порою

*) „Новое Время", 10 мая 1908 г.
**) Цитирую по „Рѣчи", 15 мая 1908 г.

прикрываетъ себя, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Въ жизни важны не слова, а дѣйствія. И, когда въ разгарѣ яростной борьбы, въ моментъ наиболѣе напряженныхъ стараній власти путемъ грубаго насилія подавить всѣ притязанія народа и возвратить его въ рабство, раздаются успокоительныя рѣчи, говорящія о постепенномъ внѣдреніи въ жизнь принципа народнаго представительства и идеи конституціи, то въ этихъ рѣчахъ только и можно увидѣть либо злую насмѣшку, прикрывающую ловко устроенную западню, либо безмѣрную наивность, закрывающую глаза на подлинную дѣйствительность. Но, если слѣдуетъ остерегаться западни, то надо бояться и наивности. Только тотъ, кто не нуждается въ наивномъ самообманѣ, кто рѣшается прямо смотрѣть въ глаза голой и неприкрашенной правдѣ жизни, сможетъ найти правильную дорогу и сумѣетъ идти по ней.

В. Мякотинъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Продовольственные и санитарные недуги. Тифъ и тюрьмы.—2. Мѣста ссылки и тюрьмы съ „точки зрѣнія народнаго здравія“. Моральная обстановка тюремной жизни. Екатеринославское дѣло.—3. Конституція и г. Шварцъ. Конституціонные шансы. „Скрытая игра парламентаризма“.

I.

Говорятъ, во время эпидеміи 1894 г. нижегородскій губернаторъ Барановъ строго-на-строго запретилъ употреблять слово «холера». И сообразно съ этимъ былъ изобрѣтенъ новый терминъ: «gastro enterites acutissima». Въ 1901 г. такимъ же порядкомъ было изъято изъ обращенія слово: голодъ. Теперь, въ 1908 г., «провинціальную печать—жалуется, напр., харьковское «Утро»,— упрекаютъ въ томъ, что она замалчиваетъ голодъ въ деревняхъ... Это правда. Но развѣ и столичныя газеты не занимаются больше абстракціями, чѣмъ живой дѣйствительностью?» [1])... Конечно, въ этихъ словахъ не столько упрекъ, сколько жалоба на «независящія обстоятельства», снова получившія непреоборимую силу. Недавно одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ «Товарища» разсказывалъ въ «Кіевскихъ Вѣстяхъ», какъ просто въ петербургскихъ газетахъ «живая дѣйствительность» смѣняется «абстракціями». Дѣло, по его словамъ, сводится къ распоряженіямъ по телефону передъ выпускомъ газеты: «его превосходительство проситъ о такихъ-то фактахъ ничего не печатать»... Въ провинціи же мѣстами, какъ въ Казани, полностью возстановлена предварительная цен-

[1]) „Утро“, 6 мая.

зура; мѣстами позиціи обнажены до той ясности, съ какою, напр., въ Вяткѣ «за передовую статью о голодѣ въ (Вятской) губерніи редакторъ газеты Поповъ оштрафованъ на 500 р., въ виду же неуплаты штрафа арестованъ на 3 мѣсяца» [1]).

«Независящія обстоятельства», конечно, имѣютъ многостороннее и многообразное назначеніе. Но въ частности, это—одно изъ самыхъ серьезныхъ правительственныхъ лекарствъ противъ продовольственныхъ и санитарныхъ недуговъ. Разумѣется, ни для кого не секретъ, что сейчасъ значительная часть Россіи голодаетъ. Время отъ времени проскальзываютъ въ газетахъ даже кое-какія конкретныя указанія на этотъ счетъ. Въ Саратовской, напр., губерніи, «дѣется что-то страшное: люди отупѣли и высохли, дѣти мрутъ, скотъ палъ». Въ Тамбовской губ. «голоду не предвидится конца... ибо сѣмена, отпущенныя земствомъ, совершенно непригодны къ произрастанію». Въ Смоленской губ. «приходится умирать съ голоду». Въ Самарской—«голодъ обостряется все больше и больше». Такія же суммарныя свѣдѣнія имѣются относительно Минской, Уфимской, Симбирской и др. губерній. Есть и болѣе конкретныя указанія, какіе именно уѣзды и даже волости голодаютъ. Попадаются даже имена крестьянъ, умершихъ въ буквальномъ смыслѣ слова голодною смертью [2]). Имѣются неопровергнутыя газетныя свѣдѣнія, съ довольно точнымъ перечисленіемъ мѣстъ и именъ, что въ Поволжьѣ на почвѣ голода возникъ подсобный промыселъ: продажа крестьянскихъ дѣвушекъ скупщикамъ, поставляющимъ этотъ товаръ въ среднеазіатскіе, персидскіе и турецкіе гаремы [3]). Говорятъ, такимъ способомъ поддерживаетъ активный торговый балансъ Россійской имперіи, между прочимъ, аткарскій у. Но вотъ въ этомъ уѣздѣ «комитетъ помощи голодающимъ при Пироговскомъ обществѣ предположилъ открыть свои столовыя». Аткарская земская управа, получивъ это предложеніе, отвѣтила: «не находимъ необходимымъ воспользоваться помощью комитета, такъ какъ располагаемъ извѣстными средствами и приходимъ на помощь въ необходимыхъ случаяхъ». [4]) Есть свѣдѣнія, что поддерживаетъ отечественную промышленность продажей живого товара сенгилеевскій у., Симбирской губ. И въ томъ же сенгилеевскомъ у., по отчету уѣздной земской управы,

---

[1]) „Рѣчь", 6 января.

[2]) Свѣдѣнія объ умершихъ голодною смертью имѣются, между прочимъ, изъ Бузулукскаго и Новоузенскаго уѣздовъ. См., напр., „Утро", 16 апрѣля.

[3]) Цѣна за дѣвичью голову колеблется отъ 50 до 100 и даже 150 рублей. Экспортъ въ затруднительныхъ случаяхъ легализуется посредствомъ заключенія фиктивныхъ браковъ, что увеличиваетъ накладные расходы скупщиковъ на 20—25 р. По совершеніи брачной церемоніи дѣвушки экспортируются подъ видомъ женъ, обязанныхъ слѣдовать за мужьями, на законномъ основаніи. См., напр., „Сарат. Вѣст.", 5 апрѣля.

[4]) „Сѣверъ", 25 апрѣля.

представленному недавнему экстренному земскому собранію, «голодныхъ и нуждающихся не было, и потому отпускаемая на помощь пострадавшему отъ недорода населенію сумма почти цѣликомъ осталась неизрасходованной», хотя управа не отрицаетъ, что её «умоляли о помощи и указывали на острую нужду не одни крестьяне, но и врачебный персоналъ и земскіе начальники» [1]). На сенгилеевскомъ экстренномъ собраніи даже между мѣстными людьми оказался возможенъ споръ, есть голодъ въ уѣздѣ или нѣтъ. «Гласные Валуевъ и Лазаревъ съ фактами въ рукахъ доказывали, что голодъ есть, управа настаивала, что голода нѣтъ. Рѣшить, кто правъ, поручено, въ концѣ концовъ, ревизіонной комиссіи. И самая возможность этого удивительнаго спора, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ тѣмъ не менѣе удивительнымъ обстоятельствомъ, что саратовскія, напр., газеты гораздо больше интересуются (если судить по внѣшности) тактикою третьей Думы, чѣмъ ужасами мѣстнаго голода, а въ харьковскомъ «Утрѣ», освѣдомляющемъ, по мѣрѣ силъ, своего читателя о поволжскихъ голодныхъ смертяхъ, трудно найти сколько-нибудь точныя свѣдѣнія о состояніи продовольственнаго дѣла въ Харьковской губ.

Не менѣе серьезны мѣры и относительно санитарныхъ невзгодъ. Никто не отрицаетъ, что сейчасъ въ Россіи свирѣпствуетъ цынга. Но гдѣ именно? Недавно въ газетахъ сообщалось: «въ кутаисскомъ уѣздѣ на почвѣ голода появилась цынга, уносящая массу жертвъ» [2]). Затѣмъ въ «Новомъ Времени» появилось: «опровергаются газетныя сообщенія о появленіи цынги въ Кутаисской губ. на почвѣ голода» [3]). Цынга вообще есть, но въ нашемъ именно мѣстѣ,—неизвѣстно. Сверхъ цынги ждутъ холеры. Недавно былъ противохолерный съѣздъ въ Самарѣ. По губерніямъ идутъ противохолерныя совѣщанія. «Комиссіей о мѣрахъ борьбы съ чумною заразою» «въ видахъ предупрежденія распространенія холеры отпущено въ распоряженіе министра путей сообщенія 103260 р. на расходы по подготовительнымъ и предупредительнымъ мѣрамъ на внутреннихъ водныхъ путяхъ» [4]). Даже отдаленный отъ обычнаго района холерныхъ заболѣваній архангельскій губернаторъ предписалъ «полицеймейстеру Архангельска, уѣзднымъ исправникамъ, городовымъ и участковымъ врачамъ немедленно принять энергичныя мѣры къ приведенію» всѣхъ населенныхъ мѣстъ губерніи «въ надлежащія санитарныя условія»,—«въ виду возможности появленія эпидеміи холеры» [5])... Судя по этому, можно бы думать, что гроза ожидается нешуточная. А съ другой стороны, харьковское, напр., медицинское общество было вынуждено «отказаться отъ

[1]) „Рус. Слово", 12 апрѣля.
[2]) „Сѣверъ", 25 апрѣля.
[3]) „Нов. Вр.", 27 мая.
[4]) „Сарат. Вѣст.", 1 апрѣля.
[5]) „Сѣверъ", 19 апрѣля.

устройства чтеній о холерѣ» послѣ того, какъ мѣстная администрація запретила доктору Недруйгаилову чтеніе лекцій объ этой болѣзни. Есть свѣдѣнія, что гроза уже наступила. «Въ Петербургѣ—читаемъ, напр., въ «Южной Зарѣ» (8 мая)—начались подозрительныя по холерѣ заболѣванія; санитарная часть мобилизована». Но по оффиціальнымъ даннымъ, холеры въ Петербургѣ нѣтъ. Появились было свѣдѣнія о подозрительныхъ по холерѣ случаяхъ въ Кіевской губ. Но Кіевскій губернаторъ разъяснилъ, что «опасенія опровергаются» [1]). Въ Симбирскѣ, по словамъ «Голоса Москвы», зарегистрировано подозрительное по холерѣ заболѣваніе» [2]). Но опять-таки это частное свѣдѣніе, основательность котораго зависитъ отъ симбирскаго губернатора. Даже свѣдѣнія оффиціальнаго происхожденія не такъ ужъ окончательны. Въ первой половинѣ мая въ газетахъ появилась, между прочимъ, слѣдующая замѣтка: «предсѣдатель изюмской земской управы (Харьковской губерніи) извѣщаетъ, что въ Славянскѣ началась эпидемія сыпного тифа» [3]). Одновременно харьковское «Утро» подтверждало: «зарегистрировано 12 случаевъ; городская управа (славянская) совмѣстно съ врачами принимаетъ мѣры къ прекращенію эпидеміи» [4]). Но затѣмъ оффиціально разъяснено отъ имени управленія славянскихъ минеральныхъ водъ: «всѣ слухи объ эпидеміи сыпного тифа вымышлены; не было ни одного заболѣванія» [5]). О Пятигорскѣ лишь на-дняхъ, благодаря чрезвычайнымъ совѣщаніямъ врачей, подъ предсѣдательствомъ спеціально командированнаго лейбъ-медика Бертенсона, стало извѣстно, что тамъ «сыпной тифъ былъ и въ прошломъ году», когда его «удалось скрыть»; потомъ усилился зимою и разыгрался къ открытію нынѣшняго «сезона» до «угрожающихъ размѣровъ» («Рѣчь», 29 мая). Но вслѣдъ затѣмъ было оффиціально объявлено: «число случаевъ сыпного тифа на минеральныхъ водахъ значительно ниже прошлогодняго», «заболѣваютъ исключительно пришлые рабочіе и лишь на окраинахъ», «заболѣванія единичны, и не можетъ быть рѣчи объ эпидеміи», а «принимаемыми санитарными мѣрами безопасность обезпечивается вполнѣ» («Рѣчь», 30 мая). Словомъ, въ прошломъ году тифа не было, а въ нынѣшнемъ «число заболѣваній» еще меньше...

Конечно, споръ на этой почвѣ возможенъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Относительно Кіева, напр, только теперь выясняется, что «эпидемія возвратнаго тифа стала развиваться здѣсь тотчасъ послѣ холеры. Сначала заболѣванія были въ небольшомъ количествѣ. Начиная съ февраля, въ теченіе недѣли въ среднемъ заре-

[1]) „Кіев. Мысль", 3 мая.
[2]) „Сѣверъ", 13 мая.
[3]) „Сѣв.", 13 мая.
[4]) „Утро", 7 мая.
[5]) „Рѣчь", 18 мая.

гистрировалось по 80—90 больныхъ». И тогда вопросъ, есть тифъ въ Кіевѣ или нѣтъ, стоялъ спорно. Но вотъ «цифра еженедѣльныхъ заболѣваній достигаетъ 110—120». Затѣмъ число ежедневно поступающихъ въ больницы эпидемическихъ больныхъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ. 13 мая, напр., тифозныхъ поступило въ больницы Кіева 52, 18 мая—60, 24 мая—74 [1]). Къ 12 мая въ больницахъ скопилось «свыше 900» больныхъ возвратнымъ и сыпнымъ тифомъ. Въ самой обширной Александровской больницѣ «больные лежатъ на полу; нельзя пройти; вмѣстѣ лежатъ и тифозные, и больные воспаленіемъ легкихъ»; «несмотря на то, что больные лежатъ и на полу, все же 30 тифозныхъ должны ночевать въ пріемной» [2])... Словомъ, наличность эпидеміи оспаривалась до тѣхъ поръ, пока пріемная крупнѣйшей въ городѣ больницы не обращена въ ночлежное помѣщеніе для тифозныхъ. Но теперь уже несомнѣнно и безспорно, что Кіевъ неблагополученъ въ отношеніи тифа. Точно также довольно долго спорнымъ оставался вопросъ и относительно Елисаветграда. И здѣсь никакой эпидеміи оффиціально не было. Регистраціи больныхъ не велось [3]). И лишь въ концѣ апрѣля, когда въ городской больницѣ скопилось до 180 сыпно-тифозныхъ, когда отъ сыпного тифа стали умирать съ одной стороны видные представители общественныхъ учрежденій (напр., гласный городской думы Тобѣлевичъ), а съ другой—видные представители чиновничьяго міра (напр., помощникъ секретаря окружного суда), тишина сразу смѣнилась паническимъ шумомъ. Пришлось вдругъ принять чрезвычайныя мѣры, чтобы «избѣжать опаснаго во время эпидеміи скопленія публики». Прекращены засѣданія суда. Прекращены экзамены. Земскимъ служащимъ предписано не являться на службу, если «въ семьѣ есть тифозные». Отмѣнено даже годичное собраніе общества взаимнаго страхованія. Былъ даже экстренно организованъ торжественный и многолюдный крестный ходъ съ молебствіями на базарахъ о прекращеніи мора...

Приблизительно въ такомъ же неподготовленномъ и безпомощномъ состояніи оказались: Вологда, гдѣ «свирѣпствуетъ эпидемія возвратнаго тифа» [4]), Могилевъ-Подольскій, гдѣ «свирѣпствуетъ

---

[1]) См. „Кіев. Мысль“ 14 и 19 мая.

[2]) Доклады гласныхъ кіевской городской думѣ въ засѣданіи 12 мая. См. „Кіев. Мысль“, 14 мая и „Кіев. Вѣс.“, 26 мая.

[3]) До какой степени бѣдствіе старались замолчать можно судить уже по одному тому, что только 26 апрѣля, т. е. когда число тифозныхъ въ городѣ достигло до 600, городская санитарная комиссія постановила раздѣлить городъ на 8 санитарныхъ участковъ съ назначеніемъ на каждый по 1 врачу и 1 фельдшеру. Но средствъ на это найти въ короткое время не удалось и 2 мая городъ былъ разбитъ на 6 участковъ съ 4 врачами и 2 студентами. Смотр. „Одесс. Нов.“, 2 и 7 мая.

[4]) „Сѣверо-Зап. Гол.“.

эпидемія сыпного тифа» [1]), Астрахань, гдѣ «не только все заразное отдѣленіе (городской больницы) переполнено тифозными, но 20 человѣкъ размѣщены среди (соматическихъ) больныхъ» [2]), Херсонъ, Николаевъ, Кременчугъ и т. д. Неподготовленною и безсильною справиться оказалась даже Москва. Наряду съ этими городскими пунктами можно бы поставить множество сельскихъ мѣстностей. Такъ, «сильно распространился тифъ возвратный и сыпной на рыбныхъ промыслахъ» Бакинской губ.» [3]). «Изъ многихъ мѣстностей Таврической губерніи (особенно по линіи Севастопольской дороги) поступаютъ свѣдѣнія о разразившейся эпидеміи сыпного тифа» [4]). Въ Диканькѣ, Полтавской губ., «тифъ свирѣпствуетъ уже болѣе года»... [5]) Но относительно весьма многихъ сельскихъ мѣстностей вопросъ стоитъ все таки спорно. И пока мы имѣемъ лишь нѣсколько десятковъ городовъ, гдѣ бѣдствіе доведено до такихъ размѣровъ, которые обезоруживаютъ даже освѣдомительное бюро.

Безъ сомнѣнія, мѣстныя газеты могли бы многое поразсказать о причинахъ эпидеміи. Но при данныхъ условіяхъ, онѣ поневолѣ вынуждены придерживаться оффиціальной версіи, какъ не влекущей ни штрафовъ, ни тюремныхъ заключеній. И по версіямъ, которыхъ газеты вынуждены придерживаться, дѣло обстоитъ приблизительно такъ. Въ Вологду эпидемію принесли «ссыльные эстонцы изъ Прибалтійскаго края». Сыпной тифъ въ Кременчугѣ объясняется «близостью Елисаветграда». Въ Астрахани сыпной тифъ «привезенъ со стороны», хотя и неизвѣстно, съ какой именно. Въ Таврической губерніи виноваты «рабочіе изъ голодныхъ мѣстъ». Въ Кіевѣ виноваты тоже «партіи рабочихъ», но изъ всѣхъ вообще мѣстъ, такъ какъ «тифъ теперь по всей Россіи свирѣпствуетъ». Въ Московской губ. виноваты больницы г. Москвы, которыя, «благодаря крайнему переполненію, недостаточно выдерживаютъ тифозныхъ и выписываютъ ихъ ранѣе полнаго выздоровленія». Кое-гдѣ эпидемія поставлена на счетъ крестьянъ, разъѣзжающихъ по ярмаркамъ, кое-гдѣ виноваты даже и «учащіеся, пріѣзжавшіе къ родителямъ на Пасху»... Но, во всякомъ случаѣ, всюду тифъ оказывается инородцемъ, хотя и проникающимъ кое-куда при участіи начальства: эстонцы то изъ Прибалтійскаго края не по своей волѣ въ Вологду попали. Разумѣется, прибалтійскія власти легко могутъ объявить, что ихній тифъ тоже не собственный, а иногородній. И въ концѣ концовъ получается, что мѣстныхъ источниковъ заразы какъ будто нигдѣ нѣтъ. Однако, и тутъ система запирательства возможна лишь до извѣстныхъ предѣловъ. И, между прочимъ, въ Елисаветградѣ пришлось признать существованіе и

[1]) „Кіев. В." 23 апр.
[2]) „Астрах. Л." 6 мая.
[3]) „Баку" 30 марта.
[4]) „Сѣверо-Зап. Гол.", 4 апрѣля.
[5]) „Кіев. Вѣстн.", 24 апр.

кое-какихъ мѣстныхъ источниковъ. По крайней мѣрѣ, совѣщаніе елисаветградскихъ земскихъ врачей съ участіемъ представителей главнаго врачебнаго управленія указало, какъ на одну изъ причинъ эпидеміи, — на «арестантовъ, отправленныхъ изъ мѣстной тюрьмы по этапу съ зачатками болѣзни»; совѣщаніемъ даже подчеркнуто, что это «послѣднее обстоятельство особенно содѣйствовало распространенію заразы» [1]). Это почти оффиціально. А неоффиціально, по свѣдѣніямъ одесскихъ газетъ, такую же роль сыграли мѣстныя тюрьмы въ Херсонѣ и Николаевѣ. Мѣстнымъ «очагомъ заразы» газеты считаютъ бердичевскій тюремный замокъ. По отзыву приватъ-доцента г. Корчакъ-Чепурковскаго, разсадникомъ сыпного и возвратнаго тифа въ Кіевѣ служатъ не столько ночлежные пріюты, гдѣ ютятся «партіи рабочихъ», сколько гораздо болѣе ночлежныхъ пріютовъ переполненныя кіевскія тюрьмы [2]).

Это, конечно, «частныя догадки». Но едва ли ихъ легко свести на нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, по свѣдѣніямъ кіевской городской управы, къ концу марта н. г. въ кіевскихъ тюрьмахъ «было больныхъ возвратнымъ тифомъ 495 человѣкъ» (а «по слухамъ, добавляютъ «Кіевскія Вѣсти», дѣйствительное число больныхъ значительно выше»)... «Процентъ смертности, въ мартѣ превышающій 4, теперь (къ концу апрѣля) перевалилъ за 14» [3]). Въ концѣ апрѣля неявки арестантовъ въ судъ «по болѣзни» были часты. И тюремное вѣдомство приняло мѣры. 19 мая, напр., въ кіевскій военно-окружной судъ изъ тюрьмы были доставлены двое подсудимыхъ въ такомъ видѣ, что ихъ пришлось во время судебнаго засѣданія подвергнуть медицинскому осмотру. Врачъ нашелъ, что оба безусловно больны, и безусловно не могутъ отдавать себѣ отчета во всемъ происходящемъ»; «у одного пульсъ 130, у другого 120 ударовъ въ минуту» [4]). Впрочемъ, тифозныхъ въ Кіевѣ не только судятъ, но и вѣшаютъ. Такъ, напр., 17 мая, «неоправившійся отъ тифа Новиковъ имѣлъ быть отправленъ къ мѣсту смертной казни въ каретѣ», и если не отправленъ, то лишь потому, что передъ самою казнью получено распоряженіе о пересмотрѣ дѣла. [5]).

«Въ бердичевской тюрьмѣ свирѣпствуетъ въ сильной степени тифъ сыпной и брюшной. Общее число больныхъ свыше 105 чел. Больница маленькая. Кроватей и тюфяковъ не хватаетъ. Больныхъ кладутъ въ коридорахъ и на полъ на солому; бѣлья нѣтъ [6])... «Въ бахмутской тюрьмѣ заболѣванія брюшнымъ тифомъ. Боль-

---

[1]) См. „Одес. Нов. 7 мая.
[2]) „Кіев. Мыс.", 6 мая.
[3]) „Кіев. Вѣстн.", 25 апрѣля.
[4]) „К. В.", 20 мая.
[5]) Ibid.
[6]) „Кіев. Вѣсти", 4 мая.

ныхъ помѣщаютъ въ сырую тюремную церковь» [1])... «Наканунѣ освобожденія умеръ въ екатеринославской тюрьмѣ политическій Лихтеръ, заразившійся тифомъ» [2])... «Въ звенигородской тюрьмѣ заболѣло возвратнымъ тифомъ 3 арестанта» [3])... «Съ послѣднихъ чиселъ апрѣля появился тифъ въ сквирской тюрьмѣ» [4])... Особенный ростъ заболѣваній сыпнымъ тифомъ наблюдается въ херсонскихъ тюрьмахъ: по свѣдѣніямъ, представленнымъ врачемъ губернской земской больницы Монтвило губернской управѣ, уже въ апрѣлѣ стали доставлять больныхъ... изъ губернской тюрьмы, арестантскихъ исправительныхъ отдѣленій и политической тюрьмы» [5])... Во всякомъ случаѣ уже къ 1 марта н. г., по свѣдѣніямъ министерства юстиціи, опубликованнымъ «Новымъ Временемъ» «болѣе чѣмъ въ 65 тюрьмахъ обнаружены заболѣванія, какъ арестантовъ такъ и чиновъ администраціи сыпнымъ тифомъ» (Цит. по «Баку», 4 мая).

И опять передъ нами хотя и безспорныя, но крайне общія данныя. Тифъ вообще есть въ тюрьмахъ. Это оффиціально не оспаривается. Но гдѣ же именно? Въ какихъ размѣрахъ? Въ упомянутомъ мною совѣщаніи елисаветградскихъ врачей, между прочимъ, было отмѣчено, что «тюремное вѣдомство при появленіи эпидеміи въ тюрьмѣ скрывало бѣду». И тюремное вѣдомство «скрываетъ бѣду» не только отъ врачей. Недавно, напр., въ Кіевѣ военно-окружнымъ судомъ удостовѣрено (по дѣлу о разбойномъ нападеніи на магазинъ Шевелева въ Новозыбковѣ), что «судъ дважды запрашивалъ тюрьму о состояніи здоровья подсудимыхъ (заболѣвшихъ тифомъ) и не получилъ никакого отвѣта» [6]). Эта тактика ведетъ къ нѣкоторымъ послѣдствіямъ. Передо мною рядъ газетныхъ замѣтокъ: «въ виду переполненія черкасской тюрьмы часть политическихъ заключенныхъ переводится въ звенигородскую и таращанскую тюрьмы», «изъ житомирской тюрьмы вслѣдствіе переполненія партіи арестованныхъ переведены въ другія тюрьмы» и т. д. Извѣстіе о начавшемся переводѣ политическихъ изъ черкасской тюрьмы въ звенигородскую напечатано «Кіевскими Вѣстями» 2 мая. 20 мая въ тѣхъ же «Кіевскихъ Вѣстяхъ» сообщено о появленіи тифа въ звенигородской тюрьмѣ. Пока тюремное вѣдомство бережно хранитъ свои санитарные секреты, между этими двумя извѣстіями, взятыми мною въ видѣ примѣра, очевидна лишь хронологическая преемственность. Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно съ увѣренностью сказать, что разсылка по этапамъ, напр., заключеныхъ елисаветградской тюрьмы, или

---

[1]) „Рус. Слово", 25 апрѣля.
[2]) „Рѣчь", 25 января.
[3]) „Кіев. Вѣсти", 20 мая.
[4]) Кіев. В.", 7 мая.
[5]) „Одес. Нов.", 13 мая.
[6]) „Кіев. Вѣсти", 20 мая.

доставка въ судъ тифозныхъ изъ кіевской тюрьмы равносильна разбрасыванію углей изъ костра. Съ увѣренностью также можно сказать, что вообще дѣло сводится къ перенесенію эпидемическихъ болѣзней изъ зараженныхъ тюремъ въ незараженныя и къ скорѣйшему распространенію эпидеміи, какъ среди «арестантовъ, такъ равно, чрезъ конвойныя команды и другихъ посредниковъ, и среди всего населенія, въ особенности городского, живущаго вблизи мѣстъ заключенія. Однако эта роль тюремнаго вѣдомства ясна лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. И поскольку оно умѣетъ хранить свои тайны, у насъ въ данное время нѣтъ матеріаловъ, чтобъ представить плоды его трудовъ въ дѣлѣ распространенія заразныхъ заболѣваній вполнѣ наглядно.

II.

Усиленное распространеніе эпидемій за счетъ государственнаго казначейства,—таковъ, повторяю, въ общихъ чертахъ одинъ изъ итоговъ «государственной дѣятельности кабинета П. А. Столыпина» Этотъ итогъ вскрылся для обывателя какъ-то невзначай, неожиданно. И поскольку онъ задѣваетъ элементарное обывательское чувство самосохраненія, вполнѣ естественъ вопросъ: что-жъ теперь дѣлать? какъ быть?

«Пора освобождать тюрьмы! — восклицаетъ, «Современное Слово».—Изъ осмотровъ тюремъ министерство юстиціи знаетъ, что «ограды разрушаются, осѣли фундаменты, провисли потолки»... Пора освобождать тюрьмы и обеззараживать Россію»...

Такой неожиданный оборотъ получился съ вопросомъ объ амнистіи. Рѣчь идетъ уже объ «освобожденіи» не заключенныхъ, а тюремъ, казенныхъ зданій, ибо онѣ, дѣйствительно, нуждаются въ ремонтѣ, ибо у этихъ заслуженныхъ ветерановъ, дѣйствительно, «осѣли фундаменты» и «провисли потолки». Въ смыслѣ учета мнѣнія страны о представителяхъ власти крайне характерна эта попытка найти наиболѣе понятный начальству языкъ: о людяхъ мы ужъ не говоримъ, а вы хоть зданія казенныя пожалѣйте. Я говорю: «мнѣнія страны», ибо «Совр. Сл.» свою аргументацію не само изобрѣло. Убѣжденіе, что начальство призывами къ человѣчности не разжалобишь, какъ бы окрѣпло въ обывательской душѣ. И создалась даже своеобразная обывательская теорія, что въ этой «неразжалобимости» начальства есть сознательный политическій разсчетъ.

Съ мѣсяцъ назадъ, плывя на пароходѣ по Деснѣ, мнѣ пришлось слышать характерный споръ двухъ пожилыхъ рабочихъ по «мясной части» (сторожа при уѣздной бойнѣ). Оба православные. Оба неграмотные. И у обоихъ сыновья сидятъ по политическому дѣлу. День случился табельный. И такъ какъ я читалъ только что

полученную «изъ губерніи» газету, то ко мнѣ обратились съ вопросомъ: «нѣтъ ли чего на счетъ амнистіи». А такъ какъ насчетъ амнистіи ничего не было, то между ними и завязался споръ:

— Будетъ,—говорилъ одинъ.—Должна быть. Потому—зараза въ тюрьмѣ. Люди мрутъ. Значитъ, какъ же можно безъ амнистіи?

— Ну, и помрутъ! — возражалъ другой. — Это намъ съ тобою больно. А имъ что? Для нихъ хоть всѣ помирай...

— Чудакъ,—да нешто арестантамъ однимъ умирать? Ты пойми, дура голова,—зараза... Ты думаешь,—тебя она изъ тюрьмы не достанетъ? Какъ пойдетъ косить,—такъ всѣхъ подъ рядъ.

— Подумаешь!.. Испугалъ ты ихъ!.. Жалко имъ, небось! Ты возьми,—первое дѣло, народу много. Второе дѣло,—земли мало. Рабочему человѣку не съ чего взяться. Вотъ и выходитъ прямой разсчетъ—народъ переполовинитъ...

Эти совершенно неизбѣжныя при наличныхъ условіяхъ обывательскія догадки насчетъ намѣреній «народъ переполовинитъ» должны гораздо больше убѣждать начальство, чѣмъ напоминанія о ремонтѣ казенныхъ зданій. Но и противъ обывательскихъ догадокъ легко предъявить встрѣчный аргументъ:

— Наоборотъ, именно въ виду нынѣшнихъ эпидемій и нельзя думать объ амнистіи. Помилуйте, вѣдь это значило бы выпустить людей изъ зараженныхъ мѣстъ для разнесенія заразы повсюду. Нельзя! Не только по политическимъ соображеніямъ нельзя, но и въ «интересахъ народнаго здравія»...

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ резона ждать, что начальство испугается эпидемій и станемъ «освобождать» мѣста заключеній и ссылокъ. Склонности пойти въ эту сторону отнюдь не замѣтно. И остается лишь просто взвѣсить, что такое эти мѣста представляютъ, и чего оттуда, хотя бы только съ точки зрѣнія «народнаго здравія», надо ожидать.

Между прочимъ, ссыльные Нарымскаго края предложили депутатамъ 3 Думы «внести слѣдующій срочный запросъ: ...почему и съ какою цѣлью правительство, зная, что (Нарымскій) край переполненъ ссыльными, и что здѣсь свирѣпствуетъ сыпной тифъ, не пріостанавливаетъ ссылки, посылая людей на вѣрную смерть?.. На какомъ основаніи ссыльные въ краѣ лишены врачебной помощи, въ которой не отказываютъ въ уголовныхъ тюрьмахъ?» [1]) Сейчасъ эпидемическія заболѣванія существуютъ и въ другихъ обычныхъ мѣстахъ ссылки. Есть, напр., возвратный тифъ въ Вятской губерніи [2]). Есть, какъ мы видѣли, и въ Вологодской. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, почему и съ какою цѣлью правительство продолжаетъ направлять ссыльныхъ въ эпидемически-неблагополучныя мѣстности. Но вотъ, напр., одна изъ многочисленныхъ жалобъ:

---

[1]) „Голосъ Москвы", 5 апрѣля.

[2]) „Рус. Слово", 30 марта.

„Уже второй мѣсяцъ, какъ мы (ссыльные малмыжскаго у., Вятской губ.) не получали казеннаго пособія, такъ называемыхъ кормовыхъ. Питаемся однимъ лишь чаемъ, обѣда или чего-либо горячаго совсѣмъ не видимъ. Мы лишены помощи или угощенія мѣстныхъ лицъ, потому что если мѣстная интеллигенція приглашаетъ кого-либо изъ ссыльныхъ, то она тоже попадаетъ подъ замѣчаніе полиціи и получаетъ черезъ урядника указаніе, что съ ссыльными сношеній имѣть не слѣдуетъ... Обращаемся за полученіемъ денегъ къ мѣстному уряднику. Онъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, не знаю". Отправляемся къ становому приставу (пѣшкомъ за 20—30 верстъ), докладываемъ ему о нашей голодной жизни, говоримъ, что крестьяне больше ничего не даютъ намъ въ долгъ, а урядникъ не поручается. Приставъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ денегъ, еще не ассигновано... Даже не знаю, когда онѣ будутъ"... Хоть бы имѣли мы одежду теплую! Вѣдь, большинство ходитъ въ лѣтнемъ костюмѣ, не имѣя ничего теплаго, а особенно тяжело это для прибывшихъ съ Кавказа" [1]).

Помогать запрещено. Давать въ долгъ—«урядникъ не ручается». «Денегъ нѣтъ, еще не ассигнованы»... Не будемъ догадываться, случайно или съ умысломъ этими способами взрыхляется и удобряется въ мѣстахъ ссылки почва подъ тифъ и цынгу. Несомнѣнно лишь, что почва взрыхляется. И притомъ не только тѣми способами, о которыхъ говоритъ жалоба изъ малмыжскаго уѣзда. Вотъ, напр., одно изъ послѣднихъ мѣропріятій въ мѣстахъ ссылки:

«Высылка политическихъ ссыльныхъ изъ города постепенно усиливается. Характерною чертою высылки является то обстоятельство, что высылаются ссыльные, которымъ остается нѣсколько мѣсяцевъ до конца срока ссылки» [2]).

Допустимъ, и тутъ нѣтъ прямой цѣли удалить отъ мѣстъ, гдѣ хоть сколько-нибудь обезпечена своевременная медицинская помощь, гдѣ хоть сколько-нибудь возможенъ для ссыльнаго заработокъ. Но вотъ и еще мѣропріятіе:

„Недавно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изданъ циркуляръ, согласно которому проѣздныя деньги (лицамъ, отбывшимъ срокъ ссылки) будутъ выдаваться только двумъ категоріямъ ссыльныхъ,—тѣмъ, кто получаетъ по пересмотрѣ дѣла досрочное освобожденіе, и тѣмъ, кто былъ высланъ на время военнаго положенія и возвращается на родину послѣ отмѣны этого положенія. Всѣ остальные ссыльные при отъѣздѣ на родину проѣздныхъ денегъ получать не будутъ,—имъ предоставляется право ѣхать по этапу" [3]).

Эта мѣра предпринята уже послѣ того, какъ санитарное положеніе мѣстъ ссылки выяснилось вполнѣ. И характерно,—осуществленіе ея, кажется, потребуетъ дополнительныхъ расходовъ казны; по разсчетамъ, напр., архангельскихъ и вологодскихъ газетъ, «пересылки по этапу съ ихъ конвоемъ и содержаніемъ по тюрьмамъ обходятся значительно дороже, чѣмъ проѣздъ того же разстоянія по билету 3 класса желѣзной дороги» [4]). Невольно возникаютъ во-

---

[1]) „Вятская Рѣчь", 15 декабря 1907.

[2]) „Сѣверъ", 25 апрѣля. Корреспонденція изъ В. Устюга, Вологодской губ.

[3]) „Сѣверъ", 2 апрѣля.

[4]) «Сѣв.», 2 апрѣля.

просы, чего собственно авторы этого циркуляра хотятъ? Испытать ли крѣпость организма, который хотя и уцѣлѣлъ въ ссылкѣ, но, быть можетъ, на столько расшатанъ, что не выдержитъ переполненныхъ этаповъ и тюремъ, ставшихъ очагами заразы? Желательно ли провести черезъ переполненные этапы и тюрьмы нѣсколько-лишнихъ тысячъ человѣкъ изъ завѣдомо неблагополучныхъ мѣстностей? Или тутъ имѣлось въ виду лишь причинить ссыльнымъ и еще одну, дополнительную непріятность, и вполнѣ опредѣленныхъ санитарно-эпидемическихъ результатовъ министерство внутреннихъ дѣлъ достигаетъ неожиданно для себя, въ силу собственнаго легкомыслія? Но повторяю, матеріаловъ для сколько-нибудь точныхъ выводовъ относительно намѣреній начальства у насъ нѣтъ. Догадываться же не будемъ. Остается лишь рядъ фактовъ: вотъ что ждетъ ссыльныхъ, и вотъ чего надо ожидать съ точки зрѣнія народнаго здравія отъ мѣстъ ссылки. Послѣднія же «мѣропріятія» направлены не къ тому, чтобы смягчить, а къ тому, чтобъ ухудшить положеніе вещей.

Въ данныхъ министерства юстиціи, опубликованныхъ «Нов. Временемъ», даже попытки не дѣлается объяснить появленіе сыпного тифа въ 65 тюрьмахъ какими-либо внѣшними причинами: приходится, молъ, забирать людей въ голодныхъ деревняхъ, оттого и тифъ. Эти данныя не обинуясь признаютъ, что передъ нами эпидемія чисто тюремнаго происхожденія. Они прямо указываютъ на «переполненіе тюремъ», на «скученность заключенныхъ», которая «создаетъ крайне антигигіеническія условія содержанія и способствуетъ появленію эпидемическихъ болѣзней». И это указаніе министерство юстиціи подкрѣпляетъ цифровыми справками. Тюрьмы въ Россіи разсчитаны на 107 тыс. мѣстъ. Содержится въ нихъ (къ 1 марта) до 168 тыс. человѣкъ. Это вообще. Въ частности же, кіевская, напр., тюрьма разсчитана на 690 мѣстъ, содержится въ ней свыше 2.200; екатеринославская тюрьма разсчитана на 324 м., содержится—свыше 940; одесская—разсчитана на 804 м., содержится свыше 1.600 чел. По свѣдѣніямъ кіевскихъ газетъ, въ бердичевской, напр., тюрьмѣ на 250 мѣстъ 700 заключенныхъ, въ чигиринской на 66 мѣстъ 214 заключенныхъ и т. д. Несоразмѣрными съ физическою возможностью репрессіями дѣло доведено до того, что «предсѣдатель, напр., пермскаго окружнаго суда телеграммой въ министерство сообщилъ о пріостановкѣ исполненіемъ многихъ приговоровъ, вслѣдствіе переполненія тюремъ» [1]). Получила широкую огласку «исторія отсидки» депутата первой Думы Езерскаго, по отношенію къ которому даже въ Петербургѣ, несмотря на всѣ его хлопоты, несмотря на старанія прокурора судебной палаты г. Камышанскаго, тюремное вѣдомство оказалось вынужденнымъ примѣнить

[1]) «Одес. Нов.», 16 апрѣля.

«отбываніе наказанія въ разсрочку». Даже одесскій градоначальникъ замѣтно смущенъ, что «арестанты за неимѣніемъ мѣста принуждены спать (на полу) въ сидячемъ положеніи» («Кіев. Вѣсти», 1 мая). Однако, не видно, чтобы смущено было вообще правительство, уже признавшее, что «переполненіемъ» насажденъ сыпной тифъ въ 65 тюрьмахъ. Наоборотъ, репрессіи заостряются, а не притупляются. И переполненіе тюремъ не падаетъ, а растетъ.

«Антигигіеничность» вообще министерство юстиціи признаетъ. Частности же, въ родѣ тюремной грязи и тюремныхъ паразитовъ хорошо извѣстны. Онѣ ужасали иностранцевъ еще въ ту пору, когда арестанты спали все-таки на нарахъ, а не на полу возлѣ самыхъ парашъ и въ «полусидячемъ положеніи». Общеизвѣстно также, что теперь даже въ тюремныхъ больницахъ не хватаетъ кроватей и тюфяковъ, что мѣстами, какъ, напримѣръ, въ Бердичевѣ даже для арестантовъ, которые находятся на больничномъ режимѣ, не хватаетъ бѣлья. Общеизвѣстно, наконецъ, что многіе смотрители не стѣснялись помѣщать въ одной камерѣ больныхъ, хотя бы и эпидемическихъ, рядомъ съ здоровыми. Правда,—не безъ добрыхъ душъ и на тюремныхъ должностяхъ—больныхъ все таки старались изолировать. Теперь, какъ мы видѣли, въ бахмутской тюрьмѣ, ихъ приходится помѣщать въ церкви. Мѣстами, какъ напр., въ Херсонѣ, «городская управа сообщила тюремной администраціи, что въ городской заразной больницѣ нѣтъ мѣстъ для (дальнѣйшаго) пріема заключенныхъ» («Одес. Нов.»). И размѣщать даже эпидемическихъ больныхъ рядомъ съ здоровыми арестантами приходится уже не по озлобленію, а въ силу необходимости.

О пищѣ арестантовъ кое-какія данныя выяснились во время думскихъ преній 29 апрѣля. «Тюремное населеніе—суммируетъ эти данныя «Рѣчь»—питается пайкомъ въ 9 коп. на душу въ сутки,—пайкомъ, на который... при существующихъ цѣнахъ можно пріобрѣсти 3 фунта печенаго хлѣба безъ всякаго приварка и горячей пищи. Самый паекъ—хлѣбъ, мясо и др. продукты—пріобрѣтается отъ поставщиковъ въ долгъ. Долги уплачиваются черезъ 2 и 3 года послѣ оказаннаго кредита и достигаютъ цифры въ нѣсколько милліоновъ рублей». А такъ какъ кредиторъ, добавимъ отъ себя, поневолѣ долженъ приводить цѣны по поставкамъ въ тюрьму въ соотвѣтствіе съ обычными продажными цѣнами за наличныя, и такъ какъ это возможно сдѣлать лишь начисленіемъ обычнаго въ Россіи торговаго процента 10—12 годовыхъ (minimum), то фактически паекъ арестанта не больше 6—7 копеекъ въ сутки, да и то если тюремная администрація не крадетъ. Такова общая картина. О бытовыхъ частностяхъ можно судить по недавнему, сравнительно, сообщенію «Псковск. Газ.». Изъ мѣстнаго арестнаго дома исчезъ вдругъ арестантъ. Обычнымъ порядкомъ его стали розыскивать. Но онъ вскорѣ вернулся и на вопросъ властей, гдѣ былъ, отвѣтилъ: «отлучился въ деревню къ

себѣ домой за хлѣбомъ,—на вашемъ хлѣбѣ не долго съ голоду издохнуть» [1]). Этотъ скандальный эпизодъ получилъ огласку. Мѣстный прокуроръ вынужденъ былъ признать, что пища дѣйствительно ужасна. Но дѣло свелось къ тому, что, вѣдь, это же *земскій* арестный домъ, гдѣ паекъ всего 7 коп., тогда какъ въ казенной тюрьмѣ на 2 коп. больше... Однако, почему земскія 7 коп. наличными меньше казенныхъ 9 коп. въ долгъ на 2—3 года,—мы не знаемъ. И наиболѣе вѣроятная разница здѣсь состоитъ лишь въ томъ, что изъ земскаго арестнаго дома сходить «домой за хлѣбомъ» все-таки легче, чѣмъ изъ казенной тюрьмы. Въ всякомъ случаѣ пищевой режимъ тюремъ равносиленъ систематическому расшатыванію организма до возможно большей воспріимчивости ко всякаго рода заболѣваніямъ, особенно эпидемическимъ. И характерно,—несмотря на исключительно высокія цѣны пищевыхъ продуктовъ въ нынѣшнемъ году, не слышно, чтобы правительство озаботилось увеличить арестантскій девятикопеечный паекъ. До сихъ поръ тюремное расшатываніе здоровья организма арестованныхъ нѣсколько ослаблялось «передачами» пищи съ «воли» родственниками, знакомыми и просто благотворителями. Но именно теперь, именно когда обнаружились даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 65 тифозныхъ тюремъ, въ Варшавѣ, напр., «съѣстные припасы разрѣшается передавать (заключеннымъ) только разъ въ 2 недѣли» («Рѣчь», 30 мая), въ кіевской (тифозной) лукьяновской тюрьмѣ начались всемѣрныя затрудненія и даже отказы въ передачѣ съѣстныхъ припасовъ не успѣвшимъ заболѣть арестантамъ. (См. напр., «Кіев. Вѣсти», 23 апрѣля и 11 мая)... Другихъ тюремъ не называю, ибо это—мѣра общеимперская, продиктованная изъ центра и завершенная съ 15 мая новыми оффиціальными правилами, коими запрещенъ пріемъ вещей для арестованныхъ, «кромѣ самыхъ необходимыхъ предметовъ». Конечно, мѣра эта мотивируется желаніемъ пресѣчь передачу оружія или инструментовъ, пригодныхъ для подготовки побѣга. Но мы уже условились не разбирать, что въ оффиціальныхъ мотивировкахъ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ начальства и что простая отговорка. Мы, вѣдь, оцѣниваемъ факты съ точки зрѣнія народнаго здравія. А съ этой точки зрѣнія, и въ смыслѣ пищевого режима дѣло явно клонится къ возможно болѣе скорому и окончательному превращенію тюремъ въ очаги заразы.

Для европейской, обыкновенной тюрьмы сказаннаго было бы пожалуй, достаточно. Но чрезвычайная русская тюрьма требуетъ учета и другихъ частностей. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ къ одному изъ адвокатовъ уѣзднаго города Саратовской губ. явились двое крестьянъ, подлежащихъ, на основаніи вошедшаго въ законную силу судебнаго приговора, тюремному заключенію, и обратились съ просьбою «похлопотать», чтобы ихъ посадили въ тюрьму безъ по-

[1]) Цит. по «Голосу Москвы», 9 января 1908 г.

боевъ: «Изобьютъ... Живыми не выйдемъ... Ужъ ты, баринъ, какънибудь самъ арестуй насъ»... Адвокатъ отправился къ прокурору. Но прокуроръ отказался поручиться, что заключеніе въ тюрьму обойдется безъ побоевъ. Не поручился за это и судебный слѣдователь. «И вотъ—разсказывала «Рѣчь»—присяжный повѣренный, товарищъ прокурора и судебный слѣдователь вступили между собою въ нѣкій тайный союзъ... Они условились съѣхаться какъ-бы случайно въ тюрьмѣ, когда туда пойдутъ «арестоваться» мужики. Такъ и сдѣлали. Съ мужиками подошелъ адвокатъ, потомъ подъѣхалъ судебный слѣдователь, а за нимъ слѣдомъ товарищъ прокурора»... «Рѣчь» приводила этотъ эпизодъ, какъ одинъ изъ примѣровъ того вмѣшательства въ дѣйствія чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за которое пострадалъ, между прочимъ, саратовскій прокуроръ Вороновъ [1]). И на сколько вообще начальство ревниво въ этихъ случаяхъ, можно судить по недавнему скандалу въ Севастополѣ, гдѣ присяжный засѣдатель Гидалевичъ былъ оштрафованъ генералъ-губернаторомъ на 3000 р. за то, что, находясь при исполненіи судебныхъ обязанностей, «вмѣшался» въ дѣйствія конвойнаго, бившаго арестанта [2]).

«30 іюля (1906 г.) уголовные и политическіе арестанты (астраханской тюрьмы) заявили жалобу на дѣйствія смотрителя Шефера прокурору. 1 августа Шеферъ политическаго арестанта Залѣсскаго и уголовнаго Агаджанова, какъ главныхъ иниціаторовъ (жалобы), перваго приказалъ посадить въ карцеръ, а второго избилъ. Эти дѣйстія вызвали безпорядки со стороны арестантовъ... Шеферъ съ помощникомъ и надзирателями при помощи вызванныхъ стражниковъ принялись бить... Всѣ лѣстницы были покрыты кровью и на ступеняхъ лежали избитые арестанты»... Это—выдержка изъ обвинительнаго акта по дѣлу объ истязаніяхъ въ астраханской тюрьмѣ. А по дополнительнымъ показаніямъ бывшаго письмоводителя тюрьмы Гермашева «старшій совѣтникъ астраханскаго губернскаго правленія Подтягинъ пріѣзжалъ въ тюрьму и руководилъ избіеніемъ». «1 августа вице-губернаторъ Кошура-Масальскій пріѣхалъ въ тюрьму и сдѣлалъ намъ выговоръ, говоря: почему вы только били, а не стрѣляли»? [3]) Помимо вице-губернатора и старшаго совѣтника Подтягина, бить приказывалъ полицеймейстеръ, командировавшій для этой цѣли городовыхъ... [4]) Шеферъ служилъ смотрителемъ астраханской тюрьмы съ іюля 1906 г. по апрѣль 1907. Все это время онъ ежедневно избивалъ по нѣсколько человѣкъ, причемъ избитыхъ до потери сознанія нерѣдко надзиратели обливали, вмѣсто воды, жидкостью изъ парашъ. Избитому давали время очнуться и

---

[1]) См. „Рѣчь", 25 декабря 1907 г.

[2]) „Кіев. Вѣсти", 4 мая 1908 г.

[3]) „Астрах. Лист.", 1 мая.

[4]) ibid. Показанія тюремныхъ надзирателей Меркулова, Котова и Прокофьева.

затѣмъ снова били. 25 января, напр., у арестанта Иванова тотчасъ послѣ вечерней провѣрки стали требовать, чтобы онъ призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ, а такъ какъ онъ не признавался, то его били въ теченіе часа. Потомъ, когда онъ очнулся, его стали снова бить и «били съ полчаса». «Передъ разсвѣтомъ» онъ снова очнулся. И его снова стали бить. Этого троекратнаго допроса въ теченіе одной ночи Ивановъ не вынесъ и къ утренней повѣркѣ умеръ. Тюрьма, узнавъ объ этомъ, потребовала прокурора. «Тогда, по словамъ одного изъ свидѣтелей, Шеферъ съ командой пришелъ въ камеру... и за тѣмъ стали бить, били до безпамятства»... Били всѣхъ подъ рядъ. «Во время избіенія — говоритъ объ этомъ такъ называемомъ «январскомъ бунтѣ» въ астраханской тюрьмѣ обвинительный актъ—Шеферъ перекрестился и сказалъ: вотъ крестъ, что я уйду отсюда лишь послѣ того, какъ убью еще 25 арестантовъ». Часто пьяный, съ явно болѣзненною, до садизма, склонностью находить особое сладострастіе въ истязаніяхъ, Шеферъ слишкомъ переусердствовалъ, и хотя болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ «усмиренія январскаго бунта» оставался начальникомъ тюрьмы, но въ концѣ концовъ его пришлось отдать подъ судъ; послѣ судебнаго приговора онъ подалъ просьбу о помилованіи, и какая относительно него «выйдетъ резолюція»,—пока неизвѣстно. Вообще же говоря, на дѣло Шефера отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто прошлое.

Въ маѣ н. г. разсматривалось кіевскимъ судомъ дѣло объ убійствѣ городовыми въ участкѣ крестьянина Лимаря. На вопросъ суда, какъ могло это случиться, городовой-свидѣтель простодушно отвѣтилъ: «у насъ вообще бьютъ»... Бьютъ при арестѣ, а иногда и убиваютъ, какъ недавно убиты въ Екатеринодарѣ по пути изъ квартиры въ тюрьмѣ бывшій секретарь предсѣдателя окружнаго суда Угнивенко, его братъ и германскій подданный Трунь [1]). Бьютъ во время дознанія. Бьютъ въ тюрьмѣ во время протеста... И тѣмъ, которые «у насъ вообще бьютъ», нужно совершить что-либо исключительно рѣзкое, далеко выходящее изъ предѣловъ обычныхъ, среднихъ побоевъ, чтобы дѣло приняло оффиціальный ходъ и попало въ судъ. Укажу для примѣра хотя бы на начальника ковенскаго охраннаго отд. г. Донцова. О немъ и петербургскія и столичныя газеты не разъ писали, что онъ бьетъ и пытаетъ на допросахъ. По заявленіямъ изувѣченныхъ на пыткѣ, было составлено прокуратурой нѣсколько протоколовъ, подкрѣпленныхъ медицинскими свидѣтельствами. Но производство дознаній по этимъ протоколамъ каждый разъ передается «чиновнику особыхъ порученій, личному другу и

[1]) Убійство мотивировано тѣмъ, что арестованные пытались бѣжать. Изъ убитыхъ секретарь предсѣдателя окружнаго суда не былъ даже арестованъ, а лишь сопровождалъ, по просьбѣ отца, своего арестованнаго брата. Остальныхъ же двоихъ, дѣйствительно арестованныхъ, сопровождалъ конвой полицейскихъ и казаковъ въ количествѣ до 20 человѣкъ. „Русь“, 13 мая.

пріятелю Донцова». («Кіев. Вѣсти», 18 апрѣля). Равнымъ образомъ, хотя «нѣкто Степановъ, содержащійся въ петербургской одиночной тюрьмѣ, и заявилъ прокурору о побояхъ, якобы нанесенныхъ ему тюремной стражей», но «справедливость жалобы подвергнута разслѣдованію главнаго тюремнаго управленія» («Голосъ Москвы», 28 марта). А что такое въ этомъ смыслѣ главное тюремное управленіе, можно судить по его начальнику, о которомъ депутатъ Черносвитовъ въ засѣданіи Думы 28 апрѣля сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующее заявленіе:

«Теперешній начальникъ главнаго тюремнаго управленія не такъ давно посѣтилъ шлиссельбургскую тюрьму. Одинъ изъ политическихъ не всталъ. Изъ-за этого онъ былъ высѣченъ. Высѣченъ такъ, что у него показалась кровь. Онъ получилъ 50 ударовъ».

Съ правыхъ скамей раздались крики: «мало». Эти крики трудно иначе понимать, какъ подтвержденіе факта и принципіальное одобреніе режима, который въ общихъ чертахъ обрисовывается такъ: полуголодные люди, больные рядомъ со здоровыми, вообще гніютъ заживо, а сверхъ того изъ нихъ одни избиты по разнымъ поводамъ и, между прочимъ, на дознаніяхъ, другіе ждутъ очереди подвергнуться дознанію... Картина, однако, далеко не полна. И чтобъ правильнѣе ее оцѣнить съ точки зрѣнія народнаго здравія, необходимо помнить о многихъ другихъ сторонахъ арестантской жизни, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ «истинно-русская» система «закономѣрныхъ» наказаній въ тюрьмѣ. Система эта давно и справедливо стала предметомъ ужаса. Но во что она обращена именно теперь, именно въ разгаръ эпидемическихъ заболѣваній, судите хотя бы по слѣдующей газетной замѣткѣ о саратовской тюрьмѣ: 20 женщинъ за то, что не встали во время провѣрки, «третью недѣлю сидятъ на карцерномъ положеніи въ пустой камерѣ, на черномъ хлѣбѣ и водѣ, безъ постелей, бѣлья, безъ прогулокъ... Только на четвертый день подали имъ на полъ тазъ съ пищей для уголовныхъ, а на 8-тюфяки. Неимовѣрныхъ трудовъ стоило выпросить лекарствъ,—имъ говорятъ, что лекарствъ въ карцерномъ положеніи не полагается» [1])...

За послѣднее и сравнительно короткое время въ газеты проникли свѣдѣнія о самосожженіи въ ялтинской тюрьмѣ, въ царицынской, въ харьковской (23 марта), одесской (23 апрѣля)... [2]) Старая, потрясшая нѣкогда европейское общественное мнѣніе, исторія Маріи Вѣтровой въ казематѣ Петропавловской крѣпости, повторяется съ буквальной точностью ужъ слишкомъ часто. Исключительный по своей трагичности случай сталъ образцомъ цѣлаго ряда какъ бы

[1]) „Кіев. Вѣсти“, 27 апрѣля.

[2]) Въ харьковской тюрьмѣ «вылилъ на себя керосинъ и зажегъ» политическій Черниковскій, въ одесской, «облила свое платье и постель керосиномъ, подожгла себя» политическая Елена Смирнова, молодая дѣвушка.

эпидемическихъ случаевъ. Но въ этой старой исторіи нынѣ появились новые варіанты. Я позволю себѣ напомнить о Стефѣ Камельгардтъ. Ея недавняя смерть въ Житомирѣ прошла почти незамѣченной. Эта молодая, полная силы, едва начинающая жить дѣвушка попала въ варшавскую тюрьму. И тюрьму сумѣла вынести. Но потомъ воспоминаній о пережитомъ и перенесенномъ въ тюрьмѣ вынести не могла. И уже внѣ тюрьмы, окруженная тщательными заботами родныхъ, она облила себя керосиномъ и подожгла, а когда ее тѣмъ не менѣе удалось спасти, выпила бутылку нашатырнаго спирту [1]). Самосожженія въ тюрьмѣ для Россіи не новинка. Но самосожженіе отъ пережитаго въ тюрьмѣ,—этого даже въ Россіи доселѣ какъ будто не бывало. Намъ, очевидно, приходится нѣсколько расширить понятіе: «народное здравіе». Тюрьма, очевидно, превращена въ учрежденіе, угрожающее не только тѣлесному, но и душевному здравію.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не понимать, что нынѣшняя тюремная система требуетъ гораздо большей нервной выносливости, чѣмъ можетъ дать средній человѣкъ. Непосильная для заключенныхъ, эта система не проходитъ безнаказанно и для тюремщиковъ. Вслѣдъ за астраханскимъ полицеймейстеромъ Рахманиновымъ, который долговременныя, упорныя истязанія арестантовъ заключилъ самоубійствомъ, были самоубійства смотрителя рязанской тюрьмы, смотрителя уманской тюрьмы; извѣстны самоубійства надзирателей, извѣстны и просто убійства,—какъ, напр., въ таращанской тюрьмѣ, гдѣ одинъ надзиратель застрѣлилъ изъ револьвера своего помощника и не сумѣлъ объяснить, за что именно. До насъ дошли предсмертныя жалобы покойнаго уманскаго смотрителя Батьячева,—о немъ, кстати, «Кіевскія Вѣсти» писали, какъ о человѣкѣ, который даже въ нынѣшніе дни умѣлъ сравнительно тепло относиться къ арестантамъ. Много у Батьячова непріятностей. Въ тюрьмѣ 150 мѣстъ, а приходится содержать 400 арестованныхъ. На канцелярію отпускается 12 р. 50 коп., а надо имѣть двухъ письмоводителей. И жалованье у него маленькое,—48 р. 50 коп. И «красть» онъ не умѣетъ. И деньги на расходы выдаются несвоевременно. А тутъ еще потерялъ 347 руб. И вотъ по совокупности всѣхъ этихъ невзгодъ, человѣкъ, болѣе 25 лѣтъ прослужившій въ тюремныхъ должностяхъ, закончилъ предсмертное письмо словами: «что будетъ съ моими несчастными дѣтьми и женой», и пустилъ себѣ пулю въ високъ. Прямой причины для такого исхода нѣтъ, ибо потеря 347 р. для тюремнаго смотрителя не столь ужъ велика, чтобъ изъ-за нея стоило кончать разсчеты съ жизнью. Но именно неясность причинъ и заставляетъ думать, что нельзя безнаказанно ни подвергаться теперешней тюремной системѣ, ни быть ея исполнителемъ. Дѣянія даже такихъ

[1]) Краткая замѣтка о Стефѣ Камельгардтъ была напечатана, между прочемъ, въ «Рѣчи» 9 декабря 1908.

приспособленныхъ къ нынѣшней политикѣ главнаго тюремнаго управленія индивидуумовъ, какъ астраханскій Шеферъ, представляютъ не столько цѣлесообразное, даже съ точки зрѣнія г. Курлова, примѣненіе врожденной жестокости, сколько рядъ совершенно дикихъ актовъ, свидѣтельствующихъ объ остромъ психическомъ разстройствѣ. Сдѣлано, кажется, все возможное, чтобъ обитатели тюрьмы не могли сохранять нервное равновѣсіе и были матеріаломъ, постоянно готовымъ къ самымъ невѣроятнымъ вспышкамъ. Мѣропріятія тюремнаго вѣдомства словно направлены къ тому, чтобы превратить ввѣренныя ему учрежденія въ приготовительные классы психіатрическихъ больницъ.

«Тюремныя исторіи» рѣдко становятся достояніемъ гласности и рѣдко доходятъ до суда. Но что извѣстно, что дошло до суда,—то способно привести въ оторопь даже привычнаго человѣка. Предо мною «дѣло», разсмотрѣнное московскимъ окружнымъ судомъ, о «8 арестантахъ, обвинявшихся въ побѣгѣ черезъ взломъ дверей камеры изъ Никитскаго полицейскаго дома». Обстоятельства, выяснившіяся во время судебнаго слѣдствія, вкратцѣ таковы. Камера разсчитана на 20 человѣкъ. Сидѣло въ ней болѣе 50,—по обыкновенію уголовные вмѣстѣ съ политическими; больные рядомъ съ здоровыми спали прямо на полу. Спать возлѣ самой параши никому не хочется, но кто-то долженъ,—ибо мѣстъ нѣтъ. Дверь совершенно гнилая, ее во всякое время легко было бы разломать руками. Но до поры до времени люди сидѣли за гнилою дверью, заражались отъ больныхъ и дышали отравленнымъ воздухомъ. А потомъ вдругъ почему-то нажали на гнилую дверь, и она развалилась, вышли изъ камеры, прошли по всѣмъ коридорамъ,—часовыхъ нигдѣ не было... Судъ, даже нынѣшній судъ, всѣмъ 8 обвиняемымъ въ побѣгѣ вынесъ оправдательный приговоръ [1]), хотя Никитскій домъ, по сравненію съ другими мѣстами,—благодатный уголокъ. И порядки Никитскаго дома прямо поражаютъ гуманностью, если ихъ сравнить съ тѣмъ, что пишетъ, напримѣръ, въ оффиціальномъ сообщеніи екатеринославскій губернаторъ Клингенбергъ, объ усмиренныхъ имъ «безпорядкахъ въ тюрьмѣ» 29 апрѣля.

Обстоятельствъ, предшествовавшихъ «безпорядкахъ», г. Клингенбергъ, не касается. Но кое-что о нихъ мы знаемъ. Мы уже видѣли, что въ екатеринославской тюрьмѣ, разсчитанной на 324 мѣста, содержалось 942,—почти по 3 человѣка на одно мѣсто, тогда какъ въ Никитскомъ полицейскомъ домѣ было все таки лишь $2^1/_2$. Затѣмъ, мы знаемъ,—правда изъ газетъ—что въ Екатеринославской тюрьмѣ есть тифъ. Кое-что извѣстно и относительно привычекъ обращаться съ заключенными въ екатеринославской тюрьмѣ: вѣдь, не такъ ужъ давно, между прочимъ, «Рѣчью» была напечатана слѣдующая телеграмма изъ Екатеринослава: «назначено

[1]) „Рѣчь", 22 декабря 1907.

къ слушанію дѣло о побояхъ, нанесенныхъ девятью тюремными надзирателями политическимъ заключеннымъ» [1]). Предположимъ, въ Екатеринославѣ нѣтъ пытокъ на допросахъ, и, значитъ, арестованные избавлены отъ ужаса переживать муки возвращенныхъ съ допроса и страхъ за тѣхъ, кто готовится идти на допросъ. Но «смертники» — приговоренные къ смертной казни и ожидающіе смертнаго приговора — тамъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, есть и были. Намъ всѣмъ жутко отъ лаконическихъ газетныхъ извѣстій: повѣшено или растрѣляно столько-то и столько-то. Но представьте, что обреченный на повѣшеніе живетъ въ одномъ съ вами домѣ, бокъ-о-бокъ, вотъ тутъ за перегородкою, или чрезъ корридоръ. Вы его видѣли, знаете. Вы знаете, что нынѣшній или завтрашній день — его послѣдній день, нынѣшняя или завтрашняя ночь — его послѣдняя ночь... О, это тонко придумано, — держать «смертниковъ» рядомъ съ обыкновенными арестантами. Такое сосѣдство не всегда способны выдержать нервы даже свободнаго человѣка, не разстраиваемаго ни тюремной пищей, ни тюремной грязью, ни обязанностью спать, если не возлѣ больного сыпнымъ тифомъ, то рядомъ съ парашей, поставленной въ камерѣ, гдѣ на 20 мѣстъ приходится 60 человѣкъ.

Только въ этой обстановкѣ и могъ зародиться тотъ безумный планъ бѣгства, о которомъ говоритъ въ своемъ сообщеніи екатеринославскій губернаторъ,—планъ бѣгства среди бѣла дня сквозь строй вооруженныхъ съ головы до ногъ надзирателей, стражниковъ и часовыхъ. Мы не знаемъ, правда, дѣйствительно ли былъ этотъ планъ въ Екатеринославѣ. Но повѣримъ г. Клингенбергу на слово,— кстати о такихъ же планахъ есть извѣстія изъ другихъ мѣстъ. Не далѣе, какъ 28 февраля, такую же попытку убѣжать среди бѣла дня произвели 5 арестантовъ въ орловской тюрьмѣ; 1 апрѣля такимъ же способомъ пыталась бѣжать группа арестантовъ изъ пензенской тюрьмы, 29 апрѣля—изъ симферопольской; судя по словамъ депутата Кузнецова (29 мая въ Думѣ), нѣчто въ этомъ же родѣ было уже послѣ Екатеринослава въ николаевской каторжной тюрьмѣ. Передъ нами какъ бы эпидемическій выводъ, что лучше найти вѣрную смерть отъ пули при попыткѣ бѣгства, чѣмъ оставаться въ тюрьмѣ до вѣроятнаго заболѣванія тифомъ, до вѣроятнаго нервнаго потрясенія, до вѣроятной смерти или вѣроятнаго увѣчья отъ побоевъ, отъ пули часового, пущенной въ окно, отъ многаго другого, чѣмъ богата нынѣшняя тюремная система. Повидимому, одинаковыя причины ведутъ и къ одинаковымъ результатамъ: лучше смерть, чѣмъ невыносимая жизнь. Это тѣ же самосожженія, только въ другомъ родѣ.

Въ пензенской тюрьмѣ дѣло окончилось глухой газетной замѣткой: «въ покойницкую привезено десять труповъ,—двое въ нази-

[1]) «Рѣчь», 25 января 1908.

рательскихъ костюмахъ, остальные въ штатскихъ платьяхъ». Въ симферопольской тюрьмѣ произошло что-то въ высшей степени загадочное и сложное. И пока можно лишь съ увѣренностью повторить вслѣдъ за «Южными Вѣдомостями»: «есть убитые и раненые» [1]). Орловское начальство опубликовало нѣчто въ родѣ реляціи. Двое изъ пяти, пытавшихся убѣжать, были убиты во дворѣ. Трое скрылись въ пустой камерѣ полуподвальнаго этажа. Противъ нихъ были двинуты: «конная резервная стража», «всѣ полицейскія части» и рота солдатъ можайскаго полка. И по скрывшимся троимъ сквозь окно камеры (а по свѣдѣніямъ «Руси» и черезъ дверную фортку) солдаты открыли стрѣльбу и стрѣляли, пока начальство не убѣдилось, что всѣ трое убиты. Уже эта стрѣльба сквозь окна по людямъ, которые сидятъ въ камерѣ и, очевидно, уйти оттуда не могутъ, походитъ на бредъ. Но екатеринославское начальство сумѣло пойти гораздо дальше. Въ своемъ сообщеніи г. Клингенбергъ расчленяетъ моменты боя. По его словамъ, дѣло началось въ $12^1/_2$ ч. дня во время прогулки взрывомъ «какого-то снаряда, оказавшагося вложеннымъ въ тюфякъ», вынесенный на просушку. Собственно, ни тюфяка ни снаряда на лицо не осталось. И ни откуда не видно, что снарядъ былъ именно «вложенъ въ тюфякъ»,— подразумѣвается, арестантами въ камерѣ. Но, повторяю, повѣримъ г. Клингенбергу на слово. Взрывъ произошелъ на небольшомъ участкѣ двора, «обнесенномъ колючей проволокой»; на этомъ участкѣ въ моментъ взрыва «прогуливались» 21 арестованный. Изъ нихъ трое тотчасъ послѣ взрыва побѣжали прочь отъ тюрьмы и были убиты. 15 вбѣжали, «вломились», въ коридоръ подвальнаго этажа («навалились» на дверь, и она, какъ въ московскомъ Никитскомъ домѣ, разломалась). Здѣсь въ коридорѣ главнаго тюремнаго корпуса по нимъ открыли стрѣльбу два надзирателя. И всѣ 15 «бросились въ такъ называемую кубовую... Въ это время къ двумъ упомянутымъ выше надзирателямъ присоединилось еще нѣсколько другихъ и всѣ они, ставъ въ дверяхъ, открыли по арестантамъ сильный огонь изъ револьверовъ... Всего оказалось въ кубовой 13 труповъ... двое же арестантовъ уцѣлѣло, спрятавшись за печку... Никто изъ нихъ не пытался, кромѣ двухъ спрятавшихся за печью, убѣжать отъ надзирателей въ сосѣднюю комнату, кухню [2]), изъ чего слѣдуетъ придти къ заключенію, что они стремились выскочить изъ кубовой»... Чтобы объяснить, почему убитые, едва вскочивъ въ кубовую, пытались, по его мнѣнію, изъ нея выскочить, губернаторъ

[1]) См. „Кіев. Мысль", 3 мая.

[2]) Конечно, г. Клингенбергу словно въ голову не приходитъ, что гораздо проще было затворить за убѣжавшими въ „кубовую" дверь и не стрѣлять. Но описаніе его наводитъ на другую мысль,—что сами убѣжавшіе хотѣли захлопнуть дверь, чтобъ спастись отъ пуль, но надзиратели не позволили этого сдѣлать. На сколько эта догадка основательна,—разумѣется, могло бы выяснить лишь безпристрастное слѣдствіе.

пишетъ: «Впрочемъ, можетъ быть, арестанты бѣжали въ кубовую съ цѣлью схватить лежавшіе въ кухнѣ ножи, полѣнья и т. д.»...

«Другая партія арестантовъ, преимущественно политическихъ», бывшая также на прогулкѣ въ другомъ участкѣ двора, тоже огороженномъ колючей проволокой, «пыталась бѣжать»,—отъ выстрѣловъ, чтобы спрятаться, или изъ тюрьмы,—объ этомъ г. Клингенбергъ считаетъ за лучшее не говорить. Изъ этой группы, лаконически поясняетъ онъ, «уцѣлѣло лишь нѣсколько человѣкъ, притворившихся убитыми и упавшими на землю». Итакъ, въ кубовой убиты, которые не спрятались, на дворѣ—которые не притворились. Впрочемъ, и притворившихся, по словамъ авторовъ внесеннаго въ Думу запроса, не помиловали. Къ грудѣ лежащихъ на землѣ тѣлъ «подошелъ старшій надзиратель Бѣлокозъ и сказалъ: кто живъ, идите въ камеры, и когда они встали, ихъ перестрѣляли» [1]).

«Одновременно съ симъ—продолжаетъ г. Клингенбергъ—арестанты камеръ, находившихся въ главномъ корпусѣ, подняли невообразимый шумъ, стараясь выломать двери»... Въ первоначальныхъ оффиціозныхъ свѣдѣніяхъ, опубликованныхъ черезъ посредство «Приднѣпровскаго Края», говорилось: (вслѣдъ за взрывомъ) «раздались выстрѣлы изъ нѣкоторыхъ камеръ, на что солдаты [2]) отвѣчали залпами въ камеры». Въ оффиціальномъ сообщеніи губернаторъ эту ужъ слишкомъ явную нелѣпицу не повторяетъ. И говоря о «тщательномъ обыскѣ, какъ камеръ, такъ и арестантовъ», г. Клингенбергъ упоминаетъ лишь о двухъ камерахъ № 10 и № 12, гдѣ найдены: «небольшая коробка, наполненная взрывчатымъ веществомъ» и «шесть патроновъ гремучаго студня». Но это какъ разъ тѣ камеры, которыя находились въ моментъ боя на прогулкѣ [3]). Въ остальныхъ камерахъ, повидимому, ничего «боевого» тщательнымъ обыскомъ не обнаружено, иначе бы г. Клингенбергъ, описывая результаты обыска, о нихъ упомянулъ. Итакъ, «стрѣльбы изъ камеръ» не было. Былъ «невообразимый шумъ»,—даже, навѣрное, у многихъ, особенно больныхъ, по случаю неожиданной стрѣльбы пачками не обошлось безъ истерики. Были «старанія выломать двери»,—намекъ на возможность побѣга завѣдомо безоружныхъ людей изъ тюрьмы, оцѣпленной войсками. «Вслѣдствіе этого пришлось стрѣлять въ заключенныхъ», запертыхъ по камерамъ. И, наконецъ,

---

[1]) „Рѣчь", 31 мая.

[2]) Тотчасъ послѣ взрыва приступила къ дѣйствіямъ рота Симферопольскаго полка и затѣмъ вся тюрьма была оцѣплена войсками.

[3]) Изъ недавняго отчета Харьковскаго народнаго дома, процитированнаго „Рѣчью", „Южной Зарей", „Кіевскими Вѣстями" и др. газетами, стало извѣстно, что у департамента полиціи есть особый родъ агентовъ, спеціальность которыхъ „подкидывать" всякаго рода нелегальные предметы (литературу, бомбы, оружіе, взрывчатыя вещества) въ мѣстахъ, гдѣ предстоитъ или совершается обыскъ. И намъ остается лишь вѣрить, что при обыскѣ въ екатеринославской тюрьмѣ, дѣло обошлось безъ «подметчиковъ».

«позже» «тюремная стража вмѣстѣ съ военнымъ карауломъ выстрѣлами отгоняли арестантовъ отъ оконъ», при чемъ «нѣсколько человѣкъ, повидимому, было ранено». А всего изъ общаго числа заключенныхъ 940—950 убито около 40 и ранено 55; въ томъ числѣ въ запертыхъ камерахъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, убито 4 и ранено 24 [1]). Старая формула управленія: «десятаго сквозь строй» воплощена въ новой редакціи: «десятаго подстрѣлить». Разница лишь въ томъ, что старая формула все таки облекалась въ нѣкоторое подобіе юридическихъ нормъ, при ея примѣненіи требовалось хоть считать, соблюдать хоть ариѳметическую точность; новая же редакція ничего не требуетъ и ни къ чему не обязываетъ, кромѣ команды: пли, пачками по всѣмъ направленіямъ,—если и лишніе окажутся, бѣда не велика.

Повидимому, г. Клингенбергъ не догадывается, въ какой мѣрѣ данное имъ описаніе собственно «безпорядковъ» представляетъ въ сущности обвинительный матеріалъ и противъ него самого и противъ тюремной администраціи. Онъ идетъ дальше и подчеркиваетъ, что происшедшее въ тюрьмѣ для него вовсе не неожиданность. «О готовящемся побѣгѣ—пишетъ г. Клингенбергъ,—въ общихъ чертахъ чинамъ тюремной администраціи было извѣстно, и незадолго до того у одного изъ задержанныхъ въ городѣ преступниковъ было отобрано письмо, въ которомъ были намеки на предстоящій побѣгъ, при чемъ упоминалось о 5 фунтахъ матеріала и о помощи извнѣ картошками». И судя по всему, это—не просто обычная похвальба россійскаго администратора, что вотъ онъ все зналъ и все предусмотрѣлъ. Дѣйствительно, многое было предусмотрѣно и роли распредѣлены заранѣе. «Сейчасъ же послѣ взрыва, ограда тюрьмы снаружи была оцѣплена добавочными военными часовыми, а затѣмъ прибыла кавалерія, введена въ тюремный дворъ пѣхота»... И тюремная стража и солдаты были, дѣйствительно, на чеку. Силы для боя развернуты быстро, въ нѣсколько минутъ. Но это лишь значитъ, что даже съ чисто полицейской точки зрѣнія предупредительныя мѣры г. Клингенберга представляютъ нѣчто болѣзненное. Если даже стать на чисто полицейскую точку зрѣнія, и то выходитъ, что г. Клингенбергъ имѣлъ время произвести свой «тщательный обыскъ» не post factum, и предупредительныя мѣры г. Клингенберга словно построены по плану:

— Ага, бѣгство, голубчики, замыслили. Ну, хорошо жъ, мы васъ угостимъ...

Авторы думскаго запроса говорятъ о многихъ подробностяхъ:

---

[1]) Въ запросѣ, внесенномъ с.-д. депутатами 3 Думы говорится, тоже со ссылкою на оффиціальное сообщеніе, что убито въ камерахъ 3, ранено 24, („Рѣчь", 31 мая). Но вотъ цифры г. Клингенберга: убитыхъ въ камерахъ № 1, № 4, № 12 и 15 по одному, итого 4. См. „Южная Заря" 15 мая. Въ текстѣ запроса, напечатанномъ „Рѣчью", пропущенъ убитый въ камерѣ № 1.

«у убитаго Ваюша выколоты оба глаза, у Цукерина проколота кисть руки, у многихъ убитыхъ штыковыя и сабельныя раны, такъ что вывалились кишки; у нѣкоторыхъ разрублены головы»... Но тотъ массовый аффектъ, тотъ болѣзненный разгулъ страстей, который столь неподражаемо описывается г. Клингенбергомъ подъ видомъ «мѣръ по усмиренію безпорядковъ», никогда не падаетъ сразу. Ему свойственно дополнительно утолять себя, причиняя всякаго рода раны и членовредительства, до полной сытости, до окончательнаго изнеможенія. И подробности, приводимыя въ думскомъ запросѣ, представляютъ собою лишь фактическое подтвержденіе, что аффектъ протекалъ такъ, какъ ему и свойственно протекать. Точно также немыслимо, никогда не бываетъ, чтобы этотъ разгулъ страстей появился вдругъ, ни съ того ни сего, и сразу далъ 95 убитыхъ и раненыхъ. Признаки въ эту сторону должны предварительно накапливаться, прорываться эпизодически наружу, прежде чѣмъ дѣло дошло до пароксизма. И въ этомъ смыслѣ 9 екатеринославскихъ тюремныхъ надзирателей, сумѣвшихъ даже попасть подъ судъ за учиненныя ими истязанія, тоже приходится разсматривать, лишь какъ фактическое подтвержденіе апріорныхъ истинъ.

Г. Клингенбергъ, повидимому, плохо догадывается, какую цѣну имѣетъ опубликованный имъ документъ. Но г. Клингенбергъ умѣетъ прекрасно понимать, какой вѣтеръ дуетъ изъ Петербурга. Г. Столыпинъ былъ настолько удовлетворенъ всѣмъ происшедшимъ въ екатеринославской тюрьмѣ, что послалъ по телеграфу мѣстнымъ чинамъ свое одобреніе. Не даромъ, какъ видите, г. Кошура-Масальскій негодовалъ въ Астрахани, что подвѣдомственная ему тюремная стража плохо воспользовалась «безпорядками». У него «только били, а не стрѣляли», и онъ не получилъ одобренія.

Широкую огласку получила «тюремная сценка» новѣйшихъ временъ. Заключенный, стоя около оконной рѣшетки, крошитъ на подоконникъ хлѣбъ слетѣвшимся къ нему голубямъ. Часовой замѣтилъ это, беретъ винтовку на прицѣлъ.—«Прочь отъ окна».—«Сейчасъ кончу».—Трахъ, и человѣкъ, кормившій голубей, убитъ наповалъ. Такова инструкція,—разъ арестантъ «упорно» стоитъ возлѣ окна, въ него надо стрѣлять. Единичные случаи этого безумія не прекращаются до сихъ поръ. Счетъ убитымъ выстрѣлами въ окно потерянъ. Екатеринославское событіе лишь примѣръ массоваго эффекта на почвѣ той же инструкціи. И «одобреніе» г. Столыпина лишь подчеркиваетъ, что тюремный режимъ углубляется и заостряется въ сторону ухудшенія и моральной, и матеріальной обстановки жизни заключенныхъ. И никакими напоминаніями объ интересахъ народнаго здравія «насъ не запугаете». Формальныя мѣры будутъ, конечно, приняты. Съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ мы все таки считаемся. Вотъ, напримѣръ, 1 іюня «освѣдомительное бюро» заявило, что «въ виду возможности возникновенія... холерной эпидеміи главнымъ тюремнымъ управленіемъ

опубликованы наставленія о способахъ предупрежденія и ограниченія и правила производства дезинфекціи»... [1]) Дезинфицировать, навѣрное будутъ. И, надо надѣяться, тюремное начальство не станетъ усиленно искать такихъ дезинфицирующихъ средствъ, которыя обладаютъ нарочито невыносимымъ запахомъ. Конкурса съ этой цѣлью не будетъ объявлено. Что же касается всего остального,— вслѣдъ за правилами о дезинфекціи появился циркуляръ, коимъ предлагается не обращать вниманія но тюремныя голодовки... Нѣтъ, «насъ не запугаете».

III.

А все таки обывательскій вопросъ: обдуманно или по легкомыслію тюрьмы все болѣе и болѣе откровенно превращаются въ очаги заразы, хоть и естественены, но крайне непріятенъ. Не даромъ думское большинство лишь весьма поверхностно касается «тюремнаго вопроса» и, между прочимъ, отклонило срочность запроса объ екатеринославскомъ побоищѣ. Наряду съ другими недоумѣнными обывательскими вопросами, тутъ есть нѣчто, бьющее въ самый центръ «политики успокоенія Россіи». И не даромъ «Голосъ Москвы» съ удовольствіемъ отмѣчалъ, что П. А. Столыпинъ отсутствовалъ въ Думѣ во время обсужденія смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, что П. А. Столыпина въ этомъ щекотливомъ случаѣ «замѣнилъ товарищъ министра». «По мнѣнію многихъ дѣнутатовъ, это было къ лучшему, — писалъ руководящій органъ «правительственной партіи»—человѣку съ незапятнаной репутаціей, человѣку огромной силы и заслугъ пришлось бы признаваться въ несостоятельности крѣпостныхъ стѣнъ»... [2]) И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что для практическихъ мѣропріятій по министерству внутреннихъ дѣлъ есть, напримѣръ, г. Макаровъ, для распоряженій спеціально по тюремной части есть г. Курловъ... Но это тамъ, на кухнѣ и вообще въ комнатахъ хозяйственнаго назначенія. И на кухнѣ, разумѣется, вовсе не розами пахнетъ. Но зачѣмъ же непремѣнно разбираться въ разныхъ кухонныхъ запахахъ, когда у насъ есть парадныя комнаты, гдѣ блистаетъ «самъ П. А. Столыпинъ», человѣкъ, если вѣрить характеристикѣ «Голоса Москвы» столь «огромной силы», что въ важнѣйшихъ для него случаяхъ

[1]) Кстати извѣстія о холерныхъ заболѣваніяхъ въ тюрьмахъ не прекращались почти до конца прошлаго года. Напр., въ курской тюрьмѣ заболѣванія холерой появились уже въ ноябрѣ. „Комиссія, осмотрѣвшая (курскую тюрьму по этому случаю) нашла страшное переполненіе,—вмѣсто нормальнаго состава 250 чел. набито 500. Въ камерѣ, гдѣ помѣщались первые 3 заболѣвшихъ, сидѣло 27 чел." („Рѣчь", 13 ноября). Въ какой мѣрѣ ликвидирована эта эпидемія въ тюрьмахъ и ликвидирована ли, мы не знаемъ.

[2]) „Голосъ Москвы", 30 апрѣля.

пользуется своими товарищами, какъ щитомъ, и такихъ «огромныхъ заслугъ», что самъ убѣжденъ въ «несостоятельности» основъ той политики, которую велъ и продолжаетъ вести. Здѣсь, въ парадныхъ комнатахъ, кухоннаго запаха почти не слышно. Здѣсь даже г. Макаровъ не говоритъ грубо: и будемъ пороть, сажать, стрѣлять, но выражается на отмѣнно-деликатномъ салонномъ діалектѣ: «пока успокоеніе не наступитъ, министерство внутреннихъ дѣлъ будетъ пользоваться всей полнотой своей власти» [1]) Здѣсь какъ объяснилъ гр. Бобринскій, «осуществляются принципы народнаго представительства». Здѣсь «укрѣпляется конституціонный строй»... Будьте же, господа, благовоспитанны и старайтесь просто не замѣчать того, чего, находясь въ салонахъ, замѣчать не принято. Берите примѣръ хоть съ приличныхъ газетъ, которыя хотя и сообщили, что 27 мая, въ день пріѣзда англійскаго короля, приговорено къ смертной казни 16, и казнено 10, но сумѣли не обратить вниманія на этотъ салютъ военно-внутреннихъ генераловъ... И не только вниманія не обратили, но и постарались сказать нѣсколько чрезвычайно тонкихъ словъ на тему, что вотъ, наконецъ, мы имѣемъ залогъ примиренія англійскаго общественнаго мнѣнія съ обновленною, конституціонной Россіей.

«Только въ конституціонной Россіи—писала напр., «Рѣчь» въ томъ же номерѣ 28 мая, изъ котораго мною взяты приведенныя цифры приговоренныхъ и казненныхъ,—русская общественность вошла равноправнымъ элементомъ въ международное общественное мнѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, вырванъ былъ и корень той вражды, которую цивилизованная Европа инстинктивно чувствовала къ казацкой Россіи»...

«Укрѣпленіе конституціоннаго строя»... Теперь это самая модная салонная тема. И самое модное занятіе не замѣчать кухонныхъ запаховъ. И странное дѣло,—это занятіе дѣлается тѣмъ моднѣе, чѣмъ запахъ черной половины дома слышится явственнѣе. Не диво бы, что этимъ занимаются органы, въ родѣ «Голоса Москвы»,—такъ сказать, призванные рождать изъ тьмы небытія надежду общественную. Но къ попыткамъ родить надежду причастны, къ сожалѣнію, не только эти спеціальные органы. Допустимъ, можно не обращать вниманія на категорическія слова г. Коковцова: «у насъ, слава Богу, нѣтъ парламента». Пусть это лишь «голосъ кухни, случайно прозвучавшій въ гостинной, хотя г. Коковцовъ не отказался ни отъ своихъ выраженій, ни отъ своей мысли. Однако боевой лозунгъ г. Коковцова, вѣдь, онъ вовсе не одинокъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлымъ рядомъ опредѣленныхъ поступковъ, явно обдуманно направленныхъ къ фактическому подчеркиванію антиконституціонной догмы. Достаточно вспомнить хотя бы такую симптоматическую мелочь, какъ изъятіе изъ оффи-

[1]) „Рѣчь", 2 мая.

піальной программы по законовѣдѣнію (для экзаменовъ экстерновъ) параграфовъ, относящихся къ Государственной Думѣ. [1]) Третья Дума въ теченіе первыхъ двухъ сессій,—предрождественской и предпасхальной—такъ укрѣпила «конституціонную идею», что для лицъ желающихъ получить аттестатъ зрѣлости, признано совершенно необязательнымъ знать «законодательство о самомъ существованіи, учрежденія, соотвѣтственнаго нижнимъ палатамъ европейскихъ странъ». Но допустимъ, что и это лишь платоническая демонстрація со стороны гг. Шварца и Георгіевскаго, хотя бы и дѣйствующихъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ солидарно съ совѣтомъ министровъ. Однако, у того же Шварца бойкотъ Думы—вовсе не единственная демонстрація. Судя по его дѣятельности, онъ вообще склоненъ къ демонстративному провозглашенію «началъ гр. Д. А. Толстого», и при этомъ обнаруживаетъ столь неумѣренную нервность и торопливость, что даже «Новое Время» было смущено, напр., скандальнымъ приказомъ «возстановить переходные экзамены чуть ли не наканунѣ того дня, когда они должны состояться», и когда ихъ никто не ждалъ. Наконецъ, антиконституціонныя демонстраціи г. Шварца, какъ и его коллегъ по совѣту министровъ, не столь ужъ платоничны. И въ частности, напр., циркуляръ министра народнаго просвѣщенія 21 мая, направленный по преимуществу противъ вольнослушателей и упраздняющій «институтъ вольнослушательницъ», врядъ ли можно разсматривать, какъ только походъ противъ культуры, какъ мѣру, продиктованную лишь желаніемъ всячески затруднить доступъ къ высшему образованію. Легко понять, что тутъ есть кое-какія стороны, едва ли случайно задѣвающія «представительный строй» въ самыхъ его основаніяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, авторамъ майскаго циркуляра, безъ сомнѣнія, извѣстно, что къ 1 января 1908 г. въ университетахъ, не считая одесскаго и томскаго, относительно которыхъ у меня точныхъ свѣдѣній не имѣется, состояло около 1700 вольнослушательницъ. [2]) Включая вольнослушательницъ Одесскаго и Томскаго университетовъ насчитываютъ всего до 2000 «лицъ женскаго пола», внесшихъ между прочимъ, «платы за слушаніе лекцій» около 200 тыс. рублей, а за два послѣдніе года «университетской автономіи» до 350—400 тыс. руб. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, есть ли у министра народнаго просвѣщенія формальное право измѣнять строй «автономной школы» и однимъ росчеркомъ пера выбрасывать изъ нея за бортъ 2000 че-

---

[1]) «Кіев. Вѣстн. 8 апрѣля. Это распоряженіе, между прочимъ, по петербурскому учебному округу (въ концѣ марта н. г.), было впервые отмѣчено «Рѣчью».

[2]) Точная цифра: 1690; наибольшее число вольнослушательницъ въ Харьковскомъ университетѣ,—688, за нимъ идутъ Казанскій—319, Московскій—308, Петербургскій 208, Кіевскій 84, Юрьевскій 83. См. „Союзъ женщинъ“ № 5, ноябрь 1907. Въ Одесскомъ университетѣ, по доставленнымъ мнѣ частнымъ свѣдѣніямъ, вольнослушательницъ около 200.

ловѣкъ, игнорируя не только ихъ жизненные разсчеты, но и понесенныя ими матеріальныя траты. Но едва ли г. Шварцъ, придавая своему циркуляру обратную силу, не понималъ, что онъ задѣваетъ вопросы не только публичнаго, но и частнаго права. И едва ли для министерскихъ юристовъ вполнѣ неожиданны газетныя извѣстія объ искахъ, какіе вольнослушательницами предполагается предъявить. Но тутъ г. Шварцъ не понималъ. Пусть вопросъ объ искахъ для министерскихъ юристовъ всплываетъ неожиданно. Тѣмъ характернѣе со стороны министра, вычеркивающаго изъ учебныхъ программъ самое упоминаніе о Думѣ, полная увѣренность, что можно безнаказанно игнорировать частныя права. И какъ дѣловое, реальное выраженіе «традиціонныхъ основъ», какъ дѣловое, реальное отрицаніе «право-порядка», майскій циркуляръ гораздо значительнѣе и серьезнѣе фразы г. Коковцова: «у насъ нѣтъ парламента». По обязанности хроникера, я остановился на мѣропріятіяхъ г. Шварца, какъ на явленіи злободневномъ. Можно бы на примѣрѣ другихъ явленій и злободневныхъ и незлободневныхъ показать, до какой степени далеки отъ грѣшной земли салонные разговоры объ укрѣпленіи конституціоннаго строя. Чувствую, однако, что противъ всякихъ вообще сопоставленій разговоровъ съ фактами можетъ быть предъявленъ огульный отводъ:

— Позвольте, вы хотите доказать, что сейчасъ въ Россіи никакой конституціи нѣтъ. Но, вѣдь, это же ясно, и никакихъ доказательствъ не требуетъ. Конституціи, конечно, нѣтъ. Но есть шансъ...

«Шансъ» былъ во времена первой Думы. Тогда онъ строился на надеждѣ, что «тамъ хотятъ» покончить съ прошлымъ. Былъ «шансъ» и во времена второй Думы. Тогда говорили: правда, «тамъ не хотятъ», но мы поведемъ «правильную осаду», проведемъ демократическую земскую реформу и начнемъ строить зданіе снизу, на предметъ каковой надобности и надо «беречь Думу» отъ конфликтовъ. Въ планъ правильной осады нѣкогда вѣрило «Новое Время»,—по крайней мѣрѣ, дѣлало видъ, что серьезно вѣритъ, и било тревогу. И самый вопросъ о «земской реформѣ», какъ извѣстно, убранъ подальше отъ Думы: его то перерабатывали, то обсуждали въ нарочито созданномъ «совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства», теперь онъ снова «пересматривается». И самъ по себѣ избирательный законъ 3 іюня, между прочимъ, ликвидировалъ надежды провести черезъ Думу земскую реформу въ демократическомъ духѣ. Планъ закономѣрной постройки снизу въ предѣлахъ данной конъюнктуры рухнулъ. Но все таки, поскольку въ третьей Думѣ есть люди, искренно желающіе воплотить представительный строй, постольку есть разсчеты на новый «шансъ». И если позволено говорить напрямки и грубо, шансъ этотъ заключается въ слѣдующемъ:

«Тамъ» по прежнему и даже откровеннѣе прежняго «предста-

вительнаго строя» не хотятъ. «Конституціонализмъ» обѣихъ правительственныхъ группъ—правой и центра—сейчасъ, по меньшей мѣрѣ, сомнителенъ. Эти группы пресѣкли возможность общей критики при обсужденіи бюджета. Эти группы въ общемъ вполнѣ сознательно укрѣпляютъ финансовыя позиціи совѣта министровъ для дальнѣйшей борьбы за традиціонныя основы. Все это и многое другое, явно враждебное «реформѣ», конечно, есть. И тѣмъ не менѣе есть и еще кое-что, пока не всплывшее окончательно и не опредѣлившееся, но способное совершенно измѣнить и «намѣренія власти» и тенденціи ея думской опоры. Есть вопросы, до того ясные и безспорные, есть области государственнаго строительства, до того необходимые и верхамъ и низамъ, что стоитъ лишь вплотную подойти къ нимъ, даже г. Шварцъ подастъ голосъ за конституцію. Пока Дума къ нимъ вплотную не подошла. И вопросы эти на очередь еще не поставлены. Но кое-что рѣшающее въ этомъ смыслѣ уже намѣтилось. И вотъ примѣръ: министръ народнаго просвѣщенія упомянулъ объ отсылкѣ лекціонныхъ программъ градоначальнику на просмотръ и утвержденіе. И даже гр. Бобринскій крикнулъ въ отвѣтъ: какъ смѣетъ г. Шварцъ это говорить! Или,— возьмите область государственной обороны. Стоило, напр., поставить вопросъ о порядкахъ морского вѣдомства, и даже г. Пуришкевичъ, лицо, оффиціально причисленное къ министерству внутреннихъ дѣлъ и оффиціально состоящее у этого министерства на жалованьи, сумѣлъ сказать нѣчто такое, чему могла сочувствовать и оппозиція. Стоило лишь заговорить о флотѣ, и даже октябристы голосовали противъ очередной ассигновки на постройку новыхъ судовъ, пока морское вѣдомство не реформировано. Стоило лишь заговорить о состояніи сухопутной арміи, и даже г. Гучковъ, помимо общей критики, сдѣлалъ въ засѣданіи Думы 27 мая «номинативныя указанія»:

„Совѣтъ (государственной обороны) уже стоитъ надъ министромъ и, составленный изъ цѣлой коллегіи лицъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Николая Николаевича, является серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ реформъ нашей государственной обороны. Для того, чтобы вамъ докончить картину той... дезорганизаціи, граничащей съ анархіей, которая водворилась во главѣ управленія (военнымъ) вѣдомствомъ, я долженъ еще сказать, что должность генералъ-инспектора артиллеріи занимаетъ великій князь Сергѣй Михайловичъ, что должность генералъ-инспектора по инженерной части занимаетъ великій князь Петръ Николаевичъ, и что главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній состоитъ великій князь Константинъ Константиновичъ. Если ничего нельзя имѣть противъ этого, если даже считать естественнымъ и справедливымъ, чтобы лица, по своему положенію безотвѣтственныя, служили въ рядахъ арміи,... то слѣдуетъ сказать, что постановка ихъ во главѣ отвѣтственныхъ важныхъ отраслей является дѣломъ, совершенно ненормальнымъ“ [1]).

---

[1]) Цит. по думскому отчету „Рѣчи“, 28 мая.

Конечно, нельзя ручаться, что г. Гучковъ вполнѣ ясно представляетъ, какіе выводы слѣдуютъ изъ мысли объ отвѣтственности военнаго министерства. А для г. Пуришкевича, кажется, и вовсе непонятно, какая связь между боеспособностью арміи и отвѣтственностью министровъ и главноуправляющихъ. Указанія к.-д. Бобянскаго, выступившаго 27 мая въ Думѣ вслѣдъ за г. Гучковымъ, на «болѣе общія причины» были пока мало поняты и плохо оцѣнены. Но мы-то, вѣдь, знаемъ, что цѣлесообразная организація современной арміи и современнаго флота возможна лишь въ условіяхъ конституціоннаго строя. И къ необходимости принять это условіе придутъ всѣ, кто такъ или иначе хочетъ обезпечить внѣшнее могущество Россіи. Уже одинъ этотъ обозначившійся вопросъ о государственной оборонѣ долженъ сыграть по отношенію къ правительству роль западни. Мимо нея даже г. Коковцовъ не пройдетъ. И возлѣ нея онъ неминуемо капитулируетъ. Не надо лишь торопиться и раздражать. Пусть помаленьку на вопросахъ не рѣшающаго значенія правительство привыкнетъ, благодаря Думѣ, къ конституціоннымъ формамъ. Потомъ оно поневолѣ приметъ и конституціонную суть. Осада не удалась, будемъ вести тактику засады.

Я старался возможно полнѣе выразить въ этой аргументаціи и элементъ вѣры, и то истолкованіе фактовъ, въ которомъ вѣра ищетъ себѣ поддержки. Всего больше тутъ все-таки вѣры. Долженъ, вѣдь, курскій дворянинъ Марковъ желать, чтобы у Россіи была сильная армія. И разъ онъ узнаетъ и пойметъ, что при режимѣ чрезвычайныхъ охранъ сильную армію организовать невозможно, то ему, патріоту своего отечества, ничего другого не останется, какъ признать себя конституціоналистомъ. Должно же быть дорого г. Столыпину народное здравіе. И разъ онъ узнаетъ и пойметъ, что нынѣшнія тюрьмы—очаги заразы, ему не останется другого пути, кромѣ того, который ведетъ прежде всего къ амнистіи. Пусть онъ даже не узнаетъ этого и не пойметъ. Пусть онъ просто станетъ заботиться о народномъ здравіи. По логикѣ вещей онъ неминуемо придетъ къ тому же выводу, ибо другой дороги нѣтъ. И дѣйствительно, если вѣрить, что г. Столыпину дорого народное здравіе, другой дороги нѣтъ. Однако, есть и невѣрующіе, которые полагаютъ, что отношенія гг. Марковыхъ и Столыпиныхъ и къ народному здравію, и ко многому другому могутъ исходить изъ принципа «après nous le deluge». Но это лишь значитъ, что споръ на данной почвѣ въ сущности не возможенъ. Одинъ вѣритъ, что г. Столыпину дорого народное здравіе. А другой не вѣритъ. Переубѣдить другъ друга имъ, очевидно, нельзя. Остается истолкованіе фактовъ, въ которыхъ вѣра ищетъ подкрѣпленія. Но насчетъ истолкованія, даже «Рѣчь» признаетъ, что «въ скрытой игрѣ нашего правительственнаго парламентаризма разобраться не всегда легко» (№ отъ 20 мая). И факты лишь съ боль-

шою натяжкою поддаются благопріятному для вѣрующихъ истолкованію.

Октябристы вотировали за ассигновку на постройку Амурской дороги, но противъ ассигновки на постройку новыхъ судовъ военнаго флота, требуя реформъ. Потомъ было разъяснено, что этотъ отказъ Думы въ сущности ничего не мѣняетъ, такъ какъ на судостроеніе морского министерства еще по смѣтѣ 1906 г. ассигновано всего около 52 милліоновъ руб., за счетъ каковой суммы, изъятой изъ вѣдѣнія «народнаго представительства», постройка новыхъ судовъ продолжается и будетъ продолжаться. «Какъ все хорошо устроилось! — писала саркастически по этому поводу «Рѣчь»...—Если бы случилось наоборотъ, если бы отказано было въ ассигновкѣ на Амурскую дорогу, а на флотъ деньги были даны, то... дороги нельзя было бы строить, а флотъ все равно былъ бы. Теперь же, благодаря какой-то счастливой случайности, и дорога есть, и флотъ» [1]). И благодаря этой же «счастливой случайности» г. Столыпинъ имѣлъ поводъ выступить въ Думѣ 24 мая, какъ защитникъ морского министерства противъ, главнымъ образомъ, г. Гучкова, и употребить при этомъ со странною для «премьеръ-министра» рѣзкостью такія, между прочимъ, выраженія по адресу своего подзащитнаго и коллеги: «лукавые рабы», «гимназистъ, срѣзавшійся на экзаменѣ», «одурманенный больной».... Уже одно то, что предсѣдатель совѣта министровъ въ защитительной по внѣшности рѣчи назвалъ публично морское министерство «срѣзавшимся гимназистомъ», свидѣтельствуетъ о возможности весьма сложной интриги. И газеты такъ опредѣленно говорили о предварительномъ соглашеніи между «премьеръ-министромъ» и октябристами относительно «морскихъ преній» 24 мая, что не даромъ г. Гучковъ 27 мая тотчасъ послѣ своихъ «номинативныхъ указаній» поспѣшилъ въ кулуарахъ разъяснить для печати: «у насъ соглашенія (относительно сухопутныхъ преній) со Столыпинымъ не существуетъ; я думаю, что мое выступленіе Столыпину должно быть непріятно» [2]). Однако, судя по отзывамъ «Россіи», г. Гучковъ «думалъ» это не совсѣмъ основательно. Министерская «Россія» по существу относится къ его указаніямъ довольно таки пріятно. А по свѣдѣніямъ, напр., «Кіевскихъ Вѣстей», и все вообще кулуарное разъясненіе г. Гучкова для печати неосновательно. «Тормазомъ на пути реформъ является совѣтъ государственной обороны. Почему? Потому что,—развиваетъ г. Крупенскій идею г. Гучкова,—во главѣ совѣта не стоитъ премьеръ. Поставьте во главѣ премьера—и все пойдетъ, какъ по маслу... Въ думскихъ кулуарахъ открыто говорятъ, что вся военноморская шумиха поднята ради этой реформы, и что она поднята въ со-

[1]) „Рѣчь", 1 іюня.
[2]) „Рѣчь", 28 мая.

гласіи съ кабинетомъ, чѣмъ и объясняется смѣлость октябристскаго похода» [1]).

Пока относительно «номинативныхъ указаній» по адресу совѣта государственной обороны имѣются лишь разговоры и догадки. Но относительно «номинативныхъ указаній» по адресу «военно-учебныхъ заведеній» дружеское сотрудничество гг. Гучкова и Столыпина уже скрѣплено кое-какими фактами. 30 апрѣля н. г. органомъ г. Гучкова «Голосомъ Москвы» былъ напечатанъ политическій доносъ по поводу 21 тома «Большой Энциклопедіи» товарищества «Просвѣщеніе». На самую Энциклопедію «Голосъ Москвы» доносилъ въ обычныхъ для спеціалистовъ этого рода выраженіяхъ: «Обнаружена вся ширь пропагандистскихъ способностей»... «Рыцарь террора и бомбы» и т. д. Затѣмъ составитель доноса констатируетъ неуваженіе къ арміи и флоту. И въ заключеніе боевой, центральный пунктъ: «Большая Энциклопедія *рекомендована* главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ» [2]). Какъ водится, черезъ четыре дня 21 томъ Энциклопедіи, уже благополучно прошедшій цензурныя ущелья, былъ конфискованъ въ Москвѣ. И въ этомъ выпадѣ органа политической группы, близко стоящей къ министру внутреннихъ дѣлъ, нѣтъ ничего новаго. Борьбу департаментъ охраны въ этомъ направленіи ведетъ давно,—еще въ ту пору, когда военно-учебное вѣдомство вводило въ свои программы сочиненія Бѣлинскаго, а министерство народнаго просвѣщенія предписывало эти самыя сочиненія изъять изъ библіотекъ. И немудрено, что борьба идетъ до сихъ поръ, ибо военно-учебное вѣдомство все-таки сдаетъ нѣкоторыя позиціи не столь поспѣшно, какъ министерство народнаго просвѣщенія. Но, какъ видите, «номинативныя указанія» г. Гучкова, если ихъ сопоставить съ политическими предпріятіями «Голоса Москвы», получаютъ совсѣмъ не-конституціонный смыслъ.

Нечего пренебрегать «номинативными указаніями» г. Гучкова, Я даже полагаю, что ихъ симптоматическій смыслъ гораздо болѣе значителенъ, чѣмъ желательно нынѣшнему думскому большинству. Но гдѣ основанія приписывать г. Гучкову конституціонныя намѣренія? Какой смыслъ имѣютъ его слова объ отвѣтственности главноуправляющихъ, разъ мы не знаемъ, передъ кѣмъ собственно онъ желаетъ установить отвѣтственность? Передъ верховной властью? Но эта отвѣтственность и теперь есть. Передъ народнымъ представительствомъ? Но, насколько извѣстно, г. Гучковъ до сихъ поръ не былъ сторонникомъ парламентарнаго управленія. Передъ кѣмъ же главноуправляющіе должны быть отвѣтственны? Передъ предсѣдателемъ совѣта министровъ? Передъ главою солидарнаго и единаго по программѣ и тактикѣ правительства? Повидимому рѣчь

[1]) „Кіев. Вѣсти", 29 мая.
[2]) Курсивъ „Голосъ Москвы".

идетъ именно о солидарномъ единомъ правительствѣ. И въ словахъ г. Гучкова можно найти позаимствованія изъ либеральнаго катехизиса. И мысль, что ненормально отвѣтственныя мѣста поручать безотвѣтственнымъ по своему положенію лицамъ столь же стара, сколь и основательна. Но употребленіе той старой и основательной мысли дано такое, что дѣло сводится именно къ замѣнѣ однихъ людей другими людьми, которыхъ изберетъ г. Столыпинъ.

Едва ли можно и нужно въ этой «скрытой игрѣ правительственнаго парламентаризма» искать намековъ на широкіе замыслы и дальнія цѣли. А вотъ то, что произошло довольно острое разногласіе между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ одной стороны, и министерствомъ торговли съ другой по вопросу о проектируемыхъ страховыхъ присутствіяхъ,—это вѣрно. Или,—неосновательность газетныхъ извѣстій, что назначеніе г. Шварца въ министры народнаго просвѣщенія состоялось помимо г. Столыпина, все-таки остается не вполнѣ доказанной. Въ этихъ и подобныхъ имъ предѣлахъ «скрытая игра правительственнаго парламентаризма» наиболѣе правдоподобна. И никто, кажется, не отрицаетъ, что «думская трибуна» все явственнѣе становится орудіемъ въ борьбѣ личныхъ и вѣдомственныхъ самолюбій. А что это оружіе наиболѣе доступно и выгодно «кабинетъ-министру»,—понятно само собою. Правда, оно дѣйствуетъ плохо. «Срѣзавшійся гимназистъ» г. Столыпина, не повелъ, вопреки предсказаніямъ нѣкоторыхъ газетъ, въ морскомъ министерствѣ къ отставкамъ, продиктованнымъ самолюбіемъ. Да и «номинативныя указанія» г. Гучкова тоже на почву самолюбія пока не перенесены, хотя и сопровождались «требованіемъ» по адресу «немногихъ лицъ»: «отказаться отъ нѣкоторыхъ земныхъ благъ и нѣкоторыхъ радостей тщеславія, которыя связаны съ тѣми постами, которые они занимаютъ». Если тутъ былъ психологическій разсчетъ, онъ не оправдался: «немногія лица», поименно названныя, не обидѣлись и не отказались. Но во всякомъ случаѣ у того же хотя бы г. Столыпина въ этой игрѣ черезъ головы «народныхъ представителей» есть шансы на выигрышъ. Непонятно лишь, при чемъ тутъ конституція? Какіе у нея шансы?

И какой тутъ, въ салонахъ-то, гдѣ г. Гучковъ объ руку съ гр. Бобринскимъ занимается «укрѣпленіемъ представительнаго строя», скверный запахъ. Даже «Россія», — правда, вынужденная стоять въ самомъ центрѣ закулисныхъ интригъ и личныхъ разсчетовъ—не выдержала и стала писать лирическіе стихи:

„Мы проклятое племя. Наше подлое время
Отучило насъ думать и жить.
Мы судьбою играемъ, мы безпечно мечтаемъ,
Не умѣемъ жалѣть и любить.
Мы бѣдны и ничтожны. Наши принципы ложны.
Мы горимъ нездоровымъ огнемъ“ [1])...

[1]) Цит. по „Кіев. Вѣстямъ“, 3 апрѣля.

«Наши принципы ложны»... Это удивительно совпадаетъ съ отзывомъ «Голоса Москвы», что П. А. Столыпинъ признаетъ «несостоятельность крѣпостныхъ стѣнъ». И «огонь» тутъ, дѣйствительно, «нездоровый», подозрительный. Не то г. Шварцъ потому виноватъ, что онъ «кандидатъ Александра Ивановича Дубровина, а не Петра Аркадьевича Столыпина», не то «думское большинство» и въ самомъ дѣлѣ хочетъ осуществить «свободу науки». И если оно, дѣйствительно, этого хочетъ, почему молчитъ, когда «свободѣ наукъ» жестоко достается отъ «самого Петра Аркадьевича?» И какъ совмѣстить негодованіе «большинства» противъ полицейскихъ тенденцій министра народнаго просвѣщенія съ тѣмъ же хотя бы предпріятіемъ «Голоса Москвы» по поводу «Энциклопедіи»?..

На кухнѣ гг. Макаровы и Курловы, спасибо имъ, хоть не говорятъ либеральныхъ словъ. «Всыпать 50 розогъ»,—и конецъ. Это, по крайней мѣрѣ, искренно, на чистоту. Тутъ, на кухнѣ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ маскарада. Сейчасъ значительная часть деревенской Россіи голодаетъ «впредь до новаго урожая», а послѣ «новаго урожая» будетъ голодать еще сильнѣе. Относительно нѣкоторыхъ мѣстъ и даже цѣлыхъ губерній, какъ, напримѣръ, Полтавской, это уже теперь опредѣлилось вполнѣ точно. Но общественная инціатива въ дѣлѣ борьбы съ голодомъ и его послѣдствіями не допустима. Значитъ, ее надо всемѣрно пресѣкать. Обостряется и безъ того острый промышленный кризисъ. «Закрылъ еще нѣсколько мастерскихъ на неопредѣленное время за отсутствіемъ заказовъ Брянскій заводъ». Закрылся Кіевскій арматурный заводъ южно-русскаго товарищества. Закрылся рядъ другихъ заводовъ. Нѣкоторые вотъ-вотъ закроются, — «дышатъ на ладанъ». Но организація безработныхъ совершенно не допустима, особливо же въ виду опасностей развитія соціализма. А потому—нечего разговаривать о о конституціяхъ, надо говорить прямо: да, мы пресѣкаемъ, да, мѣры пресѣченія ведутъ къ обостренію бѣдствія и къ увеличенію жертвъ, но «мы не умѣемъ жалѣть», какъ выразилась «Россія». Въ тюрьмахъ тифъ. Знаете ли, это не совсѣмъ плохая угроза для крамольниковъ. Все-таки иной крѣпко подумаетъ, прежде чѣмъ рискнетъ на противоправительственное дѣяніе. Мы ждемъ холеры. Но лекціи о ней благоразумнѣе, какъ въ Харьковѣ, или совсѣмъ не разрѣшать, или разрѣшать лишь съ крайней осторожностью, ибо эти господа лекторы весьма подозрительны въ политическомъ отношеніи. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, доводить борьбу съ холерой до опасности распространенія превратныхъ ученій...

«Конституціонный строй укрѣпляется»... Въ старыя времена, когда онъ еще не «укрѣплялся», не разъ приходилось ждать, вотъ какъ теперь, и холеры, и чумы, и всякаго рода другихъ «моровыхъ повѣтрій». Въ ту пору обыватель имѣлъ привычку думать, что «повѣтріе» къ намъ приходитъ изъ Персіи, изъ Индіи, изъ Китая, и вообще изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ странъ. Иныя

времена настали. Конституціонный строй укрѣпляется. И такъ хорошо, такъ основательно укрѣпился, что уже нечего ждать «повѣтрія» изъ отдаленныхъ странъ. Теперь даже наиболѣе легковѣрному обывателю, кажется, ясно, что для этой надобности, помимо всего прочаго, «у насъ, слава Богу, есть тюрьмы».

А. Петрищевъ.

Поправка. Въ майской «Хроникѣ внутренней жизни», по моей оплошности при корректурѣ, оказались, между прочимъ, слѣдующія ошибки. На стран. 102 напечатано (4 строчка сверху): „по поводу формальнаго ассигнованія уже израсходованной фактически... суммы"; слѣдуетъ: «по поводу формальнаго *неассигнованія*» и т. д. На той же стран. слова г. Коковцова, процитированныя мною по одной провинціальной газетѣ: «у насъ, слава Богу, парламента нѣтъ и не будетъ», остались неисправленными по стенографическому отчету: «у насъ, слава Богу, парламента нѣтъ». На стран. 91 напечатано: «нефтеносныя земли на Ургѣ», слѣдуетъ: «нефтеносныя земли на *Ухтѣ*». **А. П.**

Политика.

Управляемое воздухоплаваніе и его политическое значеніе.—Текущія событія: выборы въ прусскій ландтагъ; президентскіе выборы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Условіямъ и способамъ сухопутной и морской войны угрожаетъ полный переворотъ, быть можетъ, не менѣе значительный, чѣмъ въ эпоху изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія. Подводный и воздушный флоты грозятъ современнымъ кораблямъ, крѣпостямъ и сосредоточеннымъ въ легеряхъ и на позиціяхъ арміямъ въ такой степени, что едва-ли можно будетъ удержать современный строй военно-морскихъ и военно-сухопутныхъ операцій. Зачѣмъ строить и содержать огромныя крѣпости, когда никакія твердыни и никакая крѣпостная артиллерія не будутъ въ состояніи не допустить воздушную эскадру непріятеля разрушить и уничтожить крѣпость, разбить артиллерію, истребить гарнизонъ? Равнымъ образомъ, развѣ можно *сосредоточивать* войска, когда именно такое скопленіе влечетъ къ ихъ истребленію воздушнымъ флотомъ непріятеля? Или, есть-ли какая либо возможность охранять тылъ арміи, ее сообщенія, доставку продовольствія, боевыхъ припасовъ и подкрѣпленій, когда надъ всѣмъ этимъ рѣютъ воздушные крейсеры про-

тивника? Все это, совершенно упразднитъ крѣпости и всякія укрѣпленія, не дозволитъ сосредоточеніе значительныхъ армій, не дозволитъ никакихъ операцій, вдали отъ базы, отмѣнитъ всякіе значительные склады, значительные обозы. Все это сугубо отразится на морской войнѣ. Кто овладѣлъ воздухомъ, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣлъ моремъ и непріятельскою территоріей и можетъ диктовать условія. Споръ и битва перенесутся не только выше лѣса стоячаго, но и выше облака ходячаго. Тамъ будетъ рѣшаться участь всякаго международнаго столкновенія.

Управляемое воздухоплаваніе принесетъ и много другихъ послѣдствій. Огромное научное и экономическое значеніе можетъ оказаться выше всякихъ ожиданій и желаній. Изслѣдованіе горъ, океановъ, полюсовъ, пустынь, варварскихъ странъ, съ одной стороны, а съ другой, детальное изученіе самого воздушнаго океана съ огромными результатами для мореплаванія, сельскаго хозяйства и пр. Экономическія послѣдствія (не говоря о только что указанныхъ) тоже безграничны. Передвиженіе пассажировъ и цѣнныхъ грузовъ со скоростью и удобствами, какихъ не можетъ дать ни экспрессъ-молнія, ни самая быстроходная яхта, должно произвести переворотъ во всемъ транспортномъ дѣлѣ. Фактическое упраздненіе границъ между государствами, или вѣрнѣе не самихъ границъ, а невозможность полицейскими и административными мѣрами охранить отъ личнаго и экономическаго общенія гражданъ различныхъ государствъ, отъ свободнаго обмѣна и мнѣніями, и продуктами, неминуемо должно привести и къ свободѣ всяческаго общенія и къ свободѣ торговли. Паспорта, гдѣ они еще сохранились, и протекціонизмъ не выдержатъ строя отношеній, который создастъ управляемое воздухоплаваніе. Въ виду этихъ огромныхъ послѣдствій (политическихъ, экономическихъ и культурныхъ), которыя являются неминуемыми въ случаѣ окончательной побѣды человѣка надъ воздухомъ, представляютъ прямо захватывающій интересъ тѣ значительные шаги, которые сдѣлало человѣчество въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ по пути къ достиженію этой цѣли. Мы вкратцѣ сообщимъ читателямъ наиболѣе выдающіеся моменты этихъ попытокъ человѣка овладѣть атмосферой и покорить эту еще свободную стихію своей власти.

Работа науки и техники въ этомъ дѣлѣ идетъ двумя руслами и въ двухъ направленіяхъ. Задача одного направленія—управлять аэростатами, впервые построенными еще въ XVIII вѣкѣ. Аэростаты летаютъ, потому что они легче воздуха, могутъ поднять только такой грузъ, который не уничтожитъ большей, нежели воздухъ, легкости всего аппарата, и наконецъ могутъ летать только до тѣхъ поръ, пока истеченіе наполняющаго шаръ легкаго газа и замѣна его атмосфернымъ воздухомъ не уничтожатъ большей чѣмъ воздухъ легкости всего аппарата. Другими словами, грузоподъемность аэростата очень ограничена и не менѣе ограничено и время полета.

Такимъ образомъ, отвѣчая военнымъ и политическимъ цѣлямъ и доставляя наукѣ новые методы изученія природы, управляемые аэростаты, какъ бы совершенно они ни были построены и управляемы, перечисленныхъ выше экономическихъ и культурныхъ послѣдствій за собою не принесутъ человѣчеству. Для правительствъ это будетъ новый могучій источникъ истребленія непріятеля и развѣдокъ безъ всякихъ спеціальныхъ и ненадежныхъ агентовъ. Для науки управляемые аэростаты облегчатъ изученіе атмосферы, но мало подвинутъ изученіе горъ, морей, пустынь, полюсовъ. Для массы населенія управляемые аэростаты не принесутъ ничего или почти ничего, но для богатыхъ классовъ это будетъ новый родъ увлекательнаго спорта. Естественно послѣ всего сказаннаго, что въ этомъ направленіи работаютъ преимущественно правительства, окружая свою работу секретами и тайнами, такъ какъ каждому хочется овладѣть воздухомъ по возможности раньше сосѣдей. Къ этой цѣли (созданіе управляемыхъ аэростатовъ) главное русло—секретное государственное и побочное (до сихъ поръ мало успѣвшее), спортивное.

Другая цѣль, къ которой тоже два русла (секретное государственное и болѣе открытое ученое и техническое, частное), заключается въ созданіи летательнаго снаряда, тяжелѣйшаго воздуха. При удачномъ разрѣшеніи этой задачи, грузоподъемность почти не ограничена. Мало ограничено и время полета. Къ тому-же, возобновляя отъ времени до времени запасы матеріала, служащаго двигателемъ, можно совершать воздушное путешествіе неопредѣленно долгое время, сколько нужно для изученія страны, для перевозки пассажировъ, для транспорта грузовъ. Естественно, если именно къ этой задачѣ направлена работа частныхъ лицъ, не мечтающихъ объ истребленіи непріятеля.

Въ обоихъ направленіяхъ 1907 и 1908 года видѣли очень многое изумительное, а слышали и читали еще больше того. Огромное по работѣ и напряженное теоретическое изученіе воздушнаго океана цѣлыми учеными учрежденіями, возникшими во многихъ странахъ, подготовило и вызвало усиленное вниманіе и къ практической сторонѣ этой новой отрасли знанія, *аэрологіи*, какъ ее уже окрестили западно-европейскіе ученые. Сначала бросимъ бѣглый взглядъ на упомянутое теоретическое изученіе атмосферы, чтобы затѣмъ ужу перейти къ головокружительнымъ и умопомрачительнымъ проектамъ и начинаніямъ въ цѣляхъ уже не теоретическаго, но практическаго и техническаго овладѣнія воздухомъ.

II.

Аэрологія болѣе всякой другой науки можетъ быть названа наукою международною. Тѣсно связанная съ нею старая наука, метеорологія, вѣдающая тѣ же явленія, но прикованная къ землѣ, по неволѣ считается и съ государственными границами. Аэрологія уже теперь упразднила эти границы для себя, для своихъ адептовъ, для своихъ выводовъ. Поднимаясь въ заоблачную высь и, повинуясь только свободнымъ теченіямъ этихъ отдаленныхъ на многія тысячи метровъ верхнихъ слоевъ атмосферы, уже не имѣющихъ ни правительствъ, ни границъ, ни заставъ, аэрологи всѣхъ странъ составляютъ какъ бы одну армію, теоретически овладѣвающую воздушнымъ океаномъ медленно, но методически и съ все ускоряющимся успѣхомъ. Въ тѣ выси, куда человѣкъ уже не можетъ проникнуть, аэрологи посылаютъ аэростаты съ самопишущими приборами и самъ воздушный океанъ записываетъ свои явленія, покорный уже теоретическому изученію.

Особенно потрудились и много дали наукѣ аэрологи: *Леонъ Тессеренъ-де-Боръ*, который на собственныя средства выстроилъ въ Трапнѣ около Парижа «Observatoire de la météorologie dynamique»; *Лауренсъ Рочъ*, который на своей обсерваторіи «Blue Hill Observatory» подлѣ Бостона первый ввелъ наблюденія на воздушномъ змѣѣ, котораго свѣжій вѣтеръ поднимаетъ даже выше, чѣмъ обыкновенно поднимаются привязанные аэростаты; *Гуго Гергесель*, организаторъ изслѣдованій атмосферы надъ морями и океанами; *Рихардъ Ассманъ*, директоръ аэронавтической обсерваторіи въ Линденбергѣ (возлѣ Берлина) и др. Эти и другіе аэрологи употребляли для своихъ изслѣдованій четыре способа. Первымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ лучшимъ и самымъ богатымъ добытыми данными способомъ является свободный полетъ одного или двухъ-трехъ наблюдателей съ соотвѣтствующими инструментами. Наблюдатели замѣчаютъ и отмѣчаютъ много такого, чего никакія самопишущіе приборы зарегистрировать не въ состояніи, вслѣдствіе чего этотъ *второй* способъ (свободный полетъ аэростата съ самопишущими инструментами), хотя и болѣе дешевый (шаръ можетъ имѣть очень незначительные размѣры), мало-по-малу выходитъ изъ употребленія, исключая обслѣдованія такихъ высотъ, куда уже никакой наблюдатель (даже везущій съ собою запасы кислорода) подняться не можетъ. Благодаря этому второму способу, наблюденія собираются даже для высотъ, превосходящихъ 25 тысячъ метровъ (т. е. около 25 верстъ отъ земной поверхности). *Третій* способъ— это наблюденія съ привязаннаго аэростата. Этотъ способъ изслѣдуетъ относительно болѣе низкіе слои атмосферы, но за то столь-же регулярно и систематически, какъ и на метеорологическихъ стан-

ціяхъ на земной поверхности. *Четвертый* способъ, начинающій вытѣснять только-что указанный, это тѣ же наблюденія среднихъ слоевъ атмосферы, но не съ аэростата, а съ воздушнаго змѣя, на которомъ можно подняться выше, чѣмъ на привязанномъ аэростатѣ (тяжесть каната или цѣпи ограничиваетъ подъемъ извѣстною длиною). Зато при полномъ безвѣтріи на змѣѣ вовсе нельзя подниматься. Подъемъ на змѣѣ—это первый удачный опытъ летать на аппаратѣ, тяжелѣйшемъ воздуха. Привязанные аэростаты и воздушные змѣи примѣняются и съ военными цѣлями. Наивысшій подъемъ, достигнутый на змѣѣ, состоялся 25 (12) ноября 1905 г. въ Линденбергской аэронавтической обсерваторіи, именно въ 6430 метровъ (свыше шести верстъ отъ земной поверхности). Самъ змѣй имѣлъ площадь въ 27 кв. метровъ, проволоки-же (связующей его съ обсерваторіей) понадобилось 14130 метровъ.

Вслѣдъ за работою единичныхъ ученыхъ аэрологовъ, возникаютъ въ девятидесятые годы XIX вѣка цѣлыя аэрологическія учрежденія, а затѣмъ и международныя организаціи. Blue-Hill Observatory Роча была первою чисто аэрологическою обсерваторіей. Она начала свою дѣятельность въ 1894 году и, расположенная на берегу Атлантическаго океана, а потому располагающая постоянными вѣтрами (бризами и др.), она первая остановилась на змѣѣ, какъ на летательномъ приборѣ для наблюденія. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1897 году Тессеренъ-де-Боръ основалъ свою обсерваторію въ Траппѣ, гдѣ работалъ при помощи змѣевъ и аэростатовъ съ самопишущими инструментами. Въ 1899 году основана аэрологическая обсерваторія и въ Берлинѣ, сначала въ очень скромныхъ размѣрахъ въ одномъ изъ военныхъ парковъ. Это было первое не частное, а государственное аэрологическое учрежденіе. Директоромъ его былъ приглашенъ уже упомянутый Рих. Ассманъ, въ Германіи одинъ изъ первыхъ авторитетовъ по аэрологіи. Въ 1905 году для «Королевской прусской аэронавтической обсерваторіи» было отстроено собственное зданіе и скромная аэрологическая станція превратилась въ богато оборудованную и располагающую значительными средствами обсерваторію. Директоромъ остался тотъ же Ассманъ. На этой обсерваторіи съ 1903 года производятся ежедневныя наблюденія съ аэростата или змѣя. Филіальнымъ учрежденіемъ Линденбергской обсерваторіи (Линденбергъ, мѣстность, гдѣ выстроена новая обсерваторія въ 65 километрахъ къ югу-востоку отъ Берлина) является гамбургская аэрологическая станція Кеппена, работающая на воздушныхъ змѣяхъ, но скудно обставленная; работаетъ съ 1903 года.

Въ Россіи с.-петербургская физическая обсерваторія (находится въ Павловскѣ, 25 верстъ къ югу отъ С.-Петербурга), по иниціативѣ ея директора Рыкачева, въ 1902—1903 годахъ начала правильныя аэрологическія наблюденія, работая на змѣѣ. Съ 1 янв. 1904 года эти наблюденія стали ежедневными и правильно

публикуются въ запискахъ академіи наукъ. Въ томъ же 1904 году осенью открытъ въ Москвѣ на средства Рябушинскаго Аэродинамическій Институтъ, прекрасно оборудованный и снабженный значительными средствами. Назначеніе Аэродинамическаго института двоякое: теоретическое и практическое. О послѣднемъ, конечно, мало извѣстно. Первое же ведется правильно и систематически, и даетъ богатый аэрологическій матерьялъ. Аэрологическія станціи въ Россіи существуютъ еще въ Казани и въ Юрьевѣ при университетахъ.

Въ Италіи существуетъ метеорологическій институтъ въ Павіи, гдѣ по иниціативѣ д-ра Гамба, директора института, производятся съ 1904 года постоянныя аэрологическія наблюденія. Сверхъ того, во многихъ странахъ Европы существуютъ аэрологическія станціи съ подъемными змѣями и постоянными наблюденіями по единообразному методу, таковы: въ Германіи—въ Страсбургѣ, Фридрихсгафенѣ и Мюнхенѣ; въ Австріи—въ Вѣнѣ; въ Швейцаріи—въ Цюрихѣ; въ Италіи—въ Римѣ; въ Испаніи—въ Гвадалахарѣ; въ Шотландіи—въ Кринасѣ и др. Собранный этимъ коллективнымъ трудомъ матеріалъ такъ обиленъ, что едва успѣваютъ его систематически по международной программѣ сводить и публиковать. Научная обработка уже не поспѣваетъ за накопленіемъ матеріала и для того, чтобы двинуть ее въ уровень съ наблюденіями, необходимы новыя учрежденія и новыя средства.

Трудность пользоваться змѣемъ при маломъ вѣтрѣ заставила Гергеселя обратиться къ быстро движущемуся противъ вѣтра предмету, къ которому прикрѣплена проволока змѣя. Въ 1900 году Гергесель и графъ Цеппелинъ сдѣлали опытъ на Боденскомъ озерѣ. Змѣй былъ прикрѣпленъ къ моторъ-лодкѣ графа Цеппелина и при почти полномъ безвѣтріи, но при быстромъ ходѣ моторъ-лодки змѣй поднялся и все время держался очень высоко. Повторенные неоднократно опыты дали прекрасные результаты и вмѣстѣ съ тѣмъ указали методъ изслѣдованія атмосферы надъ морями и океанами. Методомъ Гергеселя заинтересовался князь Монако Альбертъ и предоставилъ свою яхту «Принцесса Алиса» и необходимыя средства Гергеселю, съ большимъ увлеченіемъ и самъ участвуя въ атлантическихъ аэрологическихъ экспедиціяхъ своего ученаго друга. Тессеренъ-де-Боръ (поднявшійся надъ уровнемъ океана на 5800 метровъ), Рочъ и др. воспользовались этимъ методомъ, такъ что изученіе атмосферы надъ морями и океанами уже теперь достигло значительныхъ результатовъ.

Весь этотъ огромный коллективный трудъ установилъ массу данныхъ о температурахъ, давленіяхъ и воздушныхъ теченіяхъ на послѣдовательныхъ слояхъ атмосферы, а это, въ свою очередь, дало богатый матеріалъ для практическихъ и техническихъ соображеній и привело къ задачѣ управляемаго воздухоплаванія.

III.

Люди, имѣющіе въ виду преимущественно политическія и военныя цѣли, остановились на задачѣ создать управляемые аэростаты. Все, добытое и открытое правительственными изобрѣтателями держится въ строгой тайнѣ. Всѣ видятъ внѣшнюю форму аэростата: это всегда форма длинной и тонкой сигары, спереди заостренной. Имѣются свѣдѣнія, что всѣ управляемые аэростаты содержатъ внутри видимаго аэростата другой меньшаго размѣра. Этотъ внутренній аэростатъ не испытываетъ на себѣ непосреднаго давленія вѣтра и можетъ быть совершенно свободенъ въ направленіи, желательномъ для аэронавта, и такимъ образомъ сильно поддерживать непосредственное дѣйствіе моторовъ на внѣшній аэростатъ, форма котораго уменьшаетъ до минимума сопротивленіе вѣтра, хотя бы дующаго прямо навстрѣчу аэростату. Это все немногое, что стало извѣстно публикѣ.

Первый управляемый аэростатъ поднялся надъ Парижемъ весною 1907 года. Его назвали *Patrie*, а построило его военное вѣдомство, купивъ секретъ у изобрѣтателя. Поднявшись, *Patrie* пролетѣлъ надъ всѣмъ Парижемъ и прилетѣлъ на смотръ войскамъ. Здѣсь въ присутствіи президента, министровъ, сенаторовъ, депутатовъ, генералитета, многочисленнаго парижскаго гарнизона и огромной публики, аэростатъ долго маневрировалъ, летая совершенно свободно по всѣмъ направленіямъ, при вѣтрѣ встрѣчномъ, попутномъ, боковомъ и т. д. Послѣ долгихъ и вполнѣ успѣшныхъ маневровъ *Patrie* вернулся въ свой воздухоплавательный паркъ.

Вслѣдъ за французскимъ Dirigeable, какъ французы назвали управляемые аэростаты, очень скоро, одна за другою, выпустили и свои дирижабли Англія и Германія. Графъ Цеппелинъ, о заслугахъ котораго выше мы упоминали, говоря объ аэрологическихъ изслѣдованіяхъ, явился изобрѣтателемъ нѣмецкаго дирижабля, испытанія котораго дали наилучшіе результаты. «Цеппелинъ» (такое имя носитъ этотъ аэростатъ) отлично маневрировалъ при среднемъ вѣтрѣ, двигаясь по всѣмъ направленіямъ и послушно повинуясь управленію экипажа. «Цеппелинъ» не превзошелъ «Патри», но, казалось, и не отсталъ отъ французскаго дирижабля. Обѣ соперничающія націи получили одновременно новое могущественное орудіе, котораго значеніе трудно даже приблизительно оцѣнить. Одновременно съ этимъ, т. е. лѣтомъ 1907 года полетѣлъ надъ полями и весями Британіи свой дирижабль, котораго полетъ и управленіе не оставляли желать лучшаго. Аэростатъ былъ снабженъ небольшимъ аэропланомъ (летательный аппаратъ, тяжелѣйшій воздуха), прикрѣпленнымъ къ аэростату длинной веревкой и предназначеннымъ только для командировки развѣдчи-

ковъ ближе къ землѣ, откуда онъ поднимается не самъ, но дирижаблемъ. Нѣсколько удачныхъ продолжительныхъ полетовъ на глазахъ у всей націи, вызвали общій энтузіазмъ и давали островитянамъ гарантію, что преимущества ихъ островнаго уединенія не будутъ нарушены или серьезно угрожаемы.

Одновременно съ этими тремя европейскими изобрѣтеніями, аналогичное изобрѣтеніе было сдѣлано и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Еще въ фазисѣ проекта (въ чертежахъ и вычисленіяхъ), изобрѣтеніе было признано настолько несомнительнымъ, что составилась компанія съ милліонами капитала для эксплоатаціи этого дирижабля и были уже расписаны пассажирскіе рейсы между Европой и Америкой черезъ Атлантическій океанъ. Вскорѣ былъ изготовленъ пробный аэростатъ и лѣтомъ 1907 года поднялся, управляемый самимъ изобрѣтателемъ въ сопровожденіи двухъ (кажется, двухъ, но, можетъ быть, и больше) директоровъ компаніи. Собравшаяся публика могла констатировать, что американскій дирижабль дѣйствительно повинуется волѣ своего кормчаго и не повинуется вѣтру (конечно, не бурѣ). Все шло хорошо, какъ вдругъ при спускѣ произошла катастрофа: аэростатъ разорвался и вмѣстѣ съ аэронавтами упалъ на землю. Изобрѣтатель оказался убитымъ, а директоры были подобраны, хотя и живыми, но съ тяжкими поврежденіями. Болѣе полугода нѣтъ никакихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, но чертежи и вычисленія, конечно, остались и, если изобрѣтеніе вообще удачно, оно въ Америкѣ не залежится. Это уже потому важно, что американское изобрѣтеніе не будетъ военнымъ секретомъ, а, заручившись патентами, достояніемъ всего культурнаго человѣчества.

Разныя неудачи осенью 1907 года потерпѣли и всѣ три европейскихъ дирижабля. «Цеппелинъ» потерпѣлъ аварію и прекратилъ кампанію. Его убрали починять и передѣлывать, сообразно указаніямъ опыта. Телеграмма изъ Берлина отъ 11 (24) іюня 1908 года принесла извѣстіе, что «Цеппелинъ» снова выплылъ на воздушный океанъ и удачно маневрируетъ. Одновременно съ аваріей германскаго дирижабля, еще больше того потерпѣлъ британскій. Онъ свалился и разбился. Аэронавты остались цѣлы, но аэростатъ со всѣми аппаратами оказался въ плачевномъ видѣ. Остатки подобрали и приступили къ ремонту и усовершенствованію, сообразно опыту. Работа, конечно, идетъ секретно, и объ ея успѣхѣ міръ узнаетъ только послѣ того, какъ новый воздушный корабль Британіи опять распуститъ свой флагъ надъ волнами атмосферы. Послѣднимъ пострадалъ французскій дирижабль «Патри». Онъ находился во дворѣ воздухоплавательнаго парка, полный газа и готовый къ полету, но прикрѣпленный цѣпями къ землѣ. Между тѣмъ, налетѣла буря и начала трепать аэростатъ. Можно и должно было выпустить газъ, послѣ чего весь аппаратъ очутился-бы на землѣ и если буря и здѣсь была ему въ чемъ-либо опасна, то не

трудно было бы его перенести въ закрытое помѣщеніе. Но начальники воздухоплавательнаго парка, опасаясь немедленнаго разрыва оболочки аэростата ударами шторма, попытались укрыть его отъ бури въ сосѣднемъ сараѣ, для чего было вызвано около пятидесяти солдатъ. Но какъ только цѣпи были разомкнуты, буря потащила аэростатъ вмѣстѣ со всею полусотнею, уцѣпившеюся за цѣпи, а затѣмъ полный газомъ аэростатъ, поддерживаемый могучими толчками ревущаго шторма, сталъ подниматься, поднимая и людей, держащихся руками за цѣпи. Конечно, не оставалось этимъ людямъ ничего другого, какъ бросить цѣпи, если не желали погибнуть. Цѣпи и были брошены, и освобожденный аэростатъ умчала буря на сѣверъ, быстро пронесла его надъ Франціей, Ламаншемъ, Англіей и Шотландіей и унесла въ сѣверную часть Атлантическаго океана, гдѣ аэростатъ и погибъ. Самые тщательные поиски, снаряженные французами и англичанами, не обнаружили никакихъ слѣдовъ унесеннаго «Патри».

Изобрѣтатель дирижабля типа «Патри», немедленно послѣ катастрофы, подарилъ французскому правительству имѣвшійся у него такой же аэростатъ, только меньшихъ размѣровъ. Имя ему «Парижъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ французы заложили нѣсколько дирижаблей, вводя усовершенствованія, указанныя опытомъ. Франція, такимъ образомъ, опередила своихъ культурныхъ и могущественныхъ сосѣдей за Рейномъ и за Ламаншемъ. Они имѣютъ въ своихъ рукахъ прекрасные дирижабли, но еще въ фазисѣ испытаній, французы уже строятъ воздушный флотъ.

Дижирабли не годятся для многихъ военныхъ цѣлей, для которыхъ пригодились бы летательные аппараты, тяжелѣйшіе воздуха. Аэростаты не могутъ быть вооружены артиллеріей, не могутъ переносить по воздуху дессанты, не могутъ подвозить продовольствіе, ни боевыхъ запасовъ, не могутъ отвозить больныхъ и раненыхъ. Все это смогутъ дѣлать летательные аппараты, тяжелѣйшіе воздуха, но и то, что могутъ дѣлать летательные аппараты, легчайшіе воздуха, какъ дирижабли, является огромною силою, огромнымъ преимуществомъ арміи и флота, владѣющими такими аппаратами, при столкновеніи съ арміями и флотами, ими не обладающими. Прежде всего, развѣдка, постоянная, точная освѣдомленность о расположеніи и движеніи непріятеля на сушѣ и на морѣ, планы крѣпостей, оружейныхъ и орудійныхъ заводовъ, продовольственныхъ и боевыхъ складовъ, движеніе воинскихъ поѣздовъ,—все это дирижабли не только отмѣтятъ и запишутъ, но и сфотографируютъ. Штабъ ихъ арміи будетъ освѣдомленъ въ такой мѣрѣ, какъ до сихъ поръ никто не могъ и не можетъ быть освѣдомленъ. Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ, надо отмѣтить быстрое и безпрепятственное сношеніе со всѣми частями дѣйствующихъ войскъ, даже съ осажденными крѣпостями, даже съ крейсирующими въ открытомъ морѣ эскадрами, съ раздѣленными непріятелемъ корпусами и

отрядами, съ благожелателями въ самой непріятельской странѣ, съ заговорщиками и т. д. Эти два преимущества (развѣдки и сношенія) такъ значительны и сами по себѣ, что при сколько-нибудь равносильномъ составѣ воюющихъ армій и флотовъ этихъ преимуществъ было бы достаточто, чтобы склонить побѣду на сторону счастливой обладательницы дирижаблей. Однако, дирижабли могли бы, повидимому, оказывать и чисто боевыя услуги своимъ обладателямъ, именно въ видѣ метанія съ высоты разрывныхъ снарядовъ. Нѣкоторое затрудненіе можно предвидѣть въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, при малой грузоподъемной силѣ аэростатовъ (особенно управляемыхъ, несущихъ моторы и топливо), аэронавты могутъ располагать очень ограниченнымъ количествомъ метательныхъ снарядовъ и, по возможности, легкихъ, т. е. менѣе сильныхъ. Съ другой стороны, въ летательныхъ аппаратахъ, легчайшихъ воздуха, каждый выброшенный грузъ (метательный снарядъ, въ томъ числѣ) вызываетъ неминуемый подъемъ аппарата, и никакая борьба съ этимъ перемѣщеніемъ аэростата невозможна. Только опыты покажутъ, насколько затруднитъ это обстоятельство бомбардировку съ аэростата. Едва ли съ дирижаблей можно будетъ разрушить крѣпость, истребить армію и вообще тѣ обширныя и рѣшительныя операціи, которыя станутъ возможны при воздушномъ флотѣ, тяжелѣйшемъ воздуха, но разрушеніе мостовъ, взрывъ воинскихъ поѣздовъ, поврежденіе, а можетъ быть и уничтоженіе складовъ, заводовъ и мастерскихъ и потопленіе кораблей,—таковы все еще огромныя задачи, на которыя, можетъ быть, будутъ способны и воздушные флоты легче воздуха, французскіе, нѣмецкіе, англійскіе и американскіе дирижабли въ томъ числѣ.

Однако, четыре великихъ державы, Японія, Австро-Венгрія, Италія и Россія, еще не имѣютъ никакихъ воздушныхъ флотовъ и находятся такимъ образомъ въ условіяхъ, очень неблагопріятныхъ въ случаѣ осложненій съ державами, уже создавшими воздушные флоты. Какъ разъ въ то время, когда одинъ за другимъ вылетали изъ мастерскихъ «Патри», «Цеппелинъ» и англійскій дирижабль, у насъ въ С.-Петербургѣ военный аэростатъ съ четырьмя молодыми жизнями былъ занесенъ вѣтромъ въ море, гдѣ и погибли всѣ четыре аэронавта. Это взволновало публику и начальникъ с.-петербургскаго воздухоплавательнаго парка ген.-майоръ Кованько счелъ своевременнымъ сообщить интервьюэрамъ, что гибель неуправляемаго аэростата не имѣетъ никакого соотношенія съ опытами воздухоплавательнаго парка надъ созданіемъ управляемыхъ аэростатовъ. Если вѣрить интервьюэрамъ, то генералъ-майоръ Кованько прибавилъ, что изобрѣтатель французскаго дирижабля предлагаетъ Россіи, какъ союзницѣ Франціи, свое изобрѣтеніе за милліонъ франковъ, но предложеніе это было отклонено въ виду производства собственныхъ опытовъ. Прошелъ годъ опытовъ; вѣроятно не мало на нихъ истрачено, но результатовъ еще

не видно. Собственные опыты любитъ производить наше морское вѣдомство и результаты этихъ собственныхъ опытовъ сказались 14 мая 1905 года въ Цусимскомъ проливѣ. Въ виду этого, быть можетъ, даже лучше, что собственные опыты воздухоплавательнаго вѣдомства не дали покуда никакихъ результатовъ: цусимскіе результаты много печальнѣе и опаснѣе.

IV.

Проблема полета на аппаратѣ, тяжелѣйшемъ воздуха, давно занимаетъ человѣчество, но только въ 1907 и 1908 годахъ появились признаки, что проблемма эта близка къ разрѣшенію. Во Франціи трудятся надъ этою проблеммой Фарманъ, Делагранжъ (эти оба изобрѣтателя уже летаютъ, но аппараты требуютъ усовершенствованія) и многіе другіе; въ Америкѣ—братья Райтъ; въ Россіи—инженеръ Татариновъ. Достигнутое настолько поучительно, что нельзя не остановиться вкратцѣ на этихъ аппаратахъ.

Нынѣ уже демонстрируемые летательные аппараты, тяжелѣйшіе воздуха, всѣ принадлежатъ къ типу *аэроплановъ*. Это аппараты, которые можно бы было назвать свободными воздушными змѣями. Аппаратъ дѣлаетъ разбѣгъ и съ разбѣга прыжокъ въ воздухъ, послѣ чего его моторы стараются придать ему возможно большую скорость, что бы подобно воздушному змѣю, прикрѣпленному къ быстро движущемуся судну, поддерживаться на извѣстной высотѣ самимъ воздухомъ. Опыты Фармана показали парижанамъ, что его аэропланъ можетъ пролетѣть нѣсколько километровъ и благополучно спуститься. Впрочемъ, было нѣсколько неблагополучій, но неутомимый и неустрашимый Фарманъ, оправившись отъ паденія, починялъ аэропланъ, вводилъ измѣненія, указанныя опытомъ, и снова дѣлалъ полеты. Однако, его опередилъ другой изобрѣтатель Делагранжъ, который первые свои опыты дѣлалъ тоже въ Парижѣ, но этою весною былъ приглашенъ итальянскими аэроклубистами демонстрировать свой аппаратъ въ Римѣ, гдѣ 31 (18) мая 1908 года сдѣлалъ при огромномъ стеченіи публики полетъ вокругъ площади, продержась въ воздухѣ, не прикасаясь къ землѣ, 15 минутъ 20 секундъ и пролетѣвъ за это время около 15 километровъ. Вторично Делагранжъ демонстрировалъ передъ итальянцами свой аэропланъ въ Миланѣ, гдѣ 22 (9) іюня сдѣлалъ полетъ, девять разъ облетѣвъ обширную площадь (не прикоснувшись земли), всего $16_{1}/_{2}$ километровъ въ теченіе 16 минутъ 30 секундъ, т. е. со скоростью одного километра въ минуту. Миланская телеграмма (конечно не въ русскихъ газетахъ), извѣщавшая міръ объ этомъ торжествѣ Делагранжа, прибавляетъ, что комитетъ итальянскихъ аэроклубистовъ постановилъ поднести изобрѣтателю золотую медаль въ память его полета 22 іюня, а французскому

аэроклубу послано удостовѣреніе о продолжительности полета, измѣренной хронометрически. Надо замѣтить, что французскій аэроклубъ назначилъ премію въ 10 тысячъ франковъ тому, кто продержится на аэропланѣ больше четверти часа, не прикасаясь къ землѣ. Делагранжъ получаетъ эту премію, которая сейчасъ же была замѣнена другою. Аэроклубъ объявилъ премію въ 20 тысячъ франковъ тому, кто продержится на аэропланѣ полчаса и болѣе, не прикасаясь къ землѣ. За этой преміей пріѣхали изъ Сѣверной Америки братья Райты. Они привезли свой аэропланъ и его налаживаютъ въ укромномъ мѣстечкѣ. 13 (26) іюня, когда я пишу эти строки, они еще не выступали и не демонстрировали публично полетъ своего аэроплана. Слухи о немъ изъ Америки очень рекламные.

Само собою разумѣется, что современные аэропланы не могутъ имѣть большого практическаго значенія. Путешественникъ, имѣющій при себѣ аэропланъ, легко перескочитъ черезъ рѣку, черезъ болото, черезъ лѣсъ, черезъ какое нибудь опасное пространство, а такъ же ему будетъ удобнѣе обслѣдовать разныя малодоступныя мѣстности. Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть аэропланъ на управляемомъ аэростатѣ для детальныхъ развѣдокъ. Но главное во всякомъ случаѣ въ томъ обстоятельствѣ, что возможность летанія на аппаратахъ, тяжелѣйшихъ воздуха, вполнѣ доказана. Остальное приложится и понемногу прилагается.

На ряду съ этими западно-европейскими и американскими работами надъ аэропланами, въ Россіи инженеръ В. В. Татариновъ заявилъ объ изобрѣтеніи имъ летательнаго аппарата, тоже тяжелѣйшаго воздуха, но основаннаго на совсѣмъ иныхъ принципахъ и названнаго имъ *аэромобилемъ*. Аэропланъ основывается на движеніи въ воздухѣ, которое вмѣстѣ съ инерціей отъ прыжка и содѣйствіемъ моторовъ и удерживаетъ аппаратъ на воздухѣ (покуда не больше 16 $^1/_2$ минутъ). Между тѣмъ, проектируемый инженеромъ Татариновымъ аппаратъ долженъ стоять въ воздухѣ подобно тому, какъ неподвижно парятъ въ атмосферѣ орлы, кондоры, коршуны. Добившись стоянія въ воздухѣ, движеніе само приложится. Таковы заманчивые перспективы, рисуемыя передъ нами проектомъ русскаго изобрѣтателя.

Инженеръ Татариновъ извѣстенъ нѣсколькими удачными изобрѣтеніями, такъ что и настоящее его заявленіе нельзя игнорировать. Онъ посвятилъ въ свой секретъ двухъ инженеровъ-товарищей, бывшаго директора С.-Петербургскаго политехническаго института князя Гагарина и капиталистовъ, давшихъ средства на сооруженіе трехъ аэромобилей. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что идея изобрѣтенія требуетъ серьезнаго отношенія. Военное вѣдомство отвело г. Татаринову мѣсто во дворѣ воздухоплавательнаго парка. Дворъ этотъ совершенно недоступенъ для постороннихъ, потому что тамъ же дѣлаются собственные опыты съ буду-

щими дирижаблями. Въ этомъ дворѣ въ теченіе мая этого года было возведено трехэтажное зданіе съ двумя флигелями для помѣщенія аэромобилей и для мастерскихъ, въ которыхъ ихъ строятъ. Закладка перваго аэромобиля состоялась въ первыхъ числахъ іюня. Это будетъ небольшого размѣра пробный аппаратъ, который такимъ образомъ уже строится. Изобрѣтатель надѣется его кончить такъ скоро, чтобы этимъ же лѣтомъ сдѣлать первое пробное поднятіе. Самъ инженеръ Татариновъ будетъ управлять своимъ аппаратомъ. Задача, которую ставитъ изобрѣтатель своему первому полету—только подняться на извѣстную высоту и тамъ неподвижно простоять въ воздухѣ въ теченіе не менѣе получаса. Всѣ остальныя задачи будутъ затѣмъ постепенно вводиться въ планъ работъ и осуществляться дополнительными работами. Изобрѣтатель полагаетъ, что всего потребуется для этого построить одинъ за другимъ три пробныхъ аэромобиля. Таковы по крайней мѣрѣ тѣ свѣдѣнія, которыя были опубликованы интервьюировавшими его газетными сотрудниками. Самъ г. Татариновъ, кажется, нигдѣ ничего не напечаталъ ни о своихъ планахъ и надеждахъ, ни объ идеѣ своего сооруженія.

Серьезность уже сдѣланныхъ имъ изобрѣтеній, присоединеніе къ его идеѣ трехъ технически образованныхъ спеціалистовъ, готовность капиталистовъ снабдить изобрѣтателя значительными средствами, отводъ военнымъ вѣдомствомъ участка земли въ укрытомъ отъ любопытныхъ секретномъ дворѣ,—все это какъ бы говоритъ за серьезность идеи. Однако, отъ идеи до ея воплощенія въ соотвѣтственную машину остается всегда огромное пространство, чтобы пройти которое порою нужны вѣка. Вотъ почему, пока свѣтъ не увидитъ обѣщаннаго аппарата въ дѣйствіи, приходится относиться къ его осуществимости съ значительною дозою скептицизма. Тѣмъ болѣе, что мистерія секретиссима, которою облекъ свою идею г. Татариновъ, лишаетъ это изобрѣтеніе того коллективнаго сотрудничества разсѣянныхъ по всему міру ученыхъ и техниковъ, которое лучше всего обезпечиваетъ болѣе или менѣе скорое воплощеніе идеи въ совершившійся фактъ.

У французовъ тоже явилась идея стоянія въ воздухѣ или паренія, но они свои мысли по этому поводу публикуютъ во всеобщее свѣдѣніе, обсуждаютъ въ ученыхъ собраніяхъ и привлекаютъ къ разработкѣ идеи всѣхъ желающихъ. Французскій натуралистъ (біологъ) Рене Кентонъ (Quinton) назначилъ премію въ 10 тысячъ франковъ тому, кто поднявшись на аппаратѣ, тяжелѣйшемъ воздуха, и остановивъ моторъ, продержится неподвижно пять минутъ. Его наблюденія полета птицъ привели его къ идеѣ неподвижно парить (planer) въ воздухѣ. Въ «Matin» отъ 13 іюня (31 мая), самъ Кентонъ даетъ слѣдующее объясненіе своей идеѣ:

«Премія, мною учрежденная, предназначена для перваго аэроплана (такъ во Франціи покуда называютъ всѣ летательные ап-

параты, тяжелѣйшіе воздуха), который, остановивъ моторъ и пользуясь единственно силою вѣтра, продержится пять минутъ въ воздухѣ. Эта премія преслѣдуетъ цѣль фиксировать вниманіе на явленіи очень мало извѣстномъ. Въ обществѣ въ настоящее время преобладаетъ мнѣніе, что воздухоплаваніе при помощи аппаратовъ, тяжелѣйшихъ воздуха не имѣетъ практической будущности, потому что удержаться въ воздухѣ возможно лишь цѣною развитія огромной силы и при томъ при условіи, что и этому чуду не помѣшаетъ вѣтеръ.

«Однако, это несправедливо. Упомянутому воздухоплаванію открыто очень широкое и экономически практическое будущее. Совершенно наоборотъ господствующему мнѣнію, что висѣніе въ воздухѣ («стояніе» г. Татаринова) требуетъ развитія значительныхъ силъ, эта задача можетъ быть реализована, при нѣкоторыхъ условіяхъ и на нѣкоторый срокъ, аэропланомъ, лишеннымъ всякаго мотора или съ бездѣйствующимъ моторомъ. Совершенно наоборотъ мнѣнію, что вѣтеръ составляетъ препятствіе паренію, именно вѣтеръ явится силою, которою аэропланъ, по примѣру нѣкоторыхъ птицъ, воспользуется, чтобы держаться на воздухѣ и въ немъ двигаться, не имѣя надобности прибѣгать ни къ какой другой силѣ. Эти истины не новы. Онѣ общепризнаны біологами, изучавшими полетъ птицъ. Ихъ значеніе прямо выдающееся и мнѣ казалось, что, ставъ широко извѣстными, онѣ послужатъ быстрому прогрессу воздухоплаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко освѣтятъ его экономическую будущность. Въ этой популяризаціи нѣкоторыхъ біологическихъ истинъ и заключается задача моей преміи.

«Этотъ аэропланъ безъ мотора, способный утилизировать силу вѣтра, чтобы держаться въ воздухѣ исключительно этою силою и при ея помощи подниматься на нѣсколько тысячъ метровъ (нѣсколько верстъ), такой аэропланъ, еще не построенный человѣкомъ, уже сооруженъ природою: это—парящая птица. Ея полетъ представляетъ на первый взглядъ совершенно странное явленіе, какъ бы отрицающее законы природы. Полетъ этотъ такъ парадоксаленъ, что натуралисты долго отказывались повѣрить сдѣланнымъ наблюденіямъ. Однако, въ концѣ концовъ пришлось повѣрить. Очевидность нельзя было отрицать. Теоретическое объясненіе явленію дано лишь въ самое послѣднее время.

«Гюберъ (изъ Женевы), Одюбонъ, Д'Эстерно, Муяръ, Марэ посвятили много времени и труда изученію полета этихъ птицъ. И великій Дарвинъ констатировалъ тѣ же факты, наблюдая около Лимы полетъ кондора изъ Андъ. Всѣ альпинисты видѣли то же явленіе, слѣдя за полетомъ и пареніемъ орловъ. Очень удобно наблюдается это явленіе у коршуновъ сѣверной Африки. Посмотримъ, въ чемъ дѣло. Осенью отправляемся въ Египетъ, гдѣ въ это время гнѣздится великій коршунъ (vautour). Эта огромная

птица вѣситъ 18 фунтовъ (переведенъ вѣсъ на русскую мѣру) и въ размахѣ крыльевъ имѣетъ больше сажени ($2^1/_2$ метра). Если мы будемъ наблюдать его образъ жизни, то прежде всего увидимъ, что коршунъ не покидаетъ своего гнѣзда во время безвѣтрія и оставляетъ его, когда задуетъ вѣтеръ, въ которомъ онъ черпаетъ силу, необходимую для полета. Въ тотъ моментъ, когда уже засвистѣлъ надъ равниною вѣтеръ, коршунъ бросается въ атмосферу, сдѣлавъ 10—12 взмаховъ своихъ могучихъ крыльевъ; затѣмъ онъ внезапно растягиваетъ крылья неподвижно, онъ прекращаетъ ихъ движеніе и превращается въ аэропланъ, скользящій въ пространствѣ. Сначала онъ описываетъ въ воздухѣ очень быстро нѣсколько большихъ круговъ, затѣмъ начинаетъ подниматься все выше и выше, все скорѣе и скорѣе. Ни разу не взмахнувъ крыльями, птица поднимается на высоту тысячи метровъ, медленно спускается, опять поднимается на ту же высоту, улетаетъ, прилетаетъ, снова и снова спускается и поднимается и т. д. И при этомъ ни одного взмаха крыльевъ.

«Муяръ (Mouillard), наблюдавшій эти явленія въ теченіе многихъ лѣтъ, удостовѣряетъ, что въ теченіе дня коршунъ можетъ разъ двадцать подняться на высоту тысячи метровъ и пролетѣть въ разныхъ направленіяхъ до 400 километровъ и при этомъ, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, не взмахнуть ни разу крыльями. Живой аэропланъ съ двумя распростертыми крылами, паритъ безъ мотора; онъ держится въ воздухѣ, поднимается, передвигается безъ какой-либо другой силы, кромѣ силы вѣтра. Подобно бумажному змѣю, онъ побѣдилъ тяжесть, благодаря струямъ воздуха, которые не переставали дѣйствовать на несущія его поверхности.

«Марсель Депрэ произвелъ въ лабораторіи опытъ огромной важности. Направляя струю воздуха на нижнюю поверхность, вогнутую подобно крылу, онъ увидѣлъ свою пластинку не только поднимающеюся, но и движущейся противъ струи. Этотъ опытъ явился экспериментальнымъ доказательствомъ наблюденій надъ полетомъ орловъ, коршуновъ и кондоровъ, чему такъ долго не желали вѣрить натуралисты. Третьяго дня Марсель Депрэ сдѣлалъ въ академіи наукъ заявленіе, что ему удалось поднять и поддерживать въ воздухѣ свободное и тяжелѣйшее воздуха тѣло единственно силою вѣтра. Это было бы пріобрѣтеніемъ высокой важности.

«Механическая опора, которую птицы находятъ въ вѣтрѣ обнаруживается изъ различныхъ данныхъ. Взлетъ, всегда очень трудная операція, обыкновенно происходитъ противъ вѣтра, который помогаетъ взлету. Охотники знаютъ, наприм., что куропатка не взлетаетъ въ тихую погоду, а если въ крайности принуждена взлетѣть, то ей это очень трудно и стоитъ большихъ усилій. Извѣстно такъ же, что альбатросы и чайки не летаютъ въ тихую погоду. Они тогда, подобно лебедямъ, отдыхаютъ на водѣ. Но вотъ задулъ

вѣтеръ и они поднимаются на воздухъ. Вѣтеръ даетъ имъ силу къ самымъ разнообразнымъ и безчисленнымъ эволюціямъ. Голубь, приспособленный къ летанію въ тихую погоду, обладаетъ относительно втрое сильнѣйшими летательными мышцами, чѣмъ чайки, которыя летаютъ въ волнующейся атмосферѣ. Иначе говоря, полетъ въ волнующейся атмосферѣ требуетъ въ три раза меньше силы, нежели полетъ въ спокойной атмосферѣ, безъ поддержки вѣтра.

«Силы, которыя птицы встрѣчаютъ и утилизуютъ въ видѣ атмосферныхъ теченій, будутъ утилизованы и человѣкомъ. Братья Райтъ уже сумѣли продержаться въ воздухѣ безъ мотора на одномъ и томъ же уровнѣ въ теченіе 62 секундъ, утилизуя воздушное теченіе. Изъ этого видно, что предложенная мною премія имѣетъ шансы скоро быть взятою, какъ я надѣюсь, и при томъ безъ всякой опасности, потому что, по мнѣнію спеціалистовъ, аэропланъ, предоставленный самому себѣ, не падаетъ, но тихо скользитъ по воздушнымъ слоямъ. Этотъ успѣхъ будетъ имѣть большія послѣдствія. Онъ докажетъ практическое и экономическое будущее воздухоплаванія. А послѣ этого появятся безчисленные работники и прогрессъ будетъ двигаться исполинскими шагами».

Отчетъ о докладахъ Марселя Депрэ въ академіи наукъ появился въ «Temps» отъ 24 (11) іюня. Онъ повторилъ въ присутствіи ученаго собранія свои опыты и далъ необходимыя объясненія. Отчетъ приводитъ чертежи полетовъ, пластинки и точное вычисленіе той равнодѣйствующей разныхъ силъ, которая приводитъ къ движенію пластинки вверхъ и противъ направленной на нее струи. Пластинка, однако, не виситъ въ воздухѣ, но на колесахъ находится на наклонной площади и сначала въ силу тяжести катится внизъ, но съ момента дѣйствія на нее струи воздуха (подъ пластинку) она вскатывается на верхъ, навстрѣчу воздушному теченію. Другая пластинка, висѣвшая въ воздухѣ, тоже поднимавшаяся отъ движенія струи воздуха и тоже двигавшаяся противъ этого воздушнаго теченія, не была свободна, но привязана. Эти опыты показали механику тѣхъ движеній, которыя наблюдаются у парящихъ птицъ, но сами по себѣ не были аппаратами, приспособленными для свободнаго полета.

Эти данныя о работахъ французскихъ ученыхъ показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и безкорыстіе этихъ тружениковъ науки, и то открытое, безъ секретовъ и таинственныхъ уединеній, развитіе идеи, которое наиболѣе достойно служителей истины.

V.

Въ Пруссіи происходили выборы въ ландтагъ, которые благодаря тому, что Пруссія занимаетъ своими владѣніями большую часть Германіи, имѣютъ значеніе независимо отъ общеимперскихъ

выборовъ въ рейхстагъ. Извѣстно, что въ Пруссіи дѣйствуетъ столько же устарѣлый, сколько несправедливый избирательный законъ. Избирателями являются плательщики налоговъ, но на совершенно неравныхъ правахъ. Вся сумма прямыхъ налоговъ дѣлится на три и образуется три разряда избирателей: первый разрядъ всѣхъ крупныхъ плательщиковъ, начиная съ самаго крупнаго и кончая тѣмъ, котораго доля завершаетъ собою первую треть суммы всѣхъ налоговъ; второй разрядъ отъ плательщика, слѣдующаго за послѣднимъ перваго разряда, до того, котораго платежъ завершаетъ собою вторую треть суммы всѣхъ прямыхъ налоговъ и, наконецъ, третій разрядъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ остальныхъ избирателей, въ совокупности уплачивающихъ остальную треть прямыхъ налоговъ. Всѣ три разряда избираютъ по одинаковому числу представителей. Благодаря этому, аристократія и крупная буржуазія господствуютъ въ первомъ разрядѣ и посылаютъ одну треть депутатовъ, а средняя буржуазія и среднее помѣстное сословіе второго разряда посылаютъ вторую треть, вмѣстѣ имѣя двѣ трети представителей. Борьба съ демократіей происходитъ только въ третьемъ разрядѣ. Господство консервативныхъ партій вполнѣ обезпечено.

Выборы происходили 15 (2) іюня и кончились, конечно, побѣдою консерваторовъ, при чемъ, староконсерваторы (юнкерство) даже увеличили число своихъ представителей на восемь. Увеличили число своихъ мандатовъ и клерикалы на десять. Соціалисты, ранѣе вовсе не участвовавшіе въ выборахъ (въ видѣ протеста противъ избирательнаго закона), теперь приняли участіе и вступили въ ландтагъ въ составѣ семи членовъ. Эти двадцать пять мандатовъ потеряли націоналъ-либералы и свободомыслящіе. Оппозиція (клерикалы, поляки, свободомыслящіе и соціалисты) на нѣсколько голосовъ усилилась, но правительственное большинство по прежнему значительно сильнѣе оппизиціи.

Въ Чикаго въ Соединенныхъ Штатахъ собирался конвентъ республиканской партіи. Принята огромнымъ большинствомъ платформа, нынѣ проводимая президентомъ Рузвельтомъ и рекомендуемая имъ и для слѣдующаго четырехлѣтія: это—активная внѣшняя политика съ увеличеніемъ вооруженныхъ силъ, особенно на морѣ, а внутри—сохраненіе протекціонизма и систематическая борьба съ трестами. Кандидатомъ въ президенты Союза избранъ Тафтъ, въ вице-президенты—Шерманъ, оба по настоятельной рекомендаціи Рузвельта который лично отклонилъ всякія предложенія кандидатуры въ президенты. Что касается демократической партіи, то она только что потеряла одного изъ самыхъ популярныхъ вождей своихъ, Кливленда, уже дважды бывшаго президентомъ Союза, единственнаго демократа, занимавшаго этотъ постъ восемь лѣтъ (два четырехлѣтія) изъ періода въ 48 лѣтъ (1861 до 1908 гг.). Сорокъ лѣтъ занимали представители республиканской партіи. Смерть Кливленда оста-

вляетъ демократовъ при одномъ Брайанѣ, выдающемся политическомъ дѣятелѣ, но уже трижды потерпѣвшемъ пораженія на президентскихъ выборахъ. Конвентъ демократической партіи еще не собрался. Большой интересъ можетъ представить самостоятельное выступленіе соціалистической партіи на президентскихъ выборахъ, если такое выступленіе состоится, что повидимому, еще не рѣшено.

С. Южаковъ.

На очередныя темы.

„Санинцы" и „Санинъ".

III. „Мертвый съ миромъ въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій"!—
IV. Гробъ повапленный.

Я не сомнѣваюсь, что моя послѣдняя статья многихъ изъ читателей не удовлетворила. Тема—та тема, которая интересуетъ и волнуетъ ихъ,—какъ бы ускользнула отъ меня. Начавъ съ «санинцевъ» и пытаясь разобраться въ фактахъ жизни [1]), я подошелъ въ концѣ

---

[1]) Кстати объ одномъ изъ этихъ фактовъ. Въ прошлый разъ я упомянулъ между прочимъ о „кружкѣ одинокихъ". Сомнѣваясь въ его существованіи и предполагая, что призывы, опубликованные отъ его имени были только своего рода „шуткой на модную тему", я позволилъ себѣ,—быть можетъ, не совсѣмъ осторожно—привести и при томъ въ довольно рѣшительной формѣ истолкованіе этимъ призывамъ, данное имъ въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ результатѣ „кружокъ одинокихъ" оказался у меня въ „двусмысленномъ сочетаніи" со всякаго рода „огарками". Теперь мнѣ сообщаютъ, что этотъ кружокъ совсѣмъ не то, что я думалъ. „Я знаю—пишетъ мнѣ не только извѣстный, но и близкій человѣкъ—эту исторію и лицо, положившее основаніе об-ву одинокихъ. Это лѣтъ 18 курсистка... Она прочитала (кажется въ „Образованіи") разсказъ „Одинокій" (или въ этомъ родѣ) и въ тоже время извѣстіе о самоубійствѣ отъ одиночества, отъ того, что человѣку „некуда придти". Это подѣйствовало на нее такъ сильно, что она и другая ея подруга вывѣсили на курсахъ объявленіе, что всѣ одинокіе могутъ приходить къ нимъ. М. б. это наивно, непрактично, по дѣтски, но это вмѣстѣ съ тѣмъ искренно, непосредственно и хорошо. Бывали курьезы,—говорятъ однажды пришла компанія человѣкъ въ 15 подвыпивши, и объявили, что они „одинокіе". Но иниціаторки настойчиво продолжаютъ. Теперь онѣ затѣваютъ сборникъ. Вѣроятно, изъ этого ничего не выйдетъ, но что это дѣтски-чистая затѣя, а не дурная и двусмысленная афера,—это вѣрно". „Я не членъ этого кружка—пишетъ другой читатель, лично неизвѣстный мнѣ „студентъ-подписчикъ"—и считаю его въ общемъ явленіемъ вреднымъ, но съ „огарками" онъ ничего общаго не имѣетъ. Здѣсь скорѣе нѣкоторый аскетизмъ и сантиментальность. Говорю это по личному знакомству и дружбѣ съ членами этого кружка, который впрочемъ еще больше in statu nascendi". Съ своей сто-

концовъ... не къ Санину, какъ бы это слѣдовало, а къ Зарудину и Волошину. На «ихъ» морали предложилъ я остановиться... Но, вѣдь, не въ нихъ дѣло.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, Зарудинъ и Волошинъ? Зарудинъ—это офицеръ, къ которому, какъ нельзя больше, пристало данное ему авторомъ наименованіе «жеребца»; Волошинъ—это заводчикъ, къ которому не меньше, пожалуй, присталъ бы эпитетъ «гадина». Стоитъ только вспомнить хотя бы тотъ интимный разговоръ, который они вели, сидя на квартирѣ у Зарудина.

— Да, самое главное въ женщинѣ—это груди! Женщина съ плохимъ торсомъ для меня не существуетъ...

— У всякаго свой богъ!.. Для меня въ женщинѣ самое важное спина, изгибъ.

...Весь міръ со всѣми его красками, звуками и богатствами куда-то ушелъ, провалился, и голая женщина одна осталась передъ ними... [1]).

Если бы ихъ заставить изложить свою идеологію, то, вѣроятно, получилось бы произведеніе въ родѣ того, какимъ недавно обогатилась русская литература:

«Голая женщина, ахъ!..»

И только... Слишкомъ простъ былъ бы вопросъ, если бы онъ сводился только къ этому. Въ дѣйствительности явленіе гораздо сложнѣе. Не съ Зарудинымъ и съ Волошинымъ нужно имѣть дѣло, а съ Санинымъ...

Да, явленіе сложнѣе... Возьмемъ Санина.

III.

Въ лицѣ Санина авторъ далъ намъ образъ «новаго человѣка». Новыми людьми, какъ извѣстно, начинаются новыя эпохи. Такъ и тутъ.

«Было время, когда человѣкъ жилъ узкой и скотской жизнью, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что и почему онъ дѣлаетъ и чувствуетъ. Потомъ настала пора жизни сознательной, и первая ступень ея была переоцѣнка всѣхъ своихъ чувствъ, потребностей и желаній». Въ этомъ второмъ періодѣ «мы заклеймили желанія тѣла животностью, стали стыдиться ихъ, облекли въ унизительную форму и создали однобокое существованіе»... Санинъ—провозвѣстникъ третьяго періода, когда «не будетъ мѣсто ни звѣрству, ни аскетизму», «когда между человѣкомъ и счастьемъ не будетъ ни-

---

роны, искренно извиняюсь передъ членами кружка одинокихъ въ своей неосторожности, принося вмѣстѣ съ тѣмъ благодарность своимъ корреспондентамъ за то, что они указали мнѣ мою оплошность.

[1]) М. Арцыбашевъ. Томъ III. Санинъ. Изданіе второе. Шестнадцатая тысяча. Спб. 1908. Стр. 156—157.

чего, когда человѣкъ свободно и безстрашно будетъ отдаваться всѣмъ доступнымъ ему наслажденіямъ» [2]).

Тезисъ и антитезисъ... Санинъ—это синтезъ, «гармоническое сочетаніе тѣла и духа». Это—та цѣлостная индивидуальность, которая должна явиться въ результатѣ человѣческаго развитія.

Такова философія исторіи въ изложеніи Санина, и таковъ самъ Санинъ въ изображеніи г. Арцыбашева.

Это, прежде всего, цѣлостный человѣкъ, чуждый какихъ-либо сомнѣній, колебаній, нерѣшительности. «Живите,—училъ онъ Соловейчика,—какъ птица летаетъ: хочется взмахнуть правымъ крыломъ—машетъ, надо обогнуть дерево—огибаетъ» (стр. 189) И самъ Санинъ дѣйствительно живетъ такъ, «какъ птица летаетъ».

«Онъ не былъ дома много лѣтъ... Пріѣхалъ онъ къ вечеру и такъ спокойно вошелъ въ комнату, какъ будто вышелъ изъ нея пять минутъ тому назадъ». (стр. 3). Такъ же спокойно онъ потомъ и уѣхалъ: выпрыгнулъ въ окно и ушелъ, ни съ кѣмъ не прощаясь.

— Скучно мнѣ тутъ... Надоѣли всѣ... Хочется уѣхать и все тутъ... (стр. 256).

Именно, какъ птица: присѣла на вѣтку а потомъ взмахнула крыльями и полетѣла.

«Душа этого человѣка—знакомитъ насъ авторъ съ его біографіей—сложилась свободно и своеобразно, какъ дерево въ полѣ... Никто не слѣдилъ за нимъ, ничья рука не гнула его»... «Жилъ онъ, гдѣ придется, дѣлалъ, что придется, то работалъ, то слонялся безъ цѣли, повидимому, любилъ пить и много зналъ женщинъ» (стр. 3 и 4). И теперь, пріѣхавъ домой, на вопросъ матери:

— Да какъ же ты жить будешь?

Онъ отвѣтилъ, улыбаясь:

— Какъ нибудь!

«И по его спокойному твердому голосу и свѣтлымъ немигающимъ глазамъ почувствовалось, что эти два, для нея ничего не значащія слова, для него имѣютъ всеобъемлющій, опредѣленный и глубокій смыслъ» (5).

Какъ нибудь!.. «Общей идеи въ его жизни не было» (4). Не было ничего, что стояло бы между нимъ и счастьемъ, что мѣшало бы ему свободно и безстрашно отдаваться всѣмъ доступнымъ ему наслажденіямъ. Прежде всего въ немъ самомъ не было... Не было «ложнаго взгляда на жизнь и на самого себя», который дѣлаетъ изъ человѣка «мученика» (231).

— Эхъ, люди, люди...—съ презрѣніемъ говорилъ онъ:—создадутъ вотъ такъ себѣ призракъ, условіе, миражъ и страдаютъ. А кричатъ: Человѣкъ — великолѣпно, важно, непостижимо! Человѣкъ—

---

[2]) „Санинъ", стр. 230—232.

царь! Царь природы, которому никогда царствовать не приходится: все страдаетъ и боится своей же собственной тѣни!.. (118)

Санинъ «призраковъ», созданныхъ самими людьми, не боится. «Подло, подло... А почему?.. Преступленіе? Что такое преступленіе!..» (118) «Моя жизнь—говорилъ онъ— это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами—чертъ съ нимъ!.. Какую бы мы гипотезу ни выработали, она останется только гипотезой, и на основаніи ея строить свою жизнь было бы глупо. Кому нужно, тотъ пусть объ этомъ и безпокоится, а я буду жить» (73).

Но и внѣ его не было ничего, что бы его связывало. «Я, братъ,—говорилъ онъ,—никогда отъ людей ничего не требовалъ, пусть и они оставятъ меня въ покоѣ» (8). «Я живу одинъ» (169). «Никого—по удостовѣренію автора—онъ не ненавидѣлъ и ни за кого не страдалъ». (4).

— Я знаю одно,—говорилъ онъ—я вижу и хочу, чтобы жизнь не была мученіемъ... Для этого надо прежде всего удовлетворять свои естественныя желанія... (73—74).

И Санинъ «свободно и безстрашно отдается всѣмъ доступнымъ ему наслажденіямъ». Онъ «можетъ и смѣетъ брать отъ богатства жизни столько, сколько это дѣйствительно, нужно ему» (231).

Таковъ «новый человѣкъ»: сильный, смѣлый и, главное, свободный...

Вокругъ Санина—люди стараго міра, даже двухъ міровъ. Одни, какъ Зарудинъ и Волошинъ, «живутъ узкой и скотской жизнью, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что и почему они дѣлаютъ и чувствуютъ». Авторъ вводитъ насъ въ ихъ внутренній міръ и вотъ что мы находимъ тамъ, напримѣръ, у перваго изъ нихъ.

Зарудинъ, оставшись одинъ, вздрогнулъ на красивыхъ, плотно обтянутыхъ ногахъ, потянулся, страстно зажмурившись, и, скаля зубы подъ свѣтлыми усами, повелъ плечами. Онъ былъ привычно счастливъ и чувствовалъ, что впереди ему предстоитъ еще больше счастья и наслажденія. Лида, въ моментъ, когда она отдается ему, рисовалась такъ жгуче и необыкновенно сладострастно хороша, что ему было физически больно отъ страсти... Къ страстному томительному чувству сладострастнаго ожиданія тонко и безсознательно сталъ примѣшиваться оттѣнокъ злорадности, что эта гордая, умная, чистая и начитанная дѣвушка будетъ лежать подъ нимъ, какъ и всякая другая, и онъ такъ же будетъ дѣлать съ нею, что захочетъ, какъ и со всѣми другими. И острая, жестокая мысль стала смутно представлять ему вычурно-унижающія, сладострастныя сцены, въ которыхъ голое тѣло, распущенные волосы и умные глаза Лиды сплетались въ какую-то дикую вакханалію сладострастной жестокости. Онъ вдругъ ясно увидѣлъ ее на полу, услышалъ свистъ хлыста, увидѣлъ розовую полосу на голомъ нѣжномъ покровѣ тѣла и, вздрогнувъ, пошатнулся отъ удара крови въ голову. Золотые круги сверкнули у него въ глазахъ. Было даже физически невыносимо думать объ этомъ (20—21).

Другіе, какъ Юрій Сварожичъ, «заклеймили желанія тѣла животностью, стали стыдиться ихъ, облекли въ унизительную форму

и создали однобокое существованіе», но «смятая сила рвется вонъ, тѣло проситъ радости и мучаетъ ихъ самихъ». «Всю жизнь они бродятъ среди раздвоеній, хватаются за каждую соломенку въ сферѣ новыхъ нравственныхъ идеаловъ и, въ концѣ-концовъ, боятся жить, тоскуютъ, боятся чувствовать» (231).

Юрій Сварожичъ—это «послѣдній изъ могиканъ уходящаго въ вѣчность періода человѣческаго развитія». Какъ все конечное, онъ впиталъ съ сеся всѣ соки своей эпохи, и они отравили его до глубины души... У него нѣтъ жизни, какъ таковой, все, что онъ дѣлаетъ, подвержено у него безконечному спору: хорошо ли, не дурно ли?»... (230). «Въ душѣ его было что-то разъѣденное, нудное, становящееся поперекъ силы, идущей на волю изнутри. Каждое чувство, возникающее въ немъ, онъ останавливалъ и опрашивалъ, и чувство меркло, вяло и теряло лепестки, какъ цвѣтокъ подъ морозомъ. Когда онъ спрашивалъ себя, что влечетъ его къ Карсавиной, то отвѣчалъ: половое влеченье и только:—и хотя не зналъ самъ, почему, но это прямоугольное слово вызывало въ немъ небрежное и тяжелое для него самого презрѣніе» (126).

Конечно, не всѣ такъ опредѣленны, какъ Зарудинъ и Сварожичъ. Въ романѣ фигурируетъ цѣлый рядъ лицъ переходнаго, такъ сказать, типа: одни, какъ Рязанцевъ, совсѣмъ близки къ Зарудину, другіе, какъ Новиковъ,—ближе къ Сварожичу. Но и Новиковъ,—по словамъ Санина,—только жирѣетъ отъ своихъ сомнѣній и страданій, какъ боровъ, запертый въ хлѣвъ» (231).

Имѣются въ романѣ и не опредѣлившіеся,—еще только опредѣляющіеся,—люди. Одни, какъ Соловейчикъ, который «не знаетъ, куда ему идти, и все думаетъ, все думаетъ и все страдаетъ и все ему страшно и непонятно» (192),—совершенно безнадежны съ точки зрѣнія Санина. Другіе, какъ сестра послѣдняго, Лида, «какъ будто могла пойти необычной дорогой» (256). Ей Санинъ больше, чѣмъ кому-либо другому, удѣлилъ вниманія. Ему даже «стало страшно, что не удастся уговорить ее, и эта красивая, солнечная, молодая женщина, способная дать счастье многимъ людямъ, уйдетъ въ безсмысленную пустоту» (117). И онъ уговорилъ ее, помѣшалъ утопиться и даже самъ частичкой «счастья» воспользовался. И все-таки потомъ чуть-чуть не спокаялся...

— Ну, Лидѣ, пожалуй, конецъ!—подумалъ онъ передъ отъѣздомъ:—можетъ, и лучше сдѣлала бы она, если бы тогда и вправду утопилась!.. А можетъ, и перевернется... Не угадаешь! (258).

«Карсавина казалась новой...» (258). Съ ней Санину удалось достигнуть еще большихъ успѣховъ. Но относительно ея ужъ ничего «не угадаешь». Можетъ, еще и утопится... Такова, по крайней мѣрѣ, была первая ея мысль послѣ того, какъ она выпила чашу наслажденія съ Санинымъ.

— «Потомъ утоплюсь!—смутно думала она, прислушиваясь

къ его словамъ и какъ будто отвѣчая кому-то постороннему, который вотъ-тотъ готовъ потребовать у нея отчета» (233).

И—кто знаетъ!—если она не утопилась до отъѣзда Санина, то, быть можетъ, потому только, что находила еще въ себѣ силы глушить эту черную мысль, постоянно возвращавшуюся къ ней, въ особенности при воспоминаніи о Юріи.

— Не надо объ этомъ думать, не надо ..—говорила себѣ она.— И опять замирала въ ожиданіи» (242).

Лида и Красавина «были интересные люди». Интересно еще было какъ «Семеновъ умиралъ» (256). Остальные же... Скоты и идіоты, дураки и животныя!... Такъ честитъ ихъ—то въ лицо, то за-глаза, то вслухъ, то про себя,—Санинъ, а если не онъ, то его адъютантъ и подголосокъ Ивановъ или, наконецъ, самъ авторъ.

— Юрій Сварожичъ,—говоритъ Санинъ,—только тѣмъ и исключеніе, что онъ не такъ глупъ, какъ другіе... (231).

Но и онъ дуракъ... Когда на похоронахъ Юрія Шафровъ сталъ приставать къ Санину, чтобы тотъ сказалъ рѣчь на могилѣ, то онъ съ досадою отвѣтилъ:

— Что тутъ говорить?.. Однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше стало, вотъ и все!—Рѣзкій, громкій голосъ его прозвучалъ съ неожиданной силой и отчетливостью. И сначала всѣ какъ будто застыли...

— Это подло!—крикнула Дубова.

— Почему?—вздернувъ плечами, спросилъ Санинъ...

— Дурачье—съ искренней тоской сказалъ онъ потомъ, глядя вслѣдъ расходящимся...—Если бы вы не были глупыми и сантиментальными мальчишками,—заявилъ онъ у воротъ кладбища возмущенной его выходкой молодежи, — я бы сказалъ вамъ, что я правъ, и Сварожичъ, дѣйствительно, жилъ глупо, мучилъ себя по пустякамъ и умеръ дурацкою смертью, но вы... а вы мнѣ просто надоѣли своею тупостью и глупостью и подите вы всѣ къ чорту! (253—255).

Вѣдь такъ просто и понятно, что люди стараго міра должны уйти, исчезнуть... И ничего ужаснаго въ томъ, что эти мученики своей жизни умираютъ, нѣтъ.

— Нѣтъ смысла страдать, а жить вѣчно — объяснялъ Санинъ Соловейчику, — все равно никто не будетъ. Жить стоитъ только тому, кто въ самомъ фактѣ жизни видитъ наслажденіе. А страдающимъ—лучше умереть.

И онъ счелъ даже возможнымъ подтолкнуть въ могилу страдальца, съ которымъ онъ разговаривалъ.

— Вы мертвый человѣкъ, — съ невольной тревогой въ душѣ сказалъ Санинъ, вставая:—и, пожалуй, мертвецу самое лучшее и вправду могила... Прощайте...

...У калитки онъ остановился и прислушался... Непріятное томительное предчувствіе заползало въ сердце Санина.

— Все равно! — подумалъ онъ: — что такъ жить, что умереть. Да и не сегодня—завтра... (192)

Да, «не сегодня—завтра» люди стараго завѣта, разъ они не въ силахъ совлечь съ себя ветхаго человѣка, должны уйти... И они уходятъ. Застрѣлился Зарудинъ послѣ того, какъ Санинъ ударилъ его кулакомъ по физіономіи... Повѣсился Соловейчикъ послѣ того, какъ поговорилъ съ Санинымъ... Застрѣлился Сварожичъ, хотя и не зналъ еще, что Санинъ взялъ, сколько ему нужно, отъ «богатства», которымъ не посмѣлъ воспользоваться самъ Юрій... Чуть-чуть не утопилась Лида... Быть можетъ, еще и утопится Карсавина...

— Не я въ этомъ виноватъ, — сказалъ Санинъ, узнавъ о смерти Зарудина.—Однимъ больше, однимъ меньше!.. (193).

Рано или поздно все равно всѣ должны уйти... И если Санину не совсѣмъ ясно, такъ это то, что люди стараго времени, — въ особенности перваго періода—уходятъ по одиночкѣ.

— Я—это только случайность — говорилъ онъ, еще не зная, что побитый имъ человѣкъ застрѣлился:—Зарудинъ погибаетъ потому, что вся жизнь его была направлена по такому пути, на которомъ не то удивительно, что одинъ человѣкъ погибъ, а то удивительно, какъ они всѣ не погибли! Люди учатся убивать людей, холить свое тѣло и совершенно не понимаютъ, что и къ чему они дѣлаютъ... Это сумасшедшіе, идіоты! А если выпустить на улицу сумасшедшихъ, они всѣ перерѣжутся... (188).

Но,—можетъ быть, потому, что это не сумасшедшіе, но идіоты,—они все медлятъ... Когда «злая и тупая человѣческая глупость, охватывающая со всѣхъ сторонъ, исходящая равно и отъ злыхъ и отъ добрыхъ, и отъ прекрасныхъ, и отъ безобразныхъ, утомила Санина» (173), то онъ, какъ мы уже знаемъ, уѣхалъ. Но и въ поѣздѣ оказались все скоты и идіоты.

Рядомъ съ Санинымъ сидѣли мужики, которые вели «тяжелый и нудный разговоръ» о всякихъ кровопійцахъ.

— А вы чего-же ждете?—спросилъ Санинъ.

Старикъ повернулся къ нему и развелъ руками.

— А что станешь дѣлать?

«Санинъ всталъ и ушелъ на другое мѣсто: онъ зналъ этихъ людей, живущихъ какъ скоты и не истребившихъ до сихъ поръ ни себя, ни другихъ, а продолжающихъ влачить скотское существованіе въ смутной надеждѣ на какое-то чудо, котораго имъ не дождаться и въ ожиданіи котораго умерли уже милліарды имъ подобныхъ» (259). Но и на другомъ мѣстѣ оказалась «скотина»,— какой-то мѣщанинъ, истязавшій жену. Санинъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на него, вышелъ на площадку и, не долго думая, сошелъ на подножку поѣзда и, махнувъ рукой на свой пустой чемоданъ, спрыгнулъ на землю. «Красный фонарь былъ уже далеко, когда Санинъ поднялся, смѣясь самъ себѣ.

— И то хорошо!—сказалъ онъ громко, съ наслажденіемъ издавъ свободный громкій крикъ.

...И когда степь, пробудившись, вспыхнула зелеными и голубыми далями, одѣлась необъятнымъ куполомъ неба, и прямо противъ Санина, искрясь и сверкая, взошло солнце, казалось, что Санинъ идетъ ему навстрѣчу»... (260).

Недавно въ «Кіевскихъ Вѣстяхъ» была помѣщена замѣтка, автору которой пришлось присутствовать въ одномъ изъ небольшихъ городовъ югозападнаго края, на вечеринкѣ, гдѣ юная молодежь (въ возрастѣ 18—20 лѣтъ) обсуждала романъ г. Арцыбашева. Между прочимъ однимъ участникомъ вечеринки было прочитано «продолженіе Санина». Его дальнѣйшія похожденія, согласно этому изложенію, оказались не совсѣмъ удачными. Въ городѣ, куда онъ прибылъ послѣ прыжка съ поѣзда, его жестоко избилъ чиновникъ, дочь котората онъ началъ было выводить на новую дорогу. Въ спорахъ съ молодежью онъ запутался и былъ въ концѣ концовъ ошиканъ. Санинъ счелъ за лучшее удалиться изъ этого города и по дорогѣ опять спрыгнулъ съ поѣзда. Но на этотъ разъ разбилъ себѣ голову, послѣ чего у него обнаружились несомнѣнные признаки умственнаго разстройства... *)

Молодой критикъ, какъ мнѣ кажется, довольно удачно подмѣтилъ одну изъ слабыхъ сторонъ произведенія г. Арцыбашева. Герой послѣдняго—самый сильный, самый умный, самый находчивый и единственный искренній человѣкъ; вокругъ него—все слабые, глупые и лицемѣрные люди. Можетъ быть, такъ и слѣдуетъ рисовать «новаго человѣка»... Но г. Арцыбашевъ надѣлилъ еще Санина необычайною удачливостью. Онъ не боится ставить его въ самыя рискованныя положенія,—помѣщать, можно сказать, на волосокъ отъ конфуза. Взять хотя бы столкновеніе Санина съ Зарудинымъ, закончившееся роковымъ образомъ для послѣдняго. Зарудинъ, вѣдь, уже занесъ хлыстъ надъ Санинымъ... Если бы этотъ хлыстъ опустился раньше, чѣмъ Санинъ ударилъ кулакомъ,—а это могло случиться: тотъ же суетливый Соловейчикъ могъ помѣшать Санину, — то картина получилась бы, вѣдь, совершенно иная. Санинъ сразу потерялъ бы значительную долю своей яркости, и — кто знаетъ?—потускнѣвшій герой, быть можетъ, и не «смогъ» бы потомъ взять Карсавину. Одинъ изъ самыхъ выразительныхъ эпизодовъ романа тогда исчезъ бы, и для этого достаточно было, какъ видятъ читатели, одной неудачной секунды въ жизни Санина. Я не буду говорить о томъ, что изъ людей «второго періода» рядомъ съ Санинымъ могъ оказаться не неврастеникъ Юрій, а кто-нибудь имъ сильныхъ людей, которыми какъ-ни-какъ достаточна богата «однобокая» эпоха. И

*) „Кіевскія Вѣсти“. 1 іюня. „Вокругъ Санина“ Х. К—на.

тогда фигура Санина можетъ быть не казалась бы столь выпуклой... Напомню, далѣе, что мы не видѣли Санина лицомъ къ лицу съ «общественными условіями». Быть можетъ, когда онъ «нанимался письмоводителемъ къ страховому агенту», фигура его имѣла менѣе свободный и независимый видъ, чѣмъ когда онъ покупалъ водку и огурцы на взятый при этомъ «авансъ» (204). При нынѣшней безработицѣ даже письмоводительскія мѣста на такъ, чтобы ужъ очень свободно, берутся, да и въ авансахъ независимости не очень много. Но оставимъ это... Даже въ той сферѣ чисто личныхъ отношеній, въ какой происходитъ почти все дѣйствіе, и даже при той комбинаціи лицъ, какая дана въ романѣ, герой его вовсе не былъ застрахованъ отъ случайностей, которыя легко могли смыть ту или иную изъ яркихъ красокъ, наложенныхъ на его образъ авторомъ. И если ни одна изъ такихъ случайностей не постигла Санина, то такова ужъ, значитъ, воля создавшаго его г. Арцыбашева.

Съ создателемъ намъ спорить, конечно, не приходится... Къ тому же нашу задачу его фантазія даже облегчаетъ. Въ самомъ дѣлѣ: если мы желаемъ изучить, «какъ птица летаетъ», то ужъ лучше орла имѣть передъ собой, чѣмъ какую-нибудь пиголицу. И случайностей, которыя могли бы помѣшать полету орла, лучше, чтобы не было: пусть «хочется взмахуть правымъ крыломъ—машетъ, нужно обогнуть дерево — огибаетъ». То же можно сказать и относительно Санина, къ которому мы желаемъ присмотрѣться. Для насъ же лучше, что «богатства жизни» онъ беретъ безъ помѣхи: легче уяснить намъ себѣ, что именно и сколько ему дѣйствительно нужно. Вѣдь въ этомъ—суть. Цѣлостный человѣкъ... Но это только форма. Богатый-ли?.. Посмотримъ.

Мы уже видѣли, что Санинъ «знаетъ одно»: онъ не хочетъ, чтобы жизнь была для него мученьемъ, а «для этого надо прежде всего удовлетворять свои естественныя желанія». «Желанія — это все»...

— Но желанія могутъ быть злыми?—сказалъ Юрій.

— Можетъ быть.

— Тогда какъ?..

— Такъ же,—ласково отвѣтилъ Санинъ и посмотрѣлъ въ лицо Юрію свѣтлыми немигающими глазами (74).

У Санина явилось желаніе подсмотрѣть, что будетъ у Лиды съ Зарудинымъ, когда та пришла къ послѣднему (о связи ихъ Санину было извѣстно). Желаніе посмотрѣть явилось и у другихъ, бывшихъ въ то время у Зарудина.

— Мы еще поглядимъ, какая тамъ барышня! — отозвался совершенно пьяный быкообразный Малиновскій (104).

Если у послѣдняго это желаніе быстро потухло и онъ занялся игрой, то всѣмъ другимъ «было остро любопытно, какая женщина и зачѣмъ пришла къ Зарудину». «Тѣмъ, которые догадывались, что

это Лида Санина, безсознательно было завидно и воображенье ихъ мѣшало играть, рисуя ея невиданную ими наготу и ея сближеніе съ Зарудинымъ» (109). Ни одна «скотина» не рѣшилась однако сдѣлать то, что сдѣлалъ Санинъ.

— Пойду посмотрю, что тамъ дѣлается,—сказалъ онъ, ткнувъ пальцемъ въ запертую дверь.

«Всѣ засмѣялись его словамъ, какъ шуткѣ... Выйдя въ узенькій переулокъ, гдѣ росла сочная и густая крапива, Санинъ сообразилъ, куда должны выходить окна квартиры Зарудина, осторожно, придавливая крапиву ногами, добрался до забора и легко поднялся на него... Потомъ онъ спрыгнулъ внизъ, попалъ въ крапиву, съ грустью почесалъ ужаленное мѣсто и пошелъ по саду». Черезъ минуту «прислонившись плечомъ къ стѣнѣ, онъ смотрѣлъ въ садъ и съ интересомъ слушалъ измѣнившіеся, разстроенные возбужденные голоса». (110).

Напоминая вновь объ этомъ «свободномъ» отношеніи Санина къ міру, я хочу лишь оттѣнить, какъ много онъ могъ взять изъ него. Онъ могъ и, казалось бы, долженъ былъ наполнить свою жизнь очень большимъ содержаніемъ. Желаній у человѣка — особенно послѣ двухъ уже пережитыхъ имъ эпохъ—такъ вѣдь много, и эти желанія такъ разнообразны...

И въ личной жизни Санина тоже были разныя эпохи. «Были времена,—разсказывалъ онъ Соловейчику,—когда я переживалъ самыя разнообразныя сомнѣнія. Было время, когда я самъ серьезно мечталъ объ идеалѣ христіанскаго житія...» (190). Было, далѣе, время когда «онъ принималъ рискованное участіе въ политической борьбѣ» (4)... Но то была «фальшь» (191), «ложь» (10),—и отъ тѣхъ временъ ничего въ немъ не осталось. Теперь, когда онъ избавился отъ «ложнаго взгляда на жизнь и самого себя», у него имѣются только «естественныя желанія»...

«Желанія плоти»—какъ онъ назвалъ ихъ въ другой разъ. Они всѣ свойственны Санину. Въ романѣ имѣются даже спеціальныя вставки, долженствующія устранить всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Укажу для примѣра XXXV гл. (203—210), въ которой описана прогулка Санина и Иванова. Вся она блеститъ блаженствомъ бытія, какое испытываютъ Санинъ и Ивановъ, удовлетворяя свои «естественныя желанія».

Вышли они очень рано, подождали, пока откроютъ монополію, купили водки, огурцовъ и пошли...

— А что если еще сапоги снять?

— Вали!

Они оба разулись и пошли босикомъ. Ноги глубоко уходили въ теплый мягкій песокъ и пріятно разминались послѣ узкихъ, тяжелыхъ сапогъ. Теплый песокъ пересыпался между пальцами и не теръ, а нѣжилъ ногу.

— Хорошо,—сказалъ Санинъ съ наслажденіемъ...

...Потомъ потянулся лугъ, гдѣ трава была густая и влажная, и по ней тоже было пріятно и весело идти босыми ногами.

— Благодать!—сказалъ Ивановъ.

— Умирать не надо,—согласился Санинъ.

Съ такимъ же наслажденіемъ они катаются на лодкѣ, пьютъ, ѣдятъ, купаются... Въ заключеніе дождь и гроза...

...Все сразу потемнѣло, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, покрывъ всѣ звуки своимъ чуднымъ водянымъ звукомъ.

— И это хорошо,—сказалъ Санинъ, поводя плечами, на которыхъ сразу облипла мокрая рубаха.

...Когда опять сверкнула молнія, всѣмъ существомъ ощущая жизнь и силу, Санинъ раскинулъ руки и во все горло долго и протяжно и счастливо закричалъ, навстрѣчу грому, съ гуломъ и грохотомъ перекатывающемуся по небу изъ конца въ конецъ могучаго простора.

Да, Санину доступны всѣ радости жизни, какія можетъ доставить здоровое тѣло. Но главная радость — это женская молодость. «Если бы погибла вся женская молодость,—говоритъ Санинъ,—на свѣтѣ стало бы, какъ въ могилѣ». (123). Въ сущности даже не вся женщина нужна, нужно ея молодое, красивое, голое тѣло. Оно фигурируетъ и въ XXXV главѣ, долженствующей показать намъ все богатство жизни, доступной Санину.

— Дѣвицы купаются,—сказалъ Ивановъ.

— Пойдемъ посмотримъ,—сказалъ Санинъ.

— Увидятъ.

— Нѣтъ, мы тутъ пристанемъ и пойдемъ по осокѣ...

— А, ну ихъ,—слегка покраснѣвъ, сказалъ Ивановъ.

— Пойдемъ.

— Да соромно,—шутливо пожалъ плечами Ивановъ.

— Чего?

— Да... оно-жъ дѣвицы. Нехорошо...

— Дурень ты,—сказалъ Санинъ смѣясь:—вѣдь хочется жъ?

— Да ежели дѣвица и того... то кому же оно...

— Ну такъ и пойдемъ...

— Да оставь...

— Тьфу,—сказалъ Санинъ:—нѣтъ ни одного мужчины, который бы не хотѣлъ видѣть красивую голую женщину...

. . . . . .

— Если око тебя соблазняетъ, вырви его—сказалъ Ивановъ.

— Не городи глупостей, какъ Сварожичъ, — засмѣялся Санинъ: — Богъ далъ тебѣ око, зачѣмъ же его рвать...

. . . . . .

Они почти ползкомъ проползли по душистой травѣ, тихо раздвигая звенящую осоку.

— Гляди, братъ!—восторженно сказалъ Ивановъ.

— О, братъ!—сказалъ Санинъ съ серьезнымъ восторгомъ...

Въ сущности нужно, какъ я сказалъ, только тѣло, мужчинѣ—женское, женщинѣ—мужское.

— Что тебя собственно такъ огорчило? — утѣшалъ Санинъ Лиду.—Что Зарудинъ не женился на тебѣ, такъ это и слава Богу. Ты и сама знаешь теперь... да и раньше знала, что это человѣчекъ, хотя и красивый и для любви подходящій, но дрянной и подлый... Только и было въ немъ, что красота, но ею ты уже воспользова-

лась достаточно!.. Я сдѣлаю такъ,—продолжалъ онъ,—что Зарудинъ уѣдетъ отсюда, а ты... выйдешь замужъ за Новикова и будешь счастлива... (115 и 117).

— Слушай,—убѣждалъ потомъ Санинъ Новикова,—мнѣ все равно, женишься ли ты на Лидѣ, или пойдешь къ чорту, но мнѣ хочется сказать вотъ что: ты идіотъ!— если бы подъ твоимъ черепомъ ворошилась хоть одна здоровая чистая мысль, развѣ ты страдалъ бы такъ и дѣлалъ несчастнымъ себя и другихъ оттого только, что женщина, свободная и молодая, выбирая самца, ошиблась и стала опять свободной уже послѣ полового акта, а не прежде него... Что тебѣ до ея прошлаго? Она стала хуже, меньше доставитъ наслажденія? Тебѣ самому хотѣлось лишить ее невинности?.. Ну? (123).

Лида, «эта красивая, солнечная, молодая женщина, способна дать счастье многимъ людямъ»... Если «человѣкъ красивый и для любви подходящій»... Если «Богъ далъ тебѣ око, зачѣмъ же его рвать»... Во всякомъ случаѣ самъ Санинъ не такой дуракъ, чтобы это дѣлать... Въ первый же день по пріѣздѣ домой, гуляя съ сестрою по саду, Санинъ вдругъ обнялъ Лиду за талію и страннымъ, не то ласковымъ, не то зловѣщимъ голосомъ сказалъ:

— А ты красавицей выросла!.. Счастливъ будетъ тотъ мужчина, котораго ты перваго полюбишь...

Горячая струйка пробѣжала отъ его мускулистой, точно желѣзной, руки по гибкому и нѣжному тѣлу Лиды. Она смутилась, вздрогнула и чуть-чуть отшатнулась, точно почувствовавъ приближеніе нивидимаго звѣря (6).

Не Санинъ, однако, оказался этимъ счастливымъ мужчиной. Но онъ не завистливъ, онъ готовъ быть и вторымъ... Однажды ночью послѣ того, какъ Лида уже отдалась Зарудину, онъ подошелъ къ ея окну. Отдавшись своимъ смутнымъ мыслямъ, Лида стояла, закинувъ голыя руки за голову.

— Ты еще не спишь, Лида?—спросилъ голосъ Санина за окномъ.

Лида испуганно вздрогнула, но сейчасъ же улыбнулась, накинула на плечи большой платокъ и подошла къ окну.

— Какъ ты меня испугалъ...—сказала она.

Санинъ подошелъ и положилъ локоть на подоконникъ. Глаза у него блестѣли и онъ улыбался.

— Вотъ это ужъ напрасно!—весело и тихо сказалъ онъ.

Лида вопросительно повела головой.

— Безъ платка ты была гораздо лучше..—пояснилъ онъ также тихо и выразительно.

Санинъ засмѣялся. Лида смущенно облокотилась грудью на подоконникъ и выставила голову за окно. Санинъ дышалъ ей въ щеку.

— Ты—красавица!—сказалъ онъ.

Лида быстро взглянула на него и испугалась того, что почудилось ей въ выраженіи его лица. Она порывисто отвернулась въ садъ и всѣмъ тѣломъ почувствовала, что Санинъ смотритъ на нее какъ-то особенно. И это показалось ей такъ ужасно и гадко, что у нея похолодѣло въ груди, и вздрогнуло сердце. Точно такъ же на нее смотрѣли всѣ мужчины, и это нравилось

ей, но съ его стороны почему-то было невѣроятно, невозможно. Она сдѣлала надъ собой усиліе и улыбнулась.

— Я знаю...

Санинъ молчалъ и смотрѣлъ на нее. Когда она облокотилась на окно, рубашка и платокъ опустились, и сбоку была видна верхняя часть освѣщенной луной бѣлой и неуловимо-нѣжной груди.

— Люди постоянно ограждаютъ себя отъ счастья китайской стѣной,— сказалъ Санинъ, и его дрожащій и тихій голосъ былъ страненъ и еще больше, почти до ужаса, испугалъ Лиду (44).

Но Санинъ не унывалъ: несмотря на «китайскую стѣну», онъ надѣялся все-таки добраться до сестры. До извѣстной степени ему это и удалось, когда онъ удержалъ ее отъ смерти. Въ ея душѣ только что произошелъ кризисъ. «Жить!—оглушительно и радостно кричало въ ней».

— Ну, вотъ и хорошо,—говорилъ Санинъ:—я помогу тебѣ въ борьбѣ въ трудное время, а ты меня за это поцѣлуй, потому что ты красавица!

Лида молча улыбнулась, и улыбка была загадочная, какъ у лѣсной дѣвы. Санинъ взялъ ее за талію, и чувствуя, какъ въ его мускулистыхъ рукахъ вздрагиваетъ и тянется упругое теплое тѣло, крѣпко и дерзко прижалъ ее къ себѣ.

Въ душѣ Лиды дѣлалось что-то странное, но невыразимо пріятное: все въ ней жило и жадно хотѣло еще большей жизни. Не отдавая себѣ отчета, она медленно обвила шею брата обѣими руками и, полузакрывъ глаза, сжала губы для поцѣлуя. И чувствовала себя неудержимо счастливой, когда горячія губы Санина долго и больно ее цѣловали. Въ это мгновенье ей не было дѣла до того, кто ее цѣлуетъ, какъ нѣтъ дѣла цвѣтку, пригрѣтому солнцемъ, кто его грѣетъ (119).

Такимъ образомъ, «китайская стѣна», пожалуй, даже не помѣха: нужно только поймать подходящее мгновеніе. «Лови моментъ!».. Санинъ же не то, что Сварожичъ: онъ его не упуститъ... И онъ, дѣйствительно, не упустилъ его, когда такой моментъ явился у Карсавиной. Эпизодъ съ нею я уже назвалъ однимъ изъ самыхъ выразительныхъ въ романѣ. И для Санина онъ является однимъ изъ самыхъ характерныхъ.

Вмѣстѣ съ Ивановымъ они уже видѣли Карсавину голой, когда она купалась.

— О братъ!—сказалъ еще тогда Санинъ съ серьезнымъ восторгомъ...—А я даже не узналъ... Какая же она прелестная!..

«Если бы въ тебѣ,—только что передъ тѣмъ объяснилъ Санинъ Иванову,—при видѣ голой женщины и желанія никакого не появлялось, ну, тогда былъ бы ты цѣломудренный человѣкъ... И я бы первый твоему цѣломудрію удивлялся бы... хотя бы и не подражалъ и, весьма возможно, свезъ бы тебя въ больницу»... (207). Самъ Санинъ здоровый человѣкъ, и желаніе у него, несомнѣнно, явилось. Естественныя желанія надо удовлетворять,—и ему оставалось только подождать подходящаго мгновенія. Таковое скоро представилось.

Санинъ взялся какъ-то ночью проводить Карсавину до города,

куда она должна была спѣшить въ виду неожиданнаго пріѣзда инспектора. По дорогѣ имъ пришлось переѣзжать черезъ рѣку, и вотъ тутъ-то въ лодкѣ Санинъ изложилъ свою философію и... удовлетворилъ свое желаніе.

...Дѣвушка встала и хотѣла перейти на руль. Лодка закачалась, точно уходя изъ-подъ ногъ, и Карсавина невольно ухватилась за Санина, сильно толкнувъ его своей упругой грудью. И въ этотъ моментъ, почти не сознавая, не вѣря даже возможности этого, дѣвушка неуловимымъ, мимолетнымъ движеніемъ сама задержала прикосновеніе, какъ будто прижалась на-лету.

Мгновенно, всѣмъ существомъ своимъ онъ воспріялъ сказочное очарованіе близости женщины, а она всѣмъ существомъ поняла его чувство, ощутила всю силу его стремленія и опьянилась прежде, чѣмъ поняла, что дѣлаетъ... (232—233).

Дальнѣйшихъ подробностей,—а среди нихъ имѣются со стороны Карсавиной и довольно слабая попытка борьбы, и довольно сильный приступъ отчаянія,—я приводить не буду. Воспроизведу лишь самый послѣдній аккордъ.

Когда ея не стало видно, Санинъ съ силой вскочилъ въ лодку, и подъ могучими торжествующими ударами веселъ вода шумно и весело забурлила вокругъ. На широкомъ мѣстѣ рѣки, среди бѣлаго волнующагося тумана, подъ утреннимъ небомъ, Санинъ бросилъ весла, вскочилъ во весь ростъ и изо всѣхъ силъ громко и радостно закричалъ.

Лѣсъ и туманъ ожили и отвѣтили ему такимъ же долгимъ, радостнымъ, замирающимъ крикомъ (235).

Трижды такой крикъ издаетъ въ романѣ Санинъ. Одинъ разъ—это, когда, отвѣдавъ понемногу всѣхъ радостей жизни, онъ «долго, протяжно и счастливо» закричалъ на встрѣчу грому; другой разъ—овладѣвъ Карсавиной, и третій разъ—это когда онъ поднялся послѣ прыжка съ поѣзда, уйдя отъ «скотовъ», которые въ немъ ѣхали, на встрѣчу восходящему солнцу...

Это—побѣдный крикъ. Ихъ издаетъ человѣкъ, преисполненный чувства своей силы, независимости и свободы,—онъ издаетъ ихъ, охваченный открывающимся передъ нимъ просторомъ, достигнувъ самой вершины доступной ему полноты жизни и счастья...

IV.

Таковъ Санинъ... Я счелъ не лишнимъ освѣжить въ памяти читателей наиболѣе характерныя рѣчи и наиболѣе яркія сцены. Да и нужно было это сдѣлать: не всѣ, быть можетъ, читали талантливое*) произведеніе г. Арцыбашева, и не всѣ, быть можетъ,

*) Въ послѣднее время—сужу по нѣкоторымъ изъ писемъ, которыя получаю,—повидимому, опять народился проницательный читатель, и я боюсь, что этотъ эпитетъ въ примѣненіи къ произведенію, къ которому я уже показалъ совершенно недвусмысленное отношеніе, будетъ при-

ясно себѣ представляютъ, что за «новый человѣкъ» появился въ жизни. Теперь мы его видѣли...

И первое, что приходится мнѣ сказать,—это: не такъ ужъ много въ немъ новаго.

Читателямъ, быть можетъ, уже приходили на память другіе «новые люди»,—ихъ, вѣдь, уже не мало было въ русской литературѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ и я позволю себѣ теперь напомнить.

Прежде всего—Базарова... Это тоже былъ сильный, умный, находчивый человѣкъ. Если не такой совершенный и удачливый, какъ Санинъ, то, быть можетъ, потому только, что Тургеневъ не такъ любовно относился къ своему созданію, какъ г. Арцыбашевъ. И насчетъ правдивости Базаровъ Санину, пожалуй, не уступитъ.

— Я,—заявилъ какъ-то Санинъ,—говорю то, что думаю, а вы говорите не то, что думаете... (141).

Базаровъ самъ о себѣ такихъ декларацій, сколько помнится, не дѣлалъ, но что «онъ никогда не сочинялъ»—это удостовѣрено Тургеневымъ *).

Жилъ онъ тоже, можно сказать, «какъ птица летаетъ».

— Махнемъ-ка мы съ тобой,—говорилъ онъ Аркадію,—въ ***... Вишь какая сдѣлалась здѣсь погода; а мы прокатимся, городъ посмотримъ. Поболтаемся дней пять, шесть и баста! (67).

И онъ все время «махаетъ»—сначала къ Аркадію погостить, вмѣстѣ съ нимъ въ городъ, оттуда къ Одинцовой, отъ Одинцовой—въ отцовскую усадьбу... И подъ родительскимъ кровомъ онъ пробылъ недолго...

— Три дня... Это, это послѣ трехъ лѣтъ, маловато; маловато, Евгеній!—говорилъ ему отецъ, еле скрывая слезы. (157).

Много меньше, чѣмъ Санинъ послѣ пятилѣтняго отсутствія... И цѣльный человѣкъ былъ Базаровъ. «Я только этимъ и горжусь,—говоритъ онъ.—Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не сломаетъ». (147).

Къ «бабенкамъ» же, къ женской красотѣ, онъ такъ же, какъ и Санинъ былъ неравнодушенъ.

нятъ нѣкоторыми за иронію. Спѣшу успокоить проницательнаго читателя: я употребилъ его совершенно серьезно. Вообще же читатели, если они даже не читали „Санина“, то изъ приведенныхъ мною выдержекъ могли убѣдиться, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ очень яркимъ произведеніемъ. И они понимаютъ, конечно, что признаніе той или иной вещи талантливой, еще не исключаетъ отрицательнаго къ ней отношенія. Талантъ—говаривалъ покойный Н. К. Михайловскій—это бутылка: разная въ ней можетъ быть жидкость.—Я могъ упомянуть о бутылкѣ только мимоходомъ: въ качествѣ публициста я интересуюсь больше ея содержимымъ.

*) Полное собраніе сочиненій И. А. Тургенева. Томъ II Второе изданіе. Спб. 1884. Стр. 107.

— Кто это? спросилъ Базаровъ, какъ только они прошли мимо.—Какая хорошенькая!

— Да ты о комъ говоришь?

— Извѣстно о комъ: одна только хорошенькая.

Аркадій, не безъ замѣшательства, объяснилъ ему въ короткихъ словахъ, кто была Ѳеничка.

— Ага! промолвилъ Базаровъ:—у твоего отца, видно, губа не дура. А онъ мнѣ нравится, твой отецъ, ей-ей! Онъ молодецъ. Однако надо познакомиться, прибавилъ онъ, и отправился назадъ къ бесѣдкѣ... (47).

И къ женскому тѣлу вкусъ имѣлъ... «Кто бы она ни была,—говорилъ онъ, увидавъ въ первый разъ Одинцову,—просто ли губернская львица, или «эманципе» въ родѣ Кукшиной, только у нея такія плечи, какихъ я не видывалъ давно» (86). «Этакое богатое тѣло!—говорилъ онъ про нее же:—хотя сейчасъ въ анатомическій театръ». (90).

И относился онъ къ женщинамъ «свободно»...—Посмотримъ, къ какому разряду млекопитающихъ принадлежитъ сія особа,—говорилъ онъ Аркадію, поднимась съ нимъ по лѣстницѣ гостинницы, въ которой остановилась Одинцова.— Чувствуетъ мой носъ, что тутъ что-то не ладно.

— Я тебѣ удивляюсь! — воскликнулъ Аркадій. — Какъ? Ты, ты, Базаровъ, придерживаешься той узкой морали, которую...

— Экой ты чудакъ!—перебилъ небрежно Базаровъ.—Развѣ ты не знаешь, что на нашемъ нарѣчіи и для нашего брата «не ладно» значитъ «ладно»? Поживка есть, значитъ... (86—87).

И воспользоваться такой «поживой», разъ она представлялась, онъ былъ не прочь. Взять хотя бы эпизодъ съ Ѳеничкой, во многомъ напоминающій столь характерный для Санина эпизодъ съ Карсавиной.

— Понюхайте, какъ славно пахнетъ роза, что вы мнѣ дали.

Ѳеничка вытянула шейку и приблизила лицо къ цвѣтку... Платокъ скатился съ ея головы на плечи; показалась мягкая масса черныхъ, блестящихъ, слегка растрепанныхъ волосъ.

— Постойте, я хочу понюхать съ вами,—промолвилъ Базаровъ, нагнулся, и крѣпко поцѣловалъ ее въ раскрытыя губы.

Она дрогнула, уперлась обѣими руками въ его грудь, но уперлась слабо, и онъ могъ возобновить и продлить свой поцѣлуй [172].

И въ рѣчахъ Базарова можно найти много общаго съ санинскими.

— Принциповъ,—говорилъ онъ,—вообще нѣтъ, а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ... Напримѣръ я: я придерживаюсь отрицательнаго направленія — въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ — и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? — тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ...

— Что жъ? и честность — ощущеніе?

— Еще бы! (149).

Вѣдь это почти буквально, то же самое, что говоритъ теперь, какъ мы слышали, Санинъ:

— Моя жизнь—это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами—чортъ съ нимъ!.. Какую бы мы гипотезу ни выработали, она останется только гипотезой...

«Призраковъ, созданныхъ самими людьми», Базаровъ не боялся.

— Я тогда готовъ буду согласиться съ вами,—говорилъ онъ Павлу Петровичу,—когда вы представите мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызывало полнаго и безпощаднаго отрицанія... (62). Но Павелъ Петровичъ сдѣлать это оказался не въ силахъ. Вообще по части отрицанія нигилистъ Базаровъ едва ли уступилъ бы Санину.

И къ самимъ людямъ—къ людямъ стараго міра—онъ относился такъ же отрицательно. Съ презрѣніемъ и безъ стѣсненія, такъ же почти какъ Санинъ, честилъ онъ ихъ идіотами...—«Я назвалъ его, какъ слѣдуетъ — идіотомъ» — сказалъ онъ, напримѣръ, про Павла Петровича (151).

— Человѣкъ—говоритъ теперь Санинъ — гадокъ по природѣ... Не жди отъ него ничего хорошаго... (169)

Но вѣдь это же буквальное почти повтореніе, что полвѣка тому назадъ было сказано Базаровымъ:

— Какую клевету ни взведи на человѣка, онъ въ сущности заслуживаетъ въ двадцать разъ хуже того (150).

И мужика—массу народную—Базаровъ нисколько не идеализировалъ и преклоняться передъ нимъ склонности отнюдь не имѣлъ.

— Стало быть, вы идете противъ своего народа?—пробормоталъ изумленный Павелъ Петровичъ.

— А хоть бы и такъ?—воскликнулъ Базаровъ.—Народъ полагаетъ, что когда громъ гремитъ, это Илья пророкъ въ колесницѣ по небу разъѣзжаетъ. Что жъ? Мнѣ соглашаться съ нимъ? Да при томъ—онъ русскій, а развѣ я самъ не русскій?..

— Спросите любого изъ вашихъ мужиковъ—продолжалъ Базаровъ,—въ комъ изъ насъ,—въ васъ или во мнѣ,—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить то съ нимъ не умѣете.

— А вы говорите съ нимъ и презираете его въ тоже время.

— Что жъ, коли онъ заслуживаетъ презрѣнія!.. [58].

Да, Базаровъ смѣло противопоставлялъ себя старому міру,—даже смѣлѣе, пожалуй, чѣмъ Санинъ.

— Противная штучка человѣкъ! — не подумалъ, а почувствовалъ послѣдній, когда ему пришлось въ поѣздѣ соприкоснуться съ массой.

И онъ ушелъ навстрѣчу восходящему солнцу... Базаровъ — сказалъ я—былъ смѣлѣе: онъ не боялся идти противъ всей массы.

— Коли раздавятъ, туда и дорога, промолвилъ онъ.—Только бабушка еще на двое сказала. Насъ не такъ мало, какъ вы полагаете.

— Какъ? Вы не шутя думаете сладить, сладить съ цѣлымъ народомъ?

— Отъ копеечной свѣчи, вы знаете, Москва сгорѣла,—отвѣтилъ Базаровъ [61].

Отъ борьбы онъ не уклонялся. Напротивъ онъ въ нее рвался. Если не смѣлѣе Санина онъ былъ, то во всякомъ случаѣ дѣятельнѣе. Не пассивная (припомните Санинское: «какъ придется»), а боевая это была натура.

— Какъ посмотришь—говорилъ онъ—этакъ съ боку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь «отцы», кажется: чего лучше? Ѣшь, пей, и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ нѣтъ: тоска одолѣетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними (147).

Запросы у Базарова, несомнѣнно, были шире. Ѣшь, пей, наслаждайся удовлетвореніемъ своихъ «естественныхъ желаній»,— такая жизнь его бы, несомнѣнно, не удовлетворила. Но оставимъ пока это... Освѣжая въ памяти читателей образъ Базарова, я хотѣлъ лишь напомнить, что сильные, смѣлые и свободные люди, которые смѣли и могли себя противопоставить всему міру, въ русской литературѣ уже бывали. И съ этой стороны въ Санинѣ не много найдется новаго.

Но мало новаго и въ томъ, что обыкновенно считается сутью Санина. «Свободная любовь»—такъ эта суть воспринята, если не общественнымъ сознаніемъ, то пониманіемъ молодежи. Свободная любовь—въ смыслѣ свободы половыхъ отношеній. Но вѣдь гимнъ свободной любви—даже въ этомъ ея пониманіи—уже давно воспѣтъ въ русской литературѣ. Напомню вамъ другой «Разсказъ о новыхъ людяхъ»—«Что дѣлать?» Вы безъ труда, конечно, припомните «Четвертый сонъ Вѣры Павловны» и, въ частности, людей, которые будутъ жить въ аллюминіевыхъ дворцахъ:

Только такіе люди могутъ вполнѣ веселиться и знать весь восторгъ наслажденія! Какъ они цвѣтутъ здоровьемъ и силою, какъ стройны и граціозны они, какъ энергичны и выразительны ихъ черты! Всѣ они—счастливые красавцы и красавицы, ведущіе вольную жизнь труда и наслажденія,—счастливцы, счастливицы!

Шумно веселится въ громадномъ залѣ половина ихъ, а гдѣ жъ другая половина? „Гдѣ другіе?—говоритъ свѣтлая царица:—они вездѣ; многіе въ театрѣ, одни актерами, другіе музыкантами, третьи зрителями, какъ нравится кому; иные разсѣялись по аудиторіямъ, музеямъ, сидятъ въ библіотекѣ, иные въ аллеяхъ сада, иные въ своихъ комнатахъ, или чтобы отдохнуть наединѣ, или со своими дѣтьми, но больше, больше всего—это моя тайна. Ты видѣла, въ залѣ, какъ горятъ щеки, какъ блистаютъ глаза; ты видѣла, они уходили, они приходили; они уходили—это я увлекла ихъ, здѣсь комната каждаго и каждой—мой пріютъ, въ нихъ мои тайны ненарушимы, занавѣсы дверей, роскошные ковры, поглощающіе звукъ, тамъ тишина, тамъ тайна; они возвращались—это я возвращала ихъ изъ царства моихъ тайнъ на легкое веселье. Здѣсь царствую я.

Я царствую здѣсь. Здѣсь все для меня! Трудъ—заготовленіе свѣжести

чувствъ и силъ для меня, веселье—приготовленіе ко мнѣ, отдыхъ послѣ меня. Здѣсь я—цѣль жизни, здѣсь я—вся жизнь" [1]).

Такъ грезится будущая жизнь Вѣрѣ Павловнѣ. Правда, Вѣра Павловна, вообще склонная нѣсколько къ чувственности, переживала въ это время медовую пору своей жизни—счастливую любовь съ Кирсановымъ. Другіе герои Чернышевскаго—я не говорю уже про Рахметова, но Лопуховъ, напримѣръ,—представляли себѣ будущую жизнь, можетъ быть, нѣсколько иначе. Да и концепція Вѣры Павловны была несравненно сложнѣе, чѣмъ это можно видѣть изъ приведенной мною выдержки. Вѣдь—это же небольшой только отрывокъ и притомъ изъ четвертаго уже сна Вѣры Павловны. Впрочемъ, къ этому мы еще вернемся. Сейчасъ же мнѣ хотѣлось лишь напомнить, что въ русской литературѣ уже были «новые люди», которые въ свободной любви видѣли высшее счастье, цѣль всей жизни. Выходитъ, что и съ этой стороны въ Санинѣ не такъ, чтобы ужъ очень много было новаго. Не новъ онъ самъ, и не ново то, что онъ принесъ міру.

Я напомнилъ Базарова и Вѣру Павловну—«новыхъ людей», сыгравшихъ видную и крайне важную роль въ исторіи русской общественности. Много общаго оказалось у Санина съ ними. Не потомокъ ли онъ ихъ, не продолжатель ли? Не одинъ ли это изъ тѣхъ «новыхъ людей», которые когда-то смѣло вошли въ русскую жизнь, и для которыхъ, быть можетъ, теперь настало время огласить міръ радостнымъ, побѣднымъ кличемъ?

Не знаю, гдѣ я читалъ,—чуть ли даже не въ дѣтской какой-то пьескѣ,—но припоминается мнѣ такая сцена.

— Хорошее дерево!—сказалъ мудрецъ, проходя мимо дуба.

— Хорошее дерево!—сказала свинья, подбиравшая подъ этимъ дубомъ желуди.

Умилился пастухъ.

— Свинья-то—говоритъ—моя какая умная! Что твой мудрецъ разсуждаетъ...

Бываетъ это... Люди совершенно разныхъ, казалось бы, міровоззрѣній—чуть ли не такъ же далекіе другъ отъ друга, какъ свинья и мудрецъ,—а говорятъ какъ будто одно и то же. Вы помните, конечно, что вся первая часть романа «Что дѣлать?» построена, можно сказать, на такомъ недоразумѣніи Марьи Алексѣвны. Какъ ни шмыгала онъ вокругъ Лопухова и Вѣрочки, какъ ни подслушивала, какъ ни подглядывала — спеціальныя даже ловушки устраивала—и все выходило одно:

«Какой умный, основательный, можно сказать, благородный мо-

---

[1]) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго. Ром. „Что дѣлать?" Второе изданіе. Спб. 1905 г. Стр. 383—384.

лодой человѣкъ! Какія благоразумныя правила внушаетъ Вѣрочкѣ. И что значитъ ученый человѣкъ: вѣдь вотъ я то же самое стану говорить ей—не слушаетъ, обижается: не могу на нее потрафить, потому что не умѣю по-ученому говорить. А вотъ какъ онъ по-ученому-то говоритъ, она и слушаетъ, и видитъ, что правда, и соглашается. Да, не даромъ говорится: ученье свѣтъ, а неученье тьма»... (88).

Въ «убѣжденіи, что бесѣды съ Дмитріемъ Сергѣичемъ не только не опасны для Вѣрочки,—это она и прежде думала,—а даже принесутъ ей пользу, помогутъ ея заботамъ, чтобы Вѣрочка бросила глупыя неопытныя дѣвическія мысли и поскорѣе покончила вѣнчаньемъ дѣло съ Михаиломъ Иванычемъ»,— Марья Алексѣвна оставалась до самой развязки,—до того дня, когда узнала, что Вѣрочка ушла отъ нея и вышла замужъ за самого Дмитрія Сергѣича, или,—какъ этотъ фактъ былъ воспринятъ сознаніемъ Марьи Алексѣвны,—что она ее «обокрала!..» «Основательный, можно сказать, благородный молодой человѣкъ» оказался «подлецомъ» и «разбойникомъ»... Но и послѣ того Марья Алексѣвна продолжала чувствовать, что у нея есть съ Лопуховымъ что-то общее, и уже на слѣдующій день послѣ того, какъ мысленно проводила его словомъ «разбойникъ», благожелательно подумала:

— Истинно, ему бы по откупной части идти... (144).

«Отношенія Марьи Алексѣвны къ Лопухову походятъ на фарсъ, сама Марья Алексѣвна выставляется чрезъ нихъ въ смѣшномъ видѣ. То и другое,—говоритъ Чернышевскій,—рѣшительно противъ моей воли». И онъ посвятилъ даже цѣлую главу, чтобы объясниться по этому поводу съ читателемъ. Дѣло не въ ошибкахъ Марьи Алексѣевны на счетъ Филиппа Эгалите и Людовика XIV...

Ошибаться,—говоритъ Чернышевскій,—можетъ каждый, ошибки могутъ быть нелѣпы, если человѣкъ судитъ о вещахъ, чуждыхъ его понятіямъ; но было бы несправедливо выводить изъ нелѣпыхъ промаховъ Марьи Алексѣвны, что ея расположеніе къ Лопухову основывалось лишь на этихъ вздорахъ... Онъ дѣйствительно держалъ себя такъ. какъ. по мнѣнію Марьи Алексѣвны, могъ держать себя только человѣкъ въ ея собственномъ родѣ... Подобно ей, онъ говорилъ, что все на свѣтѣ дѣлается для выгоды, что когда плутъ плутуетъ, нечего тутъ приходить въ азартъ и вопіять о принципахъ чести, которые слѣдовало бы соблюдать этому плуту, что и самъ плутъ вовсе не напрасно плутъ, а такимъ ему и надобно быть по его обстоятельствамъ, что не быть ему плутомъ, не говоря ужъ о томъ, что это невозможно, было бы нелѣпо, просто сказать, глупо съ его стороны.

«Да, — говоритъ Чернышевскій, — Марья Алексѣевна была права, находя много родственнаго себѣ въ Лопуховѣ». Родственны они по характеру: оба они, если выразиться кратко, были «основательные люди»; есть кое-что общее и въ воззрѣніяхъ у нихъ. Все дѣло въ томъ только, что Лопуховъ не договаривалъ до конца: въ разговорахъ съ Марьей Алексѣевной онъ считалъ

это безцѣльнымъ, такъ какъ «имѣлъ столько разсудительности, чтобы не выпрямлять 50-ти лѣтняго дерева», а въ разговорахъ съ Вѣрочкой находилъ это излишнимъ, такъ какъ она изъ книгъ знала смыслъ тѣхъ словъ, какія ему приходилось употреблять въ разговорѣ.

Да и странно было бы, чтобы у людей, хотя бы разныхъ міровоззрѣній и даже разныхъ эпохъ, не было ничего общаго. Если ужъ на то пошло, то общее, несомнѣнно, есть даже у мудреца и свиньи, фигурирующихъ въ дѣтской пьесѣ. Похваливъ дубъ, мудрецъ имѣлъ въ виду, конечно, и жолуди, которыми такъ увлечена была свинья. Нужно было, чтобы мудрецъ до конца высказался,—и тогда пастуху была бы ясна разница между ними.

У Базарова и Вѣры Павловны оказалось общее съ Санинымъ, но вѣдь ни за Базарова, ни за Вѣру Павловну я до конца не высказался. Договорить все за нихъ—слишкомъ много они принесли съ собою—было бы трудно. Но кое о чемъ напомнить все-таки нужно, хотя бы намекнуть только.

Выше я оборвалъ себя на томъ, что запросы у Базарова были шире, чѣмъ у Санина. И это приходится сказать даже относительно той сферы «ощущеній», которая доставляла послѣднему высшія изъ доступныхъ ему наслажденій. Не потому только Базаровъ увлекся Одинцовой, что у нея было «богатое тѣло», но и потому, что она была «баба съ мозгомъ», и потому, что она «видала виды».

— Въ какомъ смыслѣ ты это говоришь, Евгеній Васильевичъ?— спросилъ его Аркадій.

— Въ хорошемъ смыслѣ, въ хорошемъ, батюшка вы мой, Аркадій Николаевичъ!.. (100).

Я уже сказалъ, что Тургеневу не угодно было сдѣлать Базарова удачникомъ. Но если бы Анна Сергѣевна промѣняла на него свое спокойствіе, то «быть можетъ бросилась бы въ битву, узнала бы страсть» (101). Вѣдь не только тѣло, но и душа у нея была богатая. И «ощущенія» Базарова въ отношеніяхъ къ ней, несомнѣнно, были богаче «ощущеній» Санина въ его отношеніяхъ къ любой изъ «красавицъ». И за всѣмъ тѣмъ, это было не только не единственное, но и не главное богатство Базарова. Были «ощущенія», которыми этотъ «великій охотникъ до женщинъ и женской красоты» (105) дорожилъ не меньше, чѣмъ тѣми, которыя могла дать женщина.

— По моему,—говорилъ онъ,—лучше камни бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца... Мужчинѣ нѣкогда заниматься такими пустяками; мужчина долженъ быть свирѣпъ, гласитъ отличная испанская поговорка (128).

И несомнѣнно, что не одно только раздраженіе по случаю испытанной неудачи сказалось въ данномъ случаѣ у Базарова.

Мы уже знаемъ, что между «ощущеніями» и «естественными желаніями» у него не было знака равенства, какъ у Санина. «Природа для Базарова—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ». И Базаровъ работалъ, работалъ, конечно, не такъ, какъ Санинъ служилъ у страхового агента. Эта служба не помѣшала послѣднему соскучиться и сбѣжать изъ родительскаго дома. Базаровъ соскучился и уѣхалъ еще скорѣй, но по другой причинѣ и въ другую сторону.

— Скучно,—объяснилъ онъ Аркадію:—работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправлюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ... (156).

Еще дороже, быть можетъ, была для Базарова наука. «Лягушки», въ каковомъ видѣ автору угодно было ввести послѣднюю, фигурируютъ чуть ли не при всѣхъ столкновеніяхъ «новаго человѣка» со старымъ міромъ. Припомните, напримѣръ, какъ окончился у него разговоръ съ Павломъ Петровичемъ на счетъ принятыхъ въ людскомъ быту постановленій, которыя не вызывали бы «безпощаднаго отрицанія»...

— Послушайте меня, Павелъ Петровичъ, — сказалъ Базаровъ, — дайте себѣ денька два сроку, сразу вы едва ли что-нибудь найдете. Переберите всѣ наши сословія, да подумайте хорошенько надъ каждымъ, а мы пока съ Аркадіемъ будемъ...

— Надо всѣмъ глумиться,—подхватилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушекъ рѣзать... (63).

Любовь, знаніе и трудъ—вотъ изъ чего, по словамъ Писарева, состояла жизнь «новыхъ людей», которыхъ онъ привѣтствовалъ въ лицѣ Базарова. Но индивидуалистъ Писаревъ показалъ въ итогѣ не всѣ ихъ богатства. Даже въ итогѣ Базарова нельзя пропустить уже упомянутаго мною «хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними». Еще большую роль это «желаніе», совершенно неизвѣстное Санину, играло въ жизни «новыхъ людей», о которыхъ разсказалъ намъ Чернышевскій.

Возьмемъ хотя бы ту же Вѣру Павловну, возьмемъ ея «желанія» и «ощущенія», хотя бы постольку лишь, поскольку они отразились въ ея снахъ. Возьмемъ только первый изъ нихъ.

«И снится Вѣрочкѣ сонъ». Читатели! Вы помните этотъ сонъ?

Снится ей, что она заперта въ сыромъ, темномъ подвалѣ. И вдругъ, дверь растворилась, и Вѣрочка очутилась въ полѣ, бѣгаетъ, рѣзвится и думаетъ: какъ же это я могла не умереть въ подвалѣ?..

...А вотъ идетъ по полю дѣвушка—какъ странно!—и лицо, и походка, все мѣняется, безпрестанно мѣняется въ ней; вотъ она англичанка, француженка, вотъ она уже стала нѣмка, полячка, вотъ стала и русская, опять англичанка, опять нѣмка, опять русская,—какъ же это у ней все одно лицо?.. И выраженіе лица безпрестанно мѣняется: какая кроткая! Какая сердитая!

Вотъ, печальная, вотъ веселая—все мѣняется! А все добрая,—какъ же это, и когда сердитая, все добрая? Но только какая же она красавица! Какъ ни мѣняется лицо, съ каждою перемѣною все лучше, все лучше. Подходитъ къ Вѣрочкѣ.—„Ты кто?..“

...— „Ты была заперта въ подвалѣ? Была разбита параличемъ?“—„Была“.—„Теперь избавилась?“—„Да“.—„Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много невыпущенныхъ, много невылеченныхъ. Выпускай, лечи. Будешь?“—Буду. Только какъ же васъ зовутъ? Мнѣ такъ хочется знать“.—У меня много именъ. У меня разныя имена. Кому какъ надобно звать, такое имя я ему сказываю. Ты зови меня любовью къ людямъ. Это и есть мое настоящее имя...“ (101—103).

Этотъ сонъ Вѣрочка видѣла еще въ домѣ матери, еще не выйдя совсѣмъ изъ подвала, еще не насладившись личной свободой. Любовь къ людямъ первою въ ея сердцѣ проснулась; выпускать невыпущенныхъ, лечить невылеченныхъ—таково желаніе, которое у новаго человѣка явилось; и видѣть вокругъ себя здоровыхъ и свободныхъ людей — таково наслажденіе, о которомъ Вѣрочка, предвкушая счастье личной свободы, мечтала.

— Ахъ, какъ весело!—снилось ей:—съ ними вмѣстѣ гораздо веселѣе, чѣмъ одной! Ахъ, какъ весело!

Уже въ ту пору личное счастье слилось въ глазахъ Вѣрочки съ общимъ. Потомъ богатства этого высшаго счастья еще больше передъ нею открылись. Но я могу и не напоминать всѣхъ богатствъ новой жизни, какая ей грезилась...

«Новыхъ людей» мы можемъ уже сопоставить... Представимъ себѣ, что Вѣра Павловна встрѣтилась съ Санинымъ. Это могло произойти—хотя бы на кладбищѣ, когда тамъ хоронили Юрія Сварожича. Только что выпущенная изъ подвала Вѣрочка могла быть тамъ среди молодежи. Мы уже знаемъ, какая сцена тамъ разыгралась. «Вы мнѣ просто надоѣли своею тупостью и глупостью,—сказалъ Санинъ молодежи,—и подите вы всѣ къ черту! Трогаю я васъ?.. Маршъ!»

— Ты-жъ чего людей пужаешь!—сказалъ ему потомъ Ивановъ. — Зловредный ты человѣкъ опосля этого!

— Если бы тебѣ всю жизнь такъ упорно лѣзли подъ ноги эти вольнолюбивые молодые люди,—серьезно отвѣтилъ Санинъ,—такъ ты бы и не такъ ихъ пугнулъ!.. А впрочемъ, чертъ съ ними! [255].

Да, Санинъ послалъ бы «вольнолюбивую» Вѣрочку къ черту... Таковы родственныя отношенія между ними.

«Ты видѣла, ты знаешь будущее, — говорила Вѣрѣ Павловнѣ въ самомъ концѣ ея снова странная женщина, у которой «именъ много».—Оно свѣтло, оно прекрасно. Говори же всѣмъ: вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ

него въ настоящее, сколько можете перенести: настолько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденьемъ ваша жизнь насколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести».

«Переносите изъ будущаго въ настоящее все, что можете перенести». Санинъ, казалось бы, такъ и поступаетъ... Но мнѣ Санинъ въ тѣхъ условіяхъ и въ той средѣ, въ какой онъ появился, напоминаетъ больше «человѣчка», къ которому отправился въ свое время Тяпушкинъ (это было въ 80-хъ годахъ), чтобы поразспросить и поразузнать: «неужели не журчитъ гдѣ-нибудь источникъ живой воды и вообще, неужели нѣтъ такого жизненнаго теченія, которое было бы, хоть для извѣстной части современнаго общества, вполнѣ объяснимымъ, понятнымъ, законнымъ, даже хотя бы просто-на-просто *модным*ъ?»

„Человѣчекъ"—объясняетъ авторъ это свое предпріятіе—издавна играетъ большую роль въ пониманіи „путей",—признанныхъ давнымъ-давно невѣдомыми",—и русскій простой человѣкъ, не читающій газетъ и не имѣющій никакихъ связей съ перомъ и бумагой, давно привыкъ знать, что въ корнѣ всякой русской „тяготы" — объясняемой то вѣяніями, то „теченіями", то теоріями—„сущую правду можно дознаться только отъ „человѣка", который всѣ эти теоріи можетъ объяснить въ двухъ словахъ и притомъ всегда съ точки зрѣнія совершенно неожиданной... Вотъ и мнѣ — говоритъ Тяпушкинъ—пришлось въ моихъ нравственныхъ терзаніяхъ искать совѣта и указанія также у какого-нибудь „человѣка", у существа, понимающаго, гдѣ „корень дѣла", не столько сознаніемъ, сколько чутьемъ, носомъ, обоняніемъ. Но сомнѣнія мои были вовсе не таковы, чтобы я могъ разыскивать нужнаго мнѣ „человѣка" въ лавчонкѣ или въ буфетѣ; мнѣ нельзя было искать человѣчка иначе, какъ въ „интеллигентной средѣ,—средѣ, обязанной соприкасаться съ тѣми же самыми явленіями жизни, которыя заставили меня не понимать и недоумѣвать. Словомъ, мнѣ нуженъ былъ человѣкъ, понимающій, „слѣдящій" и въ то же время не утративший зоологическаго свойства „чуять" самую подноготную (466—467 и 468).

Такой человѣкъ, не утратившій зоологическаго свойства чуять, нашелся. Былъ такой «пріятель» у Тяпушкина. «Человѣчекъ этотъ походилъ и по внѣшнимъ, и по внутреннимъ свойствамъ на обыкновенный россійскій телячій студень. Когда студень лежитъ на блюдѣ среди обѣденнаго стола, то малѣйшее движеніе вилкой, тарелкой немедленно отражается на немъ: онъ трепещетъ не только оттого, что тронули блюдо, но даже отъ тяжелыхъ шаговъ прислуги; онъ впечатлителенъ даже къ громкимъ звукамъ. Кто-то изъ обѣдавшихъ чихнулъ, и студень тотчасъ «отозвался» трепетомъ... А разрѣжьте его, вѣдь ледъ льдомъ, холодъ внутри его ледяной, точно мороженое» (468—469).

Читатель удивленъ, что я сравниваю съ этимъ «студнемъ»

*) Сочиненія Глѣба Успенскаго. Четвертое изд. Спб. 1907 г. Томъ II. Волей-неволей. Отрывки изъ записокъ Тяпушкина. Стр. 465.

Санина, котораго авторъ изобразилъ намъ такимъ монолитомъ. Но, вѣдь, и студень монолитъ, тоже «цѣлостная», можно сказать индивидуальность. Если же онъ черезъ-чуръ впечатлителенъ, «отзывчивъ» на все, что происходитъ вокругъ, то, вѣдь, и Санинъ живетъ «какъ-нибудь», «какъ придется»... И развѣ могъ бы такъ жить человѣкъ, горящій внутреннимъ огнемъ? Внутри Санина, несомнѣнно, «холодъ ледяной»,—стало быть, и съ этой точки зрѣнія мы можемъ сравнить его со студнемъ.

«Человѣчекъ», котораго зналъ Тяпушкинъ, тоже въ разныя эпохи своей жизни казался монолитомъ. «Былъ онъ и народникомъ», «и о конституціи говорилъ», и «жертвовалъ»... Санинъ тоже былъ толстовцемъ, революціонеромъ... и, конечно, во всѣ эти эпохи не переставалъ казаться монолитомъ. Но обратимся къ той эпохѣ, которая насъ интересуетъ. Посмотримъ, что Тяпушкинъ увидалъ у своего «человѣчка»...

...Артельщики принесли картины, купленныя моимъ пріятелемъ. Развернули одну, оказалась сцена изъ римской жизни: молодая патриціанка готовится вступить въ воду широкаго мраморнаго бассейна; она уже опустила туда концы пальцевъ лѣвой ноги. На поверхности воды плаваетъ роза. Разумѣется, патриціанка раздѣлась, руки подняла кверху и въ одной изъ нихъ держитъ кисею, которая невѣдомо зачѣмъ нужна, невѣдомо зачѣмъ спускается до полу.

— Что,—сказалъ мой реставрированный человѣчекъ:—не одобряете? Скорби нѣтъ? Что дѣлать. Хочется, знаете, и поотдохнуть немножко. Все мужикъ, мужикъ, мужикъ,—позвольте-съ! Дайте вздохнуть.

Стали картину вѣшать. Артельщики стучали молотками, а пріятель мой почему-то разгорячась, сердясь, продолжалъ:

— Да! довольно, довольно-съ этого одуренія, этого кошмара! Позвольте и намъ, не-мужикамъ (можетъ быть, къ несчастью!), позвольте и намъ предъявить свои, наши, не-мужицкія требованія! Да-а-съ! Безъ скорби! Безъ тенденціи! Что дѣлать-съ! Откройте другую картину!

И другая картина оказалась тоже изъ римской жизни. Патриціанка выходила изъ бассейна, и такъ какъ она, разумѣется, удалялась отъ зрителя, то не было уже никакой кисеи, потому что и такъ никто не увидитъ.

— И эта тоже безъ скорби! Тѣло, просто человѣческое тѣло-съ, ужъ не взыщите-съ! И—увы—красивое-съ тѣло, и ни недоимокъ, ни неурожая—нѣтъ! Да-съ, нѣту ихъ—увы, увы! Я не сомнѣваюсь, что дядя Митяй съ пряниками и тамъ разные „на построеніе храма“.. старички... или водовозъ какой-нибудь—ни малѣйше не сомнѣваюсь, что это глубоко... Но ужъ позвольте мнѣ что-нибудь поизящнѣй...

Да, это стремленіе уйти отъ «мужика», уйти къ тѣлу «просто человѣческому тѣлу» уже было,—и даже съ такимъ же, какъ теперь, озлобленіемъ къ «вольнолюбивымъ людямъ», которые «упорно лѣзутъ подъ ноги». «Да! довольно довольно-съ этого одурѣнія»...— это уже говорилось. «Вы мнѣ просто надоѣли своею тупостью и глупостью, и подите вы всѣ къ чорту!»—это въ устахъ Санина не новость...

Читатели могли наглядно убѣдиться, что не напрасно мнѣ вспомнился «человѣчекъ», который въ двухъ словахъ всю суть

Тяпушкину объяснилъ. И въ «Санинѣ» тѣ же два слова мнѣ слышатся: «и намъ»... «Позвольте и намъ предъявить свои, наши, не-мужицкія требованія!»...

Мнѣ нечего говорить о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ раздался этотъ призывъ отвернуться отъ общественныхъ проблемъ и предаться личнымъ наслажденіямъ... Скажу лишь нѣсколько словъ о той средѣ, въ которой появился и дѣйствуетъ Санинъ... Напомню, впрочемъ, опять сначала Базарова.

Базаровъ—это былъ разночинецъ, ворвавшійся въ барскія хоромы. Его дѣдъ дьячекъ, который самъ землю пахалъ, отецъ штабъ-лекаремъ былъ...

— Я у вашего батюшки въ бригадѣ служилъ...—говорилъ онъ Аркалію...—Пульсъ щупалъ... Почтенный былъ человѣкъ, настоящій военный...

— Сознайся, дубина была порядочная,—лѣниво промолвилъ Базаровъ (135—136).

«Дрянь, аристократишки» (54)—съ такимъ отношеніемъ Базаровъ явился въ барскую среду; «барчуки проклятые» (213)—такое впечатлѣніе онъ изъ нея вынесъ. Но и его тамъ встрѣтили, нельзя сказать, чтобы радушно. Сынъ генерала Кирсанова, Павелъ Петровичъ, самый, можно сказать, лучшій продуктъ барства»—«смѣю сказать, меня всѣ знаютъ за человѣка либеральнаго и любящаго прогрессъ», говорилъ онъ—встрѣтилъ «этого волосатаго», какъ онъ съ перваго же взгляда опредѣлилъ Базарова, съ нескрываемою брезгливостью. Черезъ нѣсколько дней она уже перешла въ ненависть.

— Ненавижу я этого лекаришку...—говорилъ онъ (52).

Это были, дѣйствительно, два міра, рѣзко враждебныя отношенія между которыми были совершенно неизбѣжны, понятны и законны. Понятно и то огульное и безпощадное отрицаніе, съ которымъ явился Базаровъ. Да, онъ отрицалъ всѣ «принятыя въ людскомъ быту постановленія»,—вѣдь это же были «ихъ» постановленія, которыя давили «его», разночинца, и всю народную толщу. Немного принесъ съ собою Базаровъ.

— Важно то, что дважды два четыре,—говорилъ онъ,—а остальное все пустяки... (49).

Наука—даже меньше: точное знаніе—это была дубина, которую онъ нашелъ въ барскомъ лѣсу и съ которою явился въ барскія хоромы. Онъ махалъ ею во всѣ стороны и крошилъ все безъ разбору. Поэзія, искусство... Валяй и ихъ.

— По-моему,—говорилъ Базаровъ,—Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ (60).

Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы...

— Подумаешь, сколько иностранныхъ... и безполезныхъ словъ! Русскому человѣку они и даромъ не нужны.

— Помилуйте—логика исторіи требуетъ...

— Да на что намъ эта логика? Мы и безъ нея обходимся.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Вы, я надѣюсь, не нуждаетесь въ логикѣ для того, чтобы положить себѣ кусокъ хлѣба въ ротъ, когда вы голодны. Куда намъ до этихъ отвлеченностей... (56).

Все это барскія затѣи... Однимъ словомъ

— Рѣшился все косить—какъ говорилъ Базаровъ—валяй и себя по ногамъ!.. (149).

Да, Базаровъ дѣйствовалъ, какъ мужики, громившіе въ 1905 г. барскія усадьбы. Онъ крошилъ своей дубиной все безъ разбору.. Но этой же дубиной онъ проложилъ дорогу для сокровищъ общечеловѣческой мысли, расчистилъ почву для великихъ понятій и высокихъ идеаловъ. Для этого, быть можетъ, нуженъ былъ именно такой разночинецъ, какъ Базаровъ.

— Вашъ братъ, дворянинъ,—говорилъ онъ Аркадію,—дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія дойти не можетъ, а это пустяки. Вы, напримѣръ, не деретесь—и ужъ воображаете себя молодцами,—а мы драться хотимъ. Да что! Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ, да ты и не доросъ до насъ, ты невольно любуешься собою, тебѣ пріятно самого себя бранить; а намъ это скучно—намъ другихъ подавай! Намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый; но ты все-таки мякенькій, либеральный баричъ,—*э волату*, какъ выражается мой родитель (213).

Созданныхъ «проклятыми барчуками» постановленій Базаровъ не смелъ,—они до сихъ поръ давятъ и гнетутъ насъ. Но въ дремучемъ лѣсу привычекъ и традицій, въ которомъ жило русское общество, прогалинъ онъ много сдѣлалъ, сѣмена критической мысли далеко забросилъ. Базаровъ—это піонеръ не только русской демократіи, но и разночинной интеллигенціи. Грубый онъ,—но ужъ судьба такая всѣхъ піонеровъ...

И вотъ теперь въ интеллигентную среду является Санинъ... Онъ тоже съ дубиной явился,—тоже съ безпощаднымъ отрицаніемъ. Но что же отрицаетъ онъ? «Постановленія», которыя давятъ и гнетутъ народную массу? Но они уже давно интеллигенціей отринуты... Традиціи, которыя человѣка связываютъ? Но онѣ уже давно въ интеллигентной средѣ критическою мыслью распутаны... Нѣтъ! Санинъ отрицаетъ «великія понятія»—эти «лишь пустыя, ничего не предрѣшающія въ необъятной тайнѣ жизни и смерти комбинаціи словъ и мыслей» (88). Правда, это вложено авторомъ не въ уста Санину, а заброшено въ голову раздвоенному Юрію, но послѣднему это приходитъ въ голову въ ту минуту, когда онъ начинаетъ думать такъ, какъ думаетъ Санинъ.

Я уподобилъ Базарова крестьянамъ-аграрникамъ; если брать сравненія изъ этой сферы, то Санина пришлось бы приравнять къ помѣщикамъ-поджигателямъ Такіе были—можетъ быть, и теперь еще дѣйствуютъ—напримѣръ, въ Тамбовской губерніи. Прямо на

сходахъ объявляли крестьянамъ: вы,—говорятъ,—насъ громите, а мы васъ поджигать будемъ. Читатели, увѣренъ, понимаютъ мою мысль: Базаровъ разгромилъ «ихъ» хоромы, Санинъ явился поджигать «нашу» деревню. Таково его отрицаніе.

Что обѣщаетъ онъ намъ? «Свободную любовь?» удовлетвореніе «естественныхъ желаній?..» Но вѣдь эти же богатства жизни мы давно знаемъ, давно добиваемся ихъ не только для себя, но и для всего народа, давно стараемся перенести ихъ изъ будущаго въ настоящее, сколько только можемъ, сколько только въ силахъ... Вѣдь это же ложь, будто драма, которую приходится переживать сознательному человѣку въ наши дни заключается въ коллизіи плоти и духа. Всестороннее, цѣлостное и гармоническое развитіе личности—и составляетъ то, къ чему стремится интеллигенція. Сущность драмы, которую такъ часто приходиться переживать интеллигенту, заключается въ другомъ—въ коллизіи личнаго счастья и общаго блага. Но эту драму не знаетъ и знать не хочетъ Санинъ.

Базаровъ,—сказалъ я,—въ барскомъ лѣсу выломалъ свою дубину, а Санинъ, быть можетъ, выбралъ ее себѣ въ саду интеллигенціи... «Поизящнѣй» — какъ уже объяснилъ намъ знающій «человѣчекъ»: съ женскимъ тѣломъ явился онъ къ намъ. «Это изъ нашихъ богатствъ»,—можетъ, пожалуй, сказать интеллигенція, такъ же, какъ баринъ могъ сказать то же самое насчетъ науки, съ которой явился Базаровъ...

Незачѣмъ, однако, идти въ чужой садъ, когда то же самое въ своихъ лѣсахъ имѣется,—въ Волошинскихъ и Зарудинскихъ. Наслажденіе «тѣломъ», «голымъ тѣломъ» испоконъ вѣковъ свойственно всѣмъ животнымъ, которыя въ этихъ дремучихъ лѣсахъ водятся. «И намъ»... Не ихъ ли—не этихъ ли животныхъ—Санинъ предъявилъ теперь требованія?

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, его идеологія отличается отъ Зарудинской и Волошинской? Не тѣмъ ли только, что онъ изложилъ ее членораздѣльными звуками? Не тѣмъ ли только, что онъ ее «осозналъ»? Не тѣмъ ли, что онъ предъявилъ ее въ формѣ «требованій?»

Самъ Санинъ въ этомъ именно и видитъ главное различіе. «Потребность и пониманіе наслажденій,—объяснялъ онъ Зарудину,—и есть одна изъ немногихъ чертъ, которыми естественный человѣкъ отличается отъ животнаго. Животныя, чѣмъ больше они животныя, не понимаютъ наслажденій и не способны ихъ добиваться. Они только отправляютъ потребности» (22). А Санинъ понимаетъ ихъ и добивается.

И у автора, какъ ни старается онъ противопоставить Санина Зарудину и Волошину, разница все-таки не очень большая получается. Посмотрѣть — прямо братья, если не родные, то единоутробные. Впрочемъ, можетъ быть, сводные...

«Распущенное человѣческое тѣло,—говоритъ г. Арцыбашевъ про

Волошина,—какъ остріе обнаженнаго нерва, до боли обточенное почти насильственными наслажденіями, мучительно отзывалось на самое слово «женщина». Неизмѣнно голая, неизмѣнно возможная, она стояла передъ Волошинымъ во всѣ мгновенія его жизни, и каждое женское платье, обтянутое на гибкомъ, кругло-полномъ тѣлѣ самки, возбуждало его до болѣзненной дрожи въ колѣняхъ». (153). Можетъ быть, многихъ изъ этихъ словъ нельзя примѣнить къ Санину,—но, вѣдь, и Волошинъ это испорченное уже животное. Суть же, несомнѣнно, та же самая: «неизмѣнно голая, неизмѣнно возможная» она стояла и передъ Санинымъ, и онъ самъ удивлялся бы, если бы у него «при видѣ голой женщины желанія никакого не появлялось».

Правда, и въ Волошинѣ и въ Зарудинѣ наблюдаются неестественныя наклонности: у Зарудина къ садизму, у Волошина ко всякимъ другимъ уродствамъ. Санинъ же представляетъ «естественнаго» человѣка, отстаиваетъ «естественныя желанія». Не въ томъ ли разница? Однако и самъ Санинъ не очень твердъ насчетъ «естественности».

— Вотъ то, что ты беременна... Это, конечно, скверно—говорилъ онъ Лидѣ—во-первыхъ потому, что рожать младенцевъ—дѣло самое прескучное, грязное, мучительное и безсмысленное... (115).

Достаточно этого: «во-первыхъ»... Цѣлую и при томъ громадную область «естественной» жизни—материнство со всѣми его радостями—Санинъ отбрасываетъ подъ видомъ «прескучнаго, грязнаго, мучительнаго и безсмысленнаго дѣла». Даже съ этой стороны богатства человѣческой жизни онъ урѣзываетъ. Въ результатѣ ихъ остается меньше, чѣмъ свойственно нормальному животному;—не больше, чѣмъ доступно «осатанѣвшимъ звѣрямъ»,—Зарудину и Волошину.

Не за нихъ ли—повторяю—говоритъ Санинъ?.. У автора такъ и выходитъ, быть можетъ, помимо даже его воли. Напомню одинъ изъ такихъ случаевъ. Когда выяснилась беременность Лиды, «рядъ комбинацій съ быстротой молніи замелькалъ въ головѣ Зарудина, точно стая юркихъ мышей набѣжала туда. И первая была та, чтобы немедленно развязаться съ Лидой, дать ей денегъ, чтобы она устроила выкидышъ, и покончить исторію. Но хотя онъ считалъ это лучшимъ для себя и необходимымъ, Зарудинъ не сказалъ этого Лидѣ» (108). Членораздѣльныхъ звуковъ не хватило... Они нашлись за то у Санина, онъ развилъ передъ Лидой цѣлую философію.

— У тебя два исхода—сказалъ онъ, сдѣлавъ необходимый приступъ:—или избавиться отъ этого ребенка, никому на свѣтѣ не нужнаго, рожденіе котораго, кромѣ горя, ты сама видишь, никому въ цѣломъ свѣтѣ не приноситъ ничего...

Темный испугъ показался въ глазахъ Лиды.

— Убить существо, которое уже поняло радость жизни и ужасъ смерти—жестоко, убить же зародышъ, безсмысленный комочекъ мяса...

— Не могу... не могу я!—перебила она:—можетъ быть, это и такъ, можетъ быть... но я не могу.. это ужасно!

— Ну, не можешь, ну что-жъ...

. . . . . .

— Когда во время родовъ,—вернулся Санинъ спустя нѣкоторое время къ той же темѣ,—матери грозитъ смерть, разрѣзать на части, четвертовать, раздавить голову стальными щипцами уже живому, готовому закричать ребенку—это не преступленіе!.. Это только несчастная необходимость!.. А прекратить безсознательный, физіологическій процессъ, нѣчто несуществующее, какую-то химическую реакцію,—это преступленіе, ужасъ!.. Ужасъ, хотя бы отъ этого также зависѣла жизнь матери, даже больше, чѣмъ жизнь,—ея счастье!.. Почему такъ?—Никто не знаетъ, но всѣ кричатъ браво! — усмѣхнулся Санинъ.—Эхъ, люди, люди... создадутъ вотъ такъ себѣ призракъ, условіе, миражъ и страдаютъ. А кричатъ: Человѣкъ—великолѣпно, важно, непостижимо! Человѣкъ—царь! Царь природы, которому никогда царствовать не приходится: все страдаетъ и боится своей же собственной тѣни... (116 и 118).

Хорошо говоритъ Санинъ. Выходитъ даже такъ, что если Лида осуществитъ мысль Зарудина, то сдѣлается прямо царицей міра. Самому Зарудину ни въ жизнь бы такъ не сказать.

И нѣтъ, я думаю, ничего удивительнаго, что, когда Санинъ изложилъ, хотя и съ оскорбительными намеками, свою философію Зарудину, то тотъ, недоумѣвавшій въ теченіе разговора, не обидѣться ли ему, въ концѣ-концовъ подумалъ:

— Занимательный парень, чортъ возьми!

И даже почувствовалъ къ Санину «братскую пріязнь и дружбу» (23).

Волошину тоже Санинъ—однимъ своимъ уже видомъ—съ перваго взгляда понравился:

— Интересный типъ... сила, должно быть!—съ искреннимъ расположеніемъ подумалъ онъ (103).

Да, для Зарудина и Волошина Санинъ занимательный, интересный и даже полезный парень. Именно такой человѣкъ теперь, когда они опять могутъ и смѣютъ предъявить свои, не-мужицкія требованія, и нуженъ: сильный, умный, красивый...

Какъ гробъ повапленный... Съ чѣмъ инымъ можно сравнить идеолога стараго, давно разлагающагося міра?

Другимъ путемъ, но опять мы подошли къ Зарудину и Волошину... Да это они находятся на „пупѣ“. И въ „санинцахъ“ они же выпираютъ...

Отъ нихъ слѣдовало бы мнѣ вернуться къ гимназисткѣ, о которой я упомянулъ въ концѣ прошлой статьи,—къ гимназисткѣ, молодость которой совпала съ эпохой, когда на авансценѣ жизни находится свинья, только что правду слопавшая. Но мѣра моей статьи исполнилась, и о «гимназисткѣ» я поговорю, если удастся, особо.

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Литературно-художественные альманахи, изд. „Шиповникъ“. Книга пятая. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Говорить объ этомъ сборникѣ значитъ — говорить о новомъ разсказѣ Леонида Андреева, какъ потому, что все остальное содержаніе книги болѣе чѣмъ незначительно, такъ и потому въ особенности, что новое произведеніе г. Андреева—вещь во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная и своевременно созданная.

«Разсказъ о семи повѣшенныхъ» смѣло вскрываетъ одну изъ самыхъ больныхъ язвъ переживаемаго Россіей историческаго момента, касается того, что терзаетъ и душитъ насъ всѣхъ, какъ злой кошмаръ, темной тѣнью повисшій надъ дѣйствительностью, мысль о чемъ отравляетъ и убиваетъ всякую радость жизни... Врядъ ли, въ самомъ дѣлѣ, можно представить себѣ что-либо ужаснѣе этого законно-организуемаго обществомъ убійства отдѣльныхъ своихъ сочленовъ (людей, большей частью, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ), именуемаго смертною казнью, а мы, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, живемъ въ полосѣ непрерывныхъ ужасовъ этихъ законныхъ убійствъ. Если не ошибаемся, за все 13-лѣтнее царствованіе императора Александра III было казнено въ Россіи всего 26 человѣкъ, а за три только послѣднихъ года, въ эпоху такъ называемаго «обновленнаго строя», у насъ погибло на эшафотѣ, вѣроятно, въ сто разъ большее число людей. Ежедневно, изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, прочитывая газетные отчеты, мы видимъ зловѣщія цифры: три... семь... двѣнадцать человѣкъ... Мы вздрагиваемъ, морщимся отъ внутренней боли и быстро переворачиваемъ газетный листъ, спѣша уйти отъ страшнаго призрака, и молчимъ, упрямо молчимъ... И, что всего ужаснѣе, съ каждымъ днемъ мы, какъ будто, тупѣемъ, привыкаемъ къ невообразимому и незабываемому ужасу, а зловѣщія цифры все тянутся, тянутся, и ихъ черная нить кажется, никогда не оборвется... Не видно конца, нѣтъ исхода!

И вотъ, приходитъ вдумчивый, высокоталантливый художникъ и рисуетъ поразительно-яркую картину законно-творимаго ужаса, глубоко при этомъ анализируя душевное состояніе осужденныхъ, и заставляетъ общество внимательно, пристально остановиться на страшномъ явленіи... Разумѣется, наивно было бы ждать немедленныхъ благодѣтельныхъ результатовъ отъ художественныхъ произведеній, въ родѣ «Послѣдняго дня приговореннаго» Виктора Гюго или «Разсказа о семи повѣшенныхъ» Леонида Андреева, но что, благодаря имъ, мало-по-малу свѣтлѣетъ человѣческое сознаніе, ра-

стетъ въ насъ чувство правды и гуманности,—въ этомъ, думается, нельзя сомнѣваться.

Въ сущности, тема разработана г. Андреевымъ внѣ всякой политики (потому-то она и оказалась «цензурной»), по-андреевски, чисто-психологически. Передъ нами, собственно, картина душевной агоніи не семи только, а восьми человѣкъ, такъ какъ, кромѣ семи повѣшенныхъ, въ разсказѣ фигурируетъ еще министръ, на жизнь котораго подготовлялось предотвращенное полиціей покушеніе... Къ сожалѣнію, психологія министра кажется намъ нѣсколько шаржированной или, вѣрнѣе, недостаточно разработанной; его душевное состояніе было бы понятнѣй и естественнѣй, если бы онъ думалъ: «сегодня покушеніе не удалось, завтра тоже не удастся, но, быть можетъ, послѣ завтра»...

Изъ семи повѣшенныхъ пятеро—политиковъ (двѣ женщины), двое уголовныхъ, и, надо сказать правду, менѣе сложныя фигуры уголовныхъ удались г. Андрееву несравненно лучше. Разбойникъ Цыганокъ прямо великолѣпенъ... Перечислять сильныя, выигрышныя сцены разсказа, въ родѣ послѣдняго свиданія Сергѣя Головина съ родителями (чего стóитъ одинъ отецъ, старый полковникъ!)—безполезно. Это нужно прочесть.

Но мы считаемъ необходимымъ указать и на одинъ крупный недостатокъ разсказа, вытекающій, впрочемъ, изъ общаго свойства Андреева — мыслить реальный міръ и живыхъ людей всегда въ какомъ-то фантастическомъ, неживомъ освѣщеніи. Быть поэтому вполнѣ реальнымъ художникомъ онъ органически не въ состояніи.

Начнемъ съ чисто-внѣшняго замѣчанія. Въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе андреевскаго разсказа,—до сихъ поръ, кажется, ни разу еще не казнили политическихъ вмѣстѣ съ уголовными. Напротивъ, извѣстенъ фактъ, когда въ 1905 году два политическихъ преступника, осужденныхъ по разнымъ дѣламъ, привезены были въ Шлиссельбургъ въ одинъ и тотъ же день и повѣшены одинъ за другимъ на одной и той же висѣлицѣ,—и, однако, были приняты всѣ мѣры, чтобы ни тотъ, ни другой изъ казненныхъ даже и не подозрѣвали о присутствіи рядомъ товарища по ужасной участи!.. Это отступленіе отъ дѣйствительности, въ концѣ-концовъ, разумѣется, не такъ важно, но очень важно, думается, вытекающее изъ него отступленіе психологическое. Вернеръ (политическій) находитъ въ каретѣ, которая должна отвезти его на мѣсто казни, уголовнаго Ивана Янсона,—низкій, животный типъ убійцы, въ которомъ страхъ смерти погасилъ послѣднюю искру разумности. Что̀ долженъ былъ почувствовать Вернеръ, узнавъ объ этомъ неожиданномъ сосѣдствѣ и непрошенномъ товариществѣ? Вѣроятно, прежде всего—дрожь невольнаго отвращенія... Но допустимъ, что высоко развитое чувство гуманности заставило бы его скрыть это первое душевное движеніе, и Вернеръ не показалъ бы самому Янсону и вида, что недоволенъ насильственнымъ общеніемъ

съ нимъ, безконечно ему чуждымъ. Больше того: онъ могъ бы утѣшать Янсона, поддерживать въ немъ мужество, бодрость... Но г. Андрееву всего этого мало. Сидя съ Янсономъ еще въ каретѣ, т. е. черезъ какихъ-нибудь четверть часа знакомства, Вернеръ *„уже любилъ его такъ, какъ никого въ жизни"*.

— Милый,—говоритъ онъ невольному сосѣду,—тебѣ, кажется, неудобно сидѣть? Подвигайся сюда, ко мнѣ.

И почти такое же отношеніе находятъ уголовные въ политикахъ-товарищахъ Вернера, не исключая женщинъ. Чистая, прекрасная Муся, жалѣя Цыганка, даже выбираетъ его себѣ въ смертную пару. «Муся молчала и, въ слабомъ озареніи разсвѣта, лицо ея казалось блѣднымъ и загадочнымъ. Потомъ вдругъ быстро подошла къ Цыганку и, закинувъ руки ему за шею, крѣпко поцѣловала его въ губы».

Вѣроятно, такъ чувствовали и вели себя христіане первыхъ вѣковъ, идя на смертныя муки...

Александръ Ярошко. Разсказы. Спб. 1908. Стр. 331. Ц. 1 р.

У насъ слабо развита областная беллетристика. Мы слишкомъ общи, чтобы спускаться до бытовыхъ конкретностей мѣстной жизни. Съ тѣхъ поръ какъ русская художественная литература сдѣлалась вмѣстилищемъ нашихъ идейныхъ запросовъ и каѳедрой общественнаго поученія, она естественно отвернулась отъ этнографіи. Немногіе изъ писателей, которыхъ стоитъ принимать во вниманіе, относятся съ интересомъ къ своеобразному складу областного быта; одни слишкомъ высоки и не спускаются до фольклора, другіе безсильно копаются въ его сырьѣ, не внося въ его изображеніе никакой творчески обобщающей мысли. Между тѣмъ мѣстный бытъ представляетъ свой интересъ — и всегда любопытно, когда старый наблюдатель дѣлится своими познаніями объ областномъ своеобразіи.

Такого изобразителя, внимательнаго, разносторонняго, болѣе публициста, чѣмъ художника, имѣетъ Крымъ въ лицѣ г. Ярошко. Какъ художественное произведеніе, какъ опытъ того или иного отношенія къ большимъ проблемамъ, его разсказы совершенно незначительны. Но изъ каждаго ихъ слова сквозитъ такое исчерпывающее знакомство съ мѣстными особенностями, съ провинціальной индивидуальностью, что читателя увлекаетъ эта этнографическая картина. Г. Ярошко старается охватить въ своихъ разсказахъ весь Крымъ, отъ блещущаго феерическими красотами южнаго берега до однообразно прекрасныхъ перекопскихъ степей, отъ стародавнихъ обитателей этой много видѣвшей и много пережившей окраины до ея нынѣшнихъ побѣдителей — сановныхъ и богатыхъ людей, дѣлающихъ сезонъ въ Ялтѣ послѣ того, какъ они дѣлали исторію въ Петербургѣ. Въ изображеніи послѣднихъ особенно ярко

видны слабыя стороны автора: ему чужда та привольно-амурная жизнь россійскихъ «верхнихъ десяти тысячъ», которую онъ вздумалъ изображать и изобличать: но общій фонъ, на которомъ рисуется эта праздная, шалая жизнь,—темно-синее небо красавицы Ялты и ея политая подневольнымъ людскимъ потомъ земля, ея народные низы и сутолока ея показного бездѣлья,—все это схвачено живо и красочно. Крымское простонародье, крымскую природу, крымскихъ животныхъ знаетъ и любитъ изображать авторъ.

Пестро здѣшнее сборное населеніе — и г. Ярошко останавливается на разнообразныхъ его представителяхъ, отъ пастуха-малоросса до богатѣющаго нѣмца-колониста, отъ татарина-хлѣбороба до цыганъ-музыкантовъ: типичные мѣстные образы, типичныя отношенія, типичный языкъ, полный характерныхъ новороссійскихъ провинціализмовъ, своеобразныхъ оборотовъ и инородческихъ словечекъ.

Яркихъ человѣческихъ фигуръ не даетъ г. Ярошко, и гораздо лучше, чѣмъ люди, удаются ему животныя; онъ не только знаетъ этотъ міръ, какъ внимательный старожилъ, хуторянинъ и охотникъ: онъ настоящій знатокъ звѣриной психологіи, и схваченные имъ образы полудикихъ степныхъ собакъ гораздо болѣе индивидуальны, ярки и интересны, чѣмъ его сочиненные князья и бароны, какихъ мы знаемъ изъ множества третьестепенныхъ обличительныхъ сочиненій.

Отдѣльно отъ первыхъ трехъ разсказовъ г. Ярошко стоитъ заключающій его книгу очеркъ «Старуха». Тамъ жизнь Крыма изображена въ его спокойной бытовой статикѣ; здѣсь авторъ изображаетъ бурныя событія, потрясшія жизнь мирной и культурной окраины. На долю автора выпала тяжелая удача быть свидѣтелемъ очаковскихъ дней въ многострадальномъ Севастополѣ, и онъ изобразилъ ихъ съ обстоятельностью, которая дѣлаетъ его очеркъ необходимымъ для будущаго историка, да, пожалуй, и для нынѣшняго читателя. Мелодраматическая старуха припутана къ разсказу напрасно; напрасно придана ему беллетристическая форма. Но въ его лирикѣ есть захватъ, и его правда производитъ впечатлѣніе даже тамъ, гдѣ этому мѣшаетъ приподнятость формы.

Августъ Стриндбергъ. Исповѣдь глупца. (Полное собраніе сочиненій, т. I) Издательство „Современныя проблеммы", Москва, 1908. Стр. 333. Ц. 1 р.

Книгоиздательство, выступившее по модному обычаю подъ анонимнымъ названіемъ, не могло бы найти писателя болѣе подходящаго къ девизу «Современныя проблеммы», чѣмъ Стриндбергъ. Вотъ кто въ самомъ дѣлѣ интересовался «современными проблеммами", кто прошелъ чрезъ всѣ ихъ варіаціи, кто рѣзко опредѣлялъ свое отношеніе къ нимъ. Стриндбергъ хорошъ тѣмъ, что всегда

развивался, всегда искалъ чего то, всегда увлекался. Своихъ идей у него нѣтъ; онъ умный и талантливый человѣкъ, но безконечно далекъ отъ геніальности. Зато чужія идеи онъ воспринимаетъ съ чрезвычайной цѣпкостью; онъ не просто вѣритъ въ нихъ—онъ долженъ стать ихъ проповѣдникомъ. Его художественные образы нужны ему только для провозглашенія идей; онъ одинъ изъ самыхъ тенденціозныхъ писателей современности—и если его образы говорятъ подчасъ не то, что ему самому хотѣлось бы сказать ими, то, какъ извѣстно, это слишкомъ часто случается съ талантливыми художниками. Стриндбергъ мѣнялъ міровоззрѣнія, какъ мѣнялъ призванія—былъ онъ и живописцемъ, и актеромъ, и публицистомъ: такимъ же образомъ былъ онъ и піетистомъ, и скептикомъ, и матеріалистомъ. Ницшеанцемъ онъ—какъ и многіе—былъ до Ницше; но именно поэтому здѣсь, въ философіи аристократическаго индивидуализма, онъ нашелъ свое послѣднее убѣжище.

Продѣлалъ Стриндбергъ разные этапы развитія также въ томъ вопросѣ, которому посвященъ нынѣ переведенный на русскій языкъ его романъ. Шведскій писатель не сразу сталъ тѣмъ изступленнымъ женоненавистникомъ, какимъ онъ является въ этой нашумѣвшей книгѣ. Нѣкогда мысль о болѣе низкомъ душевномъ развитіи женщины все еще соединялась у него съ нѣкоторымъ преклоненіемъ предъ материнствомъ. Здѣсь уже ничего этого нѣтъ. Здѣсь все полно ненависти, голой, изступленной, подчасъ смѣшной въ нелѣпостяхъ несправедливости. Герой, отъ имени котораго ведется—весьма автобіографическая—«Исповѣдь глупца» не вполнѣ обыкновенный человѣкъ. Онъ выдающійся ученый, труды котораго увѣнчаны одобреніемъ соотвѣтственныхъ круговъ; онъ замѣчательный поэтъ, драматургъ и романистъ, чуть не создавшій эпоху въ шведской литературѣ. Онъ благороденъ и самоотверженъ, какъ можетъ быть только человѣкъ, разсказывающій о себѣ хорошее, чтобы сказать о другомъ дурное; его интересы разнообразны, его чувства глубоки; онъ созданъ для того, чтобы быть хорошимъ мужемъ, хорошимъ отцомъ, достойнымъ членомъ общества. И вотъ, онъ влюбляется въ женщину, чужую жену. На первыхъ порахъ ему кажется, что ему нужна ея душа; дальше онъ самъ уже знаетъ, что ему нужно было тѣло; все прочее было производное. Изображеніе этой женщины сдѣлано съ тѣми грубыми преувеличеніями, которыя бьютъ дальше цѣли и разрушаютъ тонкое сооруженіе, изъ мельчайшихъ фактовъ, намековъ и подозрѣній сплетенное обвинителемъ. Эта женщина становится его женой — и здѣсь начинается адъ. Она пошла, она ничтожна, она расточительна, она полна непонятныхъ привязанностей, которыхъ не раздѣляетъ мужъ. она измѣняетъ ему со всѣми—съ его знакомыми, съ случайными встрѣчными, съ лакеями, съ неизвѣстными ему содержанцами, наконецъ, съ женщинами. Все это разсказываетъ онъ, приводя въ доказательство чрезвычайно ничтожные факты—все больше подо-

зрѣнія, которыя въ совокупности превосходно рисуютъ широкую картину болѣзненнаго сосредоточенія мысли на одной, ничѣмъ не подтверждаемой мысли. Все это время жена то бросаетъ мужа, то соединяется съ нимъ, сохраняя надъ нимъ свою громадную власть. Все это, изображенное съ глубокой художественной постепенностью и конкретностью, съ массой интереснѣйшихъ деталей, осложняющихъ вопросъ служитъ для автора доказательствомъ приближенія эпохи пагубнаго матріархата. Женщина—это низшая раса; никогда, за ничтожнѣйшими исключеніями, она не принимала участія въ цивилизаторской дѣятельности рода человѣческаго. Эта низшая раса готовится къ смертельной борьбѣ—и можетъ стать побѣдительницей. «И когда я только подумаю, что снова могутъ возвыситься эти представители бронзоваго вѣка, эти зоологическіе люди, полуобезьяны, эти орды дикихъ звѣрей, то во мнѣ возмущается моя мужественность, и какъ ни странно звучитъ это, я исцѣляюсь тогда отъ болѣзни, внушенной мнѣ отвращеніемъ къ сопротивленію женщины, въ духовномъ отношеніи стоящей ниже меня, но превосходящей по абсолютному отсутствію моральнаго чувства».

И авторъ вступаетъ въ эту борьбу, и пишетъ книги, которыя—въ лучшемъ случаѣ—говорятъ о нѣкоторыхъ слабыхъ мужчинахъ и нѣкоторыхъ дурныхъ женщинахъ, но прежде всего позволяютъ утверждать, что онъ не судья въ этомъ дѣлѣ. Было бы интересно, если бы какой-нибудь писатель съ дарованіемъ—хотя бы и не съ талантомъ Стриндберга—попытался написать въ отвѣтъ другую, параллельную книгу — исповѣдь этой самой «жены глупца». Несомнѣнно, пользуясь всѣми данными романа Стриндберга, не извращая ничего, не скрывая ни одного факта, но только иначе освѣщая ихъ, автору этой книги удалось бы показать, что все зданіе обвиненія покоится на болѣзненной предвзятости обвинителя. Раздраженный, неустойчивый, подозрительный, своенравный, онъ, конечно, могъ довести и болѣе твердую въ правилахъ женщину до тѣхъ нелѣпостей, въ которыхъ онъ ее обвиняетъ и въ которыхъ она даже подчасъ признавалась ему. Но подслѣдственное признаніе только въ формальномъ судѣ считалось исчерпывающимъ доказательствомъ; на дыбѣ и не то взвалишь на себя; а тутъ была не только пытка; тутъ, несомнѣнно, возможно было и то безконечное презрѣніе къ обвинителю, при которомъ признаніе было только формой издѣвательства.

Едва-ли кого-либо убѣдитъ тенденція романа Стриндберга; но всякаго убѣдитъ жизненность его произведенія,—конечно, не въ томъ, чего добивался авторъ. Самое важное то, что, если женщины въ самомъ дѣлѣ низшая раса, то даже въ качествѣ таковой онѣ должны имѣть право дѣлать свою исторію; мы вѣдь не отрицаемъ этого права за дикарями, и ученый этнографъ, какимъ изображенъ герой Стриндберга, тоже, вѣрно, не отрицаетъ его. Въ

противномъ случаѣ русское географическое общество—объ этомъ разсказано въ романѣ—едва-ли удостоило бы его своей медали.

Очень жаль, что любопытный романъ Стриндберга изуродованъ плохимъ переводомъ.

Н. Карѣевъ. Западно-Европейская абсолютная монархія 16, 17 и 18 вѣковъ. Спб., 1908. Цѣна 1 р. 25 к..

Его-же. Происхожденіе современнаго народно-правового государства. Спб., 1908. Цѣна 2 р. 25 к.

Послѣ изданія своего большого труда «Исторія Западной Европы въ новое время» проф. Карѣевъ предпринялъ рядъ типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта, имѣя въ виду главнымъ образомъ цѣли самообразованія учащейся молодежи. Проф. Карѣевъ намѣчаетъ нѣсколько такихъ типовъ, и каждому изъ нихъ посвящена отдѣльная книжка. Первымъ изъ такихъ типологическихъ обзоровъ была книга, посвященная «государству-городу античнаго міра», вторымъ—книга «о монархіяхъ древняго Востока и греко-римскаго міра». Въ первой изъ нихъ изображена эволюція государства-города, какъ характерной для античнаго міра формы политическаго устройства. Одной изъ руководящихъ идей всего историческаго построенія этой книги была мысль о параллеляхъ, которыя можно провести между соціально-политической эволюціей древнихъ и современныхъ народовъ (полная противоположность извѣстному взгляду Фюстель-де Куланжа). Во второй книгѣ, проф. Карѣевъ прослѣдилъ историческую преемственность всемірныхъ монархій. Древнія великія монархіи, начиная съ фараоновскаго Египта и кончая Римской имперіей, представлены здѣсь, какъ другой типъ государственнаго устройства, при чемъ половина книги занята Римской имперіей, на которую авторъ смотритъ, какъ на преемницу и продолжательницу универсальной эллинистической монархіи Александра Македонскаго. Третій курсъ («Помѣстье-государство и сословная монархія») посвященъ среднимъ вѣкамъ. И здѣсь изображена эволюція двухъ соціологическихъ типовъ, двухъ особенныхъ политическихъ формъ, въ которыя вылилась исторія средневѣковаго Запада: феодальная сеньерія, съ ея политической и соціальной сторонами, выросшая на почвѣ феодализма, и сословно-представительная монархія, господствовавшая въ Западной Европѣ преимущественно въ 14—15 вѣкахъ.

Исходя изъ основныхъ положеній спеціально конструированнаго имъ типологическаго изученія исторіи, проф. Карѣевъ выпустилъ недавно одновременно два новыхъ типологическихъ обзора. Примыкая къ первымъ тремъ, они находятся въ близкой связи и между собою, такъ какъ въ одной книгѣ дана общая характеристика западно-европейскаго абсолютизма, съ его результатами во всѣхъ сторонахъ исторической жизни, а въ другой—представленъ

генезисъ конституціоннаго государства, смѣнившаго на Западѣ абсолютизмъ.

Эпоха абсолютизма на Западѣ была, до нѣкоторой степени, возвращеніемъ къ политическимъ формамъ императорскаго Рима. Поэтому, съ точки зрѣнія типологическихъ категорій, книга объ абсолютной монархіи 16—18 ст. близко примыкаетъ ко второму курсу—«О монархіяхъ древняго Востока»: родственные типы, при всей своей хронологической отдаленности. О т. н. «старомъ порядкѣ» написано очень много въ трудахъ, касающихся отдѣльныхъ странъ, но въ литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, разсматривающаго старый порядокъ съ точки зрѣнія типологической. Въ этомъ отношеніи книга проф. Карѣева является очень полезнымъ пособіемъ для общаго знакомства съ порядками и принципами абсолютизма на Западѣ, и для сравненія этихъ порядковъ съ обширными бюрократическими деспотіями Египта, Римской имперіи и Византіи.

Старый порядокъ въ разныхъ странахъ Западной Европы (Франція, Испанія, Австрія, Пруссія, итальянскія и германскія княжества, Данія, Швеція) изучается авторомъ по отдѣльнымъ рубрикамъ. Первое мѣсто здѣсь занимаютъ династическая политика и національные интересы. Послѣ характеристики внѣшней политики абсолютныхъ монархій авторъ переходитъ къ изображенію придворнаго быта,—который онъ называетъ главнымъ средостѣніемъ между монархомъ и остальнымъ государствомъ, — выясняетъ законодательную и судебную дѣятельность стараго порядка, финансы и военное дѣло, отношеніе абсолютныхъ правительствъ къ экономической жизни общества и къ другимъ сторонамъ культурной жизни. Въ книгѣ дано много обобщеній и сопоставленій.

Послѣдняя книга—о «происхожденіи современнаго народно-правового государства» посвящена авторомъ «бывшимъ товарищамъ, членамъ I-й Государственной Думы». Та же общая идея типологическаго изученія, которая была положена въ основу другихъ курсовъ, примѣняется въ этомъ сочиненіи къ конституціонному государству. Свое изложеніе проф. Карѣевъ сконцентрировалъ на трехъ основныхъ чертахъ современнаго государства: на исторіи индивидуальной свободы, гражданскаго равноправія и народнаго представительства. Содержаніемъ книги и служитъ изображеніе эволюціи этихъ трехъ существенныхъ особенностей конституціоннаго государства. И въ этой книгѣ не событія, а политическія формы и идеи—на первомъ планѣ.

Излагая происхожденіе представительныхъ учрежденій на Западѣ въ средніе вѣка и переходя къ эпохѣ абсолютной монархіи, сокрушившей на континентѣ Европы былыя общественныя вольности, авторъ особенно подчеркиваетъ въ книгѣ важность изученія англійскаго парламента, который благополучно пережилъ «натискъ» абсолютизма, окрѣпъ въ борьбѣ съ нимъ и выковалъ новыя права. Англійскій парламентъ сдѣлался образцомъ для другихъ конститу-

ціонныхъ учрежденій. Вотъ почему исторію развитія современнаго конституціоннаго строя авторъ начинаетъ съ изображенія англійской конституціи и съ ея теоретическаго обоснованія. Выяснивъ яркую роль англійскихъ политическихъ ученій 17 в., авторъ посвящаетъ отдѣльную главу французскимъ политическимъ ученіямъ 18 вѣка и переходитъ къ первому по времени демократическому государству новой исторіи—къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Историческое значеніе французской революціи 1789 г. выяснено въ книгѣ сжато, но очень обстоятельно. Читатель обратитъ вниманіе, при чтеніи этой главы, на характеристику различныхъ политическихъ партій въ эпоху революціи и на анализъ французскихъ декларацій правъ (особенно стр. 167 и дальше).

Вся вторая половина книги посвящена 19 вѣку: исторіи введенія представительныхъ учрежденій, политической борьбѣ въ эпоху реставраціи, демократическимъ и соціальнымъ движеніямъ въ 1-й половинѣ 19 вѣка и конституціонному движенію въ разныхъ странахъ во второй половинѣ 19 вѣка, до 70 годовъ. И въ этой книгѣ—много интересныхъ сопоставленій, много обобщающихъ идей, такъ какъ авторъ широко освѣщаетъ соотвѣтственные факты изъ исторіи всѣхъ западно-европейскихъ странъ.

Для каждаго интеллигентнаго читателя этотъ историческій очеркъ конституціонныхъ учрежденій и ученій до середины 19 вѣка представитъ большой интересъ, особенно въ настоящее время. Въ русской литературѣ—это единственное сочиненіе, дающее въ научной, популярной и сжатой формѣ изложеніе эволюціи конституціонныхъ идей и учрежденій.

В. М. Устиновъ, И. Б. Новицкій и М. Н. Гернетъ. Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. Общедоступные очерки съ предисловіемъ профессора В. М. Хвостова, изданіе II, исправленное и дополненное. Москва. 1907. стр. VIII+255.

Настоящая книжка является, въ сущности, второй частью или дополненіемъ къ общей теоріи права проф. Хвостова. Обѣ книги въ совокупности составляютъ курсъ того законовѣдѣнія, которое въ настоящее время введено въ программы средней школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ являются пособіемъ, необходимымъ «каждому мыслящему русскому гражданину въ переживаемую нашимъ отечествомъ эпоху». Разбираемая нами книга посвящена спеціально тремъ важнѣйшимъ отраслямъ русскаго права. Особенное затрудненіе для составителя представляло, конечно, русское государственное право, такъ какъ здѣсь въ формѣ элементарнаго учебника приходилось излагать въ высшей степени спорные институты русской дѣйствительности, менѣе всего способные дать стройную юридическую систему. Конституціонное самодержавіе, 87 статья основныхъ законовъ и актъ 3 іюня 1907 г.,

основныя права россійскихъ гражданъ и наличность отрицанія этихъ правъ въ силу стараго полицейскаго законодательства,—все это пункты, которые легко укладываются въ историческое изображеніе послѣднихъ событій, но очень трудно умѣщаются въ рамки конституціонной теоріи. И нельзя сказать, чтобы г. Устиновъ особенно удачно разрѣшилъ свою задачу. Онъ предпочелъ фикцію конституціонности анти-конституціонной дѣйствительности, и въ силу этого впалъ въ нѣкоторыя умолчанія, которыя не могутъ быть особенно полезны съ педагогической точки зрѣнія. Если же припомнить, что книжка г.г. московскихъ приватъ-доцентовъ имѣетъ въ виду «каждаго мыслящаго русскаго гражданина», то тогда умолчанія г. Устинова становятся еще болѣе непонятными. Вѣдь всякій ученикъ можетъ узнать изъ газетъ, что актъ 3 іюня 1907 г. совершенно не соотвѣтствуетъ въ порядкѣ изданія нашимъ основнымъ законамъ, а ежедневная практика—къ несчастью, также и повсемѣстная — каждому младенцу раскрываетъ глаза на основныя «права» россійскихъ гражданъ, на неприкосновенность ихъ личности—передъ безотвѣтственной властью, на святость ихъ собственности—во время обысковъ и усмиреній, на право свободнаго передвиженія—въ чертѣ осѣдлости и т. д. И если г. Устиновъ еще рѣшается на утвержденія, что правамъ русскихъ гражданъ «не соотвѣтствуютъ сохранившіяся по прежнимъ законамъ права разныхъ административныхъ властей», то изъ его изложенія совершенно невидно того обще-извѣстнаго факта, что эти права въ Россіи существуютъ только на бумагѣ... Вмѣсто правъ свободы было бы полезнѣе изложить права несвободы и дѣйствующее положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, со всѣми ея аттрибутами. Не мѣшало бы упомянуть также, что самый законъ объ охранахъ у насъ непрерывно дѣйствуетъ уже болѣе десяти лѣтъ...

Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго въ Германіи. Подъ ред. и съ предисл. **Павла Гере.** Пер. съ нѣм. Э. Бернштейнъ Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1908.

«Издавая это новое сочиненіе,—пишетъ въ предисловіи извѣстный соціалдемократическій дѣятель Пауль Гере,—я преслѣдую цѣль весьма серьезную: я хочу возможно глубже и шире распространить свѣдѣнія о дѣйствительной жизни современнаго пролетаріата, къ тому же описанной самими пролетаріями». Книжка представляетъ собою автобіографію фабричнаго рабочаго Теодора Бромме, который разсказываетъ свою жизнь съ дѣтства до сорокалѣтняго возраста. Много пришлось испытать ему на своемъ вѣку, онъ былъ и кельнеромъ въ ресторанѣ, и рабочимъ на фабрикѣ пуговицъ, работалъ и въ древообрабатывающей промышленности, и въ производствѣ издѣлій изъ металла. Способный и дѣльный рабочій, трезвый и хозяйственный Бромме все же находился всегда въ

крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ и вынужденъ былъ переходить съ одного предпріятія въ другое въ поискахъ за лучшимъ заработкомъ.

Однако, едва ли мы имѣемъ передъ собой обыкновеннаго, типичнаго необученнаго рабочаго, какъ утверждаетъ Гере. Съ одной стороны, по своей интеллигентности Бромме несомнѣнно стоитъ значительно выше средняго уровня рабочей массы. Это человѣкъ съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь, безъ предразсудковъ, человѣкъ развитой и начитанный, отдающій послѣднія деньги, на покупку классиковъ и новѣйшихъ произведеній литературы, вызывая этимъ упреки со стороны жены за такую расточительность въ то время, когда у дѣтей нѣтъ платьевъ. А съ другой стороны, Бромме въ сущности лишь случайно, въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, попалъ въ ряды фабричныхъ рабочихъ. При своихъ способностяхъ и любви къ знанію онъ могъ бы достигнуть гораздо большаго; и, дѣйствительно, онъ посѣщалъ гимназію, гдѣ прилежно занимался латинскимъ языкомъ и другими предметами, и долженъ былъ въ будущемъ—такъ, по крайней мѣрѣ, желала его мать—стать учителемъ. Но тутъ произошла катастрофа. Пріятель его отца, приказчикъ колоніальной лавки былъ обвиненъ въ хищеніяхъ товара, отца же Бромме привлекли къ суду въ качествѣ укрывателя, хотя онъ не былъ ни въ чемъ повиненъ. Онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію. Въ результатѣ отецъ лишился мѣста на желѣзной дорогѣ, выстроенный имъ незадолго до этого домъ былъ проданъ за долги, и семья очутилась безъ средствъ; мальчикъ вынужденъ былъ бросить ученіе и искать работы, чтобы поддерживать мать и младшихъ дѣтей.

Къ сожалѣнію, о другихъ рабочихъ, товарищахъ и вообще окружающихъ разсказчика лицахъ сообщается довольно мало, и свѣдѣнія эти весьма отрывочны и случайны. Въ противоположность другимъ описаніямъ подобнаго же рода (см., напр., Кольбъ. «Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ»), здѣсь все вниманіе сосредоточено на одной личности Бромме, и поэтому сдѣлать какіе либо общіе выводы объ условіяхъ жизни рабочихъ въ Германіи на основаніи этой книжки не представляется возможнымъ. Для этого необходимо было бы провести различіе и по отдѣльнымъ производствамъ, ибо положеніе нѣмецкихъ рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности (напр., металлургической и текстильной) далеко не одинаково. Но изданная Гере книжка не старается выяснить этихъ различій.

Переводъ сдѣлалъ г. Бернштейнъ недурно.

М. А. Курчинскій. Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни. Спб., 1907. Библіотека Самообразованія 1907. Выпускъ 6.

Авторъ — какъ онъ указываетъ въ предисловіи — «не столько задавался цѣлью представить какіе-либо новые факты или цифры изъ области городского хозяйства, сколько дать общій сжатый очеркъ развитія идей муниципальнаго соціализма въ связи съ развитіемъ городской жизни вообще».

Эта цѣль вполнѣ достигнута; книжка написана весьма содержательно и даетъ ясную картину городского строя и городского хозяйства. Авторъ воспользовался почти всѣми наиболѣе важными изслѣдованіями, касающимися вопросовъ городской жизни. Давъ общую характеристику городовъ въ различныя эпохи, въ древности, въ средніе вѣка, въ новое время на основаніи статьи Бюхера, онъ касается затѣмъ вопроса о причинахъ роста городовъ и т. наз. отхода изъ селъ. Послѣднее явленіе начинается, впрочемъ, еще до XIX вѣка и до возникновенія крупной промышленности. Артуръ Юнгъ еще въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка вычислилъ, что Лондонъ содержитъ $^1/_6$ всего населенія Англіи и утверждалъ, что въ цвѣтущихъ странахъ половина населенія живетъ въ городахъ.

Въ слѣдующихъ главахъ г. Курчинскій останавливается на сущности муниципальнаго соціализма и на вызвавшихъ его въ жизни экономическихъ условіяхъ, при чемъ подчеркиваетъ, что между программами чисто соціалистическихъ и иныхъ прогрессивныхъ партій не обнаруживается значительной разницы въ этомъ отношеніи. Онъ излагаетъ систему городского самоуправленія на Западѣ и у насъ: въ то время какъ Западъ идетъ по направленію къ всеобщему избирательному праву, у насъ Городовое положеніе 1892 г. сузило даже то трехклассное, созданное по примѣру Пруссіи, представительство, которое существовало при Александрѣ II. Полный индифферентизмъ избирателей, абсентеизмъ гласныхъ, которые думаютъ только о своемъ карманѣ, а вовсе не объ интересахъ города, являются результатомъ-дѣйствія такой избирательной системы въ городахъ, при которой дума представляетъ собою «не болѣе, какъ клубъ избираемыхъ лицъ», и ни о какомъ городскомъ самоуправленіи не можетъ быть рѣчи. М. А. Курчинскій приводитъ въ этомъ отношеніи весьма любопытныя данныя.

Удивительно-ли при подобнаго рода условіяхъ, что въ противоположность широкой плодотворной дѣятельности западно-европейскихъ городовъ, о которой краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры сильнаго пониженія смертности,—въ нашихъ городахъ «въ сущности нѣтъ никакого благоустройства», какъ это устанавливаетъ авторъ на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ въ изданіи центральнаго статистическаго комитета: «Города Россіи въ 1904 году». Оказывается (на основаніи этой книги), что у насъ до сихъ поръ въ 117 уѣздныхъ и даже въ 7 губернскихъ горо-

дахъ нѣтъ совершенно мощеныхъ улицъ. Имѣется 193 населенныхъ пункта, въ которыхъ улицы не освѣщаются совсѣмъ. Трамваи (съ конной тягой, электрическіе и т. д.) насчитываются всего въ 55 городахъ, а водопроводы отсутствуютъ еще въ 23 губернскихъ городахъ, не говоря уже объ уѣздныхъ и прочихъ. Любопытенъ и тотъ фактъ, что многіе русскіе города на образованіе вообще не отпускаютъ изъ своихъ средствъ ни копѣйки.

Г. Курчинскій справедливо заключаетъ, что, «не имѣя самыхъ примитивныхъ гигіеническихъ удобствъ, наши города совершенно лишены въ своей массѣ возможности думать о какихъ-либо болѣе сложныхъ вопросахъ своего внутренняго уклада», и трудно сказать при такихъ условіяхъ, что «должно быть поставлено въ нашихъ городахъ въ первую очередь». Впрочемъ, и въ настоящее время можно «намѣтить одинъ пунктъ, безъ измѣненія котораго совершенно невозможенъ въ нихъ никакой прогрессъ. Это измѣненіе основы нашего городского самоуправленія». Безъ этой реформы, безъ всеобщаго избирательнаго права халатное отношеніе городскихъ управленій къ интересамъ жителей и даже прямыя злоупотребленія (при сдачѣ подрядовъ, вплоть до подкуповъ) останутся еще надолго характерными явленіями русской жизни.

В. В. Громанъ. Организаціи работодателей въ Германіи. Изданіе Общества заводчиковъ и фабрикантовъ. Спб. 1908.

Названіе книжки г. Громана не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію: разсматриваются не нѣмецкія организаціи предпринимателей вообще, а лишь одна сторона ихъ дѣятельности—борьба съ рабочими, тогда какъ другая сторона—борьба съ потребителемъ въ видѣ ограниченія конкуренціи, регулированія производства и товарныхъ цѣнъ—совершенно оставлена безъ вниманія. Авторъ разсматриваетъ цѣлый рядъ пріемовъ, практикуемыхъ предпринимателями по отношенію къ рабочимъ, которые онъ объединяетъ подъ общимъ названіемъ: «средства защиты интересовъ работодателей отъ посягательства на нихъ со стороны рабочихъ». Онъ затрагиваетъ при этомъ нѣсколько интересныхъ вопросовъ объ организаціи бюро указаній труда, о системахъ локаутовъ, о защитѣ желающихъ работать, объ отношеніи къ различнаго рода союзамъ (соціалдемократическимъ, съ одной стороны, гиршъ-дункеровскимъ, съ другой, наконецъ къ такъ называемымъ желтымъ союзамъ), объ охранѣ интересовъ пивоваровъ при бойкотированіи пива и т. д. Но было бы напрасно искать въ книгѣ какой-либо ихъ разработки: дѣло ограничивается большей частью однимъ лишь краткимъ изложеніемъ различнаго рода мѣропріятій, безъ критической оцѣнки ихъ, безъ установленія собственной точки зрѣнія.

Такой задачи авторъ себѣ, повидимому, и не ставилъ. Цѣль его ограничивалась сообщеніемъ того, что сдѣлано предпринимате-

ями въ Германіи «въ совмѣстной борьбѣ противъ домогательствъ рабочихъ союзовъ и противъ посягательства послѣднихъ ограничить свободу предпринимателя въ установленіи такихъ условій найма, которыя самъ промышленникъ, по соображеніямъ состоянія данной отрасли промышленности и положенія своего предпріятія, считаетъ единственно возможными и пріемлемыми» (стр. 1). Изъ этой фразы уже выясняется точка зрѣнія г. Громана: онъ смотритъ на предпринимателя, какъ на неограниченнаго властелина у себя на фабрикѣ, какъ на «господина въ своемъ домѣ»—какъ выражаются нѣмцы,—который односторонне устанавливаетъ условія найма и не терпитъ никакого вмѣшательства въ свои распоряженія. Если рабочіе недовольны предлагаемыми имъ условіями, пускай не нанимаются къ нему. Умрутъ-ли они съ голоду или нѣтъ—это вѣдь его, предпринимателя, не касается.

Книжка г. Громана издана «Обществомъ заводчиковъ и фабрикантовъ въ С.-Петербургѣ», которое въ предпосланномъ ей обращеніи къ читателямъ усердно рекомендуетъ ее всѣмъ работодателямъ въ качествѣ необходимаго справочника, обращаясь къ чувству солидарности русскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ и приглашая къ образованію и въ Россіи союзовъ работодателей для борьбы съ рабочими. Конечно, въ капиталистическомъ хозяйствѣ ассоціаціи работодателей,—явленіе вполнѣ естественное. Предприниматели имѣютъ такое же право объединяться, какъ и рабочіе. Въ передовыхъ странахъ западной Европы и Америки какъ организаціи предпринимателей, такъ и союзы рабочихъ стали дѣйствительно нормальными факторами соціальной жизни. Но совершенно иначе дѣло обстоитъ у насъ, гдѣ правительство проводитъ рѣзкое различіе между тѣми и другими союзами: если на отдѣльныхъ предпринимателей, какъ и на союзы ихъ, оно смотритъ до сихъ поръ, какъ на благодѣтелей рода человѣческаго, независимо отъ того, какъ живутъ ихъ рабочіе и по какимъ цѣнамъ сбываются товары, то всякая попытка рабочихъ организоваться разсматривается какъ большее или меньшее поползновеніе подкопаться подъ государственные устои. При такихъ условіяхъ, когда свобода союзовъ для рабочихъ крайне стѣснена, едва-ли есть основаніе приглашать работодателей къ объединенію для борьбы съ рабочими, руки которыхъ связаны. Наши заводчики и фабриканты и такъ достаточно пользовались этимъ, достаточно прибѣгали къ вооруженной силѣ для подавленія стачекъ, устраивали локауты и многое другое. Конечно, и изъ книжки г. Громана они могли бы усмотрѣть, что многія крупнѣйшія организаціи работодателей въ Германіи, по примѣру англійскихъ и американскихъ фабрикантовъ, признаютъ рабочіе союзы и находятъ переговоры съ ними, а не съ отдѣльными рабочими, по поводу условій труда, единственно цѣлесообразными. Но едва-ли эта сторона дѣла остановитъ на себѣ ихъ вниманіе.

Давидъ Юмъ. Діалоги о естественной религіи съ приложеніемъ статей: о самоубійствѣ и о безсмертіи души. Пер. съ англійскаго С. М. Роговина. М. 1908. VI+193 стр. Ц. 1 р. 50 к.

С. М. Роговинъ. Деизмъ и Давидъ Юмъ. (Анализъ „Діалоговъ о естественной религіи"). М. 1908. 88 стр. Ц. 75 к.

Въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ студентамъ, изучающимъ философію, нерѣдко дается тема: рѣшить, кто выше—Юмъ или Кантъ. Юмъ и Кантъ, дѣйствительно, являются, какъ-бы, двумя сопряженными вершинами новой философіи. Самъ Кантъ признаетъ что Юмъ «пробудилъ его отъ догматическаго сна», но сторонники Канта прибавляютъ къ этому, что Кантъ «преодолѣлъ» скептицизмъ Юма, а почитатели Юма заявляютъ, что дѣйствительно-цѣнные элементы критицизма Канта коренятся въ Юмѣ.

Но habent sua fata libelli, и поэтому судьба Канта и Юма весьма не одинакова: въ то время, какъ Канту посвящена громадная литература и существуетъ даже спеціальный журналъ «Kantstudien», занятый изученіемъ Канта, литература, посвященная Юму, сравнительно, весьма не велика. Спеціально у насъ, въ Россіи, Юма знаютъ очень мало. И лишь въ самое недавнее время появились у насъ два цѣнныя изданія, знакомящія русскаго читателя съ Юмомъ. Это, о первыхъ, переводъ юмовскаго «Inquiry» (сдѣланный С. Церетели) и, во-вторыхъ, капитальный трудъ г. Виноградова «Философія Давида Юма» (пока появился лишь первый томъ этой работы).

Теперь къ этимъ работамъ присоединяются двѣ книги, заглавіе которыхъ выписано нами выше. Собственно говоря, это не двѣ книги, а одна, лишь, «въ силу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ», раздѣленная на двѣ, ибо книжка г-на Роговина «Деизмъ и Давидъ Юмъ», какъ говоритъ самъ авторъ, «задумана и выполнена въ качествѣ предисловія» къ его переводу «Діалоговъ» Юма.

Свои мысли о естественной религіи Юмъ счелъ нужнымъ изложить въ формѣ бесѣды между тремя лицами: сторонникомъ философіи Локка, сторонникомъ философіи Декарта и Мальбранша и скептикомъ. Къ этому Юма побудило, между прочимъ, нежеланіе ставить точку надъ і, нежеланіе слишкомъ откровенно высказывать свои «зловредныя» мнѣнія передъ «чернью». Въ силу тѣхъ-же соображеній онъ и не издалъ своихъ діалоговъ при своей жизни, а завѣщалъ издать ихъ послѣ смерти, при чемъ, предвидя, что издателя не такъ легко будетъ найти, онъ завѣщалъ для поощренія издателей извѣстную сумму; но и при всемъ этомъ, его «Діалоги» были изданы съ нѣкоторымъ затрудненіемъ.

Форма діалоговъ повела къ тому, что между учеными возникло разногласіе по вопросу о томъ, устами кого изъ бесѣдующихъ говоритъ самъ авторъ. Г. Роговинъ, въ согласіи съ проф. Паульсеномъ, вполнѣ справедливо полагаетъ, что героемъ діалоговъ, устами котораго говоритъ Юмъ, является «скептикъ», хотя, по внѣшности, весьма часто торжествуетъ «сторонникъ Локка». Дѣло объясняется

тѣмъ, что «скептикъ», борясь на два фронта, поочередно является союзникомъ то одного, то другого изъ своихъ собесѣдниковъ. Но «скептикъ» наноситъ одинаково сильные удары и сторонникуапріорнаго доказательства бытія Бога, и сторонникуэмпирическаго доказательства. Основной доводъ сторонника эмпирическаго доказательства это—указаніе на цѣлесообразное устройство міра: пресловутое разсужденіе о томъ, что, видя цѣлесообразно-устроенную машину или домъ, мы не сомнѣваемся, что они созданы согласно нѣкоторому разумному предначертанію, и что, слѣдовательно, видя цѣлесообразно-устроенную вселенную, мы обязаны допустить существованіе нѣкотораго разумнаго строителя вселенной.

Противъ этого довода «скептикъ» возражаетъ указаніемъ на то, «съ какой крайней осторожностью подвигаются впередъ всѣ надлежащимъ образомъ разсуждающіе, перенося сдѣланные опыты на сходные случаи. Если только случаи не сходны до точности, они не питаютъ совершенной увѣренности, прилагая свои прежнія наблюденія къ какому-либо частному явленію. Каждое измѣненіе обстоятельствъ вызываетъ сомнѣніе въ исходѣ, и требуются новые опыты, чтобы съ достовѣрностью доказать, что новыя обстоятельства не имѣютъ никакого значенія или важности» (Діалоги, стр. 34). Далѣе «скептикъ» протестуетъ противъ того пріема мышленія, когда «дома, корабли, утварь, машины» сравниваются со вселенной, и продолжаетъ: «Мышленіе, умыселъ, интеллигенція, — какъ мы находимъ ихъ въ людяхъ и другихъ животныхъ,—суть не болѣе какъ одно изъ началъ и принциповъ вселенной точно такъ-же, какъ тепло и холодъ, притяженіе или отталкиваніе и сотни другихъ, каждодневно наблюдаемыхъ. Оно есть дѣятельная причина, въ силу которой, находимъ мы, нѣкоторыя особыя части природы производятъ измѣненія въ другихъ частяхъ. Но можетъ ли заключеніе съ какой-либо правильностью быть перенесено отъ части къ цѣлому?.. Но даже соглашаясь съ тѣмъ, что намъ не возбраняется принимать *дѣйствія* одной части природы на другую за основаніе для сужденія о *происхожденіи* цѣлаго (что никогда не можетъ быть допущено), чего ради избирать столь незначительный, столь слабый, столь ограниченный принципъ, какимъ оказывается разумъ или умыселъ животныхъ на этой планетѣ? Что за особой привилегіей обладаетъ это незамѣтное колебаніе мозга, которое мы называемъ мышленіемъ, вслѣдствіе чего мы должны сдѣлать его прообразомъ всей вселенной?» (l. c. стр. 34—35).

Читатель видитъ, что «скептикъ» Юма привелъ въ опроверженіе «сторонника Локка» самые сильные доводы, какіе только могъ привести человѣкъ, не могшій еще пользоваться доводами эволюціонной философіи, такъ легко и просто объяснившей «цѣлесообразность» въ природѣ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

А. М. Ѳедоровъ. Степь сказалась. Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. 2-е. Москва. 1908. Ц. 1 р.

Дм. Милинъ. Бюрократы. Романъ. Трилогія. II. Карьера. Спб. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Передъ закатомъ. Съ приложеніемъ неизданныхъ стихотвореній прежнихъ лѣтъ и портрета автора. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Н. Н. Трубицынъ. Одинъ изъ восьмидесятниковъ—Надсонъ. Варшава. 1908.

Г. А. Бахчисарайцевъ. Высшее коммерческое образованіе. Спб. 1908. Ц. 40 к.

К. Чуковскій. Леонидъ Андреевъ большой и маленькій. Спб. Т-во „Издательское бюро". 1908. Ц. 80 к.

А. Музыченко. На пути къ демократизаціи школы. (Оттискъ изъ «русской школы»). Спб. 1907.

Ѳ. С. Рыбаковъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета. Современные писатели и больные нервы. Психіатрическій этюдъ. Москва. 1908. Ц. 40 к.

На очереди. Сборникъ статей М. Брагина, Д. Кольцова, Л.—двига, В. Левицкаго, Е. Маевскаго, Н. Ортодоксъ, Пилецкаго, Е. Чарскаго. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Л. М-въ. Русскій народъ и евреи. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Программы домашняго чтенія. Первый выпускъ систематическаго курса. Изд. 8-е исправленное и дополненное. М. Ц. 35 к.

Н. Валентиновъ. Философскія построенія марксизма. Діалектическій матеріализмъ, эмпиріомонизмъ и эмпиріокритическая философія. Критическіе очерки. Книга 1-я. Изд. книжнаго магазина, «Сотрудникъ провинціи». Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Борьба за землю. Сборникъ подъ редакціей К. Качоровскаго. Томъ I. Общее введеніе. Часть I. Захватъ, капиталъ и трудъ въ земледѣліи и землевладѣніи. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Кононъ Долинъ. Коллекція разсказовъ для интеллигенціи. I. Фантазеръ. Казань. Изд. В. Н. Фроммерта. Ц. 15 к.

М. Б. Въ свѣтѣ правды. Москва. 1908 Ц. 35 к.

Петръ Клунный. Право оканчившихъ курсъ учительскихъ институтовъ на высшее образованіе. Справочная книжка. Спб. 1908.

Шарль Бодлэръ. Цвѣты зла. Пер. Эллиса. Съ вступительной статьей Теофиля Готье и предисловіемъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Бодлэра. Книгоиздательство Заратустра. Москва. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Н. А. Малиновскій. Систематическій указатель книгъ. Выпускъ I. Всеобщая и русская исторія. Спб. 1908. Ц. 20 к.

П. И. Кубасовъ. О микробѣ брюшного тифа. Ташкентъ. 1908.

П. И. Кубасовъ. О микробахъ палюдизма. Ташкентъ. 1908.

А. Ремизовъ. Часы. Романъ. Книгоиздательство „Eos". 1908. Ц. 1 р.

Ив. Кукулеско. Элементарный курсъ качественнаго анализа для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 24 рисунками. Кіевъ. 1908. Ц. 60 к.

Густавъ Френссенъ. Полное собраніе сочиненій Томъ I. Іернъ Уль. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Дм. Милина. Спб. Ц. 2 р.

А. Мертваго. Въ туманѣ нашей намѣчающейся культуры. Москва. 1908. Ц. 50 к.

А. Е. Грузинскій. Литературные очерки. Дантъ, Шиллеръ, Гейне, Амброзіусъ, Имп. Екатерина, Жуковскій, Глинка, Тургеневъ, Толстой. Москва. 1908. Ц. 1 р.

В. Шулятиковъ. Оправданіе капитализма въ западно-европейской философіи (отъ Декарта до Маха). „Московское книгоиздательство". Москва. 1908. Ц. 1 р.

Я. Берманъ. Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія. „Московское книгоиздательство". Москва. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

В. Гриневичъ. Профессіональное

движеніе рабочихъ въ Россіи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

Падшій херувимъ. Въ поискахъ за человѣкомъ. Ц. 60 к. Кіевъ. 1908.

В. М. Гессенъ. Исключительное положеніе. Спб. Изд. Юрид. книжнаго склада „Право". Ц. 2 р.

В. М. Гессенъ. О неприкосновенности личности. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Григорій Виленкинъ. Государственный и экономическій строй современной Японіи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

С. В. Востратинъ. Сѣверный морской путь и Челябинскій тарифный переломъ въ связи съ колонизаціей Сибири. Выпускъ I. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Бернаръ Лазаръ. Общественные идеалы еврейскаго народа. Пер. съ французскаго. Спб. 1908. Ц. 10 к.

С. Орловскій. Клубы мальчиковъ въ Стокгольмѣ. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1907. Ц. 15 к.

М. Клечковскій. Современное воспитаніе и новые пути. Изд. И. Горбунова-Посадова. М. 1907. Ц. 40 к.

П. Лакомбъ. Пер. съ французскаго. Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1908. Ц. 30 к.

О. Шапиръ. Чужой. Повѣсть. Съ рис. художн. В. Спасскаго и Н. Богатова. Изд. редакціи журнала „Юная Россія". М. 1908. Ц. 35 к.

О. Шапиръ. Сонина клятва. Повѣсть. Съ рисунками худ. К. Н. Фридберга. Изд. редакціи журнала „Юная Россія". М. 1908. Ц. 30 к.

Проф. Линдеманъ. Форма и спектръ атомовъ. Одесса. 1907. Ц. 20 к.

Проф. Мультонъ. Эволюція солнечной системы. Одесса. 1908. Ц. 50 к.

А. В. Клоссовскій, засл. проф. Физическая жизнь нашей планеты на основаніи современныхъ воззрѣній. 2-ое изд. Одесса. 1908. Ц. 40 к.

Проф. Ветгэмъ. Современное развитіе физики. Одесса. 1908. Ц. 2 р.

Проф. Роки. Современная теорія физическихъ явленій. Одесса. 1908. Ц. 1 р. Изданіе „Mathesis".

Проф. Арреніусъ. Образованіе міровъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. К. Д. Покровскаго. Одесса. 1908. Ц. 1 р. 75 к.

Лакуръ и Аппель. Историческая физика. Вып. II, III, IV. Одесса. 1908.

Борисъ Журавлевъ. Зыбь. Разсказъ. Спб. 1908. Ц. 25 к.

Александръ Ону. Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

М. А. Энгельгардтъ. Вредныя и благородныя расы. Спб. 1908. Ц. 15 к.

I. Baudouin de Courtenay. Wsprawie porozumienia siç Ludòn Slowianskich. Warszawa. 1908.

Е. Р. Шепердъ. Молодымъ дѣвушкамъ и матерямъ для дочерей. Пер. съ англ. Е. А. Дунаевой. Изд. „Посредника". Москва. 1908. Ц. 45 к.

Е. Ельманова. Нашъ плодовый садикъ. Библіотека И. Горбунова-Посадова. М. 1908. Ц. 25 к.

Е. Ельманова. Нашъ огородъ. Библіотека И. Горбунова-Посадова. М. 1908. Ц. 20 к.

Е. Ельманова Нашъ ягодный садикъ. Библіотека И. Горбунова-Посадова. М. 1908. Ц. 18 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Пламенный кругъ. Стихи. Книга 8-я. Изд. журнала „Золотое Руно". М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Программы и правила для лицъ, ищущихъ званія гражданскаго фельдшера, акушерки-фельдшерицы, повивальной бабки 1-го и 2-го разряда. Условія поступленія. Указатель учебниковъ и руководствъ. Составилъ Е. Конъ. Изд. „Сотрудника". Кіевъ. 1908. Ц. 50 к.

Программы и правила для лицъ, ищущихъ званія зубного врача. Составилъ Е. Конъ. Изд. „Сотрудника". Кіевъ. 1908. Ц. 40 к.

Przeglad bibljoteczny. Tom. I. Warszawa. 1908.

Отчетъ уполномоченнаго министерства внутреннихъ дѣлъ по снабженію продовольствіемъ въ 1905 г. Колымскаго и Охотскаго края. Мирового судьи С. А. Бутурлина.

Сергѣй Штейнъ. Славянскіе поэты. Переводы и характеристики. Спб. 1908. Стр. X+230. Ц. 1 р.

С. Гурвичъ. Записки еврейскаго мальчика (на евр. языкѣ). Вильна. 1908. Ц. 30 к.

Д. П. Тихомировъ. Матеріалы для библіограф. указателя произведеній Н. П. Огарева и литературы о немъ. Спб. 1908. Стр. 35.

Проф. Ушинскій. Лекціи по бактеріологіи. Одесса. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Случайныя замѣтки.

Искъ о наслѣдствѣ. Не такъ давно вышла новая книга г. Мережковскаго: «Не миръ, но мечъ», съ подзаголовкомъ: «Къ будущей критикѣ христіанства». Весьма разнообразные сюжеты затронуты въ ней. Есть тутъ и странствованіе по безграничнымъ пространствамъ «метафизически предѣльнаго Я и не-Я», есть обличеніе древняго аскетизма, есть полемика спеціально съ Серафимомъ Саровскимъ, попадаются изрѣдка весьма ветхія истины, мѣстами впрочемъ ярко и выпукло выраженныя, гораздо больше парадоксовъ, еще больше того шаманства, о которомъ мнѣ пришлось говорить въ прошломъ номерѣ «Р. Б.»... Все это въ сущности мало прибавляетъ къ тому, что уже извѣстно о русскихъ декадентахъ вообще и о г. Мережковскомъ въ частности. Но помимо всего этого, есть и нѣчто новое, на чемъ, мнѣ кажется, не лишне остановиться, какъ на характерномъ признакѣ времени.

Г. Мережковскій начинаетъ заявленіемъ, что Богъ умеръ. Правда, «умеръ Богъ въ человѣчествѣ, но не въ человѣкѣ, въ обществѣ, но не въ личности, во всѣхъ но не въ каждомъ». Въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ крѣпко страхъ смерти, жажда жить послѣ смерти. Этимъ отличается человѣкъ отъ животныхъ. И вотъ почему: «человѣкъ религіозное животное». А все-таки во всемъ человѣчествѣ Богъ умеръ, религія исчезла. Но она возродится. И возродитъ ее «только будущій анархистъ, человѣкъ послѣдняго бунта, послѣдняго отчаянія». Дальше идетъ много скачковъ и прыжковъ возлѣ словъ: анархизмъ, соціализмъ, христіанство, космосъ, логосъ, церковь, религія, царство. Открываются попутно совершенно неизвѣстные доселѣ факты: напр., «церкви никогда не было; христіанство нецерковно»... И въ концѣ концовъ выходитъ, что церковь, никогда не бывшая, будетъ и врѣжется въ исторически-реальное человѣчество, какъ въ живое тѣло врѣзается мечъ. Въ доказательство же, что случится именно такъ, а не иначе приводятся евангельскія слова: «не миръ принесъ, но мечъ». На этомъ умышленномъ созвучіи метафоръ и сравненій съ евангельскимъ текстомъ путешествіе г. Мережковскаго по безграничнымъ пространствамъ оканчивается. Слѣдить за нимъ, пока онъ внѣ сферы земного притяженія,—трудъ безполезный, да и невозможный. Въ сущности тутъ у него, что ни слово, то либо загадка, либо каламбуръ, либо прямо-таки фальшь. Ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, Богъ умеръ во всемъ человѣчествѣ, живя въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ? Съ чѣмъ это сообразно? Почему нежеланіе умирать свойственно только человѣку? Развѣ муха въ этомъ смыслѣ менѣе «религіозна»? И почему «христіанство не церковно»? На какомъ основаніи смѣшиваются въ одну кучу весьма многіе и часто весьма враждебные другъ другу виды историческаго христіанства?.. У г. Мережковскаго собственная исторія, собственная

соціологія, собственная логика... И слѣдить за его воздушными полетами, повторяю, невозможно.

Но вотъ онъ спускается на землю и въ главѣ «Революція и религія» ставитъ вопросъ: «имѣетъ ли русская революція религіозный смыслъ». И прежде чѣмъ отвѣтить, открываетъ новую соціологическую аксіому: «монархія, единовластіе отражаетъ во внѣшнихъ государственныхъ формахъ внутреннюю религіозную потребность человѣческаго духа, потребность Божескаго Единства—Единобожія». Правда, во Франціи эта аксіома уже перестала быть аксіомой. «Франція объявила себя антихристіанской» и не желаетъ больше воплощать идею «Единобожія» въ своихъ государственныхъ формахъ. Не имѣетъ силы только что открытая аксіома и вообще въ Западной Европѣ. Да и не «существовалъ никогда въ Западной Европѣ» абсолютизмъ «въ томъ особенномъ религіозномъ смыслѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ Россіи» *)... «Вотъ почему западно-европейскіе монархи могли быть ограничены народнымъ представительствомъ». Въ Россіи же совсѣмъ наоборотъ. «Теперешніе сознательные вожди революціи ничего не смогутъ отвѣтить на этотъ религіозный вопросъ, потому что для нихъ революція внѣ религіи, для нихъ такъ же легко сказать—нѣтъ Бога, какъ—нѣтъ царя». Но народъ, именно русскій народъ, стоять внѣ религіи не захочетъ и не сможетъ.

— Позвольте, г. Мережковскій только что объявилъ, что религія умерла именно въ народѣ, во «всѣхъ», въ человѣчествѣ и живетъ только въ «каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ». Почему же теперь оказывается, что въ народѣ религія жива, а въ отдѣльныхъ людяхъ, въ «вождяхъ революціи», ея нѣтъ?

Но не будетъ останавливаться на мелочахъ. Все это лишь присказки,—сказка впереди. Итакъ, «революція внѣ религіи», «религіознаго смысла» въ ней нѣтъ? Погодите, у г. Мережковскаго есть и еще аксіома: въ Россіи среди народа началось со временъ раскола «отрицаніе града настоящаго, т. е. государственности, какъ начала антирелигіознаго, утвержденіе града грядущаго, т. е. безгосударственной религіозной общественности»; это и «есть движущая сила всего великаго расколо-сектантства,—этой религіозной революціи, которая рано или поздно должна соединиться съ нынѣ совершающейся въ Россіи революціей соціально-политической». Вотъ оно куда пригодился брошенный мелькомъ во время странствій по безграничности «будущій анархистъ, человѣкъ послѣдняго бунта, послѣдняго отчаянія», на котораго г. Мережковскій возложилъ обязанность воскресить умершаго Бога. Правда, когда г. Мережковскій спустился на землю, то оказалось, что «анархистъ» вовсе не «будущій», ибо существуетъ со временъ патріарха Никона, и Богъ вовсе не умеръ. Но опять таки это сравнительно мелочь Передъ нами болѣе основное недоразумѣніе: какимъ образомъ объявленная

*) Мы уже замѣтили, что у г. Мережковскаго собственная исторія.

аксіомой № 1 «религіозная потребность» «отразить *въ государственныхъ формахъ*» единобожіе, превратилась по аксіомѣ № 2 въ «отрицаніе государственности, какъ начала антирелигіознаго»?

Видите ли, расколо-сектантская, она же религіозная, революція не успѣла соединиться съ «нынѣ совершающейся революціей соціально-политической» на страницѣ 51. Но на страницѣ 57 «религіозное и революціонное (политическое) движеніе русскаго общества, дотолѣ разъединенныя, соединились въ декабрьскомъ бунтѣ». А соединились потому, что «наиболѣе сознательные и творческіе вожди декабристовъ—Раевскій, Рылѣевъ, кн. Одоевскій, Фонъ-Визинъ, баронъ Штейнгель, братья Муравьевы и многіе другіе вышли изъ мистическаго движенія предшествующей эпохи. Подобно народнымъ сектантамъ и раскольникамъ, все это люди, настоящаго града не имѣющіе, грядущаго града взыскующіе». Но мы уже знаемъ, по комментаріямъ г. Мережковскаго, что «настоящаго града» надо понимать: «т. е. государственности, какъ начала антирелигіознаго», а «грады грядущаго»,—«т. е. безгосударственной религіозной общественности»... И, такимъ образомъ, Раевскій, Рылѣевъ, Муравьевы, и всѣ другіе «наиболѣе сознательные и творческіе вожди декабристовъ» отнынѣ, по волѣ г. Мережковскаго объявлены анархистами, и притомъ вышедшими изъ «мистическаго движенія». Виднѣйшимъ же представителемъ политическаго элемента въ «декабрьскомъ бунтѣ» былъ «человѣкъ такого ума и такой душевной силы, какъ Пестель-атеистъ *). Но *онъ и не русскій; по крови и по духу, онъ чистый нѣмецъ*» (стр. 57. Курсивъ мой—А. П.).

Родоначальники, такимъ образомъ, найдены. Остается распредѣлить потомство по этимъ двумъ ясно намѣченнымъ линіямъ родства. Гоголь, напримѣръ... «Смѣхъ Гоголя—разрушающій, революціонный и въ то же время творящій, религіозный; отрицаніе мертваго града человѣческаго есть утвержденіе живого града Божьяго». И почему бы не назвать смѣхъ Гоголя религіознымъ? Вѣдь этотъ эпитетъ можно отнести ко всякому вообще дѣлу человѣческому, совершонному во имя высшихъ цѣлей. И сопоставленіе на счетъ «града мертваго» и «града Божьяго» брошено какъ бы вскользь, мелькомъ, въ видѣ тавтологическаго образа къ словамъ—«разрушающій» и «творящій». Но именно изъ такихъ какъ бы случайныхъ и ненужныхъ тавтологій, при помощи именно такого употребленія слова «религіозный» въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ, и получается нужный г. Мережковскому выводъ:

«Художники такого классическаго совершенства, какъ Брюсовъ, Сологубъ, З. Гиппіусъ,—единственно законные наслѣдники великой русской поэзіи отъ Пушкина до Тютчева». А законные потому, что «ихъ искусство—религіозный искусъ», «ихъ стихи—дневники самыхъ упорныхъ и опасныхъ религіозныхъ исканій».

---

*) Не забудьте, что, по словамъ г. Мережковскаго, человѣкъ безъ религіи, безъ Бога, не отличается отъ животнаго.

Въ самомъ дѣлѣ,—кто теперь всего упорнѣе трактуетъ о религіозныхъ, литургическихъ и иныхъ тайнахъ?. «Русскіе декаденты». Кто именуется мистическими анархистами? Опять-таки «русскіе декаденты». Значитъ, ясно, что линія родства отъ *русскаго* человѣка и мистическаго анархиста Рылѣева черезъ Пушкина, Тютчева, Гоголя естественно завершается *русскимъ* же декадентомъ и мистическимъ анархистомъ Ѳедоромъ Сологубомъ. Въ виду столь важнаго родства не будетъ неожиданностью, если кстати и между прочимъ произвести г. Сологуба въ чинъ «художника классическаго совершенства». Отъ чистаго же нѣмца Пестеля и потомство пошло нѣмецкое, годное лишь для политической революціи. Руководимое этимъ потомствомъ русское политическое движеніе «съѣдало русскую культуру, какъ соленый вѣтеръ на морскихъ прибрежьяхъ. Образовалось политическое подвижничество, своего рода монашескій орденъ для борьбы... въ наукѣ, искусствѣ, философіи, религіи отметалось все, что не соотвѣтствовало прямымъ цѣлямъ этой борьбы; всякая попытка отойти отъ нея осуждалась, какъ измѣна и предательство». Духовное потомство Пестеля создало цензуру «общественную, революціонную, очень зоркую и мѣткую», столь же «безпощадную», какъ и цензура правительственная (стр. 99). Эта линія родства въ концѣ концовъ завершилась именно тѣми вождями нынѣшней революціи, которые не могутъ отвѣтить народу на религіозный вопросъ, и для которыхъ революція внѣ религіи.

Чужды и непонятны народу потомки Пестеля. Иная судьба русскихъ декадентовъ. Такъ, однажды ночью за Волгою на Свѣтломъ озерѣ, гдѣ находится невидимый градъ Китежъ, г. Мережковскій почувствовалъ, «какъ самыя личныя, тайныя, одинокія мысли наши могли бы сдѣлаться всеобщими, всенародными; не только средній русскій интеллигентъ, поклонникъ М. Горькаго, но и такіе русскіе европейцы, какъ М. Ковалевскій или Милюковъ, ничего не поняли бы въ нашихъ мысляхъ, а простые мужики и бабы понимали»... «Намъ (т. е. декадентамъ) не зачѣмъ было идти къ народу; онъ самъ шелъ не къ намъ, а къ нашему; онъ былъ сами мы въ нашей первой религіозной стихіи». Вотъ почему «декадентство есть начало новой общественности, узкій подземный ходъ въ темное звѣздное небо всенародной, вселенской стихіи» (стр. 107—108). И выходъ въ темное небо вселенской стихіи уже открытъ. Открылся онъ, между прочимъ, «въ теченіе двухъ зимъ въ залѣ географическаго общества», когда происходили «собранія подъ именемъ религіозно-философскихъ» съ участіемъ «великаго, можетъ быть, величайшаго изъ современныхъ русскихъ писателей» г. Розанова, самого г. Мережковскаго и другихъ. На этихъ собраніяхъ «осуществилась въ Россіи, наканунѣ политической революціи, первая точка революціи религіозной» (стр. 113).

Читатель, пожалуй, все-таки затрудняется связать концы съ концами. Среди народа есть потребность воплотить въ государственныхъ формахъ единобожіе. Среди народа есть расколо-сектант-

ское движеніе, представляющее собою не что иное, какъ мистическій анархизмъ. Положимъ, моментальное превращеніе всего русскаго «расколо-сектантства» въ мистическій анархизмъ есть не что иное, какъ фокусъ. Такъ же приходится назвать и моментальный подмѣнъ церковнаго авторитета власти мистическою, извѣчною потребностью народа воплотить единобожіе. Но, повторяю, допустимъ, что г. Мережковскій искренно вѣритъ въ реальность собственныхъ фантазій. И, все-таки, откуда же сила «вождей политической революціи», разъ у нихъ нѣтъ корней въ народѣ? Какъ примирить стремленіе православнаго народа къ единовластной государственности съ мистическимъ анархизмомъ народа расколо-сектантскаго? Г. Мережковскій, видимо, чувствуетъ, что дѣло неладно. И на стр. 115, предварительно оглушивъ читателя «царствомъ Человѣкобожества», «царствомъ Богочеловѣчества», ставитъ робкое предположеніе: «если бы даже въ самой (православной) церкви произошло раздѣленіе, и одна часть примкнула» къ вождямъ политической революціи, то «достаточно двухъ-трехъ мучениковъ» за идею земного единобожія, и весь православный народъ «встанетъ, какъ разслабленный съ одра болѣзни» и «осуществитъ такую реакцію, такой терроръ, что передъ нимъ поблѣднѣютъ всѣ ужасы нынѣшнихъ черныхъ сотенъ». «Тогда народу будетъ предстоять окончательный выборъ». «Тогда и революція сойдетъ съ теперешней плоскости своей, соціально-политической, въ глубину религіозную». Тогда и выступятъ «избранные» народа русскаго, «всѣ настоящаго града не имѣющіе, грядущаго взыскующіе». «Тогда Россія выйдетъ изъ православной церкви и самодержавнаго царства во вселенскую церковь единаго первосвященника... Тогда скажетъ весь русскій народъ вмѣстѣ со своими избранными: «да пріидетъ царствіе Твое»... (стр. 116—117). Стремленіе воплотить на землѣ идею единобожія, такимъ образомъ, сольется съ анархизмомъ въ нѣкоторой туманности, представляющей намекъ на вселенскую теократію. Тогда выходъ русскихъ декадентовъ подъ звѣздное небо вселенской стихіи окончательно совершится. Для этого, вѣдь, потребовалось только робкое предположеніе «если бы даже» незамѣтно замѣнить категорическимъ утвержденіемъ «это будетъ». А затѣмъ стоитъ лишь угрозы прокламацій союза русскаго народа признать несомнѣнною истиною, и чтобъ перепрыгнуть отъ торжества православнаго монархизма къ торжеству мистико-анархической вселенской теократіи для г. Мережковскаго вполнѣ достаточно словъ: «религіозная глубина».

Хорошія это слова! Куда угодно можно идти съ ними. Хочешь объявить Гоголя декадентомъ,—очень просто: назови его смѣхъ религіознымъ. Хочешь отнести Салтыкова къ числу потомковъ Пестеля,—опять-таки просто: говори, что онъ не религіозенъ. Или, можетъ быть, понадобится Салтыкова объявить тоже декадентомъ. Это еще проще, — ибо смѣхъ Салтыкова столь же религіозенъ, какъ и смѣхъ Гоголя: тотъ и другой, вѣдь, звучатъ сквозь неви-

димыя міру слезы во имя высшихъ цѣлей. Можно открыто признать религіозность Бѣлинскаго, Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева. Можно открыто назвать ихъ нерелигіозными. Можно кого угодно причислить къ лику «русскаго декадентства», и кого угодно отринуть. Даже Пестель, хотя онъ и «атеистъ»... Развѣ атеизмъ, въ высшемъ значеніи этого слова, не есть религія? Во «мгновеніе ока» можно Пестеля перекрасить изъ нѣмцевъ въ русскіе, и онъ станетъ такимъ же русскимъ декадентомъ, какъ и баронъ Штейнгель. Собственно, карьерѣ Пестеля въ данномъ случаѣ много мѣшаетъ «Русская Правда». Все-таки неловко завѣдомаго государственника называть мистическимъ анархистомъ. Но если бы понадобилось, онъ такъ же отлично будетъ походить на Валерія Брюсова и Зинаиду Гиппіусъ, какъ и Пушкинъ. Ко всему на свѣтѣ можно приложить эпитетъ: «религія». А разъ такъ, требуется лишь умѣнье ставить между понятіями, къ которымъ приложенъ этотъ эпитетъ, знакъ равенства. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, вчинить искъ о наслѣдствѣ безъ всякихъ мотивовъ и основаній. И виноватъ ли г. Мережковскій, если онъ, при всей своей несомнѣнной изобрѣтательности, для гг. Брюсова, Гиппіуса, Розанова etc, какъ претендентовъ на «единственно-законное наслѣдованіе», нашелъ только эти резоны?

Резоны г. Мережковскаго, впрочемъ, не отличаются ни особенною новизною, ни оригинальностью. Для нихъ можно бы подыскать кое-какія аналогіи даже въ глубокой древности. Напомню хотя бы знаменитый аргументъ Ивана Грознаго, отыскивавшаго тоже «единственно законное наслѣдованіе» въ Польшѣ. Какъ извѣстно, Грозный, чтобъ обосновать наслѣдственныя права, ссылался на свое происхожденіе отъ Кесаря Августа и короля Пруса. И когда изъ Варшавы посовѣтовали не разсказывать этихъ «московскихъ сказокъ», Грозный побѣдоносно отвѣтилъ: «если ужъ и Пруса не было, откуда Прусская земля пошла?» «Религіозная глубина» въ построеніяхъ г. Мережковскаго играетъ такую же роль, какъ легендарный Прусъ въ догадкахъ Грознаго о происхожденіи Прусской земли. Методологически и то и другое представляетъ игру понятіями, основанную на созвучіяхъ. И аргументація предъявленнаго г-номъ Мережковскимъ иска о наслѣдствѣ есть именно декадентская аргументація, свойственная весьма младенческимъ временамъ и весьма младенческому состоянію умовъ. Это — именно декадансъ, упадокъ, возвратъ къ первобытнымъ пріемамъ мышленія. Это не столько оригинально, сколько слишкомъ старо. Ново лишь самое стремленіе найти свою родословную, отыскать себѣ предковъ,—стремленіе, тѣмъ болѣе оригинальное, или, по крайней мѣрѣ, неожиданное, что, вѣдь, не такъ ужъ давно слышался горделивый «отказъ отъ наслѣдства»: и мы, молъ, сами по себѣ, никакіе предки намъ не указъ»... И тѣмъ знаменательнѣе жажда найти себѣ почетные короны въ прошломъ, что далеко не одному г. Мережковскому она свойственна—онъ лишь

оформилъ и аргументировалъ новѣйшія претензіи многихъ сотоварищей по декадентскому Парнасу.

Быть можетъ, въ основѣ этихъ претензій лежатъ многія и сложныя причины. Думаю, однако, не обошлось тутъ и безъ нѣкотораго легкомыслія, или, по крайней мѣрѣ, непониманія, что наслѣдство обязываетъ и тѣмъ больше обязываетъ, чѣмъ оно значительнѣе. Вотъ г. Мережковскій обѣщаетъ искать «послѣднюю свободу», «послѣднее утвержденіе новой религіозной безгосударственности». Онъ увѣряетъ, будто ему извѣстенъ секретъ какого-то «истиннаго безвластія», которое «есть Боговластіе». И хотя самъ признаетъ, что «слова эти загадочны», но лишь «пока». «Пока» они загадка, но потомъ г. Мережковскій объяснитъ... Попытаемся хотя на минуту признать его наслѣдственныя претензіи основательными. И попробуемъ теперь же обратиться къ г. Мережковскому съ просьбою, — пусть онъ, напр, свой пустопорожній афоризмъ: «истинное безвластіе есть Боговластіе», наполнитъ опредѣленнымъ содержаніемъ и притомъ, разумѣется, сообразно волѣ именно тѣхъ предковъ, коихъ онъ желаетъ быть наслѣдникомъ... Боюсь, для него будетъ просто выгоднѣе отказаться отъ наслѣдства, чѣмъ платить по обязательствамъ.

«Одна голова не бѣдна, а хоть и бѣдна, такъ одна». Плыви, куда хочешь, говори, что вздумается. Выгоды этого совершенно свободнаго отъ обязательствъ состоянія слишкомъ очевидны. Побужденія же, заставлявшія цѣною отказа отъ наслѣдства пріобрѣсти полную, «послѣднюю свободу», нынѣ одними разбиты, другими, которые уже совсѣмъ юны, быть можетъ, не пережиты. Появилось желаніе къ выгодамъ свободнаго отъ обязательствъ состоянія присовокупить почетъ знатнаго родства. Но это сгоряча, не подумавши. Подумаютъ—откажутся. Навѣрное, откажутся.

А. Петрищевъ.

МАГАЗИНЪ ВЫСЫЛАЕТЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ
ЖЕЛАЮЩИХЪ ОЗНАКОМИТЬСЯ
СЪ ВЫБОРОМЪ ВЕЩЕЙ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ
и комнатной обстановки.
АЛЕКСАНДРЪ.
Фабрикантъ зонтиковъ и вѣеровъ, токарныхъ и кожаныхъ издѣлій.
С.-Петербургъ, Невскій просп. д. 11.

Редакторъ-Издатель *Вл. Короленко*.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

STALL
CHANGE